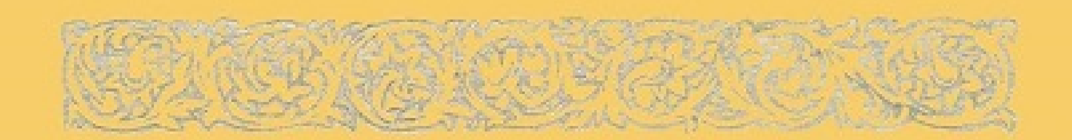
ACADEMIA ROMÂNĂ

DOCUMENTE PRIVIND ISTORIA ROMÂNILOR

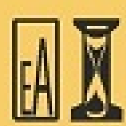
COLECȚIA EUDOXIU HURMUZAKI

Seria a 3-a

VOLUMUL IV

Rapoarte diplomatice ruse din România (1899–1905)
Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1899–1905)

Editori / Редакторы-составители:
Flavius Solomon (editor coordonator),
Andrei Cușco, Grigorii Șkundin, Alexandr Stâkalin
Флавиус Соломон (главный редактор-составитель),
Андрей Кушко, Григорий Шкундин, Александр Стыкалин

EDITURA ACADEMIEI ROMÂNE - EDITURA ISTROS

Rapoarte diplomatice ruse din România (1899–1905)
Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1899–1905)

Editori: Flavius Solomon (editor coordonator), Andrei Cușco, Grigorii Șkundin, Alexandr Stâkalin
Редакторы-составители: Флавиус Соломон (главный редактор-составитель), Андрей Кушко, Григорий Шкундин, Александр Стыкалин

(*Documente privind istoria românilor*

Colecția Eudoxiu Hurmuzaki

Seria a 3-a, Volumul IV)

Documente privind istoria românilor

Colecția Eudoxiu Hurmuzaki

Seria a 3-a

Coordonatori:

Victor Spinei, Ionel Cândea

Volumul IV

Colegiul editorial:

Gheorghe E. Cojocaru, Ioan-Aurel Pop,

Dorina N. Rusu

ACADEMIA ROMÂNĂ, INSTITUTUL DE ISTORIE „A. D. XENOPOL”, IAȘI
ACADEMIA RUSĂ DE ȘTIINȚE, INSTITUTUL DE SLAVISTICĂ, MOSCOVA

РУМЫНСКАЯ АКАДЕМИЯ, ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. Д. КСЕНОПОЛА, ЯССЫ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ, МОСКВА

DOCUMENTE
PRIVIND
ISTORIA ROMÂNILOR

COLECȚIA EUDOXIU HURMUZAKI

Seria a 3-a

Volumul IV

Rapoarte diplomatice ruse din România (1899–1905)
Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1899–1905)

Editori / Редакторы-составители:
Flavius Solomon (editor coordonator),
Andrei Cușco, Grigorii Șkundin, Alexandr Stâkalin
Флавиус Соломон (главный редактор-составитель),
Андрей Кушко, Григорий Шкундин, Александр Стыкалин

EDITURA ACADEMIEI ROMÂNE

EDITURA ISTROS A MUZEULUI BRĂILEI „CAROL I”

București – Brăila
2020

Address: EDITURA ACADEMIEI ROMÂNE
Calea 13 Decembrie, nr. 13, sector 5, 050711, Bucureşti, România
Tel: 4021-3188146; 4021-3188106; Fax: 4021-3182444
Email: edacad@ear.ro

Address: EDITURA ISTROS A MUZEULUI BRĂILEI „CAROL I"
Piaţa Traian, nr. 3, 810153, Brăila, România
Tel./Fax: 0339401002; 0339401003
Email: sediu@muzeulbrailei.ro

Seria *Documenta Diplomatica*
coordonată de Flavius Solomon
II

Volum elaborat parțial în cadrul proiectului PN-III-P1-1.2-PCCDI-2017-0116 (PNCDI III), finanțat de către Ministerul Cercetării şi Inovării din România, CCCDI – UEFISCDI.

Referenți / Рецензенты: Gheorghe Cliveti, Ar. A. Ulunyan, V. B. Kashirin / Г. Кливети, Ар. А. Улунян, В. Б. Каширин

Descrierea CIP a Bibliotecii Naţionale a României
Documente privind istoria românilor : colecţia Eudoxiu Hurmuzaki. –
Bucureşti : Editura Academiei Române ; Brăila : Editura Istros a Muzeului Brăilei "Carol I", 2018-
vol.
ISBN 978-973-27-2942-7
Vol. 4 : Rapoarte diplomatice ruse din România : (1899-1905) / ed.: Flavius Solomon (ed. coord.), Andrei Cuşco, Grigorii Şkundin, Alexandr Stâkalin = **Diplomaticheskie dokumenty rosiiskih predstavitelei v Rumynii : (1899-1905)** / redaktory-sostaviteli: Flavius Solomon (glavnyi redaktor-sostavitel), Andrei Kushko, Grigorii Shkundin, Aleksandr Stykalin. - 2020. - Index. - ISBN 978-973-27-3291-5. - ISBN 978-606-654-415-3

I. Cuşco, Andrei (ed.)
II. Shkundin, Grigorii (ed.)
III. Stykalin, Aleksandr (ed.)

94

Asistent editorial: Mihaela Răducă

Coperta: Ionel Cândea

CUPRINS

СОДЕРЖАНИЕ

NOTĂ ASUPRA EDIȚIEI

Prezentul volum continuă seria *Documenta Diplomatica*, inițiată în 2014 odată cu publicarea unor rapoarte ale trimișilor ruși de la București din perioada 1888–1898[1], prin care se urmărește editarea actelor aparținând reprezentanților Marilor Puteri din România, de la obținerea independenței și până la intrarea țării în Primul Război Mondial. Întârzierea apariției altor volume, cuprinzând rapoarte ale trimișilor sau consulilor ruși din România din anii 1877/78–1916, se explică prin închiderea pentru câțiva ani a Arhivei de Politică Externă a Imperiului Rus de la Moscova (APEIR), ca urmare a unor reparații capitale.

Într-o primă etapă a transcrierii documentelor aferente anilor 1900, 1901, 1902, 1904 și 1905, la care a participat și Anna Rudi[2], au fost folosite copiile păstrate la Arhivele Naționale Istorice Centrale din București (ANIC)[3]. Ulterior, lista actelor referitoare la acești ani a fost extinsă pe baza unor documente originale din fondul *Arhiva Politică* (Политархив) de la APEIR, care nu se găsesc în copie la ANIC, în timp ce actele referitoare la anul 1903 au fost transcrise după originale la APEIR. Acoperirea anului 1899, din care, din păcate, în *Arhiva Politică* s-au păstrat doar câteva acte, a fost posibilă grație unor ciorne și schițe de rapoarte, identificate în fondurile *Legația din București* (Миссия в Бухаресте), respectiv *Biroul românesc* (Румынский стол). Transcrierea documentelor originale de la APEIR aparține lui Flavius Solomon și Grigorii Șkundin (1903), Alexandr Stâkalin și Grigorii Șkundin (1899), iar colaționarea finală a fost efectuată tot de Grigorii Șkundin. Traducerea din limba rusă în limba română a fost făcută, în egală măsură, de Andrei Cușco și Flavius Solomon. La notele de subsol au lucrat Flavius Solomon, Andrei Cușco și Grigorii Șkundin, în timp ce indicele a fost alcătuit de Alexandr Stâkalin.

Apariția volumului nu ar fi fost posibilă fără contribuția unor arhive și institute de cercetare din România și Federația Rusă. În acest sens, gratitudinea editorilor se îndreaptă către Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus de la Moscova, Arhivele Naționale Istorice Centrale din București și Departamentul istorico-documentar al Ministerului de Externe al Federației Ruse. Cu acordul acestuia din urmă, pentru continuarea proiectului editorial amintit, a fost încheiat un acord de colaborare între Institutul de Istorie „A. D. Xenopol" din Iași al Academiei Române și Institutul de Slavistică din Moscova al Academiei de Științe Ruse.

Începând cu prezentul volum, seria *Documenta Diplomatica* devine parte a *Colecției Eudoxiu Hurmuzaki*, coordonată de Victor Spinei și Ionel Cândea.

Flavius Solomon
Iași, august 2020

[1] *Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)*, editori Flavius Solomon, Adrian-Bogdan Ceobanu, Andrei Cușco, Grigorii Șkundin / *Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898)*, издатели Флавиус Соломон, Адриан-Богдан Чеобану, Андрей Кушко, Григорий Шкундин, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2014.

[2] Prin proiectul PN-II-RU-TE-2012-3, *Visions and Perceptions of Romania in the Russian Imperial Discourse and Public Sphere in the Late 19th and Early 20th Century* (director de proiect Andrei Cușco), finanțat de către Ministerul Cercetării din România.

[3] *Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)*, p. 10, 14.

ОТ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий сборник представляет собой второй том серийного издания «Documenta Diplomatica», цель которого – научная публикация дипломатических документов, отражающих деятельность в Румынии представителей великих держав в период времени от завоевания страной независимости вплоть до её вступления в Первую мировую войну. Начало серии было положено в 2014 г. публикацией донесений российских посланников в Румынии в 1888–1898 гг.[1] Задержка с выходом в свет других томов, включающих в себя донесения российских посланников и консулов из Румынии в 1877/1878–1916 гг., объясняется тем, что Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве был закрыт в течение нескольких лет в связи с капитальным ремонтом.

На первом этапе работы при выявлении и переписке для настоящего издания документов, относящихся к 1900, 1901, 1902, 1904 и 1905 гг. (в этой работе принимала участие и Анна Руди[2]), были использованы копии, хранящиеся в Центральном Национальном Историческом архиве в Бухаресте (ANIC)[3]. Впоследствии число документов за указанные годы было расширено за счёт оригиналов дипломатических донесений из фонда «Политархив» в АВПРИ, копии которых отсутствуют в ANIC. Документы же за 1903 г. были выявлены и переписаны с оригиналов, хранящихся в АВПРИ. К сожалению, в фонде «Политархив» сохранилось лишь небольшое количество документов за 1899 год. Этот имевшийся пробел стало возможным заполнить благодаря черновикам и наброскам, выявленным в фондах «Миссия в Бухаресте» и «Румынский стол» (структурное подразделение российского МИД, ведавшее отношениями с Румынией). Выявление и переписка оригинальных документов из фондов АВПРИ были выполнены Флавиусом Соломоном и Григорием Шкундиным (за 1903 г.), Александром Стыкалиным и Григорием Шкундиным (за 1899 г.). Работу по окончательной сверке документов за эти годы проделал Г. Шкундин. Перевод документов с русского языка на румынский осуществили в одинаковом объёме Флавиус Соломон и Андрей Кушко. Над примечаниями к документам работали Ф. Соломон, А. Кушко и Г. Шкундин, а указатель имён и географических названий разработал А. Стыкалин.

Выход сборника документов не был бы возможен без содействия многих архивных и научно-исследовательских учреждений Румынии и Российской Федерации. В силу этого составители хотели бы выразить свою благодарность Архиву внешней политики Российской империи (Москва), Центральному Национальному Историческому архиву (Бухарест) и Историко-документальному департаменту МИД

---

[1] *Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)* / Ed. F. Solomon, A.-B. Ceobanu, A. Cuşco, G. Şkundin / *Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898)* / Изд. Ф. Соломон, А.-Б. Чеобану, А. Кушко, Г. Шкундин. Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza”, 2014.

[2] В рамках проекта PN-II-RU-TE-2012-3, *Visions and Perceptions of Romania in the Russian Imperial Discourse and Public Sphere in the Late 19th and Early 20th Century* (руководитель А. Кушко), поддержанного министерством научных исследований Румынии.

[3] *Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)*, P. 10, 14.

Российской Федерации. С согласия вышеупомянутых архивных ведомств, осуществление настоящего проекта стало результатом соглашения о сотрудничестве между Институтом имени А. Д. Ксенопола Румынской академии (Яссы) и Институтом славяноведения РАН (Москва).

Начиная с настоящего тома, серия «Documenta Diplomatica» является частью «Коллекции Еудоксиу Хурмузаки», проекта, руководимого Виктором Спиней и Ионелом Кындя.

Флавиус Соломон
Яссы, август 2020 г.

STUDIU INTRODUCTIV

Considerații preliminare

În volumul anterior, care a cuprins anii 1888–1898, am discutat deja despre importanța deosebită a documentelor diplomatice pentru cunoașterea nu doar a istoriei relațiilor internaționale în perioada premergătoare Primului Război Mondial, inclusiv din perspectiva interacțiunii dintre Marile Puteri și statele europene naționale emergente, ci și pentru alte aspecte ale istoriei continentale, într-o epocă marcată de schimbări economice, sociale și culturale majore[1]. Încă de la începutul anilor 2000, stimulați mai ales de interesul publicului larg pentru evenimentele de acum un secol, foarte mulți istorici și-au îndreptat privirea către istoria diplomației europene în deceniile premergătoare „marelui război", inclusiv către editarea de surse, rezultând astfel mai multe colecții documentare[2], unele dintre ele publicate în tradiția unor serii cunoscute[3]. Cât de mult influențează discursul public, dar și „turbulențele din mediul politic și ideologic"[4], agenda istoricilor, deci și a editorilor de documente, rezultă inclusiv din *introducerile* la volumele invocate. Pentru spațiul istoriografic rusesc, care ne interesează direct, în sensul discutat aici, am putea să reținem faptul că editorii volumului *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны* și-au motivat demersul nu doar prin nevoia de a „înarma cercetătorii ruși cu surse și materiale de arhivă necunoscute până acum"[5], ci și prin „datoria patriotică" de a contribui la conservarea memoriei celor care și-au apărat patria[6]. Lucrurile nu se prezintă diferit nici în cazul unor tomuri asemănătoare apărute în România, cu observația că aici, spre deosebire de Rusia, „elementul patriotic" al discursului istoriografic, inclusiv editarea de surse diplomatice[7],

---

[1] E. J. Hobsbawm, *The Age of Empire, 1875–1914*, New York, Vintage Books, 1989.

[2] *България в Първата Световна Война. Германски дипломатически документи. Сборник в два тома, 1913–1918 г.*, София, 2002; *Documents diplomatiques français – 1914–1916*, sous la direction de Jean-Claude Montant (1999–2017); *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов*, отв. ред. А. И. Кузнецов, Тула, Аквариус, 2014; *Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One* (8 vol., 2008–2012).

[3] *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* (1926–) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print* (Series A–M); *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch* (fünf Bände); *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914*: *Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*, im Auftrage des Auswärtigen Amtes, 40 Bände (Berlin, 1922–1927); *Documents diplomatiques français. 1871–1914*, ed. par Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914 (Serie I–III, 1929–1959); *I documenti diplomatici italiani* (Serie I–XII); *Международные отношения в эпоху империализма* (în această colecție documentară ar fi trebuit să apară trei serii, cuprinzând anii 1873–1917. Până în 1940, când publicarea documentelor a fost întreruptă, au apărut zece volume din seria III (anii 1914–1917) și trei volume din seria II (anii 1911–1912); *Österreich-Ungarns Aussenpolitik. Von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914*, (acht Bände, 1930) etc.

[4] *Documente diplomatice române*, seria I, volumul 11, 1883, editori Alin Ciupală, Rudolf Dinu, Antal Lukács, București, Editura Academiei Române, 2006, p. VII.

[5] *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны*, p. 7.

[6] *Ibidem*.

[7] De exemplu: *Intrarea României în Primul Război Mondial. Negocierile diplomatice în documente din arhivele ruse, 1914–1916*, editor Vadim Guzun, Cluj-Napoca, Argonaut, 2016.

profită de tentația multor autori pentru aspecte privitoare mai ales la perioada de sfârșit a conflagrației sau la reglementările teritoriale postbelice[8].

Desigur, nu doar ingerințele politice și interesul publicului pentru anumite teme sunt cele care dictează alegerea subiectelor de cercetare de către istorici. Chiar și în perioade în care câmpul istoriografic, inclusiv editarea de surse, era dominat de paradigme ideologice limitative (cum s-a întâmplat și în fostul bloc socialist), cataloagele bibliografice au continuat să se extindă și pe seama unor titluri care țineau mai ales pasul cu nevoia generală de cunoaștere sau de clarificare a unor aspecte de natură metodologică și teoretică. Observația este valabilă și pentru scrierea istorică recentă, când reflexe din perioada totalitară, în special discursul etno-centrist, ies periodic la suprafață, prin manifestări publice sau diverse tipărituri. Drept urmare, intenția de a oferi istoricilor un corpus de documente diplomatice privitoare la relațiile româno-ruse[9] trebuie văzută, în egală măsură, atât ca un exercițiu de abordare exclusiv academică a unor aspecte controversate din istoria comună a două popoare, apropiate nu doar geografic, ci și cu anumite afinități spiritual-confesionale, cât și ca o încercare de a contribui, prin publicarea și discutarea unor surse de arhivă, la dezbaterea academică actuală privind „revoluția diplomatică" din deceniile premergătoare „marelui război".

Analizați în contextul diplomației europene, între Congresul de la Viena (1815)[10] și conflagrația mondială, ultimii ani ai secolului XIX și primii ani ai secolului XX pot fi considerați drept bornă de referință pentru istoria „concertului european"[11]. Indiferent dacă trimit la conflagrația europeană de la 1914–1918 sau la evenimente anterioare acesteia, ca repere cronologice pentru sfârșitul „concertului", majoritatea istoricilor și a politologilor sunt de acord cu faptul că „noua[12] revoluție diplomatică" a fost, mai ales, consecința directă a „modernizării"[13], prin care se înțelege – alături de elemente precum creșterea rolului presei în luarea unor decizii de politică externă, introducerea comunicării rapide (inclusiv a celei codificate) dintre centralele ministerelor de externe și reprezentanțele diplomatice, profesionalizarea treptată a corpului diplomatic – și ascensiunea unor noi ideologii[14], mai cu seamă

---

[8] A se vedea, de pildă: Maria Alexandra Pantea, *Relatări din Primul Război Mondial prezentate în presa ecleziastică din Banat*, București, Tritonic, 2017; Seria documentară *Ziarele românești despre Unirea Basarabiei, Bucovinei și Transilvaniei*, coordonată de Marius Diaconescu.

[9] Primul volum s-a bucurat de o receptare pozitivă din partea criticii istoriografice. A se vedea, de pildă, recenziile В.И. Косик, în „Славяноведение", 2017, nr. 1, p. 107–108, Svetlana Suveică, în „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", 2017, nr. 3, p. 23–24, Octavian Dascăl, în „Revista Arhivelor", 2014, nr. 1–2, p. 144–153 și lucrarea monografică Irina Marin, *Peasant Violence and Antisemitism in Early Twentieth-Century Eastern Europe*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018.

[10] Mai nou: Mark Jarrett, *The Congress of Vienna and Its Legacy. War and Great Power Diplomacy atfer Napoleon*, London – New York, I.B. Tauris, 2013.

[11] Winfried Baumgart, *Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878*, Paderborn, Schöningh, 2007; Jacques-Alain de Sédouy, *Le concert européen. Aux origines de l'Europe, 1814–1914*, Paris, Fayard, 2009; Jennifer Mitzen, *Power in Concert. The Nineteenth-Century Origins of Global Governance*, Chicago, The University of Chicago Press, 2013.

[12] Pentru a o deosebi de *revoluția diplomatică* din anii 1750–1760 (Karl W. Schweizer, *War, Politics, and Diplomacy: The Anglo-Prussian Alliance, 1756–1763*, Lanham, Md., University Press of America, 2001).

[13] O prezentare de ansamblu a teoriilor privitoare la „modernizare" și „modernitate", cu o bibliografie de referință, în: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, editors-in-chief Neil J. Smelser and Paul B. Baltes, vol. 15 [Mis – Neu], Amsterdam, Elsevier, 2001, p. 9939 și urm.

[14] Gordon A. Craig, Alexander L. George, *Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time*, New York, Oxford University Press, 1983; Paul Gordon Lauren, Gordon A. Craig, Alexander L. George, *Force and Statecraft: Diplomatic Challenges of Our Time*, New York, Oxford University Press, 2007, 2014; Mark L. Haas, *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989*, Ithaca, Cornell University Press, 2005; Barry H. Steiner, *Diplomacy and International Theory*, în „Review of International Studies", 30, Oct. 2004, nr. 4, p. 493–509. Aspecte discutate și de noi în: Flavius Solomon, Andrei Cușco, *How Much Ideology can*

a naționalismului. De acesta din urmă este legată, în mare parte, destrămarea unor structuri suprastatale, pe care le putem considera precursoare ale federalismului european de mai târziu (cum a fost „confederația germană”)[15], desprinderea unor teritorii din alte state (a se vedea în acest sens ieșirea Norvegiei din „uniunea personală” cu Suedia[16]) sau topirea unor vechi entități statale, constituite pe principiu dinastic, în națiuni politice moderne (de pildă, cazul Germaniei[17] și al Italiei[18]). În Europa de Est și Sud-Est, naționalismul a fost unul dintre factorii care au slăbit treptat coeziunea internă a celor trei imperii (Otoman, Habsburgic și Rus) și au generat apariția, pe ruinele acestora, a unui număr însemnat de state care se defineau drept naționale[19]. Dacă în cazul Austro-Ungariei și al Rusiei schimbarea s-a produs într-o perioadă foarte scurtă, la sfârșitul Primului Război Mondial, apariția statelor naționale pe teritoriul Turciei europene a reprezentat un proces întins pe durata unui întreg secol.

Chiar dacă nu a fost singura ideologie cu un foarte puternic impact social – să ne gândim aici măcar la multiplele versiuni ale liberalismului și marxismului –, naționalismul și-a câștigat poziția dominantă în discursul public grație unui foarte complex şi sofisticat suport teoretic, cu rădăcini în epoca iluminismului occidental, evoluând de la apanaj al unor mici grupuri de intelectuali la mişcări politice de masă[20]. La cumpăna dintre cele două secole, ideologii cu pretenții universaliste, asimilate naționalismului, dezvoltate şi emanate de către Marile Puteri – în speță panslavismul[21] şi pangermanismul[22] –, nu doar că au intrat în coliziune directă, ci au încercat să „armonizeze” viziunile proprii asupra viitorului lumii cu deziderate programatice ale „popoarelor mici” europene. Rapoartele diplomaților ruși, germani şi austro-ungari din România, Grecia, Serbia, Muntenegru şi Bulgaria din anii 1890–1914 conțin informații consistente, încă puțin valorificate, privitoare la legătura dintre panslavism, respectiv, pangermanism, și politica externă a Imperiului Romanovilor, a

Diplomacy Endure? The Early Phase of Soviet-Romanian Relations, November 1917–February 1918, în „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas” (Regensburg), 63 (2015), 3, p. 390–411.

[15] Theodor Schieder, *Vom Deutschen Bund zum Deutschen Reich*, München, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1975; Wolfram Siemann, *Vom Staatenbund zum Nationalstaat. Deutschland 1807–1871*, München, C. H. Beck, 1995; Wolf D. Gruner, *Der Deutsche Bund: 1815–1866*, München, C. H. Beck, 2010.

[16] Jan Normann Knutsen, *Aspects of the Union between Sweden and Norway (1814–1905)*, în „Folia Scandinavica Posnaniensia” (Poznań), vol. 4, 1997, p. 225 și urm.

[17] Siemann, *Vom Staatenbund zum Nationalstaat.*

[18] *Making and Remaking Italy: The Cultivation of National Identity around the Risorgimento*, ed. by Albert Russell Ascoli and Krystyna Von Henneberg, Oxford, Berg, 2001.

[19] A se vedea și situația specifică a Regatului Sârbilor, Croaților și Slovenilor, interpretat și ca o formă de manifestare politică a ideologiei *iugoslavismului* (Wolf Dietrich Behschnitt, *Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914. Analyse und Typologie der nationalen Ideologie*, München, R. Oldenbourg Verlag, 1980; Ivo Banac, *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1984, p. 21–140).

[20] Pentru dezbaterile teoretice privind tipologia și evoluția naționalismului, a se vedea, selectiv, lucrările semnate de Hans Kohn, Karl Wolfgang Deutsch, Otto Dann, Ernest Gellner, Eric Hobsbawm, Louis L. Snyder, Margaret Canovan, Anthony D. Smith, Miroslav Hroch, Benedict Anderson. O perspectivă de sinteză de dată relativ recentă, în: Azar Gat with Alexander Yakobson, *Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013.

[21] Hans Kohn, *Pan-Slavism. Its History And Ideology*, New York,Vintage Books, 1960; А. А. Григорьева, *Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века)*, Иркутск, Издательство Аспринт, 2013; О. В. Павленко, *Панславизм и его модели*, în „Новая и новейшая история” (Moscova), 2016, nr. 5, p. 3–15; Dietrich Geyer, *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von inneren und auswärtigen Politik 1860–1914*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1977, p. 43–55.

[22] Henry Cord Meyer, *Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945*, The Hague, Martinus Nijhoff, 1955; В. К. Волков, *„Дранг нах Остен” и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг.*, Москва, Издательство „Наука”, 1977.

Germaniei și a Dublei Monarhii. În cazul specific al Rusiei, s-a observat deja faptul că, după Războiul Crimeii, deciziile majore de politică externă nu au fost lipsite și de o însemnată componentă ideologică, venită în special dinspre cercurile panslaviste[23].

Un alt element al discuției, nu mai puțin important, îl reprezintă și ascensiunea în perioada amintită a unor state ca Germania, Italia, Japonia și Statele Unite, care revendică, cu tot mai mult succes, poziții asemănătoare celor deținute multe decenii la rând de către Marile Puteri „tradiționale"[24]. În 1897, în același timp cu renunțarea de către Anglia la înțelegerile care asigurau *statu-quo*-ul în bazinul Mării Mediterane, Germania își anunța, pe fondul unor discuții privind posibilitatea dezintegrării Austro-Ungariei și anexării unor părți ale acesteia, intenția clară de a-și procura „un loc sub soare", mai ales prin expansiunea economică în Orient[25]. În aceeași perioadă, Italia își afirma tot mai puternic interesul pentru o parte a moștenirii otomane în Africa[26], Statele Unite părăseau doctrina non-intervenționismului și se impuneau tot mai mult ca o putere globală[27], iar Japonia își îndrepta privirea nu doar către teritorii din proximitatea imediată (Coreea, Manciuria și China), ci și către insule din sud-estul Asiei[28].

Bineînțeles, alături de emergența unor ideologii moderne și modificarea raportului de forțe dintre Puteri, la schimbarea paradigmatică a sistemului de relații internaționale a conlucrat și apariția unor noi state. În Europa, până la Primul Război Mondial, observația se referă în special la sud-estul continentului, unde „autonomii" locale, aflate sub autoritate otomană, sunt recunoscute, rând pe rând, ca state independente[29]. În anii 1870–1890 și în deceniul premergător „marelui război", Grecia, Serbia, România și Bulgaria se transformă treptat, din simple instrumente în jocul diplomatic al cancelariilor europene, în piese tot mai importante, de poziționarea cărora depindea chiar asigurarea în continuare a echilibrului european. Dacă în anii 1877/78 și 1887 s-a reușit încă găsirea de soluții pentru evitarea unor conflicte europene majore, generate de situația din Balcani[30], la 1914 Marile Puteri, deloc impresionate de atrocitățile de pe câmpurile de luptă din „Turcia europeană" din anii 1912–1913, au adoptat ele însești războiul ca mijloc pentru rezolvarea diferendelor[31]. Nu

---

[23] Astrid S. Tuminez, *Russian Nationalism since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2000, p. 47, 62 și urm.

[24] John Albert White, *Transition to Global Rivalry. Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895–1907*, Cambridge, Cambridge University Press, 2002, p. 1; Gregor Schöllgen, *Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage, 1871–1914*, 3. Auflage, München, R. Oldenbourg Verlag, 2000; Winfried Baumgart, *Deutschland im Zeitalter des Imperialismus 1890–1914. Grundkräfte, Thesen und Strukturen*, Stuttgart, Kohlhammer, 1982; R. J. B. Bosworth, *Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy Before the First World War*, London, Cambridge University Press, 2005; Mark R. Peattie, *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945*, în *The Cambridge History of Japan*, volume 6, *The Twentieth Century*, edited by Peter Duus, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, p. 217 și urm.

[25] White, *Transition to Global Rivalry*, p. 2; Baumgart, *Deutschland im Zeitalter des Imperialismus*, p. 15–16, 24–25; 39, 46, 63.

[26] Bosworth, *Italy, the Least of the Great Power*s, p. 127 și urm.

[27] Gregg R. Jones, *Honor in the Dust: Theodore Roosevelt, War in the Philippines, and the Rise and Fall of America´s Imperial Dream*, New York, New American Library, 2012.

[28] Peattie, *The Japanese Colonial Empire*, p. 217–230.

[29] Pentru o privire de ansamblu: Barbara Jelavich, *History of the Balkans*, volume 1, *Eighteenth and Nineteenth Centuries*, New York, Cambridge University Press, 1983, p. 235 și urm.

[30] Lothar Gall, *Die europäischen Mächte und der Balkan im 19. Jahrhundert*, în *Der Berliner Kongress von 1878. Die Politik der Großmächte und die Probleme der Modernisierung in Südosteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts*, hrsg. von Ralph Melville und Hans-Jürgen Schröder, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1982, p. 4–5.

[31] De văzut, în acest sens, culegerea de studii *The Wars before the Great War. Conflict and International Politics before the Outbreak of the First World War*, edited by Dominik Geppert, William Mulligan

trebuie ignorat nici faptul că modul în care au evoluat relațiile internaționale în preajma Primului Război Mondial nu a fost determinat doar de factorii generali discutați mai sus, ci și de evoluțiile interne din fiecare stat, adică de mecanismele de luare a deciziilor de politică externă, de orizontul de cunoaștere și chiar de profilul psihologic al persoanelor de la vârful piramidei politice[32].

În cazul discutat în continuare al Imperiului Rus se impune de reținut, ca observație de plecare, creșterea discrepanței dintre puterea politică și militară a acestuia[33], pe de o parte, și cea financiară și economică[34], pe de altă parte. Actor major în jocul diplomatic european timp de două secole, Rusia devine, la rândul ei, din anii 1870/80, obiect al expansiunii economice și financiare a statelor industrializate. După ponderea în comerțul mondial, Imperiul ocupa, la începutul secolului XX, doar locul opt[35], situându-se chiar în urma unor țări mult mai mici ca număr al populației, precum Olanda și Belgia. În structura exportului predominau produsele agrare, în special cerealele, iar în cea a importului – produsele industriale[36]. Diferențele majore de dezvoltare dintre Rusia și principalii săi rivali în Europa – Austro-Ungaria și, în special, Germania[37] – au influențat puternic și modul prudent în care Rusia și-a construit politica externă în cele două decenii premergătoare Primului Război Mondial[38], inclusiv în direcția balcanică[39]. De altfel, conștientizarea faptului că Rusia nu își poate impune influența în Balcani fără o prezență economică puternică în regiune[40] este evidentă și din rapoartele diplomaților ruși din România publicate în acest volum.

Mai mult, decalajele economice față de majoritatea statelor europene au impus o prudență deosebită în politica externă a Imperiului. Îngrijorată în continuare de expansiunea Austro-Ungariei în Balcani și de obținerea de către Anglia a controlului asupra Strâmtorilor[41], Rusia a urmărit, în anii 1890, o apropiere de Franța[42], fără a recurge însă la gesturi care ar fi fost considerate provocatoare de către Viena și Berlin. Tocmai în acest sens trebuie interpretată încheierea în 1897 a unei înțelegeri cu Austro-Ungaria privind *statu-quo*-ul din

---

and Andreas Rose, Cambridge, Cambridge University Press, 2015. Pentru decizia Rusiei de a intra în război de partea Serbiei: Geyer, *Der russische Imperialismus*, p. 222–238.

[32] Câteva repere în acest sens la: Christopher Clark, *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*, London, Penguin Group, 2012, p. 168–214.

[33] Peter Gatrell, *Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. The Last Argument of Tsarism*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994, p. 13–56.

[34] Ю. А. Петров, *Российская экономика в начале XX в.*, în *Россия в начале XX века*, под. ред. А. Н. Сахарова и др., Москва, Новый хронограф, 2002, p. 168–175.

[35] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, ответственный редактор А. В. Игнатьев, Москва, Международные отношения, 1997, p. 17–18; Петров, *Российская экономика в начале XX в.*, p. 172.

[36] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века*, p. 17–18.

[37] *Ibidem*, p. 24.

[38] А. В. Игнатьев, *Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков*, în „Вопросы истории”,1998, 8, p. 32–43.

[39] П. А. Искендеров, *Балканское направление политики Николая II*, în *Императорский Дом Романовых и Балканы*, Москва, Институт славяноведения РАН, 2014, p. 231–257; И. С. Рыбачёнок, *Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы*, în *Труды Института российской истории*, вып. 9, отв. ред. А. Н. Сахаров, Москва, Российская академия наук, Институт российской истории, 2010, p. 393–424.

[40] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века*, p. 34.

[41] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, *860–1917 гг.*, отв. ред. А. Н. Сахаров, Москва, Олма-Пресс, 2002, p. 440 și urm.; Рыбачёнок, *Политика России на Балканах*, p. 393–395.

[42] *Ibidem*, p. 465; Н. С. Киняпина, *Внешняя политика России второй половины XIX века*, Москва, Высшая школа, 1974, p. 213–222.

Balcani și inițierea în 1899 a unor tratative cu Germania privind Orientul Apropiat[43]. Nu a reprezentat o excepție în acest sens nici România, diplomații ruși de la București sau Iași primind periodic indicații de a evita ingerințe inutile în chestiuni interne curente ale politicii românești, în special în relațiile dintre partide[44]. Către sfârșitul perioadei analizate de noi, prudența în luarea deciziilor de politică externă va fi amplificată de eșecul usturător din războiul cu Japonia[45], considerat a fi, pe bună dreptate, un autentic „moment al adevărului"[46].

Cât privește mecanismul de luare a deciziilor de politică externă, în cazul Imperiului Rus[47], la fel ca în cel al altor state europene[48], inclusiv al României[49], trebuie reținut, în mod special, rolul monarhului. Dominat de sentimentul puterii absolute de care dispunea[50], în calitatea de „stăpân al Țării rusești"[51], Nicolae II s-a remarcat, de-a lungul întregii guvernări, printr-o implicare aproape obsesivă în activitatea aparatului central al Ministerului de Externe și a corpului diplomatic rus, petrecând, deseori, zile întregi în discuții privind politica externă și lecturarea atentă a rapoartelor trimise de miniștrii ruși din diverse capitale[52]. Din *Jurnalul* său se desprind nu doar evaluări și abordări greșite ale unor chestiuni curente de politică externă, ci și o mare doză de aroganță și dispreț față de persoanele cu care interacționa[53]. Dacă astfel de aprecieri rămâneau de cele mai multe ori necunoscute unor cercuri largi, gafele făcute la întâlniri diverse, chiar de față cu înalți demnitari europeni, afectau imaginea și credibilitatea Imperiului și creau dificultăți suplimentare diplomaților ruși[54].

În ultimii ani ai secolului XIX, ezitările în promovarea unei politici externe coerente au fost determinate și de schimbările frecvente la vârful Ministerului imperial de Externe. După moartea lui N. K. Giers[55] în ianuarie 1895, timp de cinci ani, deținătorul portofoliului de ministru s-a schimbat de patru ori. În perioada analizată în acest volum, în fruntea Ministerului de Externe s-a aflat, până în iunie 1900[56], M. N. Muraviev, un personaj fără

[43] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 472.

[44] Рыбачёнок, *Политика России на Балканах*, p. 400–401.

[45] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века,* p. 17–18; Петров, *Российская экономика в начале XX в*., p. 163–182; О. Р. Айрапетов, *На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история*, Москва, ООО Торговый дом алгоритм, 2014.

[46] И. С. Рыбачёнок, *Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи, методы*, Москва, РОССПЭН, 2012, p. 536–565.

[47] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века,* p. 51–79.

[48] Roderick R. McLean, *Royalty and Diplomacy in Europe, 1890–1914*, Cambridge, Cambridge University Press, 2001.

[49] Rudolf Dinu, *King Charles I and Decision Making Process in the Romanian Foreign Policy before the First World War*, în idem, *Studi Italo-Romeni. Diplomazia e società, 1879–1914*, seconda edizione, București, Editura Militară, 2009, p. 185 și urm.

[50] În legătură cu locul monarhului în sistemul politic rus la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX, a se vedea, mai nou: Кирилл Соловьев, *Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна*, Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

[51] *Хозяин Земли русской.* Sintagmă cu care țarul a completat rubrica „activitate" din formularul recensământului populației din 1897 (apud *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 474).

[52] *Ibidem*.

[53] Este și cazul lui Gheorghe Rosetti-Solescu, trimisul României la Sankt-Petersburg, pe care, după o întrevedere din 14 decembrie 1895, Nicolae II îl numea „acest măgar sensibil". Vezi *Дневники императора Николая II (1894–1918)*, том. 1, *1894–1904*, отв. ред. С. В. Мироненко, Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, p. 241.

[54] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 483.

[55] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том третий, *Биографии министров иностранных дел 1802–2002*, отв. ред. А. Ю. Мешков, Москва, Олма-Пресс, 2002, p. 135–155.

[56] Din ianuarie 1897 – ministru ad interim, iar din aprilie 1897 – ministru plin.

veleități politice exagerate, ajuns ministru grație unor jocuri de culise de la Curtea Imperială[57], iar mai apoi V. N. Lamsdorff.

Având o bogată experiență în Ministerul de Externe, unde a lucrat din 1866, urcând, rând pe rând, treptele scării ierarhice[58], a fost numit, la moartea lui Muraviev, mai întâi, ministru ad interim, iar în decembrie 1900 ministru plin[59]. Încă din anii premergători ministeriatului, Lamsdorff a jucat un rol deosebit în gestionarea politicii externe[60], lui aparținându-i cele mai importante inițiative în anii 1897–1900[61]. Printre reușitele diplomației ruse în Europa în perioada în care Lamsdorff a fost ministru de externe[62] trebuie amintite, mai ales, acordul de la Mürszteg din 1903[63], înțelegerea comercială încheiată cu Germania (1904), întâlnirile lui Nicolae II cu Franz Josef, Wilhelm II și președintele Franței Émile Loubet. În relațiile cu Austro-Ungaria, mai ales în chestiunile care priveau situația din Balcani, Lamsdorff a încercat să imprime o politică moderată. Printre altele, el s-a opus „proiectului balcanic" atribuit lui P. A. Kapnist[64], care prevedea îndepărtarea definitivă, printr-un efort comun al Rusiei și al Austro-Ungariei, a Turciei din Europa, militând pentru o politică mai echilibrată, prin impunerea unor reforme graduale în teritoriile aflate încă sub controlul Imperiului Otoman[65]. Prudența și calculul cu care și-a construit Lamsdorff acțiunile de politică externă transpar de altfel, cât se poate de clar, și din atitudinea față de România.

Cunoașterea foarte bună, din interior, a aparatului central și diplomatic al Ministerului de Externe i-a permis lui Lamsdorff să ia mai multe măsuri pentru eficientizarea și profesionalizarea activităților curente, care au cuprins și Departamentul asiatic[66], transformat în Primul Departament al MAE. La începutul anilor 1900, a fost inițiată o campanie de recrutare de personal, prin deschidere nu doar către vechea nobilime, ci și către alte grupuri sociale, fiind introduse examene de admitere riguroase, adaptate la complexitatea tot mai mare a activităților, inclusiv a modului de colectare și prezentare a informațiilor despre țările străine[67]. Pentru misiunile diplomatice și consulare ruse a devenit obligatorie elaborarea de rapoarte privitoare la starea economică, comerț, dezvoltarea infrastructurii, expoziții, învățământ etc. Tot în legătură cu activitățile de informare, se cuvine a fi amintită și publicarea de documente aparținând ministerului. Printre acestea s-au numărat, începând cu anul 1898, „Culegerile de

---

[57] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том третий, p. 193.

[58] *Ibidem*, p. 208 și urm.

[59] *Ibidem*, p. 210.

[60] Pentru o perspectivă personală a lui Lamsdorff, a se vedea și *Jurnalele* sale (*Дневник В. Н. Ламздорфа*, том 1 (1886–1890), под редакцией Ф. А. Ротштейна, Москва, Государственное Издательство, 1926; *В. Н. Ламздорф. Дневник, 1891–1892,* под редакцией Ф. А. Ротштейна, Москва, Academia, 1934; *В. Н. Ламздорф. Дневник, 1894–1896,* перевод, введение, составление и комментарии И. А. Дьяконовой, Москва, Международные отношения, 1991).

[61] Stabilirea poziției Rusiei în conflictul greco-turc și clarificarea statutului insulei Creta, semnarea unor acorduri privind delimitarea granițelor cu China, pregătirea Conferinței de la Haga, expansiunea economică în Persia (*История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века*, p. 91–132; *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 483–495).

[62] Până în luna mai 1906.

[63] A se vedea în continuare.

[64] Din 1895 ambasador al Rusiei în Austro-Ungaria.

[65] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 498.

[66] *История отечественного востоковедения до середины XIX века*, ответственные редакторы Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко, Москва, Наука, 1990, p. 150–151; Анастасия Е. Жукова, *Азиатский департамент в структуре Министерства Иностранных Дел России во второй половине XIX в.: функции, личный состав, характерные черты*, în „Клио" (Санкт-Петербург), 6 (126), 2017, p. 66–72. Departamentul respectiv era responsabil și pentru statele europene desprinse din Imperiul Otoman, inclusiv România.

[67] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 504–508.

rapoarte consulare", care au găzduit, la începutul anilor 1900, mai multe analize referitoare la evoluțiile economice din România, cum ar fi cele privind industria sării, agricultura sau monopolul asupra tutunului[68].

Relațiile româno-ruse în perioada 1899–1905. Privire generală

Perioada anilor 1899–1905 în contextul relațiilor dintre Imperiul Rus și Regatul Român[69] este una relativ calmă, fiind caracterizată prin scăderea rolului factorului ideologic și printr-un pragmatism crescând în relațiile bilaterale. Aceste evoluții s-au datorat, în mare parte, succesului vizitei monarhului român la Sankt Petersburg, în vara anului 1898, care a marcat, într-o anumită măsură, o schimbare a atitudinii ruse față de regatul vecin. Ar fi desigur o exagerare să afirmăm că tensiunile și suspiciunile reciproce, atât de frecvente în cele două decenii care urmează Congresului de la Berlin, au dispărut cu desăvârșire, sau că Imperiul Rus încetează să joace rolul unui „Celălalt" amenințător și mereu prezent în considerațiile de politică externă ale potentaților români. Este, mai curând, doar începutul unei „normalizări" treptate a imaginii Rusiei, care va culmina abia în perioada războaielor balcanice și va fi consacrată definitiv de următoarea vizită monarhică importantă – cea a țarului Nicolae II la Constanța, în iunie 1914. Totuși, în acești ani apar mai multe exemple de compatibilizare a politicii externe rusești și românești, care ar fi fost cu greu imaginabile mai înainte. Această dinamică se datorează, întâi de toate, politicii relativ prudente a Rusiei în regiunea balcanică, inaugurată de acordul austro-ungaro–rus din anul 1897 și consolidată în urma întrevederii de la Mürszteg din octombrie 1903, când țarul Nicolae II și împăratul Franz Josef s-au întâlnit pentru a analiza stadiul de aplicare a înțelegerii din 1897, pentru a-și reafirma interesele speciale în regiune și pentru a formula o politică comună față de „chestiunea macedoneană", care va domina agenda Marilor Puteri în regiune cel puțin până în anul 1905. De altfel, așa cum reiese din conținutul documentelor publicate în acest volum, evoluțiile din sudul Dunării s-au aflat și în centrul atenției trimișilor ruși de la București. Acest fapt s-a datorat, în primul rând, acutizării situației din Macedonia otomană, care culminează cu revolta de Sf. Ilie, declanșată în august 1903[70]. Situația în regiunea respectivă era deja haotică între 1898 și 1902, când în Macedonia se înregistrează 132 de incidente armate soldate cu 4.373 de victime. Această revoltă reprezintă și catalizatorul direct pentru acordul încheiat între Austro-Ungaria și Rusia la Mürszteg, care stipula, printre altele, accelerarea reformelor administrative în provinciile macedonene ale Imperiului Otoman, reorganizarea jandarmeriei și a poliției locale de către un general străin aflat în serviciul otoman, precum și numirea unor agenți civili ai Rusiei și Austro-Ungariei în cele trei *vilaiete* macedonene, care urmau să supravegheze aplicarea reformelor, să reprezinte interesele creștinilor din acele zone, să raporteze abuzurile autorităților locale și să-și informeze permanent guvernele[71]. Mai mult, în cazul în care autoritățile

---

[68] A se vedea, de exemplu, materialele semnate de secretarul Consulatului din Iași, A. Bulah (fascicola III/ 1904) și consulul din Iași, P. Sipeaghin (fascicola V/1904; fascicola VI/1904). Fost călugăr și membru al Misiunii Ortodoxe Ruse din Beijing, Sipeaghin a fost numit consul la Iași la intervenția directă a lui Lamsdorff (Ю. Я. Соловьев, *Воспоминания дипломата, 1893–1922*, Москва, Издательство социально-экономической литературы, 1959, p. 62).

[69] Pentru o privire de ansamblu asupra relațiilor ruso-române în perioada analizată, pe baza documentelor din arhivele ruse: А. С. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, Штиинца, 1976.

[70] Олег Айрапетов, *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*, Москва, Издательство Европа, 2006, p. 461–463.

[71] Acordul mai conținea și prevederi suplimentare, referitoare la formarea unor comisii mixte pentru cercetarea crimelor și abuzurilor comise în perioada revoltei, reintegrarea refugiaților și compensații pentru

otomane ar fi refuzat sau tergiversat aplicarea acestor proiecte reformatoare, cei doi monarhi luau în calcul chiar alternativa autonomiei Macedoniei sub controlul Marilor Puteri. Mizele acestei situații au fost destul de mari pentru toți jucătorii importanți din regiune, inclusiv pentru România, care a încercat să impună pe agenda internațională „chestiunea aromână” (sau „cuțo-vlahă”), concurând pentru loialitatea populației respective cu Bulgaria, Grecia și Serbia, care tindeau să își impună hegemonia în acest spațiu contestat.

Din perspectivă românească, „chestiunea aromână” ocupă, în primul deceniu al secolului XX, un loc tot mai important în cadrul proiectului național pan-românesc (fapt manifestat prin „discursuri triumfaliste” și eforturi susținute de propagandă), dar aceste aspecte reprezintă „artificii retorice, puțin acoperite de realitate”[72]. Foarte prezentă în negocierile diplomatice, în cadrul cărora România încerca să urmeze o politică pragmatică și prudentă, clamând menținerea *statu-quo*-ului balcanic, problema aromână nu are, neapărat, un ecou corespunzător în dezbaterile interne din Regat. Această ambiguitate fundamentală a fost sesizată de diplomații ruși acreditați în România, care au insistat asupra caracterului instrumental al „chestiunii aromâne” pentru guvernul de la București. Totuși, reieșind din interesele lor imediate, atât Austro-Ungaria cât și Rusia au avut, în această perioadă, o atitudine mai curând favorabilă față de poziția României în raport cu „chestiunea macedoneană”, chiar dacă diplomații ruși nu au ezitat să constate că „principala grijă a românilor constă nu atât în îmbunătățirea vieții cotidiene sau în protejarea cuțo-vlahilor [...], ci în dorința de a împiedica, atât cât este posibil, întărirea principatului bulgar” din cauza îngrijorărilor privind situația Dobrogei și a „fricii de a pierde întâietatea printre statele balcanice, întâietate de care sunt foarte convinși și cu care le place să se fălească”[73].

În general, începutul secolului XX a fost o perioadă în care atenția decidenților români a părut a se îndrepta, în mod preponderent, către sudul Dunării. Implicarea directă a României în „chestiunea cuțo-vlahă” a dus la tensionarea relațiilor, mai întâi cu Bulgaria, iar mai apoi cu Grecia. Reconfigurarea treptată a influenței Marilor Puteri în regiunea balcanică, în condițiile intensificării rivalității dintre Puterile Centrale și blocul franco-rus, aflat în proces de consolidare, a devenit tot mai vizibilă în acești ani, când Rusia a preferat, în mod tactic, o politică a *statu-quo*-ului balcanic, axându-se pe urgențele din Extremul Orient[74]. În același timp, diplomația austro-ungară a oscilat, în primii ani ai secolului XX, între sprijinirea politicii active românești la sud de Dunăre, văzând în această strategie o metodă eficientă de a devia atenția opiniei publice românești dinspre Transilvania spre „chestiunea cuțo-vlahă”,

---

victimele represiunii trupelor otomane, inclusiv scutirea de impozite pe un termen de patru ani. A se vedea: *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*, volume II: *Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975*, edited by Stanford J. Shaw, Ezel Kural Shaw, Cambridge, Cambridge University Press, 1977, p. 207–211; F. R. Bridge, *The Habsburg Monarchy and the Ottoman Empire*, *1900–18*, în *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, edited by Marian Kent, London, Frank Cass, 2005, p. 31–36; Alan Bodger, *Russia and the End of the Ottoman Empire*, în *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, p. 73–76; Ian D. Armour, *A History of Eastern Europe 1740–1918. Empires, Nations and Modernisation*, second edition, London, Bloomsbury Academic, 2012, p. 217–222; Г. Д. Шкундин, *К истории „македонского вопроса”*, în *Болгария в XX веке. Очерки политической истории*, отв. ред. Е. Л. Валева, Москва, Наука, 2003, p. 22–29. Pentru impactul „chestiunii macedonene” asupra relațiilor României cu Imperiul Otoman și statele balcanice: Ionuț Nistor, *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913,* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009, în special p. 60–65.

[72] Nistor, *„Problema aromână”*, p. 65–66; Vezi şi Георги Барболов, *Румънската балканска политика и арумънският въпрос (1901–1913 г.),* în *Известия – Национален център по военна история*, Т. 57, София, ИМО „Св. Георги Победоносец”, 1995, p. 47–95.

[73] A se vedea raportul lui M. N. Giers din 11 ianuarie 1903 (doc. nr. 94).

[74] Айрапетов, *Внешняя политика Российской империи (1801–1914*), p. 464–477.

și tendința guvernului vienez de a susține întărirea statului bulgar, drept contrapondere față de politica ambițioasă a Bucureștiului (dar și a Belgradului) în Peninsula Balcanică. În opinia trimisului austro-ungar în capitala României, marchizul de Pallavicini, încurajarea Bulgariei reprezenta „cel mai sigur remediu împotriva iredentismului românesc" și „viselor de preamărire ale sârbilor"[75]. Către sfârșitul perioadei acoperite de acest volum, Austro-Ungaria a înclinat tot mai mult spre această din urmă opțiune. Importanța factorului bulgar în calculele de politică externă ale elitei românești a fost foarte bine sesizată de către diplomații ruși, care vorbeau despre „teama" pe care românii ar fi resimțit-o față de vecinii lor sud-dunăreni[76]. Criza în relațiile româno-bulgare din această perioadă și-a atins apogeul în anul 1900, fiind în legătură cu activitatea teroristă a Comitetului Suprem Macedonean (*Върховен македоно-одрински комитет*) pe teritoriul României, care s-a manifestat printr-un șir de atentate răsunătoare, inclusiv asasinarea profesorului și activistului național de origine aromână, Ștefan Mihăileanu, în noaptea de 22/23 iulie 1900[77]. Relațiile tensionate dintre România și Bulgaria au fost chiar aproape să degenereze într-un conflict armat, care a fost evitat, în mare parte, grație intervenției Marilor Puteri și ezitărilor guvernului conservator de la București în privința escaladării ostilităților. Totuși, evoluția „chestiunii aromâne" a continuat să rămână un filon dominant al politicii externe românești – și al interpretării acesteia de către observatorii ruși – și în următorii ani.

Un alt episod important al „nodului gordian" legat de internaționalizarea conflictelor identitare și geopolitice din Macedonia s-a consumat pe parcursul anilor 1904–1905, când România a fost antrenată într-un conflict diplomatic acut cu un alt stat implicat direct în Macedonia – Regatul Elen. Conflictul cu Grecia, reflectat pe larg în documentele diplomatice rusești publicate în acest volum, și-a avut originea, pe de o parte, în activitatea tot mai intensă a „cetelor" grecești în provincia otomană, care nu au ezitat să apeleze la violență și intimidarea comunităților aromâne din regiune, și, pe de alta, în *iradeaua* sultanului Abdul Hamid II din 9/22 mai 1905[78]. Acest document recunoștea comunitatea „vlahă" drept grup etnic separat, care urma să se bucure de drepturile civile și culturale rezervate până atunci doar *millet*-elor[79] constituite în mod oficial. Conflictul greco-român, alimentat de iredentismul

---

[75] Bukarest, am 11. Februar 1906, Nr. 10, Pallavicini an Gołuchowski: „Das sicherste Mittel gegen den rumänischen Irredentismus ist also meiner unmaßgeblichen Meinung nach ein starkes Bulgarien. Ebenso würde auch ein starkes Bulgarien allem serbischen Größenwahne ein schnelles Ende bereiten" (București, 11 februarie 1906, nr. 10, Pallavicini către Gołuchowski: „Cel mai sigur mijloc împotriva iredentismului românesc este, după umila mea părere, o Bulgarie puternică. La fel, o Bulgarie puternică ar pune rapid capăt și visurilor bolnave sârbe de preamărire"). Citat după: Biblioteca Academiei Române, Cabinetul de Manuscrise – Carte Rară, *Corespondențe diplomatice austriace din 1904, 1905, 1906, 1907*, Copie II, L, Acte 1–454. A se vedea și: Gheorghe Nicolae Căzan, Șerban Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță, 1878–1914*, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1979, p. 257; Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900*, București, Editura Academiei Române, 2012, p. 202–203.

[76] A se vedea raportul lui N. A. Fonton din 21 octombrie 1902 (doc. nr. 88): „Frica față de forța militară bulgară este foarte mare aici".

[77] Pentru mai multe detalii, a se vedea: Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european*, p. 150 și urm.

[78] Constantin N. Velichi, *Les relations roumano-grecques pendant la période 1879–1911*, în „Revue des Études Sud-Est Européennes", VII, 1969, nr. 3, p. 535–537; Σπυρίδων Σφέτας, *Το ιστορικό πλαίσιο των ελληνο-ρουμανικών πολιτικών σχέσεων (1866-1913)*, în „Μακεδονικά", 33, 2002, nr. 1, p. 23–48.

[79] Pentru diferite puncte de vedere privind *millet*-ul otoman: Bruce Masters, *Christians and Jews in the Ottoman Arab World: The Roots of Sectarianism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2001, p. 11–13, 61–66, 84; Donald Quataert, *The Ottoman Empire, 1700–1922*, Cambridge, Cambridge University Press, 2005, p. 64, 175–176; Michael Ursinus, *Zur Diskussion um „millet" im Osmanischen Reich*, în „Südost-Forschungen", 48, 1989, p. 195–207; Артём Улунян, *Миллет как этно-конфессиональный феномен Османской империи*, în *История. Культура. Этнология*, Москва, 1994, p. 69–80.

Atenei, dar și de poziția intransigentă a Patriarhiei Ecumenice, s-a agravat în septembrie 1905, în urma unor manifestații cu pronunțat caracter anti-grec de pe teritoriul României și ale unor represalii economice inițiate de către autoritățile române, ca răspuns la poziția tot mai ireconciliabilă a guvernului elen. În această fază, criza diplomatică a culminat cu plecarea la Atena a trimisului grec, Alexandros Tombazis, prin invocarea unui concediu, urmată de un gest simetric din partea trimisului român în Grecia, Ion N. Papiniu. Această criză a ilustrat perfect dinamica naționalismelor concurente, care defineau tot mai mult prioritățile politicii externe a statelor emergente din sud-estul Europei și complicau jocurile Marilor Puteri în regiune. *Iradeaua* sultanului de recunoaștere a „existenței naționalității române în Turcia”[80] a fost interpretată – inclusiv de către diplomații ruși – ca un succes incontestabil al diplomației bucureștene[81], dar, în același timp, a provocat anumite observații ironice legate de caracterul manipulator și cinic al exagerării semnificației „chestiunii cuțo-vlahe” pentru ierarhiile naționale românești. Totodată, diplomația rusă a căutat să profite de aceste neînțelegeri, și mai ales de poziția ambiguă a Austro-Ungariei, pentru a încerca să se apropie de România, manifestând o atitudine mai degrabă favorabilă față de revendicările românești în „chestiunea macedoneană”.

Deși ambițiile „exagerate” ale României în politica balcanică au fost frecvent ironizate sau criticate de către diplomații ruși aflați în misiune la București, Rusia a urmărit să joace un rol de „mediator” între micile state balcanice. Uneori, acest lucru părea chiar să-i reușească, ca, de pildă, în cazul intervențiilor ambasadorului rus la Constantinopol, I. A. Zinoviev, în contextul conflictului dintre România și Patriarhia Ecumenică în „chestiunea aromână”, pe parcursul anilor 1904 și 1905.

Un alt factor care accentuează aparentul pragmatism al politicii ruse față de România, în această perioadă, este legat de profilul diplomaților ruși acreditați în capitala României. Până în anul 1902, postul de la București continuă să fie ocupat de N. A. Fonton, care se încadra în „vechea tradiție diplomatică rusă”, legată de numele fostului ministru de externe, N. K. Giers[82]. La această dată, Fonton este înlocuit chiar de fiul acestuia din urmă, Mihail N. Giers, care va rămâne în funcție timp de zece ani, până în 1912.

Atunci când a fost numit la București, Mihail Giers avea deja o carieră diplomatică strălucită. Născut în anul 1856, la Odesa, el a urmat cursurile Facultății de Drept de la Universitatea din Sankt Petersburg (1875–1877) și a participat la războiul ruso-turc din 1877–1878, după care a intrat în serviciul diplomatic al Imperiului Rus. În 1881 a devenit secretar al misiunii diplomatice ruse în Serbia, iar între 1885 și 1888 a ocupat o funcție echivalentă în cadrul reprezentanței diplomatice ruse din Persia. Între 1888 și 1895 a fost atașat aparatului central al Ministerului de Externe, exercitând *de facto* funcția de secretar privat al tatălui său. Prima experiență în calitate de șef de misiune a fost cea de trimis în Brazilia și Argentina (1895–1898), după care a devenit trimis în China (1898–1901), unde s-a remarcat prin activitatea în timpul „răscoalei boxerilor”, când, la apelul său, Rusia a trimis trupe pentru protecția Căii Ferate a Chinei de Est și a supușilor ruși. După o scurtă perioadă în care a activat ca trimis în Bavaria, în 1902, Giers a fost numit la București, unde a continuat, în esență, linia moderată inaugurată de predecesorul său. Deși în rapoartele sale se

---

[80] Poziția românească în acest diferend este sintetizată într-o culegere specială de documente („carte verde”): *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*, București, Imprimeria Statului, 1905, publicată sub egida Ministerului Afacerilor Străine, aici p. XXXI.

[81] Pentru relațiile româno-otomane din această perioadă, mai ales din perspectiva istoriei diplomației și a percepțiilor reciproce, a se vedea: Silvana Rachieru, *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat. Relații otomano-române între anii 1878 și 1908*, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2018.

[82] Pentru detalii, *RDRR*, *1888–1898*, p. 30.

pot observa anumite elemente ideologice, mai ales în perioada inițială, strategia diplomatică a lui Giers s-a remarcat printr-o atitudine destul de echilibrată și prudentă, similară cu cea a lui Fonton. De altfel, aceste calități i-au fost remarcate și de atentul observator care a fost Iu. Ia. Soloviev, subordonat direct al lui M. N. Giers între 1906 și 1908: „Giers era un diplomat de școală veche și, în plus, avea o anumită tendință de funcționar de cancelarie; [...] în străinătate însă el se remarca doar prin prudența sa absolut ieșită din comun, chiar și în timpul conversațiilor între patru ochi... Cu toate acestea, la București el și-a câștigat, atât pentru sine, cât și pentru întreaga componență a misiunii, o reputație foarte bună”[83].

Impresia pozitivă pe care a lăsat-o Giers la București era întărită și de înrudirea, pe linia mamei sale, Olga Cantacuzino (Kantakuzen)[84], cu o mare parte a protipendadei locale, dar și de legătura directă de familie cu Gheorghe Rosetti-Solescu, ministru plenipotențiar al României la Sankt-Petersburg în anii 1895–1911, căsătorit cu sora sa, Olga[85]. Astfel, politica Rusiei față de România în această perioadă trebuie citită, mai curând, în cheia pragmatismului, deși aspectele ideologice au continuat să joace un rol important.

Imagini și percepții ale României în rapoartele diplomatice ruse din anii 1899–1905

În continuare, vom discuta câteva aspecte referitoare la viziunile diplomaților ruși asupra realităților din România acelei perioade. Ar trebui să subliniem că, din documentele publicate, se desprind mai multe subiecte relevante din perspectivă imagologică. Unele dintre ele marchează o continuitate a preocupărilor diplomaților ruși din deceniul anterior (transferul incomplet și superficial al unor modele politice, instituționale și economice străine; dependența de Germania și Austro-Ungaria; statutul și rolul Bisericii Ortodoxe; proiectul național românesc; cutumele și practicile politice ale elitei românești și, în special, rolul Casei Regale). Alături de aceste elemente de continuitate, se pot observa și anumite teme noi sau mai puțin abordate în anii anteriori, printre care: chestiunea complexă a Dobrogei; mișcarea socialistă rusă și impactul acesteia asupra României; „chestiunea evreiască” și statutul evreilor din România; „chestiunea cuțo-vlahă” și ramificațiile sale diplomatice. Ținând cont de specificul și limitele inerente unei abordări imagologice, analiza care urmează oferă doar un cadru general pentru discutarea percepțiilor diplomaților ruși, fără a-și propune formularea unor concluzii exhaustive sau definitive. Aprofundarea acestor aspecte ar presupune coroborarea cu alte surse de epocă în vederea schițării unei imagini mai ample și mai complete. Este evident că aceste noi surse ar putea nuanța anumite elemente aduse în discuție. Unele teme abordate tangențial au fost dezvoltate și completate în notele de subsol aferente documentelor. Ordinea discutării subiectelor nu reflectă neapărat importanța lor intrinsecă, așa cum ar putea rezulta din conținutul documentelor.

a) „Forme fără fond” și elita politică românească în oglinda diplomației ruse

Rapoartele diplomaților ruși din perioada 1899–1905 rămân destul de critice la adresa proiectului politic românesc, calificat, în general, ca unul de „fațadă”, superficial și străin de „esența națională”, percepută și în termenii apartenenței la aceeași confesiune ortodoxă a românilor și rușilor. Sunt contestate mai ales cutumele și practicile politice ale elitelor românești, considerate reprezentative pentru falsa „ordine constituțională” din Regat și emblematice

[83] Соловьев, *Воспоминания дипломата,* p. 179–180.

[84] A se vedea nota nr. 2 la doc. nr. 48 (Telegrama din 7 septembrie 1900 a lui Lamsdorff către Fonton).

[85] *Ibidem*, nota nr. 1. Pentru detalii: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică personală și oficială (1895–1911). Petersburg*, editori Rudolf Dinu, Adrian-Bogdan Ceobanu, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2016, p. 14–24.

pentru modernitatea imitativă și mimetică, respinsă cu hotărâre de observatorii ruși. Chiar dacă retorica acestora este ceva mai moderată față de deceniul anterior, atitudinea în raport cu regimul politic și practicile electorale uzuale din România acelei vremi rămâne eminamente negativă. Un exemplu elocvent în acest sens este lungul șir de rapoarte ale trimisului Mihail N. Giers de la sfârșitul anului 1904 și începutul celui următor, care relatează pe larg despre criza guvernamentală încheiată cu demisia guvernului liberal al lui Dimitrie A. Sturdza și instalarea celui conservator, condus de Gheorghe Gr. Cantacuzino[86]. Concluzia reprezentantului rus la București este destul de tranșantă: „[...] ceea ce văd eu acum nu poate fi numit altfel decât un exemplu al arbitrariului celui mai nestăvilit, care oferă o imagine extrem de tristă a regimului parlamentar din regat”[87]. Pe lângă respingerea modelului parlamentar ca atare, deloc surprinzătoare în sine, ținând cont și de realitățile românești, este vorba și de aplicarea unei strategii mai mult sau mai puțin subtile de „orientalizare” a României, prin accentuarea discrepanței profunde dintre aparențele occidentale și realitatea foarte diferită a abuzurilor, arbitrariului și a unei guvernări „oligarhice”[88]. Totuși, atitudinea trimișilor ruși față de diferite personalități politice nu este univocă. Dacă imaginea lui D. A. Sturdza este mai curând una negativă, mai ales din cauza „filo-germanismului” său nedisimulat, nu același lucru se poate spune despre descrierea unor politicieni precum generalul Iacob Lahovari, Take Ionescu sau Ion I. C. Brătianu. Astfel, generalul Lahovari este văzut drept „o persoană inteligentă, recunoscut de toată lumea drept un ofițer excepțional și [...] unul dintre cei mai capabili generali ai armatei române”, iar lui Take Ionescu i se recunoaște meritul de „a fi un conducător foarte priceput al instituției sale” (în calitate de ministru) și un orator talentat[89]. O imagine chiar mai interesantă – și sugestivă – se conturează în cazul lui Ion I. C. Brătianu. Într-o scrisoare particulară din noiembrie 1903, Giers îi creionează lui Brătianu un portret foarte elocvent, care se va dovedi destul de exact din perspectiva viziunilor și acțiunilor viitoare ale acestui om politic. Observând, de la început, atitudinea mai favorabilă a tânărului liberal față de Rusia, în comparație cu colegii săi mai în vârstă, mai ales cu D. A. Sturdza, Giers îl caracterizează astfel pe fiul lui I. C. Brătianu: „Din perspectiva intereselor noastre [rusești], el are un mare avantaj în comparație cu Sturdza, în sensul că a fost educat în Franța și nu în Germania. În unele momente de sinceritate, el spunea că gândește în franceză, în timp ce președintele consiliului face acest lucru în germană. Patriot înflăcărat, care visează la măreția patriei sale, el nu împărtășește opinia acelor admiratori ai regelui, care atribuie exclusiv înțelepciunii celui din urmă bunăstarea actuală a României. Recunoscând pe deplin meritele monarhului, el consideră totuși că la originea renașterii patriei sale s-au aflat acei

[86] Rapoartele lui Giers din 30 noiembrie, 15, 18, 29, 30 și 31 decembrie 1904 (doc. nr. 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146), precum și cele din 13 ianuarie și 12 februarie 1905 (doc. nr. 148 și 152).

[87] Raportul lui Giers din 13 ianuarie 1905 (doc. nr. 148).

[88] Această expresie îi este atribuită lui Take Ionescu și citată în cheie vădit aprobatoare de către Giers în raportul din 31 decembrie 1904 (doc. nr. 146). Deși califică afirmația lui Ionescu, conform căreia România ar fi condusă în fapt de o oligarhie, drept „cinică”, Giers conchide că „această mărturisire corespunde, în acest moment, pe deplin realității”. Pentru câteva analize ample și critice a evoluției politice și sociale a României de la sfârșitul secolului XIX și începutul secolului XX, a se vedea: Keith Hitchins, *Rumania, 1866–1947*, Oxford, Oxford University Press, 1994, p. 155–201; С. А. Мадиевский, *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Монархия, парламент, правительство*, Москва, Наука, 1980; Idem, *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Состояние прав и свобод,* Москва, Наука, 1984; Iulian Oncescu, Ion Stanciu, *Introducere în istoria modernă a românilor (1821–1918)*, Târgoviște, Editura Cetatea de Scaun, 2009, p. 241–263, 273–280.

[89] Bruionul raportului lui Fonton din 12 aprilie 1899 (doc. nr. 10). Aceeași impresie o are și succesorul lui Fonton. În contextul schimbării guvernului de la sfârșitul anului 1904, Giers afirmă că Take Ionescu „se bucură [...] de o influență precumpănitoare în actualul guvern”, având o atitudine relativ favorabilă și față de Iacob Lahovari (Raportul lui Giers din 31 decembrie 1904, doc. nr. 146).

oameni politici, al căror suflet a fost tatăl său. El nu poate fi considerat un adept al Rusiei, dar, în același timp, nici nu este o persoană care să caute, cu orice preț, sprijin doar în Austria și Germania”[90].

În general, în primii ani ai secolului XX se remarcă o tendință evidentă a diplomaților ruși de a sublinia acele momente (încă destul de rare) care ar fi putut însemna o relativă „normalizare” a imaginii Rusiei în România. Dacă în 1901, de exemplu, atât însărcinatul cu afaceri, Somov, cât și trimisul Fonton sunt preocupați de campaniile de presă anti-rusești, care răspândesc în rândul populației „convingerea existenței unui pericol iminent pentru România din partea Rusiei”, urmărind „scopul de a speria România cu fantoma unui vecin amenințător, care se pregătește să o înghită”[91], în anul următor același Somov observa, cu ocazia aniversării apropiate de 25 de ani a războiului din 1877–78 și a vizitei regelui Carol I în Bulgaria: „[...] călătoria regelui la Plevna [...] a avut ca efect un impuls, nu foarte mare, dar totuși un impuls, în favoarea noastră [...]. Lumea își aduce din nou aminte de țarul eliberator, despre sângele rusesc vărsat pentru eliberare. Așa ceva nu a mai avut loc demult, iar acest lucru este un semn bun”[92]. Aceeași impresie pare să reiasă din poziția regelui Carol I față de războiul ruso-japonez din 1904–1905, când diplomații ruși subliniază în repetate rânduri „solidaritatea” monarhului român cu efortul rus de război din Extremul Orient, căutând chiar să supraliciteze aceste gesturi mai curând simbolice, explicate și de ostilitatea constantă a monarhului român față de planurile de expansiune ale Statelor Unite în regiune și față de politica americană, în general[93]. Aceste tendințe nu însemnau, firește, o schimbare radicală a atitudinii Rusiei față de România, considerată încă un stat tânăr, excesiv de ambițios, animat de un naționalism adesea nerealist și zgomotos și dispunând de resurse inadecvate pentru scopurile „exagerate” de dominație regională asumate de elitele bucureștene. Totuși, în acești ani, mai ales după 1903, are loc o tranziție lentă spre perceperea României drept un potențial partener de dialog, în condițiile reconfigurării treptate a alianțelor și a echilibrului de putere în Peninsula Balcanică.

b) Filo-germanismul și rolul Casei Regale române

Una dintre continuitățile evidente în raport cu perioada anterioară este sublinierea caracterului superficial și mimetic al occidentalizării românești, mai ales atunci când se are în vedere impactul factorului german asupra evoluției Regatului. Totuși, limbajul ideologic explicit este folosit mult mai rar decât în deceniul anterior, iar germanizarea este văzută, mai curând, ca un proces concret, de impunere a hegemoniei geopolitice și de penetrare economică germană la Dunărea de Jos, proces în cadrul căruia elitele românești au un rol de colaborator subaltern. Într-un amplu raport, redactat pe 29 august 1901[94], însărcinatul cu afaceri Somov identifica mai multe căi și metode de germanizare a României, care s-ar intensifica „într-un ritm alert”. În opinia diplomatului rus, principalii „agenți de germanizare” ar fi bancherii și marii comercianți germani (care ar fi devenit „stăpânii deplini ai țării”), propaganda catolică – care ar îmbrăca tot mai mult o „haină” germană, în detrimentul Franței – și evreii germani, importanți mai ales ca intermediari în schimburile comerciale[95]. Tema germanizării României este reluată de același Somov în alte două rapoarte din iulie–august 1902.

[90] Scrisoarea particulară a lui Giers din 15 noiembrie 1903 (doc. nr. 110).

[91] Raportul lui Somov din 19 august 1901 (doc. nr. 65), precum și următorul raport al aceluiași diplomat din 22 august 1901 (doc. nr. 66).

[92] Raportul lui Somov din 1 noiembrie 1902 (doc. nr. 89).

[93] Rapoartele lui Giers și Lermontov din 13 februarie, 2 aprilie și 12 iulie 1904 (doc. nr. 117, 121, 129), precum și cel din 22 martie 1905 (doc. nr. 153).

[94] Doc. nr. 67.

[95] *Ibidem*.

Chiar dacă se axează, în special, pe aspectele economice, mai ales pe dominația germană în sfera bancară și pe comerțul cu cereale, domeniu în care comercianții germani își asiguraseră preponderența, Somov subliniază și filo-germanismul exagerat al guvernului condus de D. A. Sturdza. Constatând că noii miniștri liberali Costinescu și Stătescu ar fi „aprigi adepți ai Germaniei”, diplomatul remarcă filo-germanismul prim-ministrului, care „își afișează, până la ridicol, admirația pentru tot ce este german. El declară deschis că tinerii români nu au ce învăța în Franța și că locul lor este în Germania”. Mai mult chiar, „încă niciunul dintre numeroasele guverne ale României nu s-a remarcat niciodată printr-o orientare filogermană atât de evidentă”[96]. Ostilitatea crescândă a diplomației ruse față de influența germană în România este evidentă și într-un raport al lui Giers din mai 1905. În contextul inaugurării unei noi linii românești de comunicații maritime și a unui cablu submarin la Constanța, trimisul rus subliniază că „influența Germaniei în România crește destul de mult în momentul actual”, iar „românii, fiind îmbătați de succesul lor [este vorba de *iradeaua* sultanului de recunoaștere a comunității aromâne din Macedonia], nu își dau încă seama cât de scump îi va costa asigurarea bunăvoinței germane”[97]. Giers remarca, îndeosebi, „energia constantă cu care Germania își promovează interesele sale economice în România”[98]. Astfel, critica generică a modelului occidental preluat de elitele românești este treptat înlocuită de condamnarea germanizării, reflectând, probabil, și reconfigurarea alianțelor Imperiului Rus.

Atitudinea diplomaților ruși față de Casa Regală și, mai ales, față de persoana regelui Carol I continuă să fie fluctuantă și ambiguă, deși monarhul român devine tot mai rar obiectul unor acuzații directe de promotor al „catolicizării” și „germanizării”. În ultimii săi ani de mandat, Fonton se preocupă cu precădere de relatarea unor incidente familiale, călătorii sau aniversări ale membrilor familiei regale, fără a reflecta asupra statutului monarhiei. În schimb, noul trimis rus la București, Mihail Giers, este în faza inițială extrem de critic față de rolul și comportamentul regelui, reluând, în mare parte, retorica ostilă monarhiei române caracteristică pentru sfârșitul anilor 1880. Astfel, într-un raport din aprilie 1903, Giers folosește un limbaj destul de dur la adresa lui Carol I, acuzându-l pe rege că „lucrează cu hotărâre pentru instaurarea în România a culturii germane și pentru apropierea ei de Austro-Ungaria și Germania”, manifestând un „spirit [...] de ostilitate față de Rusia și lumea slavă, de frică față de acestea și de convingere că trebuie să caute sprijin și salvare în Occident”[99]. Acest discurs bazat pe antagonismul civilizațional dintre germanitate și lumea slavă, tot mai popular în cercurile conducătoare rusești odată cu creșterea influenței curentului panslavist, denotă existența unor continuități care nu au fost cu totul suprimate de tendința crescândă spre pragmatism din primii ani ai secolului XX. Mai mult, repetând aproape *ad litteram* vituperațiile anti-dinastice caracteristice predecesorilor săi, Hitrovo și Lodâjenski, Giers afirmă că regele „nu a reușit să capteze dragostea și popularitatea supușilor săi. Nu a reușit să devină român, deoarece și-a descoperit foarte devreme disprețul față de poporul pe care îl conduce și a imprimat activității sale caracterul unei binefaceri străine, bazate pe convingerea că viitorul României rezidă în germanizarea sa și în impunerea aici a intereselor germane”[100].

Nu e de mirare că trimisul rus încheie această caracterizare deloc măgulitoare prin a constata că monarhul român „nu este exponentul și bastionul intereselor naționale în țară, ci al intereselor străine”[101]. Totuși, atitudinea lui Giers față de regele Carol I s-a modificat

---

[96] Raportul lui Somov din 22 iulie 1902 (doc. nr. 81).
[97] Raportul lui Giers din 18 mai 1905 (doc. nr. 160).
[98] *Ibidem*.
[99] Raportul lui Giers din 14 aprilie 1903 (doc. nr. 104).
[100] *Ibidem*.
[101] *Ibidem*.

substanțial în următorii ani, moderându-se și nuanțându-se destul de mult. Chiar dacă suspiciunea față de intențiile și strategiile de politică externă ale monarhului român a persistat, ostilitatea și vehemența din rapoartele lui Giers s-au estompat treptat. Astfel, într-un raport de la sfârșitul anului 1905, redactat în contextul decesului fratelui lui Carol I, Leopold de Hohenzollern-Sigmaringen, care îl afectase profund pe monarh, și al agravării stării de sănătate a regelui, tonul trimisului rus devine mult mai îngăduitor. Precizând că regele nu este „iubit în România", Giers nu ezită totuși să sublinieze remarcabilul succes politic al lui Carol I în a-și impune voința asupra politicienilor români. Remarcând „perseverența și capacitatea de rezistență" a regelui, diplomatul rus afirmă textual că, în ultimul timp, „autoritatea și prestigiul regelui Carol" au crescut semnificativ, în contrast cu criza tot mai evidentă a partidelor politice, deoarece bătrânul monarh „reprezintă singurul element de înțelepciune și trăinicie din țară"[102]. Deosebit de interesantă și revelatoare este comparația lui Giers între prestigiul incontestabil și tot mai consolidat al regelui și reputația proastă a principelui Ferdinand: „Ei [românii] îl prețuiesc, în mod deosebit [pe regele Carol], la momentul actual, atât de agitat pentru întreaga Europă, cu atât mai mult cu cât moștenitorul tronului român nu este, nici pe departe, o personalitate remarcabilă și nu le inspiră românilor nici încredere, nici respect"[103]. În concluzie, chiar dacă dinastia română este în continuare percepută drept străină și fără rădăcini durabile în țară, având o imagine cel puțin ambiguă în ochii diplomaților ruși, acest fapt nu mai reprezintă un pilon central al „alterității" Casei domnitoare, iar regele Carol I se impune în mod definitiv ca o figură inconturnabilă a vieții politice românești.

Spre deosebire de perioada anterioară, regina Elisabeta este mult mai puțin prezentă în relatările diplomaților ruși. Totuși, într-un raport al însărcinatului cu afaceri Somov din 7 august 1902, regina apare într-o postură neașteptată, ca admiratoare și chiar propagatoare a filosofiei lui Lev Tolstoi în România, confirmându-și reputația unei firi romantice, artistice și mult prea „democratice" pentru standardele diplomației ruse din acea epocă[104]. Este curios că Somov s-a angajat într-o adevărată polemică ideologică cu regina, combătând cu vigoare opinia ei că scriitorul-filozof rus ar fi „neprihănit și inofensiv" și notând ironic zvonurile privind o posibilă sosire a lui Tolstoi în România, ceea ce a făcut ca „pasiunea reginei Elisabeta pentru Tolstoi" să nu fie „nici pe departe împărtășită de către întreaga societate românească"[105]. Acesta este unul dintre puținele exemple ale prezenței referințelor culturale rusești în discursul elitelor române și ale „ciocnirii" directe a două viziuni opuse privind interpretarea și semnificația culturii ruse din acea vreme, altfel tot mai vizibilă la nivel european.

c) Ortodoxia ca factor identitar și rolul „propagandei catolice"

Dacă în deceniul anterior (1888–1898) problema religioasă figura ca un element central în discursul critic al diplomaților ruși în raport cu realitatea românească, în perioada reflectată în acest volum asistăm la o descreștere a ponderii acestor documente. Chiar dacă modernizarea românească în ansamblu este percepută ca una de fațadă și fără substanță, atenția observatorilor ruși se axează mai curând asupra aspectelor seculare ale occidentalizării. Totuși, fără a fi vorba despre o preocupare la fel de obsesivă pentru amenințarea „latinismului", tema propagandei catolice în Regat rămâne de actualitate. Ea se îmbină însă cu îngrijorarea manifestată de trimișii Imperiului Rus față de problemele interne și „superficialitatea" ortodoxiei românești, trăsături considerate chiar mai periculoase, pe termen lung,

[102] Raportul lui Giers din 8 decembrie 1905 (doc. nr. 184).
[103] *Ibidem*.
[104] Raportul lui Somov din 7 august 1902 (doc. nr. 84).
[105] *Ibidem*.

decât intrigile și prozelitismul catolic. Această schimbare de accente este treptată, dar pare să reflecte o oarecare „normalizare” a imaginii României, dublată de o tendință de interpretare a religiei ca instrument geopolitic. Anume acest lucru reiese din afirmația destul de surprinzătoare a lui Somov că „principalul aliat în opera de germanizare este propaganda catolică”[106]. Un alt raport destul de interesant, redactat spre sfârșitul mandatului lui Fonton, în august 1902, aduce în discuție existența unor rețele filoruse (în speță, legate de familia Rosetti-Roznovanu) și a unei filiere de atracție culturală a imperiului vecin prin intermediul studiilor teologice. Cu acest prilej, trimisul rus constată o îngrijorare crescândă în rândul „lumii evlavioase” din Regat din cauza „stării deplorabile a preoțimii române”, care ar putea avea drept potențială consecință pregătirea „terenului pentru propaganda catolică și protestantă din țară”[107]. Totodată, Fonton subliniază situația extrem de precară și prestigiul scăzut al clerului românesc, un laitmotiv ce se întâlnește frecvent și în relatările altor diplomați ruși: „[...] clerul român nu posedă, nici pe departe, calitățile și cunoștințele necesare” pentru a-și îndeplini cum se cuvine misiunea pastorală[108]. Este remarcabilă atenția acordată de diplomat argumentelor clerului superior și guvernului român privind ineficiența propagandei catolice, în contrast cu obișnuita atitudine sceptică a trimișilor ruși. Totuși, concluzia lui Fonton este destul de elocventă, reluând retorica observatorilor ruși de condamnare a indiferentismului religios românesc, asociat cu proiectul de modernizare și opus valorilor tradiționale aflate în criză: „Rămâne să sperăm doar că această țară va scăpa cât mai repede de superficialitatea cu care tratează tot ce este legat de religia națională”[109]. Spectrul „propagandei catolice” din România reapare în două rapoarte ale lui Mihail Giers redactate în anul 1904. Primul dintre ele apreciază drept „puțin convingătoare” asigurările clerului român privind lipsa de impact a propagandei catolice în țară, invocând „anumite indicii asupra succeselor acestei propagande în România”, care s-ar conține în presa catolică din Europa Occidentală[110]. Ca și în cazul predecesorului său, trimisul rus are grijă să accentueze însă gravitatea presupusei crize interne a ortodoxiei române, condamnând fără echivoc politica guvernamentală în domeniul religios și „atitudinea guvernului român și, parțial, a clerului ortodox din România față de educația religioasă și față de satisfacerea nevoilor religioase ale poporului român, care apare drept mult mai tristă și, posibil, mult mai susceptibilă de a duce la consecințe nefaste” decât eforturile propagandei catolice[111]. În încheierea acestei relatări, discutând problemele legate de educația religioasă din zonele rurale ale regatului, Giers adoptă aceeași perspectivă sumbră ca și Fonton, doi ani mai devreme, subliniind că a fost „frapat într-un mod destul de grav de acea împrejurare că o țară ortodoxă, care se remarca, în trecut, prin propria religiozitate, permite în ziua de azi ca enoriașii din șapte sute de parohii rurale să fie lipsiți de orice fel de ghidare spirituală”[112]. Dincolo de ecourile discursului tradițional de reprezentare a Rusiei ca protector al ortodoxiei în Balcani, persistă subiacent temerea că politica de secularizare a statului modern va avea efecte ireversibile asupra maselor de țărani, considerate încă un element capabil să reziste tentațiilor și pericolelor modernității. Al doilea raport al lui Giers se axează asupra unor manifestări concrete ale „propagandei catolice”, legate de activitatea congregației *Notre Dame de Sion* în România. Observând că „gradul de răspândire a propagandei catolice” este dificil de evaluat din cauza „misterului în care este

[106] Raportul lui Somov din 29 august 1901 (doc. nr. 67).
[107] Raportul lui Fonton din 15 august 1902 (doc. nr. 85).
[108] *Ibidem*.
[109] *Ibidem*.
[110] Raportul lui Giers din 11 martie 1904 (doc. nr. 119).
[111] *Ibidem*.
[112] *Ibidem*.

învăluită activitatea instituțiilor catolice din regat și a insuficienței controlului exercitat asupra lor de către autoritățile guvernamentale”[113], Giers reproduce astfel fobiile recurente în cercurile oficiale și intelectuale rusești privind activitatea clandestină și subversivă a „elementului catolic” în țările ortodoxe. Totuși, diplomatul nu ezită să discute pe larg și în cheie favorabilă măsurile propuse de către ministrul liberal al Instrucțiunii Publice, Spiru Haret, pentru combaterea „acestei propagande [catolice], în special în institutele de fete ținute și patronate de către congregația *Notre Dame de Sion* la București, Iași și Galați”[114]. Intenția ministrului de a lua măsuri contra „încercări[lor] de a abate copiii ortodocși de la calea cea dreaptă prin convertirea la credința catolică” este percepută ca atipică și chiar surprinzătoare pentru politica elitelor românești. Potrivit lui Giers, o asemenea tendință ar fi contrară opiniei dominante, conform căreia guvernul „ar trebui să fie extrem de indulgent față de propaganda catolică din cauza apartenenței Majestății Sale regelui Carol confesiunii catolice”[115]. Deși în primii ani ai secolului XX preocuparea pentru statutul ortodoxiei din România și pentru înrâurirea catolicismului continuă să fie prezentă în reflecțiile diplomaților ruși, demonstrând o anumită continuitate în raport cu „punctele nevralgice” ale modernității românești, au loc și evoluții discursive importante. De exemplu, în documentele din acest fragment temporal lipsește termenul peiorativ de „latinism” (*латинство*), destul de frecvent în perioada anterioară, iar rolul monarhiei ca prezumtiv agent al catolicizării este privit mult mai nuanțat. Deși aceste schimbări nu ar trebui exagerate, iar „chestiunea religioasă” rămâne indisolubil legată, în cazul observatorilor ruși, de angoasele modernității, tendința generală de interpretare a fenomenului religios românesc este mai puțin alarmistă decât în trecut.

d) Chestiunea identitară și proiectul național românesc

Tema „construcției naționale” românești și a ierarhiilor concurente din cadrul proiectului național suscită un interes palpabil al diplomaților ruși și în perioada 1899–1905. Ca și în deceniul anterior, comparația (cel mai adesea implicită) dintre Transilvania și Basarabia structurează imaginarul politic al rapoartelor trimise de la București. Înainte de a discuta acest aspect, ar trebui să ne oprim însă asupra imaginii Dobrogei în documentele rusești din epocă. Această regiune atrage atenția în calitate de spațiu privilegiat al multi-etnicității din interiorul regatului, fiind ținta strategiilor de naționalizare și colonizare cu țărani din restul Regatului și Transilvania[116]. Atitudinea observatorilor ruși față de integrarea Dobrogei în cadrul statului român este destul de ambiguă și fluctuantă. Perspectiva cea mai critică asupra politicii centralizatoare de românizare promovate de autorități îi aparține consulului rus din Tulcea, Kartamâșev, care nu ezită să evoce abuzurile și persecuțiile la care era supusă populația multi-etnică a Dobrogei. Într-un raport extins, care analizează „politica populației” aplicată de București în Dobrogea, consulul din Tulcea deplânge valul de emigrație masivă a populației dobrogene, fenomen pus pe seama „persecuțiilor administrației românești, care asuprește și oprimă întreaga populație neromânească a județului, forțând-o pe aceasta din urmă să părăsească Dobrogea”[117]. Aceste manifestări ale politicii de omogenizare etnică sunt percepute de către diplomatul rus drept „revoltătoare față de populația neromânească din Dobrogea”,

---

[113] Raportul lui Giers din 5 septembrie 1904 (doc. nr. 131).

[114] *Ibidem*.

[115] *Ibidem*.

[116] Pentru politicile economice și demografice ale României în Dobrogea la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX: Constantin Iordachi, *Citizenship, Nation – and State-Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913*, Pittsburg, University of Pittsburg, 2002; Idem, *De la o „capcană geopolitică” la „vechi pământ românesc”: integrarea Dobrogei în România, 1878–1913*, în „Archiva Moldaviae”, V, 2013, p. 233–286.

[117] Raportul lui P. A. Kartamâșev din 31 august 1899 (doc. nr. 22).

care, se afirma, era forțată să părăsească provincia din cauza „persecuțiilor administrației românești, care a devenit urâtă și insuportabilă pentru absolut toată lumea, chiar și pentru români”[118]. Condamnarea fără echivoc a unei asemenea politici de marginalizare a populației neromânești – care era acoperită de autoritățile locale prin folosirea termenului de „românizare” – este însoțită de discutarea strategiilor de instrumentalizare patriotică folosite cu ingeniozitate de prefectul local, Nenițescu, pentru „naționalizarea spațiului”, cu scopul transformării Dobrogei într-un teritoriu românesc (mai ales prin intermediul toponimiei și al ridicării unor monumente emblematice): „Totuși, domnul Nenițescu se oferă se distragă atenția Ministerului de Interne de la abuzurile strigătoare la cer care au loc în județul Tulcea prin activitatea sa pretins patriotică și prin propaganda ideii «Dobrogea pentru români», prin construirea la Tulcea a unui monument ridicat în memoria războiului din anii 1877 și 1878 și a reunificării Dobrogei cu țara-mamă, dar și prin fondarea a două-trei așezări românești pe malul Dunării, localități cu denumiri pompoase precum *Principele Carol*, *Principele Ferdinand*, *Principesa Elisabeta*”[119].

Mai mult, consulul rus folosește acest prilej pentru a ataca retorica patriotică a funcționarilor români, pe care o consideră plină de „autosuficiență și laudă de sine”, dar și pentru a critica discursul „misiunii civilizatoare a României la Dunărea de Jos” și tendințele iredentiste care sunt articulate cu aceste ocazii, manifestate prin „atacuri împotriva Rusiei” și chiar „speranțe [...] că malul opus, basarabean, al Dunării va deveni în curând, din nou, românesc”[120]. Acest document oferă o imagine destul de clară a tensiunilor persistente în relațiile ruso-române la Dunărea de Jos și a contradicțiilor fundamentale privind abordarea multietnicității în context național și imperial. Totodată, este evident că abordarea diplomatului rus reprezintă și o lectură critică a proiectului național românesc în ansamblu. Această impresie este consolidată de observațiile lui Kartamâșev din partea finală a raportului, care pun sub semnul întrebării potențialul colonizator al românilor în Dobrogea: „[...] speranțele de populare a Dobrogei de către români nu sunt întemeiate, deoarece țăranului român nu îi place să își părăsească locurile de obârșie și câmpurile sale roditoare și mănoase, iar acesta nu va dori să se strămute în Dobrogea, care îi este necunoscută și care, în general, nu are o reputație foarte bună în rândul românilor autohtoni”[121]. Totuși, în primii ani ai secolului XX, trimișii ruși la București își schimbă parțial perspectiva, constatând importanța crescândă a Dobrogei pentru proiectele de viitor ale Regatului. Abținându-se, în general, de la remarci critice, ei tind să reproducă percepția elitelor românești că regiunea în cauză este esențială pentru progresul economic și deschiderea României spre exterior. Astfel, în unul din primele sale rapoarte trimise la Petersburg, din noiembrie 1902, Giers invoca o comparație extrem de sugestivă a regelui Carol I dintre Basarabia de Sud și Dobrogea. Monarhul i-ar fi declarat diplomatului rus că, „în schimbul părții Basarabiei care a trecut la Rusia, România a primit o țară ce posedă incomparabil mai multe resurse și care are un viitor asigurat”[122], subliniind și „consecințele binefăcătoare [...] pe care el le așteaptă de la stăpânirea portului maritim Constanța”, ca viitor debușeu maritim al României[123]. Aceeași abordare reiese și dintr-un alt document, dedicat ambițiilor maritime ale României, datând din mai 1905, în care Giers menționează că, în discursul său de la Constanța, regele ar fi calificat Dobrogea drept „perlă a coroanei române”, datorită căreia România și-ar fi „obținut independența și posibilitatea unor relații directe cu întreaga lume, prin intermediul navelor sale”[124]. Totuși, tonul trimisului rus

[118] *Ibidem*.
[119] *Ibidem*.
[120] *Ibidem*.
[121] *Ibidem*.
[122] Raportul lui Giers din 26 noiembrie 1902 (doc. nr. 91).
[123] *Ibidem*.
[124] Raportul lui Giers din 19 mai 1905 (doc. nr. 161).

este destul de sceptic în privința perspectivelor maritime ale regatului. Giers vorbește despre „încrederea de sine exagerată” manifestată de elitele românești în contextul recentului succes diplomatic repurtat în „chestiunea macedoneană” și despre iluziile regelui Carol că „România reprezintă deja o forță care nu mai poate fi ignorată”[125]. În pofida acestor rezerve, integrarea Dobrogei este treptat percepută ca un succes incontestabil al proiectului național românesc.

„Chestiunea ardeleană” este, firește, destul de prezentă atât în polemicile privind politica internă din Regat (de exemplu, în legătură cu conflictele dintre liberali și conservatori și cu acuzațiile împotriva strategiei guvernului D. A. Sturdza față de Transilvania în perioada 1895–1899)[126], cât și în legătură cu preocupările permanente ale diplomaților ruși privind relațiile României cu Tripla Alianță, mai ales în contextul zvonurilor referitoare la reînnoirea tratatului cu Puterile Centrale de pe parcursul anilor 1901–1902. De exemplu, în vara anului 1901, însărcinatul cu afaceri Somov trimitea câteva rapoarte alarmiste superiorilor săi din Sankt Petersburg în legătura cu posibila existență a unui acord militar austro-român, acuzând totodată Austro-Ungaria că ar încerca să distragă atenția Bucureștiului de la situația românilor din Transilvania prin „generarea unor dificultăți în relațiile României cu vecinii săi slavi, pentru a o constrânge să se apropie mai mult de alianța ostilă slavilor, iar, ulterior, pentru a o supune dominației sale economice, la fel ca în cazul Serbiei”[127]. Suspiciunea permanentă a Rusiei față de „intriga austro-ungară în Balcani” și față de posibilele înțelegeri militare dintre România și monarhia dualistă se manifestă fățiș și în câteva rapoarte ale aceluiași Somov din vara anului 1902[128]. Totuși, după instalarea în postul de la București, Giers începe să acorde o atenție sporită locului Transilvaniei în cadrul ierarhiilor naționale românești. Deosebit de interesant în acest sens este raportul său din 10 septembrie 1903, consacrat în mod special relațiilor dintre statul român și „conaționalii [...] de peste Carpați, incluși în componența Ungariei”. După o trecere în revistă a influenței exercitate în trecut de modelul cultural transilvănean asupra Principatelor Dunărene, subliniind în special rolul esențial al românilor de peste Carpați pentru evoluția economică și culturală a Regatului, chiar și după formarea monarhiei dualiste, Giers constată că, în ultimele decenii, rolurile s-au inversat: „[...] grație independenței sale, [România] însăși exercită asupra provinciilor înrudite, care se află încă sub jug maghiar, influența pe care o recepta de la acestea cândva”[129]. Diplomatul rus evidențiază destul de clar locul central al Transilvaniei în imaginarul politic românesc, vorbind despre un consens politic național orientat spre consolidarea treptată a influenței românești în Ardeal, „având drept scop final, fără îndoială, pregătirea terenului pentru reunirea respectivelor provincii cu România”[130]. Invocând opiniile lui Take Ionescu și D. A. Sturdza privind importanța vitală a unirii Transilvaniei cu Regatul pentru asigurarea unui viitor durabil construcției naționale românești, trimisul rus afirmă că până și regele Carol I, cunoscut pentru prudența sa extremă în politica externă, „fără a ieși din limitele admise, nu va pierde [...] nici o ocazie pentru a întări la transilvăneni aspirațiile naționale”[131]. Din punct de vedere pragmatic, Giers insista și pe posibilele avantaje pe care le-ar putea extrage Rusia din antagonismul crescând al elitelor românești față de Ungaria și din „pericolul evident” pe care l-ar reprezenta statul maghiar atât pentru românii transilvăneni, cât și pentru Regat[132]. În aceeași cheie, într-un raport

[125] *Ibidem*.
[126] Raportul lui Fonton din 29 martie 1899 (doc. nr. 8).
[127] Raportul lui Somov din 6 august 1901 (doc. nr. 63).
[128] Rapoartele lui Somov din 14 și 31 iulie 1902 (doc. nr. 79 și 82).
[129] Raportul lui Giers din 10 septembrie 1903 (doc. nr. 109).
[130] *Ibidem*
[131] *Ibidem*.
[132] *Ibidem*.

din martie 1905, Giers discută poziția extrem de critică a regelui față de o posibilă alianță între românii ardeleni și naționaliștii maghiari din jurul lui Ferenc Kossuth, care se opuneau acordului din 1867. Abordând temerile lui Carol I că victoria naționaliștilor maghiari „va avea drept consecință doar o oprimare și mai puternică a naționalității române care a intrat în componența Coroanei Sf. Ștefan" și „maghiarizarea românilor în mod definitiv și cu desăvârșire", diplomatul rus nu ezită să conchidă că regele Carol I „încearcă asiduu să stabilească niște relații cât mai apropiate cu putință între românii din Transilvania și conaționalii lor din Regatul Român"[133]. De altfel, interesul constant al monarhului român față de Transilvania și evoluțiile politice din monarhia dualistă, în contextul discuțiilor privind introducerea votului universal, sunt remarcate de Giers și în toamna anului 1905. Mai mult, trimisul rus îi atribuie regelui opinia că, în urma acestei reforme, „naționalitatea românească din Ungaria va dobândi o importanță politică deosebită și că, totodată, în sânul acesteia se va întări conștiința privind înrudirea și afinitatea sa etnică cu populația Regatului Român"[134]. Ca și în trecut, diplomația rusă are o atitudine mai curând pozitivă față de revendicările naționale românești în Transilvania, urmărind scopul dublu al slăbirii rivalului său austro-ungar și al devierii atenției opiniei publice românești în direcția Carpaților, în detrimentul „chestiunii basarabene".

În general, până în anul 1905, interesul reprezentanților diplomatici ruși în România pentru Basarabia este destul de scăzut, limitându-se la anumite chestiuni „tehnice" legate de securitatea sau reglementarea frontierei de la Prut, fără a atinge aspecte politice sau identitare mai sensibile[135]. Din aceeași categorie face parte și relatarea destul de seacă a lui Giers privind vizita guvernatorului Basarabiei, S. D. Urusov, la Iași, la începutul lunii octombrie 1904, acesta „urmând să prezinte Majestății Sale adresarea oficială de salut din partea împăratului" cu ocazia vizitei regale la Iași și ca răspuns la felicitarea trimisă de Carol I cu prilejul nașterii moștenitorului tronului Imperiului Rus, Alexei[136]. Situația se schimbă dramatic la începutul anului 1905, odată cu declanșarea crizei revoluționare din Imperiul Rus și cu intensificarea mișcării naționale din Basarabia. Vom aminti aici, mai întâi, raportul lui Giers din 11 februarie 1905, în care trimisul rus discută și analizează impactul unui „apel al Comitetului Central al Ligii Culturale a Românilor Basarabeni", inițiat și semnat de un grup de emigranți basarabeni cu simpatii sau afilieri socialiste[137]. Deși încearcă să minimalizeze semnificația acestui document, diplomatul rus remarcă „scopul politic" al apelului respectiv și îndeamnă guvernul român să „pună capăt acestei propagande condamnabile, care ar putea duce la anumite neînțelegeri nedorite între statele noastre"[138]. Chiar dacă Giers pare optimist în privința atitudinii guvernului român în această problemă, îngrijorarea reprezentantului rus la București devine chiar mai evidentă în concluzia raportului, care ni se pare deosebit de sugestivă: „Totuși, nu poate fi pus la îndoială faptul că, din cauza dezvoltării extreme a sentimentelor naționale, românii mereu vor nutri o oarecare simpatie, în suflet, față de tot ceea ce

---

133 Raportul lui Giers din 23 martie 1905 (doc. nr. 154).

134 Raportul lui Giers din 20 septembrie 1905 (doc. nr. 173).

135 Ca exemplu, a se vedea raportul lui Fonton din 4 iunie 1902, doc. nr. 77 (privind măsurile de contracarare a contrabandei) și cel al lui Giers din 14 aprilie 1904, doc. nr. 124 (privind crearea unei comisii mixte ruso-române de reglementare a frontierei de la Prut).

136 Raportul lui Giers din 3 octombrie 1904 (doc. nr. 133). O prezentare mult mai detaliată a acestei vizite, inclusiv a dimensiunilor sale simbolice și a unor ecouri din presa românească a vremii se poate găsi în memoriile cneazului S. D. Urusov: С. Д. Урусов, *Записки губернатора. Бессарабия, 1903–1904 гг.,* Москва, Изд. Захаров, 2016; în limba română: S. D. Urusov, *Însemnările unui guvernator: Chișinău 1903–1904*, traducere de Vsevolod Ciornei, studiu introductiv și note de Virgil Pâslariuc, Chișinău, Cartier, 2019.

137 Raportul lui Giers din 11 februarie 1905 (doc. nr. 151).

138 *Ibidem*.

ar putea contribui la o mai mare apropiere a basarabenilor față de consângenii lor din regat"[139]. Un alt document extrem de interesant, care invocă în mod tranșant amenințarea „iredentismului românesc" în Basarabia, este raportul lui Giers din 18 noiembrie 1905. Acest raport este un răspuns la scrisoarea guvernatorului Basarabiei, A. N. Haruzin, care reflecta slăbirea și criza profundă a autorității centrale în Basarabia în perioada de apogeu a revoluției și scotea la iveală temerile și îngrijorările tot mai acute privind caracterul contestat al provinciei. Haruzin solicita informații privind zvonurile referitoare la intenția României de „a ocupa Basarabia [...] în cazul apariției unor condiții favorabile" și se interesa de „atitudinea guvernului român față de populația guberniei Basarabia în cazul izbucnirii, în cuprinsul acesteia, a unor dezordini agrare cu caracter de masă"[140]. Chiar dacă dezmințea categoric aceste zvonuri, punând accent pe dependența României față de Germania în chestiunile de politică externă și pe prudența incontestabilă a regelui Carol I, care domina autoritar acest domeniu, Giers afirma totuși fără ocolișuri că „regele Carol și miniștrii săi, fără îndoială, încurajează dezvoltarea tendințelor naționale ale românilor, [...] nutrind, se prea poate, visul că se apropie timpul alipirii acestei gubernii a noastre la coroana română"[141]. Asemenea afirmații erau aproape fără precedent în cazul diplomației ruse, mai ales atunci când se refereau la persoana monarhului român, dar ele sunt foarte relevante pentru starea de angoasă și incertitudine care domnea în cercurile conducătoare ale Imperiului Rus la sfârșitul anului 1905. Giers considera că regele gândea suficient de pragmatic ca să nu-și „asume, în mod deschis, susținerea stindardului aspirațiilor naționale românești" decât în anumite condiții favorabile, care însă erau departe de a se fi cristalizat, ajungând la o concluzie mai curând optimistă: „[...] guvernul de aici nu manifestă, la momentul actual, nici un fel de intenții agresive față de Basarabia"[142]. Cu toate acestea, spectrul „iredentismului românesc" nu putea fi ignorat cu totul din cauza activității unor „asociații patriotice" care, profitând de criza internă din imperiul vecin, „își trimit emisarii lor pe teritoriul nostru pentru a deștepta, printre moldovenii noștri, sentimentele naționale românești"[143]. Totodată, anticipând cu perspicacitate evenimentele din 1907, în contextul revoltelor țărănești care cuprinseseră o mare parte a Rusiei europene, inclusiv Basarabia, trimisul rus opina că acești emisari naționaliști vor avea dificultăți în a exploata nemulțumirea țăranilor basarabeni, „deoarece în România propriu-zisă relațiile agrare dintre țărani și moșieri amenință să provoace, în viitor, complicații și dificultăți serioase"[144]. Având în vedere experiența dureroasă (pentru elite) a revoluției ruse de la periferii, care împletise în mod indisolubil revendicările agrare cu cele de emancipare națională, nu este de mirare că „profeția" sumbră a lui Giers nu va întârzia să se realizeze, inclusiv prin efectul de „contaminare" al modelului revoluționar rus.

e) Antisemitismul și „chestiunea evreiască"

Începutul secolului XX s-a caracterizat printr-o acutizare și radicalizare a „chestiunii evreiești" în Europa de Est, mai cu seamă în Rusia[145] și teritoriile limitrofe[146], inclusiv în

---

139 *Ibidem*.

140 Raportul lui Giers din 18 noiembrie 1905 (doc. nr. 183).

141 *Ibidem*.

142 *Ibidem*.

143 *Ibidem*.

144 Rapoartele lui Giers din 18 noiembrie 1905 (doc. nr. 183) și 9 decembrie 1905 (doc. nr. 185).

145 Stefan Wiese, *Pogrome im Zarenreich. Dynamiken kollektiver Gewalt*, Hamburg, Hamburger Edition, 2016; *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*, edited by John D. Klier and Shlomo Lambroza, Cambridge, Cambridge University Press, 1992.

146 Irina Marin, *Peasant Violence and Antisemitism in Early Twentieth-Century Eastern Europe*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018.

Regatul României. Pe de o parte, este vorba despre pogromul de la Iași, una dintre primele manifestări anti-evreiești de amploare, care a avut loc pe 16 mai 1899, și de emigrația masivă a evreilor români în Occident, care a atras atenția autorităților române și a presei din străinătate[147]. Pe de altă parte, este vorba de pogromul din aprilie 1903 de la Chișinău[148], care a „internaționalizat" problema violenței antisemite în interiorul Imperiului Romanovilor, dând naștere și unei polemici acerbe privind posibila implicare a guvernului țarist în aceste evenimente. Impactul fără precedent al violențelor de la Chișinău a putut fi sesizat atât în rândurile opiniei publice ruse și occidentale, cât și, mai ales, în sânul comunității evreiești din Basarabia și sudul Rusiei, declanșând un vast proces de emigrare care a avut repercusiuni și asupra României, ca țară de tranzit. Într-o cheie oarecum neașteptată, „chestiunea evreiască" a devenit unul dintre puținele elemente de afinitate politică și chiar solidarizare indirectă a elitelor ruse și române în această perioadă. Antisemitismul economic și religios tradițional, împărtășit – în diverse forme – de varii categorii ale populației din ambele state a fost suplimentat de agravarea crizei economice după anul 1900, precum și de accentuarea tot mai pregnantă a retoricii „pericolului evreiesc" pentru sănătatea „corpului națiunii", de ambele părți ale frontierei. Emigrația evreiască din România, și mai ales consecințele devastatoare ale acesteia, sub aspect economic și de imagine în străinătate[149], erau remarcate constant de diplomații ruși. Astfel, într-o depeșă din septembrie 1902, Fonton observa, pe de o parte, faptul că „evreii din România se bucură de mai puține drepturi decât în oricare altă țară" și că „sunt asimilați străinilor", însă, pe de altă parte, nu se abținea de la observația că „acordarea pentru evreii români a drepturilor politice și a altor drepturi ar echivala pentru regat cu o condamnare la moarte". Supralicitând, într-o cheie neobișnuit de emoțională pentru el, tema „pericolului evreiesc", trimisul rus nu se sfia să schițeze o imagine dezolantă a unei Românii „invadate" de evrei, care ar inunda „armata, administrația și toate profesiile [...], iar din Regatul Român ortodox ar rămâne doar o simplă amintire". Concluzia raportului nu este mai puțin exaltată, insistând pe faptul că, prin măsurile discriminatorii contra evreilor și respingerea ingerințelor puterilor occidentale, „guvernul României îndeplinește o datorie sfântă, apărând însăși existența și independența țării"[150].

Prezumtivul „pericol evreiesc" apare într-o dublă ipostază în documentele rusești. Mai întâi, evreii sunt percepuți ca un element alogen și destabilizator, un „dușman intern" care slăbește coeziunea regatului și provoacă reacția justificată a „tineretului patriotic". În acest sens, semnificația emigrației evreilor este tratată în termeni neutri sau chiar pozitivi, iar polemica iscată de dimensiunile tot mai impresionante ale acestui fenomen este pusă pe seama unor „instigări" și „agitații din partea asociațiilor evreiești din Europa Centrală"[151]. Ca și în cazul Rusiei, evreii sunt asociați cu socialismul și cu „nivelul moral foarte scăzut al presei" românești[152], consolidându-se imaginea acestei comunități ca un factor nociv pentru tânărul stat românesc. Astfel, chiar și violențele contra evreilor – în speță, pogromul de la Iași din mai 1899 – sunt minimalizate și „normalizate" în relatările diplomaților ruși. În raportul

[147] Carol Iancu, *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*, Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.

[148] Edward H. Judge, *Easter in Kishinev. Anatomy of a Pogrom*, New York, New York University Press, 1992; *Кишинёвский погром 1903 года: Взгляд через столетие. Материалы международной научной конференции*, Под ред. Я. М. Копанского, Кишинёв, Понтос, 2004.

[149] Dumitru Vitcu, Mihai-Ștefan Ceaușu, *Emigrarea evreilor est-europeni în America la începutul secolului al XX-lea (motivații, strategii și implicații politice)*, în „Studia et Acta Historiae Iudaeorum Romaniae" (Iași), vol. VIII, 2003, p. 75–96.

[150] Depeșa lui Fonton din 12 septembrie 1902 (doc. nr. 86).

[151] Rapoartele lui Fonton din 14 și 24 iunie 1900 (doc. nr. 36 și 37).

[152] Raportul lui Fonton din 24 iunie 1900 (doc. nr. 37).

consulului din Iași, B. K. Arseniev, din 22 mai 1899, de altfel foarte detaliat și interesant, aceste evenimente sunt calificate sec drept „tulburări și dezordini”, iar accentul este pus, mai curând, pe manipulările politice ale liberalilor decât pe gravitatea incidentului în sine[153]. Evreii din Basarabia care încearcă să părăsească Rusia în timpul evenimentelor revoluționare, în anul 1905, trecând prin România, sunt percepuți ca o amenințare directă la adresa securității statului[154]. O a doua dimensiune a „chestiunii evreiești” ține de ingerințele străine în politica internă românească. Într-o paralelă evidentă cu polemicile contemporane din Rusia, diplomații imperiali relatează pe larg indignarea factorilor de decizie de la București față de orice încercări de „internaționalizare” a situației evreilor români, fie că ar fi vorba despre călătoria de informare și campania de presă inițiată de către Bernard Lazare[155] sau despre poziția critică a Statelor Unite față de politica guvernului român, în contextul emigrației masive a evreilor români spre America[156]. Astfel, unii diplomați ruși proiectau anumite angoase și fobii ale unei părți a elitelor imperiale asupra cazului românesc, subliniind adesea paralelisme și dileme comune celor două state.

f) „Chestiunea socială”, amenințarea revoluționară și „incidentul *Potemkin*”

Având în vedere percepția – în continuare destul de pregnantă în discursul diplomaților ruși – a modernității românești drept un proiect himeric, superficial și lipsit de substanță, o „formă fără fond” bazată pe imitația necritică a Occidentului, nu este deloc surprinzător că, la fel ca și în deceniul anterior, starea țărănimii române este văzută drept una deplorabilă, iar fundamentele sociale ale Regatului sunt percepute ca fiind șubrede. O asemenea viziune „populistă”, cu accente slavofile, a țărănimii române drept principala victimă a modernizării (și, prin extensie, drept potențial aliat al Rusiei, contrar tendinței impuse forțat de elitele occidentalizate), este amplificată de criza economică care se instalează în România începând cu anii 1899–1900 și care provoacă reflecții de tipul acestui fragment elocvent dintr-un raport al lui Fonton redactat în ianuarie 1899: „[...] activitatea de durată a guvernelor românești ostile Rusiei nu a fost capabilă să zdruncine în masele populației de la sate, care formează nucleul regatului, imaginea formată istoricește, timp de secole, despre țarul Pravoslavnic ca apărător suprem al tuturor ortodocșilor”[157]. În același timp, diplomații ruși rămân sensibili atât la eventuale nemulțumiri și dezordini țărănești, de felul celor izbucnite pe parcursul anului 1899, cât și la alte fațete ale realității sociale românești, precum „chestiunea muncitorească”. Astfel, într-un raport al lui Fonton din februarie 1902, găsim una dintre puținele relatări despre o manifestare a „clasei muncitoare”, însă, contrar așteptărilor, nu este vorba despre un exemplu al temutei „agitații socialiste”, ci despre anumite revendicări legate de ponderea prea mare a muncitorilor străini care le-ar face concurență neloială celor autohtoni. Într-un ecou ciudat al dezbaterilor contemporane din Rusia, Fonton își încheie raportul cu următoarea concluzie: „Chiar dacă clasa muncitorească română nu afirmă deschis acest lucru, în realitate ea urmărește, se pare, eliminarea necondiționată din țară a tuturor muncitorilor străini, lucru care, desigur, nu este considerat posibil de către guvern”[158]. Dacă socialismul românesc este aproape ignorat de observatorii ruși, făcându-și apariția doar sporadic în

[153] Raportul lui Arseniev din 22 mai 1899 (doc. nr. 12).

[154] Raportul lui Giers din 17 decembrie 1905 (doc. nr. 186).

[155] Raportul lui Somov din 22 iulie 1902 (doc. nr. 81).

[156] Rapoartele lui Fonton din 12 și 18 septembrie 1902 (doc. nr. 86 și 87).

[157] Bruionul raportului lui Fonton din 30 ianuarie 1899 (doc. nr. 2). Preocuparea lui Fonton pentru „chestiunea țărănească” și revoltele rurale din România se evidențiază și în alte câteva rapoarte redactate pe parcursul aceluiași an.

[158] Raportul lui Fonton din 17 februarie 1902 (doc. nr. 74).

documentele incluse în acest volum, pe parcursul anilor 1901 și 1902 Fonton acordă o atenție destul de mare luptei contra anarhismului, perceput în epocă drept o amenințare primordială a stabilității regimurilor politice europene. Astfel, diplomatul rus este extrem de preocupat de consolidarea solidarității ruso-române în combaterea acestui „flagel”, raportând asiduu superiorilor săi despre discuțiile pe care le are cu potentații români și despre ajustarea cadrului legislativ românesc – implicit, limitarea unor libertăți civile – ca răspuns la inițiativa germano-rusă privind intensificarea acțiunilor anti-anarhiste la nivel european[159]. Având în vedere preocuparea constantă a regelui Carol I privind întărirea solidarității monarhice în fața tacticii teroriste a mișcării anarhiste, aflată atunci în plin avânt, combaterea anarhismului devine un element destul de important al colaborării instituționale ruso-române din această perioadă.

În pofida atenției destul de efemere acordate amenințării revoluționare în cadrul relațiilor ruso-române din epocă, aceasta se regăsește, totuși, în două documente importante din primii ani ai secolului XX. În primul caz, este vorba despre un raport al lui Giers din ianuarie 1903, în care este abordată problema contrabandei literaturii revoluționare spre Imperiul Rus prin intermediul României și a cercurilor „revoluționare” din România care ar întreprinde activități contra Rusiei. Conform informațiilor lui Giers, obținute de la „agentura secretă” a Rusiei din Peninsula Balcanică, „în ultimul timp, transportul cărților și broșurilor revoluționare ruse a început să ajungă destul de des la București, la adresa fiicei fostului revoluționar rus, care a obținut cetățenia română [cel mai probabil, este vorba despre familia lui Zamfir Ralli-Arbore]. Acestea sunt expediate ulterior în secret în Rusia”[160]. La insistența lui Giers, guvernul român a luat decizia de a confisca „transporturile de cărți și broșuri revoluționare, indiferent cui ar fi adresate acestea”, iar ministrul de interne, Vasile Lascăr, l-a asigurat că „el este decis să ia toate măsurile necesare pentru încetarea oricăror activități revoluționare pe teritoriul României îndreptate împotriva Rusiei”[161]. Acest exemplu demonstrează că presiunile Rusiei asupra autorităților române în această direcție erau constante, iar importanța României ca țară de tranzit pentru literatura revoluționară destinată „consumului” în interiorul Imperiului Rus era conștientizată de ambele părți. Aceste presiuni au devenit, cu siguranță, tot mai energice odată cu izbucnirea Revoluției ruse din 1905. Al doilea document se referă la impactul direct al evenimentelor revoluționare din Rusia asupra României, fiind legat de intrarea cuirasatului răsculat „Potemkin” în portul Constanța și de reacția – ezitantă, indecisă și adesea confuză – a autorităților române față de acest incident. Acest caz ieșit din comun, care se transformase într-un eveniment cu o încărcătură simbolică foarte puternică sub „lupa” distorsionată a istoriografiei sovietice, este relevant mai ales prin ambiguitățile interacțiunilor ruso-române – fără îndoială, neașteptate și nedorite de ambele părți – care denotă o stare de confuzie și neînțelegere reciprocă. Acțiunile autorităților române, luate prin surprindere de apariția cuirasatului în portul dobrogean, au făcut obiectul unui „dublu discurs”. Astfel, dacă, la nivel oficial, statul român a fost felicitat pentru „măsurile energice care au fost luate în privința cuirasatului „Cneazul Potemkin” în timpul primei sale intrări în portul Constanța”[162] și pentru sprijinul permanent în rezolvarea cazului, însărcinatul cu afaceri Lermontov[163] nu își ascundea opinia foarte critică față de acțiunile funcționarilor

[159] Rapoartele lui Fonton din 5 decembrie 1901 (doc. nr. 72), 9 aprilie și 14 iunie 1902 (doc. nr. 76 și 78).

[160] Raportul lui Giers din 29 ianuarie 1903 (doc. nr. 101).

[161] *Ibidem*.

[162] Raportul lui Lermontov din 1 iulie 1905 (doc. nr. 165, conține 20 de anexe, publicate parțial).

[163] Serghei A. Lermontov (1861–1932), descendent al unei familii de militari, era un bun cunoscător al problematicii balcanice. Până a fi numit prim-secretar al Misiunii ruse din România (1903), a mai activat, în diverse calități, la consulatele din Sarajevo și Iași (1887–1892), în legațiile din Persia și Muntenegru, precum și în aparatul central de la Sankt-Petersburg, la Direcția Orientului Apropiat a Departamentului asiatic (1892–1895).

români: „[...] dacă nu ar fi existat frica și panica care a cuprins autoritățile române doar la aflarea veștii apropierii de Constanța a cuirasatului nostru, precum și graba manifestată de acestea în timpul negocierilor cu echipajul răsculat, tot acest regretabil eveniment s-ar fi putut încheia cu totul altfel”[164]. Imaginea demnitarilor români articulată cu acest prilej – inclusiv a ministrului de externe, generalul Iacob Lahovari, care beneficia, de obicei, de aprecieri destul de favorabile din partea lui Giers și a adjuncților săi – nu este tocmai pozitivă. În contextul revenirii navei răsculate la Constanța, după eșecul tentativelor echipajului de a se întoarce în Rusia, Lermontov condamnă atitudinea ministrului, care nu luase măsurile necesare pentru a se pregăti de o atare eventualitate, ceea ce a făcut ca „autoritățile din Constanța, aflându-se într-o adevărată stare de frică și panică din cauza posibilității de bombardare a portului de către cuirasat, să fie de acord cu predarea echipajului”[165]. Din cele relatate de trimisul rus reiese că acesta a fost indignat, în special, de neglijența afișată de autorități și de arborarea pavilionului românesc pe nava „Potemkin”, acțiune percepută ca un afront simbolic. Concluzia lui Lermontov este destul de revelatoare, accentuând faptul că „în toată această afacere acțiunile autorităților române s-au dovedit a fi nechibzuite” și că „toți reprezentanții acestora și-au pierdut capul”[166].

Se pare că această percepție negativă a fost cauzată și de atitudinea autorităților române față de echipajul răsculat, căruia i s-a permis să se predea și i s-au asigurat bilete de liberă trecere. Mai mult, acesta ar fi fost „primit pe țărm de către populația orașului [Constanța] cu manifestări ale unei anumite doze de simpatie. De la București a sosit o delegație din partea socialiștilor, care a distribuit echipajului în jur de o mie cinci sute [de lei]”[167]. Principala preocupare a autorităților ruse pare să fi fost efectul de „contaminare” pe care prezența marinarilor de pe „Potemkin” l-ar fi avut atât în România, cât și în Rusia, unde aceștia s-ar fi putut infiltra. Imaginea unei vaste rețele anarhiste existente în România, care ar fi inițiat o „propagandă energică” printre marinari, în pofida asigurărilor guvernului și ale regelui privind măsurile de combatere a acestei mișcări, era suficient de puternică pentru a provoca reacții alarmiste în rândul diplomaților ruși. Într-un raport de la sfârșitul anului 1905, Giers menționa „o corespondență vastă [...] având un caracter extrem de compromițător” între anarhiștii locali și marinarii de pe „Potemkin”[168]. O afirmație deosebit de interesantă a trimisului rus se referă la faptul că, în februarie 1904, agentura secretă rusă din România fusese „anihilată”[169], ceea ce denotă o stare de incertitudine și derută atipică pentru discursul diplomației ruse. Chiar dacă acest incident nu a afectat în mod profund relațiile ruso-române din epocă, impactul proceselor revoluționare din Rusia a schimbat, în mare măsură, dinamica percepțiilor reciproce.

Flavius Solomon
Andrei Cușco

Despre activitatea sa la Iași, a se vedea: АВПРИ, Fond 169/2, *Миссия в Румынии*, opis 511/1, dosar 217. Pentru începuturile neamului Lermontov în Rusia: *Новый энциклопедический словарь*, том 24, Петроград, Типография Акц. О-ва Издательское дело б. Брокгауз-Ефрон, [1915], p. 403; *Лермонтовская энциклопедия*, гл. ред. В. А. Мануйлов, Москва, Издательство Советская Энциклопедия, 1981, p. 467–468.

[164] *Ibidem*.

[165] *Ibidem*.

[166] *Ibidem*.

[167] Anexa la raportul lui Lermontov din 1 iulie 1905 (doc. nr. 165).

[168] Raportul lui Giers din 29 decembrie 1905 (doc. nr. 187).

[169] *Ibidem*.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предварительные рассуждения

В предыдущем томе, который охватывал 1888–1898 гг., уже отмечалась особенная важность дипломатических документов для знания не только истории международных отношений в период, предшествующий Первой мировой войне, в том числе с точки зрения взаимоотношений великих держав с европейскими странами, которые только находились на этапе становления своей национальной государственности. Но этот документальный пласт важен также и для понимания других аспектов истории Старого света в эпоху, отмеченную огромными изменениями в экономической, политической и социальной сферах[1]. Ещё с начала 2000-х гг., стимулируемые, прежде всего, интересом широкой публики к событиям минувшего века, многие исследователи обратились к истории европейской дипломатии в десятилетия, предшествующие «Великой войне», включая публикацию источников. Таким образом, в результате появились многочисленные документальные издания[2], некоторые из них продолжали традиции известных документальных серий[3]. Насколько влияет на эти публикации общественный дискурс, а также бурные дискуссии в политической и идеологической среде[4], профессиональные интересы историков и, следовательно, издателей документов, также следует из вступительных статей к упомянутым томам. Что касается российской историографии, которая нас непосредственно интересует в рассматриваемом здесь аспекте, необходимо отметить факт, что издатели тома *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны* мотивировали своё стремление не только необходимостью «вооружить российских исследователей

---

[1] Hobsbawm E. J. *The Age of Empire, 1875–1914*. New York, Vintage Books, 1989.

[2] *България в Първата Световна Война. Германски дипломатически документи. Сборник в два тома, 1913–1918 г.*, София, 2002; *Documents diplomatiques français – 1914–1916* / Sous la direction de J.-C. Montant (1999–2017); *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов* / Отв. ред. А. И. Кузнецов. Тула, Аквариус, 2014; *Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One* / Ed. by S. Kuneralp, G. Tokay. 8 vol., Istanbul, The Isis Press, 2008–2012.

[3] *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* (1926–), *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print* (Series A–M); *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch* (5 Bde); *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914*: *Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*, im Auftrage des Auswärtigen Amtes, 40 Bde, Berlin, 1922–1927; *Documents diplomatiques français. 1871–1914* / Ed. par Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914 (Serie I–III, 1929–1959); *I documenti diplomatici italiani* (Serie I–XII); *Международные отношения в эпоху империализма* (в этой документальной коллекции должны были появиться три серии, охватывающие период 1873–1917 гг. До 1940 г., когда публикация документов была прервана, в свет вышли десять томов 3-й серии (1914–1917 гг.) и три тома 2-й серии (1911–1912 гг.); *Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äussern* / Bearb. L. Bittner, H. Uebersberger. 8 Bde, Wien; Leipzig, 1930 и др.

[4] *Documente diplomatice române*. Ser. I. Vol. 11. 1883 / Ed. A. Ciupală, R. Dinu, A. Lukács. Bucureşti, Editura Academiei Române, 2006. P. VII.

неизвестными ранее источниками и архивными материалами»[5], но и «патриотическим долгом» с целью внести свой вклад в сохранение исторической памяти теми людьми, которые защищают Родину[6]. В принципе, данная ситуация не слишком отличается от той, которая сложилась с аналогичными томами, вышедшими в Румынии, с той лишь разницей, что здесь, в отличие от России, «патриотический элемент» историографического дискурса, включая издание дипломатических источников[7], касался стремления многих авторов уделить главное внимание, прежде всего, перипетиям заключительного периода мирового конфликта или же послевоенного территориально-политического переустройства[8].

Конечно, не только политическое вмешательство и интерес общественности к определённым темам диктуют выбор предметов исследования историками. Даже во времена, когда в историографическом поле, включая издание источников, доминировали ограничительные идеологические парадигмы (как это было в бывшем социалистическом блоке), библиотечные каталоги продолжали расширяться за счёт названий некоторых книг, которые, прежде всего, давали необходимые общие знания или же проясняли аспекты методологического и теоретического характера. Данное наблюдение остаётся справедливым и для современного историописания, когда рефлексия тоталитарного периода, особенно в этноцентристском дискурсе, периодически выходит на поверхность в виде публичных манифестаций или различных печатных изданий. В результате, намерение предоставить в распоряжение историков корпус дипломатических документов касательно российско-румынских отношений[9] следует рассматривать, в равной мере, как опыт чисто академического исследования некоторых противоречивых аспектов общей истории двух народов, близких не только географически, но и характеризующихся определённым духовно-конфессиональным сходством, но также и как попытку внести определённый вклад, путём публикации и обсуждения архивных источников, в нынешнюю академическую дискуссию о «дипломатической революции», произошедшей в последние десятилетия перед «Великой войной».

Проанализированные в контексте европейской дипломатии, между Венским конгрессом (1815 г.)[10] и Первой мировой войной, последние годы XIX века и первые годы XX века можно рассматривать как знаковые для истории «европейского концерта»[11]. Независимо от того, считать ли мировой конфликт 1914–1918 гг. или

[5] *Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны*. С. 7.

[6] Там же.

[7] Например: *Intrarea României în Primul Război Mondial. Negocierile diplomatice în documente din arhivele ruse, 1914–1916* / Ed. V. Guzun. Cluj-Napoca, Argonaut, 2016.

[8] См., например: Pantea M. *Relatări din Primul Război Mondial prezentate în presa ecleziastică din Banat*. Bucureşti, Tritonic, 2017; документальная серия *Ziarele româneşti despre Unirea Basarabiei, Bucovinei şi Transilvaniei*, руководимая М. Дьяконеску.

[9] Первый том данной серии встретил положительную оценку в историографической критике. См., напр., рецензии В. И. Косика в российском журнале „Славяноведение", 2017. № 1. С. 107–108, С. Сувейкэ в германском ежегоднике „Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", 2017. № 3. S. 23–24, О. Даскэл в румынском периодическом издании „Revista Arhivelor", 2014. № 1–2. P. 144–153, а также монографическое исследование: Marin I. *Peasant Violence and Antisemitism in Early Twentieth-Century Eastern Europe*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018.

[10] Из новых исследований см.: Jarrett M. *The Congress of Vienna and Its Legacy. War and Great Power Diplomacy atfer Napoleon*. London, New York, I. B. Tauris, 2013.

[11] Baumgart W. *Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878*. Paderborn, Schöningh, 2007; de Sédouy J.-A. *Le concert européen: Aux origines de l'Europe, 1814–1914*. Paris,

предшествующие ему события хронологическим рубежом, означающим конец «концерта», большинство историков и политологов согласны с тем фактом, что «новая[12] дипломатическая революция» была, прежде всего, прямым последствием «модернизации»[13], под которой понимается – наряду с такими элементами, как возрастание влияния прессы на процесс принятия внешнеполитических решений, появление новых средств быстрой коммуникации (включая шифрованные депеши) между центральными офисами министерств иностранных дел и дипломатическими представителями, постепенное повышение квалификации дипломатического корпуса – усиление новых идеологических течений[14], прежде всего, националистических. Последнее во многом связано с распадом наднациональных структур, которые мы можем рассматривать как предшественников более позднего европейского федерализма (таким был в своё время «Германский союз»)[15], отделения некоторых территорий от других государств (см. в этом смысле выход Норвегии из «личной унии» со Швецией[16]) или «переплавка» старых государственных образований, сформированных по династическому принципу, в современные политические нации (например, в случае Германии [17] и Италии[18]). В Восточной и Юго-Восточной Европе национализм являлся одним из факторов, постепенно ослаблявших внутреннее единство трёх империй (Османской, Габсбургской и Российской) и вызвавших появление на их развалинах значительного количества государств, которые провозглашали себя национальными[19]. Если в случае Австро-Венгрии и России данное изменение произошло за очень короткий период, в конце Первой мировой войны, то возникновение национальных государств на территории Европейской Турции представляло собой длительный процесс, растянувшийся на целый век.

Fayard, 2009; Mitzen J. *Power in Concert: The Nineteenth-Century Origins of Global Governance*. Chicago, The University of Chicago Press, 2013.

[12] Необходимо отличать от *дипломатической революции* 1750–1760 гг. (Schweizer K. *War, Politics, and Diplomacy: The Anglo-Prussian Alliance, 1756–1763*. Lanham, Md., University Press of America, 2001).

[13] Наиболее полное представление теорий, касающихся „модернизации” и её последствий, с соответствующей библиографией см.: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / Ed. N. Smelser and P. Baltes. Vol. 15 [Mis – Neu], Amsterdam, Elsevier, 2001. P. 9939 etc.

[14] Craig G., George A. *Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time*, New York, Oxford University Press, 1983, Lauren P., Craig G., George A. *Force and Statecraft: Diplomatic Challenges of Our Time*. New York, Oxford University Press, 2007, 2014; Haas M. *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989*. Ithaca, Cornell University Press, 2005; Steiner B. *Diplomacy and International Theory* // Review of International Studies. 30 Oct. 2004. Nr. 4. P. 493–509. Некоторые аспекты темы рассмотрены и нами: Solomon F., Cușco A. *How Much Ideology can Diplomacy Endure? The Early Phase of Soviet-Romanian Relations, November 1917–February 1918* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Regensburg, 63 (2015) N 3. P. 390–411.

[15] Schieder Th. *Vom Deutschen Bund zum Deutschen Reich.* München, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1975; Siemann W. *Vom Staatenbund zum Nationalstaat. Deutschland 1807–1871*, München, C. H. Beck, 1995; Gruner W. *Der Deutsche Bund: 1815–1866*, München, C. H. Beck, 2010.

[16] Knutsen J. *Aspects of the Union between Sweden and Norway (1814–1905)* // Folia Scandinavica Posnaniensia. Poznań. Vol. 4. 1997. P. 225 etc.

[17] Siemann W. *Op. cit.*

[18] *Making and Remaking Italy: The Cultivation of National Identity around the Risorgimento* / Ed. by A. Ascoli, K. von Henneberg. Oxford; Berg, 2001.

[19] Об особом случае с Королевством сербов, хорватов и словенцев, интерпретируемым как форма политического проявления идеологии югославизма, см.: Behschnitt W. *Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914: Analyse und Typologie der nationalen Ideologie*. München, R. Oldenbourg Verlag, 1980; Banac I. *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1984. P. 21–140.

Даже если не было единой идеологии с очень сильным социальным влиянием – мы здесь имеем в виду многочисленные версии либерализма и марксизма – национализм завоевал уже к тому времени доминирующую позицию в общественном дискурсе благодаря комплексной и очень утончённой теоретической основе, корни которой произрастали из западноевропейского Просвещения. Постепенно это идеологическое течение, бывшее привилегией лишь небольших групп интеллектуалов, прошло долгий путь и эволюционировало к массовым политическим движениям[20]. На рубеже двух веков идеологии с универсалистскими притязаниями, весьма сходные с национализмом, порождённые и распространявшиеся великими державами – в данном случае панславизм[21] и пангерманизм[22] – не только напрямую сталкивались, но и пытались «согласовать» свои взгляды на будущее мира с программными чаяниями европейских «малых народов». Донесения российских, германских и австро-венгерских дипломатов из Румынии, Греции, Сербии, Черногории и Болгарии в 1890–1914 гг. заключают в себе содержательную, хотя зачастую малоиспользуемую информацию о связи панславизма и, соответственно, пангерманизма, с внешней политикой империи Романовых, Германии и двуединой монархии Габсбургов. В конкретном случае с Россией можно наблюдать тот факт, что после Крымской войны основные внешнеполитические решения не были лишены и значительного идеологического компонента, исходящего, особенно, из панславистских кругов[23].

Не менее важен другой элемент дискуссии, а именно восхождение в означенный период таких государств, как Германия, Италия, Япония, Соединённые Штаты Америки. Они достигали, со всё большим успехом, позиций, аналогичных тем, на которые многими десятилетиями ранее вышли «традиционные» великие державы[24]. В 1897 г., одновременно с отказом Великобритании от соглашений, которые обеспечивали *status quo* в бассейне Средиземного моря, Германия провозгласила, в контексте обсуждения вопроса о возможности дезинтеграции Австро-Венгрии и аннексии некоторых её частей, ясное намерение обеспечить себе «место под солнцем», прежде

---

[20] О теоретических дискуссиях по поводу типологии и эволюции национализма см., например, труды, авторами которых являлись Ханс Кон, Карл Вольфганг Дойч, Отто Данн, Эрнест Гелльнер, Эрик Хобсбаум, Льюис Шнайдер, Маргарет Кэнован, Энтони Д. Смит, Мирослав Грох, Бенедикт Андерсон. Сравнительно недавний обобщающий взгляд на этот вопрос см. в: Gat A., Yakobson A. *Nations: The Long History and Deep Roots of Political Ethnicity and Nationalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.

[21] Kohn H. *Pan-Slavism: Its History And Ideology*. New York, Vintage Books, 1960; Григорьева А. А. *Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века)*. Иркутск, Аспринт, 2013; Павленко О. В. *Панславизм и его модели* // Новая и новейшая история. М., 2016. № 5. С. 3–15; Geyer D. *Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von inneren und auswärtigen Politik 1860–1914*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. S. 43–55.

[22] Meyer H. *Mitteleuropa in German Thought and Action 1815–1945*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1955; *„Дранг нах Остен" и народы Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг.* / Отв. ред. В.К. Волков. Москва, Наука, 1977.

[23] Tuminez A. *Russian Nationalism since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 47, 62 etc.

[24] White J. *Transition to Global Rivalry: Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895–1907*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. P. 1; Schöllgen G. *Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage, 1871–1914*. 3. Auflage. München, R. Oldenbourg Verlag, 2000; Baumgart W. *Deutschland im Zeitalter des Imperialismus 1890–1914. Grundkräfte, Thesen und Strukturen*. Stuttgart, Kohlhammer, 1982; Bosworth R. *Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy Before the First World War*. London, Cambridge University Press, 2005; Peattie M. *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945* // *The Cambridge History of Japan*. Vol. 6. *The Twentieth Century* / Ed. by P. Duus. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. P. 217 etc.

всего, через экономическую экспансию на Востоке[25]. В то же время Италия стала проявлять всё более ощутимый интерес к части османского наследства в Африке[26], Соединённые Штаты постепенно отказывались от доктрины невмешательства и начали всё явственнее проявлять себя как мировая держава[27], а Япония обратила взоры не только на территории, находящиеся в непосредственной близости от неё (Корея, Маньчжурия и Китай), но и к островам на юго-востоке Азии[28].

Естественно, наряду с появлением новых современных идеологических течений и изменением соотношения сил между великими державами, смене парадигмы системы международных отношений способствовало и появление новых государств. В Европе до Первой мировой войны данное явление наблюдалось, главным образом, на юго-востоке континента, где местные «автономии», находившиеся под османской властью, были признаны, одна за другой, в качестве независимых государств[29]. В 1870–1890 гг. и в десятилетия, предшествующие «Великой войне», Греция, Сербия, Румыния и Болгария постепенно трансформировались из простых инструментов дипломатической игры европейских канцелярий в субъектов, приобретающих всё большую важность, от позиции которых зависело продолжительное обеспечение общеевропейского равновесия. Если в 1877/78 и в 1887 гг. ещё удавалось найти решения, позволившие избежать возникновения больших европейских конфликтов из-за балканских проблем[30], то в 1914 г. великие державы, на которых, как видно, не произвели должного впечатления жестокости на полях сражений в «Европейской Турции» в 1912–1913 гг., сами восприняли войну как средство разрешения противоречий[31]. Не следует игнорировать и тот факт, что путь, по которому эволюционировали международные отношения накануне Первой мировой войны, определялся не только общими факторами, указанными выше, но и внутренней эволюцией каждого государства, т.е. механизмом принятия внешнеполитических решений, интеллектуальным уровнем и даже психологическим обликом лиц, находившихся на верху политической пирамиды[32].

Продолжая говорить о конкретном случае России, отметим, в качестве исходного пункта, возрастающее несоответствие между её политической и военной силой[33], с одной стороны, и финансово-экономическим потенциалом[34], с другой. Главный игрок в европейской дипломатической игре на протяжении двух веков, Россия, в свою очередь, с 70–80-х гг. XIX в. становилась объектом экономической и финансовой

---

[25] White J. *Op. cit*. P. 2; Baumgart W. *Op. cit*. P. 15–16, 24–25, 39, 46, 63.

[26] Bosworth R. J. B. *Op. cit*. P. 127 etc.

[27] Jones G. *Honor in the Dust: Theodore Roosevelt, War in the Philippines, and the Rise and Fall of America´s Imperial Dream*, New York, New American Library, 2012.

[28] Peattie M. *Op. cit*. P. 217–230.

[29] См.: Jelavich B. *History of the Balkans*. Vol. 1. *Eighteenth and Nineteenth Centuries*; New York, Cambridge University Press, 1983. P. 235 etc.

[30] Gall L. *Die europäischen Mächte und der Balkan im 19. Jahrhundert // Der Berliner Kongress von 1878. Die Politik der Großmächte und die Probleme der Modernisierung in Südosteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts* / Hrsg. von R. Melville, H.-Jü. Schröder. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1982. S. 4–5.

[31] См. об этом: *The Wars before the Great War: Conflict and International Politics before the Outbreak of the First World War* / Ed. by D. Geppert, W. Mulligan, A. Rose. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. О решении России вступить в войну на стороне Сербии см.: Geyer D. *Op.cit.* P. 222–238.

[32] Некоторые размышления об этом см.: Clark Ch. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London, Penguin Group, 2012. P. 168–214.

[33] Gatrell P. *Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914: The Last Argument of Tsarism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. P. 13–56.

[34] Петров Ю. А. *Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX века* / Ред. А. Н. Сахаров и др. Москва, Новый хронограф, 2002. С. 168–175.

экспансии индустриальных государств. По степени вовлечённости в мировую торговлю империя занимала в начале XX в. лишь восьмое место[35], уступая даже странам с намного меньшей численностью населения, таким как Нидерланды и Бельгия. В структуре экспорта преобладала продукция сельского хозяйства, особенно зерно, основу же импорта составляли промышленные изделия[36]. Существенные различия в уровне развития между Россией и её основными соперниками в Европе – Австро-Венгрией и, особенно, Германией[37], – оказывали сильное влияние на выбор средств, с помощью которых Россия осторожно осуществляла свой внешнеполитический курс, в том числе и на балканском направлении[38], на протяжении двух десятилетий перед Первой мировой войной[39]. Впрочем, осознание того факта, что Россия не в состоянии оказывать политическое влияние на Балканах без мощного экономического присутствия в регионе[40], с очевидностью прослеживается и в донесениях российских дипломатов из Румынии, опубликованных в данном томе.

Более того, отставание в экономическом развитии по сравнению с большинством европейских государств вызывало особую осторожность империи при проведении внешнеполитического курса. Обеспокоенная продолжающейся экспансией Австро-Венгрии на Балканах и получением Великобританией контроля над черноморскими проливами[41], Россия пошла в 1890-е гг. на сближение с Францией[42], избегая, однако, жестов, которые в Вене и Берлине могли бы счесть провокационными. Именно в этом смысле следует интерпретировать заключение в 1897 г. соглашения с Австро-Венгрией о сохранении *status quo* на Балканах и выдвинутую в 1899 г. инициативу о переговорах с Германией по поводу ближневосточных проблем[43]. Не являлась исключением в этом смысле и Румыния, поскольку российские дипломаты в Бухаресте и в Яссах получали периодически указания избегать бесполезного вмешательства во внутренние вопросы текущей румынской политики, особенно в межпартийные отношения[44]. К концу рассматриваемого нами периода, осторожность в процессе принятия внешнеполитических решений усилится ещё больше горечью поражения в войне с Японией[45],

[35] Там же. С. 172; *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)* / Отв. ред. А.В. Игнатьев. Москва, Международные отношения, 1997. С. 17–18.

[36] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* С. 17–18.

[37] Там же. С. 24.

[38] Искендеров П. А. *Балканское направление политики Николая II // Императорский Дом Романовых и Балканы*. Москва, Институт славяноведения РАН, 2014. С. 231–257; Рыбачёнок И. С. *Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории*. Вып. 9 / Отв. ред. А. Н. Сахаров. Москва, Российская академия наук, Институт российской истории, 2010. С. 393–424.

[39] Игнатьев А. В. *Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков //* Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.

[40] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* С. 34.

[41] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. *1802–2002.* Т. 1. 860–1917 гг. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. Москва, Олма-Пресс, 2002. С. 440 и сл.; Рыбачёнок, *Политика России на Балканах…*, С. 393–395.

[42] Там же. С. 465; Киняпина Н. С. *Внешняя политика России второй половины XIX века*, Москва, Высшая школа, 1974. С. 213–222.

[43] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т 1. С. 472.

[44] Рыбачёнок, *Политика России на Балканах*. С. 400–401.

[45] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* С. 17–18; Петров Ю. А. *Указ. соч.* С. 163–182; Айрапетов О. Р. *На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Военно-политическая история*. Москва, ООО Торговый дом Алгоритм, 2014.

которое можно расценивать, вполне основательно, как самый настоящий «момент истины»[46].

Что касается механизма принятия внешнеполитических решений, то в Российской империи[47], так же, как и в других европейских государствах[48], включая Румынию[49], необходимо отметить особую роль монарха. Руководимый чувством абсолютной власти, которой он располагал[50], в качестве «Хозяина Земли русской»[51], Николай II отметился, на протяжении всего своего правления, почти всеохватным вовлечением в деятельность центрального аппарата министерства иностранных дел и российского дипломатического корпуса, зачастую проводя целые дни в обсуждении внешнеполитических вопросов и за внимательным чтением донесений, отправленных российскими дипломатами из различных столиц[52]. В его *Дневнике* содержатся не только ошибочные рассуждения и оценки по текущим вопросам внешней политики, но и значительная доза грубости и пренебрежения в отношении тех лиц, с которыми он взаимодействовал[53]. Если такого рода оценки оставались, как правило, неизвестными для широких кругов, то ошибки или неловкие действия, допущенные публично, особенно лицом к лицу с высшими государственными деятелями европейских стран, наносили урон имиджу империи, подрывали доверие к ней и создавали дополнительные трудности российским дипломатам[54].

В последние годы XIX в. стремление избежать проведения активной внешней политики определялось и частыми сменами руководства в министерстве иностранных дел. После смерти Н. К. Гирса[55] в январе 1895 г., за пять лет обладатель министерского портфеля сменился четыре раза. В период, рассматриваемый в данном томе, во главе министерства до июня 1900 г.[56] находился М. Н. Муравьёв, чиновник, не имевший значительной политической поддержки и ставший министром в результате закулисных игр императорского двора[57], а затем В. Н. Ламсдорф.

Имея богатый опыт работы в министерстве иностранных дел, где он служил с 1866 г., постепенно поднимаясь, шаг за шагом, по карьерной лестнице[58], после смерти

---

[46] Рыбачёнок И. С. *Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: Цели, задачи, методы*. Москва, РОССПЭН, 2012. С. 536–565.

[47] *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* С. 51–79.

[48] McLean R. *Royalty and Diplomacy in Europe, 1890–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001.

[49] Dinu R. *King Charles I and Decision Making process in the Romanian Foreign Policy before the First World War* // Idem. *Studi Italo-Romeni. Diplomazia e società, 1879–1914*. Seconda edizione. Bucureşti, Editura Militară, 2009. P. 185 etc.

[50] В связи с вопросом о месте института монархии в российской политической системе конца XIX – начала XX в. см.: Соловьёв К. А. *Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна*. Москва, Новое литературное обозрение, 2017.

[51] *Хозяин Земли русской.* Формулировка, которую император употребил при заполнении графы „деятельность” в опросном листе всероссийской переписи населения 1897 г. См.: *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 1. С. 474.

[52] Там же.

[53] Таким, в частности, был случай с Георге Росетти-Солеску, румынским посланником в Санкт-Петербурге. О нём после беседы, состоявшейся 14 декабря 1895 г., Николай II написал „*этот растроганный осёл*”. См.: *Дневники императора Николая II (1894–1918)*. Т. 1. 1894–1904 / Отв. ред. С. В. Мироненко. Москва, РОССПЭН, 2011. С. 241.

[54] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 1. С. 483.

[55] Там же. Т. 3. *Биографии министров иностранных дел 1802–2002* / Отв. ред. А. Ю. Мешков. Москва, Олма-Пресс, 2002. С. 135–155.

[56] С января 1897 г. – исполняющий обязанности министра, а с апреля 1897 г. – министр.

[57] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 3. С. 193.

[58] Там же. С. 208 и сл.

Муравьёва Ламсдорф был назначен управляющим министерством, а в декабре 1900 г. министром[59]. Ещё в годы, предшествующие занятию этого поста, Ламсдорф играл особую роль в руководстве внешней политикой[60], выдвигая важнейшие инициативы в 1897–1900 гг.[61] Из успехов российской дипломатии в Европе за тот период, когда Ламсдорф был министром иностранных дел[62], необходимо отметить, прежде всего, Мюрцштегское соглашение 1903 г.[63], заключение торгового соглашения с Германией (1904), встречи Николая II с императором Францем Иосифом, с кайзером Вильгельмом II и с президентом Франции Эмилем Лубе. В отношениях с Австро-Венгрией, прежде всего, в вопросах, касавшихся ситуации на Балканах, Ламсдорф пытался проводить умеренную политику. Помимо прочего, он выступил против «балканского проекта», который выдвинул П. А. Капнист[64]. Этот план предусматривал окончательное удаление Турции из Европы совместными усилиями России и Австро-Венгрии. Министр же выступал за проведение более сбалансированной политики, за навязывание Османской империи постепенных реформ на территориях, пока ещё находившихся под её контролем[65]. Осторожность и расчётливость, которыми Ламсдорф руководствовался при подготовке и проведении внешнеполитических акций, максимально очевидны и при анализе его отношения к Румынии.

Очень хорошее знание изнутри центрального и дипломатического аппаратов министерства иностранных дел позволило Ламсдорфу предпринять ряд мер по повышению эффективности и профессионализма текущей деятельности, которые затронули и Азиатский департамент[66], ставший 1-м департаментом МИД. В начале 1900-х гг. была инициирована кампания по набору персонала, которая открывала двери к дипломатической карьере не только старой аристократии, но и представителям других социальных групп. Были введены строгие вступительные экзамены, которые позволяли адаптировать поступающих к комплексу различных видов деятельности, включая сбор и представление информации об иностранных государствах[67]. Для российских дипломатических и консульских миссий стала обязательной подготовка донесений, касающихся состояния экономики, торговли, развития инфраструктуры, выставок, системы образования и др. Опять же, в связи с информаторской деятельностью, необходимо упомянуть и публикацию документов, имеющих ведомственный,

---

[59] Там же. С. 210.

[60] О личных взглядах Ламсдорфа см. его дневники: *Дневник В. Н. Ламздорфа*. Т. 1 (1886–1890) / Под ред. Ф. А. Ротштейна. Москва, Государственное Издательство, 1926; *Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892* / Под ред. Ф. А. Ротштейна. Москва, Academia, 1934; *Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896* / Перевод, введение, составление и комментарии И. А. Дьяконовой. Москва, Международные отношения, 1991.

[61] Определение российской позиции в греко-турецком конфликте и прояснение политико-юридического статуса острова Крит, подписание соглашений с Китаем об установлении чётко фиксированной границы, подготовка конференции в Гааге, экономическая экспансия в Персии. См.: *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века.* С. 91–132; *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 1. С. 483–495.

[62] До мая 1906 г.

[63] Об этом см. ниже.

[64] С 1895 г. российский посол в Австро-Венгрии.

[65] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 1. С. 498.

[66] *История отечественного востоковедения до середины XIX века* / Отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. Москва, Наука, 1990. С. 150–151; Жукова А. Е. *Азиатский департамент в структуре Министерства иностранных дел России во второй половине XIX в.: функции, личный состав, характерные черты* // Клио. Санкт-Петербург. 6(126), 2017. С. 66–72. Этот департамент отвечал и за отношения со странами, выделившимися из Османской империи, в том числе, с Румынией.

[67] *Очерки истории Министерства иностранных дел России*, Т. 1. С. 504–508.

т.е. внутренний характер. Среди них, начиная с 1898 г., выделяются «*Сборники консульских донесений»*, содержавшие в начале 1900-х гг. многочисленные аналитические обзоры об экономическом развитии Румынии, например, о её соляной промышленности, сельском хозяйстве или же о табачной монополии[68].

Российско-румынские отношения в 1899–1905 гг.: общий обзор

Период 1899–1905 гг. в контексте отношений между Российской империей и Королевством Румынией[69] был относительно спокойным, поскольку характеризовался снижением роли идеологического фактора и усилением прагматизма в двусторонних отношениях. Эта эволюция, в значительной степени, стала результатом успешного визита румынского монарха в Санкт-Петербург летом 1898 г., который, в определённой степени, обозначил изменение отношения российской правящей верхушки к соседнему королевству. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что напряжённость и взаимная подозрительность, настолько часто проявлявшиеся в течение двух десятилетий после Берлинского конгресса, совершенно исчезли, или что Российская империя перестала играть роль некоего «другого», угрожающего и всегда присутствующего во внешнеполитических соображениях румынских властных структур. Это являлось, скорее, лишь началом постепенной «нормализации» образа России, которая достигнет своей кульминации лишь в период Балканских войн и будет окончательно «освящена» следующим важным визитом монарха – на этот раз императора Николая II в Констанцу, в июне 1914 г. И всё же, в эти годы появлялись многократные примеры совместимости российской и румынской внешней политики, которые с трудом можно было бы представить ранее. Такая динамика была обусловлена, прежде всего, относительно осторожной политикой России в балканском регионе, начало которой было положено соглашением 1897 г. между Австро-Венгрией и Россией. Консолидирована же эта политика была вследствие свидания в Мюрцштеге в октябре 1903 г., когда императоры Николай II и Франц Иосиф встретились с целью проанализировать ход применения договорённостей, достигнутых в 1897 г., снова заявить о своих особых интересах в регионе и сформулировать общую политику в «македонском вопросе», который будет занимать преобладающее место в балканской политике великих держав, по крайней мере, до 1905 г. Впрочем, как следует из содержания документов, опубликованных в данном томе, процессы, происходившие к югу от Дуная, находились в центре внимания российских посланников в Бухаресте. Этот факт объяснялся, в первую очередь, обострением положения в османской Македонии, которое достигло кульминации во время Илинденского восстания, вспыхнувшего в августе 1903 г.[70] Ситуация в данном регионе развивалась хаотично уже в 1898–1902 гг., когда в Македонии произошло 132 вооружённых инцидента, повлекших 4.373 жертвы. Это восстание представляло собой и непосредственный

[68] См., например, материалы, которые направляли секретарь консульства в Яссах А. Булах (выпуск III/1904) и консул в Яссах П. Сипягин (выпуски V/1904 и VI/1904). Бывший монах и член русской православной миссии в Пекине был назначен консулом в Яссы по прямому указанию Ламсдорфа (Соловьёв Ю. Я. *Воспоминания дипломата, 1893–1922.* Москва, Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 62).

[69] Общий обзор российско-румынских отношений анализируемого периода на основе документов из российских архивов см.: Агаки А. С. *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.* Кишинёв, Штиинца, 1976.

[70] Айрапетов О. Р. *Внешняя политика Российской империи (1801–1914*). Москва, Издательство Европа, 2006. С. 461–463.

катализатор для соглашения, заключённого между Австро-Венгрией и Россией в Мюрцштеге. Оно оговаривало, помимо прочего, ускорение административных реформ в македонских провинциях Османской империи, реорганизацию жандармерии и местной полиции неким иностранным генералом на османской службе, а также и назначение в три македонских *вилайета* гражданских агентов России и Австро-Венгрии, которым предстояло наблюдать за осуществлением реформ, представлять интересы местных христиан, доносить о злоупотреблениях местных властей и постоянно информировать свои правительства[71]. Более того, в случае, если османские власти отказались бы претворять в жизнь этот реформаторский проект или тормозили бы его выполнение, оба монарха брали в расчёт в качестве альтернативы автономию Македонии под контролем великих держав. Ставки в этой ситуации были довольно велики для всех основных игроков в этом регионе, в том числе для Румынии, которая пыталась включить в международную повестку дня «арумынский» (или «куцо-влахский вопрос»), соперничая в борьбе за лояльность этой группы населения с Болгарией, Сербией и Грецией, которые боролись между собой за гегемонию на этой спорной территории.

С румынской точки зрения, «арумынский вопрос» занимал в первом десятилетии XX в. всё более важное место в панрумынском национальном проекте (сей факт проявлялся в «триумфальных речах» и пропагандистских усилиях), но эти аспекты представляли собой «риторические фейерверки, имеющие мало общего с реальностью»[72]. Постоянно присутствуя в дипломатических переговорах, в ходе которых Румыния стремилась следовать прагматичной и осторожной политике, провозглашая при этом свою приверженность сохранению балканского *status quo*, арумынская проблема не находила, тем не менее, соответствующего отклика во внутренних дебатах в королевстве. На такую фундаментальную двусмысленность обращали внимание и российские дипломаты, аккредитованные в Бухаресте, которые настаивали на инструментальном характере «арумынского вопроса» для бухарестского правительства. Всё же, исходя из своих непосредственных интересов, как Австро-Венгрия, так и Россия в указанный период относились более или менее благоприятно к позиции Румынии в связи с «македонским вопросом». И это даже при том, что российские дипломаты не упускали случая, дабы констатировать, что «главная забота румын состоит не в улучшении быта или в защите куцо-влахов, […] но в стремлении

[71] Соглашение содержало и дополнительные пункты, касавшиеся формирования смешанной комиссии для выявления преступлений и злоупотреблений, совершённых во время восстания, возвращения беженцев и компенсаций для лиц, ставших жертвами репрессий со стороны османских войск, включая освобождение от налогов на протяжении четырёх лет. См.: *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. II: *Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808–1975* / Ed. by S. J. Shaw, E. K. Shaw. Cambridge, Cambridge University Press, 1977. P. 207–211; Bridge F. R. *The Habsburg Monarchy and the Ottoman Empire*, 1900–18 // *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire* / Ed. by M. Kent. London, Frank Cass, 2005. P. 31–36; Bodger A. *Russia and the End of the Ottoman Empire* // *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. P. 73–76; Armour I. D. *A History of Eastern Europe 1740–1918: Empires, Nations and Modernisation*. Second edition. London, Bloomsbury Academic, 2012. P. 217–222; Шкундин Г. Д. *К истории „македонского вопроса”* // *Болгария в XX веке: Очерки политической истории* / Отв. ред. Е. Л. Валева. Москва, Наука, 2003. С. 22–29. О влиянии «македонского вопроса» на отношения Румынии с Османской империей и балканскими государствами см.: Nistor I. *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913.* Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza”, 2009. P. 60–65.

[72] Nistor I. *Op.cit*. P. 65–66. См. также: Барболов Г. *Румънската балканска политика и арумънският въпрос (1901–1913 г.)* // Известия – Национален център по военна история. Т. 57. София, ИМО „Св. Георги Победоносец”, 1995. С. 47–95.

помешать, насколько возможно, усилению Болгарского княжества» из опасений за положение Добруджи «и из-за страха утерять первенствующее значение среди балканских государств, в коем они так уверены и коим любят кичиться»[73].

В целом, начало XX в. было временем, когда внимание румынских властных структур, принимающих внешнеполитические решения, казалось бы, направлялось, в основном, к югу от Дуная. Прямое вовлечение Румынии в «куцо-влахский вопрос» привело к усилению напряжённости в отношениях сначала с Болгарией, а затем и с Грецией. Постоянные изменения в степени влияния великих держав на Балканах происходили в условиях, когда противостояние между Центральными державами и формирующимся франко-российским блоком становилось всё более интенсивным. В эти же годы всё очевиднее был тот факт, что Россия предпочитала, по тактическим соображениям, поддерживать на Балканах *status quo*, ориентируясь, главным образом, на урегулирование чрезвычайных ситуаций на Дальнем Востоке[74]. В это же самое время, в первые годы XX в., австро-венгерская дипломатия колебалась. С одной стороны, она стремилась содействовать активной румынской политике к югу от Дуная, усматривая в этой стратегии эффективное средство для отвлечения румынского общественного мнения от Трансильвании и переориентации его на «куцо-влахский вопрос». С другой стороны, тенденция венского кабинета к поддержке укрепления болгарского государства фактически имела целью создать противовес амбициозной политике не только Бухареста, но и Белграда, на Балканском полуострове. По мнению австро-венгерского посланника в румынской столице, маркграфа Иоганна фон Паллавичини, поощрение Болгарии представляет собой «самое безопасное средство против румынского ирредентизма» и «возвышенных мечтаний сербов»[75]. К концу периода, рассматриваемого в данном томе, Австро-Венгрия всё больше склонялась ко второму варианту. Важность болгарского фактора во внешнеполитических расчётах румынской элиты очень хорошо ощущали российские дипломаты, говорившие о «страхе», который румыны испытывали перед своими задунайскими соседями[76]. Кризис в румынско-болгарских отношениях этого периода достиг апогея в 1900 г., в связи с террористической деятельностью Верховного македоно-одринского комитета (*Върховен македоно-одрински комитет*) на территории Румынии, которая проявилась в череде резонансных покушений, включая убийство профессора и активиста арумынского происхождения Штефана Михэйляну в ночь с 22 на 23 июля 1900 г.[77] Напряжённые отношения между Румынией и Болгарией были даже близки к тому, чтобы перерасти в вооружённый конфликт, которого удалось избежать, в значительной

[73] См. донесение Гирса от 11 января 1903 г. (док. № 94).

[74] Айрапетов О. Р. *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. С. 464–477.

[75] Bukarest, am 11. Februar 1906, Nr. 10, Pallavicini an Gołuchowski: „Das sicherste Mittel gegen den rumänischen Irredentismus ist also meiner unmaßgeblichen Meinung nach ein starkes Bulgarien. Ebenso würde auch ein starkes Bulgarien allem serbischen Größenwahne ein schnelles Ende bereiten". (Бухарест, 11 февраля 1906 г. N 10. Паллавичини – Голуховскому. «По моему скромному мнению, самым надёжным средством против румынского ирредентизма является сильная Болгария. Точно так же сильная Болгария быстро положит конец всей сербской мании величия»). Цит. по: Biblioteca Academiei Române, Cabinetul de Manuscrise – Carte Rară, *Corespondențe diplomatice austriace din 1904, 1905, 1906, 1907*, Copie II, L, Acte 1–454). См. также: Căzan Gh. N., Rădulescu-Zoner Ş. *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979. P. 257; Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012. P. 202–203.

[76] См. донесение Фонтона от 21 октября 1902 г. (док. № 88): «Страх перед болгарской военной силой здесь очень велик».

[77] Подробнее см.: Cain D. *Op. cit*. P. 150–167.

мере, благодаря вмешательству великих держав и нерешительности консервативного кабинета в Бухаресте перед лицом возможного начала и эскалации военных действий. Всё же, эволюция «арумынского вопроса» продолжала оставаться краеугольным камнем румынской внешней политики – и её интерпретации российскими наблюдателями – и в последующие годы.

Другой важный эпизод «гордиева узла», связанный с интернационализацией конфликтов, касающихся проблем идентичности различных групп населения или же геополитических аспектов македонской проблемы, развернулся в течение 1904–1905 гг. Тогда Румыния была вовлечена в острую дипломатическую борьбу с другим государством, имевшим жизненные интересы в Македонии – с Королевством эллинов. Противостояние с Грецией широко отражено в российских дипломатических документах, опубликованных в данном томе. Причины его зарождения коренились, с одной стороны, во всё более интенсивной деятельности в этой османской провинции греческих «чет», которые, не колеблясь, прибегали к насилию и запугиванию арумынского населения данного региона. С другой же стороны, конфликт был сгенерирован *ираде,* т.е. указом султана Абдул Хамида II от 9(22) мая 1905 г.[78] Данный документ признавал «влахскую» общность в качестве отдельной этнической группы, которой предстояло предоставить гражданские и культурные права, признаваемые ранее исключительно за *миллетами*[79], и закрепить эти права законодательным путём. Греко-румынский конфликт, подпитываемый не только ирредентизмом со стороны Афин, но и непримиримой позицией Вселенского Патриархата, углубился в сентябре 1905 г. вследствие манифестаций явно антигреческого характера на территории Румынии и экономических репрессалий, инициированных румынскими властями в ответ на непримиримую позицию греческого правительства. В этой фазе дипломатический кризис достиг высшей точки с отъездом в Афины греческого посланника Александроса Томбазиса со ссылкой на якобы предоставленный отпуск. В ответ последовал симметричный жест со стороны румынского посланника в Греции Иона Н. Папиниу. Этот кризис прекрасно иллюстрирует динамику конкурирующих национализмов, которые всё более определяли внешнеполитические приоритеты развивающихся государств Юго-Восточной Европы и осложняли игру великих держав в данном регионе. *Ираде* султана о признании «существования румынской национальности в Турции»[80] был воспринят – в том числе и российскими дипломатами – как бесспорный успех бухарестской дипломатии[81], но, в то же время, он вызвал некоторые ироничные наблюдения, связанные с якобы манипуляционным и циничным характером преувеличенного значения «куцо-влахского вопроса» для иерархии румынских национально-

[78] Velichi C. *Les relations roumano-grecques pendant la période 1879–1911* // Revue des Études Sud-Est Européennes. VII, 1969. № 3. P. 535–537; Σφέτας Σ. *Το ιστορικό πλαίσιο των ελληνο-ρουμανικών πολιτικών σχέσεων (1866-1913)* // Μακεδονικά. 33, 2002. № 1. Σ. 23–48.

[79] О различных точках зрения на османский *millet* см.: Masters B. *Christians and Jews in the Ottoman Arab World: The Roots of Sectarianism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. P. 11–13, 61–66, 84; Quataert D. *The Ottoman Empire, 1700–1922*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. P. 64, 175–176; Ursinus M. *Zur Diskussion um „millet" im Osmanischen Reich* // Südost-Forschungen, 48, 1989. S. 195–207; Улунян Ар. А. *Миллет как этно-конфессиональный феномен Османской империи* // *История. Культура. Этнология.* Москва, 1994. С. 69–80.

[80] Румынская позиция в этом противостоянии синтезирована в специальном сборнике документов („Зелёной книге"): *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905.* Bucureşti, Imprimeria Statului, 1905. См. здесь: P. XXXI.

[81] Об истории румынско-османских отношений в этот период, прежде всего, с точки зрения истории дипломатии и взаимного восприятия см.: Rachieru S. *Diplomaţi şi supuşi otomani în Vechiul Regat: Relaţii otomano-române între anii 1878 şi 1908.* Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza", 2018.

государственных интересов. Одновременно, российская дипломатия стремилась извлечь выгоду из этих разногласий, и, прежде всего, из неоднозначной позиции Австро-Венгрии, для того, чтобы попытаться сблизиться с Румынией, демонстрируя отношение, более или менее благожелательное в связи с румынскими требованиями в «македонском вопросе».

Хотя «преувеличенные» амбиции Румынии в балканской политике часто становились предметом иронических насмешек или критических замечаний со стороны российских дипломатов, находившихся в миссии в Бухаресте, Россия стремилась играть роль «посредника» между малыми балканскими странами. Иногда даже казалось, что это ей удаётся, как произошло, например, при вмешательстве российского посла в Стамбуле И. А. Зиновьева в конфликт между Румынией и Вселенским Патриархатом по «арумынскому вопросу» в течение 1904–1905 гг.

Другой фактор, который усиливал существовавший прагматизм российской политики в отношении Румынии в изучаемый период, был связан с личностным профилем российских дипломатов, аккредитованных в румынской столице. Вплоть до 1902 г. пост в Бухаресте занимал Н. А. Фонтон, который продолжал «старую традицию русской дипломатии», связанную с именем бывшего министра иностранных дел Николая Карловича Гирса[82]. Сын последнего, Михаил Николаевич Гирс, сменил Фонтона на его посту и оставался на нём десять лет, вплоть до 1912 г.

К тому времени, когда Михаил Гирс получил назначение в Бухарест, он уже успел сделать блестящую карьеру. Родившийся в 1856 г. в Одессе, он учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (1875–1877) и участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., после чего поступил на дипломатическую службу Российской империи. В 1881 г. он стал секретарём российской дипломатической миссии в Сербии, а с 1885 по 1888 г. занимал равнозначную должность в составе российского дипломатического представительства в Персии. С 1888 до 1895 г. числился в центральном аппарате министерства иностранных дел, исполняя *de facto* функцию личного секретаря при своём отце. Первый опыт в качестве самостоятельного шефа миссии Михаил Николаевич получил, будучи посланником в Бразилии и Аргентине (1895–1898), после чего стал посланником в Китае (1898–1901). Там он сыграл заметную роль во время «восстания ихэтуаней», когда по его призыву Россия направила войска для защиты Китайско-Восточной железной дороги и российских подданных. После непродолжительной службы на посту посланника в Баварии, в 1902 г. Гирс получил назначение в Бухарест, где продолжал, в сущности, умеренную линию своего предшественника. Хотя в его донесениях, особенно в начальный период, можно наблюдать некоторые идеологические элементы, в целом дипломатическая стратегия Гирса была достаточно уравновешенной и осторожной, т.е. сходной с той, которую проводил Фонтон. Впрочем, такие же качества были замечены и таким внимательным наблюдателем, каким являлся Ю. А. Соловьёв, непосредственный подчинённый М. Н. Гирса в 1906–1908 гг.: «Гирс был дипломатом старой школы и притом с определённо канцелярским уклоном; [...] но за границей выделялся лишь своей необыкновенной осторожностью, даже в разговорах с глазу на глаз [...] При всём этом в Бухаресте он завоевал для себя и для всего состава миссии весьма хорошую репутацию»[83].

Положительное впечатление, которое оставил после себя Гирс в Бухаресте, усиливалось и его родством по линии матери, Ольги Георгиевны Кантакузен

---

[82] Подробнее см.: *ДДРПР, 1888–1898*. С. 64.

[83] Соловьёв Ю. Я. *Указ. соч.* С. 179–180.

(Кантакузино)[84], с большей частью местной аристократии, а также и прямой связью с семьёй Георге Росетти-Солеску, румынского полномочного министра в Санкт-Петербурге в 1895–1911 гг., который был женат на сестре М. Н. Гирса, Ольге[85]. Таким образом, российскую политику в отношении Румынии в этот период следует рассматривать, скорее, в прагматическом ключе, хотя идеологические аспекты продолжали играть важную роль.

Образ и восприятие Румынии в российских дипломатических документах 1899–1905 гг.

Ниже мы рассмотрим несколько вопросов, касающихся взглядов российских дипломатов на румынские реалии того периода. Необходимо подчеркнуть, что из опубликованных документов становятся очевидными несколько соответствующих тем с имагологической точки зрения. Некоторые из них отмечают преемственность заботам российских дипломатов предыдущего десятилетия (неполное и поверхностное восприятие различных иностранных политических, институциональных и экономических моделей; зависимость от Германии и Австро-Венгрии; статус и роль православной церкви; румынский национальный проект; обычаи и политические практики румынской элиты и, особенно, роль королевского дома). Наряду с этими элементами преемственности можно увидеть и некоторые темы, которые мало затрагивались или вообще отсутствовали в дипломатической корреспонденции в предшествующие годы. Среди них были: комплексный вопрос Добруджи; российское социалистическое движение и его влияние на Румынию; «еврейский вопрос» и положение румынских евреев; «куцо-влахский вопрос» и его дипломатические аспекты. Принимая во внимание специфику и ограничения, присущие имагологическому подходу, последующий анализ создаёт лишь общую основу для обсуждения восприятия российскими дипломатами румынских реалий, не предлагая исчерпывающих или окончательных выводов. Углубление этих аспектов предполагает сопоставление публикуемых документов с другими источниками изучаемого периода для воссоздания более широкого и полного изображения. Очевидно, что эти новые источники могут оттенять определённые обсуждаемые вопросы. Некоторые указанные темы были разработаны и дополнены составителями в примечаниях к отдельным документам. Порядок обсуждения вопросов не обязательно отражает их внутреннюю важность, поскольку он может вытекать из содержания документов.

а) «Формы без основы» и румынская политическая элита в зеркале восприятия российской дипломатии

Российские дипломатические документы периода 1899–1905 гг. оставались достаточно критичными в отношении румынского политического проекта, который ими квалифицировался, в общем, как своего рода «фасад», поверхностный и чужеродный «национальной сущности», воспринимаемой, среди прочего, в категориях православия, исповедуемого как русскими, так и румынами. Оспаривались, прежде всего, обычаи и политическая практика румынской элиты. Они расценивались в качестве доказательств фальшивого «конституционного порядка» в королевстве, а

[84] См. прим. 2 к док. № 48 (телеграмма Ламсдорфа Фонтону от 7 сентября 1900 г.).

[85] Там же. Прим. 1. Подробнее см.: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică personală și oficială (1895–1911). Petersburg* / Ed. R. Dinu, A.-B. Ceobanu. Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2016. P. 14–24.

также показателей имитационной и мимикрической модернизации, а посему решительно отвергались российскими наблюдателями. Даже если по сравнению с предшествующим десятилетием их риторика была более сдержанной, то отношение к политическому режиму и к применяемой в тогдашней Румынии электоральной практике оставалось неизменно негативным. В этом смысле красноречивым примером является длинная вереница донесений посланника Михаила Николаевича Гирса, охватывающая период конца 1904 и начала 1905 г. Они, в значительной мере, относятся к правительственному кризису, закончившемуся отставкой либерального кабинета Димитрие А. Стурдзы и приходом к власти консерваторов во главе с Георге Гр. Кантакузино[86]. Заключение российского представителя в Бухаресте было достаточно острым: «То же, что я вижу теперь, не может быть названо иначе, как самым необузданным произволом, дающим весьма грустное представление о парламентском режиме королевства»[87]. Помимо неприятия парламентской модели как таковой – что само по себе неудивительно, учитывая румынские реалии – речь идёт о применении более или менее тонкой стратегии «ориентализации» Румынии. При этом подчёркивалось глубокое несоответствие между поверхностными западными формами политической жизни и совершенно иной реальностью злоупотреблений, произвола и «олигархического» правления[88]. Тем не менее, отношение российских посланников к различным политическим деятелям не было однозначным. Если представление о Д. А. Стурдзе было, по большей части, негативным, прежде всего, по причине его неприкрытого «германофильства», этого же нельзя сказать об отзывах в отношении таких политических деятелей как генерал Якоб Лаховари, Таке Ионеску или же Ион И. К. Брэтиану. Так, генерал Лаховари оценивался как «человек умный, всеми признаваемый прекрасным офицером и […] один из наиболее способных генералов румынской армии», а Таке Ионеску признавался «умелым руководителем своего ведомства» (в бытность министром) и красноречивым оратором[89]. Впечатление даже более интересное – и наводящее на определённые мысли – вырисовывается в случае и И. И. К. Брэтиану. В частном письме от ноября 1903 г. Гирс начертал очень красноречивый портрет Брэтиану, который давал довольно точный прогноз с точки зрения перспективы будущих взглядов и поступков этого политического деятеля. В самом начале, отметив более благоприятное отношение к России у молодого либерала, в сравнении с его пожилыми однопартийцами, прежде всего, Д. А. Стурдзой, Гирс охарактеризовал сына И. К. Брэтиану следующим образом: «С точки зрения наших

[86] Депеши Гирса от 30 ноября, 15, 18, 29, 30 и 31 декабря 1904 г. (док. №№ 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146), а также от 13 января и 12 февраля 1905 г. (док. №№ 148 и 152).

[87] Депеша Гирса от 13 января 1905 г. (док. № 148).

[88] Это выражение приписывалось Таке Ионеску и цитировалось вполне утвердительно Гирсом в донесении от 31 декабря 1904 г. (док. № 146). Хотя данное заявление Ионеску, согласно которому Румыния фактически управлялась олигархией, Гирс счёл „циничным", он заключал, что „это признание вполне отвечает, в настоящее время, действительности". Обстоятельный и критичный анализ политической и социальной эволюции Румынии в конце XIX и начале XX в. см.: Hitchins K. Rumania, 1866–1947. Oxford, Oxford University Press, 1994. P. 155–201; Мадиевский С.А. Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Монархия, парламент, правительство. Москва, Наука, 1980; Он же. Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Состояние прав и свобод, Москва, Наука, 1984; Oncescu I., Stanciu I. Introducere în istoria modernă a românilor (1821–1918). Târgoviște, Editura Cetatea de Scaun, 2009. P. 241–263, 273–280.

[89] Черновик депеши Фонтона от 12 апреля 1899 г. (док. № 10). Такое же впечатление сложилось и у преемника Фонтона. В контексте смены правительства в конце 1904 г. Гирс заявлял, что Таке Ионеску „пользуется преобладающим влиянием в правительстве", выражая также относительно благоприятное отношение и к Якобу Лаховари. (Депеша Гирса от 31 декабря 1904 г., док. № 146).

[российских] интересов, у него большое преимущество перед Стурдзой в том отношении, что он получил образование во Франции, а не в Германии. В минуты откровенности он иногда говорил, что мыслит по-французски, в то время как председатель совета по-немецки. Горячий патриот, мечтающий о величии своей родины, он не разделяет мнения тех поклонников короля, которые приписывают исключительно мудрости последнего современное благосостояние Румынии. Отдавая должное достоинствам своего государя, он считает виновниками возрождения отечества тех политических деятелей, душой которых был его отец. Он не принадлежит к сторонникам России, но в то же время не является человеком, ищущим, во что бы то ни стало, поддержки лишь в Австрии или Германии»[90].

В целом, в первые годы XX столетия отмечалась очевидная тенденция российских дипломатов подчёркивать эти моменты (ещё пока довольно редкие), которые могли бы означать относительную «нормализацию» образа России в Румынии. Если в 1901 г., например, как поверенный в делах Сомов, так и посланник Фонтон, были заняты антироссийскими кампаниями прессы, которая распространяла среди населения «убеждение в неминуемой опасности, грозящей со стороны России», преследуя «цель напугать Румынию призраком грозного соседа, готовящегося поглотить её»[91], то в следующем году тот же Сомов отметил, что по случаю приближающегося 25-летия войны 1877–1878 гг. и визита короля Карла I в Болгарию: «посещение королём Плевны […] дало толчок – небольшой, но всё же толчок в нашу пользу […]. Вновь вспоминают о царе-освободителе, о русской крови, пролитой за освобождение. Этого давно не было, и это хорошие признаки»[92]. Такое же впечатление сложилось и вследствие отношения короля Карла I к русско-японской войне 1904–1905 гг., когда российские дипломаты неоднократно подчёркивали «солидарность» румынского монарха с русскими военными усилиями на Дальнем Востоке, даже в некоторой степени переоценивая эти его жесты, скорее чисто символические и объясняемые неизбывной враждебностью румынского монарха к экспансионистским планам Соединённых Штатов в регионе и к американской политике вообще[93]. Эти тенденции не означали, конечно, радикального изменения в отношении России к Румынии. Она рассматривалась как молодое государство с непомерными амбициями, зачастую воодушевляемое нереалистичным и шумным национализмом и располагающее явно недостаточными ресурсами для достижения «чрезмерных» целей регионального доминирования, которые вынашивались бухарестской элитой. Всё же в это время, особенно после 1903 г., имел место медленный переход к восприятию Румынии как потенциального партнёра по диалогу в условиях постепенной реконфигурации союзов и баланса сил на Балканском полуострове.

b) Германофильство и роль румынского королевского дома

Одна из очевидных преемственностей по отношению к предыдущему периоду – это акцент на поверхностном и мимикрическом характере румынской вестернизации, особенно в том случае, когда имелось в виду влияние немецкого фактора на эволюцию Румынского Королевства. Тем не менее, явно идеологизированный язык используется

[90] Личное письмо Гирса от 15 ноября 1903 г. (док. № 110).

[91] Донесение Сомова от 19 августа 1901 г. (док. №. 65), а также и последующая депеша этого дипломата от 22 августа 1901 г. (док. № 66).

[92] Депеша Сомова от 1 ноября 1902 г. (док. № 89).

[93] Донесения Гирса и Лермонтова от 13 февраля, 2 апреля и 12 июля 1904 г. (док. №№ 117, 121, 129), а также от 22 марта 1905 г. (док. № 153).

гораздо реже, чем в предыдущее десятилетие, а германизация рассматривается, скорее, как конкретный процесс установления геополитической гегемонии и немецкого экономического проникновения в Нижнее Подунавье, процесс, в котором румынские элиты играют роль подчинённого партнёра. В пространном донесении, отредактированном 29 августа 1901 г.[94], поверенный в делах Сомов идентифицировал основные пути и способы германизации Румынии, которая, по его словам, «идёт быстрыми шагами вперёд». По мнению российского дипломата, основными «агентами германизации» стали германские банкиры и крупные коммерсанты (которые «являются полными хозяевами страны»), католическая пропаганда – которая всё более надевала германскую «одежду», во вред Франции – и немецкие евреи, игравшие важную роль, прежде всего, в качестве посредников при торговых операциях[95]. Тема германизации Румынии была снова поднята тем же Сомовым в двух других донесениях от июля–августа 1902 г. Акцентируя внимание, особенно, на экономических аспектах, прежде всего, на германском господстве в банковской сфере и в зерноторговле, т.е. там, где немецкие коммерсанты обеспечили себе преобладание, Сомов подчёркивал и чрезмерное германофильство правительства во главе с Д. А. Стурдзой. Констатируя, что новые либеральные министры Костинеску и Стэтеску являются «ярыми приверженцами Германии», дипломат отметил германофильство премьер-министра, который «до смешного выказывает своё преклонение перед всем немецким. Он открыто заявляет, что во Франции молодым румынам учиться нечему, и что место их в Германии». Даже более того, «ни одно из многочисленных румынских Министерств никогда ещё не отличалось таким открыто германским направлением»[96]. Растущая враждебность российской дипломатии к германскому влиянию в Румынии со всей очевидностью просматривается в докладе Гирса от мая 1905 г. В связи с открытием новой румынской линии морских сообщений и проведения к Констанце подводного кабеля, российский посланник подчеркнул, что «влияние Германии в Румынии сильно растёт в настоящее время», а «румыны, опьянённые удачей [речь идёт об *ираде* султана о признании арумынской общности в Македонии], не отдают себе ещё отчёта, насколько дорого им обойдётся германское расположение»[97]. Гирс отметил, главным образом, ту «неослабную энергию, с которой Германия проводит экономические свои интересы в Румынии»[98]. Таким образом, указанная критика западной модели, воспринятой румынскими элитами, была постепенно заменена осуждением германизации. Этот факт отражал, вероятно, и реконфигурацию союзнических отношений, в которые была вовлечена Российская империя.

Отношение российских дипломатов к королевскому дому и, прежде всего, к личности короля Карла I продолжало быть колеблющимся и двойственным, хотя румынский монарх всё реже становился объектом прямых обвинений в проведении политики «окатоличивания» и «германизации». В последние годы своего пребывания в Бухаресте Фонтон занимался преимущественно рассмотрением семейных инцидентов, поездок и годовщин членов королевской семьи, не особо уделяя внимание положению института монархии как такового. Наоборот, новый российский посланник в Бухаресте Михаил Гирс на начальном этапе своей миссии был чрезвычайно критично

[94] Док. № 67.
[95] Там же.
[96] Донесение Сомова от 22 июля 1902 г. (док. № 81).
[97] Донесение Гирса от 18 мая 1905 г. (док. № 160).
[98] Там же.

настроен в отношении роли и поведения короля, восприняв, в значительной мере, риторику, враждебную румынской монархии, характерную для конца 1880-х гг. Так, в апрельском (1903 г.) донесении Гирс использовал довольно жёсткую лексику по адресу Карла I, обвиняя короля в том, что он «усиленно работает на пути водворения в Румынии немецкой культуры и сближения её с Австро-Венгрией и Германией», демонстрируя при этом некое «чувство недоброжелательности к России и славянству, страх перед ними и веру, что ему надлежит искать поддержку и спасение на западе»[99]. Такой дискурс, основанный на цивилизационном антагонизме между германской общностью и славянским миром, всё более популярный в российских правящих кругах, одновременно с ростом влияния панславистского течения, означал существование некой преемственности, которая не была ещё пока заменена растущим прагматизмом первых лет XX века. Более того, повторяя почти дословно антидинастические выпады, характерные для его предшественников, Хитрово и Лодыженского, Гирс заявлял, что король «не снискал любви и популярности среди своих подданных. Он не сумел стать румыном, слишком явно обнаруживал своё пренебрежение к управляемому им народу и придал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в её германизации и в водворении в неё германских интересов»[100].

Неудивительно, что российский посланник заканчивает эту совершенно нелестную характеристику констатацией, что румынский монарх «наносит вред национальному развитию Румынии, являясь проводником и оплотом не национальных, а чужеземных интересов в стране»[101]. Тем не менее, отношение Гирса к королю Карлу I существенно изменилось в последующие годы, становясь более умеренным и выразительным в нюансах. Даже если его подозрительность в отношении намерений и внешнеполитической стратегии румынского монарха сохранялись, враждебность и запальчивость в донесениях постепенно затушёвывались. Так, в депеше от конца 1905 г., написанной в связи со смертью брата Карла I, Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингена, которая глубоко потрясла монарха и ухудшила состояние его здоровья, тон российского посланника стал более снисходительным. Уточнив, что король «не любим в Румынии», Гирс не преминул всё же подчеркнуть замечательные политические успехи Карла I в навязывании своей воли румынским политическим деятелям. Отмечая «настойчивость и выносливость» короля, российский дипломат заявил, что в последнее время «авторитет короля Карла» значительно вырос, в отличие от всё более очевидного кризиса политических партий, ввиду того, что престарелый монарх «является в стране единственным элементом благоразумия и прочности»[102]. Особенно интересным и показательным является приведённое Гирсом сравнение между неоспоримым и всё более консолидированным престижем монарха и неважной репутацией принца Фердинанда: «Они [румыны] дорожат им [королём Карлом I], в особенности, в настоящее, тревожное для Европы, время, тем более что наследник румынского престола – далеко не выдающаяся личность, не внушающая им доверия и уважения»[103]. В заключение, хотя румынская династия продолжала восприниматься чужеродной и не имеющей прочных корней в стране, имеющей, по крайней мере, двойственный характер в глазах российских дипломатов, этот факт уже более не

[99] Донесение Гирса от 18 апреля 1903 г. (док. № 104).
[100] Там же.
[101] Там же.
[102] Донесение Гирса от 8 декабря 1905 г. (док. № 184).
[103] Там же.

являлся «краеугольным камнем» «неполноценности» королевского дома, а король Карл I уже окончательно оценивался как неотъемлемая фигура румынской политической жизни.

В отличие от предшествующего периода, королева Елизавета была намного менее представлена в донесениях российских дипломатов. Тем не менее, в докладе поверенного в делах Сомова от 7 августа 1902 г. королева предстала в неожиданной ипостаси как восхищённая последовательница, и даже пропагандистка философии Льва Толстого в Румынии. Тем самым она подтвердила свою давнюю репутацию прекрасной дамы, романтичной, художественной и слишком «демократичной» для стандартов российской дипломатии той эпохи[104]. Курьёзно, что Сомов вовлёкся в поистине идеологическую полемику с королевой. Он энергично оспаривал её мнение, что российский писатель-философ «чист и безвреден», и с иронией отметил слухи о возможном приезде Толстого в Румынию. При этом дипломат добавил, что «увлечение королевы Елизаветы Толстым далеко не разделяется всем румынским обществом»[105]. Это один из немногих примеров присутствия факторов русской культуры в жизни румынской элиты и прямого «столкновения» двух противоположных взглядов на интерпретацию и значение тогдашней русской культуры, которая, впрочем, всё более явственно восходила на европейский уровень.

c) Православие как фактор идентичности и роль «католической пропаганды»

Если в предшествующем десятилетии (1888–1898) религиозная проблема фигурировала в качестве центрального элемента критического дискурса российских дипломатов в отношении румынской реальности, то в период, рассматриваемый в настоящем томе, мы наблюдаем снижение удельного веса документов такого рода. Даже если румынская модернизация в целом воспринималась как поверхностная и лишённая субстанции, внимание российских обозревателей было сосредоточено, в основном, на светских аспектах вестернизации. Однако, хотя и не было речи о некой навязчивой озабоченности в отношении угрозы «латинства», тема католической пропаганды в королевстве оставалась актуальной. Она, однако, сочеталась с озабоченностью, которую дипломаты Российской империи проявляли в отношении внутренних проблем и «поверхностного» характера румынского православия, тех черт, которые считались даже более опасными, в долговременном плане, чем интриги и прозелитизм римско-католической церкви. Это смещение акцентов происходило постепенно, но, очевидно, оно отражало некоторую «нормализацию» имиджа Румынии, дублируемую тенденцией к превращению религии в инструмент геополитики. Именно это вытекает из довольно неожиданного заявления Сомова, что «главной пособницей в деле германизации является католическая пропаганда»[106]. Другое довольно интересное донесение, отправленное в августе 1902 г., т.е. уже ближе к концу посланнической деятельности Фонтона, извещало о существовании некоторых русофильских кругов, в частности, связанных с семьёй Росетти-Розновану, и об определённых препятствиях, которые создавались вследствие культурного притяжения соседней империи посредством богословского образования. По этому случаю российский посланник констатировал растущую озабоченность среди «благочестивых людей» королевства по поводу «неудовлетворительного состояния румынского духовенства», которое

[104] Депеша Сомова от 7 августа 1902 г. (док. № 84).
[105] Там же.
[106] Донесение Сомова от 29 августа 1901 г. (док. № 67).

могло бы повлечь за собой даже, возможно, «подготовку почвы для католической и протестантской пропаганды в стране»[107]. В то же время Фонтон подчёркивал чрезвычайно ненадёжное положение и упавший престиж румынского клира – лейтмотив, который часто встречался и в донесениях других российских дипломатов: «румынское духовенство далеко не обладает качествами и познаниями», необходимыми для достойного исполнения своей пастырской миссии[108]. Примечательно то внимание, которое уделил дипломат аргументам высшего духовенства и румынского правительства относительно неэффективности католической пропаганды, в отличие от обычного скептического отношения российских посланников. Всё же, вывод Фонтона достаточно красноречив, поскольку он воспроизводил обвинительную риторику российских наблюдателей, говоривших о религиозном безразличии румын, связанном с модернизационным проектом и противостоящем традиционным ценностям, которые переживали кризис: «Остаётся пожелать лишь, чтобы страна эта скорее избавилась от того легкомыслия, с которым все здесь относятся ко всему, касающемуся национальной религии»[109]. Тема «католической пропаганды» в Румынии снова появляется в двух донесениях, вышедших из-под пера Михаила Гирса в 1904 г. Первое из них расценивало как «малоубедительные» заверения со стороны румынского духовенства в отсутствии влияния католической пропаганды в стране и при этом ссылалось на «указания на успехи пропаганды в Румынии», которые содержались в католической прессе Западной Европы[110]. Подобно своему предшественнику, российский посланник озабоченно акцентировал внимание на пресловутом внутреннем кризисе румынского православия. Он недвусмысленно обвинял скорее правительственную политику в религиозной сфере, а именно «более печальное и, быть может, более чреватое вредными последствиями отношение румынского правительства и, отчасти, румынского православного духовенства к религиозному воспитанию и к удовлетворению религиозных треб румынского народа», чем усилия католической пропаганды[111]. В заключение этого сообщения, затронув проблемы, связанные с религиозным образованием в сельской местности, Гирс воспринял ту же мрачную перспективу, что и Фонтон двумя годами ранее, подчеркивая, что был «тяжело поражён тем обстоятельством, что православная страна, отличавшаяся прежде своей религиозностью, допускает ныне, чтобы паства семисот сельских приходов лишена была всякого духовного руководительства»[112]. Помимо отзвуков традиционных заклинаний о роли России как защитника православия на Балканах, существовало серьёзное опасение, что политика секуляризации современного государства будет иметь необратимые последствия для масс крестьян, считавшихся ещё одним элементом, способным противостоять искушениям и опасностям модернизации. Второй доклад Гирса был посвящён конкретным проявлениям «католической пропаганды», связанным с деятельностью конгрегации *Notre Dame de Sion* в Румынии. Отметив, что «степень распространения католической пропаганды» с трудом поддаётся оценке по причине «таинственности, коей облечена деятельность католических учреждений в королевстве и недостаточности контроля над ними местной правительственной власти»[113], Гирс озвучил также

[107] Донесение Фонтона от 15 августа 1902 г. (док. № 85).
[108] Там же.
[109] Там же.
[110] Донесение Гирса от 11 марта 1904 г. (док. № 119).
[111] Там же.
[112] Там же.
[113] Донесение Гирса от 5 сентября 1904 г. (док. № 131).

подозрения, существовавшие в официальных кругах и в интеллектуальной среде России по поводу подпольной и подрывной деятельности «католического элемента» в православных странах. Тем не менее, дипломат не преминул рассмотреть и в благожелательном ключе меры, предпринятые либеральным министром народного просвещения Спиру Харетом, для борьбы против этой «пропаганды [католической], в особенности в женских институтах, содержавшихся конгрегацией *Notre Dame de Sion* в Бухаресте, Яссах и Галаце»[114]. Намерение министра принять меры против попыток «недобросовестного обращения румынских детей в чуждую им католическую веру» было воспринято как нетипичное и даже удивительное для политики румынской правящей элиты. Согласно Гирсу, подобная тенденция шла вразрез с преобладающим общественным мнением, по убеждению которого правительство «должно быть крайне снисходительно к католической пропаганде благодаря принадлежности к католической вере Его Величества короля Карла»[115]. Хотя в первые годы XX в. озабоченность положением православия в Румынии и влиянием католицизма присутствовала в переписке российских дипломатов, в чём проявлялась определённая преемственность в отношении «невралгических точек» румынской модернизации, однако имела место и важная эволюция дискурса. Например, в документах данного хронологического периода отсутствовал пейоративный термин *латинство*, который ранее употреблялся довольно часто, а роль монархии как *a priori* агента католицизма теперь стала более нюансирована. Хотя значимость этих перемен не следует преувеличивать, и «религиозный вопрос» в представлениях российских наблюдателей оставался неразрывно связанным с превратностями модернизации, тем не менее, общая тенденция интерпретации румынского религиозного феномена стала менее тревожной, чем прежде.

d) Вопрос об идентичности и румынский национальный проект

Тема румынского «национального строительства» и иерархии предпочитаемых приоритетов в рамках национального проекта вызывала явный интерес у российских дипломатов и в период 1899–1905 гг. Как и в предшествующем десятилетии, сравнение (чаще всего, неявное) между Трансильванией и Бессарабией структурировало политическое воображение донесений, отправленных из Бухареста. Прежде, чем рассматривать этот аспект, необходимо остановиться на представлении о Добрудже в российских документах той поры. Этот регион привлекал внимание в качестве территории с наиболее ярко выраженной мультиэтничностью в составе королевства, поскольку Добруджа была целью стратегии национализации и крестьянской колонизации из других уездов Королевства и из Трансильвании[116], проводимой румынскими элитами. Отношение российских наблюдателей к интеграции Добруджи в состав Румынского королевства было двойственным и неустойчивым. Наиболее критично централизаторскую политику румынизации, проводимую властями, обрисовывал российский консул в Тулче П. А. Картамышев, который не упускал возможности постоянно упоминать о злоупотреблениях и притеснениях, которым подвергалось многонациональное население Добруджи. В пространном донесении, где анализировалась политика, применяемая Бухарестом в отношении населения

[114] Там же.

[115] Там же.

[116] Об экономической и демографической политике Румынии в Добрудже в конце XIX – начале XX в. см.: Iordachi C. *Citizenship, Nation – and State–Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913*. Pittsburg, University of Pittsburg, 2002; Idem. *De la o „capcană geopolitică” la „vechi pământ românesc”: integrarea Dobrogei în România, 1878–1913* // „Archiva Moldaviae”, V, 2013. P. 233–286.

Добруджи, консул в Тулче с сожалением отмечал массовый отток эмигрантов из региона. По его словам, это явление вызвано «преследованиями румынской администрации, которая притесняет всё нерумынское население дистрикта, заставляя последнее покидать Добруджу»[117]. Такие проявления политики этнической гомогенизации, воспринимаемые российским дипломатом как «возмутительное обращение с нерумынским населением Добруджи», заставляли, по его мнению, последнее покидать провинцию по причине «преследований румынской администрации, сделавшейся ненавистной решительно всем – даже румынам»[118]. Безоговорочное осуждение такой политики маргинализации нерумынского населения – которая прикрывалась местными властями при помощи понятия «румынизации» – сопровождалось обсуждением патриотических способов воплощения этой политики, которые изобретательно применялись местным префектом Неницеску. Он пытался «национализировать территорию», стремясь превратить Добруджу в подлинно румынскую область, главным образом, посредством топонимии и возведения символических памятников: «Господин Неницеску сумел отвлечь внимание министра внутренних дел от происходящих в Тулчинском дистрикте вопиющих злоупотреблений своей якобы патриотической деятельностью и пропагандой идеи „Добруджа для румын", постройкой монумента в Тулче в память войны 1877 и 1878 г. и воссоединения Добруджи со страною-матерью, и основанием двух-трёх румынских посёлков на берегу Дуная с громкими названиями „Принц Карл", „Принц Фердинанд", „Принцесса Елизавета"»[119].

Более того, российский консул использовал данный повод не только для нападок на патриотическую риторику румынского чиновника, которую он считал «полной самовосхваления», но и для критики слов «о цивилизаторской миссии Румынии на нижнем Дунае» и ирредентистских тенденций, которые, в этом случае, выразились в «нападках на Россию» и даже в «надеждах, что противоположный бессарабский берег скоро опять будет румынским»[120]. Данный документ даёт четкое представление о постоянных трениях в российско-румынских отношениях в Нижнем Подунавье и о фундаментальных противоречиях относительно мультиэтничности в национальном и имперском контекстах. В то же время, совершенно очевидно, что позиция российского дипломата содержит в себе критичное отношение к румынскому национальному проекту в целом. Такое впечатление подтверждается утверждениями Картамышева, которые были озвучены в конце донесения и ставили под вопрос колонизаторский потенциал румын в Добрудже: «Надежды же на заселение Добруджи румынами неосновательны, так как румынский крестьянин не любит покидать родные места и плодотворные поля и не пожелает переселиться в неизвестную Добруджу, которая вообще у коренных румын не пользуется доброй славой»[121]. Однако, в первые годы XX века российские посланники в Бухаресте частично изменили точку зрения, констатируя возрастающую важность Добруджи для проектов будущего королевства. Воздерживаясь, в общем, от критических замечаний, они стремились воспроизводить точку зрения румынской элиты о том, что данный регион очень важен для экономического прогресса и открытости Румынии внешнему миру. Так, в ноябре 1902 г. в

[117] Донесение Картамышева от 31 августа 1899 г. (док. № 22).
[118] Там же.
[119] Там же.
[120] Там же.
[121] Там же.

одном из своих первых донесений, отправленных в Петербург, Гирс сослался на сделанное королём Карлом I весьма показательное сравнение южной Бессарабии и Добруджи. Монарх заявил российскому дипломату, что «взамен части Бессарабии, отошедшей к России, Румыния получила страну, представляющую несравненно больше богатств и имеющую будущность»[122], подчеркнув при этом также «ожидаемые им и живо его интересующие благие последствия от обладания морским портом Кюстендже (Констанца)», для будущей морской торговли Румынии[123]. Такая же мысль снова появилась в другом документе посвящённом морским амбициям Румынии и датируемом маем 1905 г. В нём Гирс заметил, что, выступая с речью в Констанце, король назвал Добруджу «жемчугом румынской короны», благодаря которому Румыния «приобрела независимость и возможность прямых сношений со всем светом на своих судах»[124]. Тем не менее, тон российского посланника был довольно скептическим в отношении морских перспектив королевства. Гирс говорил о «чрезмерной самоуверенности», проявляемой румынской элитой в контексте недавнего дипломатического успеха, которого удалось добиться в «македонском вопросе», и об иллюзиях короля Карла, «что Румыния представляет собой уже силу, которой нельзя пренебрегать»[125]. Несмотря на некоторые оговорки, интеграция Добруджи воспринималась как бесспорный успех румынского национального проекта.

«Трансильванский вопрос», конечно, был широко представлен в переписке о внутренней политике королевства, например, в связи с конфликтами между либералами и консерваторами и с обвинениями по адресу правительства Д. А. Стурдзы за его политику по отношению к Трансильвании в 1895–1899 гг.[126]. Также он постоянно интересовал российских дипломатов в общем контексте отношений Румынии с Тройственным союзом, прежде всего, из-за слухов о продлении договора с Центральными державами в течение 1901–1902 гг. Например, летом 1901 г. поверенный в делах Сомов направил своему начальству в Санкт-Петербург несколько тревожных донесений в связи с возможным существованием некоего австро-румынского военного соглашения. Одновременно он обвинял Австро-Венгрию в том, что та пытается отвлечь внимание Бухареста от положения трансильванских румын следующим способом: она «преднамеренно старается создать дурные отношения между Румынией и славянскими её соседями, дабы заставить её теснее примкнуть к враждебному славянам союзу и затем подчинить её, подобно Сербии, своему экономическому влиянию»[127]. Постоянная подозрительность России в отношении «австро-венгерских интриг на Балканах» и возможности военного соглашения между Румынией и двуединой монархией проявлялась открыто и в некоторых донесениях того же Сомова от лета 1902 г. [128] Однако, после того, как Гирс занял свой пост в Бухаресте, он начал уделять повышенное внимание месту Трансильвании в иерархии румынских национальных устремлений. Особенно интересным в этом отношении является его донесение от 10 сентября 1903 г., специально посвящённое отношениям между румынским государством и его «закарпатскими единоплеменниками, вошедшими в состав Венгрии». Сначала Гирс кратко упомянул влияние в прошлом со стороны

[122] Донесение Гирса от 26 ноября 1902 г. (док. № 91).
[123] Там же.
[124] Донесение Гирса от 19 мая 1905 г. (док. № 161).
[125] Там же.
[126] Донесение Фонтона от 29 марта 1899 г. (док. № 8).
[127] Донесение Сомова от 6 августа 1901 г. (док. № 63).
[128] Донесения Сомова от 14 и 31 июля 1902 г. (док. №№ 79 и 82).

трансильванских румын на Дунайские княжества и особо подчеркнул существенное влияние закарпатских румын на экономическую и культурную эволюцию королевства, даже и после создания австро-венгерской монархии. Затем он констатировал, что в последующие десятилетия роли поменялись: «Благодаря же своей независимости, она сама уже [Румыния] оказывает на родные ей провинции, находящиеся ещё под венгерским гнётом, то влияние, которое прежде воспринимала от них»[129]. Российский дипломат выявил довольно ясно центральное место Трансильвании в проектируемом румынском политическом идеале, говоря о едином национально-политическом консенсусе, ориентированном на постепенное усиление румынского влияния в Трансильвании, «имея несомнительно конечной целью подготовить почву к воссоединению этих провинций с Румынией»[130]. Ссылаясь на мнения Таке Ионеску и Д. А. Стурдзы о жизненной важности объединения Трансильвании с королевством для обеспечения в будущем прочной румынской национальной конструкции, российский посланник заявил, что даже и король Карл I, известный своей крайней осторожностью во внешней политике, «не выходя из границ дозволенного, не упустит […] ни одного случая, могущего укрепить в трансильванцах их национальные стремления»[131]. С прагматической точки зрения, Гирс настаивал и на возможных преимуществах, которые Россия могла бы извлечь из растущего антагонизма румынской правящей элиты и Венгрии, а также из «несомненной опасности», которую представляло венгерское государство как для трансильванских румын, так и для королевства[132]. В таком же ключе в донесении от марта 1905 г. Гирс поведал о чрезвычайно критичной позиции короля в отношении возможного союза между трансильванскими румынами и венгерскими националистами из окружения Ференца Кошута, противостоявшими соглашению 1867 г. Отметив опасения Карла I, что победа мадьярских националистов «приведёт лишь к ещё большему подавлению румынской народности, вошедшей в состав Короны св. Стефана», и будет иметь «конечной своей целью окончательно овенгерить румын», российский дипломат не преминул сделать вывод, что король Карл I «стремится установить возможно близкие сношения между румынами Трансильвании и их сородичами Румынского королевства»[133]. Впрочем, неизбывный интерес румынского монарха к Трансильвании и к политической эволюции двуединой монархии, в контексте общественных дискуссий о введении всеобщего избирательного права, Гирс подмечал и осенью 1905 г. Более того, российский посланник приписывал королю мнение, что вследствие «этой реформы румынская национальность в Венгрии приобретёт особенное политическое значение и, вместе с тем, усилится в ней сознание о племенном её родстве с населением Румынского королевства»[134]. Как и прежде, российская дипломатия относилась скорее позитивно к румынским национальным устремлениям в Трансильвании, преследуя при этом двойную цель: ослабление своего австро-венгерского противника и отвлечение румынского общественного мнения в сторону Карпат, подальше от «бессарабского вопроса».

В целом, до 1905 г. интерес российских дипломатических представителей в Румынии к Бессарабии был довольно низким. Он ограничивался чисто «техническими» вопросами, связанными с безопасностью или с урегулированием границы по Пруту, и

[129] Донесение Гирса от 10 сентября 1903 г. (док. № 109).
[130] Там же.
[131] Там же.
[132] Там же.
[133] Депеша Гирса от 23 марта 1905 г. (док. № 154).
[134] Донесение Гирса от 20 сентября 1905 г. (док. № 173).

не затрагивал более чувствительные аспекты – политические или идентификационные[135]. Сюда можно отнести довольно сухое сообщение Гирса о визите губернатора Бессарабии С. Д. Урусова в Яссы в начале октября 1904 г. Последний прибыл с целью вручить находящемуся там «королю Карлу известительную грамоту […] императора» по случаю рождения российского престолонаследника Алексея. Посланник получил ответное поздравление Карла I[136]. Ситуация коренным образом изменилась в первые месяцы 1905 г., одновременно с началом революционного кризиса в Российской империи и с усилением национального движения в Бессарабии. Отметим здесь, прежде всего, донесение Гирса от 11 февраля 1905 г., в котором российский посланник отмечал и анализировал влияние, которое возымело воззвание Центрального Комитета Культурной лиги бессарабских румын. Данная организация была создана по инициативе группы бессарабских эмигрантов, симпатизировавших социалистам[137]. Хотя российский дипломат и пытался принизить значение этого документа, он всё же отметил «политическую цель» воззвания и призвал румынское правительство «положить предел предосудительной пропаганде, могущей привести к нежелательным недоразумениям между нашими государствами»[138]. Хотя Гирс выглядел оптимистом в том, что касалось отношения румынского правительства к данной проблеме, обеспокоенность российского посланника в Бухаресте со всей очевидностью проявилась в конце донесения, что представляется нам особенно показательным: «Не подлежит, однако, сомнению, что, благодаря крайнему развитию национальных чувств, румыны в душе всегда будут сочувствовать всему, что может послужить к сближению бессарабцев с их соплеменниками королевства»[139]. Другим чрезвычайно интересным документом, который прозрачно намекает на угрозу «румынского ирредентизма» в Бессарабии, является донесение Гирса от 18 ноября 1905 г. Оно стало ответом на письмо бессарабского губернатора А. Н. Харузина. Здесь отразились ослабление и глубокий кризис центральной власти в Бессарабии в период апогея революции и выявились всё более тревожные опасения по поводу оспариваемого характера этой провинции. Харузин информировал о слухах, касавшихся намерения Румынии «при благоприятных условиях занять […] Бессарабию», и интересовался тем, «какое можно ожидать отношение со стороны румынского правительства к населению Бессарабской губернии в случае возникновения в ней массовых аграрных беспорядков»[140]. Хотя Гирс категорически заявил о безосновательности таких слухов, подчёркивая при этом зависимость Румынии от Германии в вопросах внешней политики, а также суперосторожность короля Карла I, полностью контролировавшего эту сферу, тем не менее, российский посланник без околичностей заявил, «что король Карл и его министры, несомненно, поощряют развитие национальных стремлений румын […], лелея, быть может, мечту, что приближается время

---

[135] В качестве примера приведём донесение Фонтона от 4 июня 1902 г., док. № 77 (о мерах противодействия контрабанде) и Гирса от 14 апреля 1904 г., док. № 124 (о создании смешанной российско-румынской комиссии для урегулирования границы по Пруту).

[136] Донесение Гирса от 3 октября 1904 г. (док. № 133). Более подробное представление об этом визите, в том числе о его символическом размахе и об отзвуке в тогдашней румынской прессе, можно найти в мемуарах князя С. Д. Урусова: *Урусов С. Д.* Записки губернатора. Бессарабия, 1903–1904 гг. Москва, Изд. Захаров, 2016.

[137] Донесение Гирса от 11 февраля 1905 г. (док. № 151).

[138] Там же.

[139] Там же.

[140] Донесение Гирса от 18 ноября 1905 г. (док. № 183).

присоединения этой нашей губернии к румынской короне»[141]. Такого рода заявления были почти беспрецедентными для российской дипломатии, прежде всего, тогда, когда дело касалось личности румынского монарха, но они являлись очень актуальными в состоянии тревожной неопределённости, которое преобладало в правящих кругах Российской империи в конце 1905 г. Гирс полагал, что король мыслит достаточно прагматично и «решится открыто выступить со знаменем национальных вожделений румын, лишь когда обстоятельства окажутся особенно для этого благоприятными». Но до этого, по убеждению посланника, ещё слишком далеко. Вывод посланника был скорее оптимистичным: «здешнее правительство не питает, в настоящее время, никаких агрессивных намерений по отношению к Бессарабии»[142]. При всём этом, продолжал он, спектр «румынского ирредентизма» нельзя было полностью игнорировать по причине деятельности «патриотических обществ», которые, пользуясь внутренним кризисом в соседней империи, «посылают к нам своих эмиссаров для пробуждения в наших молдаванах румынских национальных чувств»[143]. Тем не менее, проницательно предвосхищая события 1907 г., в контексте крестьянских восстаний, охвативших бóльшую часть европейской России, включая Бессарабию, российский посланник выразил мнение, что эти националистические эмиссары столкнутся с трудностями, когда попытаются воспользоваться недовольством бессарабских крестьян, «так как в самой Румынии аграрные отношения между крестьянами и помещиками грозят в будущем серьёзными осложнениями»[144]. Учитывая болезненный (для элиты) опыт российской революции на периферии, где аграрные противоречия неразрывно переплетались с требованиями национальной эмансипации, неудивительно, что осуществление мрачного «пророчества» Гирса не заставило себя долго ждать, в том числе, благодаря эффекту распространения «бациллы» российской революционной модели.

e) Антисемитизм и «еврейский вопрос»

Начало XX в. охарактеризовалось обострением и радикализацией «еврейского вопроса» в Восточной Европе, прежде всего, в России[145] и на сопредельных территориях[146], включая Королевство Румынию. С одной стороны, речь идёт о погроме в Яссах, одной из первых широких антиеврейских манифестаций, состоявшейся 16 мая 1899 г., и о массовой эмиграции румынских евреев на Запад, что привлекло внимание румынских властей и иностранной прессы[147]. С другой стороны, имеется в виду апрельский (1903 г.) погром в Кишинёве[148], который «интернационализировал» проблему антисемитского насилия внутри Российской империи, породив

[141] Там же.
[142] Там же.
[143] Там же.
[144] Донесения Гирса от 18 ноября 1905 г. (док. № 183) и 9 декабря 1905 г. (док. № 185).
[145] Wiese S. *Pogrome im Zarenreich. Dynamiken kollektiver Gewalt*. Hamburg, Hamburger Edition, 2016; *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* / Ed. by J. D. Klier, Sh. Lambroza. Cambridge, Cambridge University Press, 1992.
[146] Marin I. *Peasant Violence and Antisemitism in Early Twentieth-Century Eastern Europe*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018.
[147] Iancu C. *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*. Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.
[148] Judge E. H. *Easter in Kishinev. Anatomy of a Pogrom*, New York, New York University Press, 1992; Кишинёвский погром 1903 года: Взгляд через столетие. Материалы международной научной конференции / Под ред. Я. М. Копанского. Кишинёв, Понтос, 2004.

острую полемику о вовлечённости царского правительства в эти события. Беспрецедентный резонанс насильственных действий погромщиков, совершённых в Кишинёве и ставших известными общественному мнению в России и на Западе, а также, прежде всего, среди еврейской общины Бессарабии и южной России, повлёк за собой широкий процесс эмиграции, повлиявший и на Румынию как транзитную страну. До некоторой степени неожиданно «еврейский вопрос» стал одним из немногих элементов политического сближения и даже косвенной солидарности российской и румынской элит в этот период. Традиционный экономический и религиозный антисемитизм, разделяемый – в различных формах – разными категориями населения в обеих странах, усугублялся углублением экономического кризиса после 1900 г., а также всё более отчётливым акцентированием риторики о «еврейской опасности» и призывами к оздоровлению «национального организма», которые раздавались по обе стороны границы. Еврейская эмиграция из Румынии и, прежде всего, её широкие последствия, с точки зрения экономического аспекта и восприятия за рубежом[149], постоянно отмечались российскими дипломатами. Так, в депеше от сентября 1902 г. Фонтон подчеркнул, с одной стороны, что «евреи в Румынии пользуются меньшими правами, чем в какой-либо другой стране» и «приравнены к иностранцам», однако, с другой стороны, не удержался от замечания, что «дарование евреям политических и других прав румынских подданных было бы смертельным приговором для королевства». Преувеличивая, в совершенно необычном для него эмоциональном ключе, тему «еврейской опасности», российский посланник не преминул обрисовать печальный образ Румынии, «полностью занятой» евреями, которые наводнили бы «войско, администрацию и все профессии [...], и от православного Румынского королевства осталось бы одно воспоминание». Заключение доклада выглядит не менее экзальтированным, поскольку посланник настаивал на том, что дискриминационными мерами против евреев и отрицанием вмешательства западных держав «правительство Румынии исполняет свой священный долг и защищает самое существование и независимость родной страны»[150].

Презумпция «еврейской опасности» появляется в российских документах в двойственной ипостаси. Прежде всего, евреи воспринимались как инородный и дестабилизирующий элемент, как «внутренний враг», который ослабляет единство королевства и провоцирует вполне оправданную реакцию «патриотической молодёжи». В этом смысле, значение еврейской эмиграции трактовалось в нейтральных или даже в позитивных терминах, а корни полемики, вызванной впечатляющими размерами этого явления, усматривались в «подстрекательствах» и «агитации со стороны еврейских обществ Центральной Европы»[151]. Как и в случае с Россией, евреи ассоциировались с социализмом и с «крайне низким нравственным уровнем» румынской прессы[152], и создавалось консолидированное представление об этой общности как о факторе разрушительном для молодого румынского государства. Таким образом, даже и акты насилия против евреев – особенно погром в Яссах в мае 1899 г. – минимизировались и «нормализировались» в донесениях российских дипломатов. В докладе консула в Яссах Б. К. Арсеньева от 22 мая 1899 г., впрочем,

---

[149] Vitcu D., Ceaușu M. Ș. *Emigrarea evreilor est-europeni în America la începutul secolului al XX-lea (motivații, strategii și implicații politice)* // „Studia et Acta Historiae Iudaeorum Romaniae". Iași. Vol. VIII. 2003. P. 75–96.

[150] Депеша Фонтона от 12 сентября 1902 г. (док. № 86).

[151] Донесения Фонтона от 14 и 24 июня 1900 г. (док. №№ 36 и 37).

[152] Донесение Фонтона от 24 июня 1900 г. (док. № 37).

очень детальном и интересном, эти события сухо квалифицировались как «волнения и беспорядки», а акцент был сделан, скорее, на политические манипуляции либералов, нежели на тяжесть самой сути произошедшего инцидента[153]. Бессарабские евреи, пытавшиеся покинуть Россию во время революционных событий 1905 г. и ехавшие через Румынию, воспринимались как прямая угроза для безопасности государства[154]. Второй аспект «еврейского вопроса» касался иностранного вмешательства во внутреннюю румынскую политику. Прослеживая очевидную параллель с происходившими одновременно дискуссиями в России, имперские дипломаты подробно описывали возмущение властных структур Бухареста по поводу любых попыток «интернационализировать» положение румынских евреев, шла ли речь об информационной поездке и кампании в прессе, инициированной Бернаром Лазаром[155], или же о критической позиции, занятой Соединёнными Штатами в отношении политики румынского правительства в контексте массовой эмиграции румынских евреев в Америку[156]. Таким образом, некоторые российские дипломаты проецировали определённые опасения и фобии части имперских элит на румынскую почву, подчёркивая тем самым параллелизм и общность дилемм, характерных для обоих государств.

f) «Социальный вопрос», революционная угроза и инцидент с броненосцем «Потёмкин»

Учитывая восприятие – по-прежнему совершенно отчётливое в российской дипломатической переписке – румынской модернизации как химерического, поверхностного и бессмысленного проекта, «формы без базы», основанной на некритичной имитации Запада, неудивительно, что, подобно предыдущему десятилетию, состояние румынского крестьянства рассматривалось как плачевное, а социальные основы королевства воспринимались шаткими. Такого рода «популистская», со славянофильским акцентом, точка зрения на румынское крестьянство как на главную жертву модернизации (и, шире, как на потенциального союзника России, противостоящего тенденции, насильственно насаждаемой прозападной элитой) усилилась во время экономического кризиса, который разразился в Румынии, начиная с 1899–1900 гг. Она отразилась, например, в таком красноречивом фрагменте из донесения, вышедшего из-под пера Фонтона в январе 1899 г.: «многолетняя деятельность враждебных России рум[ынских] Министерств не в силах была поколебать в массах сельского населения, составляющего ядро королевства, веками исторически сложившегося представления о Правосл[авном] царе как о верховном защитнике всех единоверцев»[157]. В то же время, российские дипломаты оставались довольно чувствительны ко всякого рода проявлениям недовольства крестьян и беспорядкам, наподобие тех, которые вспыхивали в течение 1899 г., а также других реалий румынской социальной жизни, в частности, «рабочего вопроса». Так, в донесении Фонтона от февраля 1902 г. находим одно из немногочисленных упоминаний о манифестации «рабочего класса», хотя, вопреки ожиданиям, речь шла не о примере угрожающей «социалистической агитации», а о неких требованиях, связанных со

[153] Донесение Арсеньева от 22 мая 1899 г. (док. № 12).
[154] Донесение Гирса от 17 декабря 1905 г. (док. № 186).
[155] Донесение Сомова от 22 июля 1902 г. (док. № 81).
[156] Донесения Фонтона от 12 и 18 сентября 1902 г. (док. №№ 86 и 87).
[157] Черновик донесения Фонтона от 30 января 1899 г. (док. № 2). Озабоченность Фонтона по поводу «крестьянского вопроса» и сельских беспорядков в Румынии проявлялась также и в некоторых других отчётах, написанных в течение того же года.

слишком большой долей иностранных рабочих, которые составляли несправедливую конкуренцию отечественному пролетариату. Как своего рода отзвук тогдашних споров, имевших место в России, Фонтон завершает своё донесение следующим выводом: «Хотя румынский рабочий класс того и не высказывает открыто, но, по-видимому, он стремится к безусловному исключению из страны всех чужеземных рабочих, что правительство не признаёт, конечно, возможным»[158]. Если румынское социалистическое движение почти игнорировалось российскими наблюдателями, появляясь лишь спорадически во включённых в данный том документах, на протяжении 1901 и 1902 гг. Фонтон уделял довольно большое внимание борьбе против анархизма, который воспринимался тогда в качестве основной угрозы для стабильности европейских политических режимов. Так, российский дипломат был чрезвычайно озабочен укреплением российско-румынской солидарности в преодолении этого «бедствия». Он подробно докладывал начальству о своих дискуссиях с румынскими уполномоченными лицами на предмет корректировки румынского законодательства – предполагающей ограничение гражданских свобод – в ответ на германско-российскую инициативу об усилении антианархистских действий на общеевропейском уровне[159]. Имея в виду постоянную озабоченность короля Карла I укреплением монархической солидарности перед лицом террористической тактики анархистского движения, которое тогда находилось на подъёме, преодоление терроризма стало очень значимым элементом российско-румынского межгосударственного сотрудничества в указанный период.

Несмотря на довольно эфемерное внимание, уделяемое революционной угрозе в русско-румынских отношениях той эпохи, оно всё же прослеживается в двух важных документах первых лет XX в. В первом случае речь идёт о январском (1903 г.) донесении Гирса, где говорилось о подпольной контрабанде революционной литературы в Российскую империю через Румынию и о «революционных» кругах в самой Румынии, которые занимались антироссийской деятельностью. По информации, полученной Гирсом от российской «секретной агентуры» на Балканах, «за последнее время транспорты русских революционных книг и брошюр стали получаться довольно часто в Бухарест на адрес дочери бывшего русского революционера, принявшего румынское подданство [вероятнее всего, речь шла о семье Замфира Арборе-Ралли], направляющего их затем тайным образом в Россию»[160]. По настоянию Гирса, румынское правительство приняло «решение конфисковать транспорты революционных книг и брошюр, кому бы ни были они адресованы», а министр внутренних дел Василе Ласкэр заверил посланника в том, «что он готов принять все необходимые меры для прекращения каких-либо революционных действий в пределах Румынии, направленных против России»[161]. Этот пример демонстрирует, что Россия постоянно оказывала давление на румынские власти по данному вопросу, а значимость Румынии как транзитной страны для переброски революционной литературы, предназначенной к «потреблению» внутри Российской империи, осознавалась обеими сторонами. Такое давление стало оказываться всё энергичнее по мере того, как в 1905 г. всё больший размах приобретала российская революция. Второй документ касается непосредственного воздействия российских революционных событий на Румынию. Он связан

[158] Донесение Фонтона от 17 февраля 1902 г. (док. № 74).

[159] Донесения Фонтона от 5 декабря 1901 г. (док. № 72), 9 апреля и 14 июня 1902 г. (док. №№ 76 и 78).

[160] Донесение Гирса от 29 января 1903 г. (док. № 101).

[161] Там же.

с заходом восставшего броненосца «Потёмкин» в порт Констанцу и с реакцией – нерешительной, колеблющейся и даже растерянной – румынских властей на данный инцидент.

Сей необычный случай, который превратился в событие с очень сильной символической нагрузкой под искажённой «лупой» советской историографии, особенно актуален для характеристики неоднозначности российско-румынского взаимодействия. Этот инцидент, несомненно, неожиданный и нежелательный для обеих сторон, вызвал состояние растерянности и взаимного недопонимания. Действия румынских властей, предпринятые под впечатлением изумления от появления броненосца в добруджанском порту, стали предметом «двойственной оценки». Так, если на официальном уровне румынским властям была выражена благодарность «за энергичные меры, принятые относительно броненосца „Князь Потёмкин" в первый его приход в Констанцу»[162], и за постоянное содействие в решении проблемы, поверенный в делах С. А. Лермонтов[163] не скрывал своё очень критичное мнение в отношении действий румынских чиновников: «Если бы не панический страх, обуявший румынских властей при одном приближении к Констанце нашего броненосца, и не поспешность, выказанная ими при переговорах со взбунтовавшейся командой, всё это прискорбное событие могло окончиться иначе»[164]. Имидж высокопоставленных румынских чиновников, в том числе министра иностранных дел генерала Якоба Лаховари, который, как правило, удостаивался от Гирса и его заместителей благожелательных отзывов, на этот раз был не очень позитивным. Сообщая о вторичном заходе судна в Констанцу, после неудачной попытки экипажа вернуться в Россию, Лермонтов осуждал позицию министра, который не предпринял необходимых шагов для подготовки к такому возможному развитию событий, «а констанцские власти, в настоящем паническом страхе бомбардирования броненосцем порта, согласились на сдачу команды»[165]. Из всего изложенного российским посланником вытекало, что особенно он был возмущён халатностью властей и поднятием румынского флага на корме броненосца «Потёмкин», что воспринималось как символическое оскорбление. Вывод Лермонтова был особенно показательным, поскольку он акцентировал особое внимание на факте, что «во всём этом деле действия румынских властей оказались легкомысленными» и доказывающими, «до какой степени они все потеряли голову»[166].

По всей видимости, такое негативное восприятие было вызвано и отношением румынских властей к восставшему экипажу, которому позволили сдаться и обеспечили при этом билетами для свободного проезда. Более того, «команда была принята

[162] Донесение Лермонтова от 1 июля 1905 г. (док. № 165. Содержит 20 приложений, публикуемых частично).

[163] Лермонтов Сергей Александрович (1861–1932), потомок фамилии военных деятелей, был знатоком общебалканской проблематики. До назначения первым секретарём российской миссии в Румынии (1903 г.) служил на различных должностях в консульствах в Сараеве и в Яссах (1887–1892), в дипломатических миссиях в Персии и в Черногории, а также в Санкт-Петербурге, в центральном аппарате Министерства иностранных дел, где был причислен к отделению Ближнего Востока при Азиатском департаменте (1892–1895). О ясском периоде службы см. его личное дело: АВПРИ. Ф. 169/2. Миссия в Румынии. Оп. 511/1. Д. 217. О происхождении и родословной рода Лермонтовых в России см.: *Новый энциклопедический словарь*. Т. 24, Пг., Типография Акц. О-ва Издательское дело б. Брокгауз-Ефрон, [1915]. С. 403; *Лермонтовская энциклопедия* / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., Издательство Советская Энциклопедия, 1981. С. 467–468.

[164] Там же.

[165] Там же.

[166] Там же.

на берегу народонаселением [Констанцы] с проявлением некоторой симпатии. Из Бухареста прибыла делегация от социалистов, раздавшая команде около полутора тысяч [лей]»[167]. Основное беспокойство российских властей, по-видимому, было связано с тем, что присутствие моряков-потёмкинцев вызвало бы эффект революционного «загрязнения» как в Румынии, так и в России, куда они могли проникнуть. Представление о якобы наличии в Румынии обширной анархистской сети, которая инициировала «активную пропаганду» среди моряков, несмотря на заверения правительства и короля о мерах по борьбе с этим движением, было достаточно сильным, чтобы вызвать паническую реакцию среди российских дипломатов. В депеше от конца 1905 г. Гирс отметил наличие «обширной переписки ... весьма компрометирующего характера» между местными анархистами и матросами «Потёмкина»[168]. Особенно интересным является упомянутый российским посланником факт, что в феврале 1904 г. тайная российская агентура в Румынии была «уничтожена»[169], и это показывает состояние неопределённости, совершенно нетипичное для поведения российской дипломатии. Хотя этот инцидент не оказал глубокого влияния на российско-румынские отношения в рассматриваемый период, тем не менее, влияние революционных процессов в России сильно изменило динамику взаимного восприятия.

Флавиус Соломон
Андрей Кушко
Перевод с румынского *Григория Шкундина*

[167] Приложение к донесению Лермонтова от 1 июля 1905 г. (док. № 165).
[168] Депеша Гирса от 29 декабря 1905 г. (док. № 187).
[169] Там же.

LISTA DOCUMENTELOR

1. **București, 13 ianuarie 1899.** N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuție cu D. A. Sturdza privind reacțiile românești la situația din Macedonia.
2. **București, 30 ianuarie 1899.** N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre mișcările țărănești din România și influența socialiștilor.
3. **București, 15 februarie 1899.** N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre rechemarea de la București a trimisului austro-ungar Aehrenthal și sosirea succesorului său, Pallavicini.
4. **București, 23 februarie 1899.** N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre evoluțiile politice interne din România; „alianța” liberalilor cu socialiștii; situația din mediul rural; discutarea bugetului.
5. **București, 8 martie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre ecourile tulburărilor țărănești în mediul politic și opinia publică românească.
6. **București, 8 martie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre modul în care se implică regele Carol în activitatea Parlamentului și despre modul în care se respectă în România secretul votului.
7. **București, 8 martie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre activitatea Comitetului albanez din București.
8. **București, 29 martie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre broșura „Politica contelui Bánffy față de naționalități” și reacțiile clasei politice românești la politicile de discriminare a românilor din Transilvania.
9. **București, 8 aprilie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre demisia guvernului Sturdza și situația politică din România.
10. **București, 12 aprilie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre constituirea guvernului conservator condus de Gheorghe Gr. Cantacuzino.
11. **București, 8 mai 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuțiile avute cu noul ministru român al Afacerilor Străine privind conferința de la Haga.
12. **Iași, 22 mai 1899**. B. K. Arseniev, consul rus în Iași, către N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, despre acțiunile liberalilor din Iași și reacțiile antisemite ale studenților.

13. **București, 8 iunie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre activitățile Comitetului politic albanez din București.
14. **București, 12 iulie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacțiile României la instituirea de către Austro-Ungaria a unor noi taxe pentru vasele comerciale care trec prin Porțile de Fier.
15. **București, 1 august 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre călătoria în Serbia a lui Alexandru Catargiu și situația politică din Serbia.
16. **București, 2 august 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre sosirea la Sinaia a trimisului sârb din România și refuzul acestuia de a executa în continuare ordinele guvernului sârb.
17. **București, 2 august 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre Comitetul albanez din România și chestiunea independenței Albaniei.
18. **București, 18 august 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea autorităților române față de emigranții sârbi din România.
19. **București, 18 august 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre nemulțumirile României față de taxele instituite de către Austro-Ungaria pentru vasele comerciale care trec prin Porțile de Fier.
20. **Galați, 20 august 1899**. N. N. Lodâjenski, consul general rus în Galați, către Ministerul de Externe al Rusiei. Copie a scrisorii particulare a lui Lodâjenski către N. A. Fonton, trimisă la Viena de la Galați pe data de 18 (30) august 1899. Este discutată navigația vaselor comerciale pe Dunăre.
21. **București, 23 august 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei. Telegramă secretă. Despre poziția României față de taxele instituite de către Austro-Ungaria pentru vasele comerciale care trec prin Porțile de Fier.
22. **[Tulcea], 31 august 1899**. P. A. Kartamâșev, consul rus în Dobrogea, către N. A. Fonton, despre nemulțumirile unei părți a populației din Dobrogea față de administrația românească și dorința multor țărani de a emigra din România.
23. **București, 1 septembrie 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, Ministru de Externe al Rusiei, despre propaganda românească și școlile aromâne din Macedonia.
24. **București, 1 septembrie 1899**. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către M. N. Muraviev, despre o scrisoare primită de la redactorul revistei „Steaua Albaniei" din București, în care este solicitat sprijinul Rusiei pentru creștinii ortodocși din Albania.
25. **București, 15 septembrie 1899**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre o discuție cu Ion N. Lahovari privind poziția României față de taxele instituite de către Austro-Ungaria pentru vasele comerciale care trec prin Porțile de Fier.
26. **Tulcea, 15 septembrie 1899**. P. A. Kartamâșev, consul rus în Dobrogea, către N. A. Fonton, despre vizita la Tulcea a ministrului Nicolae Fleva și cazurile de corupție în administrația locală.

39. **București, 25 iulie 1900.** A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre asasinarea profesorului Mihăileanu și despre reacția opiniei publice românești față de această crimă.
40. **Sinaia, 4 august 1900**. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre răspunsul guvernului bulgar la cererea României de a stopa activitatea comitetului macedonean, despre rezultatele preliminare ale anchetei privind asasinarea profesorului Mihăileanu și despre indignarea opiniei publice față de activitatea teroristă a Comitetului Macedonean.
41. **Sinaia, 7 august 1900**. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre mitingul de protest de la București împotriva activității Comitetului Macedonean și a atitudinii guvernului bulgar.
42. **Sinaia, 17 august 1900.** A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre relațiile tensionate dintre România și Bulgaria din cauza activității Comitetului Macedonean și despre atitudinea provocatoare a guvernului român, care este preocupat de creșterea popularității sale în țară.
43. **Sinaia, 17 august 1900.** A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre plecarea peste hotare a cuplului regal român și despre programul acestei călătorii.
44. **Sinaia, 17 august 1900.** A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre atitudinea guvernului român față de Bulgaria, despre îmbunătățirea relațiilor otomano-române în contextul chestiunii macedonene și despre problemele financiare ale regatului.
45. **București, 21 august 1900.** A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre moderarea atitudinii guvernului român față de Bulgaria și despre întâlnirea cu prim-ministrul P. P. Carp, care a dat asigurări privind poziția pacifistă a guvernului său în contextul chestiunii macedonene.
46. **București, 30 august 1900**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre întâlnirea cu ministrul român al Afacerilor Străine, Al. Marghiloman, despre rezultatele anchetei penale privind asasinarea profesorului Mihăileanu și despre planurile anterioare ale Comitetului Macedonean pe teritoriul României.
47. **București, 30 august 1900**. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre încheierea acordului comercial româno-otoman, despre problema școlilor românești din Macedonia, despre combaterea anarhismului și despre scrisoarea unui fost emigrant bulgar din Rusia către agentul militar rus din București, locotenent-colonelul Leontovici.
48. **Sankt-Petersburg, 7 septembrie 1900**. Telegramă. V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, către N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, despre posibilitatea rechemării lui Gheorghe Rosetti-Solescu din funcția de ministru plenipotențiar al României în Imperiul Rus.
49. **București, 8 septembrie 1900.** N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre întâlnirea sa cu prim-ministrul român, P. P. Carp, și cu ministrul interimar al Afacerilor Străine, Titu Maiorescu, despre atitudinea pacifistă a guvernului român

față de Bulgaria, despre rezultatele anchetei judiciare privind activitatea Comitetului Macedonean şi despre aşteptările României legate de reacția autorităților bulgare.

50. Bucureşti, 9 septembrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei. Telegramă. Despre speculațiile privind rechemarea lui Gheorghe Rosetti-Solescu din funcția de ministru plenipotențiar al României în Imperiul Rus.

51. Bucureşti, 26 septembrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre audiența sa la regele Carol, despre atitudinea calmă a monarhului față de neînțelegerile româno-bulgare și despre poziția României față de activitatea Comitetului Macedonean și față de anchetarea penală a membrilor acestuia.

52. Bucureşti, 13 octombrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre a șaptea aniversare a prințului Carol și despre darurile oferite prințului de către Mitropolitul-Primat, Iosif, și membrii Sfântului Sinod.

53. Bucureşti, 14 octombrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei. Telegramă. Despre zvonurile privind unele schimbări în reprezentanțele diplomatice ale României.

54. Ialta, 15 octombrie 1900. Telegramă. V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, către N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, despre speculațiile privind înlocuirea lui Gheorghe Rosetti-Solescu în funcția de ministru plenipotențiar al României în Imperiul Rus cu Alexandru Catargiu.

55. Bucureşti, 17 octombrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei. Telegramă. Despre speculațiile privind înlocuirea lui Gheorghe Rosetti-Solescu din funcția de ministru plenipotențiar al României în Imperiul Rus cu Ion Bălăceanu.

56. Bucureşti, 22 noiembrie 1900. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe ad-interim al Rusiei, despre prima ședință de judecată în dosarul *Complotului Bulgar*, despre acuzații și mărturiile din cadrul procesului, despre planurile teroriștilor bulgari și despre modul de desfășurare a procesului judiciar.

57. Bucureşti, 7 februarie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre un parastas oficiat la București în memoria regelui sârb Milan și situația politică din Serbia.

58. Bucureşti, 7 februarie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre criza politică din România și disensiunile din rândul conservatorilor.

59. Bucureşti, 25 martie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre demisia guvernului conservator și formarea guvernului liberal condus de D. A. Sturdza.

60. Bucureşti, 3 mai 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre întrevederea regelui Carol cu regele Greciei și reacțiile cercurilor politice și ale presei românești.

61. Bucureşti, 9 iunie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre întâlnirea regelui Carol la Sinaia cu șeful Marelui Stat Major al armatei austro-ungare.

62. București, 9 iunie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuție a ministrului plenipotențiar rus în România cu D. A. Sturdza privind preconizata vizită a unei escadre ruse la Constanța.

63. Sinaia, 6 august 1901. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre întâlnirea dintre regele Carol și regele Greciei la Abbazia și situația comunităților aromânești din Peninsula Balcanică.

64. București, 19 august 1901. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre întâlnirea de la Viena dintre D. A. Sturdza și generalul austro-ungar Beck și speculațiile privind semnarea unui acord militar dintre România și Austro-Ungaria.

65. Sinaia, 19 august 1901. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atacurile la adresa Rusiei din ziarele românești, cu scopul de a justifica apropierea României de Austro-Ungaria.

66. Sinaia, 22 august 1901. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre continuarea atacurilor la adresa Rusiei în ziarele românești și discutarea acestei chestiuni cu D. A. Sturdza.

67. București, 29 august 1901. A. S. Somov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre intrarea României în sfera de influență a Germaniei prin intermediul capitalului bancar german, în special prin banca „Disconto-Gesellschaft” din Berlin.

68. București, 8 septembrie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre finanțarea de către România a unor școli din Macedonia și disputele politice interne românești.

69. București, 8 septembrie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki, adjunct al Ministrului de Externe al Rusiei, despre o discuție cu D. A. Sturdza privind relațiile româno-bulgare și situația politică din Peninsula Balcanică.

70. București, 9 octombrie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre ruptura dintre conservatori și junimiști și impactul asupra situației politice din România.

71. București, 9 octombrie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre audiența la regele Carol. Au fost discutate relațiile României cu alte state.

72. București, 5 decembrie 1901. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre implicarea României în lupta împotriva anarhismului. Este invocată în acest sens o discuție cu D. A. Sturdza.

73. București, 16 februarie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre discutarea în Parlament a bugetului pentru Ministerul de Război și proiectele României de întărire a apărării.

74. București, 17 februarie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre criza financiară din România, nemulțumirile muncitorilor și reacțiile autorităților.

75. București, 25 februarie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre

impactul crizei financiare asupra sistemului de pensii din România, în special asupra pensiilor pentru militari.

76. București, 9 aprilie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre acordul guvernului român de a colabora cu Germania și Rusia în combaterea mișcărilor „anarhiste" din Europa.

77. București, 4 iunie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre măsurile pe care intenționează să le ia România pentru îmbunătățirea pazei frontierei.

78. București, 14 iunie 1902. Depeșă a lui N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, despre posibilitatea modificării legislației românești cu privire la expulzări, care ar ajuta lupta împotriva „anarhiștilor".

79. Sinaia, 14 iulie 1902. Depeșă a lui A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, despre vizita la Sinaia a unor ofițeri de la Academia Militară Austriacă și primirea acestora de către regele Carol.

80. București, 22 iulie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre remanierea Cabinetului liberal condus de către D. A. Sturdza și criza de la Ministerul de Război.

81. București, 22 iulie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre remanierile în Guvernul liberal.

82. Sinaia, 31 iulie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre ecourile întâlnirii regelui Carol cu împăratul Franz Josef.

83. Sinaia, 31 iulie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre exporturile de cereale românești și implicarea băncii germane „Disconto-Gesellschaft".

84. Sinaia, 7 august 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre admirația reginei Elisabeta pentru activitatea lui Lev Tolstoi și zvonurile privind posibilitatea stabilirii acestuia în România.

85. Sinaia, 15 august 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuție cu colonelul Gheorghe Roznovanu privind situația Bisericii Ortodoxe din România și propaganda catolică.

86. București, 12 septembrie 1902. Depeșă a lui N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, despre situația evreilor din România și intervenția în favoarea lor a Statelor Unite ale Americii.

87. București, 18 septembrie 1902. N. A. Fonton, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuție cu regele Carol privind agenda de politică externă a României, în special intervenția Statelor Unite ale Americii în favoarea evreilor români și relațiile cu Bulgaria.

88. București, 21 octombrie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o posibilă vizită a regelui Carol și reacțiile din România la aniversarea în Bulgaria a evenimentelor de la 1877.

89. București, 1 noiembrie 1902. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre călătoria în Bulgaria a regelui Carol, pentru a vizita locurile luptelor de la 1877.

90. București, 26 noiembrie 1902. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre sosirea sa la București și discuțiile avute cu D. A. Sturdza și Ion I. C. Brătianu.

91. București, 26 noiembrie 1902. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre înmânarea scrisorilor de acreditare și audiența la regele Carol, în timpul căreia au fost discutate chestiuni privitoare la politica externă a României.

92. București, 13 decembrie 1902. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre nemulțumirea cercurilor guvernamentale din România față de publicarea în ziarul rus „Russkii Invalid” a unui articol în care era diminuat rolul jucat de armatele române în luptele de la Grivița.

93. București, 19 decembrie 1902. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre ecourile călătoriei regelui Carol în Bulgaria și opiniile acestuia în legătură cu situația din Peninsula Balcanică.

94. București, 11 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacțiile oamenilor politici și ale opiniei publice din România la reformele din provinciile balcanice ale Imperiului Otoman.

95. București, 12 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre situația cuțo-vlahilor din Macedonia și atitudinea guvernului României față de posibilitatea consolidării poziției Bulgariei în Balcani.

96. Iași, 19 ianuarie 1903. I. K. Peterson, consulul Rusiei din Iași, către M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, despre vizita principelui moștenitor, Ferdinand, la Iași și atitudinea rezervată a populației simple din Iași față de această vizită.

97. București, 20 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea lui D. A. Sturdza și a lui Ion I. C. Brătianu față de evoluțiile din Balcani și îngrijorările României față de o posibilă consolidare a poziției Bulgariei și Serbiei.

98. București, 21 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuție cu Alexandru Em. Lahovari, trimisul României la Constantinopol, privitoare la un posibil plan al Marii Britanii pentru reglementarea situației din Macedonia.

99. București, 21 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o audiență privată la regele Carol, în timpul căreia s-a discutat despre situația din Macedonia, statutul cuțo-vlahilor și activitatea „Ligii Culturale”.

100. București, 23 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre alegerile parlamentare parțiale din România și ascensiunea politică a lui Take Ionescu.

101. București, 29 ianuarie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre folosirea de către unii emigranți ruși a teritoriului României pentru transportarea de literatură de stânga în Rusia și intenția autorităților române de a pune capăt acestor practici.

102. Iaşi, 6 martie 1903. Extras din raportul consilierului titular A. Iu. Bulah de la Consulatul Rusiei din Iaşi privitor la starea deplorabilă a unei părţi a cimitirului „Eternitate” din Iaşi, unde, la 1877-1878, au fost înmormântaţi militari ruşi.

103. Bucureşti, 21 martie 1903. A. S. Somov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre demersurile întreprinse pentru extrădarea în Rusia a socialistului Mendel Rosenbaum şi atitudinea rezervată a autorităţilor române.

104. Bucureşti, 14 aprilie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre rolul jucat de regele Carol în viaţa politică din România şi relaţia acestuia cu principalii oameni politici români.

105. Bucureşti, 10 mai 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre călătoria în Rusia a unei delegaţii militare române, pentru a participa la aniversarea a o sută de ani de la fondarea Regimentului 18 de Vologda.

106. Bucureşti, 6 iunie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea regelui Carol faţă de asasinarea cuplului regal sârb.

107. Bucureşti, 21 iunie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre o discuţie cu Ion I. C. Brătianu privitoare la relaţiile dintre România şi Tripla Alianţă şi o posibilă dorinţă a României de a se apropia de Rusia.

108. Sinaia, 13 august 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea României faţă de situaţia din Macedonia şi relaţiile româno-bulgare.

109. Sinaia, 10 septembrie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre situaţia românilor din Transilvania şi reacţiile româneşti la politica de maghiarizare dusă de către autorităţile de la Budapesta.

110. Bucureşti, 15 noiembrie 1903. Extras din scrisoarea particulară a lui M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, despre Ion I. C. Brătianu. Se apreciază că acesta ar putea duce o politică mult mai favorabilă Rusiei decât D. A. Sturdza.

111. Tulcea, 15 noiembrie 1903. P. A. Kartamâşev, consul rus la Tulcea, către M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, despre sărbătorirea aniversării a 25 de ani de la alipirea Dobrogei la Regatul Român.

112. Tulcea, 17 noiembrie 1903. P. A. Kartamâşev, consul rus la Tulcea, către M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, despre o discuţie cu prefectul de Tulcea privind motivele pentru care nu a fost invitat la festivităţile prilejuite de aniversarea a 25 de ani de la alipirea Dobrogei la Regatul Român.

113. Tulcea, 25 noiembrie 1903. P. A. Kartamâşev, consul rus la Tulcea, către M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, despre vizita la Tulcea a principelui moştenitor, Ferdinand, şi atitudinea favorabilă faţă de acesta a corpului ofiţeresc.

114. Bucureşti, 26 decembrie 1903. M. N. Giers, trimis extraordinar şi ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre controversa legată de neinvitarea consulului rus de la Tulcea, Kartamâşev, la festivităţile prilejuite de aniversarea a 25 de ani de la alipirea Dobrogei la Regatul Român.

115. **Bucureşti, 2 ianuarie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea ostilă a Patriarhiei Ecumenice de Constantinopol față de chestiunea cuțo-vlahă și despre poziția României față de această problemă.
116. **Bucureşti, 10 februarie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre discuția cu trimisul grec la Curtea regală română, Tombazis, și despre poziția Greciei privind neînțelegerile greco-române legate de chestiunea macedoneană.
117. **Bucureşti, 13 februarie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre declarația oficială de neutralitate a guvernului român în contextul războiului ruso-japonez.
118. **Bucureşti, 16 februarie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre încheierea noului tratat comercial dintre România și Germania și despre problema comerțului exterior românesc.
119. **Bucureşti, 11 martie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre propaganda catolică din România și despre atitudinea guvernului român față de educația religioasă a poporului.
120. **Bucureşti, 12 martie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre presupusa atitudine favorabilă a ambasadorului rus la Constantinopol, Zinoviev, și a guvernului rus față de poziția României privind chestiunea cuțo-vlahă.
121. **Bucureşti, 2 aprilie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre condoleanțele guvernului român în legătură cu înfrângerile militare ale Rusiei în războiul cu Japonia și cu moartea amiralului Makarov și despre impactul acestor vești asupra opiniei publice din România.
122. **Bucureşti, 8 aprilie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre memorandumul trimisului român pe lângă Poarta Otomană, Alexandru Em. Lahovari, privind crearea unor structuri ecleziastice autonome ale cuțo-vlahilor în Macedonia și despre poziția guvernului român în această chestiune.
123. **Bucureşti, 8 aprilie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre impactul chestiunii cuțo-vlahe asupra opiniei publice românești și despre discuțiile în contradictoriu dintre trimisul grec la curtea regală română, Tombazis, și regele Carol privind această chestiune.
124. **Bucureşti, 14 aprilie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre reglementarea frontierei ruso-române pe linia Prutului și despre poziția guvernului român privind activitatea comisiei mixte ruso-române ce urma să fie creată pentru rezolvarea acestei chestiuni.
125. **Bucureşti, 20 aprilie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre dezbaterile din Senat privind situația cuțo-vlahilor din Macedonia și despre polemica dintre senatorul Petre Grădișteanu și ministrul Afacerilor Străine, Ion I. C. Brătianu.

126. București, 2 mai 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre demarcarea frontierei fluviale de pe linia Dunării dintre Bulgaria și România și despre divergenţele româno-bulgare în această privință.

127. București, 8 mai 1904. S. A. Lermontov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre călătoria familiei regale pe Dunăre, despre semnificația acesteia și despre nemulțumirea conservatorilor în legătură cu excluderea lor de la ceremoniile oficiale desfășurate cu această ocazie.

128. București, 2 iunie 1904. S. A. Lermontov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre conflictul cu Patriarhia Ecumenică privind chestiunea cuțo-vlahă și despre atitudinea guvernului român în legătură cu această problemă.

129. București, 12 iulie 1904. S. A. Lermontov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre conversațiile avute cu regele Carol și cu regina Elisabeta în timpul unui dejun oficial la Sinaia, în privința atitudinii monarhilor față de acțiunile militare rusești din Extremul Orient și a opiniei regelui în legătură cu chestiunea cuțo-vlahă din Macedonia.

130. București, 25 august 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atacurile din presa română împotriva Greciei și a Patriarhiei Ecumenice în chestiunea macedoneană și despre nemulțumirea trimisului grec la Curtea regală română, Tombazis, față de aceste manifestări și față de poziția oficială a guvernului român.

131. București, 5 septembrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre impactul propagandei catolice din România, în special despre activitatea congregației *Notre Dame de Sion*, și despre circulara Ministrului Instrucțiunii Publice, Spiru Haret, emisă cu scopul de a reglementa activitatea și a limita influența instituțiilor catolice de învățământ din regat.

132. București, 20 septembrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre revenirea regelui și a reginei din străinătate și despre întâlnirea de la Viena dintre regele Carol și împăratul Franz Josef.

133. București, 3 octombrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre răspunsul regelui Carol la scrisoarea solemnă a împăratului Nicolae II, care anunța nașterea moștenitorului tronului, Alexei, și despre delegarea la Iași a guvernatorului Basarabiei, cneazul Urusov, pentru prezentarea salutărilor oficiale ale monarhului rus.

134. București, 4 octombrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre recunoștința regelui Carol pentru poziția favorabilă a Rusiei în chestiunea cuțo-vlahă, despre poziția critică a regelui față de atitudinea ostilă a Patriarhiei Ecumenice și despre dezamăgirea sa față de politica sultanului în această privință.

135. București, 4 octombrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre încheierea tratatului comercial dintre Germania și România și despre negocierile dintre guvernul român și alte Mari Puteri pentru încheierea unor tratate similare.

136. București, 21 octombrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre

propunerile rusești referitoare la desfășurarea negocierilor privind încheierea tratatului comercial ruso-român la Petersburg și despre motivele respingerii acestor propuneri de către guvernul român.

137. **București, 21 octombrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre nervozitatea crescândă a guvernului român în privința chestiunii populației cuțo-vlahe din Macedonia și despre încercarea autorităților române de a-și asigura sprijinul Rusiei în acest sens, în scopul obținerii unui succes diplomatic.

138. **București, 17 noiembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre interviul ministrului român al Afacerilor Străine, Ion I. C. Brătianu, acordat unui ziar vienez în legătură cu chestiunea cuțo-vlahă din Macedonia, și despre poziția guvernului român referitoare la necesitatea sprijinirii revendicărilor naționale ale cuțo-vlahilor.

139. **București, 29 noiembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre recolta proastă de porumb din România și despre încercările guvernului de a rezolva criza alimentară prin folosirea rezervelor disponibile și prin cumpărarea unei cantități de cereale din Rusia și Argentina.

140. **București, 30 noiembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre viitoarele alegeri parlamentare și despre disensiunile interne din cadrul Partidului Liberal, care este măcinat de tensiunile dintre fracțiunea moderată, condusă de Lascăr și Costinescu, și fracțiunea radicală a „generoșilor”, condusă de Ion I. C. Brătianu.

141. **București, 15 decembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre continuarea frământărilor politice din interiorul Partidului Liberal, despre presiunile exercitate de către „tinerii liberali” asupra lui D. A. Sturdza și despre posibilitatea unei crize guvernamentale provocate de aceste neînțelegeri.

142. **București, 18 decembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre demisia guvernului condus de D. A. Sturdza, despre preferința regelui Carol pentru păstrarea puterii în mâinile Partidului Liberal și despre nemulțumirile „tinerilor liberali” în legătură cu potențiala lor influență în cadrul noului guvern.

143. **București, 29 decembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre eșecul lui D. A. Sturdza de a ajunge la un acord cu „tinerii liberali” și despre formarea și componența noului guvern conservator sub conducerea lui Gheorghe Gr. Cantacuzino.

144. **București, 29 decembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre organizarea noilor alegeri parlamentare, despre presiunile și ingerințele obișnuite ale guvernului și despre noua lege electorală elaborată de fostul ministru liberal al Afacerilor Interne, Lascăr.

145. **București, 30 decembrie 1904.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre prima recepție diplomatică găzduită de noul ministru al Afacerilor Străine, generalul Iacob N. Lahovari, și despre prioritățile de politică externă ale noului guvern în contextul relațiilor ruso-române.

146. București, 31 decembrie 1904. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre personalitatea și viziunile noului ministru al Afacerilor Străine, generalul Lahovari, despre poziția șubredă a Partidului Conservator în țară și despre dispariția diferențelor ideologice dintre partidele românești, în concepția lui Take Ionescu.

147. București, 12 ianuarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre activitatea noului guvern conservator și, în special, despre măsurile luate pentru rezolvarea crizei alimentare cauzate de recolta proastă de porumb.

148. București, 13 ianuarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre organizarea forțelor politice din România în vederea viitoarelor alegeri parlamentare și despre ingerințele și abuzurile guvernului conservator în scopul obținerii unei victorii categorice în alegeri.

149. București, 13 ianuarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacția guvernului român față de atitudinea reprezentanților diplomatici ai puterilor străine de la Constantinopol în chestiunea cuțo-vlahă și despre poziția României față de Grecia, Imperiul Otoman și reformele preconizate în Macedonia.

150. București, 23 ianuarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre vizita trimisului român la Constantinopol, Alexandru Em. Lahovari, despre rolul propagandei românești din Macedonia în contextul proiectelor de reformă din regiune și despre modul de acțiune preconizat de guvernul român în chestiunea cuțo-vlahă.

151. București, 11 februarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre apelul *Comitetului Central al Ligii Culturale a Românilor Basarabeni*, despre activitatea națională a semnatarilor apelului și despre posibila reacție a guvernului român față de aceste manifestări.

152. București, 12 februarie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre desfășurarea alegerilor parlamentare, despre presiunile și abuzurile guvernului și despre cauzele eșecului relativ al conservatorilor și ale succesului opoziției în alegeri.

153. București, 22 martie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre audiența privată la regele Carol, despre regretele regelui pentru eșecurile militare ale Rusiei în războiul cu Japonia și impactul acestora asupra situației din Europa și despre atitudinea ostilă a regelui față de politica Statelor Unite ale Americii.

154. București, 23 martie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea regelui Carol față de lupta politică din Ungaria și, în special, despre poziția sa față de posibilele strategii politice ale românilor transilvăneni în contextul crizei sistemului dualist.

155. București, 7 aprilie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre prevederile legii bugetului pentru anul 1905–1906 și despre măsurile fiscale ale guvernului pentru acoperirea deficitului balanței de plăți.

156. București, 3 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre revendicările guvernului român față de Poarta Otomană în legătură cu incidentul de la Ianina, despre încercările de a-l convinge pe sultan să emită iradeaua de recunoaștere a drepturilor cuțo-vlahilor și despre sprijinul Italiei față de poziția românească în condițiile dezamăgirii crescânde a guvernului român față de politica sultanului.

157. București, 4 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre călătoria ministrului Finanțelor, Take Ionescu, la Constantinopol și Brussa, în scopul influențării poziției otomane privind chestiunea cuțo-vlahă, și despre cauzele eșecului acestei misiuni.

158. București, 4 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre reacția guvernului român față de atacurile ziarului rus „Novoe Vremia” contra României și despre atitudinea ostilă a presei românești față de Rusia.

159. București, 5 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre criza în relațiile româno-otomane cauzată de incidentul de la Ianina, despre protestul oficial al guvernului român față de guvernul otoman și despre poziția reprezentanților puterilor străine de pe lângă Curtea otomană privind revendicările românești în chestiunea cuțo-vlahă.

160. București, 18 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre succesul diplomatic românesc în chestiunea cuțo-vlahă, despre serbările navale de la Constanța și despre interesele economice și politice ale Germaniei în România.

161. București, 19 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre discursul regelui Carol de la Constanța privind însemnătatea flotei pentru modernizarea României, despre legăturile maritime ale regatului și despre proiectele de dezvoltare a flotei militare românești.

162. București, 19 mai 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre poziția României față de celelalte state ale Peninsulei Balcanice, despre intențiile guvernului român în chestiunea cuțo-vlahă și despre sprijinul Rusiei față de revendicările românești legate de această chestiune.

163. București, 3 iunie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre decesul principelui Leopold de Hohenzollern, fratele regelui Carol, și despre plecarea familiei regale la Sigmaringen pentru a lua parte la înmormântare.

164. București, 16 iunie 1905. S. A. Lermontov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre revenirea regelui și reginei în țară și despre întrevederea de la Viena între regele Carol și împăratul Franz Josef, căreia i s-a acordat o însemnătate deosebită în contextul crizei politice din Ungaria și al manevrelor militare românești.

165. Sinaia, 1 iulie 1905. S. A. Lermontov, secretar al Legaţiei Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre incidentul legat de sosirea cuirasatului răsculat „Potemkin” în portul Constanța, despre revenirea cuirasatului la

Constanța și despre atitudinea autorităților române față de acest incident, cu includerea rapoartelor detaliate ale unor funcționari diplomatici ruși de rang inferior.

166. **Sinaia, 9 iulie 1905.** S. A. Lermontov, secretar al Legației Rusiei în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre tensiunile diplomatice dintre România și Grecia legate de chestiunea cuțo-vlahă, despre poziția guvernului grec față de acest conflict și despre posibila rupere a relațiilor diplomatice dintre cele două țări și repercusiunile acesteia.

167. **Sinaia, 30 iulie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre audiența sa privată la regele Carol, despre atitudinea regelui față de situația din Macedonia și față de relațiile greco-române și despre poziția regelui în legătură cu aspirațiile naționale românești în contextul crizei macedonene.

168. **Sinaia, 9 august 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre refugierea în masă a evreilor din Imperiul Rus în România și despre măsurile luate de guvernul român pentru a stăvili această migrație.

169. **Sinaia, 24 august 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre incidentul de la Giurgiu legat de incendierea unui drapel grecesc, despre protestul trimisului grec de la curtea regală română, Tombazis, și despre corespondența dintre Tombazis și Ministerul de Externe de la București în privința unor incidente recente care au dus la deteriorarea relațiilor dintre România și Grecia.

170. **Sinaia, 26 august 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre răspunsul Ministerului de Externe român la notele de protest ale trimisului grec, Tombazis, legate de incidentul de la Giurgiu și de expulzarea unor redactori greci și despre posibilele scenarii de evoluție a relațiilor greco-române.

171. **Sinaia, 14 septembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea guvernului român față de actuala fază a conflictului diplomatic dintre Grecia și România, despre încetarea efectivă a relațiilor diplomatice normale dintre cele două state și despre posibilele consecințe ale acestui conflict pentru comunitatea greacă din România.

172. **Sinaia, 20 septembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre revenirea regelui și a reginei din străinătate, despre întâlnirea lor de la Viena cu împăratul Franz Josef și despre popularitatea crescândă a monarhului austro-ungar în România în contextul proiectatei introduceri a votului universal în Monarhie.

173. **Sinaia, 20 septembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre schimbarea atitudinii regelui Carol în privința crizei politice din Ungaria și despre impactul evenimentelor din Ungaria asupra populației românești din Transilvania în contextul proiectului reformei electorale.

174. **Sinaia, 21 septembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotențiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre acutizarea polemicii dintre presa greacă și ziarele românești, despre consecințele grave ale ruperii relațiilor diplomatice greco-române pentru comunitatea greacă din România și despre posibilele măsuri represive ale guvernului român.

175. București, 23 octombrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea guvernului român față de persecuțiile populației cuțo-vlahe din Macedonia de către bandele grecești, despre represaliile guvernului român împotriva Greciei și a comunității grecești din România și despre strategia diplomatică neobișnuită a generalului Lahovari în contextul crizei în relațiile greco-române.

176. București, 23 octombrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre atitudinea guvernului român față de situația din Macedonia, despre presupusa propunere a Marii Britanii de a trimite trupe europene de ocupație în regiune și despre impactul nefavorabil al unul articol oficios pe această temă asupra diplomaților străini și a opiniei publice din România.

177. București, 23 octombrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre polemica greco-română privind drepturile bisericilor și școlilor grecești din România stipulate într-un protocol adițional la tratatul comercial greco-român și despre posibila transmitere a acestei chestiuni litigioase către Tribunalul Internațional de la Haga.

178. București, 2 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre opinia lui Ioan Kalinderu, administratorul domeniilor Coroanei, privind conflictul greco-român, despre vizita fostului ministru de externe grec, Stephanou, la București pentru a obține informații despre atitudinea demnitarilor români și despre rolul regelui Carol în politica externă a României.

179. București, 3 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre oferta Rusiei de mediere a conflictului greco-român, despre acceptarea inițială a acestei propuneri de către ministrul Afacerilor Străine, Iacob Lahovari, și rezervele sale ulterioare și despre definirea poziției guvernului român față de negocierile cu Grecia în contextul politicii Marilor Puteri în raport cu Imperiul Otoman.

180. București, 3 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre opinia negativă a guvernului român privind politica Porții Otomane în Macedonia și despre amenințarea transmisă de Iacob Lahovari trimisului otoman de la Curtea regală română, Kazım Bey, privind posibila rupere a relațiilor diplomatice.

181. București, 3 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre dezmințirea de către guvernul britanic a zvonurilor privind o posibilă ocupație militară a Macedoniei de către trupele puterilor europene și despre sprijinul Marii Britanii pentru oferta Rusiei de a media conflictul diplomatic dintre Grecia și România.

182. București, 7 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre protestul guvernului român față de politica otomană în Macedonia și despre asigurările guvernului otoman privind măsurile de apărare a cuțo-vlahilor de atacuri.

183. București, 18 noiembrie 1905. M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre informațiile parvenite de la guvernatorul Basarabiei, Haruzin, cu privire la intenția guvernului român de a ocupa Basarabia, despre atitudinea României față de populația Basarabiei în cazul unor posibile dezordini agrare în această gubernie și despre

pericolul propagandei naționale în Basarabia inițiate de „societățile patriotice" din regat, în pofida prudenței politicii externe a regelui Carol.

184. **București, 8 decembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre zvonurile privind starea de sănătate a regelui Carol, despre impactul decesului fratelui său Leopold asupra monarhului și despre creșterea autorității și prestigiului regelui în țară, acesta fiind apreciat înalt pentru calitățile și meritele sale.

185. **București, 9 decembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre zvonurile privind trimiterea spre frontiera rusă a șapte batalioane de infanterie pentru a împiedica pătrunderea evreilor din Rusia pe teritoriul român și despre posibilele cauze reale ale transferului acestor trupe în zona Prutului.

186. **București, 17 decembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. N. Lamsdorff, Ministru de Externe al Rusiei, despre dezmințirea zvonurilor anterioare și întărirea gărzii de frontieră de-a lungului Prutului și despre refugierea în România nu doar a evreilor, ci și a unor familii „pur rusești".

187. **București, 29 decembrie 1905.** M. N. Giers, trimis extraordinar și ministru plenipotenţiar rus în România, către V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki, adjunctul Ministrului de Externe al Rusiei, despre vizita prefectului poliției Capitalei, principele Moruzi, despre supravegherea activității politice a marinarilor de pe cuirasatul „Potemkin" aflați în România și despre lipsa de informații privind activitatea anarhiștilor ruși din regat din cauza lichidării agenturii secrete ruse din România în anul 1904.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ

1. **Бухарест, 13 января 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о беседе с Д. А. Стурдзой по поводу реакции в Румынии на ситуацию в Македонии.
2. **Бухарест, 30 января 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о крестьянских движениях в Румынии и влиянии социалистов.
3. **Бухарест, 15 февраля 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об отзыве из Румынии австро-венгерского посланника Эренталя и прибытии его преемника Паллавичини.
4. **Бухарест, 23 февраля 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о внутриполитических изменениях в Румынии, альянсе либералов с социалистами, о ситуации в сельской местности и о дискуссиях вокруг бюджета.
5. **Бухарест, 8 марта 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об отклике на крестьянские волнения в румынских политических кругах и в общественном мнении.
6. **Бухарест, 8 марта 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о способе влияния короля Карла на работу парламента и методах обеспечения в Румынии тайного голосования.
7. **Бухарест, 8 марта 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности Албанского комитета в Бухаресте.
8. **Бухарест, 29 марта 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о брошюре «Политика барона Банфи по отношению к национальностям» и реакции политических кругов Румынии на политику дискриминации румын в Трансильвании.
9. **Бухарест, 8 апреля 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об отставке правительства Стурдзы и о политической ситуации в Румынии.

10. **Бухарест, 12 апреля 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о формировании консервативного правительства во главе с Георге Гр. Кантакузино.
11. **Бухарест, 8 мая 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об обсуждении с новым министром иностранных дел Румынии вопроса о конференции в Гааге.
12. **Яссы, 22 мая 1899 г.** Б. К. Арсеньев, российский консул в Яссах – Н. А. Фонтону, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, об акциях либералов в Яссах и об антисемитских проявлениях студентов.
13. **Бухарест, 8 июня 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности Албанского политического комитета в Бухаресте.
14. **Бухарест, 12 июля 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции в Румынии на установление Австро-Венгрией новых пошлин на коммерческие речные перевозки через Железные Ворота.
15. **Бухарест, 1 августа 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о поездке в Сербию Александру Катарджиу и политической ситуации в Сербии.
16. **Бухарест, 2 августа 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о приезде в Синаю сербского посланника в Румынии и его отказе подчиняться дальнейшим распоряжениям сербского правительства.
17. **Бухарест, 2 августа 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об Албанском комитете Румынии и вопросе независимости Албании.
18. **Бухарест, 18 августа 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении румынских властей к сербским эмигрантам в Румынии.
19. **Бухарест, 18 августа 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о неудовольствии Румынии пошлинами, установленными Австро-Венгрией для судов, следующих с коммерческой целью через Железные Ворота.
20. **Галац, 20 августа 1899 г.** Н.Н. Лодыженский, российский генеральный консул в Галаце – Министерство иностранных дел России. Копия частного письма Лодыженского Н. А. Фонтону в Вену из Галаца от 18 (30) августа 1899 г. Предмет письма – коммерческие речные перевозки по Дунаю.
21. **Бухарест, 23 августа 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи. Секретная телеграмма о позиции Румынии в отношении пошлин, взимаемых Австро-Венгрией за коммерческие речные перевозки через Железные Ворота.
22. **[Тулча], 31 августа 1899 г.** П. А. Картамышев, российский консул в Добрудже, о неудовольствии части населения Добруджи румынской администрацией и

желании многих крестьян эмигрировать из Румынии. Адресовано, очевидно, Н. А. Фонтону.

23. **Бухарест, 1 сентября 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о румынской пропаганде и арумынских школах в Македонии.
24. **Бухарест, 1 сентября 1899 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о письме, полученном от редактора журнала «Steaua Albaniei» («Звезда Албании») из Бухареста, который ходатайствует о поддержке Россией православных христиан Албании.
25. **Бухарест, 15 сентября 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, временно исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о дискуссии с И. Лаховари по поводу позиции Румынии в отношении пошлин, взимаемых Австро-Венгрией за коммерческие речные перевозки через Железные Ворота.
26. **Тулча, 15 сентября 1899 г.** П. А. Картамышев, российский консул в Добрудже – Н. А. Фонтону, о посещении Тулчи министром Н. Флевой и о случаях коррупции в местной администрации.
27. **Бухарест, 15 октября 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, временно исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о позиции Румынии в отношении пошлин, взимаемых Австро-Венгрией за коммерческие речные перевозки через Железные Ворота, и о роли России в улаживании разногласий.
28. **Бухарест, 31 октября 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, временно исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о приезде в Бухарест подполковника российского Генштаба Е. А. Леонтовича, назначенного военным агентом в Румынии и Сербии, и его аудиенции у короля Карла.
29. **Бухарест, 31 октября 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, временно исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о приезде в Румынию новых дипломатических представителей Бельгии, Греции, Сербии и Болгарии и о персональных изменениях в дипломатических представительствах Румынии в Османской империи, Сербии и Болгарии.
30. **Бухарест, 8 декабря 1899 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о дискуссиях в парламенте Румынии о финансовом положении в стране.
31. **Бухарест, 25 января 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о рождении принцессы Марии и серьезной болезни принца Карла.
32. **Бухарест, 25 января 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о проблеме, связанной с выделением

румынским правительством средств на содержание церкви св. Николая в Брашове (Австро-Венгрия), и об окончательном решении этого вопроса парламентом Румынии.

33. **Бухарест, 7 февраля 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, об убийстве болгарского подданного Фитовского, секретного агента османского правительства, и о деятельности Центрального Македонского комитета в Румынии.
34. **Бухарест, 16 марта 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о румыно-болгарских территориальных спорах относительно установления границы по Дунаю и о состоянии румынско-османских отношений в связи с вмешательством султана во внешнюю политику.
35. **Бухарест, 16 марта 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – М. Н. Муравьёву, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности и составе македонских революционных комитетов в Румынии и о сборе денег на «македонское дело».
36. **Бухарест, 14 июня 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об эмиграции евреев из Румынии, причинах этого явления и о правительственной политике в данном вопросе.
37. **Бухарест, 24 июня 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об усилении эмиграции евреев из Румынии, о роли еврейских организаций и об отношении иностранных правительств к этому феномену.
38. **Бухарест, 7 июля 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об объединении консерваторов и жунимистов, о формировании и составе правительства во главе с П. П. Карпом и о финансовых и экономических проблемах румынского государства.
39. **Бухарест, 25 июля 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об убийстве профессора Михэйляну и о реакции румынского общественного мнения на это преступление.
40. **Синая, 4 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об ответе болгарского правительства на просьбу Румынии остановить деятельность македонского комитета, о предварительных результатах расследования убийства профессора Михэйляну и о возмущении общественного мнения террористической деятельностью Македонского комитета.
41. **Синая, 7 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о митинге протеста в Бухаресте против деятельности Македонского комитета и о позиции болгарского правительства.
42. **Синая, 17 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел

Российской империи, о напряжённых отношениях между Румынией и Болгарией из-за деятельности Македонского комитета и о провокационной позиции румынского правительства, желающего поднять уровень своей популярности в стране.

43. **Синая, 17 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об отъезде за границу румынской королевской четы и о программе этой поездки.
44. **Синая, 17 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об отношении румынского правительства к Болгарии, об улучшении османо-румынских отношений в контексте македонского вопроса и о финансовых проблемах королевства.
45. **Бухарест, 21 августа 1900 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о смягчении позиции румынского правительства в отношении Болгарии и о встрече с премьер-министром П. П. Карпом, который дал заверения относительно миролюбивой позиции своего правительства в контексте македонского вопроса.
46. **Бухарест, 30 августа 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о встрече с румынским министром иностранных дел А. Маргиломаном, о результатах уголовного расследования в связи с убийством профессора Михэйляну и о прежних планах Македонского комитета на территории Румынии.
47. **Бухарест, 30 августа 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о заключении румынско-османского коммерческого соглашения, о проблеме румынских школ в Македонии, о борьбе с анархизмом и о письме одного бывшего болгарского эмигранта в России российскому военному агенту подполковнику Леонтовичу.
48. **Санкт-Петербург 7 сентября 1900 г.** В. Н. Ламсдорф, исполняющий обязанности Министра иностранных дел Российской империи – Н. А. Фонтону, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о возможности отзыва Г. Росетти-Солеску с должности полномочного министра и посланника Румынии в Российской империи.
49. **Бухарест, 8 сентября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о своей встрече с румынским премьер-министром П. П. Карпом, исполняющим обязанности министра иностранных дел Т. Майореску, о миролюбивом отношении румынского правительства к Болгарии, о результатах судебного расследования деятельности Македонского комитета и об ожидании Румынией реакции болгарских властей.
50. **Бухарест, 9 сентября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу,

исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи. Телеграмма о слухах в связи с отзывом Г. Росетти-Солеску с должности полномочного министра и посланника Румынии в Российской империи.

51. **Бухарест, 26 сентября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, об аудиенции у короля Карла, о спокойном отношении монарха к румынско-болгарскому взаимонепониманию, а также о позиции Румынии относительно деятельности Македонского комитета и уголовного расследования, возбуждённого против его членов.
52. **Бухарест, 13 октября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи, о дне рождения 7-летнего принца Карла и подарках, преподнесённых ему митрополитом-примасом Иосифом и членами Святейшего Синода.
53. **Бухарест, 14 октября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи. Телеграмма о слухах относительно изменений в дипломатических представительствах Румынии.
54. **Ялта, 15 октября 1900 г.** Телеграмма В. Н. Ламсдорфа, исполняющего обязанности Министра иностранных дел Российской империи, Н. А. Фонтону, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о слухах относительно замены Г. Росетти-Солеску на Ал. Катарджиу в должности полномочного министра и посланника Румынии в Российской империи.
55. **Бухарест, 17 октября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, исполняющему обязанности Министра иностранных дел Российской империи. Телеграмма о слухах относительно замены Г. Росетти-Солеску на И. Бэлэчану в должности полномочного министра и посланника Румынии в Российской империи.
56. **Бухарест, 22 ноября 1900 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о первом судебном заседании по делу о «болгарском заговоре», об обвинениях и свидетельских показаниях в рамках этого процесса, о планах болгарских террористов и ходе судебного процесса.
57. **Бухарест, 7 февраля 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отслуженной в Бухаресте панихиде в память о сербском короле Милане и о политической ситуации в Сербии.
58. **Бухарест, 7 февраля 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о политическом кризисе в Румынии и раздорах в рядах консерваторов.
59. **Бухарест, 25 марта 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру

иностранных дел Российской империи, об отставке консервативного правительства и формировании кабинета либералов во главе с Д. А. Стурдзой.

60. **Бухарест, 3 мая 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о состоявшейся встрече румынского монарха с королём Греции и о реакции политических кругов и румынской прессы на это событие.
61. **Бухарест, 9 июня 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о встрече короля Карла в Синае с начальником главного штаба австро-венгерской армии.
62. **Бухарест, 9 июня 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о своей беседе с Д. А. Стурдзой относительно намеченного посещения Констанцы российской эскадрой.
63. **Синая, 6 августа 1901 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о встрече румынского монарха с королём Греции в Аббации и о положении арумынского населения на Балканском полуострове.
64. **Бухарест, 19 августа 1901 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о встрече Д. А. Стурдзы в Вене с австро-венгерским генералом Беком и слухах по поводу военного соглашения между Румынией и Австро-Венгрией.
65. **Синая, 19 августа 1901 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о нападках румынских газет на Россию с целью оправдать попадание Румынии под австро-венгерское влияние.
66. **Синая, 22 августа 1901 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о продолжении нападок румынских газет на Россию и об обсуждении этого вопроса с Д. А. Стурдзой.
67. **Бухарест, 29 августа 1901 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о вхождении Румынии в сферу влияния Германии при посредничестве германского банковского капитала, особенно берлинского банка «Disconto-Gesellschaft».
68. **Бухарест, 8 сентября 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о финансировании Румынией некоторых школ в Македонии и о румынских внутриполитических спорах.
69. **Бухарест, 8 сентября 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о беседах с Д. А. Стурдзой о состоянии румынско-болгарских отношений и политической ситуации на Балканском полуострове.
70. **Бухарест, 9 октября 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу,

Министру иностранных дел Российской империи, о разрыве между консерваторами и жунимистами и его влиянии на политическую ситуацию в Румынии.

71. **Бухарест, 9 октября 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об аудиенции у короля Карла, где предметом обсуждения были отношения Румынии с другими государствами.
72. **Бухарест, 5 декабря 1901 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о вовлечении Румынии в борьбу против анархизма (со ссылками в этой связи на беседу с Д. А. Стурдзой).
73. **Бухарест, 16 февраля 1902 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об обсуждении в парламенте бюджетных ассигнований на нужды военного министерства и проектах Румынии по укреплению своей обороноспособности.
74. **Бухарест, 17 февраля 1902 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о финансовом кризисе в Румынии, недовольстве рабочих и реакции властей.
75. **Бухарест, 25 февраля 1902 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о влиянии финансового кризиса на пенсионную систему в Румынии, особенно на пенсии для военных.
76. **Бухарест, 9 апреля 1902 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о согласии румынского правительства сотрудничать с Германией и Россией в борьбе с «анархистскими» движениями в Европе.
77. **Бухарест, 4 июня 1902 г.** Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о мерах, посредством которых Румыния намеревается улучшить охрану границы.
78. **Бухарест, 14 июня 1902 г.** Депеша Н. А. Фонтона, Чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи в Румынии, о возможности изменения румынского законодательства в отношении высылки из страны, что могло бы помочь в борьбе с «анархистами».
79. **Синая, 14 июля 1902 г.** Депеша А. С. Сомова, секретаря российской миссии в Румынии, о приезде в Синаю офицеров австрийской военной академии и их приёме королём Карла.
80. **Бухарест, 22 июля 1902 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об обновлении либерального кабинета во главе с Д. А. Стурдзой и кризисе в военном министерстве.
81. **Бухарест, 22 июля 1902 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об изменениях в либеральном правительстве.
82. **Синая, 31 июля 1902 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об откликах на встречу короля Карла с императором Францем Иосифом.

83. Синая, 31 июля 1902 г. А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об экспорте румынского зерна и вовлечённости в это дело германского банка «Disconto-Gesellschaft».

84. Синая, 7 августа 1902 г. А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о восхищении королевы Елизаветы деятельностью Льва Толстого и слухах о его возможном переселении в Румынию.

85. Синая, 15 августа 1902 г. Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о беседе с полковником Г. Розновану по поводу положения в Румынской Православной церкви и о католической пропаганде.

86. Бухарест, 12 сентября 1902 г. Депеша Н. А. Фонтона, Чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи в Румынии, о положении евреев в Румынии и выступлении США в защиту их прав.

87. Бухарест, 18 сентября 1902 г. Н. А. Фонтон, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о беседе с королём Карлом по проблемам внешней политики Румынии, в особенности о выступлении США в защиту румынских евреев и об отношениях Румынии с Болгарией.

88. Бухарест, 21 октября 1902 г. А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о возможном визите короля Карла в Болгарию и реакции Румынии на празднование Болгарией годовщины событий 1877 г.

89. Бухарест, 1 ноября 1902 г. А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о поездке короля Карла в Болгарию с целью посещения мест боевых действий 1877 г.

90. Бухарест, 26 ноября 1902 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о своём приезде в Бухарест и беседах с Д. А. Стурдзой и Ионом И. К. Брэтиану.

91. Бухарест, 26 ноября 1902 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о вручении верительной грамоты и об аудиенции у короля Карла, во время которой обсуждались вопросы, касающиеся внешней политики Румынии.

92. Бухарест, 13 декабря 1902 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о недовольстве правительственных кругов Румынии в связи с публикацией в российской газете «Русский инвалид» статьи, в которой принижается роль румынской армии в сражении под Гривицей.

93. Бухарест, 19 декабря 1902 г., М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об откликах на поездку короля Карла в Болгарию и его высказываниях в связи с ситуацией на Балканском полуострове.

94. **Бухарест, 11 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции политических кругов и общественного мнения в Румынии на реформы в балканских провинциях Османской империи.
95. **Бухарест, 12 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о положении куцо-влахов в Македонии и отношении румынского правительства к возможности укрепления позиции Болгарии на Балканах.
96. **Яссы, 19 января 1903 г.** И. К. Петерсон, российский консул в Яссах – М. Н. Гирсу, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о визите наследного принца Фердинанда в Яссы и о сдержанном отношении обычных горожан к этому визиту.
97. **Бухарест, 20 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении Д. А. Стурдзы и Иона И. К. Брэтиану к развитию событий на Балканах и озабоченности Румынии в связи с возможным усилением позиций Болгарии и Сербии.
98. **Бухарест, 21 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о беседе с Александру Лаховари, румынским посланником в Стамбуле, касательно возможного плана Великобритании по урегулированию положения в Македонии.
99. **Бухарест, 21 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о личной аудиенции у короля Карла, во время которой обсуждались вопросы о текущей ситуации в Македонии, о положении куцо-влахов и деятельности «Культурной лиги».
100. **Бухарест, 23 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о частичных парламентских выборах в Румынии и о политическом восхождении Таке Ионеску.
101. **Бухарест, 29 января 1903 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об использовании некоторыми русскими эмигрантами территории Румынии для транспортировки левой литературы в Россию и намерении румынских властей положить конец этой практике.
102. **Яссы, 6 марта 1903 г.** Выписка из донесения титулярного советника А. Ю. Булаха из консульства России в Яссах об удручающем состоянии части ясского кладбища «Eternitate» («Вечность»), где в 1877–1878 гг. были захоронены российские военные.
103. **Бухарест, 21 марта 1903 г.** А. С. Сомов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о демаршах, предпринятых по поводу возможной экстрадиции в Россию социалиста Менделя Розенбаума, и о сдержанном отношении к ним румынских властей.

104. Бухарест, 14 апреля 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о роли короля Карла в политической жизни Румынии и его отношениях с ведущими румынскими политиками.

105. Бухарест, 10 мая 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о поездке в Россию румынской военной делегации для участия в праздновании столетнего юбилея 18-го вологодского полка имени Его Величества короля румынского.

106. Бухарест, 6 июня 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении короля Карла к убийству сербской королевской четы.

107. Бухарест, 21 июня 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о разговоре с Ионом И. К. Брэтиану касательно отношений между Румынией и Тройственным союзом и возможного желания Румынии сблизиться с Россией.

108. Синая, 13 августа 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении Румынии к ситуации в Македонии и о румынско-болгарских отношениях.

109. Синая, 10 сентября 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о положении румын в Трансильвании и румынской реакции на политику мадьяризации, проводимую властями Будапешта.

110. Бухарест, 15 ноября 1903 г. Фрагмент из частного письма М. Н. Гирса, Чрезвычайного посланника и полномочного министра Российской империи в Румынии, об Ионе И. К. Брэтиану, который, по его оценке, может проводить гораздо более благоприятную для России политику, нежели Д. А. Стурдза.

111. Тулча, 15 ноября 1903 г. П.А. Картамышев, российский консул в Тулче – М. Н. Гирсу, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о праздновании 25-й годовщины присоединения Добруджи к Румынскому королевству.

112. Тулча, 17 ноября 1903 г. П.А. Картамышев, российский консул в Тулче – М. Н. Гирсу, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о своём разговоре с префектом Тулчи касательно мотивов, по которым он не был приглашён на торжества по случаю 25-й годовщины присоединения Добруджи к Румынскому королевству.

113. Тулча, 25 ноября 1903 г. П.А. Картамышев, российский консул в Тулче – М. Н. Гирсу, Чрезвычайному посланнику и полномочному министру Российской империи в Румынии, о визите в Тулчу наследного принца Фердинанда и о благожелательном отношении к нему со стороны офицерского корпуса.

114. Бухарест, 26 декабря 1903 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о спорах и разногласиях, связанных с

неприглашением российского консула в Тулче П.А. Картамышева на торжества по случаю 25-й годовщины присоединения Добруджи к Румынскому королевству.

115. **Бухарест, 2 января 1904 г**. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о враждебном отношении Вселенской Патриархии Константинополя к вопросу о куцо-влахах и о позиции Румынии по этой проблеме.

116. **Бухарест, 10 февраля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о беседах с греческим посланником при румынском королевском дворе Томбазисом и позиции Греции в отношении греко-румынских разногласий по македонскому вопросу.

117. **Бухарест, 13 февраля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об официальном заявлении румынского правительства о своём нейтралитете в условиях русско-японской войны.

118. **Бухарест, 16 февраля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о заключении нового румынско-германского торгового договора и о проблемах румынской внешней торговли.

119. **Бухарест, 11 марта 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о католической пропаганде в Румынии и об отношении румынского правительства к религиозному обучению населения.

120. **Бухарест, 12 марта 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о предполагаемом румынами благоприятном отношении российского посла в Стамбуле И. А. Зиновьева и российского правительства к позиции Румынии в вопросе о куцо-влахах.

121. **Бухарест, 2 апреля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о соболезнованиях румынского правительства в связи с военными неудачами России в ходе конфликта с Японией и гибелью адмирала С. О. Макарова, а также о восприятии этих сообщений общественным мнением Румынии.

122. **Бухарест, 8 апреля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о меморандуме румынского посланника при Оттоманской Порте А. Лаховари относительно создания автономных церковных структур куцо-влахов Македонии и о позиции румынского правительства в этом вопросе.

123. **Бухарест, 8 апреля 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о влиянии куцо-влахского вопроса на румынское общественное мнение и дискуссиях по этому вопросу, возникших между греческим посланником при румынском королевском дворе Томбазисом и королём Карлом.

124. Бухарест, 14 апреля 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об урегулировании российско-румынской границы по линии реки Прут и о позиции румынского правительства относительно деятельности смешанной российско-румынской комиссии, созываемой для решения этого вопроса.

125. Бухарест, 20 апреля 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о дебатах в румынском сенате относительно положения куцо-влахов Македонии и о полемике между сенатором Петре Грэдиштяну и министром иностранных дел Ионом И. К. Брэтиану.

126. Бухарест, 2 мая 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о демаркации речной границы между Болгарией и Румынией по руслу Дуная и о румынско-болгарских разногласиях в этом вопросе.

127. Бухарест, 8 мая 1904 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о путешествии королевской семьи по Дунаю, его значении и о недовольстве консерваторов, не приглашённых к участию в официальных церемониях, состоявшихся по этому случаю.

128. Бухарест, 2 июня 1904 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о конфликте со Вселенской Патриархией в связи с куцо-влахским вопросом и позиции румынского правительства в этом вопросе.

129. Бухарест, 12 июля 1904 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о беседах с королём Карлом и королевой Елизаветой во время официального завтрака в Синае, об их отношении к военным действиям России на Дальнем Востоке и о мнении короля в связи с вопросом куцо-влахов в Македонии.

130. Бухарест, 25 августа 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о нападках румынской прессы на Грецию и Вселенскую Патриархию в связи с македонским вопросом и о недовольстве греческого посланника при румынском королевском дворе Томбазиса этими проявлениями, как и официальной позицией румынского правительства.

131. Бухарест, 5 сентября 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о влиянии католической пропаганды в Румынии, особенно о деятельности конгрегации Notre Dame de Sion, и о циркуляре министра народного просвещения Спиру Харета, изданном с целью регламентировать деятельность и ограничить влияние в королевстве католических образовательных учреждений.

132. Бухарест, 20 сентября 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о возвращении королевской четы из заграничного путешествия и о встрече в Вене короля Карла с императором Францем Иосифом.

133. **Бухарест, 3 октября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об ответе короля Карла на торжественное письмо императора Николая II, который объявил о рождении наследника трона Алексея, и о командировании в Яссы губернатора Бессарабии князя С. Д. Урусова для передачи официальных приветствий от российского монарха.

134. **Бухарест, 4 октября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о признательности короля Карла России за благоприятную для Румынии позицию в вопросе о куцо-влахах, а также о критическом отношении короля к враждебной позиции Вселенской Патриархии и о его разочаровании политикой султана в этом вопросе.

135. **Бухарест, 4 октября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о заключении торгового договора между Германией и Румынией и о переговорах румынского правительства с другими великими державами по поводу заключения подобных договоров.

136. **Бухарест, 21 октября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о российских предложениях касательно проведения в Санкт-Петербурге переговоров в целях заключения российско-румынского торгового договора и о мотивах отклонения этих предложений румынским правительством.

137. **Бухарест, 21 октября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о возрастающей нервозности румынского правительства в связи с вопросом о куцо-влахском населении Македонии и о попытках румынских властей заручиться в этом плане поддержкой России в целях достижения дипломатического успеха.

138. **Бухарест, 17 ноября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, об интервью румынского министра иностранных дел Иона И. К. Брэтиану венской газете в связи с вопросом о куцо-влахах Македонии и о позиции румынского правительства касательно необходимости поддержки национальных притязаний куцо-влахов.

139. **Бухарест, 29 ноября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о неурожае кукурузы в Румынии и о попытках правительства разрешить продовольственный кризис с помощью использования имеющихся запасов и закупки определённого количества зерна в России и в Аргентине.

140. **Бухарест, 30 ноября 1904 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о будущих парламентских выборах и о внутренних раздорах в либеральной партии, вызванных усиливающимися трениями между умеренной фракцией во главе с Ласкэром и Костинеску и радикальной фракцией «*jeunesse généreuse*» во главе с Ионом И. К. Брэтиану.

141. Бухарест, 15 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о продолжающихся распрях в либеральной партии, о давлении «молодых либералов» на Д. А. Стурдзу и о возможности нового правительственного кризиса, вызванного этими разногласиями.

142. Бухарест, 18 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отставке кабинета во главе с Д. А. Стурдзой, о предпочтительности для короля Карла сохранения власти в руках либеральной партии и о недовольстве «молодых либералов» своим потенциальным влиянием в новом правительстве.

143. Бухарест, 29 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о неудаче Д. А. Стурдзы в достижении согласия с «молодыми либералами», а также о формировании и составе нового консервативного правительства во главе с Г.Гр. Кантакузино.

144. Бухарест, 29 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о проведении новых парламентских выборов, о давлении и вмешательстве в выборы, практикуемых правительством, и о новом избирательном законе, разработанном бывшим министром внутренних дел от либеральной партии Ласкэром.

145. Бухарест, 30 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о первом дипломатическом приёме, организованном новым министром иностранных дел генералом Я. Лаховари, и о внешнеполитических приоритетах нового правительства в контексте российско-румынских отношений.

146. Бухарест, 31 декабря 1904 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о личности и позиции министра иностранных дел генерала Лаховари, о непрочном положении консервативной партии и о стирании идеологических различий между румынскими партиями, согласно представлениям Таке Ионеску.

147. Бухарест, 12 января 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о деятельности нового консервативного правительства и особенно о мерах, предпринятых в целях разрешения продовольственного кризиса, вызванного неурожаем кукурузы.

148. Бухарест, 13 января 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об организации политических сил Румынии в свете будущих парламентских выборов, о вмешательстве в предвыборную борьбу и злоупотреблениях консервативного правительства в целях достижения уверенной победы на выборах.

149. Бухарест, 13 января 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции румынского правительства на

линию дипломатических представителей иностранных держав в Стамбуле в куцо-влахском вопросе и о позиции Румынии в отношении Греции, Османской империи и предполагаемых в Македонии реформ.

150. Бухарест, 23 января 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о посещении дипмиссии румынским посланником в Стамбуле А. Лаховари, о роли румынской пропаганды в Македонии в контексте проектов переустройства в регионе и о предполагаемом способе действий румынского правительства в куцо-влахском вопросе.

151. Бухарест, 11 февраля 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о воззвании Центрального Комитета Культурной лиги бессарабских румын, о национально ориентированной деятельности инициаторов этого воззвания и о возможной реакции румынского правительства на эти проявления.

152. Бухарест, 12 февраля 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о состоявшихся парламентских выборах, давлении и злоупотреблениях правительства, а также о причинах относительной неудачи консерваторов и успеха оппозиции на выборах.

153. Бухарест, 22 марта 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о частной аудиенции у короля Карла, о сожалении короля в связи с неудачами России в войне с Японией и их влиянии на ситуацию в Европе, а также о враждебном отношении короля к политике США.

154. Бухарест, 23 марта 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении короля Карла к политической борьбе в Венгрии и особенно к возможной политической стратегии трансильванских румын в контексте кризиса системы дуализма.

155. Бухарест, 7 апреля 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о представлении в парламенте бюджета на 1905–1906 г. и финансовых мерах правительства в целях покрытия платёжного дефицита.

156. Бухарест, 3 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о претензиях румынского правительства к Оттоманской Порте в связи с инцидентом в Янине, о попытках убедить султана издать ираде (указ) с признанием прав куцо-влахов и о поддержке Италией румынской позиции в условиях растущего разочарования румынского правительства в политике султана.

157. Бухарест, 4 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о поездке министра финансов Таке Ионеску в Стамбул и Бруссу с целью повлиять на османскую позицию в куцо-влахском вопросе и о причинах неудачи этой миссии.

158. Бухарест, 4 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о реакции румынского правительства на нападки русской газеты «Новое время» на Румынию и о враждебном отношении румынской прессы к России.

159. Бухарест, 5 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о кризисе в румынско-османских отношениях, вызванном инцидентом в Янине, об официальном протесте румынского правительства османскому правительству и о позиции представителей иностранных держав при османском дворе в отношении румынских требований в куцо-влахском вопросе.

160. Бухарест, 18 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о румынском дипломатическом успехе в куцо-влахском вопросе, о морских празднествах в Констанце и об экономических и политических интересах Германии в Румынии.

161. Бухарест, 19 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о речи короля Карла в Констанце, посвящённой значению морского флота для модернизации Румынии, о внешних сношениях Румынии, осуществляемых по морю, и о проектах развития румынского военного флота.

162. Бухарест, 19 мая 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о позиции Румынии в отношении других государств Балканского полуострова, о намерениях румынского правительства в куцо-влахском вопросе и о поддержке Россией румынских требований в этом контексте.

163. Бухарест, 3 июня 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о кончине принца Леопольда фон Гогенцоллерна, брата короля Карла, и об отъезде королевской семьи в Зигмаринген для участия в похоронах.

164. Бухарест, 16 июня 1905 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о возвращении короля и королевы в страну и о встрече в Вене короля Карла с императором Францем Иосифом, которой было придано особое значение в условиях политического кризиса в Венгрии и румынских военных манёвров.

165. Синая, 1 июля 1905 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об инциденте, связанном с прибытием в порт Констанцы восставшего броненосца «Потёмкин», о возвращении его в Констанцу и об отношении румынских властей к этому инциденту, включая детальные донесения российских дипломатических чиновников низшего ранга.

166. Синая, 9 июля 1905 г. С. А. Лермонтов, секретарь российской миссии в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи,

о дипломатических трениях между Румынией и Грецией, связанных с куцовлахским вопросом, о позиции греческого правительства в этом конфликте, о возможном разрыве дипломатических отношений между двумя странами и его последствиях.

167. **Синая, 30 июля 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о частной аудиенции у короля Карла, об отношении короля к положению в Македонии и к состоянию греко-румынских отношений, а также о позиции короля в связи с румынскими национальными устремлениями в условиях македонского кризиса.

168. **Синая, 9 августа 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о массовом бегстве евреев из Российской империи в Румынию и о мерах румынского правительства в целях сдерживания миграции.

169. **Синая, 24 августа 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об инциденте в Джурджу с поджогом греческого знамени и протесте греческого посланника при румынском королевском дворе Томбазиса, об обмене письмами между ним и министерством иностранных дел в Бухаресте в связи с недавним инцидентом, приведшим к ухудшению отношений между Румынией и Грецией.

170. **Синая, 26 августа 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об ответе румынского министерства иностранных дел на ноты протеста греческого посланника Томбазиса, связанные с инцидентом в Джурджу и высылкой греческих редакторов, и о возможных сценариях в развитии греко-румынских отношений.

171. **Синая, 14 сентября 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении румынского правительства к текущей фазе дипломатического конфликта между Грецией и Румынией, о фактическом прекращении нормальных дипломатических отношений между двумя государствами и о возможных последствиях этого конфликта для греческой общины в Румынии.

172. **Синая, 20 сентября 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о возвращении королевской четы из-за границы, о её встрече в Вене с императором Францем Иосифом и о растущей популярности австро-венгерского монарха в Румынии в связи с проектами введения всеобщего избирательного права в Габсбургской монархии.

173. **Синая, 20 сентября 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об изменении позиции короля Карла в связи с политическим кризисом в Венгрии и о влиянии событий в Венгрии на румынское население Трансильвании в контексте проекта избирательной реформы.

174. **Синая, 21 сентября 1905 г.** М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру

иностранных дел Российской империи, об обострении полемики между греческой прессой и румынскими газетами, о серьёзных последствиях разрыва греко-румынских дипломатических отношений для положения греческой общины в Румынии и о возможных репрессивных мерах румынского правительства.

175. Бухарест, 23 октября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о позиции румынского правительства в связи с преследованиями куцо-влахского населения в Македонии со стороны греческих банд, о мерах, принятых румынским правительством против Греции и греческой общины в Румынии, и о необычной дипломатической стратегии генерала Лаховари в условиях кризиса в греко-румынских отношениях.

176. Бухарест, 23 октября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об отношении румынского правительства к ситуации в Македонии, о гипотетическом предложении Великобритании послать европейские оккупационные войска в регион и о неблагоприятном отклике на одну официозную статью по этой теме в среде иностранных дипломатов и со стороны общественного мнения Румынии.

177. Бухарест, 23 октября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о греко-румынской полемике относительно прав греческих церквей и школ в Румынии в соответствии с особым протоколом, приложенным к греко-румынскому торговому договору, и о возможной передаче этого спорного вопроса в гаагский Международный суд.

178. Бухарест, 2 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о мнении И. Калиндеру, управляющего удельным (коронным) имуществом в Румынии, относительно греко-румынского конфликта, о приезде в Бухарест бывшего греческого министра иностранных дел Стефану для получения информации о позиции румынских высокопоставленных лиц, а также о роли короля Карла во внешней политике Румынии.

179. Бухарест, 3 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о предложении Россией своего посредничества в разрешении греко-румынского конфликта, о первоначальном принятии этого предложения министром иностранных дел Я. Лаховари и его последующих сомнениях, а также об определении позиции румынского правительства касательно переговоров с Грецией в контексте политики великих держав в отношении Османской империи.

180. Бухарест, 3 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о негативном отношении румынского правительства к политике Оттоманской Порты в Македонии и об угрозах возможного разрыва дипломатических отношений, поступивших со стороны Я. Лаховари в адрес османского представителя при румынском королевском дворе Киазым-бея.

181. Бухарест, 3 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру

иностранных дел Российской империи, об опровержении британским правительством слухов о возможной оккупации Македонии войсками европейских держав и о поддержке Великобританией предложения о российском посредничестве в разрешении дипломатического конфликта между Грецией и Румынией.

182. Бухарест, 7 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о протесте румынского правительства в отношении османской политики в Македонии и о заверениях османского правительства в принятии мер по защите куцо-влахов.

183. Бухарест, 18 ноября 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о поступившей от губернатора Бессарабии А. Н. Харузина информации об имеющихся якобы намерениях Румынии ввести при благоприятных для этого условиях свои войска в Бессарабию, об отношении Румынии к жителям Бессарабии в случае возможных беспорядков в сёлах этой губернии и об опасности пропаганды в Бессарабии в целях пробуждения у молдаван румынских национальных чувств, ведущейся «патриотическими обществами» Румынии, несмотря на осторожность короля Карла во внешней политике.

184. Бухарест, 8 декабря 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о слухах по поводу состояния здоровья короля Карла, о влиянии на состояние монарха кончины его брата Леопольда, о повышении авторитета и влияния короля в стране, связанном с высокой оценкой его личных качеств и заслуг.

185. Бухарест, 9 декабря 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, о слухах относительно дислокации у российской границы 7 румынских батальонов в целях воспрепятствовать проникновению на румынскую территорию евреев, бегущих из России, и о вероятных действительных причинах перемещения этих войск в район реки Прут.

186. Бухарест, 17 декабря 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. Н. Ламсдорфу, Министру иностранных дел Российской империи, об опровержении слухов относительно численности войск, размещённых Румынией для охраны границы по Пруту, а также о бегстве в Румынию не только евреев, но и некоторых «чисто русских» семей.

187. Бухарест, 29 декабря 1905 г. М. Н. Гирс, Чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Румынии – В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, товарищу Министра иностранных дел Российской империи, о посещении миссии префектом полиции Бухареста князем Морузи, о наблюдении за политической активностью матросов с восставшего броненосца «Потёмкин», обосновавшихся в Румынии, а также о недостатке информации относительно деятельности русских анархистов в Румынии по причине ликвидации секретной российской агентуры в Румынии в 1904 г.

LISTA ABREVIERILOR / СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ANHC	–	Archives Nationales Historiques Centrales (Bucarest)
ANIC	–	Arhivele Naţionale Istorice Centrale (Bucureşti)
APEER	–	Archives de la Politique Étrangère de l'Empire Russe (Moscou)
APEIR	–	Arhiva de Politică Externă a Imperiului Rus (Moscova)
RDRR, 1888–1898	–	*Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)*, editori Flavius Solomon, Adrian-Bogdan Ceobanu, Andrei Cuşco, Grigorii Şkundin, Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza", 2014
MO	–	„Monitorul Oficial"
DAD	–	*Desbaterile Adunărei Deputaţilor*, Bucureşti, Monitorul Oficial (Anexe la „Monitorul Oficial")
DS	–	*Desbaterile Senatului*, Bucureşti, Monitorul Oficial (Anexe la „Monitorul Oficial")
АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи (Москва)
ДДРПР, 1888–1898	–	*Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898)* / Ed. F. Solomon, A.-B. Ceobanu, A. Cuşco, G. Şkundin / *Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898)* / Изд. Ф. Соломон, А.-Б. Чеобану, А. Кушко, Г. Шкундин. Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza", 2014
ЦНИА	–	Центральный национальный исторический архив (Бухарест)

DOCUMENTE /

ДОКУМЕНТЫ

1

Бухарест, 13 января 1899 г., № 1. [Фонтон – Муравьёву]

[Милостивый государь граф Михаил Николаевич,]

Господин Стурдза[1] в беседе со мною высказал свои опасения по поводу усилившегося брожения умов в Македонии и на отсутствие желательного воздействия княжеского правительства на македонские комитеты в Болгарии. Первый министр казался крайне озабоченным и прочёл мне донесение румынского посланника в Константинополе господина Джувары[2], который приводит разговор свой с болгарским дипломатическим агентом. Господин Марков[3] заявил, между прочим, господину Джуваре, что он при представлении султану[4] не только высказался о необходимости производства в Македонии коренных реформ, но и указал Его Величеству на опасность неминуемого восстания. По словам господина Маркова, султан был до того поражён его заявлением, что тотчас поручил ему заняться проектом реформ. Болгарский дипломатический агент заявил при этом, что он не может взять на себя этого труда, не испросив согласия своего правительства.

Я счёл долгом заявить господину Стурдзе, что, насколько мне известно, императорское правительство уже обратило внимание софийского кабинета на образ действия болгарского дипломатического агента в Константинополе и заявило, что какое-либо движение в Македонии не встретит с его стороны ни сочувствия, ни поддержки, и что зачинщики понесут всю ответственность за необдуманный шаг.

Господин Стурдза, тем не менее, запросил меня, не признает ли императорское министерство уместным, чтобы в виду отличных отношений, установившихся за последнее время между бухарестским и софийским кабинетами, с одной стороны, и лично между королём Карлом[5] и князем Фердинандом[6], с другой, и Румыния со своей стороны преподала дружеский совет в Софии умерить, насколько возможно, происки лиц, задавшихся целью поддерживать брожение в Македонии, и следуя примеру Румынии, не возбуждать международных осложнений и приложить все старания на развитие материального своего благосостояния[7].

Хотя, по заявлению господина Стурдзы, румынский агент в Софии и не доставил в последнее время особенно тревожных сведений, но, тем не менее, первый министр одновременно сообщил о своих опасениях и прочим иностранным представителям в Бухаресте.

Вообще же поведение или излишняя болтливость болгарского дипломатического агента в Константинополе произвели здесь самое неблагоприятное впечатление[8].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 1–1об.

---

[1] Димитрие Стурдза (1833–1914) неоднократно занимал пост председателя Совета Министров: октябрь 1895– ноябрь 1896; март 1897 – март 1899; февраль 1901 – декабрь 1904; март 1907 – декабрь 1908 (Damean M. *Personalitatea omului politic Dimitrie A. Sturdza*. Târgoviște, 2012). Биографические сведения о румынских политических деятелях вплоть до 1901 г. см. также: Nicolescu G. D. *Parlamentul romîn, 1866–1901*: *Biografii și portrete*. București, SOCEC, 1903.

[2] Трандафир Джувара (1856–1935), профессиональный дипломат. Был полномочным министром Румынии в Стамбуле в 1896–1899 гг. (Djuvara T. G. *Misiunile mele diplomatice (1887–1925)* / Ed. A. Căpușan. Iași, Institutul European, 2009).

[3] Димитр Марков, болгарский дипломатический агент в Стамбуле с декабря 1896 до апреля 1899 г. Его настойчивое и рискованное поведение в македонском вопросе пользовалось поддержкой софийского кабинета и Болгарского Экзархата, что неоднократно вызывало крайнее недовольство у дипломатов великих держав и соседних балканских стран. См.: Попов Р. *Балканската политика на България 1894–1898.* София, 1984. С. 141–143, 157, 159, 160, 162–166, 169–171, 175, 181–184, 186–188, 190–198, 200, 205, 217, 222, 228; Дюлгерова Н. *Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария.* София, 1994. С. 66–68, 70–72, 77–78, 91, 92.

[4] Абдул Хамид II, султан Османской империи в 1876–1909 гг. Установил деспотический режим («зулюм»), отмеченный жестоким подавлением внутренней оппозиции, особенно армянского национального движения. Во внешней политике в первые годы своего правления пытался сблизиться со всеми великими державами, а с 1890-х гг. всё более ориентировался на Германию (Yasamee F. *Ottoman Diplomacy: Abdülhamid II and the Great Powers 1878–1888*. Istanbul, Isis, 1996; Georgeon F. *Abdülhamid II. Le sultan calife (1876–1909)*. Paris, Fayard, 2003).

[5] Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839–1914). С 1866 князь, а с 1881 король Румынии (Карл I). О его биографии и политической деятельности см., в частности: Kremnitz M. *Aus dem Leben König Karls von Rumänien: Aufzeichnungen eines Augenzeugen*. 4 Bde. Stuttgart, Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1894–1900; Lindenberg P. *König Karl von Rumänien. Ein Lebensbild*, dargestellt unter Mitarbeit des Königs. 2 Bde. Berlin, Hafen-Verlag, 1923; *Cuvântările Regelui Carol I* / Ed. C.C. Giurescu. Vol. I (1866–1886); Vol. II (1887–1914). București, Fundația pentru Literatură și Artă „Regele Carol II", 1939; Carol I. *Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005; Carol I al României. *Jurnal* / Ed. V. Docea. Vol. I (1881–1887). Vol. II (1888–1892). Vol. III (1893–1897). Iași, Polirom, 2007, 2014, 2020; Cristescu S. *Carol I și politica României (1878–1912)*, București, Paideia, 2007; *Scrisorile regelului Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905* / Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010; Bulei I. *Un Hohenzollern în România: Carol I*. București, Meteor Press, 2018.

[6] Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (1861–1948). С 1887 князь, а с 1908 царь Болгарии.

[7] Подробно см.: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european: Relațiile româno-bulgare la 1900*. București, Editura Academiei Române, 2012. P. 167–187.

[8] Подстраничное примечание: *Приводимые господином Джуварой слова гораздо резче, чем заявление этого агента, на кое Вашему Сиятельству угодно было обратить внимание статского советника Бахметева в доверительном письме от 3 декабря м.г. № 930* (Юрий Петрович Бахметев в 1897–1905 гг. являлся дипломатическим агентом России в Болгарии).

București, 13 ianuarie 1899, nr. 1. [Fonton către contele Muraviev]

[Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,]

Domnul Sturdza[1], într-o conversație purtată cu mine, și-a exprimat îngrijorarea în legătură cu tulburările actuale din Macedonia și nedorința guvernului princiar de a-și exercita influența asupra comitetelor macedonene din Bulgaria. Prim-ministrul părea extrem de preocupat și mi-a citit raportul trimisului român de la Constantinopol, domnul Djuvara[2], care relatează despre o discuție a sa cu agentul diplomatic bulgar. Printre altele, domnul Markov[3] i-a spus domnului Djuvara că el, atunci când a fost prezentat sultanului[4], a vorbit nu doar în favoarea implementării unor reforme radicale în Macedonia, ci, de asemenea, i-a și atras Majestății Sale atenția asupra pericolului unei revolte iminente. Potrivit domnului Markov, sultanul a fost într-atât de surprins de afirmațiile sale, încât l-a rugat să treacă imediat la elaborarea unui proiect de reforme. Agentul diplomatic bulgar a afirmat, în legătură cu aceasta, că nu poate să-și asume această responsabilitate fără să ceară acordul guvernului său.

Am considerat că este de datoria mea să comunic domnului Sturdza că, din câte cunosc, guvernul imperial a atras deja atenția cabinetului de la Sofia asupra modului de acțiune a agentului diplomatic bulgar din Constantinopol și a declarat că nici o insurecție din

Macedonia nu se va bucura nici de înțelegere și nici de susținere, instigatorii urmând a da socoteală pentru acest pas nechibzuit.

Totuși, domnul Sturdza m-a întrebat dacă ministerul imperial nu consideră oportun, având în vedere relațiile excelente stabilite în ultimul timp între cabinetele de la Sofia și București, pe de o parte, și între regele Carol[5] și principele Ferdinand[6] personal, pe de altă parte, ca România să ofere un sfat amical guvernului de la Sofia ca să încerce să tempereze, în măsura în care este posibil, uneltirile persoanelor care și-au propus să susțină tulburările din Macedonia și, urmând exemplul României, să nu provoace complicații internaționale și să depună toate eforturile pentru asigurarea propriei bunăstări[7].

Deși, conform afirmațiilor domnului Sturdza, agentul român de la Sofia nu a raportat în ultimul timp știri deosebit de îngrijorătoare, prim-ministrul mi-a adus totuși la cunoștință, la fel ca și altor reprezentanți străini din București, temerile sale privitoare la situația actuală.

În general, comportamentul sau indiscreția excesivă a agentului diplomatic bulgar din Constantinopol au produs aici cea mai neplăcută impresie[8].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 1–1 verso.

---

[1] Dimitrie A. Sturdza (1833–1914), președinte al Consiliului de Miniștri în mai multe rânduri: octombrie 1895 – noiembrie 1896; martie 1897 – martie 1899; februarie 1901 – decembrie 1904; martie 1907 – decembrie 1908 (Mihaela Damean, *Personalitatea omului politic Dimitrie A. Sturdza*, Târgoviște, 2012). Pentru biografiile unor oameni politici români până în anul 1901, a se vedea și George D. Nicolescu, *Parlamentul romîn, 1866–1901*, *Biografii și portrete*, București, SOCEC, 1903.

[2] Trandafir Djuvara (1856–1935), diplomat de carieră. A fost ministru plenipotențiar al României la Constantinopol în 1896–1899 (Trandafir G. Djuvara, *Misiunile mele diplomatice (1887–1925)*, ediție îngrijită de Andrei Alexandru Căpușan, Iași, Institutul European, 2009).

[3] Dimităr Markov, agent diplomatic bulgar la Constantinopol din decembrie 1896 până în aprilie 1899. Atitudinea sa intransigentă și riscantă în chestiunea macedoneană s-a bucurat de sprijinul guvernului de la Sofia și al Exarhatului bulgar. Acest fapt a generat o nemulțumire profundă a diplomaților Marilor Puteri și a statelor balcanice vecine. A se vedea: Радослав Попов, *Балканската политика на България 1894–1898*, София, 1984, p. 141–143, 157, 159, 160, 162–166, 169–171, 175, 181–184, 186–188, 190–198, 200, 205, 217, 222, 228; Нина Дюлгерова, *Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария*, София, 1994, p. 66–68, 70–72, 77–78, 91, 92.

[4] Abdul Hamid II, sultan între anii 1876 și 1909. A impus un regim autoritar și s-a remarcat prin reprimarea violentă a opoziției interne, în special a mișcării naționale armene. În politica externă, în primii ani de domnie, a încercat o apropiere de toate Marile Puteri, iar din anii 1890 s-a orientat tot mai mult spre Germania (Feroze A. K. Yasamee, *Ottoman Diplomacy. Abdülhamid II and the Great Powers 1878–1888*, Istanbul, Isis, 1996; François Georgeon, *Abdülhamid II. Le sultan calife (1876–1909)*, Paris, Fayard, 2003).

[5] Carol de Hohenzollern-Sigmaringen (1839–1914). Din 1866 principe, iar din 1881 rege al României (Carol I). Pentru repere biografice și privitoare la activitatea politică, a se vedea, selectiv: Mite Kremnitz, *Aus dem Leben König Karls von Rumänien: Aufzeichnungen eines Augenzeugen*, 4 Bde, Stuttgart, Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1894–1900; Paul Lindenberg, *König Karl von Rumänien. Ein Lebensbild*, dargestellt unter Mitarbeit des Königs, 2 Bde, Berlin, Hafen-Verlag, 1923; *Cuvântările Regelui Carol I*, ediție îngrijită de Constantin C. Giurescu, vol. I (1866–1886), vol. II (1887–1914), București, Fundația pentru Literatură și Artă „Regele Carol II”, 1939; *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005; Carol I al României, *Jurnal*, ediție de Vasile Docea, vol. I (1881–1887), vol. II (1888–1892), vol. III (1893–1897), Iași, Polirom, 2007, 2014, 2020; Sorin Cristescu, *Carol I și politica României (1878–1912)*, București, Paideia, 2007; *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010; Ion Bulei, *Un Hohenzollern în România: Carol I*, București, Meteor Press, 2018.

[6] Ferdinand de Saxa-Coburg-Gotha (1861–1948). Din 1887 principe, iar din 1908 rege (țar) al Bulgariei.

[7] Pentru detalii: Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900*, București, Editura Academiei Române, 2012, p. 167–187.

[8] Însemnare de la sfârșitul paginii: *Expresiile invocate de domnul Djuvara sunt mult mai tăioase decât afirmația acestui agent, lucru asupra căruia Luminăția Voastră a avut bunăvoința de a atrage atenția consilierului de stat Bahmetev în scrisoarea confidențială din data 3 decembrie a anului trecut, nr. 930*. (Iurii P. Bahmetev, în anii 1897–1905 a fost agent diplomatic al Rusiei în Bulgaria).

2

Бухарест, штамп от 30 января 1899 г., № 3. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

[Милостивый государь граф Михаил Николаевич,]

Некоторое движение, носящее социалистический характер, проявилось в последнее время среди крестьян уездов Романацского и Олтского[1]. Брожение это приняло настолько угрожающий характер, что правительство вынуждено было отправить на место войска. Затем около 50 уполномоченных от крестьян прибыли в Бухарест с целью осведомиться о будто бы обещанном им земельном наделе. По снятии с них допроса, крестьяне эти, оставленные на свободе, спокойно вернулись в свои сёла, и тем прекратилось начатое брожение.

Тем не менее, назначенное Ильфовским судом следствие выяснило, что эмиссары клуба социалистов в Бухаресте Фикшинеску[2] и Бангеряну[3], посетившие названные уезды, подстрекали крестьян к движению[4]. Арестованные и допрошенные[5], эмиссары эти заявили, что встречали в сёлах содействие со стороны местных учителей и даже некоторых начальников гарнизонов, разрешавших созывать крестьян в местные школу или мэрию при посредстве горнистов. Следует отметить при этом, что румынский закон не возбраняет учреждение клубов и сходок, чем и воспользовались агитаторы[6].

Собранных таким образом крестьян пропагандисты побуждали к образованию клубов для восстановления их якобы нарушенных прав. Произведённое дознание обнаружило также, что эмиссары бухарестского кружка социалистов, устраивая клубы с небольшим обязательным членским взносом, уверяли крестьян, что сбор этот поступит на приобретение в их собственность новых земель, на выкуп поземельных обязательств[7] и на упразднение многих должностей, расходы по содержанию которых падают на крестьян.

Из показаний же крестьян ясно вытекает, до какой степени они были введены в заблуждение эмиссарами-социалистами, принимаемыми ими за людей влиятельных и действующих от лица самого правительства.

В палате депутатов был предъявлен запрос по поводу крестьянских волнений министру внутренних дел со стороны единственного депутата-социалиста господина Морцуна[8], старавшегося снять со своей партии ответственность в происшедшем и представить всё движение как результат происков консерваторов, ратующих о низвержении либерального правительства.

Господин Ферекиде[9] не дал ответа на представленный запрос, прося обождать окончания начатого следствия, но при этом категорически заявил, что не существует никаких данных приписывать крестьянские смуты интригам консерваторов.

Следует заметить, что социальная партия, в политическом отношении, никакого значения в Румынии не имеет. Несмотря на все свои усилия, социалисты никогда не могли добиться положения организованной и признанной партии. Наибольший успех ими был достигнут при жунимистском правительстве, но и тогда партия эта имела в палате лишь трёх представителей[10].

Что же касается до начальной причины проявившегося среди крестьян брожения, то она кроется, вероятно, в неудовлетворительной аграрной политике, увеличении налогов и ряде неурожайных годов[11]. С другой стороны, поглощённые политическими интригами и взаимными раздорами, здешние политические деятели мало что сделали для сельского населения.

Нельзя при этом не отметить, что при допросе многие из крестьян с убеждением показывали, что русский царь приказал князю (крестьяне не усвоили ещё королевского титула) позаботиться об участи крестьян и наделить их землёю. Явление это знаменательно в том отношении, что ясно доказывает, что многолетняя деятельность враждебных России рум[ынских] Министерств не в силах была поколебать в массах сельского населения, составляющего ядро королевства, веками исторически сложившегося представления о Правосл[авном] царе как о верховном защитнике всех единоверцев[12].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 2–4.

---

[1] Matei Gh. *Cluburile socialiste la sate. 1898–1899*. București, Editura Științifică, 1968.

[2] В указанное время Теодор В. Фикшинеску был студентом и редактором газеты „Lumea Nouă”. О нём см. подробно: Russindilar P. *Theodor V. Ficșinescu, militant de frunte al mișcării socialiste din România* // Revista de istorie. T. 27. București, 1974. № 12. P. 1781–1792; Idem. *Theodor V. Ficșinescu. Destinul unui social-democrat*. Suceava, Lidana, 2004.

[3] И.Т. Бангеряну, рабочий и администратор партийной газеты.

[4] Matei Gh., Damaschin M. *Despre mișcările țărănești din 1899 și cluburile socialiste de la sate* // Studii. Revista de istorie și filosofie. Anul 6. București, 1953. № 1. P. 119; Jurca N. *Istoria social-democrației din România*. București, Editura Științifică, 1994. P. 35–37.

[5] Они были арестованы 23 января 1899 г. и впоследствии осуждены за «мошенничество». См.: Jurca N. *Op. cit.* P. 37.

[6] Matei Gh., Damaschin M. *Op. cit.*

[7] Eidelberg Ph.G. *The Great Rumanian Peasant Revolt of 1907: Origins of a Modern Jacquerie*. Leiden, E. J. Brill, 1974. P. 23 etc. Об эволюции законодательства по вопросам землеустройства см.: *Tocmelile agricole sub diferite legiuiri, înainte și după Regulamentul Organic* / Ed. C. Tănăsescu, Ș. Grigorescu. București, Stabilimentul de Arte Grafice „Clemența”, 1906. P. 149 etc. Тогдашний критический анализ аграрных отношений в Румынии см.: Dobrogeanu-Gherea C. *Neoiobăgia. Studiu economico-sociologic al problemei noastre agrare*. București, Editura Librăriei SOCEC & Comp., 1910.

[8] На заседании 21 января 1899 г. См.: *DAD* (Дебаты палаты депутатов). 1898–1899. № 26. P. 351–352; Matei Gh., Damaschin M. *Op. cit.* P. 106.

[9] Михаил Ферекиде (1842–1926) занимал различные министерские посты во многих либеральных правительствах. В рассматриваемое время являлся министром иностранных дел. По его приказу были арестованы руководители крестьянских клубов. Большинство из них содержались в бесчеловечных условиях в тюрьмах городов Турну-Мэгуреле, Каракал и Слатина. (См.: Jurca N. *Op. cit.* P. 37).

[10] Первым румынским депутатом-социалистом стал Василе Г. Морцун, избранный по 2-му избирательному округу в Романе в январе 1888 г. и переизбранный впоследствии. В октябре 1888 – апреле 1891 гг. депутатом являлся и Иоан Нэдежде. О парламентской деятельности румынских социалистов в 80–90-х гг. XIX в. см.: Mamina I., Niculae V. *Partidul clasei muncitoare în viața politică a României (1893–1918)*. București, Editura politică, 1983. P. 174–196.

[11] Axenciuc V. *Evoluția economică a României: Cercetări statistico-istorice 1859–1947*. Vol. 2. *Agricultura*. București, Editura Academiei Române, 1996; Idem. *Introducere în istoria economică a României. Epoca modernă și contemporană*. Partea I. București, Editura Fundației România de Mâine, 1999. P. 85–102. Об истории сельского хозяйства в общем контексте эволюции румынской экономики в последних десятилетиях XIX в. см.: Murgescu B. *România și Europa: Acumularea decalajelor economice (1500–2010)*. Iași, Polirom, 2010. P. 123 etc.

[12] Для сравнения см.: *ДДРПР. 1888–1898*. Док. № 5. С. 138, 144.

București, ștampilă din 30 ianuarie 1899, nr. 3. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână

[Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,]

O mișcare neașteptată, care are un caracter socialist, a fost observată în ultima vreme printre țăranii din județele Romanați și Olt[1]. Această agitație a luat o formă atât de amenințătoare, încât guvernul a fost obligat să trimită armata la fața locului. Mai apoi, la București au sosit 50 de reprezentanți ai țăranilor, aparent cu scopul de a fi informați despre intențiile de a li se pune la dispoziție terenuri arabile. După ce au fost interogați, acești țărani au fost lăsați în libertate și au revenit liniștit în satele lor, încheindu-se, astfel, tulburările tocmai declanșate.

Totuși, în urma cercetărilor dispuse de către Tribunalul Ilfov, a fost dovedit faptul că emisarii Clubului Socialiștilor din București Ficșinescu[2] și Banghereanu[3], care au vizitat județele amintite, i-au incitat pe țărani la răscoală[4]. Arestați și interogați[5], acești emisari au declarat că s-au bucurat în sate de concursul învățătorilor locali și chiar al șefilor unor garnizoane, care au permis ca țăranii să fie convocați în școli și primării cu ajutorul trâmbițașilor. Este de amintit faptul că legile din România nu interzic înființarea cluburilor și întrunirile, lucru de care au și profitat agitatorii[6].

Țăranii adunați în acest fel au fost îndemnați de către propagandiști să formeze cluburi, cu scopul restabilirii drepturilor ce le-ar fi fost încălcate. În timpul cercetărilor a mai fost descoperit, de asemenea, faptul că emisarii Clubului Socialiștilor din București, inaugurând cluburi cu simbolice cotizații obligatorii de membru, îi asigurau pe țărani că respectivele contribuții vor fi folosite la achiziționarea unor noi terenuri arabile, la răscumpărarea tocmelilor agricole[7] și la desființarea multor demnități publice, întreținerea cărora cade pe spatele țăranilor.

Din depozițiile țăranilor rezultă cât de mult au fost mințiți aceștia de către emisarii socialiști, pe care i-au considerat drept persoane influente, ce acționează în numele guvernului.

În legătură cu tulburările țărănești, în Camera Deputaților a fost depusă o interpelare pe numele ministrului de interne din partea singurului deputat socialist, domnul Morțun[8], care a încercat să absolve partidul său de răspundere pentru cele întâmplate și să prezinte întreaga mișcare drept rezultat al intrigilor conservatorilor, care militează pentru înlăturarea guvernului liberal.

Domnul Pherekyde[9] nu a răspuns la respectiva interpelare, rugând să se aștepte mai întâi concluziile anchetei, dar a declarat, în schimb, categoric, că nu există nici un indiciu prin care tulburările țărănești ar putea fi atribuite intrigilor conservatorilor.

Se impune menționat și faptul că, din perspectivă politică, Partidul Socialist nu are nici o importanță în România. Cu toate străduniile, socialiștii nu au reușit niciodată să se afirme ca un partid organizat și recunoscut. Cel mai mare succes al lor a fost consemnat în timpul guvernului junimist, dar și atunci acest partid a avut în Parlament doar trei reprezentanți[10].

Referitor la cauza inițială a tulburărilor țărănești, aceasta trebuie căutată, probabil, în politica agricolă defectuoasă, mărirea impozitelor și secetele succesive din ultimii ani[11]. Pe de altă parte, oamenii politici de aici, captivați de intrigile politice și discordiile dintre ei, au făcut prea puțin pentru populația de la sate.

În acest context, merită amintit faptul că, în timpul anchetei, mulți dintre țărani au declarat, cu convingere, că țarul rus i-a ordonat principelui (țăranii nu au asimilat încă titlul de rege) să aibă grijă de soarta țăranilor și să-i înzestreze cu pământ. Acest fenomen este foarte grăitor, deoarece activitatea de durată a guvernelor [rom]ânești ostile Rusiei nu a fost capabilă să zdruncine în masele populației de la sate, care formează nucleul regatului, imaginea formată istoricește, timp de secole, despre țarul Pravosl[avnic] ca apărător suprem al tuturor ortodocșilor[12].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 2–4.

---

[1] Gheorghe Matei, *Cluburile socialiste la sate. 1898–1899*, București, Editura Științifică, 1968.

[2] Theodor V. Ficșinescu (Petru Russindilar, Theodor V. *Ficșinescu, militant de frunte al mișcării socialiste din România*, în „Revista de istorie" (București), tom 27, 1974, nr. 12, p. 1781–1792; Petru Russindilar, *Theodor V. Ficșinescu. Destinul unui social-democrat*, Suceava, Lidana, 2004). La acea vreme, Th. V. Ficșinescu era student și redactor la ziarul „Lumea Nouă".

[3] I. T. Banghereanu, muncitor și administrator al ziarului de partid.

[4] Gheorghe Matei, M. Damaschin, *Despre mișcările țărănești din 1899 și cluburile socialiste de la sate*, în „Studii. Revista de istorie și filosofie" (București), anul 6, 1953, nr. 1, p. 119; Nicolae Jurca, *Istoria social-democrației din România*, București, Editura Științifică, 1994, p. 35–37.

[5] Au fost arestați în data de 23 ianuarie 1899, fiind ulterior condamnați pentru „escrocherie" (Jurca, *Istoria social-democrației*, p. 37).

[6] Matei; Damaschin, *Despre mișcările țărănești din 1899.*

[7] Philip Gabriel Eidelberg, *The Great Rumanian Peasant Revolt of 1907. Origins of a Modern Jacquerie*, Leiden, E. J. Brill, 1974, p. 23 și urm. Evoluția cadrului legal al tocmelilor agricole: *Tocmelile agricole sub diferite legiuiri, înainte și după Regulamentul Organic*, ed. Const. Tănăsescu, Ștefan Grigorescu, București, Stabilimentul de Arte Grafice „Clemența", 1906, p. 149 și urm. Pentru o critică de epocă a relațiilor agrare din România: C. Dobrogeanu-Gherea, *Neoiobăgia. Studiu economico-sociologic al problemei noastre agrare*, București, Editura Librăriei SOCEC & Comp, 1910.

[8] În ședința din 21 ianuarie 1899 a Camerei Deputaților (*DAD*, 1898–1899, nr. 26, p. 351–352; Gheorghe Matei, M. Damaschin, *Despre mișcările țărănești din 1899*, p. 106).

[9] Mihail Pherekyde (1842–1926). A deținut diferite portofolii în mai multe guverne liberale. La vremea respectivă era Ministru de Interne. La ordinul său, au fost arestați conducătorii cluburilor țărănești, majoritatea fiind transportați în condiții inumane în închisorile din Turnu-Măgurele, Caracal și Slatina (Jurca, *Istoria social-democrației*, p. 37).

[10] Primul deputat socialist român a fost Vasile G. Morțun, ales în Colegiul II Roman în ianuarie 1888, reales și ulterior. În octombrie 1888 – aprilie 1891 a fost deputat și Ioan Nădejde. Pentru activitatea parlamentară a socialiștilor români în anii 1880–1890: Ion Mamina, Vasile Niculae, *Partidul clasei muncitoare în viața politică a României (1893–1918)*, București, Editura Politică, 1983, p. 174–196.

[11] Victor Axenciuc, *Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice 1859–1947*, vol. 2, *Agricultura*, București, Editura Academiei Române, 1996; Idem, *Introducere în istoria economică a României. Epoca modernă și contemporană*, partea I, București, Editura Fundației România de Mâine, 1999, p. 85–102; Pentru istoria agriculturii, în contextul general al evoluției economiei românești în ultimele decenii ale secolului XIX: Bogdan Murgescu, *România și Europa. Acumularea decalajelor economice (1500–2010)*, Iași, Polirom, 2010, p. 123 și urm.

[12] Pentru comparație, a se vedea *RDRR, 1888–1898*, doc. 5, p. 138, 144.

3

Бухарест, штамп от 15 февраля 1899 г., без номера. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

Весьма доверительно

[Милостивый государь граф Михаил Николаевич,]

Состоявший здесь с 1895 г. австро-венгерским посланником барон Эренталь[1], назначенный ныне послом при Его Императорском Величестве государе императоре, на днях вручил королю Карлу свои отзывные грамоты и отбыл вчера в Вену, откуда через восемь дней предполагает отправиться по своему новому назначению.

Во время своего пребывания в Румынии[2] мой австро-венгерский сотоварищ своим спокойствием, умеренностью и тактом снискал себе уважение и любовь, как среди здешнего правительства, так и среди пребывающего в Бухаресте дипломатического корпуса. Настоящее же его высокое назначение доказывает, что его выдающиеся достоинства оценены должным образом также и в Вене.

Начав свою дипломатическую карьеру в качестве attaché при австро-венгерском посольстве в Санкт-Петербурге и затем по прошествии нескольких лет снова назначенный уже советником того же посольства[3], барон Эренталь наконец в третий раз возвращается в Россию, в высоком звании посла[4].

Принадлежа к школе графа Кальноки[5], вновь назначенный австро-венгерский посол за время долгого пребывания в России проникся убеждением в бескорыстии и великодушии императорской политики и вынес самое искреннее сочувствие к нашему отечеству.

Во время наших частных бесед он всегда с крайней признательностью отзывался о благосклонном расположении, которым его удостоили в Санкт-Петербурге, и горячо выражал свои симпатии к России, высказывал твёрдое намерение всегда стараться, поскольку от него зависело бы, как можно более развить добрые отношения между нашими правительствами. Вместе с тем барон Эренталь с полной непринуждённостью заявил мне, что венскому правительству надлежит на поприще внешних дел постоянно принимать в соображение законные вожделения императорского кабинета[6], а кроме того и во внутренней политике избегать по отношению к польскому элементу всего того, что могло бы породить в нём неуместные стремления, и что он не преминёт обратить на сие внимание графа Голуховского[7].

На замечание моё, что вопрос этот, быть может, несколько деликатен по отношению к графу Голуховскому, мой собеседник ответил мне, что его начальник не сочувствует увлечениям своих соплеменников[8] и что, во всяком случае, он считает своею обязанностью откровенно объясниться с ним в этом смысле.

Всё это позволяет быть уверенным, что на новом посту барон Эренталь не изменит своим чувствам к России и что императорское правительство встретит в нём убеждённого сотрудника в задаче поддержания искренних отношений с венским кабинетом.

Преемник его, маркиз Паллавичини[9], состоявший некоторое время советником австро-венгерского посольства в Санкт-Петербурге, уже прибыл в Бухарест.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 13–15.

[1] Алоис Лекса фон Эренталь (1854–1912), австро-венгерский дипломат. В 1877–1878 гг. был атташе при посольстве в Париже, а в 1878–1883 гг. в Санкт-Петербурге. В 1883–1888 гг. работал в центральном аппарате министерства иностранных дел в Вене, с 1888 по 1894 г. – советник посольства в Санкт-Петербурге. В 1895–1899 гг. являлся посланником в Румынии, с 1899 по 1906 г. – послом в Российской империи. В 1906–1912 гг. – министр иностранных дел Австро-Венгрии. (См.: *Aehrenthal Aloys Graf Lexa von // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*. Bd. 1. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957. S. 8–9). О жизни и деятельности Эренталя см.: Wank S. *In the Twilight of Empire: Count Alois Lexa von Aehrenthal (1854–1912). Imperial Habsburg Patriot and Statesman*. Vol. I. *The Making of an Imperial Habsburg Patriot and Statesman*. Wien, Böhlau Verlag, 2009; *Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Außenpolitik 1885–1912* // Hrsg. von S. Wank, J. Lexa von Aehrenthal. 2 Bde. Graz, Neugebauer, 1994.

[2] Wank S. *Op. cit.* S. 151–158.

[3] Ibid. S. 138–145.

[4] Ibid. S. 159 etc.

[5] Густав Зигмунд Кальноки (1832–1898), австро-венгерский дипломат и государственный деятель. (См.: *Kálnoky von Köröspatak Gustav Sigmund Graf // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950.* Bd. 3. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1965. S. 200). О его деятельности в качестве министра иностранных дел см.: Rauscher W. *Zwischen Berlin und St. Petersburg: Die österreichisch-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kálnoky 1881–1895*. Wien, Böhlau Verlag, 1993. Современники и последующие исследователи приписывали Кальноки важную роль в карьерном росте Эренталя. (См.: Wank S. *Op. cit.* S. 123–137).

[6] Общую характеристику отношений между Россией и Габсбургской монархией в конце XIX – начале XX вв. см.: Рыбачёнок И. С. *Политика России на Балканах на рубеже XIX– XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории*. Вып. 9 / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.; Тула, 2010. С. 396–399; *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)* / Отв. ред. А. В. Игнатьев. М., Международные отношения, 1997. С. 101 и сл.

[7] Агенор Мария Адам Голуховский (1849–1921), австро-венгерский дипломат и государственный деятель польского происхождения. (См.: *Gołuchowski Agenor Maria Adam Graf // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*. Bd. 2. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1959. S. 29–30). С 1895 до 1906 гг. был министром иностранных дел. О его деятельности на этом посту см.: Hech E. *Graf Goluchowski als Außenminister in Bezug auf Rußland und den Balkan*. Wien, 1951 (неопубл. дисс.); Wolf E. *Die Beziehungen Österreich-Ungarns zu Deutschland unter Goluchowski (1895–1906)*. Wien, 1967 (неопубл. дисс.).

[8] Особенно в венгерской печати Голуховскому приписывалось пристрастное отношение к польскому вопросу. В годы Первой мировой войны он выступал за послевоенную реорганизацию Габсбургской монархии с приданием польским землям конституционной идентичности, подобной той, которую имели Австрия и Венгрия. См.: Lemke H. *Allianz und Rivalität: Die Mittelmächte und Polen im ersten Weltkrieg.* Wien, Böhlau Verlag, 1977. S. 232 etc.

[9] Иоганн (Янош) фон Паллавичини (1848–1941), австро-венгерский профессиональный дипломат. С 1874 до 1894 г. последовательно занимал посты атташе при посольствах в Берлине, Париже и Лондоне. В 1894 г. назначен советником дипломатической миссии в Мюнхене, а затем в том же году советником посольства Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге. В 1899 г. стал посланником в Бухаресте, в 1906–1918 гг. являлся послом в Стамбуле (*Pallavicini János Markgraf von // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*. Bd. 7. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978. S. 303).

București, ștampilă din 15 februarie 1899, nr. 3. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână
Strict confidențial

[Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,]

Contele Aehrenthal[1], trimisul austro-ungar de aici din anul 1895, numit recent ambasador pe lângă Majestatea Sa Imperială stăpânul nostru împăratul, i-a înmânat acum

câteva zile regelui Carol scrisorile de rechemare și a revenit la Viena, de unde, în opt zile, intenționează să plece la noua sa destinație.

Pe durata aflării sale în România[2], tovarășul meu austro-ungar, prin calmul, moderația și tactul său, și-a câștigat respectul și dragostea, atât la guvernul de aici, cât și printre membrii corpului diplomatic din București. Noua sa numire înaltă este o confirmare a faptului că, și la Viena, calitățile sale excepționale sunt apreciate la justa lor valoare.

După ce și-a început cariera diplomatică la ambasada austro-ungară din Sankt-Petersburg în calitate de attaché, iar mai apoi, după alți câțiva ani, a fost consilier la aceeași ambasadă[3], contele Aehrenthal revine, în sfârșit, a treia oară, în Rusia, în înalta demnitate de ambasador[4].

Discipol al școlii contelui Kálnoky[5], noul ambasador austro-ungar, în timpul îndelungatei sale șederi în Rusia, a fost pătruns de sinceritatea și generozitatea politicii imperiale și a dezvoltat cele mai sincere sentimente față de patria noastră.

În timpul îndelungatelor noastre discuții, el și-a adus mereu aminte cu cea mai mare recunoștință de atitudinea binevoitoare de care s-a bucurat la Sankt-Petersburg, și-a declarat cu căldură simpatiile sale față de Rusia și și-a exprimat intenția fermă de a încerca mereu, atât cât va depinde de el, să dezvolte cele mai bune relații între guvernele noastre. În același timp, din proprie inițiativă, contele Aehrenthal mi-a declarat că, în domeniul politicii externe, guvernul de la Viena este obligat să țină mereu cont de așteptările îndreptățite ale guvernului imperial[6], iar în domeniul politicii interne să evite, în raport cu factorul polonez, orice acțiuni care ar putea genera mișcări nepotrivite și că nu va ezita să atragă contelui Gołuchowski[7] atenția asupra acestui aspect.

La observația mea că această chestiune ar putea fi una foarte delicată pentru contele Gołuchowski, interlocutorul meu mi-a răspuns că superiorul său nu simpatizează cu ideile conaționalilor săi[8] și că, în orice caz, el consideră că este de datoria sa să-și prezinte cu sinceritate punctul de vedere în această privință.

Toate acestea ne fac să credem că, în noul său post, contele Aehrenthal nu își va schimba sentimentele față de Rusia și că guvernul imperial va găsi în el un colaborator convins de necesitatea păstrării unor relații sincere cu guvernul de la Viena.

Succesorul său, marchizul Pallavicini[9], care a fost un timp consilier la ambasada austro-ungară din Sankt-Petersburg, a ajuns deja la București.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 13–15.

---

[1] Alois Lexa von Aehrenthal (1854–1912). Diplomat austro-ungar. 1877–1878 – atașat diplomatic la Paris; 1878–1883 – atașat diplomatic la Sankt-Petersburg; 1883–1888 – înalt funcționar în Ministerul de Externe al Austro-Ungariei; 1888–1894 – consilier de legație la Sankt-Petersburg; 1895–1899 – ministru al Austro-Ungariei la București; 1899–1906 – ambasador al Austro-Ungariei în Imperiul Rus. 1906–1912 – ministru de externe al Austro-Ungariei (*Aehrenthal Aloys Graf Lexa von*, în *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, Band 1, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957, p. 8–9). Pentru viața și activitatea lui Aehrenthal: Solomon Wank, *In the Twilight of Empire. Count Alois Lexa von Aehrenthal (1854–1912). Imperial Habsburg Patriot and Statesman*, vol. I, *The Making of an Imperial Habsburg Patriot and Statesman*, Wien, Böhlau Verlag, 2009; *Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Außenpolitik 1885–1912*, hrsg. von Solomon Wank und Johann Lexa von Aehrenthal, zwei Bände, Graz, Neugebauer, 1994.

[2] Wank, *In the Twilight of Empire*, p. 151–158.

[3] *Ibidem*, p. 138–145.

[4] *Ibidem*, p. 159 și urm.

[5] Gustav Sigmund Kálnoky (1832–1898), om de stat austro-ungar (*Kálnoky von Köröspatak Gustav Sigmund Graf*, în *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, Band 3, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1965, p. 200). Pentru activitatea sa în calitate de ministru de externe al Austro-Ungariei: Walter Rauscher, *Zwischen Berlin und St. Petersburg. Die österreichisch-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kálnoky 1881–1895*, Wien, Böhlau Verlag, 1993. Lui Kálnoky i-a fost atribuit un rol important în ascensiunea lui Aehrenthal (Wank, *In the Twilight of Empire,* p. 123–137).

[6] Pentru contextul general al relațiilor ruso – austro-ungare la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX: И. С. Рыбачёнок, *Политика России на Балканах на рубеже XIX– XX веков: цели, задачи и методы*, în *Труды Института российской истории*, вып. 9, отв. ред. А. Н. Сахаров, Москва, Тула, 2010, p. 396–399; *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*, ответственный редактор А. В. Игнатьев, Москва, Международные отношения, 1997, p. 101 și urm.

[7] Agenor Maria Adam Gołuchowski (1849–1921), om de stat austro-ungar, de origine poloneză (*Gołuchowski Agenor Maria Adam Graf*, *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, Band 2, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1959, p. 29–30. Între 1895 și 1906 a fost ministru de Externe al Austro-Ungariei. Pentru activitatea sa în această calitate: Elfriede Hech, *Graf Goluchowski als Außenminister in Bezug auf Rußland und den Balkan*, Wien, 1951 (teză de doctorat, nepublicată); Eva Wolf, *Die Beziehungen Österreich-Ungarns zu Deutschland unter Goluchowski (1895–1906)*, Wien, 1967 (teză de doctorat, nepublicată).

[8] În special în mediile politice maghiare, lui Gołuchowski i se reproșa o atitudine părtinitoare în chestiunea poloneză. În anii Primului Război Mondial, Gołuchowski a militat pentru reorganizarea postbelică a Imperiului Habsburgic, prin acordarea pentru polonezi a unui statut constituțional identic cu cel al Austriei și Ungariei (Heinz Lemke, *Allianz und Rivalität. Die Mittelmächte und Polen im ersten Weltkrieg*, Wien, Böhlau Verlag, 1977, p. 232 și urm.).

[9] Johann (János) von Pallavicini (1848–1941), diplomat de carieră austro-ungar. Între 1874 și 1894, a fost succesiv atașat diplomatic la Berlin, Paris și Londra. 1894 – numit consilier de legație la München, 1894 – numit consilier la ambasada Austro-Ungariei de la Sankt-Petersburg, 1899 – numit ministru al Austro-Ungariei la București, 1906–1918 – ambasador al Austro-Ungariei la Constantinopol (*Pallavicini János Markgraf von*, în *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950*, Band 7, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1978, p. 303).

4

Бухарест, штамп от 23 февраля 1899 г., № 8. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

[Милостивый государь граф Михаил Николаевич,]

Резкие нападки, которым подвергся господин Стурдза и в сенате, и в палате депутатов, по поводу допущенного им союза либеральной партии с социалистами[1], главными виновниками крестьянских волнений, заставили первого министра громогласно, в виде последнего средства защиты, заявить, что внутреннее местное управление в королевстве крайне неудовлетворительно.

При обсуждении бюджета совершенно неожиданно депутат Енакович[2], ссылаясь на заявление первого министра, представил крайне непривлекательную картину деятельности органов местного управления[3].

По словам оратора, многие из префектов даже не живут в подведомственных им центрах; влиятельные лица округа постоянно вводят в заблуждение самого министра вопреки префекту, который сам избран ими.

Субпрефектуры, обнимающие до 50 коммун, имеют всего по 2 чиновника, которые завалены работою и не в состоянии что-либо предпринять. Сельское духовенство, лишённое образования, утратило всякий авторитет.

Деревенские нотариусы отличаются полным невежеством. Пока они занимают места, они высасывают как пиявки что могут из населения, потеряв же место, они обращаются в настоящих анархистов и возбуждают крестьян против властей.

Эта непривлекательная картина порядков внутреннего управления Румынии[4] встретила лишь слабый протест со стороны министра внутренних дел[5], который говорил скорее *ex officio*, хорошо сознавая, что слова его совершенно бесполезны, т.к. печальное положение внутреннего управления давно известно всем и более всего ему самому, т.к. он не впервые во главе внутреннего управления.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 25–26.

---

[1] Близкие отношения между лидерами либералов, особенно Ионом И. К. Брэтиану и румынскими социалистами имели давнюю историю. Весной 1898 г. на местных выборах обе партии представили совместный список кандидатов во многих городах. Для некоторых идеологов социализма в Румынии объединение с либералами представлялось единственным путём для преодоления кризиса в социалистическом движении и продвижения левых политических принципов. После съезда, состоявшегося 20–22 апреля 1899 г., социал-демократическая рабочая партия Румынии снизила политическую активность, а значительная часть её интеллектуального ядра (так называемые „благородные"), во главе которого стояли Василе Г. Морцун, Александру Г. Радович и Георге Диаманди, перешла в национал-либеральную партию. К ним примыкал и Константин Стере, официально не являвшийся членом партии. См.: Jurca N. *Istoria social-democrației din România*. București, Editura Științifică, 1994. P. 38–47.

[2] Александру (Алеку) Енакович (1842–1926), адвокат и политический деятель. В 1888–1890 гг. был одновременно примаром (городским головой) Ботошань и депутатом от либеральной партии.

[3] На заседании от 15 февраля 1899 г. (*DAD.* 1898–1899. № 36. P. 605–607).

[4] Общий обзор социально-политических отношений в Румынии на рубеже XIX–XX вв. см: Hitchins K. *Rumania, 1866–1947*. Oxford, Oxford University Press, 1994. P. 155–201; Мадиевский С. А. *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в.: Монархия, парламент, правительство*. М., Наука, 1980; Он же. *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в.: Состояние прав и свобод.* М., Наука, 1984; Oncescu Iu., Stanciu I. *Introducere în istoria modernă a românilor (1821–1918)*. Târgoviște, Editura Cetatea de Scaun, 2009. P. 241–263, 273–280.

[5] Михаил Ферекиде.

București, ștampilă din 23 februarie 1899, nr. 8. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână

[Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,]

Atacurile dure la care a fost supus domnul Sturdza în Senat și în Camera Deputaților în legătură cu alianța admisă de el între Partidul Liberal și socialiști[1], care sunt principalii vinovați de tulburările țărănești, l-au făcut pe prim-ministru să declare cu voce tare, ca ultim mijloc de a se apăra, că organizarea puterii locale în regat este foarte nesatisfăcătoare.

În timpul discutării bugetului, făcând trimitere la declarația prim-ministrului, deputatul Enacovici[2] a făcut o prezentare deloc plăcută a activității organelor administrației locale[3].

Potrivit oratorului, foarte mulți dintre prefecți nici nu locuiesc măcar în centrele atribuite lor spre administrare; persoane influente din județ îl dezinformează permanent pe însuși ministrul, în dauna prefectului care a fost ales chiar de el.

Subprefecții, care au în administrare până la 50 de comune, sunt asistați de doar doi funcționari, care sunt supraîncărcați cu obligații și nu pot face față funcției. Clerul de la sate, care este lipsit de educație, a pierdut orice autoritate.

Notarii din mediul rural se remarcă printr-o ignoranță deplină. Atâta timp cât ocupă un loc, ei sug tot ce pot din populație ca niște lipitori, iar după ce își pierd posturile se transformă în adevărați anarhiști și îi agită pe țărani împotriva autorităților.

Această imagine deloc atractivă a stării de fapt a administrației interne din România[4] nu a atras o critică prea dură din partea ministrului de interne[5], care a vorbit mai degrabă *ex officio*, știind foarte bine că punctul său de vedere este cu totul inutil, deoarece starea deplorabilă a administrației este cunoscută demult publicului larg și, mai mult chiar, lui însuși, deoarece nu ocupă pentru prima dată funcția de ministru de interne.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 25–26.

---

[1] Relațiile apropiate dintre unii conducători liberali, în special Ion I. C. Brătianu, și socialiștii români erau mai vechi. În toamna anului 1898, la alegerile comunale, cele două partide au prezentat liste comune de candidați în mai multe orașe. Pentru unii dintre ideologii socialiști din România, fuziunea cu liberalii reprezenta singura cale pentru depășirea crizei din mișcarea socialistă și promovarea principiilor politice de stânga. După congresul din 20–22 aprilie 1899, Partidul Social-Democrat al Muncitorilor din România și-a încetat practic activitatea, iar o bună parte a intelectualilor din partid („generoșii"), în frunte cu Vasile G. Morțun, Alexandru G. Radovici și George Diamandy, au trecut la Partidul Național-Liberal. Acestora li s-a alăturat și Constantin Stere, care nu a fost oficial membru al P.S.D.M.R. (Nicolae Jurca, *Istoria social-democrației din România*, București, Editura Științifică, 1994, p. 38–47).

[2] Alexandru (Alecu) Enacovici (1842–1926). Avocat și om politic. În 1888–1890 a fost simultan primar de Botoșani și deputat liberal.

[3] În ședința din 15 februarie 1899 (*DAD*, 1898–1899, nr. 36, p. 605–607).

[4] Pentru o privire generală asupra realităților politice și sociale din România la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX: *Keith Hitchins, Rumania, 1866–1947*, Oxford, Oxford University Press, 1994, p. 155–201; С. А. Мадиевский, *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Монархия, парламент, правительство*, Москва, Наука, 1980; Idem, *Политическая система Румынии. Последняя треть XIX – начало XX в. Состояние прав и свобод,* Москва, Наука, 1984; Iulian Oncescu, Ion Stanciu, *Introducere în istoria modernă a românilor (1821–1918)*, Târgoviște, Editura Cetatea de Scaun, 2009, p. 241–263, 273–280.

[5] Mihail Pherekyde.

5

Бухарест, штамп от 8 марта 1899 г., № 11. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) г(осударь) граф Мих(аил) Николаевич,

Только что окончившиеся крестьянские волнения произвели сильное и неблагоприятное для правительства впечатление и в обществе, и в печати. Оппозиция, конечно, не пропустила такого удобного случая, дабы с новою резкостью произвести нападки на правительство и лично на господина Стурдзу.

Наиболее талантливые и видные члены оппозиции (либералы, отделившиеся от господина Стурдзы), господа Делавранча[1] и Флева[2], обратились к правительству с

запросом по поводу волнений крестьян и произнесли по сему поводу блестящие речи в палате[3].

Господин Делавранча старался доказать, что участие в движении социалистов не имело того значения, которое придаёт ему правительство и что причины недовольства сельского населения лежат гораздо глубже. Если же социалисты и приняли участие и впервые перенесли свою деятельность из городов в деревни, то лишь благодаря непростительному попустительству правительства и местных властей.

Коснувшись затем произведённых министерством высылок иностранцев, особенно журналистов (до сего времени выслано 15 человек), оратор требовал доказательств их виновности.

Господин Делавранча, обратив затем внимание палаты на бедственное положение сельского населения, заявил, что правительство, тем не менее, ничего в их пользу не предпринимает, и что представленный ныне законопроект о продаже крестьянам участков земли по удешевлённой цене – капля в море, да и самый закон имеет в виду не столько благо крестьян, сколько создание правительству новых голосов для выборов.

Речь свою господин Делавранча заключил резкими нападками на господина Стурдзу, который деспотическим управлением своим умалил национальный румынский дух и возбудил всеобщее недовольство.

Второй оратор, господин Флева, обратил внимание палаты на варварское обращение властей с крестьянами, которых бьют, арестуют, обыскивают и наказывают как лиц, стоящих вне закона. Он указал на жестокости, совершённые при подавлении последнего волнения, когда власти сожгли дома и имущество крестьян. Речь свою господин Флева закончил страстными нападками на первого министра. Ответные речи как господина Стурдзы господину Делавранче, так и министра внутренних дел господину Флеве не представляют ничего выдающегося. Нельзя было не заметить, что оба министра, равно как и весь кабинет, старались насколько возможно не раздражать оппозицию и потушить как можно скорее все прения о крестьянских волнениях, опасаясь, чтобы это столь неожиданно и не вовремя проявившееся дело не повлияло на благоприятный для правительства исход предстоящих выборов.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 33–34.

---

[1] Барбу Штефэнеску Делавранча (1858–1918), румынский писатель, адвокат и политический деятель. Член Румынской Академии. В 1899–1901 гг. мэр Бухареста. В румынском парламенте проявил себя, главным образом, выступлениями в поддержку крестьян.

[2] Николае Флева (1840–1920), румынский политический деятель, адвокат и журналист. Являлся мэром Бухареста (1884–1886) и министром внутренних дел (1895–1896). Вступил в конфликт с Д. Стурдзой, главным образом, из-за разногласий по поводу организационного устройства Румынской православной церкви. В 1899–1900 гг. был министром сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ в консервативном кабинете Г. Кантакузино. Впоследствии стал румынским посланником в Риме.

[3] На заседаниях палаты депутатов 25 и 26 февраля 1899 г. (*DAD*. 1898–1899. № 42. P. 749–756, 760–772, 777–789).

București, ștampilă din 8 martie 1899, nr. 11. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi

S(timate) D(omnule), Conte, Mih(ail) Nikolaevici,

Tulburările țărănești care tocmai s-au încheiat au produs, în societate și în presă, o imagine puternică nefavorabilă pentru guvern. Desigur, opoziția nu a ratat o astfel de ocazie potrivită pentru a ataca din nou cu vehemență guvernul și personal pe domnul Sturdza.

Cei mai erudiți și cunoscuți reprezentanți ai opoziției (liberalii care s-au desprins de domnul Sturdza), domnii Delavrancea[1] și Fleva[2], s-au adresat guvernului cu o interpelare privind tulburările țărănești, oferind, cu această ocazie, discursuri strălucite în Parlament[3].

Domnul Delavrancea a încercat să demonstreze că implicarea socialiștilor nu a avut nici pe departe importanța pe care le-o atribuie guvernul și că, de fapt, cauzele nemulțumirilor populației de la sate sunt mult mai profunde. Dacă socialiștii s-au și implicat, mutând pentru prima dată centrul de greutate al activității lor de la orașe la sate, atunci doar din cauza toleranței de neiertat a guvernului și a autorităților locale.

Referindu-se, mai apoi, la expulzările unor străini decise de către guvern, în special a jurnaliștilor (până în prezent au fost expulzate 15 persoane), oratorul a cerut să fie prezentate dovezi ale vinovăției lor.

În continuare, atrăgând atenția Camerei Deputaților asupra stării jalnice a populației de la sate, domnul Delavrancea a declarat că, chiar și în această situație, guvernul nu întreprinde nimic în sprijinul acesteia și că proiectul de lege înaintat, prin care se prevede vânzarea către țărani a unor suprafețe de teren la preț redus, reprezintă doar o picătură în mare; chiar proiectul însuși are în vedere nu atât bunăstarea țăranilor, cât asigurarea pentru guvern a unor noi voturi la alegeri.

Domnul Delavrancea și-a încheiat discursul cu câteva atacuri acide la adresa domnului Sturdza, care, prin sistemul său despotic de conducere, a desconsiderat spiritul național român și a generat o nemulțumire generalizată.

Cel de-al doilea orator, domnul Fleva, a atras atenția Camerei Deputaților asupra atitudinii barbare a autorităților față de țărani, care sunt bătuți, arestați, percheziționați și pedepsiți ca persoane care se află în afara legii. El a făcut trimitere la cruzimile comise în timpul înăbușirii ultimei răscoale, când puterea a incendiat casele și averile țăranilor. Domnul Fleva și-a încheiat și el discursul cu atacuri înfocate la adresa prim-ministrului. Replica domnului Sturdza, pentru domnul Delavrancea, și a ministrului de interne, pentru domnul Fleva, nu au reprezentat nimic special. Nu a putut trece neobservat faptul că ambii miniștri, la fel ca întreg guvernul, au încercat, atât cât a fost posibil, să nu provoace opoziția și să încheie cât mai repede toate dezbaterile despre tulburările țărănești, din teamă ca acest caz, care a apărut la un moment inoportun, să nu influențeze negativ rezultatul viitoarelor alegeri.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 33–34.

---

[1] Barbu Ștefănescu Delavrancea (1858–1918). Scriitor, avocat și politician român. Membru al Academiei Române. În 1899–1901 a fost primar al Bucureștiului. În Parlamentul României s-a remarcat, mai ales, prin discursurile în sprijinul țăranilor.

[2] Nicolae Fleva (1840–1920). Jurnalist, avocat și politician român. A fost, printre altele, primar al Bucureștiului (1884–1886) și ministru de Interne (1895–1896). A intrat în conflict cu D. Sturdza în special din

cauza unor dezacorduri privind organizarea Bisericii ortodoxe române. În 1899–1900, a fost ministru al Agriculturii, Industriei, Comerțului și Domeniilor în guvernul conservator condus de George Gr. Cantacuzino. Ulterior a fost ministru plenipotențiar al României la Roma.

[3] În ședințele Camerei Deputaților din 25 februarie și 26 februarie 1899 (*DAD*, 1898–1899, nr. 42, p. 749–756, 760–772, 777–789).

6

Бухарест, штамп от 8 марта 1899 г., № 12. [Фонтон – Муравьёву]

Черновик

М(илостивый) Г(осударь), граф Мих[аил] Николаевич,

Все члены правительственного большинства были созваны господином Стурдзой 27-го минувшего февраля на частное совещание.

Первый министр обратился к собранию с просьбой ввиду закрытия палат 15-го марта[1] скорее вотировать три закона: 1) об обеспечении секретного голосования[2]; 2) о профессиональном образовании[3] и 3) горный закон[4].

Господин Стурдза прибавил при этом, что только при условии утверждения этих законов он может рассчитывать, что Его Величеству угодно будет поручить ему произвести предстоящие выборы.

Заявление это было немедленно подхвачено оппозицией и подало повод к запросу в палате[5].

Действительно, до сего времени король Карл постоянно избегал оказывать какое-либо давление на депутатов, предоставляя им полную свободу действия. Со своей стороны, и министры, и депутаты из чувства деликатности старались избегать даже произнесения имени короля в палате, где зачастую речи далеко не отличались академическим характером. Посему вряд ли излишняя откровенность первого министра была особенно приятна Его Величеству.

Тем не менее, спохватившись затем, господин Стурдза старался опровергнуть сделанное заявление и на запрос вице-президента палаты в высшей степени непочтительно отвечал: «Je n'ai pas dit cela. Je n'ai pas dit que j'avais le Roi dans ma poche»[6].

На этом же собрании произошёл ещё случай, ясно показывающий, насколько мало стесняются нравственностью политические деятели Румынии. Дело шло об охранении тайны голосов при подаче письменно закрытых конвертов. Господин Эпуреску[7], занимающий видный пост вице-президента палаты, не постыдился открыто заявить, что обеспечение секрета при выборах невыгодно либеральной партии, так как она ровно ничего не сделала для своих выборщиков и посему при закрытой подаче голосов не может рассчитывать на их верность.

Циничное заявление это возмутило господина Стурдзу, который горячо заявил: «Я лучше удалюсь, чем соглашусь покровительствовать столь безнравственной системе. Я не для того работал всю жизнь, чтобы на склоне лет потерять всё приобретённое годами неустанного труда. Если либеральная партия не в состоянии честным путём одержать победу на выборах, лучше ей пасть».

К чести собравшихся сенаторов и депутатов должно отметить, что слова первого министра были встречены громкими знаками одобрения.

Тем не менее, мне известно из достоверного источника, что господин Стурдза, крайне недовольный своими сотрудниками и утомлённый резкими нападками, которые производятся на него со всех сторон, неоднократно (выражал) намерение удалиться от власти.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 35–37.

---

[1] Сессия палаты депутатов и сената была продлена королём Карлом I до 24 марта 1899 г.

[2] См. выступление Стурдзы в палате депутатов 27 февраля 1899 г. (*DAD.* 1898–1899. № 43. P. 787).

[3] Часть законодательных изменений, касающихся среднего и высшего образования, введённых по инициативе Спиру Харета, министра вероисповеданий и просвещения в правительстве Стурдзы (март 1897 – март 1899). Обсуждались в палате депутатов на заседаниях от 3–6, 8–13 и 15–16 марта 1899 г. (*DAD.* 1898–1899. № 45. P. 817–861, 863–869; № 46. P. 877–893; № 47. P. 896–912, 915; № 48. P. 936–948; № 49. P. 949–966; №. 50. P. 967–982; № 51. P. 984–999; № 52. P. 1003–1016, 1025–1029; № 53. P. 1031–1044). По закону о профессиональном образовании голосование проходило 16 марта. Утверждён королём Карлом I 27 марта и опубликован в газете „Monitorul Oficial" 31 марта 1899 г. (*Antologia legilor învățământului din România* / Ed. Gh. Bunescu. București, Institutul de Științe ale Educației, 2004. P. 9–11, 94–112).

[4] Первый закон о шахтах Румынии был принят в 1895 г. по инициативе П. П. Карпа. Это предоставило государству важные рычаги влияния (включая ограничение права собственности на землю, на которой находились месторождения полезных ископаемых) для стимулирования добычи полезных ископаемых. Посредством изменений, предложенных в 1899 г., либералы стремились прежде всего поощрить румынский капитал. Законопроект обсуждался на заседаниях палаты депутатов 8, 20 и 22–24 марта (*DAD*. 1898–1899. № 47. P. 918–924; № 55. P. 1112–1140; № 56. P. 1167–1177; № 57. P. 1219–1221). Обсуждался в сенате начиная с 16 февраля 1899 г. См.: *DS* (Дебаты Сената). 1898–1899. № 33. P. 314 etc.). Сенат принял проект закона 19 февраля 1899 г. (*Ibidem*).

[5] См. Bulei I. *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea // Istoria românilor.* Vol. VII. T. II. *De la Independență la Marea Unire* / Ed. Gh. Platon. București, Editura Enciclopedică, 2003. P. 191.

[6] Перевод с франц.: «Я этого не говорил. Я не сказал, что король у меня в кармане».

[7] Василе Эпуреску. Род. в 1848 г. в Джурджу, адвокат, был депутатом и сенатором от либеральной партии. В рассматриваемое время выполнял функции вице-спикера палаты депутатов.

București, ștampilă din 8 martie 1899, nr. 12. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion

S(timate) D(omnule), Conte, Mih(ail) Nikolaevici,

Pe data de 27 februarie, domnul Sturdza i-a convocat pe toți membrii majorității parlamentare la o întâlnire informală.

Având în vedere încheierea sesiunii parlamentare pe data de 15 martie[1], prim-ministrul le-a adresat participanților la întâlnire rugămintea de a fi votate următoarele trei legi: 1) privind secretul votului[2]; 2) asupra învățământului profesional[3]; 3) legea minelor[4].

Domnul Sturdza a subliniat faptul că Majestatea Sa îl va mandata cu organizarea viitoarelor alegeri doar cu condiția trecerii prin Parlament a acestor legi.

Această declarație a fost preluată imediat de către opoziție și a oferit pretextul pentru depunerea unei interpelări în Parlament[5].

Într-adevăr, până acum regele Carol a evitat să exercite orice presiune asupra deputaților, oferindu-le întreaga libertate de acțiune. De cealaltă parte, miniștrii și deputații,

din respect pentru monarh, au încercat să evite însăși pronunțarea numelui regelui în Parlament, unde discursurile nu s-au remarcat neapărat prin caracterul lor academic. De aceea, sinceritatea exagerată a prim-ministrului nu pare să fi fost pe gustul Majestății Sale.

Realizând greșeala comisă, domnul Sturdza a încercat să conteste că ar fi făcut respectiva declarație, răspunzând într-o manieră cu totul nepoliticoasă la interpelarea vice-președintelui Camerei: „Je n'ai pas dit cela. Je n'ai pas dit que j'avais le Roi dans ma poche"[6].

La aceeași adunare a avut loc un eveniment care arată clar cât de puțin le pasă de morală oamenilor politici din România. Discuția a fost despre respectarea secretului votului prin corespondență. Domnul Epurescu[7], care ocupă înalta funcție de vice-președinte al Camerei, nu a avut nici o rușine să declare deschis că asigurarea secretului votului la alegeri nu este convenabilă Partidului Liberal, deoarece partidul nu a făcut absolut nimic pentru electorii săi și, drept consecință, în cazul votului secret, nu poate miza pe fidelitatea acestora.

Această afirmație cinică l-a revoltat pe domnul Sturdza, care a declarat înflăcărat: „Mai bine îmi dau demisia, decât să patronez un sistem atât de imoral. Eu nu am lucrat toată viața ca la bătrânețe să pierd tot ce am câștigat prin muncă asiduă de-a lungul atâtor ani. Dacă Partidul Liberal nu este în stare să obțină corect victoria la alegeri, mai bine pierde guvernarea".

Spre onoarea senatorilor și a deputaților prezenți, trebuie menționat faptul că intervenția prim-ministrului a fost întâmpinată cu strigăte puternice de aprobare.

Totuși, am aflat dintr-o sursă sigură că domnul Sturdza este foarte nemulțumit de colaboratorii săi și, fiind extenuat de atacurile puternice la care este supus din toate direcțiile, și-a exprimat de mai multe ori intenția de a ceda puterea.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 35–37.

---

[1] Sesiunea Adunării Deputaților și Senatului a fost prelungită ulterior de către regele Carol I până pe data de 24 martie 1899.

[2] A se vedea intervenția lui Dimitrie A. Sturdza în Adunarea Deputaților în data de 27 februarie 1899 (*DAD*, 1898–1899, nr. 43, p. 787).

[3] Parte a modificărilor legislative privind învățământul secundar și superior, introduse la inițiativa lui Spiru Haret, ministru al Cultelor și Instrucțiunii Publice în guvernul Dimitrie A. Sturdza (martie 1897 – martie 1899). Discutată în Adunarea Deputaților în ședințele din 3–6, 8–13 și 15–16 martie 1899 (*DAD*, 1898–1899, nr. 45, p. 817–861, 863–869, nr. 46, p. 877–893, nr. 47, p. 896–912, 915, nr. 48, p. 936–948, nr. 49, p. 949–966, nr. 50, p. 967–982, nr. 51, p. 984–999, nr. 52, p. 1003–1016, 1025–1029, nr. 53, p. 1031–1044), Legea asupra învățământului profesional a fost votată în data de 16 martie 1899, promulgată de regele Carol I în data de 27 martie 1899 și publicată în „Monitorul Oficial" în data de 31 martie 1899 (*Antologia legilor învățământului din România*, coordonator Gheorghe Bunescu, București, Institutul de Științe ale Educației, 2004, p. 9–11, 94–112).

[4] Prima Lege a Minelor din România a fost adoptată în 1895, la inițiativa lui P. P. Carp. Aceasta oferea statului pârghii importante (inclusiv limitarea dreptului de proprietate asupra terenurilor pe care se aflau zăcăminte minerale) pentru stimularea activităților miniere. Prin modificările propuse în 1899, liberali vizau mai ales încurajarea capitalului românesc. Proiectul de lege a fost discutat în ședințele Adunării Deputaților din 8, 20, 22–24 martie (*DAD*, 1898–1899, nr. 47, p. 918–924, nr. 55, p. 1112–1140, nr. 56, p. 1167–1177, nr. 57, p. 1219–1221). Discutată în Senat începând cu ședința din 16 februarie 1899 (*DS*, 1898–1899, nr. 33, p. 314 și urm.). Senatul a aprobat proiectul de lege în ședința din 19 februarie 1899 (*Ibidem*).

[5] A se vedea Ion Bulei, *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea*, în *Istoria românilor*, vol. VII, tom. II, *De la Independență la Marea Unire*, coordonator Gheorghe Platon, București, Editura Enciclopedică, 2003, p. 191.

[6] „Eu nu am afirmat acest lucru. Eu nu am spus că îl am pe rege în buzunar".

[7] Vasile Epurescu (Iepurescu). Născut în 1848 la Giurgiu, avocat, a fost deputat și senator liberal. La vremea respectivă ocupa funcți de vicepreședinte al Adunării Deputaților.

7

Бухарест, штамп от 8 марта 1899 г., № 13. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

М(илостивый) г(осударь) граф Михаил Николаевич,

Донесением от 16 декабря 1897 г. за № 61[1], я имел честь [довести] до сведения В[ашего] Сият[ельств]а об образовавшемся в Бухаресте Албанском комитете и об издающейся здесь газете «Шкиперия».

Ныне вышеозначенная газета, вступившая в третий год существования, хотя уже под названием „Yll' i Shkjiperise"[2] («Албанская звезда») поместила воззвание к албанцам-мусульманам, призывая их для общей борьбы против турецкого ига[3]. Представляя при сём экземпляр означенного издания, считаю долгом обратить внимание В[ашего] С[иятельств]а и на две последующие статьи „Les Albanais et la Turquie" и „Albanais et Bulgares".

Первая из них является протестом против съезда албанских беев в Ипеке[4], созванного под покровительством Турции, стремящейся породить рознь между албанцами-христианами и мусульманами. Вторая же служит предостережением для албанцев не поддаваться советам румынских газет, призывающих албанцев сообща действовать против болгар и славян.

Кроме Албанского комитета и газеты, издаваемой на средства проживающих в Бухаресте богатых албанских купцов, в последнее время образовалось ещё студенческое албанское общество. Все эти учреждения, по словам господина Стурдзы и турецкого посланника в Бух[аресте], обладают весьма ограниченными денежными средствами и во главе их стоят лица весьма заурядные[5].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 38–39.

---

[1] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 656. Л. 179–182 об. Копия в ЦНИА. Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII. Dosar nr. 10.

[2] Yll' i Shkjiperise: Organe Des Albanais Nationalistes.

[3] В своём воззвании Центральный комитет албанских мусульман требовал и организации конгресса албанцев. Он состоялся 27 сентября 1899 г. Съезд потребовал провозглашения независимости Албании под сюзеренитетом султана, создания национальных школ, местной армии, составленной из мусульман, католиков и православных. Об албанцах в Румынии в конце XIX – начале XX в. см.: Maksutovici G. *Istoria comunității albaneze din România.* București, Kriterion, 2003; Teodorescu I. *Coloniile albaneze din România. România și statul albanez (1912–1914).* București, Editura Privirea, 2008.

[4] На албанском языке: Peje/Pejë; на сербском языке: Пећ/Peć.

[5] См. также док. № № 13 и 17.

București, ștampilă din 8 martie 1899, nr. 13. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion

S(timate) D(omnule), Conte, Mih(ail) Nikolaevici,

Prin raportul meu din 16 decembrie 1897, nr. 61[1], am avut onoarea [de a aduce] la cunoștința Lum[inăției] V[oastre] știrea despre Comitetul albanez creat la București și despre ziarul „Shqipëria" care se editează aici.

În prezent, ziarul amintit, care a intrat în cel de-al treilea an al existenței sale, cu numele de „Yll' i Shkjiperise”[2] („Steaua albaneză”), a publicat un apel către albanezii musulmani, chemându-i la lupta comună împotriva jugului turcesc[3]. Punându-vă la dispoziție, odată cu acest raport, un exemplar din publicația amintită, consider că este de datoria mea de a atrage atenția L[uminăției] V[oastre] asupra a două articole relevante: *Les Albanais et la Turquie* și *Albanais et Bulgares*.

Primul dintre aceste articole reprezintă un protest împotriva congresului beilor albanezi de la Ipek[4], convocat sub tutela Turciei, care încearcă să creeze disensiuni între albanezii creștini și musulmani. Al doilea articol se dorește a fi o atenționare la adresa albanezilor de a nu urma sfaturile ziarelor românești, care îi cheamă pe albanezi să acționeze împreună împotriva bulgarilor și slavilor.

Alături de Comitetul albanez și ziarul care este publicat din contribuțiile negustorilor albanezi bogați din București, recent a apărut și o asociație studențească albaneză. Toate aceste instituții posedă, potrivit domnului Sturdza și trimisului turc din Buc[urești], puține mijloace bănești, iar în fruntea lor se află persoane neimportante[5].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 38–39.

---

[1] APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 656, filele 179–182 vers., Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 10.

[2] Yll' i Shkjiperise: Organe Des Albanais Nationalistes.

[3] În apel, Comitetul Central al Albanezilor Musulmani cerea și organizarea unui congres al albanezilor. La acesta, desfășurat în ziua de 27 septembrie 1899, s-a solicitat independența Albaniei sub suzeranitatea sultanului, înființarea de scoli naționale albaneze, o armată locală, compusă din musulmani, catolici și ortodocși. Pentru albanezii din România la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX: Gelcu Sefedin Maksutovici, *Istoria comunității albaneze din România*, București, Kriterion, 2003; Ion Teodorescu, *Coloniile albaneze din România. România și statul albanez (1912–1914)*, București, Editura Privirea, 2008.

[4] În limba albaneză: Peje/Pejë; în limba sârbă: Пећ/Peć.

[5] A se vedea și documentele nr. 13 și nr. 17.

8

Бухарест, 29 марта 1899 г., № 15. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

М(илостивый) г(осударь) граф Михаил Николаевич,

Недавно появившаяся в Пеште брошюра неизвестного автора[1] под заглавием «Политика барона Банфи по отношению к национальностям»[2] произвела сильное впечатление в Румынии.

Автор брошюры, очевидно, один из ярых приверженцев бывшего венгерского министра-президента[3], ставит ему в заслугу удачное подавление национальных стремлений народов, входящих в состав Венгрии[4].

Касаясь семиградских румын[5], составитель брошюры доказывает, что барону Банфи удалось подавить возникшее среди них сильное национальное движение, благодаря содействию нынешнего румынского министра президента господина Стурдзы[6].

Румынский первый министр вошёл будто бы в соглашение с бароном Банфи и, вследствие сего, консервативное Министерство Ласкэра Катарджиу, располагавшее тогда громадным большинством, без всякой видимой причины заменено было королём кабинетом Стурдзы, обещавшего подавить национальное движение румын королевства в пользу семиградских собратьев и подготовить почву для визита императора Франца Иосифа королю румынскому[7].

Затем господин Стурдза лишает по настоянию барона Банфи румынские школы в Трансильвании доходов, которые они получали из Румынии по составленным в пользу них завещаниям[8].

Вообще автор брошюры, воздавая хвалу барону Банфи, не щадит господина Стурдзы, которого выставляет как его пособника и вместе с тем изменником румынскому делу в Трансильвании. Нельзя не отметить при этом, что образ действия самого короля Карла, идущего в национальном вопросе сообща с господином Стурдзой, представляется в очень непривлекательном виде.

Вся брошюра эта, написанная лицом, хорошо знавшим всю подноготную отношений Румынии и Австро-Венгрии, возбудила интересные прения в венгерском парламенте, из которых выяснилось, что хотя она и не сочинена самим бароном Банфи, но во всяком случае лицом, воспользовавшимся секретными государственными документами.

Венгерский министр-президент[9] заявил даже, что он не допустит повторения подобных разоблачений чиновниками, которые привлечены будут к законной ответственности.

Как сама брошюра, так и прения в венгерском парламенте, являются тяжким ударом для кабинета господина Стурдзы. Оппозиция не преминула немедленно же воспользоваться этим новым орудием для борьбы с ненавистным своим противником[10].

Консерваторы и либералы, отложившиеся от господина Стурдзы, созвали сообща 14-го марта многолюдное собрание, на котором лучшие ораторы господа Флева, Таке Ионеску[11] в продолжение нескольких часов клеймили господина Стурдзу и заявляли, что изменник не может долее оставаться во главе правительства[12]. По окончании собрания толпа направилась к дому господина Флевы, желая устроить ему овацию. Но правительство выставило на всех улицах войска, и после долгих пререканий (пострадали лишь несколько человек полицейских) толпе обходными путями удалось добраться до дома господина Флевы и выполнить своё намерение.

В четверг состоялась многолюдная сходка студентов, двинувшихся затем процессией по городу, имея во главе знамя, вышитое девушками Трансильвании и окутанное чёрным флёром.

Правительство вновь приняло меры предосторожности. Все улицы, ведущие к дворцу, были заняты солдатами, и движение в городе остановлено.

В среду господин Маргиломан[13] от имени объединённой оппозиции предъявил палате, а на следующий день бывшему председателю сената Кантакузино[14] и сенату торжественную декларацию, во французском переводе при сём прилагаемую[15], в которой оппозиция, признавая дальнейшее пребывание у власти господина Стурдзы несовместимым с достоинством Рум[ынского] Королевства, обещает вести неумолимую борьбу против первого министра и прибегнуть даже к обструкционизму[16].

Декларация была дополнена горячими речами бывших министров Флевы, Маргиломана и Таке Ионеску.

В палате правительство было захвачено врасплох, и господин Стурдза представил крайне слабую защиту против жестоких обвинений, на него возводимых.

Тем не менее, по окончании прений правительственное большинство высказало ему доверие 90 голосами против 18.

В сенат господин Стурдза явился более подготовленным и удачно защищался от возведённых на него сенатором господином Кантакузино обвинений[17], которые сводились к тому, 1) что господин Стурдза в 1894 в публичной речи заявил о том, что консервативное Министерство посылает деньги румынам Трансильвании и выдал номера денежных посылок, 2) что в том же году он произносит горячую речь в сенате, в которой излагает страдания трансильванцев; 3) но на следующий год в Яссах он публично извиняется перед австро-венг[ерским] правительством; 4) он произвёл раскол между руководителями движения в самой Трансильвании; 5) что он наградил господина Йесенского[18], главного врага трансильванских румын и чинов[ника] МВД Венгрии орденом Рум[ынского] Корол[евств]а; 6) что он прекратил выдачу субсидий рум[ынским] школам в Брашове (Кронштадте); 7) что он заслуживал постоянного одобрения венг[ерского] правительства во всех затруднительных случаях, и наконец 8) что измена его подтверждена как появившеюся в Пеште брошюрой, так и прениями, происходившими по поводу этой брошюры в венгерском парламенте.

По окончании весьма бурного заседания на поставленный вопрос доверия сенат отвечал утвердительно большинством 67 против 15.

Тем не менее, оппозиция ведёт деятельную агитацию и намеревается по всей стране созывать собрания, направленные исключительно против господина Стурдзы.

Всё это движение и решительная агитация, поднятая оппозицией в связи с разоблачениями венгерской брошюры, сильно повлияли на короля Карла.

Лица, видевшие Его Величество в последнее время, не могли не заметить, что король, несмотря на удивительное самообладание, находится в нервном состоянии[19].

Главные члены оппозиции Ласкэр Катарджиу[20], Карп[21], Аурелиан[22] и Флева были поочерёдно приняты Его Величеством, и, хотя происходившее на этих аудиенциях сохраняется в тайне, однако многие видят в сём признак скорого падения кабинета господина Стурдзы[23].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 44–49.

---

[1] Бенедек Янчо (1854–1930). Венгерский историк и публицист. В рассматриваемое время в Румынии автором брошюры считался Шандор Есенски. См. далее этот же документ.

[2] Правильно: *Политика Дежё Банфи в отношении национальностей* (*Bánffy Dezső nemzetiségi politikája.* Budapest, 1899).

[3] Б. Янчо с 1895 г. работал в управлении по делам национальностей венгерского правительства во главе с Дежё Банфи.

[4] О политике кабинета Банфи в отношении национальных меньшинств, проживающих в венгерском государстве, и особенно в отношении румын Трансильвании см.: Volkmer G. *Die Siebenbürgische Frage 1878–1900. Der Einfluss der rumänischen Nationalbewegung auf die diplomatischen Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Rumänien*. Köln, Böhlau Verlag, 2004. S. 229 etc.; von Puttkamer J. *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914.* München, R. Oldenburg Verlag, 2003. S. 100 etc.

[5] См. также: Benedek J. *A Daco Romanizmus és a magyar kulturpolitika.* Budapest, 1895; *A román nemzetiségi törekvések története és jelenlegi állapota.* Vol. 1–2. Budapest, Lampel Róbert, 1896, 1899. О подобных публикациях периода после Первой мировой войны см.: *Hungary and Roumania.* London, Low, W. Dawson & Sons, 1921.

[6] Речь идёт об обвинениях против Д. Стурдзы со стороны значительной части румынской прессы и политиков, включая либералов.

[7] Стурдза, в частности, обвинялся в использовании положения румын Трансильвании только с целью отстранения консерваторов от власти: См. также: *ДДРПР*, *1888–1898.* Док. № 43, 56, 58, 83, 85.

[8] Там же, особенно док. № 85.

[9] На смену Дежё Банфи (Dezső Bánffy) в качестве главы венгерского правительства пришёл Кальман Селль 26 февраля 1899 г.

[10] См. также дебаты в палате депутатов от 17–18 и 22–23 марта 1899 (*DAD.* 1898–1899. № 53. P. 1053–1074; № 54. P. 1075; № 56. P. 1179–1185; № 57. P. 1200–1203).

[11] Таке Ионеску (1858–1922). Румынский политик, адвокат и журналист. Вначале (с 1883 г.) был членом национал-либеральной партии. С 1891 г. член консервативной партии. Многократно занимал министерские посты.

[12] О дальнейшем развитии событий см. также: Bulei. *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea.* P. 191.

[13] Александру Маргиломан (1854–1925). Румынский политик. С 1884 г. много раз был депутатом парламента и министром. В июле 1900 – феврале 1901 г. министр иностранных дел в правительстве П. П. Карпа.

[14] Георге Григоре Кантакузино (1832–1913). Был мэром Бухареста (1869–1870), сенатором и депутатом, занимал различные министерские посты. Сменил Димитрие А. Стурдзу в должности премьер-министра (апрель 1899–июль 1900). Возглавлял правительство Румынии в 1904–1907 гг.

[15] Не публикуется.

[16] Nicolescu. *Parlamentul romîn, 1866–1901.* P. 578–579.

[17] В сенате вопрос обсуждался на заседании от 18 марта 1899 г. *DS*, 1898–1899. № 50. P. 659–666.

[18] Венгерский юрист, политический деятель и писатель. Об этом: *ДДРПР*, *1888–1898*. Док. № 75.

[19] Как видно из его личной корреспонденции, в начале марта 1899 г. король Карл был встревожен всё более неустойчивым положением Стурдзы. В письме, адресованном своему брату Леопольду, Карл упомянул, что Стурдза «хорошо ведёт внешнюю политику», хотя и «проявил мало понимания во внутренних вопросах» (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905 /* Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010. P. 413).

[20] Ласкэр Катарджиу (Катаржи) (1823–1899). Молдавский и румынский политик. В 1859 г. один из кандидатов на румынский престол. С 1866 г. многократно возглавлял консервативные правительства и получал министерские портфели.

[21] Петре П. Карп (1837–1919). Румынский политик и дипломат. Между июлем 1900 и февралём 1901 г. глава кабинета министров. Дважды (в 1870 и в 1888–1889 гг.) выполнял функции министра иностранных дел.

[22] Петре С. Аурелиан (1833–1909). Румынский учёный и политик. Занимал различные министерские посты в национал-либеральных кабинетах, между ноябрём 1896 и мартом 1897 г. возглавлял правительство.

[23] 30 марта 1899 г.

București, ștampilă din 29 martie 1899, nr. 15. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion

S(timate) D(omnule), Conte, Mih(ail) Nikolaevici,

Broșura „Politica contelui Bánffy față de naționalități”[1], semnată de un autor necunoscut[2], care a apărut recent la Pesta, a produs o impresie puternică în România.

Autorul broșurii, fără îndoială unul dintre susținătorii aprigi ai fostului prim-ministru maghiar[3], îi atribuie acestuia înăbușirea cu succes a aspirațiilor naționale ale popoarelor care intră în componența Ungariei[4].

Referindu-se la românii transilvăneni[5], autorul scrierii demonstrează că, printre altele, contele Bánffy a reușit să suprime mișcarea națională apărută în mediul acestora grație concursului actualului prim-ministru român, domnul Sturdza[6].

Se afirmă că prim-ministrul ar fi încheiat o înțelegere cu contele Bánffy și, drept consecință, guvernul conservator al lui Lascăr Catargiu, care dispunea la vremea respectivă de o majoritate covârșitoare, a fost înlocuit, de către rege, fără nici un motiv, cu cabinetul Sturdza, care a promis să suprime mișcarea românilor din regat în susținerea conaționalilor ardeleni și să pregătească terenul pentru vizita împăratului Franz Josef la regele României[7].

După aceea, domnul Sturdza, la insistența contelui Bánffy, le retrage școlilor din Transilvania veniturile pe care acestea le primeau din România conform unor testamente[8].

În general, autorul broșurii, ridicându-l în slăvi pe contele Bánffy, nu îl iartă pe domnul Sturdza, pe care îl prezintă ca pe un complice al acestuia și, drept consecință, ca pe un trădător al cauzei românești în Transilvania. Nu poate fi trecut cu vederea faptul că și modul de acțiune al regelui Carol, care, în chestiunea națională, îl urmează pe domnul Sturdza, este prezentat într-o lumină foarte nefavorabilă.

Întreaga broșură, scrisă de o persoană care cunoaște bine toate dedesubturile relațiilor dintre România și Austro-Ungaria, a generat dezbateri interesante în Dieta maghiară, din care a rezultat faptul că, chiar dacă nu a fost redactată de însuși contele Bánffy, autorul acesteia a avut acces la documente de stat secrete.

Prim-ministrul maghiar[9] a declarat chiar că el nu va permite repetarea unor astfel de demascări de către funcționari, care vor fi obligați să răspundă în fața legii pentru fapte asemănătoare.

Atât broșura, cât și dezbaterile din Dieta maghiară reprezintă o lovitură puternică pentru cabinetul domnului Sturdza. Opoziția nu a ratat ocazia de a se folosi imediat de această nouă armă în lupta împotriva detestatului său adversar[10].

Conservatorii și liberalii care s-au despărțit de domnul Sturdza au convocat, pe data de 14 martie, o adunare cu participare numeroasă, la care, timp de câteva ore, cei mai buni oratori, domnii Fleva, Take Ionescu[11], l-au atacat în termeni duri pe domnul Sturdza, declarând că trădătorul nu poate rămâne în continuare la conducerea guvernului[12]. La încheierea adunării, mulțimea s-a îndreptat către casa domnului Fleva, dorind să-l ovaționeze. Însă guvernul a dislocat armata pe toate străzile și, după mai multe încăierări (au avut de suferit doar câțiva polițiști), grupurile de protestatari au reușit să ajungă la casa domnului Fleva și să îndeplinească ceea ce și-au propus.

Joi, a avut loc o întrunire numeroasă a studenților, care s-au deplasat după aceea prin oraș, având în față un drapel confecționat de către tinere din Transilvania și înfășurat într-o pânză neagră.

Și de data aceasta, guvernul a luat măsuri de precauție. Toate străzile care duc către palat au fost ocupate de soldați, iar traficul din oraș a fost oprit.

Miercuri, domnul Marghiloman[13], în numele opoziției unite, a depus la Camera Deputaților, iar în ziua următoare i-a transmis și fostului președinte al Senatului, Cantacuzino[14], o declarație solemnă, pe care, în traducere franceză, o găsiți anexată la acest raport[15], unde opoziția, declarând că rămânerea în continuare la putere a domnului Sturdza este incompatibilă cu onoarea Regatului Rom[ân], promite să ducă o luptă fără compromisuri împotriva prim-ministrului, inclusiv prin recurgerea la tactica obstrucționărilor[16].

Declarația a fost completată de discursuri înflăcărate ale foștilor miniștri Fleva, Marghiloman și Take Ionescu.

În Camera Deputaților, guvernul a fost luat prin surprindere, iar domnul Sturdza s-a apărat foarte slab împotriva acuzațiilor dure ce i-au fost adresate.

Totuși, la încheierea dezbaterilor, majoritatea parlamentară a exprimat un vot de încredere guvernului, cu 90 de voturi pentru și 18 împotrivă.

La Senat, domnul Sturdza s-a prezentat mult mai pregătit și s-a apărat cu succes împotriva acuzațiilor ce i-au fost aduse de către senatorul Cantacuzino[17] și care s-au rezumat la următoarele: 1) într-un discurs public susținut în 1894, domnul Sturdza a declarat că guvernul conservator trimite sume de bani românilor din Transilvania, prezentând, drept dovadă, datele de identificare ale transferurilor bănești; 2) în același an, el a susținut o cuvântare înflăcărată în Senat, în care a prezentat suferințele transilvănenilor; 3) însă în anul următor el și-a cerut public scuze la Iași de la guvernul austro-ung[ar]; 4) el s-a aflat la originea rupturii dintre conducătorii mișcării din Transilvania; 5) el l-a decorat pe domnul Jeszenszky[18], dușmanul principal al românilor transilvăneni și funcț[ionar] în Ministerul de Interne al Ungariei, cu un ordin al Reg[atului1 Rom[ân]; 6) el a întrerupt acordarea de subsidii școlilor [rom]ânești din Brașov (Kronstadt); 7) el s-a bucurat de sprijinul permanent al guvernului magh[iar] în toate situațiile dificile și, în sfârșit; 8) trădarea lui este confirmată atât de broșura care a apărut la Pesta, cât și de dezbaterile din Dieta maghiară ce au urmat apariției acesteia.

La încheierea ședinței tumultuoase, Senatul a exprimat încredere guvernului cu 67 de voturi pentru și 15 împotrivă.

Totuși, opoziția își continuă propaganda activă și intenționează să convoace în toată țara adunări îndreptate exclusiv împotriva domnului Sturdza.

Toată această mișcare și agitația hotărâtă dusă se către opoziție după demascările din broșura maghiară au avut o influență puternică asupra regelui Carol.

Persoanele care s-au întâlnit cu Majestatea Sa în ultimul timp nu au putut să nu observe că, în ciuda stăpânirii deosebite de sine, regele se află într-o stare foarte agitată[19].

Reprezentanții principali ai opoziției, Lascăr Catargiu[20], Carp[21], Aurelian[22] și Fleva au fost primiți pe rând în audiență de către Majestatea Sa și, chiar dacă lucrurile întâmplate sunt ținute în secret, mulți văd în respectivele întâlniri un indiciu pentru căderea iminentă a cabinetului domnului Sturdza[23].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 44–49.

---

[1] Corect: *Politica lui Dezső Bánffy față de naționalități* (*Bánffy Dezső nemzetiségi politikája*, Budapest, 1899).

[2] Benedek Jancsó (1854–1930). Istoric și publicist maghiar. La vremea respectivă, în România, autor al broșurii a fost considerat Sándor Jeszenszky. A vedea acest document în continuare.

[3] B. Jancsó a activat începând cu anul 1895 în Direcția pentru naționalități a guvernului condus de Dezső Bánffy.

[4] Pentru politica guvernului Bánffy față de minorități, în special față de românii din Transilvania: Gerald Volkmer, *Die Siebenbürgische Frage 1878–1900. Der Einfluss der rumänischen Nationalbewegung auf die diplomatischen Beziehungen zwischen Österreich-Ungarn und Rumänien*. Köln, Böhlau Verlag, 2004, p. 229 și urm.; Joachim von Puttkamer, *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*, München, R. Oldenburg Verlag, 2003, p. 100 și urm.

[5] A se vedea și Jancsó Benedek, *A Daco Romanizmus és a magyar kulturpolitika*, Budapest, 1895; *A román nemzetiségi törekvések története és jelenlegi állapota*, vol. 1, vol. 2, Budapest, Lampel Róbert, 1896, 1899. Pentru publicații similare după Primul Război Mondial: *Hungary and Roumania*, London, Low, W. Dawson & Sons, 1921.

[6] Acuze aduse lui Dimitrie A. Sturdza de către o mare parte a presei și a oamenilor politici români, inclusiv liberali.

[7] Lui Sturdza i se imputa în special faptul că s-a folosit doar de situația românilor din Transilvania doar pentru a-i îndepărta pe conservatori de la putere. A se vedea și *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 43, 56, 58, 83, 85.

[8] *Ibidem*, în special doc. nr. 85.

[9] Dezső Bánffy a fost înlocuit la conducerea Guvernului maghiar de către Kálmán Széll în data de 26 februarie 1899.

[10] A se vedea și dezbaterile din Adunarea Deputaților din 17–18 martie și 22–23 martie 1899 (*DAD*, 1898–1899, nr. 53, 1053–1074, nr. 54, p. 1075, nr. 56, p. 1179–1185, nr. 57, p. 1200–1203).

[11] Take Ionescu (1858–1922). Om politic, avocat și ziarist român. A fost inițial (din 1883) membru al Partidului Național Liberal. În 1891, a devenit membru al Partidului Conservator. A fost de mai multe ori ministru.

[12] Pentru desfășurarea evenimentelor, a se vedea, și Bulei, *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea*, p. 191.

[13] Alexandru Marghiloman (1854–1925). Om politic român. Din 1884 a fost de mai multe ori deputat și ministru. În iulie 1900 – februarie 1901, a fost ministru al Afacerilor Străine în Guvernul P. P. Carp.

[14] Gheorghe Grigore Cantacuzino (1832–1913). A fost primar al Bucureștiului (1869–1870), senator și deputat și a deținut diverse portofolii ministeriale. I-a urmat lui Dimitrie A. Sturdza în funcția de președinte al Consiliului de Miniștri (aprilie 1899 – iulie 1900). A condus guvernul României și în anii 1904–1907.

[15] Nu se publică.

[16] Nicolescu, *Parlamentul romîn, 1866–1901*, p. 578–579.

[17] În Senat cazul a fost dezbătut în ședința din 18 martie 1899 (*DS*, 1898–1899, nr. 50, p. 659–666).

[18] Sándor Jeszenszky (1852–1917). Jurist, om politic şi scriitor maghiar. A se vedea și doc. nr. 75 din *RDRR, 1888–1898*.

[19] Potrivit corespondenței personale, la începutul lunii martie 1899, regele Carol era îngrijorat de poziția tot mai instabilă a lui Dimitrie A. Sturdza. Într-o scrisoare adresată fratelui său Leopold, Carol menționa că Sturdza „conduce bine politica externă”, dar a „arătat puțină înțelegere pentru chestiunile interne” (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 413).

[20] Lascăr Catargiu (Catargi) (1823–1899). Om politic moldovean și român. În 1859 s-a numărat printre candidații la Tronul Moldovei. Din 1866 a condus mai multe guverne conservatoare și a deținut diverse portofolii ministeriale.

[21] Petre P. Carp (1837–1919). Om politic și diplomat. Între iulie 1900 și februarie 1901 a fost președinte al Consiliului de Miniștri. În două rânduri (1870; 1888–1889) a deținut funcția de Ministru al Afacerilor Străine.

[22] Petre S. Aurelian (1833–1909). Savant și om politic român. A deținut diverse portofolii ministeriale în guverne național-liberale, iar între noiembrie 1896 și martie 1897 a fost Președinte al Consiliului de Miniștri.

[23] 30 martie 1899.

9

Бухарест, 8 апреля 1899 г., № 17. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) граф Михаил Николаевич,

Как я имел честь доносить Вашему Сиятельству телеграммой от 30 марта, отставка кабинета Стурдзы была принята королём после происшедших в Бухаресте 28 марта беспорядков[1].

Соединённая оппозиция: 1) консерваторы, 2) жунимисты, 3) группа господина Аурелиана[2] и 4) приверженцы господина Флевы, провозгласив господина Стурдзу изменником, объявила лично ему беспощадную войну, о чём, как я имел честь доносить, торжественно заявлено было в обеих палатах. В воскресенье 28 марта последователи господина Стурдзы созвали большую сходку[3], чтобы протестовать против обвинений в измене, возводимых на главу либеральной партии.

В тот же день и оппозиция в другой части города собрала огромную сходку, на которую прибыли многочисленные депутации из провинции. Число присутствовавших определяется в 10 тыс. человек.

Сходка либералов окончилась раньше и участники её, опасаясь встречи с приверженцами оппозиции, быстро разошлись окольными путями.

По окончании сходки оппозиции все присутствовавшие двинулись громадной процессией к консервативному клубу, желая произвести сочувственную демонстрацию, что не возбраняется законами королевства.

Опасаясь, чтобы главная улица «проспект Победы» не была занята войсками, как это было в день предыдущей сходки, толпа двинулась окружным путём[4]. Но здесь правительство устроило западню. Когда толпа вышла на большую площадь перед городской думой, все улицы, выходящие на неё, были заняты многочисленными войсками. Толпа остановилась и вступила в переговоры, требуя прохода. В это время кавалерия трижды атаковала хвост процессии, а на самой площади пожарные стали поливать народ из труб, скрытых в саду думы. Испуганная толпа ринулась вперёд, пустив в ход палки, камни и всё, что попадало под руку. Солдаты действовали штыками[5].

К счастью, раненых оказалось не так много, как предполагали сначала, и число их не превышает 50.

Солдаты были смяты, и толпа двинулась вперёд, но здесь её встретил новый батальон, скрытый до того за церковной оградой.

К вечеру спокойствие было восстановлено.

Правительство заранее приняло все меры предосторожности. Не только весь гарнизон столицы простоял целый день под ружьём, но из провинции заблаговременно вызваны были полицейские команды и так называемые здесь «батауши», вооружённые палками приверженцы правительства из низших классов, получающие особое вознаграждение. Нельзя не признать, однако, что, хотя манифестация и была подавлена правительством, тем не менее, оппозиции удалось достигнуть своей цели – произвести впечатление на короля[6].

Вечером все оппозиционные клубы выкинули чёрные флаги, и за нездоровьем главы консерваторов господина Ласкэра Катарджиу Григорий Кантакузино просил аудиенции у короля и был немедленно же принят.

Представитель консерваторов горько жаловался Его Величеству на насилия, чинимые правительством господина Стурдзы, и представил подробное описание только что происшедшего побоища.

Король был крайне удивлён и заявил Кантакузину, что министр внутренних делФерекиде представил ему неточный доклад о происшедшем и умолчал как об атаке кавалерии, так и о том, что солдаты пустили в ход штыки.

Весть о строгом приговоре короля немедленно разнеслась по городу, и Министерство на другой же день утром подало в отставку, которая и была принята.

Его Величество немедленно же приказал начальнику военной канцелярии[7] написать письмо господину Ласкэру Катарджиу с приглашением явиться во дворец для переговоров о составлении нового кабинета.

Но письму этому не суждено было дойти до назначения, так как Катарджиу, слишком горячо принимавший к сердцу борьбу, предпринятую против господина Стурдзы, и заболевший даже от излишнего волнения, скоропостижно скончался по получении известия о падении ненавистного ему Министерства господина Стурдзы[8].

Неожиданная кончина престарелого и всеми почитаемого вождя консерваторов в такую важную минуту произвела полное смятение в среде его партии.

При жизни господина Катарджиу отделившаяся от консерваторов группа жунимистов с господином Карпом во главе, хотя и образовала как бы отдельный

оттенок консерв[атор]ов, но, тем не менее, в виду неоспоримого авторитета светлой личности покойного продолжала считать его главою.

По кончине же его господин Карп заявил о правах своих на звание главы партии, но консерваторы предупредили его и провозгласили главой Григория Кантакузино.

Жунимисты не признали этого избрания, и когда король совещался с господином Кантакузино касательно положения дел, то господин Карп ввиду возможности консервативного кабинета потребовал для жунимистов 4 мин[истерских] портфеля и председательство. Консерваторы признали требования эти чрезмерными и прервали переговоры с жунимистами.

Усилия короля, приглашавшего господ Кантакузино и Карпа и порознь, и вместе, примирить их оказались безуспешными[9].

Кабинет же из одних только консерваторов или одних только жунимистов явился бы слишком слабым.

В виду сего Его Величество вновь обратился к либералам, пытаясь составить кабинет без участия господина Стурдзы, но переговоры длятся до сего времени, т.е. одиннадцать дней без всякого успеха и пока не предвидится окончания министерского кризиса.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 53–56.

---

[1] О развитии событий в конце марта – начале апреля 1899 г. см.: Bacalbașa C. *Bucureștii de altădată, 1885–1901.* Vol. II. București, Editura ziarului „Universul”, 1928. P. 256–257; Bulei I. *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea // Istoria românilor.* Vol. VII. T. II. *De la Independență la Marea Unire* / Ed. Gh. Platon. București, Editura Enciclopedică, 2003. P. 191–192.

[2] Группа так называемых «драпелистов» во главе с Петре С. Аурелианом входила в состав национал-либеральной партии.

[3] В зале Дачия.

[4] Через улицы Колцей и Еней.

[5] Nicolescu. *Parlamentul romîn, 1866–1901.* P. 580.

[6] Об интерпретации тех событий королём Карлом даёт представление его письмо матери от 17/29 апреля 1899 г. Карл полагал, что правительство во главе с Димитрие А. Стурдзой пало «из-за своих ошибок и злоупотреблений». Среди прочего король упомянул о «двойной игре» Стурдзы в отношении румын Трансильвании (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905.* P. 414–416).

[7] Генерал Матей Влэдеску.

[8] Причиной смерти Ласкэра Катарджиу стал стеноз аорты (Bacalbașa. *Op. cit.* P. 258).

[9] *Ibid*. P. 259.

București, 8 aprilie 1899, nr. 17. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion de mână cu corecturi

S(timate) D(omnule), Conte, Mih(ail) Nikolaevici,

Așa cum am avut ocazia de a comunica Luminăției Voastre prin telegrama din 30 martie, demisia guvernului Sturdza a fost acceptată de către rege, ca urmare a tulburărilor de stradă ce au avut loc la București pe data de 28 martie[1].

Opoziția unită, 1) conservatorii; 2) junimiștii; 3) grupul domnului Aurelian[2] și 4) adepții domnului Fleva, l-a etichetat drept trădător pe domnul Strurdza și i-a declarat un război nemilos, lucru despre care, așa cum am avut onoarea de a raporta deja, a și declarat solemn în ambele

camere. Duminică, 28 martie, susţinătorii domnului Sturdza au convocat o mare adunare[3], pentru a protesta împotriva acuzaţiilor de trădare adresate conducătorului Partidului Liberal.

În aceeaşi zi, în altă parte a oraşului, opoziţia a organizat, la rândul său, o adunare impresionantă, la care au participat delegaţii numeroase din provincie. Numărul participanţilor este estimat la zece mii.

Adunarea liberalilor s-a încheiat mai devreme şi participanţii ei, de frică de a se întâlni cu adepţii opoziţiei, s-au împrăştiat pe străzi lăturalnice.

După încheierea adunării opoziţiei, toţi participanţii s-au deplasat, într-o procesiune impunătoare, către clubul conservator, dorind să organizeze o demonstraţie de susţinere, lucru care nu este interzis de legile din regat.

Considerând că strada principală, calea Victoriei, ar putea fi ocupată de către armată, aşa cum s-a întâmplat în ziua fostei adunări, mulţimea s-a pus în mişcare pe căi ocolitoare[4]. Dar aici guvernul a organizat o cursă. În momentul în care mulţimea a ieşit în piaţa mare din faţa primăriei, toate străzile care duc către aceasta au fost ocupate de către detaşamente militare numeroase. Mulţimea s-a oprit şi a iniţiat tratative, solicitând să fie permisă continuarea procesiunii. În acest timp, cavaleria a atacat de trei ori capătul coloanei, iar în piaţă pompierii au început să ude poporul din ţevi ascunse în grădina primăriei. Mulţimea speriată s-a pus instantaneu în mişcare, apelând la bâte, pietre şi orice alte obiecte întâlnite în cale. Soldaţii au folosit baionetele[5].

Din fericire, numărul răniţilor nu a fost foarte mare, aşa cum s-a crezut iniţial, fiind sub 50 de persoane.

Soldaţii au fost spulberaţi şi mulţimea şi-a continuat drumul, lovindu-se însă de un nou batalion, care se adăpostise în spatele gardului bisericii.

Către seară liniştea a fost restabilită.

Guvernul a luat din timp toate măsurile de precauţie. Sub arme a fost ţinută nu doar întreaga garnizoană din capitală, ci au fost aduse din timp din provincie echipe de poliţişti şi aşa zişii bătăuşi, adică adepţi ai guvernului din clase sociale de jos, înarmaţi cu bâte, care au primit recompense generoase. Trebuie recunoscut faptul că, chiar dacă manifestaţia a fost înăbuşită de către guvern, opoziţia a reuşit să-şi atingă scopul, anume de a-l impresiona pe rege[6].

Spre seară, toate cluburile opoziţiei au afişat drapele în bernă şi, din cauza suferinţei conducătorului conservatorilor, domnul Lascăr Catargiu, Grigore Cantacuzino a solicitat o audienţă la rege şi a fost primit imediat.

Reprezentantul conservatorilor s-a plâns cu supărare de violenţele la care recurge guvernul domnului Sturdza şi a prezentat o descriere detaliată a măcelului tocmai încheiat.

Regele a fost foarte surprins şi i-a declarat lui Cantacuzino că ministrul de interne Pherekyde i-a prezentat un raport incorect despre cele întâmplate, că nu a spus nimic despre atacul cavaleriei şi despre faptul că soldaţii au folosit baionetele.

Ştirea despre verdictul dur al regelui s-a răspândit rapid prin oraş, iar în dimineaţa următoare guvernul şi-a dat demisia, care a şi fost acceptată.

Majestatea Sa i-a cerut imediat şefului Casei militare[7] să trimită o scrisoare domnului Lascăr Catargiu, cu invitaţia de a se prezenta la Palat pentru tratative privind formarea unui nou guvern.

Această scrisoare nu a mai apucat însă să ajungă la destinaţie, deoarece Catargiu, luând prea mult la inimă lupta dusă împotriva domnului Sturdza şi îmbolnăvindu-se în urma stresului exagerat, a decedat subit la primirea veştii despre căderea detestatului guvern al domnului Sturdza[8].

Moartea neaşteptată a bătrânului şi foarte respectatului conducător al conservatorilor, într-un moment atât de important, a produs o derută totală printre membrii partidului său.

Grupul junimiștilor în frunte cu domnul Carp, care s-au desprins de conservatori în timpul vieții domnului Catargiu, chiar dacă au format un gen de partidă separată a conserv[atorilor], având în vedere autoritatea necontestată a celui decedat, au continuat să-l considere drept conducător.

De aceea, la moartea lui Lascăr Catargiu, domnul Carp și-a anunțat drepturile de a prelua partidul, intenția sa fiind însă dejucată de către conservatori, care l-au declarat conducător pe Grigore Cantacuzino.

Junimiștii nu au recunoscut alegerea acestuia, iar în timpul în care regele discuta cu domnul Cantacuzino despre situația din țară, domnul Carp, anticipând constituirea unui cabinet conservator, a solicitat pentru junimiști patru portofolii min[isteriale] și președinția Consiliului de Miniștri. Conservatorii au catalogat drept exagerate aceste cereri și au întrerupt negocierile cu junimiștii.

Strădaniile regelui, care i-a invitat la discuții pe domnii Cantacuzino și Carp, atât separat cât și împreună, în tentativa de a-i împăca, au eșuat[9].

Un guvern format doar din conservatori sau junimiști ar fi fost însă foarte slab.

Din această cauză, Majestatea Sa a decis să se adreseze din nou liberalilor, încercând să formeze un guvern fără domnul Sturdza. Negocierile continuă însă până în prezent, adică de 11 zile, fără nici un succes și fără o perspectivă clară de depășire a crizei guvernamentale.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 44–49.

---

[1] Pentru derularea evenimentelor la sfârșitul lunii martie – începutul lunii aprilie 1899, a se vedea: Constantin Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1885–1901*, vol. II, București, Editura ziarului „Universul", 1928, p. 256–257; Ion Bulei, *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea*, în *Istoria românilor*, vol. VII, tom. II, *De la Independență la Marea Unire*, coordonator Gheorghe Platon, București, Editura Enciclopedică, 2003, p. 191–192.

[2] Gruparea „drapelista" a lui Petre S. Aurelian era din cadrul Partidului National-Liberal.

[3] În sala Dacia.

[4] Prin străzile Colței și Enei.

[5] Nicolescu, *Parlamentul romîn, 1866–1901*, p. 580.

[6] Pentru o interpetare a evenimentelor de către regele Carol, a se vedea scrisoarea din 17/29 aprilie 1899 către mama sa. Carol considera că guvernul condus de Dimitrie A. Sturdza a căzut din cauza „unor greșeli și abuzuri". Printre altele, regele menționa și „jocul dublu" al lui Sturdza față de românii din Transilvania (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, p. 414–416).

[7] Generalul Matei Vlădescu.

[8] Cauza morții lui Lascăr Catargiu a fost stenoza aortică (Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1885–1901*, p. 258).

[9] Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1885–1901*, p. 259.

10

Бухарест, 12 апреля 1899 г., № 18. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Михаил Ник[олаевич],

Король, убедившись после неоднокр[атных] попыток, в невозможности добиться от либер[альной] партии составления кабинета без господина Стурдзы, решился

обратиться к консерваторам. Но и здесь все старания его уговорить господина Карпа войти в соглашение со старыми консерваторами, оказались бесплодными. Составление кабинета поручено было Его В[еличеством] господину Кантакузино без участия жунимистов[1].

В новый кабинет вошли:

1) Григоре Кантакузино – Предс[едатель] Сов[ета] министров и министр вн[утренних] дел. В 1873 г. был мин[истром] фин[ансов] в кабинете Ласк[эра] Катарджиу[2], а до того мин[истром] общ[ественных] работ в пр[едшествующем] конс[ервативном] Министерстве. За сим с 1892 по [18]95 председателем Сената[3].

2) Ген[ерал] Ману[4], министр финансов, был Председателем Совета с ноября [18]89 по февраль 1890 г.[5], самое короткое время, а затем военным министром в кабинете Ласк[эра] Катарджиу[6]. Был уже воен[ным] министром в 1869–[18]70 гг. в кабинете Гики[7] и за[местителем] председателя палаты депут[атов] до 1895 г.[8]

3) Генерал Лаховари[9] занимал должность воен[ного] мин[истр]а с 1891 по 1894 г. в кабинете генер[ала] Флореску[10].

4) Господин Таке Ионеску равн[ым] образом был мин[истром] народного просвещения и исповеданий в послед[нем] мин[истерстве] господина Ласк[эра] Катар[джиу][11].

5) М[инистр] и[ностранных] д[ел] Ион Лаховари[12] состоял послан[ником] в Париже.

6) Мин[истр] земл[еделия] и госуд[арственных] имущ[еств] Никол[ае] Флева был мин[истром] вн[утренних] дел при образовании в 1895 г. господином Стурдзой либер[ального] Мин[истерства], но после короткого пребывания господин Стурдза принудил его выйти из кабинета[13].

7) Господин Диссеску[14], министр юстиции, адвокат, учёный, юрист, бывший главн[ым] инспектором высшего образования.

8) Господин Истрати[15], мин[истр] общ[ественных] работ, доктор химии[16].

Таким образом, в только что составленном кабинете три министра впервые занимают столь ответственные должности, остальные уже находились неоднократно у власти. Но, несмотря на это, едва ли они обладают достаточным весом, чтобы обеспечить новому кабинету продолжит[ельное] пребывание у власти, несмотря на выдающееся положение, занимаемое господином Кантакузино в стране, благодаря его неоспоримым нравственным качествам, а также гражданскому состоянию.

Наиболее выдающимися лицами являются генер[ал] Лаховари, человек умный, всеми признаваемый прекрасным офицером и, как король лично заявил мне однажды, один из наиболее способных генералов румынской армии.

Рядом с ним господин Т[аке] Ионеску в бытность свою министром оказался умелым руководителем своего ведомства и в парламентском отношении, обладая даром красноречия, будет серьёзной опорой правительству при прениях в палатах.

Что же касается господина Флевы, бывшего до сего времени, около 30 лет, ярым либералом, то отречение его от своей партии не могло не поразить всех, объясняется ненавистью его к господину Стурдзе. Следствие его будет, во всяком случае, небесполезно при предст[оящих] выборах, т.к. в известных слоях населения он пользуется немалой популярностью и в состоянии оказать знач[ительную] поддержку прав[ительств]у.

Тем не менее, нельзя не признать, что отсутствие в кабинете таких видных деятелей партии жунимистов, как господа Карп, Германи[17] и Маргиломан, сильно ослабило консер[вативное] прав[ительств]о.

Впрочем, консерваторы сознают необходимость войти в соглашение с жунимистами и не теряют надежды достигнуть этого по окончании выборов.
[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 57–58.

---

[1] Жунимисты сделали условием своего участия в правительстве взятие на себя П. П. Карпом руководства консервативной партии. Первоначальная идея короля Карла заключалась в том, чтобы поручить Димитрие Джианни формирование нового либерального правительства (Bulei I. *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea.* P. 191–192).

[2] Фактически: январь 1875 – январь 1876 гг.

[3] Февраль 1892 – апрель 1895 гг.

[4] Георге Ману (1833–1911) был премьер-министром и многократно занимал министерские посты в различных консервативных правительствах. В кабинете, возглавляемом Георге Гр. Кантакузино, имел портфель министра финансов с 11 апреля 1899 г. по 9 января 1900 г. С 9 января по 7 июля 1900 г. был министром внутренних дел.

[5] Фактически генерал Ману стоял во главе правительства с 5 ноября 1889 до 15 февраля 1891 г

[6] Март–ноябрь 1889 гг.

[7] Правительство, возглавляемое Димитрие Гика, ноябрь 1868 – январь 1870 гг. Г. Ману был военным министром с июня 1869 г. по январь 1870 г. Имел тот же портфель и в кабинетах Александру Г. Голеску (февраль–март 1870 г.) и Манолаке Костаке Епуряну (апрель–декабрь 1870 г.).

[8] На самом деле: председатель палаты депутатов (февраль 1892 г. – декабрь 1895 г.).

[9] Якоб Н. Лаховари (1846–1907), румынский генерал и политик. Многократно был военным министром в различных консервативных правительствах. В декабре 1904 – феврале 1907 гг. был министром иностранных дел во втором кабинете Георге Гр. Кантакузино.

[10] Генерал Иоан Эманоил Флореску был председателем совета министров в феврале – ноябре 1891 г. Якоб Н. Лаховари занимал пост военного министра и в ноябре 1891 – феврале 1894 гг. в правительстве во главе с Ласкэром Катарджиу (ноябрь 1891 – октябрь 1895 гг.).

[11] Ноябрь 1891 г. – октябрь 1895 г.

[12] Ион Н. Лаховари (1844–1915). Румынский политик и дипломат.

[13] Октябрь 1895 – январь 1896 гг.

[14] Константин Г. Диссеску (1854–1932). Румынский политик, адвокат и университетский профессор.

[15] Константин И. Истрати (1850–1918). Румынский учёный и политик.

[16] Получил докторскую степень в Париже, специализировался в области органической химии.

[17] Менелас Германи (1834–1899). Румынский политик македонского происхождения. Занимал пост министра финансов во многих правительствах в 1888–1895 гг.

București, 12 aprilie 1899, nr. 18. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion de mână cu corecturi

S(timate) D(omnule), Con[te], Mihail Nik[olaevici],

După ce s-a convins, în urma mai multor încercări, de imposibilitatea de a obține de la Partidul Liber[al] formarea unui cabinet fără participarea domnului Sturdza, regele a decis să se adreseze conservatorilor. Însă, și aici, strădaniile de a-l convinge pe domnul Carp de a încheia o înțelegere cu vechii conservatori au rămas fără rezultate. Formarea cabinetului a fost oferită de către M[ajestatea] Sa domnului Cantacuzino, fără participarea junimiștilor[1].

În noul cabinet au intrat:

1) Grigore Cantacuzino – Preș[edinte] al Cons[iliului] de Miniștri și ministru de in[terne]. În 1873 a fost min[istru] de fin[anțe] în cabinetul Lasc[ăr] Catargiu[2], iar până atunci

min[istru] al lucrărilor pub[lice] în guvernul cons[ervator] ant[erior]. După aceea, între anii 1892 și [18]95 a fost președinte al Senatului[3].

2) Gen[eralul] Manu[4], ministru al finanțelor, a fost, pentru o foarte scurtă perioadă, din noiembrie [18]89 până în februarie 1890[5], Președinte al Consiliului de Miniștri, iar mai apoi ministru de război în cabinetul lui Lasc[ăr] Catargiu[6]. Anterior a fost ministru de răz[boi] în anii 1869-[18]70 în cabinetul Ghika[7] și v[ice]-pr[eședinte] al Camerei Deput[aților] până în anul 1895[8].

3) Generalul Lahovari[9] a ocupat funcția de min[istru] de răz[boi] din 1891 până în 1894 în cabinetul gener[alului] Florescu[10].

4) Domnul Take Ionescu a fost, de asemenea, min[istru] al instrucțiunii publice și cultelor în ultimul guv[ern] al domnului Lasc[ăr] Catar[giu][11].

5) M[inistrul] a[facerilor] s[trăine], Ion Lahovari[12], a fost tr[imis] al României la Paris.

6) Min[istrul] agr[iculturii] și dom[eniilor], Nicol[ae] Fleva, a activat ca min[istru] de in[terne] în guv[ernul] lib[eral] format în 1895 de domnul Sturdza, fiind obligat de către domnul Sturdza să părăsească la scurt timp cabinetul[13].

7) Domnul Dissescu[14], ministru al justiției, avocat, savant, jurist, a funcționat un timp ca inspector prin[cipal] la Ministerul Instrucțiunii.

8) Domnul Istrati[15], min[istru] al lucrărilor pub[lice], este doctor în chimie[16].

Astfel, în guvernul tocmai constituit, trei miniștri ocupă pentru prima dată funcții atât de importante, în timp ce ceilalți au fost de mai multe ori la putere. Totuși, chiar și în aceste condiții, nici cei din urmă nu au destulă greutate pentru a garanta noului cabinet o aflare îndelungată la putere, cu toată importanța pe care o are domnul Cantacuzino în țară, grație calităților sale morale și stării sale sociale.

Cele mai ilustre figuri sunt gener[alul] Lahovari, o persoană inteligentă, recunoscut de toată lumea drept un ofițer excepțional și, așa cum mi-a declarat personal, de mai multe ori, însuși regele, unul dintre cei mai capabili generali ai armatei române.

Alături de acesta, Take Ionescu, în perioada în care a fost ministru, s-a dovedit a fi un conducător foarte priceput al instituției sale, anunțându-se, și în viața parlamentară, grație talentului de orator, un sprijin important pentru guvern în timpul dezbaterilor din cele două camere.

În ceea ce îl privește pe domnul Fleva, care a fost până acum, timp de treizeci de ani, un liberal înflăcărat, dezicerea sa de propriul partid, care nu a avut cum să nu surprindă pe toată lumea, se explică prin ura sa față de domnul Sturdza. Această mutare nu va rămâne, în orice caz, fără urmări la proximele alegeri, deoarece el se bucură de destulă popularitate în diferite straturi ale populației, fiind în stare să acorde un sprijin substanțial guv[ernului].

Pe de altă parte, nu poate fi trecut cu vederea faptul că lipsa din cabinet a unor figuri importante ale partidului junimiștilor, ca domnii Carp, Ghermani[17] și Marghiloman, a slăbit puternic guv[ernul] conser[vator].

De fapt, conservatorii conștientizează necesitatea de a încheia o înțelegere cu junimiștii și nu pierd speranța de a se ajunge la aceasta după alegeri.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 57–58.

---

[1] Junimiștii au condiționat participarea la guvernare de preluarea de către P. P. Carp a conducerii Partidului Conservator. Ideea inițială a regelui Carol a fost însă de a-l mandata pe Dimitrie Gianni cu formarea unui nou cabinet liberal (Ion Bulei, *Evoluția vieții politice la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea*, p. 191–192).

[2] De fapt: ianuarie 1875 – ianuarie 1876.

[3] Februarie 1892 – aprilie 1895.

[4] Gheorghe Manu (1833–1911), fost prim-ministru și în mai multe rânduri ministru în diferite guverne conservatoare. În guvernul condus de Gheorghe Gr. Cantacuzino a deținut portofoliul Finanțelor între 11 aprilie 1899 și 9 ianuarie 1900. Din data de 9 ianuarie 1900 și până în 7 iulie 1900 a fost ministru de Interne.

[5] Generalul Manu a fost Președinte al Consiliului de Miniștri între 5 noiembrie 1889 și 15 februarie 1891.

[6] Martie–noiembrie 1889.

[7] Guvernul condus de Dimitrie Ghika, noiembrie 1868 – ianuarie 1870. Gh. Manu a fost ministru de război între lunile iunie 1869 și ianuarie 1870. A deținut același portofoliu și în guvernele Alexandru G. Golescu (februarie – martie 1870) și Manolache Costache Epureanu (aprilie–decembrie 1870).

[8] De fapt: președinte (februarie 1892 – octombrie 1895).

[9] Iacob N. Lahovari (1846–1907), general și politician român. A fost de mai multe ori ministru de Război în diverse guverne conservatoare. Între decembrie 1904 și februarie 1907, a fost ministru al Afacerilor Străine în al doilea guvern condus de Gheorghe Gr. Cantacuzino.

[10] Generalul Ioan Emanoil Florescu a fost președinte al Consiliului de Miniștri în lunile februarie – noiembrie 1891. Iacob N. Lahovari a deținut portofoliul de Război și în lunile noiembrie 1891 – februarie 1894, în timpul guvernului condus de Lascăr Catargiu (noiembrie 1891 – octombrie 1895).

[11] Noiembrie 1891 – octombrie 1895.

[12] Ion N. Lahovari (1844–1915). Om politic și diplomat român.

[13] Octombrie 1895 – ianuarie 1896.

[14] Constantin G. Dissescu (1854–1932). Om politic, avocat și universitar român.

[15] Constantin I. Istrati (1850–1918). Om de știință și politician român.

[16] A obținut doctoratul la Paris și a fost specializat în chimie organică.

[17] Menelas Ghermani (1834–1899). Om politic român originar din Macedonia. A fost ministru de Finanțe în mai multe guverne în anii 1888–1895.

11

Бухарест, 8 мая 1899 г., № 19. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

М(илостивый) Г(осударь) граф Михаил Никол[аевич],

Бывший мин[истр] ин[остранных] дел господин Стурдза сознался мне перед падением кабинета, что осложнения во внутренней политике и борьба с оппозицией не давали ему возможности сосредоточиться и составить инструкцию для делегатов рум[ынского] правительства на конференции в Гааге[1].

Новый мин[истр] ин[остранных] дел господин Лаховари прочёл мне вчера инструкции, посланные им румынским делегатам[2].

Касаясь пункта первого циркулярного сообщения Вашего Сият[ельст]ва аккредитованным в С[анкт]-Петербурге иностранным представителям от 30 декабря 1898 года[3], господин Лаховари указывает на особую важность этого пункта и выражает надежду, что великие державы найдут почву для соглашения по вопросу, затрагивающему интересы всех государств, как бы сложен ни был этот вопрос.

Министр обращает особое внимание делегатов на пункт второй, касательно запрещения употребления нового огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, ложащегося таким тяжёлым бременем на бюджеты государств.

Вместе с тем королевское правительство придаёт громадное значение пунктам 3, 4, 5, 6 и 7-му.

Что касается пункта 8-го, то господин м[инистр] и[ностранных] дел особенно настаивает на выгодах обязательного третейского суда. При этом господин Лаховари добавляет, что применение этого суда не должно иметь обратного действия к событиям уже совершившимся.

Вместе с тем министр предписывает делегатам самым подробным образом доносить о занятиях конференции, дабы быть в состоянии снабжать их дополнительными инструкциями.

Господин Лаховари, равно как и предшественник его, в самых прочувственных словах приветствовал великодушный почин государя императора[4].

Сообщая о вышеизложенном, считаю долгом представить у сего на благосклонное воззрение В[ашего] С[иятельства] две статьи, появившиеся в румынских газетах в самый день открытия конференции[5].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 59–61.

---

[1] Инициатива проведения конференции по проблемам мира принадлежала России, которая видела в такого рода собрании возможность разрядки конфликтов и предотвращения гонки вооружений, от которой особенно выигрывала Германия (*Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 1. С. 487–490). Работа конференции проходила с 18 мая по 29 июля (н. ст.) 1899 г. по трём секциям: разоружения, законов ведения войны, арбитража. О подготовке, проведении и результатах конференции см.: Scott J. *The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907.* Vol. 1–2. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1909.

[2] Румынию на конференции представляли Александру Белдиман (посланник в Берлине), Ион Н. Папиниу (посланник в Гааге), полковник Константин Коандэ (военный представитель). На пленарном заседании выступил и Ион Н. Лаховари, министр иностранных дел.

[3] Текст правительственного сообщения и циркуляра от 30 декабря 1898 г. (11 января 1899 г.) см.: Правительственный вестник. Спб., 1899. 12/24 янв. № 8. О подготовке этого документа см. подробно: *Рыбачёнок И. С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., РОССПЭН, 2005. С. 26–65.

[4] Румыния подписала итоговый документ, не беря на себя каких-либо обязательств в отношении арбитража по апелляциям и судебным процессам до заключения соглашения.

[5] В деле отсутствуют.

București, 8 mai 1899, nr. 19. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână

S(timate) D(omnule), Con[te], Mihail Nik[olaevici],

Fostul min[istru] al af[acerilor] străine, domnul Sturdza, a recunoscut în fața mea, cu puțin timp înainte de căderea guvernului, că atât complicațiile apărute în domeniul politicii externe, cât și lupta împotriva opoziției nu i-au dat posibilitatea să se concentreze și să elaboreze o instrucțiune specială pentru delegații guvernului rom[ân] care participă la conferința de la Haga[1].

Noul min[istru] al af[acerilor] străine, domnul Lahovari, mi-a citit ieri instrucțiunile pe care le-a expediat delegaților români[2].

Referindu-se la primul punct al informației circulare emise de Lum[inăția] V[oast]ră către reprezentanții puterilor străine acreditați la S[ankt]-Petersburg pe data de 30 decembrie 1898[3], domnul Lahovari mi-a atras atenția asupra importanței deosebite a acestui punct, exprimându-și speranța că Marile Puteri vor găsi un numitor comun pentru un acord care privește o chestiune ce afectează interesele tuturor statelor, oricât de complicată ar fi această chestiune.

Ministrul le atrage o atenție deosebită delegaților români și asupra celui de-al doilea punct, în ceea ce privește interzicerea folosirii noilor tipuri de arme de foc și substanțe explozibile, care reprezintă o povară atât de grea pentru bugetele tuturor statelor.

Totodată, guvernul regal acordă o importanța și o semnificație enormă și punctelor 3, 4, 5, 6 și 7.

În ceea ce privește punctul 8, domnul ministru al afacerilor străine insistă în mod deosebit asupra avantajelor existenței unei instanțe obligatorii de arbitraj. În același timp, domnul Lahovari adaugă că aplicarea deciziilor acestei instanțe nu trebuie să aibă efecte și acțiune retroactivă față de evenimentele care au avut deja loc.

Totodată, ministrul le-a ordonat delegaților români să raporteze în modul cel mai detaliat cu putință despre activitățile și desfășurarea conferinței, astfel încât el să fie în stare să le furnizeze anumite instrucțiuni suplimentare.

Domnul Lahovari, la fel ca și predecesorul său, a salutat din inimă, în cuvinte foarte emoționante, generoasa inițiativă a împăratului[4].

Comunicându-vă cele menționate mai sus, consider de datoria mea să vă prezint, în anexă la acest raport, la discreția binevoitoare a Luminăției Voastre, două articole, care au apărut în ziarele românești chiar în ziua deschiderii lucrărilor conferinței[5].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 59–61.

---

[1] Inițiativa organizării unei conferințe internaționale a păcii a aparținut Rusiei, care vedea într-o astfel de reuniune o posibilitate pentru dezamorsarea conflictelor și prevenirea unei curse a înarmărilor din care ar fi avut de profitat în special Germania (*Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, p. 487–490). Lucrările s-au desfășurat între 18 mai și 29 iulie (stil nou) 1899, în trei secțiuni: a armamentelor; a legilor războiului; a arbitrajului. Pentru pregătirea, desfășurarea și rezultatele conferinței: *The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907*, vol. 1–2, by James Brown Scott, Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1909.

[2] Reprezentanții României au fost: Alexandru Beldiman (ministru plenipotențiar la Berlin); Ion N. Papiniu (ministru plenipotențiar la Haga); colonelul Constantin Coandă (delegat militar). În plen a susținut o cuvântare și Ion N. Lahovari, ministrul Afacerilor Străine.

[3] Textul comunicatului guvernamental rus și al circularei emise pe 30 decembrie 1898 (11 ianuarie 1899, stil nou) a fost publicat în „Правительственный вестник”, Санкт Петербург, 1899, 12/24 янв., nr. 8. Pentru elaborarea acestui document: И. С. Рыбачёнок, *Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге*, Москва, РОССПЭН, 2005. p. 26–65.

[4] România a semnat documentul final sub rezerva neluării vreunui angajament privind arbitrajul pentru contestaţii și litigii anterioare încheierii convenţiei.

[5] Aceste articole lipsesc din dosar.

12

Яссы, 22 мая 1899 г., № 23. Арсеньев[1] – Фонтону
Штамп № 420 от 25 мая 1899 г.

Его Превосходительству Н. А. Фонтону

Милостивый государь Николай Антонович,

В виду предстоящих в близком будущем выборов представители либеральной партии города Яссы находятся с некоторых пор в сильном возбуждении и всячески

изыскивают средства, которые могли бы скомпрометировать не упускающую случая оказывать давление на выборщиков местную администрацию, поставленную находящимся у власти консервативным правительством[2]. Затруднения, встреченные при составлении нынешнего кабинета министров, присутствие в нём лиц, идеи которых мало гармонируют с общим направлением восторжествовавшей партии, сравнительно малая популярность главы этой последней, давали им повод надеяться на достижение хотя бы некоторых благоприятных для них результатов. В этой надежде их ещё более укрепило холодно-равнодушное отношение народной массы к министрам, прибывшим в Яссы 14 сего мая с целью подготовления почвы перед выборами. Вопреки уверениям официозных газет улицы были почти пусты, и только группа в несколько сот человек, состоявшая из официальных лиц и представителей консервативной партии, явилась на вокзал встречать и провожать высокопоставленных гостей. Политическая программа, прочитанная первым министром Кантакузеном на устроенном в зале городского театра грандиозном банкете, на котором присутствовало до 400 человек консерваторов, встречена была восторженно лишь небольшою группою лиц, большинство же ничем не выражало своё сочувствие. По окончании банкета первый министр пешком, среди пустынных улиц, направился к вокзалу, сопровождаемый толпой заведомо нанятых администрацией лиц, нёсших факел и, согласно наставлениям полиции, кричавших ура.

Случай ещё более уронить престиж правительства, и без того стоящего не крепко, представился либералам на второй день после отъезда министров.

На воскресенье 16 мая национал-студенческий комитет, состоящий всего из нескольких лиц, отнюдь не служащих выразителями настроения всей студенческой массы, назначил в помещении цирка Сидоли[3] антисемитский митинг, о котором уже за несколько дней возвещали расклеенные на улицах афиши[4]. По заслуживающим доверия сведениям, либералы воспользовались этим, чтобы подготовить крупные беспорядки, которые, по их расчёту, могли быть им только полезны. Их стараниями к назначенному времени в цирк собралась огромная толпа в несколько тысяч человек[5], из коих многие запаслись дубинами, камнями и кирпичами. Достоверно известно, что разные бродяги и бывшие арестанты, принимавшие затем самое деятельное участие в беспорядках, получили каждый по несколько франков, переданных им студентами, но очевидно исходивших из другого источника. Между тем полицией не принято было никаких мер предосторожности. Солдаты, по случаю воскресного дня имевшие права отлучаться в город, не были задержаны в казармах, полицейские чины, присутствовавшие в цирке, равнодушно внимали зажигательным речам, произносимым с кафедры студентами и студентками. Обстоятельство это, могущее с первого взгляда показаться странным, объясняется страхом администрации заслужить обвинение в нарушении конституционной свободы и таким образом восстановить против себя выборщиков, а равно неопытностью и неспособностью нового префекта полиции[6], поведение коего осуждается даже многими консерваторами. По окончании митинга, наэлектризованная революционными ораторами огромная толпа совершенно свободно двинулась по улицам города, оглашая воздух свистками и криками, разбивая окна всех еврейских домов и магазинов[7], избивая попадавшихся навстречу евреев. Уже несколько улиц еврейского квартала было разгромлено, когда наконец навстречу бушевавшей толпе выслан был небольшой отряд получивших приказание отнюдь не пускать в ход оружие пеших жандармов; встреченный градом камней, он немедленно принуждён был отступить, причём ранены были командовавший отрядом офицер и несколько солдат. Та же участь постигла явившийся вслед за тем взвод конных

жандармов. Только к вечеру, когда почти все магазины центра города были разгромлены и товары некоторых разграблены, и когда утомлённая толпа манифестантов, значительно уменьшившаяся, уже стала расходиться, прибыли на место беспорядков батальон пехоты и эскадрон кавалерии, в которых уже почти не было надобности.

В результате описанных беспорядков оказалось более тридцати евреев и румын тяжело раненых, из коих один от полученных ран скончался[8].

По слухам, производящимся ныне дознанием уже установлен факт закулисного участия либеральной партии в подкупе городской черни и в подстрекательстве её к бесчинствам и насилиям[9]; тем не менее, ввиду обдуманности и ловкости принятых либералами мер предосторожности найти виновных едва ли удастся.

Копия настоящего донесения препровождается господину Управляющему первым департаментом.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою, Б. Арсеньев.

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 15–19.

---

[1] Борис Константинович Арсеньев (1874–1925). Возглавлял консульство в Яссах с 30 апреля до 19 сентября 1899 г.

[2] 22 апреля 1899 г. мэром Ясс был назначен консерватор Александру А. Бэдэрэу.

[3] Открыт в 1889 г. Был обычным местом проведения публичных собраний.

[4] Мобилизации населения особенно способствовали манифесты, выпущенные в предыдущие дни антисемитскими организациями и некоторыми местными газетами („Ecoul Moldovei", „Antisemitul").

[5] Иногда встречается и численность 20 тыс. человек.

[6] Нику Канэнэу.

[7] В 1899 г. в Яссах проживало около 39.500 евреев из примерно 78 тыс. жителей.

[8] Это был прислужник, убитый группой евреев в доме адвоката К. Ботеза.

[9] В местной прессе приводились данные о том, что было произведено более 90 арестов, причём 20 человек признались, что их действия были проплачены. Подробнее о развитии событий см.: Irimia M. *Pogromul de la Iași din 16 mai 1899* // Revista de Istorie a Evreilor din România, 20, 2019, № 4.

Iași, 22 mai 1899, nr. 23. Arseniev[1] către N. A. Fonton
Ștampila nr. 420 din 25 mai 1899

Excelenței Sale N. A. Fonton

Stimate Domnule, Nikolai Antonovici,

Având în vedere alegerile care vor fi organizate în viitorul apropiat, reprezentanții Partidului Liberal din orașul Iași se află, de ceva vreme, într-o stare puternică de agitație și caută, prin toate modurile posibile, orice căi și mijloace prin care ar putea fi compromisă administrația locală, care nu ratează nici măcar o ocazie de a exercita anumite presiuni asupra alegătorilor și care a fost numită în funcție de către guvernul conservator, aflat în prezent la putere[2]. Dificultățile care s-au manifestat în timpul constituirii actualului consiliu de miniștri, prezența în acesta a unor persoane, ideile cărora nu se află deloc în armonie cu orientarea politică generală a partidului care a triumfat, popularitatea relativ mică a șefului acestui din urmă partid, toate acestea le-au oferit un anumit motiv să spere că vor putea obține cel puțin niște rezultate care le-ar fi fost favorabile. Această speranță a fost întărită și mai mult de atitudinea rece și indiferentă a maselor populare față de miniștrii care au sosit la Iași pe data de 14 mai curent cu scopul de a pregăti terenul înainte de alegeri. În pofida asigurărilor și

relatărilor ziarelor oficioase, străzile erau aproape goale și doar un grup de câteva sute de oameni, compus din persoane oficiale și reprezentanți ai guvernului conservator, s-a prezentat la gară pentru a-i întâmpina și apoi pentru a-i conduce pe înalții oaspeți. Programul politic care a fost dat citirii de către prim-ministrul Cantacuzino, în timpul unui banchet grandios organizat în sala teatrului din oraș, la care erau prezenți până la 400 de oameni din rândul conservatorilor, a fost întâmpinat cu entuziasm doar de către un mic grup de persoane, în timp ce majoritatea celor prezenți nu și-a exprimat în nici un fel sprijinul sau simpatia. După încheierea banchetului, prim-ministrul s-a îndreptat pe jos, pășind în mijlocul străzilor pustii, spre gară, fiind însoțit de o mulțime de persoane angajate special, din timp, de către administrația orașului, care duceau o făclie și, în conformitate cu instrucțiunile poliției, strigau *Ura*!

O altă ocazie de a șubrezi și mai mult prestigiul guvernului, care oricum nu se bucură decât de o poziție precară, s-a ivit pentru liberali chiar a doua zi după plecarea miniștrilor.

Comitetul național studențesc, compus doar din câteva persoane, care nu reprezintă absolut deloc un grup care ar exprima opiniile și tendințele întregii mase de studenți, a planificat și a fixat pentru ziua de duminică, 16 mai, în incinta circului Sidoli[3], un miting antisemit, care fusese anunțat deja cu câteva zile înainte de eveniment de mai multe afișe lipite pe străzile orașului[4]. Conform unor informații demne de toată încrederea, liberalii au profitat de acest lucru, pentru a pregăti și organiza mari dezordini, care, după calculele lor, ar fi putut fi folositoare doar pentru ei. În urma eforturilor acestora, la ora fixată pentru eveniment, în circ se adunase o mulțime enormă, de câteva mii de oameni[5], dintre care mulți aveau pregătite bâte, pietre și cărămizi. Se cunoaște cu certitudine că diferiți vagabonzi și foști pușcăriași, care au luat parte după aceea, în modul cel mai activ, la dezordini, au primit, fiecare dintre ei, câțiva franci, care le-au fost transmiși de către studenți, dar care proveneau, în mod aproape evident, dintr-o cu totul altă sursă. În același timp, poliția nu a luat nici un fel de măsuri de precauție sau prevenție. Soldații, care, cu ocazia zilei de duminică, aveau dreptul să plece în permisie în oraș, nu au fost opriți sau reținuți în cazărmi, conducerea superioară a poliției, care era prezentă la întrunirea de la circ, asculta cu indiferență totală discursurile înflăcărate, rostite de la catedră de către studenți și studente. Această circumstanță, care ar putea părea, la prima vedere, doar bizară, se explică prin frica administrației de a fi supusă unor acuzații de încălcare a libertăților constituționale și, în acest fel, de a-și atrage ostilitatea alegătorilor. Acest lucru se mai explică și prin lipsa de experiență și incompetența noului prefect al poliției[6], comportamentul căruia este criticat deschis chiar și de către mulți conservatori. După încheierea mitingului, mulțimea enormă, fiind electrizată de discursurile oratorilor revoluționari, a început să se deplaseze, în deplină libertate, pe străzile orașului. Aerul se cutremura de fluierături și țipete, iar mulțimea a început să strice ferestrele tuturor caselor și magazinelor evreiești[7], bătându-i crunt pe evreii care se întâmplau să se afle în calea mulțimii. Câteva străzi ale cartierului evreiesc fuseseră deja devastate, când, în sfârșit, în întâmpinarea mulțimii dezlănțuite a fost trimis un mic detașament de jandarmi pedeștri, care primiseră ordinul să nu folosească în nici un caz armele aflate în dotare; fiind întâmpinat de o avalanșă de pietre, acest detașament a fost nevoit să se retragă imediat. Ca urmare, au fost răniți ofițerul aflat la comanda detașamentului și câțiva soldați. Aceeași soartă i-a fost rezervată și unui pluton de jandarmi călare, care a apărut după aceea. Doar spre seară, când aproape toate magazinele din centrul orașului au fost devastate, iar mărfurile aflate în unele dintre aceste magazine – jefuite, și când mulțimea extenuată a manifestanților, care se diminuase considerabil între timp, începea deja să se disperseze, în regiunea de desfășurare a acestor tulburări au sosit un batalion de infanterie și un escadron de cavalerie, care aproape că nici nu mai erau necesare.

Ca urmare a dezordinilor și tulburărilor descrise mai sus, s-a dovedit că mai mult de treizeci de evrei și români au fost grav răniți, dintre care o persoană a decedat în urma rănilor primite[8].

Conform unor zvonuri, ancheta, aflată în plină desfășurare, a stabilit deja faptul că partidul liberal a participat, în mod secret și clandestin, la mituirea și cumpărarea sărăcimii și plebei din oraș, precum și la incitarea acesteia spre săvârșirea unor excese și violențe[9]; cu toate acestea, având în vedere caracterul bine gândit al faptelor și dexteritatea măsurilor de precauție luate de către liberali, este foarte puțin probabil că se vor putea găsi cei responsabili.

O copie a prezentului raport va fi transmisă spre consultare domnului Director al Primului departament.

Cu profundă considerație și devotament absolut, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, B. Arseniev.

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 15–19.

---

[1] Boris K. Arseniev (1874–1925), a condus Consulatul rus de la Iași între 30 aprilie și 19 septembrie 1899.

[2] Pe data de 22 aprilie 1899, primar al Iașului a fost numit conservatorul Alexandru A. Bădărău.

[3] Inaugurat în 1889. Loc obișnuit pentru întruniri publice.

[4] La mobilizarea populației au contribuit mai ales manifestele lansate în zilele premergătoare de către asociațiile antisemite și unele ziare locale („Ecoul Moldovei", „Antisemitul").

[5] A fost vehiculată chiar și cifra de 20.000.

[6] Nicu Canănău.

[7] La 1899, în Iași locuiau circa 39.500 evrei, dintr-un total de circa 78.000 locuitori.

[8] Un servitor, ucis de către un grup de evrei în locuința avocatului C. Botez.

[9] În presa locală s-a scris că au fost efectuate peste 90 de arestări, 20 de persoane declarând că au fost plătite. Pentru detalii privind desfășurarea evenimentelor: Maria Mădălina Irimia, *Pogromul de la Iași din 16 mai 1899*, în „Revista de Istorie a Evreilor din România", 20, 2019, nr. 4.

13

Бухарест, штамп от 8 июня 1899 г., № 23. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Мих[аил] Ник[олаевич],

Известный Вашему Сиятельству из предыдущих моих донесений[1] здешний Албанский политический комитет, пользуясь случаем созвания в Гааге мирной конференции, отправил на имя господина [де] Бофора[2], нидерландского м[инист]ра ин[остранных] дел, телеграмму следующего содержания:

«Les Albanais prient Votre Excellence de bien vouloir remettre à la Conférence pour la paix, due à la noble et généreuse initiative d'un grand et puissant Monarque, leurs vœux pour l'accomplissement de sa tâche haute et civilisatrice. Le but de la Conférence coïncide avec le vœu de tous les peuples opprimés, parmi lesquels se trouvent les Albanais qui ne demandent autre chose qu'une paix juste et légitime. Puisse la divine Providence inspirer à Vos Excellences des décisions en faveur du bien-être de l'humanité».

Вместе с тем названный комитет адресовал упомянутой конференции меморандум, экземпляр которого имею честь представить Вашему Сият[ельст]ву, и в коем

албанцы делают воззвание к представителям европейских держав, указывая на варварское и грубое правительство Оттом[анской] Порты, исказившее своим диким абсолютизмом все лучшие качества албанцев, и умоляя об освобождении их от турец[кого] ига[3].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 76–78.

[1] См. док. № 7 от 8 марта 1899 г.

[2] Виллем Хендрик де Бофор (Willem Hendrik de Beaufort) (1845–1918). Нидерландский либеральный политик. Министр иностранных дел в 1897–1901 гг.

[3] В деле имеется выпуск газеты „Yll' i Shkjiperise" № 8 от 30 мая 1899 г., в котором опубликован упомянутый меморандум.

București, ștampila din 8 iunie 1899, nr. 23. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

S(timate) D(omnule), Con[te], Mih[ail] Nik[olaevici],

Comitetul politic albanez de aici, care vă este deja cunoscut Luminăției Voastre din rapoartele mele anterioare[1], profitând de ocazia convocării la Haga a conferinței dedicate păcii mondiale, a trimis către domnul [de] Beaufort[2], min[istrul] Af[acerilor] Externe al Țărilor de Jos, o telegramă cu următorul conținut:

„Albanezii o roagă pe Excelența Voastră să binevoiască să transmită Conferinței pentru Pace, care se datorează nobilei și generoasei inițiative a unui mare și puternic Monarh, urările și dorințele lor pentru îndeplinirea sarcinii sale înalte și civilizatoare. Scopul Conferinței coincide cu doleanțele tuturor popoarelor oprimate, printre care se află și albanezii, care nu cer și nu solicită nimic altceva decât o pace dreaptă și legitimă. Fie ca Providența divină să poată inspira Excelențelor Voastre anumite decizii în favoarea bunăstării întregii umanități".

Totodată, sus-numitul comitet a adresat conferinței menționate mai devreme și un memorandum, un exemplar al căruia am onoarea să vi-l prezint și transmit Lum[ināției] Voastre. În acest memorandum, albanezii fac un apel către reprezentanții Marilor Puteri europene, atrăgându-le atenția asupra guvernării barbare și brutale a Porții Otom[ane], care a denaturat, prin absolutismul său sălbatic, toate însușirile cele mai bune ale albanezilor, și implorând puterile europene să îi elibereze de sub jugul turc[esc][3].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 76–78.

[1] A se vedea doc. nr. 7 din 8 martie 1899.

[2] Willem Hendrik de Beaufort (1845–1918). Om politic liberal olandez. A fost ministru de externe în anii 1897–1901.

[3] La dosar este anexat unul dintre numerele ziarului „Yll' i Shkjiperise" (nr. 8 din 30 mai 1899), în care este publicat memorandumul amintit mai sus.

14

Бухарест, 12 июля 1899 г., № 33. Фонтон – Муравьёву

Рукопись

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Румынский министр иностранных дел, которому я сообщил содержание телеграммы Вашего Сиятельства от 24 июня с.г.[1], принял с удовольствием заявление, что императорское правительство признаёт дело о пошлинном тарифе, установленном венгерским правительством у Железных Ворот[2] с 1го сентября с.г., вопросом, затрагивающим существенные интересы прибрежных государств, и господин Лаховари выражает надежду, что Россия не отнесётся равнодушно к этому вопросу[3].

Невзирая на то, что Румыния чрезвычайно заинтересована в этом деле[4], господин Лаховари сознаёт, однако, что слабый голос юного королевства не может иметь желанного успеха. Посему он решается, по-видимому, предпринять надлежащие шаги в Вене и рассчитывает на мощное воздействие императорского кабинета, который, запросив другие прибрежные государства, мог бы дать вопросу этому соответствующее направление.

Министр иностранных дел сообщил мне далее, что, насколько ему со стороны известно, берлинский кабинет, вследствие ходатайства Южногерманского пароходного общества, добился понижения таксы при провозе через канал Железных Ворот очищенного керосина. Обстоятельство это подаёт ему надежду, что заявление заинтересованных государств могло бы склонить будапештское правительство на понижение таксы также и на другие предметы.

Сличая ныне уже опубликованный тариф с взимаемым в Сулине тарифом, оказывается, что таксы за проход канала у Железных Ворот в $3^1/_2$ раза выше такс, взимаемых в Сулине; по отношению же к некоторым категориям товаров тариф этот в семь раз значительнее.

Господин Лаховари признаёт, что количество судов, проходящих Сулину, несравненно выше количества судов, которые будут проходить каналом у Железных Ворот; тем не менее, по его мнению, взимания, установленные венгерским правительством, непропорциональны и чрезмерно велики.

Рассматривая, наконец, дело о таксах с теоретической лишь точки зрения, господин Лаховари задаётся вопросом: могла ли Австро-Венгрия, которой Берлинским конгрессом, от имени всех государств, подписавших трактат, было поручено сооружение канала у Железных Ворот, производить расходы по его сооружению совершенно самостоятельно, а засим – определить по собственному усмотрению размер такс за проход этого канала?

Господину Лаховари казалось бы, что будапештскому правительству надлежало вступить по сему поводу в предварительный обмен мыслей с государствами и принять в расчёт общий интерес судов, плавающих по Дунаю.

В заключение министр вернулся к первоначальной своей мысли, что, быть может, наилучшим разрешением этого вопроса было бы возмещение заинтересованными государствами венгерскому правительству произведённых им расходов. Хотя господин Лаховари и сознаёт, что составление надлежащего расчёта представило бы немало затруднений, но такое разрешение этого вопроса раз навсегда освободило бы судоходство по Дунаю от столь тягостных для него условий.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Н. Фонтон.

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 195, Лист 11–13 об.

---

[1] Секретной телеграммой № 157 от 24 июня 1899 г. Муравьёв сообщал Фонтону: «Проектируемое венгерским правительством установление таксы у Железных Ворот затрагивает столь существенные интересы всех прибрежных государств, что без предварительного между ними соглашения, не представляется возможным высказаться в пользу того или иного решения этого вопроса». См.: АВПРИ. Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 195. Л. 10.

[2] В соответствии со статьей 57 Берлинского договора (1878 г.) в целях облегчения судоходства по Дунаю Австро-Венгрии были поручены работы по систематизации русла Дуная в районе Железных Ворот („L'exécution des travaux destinés à faire disparaître les obstacles que les Portes de fer et les Cataractes opposent à la navigation est confiée à l'Autriche-Hongrie. Les Etats Riverains de cette partie du fleuve accorderont toutes les facilités qui pourraient être requises dans l'intérêt des travaux"). Упомянутая статья также допускала для Австро-Венгрии возможность взимать временные сборы для покрытия расходов. Работы, финансируемые венгерским правительством, которое рассматривало и вопрос о строительстве канала, проводились по большей части в 1890–1896 гг.

[3] Проблема обсуждалась Ионом Н. Лаховари с послами великих держав в Бухаресте непосредственно после установления правительства во главе с Георге Гр. Кантакузино (Bunghez S. *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914).* Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018. P. 81–86). О совместных дипломатических акциях России и Румынии против установления Австро-Венгрией судоходных такс у Железных Ворот см. подробно: Агаки А. С. *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в*. Кишинев, 1976. С. 142–158.

[4] Вопрос о взимании таксы в районе Железных Ворот активно обсуждался в 1899 г. в румынских политических кругах и в прессе. В июне состоялась и чрезвычайная сессия парламента (Bunghez. *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914).* P. 82–83). О юридическом контексте и о позиции Румынии см.: Kippels K. *Der völkerrechtliche Status des zukünftigen Europakanals und seine Auswirkungen auf das Rhein- und Donauregime.* Berlin, Duncker & Humblot, 1978. S. 54–55.

București, 12 iulie 1899. Nr. 33. Fonton către contele Muraviev

Manuscris

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Ministrul român al Afacerilor Străine, căruia i-am comunicat conținutul telegramei Luminăției Voastre din data de 24 iunie a.c.[1], a primit cu vădită plăcere declarația că Guvernul imperial recunoaște și consideră chestiunea privind taxa vamală fixată de Guvernul maghiar pentru trecerea prin Porțile de Fier[2], începând cu data de 1 septembrie a.c., drept o problemă care afectează în mod direct anumite interese substanțiale ale statelor riverane, iar domnul Lahovari își exprimă speranța că Rusia nu va avea o atitudine indiferentă față de aceasta[3].

În pofida faptului că România este extrem de interesată de toată această afacere[4], domnul Lahovari conștientizează, cu toate acestea, faptul că vocea slabă a tânărului regat nu poate avea succesul dorit. De aceea, el este hotărât, după cum se pare, să întreprindă anumiți pași care se impun față de Guvernul de la Viena, contând, de asemenea, pe puternica influență a Cabinetului imperial, care, după consultarea altor state riverane, ar putea orienta această chestiune într-o direcție corespunzătoare.

Ministrul Afacerilor Străine mi-a comunicat, în continuare, că, din cele cunoscute de el din anumite surse și informații obținute de la terți, Cabinetul de la Berlin, ca urmare a unei cereri prezentate de către Societatea de Navigație din Sudul Germaniei, a obținut reducerea

taxei vamale pentru transportarea, prin canalul Porților de Fier, a gazului lampant prelucrat. Această circumstanță îi oferă speranța că o declarație a tuturor statelor interesate ar putea determina Guvernul de la Budapesta să reducă taxele vamale și în cazul altor mărfuri.

Comparând tariful vamal publicat cu taxele vamale percepute la Sulina, se dovedește că taxele pentru trecerea navelor prin canalul de la Porțile de Fier sunt de $3^1/_2$ ori mai mari decât taxele vamale care se percep la Sulina; iar față de anumite categorii de mărfuri acest tarif vamal este chiar și de șapte ori mai mare.

Domnul Lahovari recunoaște faptul că numărul de nave care tranzitează portul Sulina este incomparabil mai mare decât numărul navelor care vor tranzita canalul de la Porțile de Fier; cu toate acestea, în opinia sa, nivelul de taxe fixat de către Guvernul maghiar este, în mod evident, disproporționat și excesiv de mare.

În fine, abordând chestiunea referitoare la taxele vamale exclusiv din punct de vedere teoretic, domnul Lahovari își pune următoarea întrebare: ar fi putut oare Austro-Ungaria, căreia i s-a încredințat, conform deciziei Congresului de la Berlin, în numele tuturor statelor semnatare ale acelui tratat, sarcina de a construi canalul de la Porțile de Fier, să suporte toate cheltuielile legate de construcția acestuia în mod absolut independent și autonom, iar, în consecință, să stabilească, la propria sa discreție, mărimea taxelor vamale pentru tranzitarea acestui canal?

Domnului Lahovari i s-ar părea că Guvernul de la Budapesta ar fi trebuit să inițieze, în legătură cu acest proiect, anumite schimburi de idei preliminare cu alte state și să ia în considerare interesul comun al tuturor deținătorilor de vase care navighează pe Dunăre.

În încheiere, ministrul a revenit la ideea sa inițială, conform căreia cea mai bună rezolvare a acestei chestiuni ar putea fi, eventual, rambursarea de către statele riverane interesate, către Guvernul maghiar, a tuturor cheltuielilor suportate de acesta din urmă. Deși domnul Lahovari conștientizează perfect că întocmirea unui deviz de cheltuieli corespunzător tuturor cerințelor ar fi însoțită de destule dificultăți, totuși, o asemenea rezolvare a acestei chestiuni ar elibera, o dată și pentru totdeauna, navigația de pe Dunăre de aceste condiții, care sunt atât de dureroase și de constrângătoare pentru ea.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, Opis 498, dosar 195, filele 11–13 verso.

---

[1] Prin telegrama secretă nr. 157 din data de 24 iunie 1899, Muraviev îi comunica lui Fonton următoarele: „Stabilirea taxei vamale la Porțile de Fier, avută în vedere de către guvernul maghiar, afectează interese importante ale tuturor statelor riverane, astfel încât, în lipsa unui acord preliminar între ele, nu ne putem pronunța în favoarea unei sau altei soluții pentru rezolvarea definitivă a acestei chestiuni". A se vedea: APEIR, fond 145, Biroul românesc, opis 498, dosar 195, fila 10.

[2] Prin articolul 57 al Tratatului de la Berlin (1878), în vederea ușurării navigației pe Dunăre, Austro-Ungariei i-au fost încredințate lucrările de sistematizare a cursului Dunării la Porțile de Fier („L'exécution des travaux destinés à faire disparaître les obstacles que les Portes de fer et les Cataractes opposent à la navigation est confiée à l'Autriche-Hongrie. Les Etats Riverains de cette partie du fleuve accorderont toutes les facilités qui pourraient être requises dans l'intérêt des travaux"). Articolul amintit admitea și posibilitatea ca Austro-Ungaria să perceapă taxe temporare pentru acoperirea costurilor. Lucrările, finanțate de către guvernul maghiar, prin care se avea în vedere și construirea unui canal, s-au desfășurat în cea mai mare parte în anii 1890–1896.

[3] Problema a fost discutată de către Ion N. Lahovari cu trimișii Marilor Puteri la București imediat după instalarea guvernului condus de Gheorghe Gr. Cantacuzino (Sebastian-Dragoș Bunghez, *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914)*, Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018, p. 81–86). Despre acțiunile diplomatice comune ale Rusiei și României îndreptate împotriva stabilirii de către Austro-Ungaria a taxelor de

navigație fluvială în regiunea Porților de Fier, a se vedea: A. C. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, 1976, p. 142–158.

[4] Chestiunea taxelor de la Porțile de Fier a fost dezbătută intens în mediile politice și presa românească în anul 1899. În luna iunie, a fost organizată și o sesiune extraordinară a Parlamentului (Bunghez, *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914)*, p. 82–83). Pentru contextul juridic și poziția României, a se vedea: Kurt Wilhelm Kippels, *Der völkerrechtliche Status des zukünftigen Europakanals und seine Auswirkungen auf das Rhein- und Donauregime*, Berlin, Duncker & Humblot, 1978, p. 54–55.

15

Бухарест, 1 августа 1899 г., № 35. [Фонтон – Муравьёву]

Черновая рукопись

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Мих[аил] Николаевич,

На днях вернулся из Сербии господин Александр Катарджиу[1], дядя короля Милана[2], бывший рум[ынским] посланником в С[анкт]-Петербурге, вызванный племянником в Белград немного спустя после совершения покушения[3].

Поводом к этой поездке послужило желание сербского правит[ельств]а изменить по возможности крайне недоверчивое и ироническое отношение румынского общества и печати к покушению и добиться при посредстве господина Катарджиу[4], пользующегося ныне вследствие избрания его вице-президентом палаты депутатов[5] известным влиянием, полного содействия рум[ынского] пр[авительств]а для раскрытия всех нитей заговора, подготовленного якобы в Румынии.

Действительно дядя короля-отца, рассказывая мне о своём пребывании в Белграде, с негодованием упоминал о генерале Груиче[6], Пашиче[7] и всех нигилистах-радикалах[8], ярых приверженцах Карагеоргиевичей[9] и мнимых друзьях России, политика которой непонятна и враждебна Обреновичам[10]. Господин Катарджиу не постигает равным образом, как Россия могла принять под своё покровительство черногорцев, из которых каждый разбойник, если не наёмный убийца.

Заговор, по словам моего собеседника, был задуман в Румынии в самых широких размерах, и вслед за убийством отца должен был пасть и король Александр[11]. Вслед за этим господин Катарджиу крайне неуместно запросил, кто такой господин Грабов (полковник Будзилович, агент департ[амента] полиции)[12] и какое занимает он место в миссии.

Вообще из всего этого разговора я вынес убеждение, что в белградском дворце, откуда только что выехал господин Катарджиу, существует стремление не только представить заговор в самом широком размере, но и бросить, по возможности, некоторую тень на наших дипломатических агентов на Балк[анском] полуострове.

То же самое, но в более резкой форме, передавал господин Катарджиу всем иностранным представителям в Бухаресте, и наконец, за исключением намёков на участие России, напечатал в здешней правительственной французской газете „La Roumanie”[13].

Хотя статья эта и встретила сильный отпор в печати, тем не менее, заявления господина Катарджиу значительно изменили взгляд на заговор многих членов дипл[оматического] корпуса.

Что касается представителей рум[ынского] общества, то они не скрывают, что господин Катарджиу, денежные дела которого расстроены, действует далеко не бескорыстно, а сербский посланник прямо заявил, что дядя получил за свои труды от племянника 100 тысяч франков.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 106–107.

---

[1] Александру К. Катарджиу (1839–1914), румынский консервативный политик и дипломат. Был сыном Костина Катарджиу и Смаранды Балш (Катарджиу). Брат Елены Марии Катарджиу (Обренович). Полномочный министр (посланник) Румынии в Санкт-Петербурге в ноябре 1892 – декабре 1895 гг. В ноябре 1899 – декабре 1900 гг. был посланником в Риме, а потом (до 1911 г.) в Лондоне.

[2] Милан Обренович. Родился в Мэрэшти (Молдавия) 10/22 августа 1854 г. Отец – Милош Обренович; мать – Елена Мария Катарджиу (Мария Обренович). Князь Сербии (Милан IV Обренович) в период 1868/1872 – 1882 и король (Милан I) в 1882–1889 гг. Вследствие конфликта с сербским правительством отказался от трона в пользу своего сына Александара Обреновича. В 1894 г. вернулся в Сербию, где ему удалось заручиться поддержкой значительной части армии. Умер в эмиграции в Вене 29 января/ 11 февраля 1901 г.

[3] Имеется в виду так называемый Иванданский атентат – покушение на Милана I Обреновича, совершённое в Белграде 24 июня 1899 г., в праздник Рождества Иоанна Предтечи. Босниец, бывший пожарный Джуро Кнежевич (Đuro Knežević), стрелял в Милана, но тот остался жив. Милан использовал этот факт для расправы с находившимися в оппозиции лидерами русофильской радикальной партии. Он утверждал, что в заговор замешана российская тайная полиция, а само покушение совершено в пользу династии Карагеоргиевичей. См.: Данченко С. И. *Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг.* М., 1996. С. 352–378.

[4] Александру К. Катарджиу.

[5] Летом – осенью 1899 г. был вице-президентом палаты депутатов.

[6] Сава Груич (Грујић) (1840–1913), сербский военный и государственный деятель, пять раз возглавлял правительство. В 1897–1899 гг. занимал должность сербского посланника в России, от которой был отстранён немедленно после Иванданского атентата. В Санкт-Петербурге же перед самым отъездом на родину Груича демонстративно наградили российским орденом.

[7] Никола Пашич (Пашић) (1845–1926), сербский политический и государственный деятель русофильской ориентации, неоднократно возглавлял правительственные кабинеты, впервые в 1891–1892 гг.

[8] Радикальная партия. Единственная оппозиционная политическая сила, которая пользовалась большой популярностью в Сербии. К числу видных членов и симпатизантов этой партии относились Н. Пашич, К. Таушанович (был министром), Ст. Протич (журналист), А. Станоевич (владелец типографии), Л. Живкович (адвокат), М. Веснич (профессор).

[9] Княжеский дом Карагеоргиевичей, был основан Георгием Петровичем (прозван Георгием Чёрным). Представители этой династии управляли Сербией, а потом Югославией в 1804–1813, 1842–1858, 1903–1945 гг.

[10] Дом Обреновичей, основан Милошем Обреновичем. Управлял Сербией в 1815–1842 и 1858–1903 гг.

[11] Александр Обренович (1876–1903), король Сербии в 1889–1903 гг. Был убит вместе с женой Драгой вследствие офицерского заговора 29 мая/11 июня 1903 г.

[12] Полковник А. И. Будзилович (псевдоним «Грабо») руководил действиями российской тайной полиции на Балканах. О нём см.: Каширин В. Б. *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны.* М., ВИКМО–М, 2014. С. 169–172, 174–177, 179, 181, 183; *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића II. Београд, 1990. С. 182–183, 218, 261–262, 275; Шемякин А. Л. *Русский человек на Балканах: Сербская одиссея поручика Мамулова (1893–1915)* // Славянский альманах. М., 2015. № 3–4. С. 59–60, 62, 66–69. Некоторые документы о деятельности Будзиловича на Балканах отложились в АВПРИ. См.: АВПРИ. Ф. 169/2. Миссия в Бухаресте. Оп. 511/1. Д. 375–378, 380–385; Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 2818.

[13] Консервативная газета, находилась под контролем Таке Ионеску.

București, 1 august 1899, nr. 35. [Fonton către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână

S[timate] D[omnule], C[onte], Mih[ail] Nikolaevici,

Acum câteva zile, s-a întors din Serbia domnul Alexandru Catargiu[1], unchiul regelui Milan[2], care fusese trimis al guvernului rom[ân] la S[ankt]-Petersburg, fiind chemat de către nepotul său la Belgrad la puțin timp după comiterea atentatului[3].

Drept motiv aparent pentru această călătorie a fost invocată dorința guv[ernului] sârb de a modifica, în măsura posibilităților, atitudinea extremă de neîncredere și ironie adoptată de societatea și presa românească față de acest atentat, precum și de a obține, prin intermediul domnului Catargiu[4], care se bucură în prezent, în urma alegerii sale în funcția de vice-președinte al Camerei Deputaților[5], de un anumit grad de influență, cooperarea și sprijinul total al guv[ernului] rom[ân] în vederea descoperirii tuturor ițelor acestei conspirații, care ar fi fost, chipurile, pregătită în România.

Într-adevăr, unchiul regelui-tată, povestindu-mi personal despre șederea sa la Belgrad, îi amintea cu vădită indignare pe generalul Grujić[6], pe Pašić[7] și pe toți nihiliștii-radicali[8], adepți înflăcărați ai dinastiei Karađorđević[9] și falși prieteni ai Rusiei, a cărei politică nu este înțeleasă și este ostilă dinastiei Obrenović[10]. Domnul Catargiu, la fel, pur și simplu nu poate concepe, cum putea Rusia să îi primească sub protecția sa pe muntenegreni, fiecare dintre aceștia fiind cel puțin un haiduc de drumul mare, dacă nu chiar un asasin plătit.

Această conspirație, după părerea interlocutorului meu, a fost concepută în România, fiind o acțiune de cea mai largă anvergură, iar imediat după asasinarea tatălui ar fi trebuit să cadă și regele Alexandru[11]. După aceste cuvinte, domnul Catargiu m-a întrebat, într-un mod cu totul lipsit de tact și necuviincios, cine este domnul Grabov (este vorba despre colonelul Budzilovici, agent al Depart[amentului] Poliției[12]) și ce post ocupă el în cadrul misiunii noastre diplomatice.

În general, din toată această conversație, eu am rămas cu ferma convingere că în palatul de la Belgrad, de unde tocmai plecase domnul Catargiu, există o tendință evidentă nu doar de a prezenta această conspirație ca o acțiune de dimensiuni foarte mari, dar și de a arunca, pe cât va fi posibil, o anumită umbră de suspiciune asupra agenților noștri diplomatici din Peninsula Balc[anică].

Aceleași lucruri, dar într-o formă mult mai dură, le-au fost transmise de către domnul Catargiu tuturor reprezentanților străini acreditați la București. În sfârșit, în afară de aluziile legate de participarea Rusiei, aceste lucruri au fost tipărite în ziarul guvernamental de limbă franceză de aici, „La Roumanie"[13].

Deși acest articol s-a lovit de o ripostă puternică în presa locală, declarațiile domnului Catargiu au schimbat în mod semnificativ viziunea multor membri ai corpului dipl[omatic] asupra acestei conspirații.

În ceea ce îi privește pe reprezentanții societății cultivate din Rom[ânia], aceștia nu ascund că domnul Catargiu, starea financiară a căruia este deplorabilă, nu acționează câtuși de puțin în mod dezinteresat. Trimisul sârb de aici a declarat în mod direct că unchiul a primit de la nepot 100 de mii de franci pentru eforturile sale.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 106–107.

[1] Alexandru C. Catargiu (1839–1914), om politic român conservator și diplomat. Fiul lui Costin Catargiu și al Smarandei Balș / Catargiu; frate cu Elena Maria Catargiu / Obrenović. Ministru plenipotențiar al României la Sankt-Petersburg în perioada noiembrie 1892 – octombrie 1895. Între noiembrie 1899 și decembrie 1900 a fost ministru plenipotențiar la Roma, iar mai apoi la Londra (până în 1911).

[2] Milan Obrenović. Născut la Mărășești (Moldova), la 10/22 august 1854. Tatăl – Miloš Obrenović, mama – Elena Maria Catargiu / Marija Obrenović. Principe al Serbiei (Milan Obrenović IV) în perioada 1868/1872 – 1882 și rege (Milan I) între 1882 și 1889. A renunțat la tron în favoarea fiului său Aleksandar Obrenović, din cauza unui conflict cu guvernul sârb. În anul 1894 a revenit în Serbia, reușind să obțină sprijinul unei părți importante a armatei. A murit în exil, la Viena, la 29 ianuarie / 11 februarie 1901.

[3] Se are în vedere așa-numitul atentat de Ivandan (ziua Sf. Ioan Botezătorul), comis împotriva lui Milan I Obrenović, care a avut loc la Belgrad pe 24 iunie 1899, de sărbătoarea Nașterii Sf. Ioan Botezătorul. Un bosniac, fost pompier, Đuro Knežević, l-a împușcat pe Milan, dar acesta a rămas în viață. Milan a folosit acest incident ca pretext pentru a se răfui cu liderii Partidului Radical, rusofil, aflați atunci în opoziție. El afirma că în această conspirație ar fi fost implicată poliția secretă rusă, iar atentatul respectiv ar fi fost comis în favoarea dinastiei Karageorgjević. A se vedea: С. И. Данченко, *Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг.*, Москва, Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики, 1996, p. 352–378.

[4] Alexandru C. Catargiu.

[5] În vara – toamna anului 1899 a fost vicepreședinte al Adunării Deputaților.

[6] Sava Grujić (Грујић) (1840–1913), militar și om politic sârb, a fost de cinci ori șef al guvernului sârb. În anii 1897–1899 a ocupat funcția de trimis sârb la Sankt-Petersburg. A fost destituit din acest post imediat după atentatul de Ivandan. Chiar înainte de a reveni în Serbia, autoritățile ruse l-au decorat, în mod demonstrativ, pe Grujić cu un ordin rusesc.

[7] Nikola Pašić (Пашић) (1845–1926), politician și om de stat sârb, de orientare rusofilă. Din 1891, a fost de mai multe ori prim-ministru.

[8] Partidul Radical. Singura forță politică de opoziție, care se bucura de o mare popularitate în Serbia. Printre membrii și simpatizanții importanți ai acestui partid se numărau Nikola Pašić, K. Taušanović (fost ministru), Št. Protić (ziarist), A. Stanoević (proprietar de tipografie), L. Živković (avocat), M. Vesnić (profesor).

[9] Casa Karađorđević, fondată de Đorđe Petrović (supranumit Карађорђе/Karađorđe – George cel Negru). A condus Serbia în anii 1804–1813, 1842–1858, 1903–1945 (Iugoslavia).

[10] Casa Obrenović, fondată de Miloš Obrenović. A condus Serbia în anii 1815–1842 și 1858–1903.

[11] Aleksandar Obrenović (1876–1903), rege al Serbiei între 1889 și 1903. A fost ucis, împreună cu soția sa (Draga), într-un complot al ofițerilor (29 mai/11 iunie 1903).

[12] Colonelul Aleksandr I. Budzilolovici (alias Grabo). A coordonat acțiunile poliției secrete ruse în regiunea Balcanilor (В. Б. Каширин, *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014, p. 169–172, 174–177, 179, 181, 183; С. Јовановић, *Влада Александра Обреновића II,* Београд, 1990, p. 182–183, 218, 261–262, 275; А. Л. Шемякин, *Русский человек на Балканах: Сербская одиссея поручика Мамулова (1893–1915)*, în „Славянский альманах”, nr. 3–4, 2015, p. 59–60, 62, 66–69. În fondurile APEIR se păstrează o parte din documentele referitoare la activitățile lui Budzilovici în Balcani (APEIR, Fond 169/2, Legația din București, opis 511/1, dosare 375–378, 380–385).

[13] Ziar conservator controlat de Take Ionescu.

16

Бухарест, 2 августа 1899 г., № 36. [Сомов[1] – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

Весьма секретно

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Мих[аил] Никол[аевич],

В дополнение к секретной телеграмме моей от 30 сего июля[2] имею честь донести Вашему Сиятельству, что утром того же дня неожиданно прибыл в Синаю из

Бухареста сербский посланник, который после завтрака и аудиенции у короля посетил меня.

Господин Георгиевич[3] заявил мне, что он не в силах исполнять долее низкие и бесчестные поручения своего правительства[4], задавшегося целью погубить лучших людей страны. По его глубокому убеждению, заговор ловко разыгранная комедия. Король Милан никогда не ездил по улице, где совершено преступление, и Кнежевич не стал бы поджидать его здесь. Выбрана же она лишь потому, что по ней ездил король Александр, что даёт возможность утверждать, что заговорщики после убийства отца хотели покончить и с сыном. Сверх того, как по наиболее многолюдной, покушение совершалось при большом числе очевидцев.

Совершенно неверно, что заговор приготовлен в Румынии. По долгому и тщательному изучению всех показаний и личном допросе свидетелей, Георгиевич полагает, что агент Милана заранее ездил по Румынии и выдавал себя за Кнежевича.

Большинство первых показаний Кнежевича не подтвердились. Тогда нагрянули в Румынию многочисленные агенты Милана, снабжённые значительными средствами, и подкупали всех, кого могли. Показания подкупленных новых свидетелей посылались в Белград, прочитывались Кнежевичу, который к ним приурочивал свои вторичные показания. Эти новые показания присылались через сербскую миссию для проверки румынск[ой] полицией.

Самого посланника и секретаря миссии агенты Милана обвинили в выдаче пособия Кнежевичу. Им пришлось оправдываться; к счастью, агенты поусердствовали и указали именно тот день, когда они были в Синае. Тогда во всём обвинили драгомана Свилокосича[5], и сербское правительство потребовало его выдачи, но безуспешно. Королю Милану хотелось во что бы то ни было замешать и императорскую миссию в Бухаресте, и сербский посланник получил предписание потребовать от рум[ынского] пр[авительств]а, чтобы оно официально допросило курьера российской миссии Петра Мишковича, что ему известно о происках кн[язя] Николая Черногор[ского][6] и Карагеоргиевичей. Все доводы господина Георгиевича о неуместности такой выходки не были приняты во внимание, и он был вынужден официально обратиться к рум[ынскому] мин[истру] иностранных дел. Господин Лаховари отвечал отказом.

Одновременно официально и за № господину Георгиевичу предписано подкупить того же Мишковича, чтобы он доносил об интригах Карагеоргиевичей и о деятельности русской миссии в Бухаресте. Сербский посланник показал мне обе подлинные бумаги. Считаю должным присовокупить, что кур[ьер] Мишкович находился в это время в отпуску.

Господин Георгиевич заявил, что исполнение таких поручений, постоянное общение и вечная возня со шпионами и с подкупленными свидетелями, сверх того, пререкания с дядей короля господином Катарджиу, который при посредстве генерала Альджиу[7], префекта бухарестской полиции, запутывал совершенно невинных людей, заставили его подать в отставку. Когда сербский м[инистр] и[ностранных] д[ел][8] не принял её, Георгиевич обратился к королю Александру, прося разрешения прибыть в Белград. После обмена многочисленными телеграммами ему разрешено прибыть в Белград для объяснений по делу о заговоре, но с непременным условием обозначения часа отъезда, приезда и подробного пути следования. «Вы знаете, что это значит?» – обратился ко мне Георгиевич. «Король Милан отлично понял, что я не тот человек, которого нужно было бы иметь в Белграде, и он опасается, что я расскажу всё королю Александру, который не посвящён в дело о мнимом заговоре. Я самый неудобный для Милана человек. Король-отец поставил теперь всё на карту и конечно не остановится

перед убийством. Я долго колебался, но ныне твёрдо решился ехать и всё рассказать молодому королю, который, я надеюсь, решится, наконец, расстаться с отцом и переменить Министерство.

Шаг, который я предпринимаю, грозит мне смертью, весьма возможно, что я не доеду до Белграда, тогда все документы будут уничтожены, и Милан выйдет чист.

Вследствие сего я и прошу имп[ераторское] пр[авительств]о разрешить мне передать все копии миссии на хранение, может быть, сослужат они хорошую службу на суде в Белграде, куда в случае надобности миссия ваша в Белграде могла бы мне их передать». В заключение господин Георгиевич, упомянув, что не имеет лично состояния, просил в случае смерти или изгнания, покровительства и пособия им[ператорского] пр[авительства] многочисленному семейству.

По получении секретной телегр[аммы] В[ашего] С[иятельства] от 31 июля я немедленно же передал содержание её сербск[ому] посланнику. Глубоко тронутый, господин Георгиевич показал мне новую телеграмму кор[оля] Алекс[андр]а, согласно коей он должен немедленно же явиться в Ниш.

По заявлению господина Георгиевича он в Белграде решит, что ему делать и как добиться возможности видеть кор[оля] Александра одного, т.к. король Милан не отходит от сына и самовластно ведёт дело о заговоре[9]. Во всяком случае, в Ниш он поедет в сопровождении сына, который только что прибыл из Белграда.

По возвращении из Синаи господин Георгиевич нашёл своего слугу убитым двумя выстрелами в висок и сердце; перед покойным лежал револьвер и записка «Уношу секрет в могилу». Господин Георгиевич не верит, чтобы это было самоубийство, и с горечью заметил: «Что же будет в Белграде, если уже здесь пахнет кровью?». Я нашёл его крайне потрясённым этой загадочной смертью; тем не менее, он решился довести своё намерение до конца и при прощании, осенив себя крестным знамением, сказал, что милостивое заявление имп[ераторского] пр[авительств]а придаёт ему бодрости и силы.

Переданные серб[ским] посланником копии документов заключают всю шифр[ованную] и секретную переписку его с королём и с сер[бским] мин[истром] ин[остранных] дел Владаном Джорджевичем по делу о покушении, в том числе и бумаги о допросе, а затем и о подкупе курьера миссии в Бухаресте, а равно и объёмистую официальную переписку Георгиевича за 1898 и [18]99 гг. с королём и министерством и по другим вопросам[10].

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 108–112.

---

[1] Александр Сергеевич Сомов (1859–1928). Служил в министерстве иностранных дел с 1881 г. Занимал разные посты в российских миссиях и консульствах в Сербии, Румынии, Соединённых Штатах Америки, Японии, Персии, Корее и Бухаре. В Бухаресте был вторым секретарём российской миссии в 1892–1895 гг. и первым секретарём в 1897–1902 гг.

[2] АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 660. Л. 9. Сомов сообщал Муравьёву: «Сербский посланник Георгиевич заявил мне, что у него в руках подлинные документы, указывающие, что покушение подготовлено агентами Милана».

[3] Сербский посланник в Бухаресте.

[4] Правительство, которое возглавлял Владан Джорджевич, выполнявший также функции министра иностранных дел (октябрь 1897 – июль 1900 гг.).

[5] Добривое Свилокосич. Позже был консулом Сербии в Бухаресте.

[6] Никола I (1841–1921). Князь Черногории в 1860–1910 гг., король в 1910–1918 гг.

[7] В документе – Алжиу (1834–1904), бригадный генерал.

[8] Владан Джорджевич.

[9] С 27 августа по 13 сентября был устроен сфабрикованный белградскими властями судебный процесс. Тем не менее, от смертной казни лидеры радикалов были спасены благодаря вмешательству России и других европейских государств. Кнежевич же был расстрелян сразу после оглашения приговора. См.: *Станковић У.* Правна анализа о преком суду за учеснике у Ивањданском атентату (1899) // Истраживања. Бр. 21, 2010.

[10] Секретной телеграммой от 6/18 августа Сомов просил разрешения отправить эти документы в российский МИД. Он сообщал, что «кроме предписаний о подкупе свидетелей, которые подлежат допросу румынскими властями и переписки по делу о заговоре, есть бумаги и по другим вопросам. Есть подлинные письма Владана Джорджевича». См.: АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 660. Л. 10.

București, 2 august 1899, nr. 36. [Somov[1] către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

Strict secret

S[timate] D[omnule], C[onte], Mih[ail] Nikol[aevici],

Suplimentar la telegrama mea secretă trimisă pe data de 30 iulie curent[2], am onoarea să vă raportez Luminăției Voastre că în dimineața aceleiași zile a sosit în mod neașteptat la Sinaia, de la București, trimisul sârb de aici, care, după un mic dejun și o audiență la rege, m-a vizitat personal.

Domnul Georgijević[3] mi-a declarat că el nu mai este în stare să execute, de acum încolo, sarcinile și ordinele josnice și dezonorante ale guvernului său[4], care ar urmări scopul de a-i duce la pierzanie pe cei mai buni oameni ai țării. El este profund convins că această conspirație nu este decât o comedie jucată în mod foarte abil. Regele Milan nu circula niciodată pe acea stradă, unde a fost comisă crima, iar Knežević nu ar fi stat la pândă pentru a-l aștepta acolo. Această stradă ar fi fost aleasă doar pentru că pe ea mergea cu trăsura regele Alexandru, ceea ce face verosimilă afirmația că, după asasinarea tatălui, conspiratorii voiau să încheie socotelile și cu fiul. Mai mult decât atât, fiind vorba de o stradă intens circulată și înțesată de oameni, atentatul a fost comis în prezența unui mare număr de martori oculari.

Este absolut incorect să se afirme că această conspirație ar fi fost pregătită în România. În urma studierii îndelungate și minuțioase a tuturor depozițiilor și a interogării personale a martorilor, Georgijević consideră că un agent al lui Milan a mers din vreme prin toată România, dându-se drept Knežević.

Cea mai mare parte a mărturiilor inițiale ale lui Knežević nu s-au confirmat. Atunci România a fost împânzită de o mulțime de agenți de-ai lui Milan, care dispuneau de mijloace financiare considerabile și care cumpărau și mituiau pe oricine puteau. Depozițiile acestor noi martori cumpărați erau trimise la Belgrad și îi erau citite lui Knežević, care își sincroniza și adapta la ele mărturiile sale în cea de-a doua versiune. Aceste noi depoziții erau trimise înapoi în România, prin intermediul misiunii diplomatice sârbe, pentru a fi verificate de poliția rom[ână].

Atât trimisul sârb, cât și secretarul misiunii diplomatice au fost acuzați de către agenții lui Milan că i-ar fi acordat un ajutor financiar lui Knežević. Ei au fost nevoiți să se justifice; din fericire, agenții au demonstrat un anumit exces de zel și au indicat exact acea zi, când ambii diplomați erau la Sinaia. Atunci de toate relele a fost acuzat dragomanul Svilokosić[5], iar guvernul sârb a cerut extrădarea sa, însă fără nici un succes. Regele Milan voia, cu tot

dinadinsul, să implice cumva în toate acestea și misiunea imperială rusă din București. Astfel, trimisul sârb a primit instrucțiunea de a solicita insistent în fața guv[ernului] rom[ân] ca acesta din urmă să îl interogheze în mod oficial pe curierul misiunii diplomatice ruse, Piotr Mișkovici, întrebându-l ce informații are despre uneltirile princ[ipelui] Nicolae de Munteneg[ru][6] și ale dinastiei Karađorđević. Toate argumentele domnului Georgijević privind caracterul nepotrivit al unui asemenea gest inadecvat nu au fost luate în considerație, iar el a fost nevoit să se adreseze în mod oficial min[istrului] rom[ân] al afacerilor străine. Răspunsul domnului Lahovari a fost un refuz.

În același timp, în mod oficial, domnului Georgijević i s-a ordonat să îl mituiască pe același Mișkovici, ca acesta să ofere informații, chipurile, despre intrigile familiei Karađorđević și despre activitatea misiunii diplomatice ruse de la București. Ministrul sârb mi-a arătat ambele hârtii, în original. Consider de datoria mea să adaug că amintitul cur[ier] Mișkovici se afla în această perioadă în concediu.

Domnul Georgijević mi-a declarat că executarea unor asemenea instrucțiuni și sarcini, comunicarea permanentă cu spionii și veșnica agitație haotică legată de aceștia și de martorii cumpărați de ei, iar, în afară de asta, conflictele și contrele avute cu unchiul regelui, domnul Catargiu, care, prin intermediul generalului Algiu[7], prefect al poliției bucureștene, îi inducea în eroare și îi băga în încurcături pe oameni absolut nevinovați, l-au impus să își dea demisia. Atunci când min[istrul] sârb al af[acerilor] str[ăine][8] nu a acceptat-o, Georgijević s-a adresat direct regelui Alexandru, solicitând permisiunea de a sosi la Belgrad. În urma unui schimb de numeroase telegrame între părți, lui Georgijević i s-a permis să sosească la Belgrad pentru a da explicații în legătură cu chestiunea privind conspirația, dar cu condiția obligatorie a anunțării prealabile a orei plecării și sosirii sale, precum și a itinerarului său detaliat. „Știți, ce înseamnă aceasta?” – mi s-a adresat Georgijević. „Regele Milan a înțeles perfect că eu nu sunt deloc acea persoană, pe care ar trebui să o aibă acum prin preajmă, la Belgrad, și el are temerea că eu îi voi povesti totul regelui Alexandru, care nu este implicat și informat cu privire la chestiunea pretinsei conspirații. Eu sunt omul cel mai incomod pentru Milan. Regele-tată a pariat acum totul pe o singură carte și, desigur, nu se va opri nici în fața unei crime, a unui omor. Eu am ezitat multă vreme, dar acum am decis ferm să merg la Belgrad și să îi povestesc totul tânărului rege, care, sper eu, se va decide, în sfârșit, să se despartă de tatăl său și să schimbe actualul guvern.

Pasul, pe care îl întreprind acum, ar putea avea consecințe fatale pentru mine. Este foarte posibil că eu nu voi mai ajunge la Belgrad. În acest caz, toate documentele vor fi distruse, iar Milan va ieși basma curată.

Ca urmare a acestei situații, eu rog guv[ernul] imp[erial] să îmi permită să transmit toate copiile actelor misiunii mele diplomatice spre păstrare. Poate că aceste acte vor fi de folos și vor aduce beneficii în timpul procesului de judecată de la Belgrad, unde mi le-ar putea transmite, în caz de necesitate, misiunea voastră diplomatică de la Belgrad”. În încheiere, domnul Georgijević, amintind în treacăt că nu dispune de avere personală, a solicitat, în cazul morții sau al exilului său, acordarea protecției și a unui sprijin financiar permanent, din partea guv[ernului] imp[erial], pentru numeroasa sa familie.

În urma primirii telegr[amei] secrete a Lum[inăției] V[oastre] din data de 31 iulie, eu i-am transmis imediat conținutul acesteia trimisului sârb. Fiind profund impresionat, domnul Georgijević mi-a arătat o nouă telegramă din partea reg[elui] Alex[andru], conform căreia el trebuie să se prezinte imediat în orașul Niș.

Conform declarațiilor domnului Georgijević, el va hotărî la Belgrad ce să facă în continuare și cum să obțină posibilitatea de a-l întâlni pe reg[ele] Alexandru singur, deoarece

regele Milan nu se îndepărtează nici pentru o clipă de fiul său și coordonează cu de la sine putere și în mod autoritar ancheta în dosarul conspirației[9]. În orice caz, el va pleca la Niș fiind însoțit de fiul său, care tocmai sosise din Belgrad.

După revenirea sa de la Sinaia, domnul Georgijević și-a găsit servitorul mort. Acesta fusese asasinat cu două gloanțe, fiind împușcat în tâmplă și în inimă; în fața celui decedat era așezat un revolver și o notă cu următorul cuprins: „Îmi duc secretul în mormânt." Domnul Georgijević nu crede că în acest caz ar fi vorba de o sinucidere. El a remarcat, cu amărăciune: „Oare ce va fi la Belgrad, dacă și aici deja miroase a sânge?" Eu l-am găsit într-o stare extremă de șoc din cauza acestei morți misterioase; cu toate acestea, el s-a hotărât să își ducă intenția și planurile la bun sfârșit. Când ne luam rămas bun, făcându-și semnul crucii, el mi-a spus că declarația milostivă și generoasă a guv[ernului] imp[erial] îl umple de mai multă energie și putere.

Copiile documentelor transmise de către ministrul sârb de aici cuprind întreaga sa corespondență, cifr[ată] și secretă cu regele și cu min[istrul] sârb al af[acerilor] străine, Vladan Đorđević, referitor la dosarul legat de atentat, inclusiv actele și hârtiile privind interogarea, iar apoi și eventuala mituire a curierului misiunii noastre diplomatice de la București. Aceste documente mai cuprind și voluminoasa corespondență oficială a lui Georgijević din anii 1898 și [18]99, pe care a purtat-o cu regele și cu ministerul, dar care se referă și la alte chestiuni[10].

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 108–112.

---

[1] Alexandr Sergheevici Somov (1859–1928). A intrat în serviciul diplomatic în anul 1881. A activat, succesiv, în legații și consulate ruse din Serbia, România, Statele Unite, Japonia, Persia, Coreea și Buhara. La București a fost secretar doi al Legației ruse din România în anii 1892–1895 și secretar unu în anii 1897–1902.

[2] APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 660, fila 9. Somov îi comunica lui Muraviev următoarele: „[...] trimisul sârb Georgijević mi-a comunicat faptul că se află în posesia unor documente autentice, care dovedesc că atentatul a fost pregătit de către agenții lui Milan".

[3] Trimisul sârb la București.

[4] Guvernul condus de Vladan Đorđević. Acesta deținea și funcția de ministru de externe (octombrie 1897–iulie 1900).

[5] Dobrivoje Svilokosić. Ulterior a fost consul al Serbiei la București.

[6] Nikola I (1841–1921). Principe al Muntenegrului între 1860 și 1910, rege între 1910 și 1918.

[7] Ion Algiu (1834–1904), general de brigadă.

[8] Vladan Đorđević.

[9] Între 27 august și 13 septembrie a avut loc procesul instrumentat de către autoritățile de la Belgrad. Conducătorii radicali au fost salvați de pedeapsa cu moartea de intervențiile Rusiei și ale altor state europene. Knežević a fost însă executat imediat după anunțarea sentinței. A se vedea: Урош Станковић, *Правна анализа о преком суду за учеснике у Ивањданском атентату (1899)*, în „Истраживања", бр. 21, 2010.

[10] Printr-o telegramă secretă din 6/18 august, Somov solicita permisiunea de a expedia respectivele documente ministerului imperial de externe. El mai comunica faptul că, „alături de indicațiile de a cumpăra martori, care pot fi interogați de către autoritățile române, și corespondența privind atentatul, există diverse documente privitoare la alte chestiuni. Sunt și scrisori originale semnate de Vladan Đorđević" (APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 660, fila 10).

17

Бухарест, штамп от 2 августа 1899 г., № 37. [Сомов – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) Мих[аил] Ник[олаевич],

Здешний Албанский комитет[1] доставил в импер[аторскую] миссию печатное воззвание к албанцам, в котором объявляется, что 15 сент[ября] с.г. предполагается созвать в г. Бухаресте албанский конгресс[2]. Программа предметов, обозначенных для обсуждения на этом конгрессе, заключает в себе, между прочим, вопрос о независимости Албании под сюзеренитетом султана, об учреждении национальной милиции и об организации Албании в один вилайет, под управлением генерал-губернатора, избранного великими державами и утверждённого султаном и т.д.

Румынское правительство, верное своей программе по возможности устраняться от покровительства какого бы то ни было политического движения на Балканском полуострове, предписало префекту города Бухареста[3] объявить албанским главарям, что оно не допустит созвания конгресса в Румынии, и вследствие сего Албанский комитет изыскивает ныне иное место для проектируемого им конгресса.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 113–114.

[1] См. док. № 7 от 8 марта 1899 и док. № 13 от 8 июня 1899 г.

[2] Согласно германскому и австро-венгерскому посланникам в Бухаресте, часть албанцев Бухареста находились под влиянием российской дипмиссии в Румынии.

[3] Ион Альджиу.

București, ștampila din 2 august 1899, nr. 37. [Somov către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

S[timate] D[omnule], Conte, Mih[ail] Nik[olaevici],

Comitetul albanez de aici[1] a transmis prin curier misiunii imper[iale] un apel tipărit către albanezi, în cuprinsul căruia este anunțat faptul că pe data de 15 sept[embrie] a.c. se preconizează să fie convocat în orașul București un congres albanez[2]. Programul subiectelor care ar trebui remarcate, propuse spre discuție în timpul acestui congres, include, printre altele, chestiunea privind independența Albaniei sub suzeranitatea sultanului, cea despre crearea unei miliții naționale, precum și cea privind reorganizarea Albaniei într-un singur vilaiet, aflat sub administrația unui guvernator general, ales de către Marile Puteri și confirmat de sultan etc.

Guvernul român, rămânând fidel programului său de a se eschiva, în măsura posibilităților, de la acordarea protecției sale oricărui fel de mișcare politică apărută în Peninsula Balcanică, i-a dat instrucțiuni prefectului orașului București[3] să îi informeze pe conducătorii albanezi că el nu va permite convocarea acestui congres în România, iar ca urmare a acestui

fapt Comitetul albanez este în prezent în căutarea unui alt loc pentru organizarea congresului proiectat de el.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 113–114.

---

[1] A se vedea doc. nr. 7 din 8 martie 1899 și doc. nr. 13 din 8 iunie 1899.

[2] Potrivit trimișilor german și austro-ungar de la București, o parte a albanezilor din București se aflau sub influența misiunii diplomatice ruse din România.

[3] Ion Algiu.

18

Бухарест, 18 августа 1899 г., № 40. [Сомов – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Мих[аил] Николаевич,

Крайне произвольные действия румынской полиции по отношению к проживающим в Бухаресте сербам, потворство присланным из Белграда тайным агентам, пытающимся при содействии здешней сербской миссии заручиться подкупными свидетелями, встретили сильный отпор со стороны местной печати.

Имею честь представить при сём на благоскл[онное] воззрение В[ашего] С[иятельства] перевод появившейся в газете „Adevărul" статьи «Сербские эмигранты», в которой заключаются разоблачения, касательно попытки секр[етаря] серб[ской] миссии подкупить господина Ковачевича[1], бывшего редактора газеты «Глас Боснии и Герцеговины»[2].

[без подписи]

Преследование сербских эмигрантов

Несмотря на заявления официозных журналов, утверждающих, будто сербские эмигранты, проживающие в Румынии, оставляются в покое, мы ежедневно получаем доказательства того, что наши власти действуют рука об руку с белградской полицией.

Всех сербских эмигрантов до единого в Румынии преследуют, где бы они не находились. Сербские же шпионы, набираемые из среды разбойников и убийц, которых агенты Милана выпустили из Сербии, находятся под протекцией нашей полиции, и услугами их наши власти пользуются при преследовании сербских эмигрантов.

На днях мы уже сообщили об одной банде шпионов Милана, которые пировали в Бухаресте с псевдоубийцей Кнежевичем.

Спустя несколько дней, местный журнал „Epoca" уверял нас, что это честные люди и что при сделанном у них полицией обыске ничего подозрительного не было найдено. Мы же утверждаем, что банда этих шпионов на самом деле состоит из обыкновенных убийц, которые совершили множество преступлений в Сербии на глазах и с ведома многих из нынешних белградских правителей.

Теперь мы приведём ещё пример того, как действует в этом вопросе правительство Кантакузино.

Приблизительно два месяца тому назад бежал в Турну-Северин один сербский журналист Иван Г. Ковачевич, директор и собственник журнала «Глас Боснии и Герцеговины». Ковачевич издавал свою газету в Медове, и австрийское правительство изгнало его под предлогом, что журнал его воодушевлён антиавстрийскими чувствами.

Из Медовы Ковачевич отправился в Белград. Желая угодить австрийцам, сербское правительство стало его преследовать, пока, наконец, не изгнало его из Сербии. Тогда Ковачевич поселился в Турну-Северине со своим 10-летним сыном. В Северине Ковачевич не занимался более политикой и был доволен, что нашёл спокойное убежище.

По окончании допросов и обысков в домах сербских эмигрантов, живущих в Бухаресте и находящихся в списках соучастников Кнежевича, настала очередь и Ковачевича. По предложению белградского правительства северинскому префекту было предписано немедленно арестовать Ковачевича и доставить его в Бухарест. 4 августа вечером полицейский пристав г. Северина Константин Бэрбулеску арестовал его вместе с сыном и 5 августа лично доставил обоих в Бухарест, где они все вместе остановились в гостинице «Дачия». Заперев Ковачевича с сыном в одной из комнат гостиницы и дав знать полиции и сербской миссии, что беглый журналист доставлен, пристав Бэрбулеску выпустил затем Ковачевича и вместе с ним поехал на извозчике. На улице Питарь Мошу они остановились и вошли в один дом. Через несколько минут прибыло два лица в экипаже.

Одно из этих лиц был господин Ивкович, секретарь сербской миссии. Господин Ивкович протянул руку Ковачевичу и сказал ему по-сербски следующее: «Я уполномочен нашим правительством доставить тебя в Бухарест и сделать тебе предложение, от которого, я полагаю, ты не откажешься. Мне известно, что ты человек бедный и что тебе надоели преследования. Если ты пожелаешь быть благоразумным, то избавишься от всех нужд, и тебе будет хорошо. Поезжай в Белград и признай, что ты знаешь Кнежевича, открой заговор. Через несколько дней дело будет разбираться в суде; отправляйся, и ты избавишься от крайней бедности. Вот пока 6.000 лей, а в будущем тебя ещё лучше вознаградят».

Ковачевич остолбенел. Секретарь миссии устремил на него глаза, а в руке держал пакет с банковыми билетами. Сербский эмигрант, после непродолжительного молчания, ответил господину Ивковичу, что он в жизни не видал Кнежевича и что понятия даже не имеет о покушении в Белграде. А потому, как ему отправиться в суд и что ему сказать? Он предпочитает умереть с голода, нежели дать ложные показания, направленные против целой партии, которая, по приходе к власти, отправит в тюрьму, и совершенно справедливо, всех предателей, клеветавших на сербских патриотов. Секретарь сербской миссии удалился, весьма поражённый.

После этого Ковачевич ожидал, что его закуют в кандалы и отправят в Кладово, как уже раз поступили в подобном случае с одним сербом. Однако пристав, заметив, что журналист ответил решительным отказом, отвёз его обратно в гостиницу и просил его только не разглашать о случившемся. В настоящее время Ковачевич находится в Бухаресте под надзором полицейских агентов. Кто знает, что ещё предстоит вынести несчастному эмигранту.

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 118–121.

---

[1] Иван Г. Ковачевич.

[2] Русский перевод статьи см. ниже.

București, 18 august 1899, nr. 40. [Somov către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

S[timate] D[omnule], C[onte], Mih[ail] Nikolaevici,

Acțiunile extrem de arbitrare ale poliției române față de sârbii care locuiesc la București, complicitatea și atitudinea indulgentă față de acțiunile agenților secreți trimiși încoace de la Belgrad, care încearcă, inclusiv cu sprijinul misiunii diplomatice sârbe de aici, să identifice și să găsească anumiți martori cumpărați, s-au lovit de o reacție ostilă destul de puternică din partea presei locale.

Am onoarea să vă prezint, în anexă la acest raport, la discreția binevoit[oare] a Lum[inăției] V[oastre], traducerea articolului „Emigranții sârbi”, care a apărut în paginile ziarului „Adevărul”[1], și în care sunt cuprinse anumite informații extrem de revelatoare privind încercările secr[etarului] misiunii diplomatice sârb[e] de a-l mitui și cumpăra pe domnul Kovačević[2], fostul redactor al ziarului „Glasul Bosniei și Herțegovinei”.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, fila 118.

---

[1] Nu se publică.

[2] Ivan G. Kovačević.

19

Бухарест, 18 августа 1899 г., № 41. Сомов – Муравьёву[1]

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Румынский торговый мир и печать крайне возмущены сбором, установленным венгерским правительством с судов, проходящих по новому каналу у Железных Ворот[2]. Рассматривая доводы, приводимые против введения этого сбора, нельзя не признать, что многие из них являются весьма вескими и справедливыми, и не с одной румынской точки зрения.

Пороги у Железных Ворот как бы делят Дунай на две части: нижнюю, судоходную от Сулины[3] до Гура-Вай[4] на расстоянии 900 километров, и верхнюю от Молдовы[5] до Пресбурга[6], имеющую почти то же протяжение. По обеим этим частям баржи среднего дунайского типа, вместимостью в 650 тонн и с осадкой в 2 метра 20 сант[иметров] свободно проходят во всякое время года. Единственным исключением является промежуточный участок у Железных Ворот между Молдовой и Гура-Вай.

Улучшение этой части и было предусмотрено Лондонским трактатом 1871 года[7].

По мнению румын, венгерским инженерам следовало бы, прежде всего, сделать и эту часть судоходной для барж в 650 тонн и сидящих 2 метра 20 сантиметров. По окончании работ Дунай стал бы судоходен между Сулиной и Пресбургом на протяжении 1800 километров.

Действительно, первоначально венгерское правительство, казалось, задалось именно этой целью, и в 1888 году было образовано при министерстве общественных

работ особое отделение «для урегулирования судоходства у Железных Ворот и порта Фиуме».

Но затем в 1896 г. мнение венгерского министерства изменилось, и инженеры составляют новый проект, по которому всё внимание обращается исключительно на нижний участок в 10 километров – Гура-Вай–Оршова[8], которому предполагается придать глубину в 3 метра 90 сан[тиметров]. Участок же Молдова–Оршова, верхний, оставлялся без всяких изменений. В Оршове же предполагалось соорудить пристани, набережные и другие портовые сооружения.

Этот новый проект был утверждён палатами, и первоначальный кредит в 9 миллионов флоринов был увеличен до 20 миллионов.

Отсюда ясно стремление венгерского правительства обратить выпавшее на его долю международное поручение в свою пользу и сделать из Оршовы, конечного пункта своих железных дорог, ключ к торговле между верхним и нижним Дунаем. Все же затраты на сооружение венгерских портов в Оршове покрыть по возможности сбором с судов.

Вследствие сего невольно возникает вопрос, справедливо ли заставлять платить проходящие суда сбор в размере, который покрывал бы значительные расходы, произведённые на такое частное венгерское дело как сооружение порта в Оршове.

Сверх того, и в техническом отношении работы не могут быть признаны удачными. В нижнем участке Гура-Вай–Оршова глубина не достигает при низкой воде и двух метров вместо предположенных трёх. С другой стороны, сила течения настолько увеличилась, что два сильные буксира с трудом проводят по каналу соединёнными усилиями две баржи в 530 тонн; между тем, как по старому пути для того же груза достаточно было и одного буксира. Что касается верхнего участка, то незначительные и незаконченные работы произвели обратное действие: усилили течение и этим самым понизили уровень воды.

Вследствие сего вопрос о тарифе подлежит рассмотрению всех заинтересованных держав, которые должны решить, насколько удачно выполнены работы и, во всяком случае, исключить из расходов сумму, истраченную на сооружение венгерского порта в Оршове.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою А. Сомов.

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 195, Лист 19–22 об.

---

[1] Депеша была получена в российском МИД 28 августа 1899 г.

[2] См. док. 14 от 12 июля 1899 г.

[3] Город в уезде Тулча.

[4] В настоящее время эта местность входит в состав муниципалитета Дробета-Турну Северин.

[5] В настоящее время в уезде Караш-Северин.

[6] Братислава.

[7] Вследствие отказа России в октябре 1870 г. от выполнения положений Парижского договора 1856 г., касающихся Чёрного моря, 17 января (ст. ст.) 1871 г. Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Великобритания, Франция, Российская империя и Италия подписали в Лондоне протокол, по которому было установлено, что ни одно государство не может отказаться от взятых на себя обязательств по договору в соответствии с международным правом. Статьи 4–7 Лондонского договора от 13 марта 1871 г. регламентировали многие аспекты, касающиеся навигации по Дунаю, в том числе: продление до мая 1883 г. мандата Европейской Дунайской комиссии; организация деятельности комиссии прибрежных государств посредством соглашения соседних государств; проведение Австро-

Венгрией и Турцией работ по обустройству в районе Железных Ворот (*The European Concert in the Eastern Question. A Collection of Treaties and Other Public Acts* / Ed. by Th. Holland. Oxford. Clarendon Press, 1885. P. 272–275). См. также: Ardeleanu C. *Comisia Europeană a Dunării şi modernizarea infrastructurii de transport a României: calea navigabilă a Dunării (1856–1914) // Curente ideologice şi instituţiile statului modern – secolele XVIII–XX. Modelul european şi spaţiul românesc* / Ed. D. Buşă, I. Căzan, A. Mamina. Bucureşti, Oscar Print, 2007. P. 181.

[8] В настоящее время в уезде Мехединць. В 1970 г., вследствие работ по созданию искусственного озера (для накопления воды) в районе Железных Ворот старый город был затоплен, а его население переселено.

București, 18 august 1899. Nr. 41. Somov către contele Muraviev[1]

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Mediul de afaceri și presa românească sunt extrem de indignate de taxa vamală stabilită de către Guvernul maghiar pentru navele care tranzitează noul canal de la Porțile de Fier[2]. Examinând argumentele invocate împotriva introducerii acestei taxe vamale, nu putem să nu recunoaștem că multe dintre aceste argumente sunt foarte convingătoare și absolut justificate, iar asta nu doar din punctul de vedere românesc.

Pragurile din zona Porților de Fier împart Dunărea, cum ar fi, în două părți: de Jos, care este navigabilă începând de la Sulina[3] până la Gura Văii[4], pe o distanță de 900 de kilometri, și de Sus, începând de la Moldova[5] până la Preßburg[6], care are o întindere aproape identică. De-a lungul ambelor părți ale fluviului, șlepurile de tip mediu danubian, având o capacitate de 650 de tone și cu o imersiune de 2 metri și 20 de cent[imetri], pot trece absolut liber în orice anotimp pe parcursul întregului an. Singura excepție o reprezintă secțiunea intermediară de la Porțile de Fier, situată între Moldova și Gura Văii.

Anume îmbunătățirea acestei părți a fluviului a și fost prevăzută prin Tratatul de la Londra din anul 1871[7].

În opinia românilor, inginerii maghiari ar fi trebuit, înainte de toate, să transforme și această parte a fluviului într-o porțiune navigabilă pentru șlepurile cu capacitatea de 650 de tone și cu imersiunea de 2 metri și 20 de centimetri. După încheierea acestor lucrări, Dunărea ar fi devenit navigabilă între Sulina și Preßburg, pe o distanță totală de 1800 de kilometri.

Într-adevăr, de la bun început se părea că Guvernul maghiar și-ar fi stabilit anume acest scop, iar în anul 1888 a fost creat, pe lângă Ministerul Lucrărilor Publice, un departament special „pentru reglementarea navigației în zona Porților de Fier și a portului Fiume".

Însă după aceea, în anul 1896, opinia guvernului maghiar s-a schimbat, iar inginerii au elaborat un nou proiect, conform căruia toată atenția a fost îndreptată, în mod exclusiv, asupra secțiunii inferioare, pe o distanță de 10 kilometri – de la Gura Văii până la Orșova[8], adâncimea căreia se preconiza a fi mărită până la 3 metri și 90 de cent[imetri]. Totodată, secțiunea dintre Moldova și Orșova, cea superioară, se păstra în starea anterioară, fără nici o modificare. De asemenea, la Orșova se avea în vedere construirea unor cheiuri, debarcadere și ale altor facilități portuare.

Acest nou proiect a fost aprobat de către Camerele maghiare, iar creditul inițial în sumă de 9 milioane de florini a fost mărit până la suma de 20 de milioane de florini.

De aici reiese, în mod evident, tendința și încercările Guvernului maghiar de a transforma misiunea internațională care i-a revenit și i-a fost încredințată și de a o deturna în favoarea sa, făcând din Orșova, punctul final al căilor sale ferate, o cheie a comerțului dintre cursul superior al fluviului și Dunărea de Jos. În același timp, toate cheltuielile pentru

construcția porturilor maghiare de la Orșova ar fi trebuit să fie acoperite, în măsura posibilităților, prin introducerea taxei vamale pentru navele fluviale.

Ca urmare a acestui fapt, apare, *volens-nolens*, întrebarea dacă este echitabil și justificat de a obliga navele care tranzitează zona să plătească o taxă, a cărei mărime ar acoperi, probabil, cheltuielile substanțiale suportate în legătură cu o asemenea afacere și chestiune particulară maghiară precum construcția portului de la Orșova.

Mai mult decât atât, chiar și în ceea ce privește aspectul tehnic, aceste lucrări nu pot fi apreciate drept reușite. În secțiunea inferioară, în aval, între Gura Văii și Orșova, adâncimea nu atinge, în timpul celui mai scăzut nivel al apelor, nici măcar doi metri, în loc de adâncimea preconizată de trei metri. Pe de altă parte, forța curentului de apă a crescut atât de mult, încât chiar și două remorchere puternice tractează cu greu, de-a lungul canalului, cu eforturi combinate, două șlepuri cu o capacitate de 530 de tone; în același timp, pe traseul vechi, pentru tractarea aceleiași încărcături era suficient doar un singur remorcher. În ceea ce privește secțiunea superioară, din amonte, lucrările nesemnificative și nefinalizate din zonă au avut un efect contrar: au crescut intensitatea curentului de apă și, chiar din cauza acestui lucru, a scăzut nivelul apelor.

Ca urmare a acestui fapt, chestiunea privind tariful vamal trebuie supusă discuției și examinată de către toate Marile Puteri și statele interesate de acest subiect, care sunt chemate să decidă cât de reușită a fost executarea lucrărilor și, în orice caz, să excludă din cuantumul total al cheltuielilor suma folosită deja pentru construirea portului maghiar de la Orșova.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, Opis 498, dosar 195, filele 19–22 verso.

---

[1] Raportul lui Somov a fost înregistrat la Ministerul rus al Afacerilor Străine pe data de 28 august 1899.

[2] A se vedea doc. nr. 14 din 12 iulie 1899.

[3] Oraș, în județul Tulcea.

[4] În prezent localitate componentă a municipiului Drobeta-Turnu Severin.

[5] În prezent în județul Caraș-Severin.

[6] Bratislava.

[7] La 17 ianuarie st.n. 1871, Germania, Austro-Ungaria, Imperiul Otoman, Marea Britanie, Franța, Imperiul Rus și Italia au semnat la Londra, ca urmare a denunțării de către Rusia în octombrie 1870 a clauzelor din Tratatul de la Paris (1856) referitoare la Marea Neagră, un protocol prin care se stabilea că nici un stat nu se poate dispensa de la sine putere de obligațiile asumate printr-un acord de drept internațional. Prin articolele 4–7 ale Tratatului de la Londra din 13 martie 1871 erau reglementate și mai multe aspecte privitoare la navigația pe Dunăre, printre care: extinderea până în mai 1883 a mandatului Comisiei Europene a Dunării; organizarea activității Comisiei Riveranilor printr-un acord al statelor limitrofe; executarea lucrărilor de amenajare la Porțile de Fier de către Austro-Ungaria și Turcia (*The European Concert in the Eastern Question. A Collection of Treaties and Other Public Acts*, edited with introductions and notes by Thomas Erskine Holland, Oxford, At the Clarendon Press, 1885, p. 272–275). A se vedea și: Constantin Ardeleanu, *Comisia Europeană a Dunării și modernizarea infrastructurii de transport a României: calea navigabilă a Dunării (1856–1914)*, în *Curente ideologice și instituțiile statului modern – secolele XVIII–XX. Modelul european și spațiul românesc*, volum editat de Daniela Bușă, Ileana Căzan și Alexandru Mamina, București, Oscar Print, 2007, p. 181.

[8] În prezent în județul Mehedinți. În 1970, prin amenajarea unui lac de acumulare la Porțile de Fier, orașul vechi a fost inundat, iar populația a fost reașezată.

20

Галац, 20 августа 1899 г. № 214. Лодыженский[1] – в МИД

В первый департамент министерства иностранных дел

Имею честь при сём представить в первый департамент копию с частного письма моего господину гофмейстеру Фонтону в Вену от 18(30) сего месяца по вопросу о судоходстве нашем чрез Железные Ворота, с 2[мя] приложениями.

Генеральный консул Н. Лодыженский

Копия с частного письма действительного статского советника Лодыженского Его Превосходительству Н. А. Фонтону в Вену. Галац, 18(30) августа 1899 г.

8(20) сего месяца я имел честь получить частное письмо от господина нашего поверенного в делах в Бухаресте, из Синаи, от 5 августа, коим статский советник Сомов мне сообщает, что Ваше Превосходительство изволите поручать мне добыть от галацкого агента О.Ч.Д.П[ва2] сведения о том, проходили ли ранее, т.е. до сооружения канала у Железных Ворот, русские товарные пароходы и баржи и в каком приблизительно количестве по Дунаю вверх и вниз, и насколько, по отзывам агента, новое сооружение облегчает движение.

Во исполнение сего предписания я не преминул в тот же день передать господину Владовичу прилагаемый у сего в копии вопросный лист, прося его изготовить требуемую справку. На это здешний агент мне заявил, что он не располагает необходимыми для сего данными и поэтому немедленно передаст помянутый «вопросный лист» агенту Общества в Турну-Северине.

Затем, вследствие промедления в поступлении ожидавшегося из Турну-Северина ответа, а также во исполнение телеграммы Вашего Превосходительства из Вены по тому же предмету, я вторично обращался к здешнему агенту, прося его потребовать ответа из Турну-Северина по телеграфу.

Поспешая ныне повергнуть при сём на благосклонное Ваше, милостивый государь, воззрение полученный сегодня же отзыв господина Войтковского от 16го сего месяца за № 404 и присовокупляя, что копия с сего частного письма с обоими приложениями вместе с сим представляются мною в миссию нашу в Бухаресте и в Первый департамент, с отличным почтением и глубочайшей преданностью имею честь быть и пр.

Приложение 1
Копия с вопросного листа от 8(20) августа 1899 г.

1. В каком приблизительно числе пароходы и баржи Об[-ва]Ч.Д.Пар[ва] проходили до сооружения канала у Железных Ворот вверх и вниз между Турну-Северином и Белградом?
2. Ныне, по сооружении этого канала, проходят ли наши пароходы и баржи по новому каналу или же по старому фарватеру?
3. Как отразится на операциях нашего пароходства взыскание с него новой пошлины, устанавливаемой венгерским правительством за пользование каналом?

Приложение 2ое
Копия с отзыва агента Об[ва]Ч.Д.П[ва] в Турну-Северине от 16 августа 1899 г. за № 404. (Получен в Галаце 18 августа)

Вследствие письма за № 2202 имею честь сообщить, с возвращением приложения, следующее:

1. До сооружения канала в Железных Воротах мы отправляли нормально по два транспорта керосина в Белград и Базиаш по 100.000 пудов каждый. Караван состоял из 5 барж, буксируемых одним пароходом.

2. Ныне, по сооружении канала, наши пароходы и баржи продолжают проходить по старому фарватеру в случае достаточной глубины реки.

3. Взыскание пеяжной[3] таксы в общем должно отразиться невыгодно на операциях пароходных обществ, в особенности австрийского (Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft[4]). Наше же Общество, при малочисленности совершаемых рейсов вверх по Дунаю, не испытает в той же мере тяжесть таксы, которая, по сообщению сербского Монополя, коему мы доставляем керосин, предполагается быть уплачиваемой пополам с нашим Обществом.

С совершеннейшим почтением, агент Войтковский

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 195, Лист 33–35.

[1] Николай Н. Лодыженский (1842–1916). С 1894 г. консул и позже генеральный консул в Галаце. До 1894 г. был консулом в Черновицах и Кёнигсберге, а в 1903–1908 гг. был генеральным консулом в Нью-Йорке (Е. В. Петров. *С. А. Корф (1876–1924): Правовед, дипломат, общественный деятель.* Санкт-Петербург, Издательство СПбГУ, 2017. С. 103, прим. 39).

[2] Акционерное общество «Черноморско-Дунайское пароходство», основанное в 1886 г. в Измаиле.

[3] От франц. *péage* – таможня при переходе через мост, на дороге при въезде в город или при стоянке судна у причала.

[4] Общество навигации по Дунаю, основано в 1829 г. в Вене.

Galați, 20 august 1899, nr. 214. Lodâjenski[1] către Ministerul Afacerilor Străine

Către Primul Departament al Ministerului Afacerilor Străine.

Am onoarea să prezint, în anexă, spre examinarea Primului Departament, copia scrisorii mele particulare adresate domnului Hofmeister Fonton, trimisă la Viena în data de 18 (30) a lunii curente, referitoare la chestiunea privind navigația noastră prin Porțile de Fier, însoțită de două anexe.

Consul General, N. Lodâjenski.

Copie a scrisorii particulare a consilierului de stat efectiv Lodâjenski către Excelența Sa N. A. Fonton, trimisă la Viena. Galați, 18 (30) august 1899.

Pe data de 8(20) a lunii curente, am avut onoarea să primesc o scrisoare particulară din partea domniei sale, însărcinatul nostru cu afaceri din București, trimisă de la Sinaia, pe data de 5 august, prin care consilierul de stat Somov îmi comunica faptul că Excelența Voastră ați binevoit să îmi încredințați însărcinarea de a obține, din partea agentului gălățean al Companiei de Navigație de la Marea Neagră și Dunăre[2], anumite informații referitoare la

faptul dacă vapoarele comerciale de marfă și șlepurile rusești circulau de-a lungul cursului Dunării, în amonte și în aval, în trecut, adică până la construirea canalului de la Porțile de Fier, și care ar fi fost numărul aproximativ al acestor nave, precum și în ce măsură, conform opiniei agentului, noua construcție ar facilita traficul de-a lungul fluviului.

Spre îndeplinirea cât mai grabnică a acestei instrucțiuni, eu nu am întârziat să îi transmit domnului Vladovici, în aceeași zi, chestionarul pe care îl anexez, în copie, la această scrisoare, solicitându-i să îmi pregătească nota informativă corespunzătoare. Ca răspuns la solicitarea mea, agentul nostru de aici mi-a declarat că el nu dispune de informațiile necesare pentru întocmirea acesteia și că, din acest motiv, îi va transmite imediat chestionarul amintit mai sus agentului Societății din Turnu-Severin.

În continuare, ca urmare a întârzierii primirii răspunsului pe care îl așteptam de la Turnu-Severin, dar și în scopul executării instrucțiunii din telegrama Excelenței Voastre pe care o primisem din Viena, referitor la același subiect, eu m-am adresat încă o dată către agentul nostru de aici, rugându-l să solicite insistent un răspuns de la Turnu-Severin, prin intermediul telegrafului.

Grăbindu-mă acum să vă prezint umil, în anexă, spre examinarea și la discreția binevoitoare a Domniei Voastre, Stimate Domn, avizul domnului Voitkovski, din data de 16 a lunii curente, sub nr. 404, pe care l-am primit chiar astăzi, și adăugând la aceasta că o copie a prezentei scrisori particulare, împreună cu ambele anexe, vor fi totodată prezentate și transmise de către mine la misiunea noastră diplomatică de la București și la Primul Departament [al Ministerului Afacerilor Străine], cu deosebită considerație și cel mai profund devotament, am onoarea de a fi etc.

Anexa nr. 1
Copie de pe chestionarul din data de 8 (20) august 1899.

1. Care este numărul aproximativ al vapoarelor și șlepurilor aparținând Societății de Navigație pe Marea Neagră și Dunăre care circulau pe fluviu, în amonte și în aval, între Turnu-Severin și Belgrad, până la construirea canalului de la Porțile de Fier?
2. În prezent, după construirea acestui canal, vapoarele și șlepurile noastre circulă prin noul canal sau folosesc în continuare calea navigabilă din trecut?
3. În ce mod vor fi afectate operațiunile vaselor noastre comerciale de pe urma noilor taxe vamale stabilite în prezent de către Guvernul maghiar pentru utilizarea canalului?

Anexa nr. 2
Copie după răspunsul agentului Companiei de Navigație de la Marea Neagră și Dunăre din Turnu-Severin din data de 16 august 1899, sub nr. 404. (Recepționat la Galați pe data de 18 august.)

Ca urmare a scrisorii sub nr. 2202, am onoarea să vă comunic, cu returnarea anexei respective, următoarele:

1. Până la construirea canalului din regiunea Porților de Fier, noi expediam, în mod normal, câte două transporturi de gaz lampant la Belgrad și Baziaș, fiecare transport fiind în mărime de 100.000 de puduri. Caravana era formată din 5 șlepuri, care erau remorcate de un singur vapor.
2. În prezent, după construirea canalului, vapoarele și șlepurile noastre continuă să circule folosind calea navigabilă veche, în cazul în care adâncimea fluviului este suficientă.
3. Perceperea acestei noi taxe vamale de peaj[3] ar trebui să se reflecte, în general, în mod nefavorabil asupra operațiunilor societăților de navigație, în special asupra societății de

navigație austriece (Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft[4]). Totuși, societatea noastră, avându-se în vedere numărul mic de curse efectuate în partea superioară a Dunării, în amonte, nu va suporta în aceeași măsură povara acestei taxe, care, conform informațiilor comunicate de Compania sârbă de monopol, căreia noi îi furnizăm gaz lampant, se preconizează a fi plătită în comun, în proporție de 50% la 50%, împreună cu societatea noastră.

Cu absolută și profundă considerație, agentul Voitkovski.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, Opis 498, dosar 195, filele 33–35.

[1] Nikolai N. Lodâjenski (1842–1916). Din 1894 consul și, ulterior, consul general la Galați. Până în 1894 a fost consul la Cernăuți și Königsberg, iar din 1903 până în 1908 a fost consul general la New York (Е. В. Петров, *С. А. Корф (1876–1924): Правовед, дипломат, общественный деятель*, Санкт-Петербург, Издательство СПбГУ, 2017, p. 103, nota 39).

[2] Societatea pe acțiuni „Черноморско-Дунайское пароходство”, înființată în 1886 la Izmail.

[3] Din limba franceză *péage.* Vamă la trecerea peste un pod, pe un drum de acces într-un oraș sau la acostarea unei nave la un chei.

[4] Societatea de Navigație pe Dunăre, înființată în 1829 la Viena.

21

Бухарест, 23 августа 1899 г., без №. Сомов – Муравьёву

Секретная телеграмма

Reçu télégramme du 20 Août[1].

Румынское министерство иностранных дел вполне разделяет точку зрения императорского правительства[2]. В этом смысле составлена последняя румынская нота. Она настаивает, сверх того, чтобы при пересмотре тарифа приняли участие и Румыния, и Сербия, хотя и не подписавшие трактата, но как прибрежные, наиболее заинтересованные страны. Лаховари признаёт 90-летний срок недопустимым и не оставляет своей мысли о выкупе работ. Министр обращает особенное внимание на намерение венгерского правительства взимать тот же сбор и с судов, идущих по старому пути, где почти не произведено работ, а также на сообщение румынского посланника в Вене[3], что керосин будет обложен высокой пошлиной, так как венгерское правительство подводит его под статью тарифа о нефти, которая обложена низким сбором. Министр просит сообщить о дальнейшем образе действий императорского правительства.

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 194, Лист 23.

[1] Не публикуется.

[2] Российское правительство не оспаривало право Австро-Венгрии, соорудившей канал у Железных Ворот, введением таксы за проход по нему судов погасить расходы, затраченные на строительство. Однако оно полагало, что вопрос о размере тарифа и о способе его применения должен быть рассмотрен сообща всеми державами, подписавшими Берлинский договор 1878 г. Муравьёв направил 20 августа идентичные телеграммы российским представителям в Берлин, Рим, Мюнхен, Париж, Бухарест и Лондон, предписывая им «объясниться в этом смысле» с министрами иностранных дел. См.: АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 660. Л. 11; Д. 661. Л. 14 об.

[3] Эмил И. Гика (1848–1911). Ранее был посланником Румынии в Белграде, Афинах и Санкт-Петербурге.

București, 23 august 1899, fără număr. Somov către contele Muraviev

Telegramă secretă

Am primit telegrama din 20 august[1].

Ministerul Afacerilor Străine al României împărtășește pe deplin punctul de vedere al Guvernului imperial[2]. În acest sens a fost redactată și ultima notă a României. În plus, în aceasta se insistă asupra participării României și Serbiei la discuțiile privind revizuirea tarifelor. Aceste țări, chiar dacă nu au semnat tratatul, sunt, în calitate de state riverane, cel mai interesate. Lahovari consideră ca inadmisibil termenul de 90 de ani și nu renunță la ideea sa ca lucrările să fie răscumpărate. Ministrul atrage în mod special atenția asupra intenției Guvernului maghiar de a percepe aceleași taxe și de la navele care merg pe ruta veche, unde aproape că nu au fost efectuate lucrări și, de asemenea, asupra informațiilor primite de la trimisul român la Viena[3] privind aplicarea unui tarif ridicat gazului lampant, deoarece Guvernul maghiar îl asimilează prevederii privind taxarea petrolului, care este supus unor tarife mici. Ministrul roagă să-i fie comunicat modul de acțiune în continuare al Guvernului imperial.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, Opis 498, dosar 194, fila 23.

---

[1] Nu se publică.

[2] Guvernul rus nu contesta dreptul Austro-Ungariei, care a construit canalul de la Porțile de Fier, de a introduce, pentru amortizarea investițiilor, taxe de trecere a navelor comerciale. Totuși, Rusia considera că chestiunea privind mărimea taxelor și felul de utilizare a sumelor încasate trebuie să fie discutată de către toate Puterile care au semnat Tratatul de la Berlin din 1878. Pe data de 20 august, Muraviev a expediat telegrame identice reprezentanților ruși de la Berlin, Roma, München, Paris, București și Londra, indicându-le să „aibă discuții în acest sens" cu miniștrii de externe. A se vedea: APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 660, fila 10, dosar 661, fila 14 verso.

[3] Emil I. Ghika (1848–1911). Anterior fusese ministru plenipotențiar al României la Belgrad, Atena și Sankt Petersburg.

22

[Тулча], 31 августа 1899 г., № 105. Картамышев[1] – [Фонтону]

Копия с донесения Российского императорского консула в Добрудже, статского советника Картамышева

Долгом считаю представить при сём на благоусмотрение Вашего Превосходительства прошение крестьян малороссийского общества деревни Пошта, Тулчинского дистрикта[2], желающих переселиться в Россию и ходатайствующих о наделении их земельными участками на Амуре, в Новороссии, в Акмолинской или Семипалатинской областях.

Эмиграционное движение из Добруджи всё более и более увеличивается. Эмигрируют множество семейств всех национальностей: турки, немцы, болгары, греки, русские и даже переселённые сюда румынами же трансильванцы. Причиной этой эмиграции, кроме неурожайного года[3], являются преследования румынской администрации, которая притесняет всё нерумынское население дистрикта, заставляя последнее покидать Добруджу[4].

Во вверенное мне консульство почти ежедневно являются выборные крестьянских общин из различных селений с устными ходатайствами о дозволении им переселиться в Россию. Таковые ходатайства поступили от крестьян следующих селений: 1) Сарикиой; 2) Русской Славы; 3) Черкесской Славы, в которых проживают старообрядцы – поповцы и беспоповцы; 4) Конгаза, где живут болгары; 5) Пошты, 6) Телицы, 7) Гончарки[5], где проживают малороссы; 8) Ортакиой[6], где живут немцы и частично трансильванцы. Все жалуются на преследования сборщиков податей, которые, взимая огромные налоги, продают у крестьян последнюю лошадь или корову. Затем поселян штрафуют на каждом шагу без всякого основания и штрафы эти, налагаемые бесконтрольно супрефектами, примарами и нотарами, доходят иногда до 1.000 франков.

Не довольствуясь такими незаконными поборами, румынские власти отнимают у поселян не румын земли по 1½ и 1 гектару с каждого двора, размежёвывая эти земли вновь по своему усмотрению, и не позволяют жаловаться под страхом наложения штрафов и других наказаний.

В каждом селении находятся три или четыре шпиона, которые следят за поселянами и лишь только узнают, что кто-либо собирается ехать в Тулчу с жалобою в суд на кого-либо из членов администрации, эти шпионы тотчас же сообщают об этом по телефону в Тулчу.

По прибытии туда крестьянина с жалобою, его задерживают в полиции, бьют и высылают обратно.

Такое возмутительное обращение с нерумынским населением Добруджи называется здешней администрацией «румынизацией» Добруджи[7].

Эмигрировать из Добруджи тоже нелегко. Румынские власти не выдают паспортов до тех пор, пока все подати и штрафы не выплачиваются крестьянами. Но настоящий неурожайный год не даёт возможности крестьянам собрать достаточно денег, чтобы откупиться от румынских властей, и потому многие крестьяне бросают свои земли и дома и тайком уходят из Добруджи, чтобы только избавиться от преследований румынской администрации, сделавшейся ненавистной решительно всем – даже румынам.

Казалось бы, что такое поведение местной администрации должно было обратить серьёзное внимание центрального правительства, тем более что местные газеты не стесняются жестоко критиковать образ действий здешнего префекта[8], но господин Неницеску сумел отвлечь внимание министра внутренних дел от происходящих в Тулчинском дистрикте вопиющих злоупотреблений своей якобы патриотической деятельностью и пропагандой идеи «Добруджа для румын», постройкой монумента в Тулче в память войны 1877 и 1878 г. и воссоединения Добруджи со страною-матерью, и основанием двух-трёх румынских посёлков на берегу Дуная с громкими названиями «Принц Карл»[9], «Принц Фердинанд»[10], «Принцесса Елизавета»[11]. В этих новых деревнях поселено несколько десятков семейств из Трансильвании, которые уже теперь недовольны, так как хороших земель для посевов у них нет, а о рыболовстве они не имеют понятия. Некоторые из новых поселенцев уже берут паспорта и уходят в Россию на заработки.

Несмотря на печальную действительность, во время весьма торжественных освящений и открытий новых деревень, ораторы-румыны супрефекты, учителя, телеграфисты и писаря произносят речи, полные самовосхваления, о цивилизаторской миссии Румынии на нижнем Дунае и полные нападок на Россию, и выражают надежды, что противоположный бессарабский берег скоро опять будет румынским.

Ввиду вышеизложенного позволяю себе выразить мнение, что если румынские администраторы в Добрудже не изменят своих явно враждебных отношений ко всему нерумынскому населению Добруджи, и преследования будут продолжаться, то лучшая, зажиточная и работящая часть этого населения эмигрирует, страна обеднеет, и румынскому правительству не с кого будет собирать подати.

Надежды же на заселение Добруджи румынами неосновательны, так как румынский крестьянин не любит покидать родные места и плодотворные поля и не пожелает переселиться в неизвестную Добруджу, которая вообще у коренных румын не пользуется доброй славой.

С глубоким почтением и пр.

С подлинным верно. За делопроизводителя граф Игнатьев.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 661, Листы 15–18.

---

[1] Картамышев Пётр Алексеевич.

[2] Само прошение в деле отсутствует.

[3] По причине продолжительной засухи.

[4] Об экономической и демографической политике Румынии в Добрудже в конце XIX – начале XX вв. и реакции местного населения: Iordachi C. *Citizenship, Nation- and State-Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913.* Pittsburg, University of Pittsburg, 2002; Idem. *De la o „capcană geopolitică" la „vechi pământ românesc": integrarea Dobrogei în România, 1878–1913* // Archiva Moldaviae. V. Iași. 2013. P. 233–286.

[5] Хамчарка, Гончар (уезд Тулча).

[6] В настоящее время Хория (уезд Тулча).

[7] В последнее десятилетие XIX в. в Добрудже получило развитие регионалистское движение (Iordachi. *De la o „capcană geopolitică" la „vechi pământ românesc".* P. 275–276).

[8] Иоан Неницеску (1854–1901). Был назначен префектом уезда Тулча в июне 1897 г. Боролся за интенсивную колонизацию Добруджи этническими румынами (*Ibid.* P. 275).

[9] С 1948 г. – Партизань.

[10] В настоящее время – Извоареле.

[11] Кармен Сильва, в настоящее время – Кришан.

[Tulcea], 31 august 1899, nr. 105. Kartamâșev[1] către [Fonton]

Copie de pe raportul consulului imperial rus din Dobrogea, consilierul de stat Kartamâșev

Consider că este de datoria mea să vă prezint, în anexă la acest raport, la discreția binevoitoare a Excelenței Voastre, petiția țăranilor obștii sătești maloruse din satul Poșta, județul Tulcea[2], care își exprimă dorința de a se strămuta în Rusia și solicită respectuos să fie înzestrați cu loturi de pământ pe râul Amur, în Noua Rusie, în regiunile Akmola sau Semipalatinsk.

Mișcarea de emigrare din Dobrogea se intensifică tot mai mult și mai mult. De acolo emigrează o mulțime de familii de toate naționalitățile: turci, nemți, bulgari, greci, ruși și chiar anumiți transilvăneni, care fuseseră strămutați în regiune de către românii înșiși. Cauza acestui val de emigrație, în afara roadei slabe din acest an[3], o reprezintă persecuțiile administrației românești, care asuprește și oprimă întreaga populație neromânească a județului, forțând-o pe aceasta din urmă să părăsească Dobrogea[4].

Aproape zilnic, la consulatul care mi-a fost încredințat se prezintă delegați aleși de către obștile țărănești din diferite localități, care vin cu petiții și cereri verbale privind acordarea

permisiunii de a se strămuta în Rusia. Asemenea cereri și petiții mi-au parvenit din partea țăranilor din următoarele localități: 1) Sarichioi; 2) Slava Rusă; 3) Slava Cerchează, în care locuiesc credincioși de rit vechi, atât cei cu cler, cât și cei fără cler (*поповцы и беспоповцы*); 4) Congaz, unde locuiesc bulgari; 5) Poșta; 6) Telița; 7) Gonciarca[5], unde locuiesc maloruși; 8) Ortachioi[6], unde locuiesc nemți și, parțial, transilvăneni. Toți aceștia se plâng de persecuțiile la care sunt supuși de către perceptorii de taxe, care, în timpul colectării taxelor și impozitelor exorbitante, îi lipsesc pe țărani chiar și de ultimul cal sau vacă. În afară de asta, țăranii sunt amendați la fiecare pas fără absolut nici un temei, iar aceste amenzi, care sunt impuse de către subprefecți, primari și notari fără nici un fel de control, ajung uneori până la suma de 1.000 de franci.

Fără a se mulțumi cu asemenea rechiziții și taxe excesive și ilegale, autoritățile române iau cu forța de la țăranii neromâni loturi de pământ de câte 1½ și 1 hectar de la fiecare gospodărie, împărțind și delimitând aceste pământuri din nou, totalmente la discreția lor, și nu permit nici un fel de plângeri, sub amenințarea impunerii unor amenzi și a altor asemenea pedepse.

În fiecare localitate se găsesc câte trei sau patru spioni, care îi urmăresc pe locuitorii satelor și, imediat ce află că cineva intenționează să plece la Tulcea pentru a prezenta o plângere în instanță referitor la cineva din rândul membrilor administrației, acești spioni îi anunță imediat despre acest lucru, telefonic, pe cei din Tulcea.

Atunci când țăranul cu respectiva plângere sosește acolo, el este reținut la poliție, bătut și trimis înapoi în satul său.

Acest comportament revoltător față de populația neromânească din Dobrogea este calificat de către administrația locală de aici drept „românizare” a Dobrogei[7].

Nici de a emigra din Dobrogea nu este foarte simplu. Autoritățile române nu emit pașapoartele necesare decât în momentul când toate dările, taxele și amenzile au fost plătite de către țărani. Dar anul curent, deosebit de neroditor, nu le dă posibilitate țăranilor să strângă suficienți bani pentru a-și plăti răscumpărarea la autoritățile române și, din această cauză, mulți țărani își lasă baltă pământurile și casele și pleacă în mod clandestin din Dobrogea, doar pentru a scăpa, în fine, de persecuțiile administrației românești, care a devenit urâtă și insuportabilă pentru absolut toată lumea, chiar și pentru români.

S-ar părea că un asemenea comportament al administrației locale ar fi trebuit să atragă asupra sa atenția serioasă din partea guvernului central, cu atât mai mult că ziarele locale nu se sfiesc deloc să critice foarte dur modul de acțiune al prefectului de aici[8]. Totuși, domnul Nenițescu se oferă se distragă atenția Ministerului de Interne de la abuzurile strigătoare la cer care au loc în județul Tulcea prin activitatea sa pretins patriotică și prin propaganda ideii „Dobrogea pentru români”, prin construirea la Tulcea a unui monument ridicat în memoria războiului din anii 1877 și 1878 și a reunificării Dobrogei cu țara-mamă, dar și prin fondarea a două-trei așezări românești pe malul Dunării, localități cu denumiri pompoase precum *Principele Carol*[9], *Principele Ferdinand*[10], *Principesa Elisabeta*[11]. În aceste sate noi au fost așezate câteva zeci de familii originare din Transilvania, care sunt deja nemulțumite în prezent, deoarece nu dispun de pământuri bune pentru semănăturile obișnuite, iar despre pescuit ei nu au nici cea mai mică idee. Unii dintre acești noi coloniști își iau deja pașapoarte și pleacă la muncă în Rusia pentru a câștiga bani.

În pofida acestei triste realități, în timpul ceremoniilor extrem de solemne de sfințire și inaugurare a noilor sate și așezări, oratorii români, inclusiv subprefecții, învățătorii, telegrafiștii și funcționarii-copiști, țin discursuri cu multă autosuficiență și laudă de sine, despre misiunea civilizatoare a României la Dunărea de Jos, care sunt pline de atacuri împotriva Rusiei, și își exprimă speranțele că malul opus, basarabean, al Dunării va deveni în curând, din nou, românesc.

Având în vedere cele expuse mai sus, îmi permit să îmi exprim opinia că, dacă administratorii români din Dobrogea nu își vor schimba atitudinea lor vădit ostilă față de întreaga populație neromânească a Dobrogei și dacă vor continua și în viitor persecuțiile, atunci partea cea mai bună, înstărită și harnică a acestei populații va emigra, acest ținut va deveni mai sărac, iar guvernul român nu va mai avea de la cine percepe dări și taxe.

Totodată, speranțele de populare a Dobrogei de către români nu sunt întemeiate, deoarece țăranului român nu îi place să își părăsească locurile de obârșie și câmpurile sale roditoare și mănoase, iar acesta nu va dori să se strămute în Dobrogea, care îi este necunoscută și care, în general, nu are o reputație foarte bună în rândul românilor autohtoni.

Cu profundă considerație etc.

Copie conformă cu originalul. Pentru funcționarul responsabil, contele Ignatiev.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, inv. 482, dosar 661, filele 15–18.

---

[1] Piotr Alexeevici Kartamâșev.

[2] Nu există la dosar.

[3] Din cauza secetei prelungite.

[4] Pentru politicile economice și demografice ale României în Dobrogea la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX și reacțiile populației locale: Constantin Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913*, Pittsburg, University of Pittsburg, 2002; Idem, *De la o „capcană geopolitică" la „vechi pământ românesc": integrarea Dobrogei în România, 1878–1913*, în „Archiva Moldaviae", V, 2013, p. 233–286.

[5] Hamcearca, Gonciar (județul Tulcea).

[6] În prezent – Horia (județul Tulcea).

[7] În ultimul deceniu al secolului XIX, în Dobrogea s-a dezvoltat o mișcare regionalistă (Iordachi, *De la o „capcană geopolitică" la „vechi pământ românesc"*, p. 275–276).

[8] Ioan Nenițescu (1854–1901). A fost numit prefect al județului Tulcea în iunie 1897. A militat pentru o colonizare etnică intensă a Dobrogei (Iordachi, *De la o „capcană geopolitică" la „vechi pământ românesc"*, p. 275).

[9] Din 1948: Partizani.

[10] În prezent Izvoarele.

[11] Carmen Sylva, în prezent Crișan.

23

Бухарест, 1 сентября 1899 г., № 43. [Сомов – Муравьёву]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] М[ихаил] Н[иколаевич],

Все усилия бывшего либера[льного] Министерства господина Стурдзы добиться от турецкого правительства берата для румынского епископа в Македонии окончились полной неудачей[1].

В продолжение долгого времени, стремясь заслужить благорасположение султана, господин Стурдза принимал самые строгие меры по отношению к армянам-беглецам, к греческо-подданным во время последней войны[2], а равно к младотуркам, которые высылались из страны по требованию турецкого посланника в Бухаресте[3]. Тем не менее, все старания рум[ынского] посланника в Константинополе господина Джувары[4] добиться столь желанного берата не увенчались успехом.

Нынешний министр народного просвещения[5] и исповеданий твёрдо намерен исправить неудачи своего предшественника. С этой целью предполагается отозвать господина Джувару, на место которого будет назначен господин Александр Гика-Бригадир[6], занимающий в продолжение нескольких лет место дипломатического агента в Софии и хорошо изучивший болгарские и македонские дела.

Одновременно мин[истр] нар[одного] просвещения решился в значительной степени улучшить румынскую пропаганду в Македонии. По выработанному им плану предположено учредить коммерческую школу в Салониках, а равно и 12 низших школ в главн[ых] центрах Македонии, из коих одна в Константинополе, создать стипендии для румын-македонцев в высшей школе в Константинополе, устроить две первоначальные школы с увеличенной программой, устроить при существующей женской школе в Битоли профессиональное училище, увеличить программы в гимназиях в Янине и Берате и основать типографию для издания учебных пособий[7].

Печать единодушно приветствует начинания господина Таке Ионеску и старается доказать, что из всего смешанного населения Македонии румыны являются наиболее спокойной его частью, преданной султану и всегда стоявшей за порядок.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 124–125.

---

[1] Попытки Румынии создать отдельную церковную иерархию для арумын Македонии были в реальности более давними. См.: *ДДРПР, 1888–1898.* Док. № 73 от 23 августа 1897 г.

[2] Греко-турецкой войны 1897 г.

[3] Хюсейн Киазым-бей. Был посланником Османской империи в Бухаресте в 1896–1908 гг. Позже был послом Османской империи в США. О дипломатических отношениях между Румынией и Турцией в конце XIX – начале XX вв. см.: Rachieru S. *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat. Relații otomano-române între anii 1878 și 1908.* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2018.

[4] Трандафир Джувара.

[5] Таке Ионеску.

[6] Был посланником Румынии в Стамбуле в 1899–1902 гг.

[7] Важнейшая часть документов, касающихся деятельности Румынии в Македонии в церковной и школьной сферах в конце XIX – начале XX вв., хранится в архиве МИД в Бухаресте: AMAE. Fondul Problema 15 (Școli și biserici române din străinătate, întreținute și subvenționate de statul român), 1877–1949. T. 5–16, 22, 25–26, 32–37, 52–53, 59, 73, 76–79, 90, 94, 96–100, 125–129.

București, 1 septembrie 1899, nr. 43. [Somov către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

S[timate] D[omnule], C[onte], M[ihail] N[ikolaevici],

Toate eforturile fostului guvern liber[al] al domnului Sturdza de a obține din partea guvernului turc un berat special pentru episcopul român din Macedonia s-au încheiat cu un eșec total[1].

Pe parcursul unui timp destul de îndelungat, depunând eforturi deosebite pentru a-și asigura bunăvoința și favoarea sultanului, domnul Sturdza a luat cele mai stricte măsuri în raport cu refugiații armeni, față de supușii greci în timpul ultimului război[2], precum și față de junii turci, care erau imediat expulzați din țară la orice solicitare a trimisului turc de la București[3]. În pofida acestui fapt, toate străduințele trimisului rom[ân] de la Constantinopol, domnul Djuvara[4], de a obține acel berat atât de mult dorit de guvern, nu s-au încununat cu succes.

Actualul ministru al Instrucțiunii Publice și Cultelor[5] are intenția fermă să corecteze aceste eșecuri ale predecesorului său. Cu acest scop, se preconizează rechemarea domnului Djuvara, în locul căruia la Constantinopol va fi numit domnul Alexandru Ghika-Brigadier[6], care ocupă, timp de câțiva ani deja, postul de agent diplomatic la Sofia și care a studiat și cunoaște destul de bine chestiunile bulgare și macedonene.

În același timp, min[istrul] Instrucțiunii Publ[ice] s-a hotărât să îmbunătățească, în măsură destul de semnificativă, calitatea propagandei românești din Macedonia. Conform planului elaborat de el, se preconizează inaugurarea unei școli comerciale în Salonic, precum și crearea a 12 școli de nivel inferior în principal[ele] centre urbane din Macedonia, dintre care una ar trebui creată la Constantinopol. Se mai prevede instituirea unei burse pentru românii-macedoneni în cadrul școlii superioare de la Constantinopol, organizarea a două școli de nivel primar cu un program extins, organizarea, pe lângă școala de fete existentă deja la Bitolia, a unei școli profesionale de meserii, extinderea și lărgirea programelor școlare de la gimnaziile din Ianina și Berat, precum și fondarea unei tipografii pentru editarea manualelor și suporturilor didactice[7].

Presa locală salută, în unanimitate, aceste inițiative ale domnului Take Ionescu, străduindu-se să demonstreze că, din rândurile întregii populații pestrițe și amestecate din Macedonia, anume românii reprezintă partea cea mai liniștită și pașnică a acestor locuitori, fiind devotați și loiali sultanului și situându-se întotdeauna de partea ordinii legitime.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 124–125.

---

[1] Încercările României de a crea o ierarhie bisericească separată pentru aromânii din Macedonia erau, de fapt, mai vechi. A se vedea *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 73 din 23 august 1897.

[2] Războiul greco-turc din 1897.

[3] Hüseyin Kâzım Bey. A fost ministru plenipotențiar al Imperiului Otoman la București în anii 1896–1908. A ocupat ulterior postul de ambasador al Imperiului Otoman în Statele Unite ale Americii. Pentru relațiile diplomatice dintre România și Turcia la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX: Silvana Rachieru, *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat. Relații otomano-române între anii 1878 și 1908*, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2018.

[4] Trandafir Djuvara.

[5] Take Ionescu.

[6] A fost ministru plenipotențiar al României la Constantinopol în anii 1899–1902.

[7] O parte importantă a documentelor referitoare la acțiunile bisericești și școlare ale României în Macedonia la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX se păstrează la Arhivele Ministerului de Externe (București), fondul Problema 15 (Școli și biserici române din străinătate, întreținute și subvenționate de statul român), 1877–1949, volumele 5–16, 22, 25–26, 32–37, 52–53, 59, 73, 76–79, 90, 94, 96–100, 125–129.

24

Бухарест, 1 сентября 1899 г., № 44. [Сомов – Муравьёву]

Черновая рукопись

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Мих[аил] Никол[аевич],

Имею честь представить у сего на благосклонное воззрение В[ашего] С[иятельства] доставленное мне редактором издающегося в Бухаресте журнала «Албанская звезда»[1]

и сотрудником албанских газет в Италии господином Мекси[2] письмо, в котором, как представитель православной части албанского народа, он старается заинтересовать в судьбе её императорское правительство.

[без подписи]

Monsieur,

Ainsi que Vous Vous rappellerez peut-être encore, j'eus l'honneur de me présenter, au mois de Février, à la Légation Impériale.

Encouragé par l'aimable accueil que Vous m'aviez fait, je prends la liberté de Vous adresser aujourd'hui un exposé avec prière de bien vouloir le remettre, après en avoir pris connaissance, à S.E. M. le Ministre.

Je me permets de formuler auprès de Vous, Monsieur, l'humble prière d'avoir la bonté d'appuyer aussi de Votre part le dit exposé et soyez persuadé que l'Albanie orthodoxe Vous en saura éternellement gré.

Dans l'agréable espoir que Vous ne refuserez pas Votre intervention dans l'affaire qui fait le sujet de ma requête,

Veuillez agreér, Monsieur, l'assurance de ma très haute considération.

Georges E. Mexi
Bucarest (Str. Stirbei Voda, 44)
26 Août (7 Septembre) 1899

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 126–128.

---

[1] „Yll' i Shkjiperise". См. Док. № 7 от 8 марта и док. № 13 от 8 июня 1899 г.
[2] Жорж Мекси.

București, 1 septembrie 1899, nr. 44. [Somov către contele Muraviev]

Bruion, scris de mână

S[timate] D[omnule], C[onte], Mih[ail] Nikol[aevici],

Am onoarea să vă prezint, în anexă la acest raport, spre examinarea și la discreția binevoitoare a Lum[inăției] V[oastre], o scrisoare care mi-a fost transmisă personal de către redactorul revistei editate la București „Steaua Albaniei"[1] și colaboratorul permanent al unor ziare albaneze din Italia, domnul Meksi[2], în care, în calitatea sa de reprezentant al părții ortodoxe a poporului albanez, el face un efort de a trezi interesul guvernului imperial față de destinul acestei comunități.

[fără semnătură]

Domnule,

Așa cum Domnia Voastră, poate, vă veți aminti încă, am avut onoarea să mă prezint, în luna februarie, la Legația Imperială.

Fiind încurajat de primirea amabilă pe care mi-ați făcut-o atunci, eu îmi iau libertatea să Vă adresez astăzi un mic expozeu cu rugămintea să binevoiți să îl transmiteți, după ce veți fi făcut cunoștință cu acest document, Excelenței Sale Domnului Ministru.

Îmi permit să formulez pe lângă Domnia Voastră, Domnule, umila rugăminte să aveți bunătatea de a sprijini, de asemenea, și din partea Domniei Voastre, sus-numitul expozeu, și fiți convins că Albania ortodoxă Vă va fi veșnic recunoscătoare.

În speranța agreabilă că Domnia Voastră nu veți refuza să interveniți în chestiunea care face subiectul solicitării mele,

Vă rog să primiți, Domnule, asigurarea foarte înaltei mele considerații.

Georges E. Mexi
București (Str. Știrbei Vodă, 44)
26 august (7 septembrie) 1899.

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 126–128.

---

[1] „Yll' i Shkjiperise". A se vedea și doc. nr. 7 din 8 martie și nr. 13 din 8 iunie 1899.
[2] George Meksi.

25

Бухарест, 15 сентября 1899 г., № 1282, Фонтон – Ламсдорфу

Частное
Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

При первом же свидании с королевским министром иностранных дел, по возвращении моём в Бухарест[1], господин Лаховари вернулся к вопросу о вновь введённом тарифе за проход канала у Железных Ворот и сообщил, что, хотя и не последовало ещё ответа со стороны венского кабинета на представленные румынским правительством три ноты по сему предмету[2], тем не менее, он продолжает надеяться, что мощный голос России побудит Венгрию к справедливому и желанному разрешению этого существенного вопроса. По мнению королевского правительства, главнейшая несправедливость вновь введённого тарифа заключается не столько в самом его принципе, как в том, что классификация статей и размер обложения находятся в исключительной зависимости от того, насколько выгоден в экономическом отношении для Венгрии провоз тех или других предметов чрез канал Железных Ворот. Как пример подобного, крайне произвольного подразделения, господин Лаховари указал тариф на керосин, смотря по тому, очищен ли он или нет, ввиду существования в Венгрии довольно значительных заводов для очистки керосина, а также тариф на соль, дабы способствовать сбыту соли из Галиции[3].

Господин Лаховари остаётся при своём убеждении, что наиболее желательным разрешением вопроса было бы возмещение заинтересованными государствами Венгрии понесённых ею затрат. Наряду с выкупом было бы возможно установить соглашение между государствами касательно размера ежегодного взноса каждого из них на поддержание канала в исправном виде.

Если же принцип обложения таксой призван остаться в силе, то тариф обложения должен быть или соответствен вместимости проходящих судов, или же статьи этого тарифа надлежит установить по взаимному соглашению заинтересованных государств, а не предоставлять произволу Венгрии.

Вместе с тем господин Лаховари выразил предположение, что против введённого тарифа выскажутся, кроме России и Румынии, Германия, Болгария и некоторые другие государства, и что, в крайнем случае, дело об установлении размера тарифа или о возмещении Венгрии понесённых ею издержек было бы возможно, быть может, с согласия венгерского правительства, предоставить разрешению третейского суда.

По имеющимся у министра иностранных дел сведениям, великобританское правительство приняло без возражений установленный Венгрией тариф, тогда как Франция до сих пор воздерживается от высказывания своего мнения по сему предмету. Что же касается до Сербии, которая вначале отнеслась равнодушно ко вновь введённому тарифу, то в настоящее время она, по-видимому, более склонна присоединиться к государствам, протестующим против установления венгерского правительства.

Господин Лаховари высказал в заключение, что целью, которую преследовали государства на Берлинском конгрессе, поручая Австро-Венгрии работы по устройству канала у Железных Ворот, было облегчение международного судоходства по Дунаю. Между тем, условия, в которые оно теперь поставлено, не только не облегчают это судоходство, но наоборот, делают его более обременительным. До устройства канала, в известный период года, продолжавшийся лишь несколько недель, суда, проходящие Железными Воротами, принуждены были перегружаться, что вызывало некоторые расходы. Теперь же, вследствие значительного усиления течения, баржи, следующие каналом, буксируются не одним, а двумя пароходами, и, кроме того, обложены высоким тарифом. Таким образом, предначертанная Берлинским трактатом задача отнюдь не может считаться выполненной.

По-видимому, господин Лаховари, преозабоченный вопросом о тарифе у Железных Ворот, имеет в виду не только важное экономическое значение этого вопроса для Румынии, но также и общественное мнение, требующее справедливого его разрешения, и которым оппозиция не преминула бы воспользоваться для создания затруднений консервативному кабинету.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 194, Листы 89–93.

[1] После отпуска.
[2] См. предшествующие документы, касающиеся позиции Румынии относительно таксы, взимаемой венгерским правительством за прохождение судов через Железные Ворота.
[3] В районе Величка (Wieliczka / Groß Salze).

București, 15 septembrie 1899, nr. 1282. Fonton către contele Lamsdorff

Scrisoare particulară

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Chiar în timpul primei întrevederi cu ministrul regal al Afacerilor Străine de după revenirea mea la București[1], domnul Lahovari a adus în discuție chestiunea recent introdusului tarif pentru trecerea canalului de la Porțile de Fier și mi-a comunicat faptul că, chiar dacă nu a fost primit încă nici un răspuns din partea Guvernului vienez la cele trei note ale Guvernului român referitoare la această problemă[2], el continuă să spere că vocea

puternică a Rusiei va conduce Ungaria către o soluție corectă și dorită a acestei chestiuni esențiale. Din punctul de vedere al Guvernului regal, cea mai mare nedreptate care se face prin introducerea noului tarif constă nu atât în principiul său, cât în faptul că clasificarea articolelor și mărimea taxelor sunt determinate exclusiv de avantajele economice pe care le poate obține Ungaria de pe urma tranzitării canalului de la Porțile de Fier de către diferite mărfuri. În calitate de exemplu pentru aceste clasificări extrem de arbitrare, domnul Lahovari s-a referit la tariful aplicat gazului lampant, stabilit în dependență de faptul dacă acesta este sau nu prelucrat, știindu-se că în Ungaria există foarte multe fabrici pentru tratarea gazului lampant, și la tariful pentru sare, pentru a încuraja comercializarea sării din Galiția[3].

Domnul Lahovari își păstrează convingerea că cea mai potrivită rezolvare a chestiunii ar fi acordarea pentru Ungaria de către statele interesate a unor despăgubiri care să acopere cheltuielile suportate. Alături de răscumpărare, ar fi posibilă și semnarea de către aceste state a unei înțelegeri prin care să se stabilească o contribuție anuală pentru întreținerea canalului în stare funcțională.

Dacă principiul taxărilor va rămâne totuși în vigoare, tarifele ar trebui calculate în dependență de capacitatea vaselor care tranzitează canalul, sau să fie stabilite printr-o înțelegere a statelor interesate, fără a fi lăsate la latitudinea arbitrară a Ungariei.

În același timp, domnul Lahovari a avansat presupunerea că împotriva tarifelor introduse se vor pronunța, alături de Rusia și România, Germania, Bulgaria și alte câteva state și că, în cel mai rău caz, chestiunea privind mărimea tarifelor sau acordarea de recompense Ungariei pentru cheltuielile suportate ar putea fi supusă, cu acordul Guvernului maghiar, examinării unei instanțe internaționale de arbitraj.

Potrivit informațiilor pe care le are la dispoziție ministrul Afacerilor Străine, Guvernul Marii Britanii a acceptat fără obiecții tarifele stabilite de către Ungaria, în timp ce Franța a ezitat să prezinte până acum un punct de vedere referitor la această chestiune. Cât privește Serbia, care la început a fost indiferentă față de tariful introdus recent, aceasta pare a se ralia în prezent mai degrabă statelor care protestează împotriva deciziei Guvernului maghiar.

În încheiere, domnul Lahovari și-a exprimat convingerea că scopul pe care l-au urmărit statele la Congresul de la Berlin, atunci când au mandatat Austro-Ungaria să construiască un canal la Porțile de Fier, a fost să ușureze navigația internațională pe Dunăre. Cu toate acestea, condițiile create în prezent nu doar că nu ajută navigația, ci, dimpotrivă, o fac și mai împovărătoare. Până la amenajarea canalului, într-o anumită perioadă a anului, care dura doar câteva săptămâni, vasele care treceau prin Porțile de Fier erau obligate să fie reîncărcate, lucru care presupunea anumite cheltuieli. În prezent însă, din cauza creșterii semnificative a puterii curenților de apă, șlepurile care trec prin canal sunt remorcate nu de unul, ci de două vapoare, fiind, în plus, supuse unor tarife ridicate. În acest fel, sarcina trasată prin Tratatul de la Berlin nu poate fi, în nici un caz, considerată îndeplinită.

Se pare că domnul Lahovari, foarte preocupat de chestiunea tarifelor de la Porțile de Fier, are în vedere nu doar însemnătatea economică a acestei probleme pentru România, ci și opinia publică, care solicită o rezolvare echitabilă, situație de care opoziția nu va ezita să se folosească, pentru a crea dificultăți guvernului conservator.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 194, filele 89–93.

---

[1] După concediu.

[2] A se vedea documentele anterioare referitoare la poziția României față de taxele introduse de către guvernul maghiar la Porțile de Fier.

[3] Din regiunea Wieliczka (Groß Salze).

26

Тулча, 15 сентября 1899 г., Картамышев – Фонтону

Штамп от 17 сентября 1899 г.

Его Превосходительству Н. А. Фонтону

Милостивый государь Николай Антонович,

В понедельник 13-го сентября в Тулчу неожиданно прибыл королевский министр государственных имуществ господин Флева.

Этот приезд объясняется желанием министра лично познакомиться с положением здешних казённых рыбных промыслов, так как недавно обнаружились крупные злоупотребления, и тулчинский инспектор этих промыслов господин Кордя арестован за растрату казённых денег и подлоги по службе.

В номере от 14-го сентября официозной газеты правительства „La Roumanie” появилась следующая заметка: «До нас дошло, что следствие по делу о злоупотреблениях, констатированных в администрации правительственных рыбных промыслов в Тулче, ведётся недостаточно энергично. По-видимому, многие лица, состоящие в деловых сношениях с господином Кордя, вмешались в дело, чтобы покрыть некоторые злоупотребления, которые позволили бы открыть сообщников этого чиновника. Гарантируя верность этого сведения, мы обращаем внимание министра юстиции на этот факт, и мы думаем, что следствие по этому делу необходимо поручить одному из генеральных прокуроров»[1].

Нет сомнения, что господин Флева прибыл сюда именно для того, чтобы лично проверить сообщённые газетой „La Roumanie” сведения и, по-видимому, он убедился, что в этом деле скомпрометировано много лиц, имеющих значительное положение в администрации, магистратуре и примэрии.

При отъезде министра из Тулчи, на пароходе произошёл следующий инцидент, явно подготовленный господином Флева и поразивший всех присутствовавших.

Когда господин Флева вошёл на палубу парохода, его окружили все местные власти и большая толпа публики. Министр при всех обратился к товарищу прокурора здешнего суда господину Матееску-Бузэу и сказал: «До меня дошли слухи, что Вы вместе с примаром города Тулчи господином Леонидом Стеря[2] были в тюрьме и разговаривали с господином Кордя на французском языке, так что никто из служащих вас не понял. Интересно было бы знать, о чём вы с ним говорили?»

Товарищ прокурора побледнел и заявил министру, что этого не было, и что это неправда. Стоявший вблизи примар также заявил министру, что это ложь, выдуманная его врагами.

Тогда министр сказал: «Я в это дело не вмешиваюсь, но должен вам сказать, что о факте вашего разговора с господином Кордя я узнал из официального рапорта господина полицмейстера, который вот здесь налицо».

Примар, господин Леонид Стеря, стал громко кричать, уличая во лжи полицмейстера, но тут подошёл правительственный адвокат господин Никулеску и заявил, что полицмейстер сказал правду, а товарищ прокурора и примар солгали.

Скандал этот произвёл на всех удручающее впечатление и должен неминуемо привести к назначению сюда особого лица для производства строгого следствия и для выяснения [того], кто прав и кто виноват.

Господин Флева пробыл в Тулче целые сутки, остановившись в отеле, а не в префектуре. Он принял несколько депутаций от греков, болгар, русских и других национальностей, жаловавшихся на притеснения со стороны здешней администрации и объяснивших министру причины, заставляющие многих жителей эмигрировать из Добруджи[3]. Господин Флева принимал все жалобы, записывал показания, говорил лично со всеми просителями и своей доступностью и любезным обращением снискал всеобщие симпатии.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга, П. Картамышев.

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 106, Листы 5–6.

---

[1] См. текст заметки, опубликованной в „La Roumanie. Journal Conservateur Quotidien" (Bucarest), mardi, 14 (26) septembre 1899. P. 3: «Nous croyons savoir que le parquet de Tulcea ne procède pas avec toute la vigueur nécessaire dans l'instruction de l'affaire des abus constatés à l'administration des pêcheries de l'Etat. Il parait que plusieurs personnes en relations d'affaires avec M. G. V. Cordea, seraient intervenues pour couvrir certains abus qui pourraient permettre la découverte des complices de ce fonctionnaire. Tout en garantissant l'authenticité de cette information, nous attirons sur ce fait l'attention du ministre de la justice et nous croyons qu'un procureur général devrait être chargé de l'instruction de cette affaire».

[2] Мэр Тулчи в 1899–1900 гг.

[3] См. док. № 22 от 31 августа 1899 г.

Tulcea, 15 septembrie 1899, Kartamâșev către Fonton

Ștampila din 17 septembrie 1899

Excelenței Sale N. A. Fonton

Stimate Domnule, Nikolai Antonovici,

Lunea trecută, pe 13 septembrie, la Tulcea a sosit pe neașteptate ministrul regal al domeniilor statului, domnul Fleva.

Această sosire se explică prin dorința ministrului de a se familiariza personal cu situația crescătoriilor de pește aflate în proprietatea statului care se găsesc aici, deoarece nu demult au fost descoperite mari abuzuri în acest domeniu, iar inspectorul tulcean al acestor crescătorii de pește, domnul Cordea, este arestat pentru delapidarea mijloacelor financiare ale statului și falsificare de acte.

În numărul din data de 14 septembrie al ziarului guvernamental oficios „La Roumanie" a apărut următoarea notă scurtă: „Până la noi au ajuns informații, precum că ancheta în dosarul privind abuzurile constatate în cadrul administrației crescătoriilor de pește guvernamentale din Tulcea nu se desfășoară cu destulă energie. Din câte se pare, mai multe persoane, care se află în relații de afaceri cu domnul Cordea, s-au implicat direct în acest dosar cu scopul de a ascunde și a acoperi anumite abuzuri care ar fi permis descoperirea complicilor acestui funcționar. Garantând corectitudinea acestei informații, noi atragem atenția ministrului justiției asupra acestui fapt și credem că ancheta privind acest dosar ar trebui să îi fie încredințată unuia dintre procurorii generali"[1].

Nu există nici o îndoială că domnul Fleva a sosit aici anume pentru a verifica personal informațiile comunicate de ziarul „La Roumanie" și, după cum se pare, el s-a convins că în această afacere s-au compromis mai multe persoane, care au o poziție și situație destul de importantă în cadrul administrației, în magistratură și în primărie.

La plecarea ministrului din Tulcea, pe vapor a avut loc următorul incident, care a fost în mod evident pregătit din timp de domnul Fleva și care i-a frapat și uluit pe toți cei prezenți.

Când domnul Fleva a urcat pe puntea navei, el a fost înconjurat de toate autoritățile locale, precum și de o mare mulțime formată din membrii publicului. Ministrul, în prezența tuturor, s-a adresat direct procurorului adjunct al tribunalului de aici, domnului Mateescu-Buzău, și i-a spus: „Până la mine au ajuns anumite zvonuri că Domnia Voastră, împreună cu primarul orașului Tulcea, domnul Leonida Sterea[2], ați fost la închisoare și ați vorbit cu domnul Cordea în limba franceză, astfel încât nimeni dintre funcționarii de acolo nu v-a înțeles. Mi-ar fi interesant să știu despre ce ați discutat cu el"?

Procurorul adjunct a devenit palid și i-a declarat ministrului că acest lucru nu este adevărat și că nu a existat așa ceva. Primarul, care stătea și el în apropiere, i-a declarat, de asemenea, ministrului că acestea sunt minciuni, inventate de dușmanii săi.

Atunci ministrul a spus: „Eu nu mă amestec în această chestiune, însă trebuie să vă spun că despre discuția voastră cu domnul Cordea am aflat din raportul oficial al domnului șef al poliției, care se află chiar aici, în persoană".

Primarul, domnul Leonida Sterea, a început să vocifereze și să strige, acuzându-l de minciună pe șeful poliției, dar în acest moment de ei s-a apropiat avocatul guvernamental, domnul Niculescu, și a declarat că șeful poliției a spus adevărul, iar procurorul adjunct și primarul au mințit.

Acest scandal a produs asupra tuturor o impresie penibilă și deprimantă și ar trebui, în mod inevitabil, să aibă drept consecință numirea la Tulcea a unei persoane speciale însărcinate cu efectuarea unei anchete serioase, în vederea clarificării faptului privind cine are dreptate și cine este vinovat.

Domnul Fleva a rămas la Tulcea timp de douăzeci și patru de ore, cazându-se la un hotel, și nu la sediul prefecturii. El a primit câteva delegații din partea grecilor, bulgarilor, rușilor și a altor naționalități, care se plângeau de persecuțiile și asuprirea din partea administrației locale și care i-au explicat ministrului motivele care îi impun pe mulți locuitori ai regiunii să emigreze din Dobrogea[3]. Domnul Fleva a primit toate petițiile și plângerile, a notat și a înregistrat mărturiile, a vorbit personal cu toți petenții, iar prin caracterul său abordabil și prin comportamentul său amabil a câștigat simpatia generală a tuturor.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Excelenței Voastre, P. Kartamâșev.

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 106, filele 5–6.

---

[1] Traducere după raportul în limba rusă. A se vedea textul orginal al notei în „La Roumanie. Journal Conservateur Quotidien" (Bucarest), mardi, 14 (26) Septembre 1899, p. 3: „Nous croyons savoir que le parquet de Tulcea ne procède pas avec toute la vigueur nécessaire dans l'instruction de l'affaire des abus constatés à l'administration des pêcheries de l'Etat. Il parait que plusieurs personnes en relations d'affaires avec M. G. V. Cordea, seraient intervenues pour couvrir certains abus qui pourraient permettre la découverte des complices de ce fonctionnaire. Tout en garantissant l'authenticité de cette information, nous attirons sur ce fait l'attention du ministre de la justice et nous croyons qu'un procureur général devrait être chargé de l'instruction de cette affaire".

[2] Primar în anii 1899–1900.

[3] A se vedea doc. nr. 22 din 31 august 1899.

27

Бухарест, 15 октября 1899 г., № 48, [Фонтон – Ламсдорфу]

По получении предписания Вашего Сиятельства от 23 сентября с.г. № 731[1], я при первом же свидании с господином Лаховари направил разговор на вопрос о введении австро-венгерским правительством пошлин за проход судов у Железных Ворот на Дунае и сослался на записку, составленную в императорском министерстве об этом деле[2].

Министр иностранных дел был уже вполне ознакомлен с содержанием этой записки, доставленной ему господином Росетти-Солеску. Господин Лаховари крайне признателен Вашему Сиятельству за столь интересное сообщение. Ему особенно отрадно было усмотреть из содержания оного, что взгляды, высказанные императорским министерством, являются для него лестным подтверждением личной его оценки одностороннего образа действий австро-венгерского правительства в данном случае. Мой собеседник отметил, что доводы, приведённые императорским министерством, неопровержимы, и что никакой натяжкой венскому кабинету не представится возможным истолковать в свою пользу ст. 57 Берлинского трактата[3]. Никакая казуистика не в состоянии доказать, что постановление этой статьи взимать таксы равносильно праву их установлять. Коллективное право держав участвовать в делах, касающихся плавания по Дунаю, действительно неоспоримо.

Далее министр отметил с особенным удовольствием столь справедливые и веские возражения против самовластного установления полицейского надзора у канала Железных Ворот и присвоения чинам этого надзора обязанностей, явно нарушающих территориальные права прибрежных государств.

Коснувшись за сим крупной суммы в 38½ миллионов крон, израсходованных Венгрией, министр выставил на вид, что два миллиона крон пошли на устройство порта в Оршове и, кроме того, значительные затраты между Турну-Северином и Оршовой. 3 метра глубины вместо 2-х произведены с единственной целью привлечь в этот порт глубокосидящие суда, а за сим перегружать на более лёгкие венгерские суда их груз, либо отправлять оный далее по железным дорогам.

Министр добавил, наконец, что по ближайшем ознакомлении со взглядами императорского правительства на дело о канале у Железных Ворот, он ещё более убедился в том, что напоминание, сделанное венскому кабинету о международных постановлениях касательно свободного плавания по Дунаю, послужит к благоприятному разрешению возникшего ныне вопроса. Я заметил господину Лаховари, что подобный исход крайне желателен, так как осуществление разорительных для судоходства по Дунаю попыток Венгрии может лишь повести к тому, что „au lieu des Portes de Fer il y aurait à l'avenir des Portes d'argent"[4].

С глубочайшим уважением и проч.

[без подписи]

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 194, Листы 110–112.

[1] Данным предписанием российское министерство иностранных дел препроводило своим представителям в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Стамбуле, Мюнхене, Бухаресте и Софии свой меморандум касательно установления пошлинного и лоцманского тарифа у Железных Ворот.

[2] См.: АВПРИ. Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 194. Л. 101–103 об.
[3] См. док. № 14 от 12 июля 1899 г., прим. 2.
[4] Игра слов, поскольку французское слово «argent» в переводе на русский язык означает не только «серебро», но и «деньги».

București, 15 octombrie 1899, nr. 48. [Fonton către contele Lamsdorff]

După primirea instrucțiunii Luminăției Voastre din 23 septembrie c., cu nr. 731[1], chiar cu ocazia primei întrevederi cu domnul Lahovari, am condus discuția către chestiunea privind introducerea de către Guvernul austro-ungar a unor taxe pentru tranzitarea de către vasele comerciale a Porților de Fier de pe Dunăre, făcând trimitere la memoriul privind această problemă elaborat de către Ministerul imperial[2].

Ministrul Afacerilor Străine s-a dovedit a fi pe deplin informat despre conținutul acestui memoriu, pus la dispoziție de către domnul Rosetti-Solescu. Domnul Lahovari este extrem de recunoscător Luminăției Voastre pentru această informare foarte interesantă. În mod special, el s-a bucurat să deducă din memoriu că punctele de vedere exprimate de către Ministerul imperial reprezintă o confirmare măgulitoare a propriei sale evaluări privind modul unilateral de acțiune al Guvernului austro-ungar în această chestiune. Interlocutorul meu a subliniat că raționamentele folosite de către Ministerul imperial nu pot fi combătute și că Guvernul de la Viena nu va putea invoca în favoarea sa, prin nici o interpretare forțată, articolul 57 al Tratatului de la Berlin[3]. Nici o cazuistică nu este în măsură să demonstreze că prevederea din acest articol privind dreptul de a percepe taxe echivalează cu dreptul de a fi stabilite. Dreptul colectiv al Marilor Puteri de a participa la chestiunile privitoare la navigația pe Dunăre este, într-adevăr, de necontestat.

În continuare, ministrul a remarcat cu deosebită satisfacție obiecțiile legitime și ferme împotriva instalării arbitrare a controlului polițienesc la canalul de la Porțile de Fier și acordarea pentru funcționarii care participă la acest control a unor atribuții ce încalcă evident drepturile teritoriale ale statelor limitrofe.

Mai apoi, aducând în discuție suma importantă de 38,5 milioane de coroane, cheltuită de către Ungaria, ministrul a pus în vedere faptul că două milioane au fost folosite pentru amenajarea portului Orșova și că, în afară de aceasta, cheltuielile substanțiale pentru asigurarea, între Turnu-Severin și Orșova, a unei adâncimi de trei metri, în loc de doi, au fost contractate cu singurul scop de a atrage în portul amintit vase de mare capacitate, după care marfa transportată să fie reîncărcată pe vase mai mici unguresti, sau să fie redirecționată pe căile ferate.

În sfârșit, ministrul a adăugat că, după ce a făcut cunoștință în mod detaliat cu punctul de vedere al Guvernului imperial privind chestiunea canalului de la Porțile de Fier, el s-a convins și mai mult de faptul că aducerea la cunoștința Cabinetului de la Viena a reglementărilor internaționale privitoare la libera circulație pe Dunăre va contribui la o soluționare favorabilă a litigiului apărut. La rândul meu, i-am spus domnului Lahovari că un astfel de deznodământ este extrem de dezirabil, deoarece implementarea de către Ungaria la Dunăre a unor măsuri devastatoare pentru navigație ar putea conduce la situația că „au lieu des Portes de Fer il y aurait à l'avenir des Portes d'argent”[4].

Cu deosebit respect etc.
[fără semnătură]

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 194, filele 110–112.

[1] Prin respectiva instrucțiune, Ministerul Afacerilor Străile al Imperiului Rus transmitea către reprezentații săi din Paris, Londra, Berlin, Viena, Roma, Constantinopol, München, București și Sofia memorandumul privitor la introducerea taxelor de trecere la Porțile de Fier.

[2] A se vedea: APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 194, filele 101–103 verso.

[3] A se vedea: doc. nr. 14 din 12 iulie 1899, nota 2.

[4] Joc de cuvinte.

28

Бухарест, штамп от 31 октября 1899 г., № 49. [Фонтон – Ламсдорфу]

Рукопись

Вновь назначенный военным агентом в Румынии и Сербии Генерального штаба подполковник Леонтович[1] прибыл в Бухарест 18 текущего октября. Вслед за его приездом мною была испрошена аудиенция для представления его королю. Его Величество соизволил принять нас в Синае в минувший понедельник и удостоить приглашением к завтраку.

Король милостиво и продолжительно беседовал с подполковником Леонтовичем, причём вспоминал о совместном действии румынских войск и доблестной русской армии в минувшую кампанию[2]. Пред началом завтрака военный агент наш имел честь также быть представленным Её Величеству королеве[3], не находящейся в настоящее время в совершенном здравии[4].

По окончании стола Его Величеству благоугодно было беседовать со мной более часа. Король Карл высказал, прежде всего, насколько он и его семья были встревожены тяжкой болезнью сына наследного принца Фердинанда, шестилетнего принца Карла[5], и их радость при наступлении периода выздоровления. Затем король коснулся затруднительного финансового положения страны[6] и выразил надежду, что переговоры о займе, вновь начатые в Берлине, увенчаются успехом[7]. Хотя условия будущего краткосрочного займа и не преминут быть сравнительно тяжёлыми при настоящем состоянии европейского денежного рынка, тем не менее, король Карл предполагает, что по истечении некоторого времени, возможно будет заключить более крупный заём, на условиях не столь убыточных.

Король усматривает в войне, открывшейся между Англией и Трансваалем[8], одну из главнейших причин оскудения финансового рынка и падения ценных бумаг. Как пример истощения золота в наиболее обильных денежных центрах, Его Величество упомянул о том, что английские финансовые учреждения, обладающие несколькими десятками миллионов румынских закладных листов[9], не согласились отсрочить уплату по этим обязательствам даже на короткий срок, а потребовали их выкупа к сроку. Король Карл, видимо, озабочен экономическим положением своей страны в текущем году.

Действительно, сельскохозяйственный кризис представляется крайне серьёзным, так как дожди, выпавшие во второй половине лета, послужили лишь к улучшению кормовых трав. Страна потерпит в среднем утрату до 200 миллионов, что повлечёт к значительному дефициту в государственной росписи. Дефицит этот и обязательства по займам вызовут необходимость ввести новые налоги. Ни род, ни размер новых налогов ещё не установлены точно, но предполагается обложить прямые наследства и

возвысить накладные сборы на все торговые и промышленные предприятия. Эта последняя мера имелась ещё в виду при предшествовавшем правительстве, ибо действительно существующее обложение крайне несоразмерно. Одновременно с сим идёт речь об обложении 10% сбором жалования государственных служащих, что характеризует наглядно настоящее финансовое положение Румынии. По расчёту, от обложения наследств и жалований чиновников ожидается около 10 миллионов франков.

Докладывая Вашему Сиятельству о вышеизложенном, долгом считаю присовокупить, что король Карл, заканчивая разговор со мной, упомянул также о введении венгерским правительством тарифа за проход судов через канал у Железных Ворот[10]. Его Величество принимает горячо к сердцу интересы румынского судоходства по Дунаю и высказался в возбуждённом тоне об образе действий будапештского правительства, беззастенчиво нарушающего в этом вопросе международные постановления о свободе плавания по Дунаю.

С глубочайшим уважением и проч.

[без подписи]

АВПРИ. Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 194, Листы 115–116 об.

---

[1] Леонтович Евгений Александрович (р. 1862) занимал пост военного агента в Бухаресте с 26 июля 1899 до конца 1901 г. Он постоянно проживал в румынской столице и лишь с конца 1900 г. получил разрешение посещать Сербию для исполнения там своих служебных обязанностей. С 1920 г. в эмиграции в Румынии.

[2] Речь идёт о войне 1877–1878 гг.

[3] Королева Елизавета (1843–1916). Принцесса Видская. Была известна и как писательница, публиковавшаяся под псевдонимом Кармен Сильва. Вышла замуж за князя Карла в 1869 г., став королевой в 1881 г., с провозглашением Румынии королевством.

[4] В 1899 г. королева Елизавета, которая сильно располнела и имела проблемы с передвижением, отправилась на лечение в Мюнхен.

[5] Родился в 1893 г. Будущий король Румынии Карл II. О состоянии его здоровья в течение 1899 г. см. также: *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905 /* Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010. P. 416–420.

[6] Крупный экономический и финансовый кризис 1899–1901 гг. в Румынии был связан с двумя основными факторами. Один из них был внутренним – падение сельскохозяйственного производства в 1899 г. вследствие длительной засухи, продолжавшейся более 10 месяцев, а второй внешним – уменьшение возможностей привлечения средств с зарубежных рынков как следствие эволюции мирового рынка под влиянием развязывания англо-бурской войны и восстания ихэтуаней в Китае. Последствиями кризиса стали падение аграрной продукции на 65%, снижение доходов от импорта на 48%, беспрецедентный бюджетный дефицит в 35 млн лей, рост процентных ставок и кредитный кризис, банкротства, значительное сокращение бюджета и бюджетных расходов. См. подробнее: Axenciuc V. *Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice 1859–1947.* Vol. III. București, Editura Academiei Române, 2000; Ardeleanu C. *Comerțul exterior și navigația prin gurile Dunării: serii statistice (1901–1914).* Galați, Galați University Press, 2008. С точки зрения современника: Ionescu T. *Deux ans de finances roumaines 1899–1901.* București, Pro Domo, Imprimerie E.S. CERBU, 1902.

[7] Для того, чтобы облегчить оформление кредита на выгодных условиях, король Карл обратился непосредственно к фон Бюлову, в то время министру иностранных дел (госсекретарю) Германии (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905.* P. 418–419).

[8] «Вторая англо-бурская война» или «южноафриканская война». На англ.: Second Anglo Boer War. 1899–1902 (Smith I. *The Origins of the South African War, 1899–1902.* London, Longman, 1996; Lugan B. *La guerre des Boers. 1899–1902*. Paris, Éditions Perrin, 1998).

[9] Dobre Gh. *Structural and Qualitative Changes Concerning the British-Romanian Commercial Relations During the Modern and Contemporaneous Ages // Anglo-Romanian Relations After 1821* (Anuarul Institutului de Istorie „A. D. Xenopol". Supliment IV). Iași, 1983. P. 99–102.

[10] См. предыдущие документы.

București, ștampila din 31 octombrie 1899, nr. 49. Fonton către contele Lamsdorff

Scris de mână

Locotenent-colonelul Statului Major General Leontovici[1], numit recent în funcția de agent militar în România și Serbia, a sosit la București pe data de 18 octombrie curent. Imediat după sosirea sa, eu am solicitat o audiență oficială în scopul prezentării sale regelui. Majestatea Sa a binevoit să ne primească în audiență la Sinaia, lunea trecută, și ne-a onorat cu o invitație la micul dejun.

Regele a discutat într-o manieră binevoitoare și un timp destul de îndelungat cu locoten[ent-colonelul] Leontovici, amintindu-și cu acest prilej despre acțiunile comune ale trupelor române și ale glorioasei armate ruse în timpul ultimei campanii militare[2]. Înainte de ora fixată pentru micul dejun, agentul nostru militar a avut, de asemenea, onoarea să îi fie prezentat Majestății Sale reginei[3], care nu se găsește în prezent într-o stare perfectă de sănătate[4].

După încheierea mesei, Majestatea Sa a avut bunăvoința să converseze cu mine timp de peste o oră. Regele Carol a afirmat, înainte de toate, cât de mult au fost îngrijorați, atât el, cât și întreaga sa familie, de boala grea a fiului principelui moștenitor Ferdinand, prințului Carol[5], în vârstă de șase ani, și cât de bucuroși au fost cu toții când s-a instalat perioada de convalescență. În continuare, regele s-a referit la situația financiară dificilă a țării sale[6] și și-a exprimat speranța că negocierile privind un împrumut, inițiate recent la Berlin, se vor încununa cu succes[7]. Deși condițiile viitorului împrumut pe termen scurt vor fi, probabil, în mod inevitabil, relativ oneroase, având în vedere actuala stare a pieței financiare eur[opene], cu toate acestea, regele Carol presupune că, după ce va fi trecut o anumită perioadă de timp, va fi posibil să fie încheiat un acord privind un împrumut mai substanțial, ale cărui condiții nu vor mai fi atât de nerentabile.

Regele consideră că anume războiul care s-a declanșat între Anglia și Transvaal[8] reprezintă una dintre principalele cauze ale epuizării resurselor pieței financiare și ale scăderii prețului hârtiilor de valoare. Drept exemplu al epuizării stocurilor de aur chiar și în cazul celor mai influente centre financiare, Majestatea Sa a amintit de faptul că instituțiile financiare engleze, care dețin câteva zeci de milioane de obligații românești[9], nu au fost de acord să amâne termenul de achitare a datoriilor aferente acestor obligații, fie și pe o perioadă scurtă, ci au solicitat insistent răscumpărarea acestora strict în termenii stabiliți. Din câte se pare, regele Carol este îngrijorat de situația economică a țării sale pe parcursul anului curent.

Într-adevăr, criza din agricultură se prezintă ca fiind extrem de gravă, pentru că ploile care au căzut în a doua jumătate a verii nu au servit decât la îmbunătățirea calității ierburilor furajere. Țara va suporta, în medie, pierderi în sumă de până la 200 de milioane, ceea ce va avea drept consecință apariția unui deficit semnificativ în bugetul de stat. Acest deficit, precum și obligațiile aferente împrumuturilor, vor avea ca urmare necesitatea introducerii unor noi impozite. Nici felul, nici mărimea acestor noi impozite nu au fost încă stabilite cu exactitate, dar s-ar avea, chipurile, în vedere să se instituie taxarea moștenirilor directe, dar și să se mărească cuantumul impozitelor indirecte aplicate tuturor întreprinderilor comerciale și industriale. Această din urmă măsură era avută în vedere încă în timpul guvernului precedent, căci, într-adevăr, sistemul de taxare existent este extrem de disproporționat. De rând cu aceste proiecte, este vorba și despre taxarea, cu un impozit special de 10%, a salariilor funcționarilor de stat, ceea ce caracterizează în mod destul de elocvent actuala

situație financiară a României. Conform calculelor preliminare, se așteaptă un venit de aproximativ 10 milioane de franci în urma impozitării moștenirilor și a salariilor funcționarilor.

Raportându-vă Luminăției Voastre despre cele expuse mai sus, consider de datoria mea să adaug că regele Carol și-a încheiat conversația cu mine, amintind, de asemenea, despre introducerea de către guvernul maghiar a unui tarif pentru trecerea navelor prin canalul de la Porțile de Fier[10]. Majestatea Sa ia la inimă, destul de tare, interesele navigației românești de pe Dunăre, exprimându-se deschis, pe un ton agitat, despre modul de acțiune al guvernului de la Budapesta, care, în opinia sa, încalcă în mod obraznic, în legătură cu această chestiune, rezoluțiile internaționale privind libertatea navigației pe Dunăre.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 194, filele 115–116 verso.

---

[1] Evgheni Al. Leontovici (n. 1862), a ocupat funcția de atașat militar la București din 26 iulie 1899 până la sfârșitul anului 1901. A locuit în permanență în capitala României și a obținut dreptul de a călători în Serbia în interes de serviciu abia de la sfârșitul anului 1900. Din 1920 a locuit în emigrație în România.

[2] Războiul din 1877–1878.

[3] Regina Elisabeta (1843–1916). Principesă de Wied. A fost cunoscută și cu pseudonimul literar Carmen Sylva. S-a căsătorit cu principele Carol în 1869, devenind regină în 1881, odată cu recunoașterea României ca regat.

[4] În 1899, regina Elisabeta, care se îngrășase mult și avea probleme cu mersul, a urmat un tratament la München.

[5] Născut în 1893. Viitor rege al României (Carol II). Pentru starea sa de sănătate în cursul anului 1899, a se vedea și *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 416–420.

[6] Criza economică și financiară majoră din România din perioada 1899–1901 a avut doi factori declanșatori imediați: unul de natură internă – compromiterea producției agricole a anului 1899 în urma unei secete prelungite de peste 10 luni – și unul extern – diminuarea posibilităților de atragere de fonduri de pe piețele externe, ca urmare a evoluțiilor de pe piața mondială, respectiv declanșarea Războiului Burilor în Africa și a Răscoalei Boxerilor în China. Criza a avut ca efecte: scăderea producției agricole cu 65%, diminuarea cu 48% a veniturilor din importuri, un deficit bugetar fără precedent de 35 de milioane de lei, creșterea nivelului dobânzilor și încetarea creditării, falimente, reduceri semnificative ale aparatului bugetar și cheltuielilor bugetare etc. Pentru detalii, a se vedea: Victor Axenciuc, *Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice 1859–1947*, vol. III, București, Editura Academiei Române, 2000; Constantin Ardeleanu, *Comerțul exterior și navigația prin gurile Dunării: serii statistice (1901–1914)*, Galați, Galați University Press, 2008. Pentru o perspectivă contemporană: Take Ionescu, *Deux ans de finances roumaines 1899–1901*, București, Pro Domo, Imprimerie E.S. CERBU, 1902.

[7] Pentru a facilita contractarea unui împrumut în condiții avantajoase, regele Carol s-a adresat direct lui von Bülow, la vremea respectivă ministru („secretar de stat”) de externe al Germaniei (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, p. 418–419).

[8] „Cel de-al doilea război al burilor”, sau „războiul sud-african”. În limba engleză: Second Anglo Boer War. 1899–1902 (Iain R. Smith, *The Origins of the South African War, 1899–1902*, London, Longman, 1996; Bernard Lugan, *La guerre des Boers. 1899–1902*, Paris, Éditions Perrin, 1998).

[9] Gheorghe Dobre, *Structural and Qualitative Changes Concerning the British-Romanian Commercial Relations During the Modern and Contemporaneous Ages*, în *Anglo-Romanian Relations After 1821* (Anuarul Institutului de Istorie „A. D. Xenopol”, Supliment IV), Iași, 1983, p. 99–102.

[10] A se vedea documentele anterioare.

29

Бухарест, штамп от 31 октября 1899 г., № 50. [Фонтон – Ламсдорфу]

Черновая рукопись с зачёркиваниями

М(илостивый) Г(осударь) гр[аф] Владимир Ник[олаевич],

За последнее время в составе диплом[атических] представителей в Бухаресте произошёл ряд изменений.

На место бывшего бельгийского посланника гр[афа] де Лалена[1], переведённого в Швейцарию, прибыл в Бухарест месяца два тому назад барон Байенс[2], занимавший до сего времени должность посланника в Тегеране[3].

Господин Аргиропулос[4], состоявший греческим дипломат[ическим] агентом в Софии, назначен посланником в Бухаресте.

На место вышедшего в отставку серб[ского] посланника Георгиевича ожидается здесь господин Миличевич[5], секретарь короля Александра.

Бывший несколько лет тому назад болгарским дипл[оматическим] агентом в Бухаресте господин Теодоров[6], только что назначен снова в Румынию на место господина Минчовича[7], вызванного в Софию для занятия должности ген[ерального] секретаря княжеского м[инистерст]ва ин[остранных] дел. Господин Минчович отказался, однако, от принятия этой должности, так как он уже состоял более 4 лет дипломатическим агентом, а до того был некоторое время м[инистро]м юстиции. Король Карл, желая оказать своё внимание, пожаловал ему орден Рум[ынской] Короны 1 ст[епени].

Наряду с этим имею честь отметить перемены в представительстве Румынии за границей.

На вакантное место посланника при итальянском дворе назначается господин Алеку Катарджиу[8], бывший в С[анкт]-Петербурге.

В Константинополь назначен Александру Гика[9], состоявший до сего времени диплом[атическим] агентом в Софии.

В Белград – начальник кабинета м[инистра] ин[остранных] дел Эдгард Маврокордато[10].

Дипломатическим агентом в Софии – господин Мишу[11], бывший до сего генер[альным] секретарём м[инистерст]ва ин[остранных] дел[12]. Это последнее назначение является одним из редких здесь примеров должной оценки способностей и добросовестного отношения к своим обязанностям. Состоя лишь в чине 2-го секретаря миссии года четыре тому назад[13], господин Мишу исполнял обязанности начальника политического отделения, а вслед за тем удостоился назначения генер[альным] секретарём. Его постоянно серьёзное отношение к делам, его старания к быстрому удовлетворению наших требований, оказывали нам неоценимое содействие в сношениях наших с румынским правительством. Перемещение господина Мишу составляет потерю для всех здешних миссий, а в особенности для импер[аторской] миссии, к которой он проявлял постоянно самую большую предупредительность.

[без подписи]

АВПРИ, Фонд 169/2 Миссия в Бухаресте, Опись 511/1, Дело 101, Листы 140–141.

[1] Шарль Максимилиан граф де Лален (Charles Maximilien Comte de Lalaing) (1856–1919). Был секретарем бельгийской миссии в Бухаресте в 1883–1886 гг. и посланником Бельгии в Румынии в 1896–1899 гг. В течение карьеры выполнял различные дипломатические функции в Австро-Венгрии, Германии, Нидерландах, Великобритании, Бразилии, Швейцарии.

[2] Эжен-Наполеон Байенс (Eugène-Napoléon Beyens) (1855–1934). Выполнял функции посланника Бельгии в Румынии до 1909 г. Начал карьеру на бельгийской дипломатической службе в 1877 г., занимая разные посты в диппредставительствах в Испании, Франции, Персии, Германии, Папском государстве. После Первой мировой войны также выполнял целый ряд миссий и поручений при Лиге Наций. В период германской оккупации Бельгии во время Первой мировой войны министр иностранных дел в составе бельгийского правительства в изгнании.

[3] В 1896 – декабре 1898 г.

[4] Георгиос Аргиропулос. Дипломатический агент и генеральный консул в Софии (1893–1899). Летом 1899 г. был назначен посланником Греции в Бухаресте.

[5] Михайло Миличевич.

[6] Правильно: Тодоров. Димитр Тодоров. Дипломатический агент в Бухаресте (1899–1901). Раньше был временным поверенным дипломатического агентства Болгарии в Бухаресте (1887–1895).

[7] Димитр Минчович. Считается одним из первых болгарских профессиональных дипломатов. Занимал пост дипломатического агента в Бухаресте в 1895–1899 гг. В 1894–1895 гг. был министром юстиции Болгарии.

[8] Александру Катарджиу.

[9] См. док. № 23 от 1 сентября 1899 г.

[10] Константин Эдгар Маврокордат (1857–1934). Был полномочным посланником Румынии в Белграде в 1899–1905 гг. Позже был посланником в Гааге, Вене и Токио.

[11] Николае Мишу (1858–1924). Возглавлял дипломатическое представительство Румынии в Софии до 1908 г.

[12] Находился на этой должности с июля 1898 до ноября 1899 г.

[13] Был секретарём румынской дипломатической миссии в Вене с марта 1891 по ноябрь 1894 г.

București, ștampila din 31 octombrie 1899, nr. 50. [Fonton către contele Lamsdorff]

Bruion, scris de mână, cu corecturi în text

S[timate] D[omnule], C[onte], Vladimir Nik[olaevici],

În ultimul timp, au avut loc un șir de schimbări în componența reprezentanților diplom[atici] acreditați la București.

În locul fostului trimis belgian, cont[elui] de Lalaing[1], care a fost transferat în Elveția, la București a sosit, acum vreo două luni, baronul Beyens[2], care ocupa, până în acel moment, funcția de ministru la Teheran[3].

Domnul Argiropoulos[4], care ocupa postul de agent diplomat[ic] grec la Sofia, a fost numit trimis plenipotențiar la București.

În locul trimisului sârb Georgijević, care și-a dat demisia, este așteptată aici sosirea domnului Miličević[5], secretarul personal al regelui Alexandru.

Domnul Todorov[6], care ocupase acum câțiva ani funcția de agent dipl[omatic] bulgar la București, tocmai a fost numit din nou în România, în locul domnului Minciovici[7], care a fost rechemat la Sofia pentru a ocupa funcția de secretar gen[eral] al min[isterului] princiar al Af[acerilor] Externe. Cu toate acestea, domnul Minciovici a refuzat să accepte această funcție, deoarece el ocupase deja, pe parcursul a peste patru ani, postul de agent diplomatic, iar până în acel moment fusese, un timp oarecare, m[inistru] al Justiției. Regele Carol, dorind să își manifeste atenția deosebită față de el, i-a acordat ordinul Coroana Rom[âniei] în grad de Mare Cruce (gr[adul] I).

De rând cu aceste informații, am onoarea să remarc anumite schimbări în cadrul reprezentării diplomatice a României peste hotare.

În postul vacant al trimisului pe lângă curtea italiană este numit domnul Alecu Catargiu[8], care a fost anterior la S[ankt]-Petersburg.

La Constantinopol a fost numit Alexandru Ghika[9], care ocupase până în acest moment funcția de agent dipl[omatic] la Sofia.

La Belgrad a fost numit directorul de cabinet al m[inistrului] Af[acerilor] Străine, Edgar Mavrocordat[10].

Agent diplomatic la Sofia a fost numit domnul Mișu[11], care fusese secretar gener[al] al Minist[erului] Af[acerilor] Străine[12]. Această din urmă numire este unul din exemplele, rareori întâlnite pe aici, ale unei aprecieri corespunzătoare a capacităților și a atitudinii sale conștiincioase față de îndatoririle sale profesionale. Aflându-se doar în funcția de al doilea secretar al misiunii românești, acum vreo patru ani de zile[13], domnul Mișu exercita și interimatul funcției de director al secțiunii politice, iar după aceea s-a învrednicit să fie numit în funcția de secretar gener[al]. Atitudinea sa constantă de seriozitate și responsabilitate față de chestiunile de serviciu, străduințele sale de a satisface cât mai rapid solicitările și cererile noastre, toate acestea reprezentau un ajutor și sprijin de neprețuit pentru noi în relațiile noastre cu guvernul român. Transferul domnului Mișu reprezintă o pierdere pentru toate misiunile diplomatice de aici, dar îndeosebi pentru misiunea imper[ială], față de care el a manifestat în mod constant cel mai înalt grad de amabilitate și curtoazie.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 169/2 Legația din București, opis 511/1, dosar 101, filele 140–141.

---

[1] Charles Maximilien Comte de Lalaing (1856–1919). A fost secretar al Legației Belgiei de la București în anii 1883–1886 și trimis al Belgiei în România în anii 1896–1899. De-a lungul carierei, a ocupat diferite funcții diplomatice în Austro-Ungaria, Germania, Olanda, Marea Britanie, Brazilia, Elveția.

[2] Eugène-Napoléon Beyens (1855–1934). A deținut funcția de trimis al Belgiei în România până în 1909. Și-a început cariera în serviciul diplomatic belgian în 1877, ocupând posturi în reprezentanțe din Spania, Franța, Persia, Germania, Statul Papal. După Primul Război Mondial a îndeplinit și diverse misiuni pe lângă Societatea Națiunilor. În perioada ocupației germane din Primul Război Mondial, a fost și ministru al afacerilor străine în guvernul din exil.

[3] 1896 – decembrie1898.

[4] Georgios Argiropoulos. Agent diplomatic și consul general la Sofia (1893–1899). În vara anului 1899 este numit ministru al Greciei la București.

[5] Mihailo Miličević.

[6] Dimităr Todorov. Agent diplomatic la București (1899–1901). Anterior, a fost chargé d'affaires al agenției diplomatice a Bulgariei la București (1887–1895).

[7] Dimităr Minciovici. S-a numărat printre primii diplomați de carieră bulgari. A ocupat postul de agent diplomatic la București în 1895–1899. În 1894–1895 a fost ministru al Justiției în Bulgaria.

[8] Alexandru Catargi.

[9] A se vedea doc. nr. 23 din 1 septembrie 1899.

[10] Constantin Edgar Mavrocordat (1857–1934). A fost ministru plenipotențiar al României la Belgrad în anii 1899–1905. Ulterior la Haga, Viena și Tokio.

[11] Nicolae Mișu (1858–1924). A condus reprezentanța diplomatică a României la Sofia până în 1908.

[12] S-a aflat în această funcție din iulie 1898 până în noiembrie 1899.

[13] A fost secretar al misiunii diplomatice românești de la Viena din martie 1891 până în noiembrie 1894.

30

Бухарест, 8 декабря 1899 г., № 56 [Фонтон – Муравьёву]

Рукопись

По заведённому здесь обычаю прения в палатах по поводу ответного адреса на тронную речь[1] подали оппозиции повод публично выразить упрёки и недовольство своё правительством.

Главными ораторами явились господин Ионел Брэтиану[2], сын известного Иона Брэтиану[3] и бывший министр общественных работ в последнем кабинете господина Стурдзы, господин Карп, глава жунимистов, и господин Аурелиан, бывший министр-президент либерального кабинета.

Правительство обвинялось, главным образом, в слабых и неумелых действиях в деле обложения Венгрией судов, идущих по новому каналу у Железных Ворот[4], и в неудачном заключении займа, об условиях коего я имел честь довести до сведения Вашего Сиятельства донесением от 19го минувшего ноября № 53[5].

Первое обвинение было опровергнуто министром иностранных дел Лаховари, который легко доказал, что правительство решительно высказалось в этом важном для Румынии вопросе и до сего времени продолжает вести переговоры, раскрыть кои он не считает пока себя в праве, и подчеркнул, что императорским кабинетом сделаны поступы в том же смысле.

Министр финансов генерал Ману в деловой речи заявил, что общее положение денежного рынка делало заключение займа крайне затруднительным. Коснувшись экономии, внесённой им в бюджет, министр финансов заявил, что она являлась неизбежной. Действительно, с 1888 г. правительство занимало по 67–82 миллионов, всего же 769 мил[лионов].

При вступлении же его в министерство он сверх сего нашёл на 64 миллиона выпущенных государственных обязательств и, кроме того, утверждённых палатой кредитов на разные работы ещё на 100 миллионов. Простое благоразумие побудило его сократить эти кредиты на 50 миллионов[6].

В заключение генерал Ману представил палатам переписку по займу, из которой видно, что правительством было сделано всё, чтобы добиться наивыгоднейших условий.

С глубочайшим уважением и пр.
[без подписи.]

АВПРИ, Ф. 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 194, Листы 131–132 об.

---

[1] Зачитано на общем заседании палаты депутатов и сената 15 ноября 1899 г. (*DAD.* 1899–1900. № 1. 16 ноября 1899. P. 1–2).

[2] Ион (Ионел) И. К. Брэтиану (1864–1927). Румынский либеральный политик. С января 1909 г. был председателем национал-либеральной партии. Много раз избирался в парламент Румынии. Занимал различные министерские должности и многократно возглавлял правительства (декабрь 1908 – март 1909; март 1909 – декабрь 1910; январь 1914 – декабрь 1916; декабрь 1916 – январь 1918; ноябрь 1918 – 12 сентября 1919; январь 1922 – март 1926; июнь – ноябрь 1927 гг.).

[3] Ион К. Брэтиану (1821–1891). Участник революционного движения 1848 г. Один из основателей либерального течения в румынской политике. Сыграл решающую роль в восхождении Карла I

на румынский трон. Стоял во главе многих правительств, внеся свой вклад в завоевание Румынией независимости (1877/78) и провозглашение её Королевством (1881).

[4] *DAD.* 1899–1900. № 8. 3 декабря 1899. P. 23 и сл.

[5] Не публикуется.

[6] См. док. № 28 от 31 октября 1899 г.

București, 8 decembrie 1899, nr. 56. [Fonton către contele Muraviev]

Manuscris

Potrivit obiceiului încetățenit aici, dezbaterile din Parlament pe marginea răspunsului la Mesajul Tronului[1] au oferit opoziției pretextul necesar pentru exprimarea unor reproșuri și nemulțumiri față de guvern.

Principalii oratori au fost Ionel Brătianu[2], fiul cunoscutului Ion Brătianu[3] și fost ministru al Lucrărilor Publice în ultimul Cabinet al domnului Sturdza, domnul Carp, conducătorul junimiștilor, și domnul Aurelian, fost președinte al Consiliului de Miniștri în Cabinetul liberal.

Guvernul a fost acuzat, în principal, de acțiunile timide și neîndemânatice în chestiunea privind taxele impuse de către Ungaria vaselor care tranzitează canalul de la Porțile de Fier[4], precum și de contractul nereușit de împrumut, despre condițiile căruia am avut onoarea de a aduce la cunoștința Luminăției Voastre prin raportul din data de 19 noiembrie, nr. 53[5].

Prima acuzație a fost combătută de către ministrul Afacerilor Străine, Lahovari, care a demonstrat cu ușurință că Guvernul a avut o atitudine hotărâtă în această chestiune importantă pentru România și că, până în prezent, continuă să poarte negocieri, pe care nu este încă în drept să le dezvăluie, subliniind că și Guvernul imperial a făcut mai multe demersuri în același sens.

Într-un discurs foarte aplicat, ministrul de Finanțe, generalul Manu, a declarat că situația generală a pieței financiare a făcut extrem de dificilă încheierea împrumutului. Referindu-se la economie, introdusă în buget, ministrul de Finanțe a declarat că ea era inevitabilă. Într-adevăr, începând cu anul 1888, guvernul a contractat anual împrumuturi de 67-82 milioane, în total 769 mil[ioane].

La momentul preluării portofoliului de ministru, el a mai găsit emisiuni de obligațiuni de stat în valoare de 64 milioane și, în afară de aceasta, credite aprobate de către Parlament pentru diferite lucrări pentru încă o sută de milioane. Simpla înțelepciune l-a determinat să reducă aceste credite cu 50 milioane[6].

În încheiere, generalul Manu a prezentat Camerelor corespondența privind împrumutul, din care reiese faptul că Guvernul a luat toate măsurile pentru obținerea celor mai favorabile condiții.

Cu deosebit respect etc.

[fără semnătură]

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 194, filele 131–132 verso.

[1] Citit în ședința comună a Adunării Deputaților și Senatului în ziua de 15 noiembrie 1899 (*DAD*, 1899–1900, nr. 1, 16 noiembrie 1899, p. 1–2).

[2] Ion (Ionel) I. C. Brătianu (1864–1927). Om politic liberal român. Din ianuarie 1909 a fost președinte al P.N.L. A fost ales de mai multe ori în Parlamentul României. A deținut diverse portofolii ministeriale și a condus mai multe guverne (decembrie 1908 – martie 1909; martie 1909 – decembrie 1910; ianuarie 1914 –

decembrie 1916; decembrie 1916 –ianuarie 1918; noiembrie 1918 – 12 septembrie 1919; ianuarie 1922 – martie 1926; iunie – noiembrie 1927).

[3] Ion C. Brătianu (1821–1891). Participant la mişcarea revoluţionară din 1848. Unul dintre fondatorii curentului politic liberal românesc. A jucat un rol decisiv în aducerea lui Carol I pe Tronul României. A condus mai multe guverne, contribuind la obţinerea de către România a Independenţei (1877/78) şi proclamarea Regatului (1881).

[4] *DAD*, 1899–1900, nr. 8, 3 decembrie 1899, p. 23 şi urm.

[5] Nu se publică.

[6] A se vedea doc. nr. 28 din 31 octombrie 1899.

31

Бухарест, 25 января 1900 г., № 2. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Их Королевские Высочества наследные принц и принцесса, поспешно вернувшиеся в страну 10 октября минувшего года вследствие серьёзной болезни принца Карла[1], вновь выехали через два месяца в Кобург, где Её Высочество разрешилась от бремени принцессой, наречённой Марией[2].

Возвращение Их Высочеств в Бухарест с принцессами Елизаветой[3] и Марией ожидалось в конце января. Но в последнюю минуту наследные принц и принцесса изменили своё намерение и решили провести зиму в Ницце.

В Бухарест прибыл лишь принц Фердинанд, который желал взять с собою и принца Карла, остававшегося после болезни в Бухаресте[4].

Король Карл крайне опечален, как утверждают в обществе, долговременными отсутствиями Их Высочеств из страны, и Его Величеству приписывают даже намерение не отпускать из страны малолетнего принца Карла, только что оправляющегося после жестокой болезни[5].

Может быть, в связи с этим появилось в здешних газетах известие, что доктора считают здоровье принца не настолько установившимся, чтобы подвергнуть Его Высочество риску большого путешествия и признают, что принцу следует остаться на зиму в Бухаресте, чтобы привыкнуть к местному климату.

Принц Фердинанд, который должен был выехать 15-го января, отсрочил пока свой отъезд[6].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 7–8.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] См. предыдущие документы.

[2] Речь идёт о третьем ребёнке принца Фердинанда и принцессы Марии. Это была принцесса Мария (Мэриоара) (6 января 1900, Гота – 22 июня 1961, Лондон). Была известна также как Mignon (уменьшительное имя, употреблявшееся в королевской семье). Вышла замуж за короля Югославии Александра I 8 июня 1922 г., став югославской королевой Марией. В то время активно циркулировали слухи, подпитываемые и некоторыми членами королевской фамилии, о том, что Мэриоара не была

биологической дочерью Фердинанда, явившись плодом внебрачных связей принцессы Марии. Подобного рода информацию можно найти и в частной переписке королевы Елизаветы с членами её семьи. См., в частности: Zimmermann S.I. *Portretul perechii princiare moștenitoare Ferdinand și Maria din viziunea reginei Elisabeta a României în scrisori personale și texte pentru publicul larg* // Revista Bibliotecii Academiei Române. Anul 1. №. 2. iunie–decembrie 2016. P. 11–35, 22–26.

[3] Румынская принцесса Елизавета (12 октября 1894, Синая – 15 ноября 1956, Канны) была вторым ребёнком супружеской пары – наследников престола. Чувствительная и капризная, при этом очень хорошо образованная, принцесса Елизавета осталась в памяти современников настоящей загадкой. 27 февраля 1921 г. принцесса вышла замуж за греческого наследного принца Георга, став через год королевой Греции. Развелась в 1935 г. и поселилась в Румынии, где жила до января 1948 г., когда была вынуждена оставить страну вместе с другими членами королевской фамилии. Эмигрировала во Францию, сняв дом в Каннах, где и скончалась в 1956 г. в возрасте 62-х лет.

[4] См. подробнее: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 390–391.

[5] *Ibidem*.

[6] *Ibidem*.

București, 25 ianuarie 1900, nr. 2. Fonton către contele Muraviev

Luminăției Sale, Contelui M. N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Altețele Lor Regale, prințul și prințesa moștenitoare, reveniți în grabă în țară pe data de 10 octombrie a anului trecut, ca urmare a unei boli grave a prințului Carol[1], au plecat peste două luni la Coburg, unde Alteța Sa a născut o prințesă numită Maria[2].

Revenirea la București a Altețelor Lor, împreună cu prințesele Elisabeta[3] și Maria, era prevăzută pentru sfârșitul lunii ianuarie. Totuși, în ultima clipă, prințul și prințesa moștenitoare și-au schimbat intenția inițială și au decis să petreacă iarna la Nisa.

La București a sosit doar prințul Ferdinand, care intenționa să-l ia cu sine și pe prințul Carol, care a rămas în București după îmbolnăvire[4].

Așa cum se afirmă prin cercurile de aici, regele Carol este foarte întristat de lipsa îndelungată din țară a Altețelor Lor, Majestății Sale fiindu-i atribuită chiar dorința de a nu-l lăsa să plece din țară pe prințul minor Carol, care abia se reface după boala cumplită[5].

Probabil că din această cauză, în ziarele locale a fost publicată știrea că medicii consideră starea de sănătate a prințului insuficient de stabilă pentru a îl supune pe Alteța Sa la riscul unei călătorii lungi, susținând că prințul ar trebui să rămână peste iarnă în București, pentru a se obișnui cu clima de aici.

Prințul Ferdinand, care trebuia să plece pe data de 15 ianuarie, a amânat pentru moment începutul călătoriei sale[6].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 7–8.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] A se vedea documentele anterioare.

[2] Este vorba despre cel de-al treilea copil al principelui Ferdinand și al principesei Maria, prințesa Maria (Mărioara) (n. 6 ianuarie 1900, Gotha – m. 22 iunie 1961, Londra), cunoscută și ca Mignon (diminutiv folosit mai ales în sânul familiei regale). S-a căsătorit cu regele Alexandru I al Iugoslaviei pe 8 iunie 1922,

devenind cunoscută de atunci ca regina Maria a Iugoslaviei. În epocă, circulau insistent zvonuri, alimentate și de unii membri ai familiei regale, că Mărioara nu ar fi copilul biologic al lui Ferdinand, ci ar rezulta dintr-o relație extragonjugală a principesei Maria. Asemenea informații se pot găsi și în corespondența privată a reginei Elisabeta cu membrii familiei sale. În acest sens, a se vedea: Silvia Irina Zimmermann, *Portretul perechii princiare moștenitoare Ferdinand și Maria din viziunea reginei Elisabeta a României în scrisori personale și texte pentru publicul larg*, în „Revista Bibliotecii Academiei Române”, anul 1, nr. 2, iunie–decembrie 2016, p. 11–35, în special p. 22–26.

[3] Principesa Elisabeta a României (n. 12 octombrie 1894, Sinaia – m. 15 noiembrie 1956, Cannes) era al doilea copil al cuplului princiar moștenitor. Fire sensibilă și capricioasă, extrem de cultivată, Principesa Elisabeta a rămas în amintirea contemporanilor ca o adevărată enigmă. Principesa s-a măritat pe 27 februarie 1921 cu diadohul (principele moștenitor) George al Greciei, devenind peste un an regină a Greciei. A divorțat în 1935, stabilindu-se în România până în ianuarie 1948, când a fost nevoită să părăsească definitiv țara, la fel ca ceilalți membri ai familiei regale. Viața în exil și-a petrecut-o în Franța, la Cannes, unde a închiriat un apartament și unde a murit în 1956, la vârsta de 62 de ani.

[4] Pentru detalii: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 390–391.

[5] *Ibidem*.

[6] *Ibidem*.

32

Бухарест, 25 января 1900 г., № 3. Фонтон – графу Муравьёву

Одно приложение

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Дело о доходах, выдаваемых королевским правительством румынской церкви Св. Николая в Брашове (Кронштадт) по старинным завещаниям, наделавшее здесь столько шума и послужившее отчасти причиною падения последнего либерального Министерства господина Стурдзы[1], о коем я имел честь доводить до сведения Вашего Сиятельства донесениями от 4 Декабря 1898 года № 61[2] и от 19 Марта 1899[3] года № 15, получило на днях в палате окончательное разрешение.

Румынское правительство намерено положить в венгерский банк в Будапеште, по соглашению с австро-венгерским правительством, капитал в 962.500 франков, ежегодный доход с коего в 38.500 [франков] будет передаваться настоятелю вышеназванной церкви в Трансильвании на пособие церковной румынской школе.

Вместе с тем правительство выплачивает церкви 115.500 франков за последние три года, не внесённых кабинетом господина Стурдзы.

С этою целью решено выпустить 4% ренты на сумму в 962.500 [франков] и открыть министерству сверхсметный кредит в 115.500 [франков].

Законопроект этот был внесён на днях в палату[4] новым министром финансов господином Таке Ионеску[5], который в бытность свою в оппозиции являлся наиболее рьяным противником господина Стурдзы, которого он публично обвинял в измене национальному делу.

Решение этого вопроса является значительным нравственным успехом настоящего кабинета. Действительно, господину Стурдзе, несмотря на все его усилия, не удалось добиться разрешения венгерского правительства на передачу этих доходов,

так как в Пеште ссылались на закон 1883 г., воспрещающий субсидии иностранных государств венгерским школам[6].

Нынешнему кабинету, очевидно, удалось убедить венгерское правительство сделать в настоящем деле, служащем постоянным уколом румынскому самолюбию, уступку. Весьма возможно, что само венгерское Министерство сознало, наконец, всю выгоду, которую оно извлечёт из этой незначительной в сущности уступки, но которая, без сомнения, будет иметь большое влияние на улучшение обострившихся в Трансильвании отношений между румынской и венгерской национальностями.

У сего имею честь представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства, во французском переводе, текст вышеозначенного закона.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

[Приложение] к № 3.

De nombreux documents, datant de 1594 jusqu'au commencement de ce siècle, établissent les différents droits que l'église St. Nicolas, de Brachov, a eus vis-à-vis de l'état roumain. En 1868 et en 1875, on a fixé ces droits au chiffre de 38,500 francs par an, avec la mention que cette somme annuelle de 38,500 francs appartient à l'église St. Nicolas pour les écoles gréco-orientales roumaines de Brachov, entretenues par la dite église.

Depuis, la somme de 38,500 francs par an a été régulièrement payée par l'état roumain au comité de l'église St. Nicolas de Brachov, sauf pendant les trois dernières années.

Dans cette nouvelle situation, le comité de l'église St. Nicolas de Brachov a intenté une action contre l'état roumain, par laquelle il demandait à ce dernier d'avoir à lui payer une somme annuelle de 75,000 francs, montant de la somme à laquelle la dite église estimait ses anciens droits.

D'autre part, le gouvernement hongrois a attiré l'attention du gouvernement roumain sur la législation hongroise qui défendait aux églises et aux écoles de recevoir des subsides des états étrangers.

A la suite de cette communication, des pourparlers ont été engagés entre les deux gouvernements sur la véritable nature des droits de l'église St. Nicolas.

Aujourd'hui, l'église St. Nicolas de Brachov, avec l'approbation du consistoire de Sibiu, se déclare prête à retirer l'action qu'elle a introduite contre l'état roumain, si le gouvernement roumain capitalisait en un titre de rente roumaine 4% la somme annuelle de 38,500 francs, qui serait déposé à la caisse des dépôts et consignations (caisse centrale de l'état) de Budapest, comme fonds de l'église St. Nicolas de Brachov, pour le gymnase et l'école réale gréco-orientaux roumains de cette ville, entretenus par la dite église, à la condition que le revenu du capital de 962,500 francs soit payé chaque année au président du comité de l'église St. Nicolas de Brachov, pour l'employer aux besoins des dites écoles dans leur organisation actuelle, le capital restant éternellement inaliénable et ne pouvant jamais être distrait de cette destination.

Le ministre des cultes et de l'instruction publique. Take Ionesco.

Projet de loi

Pour la capitalisation de la somme de 38,500 francs par an, que l'état roumain doit à l'église Saint Nicolas, de Brachov, pour le gymnase et l'école réale gréco-orientale roumaine de cette ville, entretenus par la dite église, ainsi que l'ouverture d'un crédit extraordinaire servant à payer la somme de 115,500 francs due à la dite église pour les dites écoles pendant les trois dernières années.

Article I. Le gouvernement est autorisé à émettre un titre de rente 4% perpétuelle pour un capital de 962,500 francs, produisant une rente annuelle de 38,500 francs. Ce titre sera nominatif, au nom de l'église Saint Nicolas de Brachov pour le gymnase et l'école réale gréco-roumaine de cette ville, entretenus par la dite église.

Article II. Il est ouvert au ministère des cultes et de l'instruction publique un crédit extraordinaire de 115,500 francs, pour le paiement de la somme de 38,500 francs, due pour les trois dernières années à l'église Saint Nicolas de Brachov, pour le gymnase et l'école réale gréco-orientale roumaine de cette ville, entretenus par la dite église.

Ce crédit extraordinaire sera couvert par l'excédent budgétaire de l'année 1898-99.

Article III. L'annuité de la rente perpétuelle prévue à l'article I, sera passée au service de la dette publique.

Le ministre des cultes et de l'instruction publique. Take Ionesco.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 10–13.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Bunghez S.-D. *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914).* Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018. P. 108.

[2] См.: *ДДРПР. 1888–1898.* Док. № 85. С. 448–449.

[3] Не публикуется. Для понимания более общего контекста см. док. № 9 от 29 марта 1899 г.

[4] *DAD*. 1899–1900. Док № 33. 28 января 1900 г. С. 475 и сл.

[5] Таке Ионеску стал министром финансов в кабинете Г.Гр. Кантакузино 9 января 1900 г., сменив на этом посту генерала Г. Ману. Т. Ионеску оставался на посту министра финансов до 7 июля 1900 г., когда было сформировано правительство во главе с П. П. Карпом.

[6] В данном случае речь идёт о так называемом «втором законе Трефора», принятом венгерским парламентом во время правления премьер-министра Кальмана Тисы (1875–1890). «Законы Трефора», принятые в 1879 и, соответственно, в 1883 гг., предусматривали введение обязательного преподавания венгерского языка в начальных (1879) и в средних (1883) школах, в том числе румынских. В течение 4-х лет учителя невенгерских национальностей должны были приготовиться к тому, чтобы преподавать на венгерском языке. Принятый пакет школьных законов ознаменовал собой новый этап в проводимой венгерским правительством политике мадьяризации, предвосхищая закон Аппони 1907 г. См. подробно: von Puttkamer J. *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914.* München, R. Oldenburg Verlag, 2003. S. 195 etc.; Giurgiu D. *Politica școlară a guvernelor maghiare în perioada 1867–1918* // Apulum. Arheologie, istorie, etnografie. Vol. 41. 2004. P. 529–540.

București, 25 ianuarie 1900, nr. 3. Fonton către contele Muraviev

Cu o anexă

Luminăției Sale, Contelui M. N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Chestiunea privind veniturile puse la dispoziția bisericii Sf. Nicolae din Brașov (Kronstadt) de către guvernul român, potrivit unor vechi danii, care au creat aici atâta agitație și care au reprezentat, printre altele, cauza căderii ultimului guvern liberal condus de către domnul Sturdza[1], despre care eu am avut onoarea de a aduce la cunoștința Luminăției Voastre prin rapoartele nr. 61 din 4 decembrie 1898[2] și nr. 15 din 19 martie 1899[3], și-a găsit recent rezolvarea definitivă în Cameră.

Guvernul român intenționează să depună într-o bancă maghiară din Budapesta, potrivit unei înțelegeri încheiate cu guvernul austro-ungar, un capital în valoare de 962.500 franci, venitul

anual rezultat, în sumă de 38.500 [franci], urmând a fi pus la dispoziția parohului bisericii respective din Transilvania pentru subvenționarea școlii eparhiale românești.

În plus, guvernul achită bisericii 115.500 franci pentru ultimii trei ani în care guvernul domnului Sturzda nu a făcut nici o plată.

În acest scop, s-a decis emiterea unei obligațiuni de 4% pentru suma de 962.500 [franci], precum și asumarea de către guvern a unui credit extrabugetar în valoare de 115.000 [franci].

Respectivul proiect de lege a fost introdus zilele acestea în Cameră[4] de către noul ministru al finanțelor, domnul Take Ionescu[5], care, în perioada în care s-a aflat în opoziție, a fost unul dintre cei mai înfocați adversari ai domnului Sturdza, pe care l-a acuzat public de trădarea cauzei naționale.

Soluționarea acestei chestiuni reprezintă un succes moral însemnat pentru guvernul actual. Într-adevăr, cu toate eforturile depuse, domnul Sturdza nu a reușit să obțină acordul guvernului maghiar pentru alocarea acestor venituri, deoarece la Pesta se făcea trimitere la legea din anul 1883, prin care era interzisă acordarea de către statele străine a unor subsidii pentru școlile din Ungaria[6].

Se pare că guvernul actual a reușit să convingă guvernul maghiar să facă o concesie în această chestiune, care reprezintă un ghimpe constant pentru sentimentul de mândrie națională al românilor. Este foarte probabil ca guvernul maghiar însuși să fi conștientizat, în sfârșit, întreg avantajul pe care îl obține din această nesemnificativă, în esență, cedare, dar care, fără îndoială, va contribui semnificativ la ameliorarea relațiilor tot mai încordate dintre românii și maghiarii din Transilvania.

Am onoarea de a pune la dispoziția Luminăției Voastre, alături de acest raport, textul legii amintite în traducere în limba franceză[7].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 10–13.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Sebastian-Dragoș Bunghez, *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914)*, Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018, p. 108.

[2] A se vedea: *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 85, p. 448–451.

[3] Nu se publică. Pentru contextul general, a se vedea doc. nr. 9 din 29 martie 1899.

[4] *DAD*, 1899–1900, nr. 33, 28 ianuarie 1900, p. 475 și urm.

[5] Take Ionescu a devenit ministru al finanțelor în guvernul condus de Gh. Gr. Cantacuzino pe data de 9 ianuarie 1900, succedându-l în această funcție pe generalul G. Manu. T. Ionescu va rămâne la Ministerul Finanțelor până la 7 iulie 1900, când se va constitui guvernul prezidat de P. P. Carp.

[6] În acest caz, este vorba de așa-numita „a doua lege Trefort", adoptată de Dieta maghiară în timpul guvernării Kálmán Tizsa (1875–1890). „Legile Trefort", adoptate în anul 1879 și, respectiv, 1883, prevedeau introducerea obligatorie a limbii de predare maghiare în școlile primare (1879) și secundare (1883), inclusiv în cele românești. Acest pachet de legi școlare a marcat o nouă etapă în politica de maghiarizare a guvernului ungar, prefigurând introducerea Legii Apponyi din 1907. A se vedea detalii în: Joachim von Puttkamer, *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn. Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*, München, R. Oldenburg Verlag, 2003, p. 195 și urm.; Dorin Giurgiu, *Politica școlară a guvernelor maghiare în perioada 1867–1918*, în „Apulum. Arheologie, istorie, etnografie" (Alba Iulia), vol. 41, 2004, p. 529–540.

[7] Anexă la versiunea în limba rusă a documentului.

33

Бухарест, 7 февраля 1900 г., № 7. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

На днях произошло в Бухаресте политическое убийство, жертвою которого был болгарский подданный Фитовский[1], секретный агент турецкого правительства для наблюдения за действиями в прибалканских государствах македонских комитетов.

По дошедшим до меня слухам, здешний турецкий посланник известил своё правительство о деятельности в Румынии вышеупомянутого комитета.

Вызванные сим извещением карательные меры со стороны турецкого правительства, побудили Македонский центральный комитет в Софии[2] постановить убийство болгарина Фитовского, как изменника своей нации.

С целью совершения этого убийства, Центральный македонский комитет отрядил трёх из своих соумышленников, которые по прибытии из Рущука в Бухарест с национальными паспортами, вошли в сношение с председателем местного комитета, студентом Трифоновым[3].

В ночь с 1 на 2 февраля, Фитовский, заведённый Трифоновым обманом в одну из глухих улиц, подвергся нападению укрывавшихся там упомянутых трёх болгар, один из которых ударами топора убил его на месте.

Найденная в кармане убитого визитная карточка навела полицию на след преступников, которые были задержаны в ту же ночь и сознались в совершённом ими злодеянии. Илиев[4], главный из убийц, заявил, что он не имел никакой личной вражды против Фитовского и что решился на преступление лишь из патриотизма.

Следствие, производящееся по этому делу, повело к арестованию некоторых других из болгар, проживающих в Румынии и входящих в состав Македонского комитета.

Подробности эти были мне подтверждены министром иностранных дел, который присовокупил, что местный Македонский комитет пытался вербовать соумышленников и закупил оружие, ввиду приготовления восстания в Родопском округе[5]. По заявлению господина Лаховари[6], в руках здешней судебной власти достаточно доказательств вышеприведённого, и все причастные к этому делу будут преданы суду.

Вместе с тем ходит слух, что здешний турецкий посланник получил несколько анонимных писем с угрозами. В разговоре со мною Киазым-бей[7] заверил меня, что ему ничего не известно о существовании секретных агентов его правительства в Румынии и что обо всём этом он узнал лишь после совершившегося убийства.

Что касается до господина Лаховари, то видимо неприятное впечатление произвело на него то обстоятельство, что здешняя полиция не проявила надлежащей бдительности по отношению к действиям местного Македонского комитета.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 26–28.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Кирил Фитовски (1865–1900), болгарский публицист.

[2] Точное название на болгарском языке: Върховен македоно-одрински комитет. Был образован в марте 1895 г. Вёл свою деятельность в Болгарии и других балканских странах, прежде всего на территориях с болгарским и македонским населением, находившихся под контролем Османской империи. В 1900 г. во главе комитета стоял Борис Сарафов (1872–1907). См. подробно: Билярски Ц. *Княжество България и македонският въпрос.* Т. 1. *Върховен македоно-одрински комитет 1895–1905 (Протоколи от конгресите).* София, Издательство Иврай, 2002; Adanır F. *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979. S. 111–115. О том, какое влияние оказали акции этого комитета на румынско-болгарские отношения в 1900 г., см. ниже.

[3] Александр Трифонов.

[4] Бойчо Илиев.

[5] Осенью 1902 г. в некоторых районах Македонии и Фракии болгарские национальные комитеты подняли восстание местного христианского населения, которое было подавлено османской армией весной 1903 г. См.: Георгиев Г. *Македоно-одринското движение в Кюстендилски окръг (1895–1903).* София, Македонски научен институт, 2008.

[6] Ион Н. Лаховари, министр иностранных дел в апреле 1899 – июле 1900 гг.

[7] Хюсейн Киазым-бей, посланник Османской империи в Румынии в 1896–1908 гг.

București, 7 februarie 1900, nr. 7. Fonton către contele Muraviev

Luminăției Sale, Contelui M. N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Acum câteva zile, în București a avut loc un asasinat politic, al cărui victimă a fost supusul bulgar Fitovski[1], agentul secret al guvernului turc, însărcinat cu observarea activităților în țările balcanice ale comitetelor macedonene.

Potrivit zvonurilor ajunse până la mine, trimisul turc de aici și-a anunțat guvernul despre activitatea în România a comitetului mai sus amintit.

Măsurile de represiune la care a recurs guvernul turc, ca răspuns la aceste activități, au determinat Comitetul Macedonean Central din Sofia[2] să decidă asasinarea bulgarului Fitovski, ca trădător al națiunii sale.

Pentru comiterea acestui asasinat, Comitetul Macedonean Central a trimis trei din activiștii săi, care, odată ajunși la București de la Ruse, cu pașapoarte naționale, au intrat în legătură cu președintele comitetului local, studentul Trifonov[3].

În noaptea din 1 spre 2 februarie, Fitovski, ademenit de către Trifonov pe una din străzile lăturalnice, a fost atacat de către cei trei bulgari care se ascundeau acolo, unul dintre aceștia ucigându-l pe loc cu lovituri de topor.

Cartea de vizită găsită în buzunarul celui ucis a condus poliția pe urmele făptașilor, care au fost reținuți în aceeași noapte și au recunoscut crima comisă. Iliev[4], principalul dintre ucigași, a declarat că nu a avut nici o dușmănie personală față de Fitovski și că a recurs la crimă doar din patriotism.

Cercetările care au loc în acest dosar au condus la arestarea câtorva alți bulgari care locuiesc în România și fac parte din comitetul macedonean.

Aceste detalii mi-au fost confirmate de către ministrul afacerilor străine, care a mai afirmat că amintitul comitet macedonean local a încercat să recruteze complici și a cumpărat arme pentru pregătirea răscoalei din districtul Rodopi[5]. Potrivit declarației domnului Lahovari[6], organele de cercetare de aici sunt în posesia a suficiente dovezi, toate persoanele vinovate urmând să compară în fața instanțelor de judecată.

Pe aici a fost lansat între timp zvonul că trimisul turc a primit câteva scrisori anonime de amenințare. Cu ocazia unei discuții, Kazım-Bey[7] m-a asigurat că el nu are cunoștință de

existența unor agenți secreți ai guvernului său în România și că despre toate acestea a aflat abia după comiterea asasinatului.

Se pare că domnul Lahovari a fost neplăcut surprins de faptul că poliția locală nu a dat dovadă de suficientă vigilență în cazul acțiunilor comitetului macedonean de aici.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 26–28.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Kiril Fitovski (1865–1900), publicist bulgar.

[2] Denumirea completă în limba bulgară: Върховен македоно-одрински комитет. A fost creat în martie 1895. A activat în Bulgaria şi alte state balcanice, mai ales în teritoriile populate de bulgari şi macedoneni, aflate sub controlul Imperiului Otoman. În 1900 era condus de către Boris Sarafov (1872–1907). Pe larg: Цочо Билярски, *Княжество България и македонският въпрос*, т. 1, *Върховен македоно-одрински комитет 1895–1905 (Протоколи от конгресите)*, София, Издателство Иврай, 2002; Fikret Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979, în special p. 111–115. Pentru impactul acţiunilor acestui comitet asupra relaţiilor româno-bulgare în anul 1900, a se vedea în continuare.

[3] Alexandr Trifonov.

[4] Bojčo Iliev.

[5] În toamna anului 1902, în unele regiuni ale Macedoniei şi Traciei, comitetele naţionale bulgare au provocat o răscoală a populaţiei creştine locale, care a fost înăbuşită de către armata otomană în primăvara anului 1903 (Георги Георгиев, *Македоно-одринското движение в Кюстендилски окръг (1895–1903)*, София, Македонски научен институт, 2008).

[6] Ion N. Lahovari, ministru al Afacerilor Străine, aprilie 1899–iulie 1900.

[7] Hüseyin Kâzım Bey, ministru plenipotențiar al Imperiului Otoman în România în anii 1896–1908.

34

Бухарест, 16 марта 1900 г., № 13. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Король Карл, у которого я испросил, по принятому здесь обычаю, аудиенцию для вручения Его Величеству ответного кабинетного письма Его Императорского Величества на известительное о разрешении от бремени наследной принцессы Марии[1], коснулся, между прочим, до спорного между Румынией и Болгарией вопроса об острове Эшек Адасси[2].

Его Величество изволил выразить своё изумление по поводу того, насколько в Софии неосновательно относятся к обстоятельствам этого дела.

Сам король не признаёт за этим вопросом такого значения, чтобы передавать его, как значится в предыдущем моём донесении, на решение третейского суда. Тем более, присовокупил король, что никаких иных недоразумений не имеется в настоящее время между обоими государствами, и взаимные отношения наилучшие.

Столь неожиданно проявившуюся недоверчивость болгарского правительства Его Величество приписывает излишней щепетильности самого князя болгарского и неопытности княжеского министра иностранных дел.

Король не без иронии передал мне, что болгарский дипломатический агент Теодоров заявил ему на днях на аудиенции, что в Софии надеются, что дело окончится миролюбиво, хотя ему и известно, что румынские военные силы стягиваются к Дунаю и что в Систове арестовано на днях подозрительное лицо, собиравшее сведения о болгарских военных силах в этой местности и на коем найдены бумаги с особыми отметками.

Король отвечал господину Теодорову, что ничего подобного не могло быть, но что если таинственное лицо арестовано, то было бы крайне желательно собрать подробные о нём сведения для обстоятельного расследования этого странного дела.

При этом от Его Величества не скрылось смущение господина Теодорова, который поспешил заметить, что, к несчастью, уличённый в шпионстве уже скрылся.

Тем не менее, король не преминул заявить болгарскому агенту, что подозрения софийского кабинета неосновательны и что никаких передвижений румынских войск произведено не было.

Его Величество заговорил затем со мною об отношениях Румынии к Турции, настаивая на том, насколько трудно, вообще, иметь дело с Портой и особенно при нынешних порядках в Константинополе, когда сам султан направляет ход всех дел[3].

Несколько месяцев тому назад, продолжил король, Абдул Хамид[4] изъявил желание на назначение военным агентом в Бухаресте Тефик-бея[5]. Офицер этот принадлежал к партии младотурок и бежал из Константинополя; в Румынии он стал издавать в городе Констанце газету, направленную против существующего в Турции государственного строя и самого султана. Тогда же, в конце 1898 года, по настоянию турецкого посланника, вследствие личного желания султана, Тефик-бей и два его единомышленника были высланы из Румынии. Ныне назначение этого же офицера состоять при оттоманской миссии в Бухаресте признано было мною не вполне уместным и министерство не сочло возможным дать своё согласие, несмотря на все старания турецкого посланника.

Одновременно, в виду приближающегося истечения срока румынско-турецкой торговой конвенции, королевское правительство просило Порту о продлении её ещё на один год. Но турецкое правительство не преминуло воспользоваться этим случаем и обусловило согласие своё принятием Тефик-бея в качестве военного агента.

Все попытки добиться чего-нибудь от Порты оказались, по словам Его Величества, тщетными. Порта упорно отвечала, что только в случае принятия Тефик-бея она согласна на возобновление торговой конвенции, но всего сроком на шесть месяцев. Предложения эти, конечно, не могли быть приняты, так как возобновление её на такой короткий срок не принесло бы никакой пользы румынской торговле.

Во всём вышеизложенном король усматривает личное влияние султана, желающего во что бы то ни стало поставить на своём.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 55–59.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Принцесса Мария (Мэриора).

[2] Этот дипломатический инцидент был связан с румынско-болгарским территориальным спором из-за островов Бужореску (принадлежал Румынии) и Эшек Адасси (находился под болгарской юрисдикцией). Остров Бужореску неожиданно появился рядом с Зимничей ещё в 1840 г. Этот остров постоянно увеличивал свою площадь, будучи занят лесом. Вследствие образования наносного слоя, особенно во время отлива вод Дуная, этот остров начал превращаться в единое целое с другим, принадлежавшим Болгарии, и болгары, занимавшиеся вырубкой деревьев, проникали и на остров Бужореску, где их штрафовали румынские власти. В 1889 г. болгарское правительство выступило с инициативой уточнения границы между этими двумя островами. В 1894 г. остров Бужореску, использовавшийся как румынами, так и болгарами, начал сливаться с румынским берегом. Начиная с этого времени болгарам пришлось прекратить заниматься рубкой леса. В марте 1898 г. болгарское правительство признало принадлежность острова Бужореску Румынии, но требовало возвращения острова Эшек Адасси, который начал сливаться с островом Бужореску. Два правительства так и не смогли прийти к общему мнению относительно принадлежности острова Эшек Адасси, слившегося с о. Бужореску, и напротив румынского пограничного поста на о. Бужореску был установлен болгарский пограничный пост. Болгарские делегации дали понять, что правительство Болгарии готово признать, что эта территория, уже слившаяся с левым берегом Дуная, не может принадлежать Болгарии, и оно было бы радо отказаться от неё, но требовали от румын компенсировать эту утрату передачей Болгарии других островов. В августе 1899 г. вода на Дунае поднялась настолько высоко, что болгарские пограничники были вынуждены оставить свой пост, но после этого румыны не позволили им вновь его занять. 26 февраля 1900 г. болгарский премьер Т. Иванчов сказал румынскому дипломатическому атенту Н. Мишу, что Болгария обратится в международный суд в Гааге. В конце концов он дал понять, что болгарская сторона готова пойти на уступки, но только при условии, что болгарские солдаты вновь займут этот пост. В прессе развернулась яростная кампания, и Иванчов был вынужден уступить. См. подробно: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900.* București, Editura Academiei Române, 2012. P. 188–197.

[3] Автократический режим с сильной личной властью султана Абдул Хамида II, установившийся после 1878 г., основывался на доктрине панисламизма и препятствовал западному вмешательству в дела Османской империи. Султан удалился в изоляцию в свою резиденцию во дворце Йылдыз в Стамбуле, создав систему, столпами которой были секретная полиция, широкая телеграфная связь и строгий режим цензуры. Его правление часто рассматривалось как реакция на эпоху Танзимата. Абдул Хамид использовал панисламизм для того, чтобы консолидировать абсолютистский режим во внутреннем плане и добиться поддержки мусульманских кругов за пределами империи, создав немалые трудности для западных держав в их мусульманских колониях. В то же время политика султана адаптировалась к некоторым реформам, прежде всего в образовательной сфере (например, открытие 18 профессиональных училищ, основание в 1900 г. института Дарюлфюнун, который позже был преобразован в Стамбульский университет, создание широкой сети начальных, средних школ, а также школ с военным уклоном по всей территории империи). Абдул Хамид II потерял свою власть вследствие младотурецкой революции 1908 г., будучи свергнутым в апреле 1909 г., когда ему на смену пришёл его брат Мехмед V. См: Karpat K. *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State.* New York, Oxford University Press, 2001.

[4] Абдул Хамид II (1842–1918), султан Османской империи (1876–1909).

[5] Тевфик-бей. Во время Первой мировой войны выполнял разные административные и военные функции, был причастен к репрессиям против армян в Османской империи (Kévorkian R. *The Armenian Genocide: A Complete History.* London, I.B. Tauris, 2011. P. 366–367, 375, 402, 407, 504–506, 508).

București, 16 martie 1900, nr. 13. Fonton către contele Muraviev

Luminăției Sale, Contelui M. N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Regele Carol, căruia i-am solicitat, potrivit obiceiului încetățenit aici, o audiență pentru înmânarea scrisorii de răspuns a Majestății Sale Imperiale la circulara privind nașterea prințesei moștenitoare Maria[1], a atins, printre altele, și chestiunea insulei Eșek Adası, disputată de către România și Bulgaria[2].

Majestatea Sa şi-a permis să-şi exprime mirarea faţă de superficialitatea cu care este tratată la Sofia această chestiune.

Regele nu crede că această problemă este atât de importantă încât să se impună, aşa cum menţionam în raportul meu anterior, decizia unei instanţe de arbitraj. Cu atât mai mult cu cât, a continuat regele, între cele două ţări nu există în prezent alte neînţelegeri, iar relaţiile reciproce sunt dintre cele mai bune.

Neîncrederea inopinată din partea guvernului bulgar Majestatea Sa o atribuie sensibilităţii exagerate a principelui bulgar şi lipsei de experienţă de care dă dovadă ministrul de externe al principatului.

Nu fără a fi ironic, regele mi-a comunicat faptul că agentul diplomatic Todorov i-a declar recent, în timpul unei audienţe, că la Sofia se speră că litigiul va fi soluţionat pe cale paşnică, chiar dacă lui îi este cunoscut faptul că forţele armate române se concentrează în regiunea Dunării şi că la Şiştov a fost arestată de curând o persoană suspectă, care colecta informaţii despre forţele armate bulgare din această localitate şi asupra căreia au fost găsite hârtii cu însemnări speciale.

Regele i-a spus domnului Todorov că acest lucru nu este posibil, dar dacă o astfel de persoană misterioasă a fost arestată, ar fi deosebit de important de a aduna informaţii detaliate despre aceasta, cu scopul investigării amănunţite a acestei chestiuni încurcate.

Fără a-şi putea disimula jena faţă de Majestatea Sa, domnul Todorov s-a grăbit să observe că, din nefericire, persoana surprinsă spionând a reuşit să se ascundă între timp.

Cu toate acestea, regele nu a ezitat să-i declare agentului bulgar că suspiciunile guvernului bulgar sunt fără temei şi că nu au fost efectuate mişcări ale unităţilor militare române.

Majestatea Sa a adus apoi în discuţie starea relaţiilor dintre România şi Turcia, insistând asupra faptului că este foarte dificil de a gestiona raporturile cu Poarta, în special în condiţiile actualelor rânduieli de la Constantinopol, când sultanul se implică în toate afacerile politice[3].

Acum câteva luni, a continuat regele, Abdul Hamid[4] şi-a anunţat intenţia de a-l numi agent militar la Bucureşti pe Tefik Bey[5]. Acest ofiţer era membru al partidului junilor turci şi a fugit din Constantinopol; el a început să editeze în oraşul Constanţa un ziar îndreptat împotriva ordinii de stat din Turcia şi împotriva sultanului. Tot atunci, la sfârşitul anului 1898, la insistenţa trimisului turc, ca urmare a dorinţei personale a sultanului, Tefik Bey şi alţi doi camarazi de-ai săi au fost expulzaţi din România. Numirea acum a aceluiaşi ofiţer în calitate de ataşat pe lângă misiunea otomană din Bucureşti este considerată de către mine inoportună, iar guvernul nu a considerat posibil să-şi dea acordul pentru aceasta, cu toate insistenţele trimisului turc.

În acelaşi timp, având în vedere faptul că termenul valabilităţii convenţiei comerciale româno-turce urmează să expire în curând, guvernul regal a rugat Poarta ca aceasta să fie prelungită cu încă un an. Însă guvernul turc nu a ezitat să se folosească de această ocazie şi a condiţionat acordul de acceptarea lui Tefik Bey în calitate de agent militar.

Toate tentativele de a obţine ceva din partea Porţii s-au dovedit, potrivit spuselor Majestăţii Sale, fără izbândă. Poarta răspundea cu insistenţă că doar în cazul acceptării lui Tefik Bey ar putea fi de acord cu reînnoirea convenţiei comerciale, însă doar pentru o perioadă de şase luni. Aceste propuneri nu au putut fi, desigur, acceptate, deoarece reluarea convenţiei pentru o perioadă scurtă nu ar fi adus nici un beneficiu comerţului românesc.

În toate acestea regele vede implicarea personală a sultanului, care doreşte să-şi impună voinţa cu orice preţ.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 55–59.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Prinţesa Maria (Mărioara).

[2] Acest incident diplomatic a fost legat de disputa teritorială româno–bulgară din jurul insulelor dunărene Bujorescu (aparţinând României) şi Eşek Adasî (aflată sub jurisdicţie bulgară). Insula Bujorescu apare pe neaşteptate lângă Zimnicea încă din anul 1840. Această insulă îşi măreşte treptat suprafaţa, fiind ocupată de păduri. Din cauza aluviunilor, mai ales atunci când apele Dunării scad, insula începe să se unească cu o altă insulă, care aparţine Bulgariei, iar bulgarii, care se ocupă cu tăiatul copacilor, trec şi pe insula Bujorescu, dar sunt amendaţi de către autorităţile române. În anul 1889, guvernul bulgar doreşte delimitarea celor două insule. În anul 1894, insula Bujorescu, exploatată de români şi bulgari, începe să se unească cu ţărmul românesc. Începând din acest moment, bulgarilor li se interzice să taie copaci. În luna martie 1898 guvernul bulgar recunoaşte că insula Bujorescu aparţine României, dar revendică insula Eşek-Adasî, care e bulgărească, dar care începe să se unească cu insula Bujorescu. Cele două guverne nu ajung la o înţelegere în privinţa insulei Eşek-Adasî, unită deja cu Bujorescu, iar în faţa postului de frontieră românesc de pe insula Bujorescu se instalează un post de frontieră bulgar. Delegaţii bulgari dau de înţeles că guvernul bulgar recunoaşte că acest teritoriu, unit deja cu malul stâng al Dunării, nu mai poate să aparţină Bulgariei şi că guvernul bulgar va fi mulţumit să renunţe la acest teritoriu doar dacă „se va recunoaşte că este teritoriu bulgăresc şi [românii] să le facă concesii în privinţa altor insule". În luna august a anului 1899, din cauza creşterii apelor, grănicerii bulgari sunt obligaţi să-şi retragă postul, iar după aceea românii nu îi vor mai lăsa să-l reocupe. La 26 februarie 1900, premierul bulgar Ivanciov îi spune agentului diplomatic român Nicolae Mişu că va lua legătura cu Tribunalul internaţional de la Haga. La sfârşit, Ivanciov dă de înţeles că va face concesii cu condiţia ca soldaţii bulgari să-şi reocupe postul. În presă începe o campanie vehementă şi Ivanciov este nevoit să cedeze. A se vedea detalii la: Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900*, București, Editura Academiei Române, 2012, p. 188–197.

[3] Regimul autocratic şi de putere personală a sultanului Abdul Hamid II, consolidat după 1878, era bazat pe doctrina pan-islamismului și se opunea intervențiilor occidentale în afacerile Imperiului Otoman. Sultanul se retrăsese în izolarea reşedinţei sale de la palatul Yildiz de la Constantinopol, construind un sistem, ai cărui piloni erau poliția secretă, o rețea telegrafică extinsă și un regim sever al cenzurii. Domnia sa este deseori interpretată ca o reacție împotriva perioadei Tanzimatului. Abdul Hamid a folosit pan-islamismul pentru a-și consolida regimul absolutist pe plan intern și pentru a obține loialitatea cercurilor musulmane din afara imperiului, creând adeseori dificultăți puterilor occidentale în coloniile lor musulmane. Totodată, politica sultanului a adoptat și unele reforme, mai ales în domeniul educațional (de exemplu, deschiderea a 18 școli profesionale, fondarea instituției Darülfünun (1900), care a devenit mai târziu Universitatea din Istanbul, și crearea unei vaste rețele de școli primare, secundare și cu profil militar pe întergul teritoriu al imperiului). Abdul Hamid II și-a pierdut puterea efectivă în urma revoluției „junilor turci" (1908), fiind detronat în aprilie 1909 și înlocuit cu fratele său, Mehmed V. Pentru o analiză a politicii hamidiene, a se vedea: Kemal H. Karpat, *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State*, New York, Oxford University Press, 2001.

[4] Abdul Hamid II (1842–1918), sultan al Imperiului Otoman (1876–1909).

[5] Tevfik Bey. În timpul Primului Război Mondial, a deţinut diverse funcţii administrative şi militare şi a fost implicat în represaliile împotriva armenilor din Imperiul Otoman (Raymond Kévorkian, *The Armenian Genocide: A Complete History*, London, I. B. Tauris, 2011, p. 366–367, 375, 402, 407, 504–506, 508).

35

Бухарест, 16 марта 1900 г., № 14. Фонтон – графу Муравьёву

Его Сиятельству, графу М. Н. Муравьёву

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

По дошедшим до здешнего министерства иностранных дел сведениям, в последнее время деятельность македонских комитетов в Болгарии стала отличаться небывалою настойчивостью и дерзостью[1].

Вашему Сиятельству без сомнения уже известно о македонском патриотическом займе.

В румынском министерстве хранится образец облигации этого займа.

На изящно в славянском стиле отпечатанном бланке за подписью президента Ковачева[2] и кассира Станишева[3] значится, что заём в 300.000 франков золотом выпущен согласно постановлению второго македонского конгресса[4]. Верховный македонский комитет выдаёт эту облигацию на сумму – господину – . Стоимость облигации будет возмещена по достижении политической автономии Македонии и вилайета Адрианопольского. Собственник облигации воспользуется правами и благоволением, которыми благодарное отечество вознаградит тех из своих сынов, которые оказали ему услуги.

До последнего времени, по словам румынского министра иностранных дел, Македонский комитет оставлял иностранцев в стороне, но несколько времени тому назад, члены румынской колонии как в Софии, так и в провинции, стали получать письма с требованием об уплате комитету денежных сумм сообразно состоянию, причём с некоторых из румын требовали до 5 и 6 тысяч франков, угрожая в случае отказа бомбами и убийством.

Такое положение не может долее продолжаться, заявил мне господин Лаховари. Македонские комитеты зашли слишком далеко в своей революционной деятельности. Только мощный голос России может вновь заставить болгарское правительство добросовестнее относиться к пропаганде, пустившей крепкие корни в Софии и грозящей нарушить установившийся на Балканском полуострове распорядок.

Воспользовавшись случаем, чтобы запросить господина Лаховари, не обнаружены ли незаконченным ещё вполне следствием новые подробности об убийстве турецкого шпиона Фитовского, а равно и о составе здешнего Македонского комитета, министр ответил, что в комитете состоят очень не видные по положению лица, со студентом Трифоновым во главе и сыном поселившегося здесь болгарина, который по отбытии военной службы в княжестве, вернулся сюда и содержит бакалейную лавку. К сему господин Лаховари добавил, что носился слух, что будто бы тайно приезжали сюда два болгарских офицера, но слух этот не подтвердился.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 61–63.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] В 1900 г. произошли важные изменения в структуре Центрального македонского комитета (Върховен македоно-одрински комитет) в Софии. Под эффективным и авторитарным руководством его нового лидера Бориса Сарафова (1872–1907) эта организация установила связи с группой офицеров болгарской армии, близких к князю Болгарии Фердинанду. Приоритетом для комитета становится подготовка восстания в Македонии и Фракии. В 1899 и 1900 гг. комитет потратил приблизительно 60 тыс. золотых левов и 190 тыс. серебряных левов для вооружения и амуниции, предназначенных для болгарских вооружённых групп в Македонии.

[2] Иосиф Ковачев (1839–1898) был главой Верховного македонского комитета с марта по июнь 1897 г.

[3] В документе ошибочно: Станчева. Христо Станишев (1863–1952) 15 ноября 1896 г. занял должность кассира Верховного македонского комитета, а с июля 1897 до мая 1899 г. являлся его председателем.

[4] Второй македонский конгресс состоялся 3–6 декабря 1895 г. На нём был принят устав македонского общества, который прямо провозгласил целью организации достижение автономии

Македонии и Фракии легальными политическими средствами, но также и при помощи «дополнительных мер, продиктованных обстоятельствами». В секретных протоколах конгресса было отмечено, что речь идёт о методах «террора и восстаний». Именно на этом конгрессе организация, о которой идёт речь, получила название *Върховен македонски комитет*.

București, 16 martie 1900, nr. 14. Fonton către contele Muraviev

Luminăției Sale, Contelui M. N. Muraviev

Stimate Domnule, Conte, Mihail Nikolaevici,

Potrivit informațiilor care au devenit cunoscute ministerului afacerilor străine de aici, activitatea comitetelor macedonene din Bulgaria se remarcă printr-o perseverență și îndrăzneală neobișnuite[1].

Luminăția Voastră are desigur cunoștință de împrumutul patriotic macedonean.

Guvernul român a intrat în posesia unei mostre de obligațiuni a acestui împrumut.

Pe o frumoasă blanchetă tipărită cu motive slave, având semnăturile președintelui Kovacev[2] și a casierului Stanișev[3], se poate citi că împrumutul în valoare de 300.000 franci aur a fost emis potrivit deciziei celui de-al doilea congres macedonean[4]. Comitetul suprem macedonean emite această obligațiune în sumă de … domnului … Valoarea obligațiunilor va fi restituită după obținerea autonomiei de către Macedonia și vilaietul Adrianopol. Deținătorul obligațiunilor se va bucura de drepturile și bunăvoința cu care patria recunoscătoare îi va recompensa pe aceia dintre fiii săi, care i-au fost alături.

După spusele ministrului român al afacerilor străine, până relativ recent, comitetul macedonean nu a abordat și cetățenii străini. Mai nou însă, membrii comunității românești din Sofia, dar și din provincie, au început să primească scrisori în care li se cere să achite sume de bani comitetului, potrivit averii, unora dintre români solicitându-li-se până la cinci și șase mii de franci. În caz de refuz, aceștia erau amenințați cu bombe și asasinate.

Această stare de fapt nu mai poate continua, mi-a declarat domnul Lahovari. Comitetele macedonene au mers prea departe în activitatea lor revoluționară. Doar vocea puternică a Rusiei ar putea să oblige guvernul bulgar să trateze cu bună credință propaganda care a lăsat rădăcini adânci la Sofia și care amenință să afecteze ordinea încetățenită în Balcani.

Profitând de ocazie, pentru a-l întreba pe domnul Lahovari dacă există noutăți privind dosarul legat de asasinarea spionului turc Fitovski, la fel ca și despre componența comitetului macedonean de aici, ministrul mi-a răspuns că din comitet fac parte persoane cu totul neimportante, avându-i în frunte pe studentul Trifonov și fiul unui bulgar stabilit aici, care, după satisfacerea serviciului militar în principat, a revenit și a deschis o băcănie. În completare, domnul Lahovari a afirmat că a circulat zvonul potrivit căruia aici au ajuns în secret doi ofițeri bulgari, zvon care nu s-a confirmat însă.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 61–63.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] În anul 1900 au avut loc transformări importante în structura Comitetului Central Macedonean (Върховен македоно-одрински комитет) din Sofia. Sub conducerea eficientă și autoritară a noului său președinte, Boris Sarafov (1872–1907), această organizație și-a consolidat legăturile cu un grup de ofițeri din armata bulgară apropiați de principele bulgar Ferdinand. Prioritatea Comitetului devine organizarea unei

răscoale în Macedonia şi Tracia. În 1899 şi 1900, Comitetul a cheltuit aproximativ 60.000 de leve de aur şi 190.000 de leve de argint pentru armamentul şi muniţiile destnate grupurilor armate bulgare din Macedonia.

[2] Iosif Kovacev (1839–1898). A condus Comitetul Central Macedonean în martie–iunie 1897.

[3] În document greşit – Stancev. Hristo Stanişev (1863–1952). Pe data de 15 noiembrie 1896 a devenit casier al Comitetului Central Macedonean, iar între iulie 1897 şi mai 1899 a fost preşedinte al acestuia.

[4] Al doilea congres macedonean a avut loc între 3 şi 6 decembrie 1895. La acest Congres a fost adoptat Statutul Societăţii Macedonene, care declara drept scop al organizaţiei obţinerea autonomiei Macedoniei şi Traciei prin mijloace politice legale, dar şi prin „măsuri adăugătoare, dictate de circumstanţe”. În protocoalele secrete ale Congresului, se preciza că era vorba de „teroare şi revolte”. Anume la acest Congres organizaţia respectivă a adoptat denumirea de Върховен македонски комитет.

36

Бухарест, 14 июня 1900 г., № 20. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

За последнее время проявилось довольно значительное эмиграционное движение евреев из Румынии, преимущественно в Америку. Явление это объясняется тем, что стеснительное финансовое положение[1], как государства, так и частных лиц, не представляет большой возможности местным евреям с выгодой заниматься комиссионерством при всякого рода сделках, что составляет и здесь почти исключительный их промысел.

Более тысячи евреев уже выехало за последний месяц, главным образом, из Бухареста, Ясс, Галаца и других городов. Большинство выселяющихся лишено всяких средств. Местные комитеты собирают пожертвования с целью обеспечить путешествие эмигрирующих. Американские единоверцы им выслали некоторую денежную поддержку в здешний эмиграционный фонд[2].

Со своей стороны правительство снабжает их даровыми билетами на проезд до границы. Вместе с сим, подозревая существование подстрекательства в этом массовом движении евреев, полицейская префектура задержала некоторых из подозреваемых и выслала их из страны.

Здешний австро-венгерский посланник уведомил королевское министерство иностранных дел, по поручению из Вены, что правительство его будет допускать к въезду на свою территорию лишь тех из румынских евреев, которые будут иметь, кроме эмиграционного паспорта, и железнодорожные билеты до Гамбурга, Лондона или Парижа.

Нельзя не отметить также, что ясский городской голова[3], явившись к министру внутренних дел, выразил сожаление по поводу столь значительного выселения евреев из Ясс и при этом заявил, что выезд их причиняет, будто бы, ущерб городу. Заявление это представляется тем более поразительным, что, вообще, здесь склонны жаловаться на чрезмерное количество еврейского элемента в стране.

Всего еврейского населения числится в Румынии, по новейшим статистическим сведениям, 269.015[4]. Из этого числа 80% городского населения и только 20% живут по деревням, где многие из евреев состоят арендаторами румынских помещиков. Население некоторых городов, например Ясс, состоит более чем наполовину из

еврейского элемента[5]. За небольшим исключением, здешние евреи не состоят ни в румынском, ни в каком другом подданстве, но 153 из них находятся под покровительством России.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 100–102.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. док. № 28 от 31 октября 1899 г., прим. 6.

[2] См. подробнее: Vitcu D. *Die Emigration der osteuropaischen Juden nach Amerika Aufang des 20 Jahrhunderts (Motivationen, Strategien und politische Hintergrunde) // Südosteuropa im 20 Jahrhundert. Ethnostrukturen, Identitaten, Konflikte* / Eds. F. Solomon, A. Rubel, A. Zub. Iaşi, Konstanz, 2004.

[3] Александру Бэдэрэу (1859–1927), который занимал эту должность между 22 апреля 1899 и 19 февраля 1901 гг.

[4] По всей вероятности, эти статистические оценки основываются на предварительных данных всеобщей переписи населения в Румынии, состоявшейся в декабре 1899 г. Итоговые данные этой переписи, переработанные и проанализированные Л. Колеску, были опубликованы лишь в 1905 г. Согласно содержащейся в них информации, еврейское население Румынии составляло в 1899 г. примерно 256.588 человек, т.е. 4,3% всего населения королевства, составляя более значительную долю населения в черте городов, особенно в Молдавии. См. подробнее: *Recensământul general al populațiunei României. Rezultate definitive, precedate de o introducțiune cu explicațiuni și date comparative* / de L. Colescu. București, Institutul de Arte Grafice „Eminescu", 1905.

[5] Согласно данным той же переписи, население г. Яссы составляло 77.759 жителей, из которых 39.488 были указаны как лица иудейского вероисповедания, что составляло примерно 50,8% общей численности жителей. См.: *Recensământul general al populațiunei României.* P. 74.

București, 14 iunie 1900, nr. 20. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În ultimul timp s-a dezvoltat o mișcare emigraționistă destul de puternică printre evreii din România, în special către America. Acest fenomen se explică prin situația financiară delicată[1], atât a statului, cât și a persoanelor particulare, care nu le oferă evreilor locali prea multe posibilități în a se ocupa profitabil cu intermedierea a tot felul de afaceri, ocupație care reprezintă și aici activitatea lor de bază.

Peste o mie de evrei au plecat deja peste graniță în ultima lună, în special din București, Iași, Galați și alte orașe. Majoritatea celor care își părăsesc locurile de trai sunt lipsiți de orice surse de existență. Comitetele locale colectează donații cu scopul de a asigura călătoria celor care emigrează. Coreligionarii americani au depus în fondul de emigrație de aici o mică sumă de bani[2].

Din partea guvernului, aceste persoane au primit tichete gratuite de călătorie până la graniță. Totodată, suspectând existența unor instigări în această mișcare în masă a evreilor, prefectura poliției a reținut câteva persoane suspectate și le-a expulzat din țară.

La indicația Vienei, trimisul austro-ungar de aici a informat Guvernul regal că guvernul său va permite intrarea pe propriul teritoriu doar a acelor evrei români care vor avea asupra lor, alături de pașaportul de emigrare, și bilete de călătorie cu trenul până la Hamburg, Londra sau Paris.

De asemenea, nu poate fi trecut cu vederea faptul că, în timpul unei audiențe la Ministrul de interne, primarul de Iași[3] și-a exprimat părerea de rău în legătură cu plecarea în masă a evreilor din Iași, declarând că exodul lor ar cauza mari pagube orașului. Această declarație este cu atât mai surprinzătoare cu cât aici există tentația de a se plânge, în general, față de numărul exagerat al elementului evreiesc în țară.

Potrivit datelor statistice recente, numărul populației evreiești din România este de 269.015[4]. Dintre aceștia 80% locuiesc în orașe și doar 20% în sate, unde foarte mulți dintre evrei sunt arendași ai moșierilor români. Peste jumătate din populația câtorva orașe, de pildă Iașul, este formată din elementul evreiesc[5]. Cu unele excepții, evreii de aici nu au cetățenie română, sau cetățenia altor state, însă 153 dintre aceștia sunt supuși ruși.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 100–102.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea doc. nr. 28 din 31 octombrie 1899, nota 6.

[2] Pentru mai multe detalii: Dumitru Vitcu, *Die Emigration der osteuropaischen Juden nach Amerika Aufang des 20 Jahrhunderts (Motivationen, Strategien und politische Hintergrunde)*, în *Südosteuropa im 20 Jahrhundert. Ethnostrukturen, Identitaten, Konflikte*, eds. Flavius Solomon, Alexander Rubel, Alexandru Zub, Iași–Konstanz, 2004.

[3] Alexandru A. Bădărău (1859–1927), care a ocupat această funcție între 22 aprilie 1899 și 19 februarie 1901.

[4] Cel mai probabil, această estimare statistică se bazează pe datele preliminare ale recensământului general al populației României din decembrie 1899. Datele definitive ale recensământului, prelucrate și analizate de L. Colescu, au fost publicate abia în anul 1905. Conform acestor informații, populația evreiască a României constituia, în 1899, aproximativ 256.588 persoane, adică 4,3% din totalul populației regatului, cu o pondere semnificativ mai mare în zonele urbane, în special în Moldova. Pentru detalii, a se vedea: *Recensământul general al populațiunei României. Rezultate definitive, precedate de o introducțiune cu explicațiuni și date comparative*, de L. Colescu, București, Institutul de Arte Grafice „Eminescu", 1905.

[5] Conform datelor aceluiași recensământ, orașul Iași avea o populație totală de 77.759 de locuitori, dintre care 39.488 erau înregistrați ca fiind „de confesiune mozaică" (ceea ce constituia aproximativ 50,8% din numărul total al locuitorilor). A se vedea: *Recensământul general al populațiunei României*, p. 74.

37

Бухарест, 24 июня 1900 г., № 21. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Эмиграционное движение еврейского населения из пределов Румынии, о котором я уже имел честь доносить Вашему Сиятельству 14-го текущего июня, принимает всё более крупные размеры, и по настоящее время до 7 тысяч евреев выбыло из страны[1].

Иностранная пресса, главным образом австрийская, воспользовалась этим движением, чтобы порицать в резких выражениях румынскую конституцию и положение, созданное в стране еврейскому элементу.

Министр внутренних дел[2], с которым я имел на днях случай беседовать, приписывает выселение евреев, кроме существующего теперь в стране безденежья, некоторой агитации со стороны еврейских обществ Центральной Европы, воспользовавшихся данным моментом в надежде, что европейские государства произведут, может быть, известное давление на королевское правительство в смысле предоставления еврейскому населению Румынии всех гражданских и политических прав.

По румынской конституции, евреи, не получившие румынского подданства, хотя бы и с высшим образованием, лишены права поступать на государственную службу или применять свою специальность на общественном поприще, за исключением профессии медика, обставленную для них известными ограничениями[3].

Вследствие сего огромное число евреев избирают для своей деятельности журналистику, чем и объясняется крайне низкий нравственный уровень здешней прессы; другая же часть евреев, получивших высшее образование, составляет главный контингент румынского социализма[4].

Независимо от вышеуказанных причин, побуждающих евреев к выселению из Румынии, следует также упомянуть и о деятельности различных американских эмиграционных агентов, преследующих свою личную денежную выгоду.

Достойно примечания, что, по словам генерала Ману, по мере того как отбывают из Румынии здешние евреи, на место их наблюдается прибытие известного количества австрийских евреев из Галиции[5].

Кроме даровых железнодорожных билетов до границы, румынское правительство предоставляет также желающим выселиться евреям бесплатный проезд на казённых пароходах до Роттердама.

Австро-венгерское и турецкое правительства закрыли свои границы для тех из румынских евреев, которые не могут предъявить железнодорожного билета прямого сообщения до другого государства, или же доказательства в том, что они обладают достаточным количеством денег для временного пребывания в стране.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 103–106.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII

---

[1] См. предыдущий документ.

[2] Генерал Георге Ману.

[3] В действительности, Конституция 1866 г. не говорила ничего определённого о статусе евреев. В статье 7 основного закона, изменённой под давлением западных держав после Берлинского конгресса, утверждалось, что «статус Румына приобретается, сохраняется и теряется в соответствии с правилами, установленными гражданским законодательством. Только иностранцы христианской веры могут получить право на подданство». Хотя это ограничение и было устранено в 1879 г., *de facto* прибегали к индивидуальной натурализации, а право принимать евреев в подданство сохранялось за законодательными органами. В последующий период «ограничения, наложенные на евреев… нашли проявление в более чем 200 законах и распоряжениях, относившихся к разным сферам жизни (экономической, школьной, военной, юридической и т.д.)». Несмотря на международное осуждение политики румынского государства, «в дополнение к 888 солдатам, участвовавшим в войне 1877–1878 гг., в период 1877–1900 гг. румынское подданство получило 85 евреев». Имея в виду эти ограничения, не удивительно, что «в период между 1899 и 1904 гг. из Румынии эмигрировали 50 тыс. евреев», а к началу Первой мировой войны их число возросло до 90 тыс. См. подробнее: Platon Gh. *Chestiunea evreiască // Istoria românilor.* Vol. VII. T. II. *De la Independență la Marea Unire* / Coord. Gh. Platon. București, Editura Enciclopedică, 2003. P. 70–73; Kuller H. *Opt studii despre istoria evreilor din România.* București, Editura Hasefer, 1997. P. 122; Matikainen S. *Great Britain, British Jews, and the International Protection of Romanian Jews, 1900–1914. A Study of Jewish Diplomacy and Minority Rights.* Jyväskylä, Jyväskylä University Printing House, 2006. P. 59.

[4] Упоминания о связи евреев с социалистическим движением были в этот период общим местом в прессе и публицистике Российской империи, но встречались также и в определённых официальных контекстах. Активное присутствие в румынской общественной жизни таких личностей, как Константин Доброджану-Геря, важнейший теоретик румынского социализма, не могло не усилить такое впечатление. Анализ изменчивого восприятия евреев в румынском обществе см.: Oişteanu A. *Imaginea evreului în cultura română.* Bucureşti, Polirom, 2012. Подробнее об общем контексте данной эпохи см: Iancu C. *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation.* Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.

[5] Миграция евреев из Галиции и отчасти из Российской империи вызывала в этот период постоянную озабоченность румынских политиков. В 1900 г., несмотря на начавшуюся эмиграцию евреев из страны, их количество в Румынском королевстве, вероятно, достигло наивысшей отметки в период, предшествовавший Первой мировой войне. В работе, посвящённой анализу материалов переписи 1899 г., общее количество мигрантов, прибывших в страну в 1859–1899 гг., оценивается приблизительно в 250 тыс. человек, и подавляющее большинство среди них составляли евреи. Озабоченность ролью «иудейского элемента» в усилении «пестроты» городского населения и «избытком приверженцев других культов, особенно иудейского», довольно явно прослеживается в: Colescu L. *Analiza rezultatelor Recensământului general al populaţiei României de la 1899*. Bucureşti, Institutul Central de Statistică, 1944. P. 87, 89.

Bucureşti, 24 iunie 1900, nr. 21. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Mişcarea de emigrare a evreilor din România, despre care am avut onoarea de a raporta Luminăţiei Voastre pe data de 14 iunie c., ia dimensiuni tot mai mari, astfel că până în prezent au părăsit ţara aproape 7 mii de evrei[1].

Presa străină, în special presa austriacă, a profitat de această mişcare pentru a critica în termeni duri constituţia română şi situaţia elementului evreiesc din ţară.

Ministrul afacerilor interne[2], cu care am avut ocazia să discut recent, atribuie plecarea evreilor, alături de criza financiară din ţară, agitaţiei din partea asociaţiilor evreieşti din Europa Centrală, care s-au folosit de acest moment în speranţa că statele europene vor exercita, poate, o anumită presiune asupra Guvernului regal, în sensul acordării pentru populaţia evreiască din România a tuturor drepturilor civile şi politice.

Potrivit constituţiei române, evreii care nu au obţinut cetăţenia română, chiar dacă au studii superioare, sunt lipsiţi de dreptul de a accede în funcţii publice sau de a profesa în domeniul public, cu excepţia profesiei de medic, care este reglementată, la rândul ei, de anumite restricţii[3].

Drept urmare, foarte mulţi dintre evrei îşi aleg ca activitate domeniul ziaristicii, fapt care şi explică nivelul moral foarte scăzut al presei de aici; o altă parte a evreilor, care au studii superioare, reprezintă contingentul principal al socialismului românesc[4].

Indiferent de cauzele amintite mai sus, care îi determină pe evrei să părăsească România, merită amintită şi activitatea diferitor agenţi americani de emigrare, care urmăresc obţinerea unor câştiguri băneşti proprii.

Merită de amintit faptul că, potrivit spuselor generalului Manu, pe măsură ce evreii autohtoni părăsesc România, în locul lor se stabileşte un anumit număr de evrei austrieci din Galiţia[5].

În afară de punerea gratuită la dispoziţie a unor tichete de călătorie cu trenul, guvernul român oferă tuturor doritorilor de a emigra posibilitatea de a călători gratuit până la Rotterdam cu vapoarele aflate în proprietatea statului.

Guvernele austro-ungar și turc au închis granițele pentru aceia dintre evreii români care nu pot prezenta un bilet de călătorie directă cu trenul până în altă țară, sau care nu pot dovedi că au destule resurse financiare pentru șederea temporară în țară.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 103–106.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea documentul anterior.

[2] Generalul Gheorghe Manu.

[3] În realitate, în Constituția din 1866 nu se spunea nimic explicit despre statutul evreilor. În articolul 7 al legii fundamentale, modificat în urma presiunii puterilor occidentale după Congresul de la Berlin, se afirma textual: „Însușirea de Român se dobândește, se conservă și se pierde potrivit regulilor statornicite prin legile civile. Numai streinii de rituri creștine pot dobândi impământenirea". Deși această prevedere restrictivă a fost înlăturată în 1879, *de facto* s-a recurs la naturalizarea individuală, drept rezervat corpurilor legislative. În perioada următoare, „restricțiile impuse evreilor [...] și-au găsit expresia în mai mult de 200 de legi și dispoziții, aparținând unor diverse domenii (economic, școlar, militar, juridic S. A.)". În pofida condamnării internaționale a politicii statului român, „în afara celor 888 combatanți, care au participat la Războiul din 1877–1878, între anii 1879 și 1900, au mai primit statutul de cetățeni un număr de 85 evrei". Având în vedere aceste restricții, nu e de mirare că, „între 1899 și 1904, din România au emigrat 50.000 evrei", numărul lor ajungând la 90.000 până la Primul Război Mondial. Pentru detalii, a se vedea: Gheorghe Platon, *Chestiunea evreiască*, în *Istoria românilor*, vol. VII, tom. II, *De la Independență la Marea Unire*, coordonator Gheorghe Platon, București, Editura Enciclopedică, 2003, p. 70–73; Hary Kuller, *Opt studii despre istoria evreilor din România*, București, Editura Hasefer, 1997, p. 122; Satu Matikainen, *Great Britain, British Jews, and the International Protection of Romanian Jews, 1900–1914. A Study of Jewish Diplomacy and Minority Rights*, Jyväskylä, Jyväskylä University Printing House, 2006, p. 59.

[4] Legătura dintre evrei și mișcarea socialistă era, în această perioadă, un loc comun în presa și publicistica din Imperiul Rus, dar și în anumite contexte oficiale. Prezența activă, în spațiul public românesc, a unor personalități precum Constantin Dobrogeanu-Gherea, cel mai important teoretician al socialismului românesc, nu făcea decât să consolideze această impresie. Pentru o analiză a percepțiilor fluctuante ale evreilor în societatea românească, a se vedea: Andrei Oișteanu, *Imaginea evreului în cultura română*, București, Polirom, 2012. Pentru contextul general al epocii: Carol Iancu, *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*, Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.

[5] Migrația evreilor din Galiția și (parțial) din Imperiul Rus reprezenta o preocupare constantă a politicienilor români din această perioadă. Anul 1900, în pofida emigrării incipiente a evreilor, a reprezentat, probabil, apogeul prezenței numerice evreiești în Regatul României înainte de Primul Război Mondial. Într-o lucrare dedicată analizei materialelor recensământului din 1899, numărul total al imigranților intrați în țară între 1859 și 1899 se estima la aproximativ 250.000, dintre care majoritatea covârșitoare erau evrei. Preocuparea pentru rolul „elementului mozaic" în „împestrițarea" populației urbane și pentru „abundența prozeliților de alte culte și îndeosebi de cultul mozaic" este, de altfel evidentă, în: Leonida Colescu, *Analiza rezultatelor Recensământului general al populației României de la 1899*, cu o prefață de Dr. Sabin Manuilă, București, Institutul Central de Statistică, 1944, p. 87, 89.

38

Бухарест, 7 июля 1900 г., № 22. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

5-го сего июля состоялось примирение и слияние староконсервативной партии, стоявшей до сего во главе правления, с отделившимися от неё в 1889 году молодыми консерваторами или жунимистами[1], избравшими главой своей господина Карпа[2].

Согласно соглашению обеих консервативных партий, господин Кантакузин[3] передаёт господину Карпу[4] пост министра-президента и удаляется из кабинета, взамен сего господин Карп и жунимисты признают Кантакузина главой консервативной партии и прекращают этим самым раскол.

Вследствие сего консервативное Министерство господина Кантакузина немедленно подало в отставку, и король поручил составление кабинета господину Карпу.

В новое Министерство вошли: господин Карп – министр финансов и президент совета; господин Маргиломан[5] – министр иностранных дел; господин Майореску[6] – министр юстиции; господин Арион[7] – министр народного просвещения и исповеданий. Все четыре из партии жунимистов.

Господин Олэнеску[8] – министр внутренних дел; генерал Лаховари[9] – военный министр; господин Филипеску[10] – министр земледелия; господин Грэдиштяну[11] – министр общественных работ: Все четыре из партии старых консерваторов.

Переговоры о слиянии обеих фракций велись уже давно, но без успеха. Удачный исход их ныне объясняется скорее безвыходным положением, в котором оказалось Министерство Кантакузина, чем желанием примирения.

Действительно, государственная казна после минувшего крайне неурожайного года совершенно пуста; между тем все попытки Министерства добыть денег за границей окончились полною неудачей. Оппозиционная либеральная партия действовала в данном случае крайне непатриотично, и глава её господин Стурдза, ловко пользуясь многочисленными связями своими в Берлине, наводнил германскую печать преувеличенными сведениями об экономическом кризисе в королевстве и способствовал этим падению румынских бумаг.

С другой стороны, неурожай[12] и безработица особенно тяжело отозвались на ремесленниках евреях, которые стали массами выселяться из Румынии, и хотя правительство относилось к этим эмигрантам крайне гуманно, тем не менее и в австрийской, и в германской печати, как всегда в таких случаях, появился целый ряд статей о мнимых притеснениях, которым подвергаются евреи в Румынии. Авторы этих статей, очевидно евреи, восстановили и единоверцев своих банкиров против Министерства Кантакузина.

Господину Карпу легче будет выйти из этого затруднительного положения: наветы господина Стурдзы не столь опасны для него, так как он сам хорошо известен в банкирских кругах Вены и Берлина, а евреи Румынии считают его своим защитником, и ныне уже появились сочувственные ему отзывы в германской печати.

При образовании нового Министерства король выразил желание, чтобы не было ни побеждённых, ни победителей. Но вряд ли пожеланию этому суждено осуществиться. Переговоры о слиянии велись помимо одного из старейших консерваторов: генерала Ману, министра внутренних дел и президента Консервативного клуба, который, крайне оскорблённый, немедленно же вышел из состава клуба. Равным образом, самый талантливый из бывших министров, Таке Ионеску, отказался наотрез войти в новое Министерство.

Наконец неизвестно, каким большинством располагает новое Министерство в палатах, и весьма возможно, что ему придётся прибегнуть к новым выборам.

Что касается господина Карпа, то он неоднократно был уже министром и считается энергичным и способным государственным деятелем.

При упоминании имени его в Румынии неизменно повторяется та же фраза: «il n'aime pas la Russie». Его, а ровно и всех жунимистов, считают здесь сторонниками Австрии.

Но вряд ли тяготение господина Карпа к Австрии может иметь теперь большое значение. Напротив, вероятнее всего, что как человек умный, он последует примеру господина Стурдзы, которого также обвиняли в пристрастии к Германии и, вступив во власть, употребит все усилия, дабы добиться благорасположения императорского министерства и предания забвению ошибок молодости.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 111–114 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Это слияние оказалось недолговечным прежде всего из-за решительного сопротивления Таке Ионеску и других заметных лидеров консервативной партии, особенно генерала Георге Ману. Подробнее о жунимистской политической фракции см. также: *ДДРПР, 1888–1898*. Док. № 68.

[2] Петре П. Карп.

[3] Георге Гр. Кантакузино.

[4] Вследствие этого соглашения между консервативными фракциями Петре П. Карп стал премьер-министром и занимал эту должность с 7 июля 1900 г. по 13 февраля 1901 г.

[5] Александру Маргиломан.

[6] Титу Майореску (1840–1917). Румынский консервативный учёный, адвокат и политик. Важная фигура жунимистского течения. Был министром юстиции в правительстве, возглавляемом Петре П. Карпом, с 7 июля 1900 г. по 13 февраля 1901 г.

[7] Константин К. Арион (1855–1923). Румынский политик. Был министром культов и народного просвещения в правительстве П. П. Карпа с 7 июля 1900 до 13 февраля 1901 г.

[8] Константин П. Олэнеску (1845 – 1928). Румынский инженер и политик. Министр внутренних дел в правительстве П. П. Карпа с 7 июля 1900 по 13 февраля 1901 г.

[9] Якоб Н. Лаховари.

[10] Николае Филипеску.

[11] Ион К. Грэдиштяну (1861–1932). Румынский политик. Занимал должность министра общественных работ во многих правительствах, включая те, во главе которых находились Георге Гр. Кантакузино (1899–1900, 1904–1907) и Петре П. Карп (с 7 июля 1900 по 13 февраля 1901).

[12] Катастрофическое падение сельскохозяйственного производства было вызвано засухой. Для преодоления последствий кризиса правительство прибегнуло к получению внешнего кредита объёмом 175 млн лей на не очень выгодных условиях. Румынскому Сберегательному банку (Casa de Depuneri și Consemnațiuni) также пришлось прибегнуть к внешнему кредиту, чтобы избежать прекращения платежей. При всём этом, финансово-бюджетной политике двух консервативных правительств во главе с Г. Гр. Кантакузино и П. Карпом так и не удалось исправить ситуацию.

București, 7 iulie 1900, nr. 22. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

La 5 iulie curent, a avut loc împăcarea și fuziunea partidului vechilor conservatori, care până acum s-a aflat în fruntea guvernării, cu tinerii conservatori sau junimiști[1], care în 1889 s-au desprins de acesta și care l-au ales conducător pe domnul Carp[2].

Conform acordului dintre cele două partide conservatoare, domnul Cantacuzino[3] îi cedează domnului Carp[4] funcția de prim-ministru și demisionează din guvern, în schimb, domnul Carp și junimiștii îl recunosc pe Cantacuzino drept lider al Partidului Conservator și, astfel, pun capăt dezbinării.

Drept urmare, guvernul conservator al domnului Cantacuzino și-a dat demisia, iar regele l-a însărcinat pe domnul Carp să formeze (un nou) guvern.

Membrii noului guvern sunt: domnul Carp – ministrul Finanțelor și președintele consiliului; domnul Marghiloman[5] – ministrul Afacerilor Străine; domnul Maiorescu[6] – ministrul Justiției; domnul Arion[7] – ministrul Instrucțiunii Publice și Cultelor. Toți patru fac parte din partidul junimiștilor.

Domnul Olănescu[8] – ministrul Afacerilor Interne; generalul Lahovari[9] – ministrul de Război; domnul Filipescu[10] – ministrul Agriculturii, domnul Grădișteanu[11] – ministrul Lucrărilor Publice. Toți patru fac parte din partidul vechilor conservatori.

Negocierile privind fuziunea fracțiunilor au fost purtate de multă vreme, însă fără succes. Rezultatul reușit al acestora este explicat acum, mai curând, prin situația fără ieșire în care a ajuns Guvernul Cantacuzino, decât prin dorința de împăcare.

Într-adevăr, ca urmare a recoltei foarte slabe de anul trecut, vistieria statului este complet goală; între timp, toate încercările guvernului de a face rost de bani de peste hotare s-au încheiat cu un eșec total. Partidul liberal de opoziție a acționat, în acest caz, împotriva intereselor patriotice, iar liderul acestuia, domnul Sturdza, folosindu-se cu abilitate de numeroasele sale relații la Berlin, a inundat presa germană cu informații exagerate despre criza economică din Regat și a contribuit astfel la căderea prețului hârtiilor [de valoare] românești.

Pe de altă parte, recolta slabă[12] și șomajul s-au răsfrânt în mod grav asupra meșteșugarilor evrei, care au început să părăsească România și, chiar dacă guvernul îi tratează pe acești emigranți cu foarte multă bunăvoință, totuși, și în presa austriacă și în cea germană, așa cum se întâmplă mereu în astfel de cazuri, a apărut o serie întreagă de articole despre opresiunile imaginare, la care ar fi fost supuși evreii în România. Autorii acestor articole, evident evrei, i-au incitat pe coreligionarii lor bancheri împotriva Guvernului Cantacuzino.

Domnului Carp îi va fi mai ușor să iasă din această situație dificilă: calomniile domnului Sturdza nu sunt atât de primejdioase pentru el, întrucât el însuși este bine cunoscut în cercurile bancherilor din Viena și Berlin, iar evreii din România îl consideră apărătorul lor și acum, iar în presa germană deja au apărut comentarii, în care este exprimată simpatia față de el.

La formarea noului guvern, regele și-a exprimat dorința să nu existe nici învinși și nici învingători. Dar este puțin probabil ca această dorință să fie îndeplinită. Negocierile privind fuziunea au fost purtate fără participarea unuia dintre cei mai în vârstă conservatori, generalul Manu, ministru al Afacerilor Interne și președinte al Clubului Conservatorilor, care, extrem de ofensat, a ieșit imediat din componența Clubului. La fel, și cel mai talentat dintre foștii miniștri, Take Ionescu, a refuzat categoric să facă parte din noul guvern.

În sfârșit, nu se știe pe ce majoritate se bazează noul guvern în Camere și este foarte posibil ca să se recurgă la noi alegeri.

În ceea ce îl privește pe domnul Carp, el a fost deja de mai multe ori ministru și este considerat a fi un energic și capabil om de stat.

La menționarea numelui său în România, este repetată mereu aceeași frază: „il n'aime pas la Russie". El, precum și toți junimiștii, sunt considerați aici adepți ai Austriei.

Dar este puțin probabil că atracția domnului Carp către Austria poate avea acum o mare importanță. Dimpotrivă, probabil, ca un om deștept ce este, el va urma exemplul domnului Sturdza, care a fost, de asemenea, învinuit din cauza predilecției sale pentru Germania și, accedând la putere, va depune toate eforturile ca să obțină bunăvoința guvernului imperial și să dea uitării greșelile tinereții.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 111–114 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Fuziunea respectivă s-a dovedit destul de efemeră, mai ales din cauza opoziției vehemente a lui Take Ionescu și a unor fruntași marcanți ai Partidului Conservator, în special generalul Gheorghe Manu. Pentru detalii privind facțiunea junimistă, a se vedea și *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 68.

[2] Petre P. Carp.

[3] Gheorghe Gr. Cantacuzino.

[4] În urma acestei înțelegeri politice dintre facțiunile conservatoare, Petre P. Carp a deținut funcția de prim-ministru între 7 iulie 1900 și 13 februarie 1901.

[5] Alexandru Marghiloman.

[6] Titu Maiorescu (1840–1917). Om de știință, avocat și politician român conservator. Figură importantă a curentului junimist. A fost ministru al Justiției în guvernul condus de Petre P. Carp între 7 iulie 1900 și 13 februarie 1901.

[7] Constantin C. Arion (1855–1923). Om politic român. A fost ministru al Cultelor și al Instrucțiunii Publice în guvernul condus de Petre P. Carp între 7 iulie 1900 și 13 februarie 1901.

[8] Constantin P. Olănescu (1845–1928). Inginer și om politic român. Ministru al Afacerilor Interne în guvernul condus de Petre P. Carp între 7 iulie 1900 și 13 februarie 1901.

[9] Iacob N. Lahovari.

[10] Nicolae Filipescu.

[11] Ion C. Grădișteanu (1861–1932). Om politic român. A deținut funcția de ministru al Lucrărilor Publice în mai multe guverne, inclusiv în cele prezidate de Gheorghe Gr. Cantacuzino (1899–1900, 1904–1907) și Petre P. Carp, între 7 iulie 1900 și 13 februarie 1901.

[12] Referință la scăderea dramatică a producției agricole cauzate de secetă. Pentru contracararea efectelor crizei guvernul a apelat la un împrumut extern de 175 milioane de lei, în condiții nu foarte avantajoase. Tot la un împrumut extern a fost nevoită să apeleze și Casa de Depuneri și Consemnațiuni, pentru a evita încetarea de plăți. Cu toate acestea, politicile financiar-bugetare ale celor două guverne conservatoare, conduse de Gheorghe Grigore Cantacuzino și Petre Carp, nu au reușit să redreseze situația.

39

Бухарест, 25 июля 1900 г., № 25. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В ночь на 22 июля в Бухаресте было совершенно новое (третье по счёту), политическое убийство, жертвой коего пал румынский подданный профессор Михэйляну[1].

Уроженец Македонии, профессор греческого языка во многих учебных заведениях, господин Михэйляну издавал вместе с тем маленький и безвредный журнал «Peninsula Balcanică»[2], в котором защищал интересы румын или куцо-влахов в Македонии.

Убийцей является болгарский подданный Стоян Димитров, молодой человек 20 лет. Убийство совершено крайне просто: Димитров подстерёг свою жертву ночью и выстрелил в спину из револьвера. Не менее просты и циничны и показания его. «Так как господин Михэйляну, показал убийца, действовал против болгарских интересов в Македонии, то убийство его было решено Болгаро-македонским комитетом в Софии. Узнав об этом, я предложил свои услуги председателю комитета господину Сарафову[3]. Он отнёсся ко мне сначала недоверчиво, но после объяснений с дядей моим Ангелом Икономовым, заставил меня принести присягу и поручил привести приговор комитета в исполнение».

Убийство это произвело здесь сильное негодование. Господин Михэйляну, состоявший около 20 лет преподавателем, пользовался репутацией скромного и

честного человека. После покойного остались жена и дети. На многолюдных похоронах присутствовали некоторые министры и многочисленные бывшие и настоящие ученики покойного[4].

Пока полицией произведены многочисленные аресты. В числе лиц арестованных находится болгарин Казаков, которого считают здесь членом исполнительного отделения Болгаро-македонского комитета.

Румынскому представителю в Софии[5] предписано заявить княжескому правительству, что если оно не примет мер к обузданию Болгаро-македонского комитета, то королевское правительство вынуждено будет принять самые строгие меры по отношению ко всем болгарским подданным, пребывающим в Румынии.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 124–125 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Штефан Михэйляну (1859–1900) был профессором и публицистом арумынского происхождения, соредактором газеты „Peninsula Balcanică" (в 1893–1900 гг.). В молодости Михэйляну был одним из первых македонских влахов, посещавших курсы арумынского языка. Когда в Македонии активизировались волнения, его дядя привёз его в Румынию, где Михэйляну продолжал обучение в училище св. Савы. Стал одним из наиболее известных борцов за права арумын, полемизируя с греческими и болгарскими публицистами по македонскому вопросу и настаивая на создании отдельных церквей и школ для «куцовлахов», призванных развивать в них арумынскую идентичность. Убийство Михэйляну было организовано Центральным македонским комитетом и спровоцировало острый кризис в румынско-болгарских отношениях. См. подробнее: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900.* P. 150–167.

[2] Газета „Peninsula Balcanică" считалась «органом македонских румынских националистов». Это издание энергично боролось против болгарских притязаний на Македонию и особенно против деятельности Центрального македонского комитета. См.: Cain D. *Op. cit.* P. 168–187.

[3] Борис Сарафов (1872–1907) был активистом Центрального македонского комитета, а в 1899 г. стал избран его лидером. В отличие от более умеренных оппонентов, Сарафов придерживался революционной стратегии разрешения македонского вопроса, которая предполагала развязывание революционных выступлений в регионе и широкое применение террора против политических противников. Несмотря на покровительство князя Болгарии Фердинанда, Сарафов в 1901 г. потерял свой пост председателя Македонского комитета, будучи на месяц заключён в софийскую тюрьму. Принимал участие в Илинденском восстании 1903 г. Будучи представителем проболгарской фракции во Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), вследствие возраставших разногласий между противоборствовавшими лагерями был убит в Софии членами «левацкого» (автономистского и федералистского) крыла ВМОРО. О нём см. подробно: Пасков Р. *Борис Сарафов (1872–1907). Биография*. София, 1996.

[4] Убийство Михэйляну вызвало сильный отклик в прессе и общественном мнении Румынии. Газета „Peninsula Balcanică" писала: «Кровь Михэйляну взывает к небесам, требуя отмщения, и мы отомстим, потому что его потеря сплотила наши ряды и взывает к нашей совести и чувству» („Peninsula Balcanică". II. 1900. 6 august. № 29. P. 2). Столь же яростно реагировали как издания консервативной направленности, близкие правительству (например, газета „Epoca", № 1393, 25 июля 1900, которая прямо обвинила Македонский комитет в организации убийства), так и оппозиционные газеты. Так, газета „Adevărul" 1 августа 1900 г. вышла в траурной рамке, назвав произошедшее издевательством над честью румын, и писала о «том часе, когда мы будем призваны отдать наш долг». См.: „Adevărul". Anul XIII. 1900. 1 august. № 3956. P. 1. См. подробно: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european: Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 150–167.

[5] Николае Мишу.

București, 25 iulie 1900, nr. 25. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În noaptea de 21 spre 22 iulie, în București a avut loc un nou asasinat politic (al treilea la număr), al cărui victimă a fost un cetățean român, profesorul Mihăileanu[1].

Originar din Macedonia, profesor de limbă greacă la multe instituții de învățământ, domnul Mihăileanu edita, în același timp, un ziar mic și inofensiv „Peninsula Balcanică"[2], în care apăra interesele românilor și cuțo-valahilor din Macedonia.

Asasinul acestuia este un cetățean bulgar, Stoian Dimitrov, un tânăr de 20 de ani. Asasinatul a fost comis într-o manieră foarte simplă: Dimitrov și-a pândit victima noaptea și a împușcat-o cu pistolul în spate. La fel de simple și cinice au fost mărturiile acestuia. „Întrucât domnul Mihăileanu acționa împotriva intereselor bulgare, afirmă ucigașul, asasinatul acestuia a fost decis de către Comitetul bulgaro-macedonean din Sofia. Aflând despre aceasta, mi-am oferit serviciile președintelui comitetului din Sofia, domnului Sarafov[3]. La început m-a tratat cu neîncredere, însă, în urma unor discuții duse cu unchiul Anghel Ekonomov, m-a obligat să depun jurământul și m-a însărcinat să pun în aplicare hotărârea comitetului".

Acest asasinat a provocat aici o mare indignare. Domnul Mihăileanu, fiind profesor de 20 de ani, avea reputația unui om modest și cinstit. În urma răposatului au rămas soția și copiii. La înmormântare, la care au fost mulți oameni, au fost prezenți unii miniștri și mulți foști și actuali elevi ai răposatului[4].

Deocamdată, poliția a efectuat numeroase arestări. Printre persoanele arestate se află bulgarul Kazakov, care aici este considerat membru al departamentului de executare al comitetului Bulgaro-macedonean.

Reprezentantului român din Sofia[5] i s-a cerut să comunice guvernului princiar că, în cazul în care acesta nu va lua măsuri care vor pune frâu Comitetului bulgaro-macedonean, atunci guvernul regal va fi nevoit să ia cele mai drastice măsuri față de cetățenii bulgari care se află în România.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 124–125 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Ștefan Mihăileanu (1859–1900) a fost un profesor și publicist de origine aromână, co-editor al ziarului „Peninsula Balcanică" (între 1893 și 1900). În tinerețe, Mihăileanu a fost unul dintre primii vlahi macedoneni care a frecventat cursuri în aromână. După intensificarea tulburărilor din Macedonia, unchiul său l-a adus în România, unde Mihăileanu și-a continuat studiile la Colegiul Sf. Sava. A devenit unul dintre cei mai cunoscuți militanți pentru drepturile aromânilor, polemizând cu publiciștii greci și bulgari pe tema „chestiunii macedonene" și pledând pentru crearea unor biserici și școli separate pentru „cuțo-vlahi", care ar fi promovat identitatea aromână. Asasinatul lui Mihăileanu a fost organizat de către Comitetul Suprem Macedonean și a provocat o criză acută în relațiile româno-bulgare. Pentru alte detalii, a se vedea: Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900,* p. 150–167.

[2] Ziarul „Peninsula Balcanică" era considerat „organul românilor naționaliști macedoneni". Această publicație combătea energic revendicările bulgare privind Macedonia și, în special, activitatea Comitetului Suprem Macedonean. A se vedea și: Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900,* p. 168–187.

[3] Boris Sarafov (1872–1907) era un membru activ al Comitetului Suprem Macedonean, iar în anul 1899 a fost ales conducătorul acestuia. Spre deosebire de oponenții săi mai moderați, Sarafov susținea o strategie „revoluționară" de rezolvare a chestiunii macedonene, care presupunea declanșarea unor revolte în regiune şi aplicarea pe larg a terorii contra adversarilor politici. Deşi beneficia de patronajul principelui Ferdinand al Bulgariei, în anul 1901, Sarafov și-a pierdut postul de președinte al Comitetului Macedonean, fiind încarcerat timp de o lună la Sofia. A participat la Răscoala de Sf. Ilie (Ilinden) din anul 1903. Fiind reprezentant al facțiunii pro-bulgare din cadrul Organizației Interne Revoluționare Macedonene (VMRO), ca urmare a divergențelor crescânde între taberele rivale, el a fost asasinat la Sofia de către membri ai facțiunii „stângiste" (pro-autonomistă și federalistă). A se vedea: Р. Пасков, *Борис Сарафов (1872–1907). Биография*, София, 1996.

[4] Ecoul asasinatului în presa și opinia publică din România a fost foarte puternic. Ziarul „Peninsula Balcanică", de exemplu, scria: „Sângele lui Mihăileanu ţipă până la cer răzbunare şi ne vom răzbuna, căci golul lui ne-a strâns rândurile şi ne-a făcut să fim un cuget şi o simţire." („Peninsula Balcanică", II, nr. 29, 6 august 1900, p. 2). O reacție la fel de vehementă este evidentă atât în cazul ziarelor de nuanță conservatoare, apropiate guvernului (de exemplu, ziarul „Epoca", nr. 1393, 25 iulie 1900, care acuză direct Comitetul Macedonean pentru organizarea asasinatului), cât și în cazul celor aflate în opoziție. Astfel, ziarul „Adevărul" din 1 august 1900 este publicat cu o manșetă neagră, vorbind despre „batjocura" adusă onoarei românilor și despre „ceasul când vom fi chemați să ne facem datoria". A se vedea: „Adevărul", anul XIII, nr. 3956, 1 august 1900, p. 1. Mai multe detalii la: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 150–167.

[5] Nicolae Mișu.

40

Синая, 4 августа 1900 г., № 26. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Ответ болгарского правительства на представления Румынии о необходимости принять меры к обузданию деятельности Македонского комитета в Софии, вследствие обнаружения участия его в убийстве профессора Михэйляну, о котором я имел честь доносить Вашему Сиятельству, не вполне удовлетворил королевское правительство[1].

Софийский кабинет отказывается начать какие-либо преследования против комитета до получения всего судебного дела об убийстве Михэйляну.

Чтобы чем-нибудь успокоить поднявшееся в стране негодование, румынское правительство предписало агенту своему в Болгарии теперь же потребовать возмещения 30 тысяч франков, которые были взысканы, под угрозами насилия и смерти, агентами Македонского комитета с проживающих в княжестве румын.

Одновременно румынское правительство прилагает все старания, чтобы добыть побольше улик причастности комитета к убийству. В этом отношении сделано уже много. Следствие ведётся с большой энергией под непосредственным наблюдением министра юстиции.

Пока обнаружено, что председатель Македонского комитета в Софии Сарафов приезжал в Бухарест в ноябре м. г. и открыл особое отделение комитета. Первоначально число членов было незначительно, но вскоре увеличилось до 300. Такие же отделения комитета открыты в Брэиле и Галаце. Члены принимались по принесении особой присяги.

Многочисленные аресты и обыски, произведённые повсеместно в Румынии, дали возможность захватить обширную переписку, в которой оказались не только письма Сарафова, но и многих известных болгарских деятелей, в том числе называют и Радославова[2].

На основании писем этих бесспорно установлено, что убийство совершено по предписанию софийского комитета, который наметил ещё несколько жертв в Румынии, что им выслан был яд для отравления болгарина Трифонова, обвинённого комитетом в измене. Сам следователь отнёсся недоверчиво к этому известию, но по тщательном обыске отрава эта была найдена в указанном месте, и Трифонов в благодарность за спасение жизни, не преминул сделать важные разоблачения. Наконец, вчера полицией обнаружен новый заговор для освобождения вооружённой силой всех арестованных болгар. Сторожа тюрьмы были уже подкуплены. Кроме того, следствие всё более и более выясняет, что Македонский комитет в Софии пользовался поддержкой правительства. Обстоятельство это румынское Министерство старается по возможности не разоблачать, дабы не создавать новых осложнений.

Тем не менее, сильное негодование охватило всё румынское население. Печать, без различия партий, что случается здесь весьма редко, поддерживает Министерство и настаивает на решительном образе действия. Во многих газетах появляются известия о мобилизации, передвижении войск в Добруджу и т. п. Но правительство, по-видимому, твёрдо решилось быть, по возможности, сдержанным. Весьма вероятно, что, по окончании следствия, оно обратится к великим державам с ходатайством о воздействии в Софии для прекращения преступной деятельности Македонского комитета, грозящей нарушить мир на Балканском полуострове.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 127–129 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Через три дня после убийства Михэйляну, 25 июля 1900 г., Мишу вручил болгарскому правительству решительную ноту протеста от министра иностранных дел А. Маргиломана с связи с покушениями, предпринятыми Центральным македонским комитетом на румынской территории, причём софийские власти были обвинены в соучастии. Румыния настаивала на предъявлении обвинений Центральному македонскому комитету, однако София требовала предъявления компрометирующих свидетельств. Более того, в начале августа румынское правительство представило меморандум великим державам, протестуя против деятельности Македонского комитета. См. подробно: Cain D. *Op. cit.* P. 150–167.

[2] Васил Радославов (1854–1929) – болгарский политик либеральной ориентации, многократно занимал посты министра и премьер-министра (1886–1887, 1913–1918 гг.). В 1899–1900 гг. был министром внутренних дел в правительстве, возглавляемом Тодором Иванчовым (13 октября 1899 – 25 января 1901 гг.).

Sinaia, 4 august 1900, nr. 7. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Răspunsul guvernului bulgar la cererea României cu privire la necesitatea de a lua măsuri care vor pune frâu activității Comitetului macedonean din Sofia, ca urmare a descoperirii participării acestuia la asasinatul profesorului Mihăileanu, despre care am avut onoarea de a raporta Luminăției Voastre, nu a satisfăcut pe deplin guvernul regal[1].

Cabinetul de la Sofia refuză să înceapă orice urmărire împotriva comi-tetului până nu va primi dosarul penal privind asasinarea domnului Mihăileanu.

Ca să potolească cumva indignarea răspândită în țară, guvernul român i-a solicitat agenției sale din Bulgaria să ceară restituirea a 30 de mii de franci, care au fost luați, prin amenințarea cu folosirea forței și cu moartea, de la românii ce locuiau în principat de către agenții Comitetului macedonean.

Totodată, guvernul român depune toate eforturile ca să obțină cât mai multe dovezi privind participarea comitetului la asasinat. În acest sens, au fost întreprinse mai multe acțiuni. Ancheta se desfășoară cu multă energie sub nemijlocita supraveghere a ministrului de Justiție.

Deocamdată, s-a aflat că președintele Comitetului macedonean din Sofia, domnul Sarafov, a fost la București în luna noiembrie a anului trecut și a instituit o secție specială a comitetului. La început, numărul membrilor a fost mic, dar în curând acesta a crescut până la 300 de persoane. Astfel de secții ale Comitetului au fost instituite la Brăila și Galați. Membrii erau primiți după ce depuneau un jurământ special.

Numeroasele arestări și percheziții, efectuate pretutindeni în România, au oferit posibilitatea de a pune mâna pe o corespondență vastă, care cuprinde nu numai scrisorile lui Sarafov, ci și ale multor oameni influenți cunoscuți din Bulgaria, printre care apare numele lui Radoslavov[2].

Pe baza acestor scrisori, s-a constatat fără dubii că asasinatul a fost comis la cererea Comitetului din Sofia, care a pus ochii în România pe alte câteva victime, și că acesta a trimis otravă ca să-l otrăvească pe bulgarul Trifonov, acuzat de către Comitet de trădare. Anchetatorul a primit această veste cu neîncredere, însă, în urma unor percheziții minuțioase, a fost găsită această otravă în locul indicat, iar Trifonov, în semn de mulțumire pentru că i-a fost salvată viața, nu a pierdut ocazia să facă dezvăluiri importante. În sfârșit, ieri, poliția a descoperit un nou complot, prin care se urmărea eliberarea printr-un atac armat a tuturor bulgarilor arestați. Gardienii închisorii erau deja mituiți. Pe lângă aceasta, ancheta constată tot mai mult susținerea de care beneficiază Comitetul macedonean din partea guvernului de la Sofia. Guvernul român încearcă, pe cât posibil, să nu dezvăluie în public acest sprijin, pentru a nu crea noi complicații.

Cu toate acestea, o indignare puternică a cuprins toată populația românească. Presa, fără deosebire de apartenența de partid, ceea ce aici se întâmplă destul de rar, susține guvernul și insistă asupra unui mod hotărâtor de acțiune. În multe ziare a apărut știrea despre mobilizarea trupelor și deplasarea acestora spre Dobrogea etc. Dar guvernul se pare că a decis ferm să rămână, pe cât este posibil, rezervat. Este foarte probabil ca, la sfârșitul anchetei, acesta să înainteze marilor puteri o cerere de a-și exercita influența asupra Sofiei, ca să se pună capăt activității criminale a Comitetului macedonean, care amenință cu distrugerea păcii în Peninsula Balcanică.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 127–129 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] La trei zile după asasinatul lui Mihăileanu, pe 25 iulie 1900, agentul diplomatic român la Sofia, Nicolae Mişu, remite guvernului bulgar o violentă notă de protest a ministrului Afacerilor Străine, Alexandru Marghiloman, împotriva atentatelor săvârşite pe teritoriul românesc de Comitetul Suprem Macedonean, în care autorităţile de la Sofia sunt învinuite de complicitate. România insistă pentru punerea sub acuzare a conducerii Comitetului Suprem, iar Sofia solicită mărturii compromiţătoare. Mai mult, la începutul lunii august guvernul român prezintă un memoriu Marilor Puteri, protestând împotriva activităţii Comitetului Macedonean. Pentru mai multe detalii, a se vedea: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 150–167.

[2] Vasil Radoslavov (1854–1929), om politic bulgar de orientare liberală, în mai multe rânduri ministru şi prim-ministru (1886–1887, 1913–1918). În 1899–1900 ocupa postul de ministru de Interne în guvernul condus de Todor Ivanciov (13 octombrie 1899 – 25 ianuarie 1901).

41

Бухарест, 7 августа 1900 г., № 27. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вчера состоялся большой митинг в Бухаресте, созванный студентами для протеста против действий Македонского комитета и болгарского правительства, оказывающего ему поддержку.

Воскресный день и прохладная погода немало способствовали многолюдности собрания. Число участвовавших определяют в 30 тысяч человек[1]. После многочисленных речей, крайне нелестных для Болгарии, огромная толпа с музыкой, значками и флагами, пройдя по главным улицам, подошла к дворцу. После продолжительных оваций была составлена и отправлена королю в Синаю телеграмма. Содержание её крайне воинственно. Собравшиеся 40 тысяч жителей Бухареста изъявляют готовность вновь следовать за геройским вождём 1877 года. Митинг закончился мирно.

После этой патриотической вспышки, в которой участвовало и албанское общество, произошло замечательное успокоение, и можно надеяться, что министерству удастся закончить это дело дипломатическим путём.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 131–132.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Согласно другим данным, собралось даже приблизительно 40 тыс. человек для того, чтобы осудить «гнусное убийство великого румынского патриота и нездоровые заговоры, осуществляемые македонско-болгарским комитетом Софии на территории Румынии» (Bacalbaşa C. *Bucureştii de altădată, 1885–1900.* Vol. II. Bucureşti, Editura ziarului „Universul”, 1928. P. 299). По свидетельству Симиона Мехединць, «улицы столицы были заполнены народом: поднимали знамёна, разбрасывали кокарды, выступали с речами и, как говорится, не забывали ни о чём, что могло бы способствовать воспламенению масс» (Mehedinţi S. *Politica de vorbe şi omul de stat*, ediţia a doua. Bucureşti, 1928. P. 70). См. подробнее (в том числе приведённые цитаты): Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european: Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 126–149. Этот митинг получил широкое освещение, напр.: „Adevărul”. Anul XIII. 1900. 8 august. № 3963. P. 1–2.

București, 7 august 1900 nr. 27. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ieri, a avut loc la București un mare miting de protest organizat de studenți împotriva activității Comitetului Macedonean și a guvernului bulgar care-l susține.

Ziua de duminică și vremea răcoroasă au contribuit destul de mult la o afluență mare de participanți la adunare. S-a stabilit că numărul acestora a fost de 30 de mii de oameni[1]. După numeroase discursuri, deloc favorabile Bulgariei, o gloată uriașă cu muzică, cocarde și drapele, trecând pe străzile principale, a ajuns la palat. După aplauze prelungite, a fost

întocmită și trimisă o telegramă regelui la Sinaia. Conținutul ei este extrem de belicos. Cei 40 de mii de locuitori ai Bucureștiului adunați aici și-au exprimat disponibilitatea de a-l urma din nou pe conducătorul eroic din anul 1877. Mitingul s-a încheiat pașnic.

După această manifestație patriotică, la care a participat și comunitatea albaneză, lucrurile s-au calmat într-un mod miraculos și se poate spera la faptul că guvernul va reuși să rezolve această chestiune pe cale diplomatică.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 131–132 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Potrivit altor date, s-ar fi adunat chiar în jur de 40.000 de persoane pentru a condamna „mişeleasca asasinare a marelui patriot român Mihăileanu şi conspiraţiile nesănătoase ale comitetului macedo-bulgar din Sofia pe teritoriul României" (Constantin Bacalbaşa, *Bucureştii de altădată, 1885–1900*, vol. II, Bucureşti, Editura ziarului „Universul", 1928, p. 299). Conform mărturiei lui Simion Mehedinţi, „străzile Capitalei s-au umplut de norod: s-au ridicat steaguri, s-au împrăştiat cocarde, s-au ţinut discursuri şi, după cum se spune, nu s-a uitat nimic din ceea ce contribuie la înflăcărarea maselor". (Simion Mehedinţi, *Politica de vorbe şi omul de stat*, ediția a doua, Bucureşti, 1928, p. 70). Pentru aceste citate și mai multe detalii, a se vedea: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900,* p. 126–149. Mitingul a fost reflectat pe larg, printre altele, în ziarul „Adevărul", anul XIII, nr. 3963 din 8 august 1900, p. 1–2.

42

Синая, 17 августа 1900 г., № 28. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Несмотря на выраженное болгарским правительством согласие начать судебное преследование против лиц, угрозами выманивших деньги от членов румынской колонии в Софии в пользу Македонского комитета, отношения между обоими правительствами остаются крайне натянутыми. Румынское Министерство возлагает большие надежды на воздействие в Софии императорского правительства; с другой стороны здесь ожидают очень многого от предстоящего свидания короля Карла с императором Францем Иосифом в Ишле[1].

Между тем, само румынское правительство ровно ничего не делает, дабы облегчить задачу тех держав, на содействие которых оно рассчитывает.

Не говоря уже о резком тоне румынских нот, нельзя не признать большой ошибкой устройство в Бухаресте огромного митинга, созванного будто бы студентами, но при сильной поддержке правительства и закончившегося отправлением королю воинственной телеграммы. За митингом в столице последовали подобные же митинги почти во всех главных городах королевства. Большинство из них направлено было уже не против одного Македонского комитета, но вообще старалось возбудить ненависть к болгарам и софийскому правительству[2].

Оппозиционные газеты и уличные листки наполнены самыми вызывающими по отношению к Болгарии статьями, и даже правительственная печать далеко не соблюдает должной сдержанности.

Самим следствием по делу об убийстве Михэйляну пользуются как средством, чтобы нагнать страх на многочисленное болгарское население. С этой целью арестовывают почтенных и заведомо невинных болгар и умышленно продерживают в тюрьме.

Бесспорно, что дальнейшая деятельность Македонского комитета в прежнем духе не может быть допущена, и румынское Министерство имеет в этом отношении право на своей стороне. Но став как бы под защиту держав, к которым в сознании своей правоты оно обратилось[3], новое Министерство господина Карпа вовсе не получает вследствие этого обращения права исключительно заботиться, как оно теперь это делает, о своей популярности в стране. Оно, насколько мне кажется, должно бы стараться облегчить сдержанным образом действия задачу держав, а не осложнять её, напрасно возбуждая в населении воинственный дух.

Румынское правительство не желает войны, финансовое положение страны слишком расстроено, но Министерство, по-видимому, уверено, что, заручившись поддержкой России и Австрии, оно может безнаказанно дразнить Болгарию, и ничем не рискуя, стать популярным.

Очевидно, что болгары в долгу не останутся и будут отвечать митингом за митинг, оскорблением за оскорбление. Положение станет до того натянутым, что малейшее пограничное столкновение приобретёт громадное значение и приведёт к самым нежелательным последствиям.

Донося Вашему Сиятельству о вышеизложенном образе действия нового румынского Министерства, позволяю себе при этом выразить глубокое моё убеждение, что вовремя преподанный бухарестскому кабинету совет императорского правительства воздерживаться от бесполезных вызовов, оскорбляющих национальное чувство болгар и возбуждающих румынское население, имел бы самые благотворные последствия и способствовал к улажению недоразумений, возникших между Румынией и Болгарией.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 134–137.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Встреча короля Карла I и императора Франца Иосифа состоялась в Ишле 19 августа / 1 сентября. Во время встречи обсуждались кризис в румынско-болгарских отношениях и позиция Румынии в контексте текущих событий.

[2] Вследствие митинга в Бухаресте развернулась волна протеста во всех основных городах Румынии. Апогей этих национальных митингов с явным ксенофобским и антиболгарским оттенком пришёлся на 14 августа, когда прошли манифестации в Брэиле, Крайове, Питешть, Рымнику-Сэрат и Бакэу. Жители Брэилы, к примеру, «заклеймили бандитов и преступников из Софии», а жители Крайовы приняли резолюцию «против болгарских убийц», которая «призывала правительство протестовать с максимально возможной энергией и не отступать, пока не получит полного удовлетворения». См. подробнее: „Adevărul”, Anul XIII. 1900. 15 august. № 3970. P. 2.

[3] Речь идёт о меморандуме, представленном румынским правительством великим державам в начале августа. См. подробно: Cain D. *Op. cit.* P. 137–149.

Sinaia, 17 august 1900 nr. 28. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În pofida acordului exprimat de guvernul bulgar de a începe urmărirea penală împotriva persoanelor, care, prin amenințări, au stors bani de la membrii comunității românești din Sofia în favoarea Comitetului macedonean, relațiile dintre cele două guverne rămân extrem de tensionate. Guvernul român își pune mari speranțe că Guvernul imperial își va exercita influența asupra Sofiei; pe de altă parte, aici se așteaptă la prea multe de la întâlnirea care va urma dintre regele Carol și împăratul Franz Josef la Ischl[1].

Între timp, guvernul român nu face nimic ca să faciliteze misiunea puterilor, pe sprijinul cărora contează.

Făcând abstracție chiar și de tonul aspru al notelor române, trebuie recunoscut faptul că desfășurarea acelui miting uriaș la București, chipurile, organizat de studenți, însă cu sprijinul puternic al guvernului și care a luat sfârșit odată cu trimiterea unei telegrame belicoase regelui, a fost o greșeală. După mitingul din capitală au urmat mitinguri de acest gen aproape în toate orașele importante ale regatului. La majoritatea dintre acestea, îndreptate deja nu numai împotriva Comitetului Macedonean, s-a încercat, în general, să se stârnească ura față de bulgari și de guvernul de la Sofia[2].

Ziarele de opoziție și foile de bulevard sunt pline de cele mai nerespectuoase articole despre Bulgaria și nici presa guvernamentală nu respectă discreția ce i se cuvine.

Ancheta privind asasinatul lui Mihăileanu este folosită ca mijloc pentru a inspira frică față de numărul mare de bulgari. Cu acest scop, sunt arestați bulgari respectabili și evident nevinovați, fiind deținuți intenționat în închisoare.

Fără îndoială că activitatea în același spirit a Comitetului macedonean nu poate fi admisă, dreptatea fiind, în cazul dat, de partea guvernului român. Dar, intrând sub protecția puterilor, cărora li se adresase pentru a-și dovedi dreptatea[3], noul guvern al domnului Carp nici într-un caz nu primește dreptul de a se preocupa, așa cum face acum, doar de popularitatea sa în țară. El, cum mi se pare, ar trebui să faciliteze misiunea puterilor printr-un mod reținut de acțiune, dar nu să o complice, trezind în zădar spiritul belicos al populației.

Guvernul român nu dorește război, situația financiară a țării este foarte precară, dar este convins, se pare, că, obținând sprijinul Rusiei și al Austriei, poate să provoace Bulgaria fără ca să fie pedepsit, și să devină popular, fără să riște ceva.

Evident că bulgarii nu vor rămâne datori și vor răspunde la acest miting printr-un alt miting, la o ofensă printr-o altă ofensă. Situația va deveni într-atât de tensionată, încât cea mai mică ciocnire la graniță va căpăta o importanță majoră și va duce la cele mai nedorite consecințe.

Raportând Luminăției Voastre despre modul de acțiune mai sus menționat al noului guvern, îmi permit, totodată, să-mi exprim profunda convingere că sfatul oferit Cabinetului de la București de către guvernul imperial de a se abține de la provocările inutile care ofensează sentimentul național al bulgarilor și care incită populația română, ar avea cele mai favorabile urmări și ar contribui la soluționarea neînțelegerilor apărute între România și Bulgaria.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 134–137 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Întrevederea dintre regele Carol I și împăratul Franz Josef a avut loc pe data de 19 august / 1 septembrie, la Ischl. În timpul întâlnirii a fost discutată criza diplomatică româno-bulgară și poziția României în contextul evenimentelor recente.

[2] În urma mitingului de la București, a început un val de proteste în toate orașele importante ale României. Apogeul acestor „mitinguri naționale", cu o vădită tentă xenofobă și anti-bulgară, a fost atins pe data de 14 august, când au avut loc manifestații la Brăila, Craiova, Pitești, Râmnicu-Sărat și Bacău. Cetățenii din Brăila, de exemplu, „au înfierat pe bandiții și criminalii din Sofia," iar craiovenii au adoptat o moțiune „contra asasinatelor bulgărești", care „invita guvernul să protesteze cu cea mai mare energie și să nu dea îndărăt până ce nu va obține satisfacție deplină". A se vedea detalii în: „Adevărul", anul XIII, nr. 3970, 15 august 1900, p. 2.

[3] Este vorba despre memoriul prezentat de către guvernul român Marilor Puteri la începutul lunii august. A se vedea detalii la: Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900,* p. 137–149.

43

Синая, 17 августа 1900 г., № 29. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Их Величества король и королева румынские выехали 14-го сего августа из Синаи за границу.

Король Карл посетит сначала Ишль, где будет иметь свидание с императором австрийским, а затем направится в Рагац[1], где рассчитывает пробыть около 20 дней.

Её Величество направится из Вены в Нейвид.

Перед возвращением в Синаю, которое состоится около 6-го сентября, Их Величества будут присутствовать на бракосочетании племянника короля принца Альберта Фландрского[2] с дочерью герцога Карла Баварского[3].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 139–139 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Бад-Рагац.

[2] Принц Альберт Леопольд Клемент Мария Мейнрад (1875–1934), наследный принц Бельгии и её будущий король Альберт I (1909–1934).

[3] Елизавета Габриэлла Валерия Мария де Виттельсбах (1876–1965), дочь герцога Баварии Карла Теодора и Марии Жозефы Португальской, дочери португальского короля в изгнании Мигеля I. Будущая королева Бельгии Елизавета (1909–1934).

Sinaia, 17 august 1900, nr. 29. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestățile Lor, regele și regina României, au plecat din Sinaia peste hotare la 14 august curent.

Regele Carol va vizita mai întâi orașul Ischl, unde se va întâlni cu împăratul austriac, apoi se va îndrepta spre Ragaz[1], unde intenționează să rămână vreo 20 de zile.

Majestatea Sa, regina, se va îndrepta de la Viena la Neuwied.

Înainte de revenirea la Sinaia, care va avea loc în preajma datei de 6 septembrie, Majestățile Lor vor fi prezenți la căsătoria nepotului regelui, prințului Albert de Flandra[2] cu fiica ducelui Carol de Bavaria[3].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 139–139 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Bad Ragaz.

[2] Prințul Albert Léopold Clément Marie Meinrad (1875–1934), principe moștenitor al Belgiei și viitor rege, Albert I (1909–1934).

[3] Elisabeth Gabrielle Valérie Marie de Wittelsbach (1876–1965), fiica ducelui de Bavaria, Karl Theodor, și a Mariei Josepha de Portugalia, fiica regelui portughez exilat Miguel I. Viitoarea regină a Belgiei, Elisabeta (1909–1934).

44

Синая, 17 августа 1900 г., № 30. Сомов – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Первоначальные заявления румынского Министерства после убийства Михэйляну о намерении его держаться умеренного образа действия по отношению Болгарии и не поддаваться влиянию оппозиционной, крайне воинственной печати, круто изменились с тех пор, как ему удалось заручиться поддержкой.

Турция, отношения с которой были натянутыми вследствие таможенной войны[1], была, по-видимому, крайне польщена обращением к ней Румынии, как к сюзерену Болгарии.

По крайней мере, здешний турецкий посланник, получивший, очевидно, новые инструкции, стал гораздо сговорчивее и изыскивает средства дабы достигнуть скорейшего заключения торгового соглашения, которое ожидают здесь со дня на день[2]. Одновременно министр иностранных дел Маргиломан отправляется в Константинополь для поднесения поздравления султану по случаю юбилейных праздников[3].

Министерство очень ловко воспользовалось убийством Михэйляну, доказывая, что он пал жертвой болгар исключительно вследствие отказа его и македонских румын, «самых верных подданных султана», оказывать содействие болгарской пропаганде в Македонии. Поэтому здесь все уверены, что господину Маргиломану удастся добиться новых милостей султана для его румынских подданных.

Такой быстрый переворот в крайне натянутых доселе отношениях Румынии и Турции[4] придал бодрости Министерству господина Карпа, которое прямо старается извлечь выгоды из дурных отношений своих с Болгарией.

С одной стороны, оно старается увеличить дешёвым способом свою популярность, как бы не сознавая, что ведёт опасную игру; с другой стороны, не давая успокоиться негодованию в населении против Болгарии, а напротив, поддерживая такое настроение, оно отвлекает общественное мнение от главного, насущного вопроса – улучшения финансов.

Вступая в управление, господин Карп заявил, что на другой же день у него будут деньги. Но обещание это до сего времени не выполнено, и казна совершенно пуста. Пререкания с Болгарией в этом отношении на руку Министерству. Но оппозиционная печать уже постигла игру правительства, и я долгом считаю представить у сего на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства вырезку из появившейся в газете „l'Indépendance Roumaine" статьи[5], верно оценившей образ действия настоящего Министерства.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 141–143.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Румынско-турецкая таможенная война, развязавшаяся после истечения коммерческого соглашения, заключённого в 1898 г. сроком на 2 года, привела к серьёзному усилению напряжённости в экономических отношениях между двумя государствами. Порта ввела запретительные таможенные тарифы в отношении румынских товаров, а румынская сторона ответила на это жёстким ограничением импорта из Османской империи. Это ударило прежде всего по экспорту румынского зерна, муки, алкоголя и древесины. См. подробнее: Rachieru S. *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat: Relații otomano-române între anii 1878 și 1908.* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2018. P. 147 etc.

[2] Прямым результатом переговоров стало временное коммерческое соглашение, заключённое сроком на 10 месяцев, которое должно было истечь 1 июля 1901 г. В этот период должны были проходить переговоры в целях заключения долгосрочного коммерческого соглашения. Порта обязалась отменить дифференцированный таможенный тариф для румынских товаров, а Румыния – отменить репрессивные таможенные меры в отношении османского импорта. См. подробнее: „L'Indépendance Roumaine". 1900. 17/30 august. № 7217. P. 1. Усилия османского посланника в Бухаресте Киазым-бея в целях сглаживания румыно-турецкого таможенного конфликта и заключения нового коммерческого соглашения между двумя государствами получили признание румынского правительства. В результате османский дипломат был награждён 19 августа 1900 г. орденом Короны Румынии с лентой. См: „Adevărul". Anul XIII. 1900. 19 august. № 3974. P. 1.

[3] Речь идёт об отмеченном с большой помпой 25-летнем юбилее восхождения на трон султана Абдул Хамида II, на который были приглашены высокопоставленные представители большинства европейских государств. По этому случаю в румынской прессе появились хвалебные статьи в адрес султана, напр.: *„Юбилей Абдул Хамида"* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 21 august. № 3976. P. 1–2. 21 августа султан дал А. Маргиломану официальную аудиенцию. По этому случаю обе стороны отметили дружеские отношения, установившиеся между странами после разрешения существовавших таможенных проблем. См.: *D. Marghiloman în Constantinopol* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 22 august. № 3977. P. 3.

[4] См. подробно: Rachieru S. *Op. cit.*

[5] *Nos officieux et le conflit bulgare* // „l'Indépendance Roumaine". Bucarest, 1900. 17 août. № 30. Не публикуется.

Sinaia, 17 august 1900, nr. 30. Somov către contele Lamsdorff

Cu o anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Declarațiile inițiale făcute de guvernul român după asasinarea lui Mihăileanu, despre intenția de a urma un mod calm de acțiune în privința Bulgariei și de a nu se lăsa influențat

de presa de opoziție extrem de belicoasă, s-au schimbat radical din momentul în care a reușit să obțină susținere.

Turcia, ale cărei relații cu România erau tensionate din cauza războiului vamal[1], se pare că a fost extrem de flatată când aceasta i s-a adresat ca la un suzeran al Bulgariei.

Cel puțin trimisul turc de aici, care se pare că primise noi instrucțiuni de a fi mult mai binevoitor, caută mijloace pentru a reuși să obțină cât mai curând încheierea acordului comercial, așteptat aici de la o zi la alta[2]. Totodată, ministrul Afacerilor Străine, Marghiloman, va pleca la Constantinopol ca să-l felicite pe sultan cu ocazia jubileului[3].

Guvernul a profitat cu multă dibăcie de pe urma asasinării lui Mihăileanu, demonstrând că acesta a căzut victimă a bulgarilor doar din cauza că refuzase, el și românii macedoneni, „cei mai devotați supuși ai sultanului" să contribuie la răspândirea propagandei bulgare în Macedonia. De aceea, aici toți sunt convinși că domnul Marghiloman va reuși să obțină de la sultan noi concesii pentru supușii săi români.

O astfel de schimbare rapidă în relațiile extrem de tensionate de până acum dintre România și Turcia[4] a ameliorat starea de spirit a guvernului domnului Carp, care, în mod direct, încearcă să tragă foloase de pe urma relațiilor sale proaste cu Bulgaria.

Pe de o parte, el caută să-și sporească popularitatea prin mijloace ieftine, de parcă nu ar realiza că joacă un joc periculos; pe de altă parte, nepermițând ca indignarea populației față de Bulgaria să se potolească, ci dimpotrivă, menținând această stare de spirit, el distrage opinia publică de la principala provocare vitală – ameliorarea finanțelor.

Intrând la guvernare, domnul Carp a declarat că, chiar în ziua următoare, el va avea surse financiare. Însă, această promisiune nu este îndeplinită nici până în prezent, iar vistieria este complet goală. În această privință, disputele cu Bulgaria sunt în folosul guvernului. Însă, presa de opoziție și-a dat seama de jocul guvernului, iar eu mă simt obligat să prezint atenției Luminăției Voastre un extras dintr-un articol apărut în ziarul „l'Indépendance Roumaine"[5], care evaluează corect modul de acțiune al guvernului actual.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 141–143.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Războiul vamal româno-turc, izbucnit după expirarea convenției comerciale încheiate în anul 1898 pe o durată de doi ani, a dus la tensionarea serioasă a relațiilor economice dintre cele două țări. Poarta Otomană a impus tarife vamale prohibitive la adresa mărfurilor românești, iar partea română a răspuns prin limitarea drastică a importurilor otomane. Au fost afectate mai ales exporturile românești de cereale, făină, alcool și lemn. A se vedea detalii la: Silvana Rachieru, *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat: Relații otomano-române între anii 1878 și 1908,* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2018, p. 147 și urm.

[2] Negocierile au avut drept rezultat un acord comercial provizoriu, încheiat pe o durată de zece luni, care urma să expire la 1 iulie 1901. În această perioadă, urmau să se desfășoare tratative pentru încheierea unui tratat comercial pe termen lung. Poarta se obliga să abroge tariful său vamal diferențiat pentru mărfurile românești, iar România să anuleze măsurile vamale represive în raport cu importurile otomane. A se vedea detalii în: „L'Indépendance Roumaine", nr. 7217, 17 / 30 august 1900, p. 1. Eforturile trimisului otoman la București, Kazym-Bey, pentru aplanarea conflictului vamal româno-turc și pentru negocierea unui nou acord comercial între cele două țări au fost recunoscute de către guvernul român. Astfel, diplomatul otoman a fost decorat, la 19 august 1900, cu cordonul Ordinului Coroana României. A se vedea: „Adevărul", anul XIII, nr. 3974, 19 august 1900, p. 1.

[3] Este vorba despre jubileul de 25 de ani de la urcarea pe tron a sultanului Abdul Hamid II, sărbătorit cu fast, la care au fost invitați demnitari din majoritatea statelor europene. Cu această ocazie, în presa română au apărut articole elogioase la adresa sultanului (de exemplu, în ziarul „Adevărul" din 21 august 1900: „Jubileul

lui Abdul Hamid", „Adevărul", anul XIII, nr. 3976, 21 august 1900, p. 1–2). Pe 21 august, Al. Marghiloman a fost primit de sultan în audiență oficială. Cu această ocazie, ambele părți au suibliniat „amiciția" ce se instaurase în relațiile bilaterale după rezolvarea tensiunilor recente. A se vedea: *D. Marghiloman în Constantinopol*, în „Adevărul", anul XIII, nr. 3977, 22 august 1900, p. 3.

[4] A se vedea detalii la: Silvana Rachieru, *Diplomați și supuși otomani în Vechiul Regat*.

[5] Articolul *Nos officieux et le conflit bulgare*, Bucarest, № 30, 17 août 1900. Nu se publică.

45

Бухарест, 21 августа 1900 г., № 31. Сомов – графу Ламсдорфу

Секретно. Одно приложение

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Посещение королём Карлом императора австрийского в Ишле[1] произвело успокаивающее влияние на общественное мнение в Румынии и умерило вызывающий тон, первоначально принятый правительством.

Насколько можно судить из проскользнувших в газетные телеграммы известий, королю Карлу была обещана поддержка для улажения недоразумений с Болгарией, но вместе с тем и преподан совет сохранять спокойствие и умеренность.

Указания эти заставили румынское правительство круто изменить свой образ действия. По крайней мере, в правительственных газетах, как Вашему Сиятельству благоугодно будет усмотреть из представляемой у сего вырезки из газеты «Roumanie»[2], на другой же день появились сообщения, не только проникнутые более примирительным духом, но и предостерегающие от увлечений и ложных известий.

Что румынское правительство на этот раз не намерено ограничиться одними словами, но решилось избегать всяких прямых вызовов, лучше всего доказывается появившимся сообщением, что в видах экономии военное министерство решило отменить большие осенние манёвры и ограничиться небольшими местными учениями всего одной дивизии.

Министр-президент, с которым я виделся на другой день после свидания в Ишле, был настроен крайне миролюбиво. Он первый, как бы стараясь защитить себя от обвинений, стал доказывать мне, что он далёк от мысли действовать вызывающим образом по отношению к Болгарии.

«Мы обратились, заявил мне Карп, к Турции, как к сюзерену Болгарии; затем к России, как к державе-покровительнице княжества. Мы добиваемся одного – чтобы Болгарии запретили производить охоту на людей в Румынии. Мы вполне полагаемся на мудрость держав, сами же не двигали ни одного солдата и любуемся только как болгары, вероятно, для нашего устрашения, катают взад и вперёд пушки вдоль берегов Дуная. Но мы останемся хладнокровны до тех лишь пор, пока не зайдёт речь об увеличении болгарской территории. Допустить Великой Болгарии мы не можем и, какое бы ни было в то время правительство в Румынии, страна восстанет как один человек».

В заключение господин Карп, не стесняясь, с радостью заявил мне, что, по полученным им сведениям, дипломатический агент наш в Софии уже получил строгий выговор от императорского министерства.

Вообще откровенность составляет главное качество и недостаток румынского министра-президента.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 146–148.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Встреча в Ишле действительно породила большие надежды у румынского общественного мнения, найдя широкое освещение в бухарестской прессе. Визит был оценён как несомненный дипломатический успех короля Карла I, который заручился поддержкой Австро-Венгрии в румынско-болгарском конфликте. Газета „Adevărul", например, перепечатала 20 августа статью из венской ежедневной газеты „Neue Freie Presse", которая утверждала: «Румынское правительство, основываясь на собранных доказательствах, по праву требует отклика на чувства румынского народа и в то же время отобьёт у агентов Македонского комитета охоту проводить патриотическую политику с помощью кинжала и револьвера. Выдвигая это требование, Румыния может быть уверена в поддержке государств, заключивших Тройственный союз». См.: *Vizita Regelui Carol la Ischl: Judecată de presa străină* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 20 august. № 3975. P. 1.

[2] *Exagérations* // „Roumanie". 1900. 21 août. № 31. Не публикуется.

București, 21 august 1900, nr. 31. Somov către contele Lamsdorff

Secret. Cu o anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Vizita regelui Carol făcută împăratului austriac la Ischl[1] a avut o influență liniștitoare asupra opiniei publice din România și a moderat tonul belicos adoptat inițial de guvern.

În măsura în care se poate judeca din știrile strecurate în telegramele din ziare, regelui Carol i s-a promis că va fi susținut în rezolvarea neînțelegerilor cu Bulgaria, dar, totodată, i s-a oferit sfatul de a-și păstra calmul și de a da dovadă de reținere.

Aceste indicații au obligat guvernul să-și schimbe radical modul de acțiune. Cel puțin, în ziarele guvernamentale, așa cum Luminăția Voastră va putea să observe în extrasul din ziarul „Roumanie"[2], anexat acestui raport, în ziua următoare au apărut mesaje nu numai impregnate cu un spirit de reconciliere, dar și care avertizează asupra exagerărilor și știrilor false.

Faptul că Guvernul român, de data aceasta, nu are de gând să se limiteze doar la simple vorbe, însă hotărându-se să evite orice provocare directă, este cel mai bine demonstrat de informația apărută, potrivit căreia ministerul de Război, cu scopul de a economisi, a hotărât să anuleze manevrele de toamnă și să se limiteze la exerciții militare locale, de mică amploare, ale unei singure divizii.

Prim-ministrul, cu care m-am văzut a doua zi după întâlnirea de la Ischl, a afișat o atitudine extrem de pacifistă. El a fost primul care, de parcă ar fi încercat să se apere de acuzații, a început să-mi demonstreze că nici pe departe nu se gândește să acționeze într-un mod provocator față de Bulgaria.

„Ne-am adresat Turciei, mi-a spus Carp, ca la un suzeran al Bulgariei; apoi Rusiei, ca la o putere protectoare a principatului. Noi urmărim un singur lucru – ca Bulgariei să-i fie interzisă vânătoarea de oameni în România. Noi ne bazăm întru totul pe înțelepciunea puterilor, și nu am mobilizat nici un soldat, noi doar admirăm cum bulgarii plimbă tunurile înainte și înapoi de-a lungul malurilor Dunării. Noi ne vom păstra sângele rece doar până

când va veni vorba de mărirea teritoriilor bulgare. Nu ne putem permite apariția Bulgariei Mari, și indiferent de guvernul care va fi la conducere în acel moment în România, țara se va ridica până la ultimul om".

În concluzie, domnul Carp, fără ca să se sfiască, mi-a spus că, potrivit informațiilor primite, agentul nostru diplomatic de la Sofia a primit deja o mustrare aspră de la guvernul imperial.

În general, sinceritatea este calitatea și totodată neajunsul principal al prim-ministrului român.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 146–148.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Întrevederea de la Ischl a trezit, într-adevăr, mari așteptări în sânul opiniei publice românești, fiind reflectată pe larg în presa bucureșteană. Vizita a fost considerată un succes diplomatic indubitabil al regelui Carol I, care a obținut sprijinul Austro-Ungariei pentru poziția românească în conflictul româno-bulgar. Ziarul „Adevărul" din 20 august, de exemplu, reproducea un articol din cotidianul vienez „Neue Freie Presse", care afirma, între altele: „Guvernul român cere, sprijinit pe dovezile adunate, cu drept o satisfacțiune care să răspundă simțămintelor poporului român și, în același timp, să taie pofta agenților comitetului macedonean de a continua o politică patriotică cu pumnalul și revolverul. În această cerere, România poate fi sigură de a avea sprijinul statelor semnatare [ale Triplei Alianțe]". A se vedea: *Vizita Regelui Carol la Ischl: Judecată de presa străină*, în „Adevărul", anul XIII, nr. 3975, 20 august 1900, p. 1.

[2] Articolul *Exagérations*, Bucarest, №31, 21 août. Nu se publică.

46

Бухарест, 30 августа 1900 г., № 36. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На следующий день по возвращении в Бухарест из разрешённого мне отпуска, я имел свидание с королевским министром иностранных дел.

Господин Маргиломан сообщил мне некоторые подробности обнаруженных судебной властью замыслов болгар-убийц профессора Михэйляну. По сему поводу вновь был допрошен Трифонов, главный соумышленник убийц Фитовского[1], а также и болгарин Богданов, соучастник в убийстве Михэйляну.

После долгих колебаний и в надежде на смягчение наказания, Трифонов решился показать всё известное ему о замыслах заговорщиков и заявил, что наряду с уже совершёнными убийствами, 29 минувшего июня должно было произойти покушение одновременно на жизнь короля Карла и короля Александра сербского[2].

Гнусное покушение это должно было совершиться по настоянию председателя Македонского комитета в Софии Сарафова, который в письме, найденном у Трифонова, пишет, что кроме убийства Фитовского, не следует забывать того, особенно важного решения, о котором им было словесно сообщено Трифонову, во время приезда его в Румынию в последний раз в январе сего года.

Трифонов сознался, что в этот приезд Сарафова в Бухарест, между ними и Богдановым состоялось совещание по поводу деятельности секретного болгарского комитета в Бухаресте, причём Сарафов сообщил им о своём умысле, прибавив, что если никто из приверженцев комитета не осмелится посягнуть на королевскую жизнь, то он сам выполнит свой злодейский план.

Приступив к допросу Богданова, судебный следователь предуведомил его о полном сознании Трифонова касательно замысла о покушении на жизнь Его Величества, вследствие чего, при очной ставке обоих, воспоследовало обоюдное сознание.

Показаниями этими вполне обнаружена виновность Сарафова и вся преступная деятельность Болгарско-македонского комитета.

Королевская судебная власть изготовляет в настоящее время постановление, касающееся: 1) организации секретных болгарских комитетов в Румынии, убийств Фитовского в феврале сего года, а равно и профессора Михэйляну; 2) заговора против короля Карла и короля сербского и 3) предания виновных суду.

В заключение беседы, господин Маргиломан выразил надежду, что княжеское правительство не замедлит дать ход этому делу и что тем закончатся пререкания между Румынией и Болгарией.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 168–170.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Речь идёт об убийце Кирилла Фитовского Бойчо Илиеве. См. также док. № 33 от 7 февраля 1900 г.

[2] Определённая информация о предполагаемом заговоре против короля Карла, готовившемся Центральным Македонским комитетом, циркулировала в румынской прессе ещё в первой половине августа. Так, 14 августа в газете „Adevărul" было опубликовано сообщение, будто этот заговор якобы был организован «тремя болгарами» во главе с одним из «агентов Сарафова» по фамилии Икономов. Согласно этой информации, как король Карл, так и по меньшей мере два иностранных посланника в Бухаресте – русский, Фонтон, и османский, Киазым-бей – якобы были информированы о запланированном покушении, но правительство якобы опровергло эту информацию по просьбе короля, который настаивал на максимальной секретности. Покушение должно было состояться 10 мая, в день рождения короля, но Икономов и его сообщники были высланы. Эта статья явилась частью яростной антиболгарской кампании, развязанной в прессе, в ходе которой болгары были названы «опасными гостями». Статья использовала также выражения типа «правительство бандитов» и «дикари из Софии», подпитывая таким образом болгарофобские тенденции в общественном мнении: *Complotul contra Regelui Carol: Amănunte noui* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 14 august. № 3969. P. 1.

București, 30 august 1900, nr. 36. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În ziua următoare după întoarcerea mea la București din concediul care mi-a fost acordat, am avut o întâlnire cu ministrul Regal al Afacerilor Străine.

Domnul Marghiloman mi-a comunicat unele detalii despre planurile bulgarilor ucigași ai profesorului Mihăileanu descoperite de organele de cercetare penală. Din această

cauză, iarăşi a fost interogat Trifonov, complicele principal al ucigaşului lui Fitovski[1], precum şi bulgarul Bogdanov, unul dintre participanţii la asasinarea lui Mihăileanu.

După lungi ezitări şi în speranţa că îi va fi uşurată pedeapsa, Trifonov s-a hotărât să mărturisească tot ce ştie despre planurile conspiratorilor şi a declarat că, alături de asasinatele comise deja pe 29 iunie trecut, ar fi trebuit să aibă loc un atentat asupra regelui Carol şi, totodată, a regelui Alexandru al Serbiei[2].

Acest atentat odios ar fi trebuit să fie organizat la cererea preşedintelui Comitetului macedonean din Sofia, domnului Sarafov, care, în scrisoarea găsită la Trifonov, scrie că, în afară de asasinarea lui Fitovski, acesta nu trebuie să uite de acea decizie deosebit de importantă despre care el i-a comunicat verbal lui Trifonov, când venise în România pentru ultima dată în luna ianuarie a anului curent.

Trifonov a recunoscut că în timp ce Sarafov se afla la Bucureşti, între ei şi Bogdanov a avut loc o consfătuire privind activitatea Comitetului secret bulgar din Bucureşti, ocazie cu care Sarafov le-a comunicat intenţia sa, adăugând că, în cazul în care nici unul dintre adepţii comitetului nu va avea curajul să atenteze la viaţa regelui, atunci el va fi cel care va îndeplini planul său scelerat.

Procedând la interogarea lui Bogdanov, anchetatorul l-a prevenit că Trifonov a mărturisit totul despre planul de atentat asupra Majestăţii Sale, apoi, fiind confruntaţi, ambii au recunoscut faptele săvârşite.

Datorită acestor mărturii a fost dovedită pe deplin vinovăţia lui Sarafov şi toată activitatea criminală a Comitetului bulgaro-macedonean.

Organele de cercetare penală din regat elaborează în momentul de faţă o decizie, privind: 1) organizarea comitetelor secrete bulgare în România şi asasinarea lui Fitovski în luna februarie a anului curent, precum şi a profesorului Mihăileanu; 2) comploturile împotriva regelui Carol şi a regelui sârb şi 3) aducerea vinovaţilor în faţa judecăţii.

La încheierea conversaţiei domnul Marghiloman şi-a exprimat speranţa că guvernul princiar de la Sofia nu va amâna să dea curs în continuare acestui caz şi că, odată cu aceasta, disputele dintre România şi Bulgaria vor lua sfârşit.

Cu profundă consideraţie şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 168–170.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Este vorba despre asasinul lui Kiril Fitovski, Bojčo Iliev. A se vedea şi doc. nr. 33 din 7 februarie 1900.

[2] Anumite informaţii despre prezumtivul complot împotriva regelui Carol plănuit de Comitetul Suprem Macedonean circulau în presa românească încă din prima jumătate a lunii august. Astfel, pe data de 14 august în ziarul „Adevărul" era publicată o relatare care încerca să demonstreze că acest complot ar fi fost organizat de „trei bulgari", în frunte cu unul dintre „agenţii lui Sarafov", un anume Ikonomov. Conform acestor informaţii, atât regele Carol cât şi cel puţin doi trimişi străini la Bucureşti – cel rus, Fonton, şi cel otoman, Kazym-Bey – ar fi fost informaţi despre atentatul planificat, dar guvernul ar fi dezminţit informaţiile la cererea regelui, care insista pe maximă discreţie. Atentatul ar fi urmat să aibă loc pe 10 mai, de Ziua Regelui. Ikonomov şi complicii săi ar fi fost expulzaţi. Acest articol făcea parte din violenta campanie anti-bulgară declanşată în presă, bulgarii fiind calificaţi drept „musafiri primejdioşi". Articolul folosea şi invective precum „guvern de bandiţi" şi „sălbaticii de la Sofia", alimentând astfel tendinţele bulgarofobe din opinia publică: *Complotul contra Regelui Carol: Amănunte noui*, în „Adevărul", anul XIII, nr. 3969, 14 august 1900, p. 1.

47

Бухарест, 30 августа 1900 г., без номера. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В беседе со мной господин Маргиломан высказался, что ввиду состоявшегося коммерческого согласия и вообще предупредительности Оттоманской Порты, он имеет полное основание быть довольным пребыванием своим в Константинополе[1]. Действительно, вся выгода этого соглашения на стороне Румынии, вывоз которой в Турцию достигает 10 миллионов франков, тогда как ввоз этой последней в королевство не превышает миллиона[2].

Так как собеседник мой несколько раз с удовольствием отзывался о сговорчивости Турции, я счёл возможным запросить его: не был ли им вновь возбуждён вопрос об осуществлении известных пожеланий бухарестского правительства касательно учреждения в Македонии трёх румынских епархий. Министр ответил, что он не признал пока своевременным затрагивать этот вопрос, на его взгляд, неудачно поставленный либеральным кабинетом.

Но господину Маргиломану удалось заручиться обещанием турецкого правительства оказать королевству деятельную поддержку в деле о румынских школах в Македонии, и здесь надеются, что вскоре будет положен конец тому хаосу и неурядице, в котором находится организация этих школ[3]. Это любимая здесь мысль, которая порождает надежду основать, таким образом, в Македонии рассадник руманизма среди куцо-влахов, в противодействие притязаниям Болгарии, Сербии и Греции.

Пред окончанием беседы министр высказал своё горячее сочувствие взгляду Вашего Сиятельства на неотложную необходимость принять всесторонние меры для борьбы с анархизмом[4] и предположенным с этой целью совокупным усилиям всех цивилизованных государств.

В заключение считаю долгом не обойти молчанием нижеследующее: в начале сего месяца прибыл в Бухарест чрез Зимницу некий Дашев, болгарский подданный, с письмом бывшего болгарского эмигранта в России, майора Германова, к нашему военному агенту подполковнику Леонтовичу[5]. Румынская полиция, зорко наблюдая за приезжающими болгарами, проследила Дашева, который, не имея возможности передать письмо по назначению за отсутствием подполковника Леонтовича, предпринял обратный путь в Рущук чрез Журжево, где и был задержан местной полицией.

По сведениям, только что дошедшим до миссии, оказывается, что при Дашеве было найдено вышеупомянутое письмо, зашитым в его одежде, и содержащее, будто бы, просьбу майора Германова к подполковнику сообщить сведения касательно предполагаемой мобилизации румынской армии.

Нельзя не признать благополучной случайность, что приезд названного болгарина совпал с отсутствием из Бухареста подполковника Леонтовича; вместе с тем было бы излишне настаивать на бестактности и крайней неуместности подобного обращения болгарского офицера к нашему военному агенту, в особенности при настоящих обстоятельствах.

В день свидания с министром иностранных дел мне не было известно о вышеизложенном, и собеседник мой имел деликатность не упоминать об этом случае,

о котором одна из местных газет выражается в самом сдержанном тоне, замечая лишь, что упомянутое письмо было адресовано какому-то проживающему в Бухаресте русскому подданному.

Если решаюсь довести о сём до сведения Вашего Сиятельства, то это в предположении, что, быть может, Вы изволите признать целесообразным передать о случившемся в Софию, дабы обращения за подобными справками вновь не повторялись.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 172–175 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Наряду с подписанием предварительного коммерческого соглашения А. Маргиломан во время своей поездки в Стамбул принял участие в официальной церемонии, посвящённой 25-летнему юбилею интронизации султана Абдул Хамида II. Консервативная пресса позитивно оценивала эту поездку, чего нельзя сказать про оппозиционную либеральную прессу, которая демонстрировала довольно сдержанный и даже враждебный подход к стратегии правительства в отношении Османской империи, и в частности, к его линии в «македонском вопросе». См., напр., статью в которой был резко раскритикован Таке Ионеску: *Choses de Macédoine* // „L'Indépendance Roumaine". 1900. 29 august / 11 septembrie. № 7229. P. 1.

[2] Румынская сторона действительно получила больше выгоды вследствие урегулирования румынско-османского торгового спора. Ведь румынская торговля понесла значительные потери, был затронут прежде всего экспорт румынского зерна, муки, древесины.

[3] Консервативное правительство настаивало на том, что его стратегия разрешения «македонского вопроса» была бы намного эффективнее, чем у его либеральных предшественников, которые потерпели неудачу в своих попытках добиться определённых уступок со стороны османского правительства и Вселенской Патриархии. Одним из «козлов отпущения» за провал румынской школьной политики в Македонии стал Апостол Мэргэрит (1832–1903), активный проводник арумынского движения и инспектор румынских школ в Македонии на протяжении многих десятилетий. Его отправили на пенсию в конце августа 1900 г. в контексте усиления напряжённости вокруг «македонского вопроса». Этот факт приветствовали, среди прочих, газеты „Timpul" и „Adevărul": *Destituirea lui Apostol Mărgărit* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 26 august. № 3981. P. 2.

[4] Борьба с анархизмом снова стала важной заботой для великих держав, особенно России, в контексте убийства короля Италии Умберто I (1844–1900) анархистом Гаэтано Бреши 29 июля 1900 г. Румынская пресса широко освещала это событие и процесс по делу Бреши, который произвёл глубокое впечатление на общественное мнение Королевства. См., напр.: *Procesul Bresci* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 18 august. № 3973. P. 2.

[5] Евгений Александрович Леонтович.

București, 30 august 1900, fără număr. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Într-o conversație, domnul Marghiloman mi-a spus că, având în vedere încheierea acordului comercial și, în general, amabilitatea Porții Otomane, el are toate motivele să fie mulțumit de șederea sa la Constantinopol[1]. Într-adevăr, toate câștigurile derivate din acest acord sunt de partea României, al cărei export în Turcia atinge cifra de 10 milioane de franci, în timp ce importul în regat nu depășește un milion[2].

Întrucât interlocutorul meu și-a exprimat de câteva ori satisfacția față de disponibilitatea la dialog a Turciei, am considerat de cuviință să-l întreb dacă el a ridicat chestiunea

legată de îndeplinirea doleanțelor cunoscute ale guvernului român privind instituirea a trei eparhii române în Macedonia. Ministrul mi-a răspuns că nu consideră că a venit momentul potrivit pentru a discuta această chestiune, care, după părerea lui, a fost prost formulată de către Cabinetul liberal.

Dar, domnul Marghiloman a reușit să obțină promisiunea guvernului turcesc de a acorda regatului un sprijin activ în chestiunea școlilor române din Macedonia, și aici se speră că, în curând, se va pune capăt haosului și dezordinii care stăpânesc organizarea acestor școli[3]. Acesta este gândul preferat al celor de aici, care naște speranța că, astfel, în Macedonia vor fi puse bazele unei pepiniere a românismului printre cuțo-vlahi, în contrapondere la pretențiile Bulgariei, ale Serbiei și ale Greciei.

Înainte de a încheia conversația, ministrul și-a exprimat asentimentul fierbinte față de punctul de vedere al Luminăției Voastre privind necesitatea urgentă de a se lua măsuri complexe pentru combaterea anarhismului[4] și față de eforturile concertate, pentru aceasta, ale tuturor statelor civilizate.

În încheiere, consider de datoria mea să nu trec cu vederea următoarele: la începutul acestei luni a venit la București, trecând prin Zimnicea, un oarecare Dașev, supus bulgar, cu o scrisoare de la un fost emigrant bulgar stabilit în Rusia, maiorul Ghermanov, adresată agentului nostru militar, locotenent-colonelului Leontovici. Poliția română, urmărindu-i cu vigilență pe bulgarii trecuți în regat, l-a urmărit pe Dașev, care, neavând posibilitatea să transmită scrisoarea destinatarului, din cauza absenței locotenent-colonelului Leontovici, s-a întors la Ruse prin Giurgiu, unde a fost reținut de poliția locală.

Potrivit datelor, tocmai ajunse la misiune, s-a constatat că asupra lui Dașev a fost găsită scrisoarea mai sus menționată, cusută în îmbrăcămintea lui, în care, chipurile, maiorul Ghermanov îl roagă pe locotenent-colonel să-i comunice unele informații privind presupusa mobilizare a armatei române.

Nu poate fi considerată nefericită coincidența că sosirea bulgarului nechemat s-a suprapus pe absența locotenent-colonelului Leontovici[5] din București; cu toate acestea, ar fi în plus să se mai atragă atenția asupra lipsei de tact și a inoportunității evidente a adresării ofițerului bulgar către agentul nostru militar, mai ales având în vedere circumstanțele actuale.

În ziua întâlnirii cu ministrul Afacerilor Străine nu aveam cunoștință de cele menționate mai sus, iar interlocutorul meu a avut delicatețea de a nu aminti acest caz, despre care unul dintre ziarele locale scrie într-un ton extrem de reținut, observând doar că scrisoarea menționată a fost adresată unui oarecare cetățean rus care locuiește în București.

Faptul că m-am hotărât să aduc la cunoștința Luminăției Voastre despre toate acestea se datoarează presupunerii mele că Dumneavoastră s-ar putea să considerați potrivit să comunicați la Sofia despre cele întâmplate, ca să nu se mai repete solicitarea de astfel de informații.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 172–175 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pe lângă încheierea acordului comercial provizoriu, Al. Marghiloman a participat, în timpul călătoriei sale la Constantinopol, și la ceremoniile oficiale legate de celebrarea jubileului de 25 de ani de la urcarea pe tron a sultanului Abdul Hamid II. Dacă presa conservatoare a avut o atitudine pozitivă față de această deplasare, nu același lucru se poate spune despre presa liberală, de opoziție, care avea o abordare rezervată și chiar ostilă față de strategia guvernului în raport cu Imperiul Otoman și, în speță, față de „chestiunea macedoneană”. A se vedea, de exemplu, articolul *Choses de Macédoine*, în care era criticat dur Take Ionescu: „L'Indépendance Roumaine”, nr. 7229, 29 august / 11 septembrie 1900, p. 1.

[2] Partea română a avut, într-adevăr, mai mult de câștigat în urma aplanării diferendului comercial româno-otoman. Comerțul românesc suferise pierderi semnificative. Au fost afectate mai ales exporturile românești de cereale, făină, alcool și lemn.

[3] Guvernul conservator insista că strategia sa de rezolvare a „chestiunii macedonene” ar fi fost mult mai eficientă decât a predecesorilor săi liberali, care eșuaseră în încercarea de a obține anumite concesii din partea guvernului otoman și a Patriarhiei Ecumenice. Unul dintre „țapii ispășitori” pentru eșecul politicii școlare românești în Macedonia a fost Apostol Mărgărit (1832–1903), promotor activ al cauzei aromâne și inspector al școlilor românești din Macedonia timp de mai multe decenii. Mărgărit a fost pensionat la sfârșitul lunii august a anului 1900, în contextul creșterii tensiunii din jurul „chestiunii macedonene”. Acest fapt a fost salutat, printre altele, de ziarele „Timpul” și „Adevărul”: *Destituirea lui Apostol Mărgărit*, în „Adevărul”, anul XIII, nr. 3981, 26 august 1900, p. 2.

[4] Combaterea anarhismului devenise din nou o preocupare importantă a Marilor Puteri, inclusiv a Rusiei, în contextul asasinării regelui Italiei, Umberto I (1844–1900), de către anarhistul Gaetano Bresci. Monarhul italian fusese asasinat la 29 iulie 1900. De altfel, presa română a reflectat pe larg acest eveniment și procesul lui Bresci, care făcuse o impresie profundă asupra opiniei publice din Regat. A se vedea, de exemplu: *Procesul Bresci*, în „Adevărul”, anul XIII, nr.3973, 18 august 1900, p. 2.

[5] Evgheni Alexandrovici Leontovici.

48

Санкт-Петербург, 7 сентября 1900 г. № 151. Ламсдорф – Фонтону

Телеграмма. Лично

По сообщениям иностранных газет, румынское правительство имеет будто бы в виду заменить здешнего посланника своего другим лицом. Известие это сильно встревожило престарелую мать госпожи Росетти[1] – О.Е. Гирс[2].

Благоволите осторожно проверить известие и доверительно дать понять министру иностранных дел, что Государь Император всегда выражал полное благоволение своё к нынешнему румынскому посланнику и что отозвание господина Росетти, прилагавшего все старания к поддержанию добрых отношений между обоими правительствами, произведёт тяжёлое впечатление в Санкт-Петербурге[3].

Граф Ламсдорф.

АВПРИ, Фонд 145 Румынский стол, Опись 498, Дело 760, Лист 2.

[1] Ольга Николаевна Росетти-Солеску (Гирс). Дочь Ольги Егоровны Гирс и Николая Карловича Гирса. Жена Г. Росетти-Солеску. См.: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică…* P. 14.

[2] Ольга Егоровна Гирс (Кантакузен) (1830–1903). Дочь Егора (Георгия) Матвеевича Кантакузена от брака с Еленой Михайловной Горчаковой (сестрой канцлера А. М. Горчакова) См.: Толмачёв Е. *Александр III и его время.* М., Терра-Книжный клуб, 2007. С. 442.

[3] См. подробнее: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică.* P. 21–22.

Sankt Petersburg, 7 septembrie 1900. Nr. 151. Lamsdorff către Fonton

Telegramă. Personal.

Conform unor informații ale ziarelor din străinătate, guvernul român ar avea, chipurile, în vedere să îl înlocuiască pe trimisul său de aici cu o altă persoană. Această știre a îngrijorat-o foarte mult pe bătrâna mamă a doamnei Rosetti[1] – O. E. Giers[2].

Vă rog să binevoiți să verificați, în mod atent și discret, această știre și să îi dați de înțeles, în mod confidențial, ministrului Afacerilor Străine că Majestatea Sa Împăratul și-a exprimat întotdeauna întreaga și deplina bunăvoință față de trimisul actual al României și că rechemarea domnului Rosetti, care a depus toate eforturile în scopul menținerii unor relații bune și amicale între cele două guverne, va crea o impresie dureroasă și penibilă la Sankt Petersburg[3].

Contele Lamsdorff.

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 760, fila 2.

---

[1] Olga N. Rosetti-Solescu (Giers). Fiica Olgăi E. Giers și a lui Nikolai K. Giers. Soția lui Gh. Rosetti-Solescu (*Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică personală și oficială (1895–1911). Petersburg*, editori Rudolf Dinu, Adrian-Bogdan Ceobanu, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2016, p. 14).

[2] Olga E. Giers (Kantakuzen) (1830–1903). Fiica lui Egor (Gheorghe) M. Kantakuzen (Cantacuzino), din căsătoria cu Elena M. Gorceakova (sora cancelarului A. M. Gorceakov) (Евгений Толмачёв, *Александр III и его время*, Москва, Терра-Книжный клуб, 2007, p. 442).

[3] Pentru detalii: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică*, p. 21–22.

49

Бухарест, 8 сентября 1900 г., № 36. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Телеграммами от 6 и 7 текущего сентября[1] я имел честь донести Вашему Сиятельству о беседах моих с временным министром иностранных дел и председателем совета господином Карпом.

К доложенному об этих беседах, долгом считаю добавить, что господин Майореску, настаивая на миролюбивом настроении бухарестского правительства, заявил, что оно никогда не допускало мысли, что возникшие недоразумения могли бы вызвать вооружённое столкновение. Королевское правительство было лишь озабочено предположением, что княжеское правительство оказалось бы бессильным сдержать стремления Македонского комитета и что могущие организоваться вооружённые шайки произвели бы вторжение в Македонию, – обстоятельство, которое повлекло бы за собой серьёзные усложнения на Балканском полуострове и могло бы вызвать дальнейшие опасные случайности.

Исключительно эти соображения сосредоточивают на себе всю заботу румынского правительства.

Господин Майореску прибавил в заключение, что Румыния тем более желает мирного улажения настоящего недоразумения, что стеснённое финансовое положение её не дозволяет ей никаких рискованных предприятий.

Господин Карп утверждал, в свою очередь, что никаких военных приготовлений не было сделано, ввиду того, что, на его взгляд, не произошло никакого столкновения собственно между королевским и княжеским правительствами.

Совершённые в Румынии болгарскими эмиссарами убийства представляют собой дело, подлежащее рассмотрению бухарестского и софийского судебных ведомств.

Произведённое здешним прокурором судебное дознание, со всеми доказательствами виновности болгар-членов Македонского комитета, по переводе всех документов на болгарский язык, будет на днях препровождено в Софию.

Как доброму соседу, княжескому правительству будет надлежать немедленно передать дело это судебной власти. Если же софийское правительство, несмотря на все улики против членов Македонского комитета, отказалось бы дать ход этому делу и привлечь к ответственности виновных, то подобный образ действия явился бы доказательством, что княжеское правительство солидарно с деяниями упомянутого комитета и что оно одобряет преступные факты, совершённые болгарами на территории соседнего государства. В таком случае, существующие недоразумения примут иной оборот, и тогда уже возникнет дело непосредственно между бухарестским и софийским правительствами.

Румыния вынуждена будет, в таком случае, прервать все сношения с болгарами и закрыть для них свою границу. Господин Карп выразился в заключение «mais alors je ne sais ce qu'il en adviendra». Я не мог не заметить ему, что его предположения не согласуются с сделанными, по видимому, заявлениями болгарских министров, что они ожидают лишь сообщения надлежащих судебных документов для привлечения к ответственности лиц замешанных в преступных деяниях на румынской территории.

Господин Карп сообщил мне также, что военным министром предписано добруджанской дивизии придерживаться крайне осторожного образа действий и вместе с тем вменить в строжайшую обязанность всем офицерам сохранять во всех случаях полное хладнокровие и воздерживаться от передачи каких-либо тревожных сведений, доходящих из-за болгарской границы, не проверив их тщательно.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 177–180.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Не публикуются.

București, 8 septembrie 1900, nr. 36. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În telegramele din 6 și 7 septembrie curent[1], am avut onoarea de a raporta Luminăției Voastre despre discuțiile mele cu ministrul interimar al Afacerilor Străine și cu președintele Consiliului, domnul Carp.

Pe lângă cele relatate despre aceste discuții, consider că este de datoria mea să adaug că domnul Maiorescu, insistând asupra atitudinii pacifiste a guvernului de la București, a declarat că acestuia nici prin minte nu i-a trecut vreodată că neînțelegerile apărute ar putea să provoace un conflict armat. Guvernul regal a fost îngrijorat doar de posibilitatea ca guvernul princiar să nu fie în stare să oprească avântul Comitetului Macedonean și că bandele armate, care ar putea să se organizeze, ar invada Macedonia – circumstanță care ar atrage după sine complicații serioase în Peninsula Balcanică și ar provoca evenimente ulterioare periculoase.

Toată grija guvernului român este concentrată doar asupra acestor considerații.

Domnul Maiorescu a adăugat în încheiere că România cu atât mai mult își dorește o rezolvare pașnică a acestei neînțelegeri și că situația ei financiară precară nu îi permite să inițieze nici o întreprindere riscantă.

Domnul Carp a afirmat la rândul său că nu a fost efectuată nici o pregătire militară, întrucât, după părerea sa, între guvernul regal și cel princiar nu a avut loc nici un conflict propriu-zis.

Asasinatele comise în România de către emisarii bulgari fac parte dintr-un dosar care urmează să fie analizat de către instanțele judecătorești de la București și Sofia. Rezultatele anchetei judiciare desfășurate de către procurorul de aici, care cuprinde toate dovezile vinovăției bulgarilor – membrilor Comitetului macedonean – vor fi trimise la Sofia zilele acestea, după ce toate documentele vor fi traduse în limba bulgară.

Așa cum i se cuvine unui bun vecin, guvernul princiar va trebui să predea imediat acest dosar organelor de cercetare penală. În cazul în care guvernul de la Sofia, în pofida tuturor dovezilor împotriva membrilor Comitetului Macedonean, ar refuza să dea curs acestui caz și să-i tragă la răspundere pe cei vinovați, atunci, un asemenea mod de acțiune ar servi drept dovadă că guvernul princiar este solidar cu faptele comitetului menționat și că acesta aprobă acțiunile criminale comise de bulgari pe teritoriul statului vecin. În acest caz, neînțelegerile existente vor lua o cu totul altă întorsătură și atunci disensiunea va deveni una directă între guvernele de la București și Sofia.

România va fi nevoită în acest caz să întrerupă toate relațiile cu bulgarii și să închidă granița pentru ei. Domnul Carp a spus în încheiere: „în acest caz nu știu ce se va întâmpla”. Nu am putut să nu îi atrag atenția asupra faptului că bănuielile lui nu corespund cu prezumtivele declarații ale miniștrilor bulgari, din care rezultă că ei așteaptă doar transmiterea documentelor de anchetă pentru a-i trage la răspundere pe cei implicați în afaceri criminale pe teritoriul României.

Domnul Carp mi-a comunicat, de asemenea, că ministrul de Război a dispus ca trupele din Dobrogea să urmeze un mod extrem de precaut de acțiune și, totodată, a ordonat tuturor ofițerilor să-și păstreze în toate cazurile sângele rece și să evite să transmită orice știri alarmante, venite de peste granița bulgară, fără ca acestea să fie verificate.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 177–180.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Nu se publică.

50

Бухарест, 9 сентября 1900 г., без №. Фонтон – Ламсдорфу

Секретно

Reçu télégramme du 8.

Председатель Совета и временный министр иностранных дел, с которыми я только что виделся, дали мне положительное заверение, что не было речи и не имеется в виду замещение Росетти[1].

АВПРИ, Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 760. Л. 3.

---

[1] См. док. № 48 от 7 сентября 1900 г.

București, 9 septembrie 1900, fără nr. Fonton către Lamsdorff

Secret

Am primit telegrama din data de 8.

Președintele Consiliului de Miniștri și ministrul interimar al Afacerilor Străine, cu care m-am întâlnit chiar acum, m-au asigurat în mod ferm și categoric că nu se are în vedere înlocuirea lui Rosetti și că nici măcar nu a fost vorba despre acest lucru[1].

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 760, fila 3.

[1] A se vedea doc. nr. 48 din 7 septembrie 1900.

51

Бухарест, 26 сентября 1900 г., № 39. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Король Карл, только что возвратившийся из заграницы, принял меня 25-го сентября в Синае в особой аудиенции.

Его Величество крайне спокойно относится к возникшим с Болгарией недоразумениям и считает их бурей в стакане воды. По мнению короля, печать обоих государств является главной виновницей происшедшего, так как она раздувала самые ничтожные происшествия, не имевшие ни малейшего значения[1].

Правда, заметил король, румынское правительство обращало внимание Болгарии на два первые убийства, совершённые на румынской территории, а равно и на убийство румынского подданного в Софии, но сделано было это с большой умеренностью. Лишь после четвёртого убийства, совершённого в самом Бухаресте, королевское правительство решилось обратить особое внимание софийского кабинета на серьёзные затруднения, которые являются следствием этой серии политических преступлений[2].

Нам необходимо было обратить внимание Болгарии на действия Македонского комитета, дабы добиться прекращения агитации его в Румынии. При этом правительство не придавало значения отзывам болгарского Министерства, по форме своей не отвечающим обычным приёмам международных сношений.

В действительности не было никакого повода к столкновению. Мы ничего не требуем от Болгарии, а желаем только ненарушения *status quo* и добрых отношений с соседним княжеством, так как наши обоюдные экономические интересы, несомненно, могут процветать лишь при условии хороших отношений. Единственно, чего мы добиваемся, это чтобы Болгария не переносила на нашу территорию тех опасных лиц, которые преследуют и у нас свои политические цели и действуют убийством.

Мы заявили о сём в Софии, будучи уверены, что там найдут возможным положить предел такому положению.

Что же касается деятельности, проявляемой центральным Македонским комитетом, то цели, им преследуемые, прямо касаются порядка, установленного

великими державами, и вследствие сего мы и сочли долгом своим довести до сведения держав об обстоятельствах, обнаруженных при производстве судебного следствия над убийцами и их соучастниками.

Судебное дело будет на днях закончено, и компетентный суд произнесёт надлежащий приговор.

Судебные власти в Софии будут иметь тогда в своих руках все улики против обвиняемых, и они будут в состоянии, на основании этих данных, сознательно постановить свой приговор.

Что же касается, присовокупил король, до определения степени виновности того или другого подсудимого или их оправдания, то этот вопрос подлежит уже решению суда в Софии.

Мы же остаёмся лишь при одном требовании, а именно, чтобы все лица, над которыми тяготеют обвинения, были преданы в Болгарии суду.

В заключение Его Величество ещё раз высказал искреннее желание своё видеть в скором времени восстановление прямодушных и дружественных сношений между обоими государствами, всегда находившимися в тесных сношениях.

Ничего нас не разделяет, заметил король, торговые сношения развиваются, и теперь большое число болгар богатеют и ведут значительные дела как в Бухаресте, так и в других городах Румынии.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 195–198.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] В книге, посвящённой кризису в румыно-болгарских отношениях в 1900 г., историк Д. Каин пишет о крайне разнузданной кампании, которая была развязана в прессе Румынии и Болгарии. В течение августа и начала сентября румынская пресса не прекращала нападок на «дикарей» и «бандитов» из Софии, она писала о «столкновениях на границе, терроре, которому подвергаются румыны в Софии, угрозах смерти, которые получал Николае Мишу». Болгарская пресса давала отпор, отвергая «с негодованием необоснованные нападки» и прилагая все усилия, чтобы защитить «имя и честь болгар». См. подробнее: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012. P. 150–167.

[2] Речь идёт о серии убийств, организованных членами Центрального Македонского комитета, которые произошли в течение 1900 г. и вели к постоянной эскалации напряжённости в отношениях между Румынией и Болгарией. Первым событием в ряду других стало убийство Кирила Фитовского 1 февраля 1900 г., за которым через три месяца последовало убийство одного видного болгарского купца из Брэилы, к которому также оказались причастны члены Комитета. Вечером 10 июня 1900 г. на улице в Софии был застрелен купец арумынского происхождения Теодор Караджа, получивший румынское подданство в июне 1899 г. Кульминацией этой серии кровавых инцидентов стало убийство Штефана Михэйляну.

București, 26 septembrie 1900, nr. 39. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Regele Carol, tocmai întors de peste hotare, m-a primit la Sinaia într-o audiență specială pe 25 septembrie.

Majestatea Sa a adoptat o atitudine extrem de calmă față de neînțelegerile apărute în raporturile cu Bulgaria și le consideră ca fiind o furtună într-un pahar cu apă. După părerea regelui, presa din cele două state este vinovatul principal pentru cele întâmplate, deoarece a relatat cu exagerare despre cele mai neînsemnate evenimente, care nu aveau nici cea mai mică importanță[1].

Este adevărat, a spus regele, că guvernul român a atras atenția Bulgariei asupra primelor doua asasinate comise pe teritoriul României, precum și asupra asasinării supusului român la Sofia, dar a făcut acest lucru cu mare moderație. Doar după al patrulea asasinat, comis chiar la București, guvernul regal a decis să atragă cu fermitate atenția guvernului de la Sofia asupra complicațiilor serioase provocate de această serie de crime politice[2].

Am considerat necesar să atragem atenția Bulgariei asupra activităților Comitetului macedonean ca să reușim să punem capăt agitației acestuia în România. În același timp, guvernul nu a acordat atenție reacțiilor guvernului bulgar, care, după forma lor, nu corespundeau practicilor obișnuite ale relațiilor internaționale.

În realitate nu a existat nici un motiv pentru conflict. Noi nu cerem nimic de la Bulgaria și dorim doar să fie respectat *status quo*-ul și bunele relații cu principatul vecin, întrucât, neîndoielnic, interesele noastre economice comune pot să se dezvolte doar în condițiile unor bune relații. Singurul lucru pe care îl urmărim este ca Bulgaria să nu trimită pe teritoriul nostru persoane periculoase, care urmăresc și la noi scopurile lor politice și acționează prin crime.

Noi am anunțat despre toate acestea Sofia, fiind convinși că acolo se va considera oportun de a se pune capăt unei astfel de stări.

În ceea ce privește activitatea Comitetului Macedonean, scopurile urmărite de acesta privesc direct ordinea instituită de către Marile Puteri și, drept consecință, am considerat de datoria noastră să aducem la cunoștința Puterilor faptele care au fost descoperite în timpul desfășurării anchetei penale asupra ucigașilor și a complicilor acestora.

Procesul penal va fi încheiat zilele acestea, iar judecata competentă va anunța verdictul cuvenit.

Organele de cercetare penală de la Sofia vor avea atunci în mâinile lor toate dovezile împotriva acuzaților și vor fi în stare să stabilească, pe baza acestor date, verdictul cuvenit, în cunoștință de cauză.

În ceea ce privește stabilirea gradului de vinovăție a unuia sau altuia dintre acuzați sau achitarea lor, a adăugat regele, această chestiune va ține de decizia instanțelor judecătorești de la Sofia.

Noi vom avea doar o singură doleanță, anume ca toți cei acuzați să fie predați instanțelor de judecată în Bulgaria.

În încheiere, Majestatea Sa și-a exprimat încă o dată dorința sinceră de a vedea cât mai curând restabilite relațiile cordiale și prietenoase dintre cele două state, care s-au aflat mereu în relații strânse.

Nimic nu ne desparte, a afirmat regele; relațiile comerciale se dezvoltă, iar un număr mare de bulgari fac avere și desfășoară afaceri importante atât în București, cât și în alte orașe ale României.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 195–198.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] În cartea sa dedicată crizei din relațiile româno-bulgare din anul 1900, istoricul Daniel Cain vorbește despre o „campanie de descătușare pasională” în care se lansează presa din România și Bulgaria. Pe tot parcursul lunii august și la începutul lunii septembrie, presa română vituperează împotriva „sălbaticilor” și „bandiților” de la Sofia, vorbind de „ciocniri la graniță, de teroarea la care sunt supuși românii din Sofia, de amenințările cu moartea primite de [agentul diplomatic român de la Sofia], Nicolae Mișu”. Presa bulgară ripostează, respingând „cu indignare aceste atacuri incalificabile” și sărind în apărarea „numelui și onoarei bulgare.” A se vedea detalii la: Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900*, București, Editura Academiei Române, 2012, p. 150–167.

[2] Este vorba de șirul de asasinate organizate de membrii Comitetului Suprem Macedonean care au loc pe parcursul anului 1900 și care duc la escaladarea treptată a tensiunilor dintre România și Bulgaria. Primul eveniment din această serie este asasinarea lui Kiril Fitovski, la 1 februarie 1900, care este urmată, peste trei luni, de omorul unui important negustor bulgar din Brăila, în care sunt din nou implicați membri ai Comitetului. În seara zilei de 10 iunie 1900 este împușcat mortal, pe o stradă din Sofia, negustorul de origine aromână Theodor Karadja, care devenise supus român în iunie 1899. În fine, aceste incidente sângeroase culminează cu uciderea lui Ștefan Mihăileanu.

52

Бухарест, 13 октября 1900 г., № 41. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

3-го текущего октября минуло семь лет Его Королевскому Высочеству принцу Карлу[1], сыну наследного принца Фердинанда.

Глава Румынской Церкви, митрополит Иосиф[2], сопутствуемый двенадцатью членами Святейшего Синода, прибыл в этот день в Синаю, где в настоящее время находятся Их Величества и Их Высочества, для принесения поздравлений принцу Карлу.

Митрополит Иосиф, выразив малолетнему принцу подобающие пожелания, поднёс Его Высочеству, в память этой годовщины, святой молитвенник в переплёте роскошной работы. Малолетний принц, приняв с видимым удовольствием благочестивое подношение это, поцеловал руку досточтимого пастыря и затем, открыв священную книгу, прочёл вслух молитву господню.

Молитвенник, поднесённый Святейшим Синодом принцу Карлу, представляет изящный образец искусства. Переплёт его сделан из массивного золота с эмалевой инкрустацией в византийском стиле. По сторонам и по углам находятся изображения Св. Георгия Победоносца, Апостола Луки[3], Евангелиста Иакова[4] и других святых, Крест с надписью «In hoc signo vinces», а также монограмма принца и посвятительная надпись «Святейший Синод принцу Карлу, посвящается в седьмом году от его рождения, 1900».

Их Величества, а также Их Высочества, высокие родители принца Карла, долго любовались этим произведением искусства.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 206–207.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Родился 3/15 октября 1893 г.
[2] Иосиф Георгиан (1829–1909), митрополит-примас Румынской Православной церкви (1886–1893; 1896–1909).
[3] Так в документе.
[4] Так в документе.

București, 13 octombrie 1900, nr. 41. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe 3 octombrie curent Alteța Sa Regală, prințul Carol[1], fiul prințului moștenitor Ferdinand, a împlinit 7 ani.

Capul Bisericii Române, mitropolitul Iosif[2], însoțit de doisprezece membri ai Sfântului Sinod, a sosit în această zi la Sinaia, unde, în momentul de față, se află Majestățile Lor și Altețele Lor, pentru a prezenta felicitările lor prințului Carol.

Mitropolitul Iosif și-a exprimat urările cuvenite pentru prințul minor, i-a oferit Alteței Sale, în amintirea acestei aniversări, o carte sfântă de rugăciuni cu o copertă splendid lucrată. Prințul minor, primind cu o plăcere evidentă acest dar dumnezeiesc, i-a sărutat mâna Preacuviosului Părinte și apoi, deschizând cartea sfântă, a citit cu voce tare rugăciunea *Tatăl Nostru*.

Cartea de rugăciuni, oferită prințului Carol de către Sfântul Sinod, reprezintă o elegantă operă de artă. Coperta este realizată din aur masiv cu incrustații emailate în stil bizantin. Pe părțile laterale și în colțuri sunt redate imagini cu Sfântul Gheorghe, Apostolul Luca[3], Evanghelistul Iacob[4] și cu alți sfinți, o cruce cu inscripția *In hoc signo vinces*, de asemenea monograma prințului și inscripția de dedicație *Din partea Sfântului Sinod pentru prințul Carol, cu ocazia aniversării a 7 ani de la naștere, 1900*.

Majestățile Lor și Altețele Lor, distinșii părinți ai prințului Carol, au admirat mult timp această operă de artă.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 206–207.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Născut la 3/15 octombrie 1893.
[2] Iosif Gheorghian (1829–1909), mitropolit-primat al Bisericii Ortodoxe Române (1886–1893; 1896–1909).
[3] Așa în document.
[4] Așa în document.

53

Бухарест, 14 октября 1900 г., без №. Фонтон – Ламсдорфу

Секретно

По слухам, правительство, в угоду бывшему министру, влиятельному члену палаты, господину Флева, намерено назначить его посланником в Рим, переведя

Александра Катарджиу в Петербург, а Росетти-Солеску в Лондон. За отсутствием министра иностранных дел, его заместитель Майореску, запрошенный мною, отозвался неведением, обещая справиться. Я указал ему на явное противоречие вышеприведённого с данными мне заверениями о незамещении Росетти. Ввиду близкого родства и тесных связей Катарджиу с королём Миланом и неуместных суждений его о нашем образе действий и отношений к Сербии в минувшем году и о советах умеренности, преподанных Румынии и Болгарии для предупреждения вооружённого столкновения, вряд ли назначение Катарджиу в Петербург представляется желательным[1].

АВПРИ, Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 760. Л. 4.

[1] См. также док. № 48 от 7 сентября 1900 и № 50 от 9 сентября 1900 г.

București, 14 octombrie 1900, fără nr. Fonton către Lamsdorff

Secret

Conform unor zvonuri, guvernul, dorind să îi facă pe plac fostului ministru, iar actualmente membrului influent al Camerei Deputaților, domnului Fleva, intenționează să îl numească trimis la Roma, transferându-l pe Alexandru Catargiu la Petersburg, iar pe Rosetti-Solescu – la Londra. În condițiile absenței ministrului Afacerilor Străine, adjunctul acestuia, Maiorescu, căruia i-am adresat întrebarea respectivă, mi-a răspuns că nu cunoaște nimic despre acest lucru, promițându-mi să se informeze. Eu i-am atras atenția asupra contradicției evidente dintre știrea menționată mai sus și asigurările care mi-au fost date anterior privind neînlocuirea lui Rosetti. Avându-se în vedere gradul apropiat de rudenie și legăturile strânse ale lui Catargiu cu regele Milan, precum și opiniile sale deplasate și nepotrivite privind modul nostru de acțiune și atitudinea noastră față de Serbia pe parcursul anului trecut, dar și privind sfaturile de moderație acordate de către noi României și Bulgariei întru evitarea unei ciocniri armate, numirea lui Catargiu la Petersburg nu ar reprezenta deloc un lucru de dorit pentru noi[1].

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 760, fila 4.

[1] A se vedea și doc. nr. 48 din 7 septembrie 1900 și nr. 50 din 9 septembrie 1900.

54

Ялта, 15 октября 1900 г., № 125. Ламсдорф – Фонтону

Секретно

Reçu télégramme du 14 octobre.

Совершенно разделяем мнение Ваше о неудобстве назначения в Петербург румынского посланника, подобного Александру Катарджиу. Постарайтесь заранее дать понять об этом министру иностранных дел, предупредив его, что нынешний посланник

господин Росетти-Солеску имеет счастье пользоваться Высочайшим благоволением Государя Императора, а посему замена его другим лицом представляется крайне нежелательной в интересах же самой Румынии[1].

АВПРИ, Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 760. Л. 5.

[1] См. пред. док.

Ialta, 15 octombrie 1900, nr. 125. Lamsforff către Fonton

Secret

Am primit telegrama din data de 14 octombrie.

Împărtășim întru totul opinia Domniei Voastre referitor la inconvenientele numirii la Petersburg, drept trimis diplomatic român, a unei persoane de felul lui Alexandru Catargiu. Depuneți toate eforturile pentru a-i da de înțeles, din timp, despre acest lucru ministrului Afacerilor Străine, avertizându-l totodată că actualul trimis, domnul Rosetti-Solescu, are fericirea de a se bucura de Înalta bunăvoință a Majestății Sale Împăratului, iar din acest motiv înlocuirea sa de către o altă persoană ar reprezenta un lucru extrem de indezirabil, chiar din punctul de vedere al intereselor României[1].

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 760, fila 5.

[1] A se vedea documentul anterior.

55

Бухарест, 17 октября 1900 г., без №. Фонтон – Ламсдорфу

Секретно

Министр доложит королю и сообщит господину Карпу содержание телеграммы. Он заверяет, что назначение Катарджиу в Петербург не имеется в виду. Предполагаемое движение касается Бэлэчану[1], посланника в Лондоне, от коего желают избавиться. Я снова настаивал на незамещении Росетти[2].

АВПРИ, Ф. 145. Румынский стол. Оп. 498. Д. 760. Л. 6.

[1] Ион Бэлэчану.

[2] В конце концов Георге Росетти-Солеску остался в Санкт-Петербурге, а Александру Катарджиу отправился в Лондон (*Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică.* P. 21–22).

București, 17 octombrie 1900, fără nr. Fonton către Lamsdorff

Secret

Ministrul îi va raporta regelui și îi va comunica domnului Carp conținutul telegramei. El mă asigură că numirea lui Catargiu la Petersburg nu se are în vedere. Modificarea preconizată îl vizează pe Bălăceanu[1], trimisul român la Londra, de care vor să se descotorosească. Am insistat din nou asupra inoportunității înlocuirii lui Rosetti[2].

APEIR, Fond 145 Biroul românesc, opis 498, dosar 760, fila 6.

---

[1] Ion Bălăceanu

[2] În cele din urmă, Gheorghe Rosetti-Solescu a rămas la Sankt-Petersburg, iar Alexandru Catargiu a plecat la Londra (*Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică*, p. 21–22).

56

Бухарест, 22 ноября 1900 г., № 45. Фонтон – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

30-го минувшего октября состоялось первое заседание Ильфовского окружного суда в Бухаресте для рассмотрения дела, именуемого здесь «болгарским заговором»[1].

На заседаниях присутствовали командированный болгарским правительством член Апелляционного суда в Рущуке Шивачев и секретарь болгарского агентства Тодоров[2].

Дело это состоит, собственно, из трёх отдельных частей: 1) убийство турецкого шпиона Фитовского; 2) убийство румынского профессора Михэйляну, и 3) заговор против румынского и сербского королей.

Но ввиду того, что преступления эти задуманы были и совершались по предписанию Македонского комитета в Софии, все три процесса были соединены в один.

Обвинялись 22 болгарина. Из них девять – Илиев, убийца Фитовского, Митев, Стойчев, Карамбулов, Трифонов, Петев, Алексов, Богданов и Димитров, убийца Михэйляну – были захвачены румынскими властями, остальные же 13 успели переправиться в Болгарию.

Большинство обвиняемых люди необразованные; исключение составляет студент Бухарестского университета Трифонов, всего за два месяца до убийства Фитовского прибывший в Румынию. Он состоял председателем отделения Македонского комитета в Бухаресте. Трифонов, главным образом, и выдал своих товарищей и раскрыл румынской полиции все нити заговора. Он открыто заявил на суде, что разочаровался в патриотизме Сарафова, убедившись, что он преследует лишь личные свои выгоды. Действительно, следствием установлено и подтверждено свидетельскими показаниями, что Сарафов предписывал членам комитета в Бухаресте совершать кражи со взломом.

По делу Фитовского, Илиев прямо показал, что Сарафов не только поручил ему убить этого турецкого шпиона, но и собственноручно передал топор, которым и было совершено убийство. Равным образом Сарафов доставил необходимые денежные средства и рекомендовал Илиева Трифонову. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, когда убийство Фитовского было выполнено и арестованный Трифонов начал делать свои разоблачения, то Македонский комитет в Софии, по-видимому, сильно смущённый, исключительно занялся планом убийства Трифонова. С этой целью отправлен был из Софии в Бухарест яд с особым посланным Икономовым. Это новое преступление, как видно из шифрованного письма секретаря комитета Ковачева, возлагалось на Митева. Шифрованные письма ловко передавались арестованным болгарам в тюрьму при содействии прачки. Ни убить, ни отравить, тем не менее, Трифонова не удалось, и когда судебный следователь сообщил ему об опасности, которой он подвергался и что в глазах его сотоварищей он приговорённый к смерти изменник, Трифонов сделал подробные разоблачения.

На суде же он сделал следующую характеристику Сарафова: «это умный человек, прекрасный оратор, он отлично производит кражи со взломом, ловко подделывает документы, но вместе с тем хороший патриот».

В противоположность Илиеву и Трифонову, убийца профессора Михэйляну Стоян Димитров упорно отрицал на суде всякое участие в этом преступлении Сарафова, заявив, что показания его на следствии, уличающие председателя Македонского комитета, были даны им вследствие побоев, нанесённых ему судебным следователем.

Что касается заговора против жизни короля Карла, то подсудимый Трифонов сделал обстоятельные разоблачения, подтверждённые и некоторыми из других подсудимых.

По его словам, Сарафов прибыл 9-го прошлого декабря в Бухарест, где прежде всего занялся учреждением отделения Македонского комитета. Члены присягали на кинжале и револьвере. Затем поднят был вопрос об убийстве короля Карла и короля Александра сербского с целью создать в Румынии и Сербии беспорядки и дать болгарам возможность беспрепятственно занять Македонию.

Сарафов заявил, что у него есть для этого дела подходящее лицо – Босняков, которому он вполне доверяет. Был куплен кинжал, но затем решено было подбросить бомбу.

В письмах Сарафова и членов комитета не упоминается прямо о заговоре против короля Карла, но постоянно упоминается о «великой тайне». По объяснению Трифонова, эта великая тайна и есть предполагавшееся покушение, так объяснил это выражение и прокурор, но большинство подсудимых подразумевают под «великой тайной» восстание в Македонии.

Что касается заговора против жизни короля сербского, то, кроме голословного обвинения Трифоновым Сарафова, судебным следствием не добыто никаких положительных данных.

Судебное разбирательство, происходившее при открытых дверях, было ведено с большим тактом.

Председатель господин Джувара неоднократно останавливал защитников и не допускал обидных намёков для правительства соседнего княжества. Вместе с тем он весьма ловко устранял всякие политические вопросы.

Речь прокурора, сжатая и дельная, отличалась умеренностью и строго придерживалась рамок дела.

Защитники вполне добросовестно отнеслись к своей трудной задаче.

К сожалению, нельзя того же сказать о болгарском секретаре Тодорове, который несколько раз крайне неуместно выражал своё неудовольствие и вообще держал себя неподобающим образом на виду у всех присутствующих.

При сём имею честь представить на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства приговор Ильфовского окружного суда, во французском переводе, а равно и портреты шести главных участников преступлений[3].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 662, Листы 218–223.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Тема «болгарского заговора» занимала первые страницы румынских газет в последние несколько месяцев, а в начале октября в прессе были раскрыты дополнительные подробности предполагаемого заговора, скоординированного и спланированного членами Центрального македонского комитета во главе с Сарафовым. Так, газета „Adevărul" опубликовала 5 октября 1900 г. обширную статью главного прокурора Эм. Миклеску, в которой вновь были в подробностях изложены основные обвинения из официального обвинительного заключения: *Rechizitoriul definitiv în afacerea Fitowski, Mihăileanu și în complotul contra regelui României* // „Adevărul". Anul XIII. 1900. 5 octombrie. № 4021. P. 2–3. Между тем, румынско-болгарский конфликт уже вступил в фазу постепенной деэскалации после того, как 16 октября 1900 г. Трибунал Софии организовал судебный процесс по делу Сарафова. Это событие успокоило настроения общественного мнения в Румынии. См. подробно: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 150–167.

[2] Речь идёт о секретаре болгарской дипломатической миссии (агентства) в Бухаресте. Не надо путать с болгарским дипломатическим агентом (главой миссии) Димитром Тодоровым, который в этот период был отозван в Софию.

[3] Вырезка из газеты. Название газеты не упомянуто. Речь может идти о „L'Indépendance Roumaine", которая опубликовала в номере 7299 от 11/24 ноября 1900 г. С. 3, сообщение о вердикте Ильфовского окружного суда, вынесенном по делу о «болгарском заговоре» 9/22 ноября 1900 г. Из 22-х осуждённых 9 человек (Бойчо Илиев, Никола Митев, Стойчев, Христо Карамбулов, Александр Трифонов, Димитров, Алексов, Петев и Богданов) были арестованы на территории Румынии местными властями и осуждены на разные сроки заключения, начиная от 2-х лет и кончая пожизненным. Благодаря сотрудничеству с румынскими следственными органами Трифонов и Петев воспользовались смягчающими обстоятельствами, чтобы уменьшить сроки наказания. Другие 13 осуждённых, включая Бориса Сарафова и Икономова, были заочно осуждены на разные сроки заключения, причём Сарафов и Икономов в их отсутствие приговорены к пожизненному заключению. Кроме того, обвинённые в непосредственном участии в убийстве должны были выплатить в качестве возмещения ущерба сумму в 10 тыс. франков. См. подробнее: Cain D. *Op. cit.* P. 150–167.

București, 22 noiembrie 1900, nr. 45. Fonton către contele Lamsdorff

Cu o anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe 30 octombrie trecut, la București, a avut loc prima înfățișare la Judecătoria de Ocol Ilfov în dosarul numit aici „Complotul bulgar"[1].

La ședințe au fost prezenți membrul Curții de Apel din Ruse, delegat de guvernul bulgar, domnul Șivacev, și secretarul agenției bulgare, domnul Todorov[2].

Acest dosar constă de fapt din trei părți separate: 1) asasinarea spionului turc Fitovski; 2) asasinarea profesorului român Mihăileanu și 3) comploturile împotriva regelui român și sârb.

Dar, având în vedere că aceste crime au fost premeditate și comise la cererea Comitetului Macedonean din Sofia, toate trei dosare au fost reunite în unul singur.

Au fost acuzați 22 de bulgari. Nouă dintre ei – Iliev, ucigașul lui Fitovski, Mitev, Stoicev, Karambulov, Trifonov, Petev, Alexov, Bogdanov și Dimitrov, ucigașul lui Mihăileanu – au fost reținuți de autoritățile române, iar restul de 13 au reușit să treacă în Bulgaria. Majoritatea dintre cei acuzați sunt neinstruiți; cu excepția studentului de la Universitatea din București, Trifonov, care venise în România cu doar două luni înaintea asasinării lui Fitovski. Acesta ocupa funcția de președinte al secției Comitetului macedonean din București. Trifonov a fost cel care, în mod special, și-a denunțat tovarășii și a dezvăluit poliției române firul complotului. El a declarat deschis în timpul procesului că a rămas dezamăgit de patriotismul lui Sarafov, convingându-se că acesta își urmărește doar propriul interes. Într-adevăr, ancheta a stabilit, iar depozițiile martorilor au confirmat faptul că Sarafov le cerea membrilor comitetului din București să comită furturi prin spargere.

În dosarul Fitovski, Iliev a mărturisit direct că Sarafov nu numai că l-a însărcinat să-l omoare pe acest spion turc, dar i-a și dat cu mâna sa toporul, cu care a fost comis omorul. De asemenea, Sarafov a făcut rost de mijloacele financiare necesare și l-a recomandat pe Iliev lui Trifonov. Merită atenție și faptul că după ce Fitovski a fost asasinat, iar deținutul Trifonov începuse să facă dezvăluiri, Comitetul macedonean din Sofia, derutat, se pare, s-a concentrat doar pe planul asasinării lui Trifonov. Cu acest scop, de la Sofia la București, prin emisarul special Ikonomov, a fost transmisă otrava necesară. Această nouă crimă, așa cum rezultă din scrisoarea codată a secretarului comitetului Kovacev, i-a fost încredințată lui Mitev. Scrisorile codate erau transmise cu abilitate bulgarilor deținuți în închisoare prin intermediul unei spălătorese. Totuși, omorârea sau otrăvirea lui Trifonov au eșuat, iar când anchetatorul l-a anunțat despre pericolul la care a fost expus și despre faptul că în ochii camarazilor săi el este un trădător condamnat la moarte, Trifonov a făcut dezvăluiri detaliate.

În timpul procesului el l-a caracterizat în felul următor pe Sarafov: „este un om inteligent, un orator minunat, comite cu multă iscusință furturi prin spargere, falsifică cu multă dibăcie documente, dar, cu toate acestea, este un bun patriot".

Spre deosebire de Iliev și Trifonov, ucigașul lui Mihăileanu, Stoian Dimitrov nega cu insistență faptul că Sarafov a participat la această crimă, declarând că mărturiile care îl incriminează pe președintele Comitetului macedonean au fost făcute ca urmare a bătăilor la care a fost supus de către anchetator.

În ceea ce privește complotul împotriva regelui Carol, acuzatul Trifonov a făcut dezvăluiri detaliate, care au fost confirmate și de către unii dintre inculpați.

Potrivit spuselor acestuia, Sarafov sosise la București pe 9 decembrie a anului trecut, unde s-a ocupat mai ales de organizarea secției Comitetului macedonean. Membrii au jurat pe pumnale și pistoale. Apoi a fost pusă problema privind asasinarea regelui Carol și a regelui Alexandru al Serbiei, cu scopul de a crea dezordine în România și în Serbia și de a le oferi bulgarilor posibilitatea de a ocupa Macedonia fără nici o piedică.

Sarafov a declarat că știe cine ar putea fi persoana potrivită pentru această misiune – Bosniakov, în care are încredere deplină. A fost cumpărat un pumnal, apoi au hotărât să plaseze o bombă.

În scrisorile lui Sarafov și ale membrilor comitetului nu se vorbește direct despre complotul împotriva regelui Carol, dar mereu vine vorba despre „marea taină". Potrivit explicațiilor lui Trifonov, această mare taină prezintă atentatul presupus, la fel explică această

expresie și procurorul, dar majoritatea acuzaților prin „marea taină” au în vedere revolta din Macedonia.

În ceea ce privește complotul împotriva regelui sârb, în afară de acuzațiile gratuite ale lui Trifonov, care îl incriminează pe Sarafov, organele de anchetă nu au obținut alte probe certe.

Procesul judiciar, care s-a desfășurat cu ușile deschise, a fost condus cu mare tact.

Președintele, domnul Djuvara, a întrerupt de mai multe ori avocații și a interzis să se facă aluzii insultătoare la adresa guvernului principatului vecin. Totodată, el a blocat cu multă îndemânare discutarea oricăror chestiuni politice.

Discursul concis și pertinent al procurorului s-a caracterizat prin moderație și a rămas în limitele stricte ale cazului.

Avocații s-au achitat cu destulă conștiinciozitate de sarcina dificilă care le-a revenit.

Cu părere de rău, nu același lucru poate fi spus și despre secretarul bulgar, Todorov, care de câteva ori și-a exprimat în mod inadecvat nemulțumirea și, în general, s-a comportat necuviincios de față cu cei prezenți.

Pe lângă cele spuse, am onoarea de a supune atenției Luminăției Voastre verdictul Judecătoriei de Ocol Ilfov, tradus în limba franceză, precum și portretele celor șase părtași principali la crimă[3].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 662, filele 218–223.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Tema „complotului bulgăresc” ținuse prima pagină a presei române în ultimele câteva luni, iar la începutul lunii octombrie fuseseră publicate detalii suplimentare privind presupusa conspirație coordonată și planificată de membrii Comitetului Suprem Macedonean în frunte cu Sarafov. Astfel, ziarul „Adevărul” publica, la 5 octombrie 1900, un amplu articol aparținându-i prim-procurorului Em. Miclescu, care relua în amănunte principalele acuzații din rechizitoriul oficial: *Rechizitoriul definitiv în afacerea Fitowski, Mihăileanu și în complotul contra regelui României*, în „Adevărul”, anul XIII, nr. 4021, 5 octombrie 1900, p. 2–3. Între timp, conflictul româno-bulgar intrase deja în faza de-escaladării treptate, după ce, la 16 octombrie 1900, Tribunalul din Sofia îi intenta un proces lui Boris Sarafov, gest care a temperat starea de spirit din România. Detalii la: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900,* p. 150–167.

[2] Este vorba despre secretarul misiunii diplomatice (agenției) bulgare de la București. A nu se confunda cu agentul diplomatic bulgar, Dimităr Todorov, care era în acea perioadă rechemat la Sofia.

[3] Extras din ziar. Nu este menţionat numele ziarului. S-ar putea să fie vorba de „L'Indépendance Roumaine”, care publică, în numărul 7299 din 11/24 noiembrie 1900, p. 3, o relatare despre verdictul Judecătoriei de Ocol Ilfov pronunțat în dosarul „complotului bulgar” pe data de 9/22 noiembrie 1900. Din cei 22 de inculpați, nouă persoane (Bojčo Iliev, Nikola Mitev, Stoicev, Hristo Karambulov, Alexandăr Trifonov, Dimitrov, Alexov, Petev și Bogdanov) sunt arestate de autoritățile române în țară și condamnate la diverse termene de detenție, între doi ani și închisoare pe viață. Datorită colaborării cu organele românești de anchetă, Trifonov și Petev beneficiază de circumstanțe atenuante și li se reduce pedeapsa. Alți 13 inculpați, inclusiv Boris Sarafov și Ikonomov, sunt condamnați în contumacie la diverse termene de detenție. Dintre aceștia, Sarafov și Ikonomov sunt condamnați, în absență, la detenție pe viață. De asemenea, inculpații implicați direct în asasinate trebuiau să plătească despăgubiri în valoare de 10.000 de franci. Alte detalii a se vedea la: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900,* p. 150–167.

57

Бухарест, 7 февраля 1901 г., № 3. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

3-го сего февраля была отслужена, по почину здешней сербской миссии, заупокойная панихида по скончавшемся бывшем короле Милане[1], на которую был приглашён пребывающий в Бухаресте дипломатический корпус. На панихиде этой присутствовали представители короля Карла и наследного принца Фердинанда, а также министры, некоторые бывшие министры либеральной партии, генералитет и родственники покойного.

При дворе наложен по этому случаю траур на десять дней.

Король Милан был хорошо известен в Бухаресте, который он посещал неоднократно, а в последний раз нынешней осенью. В то время ходил слух, что Милан был бы не прочь избрать Бухарест, если не постоянным местом своего пребывания, то по крайней мере водвориться здесь временно, с целью воздействия на своего сына чрез посредство здешних своих родственников[2].

Король Карл был, до некоторой степени, обеспокоен этим предположением, в виду того, как Его Величеству угодно было доверить мне, что он находился бы в невозможности воспрепятствовать Милану приехать в Бухарест, а также и игнорировать совершенно его здесь пребывание.

Здешний сербский посланник, господин Милованович[3], назначенный в Бухарест после бракосочетания короля Александра Сербского[4], есть одна из жертв Милановского режима в Сербии. Он был осуждаем неоднократно к тюремному заключению и, в эпоху пресловутого покушения Кнежевича[5], спасся от угрожавшего ему преследования лишь бегством за границу.

Господин Милованович выехал вчера в Белград, куда он был вызван, как предполагают, чтобы войти в состав нового Министерства[6].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 12–13 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Умер в Вене 29 января / 11 февраля 1901 г.

[2] См. док. № 15 от 1 августа 1899 г., № 16 от 2 августа 1899 г., № 53 от 14 октября 1900 г.

[3] Милованович (Миловановић) Милован (1863–1912), сербский политический, государственный деятель и дипломат. Был посланником в Бухаресте в 1900–1901 гг.

[4] См. док. № 15 от 1 августа 1899 г., прим. 7.

[5] Джуро Кнежевич (Đuro Knežević). См. док. № 15 от 1 августа 1899 г., № 16 от 2 августа 1899 г., № 53 от 14 октября 1900 г.

[6] Милованович занял пост министра народного хозяйства в кабинете А. Йовановича.

București, 7 februarie 1901, nr. 3. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe 3 februarie curent, la inițiativa misiunii sârbe de aici, a fost oficiat un parastas pentru fostul rege răposat Milan[1], la care a fost invitat corpul diplomatic aflat la București. La acest parastas au venit reprezentanții regelui Carol și ai principelui moștenitor Ferdinand, precum și miniștri, unii foști miniștri ai partidului liberal, generali și rude ale răposatului.

Cu această ocazie, la Curte au fost declarate zece zile de doliu.

Regele Milan era foarte bine cunoscut la București, oraș pe care îl vizitase de mai multe ori, ultima călătorie având loc în toamna aceasta. Atunci se răspândise zvonul că Milan n-ar fi fost împotrivă să aleagă Bucureștiul, dacă nu ca loc de ședere permanentă, măcar pentru a se stabili aici temporar, cu scopul de a-și exercita influența asupra fiului său prin intermediul rudelor sale de aici[2].

Regele Carol a fost, într-o oarecare măsură, îngrijorat de această posibilitate, dovadă fiind și faptul că Majestatea Sa a binevoit să îmi mărturisească că nu ar fi putut să-l împiedice pe Milan să vină la București, dar nici să ignore complet șederea sa aici.

Trimisul sârb, domnul Milovanović[3], numit la București după căsătoria regelui Alexandru al Serbiei[4], este una dintre victimele regimului lui Milan din Serbia. El a fost de mai multe ori condamnat la închisoare, iar, pe vremea când a fost săvârșit cunoscutul atentat al lui Knežević[5], s-a salvat de persecuțiile care îl amenințau fugind peste hotare.

Domnul Milovanović a plecat ieri la Belgrad, unde a fost convocat, după cum se presupune, ca să intre în componența noului guvern[6].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 12–13 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

[1] A murit la Viena în data de 29 ianuarie / 11 februarie 1901.

[2] A se vedea doc. nr. 15 din 1 august 1899, nr. 16 din 2 august 1899, nr. 53 din 14 octombrie 1900.

[3] Milovan Milovanović (1863–1912), om politic și diplomat sârb. A fost trimis al Serbiei la București în anii 1900–1901.

[4] A se vedea doc. nr. 15 din 1 august 1899, nota 7.

[5] Đuro Knežević. A se vedea doc. nr. 15 din 1 august 1899, nr. 16 din 2 august 1899, nr. 53 din 14 octombrie 1900.

[6] Milovanović a deținut funcția de ministru al Economiei în guvernul condus de A. Jovanović.

58

Бухарест, 7 февраля 1901 г., № 5. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Немедленно вслед за представлением господином Карпом проекта об изменении прямых налогов, палата избрала из среды своей особую финансовую комиссию для изучения и представления заключения по содержанию этого законопроекта[1].

Ввиду важности и сложности дела, финансовая комиссия разбилась на пять отделений, из коих каждое должно было выбрать себе особого председателя.

К крайнему недоумению господина Карпа, в председатели избраны были лица, враждебно относящиеся к его проекту и требующие коренных в нём изменений. Затем на собрании членов консервативной партии обнаружилось, что не только почти все видные её члены, но и громадное большинство палаты против нового закона.

Господину Карпу оставалось лишь представить отставку кабинета, которая и была принята королём.

Причины, вызвавшие столь неожиданно этот министерский кризис, двух родов: после падения Министерства Кантакузина и состоявшегося примирения консерваторов с жунимистами[2], породившего нынешний кабинет господина Карпа, многие видные члены консервативной партии, как генерал Ману, Таке Ионеску и другие, вынуждены были уступить свои места в Министерстве жунимистам и остались не у дел.

Они ждали только удобного случая, чтобы низвергнуть господина Карпа.

С другой стороны новые налоги, предложенные господином Карпом, считаются действительно парламентским большинством чрезмерными и обременительными для страны, ослабленной неурожаями последних лет. Консерваторы отлично сознают, вместе с тем, насколько не популярен в стране всякий вообще новый налог, и их не без основания ужасает мысль о необходимости провести в палате 21 новых налогов, как желает того господин Карп.

Население долго не простит этого всей партии, которая, без сомнения, потеряет большинство своих приверженцев в стране.

Господин Таке Ионеску, пользующийся бесспорным влиянием среди депутатов, ловко воспользовался таким настроением большинства и выступил с контрпроектом. Он предлагает уменьшить, по возможности, расходы, а остальную часть недобора покрыть новыми налогами, но обкладывать ими с большою осмотрительностью, дабы не надорвать платёжной силы населения.

Проект этот получил одобрение большинства.

После продолжительных переговоров с наиболее выдающимися политическими деятелями всех партий, король поручил составление кабинета господину Кантакузину, главе консервативной партии и главному виновнику происшедшего кризиса, но с непременным условием, чтобы в новый кабинет вошли и представители жунимистов, то есть приверженцы только что павшего Министерства господина Карпа. Господин Кантакузин оказался не в силах составить такой кабинет, так как господин Карп и его партия наотрез отказались принять участие в новом Министерстве.

Оставался один исход – призвание господина Стурдзы и либералов к власти.

Однако одна мысль о возможности такого окончания кризиса настолько смутила господина Кантакузина, что он немедленно же повинился перед королём и тут же дал обещание поддерживать господина Карпа, которого он только что низвергнул.

И в тот же день, господин Карп с тем же самым Министерством, некоторые члены которого по обычаю были уже награждены королём при прощании орденами, вновь вступил в управление.

Такого случая ещё не было в парламентской жизни Румынии.

Желание короля во что бы то ни стало удержать господина Карпа[3] объясняется здесь многими влияниями Берлина и Вены, где господин Карп стал особенно мил и любезен[4] с тех пор, как заявил о намерении своём распродать государственное

имущество Румынии и предоставить значительные права местным евреям и иностранным дельцам.

Вряд ли, однако, Министерство господина Карпа в состоянии долго продержаться. Консерваторы, устроившие его падение, смирились лишь временно, ввиду возможности прихода к власти либералов, но большинство палаты по-прежнему враждебно господину Карпу[5].

Вообще последний кризис, разыгравшийся в тяжёлую для Румынии минуту, производит крайне грустное впечатление. Он ещё раз наглядно доказывает всю несостоятельность парламентского управления, при котором насущные интересы страны приносятся в жертву честолюбию и личным интригам вожаков партий.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 26–29 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. обсуждение в палате депутатов и Сенате за конец января – начало февраля 1901 г.

[2] См. док. № 38 от 7 июля 1900 г.

[3] В письме от 2/15 февраля 1901 г. король Карл писал своему брату Леопольду, что пакет законов, представленный парламенту П. П. Карпом, был слишком велик для «эпохи экономической нищеты». В этом же письме король утверждал, что предостерегал главу правительства от проведения «слишком жёсткой финансовой реформы, которая могла бы вызвать настоящую бурю», но натолкнулся на отказ Карпа прислушаться к совету. Что касается инициатив Таке Ионеску, то король их объяснил его особыми политическими качествами и навыками (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905* / Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010. P. 446–447).

[4] Что касается Карпа, король Карл, однако, полагал, что «в Вене и Берлине этому человеку уделяется гораздо больше внимания, чем он действительно заслуживает» (*Ibid.* P. 447).

[5] См.: *Ibidem.*

București, 7 februarie 1901, nr. 5. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Imediat după prezentarea de către domnul Carp a proiectului privind modificarea impozitelor directe, parlamentul a format o comisie specială de finanțe pentru a analiza și a oferi concluzii referitoare la conținutul acestui proiect de lege[1].

Având în vedere importanța și complexitatea chestiunii, comisia de finanțe a fost structurată în cinci grupuri de lucru, fiecare dintre acestea trebuind să-și aleagă un președinte propriu.

Spre nedumerirea deplină a domnului Carp, în calitate de președinți au fost alese persoane care manifestau o atitudine ostilă față de proiectul său și care solicitau să fie modificat radical. Apoi, la o reuniune a membrilor Partidului Conservator, a fost constatat faptul că nu doar majoritatea absolută a membrilor de vază ai acestuia este împotriva noii legi, ci și marea parte a Parlamentului.

Domnului Carp îi rămăsese doar să prezinte demisia guvernului, care a și fost aprobată de către rege.

Cauzele care au provocat într-un mod destul de neașteptat această criză guvernamentală sunt de două tipuri: după căderea guvernului Cantacuzino și după reconcilierea

dintre conservatori și junimiști[2], care a dat naștere cabinetului actual al domnului Carp, mulți membri de vază ai Partidului Conservator, precum generalul Manu, Take Ionescu și alții, au fost nevoiți să-și cedeze locurile ocupate în guvern junimiștilor, rămânând astfel fără funcții.

Ei doar așteptau un moment prielnic pentru a-l înlătura de la putere pe domnul Carp.

Pe de altă parte, noile impozite, propuse de domnul Carp, sunt considerate, într-adevăr, de către majoritatea parlamentară ca fiind exagerate și împovărătoare pentru o țară extenuată de recolta slabă din ultimii ani. Totuși, conservatorii își dau foarte bine seama cât de nepopulară este în țară ideea unor noi impozite, speriindu-i, nu fără motiv, gândul de a fi obligați să introducă 21 noi impozite noi, așa cum își dorește domnul Carp.

Populația nu va ierta mult timp partidului acest lucru, care, fără îndoială, își va pierde marea parte a adepților.

Domnul Take Ionescu, care se bucură de o influență incontestabilă printre deputați, a profitat cu dibăcie de atitudinea adoptată de marea majoritate a parlamentarilor și a prezentat contraproiectul său. El propune să fie micșorate, în măsura posibilităților, cheltuielile, iar restul deficitului să fie acoperit prin impozite noi, stabilite însă cu mare atenție, astfel încât să nu fie afectată capacitatea de plată a populației.

Acest proiect a obținut aprobarea marii majorități.

După negocieri prelungite duse cu cei mai importanți oameni politici din toate partidele, regele l-a însărcinat cu formarea noului cabinet pe domnul Cantacuzino, conducătorul Partidului Conservator și vinovatul principal pentru criza recentă, dar cu condiția obligatorie ca din noul cabinet să facă parte și reprezentanții junimiștilor, adică adepții guvernului domnului Carp care tocmai căzuse. Domnul Cantacuzino nu a fost capabil să formeze un asemenea cabinet, deoarece domnul Carp și partidul său au refuzat categoric să facă parte din noul guvern.

Rămase doar o singură soluție – să fie chemați la putere domnul Sturdza și liberalii.

Totuși, însăși ideea unei astfel de încheieri a crizei l-a supărat atât de mult pe domnul Cantacuzino, încât el și-a recunoscut imediat culpa în fața regelui și a promis instantaneu să-l susțină pe domnul Carp, pe care tocmai îl înlăturase de la putere.

În aceeași zi, domnul Carp, cu același guvern, unii dintre membrii căruia, conform obiceiului, fuseseră decorați deja la plecare de către rege, a venit din nou la guvernare.

Viața parlamentară a României nu a cunoscut încă un astfel de caz.

Dorința regelui de a-l menține pe domnul Carp[3] la putere cu orice preț este explicată aici prin existența numeroaselor influențe venite dinspre Berlin și Viena, unde domnul Carp a devenit deosebit de apreciat și curtat[4], în special din clipa în care și-a declarat intenția de a vinde bunurile din proprietatea publică a României și de a oferi libertăți substanțiale evreilor de aici și afaceriștilor străini.

Este, totuși, puțin probabil ca guvernul domnului Carp să fie în stare să reziste mult timp. Conservatorii, care au organizat căderea acestuia, s-au reconciliat doar pentru o scurtă perioadă de timp, ca urmare a posibilității venirii la putere a liberalilor, majoritatea membrilor parlamentului continuând să aibă o atitudine ostilă față de domnul Carp[5].

În general, ultima criză, care a avut loc într-o perioadă grea pentru România, lasă o impresie extrem de tristă. Aceasta demonstrează încă o dată în mod cât se poate de clar ineficacitatea sistemului parlamentar de guvernare, în care interesele vitale ale țării sunt sacrificate de dragul ambițiilor și intereselor personale ale conducătorilor partidelor.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 26–29 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

[1] A se vedea dezbaterile din Adunarea Deputaților și Senat de la sfârșitul lunii ianuarie – începutul lunii februarie 1901.

[2] A se vedea doc. nr. 38 din 7 iulie 1900.

[3] Într-o scrisoare din 2/15 februarie 1901, regele Carol îi scria fratelui său, Leopold, că pachetul de legi prezentat Parlamentului de P. P. Carp era mult prea mare pentru „epoca de mizerie economică”. În aceeași scrisoare, regele afirma că îl avertizase pe șeful guvernului „să nu întreprindă o reformă financiară prea brutală, care ar putea să dezlănțuie o adevărată furtună”, ciocnindu-se însă de refuzul lui Carp de a ține cont de sfaturi. Cât privește inițiativele lui Take Ionescu, acestea erau explicate de către rege prin abilitatea politică deosebită a acestuia. (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 446–447).

[4] Cu referire la P. P. Carp, regele Carol considera însă că „la Viena și la Berlin, mai ales, i se acordă acestui om o importanță mult prea mare față de cât merită de fapt” (*Ibidem*, p. 447).

[5] A se vedea și: *Ibidem*.

59

Бухарест, 25 марта 1901 г., № 6. Фонтон – графу Ламсдорфу

Два приложения[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Парламентская финансовая комиссия не согласилась принять проект новых налогов, представленный на её утверждение, как я имел честь довести до сведения Вашего Сиятельства донесением от 10-го февраля с. г. за № 5[2] министром-президентом и министром финансов господином Карпом, вследствие чего консервативное Министерство в полном составе подало в отставку, которая и была принята королём.

Глава либеральной партии господин Стурдза, немедленно призванный Его Величеством, получил поручение составить кабинет[3].

В новое либеральное Министерство вошли члены обоих отделов партии, вследствие чего существовавший среди либералов раскол может считаться оконченным.

На последовавших затем выборах либеральная партия одержала блистательную победу: оппозиция располагает в обеих палатах всего шестью голосами. Самые видные члены консервативной партии, как глава её Кантакузин, бывшие министры Таке Ионеску и Филипеску и др. не были выбраны. Бывшие же министры Карп и Маргиломан попали в палату лишь благодаря особым соглашениям со своими противниками либералами. Один лишь генерал Ману, бывший министр финансов в кабинете господина Кантакузина, избран был в Сенат, открыто победив своих соперников либералов.

Вчера король лично открыл законодательное собрание. Из представляемой у сего во французском переводе тронной речи[4] Вашему Сиятельству благоугодно будет усмотреть, что единственной задачей палат является уравновешение бюджета и водворение во всех отраслях управления строгой экономии. Король заявляет, что всем надлежит принести жертвы на общую пользу.

Его Величество первый подал пример и накануне открытия палат обратился к министру-президенту Стурдзе с особым письмом, представляемым у сего в газетной вырезке[5], в коем извещает его о своём решении применить и к «liste civile»

20-ти процентный вычет, подобно тому, как Министерство намерено сделать это по отношению к жалованию всех чиновников. Пожертвование короля составляет 240 тысяч франков из «liste civile»[6] в 1.200.000 франков.

Такое великодушное решение короля, доселе всегда расчётливого, произвело большое впечатление.

За время моего десятилетнего пребывания в стране мне ни разу ещё не приходилось видеть таких восторженных оваций, какими встретили вчера либеральные депутаты короля Карла при открытии Его Величеством палаты[7].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 31–33.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Не публикуется.
[2] Не публикуется.
[3] Правительство Стурдзы находилось у власти с 14 февраля 1901 по 20 декабря 1904 г.
[4] Не публикуется.
[5] Не публикуется.
[6] Средства, которые королевский двор ежегодно получал от румынского государства.
[7] 24 марта 1901 г.

București, 25 martie 1901, nr. 6. Fonton către contele Lamsdorff

Două anexe[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Comisia parlamentară de finanțe nu a fost de acord cu adoptarea proiectului privind noile impozite, care i-a fost prezentat spre aprobare de către prim-ministrul și ministrul finanțelor, domnul Carp, așa cum am avut onoarea de a aduce la cunoștința Luminăției Voastre prin raportul din 10 februarie c., numărul 5[2]. Drept consecință, guvernul conservator, în întreaga sa componență, și-a dat demisia, care a și fost acceptată de către rege.

Conducătorul Partidului Liberal, domnul Sturdza, chemat imediat de Majestatea Sa, a fost însărcinat cu formarea cabinetului[3].

Din noul guvern liberal vor face parte membrii celor doua aripi ale partidului și, astfel, dezbinarea existentă între conducătorii acestuia poate fi considerată încheiată.

La alegerile care au urmat, Partidul Liberal a obținut o victorie strălucită: opoziția dispune de doar șase voturi în cele două camere. Membrii cei mai de vază ai Partidului Conservator, cum ar fi conducătorul acestuia, domnul Cantacuzino, foștii miniștri Take Ionescu, Filipescu și alții nu au fost aleși. Vechii miniștri Carp și Marghiloman au intrat în parlament numai datorită unor acorduri încheiate cu adversarii lor liberali. Doar generalul Manu, fost ministru al finanțelor din cabinetul domnului Cantacuzino, a fost ales membru al Senatului, învingându-i în mod clar pe adversarii săi liberali.

Ieri, regele a declarat personal deschisă sesiunea parlamentară. Din Discursul Tronului[4], anexat aici în limba franceză, Luminăția Voastră va putea să observe că singurul scop al camerelor este echilibrarea bugetului și impunerea în toate domeniile a unei economii stricte. Regele a declarat că toată lumea este obligată să facă sacrificii pentru binele comun.

Majestatea Sa a fost primul care a oferit un exemplu de urmat și, în ajunul deschiderii lucrărilor parlamentului, s-a adresat prim-ministrului, domnului Sturdza, printr-o scrisoare deschisă, anexată mai jos[5], în care îl anunța despre decizia sa de a reduce „lista civilă”[6] cu 20%, guvernul procedând la fel cu salariile funcționarilor săi. Donația regelui reprezintă 240 mii de franci, din „lista civilă” de 1.200.000 franci.

O decizie atât de generoasă a regelui, care până acum a fost destul de econom, a produs o impresie puternică.

În cei zece ani de ședere în țară, nu am avut niciodată ocazia să văd ovaționări atât de înflăcărate, ca cele cu care deputații liberali l-au întâmpinat ieri pe regele Carol la deschiderea de către Majestatea Sa a lucrărilor parlamentului[7].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 31–33.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Nu se publică.
[2] Nu se publică.
[3] 14 februarie 1901–20 decembrie 1904.
[4] Nu se publică.
[5] Nu se publică.
[6] Bani pe care Casa Regală îi primea anual din partea statului român.
[7] 24 martie 1901.

60

Бухарест, 3 мая 1901 г., № 9. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Первое известие о принятом королём эллинов[1] решении посетить короля Карла, пользуясь пребыванием Его Величества в Аббации[2], стало здесь известным из телеграммы из Афин.

Весть эта встречена была в Румынии с большим сочувствием, и в свидании обоих правителей усматривают доказательство их желания поощрить дружелюбное настроение, установившееся в последнее время между Румынией и Грецией.

За сим в печати последовали громкие оценки политического свойства, причём свиданию приписывалось решающее значение, и в сближении Бухареста с Афинами видели мощный залог сохранения мира и спокойствия.

Взгляд этот, по меньшей мере, плод высокомерия, присущего здесь некоторым кружкам. Ближе стоящие к правительству органы печати ограничились более скромными отзывами и воспользовались случаем, чтобы приписать всю заслугу состоявшегося свидания господину Стурдзе, что, однако, не соответствует действительности, ибо ещё до вступления во власть либералов свидание в Аббации, как ныне оказывается, имелось в виду.

Мой греческий сотоварищ[3] передал мне о сём на днях следующие подробности. При отъезде наследного принца Фердинанда в Лондон, по случаю кончины королевы Виктории, королём Карлом поручено было своему племяннику передать королю Георгу, насколько он сожалеет, что, несмотря на продолжительное пребывание на престоле, ему не представилась ещё возможность встретиться с Его Величеством. Как ни искренно было его желание, единственной помехой к осуществлению оного являлось то обстоятельство, что он не в состоянии перенести морского путешествия вследствие внутренней болезни.

Ныне король Георг по дороге в Корфу, осведомившись о сроке пребывания короля румынского в Аббации, дал знать о своём намерении посетить Его Величество в этой местности.

За сим король Карл в поздравительной телеграмме, по случаю тезоименитства короля Георга, добавил: «Жду с нетерпением часа нашей братской встречи».

Если румынская печать немало увлеклась, то и полученные здесь афинские газеты прямо высказывают, что состоявшееся свидание даст возможность обоим народам оказать более действительное противодействие болгарским проискам в Македонии и воспрепятствует выполнению преступных замыслов революционных комитетов, которые через своих посланных возбуждают племенную вражду в Македонии.

Эти заявления на руку здешним крайне самонадеянным публицистам.

Решение короля эллинов посетить короля Карла, конечно, является шагом высокой вежливости, но притом нельзя не допустить, чтобы опасная деятельность македонских комитетов не была бы совершенно чужда этой встрече[4].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 52–54 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Георг I, король Греции (1845–1913). Находился на троне в 1863–1913 гг.
[2] Опатия. Город в Хорватии. Встреча состоялась в начале мая 1901 г.
[3] Георгиос Аргиропулос.
[4] Напротив этого абзаца рукой Ламсдорфа написано: «Так странно редактировано, что можно подумать, будто македонские комитеты устроили свидание двух королей!»

București, 3 mai 1901, nr. 9. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prima știre cu privire la decizia luată de către regele elenilor[1] de a-l vizita pe regele Carol, profitând de aflarea Majestății Sale la Abbazia[2], a devenit cunoscută aici ca urmare a unei telegrame trimise de la Atena.

Această veste a fost întâmpinată în România cu o mare simpatie și bunăvoință, iar această întrevedere a celor doi suverani este percepută drept o dovadă a dorinței lor de a stimula și încuraja tendința spre relații amicale, care s-a instaurat în ultimul timp între România și Grecia.

Imediat după aceea, în presă au urmat anumite evaluări zgomotoase, având un evident caracter politic. În acest sens, întrevederii i se atribuia o importanță decisivă, iar apropierea dintre București și Atena era văzută ca o chezășie puternică pentru păstrarea păcii și liniștii.

O asemenea viziune este, cel puțin, un produs al aroganței caracteristice pentru unele cercuri de aici. Organele de presă aflate pe poziții mai apropiate de politica guvernului s-au limitat la publicarea unor reacții și atitudini mai modeste și au profitat de această ocazie pentru a pune toate meritele organizării întrevederii ce a avut loc între cei doi monarhi pe seama eforturilor domnului Sturdza, fapt care însă nu corespunde realității, deoarece, după cum s-a dovedit în prezent, organizarea unei întâlniri la Abbazia se avea în vedere chiar înainte de venirea la putere a guvernului liberal.

Colegul meu elen[3] mi-a transmis zilele acestea următoarele detalii referitoare la acest subiect. La plecarea principelui moștenitor Ferdinand la Londra, cu ocazia participării sale la funeraliile reginei Victoria, regele Carol l-a însărcinat pe nepotul său să îi transmită regelui George, cât de mult regretă monarhul român că, în pofida aflării sale îndelungate pe tron, el nu avusese încă posibilitatea să se întâlnească personal cu Majestatea Sa. Oricât de sinceră ar fi fost dorința sa de a face acest lucru, singurul obstacol pentru îndeplinirea acestei dorințe era acea împrejurare că el nu era în stare să suporte o călătorie pe mare, din cauza unei boli de care suferea.

Zilele acestea, regele George, aflându-se în drum spre Corfu și informându-se cu privire la durata șederii regelui român la Abbazia, și-a făcut cunoscută intenția de a-l vizita pe Majestatea Sa regele Carol în această localitate.

După aceea regele Carol, într-o telegramă festivă trimisă cu ocazia zilei onomastice a regelui George, a adăugat fraza: „Aștept cu nerăbdare momentul întâlnirii noastre fraterne".

Nu doar presa română s-a entuziasmat firesc de acest eveniment, dar și ziarele ateniene care ajung aici declară în mod direct că întrevederea care a avut loc recent le va oferi posibilitatea ambelor popoare să manifeste o rezistență și opoziție mai eficientă față de uneltirile bulgare din Macedonia și va împiedica realizarea planurilor criminale ale comitetelor revoluționare, care provoacă, prin emisarii lor, ostilitatea între diferitele popoare ale Macedoniei.

Aceste declarații toarnă apă la moara publiciștilor extrem de aroganți de aici.

Decizia regelui elenilor de a-l vizita pe regele Carol reprezintă un gest de înaltă politețe, dar, în același timp, nu putem să nu admitem ca activitatea periculoasă a comitetelor macedonene să nu fie absolut străină de motivele organizării acestei întâlniri[4].

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 52–54 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] George I al Greciei (1845–1913). A fost rege între 1863 și 1913.
[2] Opatia. Oraș din Croația. Întâlnirea a avut loc la începutul lunii mai 1901.
[3] Georgios Argiropoulos.
[4] În dreptul acestui fragment din raport, Lamsdorff a scris următoarele: „Este formulat atât de ciudat, de parcă întâlnirea celor doi regi a fost organizată de comitetele macedonene"!

61

Бухарест, 9 июня 1901 г., № 11. Фонтон – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Его Величество король Карл с её Величеством королевою, отбыв из Бухареста 5-го числа сего месяца на летнюю резиденцию в Синаю, Его Величеству благоугодно было пригласить генерала фельдцейхмейстера, начальника Главного штаба австрийской армии фон Бека[2], находившегося с многочисленной свитой в Трансильвании близ румынской границы, посетить Их Величества в Синае.

7-го июня утром, генерал фон Бек, в сопровождении трёх генералов и тридцати офицеров, прибыл в Синаю, где был встречен королевскою военною свитою и удостоился приглашения, со всеми сопровождавшими его офицерами, на завтрак во дворце.

Во время завтрака, на котором присутствовал также Его Королевское Высочество наследный принц с супругой, Его Величество провозгласил тост, французский текст коего, как и ответной здравицы генерала фон Бека, имею честь представить при сём в газетной вырезке[3].

В тот же вечер начальник главного штаба австрийской армии с сопровождавшей его свитою, выехал из Синаи на экстренном поезде обратно в Трансильванию.

О вышеизложенном считаю долгом доложить Вашему Сиятельству.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 65–66.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Не публикуется.

[2] Фридрих фон Бек-Ржиковский, граф (Friedrich Graf von Beck-Rzikowsky) (1830–1920). Начальник главного штаба австро-венгерской армии в 1881–1906 гг. *Beck-Rzikowsky, Friedrich Graf // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950.* Band 1. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957. S. 61–62. Бек считался одним из сторонников союза Румынии с Австро-Венгрией (Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş. *România și Tripla Alianță, 1878–1914.* București, Editura Ştiințifică și Enciclopedică, 1979. P. 251).

[3] Не публикуется.

București, 9 iunie 1901, nr. 11. Fonton către contele Lamsdorff

O anexă[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestatea Sa regele, împreună cu Majestatea Sa regina, plecând din București pe data de 5 a acestei luni spre reședința de vară de la Sinaia, au binevoit să-l invite pe șeful

Marelui Stat Major al armatei austriece, feldzeugmeister von Beck[2], care se afla în Transilvania, lângă granița României, împreună cu suita sa numeroasă, să le facă o vizită Majestăților Lor la Sinaia.

Pe 7 iunie dimineața, generalul von Beck, însoțit de trei generali și treizeci de ofițeri, a sosit la Sinaia, unde a fost întâmpinat de suita militară regală și a fost invitat împreună cu toți ofițerii care îl însoțeau la micul dejun la palat.

În timpul micului dejun, la care au fost prezenți, de asemenea, Alteța Sa Regală principele moștenitor și consoarta sa, Majestatea Sa a rostit un toast, al cărui traducere în franceză, precum și toastul de răspuns al generalului von Beck, am onoarea să le anexez la acest raport sub forma unui extras din ziar[3].

În aceeași seară, șeful Marelui Stat Major al armatei austriece, împreună cu suita care l-a însoțit, au plecat de la Sinaia înapoi în Transilvania cu un tren special.

Consider de datoria mea să raportez despre cele relatate mai sus Luminăției Voastre.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 65–66.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Nu se publică.

[2] Friedrich Graf von Beck-Rzikowsky (1830–1920). Șef al Marelui Stat Major al armatei austro-ungare între 1881 și 1906 (*Beck-Rzikowsky, Friedrich Graf*, în *Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950,* Band 1, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957, p. 61–62). Beck era considerat unul dintre susținătorii alianței României cu Austro-Ungaria (Căzan, Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță, 1878–1914*, București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1979, p. 251).

[3] Nu se publică.

62

Бухарест, 9 июня 1901 г., № 12. Фонтон – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Главный командир Черноморского Флота[1], письмом от 26-го мая сего года, уведомил меня, что с Высочайшего соизволения, Практическая эскадра Чёрного моря посетит нынешним летом иностранные порты западного берега Чёрного моря и будет в Кюстенджи[2] 19-го нашего стиля; что, кроме того, броненосец «Ростислав»[3] под командой Его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича[4], плавая отдельно, предполагает посетить Сулин и Кюстенджи между 1 и 8 июля нашего стиля.

О вышеизложенном я не преминул поставить в известность королевское правительство, и господин Стурдза, заехав ко мне на следующий же день, сообщил, что Его Величество король Карл осведомился с большим удовольствием о посещении румынских портов Его Императорским Высочеством и нашей эскадрой. К сему

министр иностранных дел присовокупил, что Его Величество изъявил желание поручить Его Высочеству наследному принцу Фердинанду отправиться в Кюстенджи для приветствия августейшего командира броненосца «Ростислав» и передачи Его Императорскому Высочеству приглашения посетить Его Величество в Синае. Кроме того, король Карл предполагает пригласить в Синаю также командующего нашей эскадрой, по прибытии оной в Кюстенджи.

О таковом любезном пожелании Его Величества Карла мною было передано по телеграфу главному командиру Черноморского Флота для доклада Его Императорскому Высочеству.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Сиятельства, считаю долгом представить при сём подлинную ноту королевского правительства от сегодняшнего числа, № 11025[5], в коей министр иностранных дел повторяет заявления, уже сделанные им мне словесно.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 69–70 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Ministerul Afacerilor Străine. Direcțiunea Afacerilor Politice și Contenciosului

București, 9 juin 1901, nr. 377

Son Excellence, Monsieur N. de Fonton, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de Russie

Monsieur le Ministre,

C'est avec une vive satisfaction que j'ai reçu la communication de Votre Excellence relative à la visite à Constantza de l'escadre d'évolution de la Flotte Impériale Russe de la Mer Noire. Cette visite nous fournira l'occasion agréable de fêter de nouveau la confraternité d'armes russe et roumaine.

J'ai l'honneur d'informer en même temps Votre Excellence que Son Altesse Royale le Prince de Roumanie se rendra à Constantza pour saluer Son Altesse Impériale Monseigneur le Grand Duc Alexandre Michaïlovitch et L'inviter, si le temps de Son Altesse Impériale le permet, de venir à Sinaia, où, Sa Majesté le Roi, mon Auguste Maître, sera heureux de Le recevoir.

Veuillez agréer, Monsieur le Ministre, les assurances de ma haute considération. D. Sturdza.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 71–71 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr.13.

[1] Сергей Петрович Тыртов (1839–1903).
[2] Констанца.
[3] Спущен на воду в 1896 г.
[4] Александр Михайлович Романов (1866–1933). Сын Великого князя Михаила Николаевича и Ольги Фёдоровны, внук императора Николая I. Российский политический и военный деятель. Был назначен капитаном броненосца «Ростислав» в начале мая 1901 г.
[5] Публикуется в продолжении донесения.

București, 9 iunie 1901, nr. 12. Fonton către contele Lamsdorff

O anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Printr-o scrisoare din 26 mai c., comandantul suprem al flotei de la Marea Neagră[1] m-a înștiințat că, prin Înaltă Bunăvoință, un grup de nave militare din Marea Neagră va efectua, vara aceasta, vizite în porturi străine de pe litoralul vestic al Mării Negre, urmând a ajunge la Küstendje[2] pe data de 19 stil vechi; și că, în afară de aceasta, cuirasatul „Rostislav”[3], aflat sub comanda Înălțimii Sale Imperiale, Marele Duce Alexandr Mihailovici[4], intenționează să efectueze separat o vizită la Sulina și Küstendje între 1 și 8 iulie stil vechi.

Nu am ezitat să aduc la cunoștința guvernului regal despre cele relatate mai sus, iar domnul Sturdza, vizitându-mă chiar ziua următoare, mi-a comunicat că Majestatea Sa regele Carol a aflat cu mare bucurie despre vizita Alteței Sale Imperiale și a escadrei noastre în porturile românești. La aceasta, ministrul afacerilor străine a adăugat că Majestatea Sa și-a exprimat dorința de a-l însărcina pe Alteța Sa, principele moștenitor Ferdinand, să se deplaseze la Constanța, pentru a-l saluta pe augustul comandant al cuirasatului „Rostislav” și a-i transmite Alteței Sale Imperiale invitația de a-l vizita pe Majestatea Sa la Sinaia. Totodată, regele Carol intenționează să-l invite la Sinaia și pe comandantul escadrei noastre, când aceasta va ajunge la Küstendje.

Am transmis prin telegraf doleanțele binevoitoare ale Majestății Sale Carol comandantului suprem al flotei din Marea Neagră, pentru ca acesta, la rândul său, să le transmită Alteței Sale Imperiale.

Aducând la cunoștința Luminăției Voastre despre cele relatate mai sus, consider de datoria mea să anexez raportului nota originală a guvernului regal din data de azi, nr. 11025[5], în care ministrul afacerilor străine reia declarațiile pe care mi le-a transmis deja verbal.

Cu profundă considerație și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 69–70 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Serghei Petrovici Târtov (1839–1903).
[2] Constanța.
[3] Lansat în anul 1896.
[4] Alexandr Mihailovici Romanov (1866–1933). Fiu al Marelui Duce Mihail Nikolaevici și al Olgăi Fedorovna, nepot al țarului Nicolae I. Om politic și militar rus. A fost numit comandant al cuirasatului „Rostislav” la începutul lunii mai 1901.
[5] Se publică în anexă la versiunea în limba rusă a raportului.

63

Синая, 6 августа 1901 г., № 18. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Хотя содержание беседы румынского и греческого королей в Аббации[1] хранится и по сие время в тайне, тем не менее, к свиданию этому в Румынии отнеслись

крайне сочувственно. Здесь составилось убеждение, что вызвано оно было болгарской пропагандой в Македонии и усиливающимся влиянием славян на Балканском полуострове.

Газеты восхваляли дальновидность и отеческую заботливость графа Голуховского[2], по мысли которого встреча эта состоялась, и ожидали усиления румынского влияния в Македонии.

Но радостное настроение это продолжалось недолго: совершенно неожиданно получено было известие, что румынский митрополит Антим (теперь он уже назывался Антимос)[3] принёс повинную патриарху и признал его верховенство[4]. Теперь с горечью стали перечислять все напрасные заискивания перед султаном, чтобы добиться берата[5] для независимого румынского митрополита. Сюда относятся преследования, которым, вопреки конституции, последовательно подвергались армяне во время беспорядков, греки во время войны и младотурки за всё время.

Почти одновременно стало известным, что правительство сокращает субсидии и закрывает большинство румынских школ в Македонии[6]. Между тем, создание независимой румынской митрополии и поддержание румынских школ в Македонии всегда считалось делом национальным, и до сего времени все сменявшиеся Министерства неизменно проявляли большую в этом отношении щедрость.

Легко понять, какое разочарование произвели в стране эти две последовательные неудачи. Правительственные органы не нашли, что ответить на яростные нападки оппозиции[7]. Министерство господина Стурдзы, опасаясь, чтобы вопрос этот не обострился с возвращением из Македонии многочисленных оставшихся за штатом румынских учителей, запретило, как утверждает оппозиция, румынскому консулу в Битоли визировать им паспорта в королевство и заручилось даже содействием турецких властей для удержания их на месте. Мера эта вызвала новую бурю, новые разоблачения и нападки на господина Стурдзу.

Настроение заметно изменилось, и всё чаще раздаётся, что это первое и неудачное последствие свидания в Аббации. Подвиг графа Голуховского стал утрачивать всякую популярность и обаяние, и его обвиняют даже в обмане, совершённом исключительно с целью втянуть Румынию в антиславянский союз, якобы для противодействия увеличивающемуся влиянию славян на Балканском полуострове, а в действительности, чтобы залечить раны, нанесённые его самолюбию последовательными неудачами в Болгарии и Сербии[8].

Румыны начинают сознавать, что отступлением их из Македонии воспользуются не столько греки, сколько болгары, а этого равнодушно перенести они не в силах[9].

С другой стороны, приезд начальника Генерального штаба австро-венгерской армии в Синаю, слухи о состоявшемся приглашении короля и наследного принца на манёвры в Венгрии, и в связи с этим, газетные известия о австро-румынской военной конвенции[10], породили опасения, что Австрия преднамеренно старается создать дурные отношения между Румынией и славянскими её соседями, дабы заставить её теснее примкнуть к враждебному славянам союзу и затем подчинить её, подобно Сербии, своему экономическому влиянию.

Возглас одной газеты «лучше потонуть в славянском океане, чем в мадьярской луже» толкуется на все лады.

Тем не менее, сторонники господина Стурдзы утешают себя надеждой, что такой большой политический деятель, как настоящий первый министр, не мог дать обойти себя графу Голуховскому и, очевидно, что-нибудь да выговорил в пользу

Румынии, и все они с нетерпением ожидают второго, и на этот раз выгодного Румынии, последствия свидания королей в Аббации.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 105–108.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. док. № 60 от 3 мая 1901 г.

[2] В рассматриваемое время был министром иностранных дел Австро-Венгрии.

[3] Антим Месемврийский. Для понимания более широкого контекста см.: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european: Relaţiile româno-bulgare la 1900.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012. P. 138–149; Petcu A. *Viața religioasă a românilor din Balcani // Autocefalie și comuniune. Biserica Ortodoxă Română în dialog și cooperare externă.* Bucureşti, Editura Basilica a Patriarhiei Române, 2010. P. 536–541. См. также док. № 23 от 1 сентября 1899 г.

[4] Там же. P. 541.

[5] Док. № 23 от 1 сентября 1899 г.

[6] См. в этом томе предыдущие документы.

[7] О влиянии арумынского вопроса на внутренние политические дискуссии в Румынии в 1901 г. см.: Bunghez S.-D. *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914).* Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018. P. 170 etc.

[8] Pantenburg I. F. *Im Schatten des Zweibundes. Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik, 1897–1908.* Wien, Böhlau Verlag, 1996. S. 253 etc.

[9] Cain D. *Op. cit.*

[10] Реакция на переговоры, которые вела Румыния в целях возобновления договора с Тройственным союзом (Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş. *România și Tripla Alianță, 1878–1914.* București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1979. P. 249–254).

Sinaia, 6 august 1901, nr. 18. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Chiar dacă până în prezent conținutul discuțiilor regilor român și grec de la Abbazia[1] este încă învăluit de secret, în România respectiva întâlnire este comentată cu mult interes. Aici s-a impus convingerea că întrevederea a fost determinată de propaganda bulgară din Macedonia și de amplificarea influenței slavilor în Peninsula Balcanică.

Ziarele au elogiat clarviziunea și grija părintească a contelui Gołuchowski[2], la inițiativa căruia a fost organizată respectiva întâlnire, și au prezis creșterea influenței românești în Macedonia.

Această stare de bucurie nu a durat însă foarte mult: absolut pe neașteptate a fost anunțat faptul că mitropolitul român, Antim (numit în prezent Antimos)[3], a depus jurământ față de patriarh și i-a recunoscut întâietatea[4]. Acum sunt reluate cu amărăciune toate demersurile fără sens pe lângă sultan pentru obținerea unui berat[5] în favoarea mitropolitului român independent. Aici mai trebuie incluse persecuțiile la care au fost supuși, contrar constituției, armenii, în timpul rebeliunilor, grecii, în timpul războiului, și junii turci, fără întrerupere.

Concomitent a devenit cunoscut faptul că guvernul reduce subsidiile și închide majoritatea școlilor românești din Macedonia[6]. Totuși, până recent, crearea unei mitropolii românești independente și susținerea școlilor românești în Macedonia a fost considerată o

prioritate națională, iar toate guvernele care s-au succedat au dat mereu dovadă de o mare generozitate în acest sens.

De aceea, este de înțeles dezamăgirea provocată în țară de aceste din urmă două eșecuri. Ziarele guvernamentale nu au putut găsi răspunsuri la atacurile virulente ale opoziției[7]. Îngrijorat de o posibilă agravare a situației, odată cu venirea în țară din Macedonia a învățătorilor rămași fără catedră, guvernul domnului Sturdza a interzis consulului român din Bitola, potrivit afirmațiilor opoziției, să vizeze pașapoartele pentru intrare în regat și și-a asigurat chiar concursul autorităților turce pentru reținerea acestora pe loc. Această măsură a provocat o nouă furtună, noi dezvăluiri și atacuri la adresa domnului Sturdza.

Starea de spirit s-a modificat simțitor, afirmându-se, tot mai des, că aceasta este prima consecință nefavorabilă a întrevederii de la Abbazia. Fapta eroică a contelui Gołuchowski a început să-și piardă din popularitate și din farmec, acesta fiind acuzat chiar de minciună, cu scopul vădit de a implica România într-o alianță anti-slavă, chipurile pentru contracararea influenței crescânde a slavilor în Peninsula Balcanică, iar în realitate pentru vindecarea rănilor provocate orgoliului său prin insuccesele consecutive din Bulgaria și Serbia[8].

Românii încep să conștientizeze faptul că de retragerea lor din Macedonia vor profita nu atât grecii, cât bulgarii, iar ei nu sunt dispuși să accepte cu nepăsare acest lucru[9].

Pe de altă parte, sosirea șefului statului major al armatei Austro-Ungare la Sinaia, zvonurile privind invitarea regelui și a principelui moștenitor la manevre militare în Ungaria și, în legătură cu aceasta, știrile din ziare privitoare la convenția militară austro-română[10] au generat temeri că Austria încearcă intenționat să genereze dificultăți în relațiile României cu vecinii săi slavi, pentru a o constrânge să se apropie mai mult de alianța ostilă slavilor, iar, ulterior, pentru a o supune dominației sale economice, la fel ca în cazul Serbiei.

Apelul zgomotos al unuia dintre ziare, „mai bine să ne înecăm într-un ocean slav, decât într-o baltă maghiară”, este întors pe toate fețele.

Totuși, adepții domnului Sturdza se lasă împăcați cu speranța că un astfel de om politic experimentat, așa cum este actualul prim-ministru, nu s-a lăsat păcălit de către contele Gołuchowski și că, fără îndoială, a obținut ceva în favoarea României, toți rămânând în așteptarea celei de-a doua consecințe, de data aceasta favorabile României, a întâlnirii regilor de la Abbazia.

Cu deosebit respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 105–108.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Vezi doc. nr. 60 din 3 mai 1901.

[2] La vremea respectivă, ministru de Externe al Austro-Ungariei.

[3] Antim de Mesembria. Pentru contextul general: Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900*, București, Editura Academiei Române, 2012, p. 138–149; Adrian Nicolae Petcu, *Viața religioasă a românilor din Balcani*, în *Autocefalie și comuniune. Biserica Ortodoxă Română în dialog și cooperare externă*, București, Editura Basilica a Patriarhiei Române, 2010, p. 536–541. A se vedea și doc. nr. 23 din 1 septembrie 1899.

[4] *Ibidem*, p. 541.

[5] Doc. nr. 23 din 1 septembrie 1899.

[6] A se vedea documentele anterioare din acest volum.

[7] Pentru impactul chestiunii aromâne asupra dezbaterilor politice interne din România în anul 1901: Sebastian-Dragoș Bunghez, *Parlamentul și politica externă a României (1899–1914)*, Cluj-Napoca, Editura Mega, 2018, p. 170 și urm.

[8] Isabel F. Pantenburg, *Im Schatten des Zweibundes. Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik, 1897–1908*, Wien, Böhlau Verlag, 1996, p. 253 şi urm.

[9] Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*.

[10] Ecouri ale negocierilor purtate de România pentru reînnoirea tratatului cu Tripla Alianţă (Gheorghe Nicolae Căzan, Şerban Rădulescu-Zoner, *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*, Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979, p. 249–254).

64

Бухарест, 19 августа 1901 г., № 21. Сомов – графу Ламсдорфу[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Телеграф принёс сегодня известие, что румынский министр-президент и в то же время министр военный[2] и иностранных дел[3], господин Стурдза, проездом через Вену, посетил начальника Штаба императорской армии генерала Бека[4], у которого провёл около полутора часа.

Известие это, о котором умалчивают официозные органы печати, произвело здесь большое впечатление. Посещение это приводят в связи с приездом генерала Бека в Синаю и с приглашением наследного принца румынского присутствовать на манёврах в Венгрии[5].

Одни утверждают, что дело идёт о заключении австро-румынского военного соглашения[6]; другие доказывают, что соглашение это давно состоялось, и что теперь идут лишь переговоры об изменении некоторых статей этого соглашения, вызванном враждебным Тройственному союзу положением, занятым Болгарией и Сербией.

По сему поводу считаю долгом представить на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства некоторые сведения, добытые из достоверного источника.

Во время последнего министерского кризиса королю Карлу предстояло поручить составление кабинета или господину Карпу, главе жунимистов, приверженцу Австрии, или господину Стурдзе, известному тяготением своим к Германии, или, наконец, консерваторам с господином Кантакузиным и господином Таке Ионеску во главе. Здешний французский посланник[7], который состоит с господином Ионеску в дружеских отношениях, заявил ему, что, по его мнению, король, конечно, предпочтёт консерваторам, которые известны симпатиями своими к России и Франции, господина Стурдзу или господина Карпа, от которых у Его Величества не может быть секретов.

Господин Таке Ионеску, несколько обиженный, возражал, что и к консерваторам король имеет полное доверие, и в доказательство заявил, что король не скрывал от покойного вождя консерваторов Ласкэра Катарджиу существования военного соглашения с Австрией.

Содержание разговора этого было сообщено французским посланником своему правительству. Французский поверенный в делах, который только что возвратился из поездки в Цетинье, которую он совершил из Белграда вместе с английским военным агентом в Вене и Бухаресте полковником Вардропом (Wardrop)[8], сообщил мне, что его спутник неоднократно говорил ему об австро-румынском военном соглашении, не допуская даже мысли, чтобы оно могло быть неизвестным товарищам его в Бухаресте.

Полковник Вардроп заявил, вместе с тем, что в военных венских кругах существование соглашения не составляет тайны.

Равным образом французский посол в Константинополе во время путешествия короля Карла в Россию[9] доносил, что, по его сведениям, согласно австро-румынскому соглашению, состоявшемуся в 1895[10] году в Ишле[11], в случае войны одна часть румынской армии должна соединиться с австрийской у Черновиц, вторая часть занять укрепления от Галаца по Пруту, а последняя засесть в фортах, сооружённых вокруг Бухареста.

Наконец, военный агент наш в Бухаресте полковник Леонтович[12] на себе испытал, что румынское военное министерство старается скрыть от него, а равно и французского военного агента[13] то, что охотно сообщает германским, австрийским и даже итальянским офицерам.

Если на основании подобных указаний допустить возможность существования австро-румынского военного соглашения, то становится ясным, что изменение положения, занятого Сербией и Болгарией, заставляющее Австрию и Румынию озаботиться защитой своих южных границ, а особенно же открытие для судоходства Килийского рукава, давшее возможность нашим миноноскам появляться у Галаца, должны были изменить пункты военного соглашения, касающиеся сборов и распределения частей войск, и потребовать совместной работы австрийского и румынского военных ведомств. Этим, может быть, и объяснятся поездка начальника штаба австрийской армии в Синаю и визит, сделанный ему румынским военным министром господином Стурдзой в сопровождении румынского военного агента в Вене[14].

С другой стороны манёвры австро-венгерской армии, которые будут происходить в Фюнфкирхене[15], около сербской границы, и на которых будет присутствовать наследный принц румынский, по толкованию здешней печати являются демонстрацией против Сербии и выработаны, вероятно, на основании нового военного соглашения.

Это же говорят и о манёврах румынской армии, которые, несмотря на полное истощение казны, состоятся около города Рымника за рядом укреплений, воздвигнутых на прутской границе.

Вместе с тем, в финансовых кругах под большим секретом передаётся о возможности создания в Бухаресте нового австрийского банка и о финансовой помощи Румынии, якобы в вознаграждение за военное соглашение или за согласие внести в него новые статьи.

Надеждам этим вряд ли, однако, суждено осуществиться[16], так как германские банки во всём, что касается Румынии, начинают подпадать влиянию французского капитала, к которому им всё чаще и чаще приходится обращаться.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 116–119 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Управляющий российским МИД князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий переправил 7 сентября 1901 г. копию этой депеши «касательно слухов о заключении австро-румынского военного соглашения» военному министру генералу от инфантерии А. Н. Куропаткину.

[2] Между 14 февраля 1901 и 20 декабря 1904 г. (*ad interim* между 14 февраля 1901 и 18 июля 1902 г.).

[3] Между 14 февраля 1901 и 9 января 1902 г. (*ad interim* между 13 и 20 декабря 1904).

[4] См. также док. № 61 от 9 июня 1901 г.

[5] См. док. № 63 от 6 августа 1901 г.

[6] Принадлежность Румынии к Тройственному союзу представляла собой постоянную тему российских дипломатических донесений в десятилетия, предшествующие Первой мировой войне. Допуская существование формальных союзнических отношений между Румынией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией и Италией, с другой, российская дипломатия не имела представления о тех конкретных обязательствах, которые взяла на себя Румыния с подписанием договора с Австро-Венгрией осенью 1883 г. и его последующими «обновлениями» (Căzan, Rădulescu-Zoner. *România și Tripla Alianță*).

[7] Арсен Анри. Был назначен посланником Франции в Румынии в 1897 г., занимал этот пост до октября 1904 г. (Vele A.-M. *Reprezentarea diplomatică a Franței în România (1866–1914)* // Anuarul Institutului de Istorie „G. Barițiu" din Cluj-Napoca. T. XLVII, 2008. P. 151, 153).

[8] Фредерик Мейер Вардроп.

[9] Поль Камбон, посол Франции в Османской империи с августа 1891 г. по август 1898 г. В декабре 1898 г. его сменил в роли посла Жан Антуан Эрнест Констан. Поездка короля Карла в Россию состоялась в июле 1898 г.

[10] Продление договора Австро-Венгрии с Румынией состоялось в 1896 г. Германия присоединилась к Протоколу о продлении в 1898 г.

[11] Бад Ишль.

[12] Евгений Александрович Леонтович. О его деятельности в Румынии в рассматриваемый период см.: Каширин В. Б. *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014. С. 274.

[13] Огюст-Мари-Жозеф-Эмманюэль Пелларен. В указанное время имел звание капитана Генерального штаба.

[14] Майор Джордже Экзарху.

[15] Печ.

[16] Căzan; Rădulescu-Zoner. *România și Tripla Alianță.* P. 242–247.

București, 19 august 1901, nr. 21. Somov către contele Lamsdorff[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Astăzi a ajuns la mine prin telegraf știrea că domnul Sturdza, președintele Consiliului de Miniștri român, care este și ministru de Război[2] și al Afacerilor Străine[3], fiind în trecere prin Viena, i-a făcut o vizită generalului Beck[4], șeful Statului Major al armatei imperiale, la care a petrecut circa o oră și jumătate.

Această știre, care este trecută cu vederea de către organele oficiale de presă, a produs o impresie puternică aici. Întâlnirea este pusă în legătură cu vizita la Sinaia a generalului Beck și cu invitația adresată principelui moștenitor român de a asista la aplicațiile militare din Ungaria[5].

Unii afirmă că la respectiva întâlnire a fost semnat un acord militar austriaco-român[6]; alții demonstrează că o astfel de înțelegere a fost demult semnată și că în prezent se poartă doar negocieri despre modificarea unor articole, ca urmare a atitudinii ostile a Bulgariei și Serbiei față de Tripla Alianță.

În legătură cu aceasta, consider că este de datoria mea să supun atenției binevoitoare a Luminăției Voastre câteva informații obținute dintr-o sursă de încredere.

În timpul ultimei crize ministeriale, regele Carol urma să încredințeze formarea guvernului fie domnului Carp, conducător al junimiștilor și adept al Austriei, fie domnului Sturdza, cunoscut pentru simpatiile sale față de Germania, fie, în sfârșit, conservatorilor, în frunte cu domnii Cantacuzino și Take Ionescu. Trimisul francez de aici[7], care se află în relații de amiciție cu domnul Ionescu, i-a declarat acestuia că, din punctul său de vedere, regele îi va prefera desigur, în dauna conservatorilor, care sunt cunoscuți pentru simpatiile lor față de

Rusia și Franța, pe domnul Sturdza sau domnul Carp, față de care Majestatea Sa nu poate să aibă secrete.

Domnul Take Ionescu, supărat cumva, a obiectat, afirmând că regele are toată încrederea și în conservatori, aducând drept dovadă faptul că regele nu a ascuns de regretatul conducător al conservatorilor, Lascăr Catargiu, existența unui acord militar cu Austria.

Conținutul acestei discuții a fost comunicat de către trimisul francez guvernului său. Însărcinatul cu afaceri francez, care tocmai s-a întors dintr-o călătorie la Cetinje, pe care a efectuat-o de la Belgrad alături de agentul militar englez de la Viena și București, colonelul Wardrop[8], mi-a relatat că însoțitorul său i-a vorbit de mai multe ori despre înțelegerea militară austriaco-română, neadmițând nici măcar posibilitatea ca omologii săi din București să nu cunoască acest lucru.

Totodată, colonelul Wardrop mi-a declarat că în cercurile militare vieneze existența acordului nu reprezintă nici un secret.

În același sens, ambasadorul francez de la Constantinopol raporta, în timpul călătoriei regelui Carol în Rusia[9], că, din informațiile sale, potrivit înțelegerii austriaco-române încheiate în 1895[10] la Ischl[11], în caz de război, o parte a armatei române ar trebui să facă joncțiunea cu armata austriacă la Cernăuți, o altă parte să se așeze pe linia de apărare de la Galați pe Prut, iar ultima să ocupe fortificațiile din împrejurimile Bucureștiului.

În sfârșit, agentul nostru militar de la București, colonelul Leontovici[12], a constatat personal faptul că ministerul român de război încearcă să ascundă de el, la fel ca și de agentul militar francez[13], lucruri pe care le aduce la cunoștință cu plăcere ofițerilor germani, austrieci și chiar italieni.

Dacă aceste indicii trimit într-adevăr la posibilitatea existenței unui acord militar austriaco-român, atunci este evident că repoziționarea Serbiei și Bulgariei, care obligă Austria și România să se îngrijească de protejarea granițelor lor de sud, dar mai ales deschiderea pentru navigație a brațului Chilia, prin care șalupele noastre torpiloare au putut să apară la Galați, au avut ca efect modificarea punctelor din înțelegerea militară referitoare la concentrarea și distribuirea trupelor și intensificarea colaborării dintre instituțiile militare austriece și românești. Prin aceasta se și explică probabil călătoria șefului Statului Major al armatei austriece la Sinaia și vizita care i-a fost făcută de către ministrul român de război, domnul Sturdza, însoțit de către atașatul militar român de la Viena[14].

Pe de altă parte, aplicațiile armatei austro-ungare, care vor avea loc la Fünfkirchen[15], în apropiere de granița sârbă, la care urmează să asiste și principele moștenitor român, sunt, potrivit presei de aici, o demonstrație de forță împotriva Serbiei, fiind gândite, probabil, pe baza noului acord militar.

Același lucru se spune și despre aplicațiile armatei române, care, în ciuda secătuirii complete a finanțelor, vor avea loc în apropiere de orașul Râmnic, în spatele fortificațiilor ridicate la granița de pe Prut.

În același timp, în cercurile financiare se discută în mare secret despre posibilitatea înființării la București a unei noi bănci austriece și despre un ajutor financiar acordat României, aparent în calitate de recompensă pentru înțelegerea militară sau pentru acordul de a fi incluse noi articole în aceasta.

Există însă puține șanse ca aceste speranțe să se îndeplinească[16], deoarece, în ceea ce privește România, băncile germane intră tot mai mult sub influența capitalului francez, căruia trebuie să se adreseze tot mai des.

Cu deosebit respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 116–119 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

[1] Adjunctul ministrului de Externe, cneazul V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki, a expediat, pe data de 7 septembrie 1901, o copie a acestei depeșe, „privitoare la zvonurile privind încheierea unei înțelegeri militare austro-române", ministrului de Război, generalul A. N. Kuropatkin.

[2] 14 februarie 1901–20 decembrie 1904 (*ad interim* între 14 februarie 1901 și 18 iulie 1902).

[3] 14 februarie 1901–9 ianuarie 1902 (*ad interim* între 13 și 20 decembrie 1904).

[4] A se vedea și doc. nr. 61 din 9 iunie 1901.

[5] Vezi doc. nr. 63 din 6 august 1901.

[6] Apartenența României la Tripla Alianță a reprezentat o temă constantă a rapoartelor diplomatice ruse din deceniile premergătoare Primului Război Mondial. Admițând existența unor relații de alianță formalizate între România, pe de o parte, Germania, Austro-Ungaria și Italia, pe de altă parte, diplomația rusă nu a avut cunoștință despre obligațiile concrete pe care și le asumase România prin semnarea Tratatului cu Austro-Ungaria în toamna anului 1883 și „reînnoirile" ulterioare (Căzan; Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță*).

[7] Arsène Henry. Numit trimis extraordinar și ministru plenipotențiar al Franței în România în 1897, a ocupat acest post până în octombrie 1904 (Ana-Maria Vele, *Reprezentarea diplomatică a Franței în România (1866–1914)*, în „Anuarul Institutului de Istorie «G. Barițiu» din Cluj-Napoca", tom. XLVII, 2008, p. 151, 153).

[8] Frederick Meyer Wardrop.

[9] Paul Cambon, ambasador al Franței în Imperiul Otoman între august 1891 și august 1898. În decembrie 1898 a fost urmat de Jean Antoine Ernest Constans. Călătoria regelui Carol în Rusia a avut loc în iulie 1898.

[10] În 1896 a avut loc o prelungire a Tratatului Austro-Ungariei cu România. Germania a aderat la Protocolul de prelungire în 1898.

[11] Bad Ischl.

[12] Evgheni Al. Leontovici. Pentru activitatea acestuia în România în perioada respectivă: В. Б. Каширин, *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014, p. 274.

[13] Auguste-Marie-Joseph-Emmanuel Pellarin. La vremea respectivă avea gradul de căpitan de stat major.

[14] Maiorul George Exarhu.

[15] Pécs.

[16] Căzan; Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță*, p. 242–247.

65

Синая, 19 августа 1901 г., № 22. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Почти одновременно с приездом начальника Главного штаба австрийской армии в Синаю[1], в некоторой части румынской печати, особенно в газете «Adevărul», стали появляться статьи, направленные против России и с явной целью напугать Румынию призраком грозного соседа, готовящегося поглотить её. Ограничусь лишь некоторыми заглавиями, напечатанными на первой странице большими буквами: 1) Начало русофильской пропаганды в Румынии; 2) Россия желает войны на Балканах; 3) Замыслы России на Дунае; 4) Образование русского флота в Килийском рукаве: 5) Интриги панславистов; 6) Россия начинает действовать; 7) Россия производит мобилизацию на Пруте и т.д.[2]

Наконец, вчера[3] помещено письмо особого корреспондента газеты «Adevărul», который, с греческим паспортом, побывал в Унгенах и Одессе. По словам его, около 300.000 человек сосредоточены в Бессарабии и готовы вступить в Румынию. Около

20 миноносцев и многочисленные авизо (особенно пугают румын авизо), готовы отрезать румынский флот от Галаца и т.д.

Газета заявляет в заключение, что медлить больше нельзя, и что правительство и союзники его должны немедленно принять меры для сохранения неприкосновенности Румынии.

Кампания эта началась совершенно неожиданно, и ведёт ее «Adevărul», в сообществе с «Neues Wiener Journal»[4], «Berliner Tageblatt»[5] и другими германскими и австрийскими газетами. Ложное известие, помещённое в одной из газет, немедленно подхватывается и развивается другими.

По поводу нападок этих на Россию, мне удалось узнать следующее. Газета «Adevărul»[6] издаётся ныне господином Милле[7], является в Румынии органом антидинастическим и имеет наибольшее число подписчиков и читателей. Ежедневно выходит она двумя, а иногда тремя и четырьмя изданиями. Господин Милле, обременённый долгами, вынужден ныне работать под надзором некоего господина Петричану, который является доверенным лицом «Banque Générale»[8]. Банк же этот основан в Бухаресте берлинским «Disconto-Gesellschaft» и занят исключительно выполнением поручений из Берлина[9].

Газета «Adevărul» не пользуется хорошей репутацией и известна лишь резкими статьями, направленными против короля[10]. Выбрана она лишь потому, что имеет огромное число читателей[11]. Помещённые в ней вымыслы и клеветы перепечатываются другими второстепенными газетами, и понемногу в массе населения устанавливается убеждение в неминуемой опасности, грозящей со стороны России.

Насколько мне кажется, вся эта кампания предпринята исключительно с целью подготовить население к мысли, что единственным спасением для Румынии от завоевательных стремлений России, является крепкий союз с Австрией, и облегчить правительству действия в этом направлении[12].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 122–124.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. док. № 61 от 9 июня 1901 г.

[2] См.: 1901. 17 august. № 4329, вечернее издание (*„Adevărul" și acțiunea rusească în România*, *Uneltirile rusești în Balcani*); 19 august. № 4331 (*Austria și acțiunea Rusiei*; *Acțiunea rusă în România*).

[3] „Adevărul". 1901. 18 august. № 4330.

[4] „Neues Wiener Journal. Unparteiisches Tagblatt". См., напр.: *Die loyale Aussprache. Unsere Beziehungen zu Rußland und der Balkan.* 1901. 29 August. № 2817. S. 1–2.

[5] Появилось в двух изданиях – утреннем и вечернем. См. в качестве иллюстрации: *Rußland – in Bereitschaft* // „Berliner Tageblatt. Abend – Ausgabe". 1901. 26 August. № 432. S. 1.

[6] О газете „Adevărul" в этот период см.: Beldiman Al.V., Mille C. *Adevărul, 1888–1913. 25 de ani de acțiune.* București, Atelierele Soc. Anon. pe Acțiuni „Adevărul", 1913.

[7] Константин Милле (1861–1927), адвокат, журналист и редактор левой ориентации. Был владельцем газеты „Adevărul" с 1895 по 1920 г. Являлся также и депутатом.

[8] Румынский генеральный банк (Banca Generală Română). Был основан в 1897 г. с начальным капиталом, принадлежавшим в основном берлинским банкам Disconto-Gesellschaft и S. Bleichröder (Whale P. B. *Joint Stock Banking in Germany: A Study of the German Creditbanks Before and After the War.* London Macmillan and Co., 1930. P. 81. London and New York, Routledge, 2018).

[9] См. док. № 67 от 29 августа 1901 г.

[10] День 10 мая, когда Румыния праздновала коронацию в 1881 г. короля Карла, был назван газетой „Adevărul" «днём национального траура». Антимонархическая направленность публикаций была изначально задана Александру В. Белдиманом, который являлся владельцем газеты до 1895 г.

[11] Тираж колебался от 5 до 30 тыс. экземпляров.

[12] Публикации левой ориентации в Румынии конца XIX – начала XX в. имели выраженный антицаристский характер.

Sinaia, 19 august 1901, nr. 22. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Aproape simultan cu sosirea la Sinaia a șefului Statului Major al armatei austriece[1], într-o anumită parte a presei românești, în special în ziarul „Adevărul", au început să apară, în fiecare zi, articole îndreptate împotriva Rusiei, cu scopul de a speria România cu fantoma unui vecin amenințător, care se pregătește să o înghită. Mă voi rezuma doar la câteva titluri, publicate pe prima pagină cu majuscule: 1) Începutul propagandei rusofile în România; 2) Rusia voiește războiu în Balcani; 3) Intențiile Rusiei la Dunăre; 4) Crearea flotei ruse în brațul Chilia; 5) Intrigile panslaviștilor; 6) Rusia începe să acționeze; 7) Rusia organizează mobilizarea la Prut[2].

Mai nou, ieri[3] a fost publicată scrisoarea unui corespondent special al ziarului „Adevărul", care a vizitat, cu pașaport grecesc, Ungheniul și Odesa. Potrivit acestuia, în Basarabia sunt concentrați circa 300.000 de soldați, pregătiți de a intra în România. Circa 20 de purtătoare de mine și numeroase avizouri (românii sunt speriați în special de avizouri) sunt pregătite de a izola flota românească de Galați etc.

Acest ziar declară că lucrurile nu mai pot fi tratate cu indiferență și că guvernul și aliații săi trebuie să ia imediat măsuri pentru asigurarea inviolabilității teritoriului României.

Această campanie de presă a fost declanșată pe neașteptate, iar „Adevărul" o duce în compania publicațiilor „Neues Wiener Journal"[4], „Berliner Tageblatt"[5] și a altor ziare germane și austriece. O știre mincinoasă, inserată în unul din ziare, este preluată și dezvoltată imediat de către altele.

În legătură cu aceste atacuri la adresa Rusiei, am reușit să aflu următoarele. Ziarul „Adevărul"[6], editat în prezent de către domnul Mille[7], este organul grupurilor antidinastice și are cel mai mare tiraj și număr de cititori. Apare zilnic în două, iar câteodată în trei sau patru ediții. Împovărat de datorii, domnul Mille este obligat să lucreze în prezent sub supravegherea unui oarecare Petriceanu, care este persoană de încredere a „Banque Générale"[8]. Această bancă a fost deschisă la București de către „Disconto Gesellschaft" din Berlin și execută exclusiv indicații venite de la Berlin[9].

Ziarul „Adevărul" nu se bucură de o reputație bună și este cunoscut doar prin articolele dure, îndreptate împotriva regelui[10]. El a fost ales doar pentru că are un număr foarte mare de cititori[11]. Invențiile și minciunile publicate de către acest ziar sunt retipărite în alte ziare de mâna a doua, astfel încât în rândul populației se impune convingerea existenței unui pericol iminent pentru România din partea Rusiei.

Din punctul meu de vedere, toată această campanie a fost inițiată cu scopul exclusiv de a obișnui populația cu gândul că singura salvare pentru România de intențiile expansioniste ale Rusiei o reprezintă alianța strânsă cu Austria, ușurându-i astfel guvernului activitatea în această direcție[12].

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 122–124.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] A se vedea doc. nr. 61 din 9 iunie 1901.

[2] A se vedea, printre altele: nr. 4329, 17 august 1901, ediția de seară (*„Adevărul" și acțiunea rusească în România*, *Uneltirile rusești în Balcani*); nr. 4331, 19 august 1901 (*Austria și acțiunea Rusiei*; *Acțiunea rusă în România*).

[3] Nr. 4330, 18 august 1901, ediția de dimineață.

[4] „Neues Wiener Journal. Unparteiisches Tagblatt". A se vedea, de pildă, articolul *Die loyale Aussprache. Unsere Beziehungen zu Rußland und der Balkan*, nr. 2817, 29 august (st. n.), 1901, p. 1–2.

[5] Apărea în două ediții – de dimineață și de seară. Pentru exemplificare: *Rußland – in Bereitschaft*, în „Berliner Tageblatt. Abend – Ausgabe", nr. 432, 26 august (st. n.), p. 1.

[6] Despre ziarul „Adevărul" în perioada respectivă: Al.V. Beldiman, Const. Mille, *„Adevărul", 1888–1913. 25 de ani de acțiune*, București, Atelierele Soc. Anon. pe Acțiuni „Adevărul", 1913.

[7] Constantin Mille (1861–1927), avocat, ziarist și editor de orientare de stânga. A fost proprietar al ziarului „Adevărul" din 1895 până în 1920. A fost și deputat.

[8] Banca Generală Română. A fost înființată în 1897, cu un capital inițial aparținând în majoritate băncilor Disconto-Gesellschaft și S. Bleichröder din Berlin (P. Barrett Whale, *Joint Stock Banking in Germany: A Study of the German Creditbanks Before and After the War*, London Macmillan and Co., 1930, p. 81. Republicată: London and New York, Routledge, 2018).

[9] A se vedea doc. nr. 67 din 29 august 1901.

[10] Ziua de 10 mai, în care în România se sărbătorea încoronarea în 1881 a regelui Carol, era marcată de către ziarul „Adevărul" ca „zi de doliu național". Orientarea antimonarhică a publicației a fost imprimată inițial de către Alexandru V. Beldiman, proprietar până în 1895.

[11] Tirajul oscila între 5 și 30 mii de exemplare.

[12] Publicațiile de stânga din România de la sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX au avut un pronunțat caracter antițarist.

66

Синая, 22 августа 1901 г., № 26. Сомов – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В печати настойчиво продолжают появляться самые невероятные известия, касательно мнимых вооружений и замыслов России против Румынии. Большинство подобных телеграмм перепечатываются из австрийских и венгерских газет, и на основании их в Бухаресте появляются письма якобы нарочно отправленных в Россию корреспондентов, которые, в действительности, не выезжали из румынской столицы[2].

Вся ложь эта, конечно, отлично известна господину Стурдзе, который, тем не менее, относится к известиям этим скорее покровительственно. По крайней мере, обширная официозная печать не только ни разу не выступала с опровержением, но добросовестно продолжает перепечатывать все взводимые на Россию клеветы.

Это тем более удивительно, что из последнего свидания моего с господином Стурдзой, я вынес впечатление, что он хорошо осведомлён о настоящем положении дела.

Поведение в этом вопросе господина Стурдзы вызвало протест со стороны оппозиции, и, как Вашему Сиятельству благоугодно будет усмотреть из прилагаемой вырезки газеты «Roumanie», образ действия румынского министра-президента оценён по достоинству.

За время восьмилетнего пребывания в Румынии, я не запомню, чтобы вымыслы и клеветы на Россию достигали в печати когда-либо таких размеров. Вся кампания началась слишком внезапно и слишком настойчиво и, очевидно, преследует заранее намеченную цель.

В предыдущем моём донесении, на основании некоторых указаний, я позволил себе высказать соображение, что цель этой кампании – убедить Румынию в необходимости для неё заключить или оформить военное соглашение с Австрией. К сему считаю долгом присовокупить, что в последнее время, ввиду появившихся в здешней печати слухов о прекращении действия русско-австрийского соглашения 1897 года[3], мне неоднократно приходилось выслушивать и такое мнение, что фабрика ложных известий и клеветы на Россию устроена в Австро-Венгрии исключительно с целью доказать России необходимость для неё продолжить русско-австрийское соглашение 1897 года, так как если одно известие о возможности прекращения этого соглашения могло произвести такое смятение и трепет в Румынии, то действительное прекращение его неминуемо вызвало бы настоящие осложнения.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 144–145 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Не публикуется.

[2] См. пред. док.

[3] Благодаря этому соглашению обе державы заверили друг друга в сохранении *status quo* на Балканах. Румыния была единственной страной в регионе, которая приветствовала подписание соглашения (*Очерки истории Министерства иностранных дел России*. Т. 1. С. 472; Киняпина Н. С. *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898).* Москва, Издательство Московского университета, 1994. С. 193–196.

Sinaia, 22 august 1901, nr. 26. Somov către contele Lamsdorff

Conține o anexă[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Presa continuă să publice vești dintre cele mai alarmiste, privitoare la pretinsele înarmări și uneltiri ale Rusiei împotriva României. Majoritatea unor astfel de telegrame sunt republicate după ziare austriece și maghiare, iar pe baza acestora la București sunt date publicității scrisori ale unor pretinși corespondenți trimiși în Rusia, care, în realitate, nu au ieșit din capitala țării[2].

Desigur, toată această minciună este foarte bine cunoscută domnului Sturdza, care, cu toate acestea, are o atitudine mai degrabă protectoare față de aceste știri. În orice caz, numeroasele organe ale presei oficiale nu doar că nu au venit niciodată cu dezmințiri, ci continuă să republice conștiincios toate calomniile la adresa Rusiei.

Acest lucru este cu atât mai greu de înțeles, cu cât în timpul ultimei întâlniri cu domnul Sturdza am rămas cu impresia că el cunoaște foarte bine adevărata stare a lucrurilor.

Atitudinea domnului Sturdza în această chestiune a provocat un protest din partea opoziției și, așa cum Luminăția Voastră va avea bunăvoința de a constata din articolul de presă atașat, extras din ziarul „La Roumanie", modul de acțiune al președintelui Consiliului de Miniștri român a fost taxat la adevărata lui dimensiune.

Nu îmi aduc aminte ca, în cei opt ani pe care i-am petrecut în România, invențiile și calomniile din presă la adresa Rusiei să fi atins astfel de dimensiuni. Toată campania a fost declanșată pe neașteptate și excesiv de insistent, fiind urmărit, evident, un scop bine stabilit din timp.

În raportul meu anterior, pe baza unor indicii, mi-am permis să observ că scopul acestei campanii este de a convinge România de necesitatea încheierii sau perfectării unei înțelegeri militare cu Austria. La aceasta, consider că este de datoria mea de a adăuga că, în ultimul timp, având în vedere zvonurile din presa locală privind încetarea acțiunii înțelegerii ruso-austriece din anul 1897[3], am avut ocazia de a auzi de nenumărate ori opinia, potrivit căreia fabrica de știri mincinoase și calomnii la adresa Rusiei a fost inaugurată în Austro-Ungaria exclusiv cu scopul de a convinge Rusia de necesitatea continuării înțelegerii ruso-austriece din anul 1897, deoarece dacă doar știrea privind posibilitatea încetării acestei înțelegeri a putut provoca atâta panică și agitație în România, încetarea acesteia, în realitate, va genera inevitabil adevărate complicații.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 144–145 verso.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Nu se publică.

[2] A se vedea documentul anterior.

[3] Prin respectiva înțelegere, cele două Puteri se asigurau reciproc de menținerea *statu-quo*-ului în Balcani. România a fost singura țară din regiune care a salutat semnarea înțelegerii (*Очерки истории Министерства иностранных дел России*, том первый, *860–1917 гг.*, отв. ред. А. Н. Сахаров, Москва, Олма-Пресс, 2002, p. 472; Н.С. Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898)*, Москва, Издательство Московского университета, 1994, p. 193–196).

67

Бухарест, 29 августа 1901 г., № 27. Сомов – князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому[1]

Его Сиятельству, князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Милостивый государь князь Валериан Сергеевич,

Германизация Румынии идёт быстрыми шагами вперёд. В здешних многочисленных немецких кружках всё чаще и чаще приходится слышать, что королевству не избежать финансового контроля, и в таком случае на долю Германии выпадет первое место, так как государственный долг Румынии в полтора миллиарда франков был помещён в Германии[2].

Правда, что вследствие последнего денежного кризиса[3], она не в силах была удержать в своих руках все румынские ценности, и около 500 миллионов перешли во французские руки, но, тем не менее, берлинские банкиры, в финансовом отношении, являются полными хозяевами страны. При последнем займе в 175 миллионов франков[4], банкиры эти взяли с румынского правительства обязательство не обращаться к заграничным займам в продолжение пяти лет. Германские банкиры убедили и французских капиталистов строго держаться этого условия, указывая на то, что дальнейшие займы не по силам Румынии.

Парижские финансовые круги продолжают честно держаться данного германским банкам обещания и отказывают Румынии в какой-либо ссуде.

Германские же банки, обеспечив себя, таким образом, со стороны Франции, сами исподтишка оказывают помощь Румынии, но лишь там, где помощь эта обеспечивает им финансовое влияние.

Лучшим образцом может служить следующая проделка «Disconto-Gesellschaft»[5].

Вашему Сиятельству известно уже из предыдущих донесений гофмейстера Фонтона, какое огромное значение придаёт германское правительство сооружению порта в Кюстендже (Констанца)[6], через который будут производиться все сношения Германии с Малой Азией и Дальним Востоком. Прямой, скорый ежедневный поезд и особая телеграфная линия соединяют уже Берлин с Констанцей; получена и концессия на подводный кабель между Констанцей и Константинополем; быстроходные румынские пароходы (22 мили в час) уже соединяют Констанцу с Константинополем; построен и громадный мост через Дунай у Чернаводэ[7]; своевременно начаты были и работы по сооружению обширного порта[8], на который Германия уже заранее смотрела как на свою собственность на Чёрном море.

Неприятным для Германии являлось лишь то обстоятельство, что исполнение работ по сооружению порта, было отдано Румынией ещё ранее французскому предпринимателю Галье[9]. И вот в самый разгар работ, румынские власти начинают до того придираться и стеснять французских инженеров, что они вынуждены отказаться от работ. Следует громкое третейское разбирательство[10].

Дабы не раздражать французских капиталистов, Германия как будто бы поддерживает французского предпринимателя, и Румыния приговорена к уплате Галье значительной неустойки и понесённых им убытков.

На самом же деле победа осталась на стороне Германии, и французы устранены от всякого участия в сооружении порта.

Недороды[11] и финансовый кризис заставляют затем Румынию почти что прекратить работы: по бюджету 1901–1902 года отпущено всего 396221 франков.

Это на руку германским банкирам, и они, потихоньку от французских банкиров, предлагают Румынии свою помощь.

Дело устраивается таким образом. Королевским декретом от 21 июля постановляется употребить на работы по порту в Констанце 1.103.778 франков, капитал, принадлежащий портам округов Брэила, Ильфов и Романаць и хранящийся в румынской кассе депозитов[12].

Но, как постоянно случается в Румынии, денег этих налицо не оказалось (до чего румынские министры не стесняются, видно из следующего примера: на сооружение православного собора в Бухаресте было собрано около 4 миллионов франков. Из суммы этой ничего не осталось, вся она, как заявил митрополит, была расхищена сменявшимися Министерствами, на совершенно иные цели)[13].

Тогда-то Германия и предложила свою помощь. Берлинский «Disconto-Gesellschaft» давно образовал уже в Бухаресте «Banque Générale»[14], который и является его представителем в Румынии. «Banque Générale», в свою очередь, образовал два банка, один в Брэиле, другой в Констанце, которым, ввиду приближения срока заключения торговых договоров, предписано стараться захватить в свои руки отпускную хлебную торговлю Румынии, выдачей ссуд и скупкой и отправкой на свой счёт хлеба.

Констанцское отделение «Banque Générale»=«Disconto-Gesellschaft» немедленно же получило предписание ссудить кассе депозитов 1.103.778 франков на работы по порту. Германский банк выговорил себе за это право занять все казённые хлебные амбары при станциях железной дороги от Констанцы до Чернаводэ. Сделка эта, конечно, заключена была в тайне от французских банкиров, участвовавших в последнем займе румынского правительства в 175 миллионов франков.

Деятельность Германского Банка в Брэиле не менее успешна.

Таким образом, в непродолжительном времени, отпуск румынского хлеба по Дунаю, а равно и порт Констанцы с окружающим его районом, попадёт в полную зависимость от Германии.

Главной пособницей в деле германизации является католическая пропаганда. В одной Бухарестской епархии, в католических учебных заведениях, воспитывается около пяти тысяч детей. Из этого числа лишь около трёхсот приходятся на долю французских установлений. Вся же остальная масса обучается в немецких учебных заведениях. Французский язык вытесняется мало-помалу немецким[15].

Румыния кишит немецкими евреями и дельцами всех родов, жаждущими наживы, и, несмотря на расстояние, торговые обороты Германии почти равняются оборотам Австрии. Германия, как бы через Австрию, стремится экономически заполонить Румынию и стать твёрдой ногой на Чёрном море[16].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 149–154.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848–1907) – товарищ министра иностранных дел Российской империи в 1900–1906 г.г., неоднократно управлял министерством в отсутствие графа Ламсдорфа. Эту депешу он переслал министру финансов Российской империи Сергею Юльевичу Витте 10 сентября 1901 г. за № 697.

[2] См.: Axenciuc V. *Evoluţia economică a României. Cercetări statistico-istorice 1859–1947.* Vol. III. *Monedă – Credit – Comerţ – Finanţe publice.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2000. P. 714–721 Для понимания немецкой точки зрения той эпохи на состояние румынских финансов см.: Dr. von Brackel. *Rumäniens Staats-Kredit in deutscher Beleuchtung. Eine finanzpolitische Studie.* München, J. F. Lehmann, 1902.

[3] Финансовая несбалансированность (бюджетный дефицит, повышение процентных ставок и прекращение кредитования), с которой столкнулась Румыния в последние годы XIX в. и первые годы XX в., была вызвана большим экономическим кризисом, который в значительной степени предопределялся чрезмерной долей в румынском экспорте сельскохозяйственной продукции (отсюда и зависимость от цен на зерновые на европейском и мировом рынке), технологической отсталостью и отсутствием современной транспортной инфраструктуры. На эти структурные причины существующих проблем наложилась и засуха 1899 г. Зависимость Румынии от иностранного капитала выросла в последние два десятилетия XIX в. из-за того, что большие проекты, касающиеся общественных работ и инфраструктуры, финансировались путём заключения внешних займов (Axenciuc V. *Penetraţia capitalului străin în România până la Primul Război Mondial (I)* // Revista de istorie. Tom 34 (1981). № 5;

Murgescu B. *România și Europa. Acumularea decalajelor economice (1500–2010).* Iași, Polirom, 2010. P. 103–204). О политических противоречиях той эпохи, вызванных состоянием румынских финансов: Ionesco T. *Deux ans de finances roumaines, 1899–1901.* Bucarest, Imprimerie E.S. Cerbu, 1902.

[4] См. след. прим.

[5] Основан в 1851 г., на протяжении нескольких десятилетий был одним из крупнейших германских банков. В 1929 г. объединился с Deutsche Bank (Pohl M. *Konzentration im deutschen Bankwesen (1848–1980).* Frankfurt am Main, Verlag Fritz Knapp, 1982). С 1871 г. был представлен и в Румынии. Подробнее о вопросах, затронутых в этом документе, см.: *Die Disconto–Gesellschaft 1851 bis 1901. Denkschrift zum 50 jährigen Jubiläum*. Berlin, 1901. P. 60–65; Hamlin D. *Germany´s Empire in the East. Germans and Romania in an Era of Globalization and Total War.* Cambridge, Cambridge University Press, 2017. P. 44 и etc.

[6] См.: *ДДРПР, 1888–1898.* Док. №№ 23, 57, 72, 80.

[7] Сооружён в 1880–1895 гг. по проекту инженера Ангела Салиньи.

[8] Для сооружения нового порта в Констанце в 1895 г. консервативным правительством был организован аукцион, в котором приняли участие многие фирмы из Италии, Франции и Нидерландов.

[9] Адриан Аллье (Галье) (1840–1906), французский военный деятель, инженер и предприниматель. Вначале проявил себя сооружением фортификационных укреплений во Франции, а в 1890 г. – в обустройстве порта Гавра. В 1895 г. на аукционе выиграл тендер на ведение работ по обустройству и расширению порта в Констанце, предложив значительно более низкую цену, чем предполагаемая стоимость затрат. Попытка консервативного правительства аннулировать в 1899 г. контракт по причине задержки в осуществлении работ, вызвала кризис в отношениях с Францией, вынудив Румынию в целях разрешения спора принять, в частности, поправки к законодательству и согласиться на создание на своей территории временного судебного органа, находящегося под международной юрисдикцией. Решение суда, на которое повлияло также вмешательство некоторых румынских и французских политиков, было благоприятным для Аллье, поскольку румынское государство обязалось выплатить ему в качестве «компенсаций» сумму в 6.226.000 франков (Bacalbașa C. *Bucureștii de altădată, 1885-1901.* Vol. II. București, Editura ziarului „Universul", 1928. P. 272–273, 277; 280–283; Popa M. *Contribuții privind relațiile româno-franceze, 1900–1914* // Studii. Revista de Istorie. 22, 1969. № 1. P. 88–89; Caragea A. *Pagini de istorie ascunsă. Afaceri celebre, personalitati controversate, morti misterioase*, Chișinău, Cartier, 2004; Cojoc M. *Constanța – port internațional. Comerțul exterior al României prin portul Constanța (1878–1939).* București, Cartea Universitară, 2006. P. 88; La Croix. Supplément. 10 апреля 1900 г.).

[10] См. предыдущее примечание.

[11] В 1899 г. урожай зерна был в три раза меньше урожая 1898 г. (Angelescu I. N. *Cunoașterea și conducerea pieței economice. Studiu istorico-statistic asupra evoluției economice a popoarelor.* București, Institutul de Editură si Arte Grafice „Flacăra", 1914. P. 102).

[12] *Istoricul Casei de Depuneri și Consemnațiuni. Lucrare întocmită cu ocazia împlinirii a 75 ani de ființare. 1865–1940.* București, Institutul de Arte Grafice, 1940.

[13] В соответствии с законом, принятым в 1884 г., для строительства православного собора в Бухаресте была выделена сумма в 5 млн леев, что составляло примерно 5% годового бюджета Румынии. Применение этого закона несколько раз откладывалось, и в итоге проект был заброшен.

[14] См. док. № 66 от 22 августа 1901 г., прим. 7.

[15] Преувеличение. В десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, французский язык укрепил свое ведущее положение в румынском образовательном и культурном пространстве.

[16] Căzan; Rădulescu-Zoner. *România și Tripla Alianță.* P. 242–246.

București, 29 august 1901, nr. 27. Somov către cneazul Obolenski-Neledinski-Melețki[1]

Luminăției Sale, Cneazului V. S. Obolenski-Neledinski-Meleţki

Stimate Domnule, Cneaz, Valerian Sergheevici,

Germanizarea României merge într-un ritm alert înainte. În numeroasele cercuri germane de aici se aude tot mai des și mai des că regatul nu va putea evita controlul financiar

din afară, iar în acest caz Germaniei îi va reveni primul loc, deoarece datoria de stat a României în valoare de un miliard și jumătate de franci a fost depusă în Germania[2].

Este adevărat că, în continuarea ultimei crize financiare[3], ea nu a fost capabilă să mențină controlul asupra tuturor hârtiilor de valoare românești, circa 500 milioane trecând în mâinile francezilor, dar, totuși, din punct de vedere financiar, bancherii berlinezi sunt stăpânii deplini ai țării. Cu ocazia ultimului împrumut de 175 milioane de franci[4], acești bancheri au scos de la guvernul român obligația de a nu apela la alte împrumuturi externe în următorii cinci ani. Bancherii germani i-au convins și pe deținătorii de capital francezi să respecte strict această condiție, susținând că alte noi împrumuturi depășesc capacitățile României.

Cercurile bancare pariziene continuă să respecte cinstit promisiunile făcute băncilor germane și refuză României orice credit.

Băncile germane însă, după ce au obținut astfel garanții din partea Franței, oferă pe ascuns ajutor României, însă doar acolo unde acest ajutor le asigură influență financiară.

Cel mai bun exemplu în acest sens poate fi următorul truc al „Disconto-Gesellschaft"[5].

Din rapoartele anterioare ale hofmeister-ului Fonton, Luminăția Voastră este deja la curent cu importanța pe care o acordă guvernul german construirii portului de la Küstendje (Constanța)[6], care va asigura toate legăturile Germaniei cu Asia Mică și Orientul Îndepărtat. Un tren direct rapid, care circulă zilnic, și o linie specială de telegraf leagă deja Berlinul de Constanța; au obținut deja și o concesiune pentru un cablu subacvatic între Constanța și Constantinopol; vapoarele de viteză românești (22 mile/oră) unesc deja Constanța de Constantinopol; a fost construit un pod imens peste Dunăre la Cernavodă[7]; în același timp au fost începute lucrările pentru amenajarea unui mare port[8], pe care Germania îl vedea deja ca pe o proprietate a sa la Marea Neagră.

Singurul aspect neplăcut pentru Germania îl reprezenta doar faptul că, anterior, lucrările pentru construirea portului au fost acordate de către România întreprinzătorului francez Hallier[9]. Chiar în toiul lucrărilor, autoritățile române recurg la șicane și îi intimidează pe inginerii francezi, care sunt constrânși să renunțe la proiect. Urmează un proces de răsunet la o instanță de arbitraj[10].

Pentru a nu îi irita pe deținătorii de capital francezi, Germania creează impresia că îl susține pe întreprinzătorul francez, România fiind condamnată la plata către Hallier a unei penalizări consistente și la despăgubirea pierderilor înregistrate.

În realitate însă, victoria a fost de partea Germaniei, francezii fiind îndepărtați de la orice lucrare de amenajare a portului.

Lipsa recoltelor[11] și criza financiară aproape că impun României să sisteze lucrările: prin bugetul anilor 1901-1902 au fost alocați doar 396.221 franci.

Acest lucru convine bancherilor germani, iar aceștia, pe ascuns de bancherii francezi, își oferă României serviciile.

Afacerea a evoluat în felul următor. Printr-un decret al regelui din 21 iulie se decide de a fi folosită la lucrările de la portul Constanța suma de 1.103.778 franci, reprezentând capitalul porturilor din județele Brăila, Ilfov și Romanați păstrate la Casa de depuneri [12].

Dar, așa cum se întâmplă de obicei în România, acești bani nu au existat în mod real (că miniștrii români nu au nici o jenă în astfel de cazuri se poate observa din următorul exemplu: pentru construirea catedralei ortodoxe din București a fost colectată suma de 4 milioane de franci. Din această sumă nu a rămas nimic, fiind delapidată, potrivit mitropolitului, de către guvernele care se tot schimbau, pentru cu totul alte scopuri)[13].

Chiar atunci Germania și-a oferit ajutorul. Banca berlineză „Disconto-Gesellschaft" a înființat mai demult la București banca „Banque Générale"[14], care este, de fapt, reprezentanta acesteia în România. La rândul său, „Banque Générale" a înființat alte două bănci, una la

Brăila, iar alta la Constanța, cărora, având în vedere apropierea termenelor de încheiere a unor convenții comerciale, li s-au dat instrucțiuni să încerce să monopolizeze comerțul extern cu cereale al României, prin acordarea de împrumuturi, achiziționarea și expedierea pe cont propriu a cerealelor.

Filiala din Constanța a Banque Générale – Disconto-Gesellschaft a primit imediat indicația de a pune la dispoziția Casei de depuneri un împrumut de 1.103.778 franci pentru lucrări în port. În schimb, banca germană a obținut pentru sine dreptul de a ocupa toate depozitele de cereale de stat de la stațiile de cale ferată dintre Constanța și Cernavodă. Această tranzacție a fost încheiată, desigur, fără știrea bancherilor francezi, care au participat la ultima creditare a guvernului român cu 175 milioane de franci.

Activitatea băncii germane din Brăila nu este mai puțin reușită.

Astfel, într-un timp foarte scurt, exportarea cerealelor românești pe Dunăre, la fel ca portul Constanța și regiunile limitrofe, va intra într-o dependență totală față de Germania.

Principalul aliat în opera de germanizare este propaganda catolică. Doar în eparhia Bucureștiului, instituțiile de educație catolice sunt frecventate de circa cinci mii de copii. Din acest număr, doar circa trei sute revin unor așezăminte franceze. Ceilalți frecventează instituții de educație germane. Drept consecință, limba franceză este înlocuită treptat de germană[15].

România este inundată de evrei germani și de afaceriști de toate neamurile, dornici de a se pricopsi, și, în ciuda distanțelor diferite, schimburile comerciale ale Germaniei sunt aproape identice cu cele ale Austriei. Germania, prin Austria, încearcă să copleșească economic România și să pună ferm piciorul la Marea Neagră[16].

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 149–154.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Cneazul Valerian Sergheevici Obolenski-Neledinski-Melețki (1848–1907), adjunct al ministrului de Externe al Imperiului Rus în anii 1900–1906, a condus frecvent ministerul, în lipsa contelui Lamsdorff. El a expediat această depeșă ministrului de Finanțe al Imperiului Rus, Serghei Iulievici Witte, pe data de 10 septembrie 1901, nr. 697.

[2] A se vedea: Victor Axenciuc, *Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice 1859–1947*, vol. III, *Monedă – Credit – Comerț – Finanțe publice*, București, Editura Academiei Române, 2000, p. 714–721. Pentru un punct de vedere german din epocă privind starea finanțelor românești: Dr. Freiherr von Brackel, *Rumäniens Staats-Kredit in deutscher Beleuchtung. Eine finanzpolitische Studie*, München, J. F. Lehmann, 1902.

[3] Dezechilibrele financiare (deficitul bugetar, creșterea nivelului dobânzilor și încetarea creditărilor) cu care s-a confruntat România în ultimii ani ai secolului XIX și în primii ani ai secolului XX au fost provocate de o criză economică majoră, determinată, în mare măsură, de ponderea excesivă a produselor agricole în exporturile românești (de unde și dependența de prețurile la cereale pe piața europeană și mondială), înapoierea tehnologică și lipsa unei infrastructuri moderne de transport. Peste aceste cauze structurale s-a suprapus seceta din anul 1899. Dependența României de capitalul străin a crescut în ultimele două decenii ale secolului XIX din cauza faptului că marile proiecte de lucrări publice și infrastructură au fost finanțate prin contractarea de împrumuturi externe (Victor Axenciuc, *Penetrația capitalului străin în România până la Primul Război Mondial (I)*, în: „Revista de istorie”, tom 34 (1981), nr. 5; Bogdan Murgescu, *România și Europa. Acumularea decalajelor economice (1500–2010)*, Iași, Polirom, 2010, p. 103–204;) Pentru controversele politice din epocă privind starea finanțelor românești: Take Ionesco, *Deux ans de finances roumaines, 1899–1901*, Bucarest, Imprimerie E.S. Cerbu, 1902.

[4] A se vedea nota următoare.

[5] Înființată în 1851, a fost, timp de câteva decenii, una dintre cele mai mari societăți bancare germane. În 1929 a fuzionat cu Deutsche Bank (Manfred Pohl, *Konzentration im deutschen Bankwesen (1848–1980)*, Frankfurt am Main, Verlag Fritz Knapp, 1982). A fost prezentă în România din anul 1871. Pentru aspecte

discutate în acest document: *Die Disconto–Gesellschaft 1851 bis 1901. Denkschrift zum 50 jährigen Jubiläum*, Berlin, 1901, p. 60–65; David Hamlin, *Germany´s Empire in the East. Germans and Romania in an Era of Globalization and Total War*, Cambridge, Cambridge University Press, 2017, p. 44 și urm.

[6] A se vedea documentele nr. 23, 57, 72, 80 din *RDRR, 1888–1898.*

[7] Construit, între 1980 și 1895, după planurile inginerului Anghel Saligny.

[8] Pentru construirea noului port de la Constanța, în anul 1895 a fost organizată de către guvernul conservator o licitație la care au participat mai multe firme din Italia, Franța și Olanda.

[9] Adrien Hallier (1840–1906), militar, inginer și antreprenor francez. S-a remarcat inițial prin construirea unor fortificații în Franța, iar în anii 1890 prin amenajarea portului Le Havre. În 1895 a câștigat licitația pentru lucrările de sistematizare și extindere a portului Constanța, oferind un preț semnificativ mai mic decât valoarea estimată a costurilor. Încercarea guvernului conservator de a rezilia în 1899 contractul, din cauza întârzierilor în executarea lucrărilor, a provocat o criză în relațiile cu Franța, România fiind constrânsă, pentru rezolvarea litigiului, să accepte inclusiv modificarea legislației și constituirea pe teritoriul său a unui complet de judecată internațional. Decizia instanței, influențată inclusiv de ingerințele unor oameni politici români și francezi, a fost favorabilă lui Hallier, statul român fiind obligat să-i achite, sub formă de „despăgubiri”, suma de 6.226.000 franci. (Constantin Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1885–1901*, vol. II, București, Editura ziarului „Universul”, 1928, p. 272–273, 277; 280–283; Mircea N. Popa, *Contribuții privind relațiile româno-franceze, 1900–1914*, în „Studii. Revista de Istorie”, 22, 1969, nr. 1, p. 88–89; Anton Caragea, *Pagini de istorie ascunsă. Afaceri celebre, personalitati controversate, morti misterioase*, Chișinău, Cartier, 2004; Mariana Cojoc, *Constanța – port internațional. Comerțul exterior al României prin portul Constanța (1878–1939)*, București, Cartea Universitară, 2006, p. 88; „La Croix. Supplément”, 10 aprilie 1900).

[10] A se vedea nota anterioară.

[11] Recolta de cereale din anul 1899 a fost de peste trei ori mai mică față de cea din 1898 (Ion N. Angelescu, *Cunoașterea și conducerea pieței economice. Studiu istorico-statistic asupra evoluției economice a popoarelor*, București, Institutul de Editură si Arte Grafice „Flacăra”, 1914, p. 102).

[12] *Istoricul Casei de Depuneri și Consemnațiuni. Lucrare întocmită cu ocazia împlinirii a 75 ani de ființare. 1865–1940*, București, Institutul de Arte Grafice, 1940.

[13] Printr-o lege adoptată în 1884, pentru construirea unei catedrale ortodoxe la București a fost alocată suma de cinci milioane lei, aproximativ 5% din bugetul anual al României. Aplicarea acestei legi a fost amânată de mai multe ori, proiectul fiind abandonat în cele din urmă.

[14] A se vedea doc. nr. 66 din 22 august 1901, nota 7.

[15] Afirmație exagerată. În deceniile premergătoare Primului Război Mondial, limba franceză și-a consolidat întâietatea în spațiul educațional și cultural românesc.

[16] Căzan; Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță*, p. 242–246.

68

Бухарест, 8 сентября 1901 г., № 30. Фонтон – князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Его Сиятельству, князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Милостивый государь князь Валериан Сергеевич,

Королевский бюджет заключает в себе статью расхода по содержанию румынских школ в Македонии[1]. Расход этот в начале не превышал 10 тысяч франков, но затем, последовательно, и главным образом, при министре финансов Таке Ионеску[2], ежегодная субсидия, отпускаемая македонским школам, достигла 60 тысяч.

Нынешнее министерство, всячески стараясь сократить бюджет и принимая во внимание, что многие из содержимых Румынией македонских школ совершенно не посещались, закрыло большинство из них. Мера эта, в сущности рациональная, вызвала со стороны консервативной оппозиции, одним из главных руководителей коей

состоит Т. Ионеску, немалые нарекания на либеральное Министерство в недостатке патриотизма.

На этих днях прибыла в Бухарест депутация от наставников и учителей румынских школ в Македонии. Принятая министром народного просвещения, господином Харетом[3], депутация эта выдала себя за представительницу и уполномоченную не только наставников и учителей, но и всего «румынского народа» Македонии, с намерением сделать заявления от имени всей Македонии[4].

Претензии различных депутатов этих, однако, не согласовались между собой. Тогда как одни из них ходатайствовали об увеличении сметы бюджета по содержанию школ, другие заявили, что готовы скорее отказаться от всякой субсидии, чем согласиться на её сокращение. При этом некоторые из депутатов выражались и держали себя столь надменно, что господин Харет был вынужден им заметить, что если бы Румыния была вассальной провинцией Македонии, то и в таком случае она могла бы рассчитывать на более вежливое требование об уплате «дани».

Министр народного просвещения тщетно старался, между прочим, указать депутации на необходимость для Румынии сократить свой государственный бюджет; это заявление его не произвело на неё никакого впечатления.

Вместе с сим куцо-влахские наставники и учителя предполагали устроить школьную стачку, но план этот не удался, и, за исключением трёх или четырёх, все неупразднённые румынские школы в Македонии, открыли свой учебный сезон в обычное время.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 172–174.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 143–144.

[2] Январь – июль 1900.

[3] Прозванный «человеком школы», Спиру Харет считается организатором современной румынской школы. Многократно занимал должность министра народного просвещения в либеральных правительствах: 31 марта 1897 – 30 марта 1899; 14 февраля 1901 – 20 декабря 1904; 12 марта 1907 – 28 декабря 1910 гг. В этом качестве в 1898 г. осуществил реформу среднего и высшего образования, создав три типа школьных классов с V по VIII (классические, современные и реальные) со своими специфическими программами. Закон 1898 г. ввёл сертификат об окончании школы (бакалавриат) и стимулировал новые методы в преподавании всех дисциплин с назначением учителей на свои места в зависимости от их квалификации. Годом позже Харет внёс на голосование закон о профессиональном образовании, в рамках которого он предложил ввести особые учебные планы и прописать особый статус школ искусств и ремёсел, военных училищ, семинарий. Для того, чтобы обеспечить адекватную подготовку учителей, были реорганизованы нормальные школы (педагогические училища).

[4] В конце XIX – начале XX аромуны составляли лишь небольшую часть населения Македонии. О спорах вокруг этнической структуры этого региона см.: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 132–142.

București, 8 septembrie 1901, nr. 30. Fonton către cneazul Obolenski-Neledinski-Melețki

Luminăției Sale, Cneazului V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki

Stimate Domnule, Cneaz, Valerian Sergheevici,

Bugetul regatului conține și un articol de cheltuieli bugetare pentru întreținerea școlilor românești din Macedonia[1]. Aceste cheltuieli nu depășeau inițial zece mii de franci,

dar ulterior au crescut constant, în special în timpul mandatului ministrului de finanțe Take Ionescu[2], subsidiile anuale acordate școlilor macedonene ajungând la 60 de mii.

Guvernul actual, încercând prin toate mijloacele să reducă aceste cheltuieli și ținând cont de faptul că multe dintre școlile macedonene finanțate de către România nu au deloc elevi, le-a închis pe majoritatea dintre acestea. Respectiva măsură, rațională de altfel, a adus destule reproșuri guvernului liberal din partea opoziției conservatoare, unul dintre conducătorii importanți ai căreia este T. Ionescu, guvernul fiind acuzat de lipsă de patriotism.

Zilele trecute a sosit la București o delegație din partea institutorilor și învățătorilor școlilor românești din Macedonia. Fiind primită de către ministrul instrucțiunii publice, domnul Haret[3], această delegație s-a recomandat drept reprezentantă și mandatară nu doar a institutorilor și învățătorilor, dar și a întregului „popor român" din Macedonia, îndreptățită să facă declarații în numele întregii Macedonii[4].

Doleanțele unora dintre acești delegați nu au fost însă armonizate între ele. Astfel, în timp ce unii dintre ei solicitau mărirea capitolului din buget destinat întreținerii școlilor, alții declarau că sunt mai degrabă de acord să renunțe la orice subsidii, decât să accepte reducerea acestora. Este de amintit faptul că unii dintre delegați au avut o atitudine atât de arogantă, încât domnul Haret a fost obligat să le spună că, chiar dacă România ar fi fost o provincie vasală a Macedoniei, ea ar fi fost îndreptățită să spere la o atitudine mai binevoitoare la plata „tributului".

Printre altele, ministrul instrucțiunii publice a încercat zadarnic să atragă atenția asupra faptului că România este obligată la constrângeri bugetare; această declarație a sa nu a avut nici un efect asupra delegației.

Institutorii și învățătorii cuțovlahi au avut intenția de a provoca o grevă școlară, însă acest plan a eșuat și, cu excepția a trei sau patru școli din Macedonia, celelalte și-au deschis anul școlar la termenul prevăzut.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 172–174.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 143–144.

[2] Ianuarie–iulie 1900.

[3] Supranumit „omul şcolii", Spiru Haret este considerat organizatorul şcolii moderne româneşti. A deţinut, de mai multe ori, funcţia de ministru al instrucţiunii publice în guvernele liberale: 31 martie 1897 – 30 martie 1899; 14 februarie 1901 – 20 decembrie 1904; 12 martie 1907 – 28 decembrie 1910. În această calitate, a condus reforma învăţământului secundar şi superior din 1898, înfiinţând cele trei secţiuni ale claselor V–VIII, clasică, modernă şi reală. Legea din 1898 a instituit certificatul de absolvire (bacalaureatul) şi a stimulat metodele noi în predarea tuturor disciplinelor, profesorii fiind numiţi în funcţie de valoare. Un an mai târziu, Haret a propus spre votare o lege a învăţământului profesional cu planuri de instrucţii şi statute speciale pentru şcolile de artă şi meşteşuguri, liceele militare, seminarele teologice. Pentru a da învăţătorilor o pregătire adecvată, a reorganizat şcolile normale.

[4] La sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX, aromânii reprezentau doar o mică parte a populației Macedoniei. Pentru controversele privind structura etnică a acestei regiuni: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 132–142.

69

Бухарест, 8 сентября 1901 г., без номера. Фонтон – князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Его Сиятельству, князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Милостивый государь князь Валериан Сергеевич,

Господин Стурдза, только что возвратившийся из кратковременной поездки в провинцию, посетил меня вчерашнего числа. В моей с ним беседе, он коснулся, между прочим, некоторых вопросов, особенно занимающих, в последнее время, общественное мнение в Румынии.

По делу об оправдании судом в Софии Бориса Сарафова[1], министр иностранных дел высказался, что, воздерживаясь от оценки по существу образа действий княжеских судебных властей в данном случае, он вполне отдаёт себе отчёт в положении болгарского правительства, вследствие чего королевское правительство решило не предпринимать ничего более по этому делу.

В общем, прибавил господин Стурдза, отношения между Румынией и Болгарией могут считаться удовлетворительными; при этом он сослался на то, что в Софии принят почин в заключении рыбной конвенции с Румынией[2], наподобие нашей[3]. Он усматривает в этом хороший признак, который является первым звеном к установлению вполне благоприятных взаимных отношений. По заключении этой конвенции и в случае проявления сговорчивости со стороны Болгарии, он желал бы вступить в переговоры по разграничению всех дунайских островов вдоль обоих прибрежных государств[4]. Но, присовокупил министр, надлежит не торопиться с этим делом и предпринять его лишь при уверенности встретить со стороны Болгарии готовность, обеспечивающую успех. Он крайне сожалел бы, если бы подобная попытка, предпринятая несвоевременно, вызвала бы недоразумения между Бухарестом и Софией. Запросив его конфиденциально, каково в настоящее время расположение князя Фердинанда к Румынии, министр мне передал доверительно, что Его Королевское Высочество «est encore souvent grincheux». На моё замечание, что, быть может, князь проявляет некоторое нервное раздражение вследствие неотдачи королём Карлом визита[5], сделанного ему уже давно князем болгарским[6], и что поездка Его Величества, хотя бы в пограничный Рущук, произвела бы благоприятный результат на взаимные отношения двух соседних государств, господин Стурдза отозвался, что поездка эта уже имелась в виду, но что ранее посещения князя Фердинанда королю предстояло бы отдать визит королю Александру, чему до прошлого года служило препятствием пребывание в Сербии Милана, и что король Карл не мог бы преодолеть своё нежелание встретиться с родителем Его Величества. Что же касается специально поездки в Софию, то совершение оной усложняется тем обстоятельством, что султан ожидал бы, вероятно, в таком случае, и ему визита со стороны короля Карла. Таковы, по словам господина Стурдзы, препятствия, вызывающие отсрочку этих двух посещений, на желательность коих я счёл нужным указать министру.

Переходя за сим к столь часто упоминаемому в последние месяцы в румынской и австро-венгерской печати свиданию короля Карла с королём Георгом греческим в Аббации[7], господин Стурдза заявил, что свидание это было, главным образом, обменом вежливости между двумя государями, причём они взаимно высказали

желание, чтобы *status quo* было сохранено на Балканском полуострове и чтобы дальнейшее развитие балканских государств совершалось мирным путём.

Вместе с сим, министр выразил удивление по поводу появившихся в печати сообщений о „соглашении”, будто бы заключённом или намеченном между Румынией и Грецией. „Против кого, – прибавил господин Стурдза, – заключили бы мы подобное соглашение? Против Сербии и Болгарии? Но если эти государства и питали бы какие либо завоевательные намерения, то никак не против Румынии, а против Турции. В таком случае, не Румынии, а великим державам сдерживать эти государства”.

В точно таком же смысле, как мне известно, господин Стурдза высказался по сему предмету и пред моим итальянским коллегой. Мой греческий сотоварищ[8], с которым я состою в близких отношениях, ещё со времени нашей совместной службы в Вене[9], положительно заверил меня также, что между Грецией и Румынией не было речи о заключении «соглашения». Господин Стурдза сообщил мне, вместе с сим, что слух, распускаемый печатью, о посещении королём Карлом Афин, а королём Георгом – Румынии, ни на чём не основан.

Не умолчал я также, пред господином Стурдзой, и о том, насколько неуместно было со стороны румынских газет слепо передавать сообщения газеты «Pester Lloyd» и других венгерских и австрийских органов, о мнимом сосредоточении наших войск вдоль Прута, а также о возбуждении, будто бы, производимом русскими тайными агентами на Балканском полуострове и даже о присутствии там и в Румынии русских шпионов[10]. Министр сожалеет о распространении подобных слухов, вымышленных еврейскими газетчиками, как за границей, так и в Румынии, и приписывает их отсутствию здравого рассудка и невежеству газетных писцов, наводняющих редакции, и против которых невозможно противодействовать.

Что касается, в частности, румынской печати, министр заметил, что рабская передача ею статей вышеназванных иностранных органов, тем более непростительна и нелепа, что статьи эти появились вслед за посещением великим князем Александром Михайловичем Констанцы и восторженного приёма, оказанного ему в Румынии, за которым последовало прибытие нашей эскадры и приём Его Величеством в Синае адмирала Гильдебрандта с его штабом[11].

В заключение министр, признавая трудное финансовое положение страны, выразил надежду, что строжайшая экономия, которую он будет соблюдать, покуда останется во главе Министерства, поможет Румынии выйти из затруднения. При этом он сообщил мне, что экономия за этот год превысит, вероятно, цифру, предвиденную им в государственной росписи.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 185–190.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] В начале августа 1901 г. закончился процесс Бориса Сарафова и его товарищей. Для того, чтобы не возбуждать общественное мнение в стране и не „взорвать” национально-освободительное движение, софийский трибунал оправдал обвиняемых. Румынские власти были недовольны оправданием Сарафова, хотя всё же удовлетворились удалением главного инициатора покушений 1900 г. с политической сцены, что открывало путь к нормализации двусторонних отношений. См.: Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 164–165; Попов Ж. *Българският национален въпрос в българо-румънските отношения, 1878–1902*. София, 1994. С. 455.

[2] Была заключена 29 ноября 1901 г.

[3] Конвенция от 9 февраля 1901 г., предусматривавшая меры по сохранению рыбы и эксплуатации рыболовства в водах Дуная. О более ранних усилиях русской дипломатии в этом направлении см.: *ДДРПР, 1888–1898*. Док. № 27 от 29 мая 1891 г.

[4] Cain D. *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900.* P. 189. См. также пред. док. касающиеся этого аспекта.

[5] Король Карл посетит с визитом Болгарию в конце октября 1902. См. док. № 88 от 21 октября 1902 г. и № 89 от 1 ноября 1902 г.

[6] В 1897 и 1898 гг.

[7] См. пред. док., касавшиеся этой встречи.

[8] Георгиос Аргиропулос.

[9] Николай Антонович Фонтон был советником посольства в Вене в 1878–1885 гг.

[10] Каширин В. Б. *Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны.* Москва, ВИКМО–М, 2014. С. 262 и сл.

[11] См. док. № 62 от 9 июля 1901 г.

București, 8 septembrie 1901, fără număr. Fonton către cneazul Obolenski-Neledinski-Melețki

Luminăției Sale, Cneazului V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki

Stimate Domnule, Cneaz, Valerian Sergheevici,

Domnul Sturdza, care s-a întors dintr-o călătorie scurtă în provincie, mi-a făcut ieri o vizită. În timpul discuției, el s-a referit, printre altele, la câteva chestiuni care preocupă în ultimul timp opinia publică din România.

În legătură cu achitarea lui Boris Sarafov de către o instanță din Sofia[1], ministrul afacerilor străine a declarat că, rezervându-și dreptul de a se abține de la aprecieri pe fond privitoare la modul de acțiune al instanțelor judiciare princiare în acest dosar, el înțelege bine situația în care se află guvernul bulgar, motiv pentru care guvernul regal a decis să nu întreprindă nici un demers în cazul de față.

În general, a adăugat domnul Sturdza, relațiile dintre România și Bulgaria pot fi considerate satisfăcătoare; în acest sens el a făcut trimitere la dorința Sofiei de a încheia cu România o convenție privind pescuitul[2], după modelul celei încheiate cu noi[3]. El consideră acest lucru drept un semnal pozitiv, care reprezintă un prim pas pe calea instaurării unor relații bilaterale convenabile ambelor părți. După încheierea acestei convenții, în cazul în care Bulgaria va fi dispusă la compromisuri, el ar dori să inițieze negocieri privind delimitarea tuturor insulelor dunărene de-a lungul graniței ambelor state[4]. Însă, a adăugat ministrul, nu este cazul să ne grăbim în această chestiune, demersurile urmând a fi făcute dacă va exista convingerea că Bulgaria este pregătită pentru discuții care să asigure succesul. Domniei sale i-ar părea foarte rău dacă un astfel de demers, întreprins într-un moment neoportun, ar crea neînțelegeri între București și Sofia. Întrebându-l confidențial care este în prezent atitudinea principelui Ferdinand față de România, ministrul mi-a comunicat în secret că Alteța Sa Regală „est encore souvent grincheux”. La observația mea că, poate, principele manifestă o oarecare iritare nervoasă din cauza refuzului regelui Carol de a-i întoarce vizita[5], făcută lui mai demult de către principele bulgar[6], și că o călătorie a Majestății Sale, măcar în orașul de graniță Ruse, ar avea un efect pozitiv asupra relațiilor reciproce dintre cele două state vecine, domnul Sturdza a afirmat că un astfel de voiaj a fost avut în vedere, dar că, înainte de o vizită la principele Ferdinand, regele ar trebui să meargă la regele Alexandru, fiind împiedicat până anul trecut de prezența în Serbia a lui Milan, și că regele Carol nu putea să-și depășească refuzul de a se întâlni cu părintele Majestății Sale. În ceea ce privește

călătoria la Sofia, aceasta este blocată de faptul că sultanul, probabil, și-ar dori ca în acest caz să fie vizitat și el de către regele Carol. Acestea sunt, potrivit domnului Sturdza, obstacolele care explică amânarea celor două vizite, asupra oportunității cărora eu am considerat necesar să-i atrag ministrului atenția.

Trecând după aceasta la întâlnirea de la Abbazia, dintre regele Carol și regele George al Greciei[7], atât de des discutată în ultimele luni în presa română și austro-ungară, domnul Sturdza a declarat că respectiva întrevedere a reprezentat, întâi de toate, un schimb de amabilități între dei doi monarhi, ambii exprimându-și dorința păstrării *status quo*-ului în Peninsula Balcanică și dezvoltării în continuare a statelor balcanice pe cale pașnică.

În același timp, ministrul și-a exprimat nedumerirea față de știrile apărute în presă privind o „convenție" care ar fi fost încheiată sau care urmează a fi semnată între România și Grecia. În continuare, ministrul a adăugat următoarele: „Împotriva cui am putea încheia noi o astfel de convenție? Împotriva Serbiei și Bulgariei? Chiar dacă aceste state ar avea anumite intenții expansioniste, oricum acestea nu pot fi îndreptate împotriva României, ci împotriva Turciei. În acest caz, nu România, ci Marile Puteri ar trebui să descurajeze cele două state".

Din câte știu, domnul Sturdza s-a exprimat în același sens și în timpul unei discuții cu omologul meu italian. Colegul meu grec[8], cu care mă aflu în relații strânse, încă din timpul serviciului nostru comun la Viena[9], m-a asigurat că Grecia și România nu au discutat despre încheierea niciunei „convenții". Domnul Sturdza mi-a comunicat, totodată, că zvonurile lansate de presă privind o vizită a regelui Carol la Atena și a regelui George în România nu au nici o bază reală.

Nu i-am ascuns domnului Sturdza nici faptul, cât de nepotrivit a fost gestul ziarelor românești de a prelua orbește informațiile din „Pester Lloyd" și alte organe de presă maghiare și austriece privind o pretinsă concentrare a armatelor noastre de-a lungul Prutului și, de asemenea, despre presupusele agitații întreprinse de către agenți secreți ruși în Peninsula Balcanică și, chiar, despre prezența acolo și în România a unor spioni[10]. Ministrul regretă răspândirea unor astfel de zvonuri, inventate de către gazetari evrei, atât în afară cât și în România, atribuindu-le lipsei unei judecăți sănătoase și ignoranței scribilor din presă, care inundă redacțiile și împotriva cărora nu pot fi luate măsuri.

Cu privire la presa românească, ministrul a observat că preluarea slugarnică de către aceasta a articolelor din ziarele străine amintite este cu atât mai condamnabilă și absurdă, cu cât acestea au apărut după vizitarea Constanței de către Marele Cneaz Alexandr Mihailovici și a găzduirii entuziaste de care s-a bucurat în România, urmată de sosirea escadrilei noastre și primirea de către Majestatea Sa la Sinaia a amiralului Hildebrandt și a statului-major al acestuia[11].

În încheiere, ministrul, recunoscând situația financiară complicată a țării, și-a exprimat speranța că politica unei economii riguroase a finanțelor, pe care el o va urma atâta timp cât va rămâne în fruntea guvernului, va ajuta România să depășească dificultățile. În același timp, el mi-a comunicat că economia surselor financiare va crește în acest an peste cifra anticipată de către el prin bugetul de stat.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 185–190.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

[1] Procesul intentat lui Boris Sarafov şi tovarăşilor săi s-a încheiat la începutul lunii august 1901. Pentru a nu agita opinia publică din ţară şi a nu „detona” mişcarea naţională, Tribunalul din Sofia i-a achitat pe acuzaţi. Autorităţile române nu au fost de acord cu achitarea lui Sarafov, cu toate că au fost mulţumite de îndepărtarea principalului iniţiator al atentatelor din anul 1900 de pe scena politică, fapt care deschidea calea pentru normalizarea relaţiilor bilaterale. A se vedea: Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 164–165; Жеко Попов, *Българският национален въпрос в българо-румънските отношения, 1878–1902*, София, 1994, p. 455.

[2] Va fi încheiată pe data de 29 noiembrie 1901.

[3] Convenţia din 9 februarie 1901 privitoare la măsurile pentru conservarea şi exploatarea pescuitului în apele Dunării. Pentru preocupările mai vechi ale diplomaţiei ruse, a se vedea: *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 27 din 29 mai 1891.

[4] Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900*, p. 189. A se vedea şi documentele anterioare referitoare la acest aspect.

[5] Regele Carol va vizita Bulgaria la sfârşitul lunii octombrie 1902. A se vedea doc. nr. 88 din 21 octombrie 1902 şi nr. 89 din 1 noiembrie 1902.

[6] 1897 şi 1898.

[7] A se vedea documentele anterioare privitoare la această întâlnire.

[8] Georgios Argiropoulos.

[9] Nikolai Antonovici Fonton a fost consilier la Ambasada din Viena între 1878 şi 1885.

[10] В. Б. Каширин, *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014, p. 262 şi urm.

[11] A se vedea doc. nr. 62 din 9 iulie 1901.

70

Бухарест, 9 октября 1901 г., № 33. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В феврале сего года произошёл разрыв в среде консервативной партии, вновь разделившейся на две части: консервативную (старую) и жунимистов[1].

Так как ни одна из этих половин не в состоянии была образовать достаточно сильного Министерства, король призвал к власти либералов с господином Стурдзой во главе.

Палаты были распущены, и произведены новые выборы. Старые консерваторы выступили на выборах в открытую борьбу с либералами и, конечно, были побиты, так как производство выборов было поручено королём их противникам, то есть либеральному Министерству; жунимисты же вошли с либералами в соглашение и за несколько мест, предоставленных им в палате депутатов и сенате, обязались повсеместно выступить заодно с либералами против консерваторов.

Такой образ действия жунимистов, руководимых господином Карпом, возбудил сильное негодование в среде консерваторов и надолго пресёк возможность примирения между ними и консерваторами. Эти последние, во главе которых стоят ныне Георгий Кантакузин, генерал Ману, Таке Ионеску и братья Лаховари[2], собрались на днях в городе Яссы на банкете, устроенном местным консервативным клубом.

Здесь, в присутствии депутаций консерваторов от всех округов королевства, как главой партии господином Кантакузиным, так и наиболее видными членами её, были произнесены речи, в которых излагалась программа партии.

Все ораторы без исключения обвиняли господина Карпа и жунимистов в измене и указывали на невозможность совместной с ними работы. Особенно выделялась речь бывшего военного министра Лаховари[3]. Этот самый способный и образованный генерал румынской армии, вынужденный покинуть армию, с тех пор, как господин Стурдза взял в свои руки управление военным министерством, всецело посвятил себя ныне политике и, без сомнения, он займёт видное место среди государственных деятелей страны, так как, безусловно, является самым даровитым членом партии.

Открыто провозглашённый в Яссах разрыв консерваторов с жунимистами, а ещё более разлад в самой партии старых консерваторов, из которых некоторые, как бывший председатель палаты депутатов Олэнеску[4] и министр Филипеску[5] уже перешли на сторону жунимистов, надолго удаляет возможность появления у власти нового консервативного кабинета[6]. Равным образом, невозможным является и Министерство, составленное исключительно из жунимистов. Всё это в значительной степени обеспечивает положение господина Стурдзы.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 192–194 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] См. док. № 58 от 7 февраля 1901 г.
[2] Ион Н. Лаховари и генерал Якоб Н. Лаховари.
[3] Генерал Якоб Н. Лаховари.
[4] Константин П. Олэнеску.
[5] Николае Филипеску.
[6] Консерваторы вернутся к власти в декабре 1904 г.

București, 9 octombrie 1901, nr. 33. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În luna februarie a acestui an s-a produs o ruptură în Partidul Conservator, care s-a divizat din nou în două părți: conservatoare (veche) și junimistă[1].

Deoarece nici una dintre aceste facțiuni nu a fost în stare să formeze un guvern destul de puternic, regele i-a chemat la guvernare pe liberali în frunte cu domnul Sturdza.

Cele două camere ale parlamentului au fost dizolvate și au fost organizate alegeri noi. Vechii conservatori au intrat la alegeri într-o confruntare deschisă cu liberalii și au fost, desigur, înfrânți, deoarece organizarea scrutinului a fost încredințată de către rege adversarilor, adică guvernului liberal; junimiștii însă au ajuns la o înțelegere cu liberalii și, în schimbul câtorva locuri oferite lor în Camera Deputaților și în Senat, și-au asumat obligația de a apărea peste tot alături de liberali împotriva conservatorilor.

Această modalitate de acțiune a junimiștilor, conduși de către domnul Carp, a generat o nemulțumire puternică în mediul conservatorilor și a făcut pentru multă vreme imposibilă reconcilierea dintre ei și conservatori. Aceștia din urmă, în fruntea cărora se află în prezent Gheorghe Cantacuzino, generalul Manu, Take Ionescu și frații Lahovari[2], s-au întâlnit, acum câteva zile, la un banchet în orașul Iași, organizat de către clubul conservator din localitate.

Aici, în prezența delegației conservatorilor din toate județele regatului, au ținut discursuri atât conducătorul partidului, domnul Cantacuzino, cât și cei mai cunoscuți membri, fiind prezentat programul partidului.

Toți oratorii, fără excepții, l-au acuzat pe domnul Carp și pe junimiști de trădare și au subliniat imposibilitatea unei activități comune. Este de remarcat în special discursul fostului ministru de război, Lahovari[3]. Acesta, cel mai capabil și educat general al armatei române, obligat să părăsească armata în clipa în care domnul Sturdza a preluat conducerea ministerului de război, s-a dedicat în întregime politicii și va ocupa, fără îndoială, un loc important printre oamenii de stat ai țării, deoarece este cel mai talentat membru al partidului.

Ruptura deschisă dintre conservatori și junimiști anunțată la Iași și, mai ales, chiar disensiunile din interiorul partidului vechilor conservatori, dintre care unii, așa cum este cazul fostului președinte al Camerei Deputaților, Olănescu[4], și al ministrului Filipescu[5], au trecut deja de partea junimiștilor, vor îndepărta pentru mult timp perspectiva preluării puterii de către un nou guvern conservator[6]. De asemenea, este imposibil și un guvern compus exclusiv din junimiști. Toate acestea îi oferă o anumită siguranță și ușurează într-un mod semnificativ situația domnului Sturdza.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 192–194 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] A se vedea doc. nr. 58 din 7 februarie 1901.
[2] Ion N. Lahovari și generalul Iacob N. Lahovari.
[3] Generalul Iacob N. Lahovari.
[4] Constantin P. Olănescu.
[5] Nicolae Filipescu.
[6] Conservatorii vor reveni la putere în decembrie 1904.

71

Бухарест, 9 октября 1901 г., № 35. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вчерашнего числа я был принят королём Карлом в частной аудиенции в Синае, по случаю возвращения моего из отпуска в прошлом месяце.

Осведомившись о драгоценном здравии Их Императорских Величеств, король Карл выразил уверенность, что недавнее свидание Его Императорского Величества с императором германским[1] и путешествие государя императора во Францию[2], послужат к упрочению мира, столь необходимого для благоденствия всех народов.

Воспользовавшись этим случаем, я упомянул королю Карлу о многочисленных статьях, появившихся вновь, в особенности в австрийской и венгерской прессах, по поводу свидания Его Величества с королём Георгом греческим в Аббации весною нынешнего года, соглашения, будто бы, заключённого между двумя государствами, и предполагаемого посещения королём Георгом Румынии, а королём Карлом Греции.

«Ничего подобного нет», – возразил на это король Карл. «Как с моей стороны, так и со стороны короля Георга, было желание видеться, что естественно после четырёхлетнего разрыва дипломатических сношений между двумя государствами». «Случилось, что в это время происходило некоторое брожение в Македонии; Болгария тоже не была спокойна». «Я был рад иметь случай обменяться с королём Георгом мыслями о необходимости поддержать *status quo* на Балканском полуострове, хорошо зная, что таково же желание России и других великих держав». «Мы надеялись, что наше спокойствие возымеет полезное воздействие на Болгарию, и je désirais faire voir en même temps aux Bulgares que la Roumanie n'est pas seule». «Со своей стороны, я желаю поддерживать всегда добрые соседские отношения с Болгарией, и этому, конечно, немало будет способствовать состоявшееся отозвание господина Теодорова[3], бывшего по сие время болгарским дипломатическим агентом в Бухаресте». «Что же касается до заключения каких-либо конвенций, то, – прибавил король, – об этом не было и речи».

В заключение король заметил, что, по-видимому, нынешнее княжеское правительство приняло решение воспротивиться проявлению дальнейших нетерпеливых вожделений со стороны македонцев.

О вышеизложенном считаю долгом донести Вашему Сиятельству.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 200–201 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Эта встреча состоялась в порту Данциг (Гданьск) 29–31 августа (11–13 сентября) 1901 г.

[2] 5–8 (18–21) сентября 1901 г. Об этих поездках Николая II см.: Низалова Е. В. *Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы).* Дисс. … к. И. Н. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2007.

[3] Димитр Тодоров.

București, 9 octombrie 1901, nr. 35. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ieri am fost primit în audiență privată la Sinaia de către regele Carol, cu ocazia revenirii mele din concediu luna trecută.

Întrebându-mă despre starea prețioasă de sănătate a Majestăților Lor Imperiale, regele Carol și-a exprimat convingerea că întâlnirea recentă a Majestății Sale Imperiale cu împăratul german[1] și călătoria ulterioară a împăratului în Franța[2] vor contribui la consolidarea păcii atât de necesare pentru bunăstarea tuturor popoarelor.

Profitând de această ocazie, i-am amintit regelui Carol de nenumăratele articole apărute din nou, în special în presa austriacă și maghiară, în legătură cu întâlnirea Majestății Sale la Abbazia cu regele George al Greciei în primăvara acestui an, în urma căreia ar fi fost încheiată o înțelegere între cei doi monarhi, și de anticipata vizită a Regelui George în România și a regelui Carol în Grecia.

„Nu există astfel de intenții”, m-a contrazis regele Carol. „Atât din partea mea cât, și din partea regelui George a existat dorința de a ne întâlni, ceea ce este și firesc după patru ani de întrerupere a relațiilor diplomatice dintre cele două state”. „Așa s-a întâmplat că în perioada respectivă a avut loc o anumită agitație în Macedonia; Nici în Bulgaria nu era prea multă liniște”. „Eu am fost bucuros că am avut ocazia de a schimba cu regele George mai multe gânduri privind necesitatea de a păstra *status quo*-ul în Peninsula Balcanică, fiind convins de faptul că aceasta este și dorința Rusiei și a altor Mari Puteri”. „Noi am sperat că liniștea noastră va influența și Bulgaria și *je désirais faire voir en même temps aux Bulgares que la Roumanie n'est pas seule*”. „În ceea ce mă privește, eu doresc să întreținem relații bune de vecinătate cu Bulgaria, iar la aceasta va contribui în bună măsură, desigur, rechemarea recentă a domnului Todorov[3], până în prezent agent diplomatic bulgar la București”. „Cât privește încheierea unor noi convenții, despre aceasta nici nu a fost vorba”, a adăugat regele.

În încheiere, regele a observat că, probabil, guvernul princiar actual a luat decizia de a se opune exprimării în continuare de către macedoneni a unor pretenții pripite.

Consider că este de datoria mea să aduc aceste lucruri la cunoștința Luminăției Voastre.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 200–201 verso.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] În portul Danzig (Gdańsk), 29–31 august (11–13 septembrie) 1901.

[2] 5–8 (18–21) septembrie 1901. Pentru aceste călătorii ale țarului Nicolae II: Елена Валерьяновна Низалова, *Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы)*, диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2007.

[3] Dimităr Todorov.

72

Бухарест, 5 декабря 1901 г., № 41. Фонтон – графу Ламсдорфу

Два приложения[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Ссылаясь на донесение моё от 18 ноября с. г., №39[2], имею честь доложить Вашему Сиятельству, что на обычном своём приёме, министр иностранных дел[3] вручил мне прилагаемое у сего в подлиннике собственноручное сообщение в виду необходимости установления борьбы против анархизма.

В этом сообщении господин Стурдза вновь подтверждает словесно заявленную мне готовность королевского правительства оказать, как императорскому правительству, так и германскому, содействие для применения однообразных мер против анархистов[4] в пределах конституционных постановлений.

Вместе с тем, министр заявляет, что немедленно по получению сообщения Вашего Сиятельства и берлинского кабинета, королевское правительство приступило

к составлению новых законов и изменению существующих, для представления их палатам, лишь только состоится соглашение между державами.

К переданному мне сообщению приложена копия с ноты господина Стурдзы на имя итальянского министра иностранных дел[5] от 21 марта (10 апреля) 1901 года касательно постановлений Международной конференции в Риме[6], в которой министр, отмечая предложения, к коим Румыния безусловно присоединяется, напоминал о донесении румынского делегата в Римской конференции и привёл его доводы о необходимости выдать скрывающихся политических преступников, посягнувших на жизнь главы государства[7]. Приложение это заканчивается отметкой тех пунктов предложений Римской конференции, применение коих в прямом противоречии с постановлениями румынской конституции.

В словесных своих объяснениях господин Стурдза указал на смертную казнь, несуществующую в здешнем законодательстве, на неограниченность свободы печати, права сходок и разбирательства судебных дел при открытых дверях.

По отношению к свободе печати, господин Стурдза доверительно мне передал, что он имеет надежду, несмотря на законоположение об этом предмете, найти средства к прекращению зловредных и преступных увлечений, подобных тем, которые недавно ещё проявлены были анархической печатью.

Я заметил министру, что нет сомнения, что в этом отношении не может не представиться возможности достигнуть желаемой цели. То же самое, конечно, прибавил я, осуществимо и по отношению права сходок и преступных воззваний, направленных против существующего порядка и государственного строя.

Нельзя не признать, что господин Стурдза проявляет по всем затронутым вопросам безусловную готовность и сочувствие.

Докладывая Вашему Сиятельству о вышеизложенном, имею честь присовокупить, что в течение настоящего разговора со мною, господин Стурдза мимоходом коснулся вопроса: не целесообразно ли было бы всем державам, которые присоединятся к предложениям России и Германии, по общему согласию избрать какой-либо отдалённый остров в австралийских водах, куда ссылались бы опасные анархисты.

При этом я не мог не заметить министру, что у нас имеется для ссылки остров Сахалин, а в Германии, Франции и других государствах – их африканские колонии могут приютить достаточное количество преступников – врагов существующего порядка.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 224–226 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Приложение 1

Ministerul Afacerilor Străine
București, le 2/15 décembre 1901, nr. 1395

Très confidentielle

Son Excellence, Monsieur N. de Fonton, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire de Sa Majesté l’Empereur de Toutes les Russies

Monsieur le Ministre,

Le Gouvernement Roumain a reçu avec une vive satisfaction la communication que Votre Excellence a bien voulu lui faire de la part du Gouvernement Impérial de Russie, en

vue d'adopter des mesures uniformes pour enrayer les mouvements anarchiques, qui ont jeté depuis quelques années l'effroi au milieu des sociétés les plus civilisées du monde.

Ayant répondu au premier appel fait dans ce but aux Puissances et qui a eu pour résultat les résolutions de la Conférence de Rome de 1898, le gouvernement royal a fait connaître dès lors au gouvernement italien par sa note du 29 mars (10 avril) 1899 son adhésion à ces résolutions, en faisant néanmoins certaines réserves, nécessitées par des dispositions constitutionnelles.

J'ai l'honneur de joindre à la présente une copie de la note précitée et de prier Votre Excellence de vouloir bien porter à la connaissance du Gouvernement Impérial, que le Gouvernement Roumain est prêt à coopérer avec les Gouvernements Russe et Allemand pour arriver à appliquer d'une manière uniforme des mesures contre les anarchistes, bien entendu, dans les limites prescrites par la Constitution du Royaume.

Une partie des dispositions administratives de la Conférence de Rome de 1898 sont déjà mises en application en Roumanie, et le gouvernement royal s'est fait un devoir, aussitôt après avoir reçu les communications des gouvernements de Russie et d'Allemagne, de mettre à l'étude les lois ou les modifications de lois, qui devront être présentées aux Corps Législatifs, dès que l'entente entre les Puissances aura été établie.

Le gouvernement roumain attend donc les propositions qui lui seront faites par les deux gouvernements, qui ont pris une initiative aussi nécessaire pour assurer l'ordre public des états contre des entreprises criminelles et dangereuses.

Veuillez agréer, Monsieur le Ministre, à cette occasion la nouvelle assurance de mes sentiments de très-haute considération.

D. Sturdza.

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 227–228.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Приложение 2

Ministerul Afacerilor Străine

Copie de la Note du Gouvernement Royal de Roumanie en date du 29 mars/ 10 avril 1901

Les quatre premiers points des «Propositions arrêtées par la Conférence Internationale réunie à Rome sur l'initiative du Gouvernement Italien, en vue d'étudier et d'établir les moyens les plus efficaces pour combattre la propagande anarchique», contiennent des énonciations et des dispositions, auxquelles le Gouvernement Royal ne peut qu'adhérer. Elles s'adaptent, du reste, parfaitement à la législation ayant force et vigueur en Roumanie, avant que l'anarchisme ait pris les formes et les allures dangereuses qui ont amené plusieurs états à s'en occuper spécialement. Il ne s'agira pas que de combler les lacunes des lois et des règlements existants en les appropriant aux nécessités actuelles.

Les deux premiers points établissent que l'action anarchique n'a rien de commun avec une doctrine politique quelconque, puisque le but qu'elle se propose d'atteindre est la destruction par des moyens violents de toute organisation sociale. En effet, les anarchistes ont souvent déclaré dans leurs résolutions, «qu'ayant horreur de toute idée d'autorité, ils abandonnent le terrain légal pour transporter leur action sur le terrain de l'illégalité, et, ennemis de toute loi et de tous moyens légaux, ils travaillent à la destruction de tous les Etats».

Les actes anarchiques constituent une aggravation des crimes et délits ordinaires en ce sens, que ces derniers représentent des infractions à des dispositions spéciales de l'organisation sociale, tandis que les premiers attaquent l'ensemble de cette organisation. Il est donc logique de ranger les actes anarchiques parmi les crimes et les délits communs, punis par les lois pénales.

Du reste, l'Institut de droit international a émis déjà en 1892 le principe général: «ne sont point réputés politiques les faits délictueux qui sont déjà dirigés contre les bases de toute organisation sociale et non pas seulement contre tel état déterminé, contre telle forme de gouvernement».

Le gouvernement roumain donne donc sa pleine adhésion aux définitions comprises dans les points premier et second des «Propositions» mentionnées.

Les vœux émis par la Conférence Internationale de Rome et énumérés au troisième point, n'ont besoin que de recevoir une réglementation plus efficace dans le cercle de l'organisation actuelle existante dans le Royaume et d'être mis en relation avec les dispositions adoptées par les états représentés à la Conférence.

La surveillance attentive des anarchistes n'est plus uniquement une mesure de prudence; elle est devenue une nécessité pour la propre sûreté de chaque état.

C'est le Ministère de l'Intérieur qui est, en Roumanie, l'autorité centrale chargée de la sûreté publique. C'est à ce Ministère qu'incombe par conséquent le devoir de doubler de surveillance contre des sectaires aussi dangereux que les anarchistes. Le Ministère de l'Intérieur de Roumanie est déjà saisi de cette question et il organise à bref délai les mesures les plus efficaces pour arriver au but indiqué par la Conférence: d'établir une surveillance attentive à l'intérieur et des rapports suivis et directs avec les autorités centrales des différents pays.

Le Ministère de l'Intérieur se prépare aussi à envoyer à Paris un ou plusieurs chefs de la sûreté et de la police, pour étudier le système du «portrait parlé», afin de se familiariser avec ce moyen efficace de reconnaître les malfaiteurs en général et les anarchistes en particulier.

En ce qui concerne l'expulsion des anarchistes, la loi du 7 Avril 1887 autorise le gouvernement à fixer une résidence déterminée aux individus pouvant troubler la tranquillité publique, compromettre la sûreté intérieure ou extérieure du l'état ou prendre part à une action ayant pour but le renversement de l'ordre social ou politique intérieur ou extérieur. Cette loi donne en même temps au gouvernement le droit d'expulser de son territoire de pareils individus.

Il ne s'agit donc que de réglementer cette loi, qui a été constamment appliquée et de se mettre en relation avec les autorités de police des autres pays pour en faciliter l'exécution.

Si une extradition formelle devient nécessaire, elle aura naturellement lieu d'après les lois et les traités existants.

Le quatrième point des vœux émis par la Conférence est relatif à l'extradition.

Le premier paragraphe ne sortant pas du cadre de la législation communément adoptée et les autres paragraphes n'étant que la conséquence logique du principe adopté: que les actes anarchiques ne sont pas considérés comme délits politiques, le gouvernement royal adhère aux propositions formulées dans ces paragraphes, comme devant guider sa ligne de conduite.

Relativement aux vœux exprimés au paragraphe D du quatrième point des «Propositions», je ne saurais mieux mettre en relief l'opinion du gouvernement roumain, qu'en transcrivant l'avis émis sur ce point, dans son rapport au gouvernement royal, par M. Alexandre Gianni, l'un des représentants de la Roumanie à la Conférence de Rome: «Il n'est pas logique

qu'un état qui admet l'extradition d'un assassin dont la victime est un particulier, refuse l'extradition de celui qui a assassiné un souverain ou un chef d'état, car ceux-ci n'ont jamais cessé d'être des hommes et, par conséquent, ceux qui ont attenté à leur vie d'être des assassins. Considérer un crime pareil comme un délit politique et ne pas appliquer dans ce cas le principe de l'extradition, c'est ne pas s'inspirer de l'horreur que tous les hommes de bien éprouvent en face d'un crime aussi grave et ne pas voir qu'un crime semblable fait disparaître l'homme politique, et, par conséquent, le motif qu'on pourrait opposer à l'extradition».

Le cinquième point des «Positions» de la Conférence de Rome indique les vœux qu'elle émet au point de vue législatif.

Le gouvernement roumain se trouve, à cet égard, dans la position suivante.

Certaines dispositions du Code pénal en vigueur s'étendent tout naturellement aux crimes et délits anarchiques. Pour qu'aucun doute ne surgisse, il suffira d'une disposition générale, englobant les actes anarchiques dans les crimes et délits communs. D'autres dispositions du Code pénal doivent être modifiées pour arriver au but qu'on se propose d'atteindre. Il n'y aura sous ce rapport aucune difficulté législative.

Il n'en est pas de même relativement à certains vœux de la Conférence qui exigeraient des modifications à la Constitution du Royaume. Les législateurs de 1866, qui ont doté la Roumanie de la Constitution actuelle, ont eu en vue d'établir la stabilité dans un pays bouleversé par des événements antérieurs et ont rendu toute modification de la loi fondamentale du pays excessivement difficile. Ce n'est donc que dans des circonstances d'une gravité exceptionnelle, qu'un gouvernement pourrait se décider d'affronter une procédure pénale hérissée de difficultés.

Les vœux de la Conférence qui entrent dans cette dernière catégorie, sont ceux inscrits à la lettre A №4, à la lettre C № 1, à la lettre D, à la lettre E № 1, à la lettre F et à la lettre G.

Le Gouvernement Royal, en vue des dispositions constitutionnelles, ne peut pas s'allier aux vœux spécialement énumérés ci-dessus.

(signé): D. Sturdza

АВПРИ, Фонд 151 Политархив, Опись 482, Дело 665, Листы 227–228.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 13.

---

[1] См. приложения (публикуются ниже).

[2] Не публикуется.

[3] Димитрие А. Стурдза.

[4] Ещё в 1870-е гг. Румыния представляла собой важный узловой пункт в организации нелегальной переправки литературы из Западной Европы в Россию. Здесь также нашли прибежище многие левые активисты из Российской империи.

[5] Джулио Принетти, министр иностранных дел Италии с 15 февраля 1901 г. по 9 февраля 1903 г.

[6] Состоялась в 1898 г. В ней принимали участие делегации из Австро-Венгрии, Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Италии, России, Швеции, Турции, Швейцарии и Голландии (Jensen R. *The Battle against Anarchist Terrorism: An International History*, 1878–1934. New York, Cambridge University Press, 2014. P. 131–168). Россия и Германия на Римской конференции настаивали на более широком понимании «анархизма», которое чётко распространялось на любую идеологически мотивированную деятельность, направленную против существующих государственных порядков.

[7] Речь идёт об убийстве короля Италии Умберто I анархистом Гаэтано Бреши 29 июля (н. ст.) 1900 г.

București, 5 decembrie 1901, nr. 41. Fonton către contele Lamsdorff

Două anexe[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Cu referire la raportul meu din 18 noiembrie c., nr. 39[2], am onoarea de a comunica Luminăției Voastre faptul că ministrul afacerilor străine[3], cu ocazia recepției sale obișnuite, mi-a înmânat o adresă redactată personal, care se găsește în anexă, privind necesitatea inițierii luptei împotriva anarhismului.

În această adresă, domnul Sturdza confirmă din nou asigurarea dată mie verbal despre disponibilitatea guvernului regal de a oferi guvernului imperial, la fel ca și celui german, sprijin pentru luarea de măsuri împotriva anarhiștilor[4], în limitele cadrului constituțional.

În același timp, ministrul declară că, imediat după primirea adresei Luminăției Voastre și a guvernului de la Berlin, guvernul regal a trecut la elaborarea unor noi legi și modificarea celor actuale, în vederea prezentării lor în cele două camere, de îndată ce se va ajunge la o înțelegere între state.

La raportul meu este anexată și o copie a notei din 21 martie (10 aprilie) 1901 a domnului Sturdza, trimisă pe numele ministrului italian al afacerilor străine[5], privitoare la deciziile conferinței internaționale de la Roma[6], în care, subliniind propunerile susținute necondiționat și de către România, invocă raportul delegatului român la conferința de la Roma și prezintă rațiunile acestuia privind necesitatea extrădării criminalilor politici ce se ascund în străinătate, care au atentat la viața șefului statului[7]. Această anexă se încheie cu sublinierea acelor puncte din propunerile conferinței de la Roma, aplicarea cărora contravine prevederilor constituției române.

În explicațiile sale verbale, domnul Sturdza a făcut trimitere la pedeapsa cu moartea, care nu există în legislația de aici, la libertatea deplină a presei, dreptul la întruniri și dezbaterea publică a cazurilor penale.

În legătură cu libertatea presei, domnul Sturdza mi-a comunicat confidențial că, în ciuda prevederilor legale referitoare la acest subiect, speră să găsească mijloacele necesare pentru încetarea activităților periculoase și criminale, de felul celor apărute recent în presa anarhistă.

Eu i-am atras ministrului atenția asupra faptului că nu există dubii privitoare la posibilitatea identificării în acest sens a mijloacelor pentru atingerea scopului dorit. Același lucru, desigur, am completat eu, este valabil și pentru libertatea întrunirilor și îndemnurile criminale îndreptate împotriva sistemului de drept existent și a orânduirii de stat actuale.

Nu am cum să nu recunosc faptul că domnul Sturdza este, indiscutabil, foarte receptiv și înțelegător în toate aceste chestiuni.

Aducând la cunoștința Luminăției Voastre aspectele invocate mai sus, am onoarea de a adăuga că, în timpul discuției cu mine, domnul Sturdza s-a referit în treacăt și la următoarea chestiune: nu ar fi oare oportun ca toate statele care se vor alătura propunerilor Rusiei și Germaniei să aleagă, de comun acord, o oarecare insulă din apele australiene unde ar putea fi deportați anarhiștii periculoși?

În legătură cu aceasta, am considerat necesar să-i spun ministrului că noi avem la dispoziție insula Sahalin, iar în cazul Germaniei, Franței și altor state coloniile lor africane pot adăposti un număr suficient de criminali – dușmani ai ordinii existente.

Cu profund respect şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 665, filele 224–226 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Se publică în anexă la versiunea în limba rusă a raportului.

[2] Nu se publică.

[3] Dimitrie A. Sturdza.

[4] Încă din anii 1870, România a reprezentat un punct nodal important în organizarea transporturilor ilegale de literatură de stânga dinspre Europa de Vest către Rusia. Aici şi-au găsit refugiu şi un număr important de activişti de stânga din Imperiul Rus.

[5] Giulio Prinetti, ministru al Afacerilor Străine între 15 februarie 1901 şi 9 februarie 1903.

[6] 1898. Au participat delegaţi din Austro-Ungaria, Germania, Belgia, Franţa, Marea Britanie, Italia, Rusia, Suedia, Turcia, Elveţia şi Olanda (Richard Bach Jensen, *The Battle against Anarchist Terrorism: An International History*, 1878–1934, New York, Cambridge University Press, 2014, p. 131–168). Rusia şi Germania au insistat la Conferinţa de la Roma pentru o definiţie mai largă a „anarhismului”, care să cuprindă explicit orice activitate motivată ideologic şi îndreptată împotriva ordinii de stat existente.

[7] Referinţă la asasinarea regelui Umberto I al Italiei de către anarhistul Gaetano Bresci pe data de 29 iulie (st.n.) 1900.

73

Бухарест, 16 февраля 1902 г., № 7. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

При обсуждении бюджета военного министерства 6 февраля, в палате депутат Бэлэнеску[1] сделал следующее заявление: наши морские силы недостаточны, это доказано во время нашего последнего столкновения с Болгарией[2], когда пришлось подумать о защите моста через Дунай нашими канонерскими лодками. Неожиданное появление русских миноносцев у Галаца встревожило страну, мы не имеем права относиться к этому безразлично, так как действительно, некоторые из наших военных судов слишком устарели и не в состоянии оказать сопротивления. Еще в 1898 году был испрошен кредит на усиление военного флота[3], тем не менее, и по сие время ни разу не было произведено морских манёвров, которые установили бы значение флота при обороне. Болгары лучше нас поставили это дело.

С другой стороны, какую пользу могут принести укрепления Нэмолоасы[4], раз соседняя великая держава[5] может сосредоточить у Галаца свои броненосцы? Необходимо поэтому, заключил господин Бэлэнеску, подумать об усилении средств нашей защиты.

Отвечая на этот запрос, господин Ионеску[6], восхваляя румынскую армию, заявил, что она настолько сильна, что в состоянии защитить страну от нападения с какой бы то ни было стороны. Вследствие сего Румыния и не нуждается в сильном флоте.

В заключение министр внутренних дел Аурелиан[7], за отсутствием военного министра, заявил, что Румыния находится в самых дружественных отношениях со всеми державами, что весь мир помышляет лишь о мире, и что поэтому несвоевременно

поднимать вопрос о возможности столкновения с одним из соседних государств. Министр напомнил затем, что румынский флот создан не для завоеваний, а для речной полицейской службы на Дунае. Для этого назначения флот наш вполне достаточен, находится в хорошем состоянии и обладает доблестными офицерами.

С глубочайшим уважением и такою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 33–34 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Николае Бэлэнеску (1866–1946). Румынский адвокат, публицист и политический деятель либерального направления. Был впервые избран депутатом в 1899 г. и переизбран в 1901 г.

[2] Здесь имеются в виду пограничные инциденты и столкновения, спровоцированные конфликтами вокруг вопроса о контроле над дунайскими островами. Об этом также см. док. № 36 от 16 марта 1900 г., прим. 2.

[3] В контексте принятия в мае 1898 г. Закона об организации румынского Военно-Морского Флота.

[4] Имеется в виду укреплённая линия Фокшань–Нэмолоаса–Галац (Подробнее см.: Damean S. *Fortificarea zonei Focșani–Nămoloasa–Galați la sfârșitul secolului al XIX-lea* // *Istorie și societate*. Vol. I / Coord. M. Cîrstea, S. Damean, D. Kiciu. București, Editura Mica Valahie, 2011. P. 213–250).

[5] Российская империя.

[6] Таке Ионеску.

[7] Петре С. Аурелиан.

București, 16 februarie 1902, nr. 7. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul discutării pe data de 6 februarie în Camera Deputaților a bugetului Ministerului de Război, deputatul Bălănescu[1] a făcut următoarea declarație: forțele noastre navale sunt insuficiente, acest lucru a fost demonstrat în timpul ultimei noastre ciocniri cu Bulgaria[2], când a trebuit să ne gândim la apărarea podului peste Dunăre cu canonierele noastre. Apariția neașteptată a torpiloarelor rusești la Galați a îngrijorat țara, iar noi nu avem dreptul de a trata cu indiferență acest lucru, deoarece unele dintre navele noastre militare au îmbătrânit destul de mult și nu sunt capabile să opună rezistență. Chiar dacă în 1898 a fost solicitat un împrumut pentru întărirea flotei militare[3], până în prezent nu au fost încă efectuate aplicații navale care ar fi stabilit rolul flotei în apărarea țării. Bulgarii au rezolvat mai bine decât noi acest lucru.

Pe de altă parte, care poate fi contribuția fortificațiilor de la Nămoloasa[4], dacă marea putere vecină[5] poate concentra la Galați cuirasatele sale? De aceea, este necesar, a concluzionat domnul Bălănescu, de a medita asupra întăririi mijloacelor noastre de apărare.

Răspunzând la această interpelare, domnul Ionescu[6], elogiind armata română, a declarat că ea este atât de puternică, încât este capabilă de a apăra țara de orice atac, indiferent de unde ar veni acesta. Drept urmare, România nici nu are nevoie de o flotă puternică.

În încheiere, în lipsa ministrului de război, ministrul afacerilor interne Aurelian[7] a declarat că România se află în cele mai amicale relații cu toate statele, că toată lumea își dorește doar pace și, drept consecință, invocarea posibilității unui conflict cu o țară vecină este inoportună. Ministrul a amintit mai apoi faptul că flota românească nu a fost creată pentru

cuceriri, ci pentru serviciul polițienesc fluvial de pe Dunăre. Pentru acest scop, flota noastră este suficientă, se află într-o stare bună și are ofițeri curajoși.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 33–34 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Nicolae Bălănescu (1866–1946), avocat, publicist și om politic liberal român. A fost ales deputat pentru prima dată în 1899 și reales în 1901.

[2] Trimitere la incidentele provocate de disputele pentru controlul insulelor dunărene. A se vedea și doc. nr. 36 din 16 martie 1900, nota 2.

[3] În contextul adoptării în luna mai 1898 a Legii de organizare a Marinei Militare.

[4] Linia fortificată Focșani–Nămoloasa–Galați (Sorin Liviu Damean, *Fortificarea zonei Focșani–Nămoloasa–Galați la sfârșitul secolului al XIX-lea*, în *Istorie și societate*, vol. I, coordonatori Marusia Cîrstea, Sorin Liviu Damean, Doru Kiciu, București, Editura Mica Valahie, 2011, p. 213–250).

[5] Rusia.

[6] Take Ionescu.

[7] Petre S. Aurelian.

74

Бухарест, 17 февраля 1902 г., № 8. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Финансовый и экономический кризис, продолжающийся в Румынии третий год[1], отразился также на положении рабочего класса. Румынские рабочие и мастеровые жалуются, вместе с тем, на большой прилив в страну чужеземных рабочих[2], которые, как более искусные и деятельные, получают большинство заказов и обогащаются.

Вследствие сего, румынские мастеровые и рабочие настаивали на оказании им правительством покровительства против конкуренции иноземных рабочих и требовали закона для упорядочения рабочего вопроса.

Проект такого закона был выработан предшествующим консервативным министерством торговли и публичных работ[3], но на утверждение палат он внесён не был из-за происшедшей в то время смены консервативного правительства либеральным.

Рабочий класс продолжал настаивать на издании подобного закона, и в последнее время министр торговли и публичных работ либерального кабинета[4] изготовил новый проект закона по рабочему вопросу[5].

Некоторые статьи этого проекта возбудили неудовольствие рабочего класса, ходатайствовавшего об их изменении, что и было обещано правительством.

В силу этого проекта, например, румынским рабочим даётся преимущество над чужеземными рабочими, даже в том случае, если бы на торгах эти последние предъявили бы смету на 5% ниже сметы, представленной национальными рабочими.

На последних днях румынские рабочие настаивали на том, чтобы закон этот был бы представлен на утверждение палат без всякого замедления. Депутация от них

с этой целью была принята главою либерального кабинета[6] и вице-председателем палаты депутатов[7], которые обещали, что упомянутый проект будет предъявлен палате вслед за утверждением неотложных финансовых законов.

12-го февраля толпа до двух тысяч рабочих ринулась к палате депутатов, требуя, чтобы закон по рабочему вопросу, с указанными ими изъяснениями, был бы утверждён в тот же день. Старания префекта полиции убедить толпу прекратить беспорядок остались безуспешны. Сам префект и несколько десятков полицейских и жандармов были ранены камнями, после чего толпа была рассеяна войсками. Более ста рабочих были арестованы[8]. Хотя румынский рабочий класс того и не высказывает открыто, но, по-видимому, он стремится к безусловному исключению из страны всех чужеземных рабочих, что правительство не признаёт, конечно, возможным.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 36–38.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

[2] Значительное число этих «чужеземных» рабочих и мастеровых приезжали в Румынию из Австро-Венгрии, прежде всего из Трансильвании.

[3] В то время, когда у власти находились правительства под руководством Георге Григоре Кантакузино (с апреля 1899 г. по июль 1900 г.) и Петре П. Карпа (с июля 1900 г. по февраль 1901 г.).

[4] Здесь идёт речь о Министерстве сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ. В то время им руководил Базиль М. Миссир.

[5] Закон об организации ремёсел (Legea pentru organizarea meseriilor). Этот закон будет принят 5 марта 1902 г.

[6] Имеется в виду Димитрие А. Стурдза.

[7] Имеется в виду Думитру Протопопеску.

[8] Об этом см.: Bacalbaşa C. *Bucureştii de altădată, 1901–1910*. Vol. III. Ediţia II. Bucureşti, Editura ziarului „Universul", 1936. P. 25–26. Правительство обвинило консервативную партию в организации этих волнений и беспорядков.

Bucureşti, 17 februarie 1902, nr. 8. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Criza financiară şi economică din ultimii trei ani de zile din România, care continuă şi în prezent[1], se reflectă şi în situaţia clasei muncitoare. Muncitorii şi meseriaşii români acuză, în legătură cu aceasta, fluxul mare de muncitori străini[2], care, fiind mult mai bine pregătiţi şi întreprinzători, îşi revendică majoritatea lucrărilor şi se îmbogăţesc.

Drept urmare, meseriaşii şi muncitorii români au insistat pe lângă guvern să li se acorde sprijin împotriva concurenţei muncitorilor străini şi au solicitat adoptarea unei legi care să reglementeze chestiunea muncitorească.

Proiectul unei astfel de legi a fost elaborat de către fostul minister conservator al comerţului şi lucrărilor publice[3], fără a fi însă adoptată de către parlament din cauza schimbării la acea vreme a guvernului conservator cu cel liberal.

Clasa muncitoare a continuat să insiste asupra adoptării unei astfel de legi, iar recent ministrul comerţului şi lucrărilor publice din guvernul liberal[4] a elaborat un nou proiect de lege privind chestiunea muncitorească[5].

Unele articole ale acestui proiect de lege au generat nemulțumiri în mediul clasei muncitoare, care solicita modificarea acestora, lucru promis, de altfel, de către guvern.

De pildă, potrivit respectivului proiect de lege, muncitorilor români le este asigurată întâietatea față de muncitorii străini, inclusiv în cazul în care la licitații ultimii ar oferi devize cu 5% mai mici decât cele ale muncitorilor din țară.

Recent, muncitorii români au insistat ca această lege să fie înaintată spre aprobare de către cele două camere fără nici o întârziere. În acest scop, o delegație a lor a fost primită de către șeful guvernului liberal[6] și vicepreședintele Camerei Deputaților[7], care au promis că proiectul de lege amintit vă fi prezentat parlamentului imediat după aprobarea unor legi urgente care privesc finanțele publice.

Pe data de 12 februarie, un grup de aproape două mii de muncitori s-a îndreptat către Camera Deputaților, cerând ca legea privind chestiunea muncitorească, cu amendamentele propuse de ei, să fie adoptată în aceeași zi. Încercările prefectului poliției de a convinge mulțimea să înceteze dezordinile au rămas fără ecou. Însuși prefectul și câteva zeci de polițiști și jandarmi au fost răniți cu pietre, după care mulțimea a fost dispersată de către armată. Peste o sută de muncitori au fost arestați[8]. Chiar dacă clasa muncitorească română nu afirmă deschis acest lucru, în realitate ea urmărește, se pare, eliminarea necondiționată din țară a tuturor muncitorilor străini, lucru care, desigur, nu este considerat posibil de către guvern.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 36–38.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] A se vedea documentele anterioare referitoare la acest aspect.

[2] Un număr important de muncitori și meseriași veneau din Austro-Ungaria, în special din Transilvania.

[3] În timpul guvernelor Gheorghe Gr. Cantacuzino (aprilie 1899 – iulie 1900) și Petre P. Carp (iulie 1900 – februarie 1901).

[4] Este vorba de Ministerul Agriculturii, Industriei, Comerțului și Domeniilor, condus la vremea respectivă de Basile M. Missir.

[5] Legea pentru organizarea meseriilor. Va fi adoptată pe data de 5 martie 1902.

[6] Dimitrie A. Sturdza.

[7] Dumitru Protopopescu.

[8] C. Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1901–1910*, vol. III, ediția II, București, Editura ziarului „Universul", 1936, p. 25–26. Guvernul a acuzat Partidul Conservator de orchestrarea nemulțumirilor

75

Бухарест, 25 февраля 1902 г., № 10. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Законопроект о пенсиях[1], принятый палатой депутатов[2], встретил сильную оппозицию в сенате, и господину Стурдзе пришлось изменить некоторые из его статей[3]. Видные члены консервативной партии, отставные генералы Ману[4] и бывший военный министр Лаховари[5], выступили в защиту пенсионеров[6], которым не только

уменьшают давно выслуженную и законом определённую пенсию, но ещё заявляют, что размер и новой пенсии не утверждается раз навсегда, но что он может быть ежегодно изменяем постановлением палат.

В таком виде пенсия утрачивает свой почётный характер и напоминает скорее милостыню. В заключение генерал Лаховари выразил сожаление, что во главе военного министерства стоит ныне человек не военный.

Намёк этот глубоко оскорбил господина Стурдзу, который взял на себя военное министерство якобы временно, более года не стесняясь производить различные сокращения и реформы, к крайнему неудовольствию офицеров.

Ответ господина Стурдзы был очень неудачен и заключал в себе намёки, прямо неуместные по отношению к королю Карлу. «Почему взял я военное министерство? Потому что хотел исправить две ошибки, – возражал министр-президент. – Во-первых, по статье 93-ей конституции король – глава армии; между тем, все бывшие до меня военные министры считали себя главами армии, и оказывалось, что король имел менее значения в военном министерстве, чем маленький чиновник. Тогда я сказал офицерам: я прихожу к вам, чтобы тот, который обладает всеми для того качествами, стал вашим начальником, так как он солдат по ремеслу, и в военном деле смыслит больше, чем вы все, вместе взятые» [7].

Вторая ошибка, которую заметил военный министр Стурдза, это отсутствие всякого порядка и неумение офицеров работать методически.

Ответ этот признаётся всеми неудачным и бестактным и не может быть оправдан известной горячностью и злым характером господина Стурдзы, так как до сего времени, несмотря на низкий уровень румынских палат, всецело поглощённых мелкими партийными раздорами, депутаты и сенаторы поставили себе за правило в спорах не касаться имени короля.

Вряд ли и Его Величество, который всегда при всех министерствах, близко и горячо принимал к сердцу развитие румынской армии и считал её своим детищем, остался доволен оценкой своей деятельности и насмешливым уподоблением, в льстивых, правда, словах, ничего не знающему маленькому чиновнику. Впрочем, выходка господина Стурдзы не должна была слишком поразить короля Карла, так как в первые годы его княжения, тот же господин Стурдза издал наделавшую в своё время много шума брошюру под заглавием «L’Espion Prussien», титул, который он даровал тогда королю[8].

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 45–47 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Общий закон о пенсиях.
[2] Закон был принят 15 февраля 1902 г.
[3] Дебаты и прения по этому вопросу начались в Сенате 19 февраля 1902 г. Подробно см.: *DS*, 1901–1902. № 42. P. 417 etc.
[4] Джордже Ману.
[5] Якоб Н. Лаховари.
[6] Об этом см.: *DS*, 1901–1902. № 42. P. 436–448; *DS*, 1901–1902. № 43. P. 449–456; *DS*, 1901–1902. № 44. P. 457–468; *DS*, 1901–1902. № 45. P. 469–478.
[7] Об этом см.: *DS*, 1901–1902. № 43. P. 452–453.

[8] Согласно мнению, высказанному Титу Майореску, на самом деле автором данной брошюры являлся, скорее всего, Георге Мырзеску (См.: Maiorescu T. *Istoria contimporană a României (1866–1900)*. Bucureşti, Editura Librăriei SOCEC & Co., 1925. P. 75). В связи с этим эпизодом из бурного политического прошлого Димитрия А. Стурдзы королю Карлу I будто бы приписывали следующее высказывание: «Я привёл во дворец господина Стурдзу, который написал „Прусского Шпиона”, а у Мазара-Паши предлагал меня свергнуть и убить прямо во дворце, а сейчас не существует для меня более верного человека, чем он». (См.: *Carol I. Amintirea unei mari domnii* / Ed. A. Podgoreanu, G. Costache. Bucureşti, Biblioteca Centrală Universitară „Carol I”, 2006. P. 11). Это заявление должно было ещё раз подчеркнуть особую способность Карла I привлекать на свою сторону потенциальных политических противников.

Bucureşti, 25 februarie 1902, nr. 10. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Proiectul de lege privind pensiile[1], care a fost adoptat de către Camera Deputaţilor[2], a fost contestat puternic în Senat, iar domnul Sturdza a fost obligat să modifice câteva articole[3]. Membri importanţi ai Partidului Conservator, generalii în rezervă Manu[4] şi fostul ministru de război Lahovari[5], au pledat în favoarea pensionarilor[6], cărora nu doar că le este redusă pensia câştigată demult şi stabilită prin lege, dar li se şi spune că mărimea noii pensii nu este stabilită pentru totdeauna, ci că poate fi modificată oricând prin decizii ale parlamentului.

În acest fel, pensia îşi pierde caracterul său de onoare şi aminteşte, mai degrabă, de o pomană. În încheiere, generalul Lahovari şi-a exprimat regretul că în fruntea Ministerului de Război se află în prezent o persoană care nu provine din sânul armatei.

Această aluzie l-a insultat profund pe domnul Sturdza, care, aparent, a preluat Ministerul de Război doar temporar, implementând fără jenă timp de un an de zile reduceri şi reforme care deranjează puternic corpul ofiţerilor.

Răspunsul domnului Sturdza a fost foarte nefericit, prin aluzii cu totul neadecvate la adresa regelui Carol. „De ce am asumat eu Ministerul de Război? Deoarece am dorit să corectez două greşeli”, a replicat prim-ministrul. „În primul rând, chiar dacă, potrivit articolului 93 din Constituţiune, regele este capul puterii armate, toţi miniştrii de război de până la mine se considerau ei conducători ai armatei, rezultând astfel că regele avea o importanţă mai mică în Ministerul de Război decât un mic funcţionar. Atunci le-am spus ofiţerilor: vin la voi pentru ca cel care are pentru aceasta toate calităţile necesare să fie capul vostru, deoarece el este soldat de meserie şi înţelege în chestiunea militară mai mult decât voi toţi împreună”[7].

A doua greşeală, asupra căreia a atras atenţia ministrul de război Sturdza, este lipsa oricărei ordini şi incapacitatea ofiţerilor de a lucra metodic.

Acest răspuns este considerat de către toată lumea nereuşit şi lipsit de tact, care nu poate fi justificat prin cunoscuta impulsivitate şi caracterul maliţios al domnului Sturdza, deoarece, până acum, cu toată calitatea scăzută a celor două camere, absorbite în totalitate de mici dispute de partid, deputaţii şi senatorii s-au ghidat de regula de a nu-l implica pe rege în disputele dintre ei.

Este puţin probabil ca Majestatea Sa, care, în orice guvernare, a pus mult suflet în dezvoltarea armatei române, considerând-o un copil al său, să fi rămas satisfăcut de aprecierea activităţii sale şi asimilării zeflemitoare cu un mic funcţionar ignorant, chiar şi prin apelul la vorbe măgulitoare. De fapt, ieşirea domnului Sturdza nu ar fi trebuit să-l surprindă prea mult pe regele Carol, deoarece, în primii ani ai domniei sale, acelaşi domn

Sturdza a editat broșura „L'Espion Prussien", titlu pe care i l-a hărăzit la acea vreme regelui, fapt ce a creat pe atunci multă vâlvă[8].

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 45–47 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Legea generală de pensiuni.

[2] 15 februarie 1902.

[3] Dezbaterile au început în Senat pe data de 19 februarie 1902 (*DS*, 1901–1902, nr. 42, p. 417 și urm.).

[4] George Manu.

[5] Iacob N. Lahovari.

[6] *DS*, 1901–1902, nr. 42, p. 436–448; *DS*, 1901–1902, nr. 43, p. 449–456; *DS*, 1901–1902, nr. 44, p. 457–468; *DS*, 1901–1902, nr. 45, p. 469–478.

[7] *DS*, 1901–1902, nr. 43, p. 452–453.

[8] Potrivit lui Titu Maiorescu, respectiva broşură ar fi fost redactată de Gheorghe Mârzescu (Titu Maiorescu, *Istoria contimporană a României (1866–1900)*, Bucureşti, Editura Librăriei SOCEC & Co., 1925, p. 75). Cu referire la acest episod din trecutul politic al lui Dimitrie A. Sturdza, regelui Carol I i-a fost atribuită următoarea afirmație: „eu am atus la Palat pe tomnu Sturdza, care a scris „Spion Prusian", la Mazar Paşa a propus detronarea şi asasinarea al meu la Palat şi nu este altul mai cretinşos". (*Carol I. Amintirea unei mari domnii*, redactori Anca Podgoreanu, Geta Costache, Bucureşti, Biblioteca Centrală Universitară „Carol I", 2006, p. 11). Afirmația avea rolul de a sublinia capacitatea lui Carol I de a atrage de partea sa potențialii rivali politici.

76

Бухарест, 9 апреля 1902 г., № 538. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Министр иностранных дел[1] посетил меня вчера с целью сообщить мне о полном согласии румынского правительства сообразовать свой образ действия по отношению к анархистам с правилами, предложенными нами и берлинским кабинетом[2].

Пока не принято ещё окончательного решения по вопросу о том, будет ли ведение по делу об анархистах, а именно о высылке[3], добровольном выезде, сведениях об их преступных замыслах и проч., возложено на министра внутренних дел[4] или министра юстиции[5]. Решение последует по возвращении последнего из временного отпуска.

Ныне же приступлено к приготовительным мерам, с целью создать подготовленных для тщательного наблюдения за анархистами надлежащих агентов[6].

С этой целью приступлено к ознакомлению сказанных агентов со способами составления подробных и точных примет анархистов, о чём упомянуто было на Римской конференции (portraits parlés)[7].

Что касается остальных пунктов, отмеченных в приложении, доставленном при предписании Вашего Сиятельства от 21-го марта с.г., № 52[8], министр иностранных дел добавил, что он не преминёт доставить мне подробный отзыв, когда решён будет, как выше сказано, вопрос о том: будут ли сосредоточены дела об анархистах в руках министра внутренних дел или министра юстиции.

По отношению ко всем остальным пунктам, министр ещё раз повторил, что королевское правительство вполне присоединяется ко взгляду императорского правительства.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 60–61 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Имеется в виду Ион И. К. Брэтиану, который занимал эту должность с января 1902 г. до декабря 1904 г.

[2] Об этом также см. док. № 47 от 30 августа 1900 г., № 72 от 5 декабря 1901 г. и № 78 от 14 июня 1902 г.

[3] Общие законодательные положения, касающиеся порядка высылки с территории Румынии, были предусмотрены «Законом об иностранцах», принятым ещё в 1881 г. Ст. 1 данного закона предусматривала, что иностранные подданные, проживавшие в Румынии, могли быть высланы за её пределы в том случае, если «своим поведением» они «представляют угрозу внутренней или внешней безопасности государства, или же своими действиями нарушают общественный порядок, или же принимают участие в действиях и усилиях, имеющих своей целью свержение существующего общественного порядка и общественного строя внутри страны или за её пределами». Окончательное решение о высылке принималось лишь Советом министров (См.: *Colecțiune de legiuirile României vechi și celei noi, câte s-au promulgat de la 1 ianuarie 1875 până la finele anului 1885* // Ed. I. Bujoreanu. Vol. III. Partea I. București, Tipografia Academiei Române, 1885. P. 754–755).

[4] Имеется в виду Петре С. Аурелиан.

[5] Имеется в виду Константин И. Стоическу.

[6] Начиная с 1892 г. в рамках Министерства внутренних дел функционировало особое «Бюро общей безопасности» (Birou al Siguranței Generale). Сбор секретной информации о деятельности некоторых левых политических активистов также входил в компетенцию Префектуры полиции и жандармерии.

[7] Введение этого понятия приписывается французскому криминалисту Альфонсу Бертильону. Он предлагал методы, довольно сомнительные с научной точки зрения, для установления личности некоторых лиц с предположительно высоким коэффициентом преступных наклонностей. Это понятие было впервые представлено на упоминавшейся Римской конференции Жаном (Леопольдом) Вигье, начальником французской секретной службы *Sûreté générale.* (Об этом см.: Jensen R. *The Battle against Anarchist Terrorism: An International History, 1878–1934*. New York, Cambridge University Press, 2014. P. 165–166).

[8] Не публикуется.

București, 9 aprilie 1902, nr. 958. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ministrul afacerilor străine[1] mi-a făcut ieri seara o vizită, pentru a-mi comunica faptul că guvernul român este de acord să-și coordoneze modul de acțiune față de anarhiști cu regulile propuse de noi și guvernul de la Berlin[2].

Încă nu a fost luată o decizie definitivă privind atribuirea responsabilităților în chestiunea anarhiștilor, adică a expulzării[3], emigrării benevole, colectării de date privind intențiile lor criminale și altele, către ministrul de interne[4] sau ministrul justiției[5]. Decizia va fi luată după revenirea celui din urmă din concediul temporar.

În prezent sunt în desfășurare acțiuni premergătoare, cu scopul de a instrui agenți competenți însărcinați cu urmărirea minuțioasă a anarhiștilor[6].

Pentru aceasta, s-a trecut la familiarizarea respectivilor agenți cu metodele de elaborare a indiciilor detaliate și exacte privitoare la anarhiști, despre care s-a amintit la Conferința de la Roma (portraits parlés)[7].

Cu privire la celelalte puncte, invocate în anexa din instrucțiunile Luminăției Voastre din 21 martie c., nr. 52[8], ministrul afacerilor străine a declarat că, în clipa în care se va decide, așa cum aminteam mai sus, dacă chestiunea anarhiștilor va fi trecută în competența ministrului de interne sau a ministrului justiției, nu va ezita să-mi pună la dispoziție un punct de vedere detaliat.

Referitor la toate celelalte aspecte, ministrul a reamintit încă o dată faptul că guvernul regal se alătură în totalitate punctului de vedere al guvernului imperial.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 60–61 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Ion I. C. Brătianu, ianuarie 1902 – decembrie 1904.

[2].A se vedea doc. nr. 47 din 30 august 1900, nr. 72 din 5 decembrie 1901 și 78 din 14 iunie 1902.

[3] Cadrul legal privind expulzările din România era asigurat de „Legea asupra străinilor" din 1881. Prin articolul 1, legea respectivă prevedea că străinii care locuiau în România puteau fi expulzați în cazul în care, „prin purtare" ar „compromite siguranța interioară sau exterioară a statului, sau ar tulbura liniștea publică, sau ar lua parte la lucrări având ca obiect răsturnarea ordinii publice sau sociale în țară sau în străinătate". Decizia de expulzare era luată de Consiliul de Miniștri (*Colecțiune de legiuirile României vechi și celei noi, câte s-au promulgat de la 1 ianuarie 1875 până la finele anului 1885*, de Ioan M. Bujoreanu, volumul III, partea I, București, Tipografia Academiei Române, 1885, p. 754–755).

[4] Petre S. Aurelian.

[5] Constantin I. Stoicescu.

[6] Din 1892, în cadrul Ministerului de Interne funcționa un „Birou al Siguranței Generale". Colectarea informațiilor privind activitatea unor militanți de stânga intra și în competența Prefecturii Poliției și a Jandarmeriei.

[7] Termen atribuit criminologului francez Alphonse Bertillon, prin care se propuneau metode discutabile din punct de vedere științific pentru identificarea persoanelor cu potențial criminal. Conceptul a fost prezentat la conferința de la Roma de către Jean (Léopold) Viguié, șeful *Siguranței* (*Sûreté générale*) franceze (Richard Bach Jensen, *The Battle against Anarchist Terrorism: An International History, 1878–1934*, New York, Cambridge University Press, 2014, p. 165–166).

[8] Nu se publică.

77

Бухарест, 4 июня 1902 г., № 15. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынское правительство давно уже обратило внимание на неудовлетворительную охрану своей пограничной линии. Бывший военный министр, генерал Будиштяну[1], составил проект создания особого корпуса пограничной стражи наподобие нашей[2], для замены неопытных и неподготовленных часовых от разных частей войск, расставленных ныне вдоль границы.

За недостатком денежных средств, меры эти не были приведены в исполнение. Тем не менее, вследствие неудовлетворительности существовавшего порядка, в виде опыта создана была особая стража всего в 66 человек, для предотвращения контрабанды.

Ввиду полной удачи этого мероприятия, королевское правительство решило ныне довести число стражников до 102 и прибавить к ним ещё шесть конных надсмотрщиков.

Страже этой придаётся военная организация, и она получает хорошее вооружение. В состав её принимаются исключительно унтер-офицеры, недавно вышедшие из армии и не утратившие привычки к дисциплине. Вследствие крайне ограниченного числа стражников, надзору их подлежат лишь те части пограничной линии, где наиболее развита контрабанда, а именно по Дунаю от устьев Прута до 3-го километра за Брэилу. В местности этой производилась постоянно контрабанда табаку, приносившая значительный ущерб табачной монополии[3].

Что касается Килийского рукава, то надзор за этой частью границы поручается отряду из матросов при таможенном чиновнике. Для этого отряда заказывается особый паровой катер стоимостью в 10.000 франков. Весь расход на содержание стражи определён в 57.000 франков.

Румынское правительство ожидает, что затрата эта окупится повышением таможенных доходов. Кроме того, нет сомнения, что с улучшением охраны границы, в значительной степени уменьшится дезертирство в наши пределы. Дезертирство составляет до сих пор хроническую болезнь румынской армии и ежегодно насчитывается более 200 беглых солдат.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 71–72 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Константин Будиштяну (1838–1911). Занимал должность военного министра с октября 1895 г. до ноября 1896 г. в кабинете Димитрие А. Стурдзы.

[2] В октябре 1893 г. служба пограничной стражи (охраны) Российской империи была переведена из-под юрисдикции Департамента внешней торговли в ведение Министерства финансов. При этом был создан Отдельный корпус пограничной стражи. Между 1893 и 1908 гг. командующим Отдельным корпусом пограничной стражи был генерал от артиллерии А. Д. Свиньин.

[3] Табачная монополия была введена в Объединённых Княжествах Молдавии и Валахии в 1865 г. Через два года, в 1867 г., эта монополия была отменена. Она была вновь установлена в законодательном порядке в 1872 г. Об этом см.: Gavriliu D. *Contribuţiuni la istoricul tutunului. Până la înfiinţarea monopolului în România*. Iaşi, Viaţa Românească, 1929.

Bucureşti, 4 iunie 1902, nr. 15. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Guvernul român a atras de mai mult timp atenţia asupra pazei nesatisfăcătoare a segmentului său de graniţă. Fostul ministru de război, generalul Budişteanu[1], a propus crearea unui corp special de pază a frontierei, după modelul nostru[2], pentru înlocuirea gărzilor neexperimentate şi nepregătite din diferite genuri de arme, dislocate în prezent de-a lungul graniţei.

Din cauza restricțiilor bugetare, aceste măsuri nu au mai fost implementate. Totuși, ca urmare a persistenței stării nesatisfăcătoare a lucrurilor, pentru prevenirea contrabandei, a fost creată, sub forma unui experiment, o unitate de pază formată din doar 66 de persoane.

Având în vedere succesul deplin al acestui demers, guvernul regal a decis să ridice acum numărul santinelelor la 102, cărora să li se alăture alți șase supraveghetori călare.

Acestei paze i se stabilește o organizare militară și este dotată cu armament performant. În structura sa sunt acceptați doar subofițeri care s-au demobilizat recent și nu au pierdut deprinderile pentru disciplină. Ca urmare a numărului limitat de santinele, supravegherii sunt supuse doar acele segmente de graniță unde este dezvoltată mai mult contrabanda, și anume pe Dunăre, de la gurile Prutului până la kilometrul 3 după Brăila. În aceste locuri se făcea în permanență contrabandă cu tutun, care aducea pagube semnificative monopolului asupra tutunului[3].

Cât privește brațul Chilia, cu supravegherea acestei părți a graniței este însărcinat un detașament de marinari de pe lângă un funcționar vamal. Pentru acest detașament este achiziționată o șalupă specială cu aburi la prețul de 10.000 franci. Cheltuielile pentru întreținerea detașamentului de pază sunt stabilite la 57.000 franci.

Guvernul român se așteaptă ca aceste cheltuieli să se amortizeze prin creșterea veniturilor vamale. Totodată, nu există dubii că, odată cu o mai bună pază a graniței, va scădea semnificativ numărul de dezertori care trec la noi. Dezertarea reprezintă în continuare o boală cronică a armatei române, cifra anuală ridicându-se la peste două sute de soldați fugari.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 71–72 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] Constantin Budișteanu (1838–1911). A fost ministru de Război între octombrie 1895 și noiembrie 1896 în guvernul prezidat de Dimitrie A. Sturdza.

[2] În octombrie 1893, în Imperiul Rus, serviciul de pază a frontierei a fost trecut din subordinea Departamentului de Comerț Exterior în aceea a Ministerului Finanțelor, fiind creat un Corp al Grănicerilor. Între 1893 și 1908, comandant al Corpului Grănicerilor a fost generalul A. D. Svinin.

[3] Monopolul asupra tutunului a fost introdus în Principatele Unite în 1865. În 1867 monopolul a fost ridicat, fiind reluat prin lege în 1872 (Dima I. Gavriliu, *Contribuțiuni la istoricul tutunului. Până la înființarea monopolului în România*, Iași, Viața Românească, 1929).

78

Бухарест, 14 июня 1902 г., № 938. Депеша тайного советника Фонтона

В дополнение к донесению моему от 9-го апреля с.г., № 538[1], имею честь предоставить на воззрение Вашего Сиятельства переданную мне вчера временным министром иностранных дел[2], копию с постановления Совета министров, из коей явствует, что королевский министр юстиции[3] уполномочивается возложить на генерального прокурора Бухарестского Апелляционного Суда обязанность по руководству наблюдения, устанавливаемого за находящимися в стране анархистами[4].

Особенное внимание господина Брэтиану мною было обращено на пункт I-ый выработанного нами совместно с берлинским кабинетом проекта, касающегося высылки анархистов в государство, коего они состоят гражданами.

С посетившим меня в тот же день временным председателем Совета министров, министром внутренних дел[5], я также вновь беседовал об упомянутом проекте, останавливаясь на безусловной необходимости применения к анархистам в особенности первого пункта этого проекта.

Господин Аурелиан, согласившись со мною вполне, заявил, что хотя, по румынским законам, лицу, удаляемому из страны, и предоставляется право выбора иностранного государства для своего водворения, он готов представить на утверждение парламента закон в смысле первого параграфа нашего проекта, если бы это явилось необходимым.

Германский мой сотоварищ[6] сообщил мне, что им получена от румынского правительства также копия с представляемого при сём постановления Совета министров.

С глубочайшим уважением и пр.

Приложение

Copie. Bucarest, Ad № 938.

Journal.

Le Conseil des Ministres dans sa séance d'aujourd'hui 5 Juin 1902, ayant pris connaissance du référé de Monsieur le Ministre de la Justice sous № 8253, et ayant adopté les considérations y contenues.

Décide

Monsieur le Ministre de la Justice est autorisé à charger M. le Procureur G[énéral] près la Cour d'Appel de Bucarest de la direction et du contrôle d'un service central ayant le but de recueillir toutes les informations et de surveiller les individus soupçonnés, poursuivis ou condamnés pour toute espèce de délits commis, tentés ou provoqués par eux. A cet effet le Procureur G[énéral] près la Cour d'Appel de Bucarest pourra communiquer non seulement avec toutes les autorités judiciaires, mais aussi avec les autorités centrales similaires de l'étranger.

Monsieur le Ministre de la Justice devra préciser par décision spéciale, les différentes attributions que le Procureur G[énéral] près la Cour d'Appel de Bucarest exercera en vertu de cette autorisation.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 81–82 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] См. док. № 76 от 9 апреля 1902 г.
[2] Имеется в виду Ион И. К. Брэтиану.
[3] Имеется в виду Константин И. Стоическу.
[4] См. док. № 76 от 9 апреля 1902 г., прим. 6.
[5] Имеется в виду Петре С. Аурелиан.
[6] Имеется в виду Альфред фон Кидерлен-Вехтер.

București, 14 iunie 1902, nr. 938. Depeșă a consilierului de taină[1] Fonton

În completare la raportul meu din 9 aprilie c., nr. 538[2], am onoarea de a supune atenției Luminăției Voastre o copie după hotărârea Consiliului de Miniștri, ce mi-a fost transmisă ieri seara de către ministrul interimar al afacerilor străine[3], din care rezultă că ministrul justiției din regat[4] este desemnat să-l mandateze pe procurorul general de pe lângă Curtea de Apel București cu coordonarea urmăririi instituite asupra anarhiștilor din țară[5].

I-am atras în mod special atenția domnului Brătianu asupra punctului 1 din proiectul elaborat de noi împreună cu guvernul de la Berlin, care privește expulzarea anarhiştilor în țara, ai cărei cetățeni sunt.

Am discutat din nou despre proiectul amintit și cu preşedintele interimar al Consiliului de Miniștri, ministrul de interne[6], care mi-a făcut o vizită în aceeași zi, insistând asupra necesității necondiționate de aplicare în raport cu anarhiştii în special a punctului 1 din acest proiect.

Domnul Aurelian, fiind întru totul de acord cu mine, a declarat că, chiar dacă, potrivit legislației românești, persoanei îndepărtate din țară i se oferă dreptul de a alege statul în care dorește să fie expulzată, el este de acord să propună parlamentului, spre aprobare, o lege în sensul paragrafului 1 al proiectului nostru, dacă acest lucru se va impune.

Colegul meu german[7] mi-a comunicat că a primit și el de la guvernul român o copie după hotărârea Consiliului de Miniștri anexată mai jos[8].

Cu deosebit respect și alt.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 81–82 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Sau „consilier privat". Grad civil în Imperiul Rus, echivalent cu cel de general-locotenent în armată și cel de vice-amiral în flota militară. A se vedea, pe larg: Л. Е. Шепелёв, *Титулы, мундиры и ордена Российской империи*, Москва, ЗАО «Центрполиграф», 2005.

[2] Doc. nr. 76 din 9 aprilie 1902.

[3] Ion I. C. Brătianu.

[4] Constantin I. Stoicescu.

[5] A se vedea doc. nr. 76 din 9 aprilie 1902, nota 6.

[6] Petre S. Aurelian.

[7] Alfred von Kiderlen-Wächter.

[8] A se vedea anexa de la versiunea în limba rusă a raportului.

79

Синая, 14 июля 1902 г., № 17. Депеша статского советника Сомова

7-го июля посетили Синаю офицеры австрийской военной академии, совершившие поездку по Трансильвании. 9-го же июля прибыл сюда генерал Пробст[1], командир XII австрийского корпуса[2] со штабом своим из семи офицеров. Все они считались здесь гостями короля. В тот же день состоялся в Пелешском замке парадный завтрак. Австрийский военный агент[3] объясняет приезд генерала Пробста желанием его лично принести благодарность королю Карлу за пожалованный ему в прошлом году румынский орден.

Русский военный агент, подполковник Леонтьев[4], за исключением австрийского, единственный военный агент, находившийся в Синае, на этот завтрак приглашён не был, но получил приглашение на завтрак, состоявшийся в замке накануне.

Одновременно в румынских и австрийских газетах появилось известие о предстоящем приезде в Синаю начальника австрийского Генерального штаба генерала Бека[5] с многочисленной свитой.

Известие это было отчасти опровергнуто здешней официозной газетой, которая заявила, что приезд генерала Бека не может состояться вследствие предстоящего

отъезда короля Карла в Гаштейн[6]. Весьма возможно, однако, что приезд начальника австрийского Генерального штаба состоится осенью по возвращении короля Карла, который будет присутствовать на манёврах румынской армии около 20-го сентября.

Предстоящий приезд генерала Бека объясняют тем обстоятельством, что манёвры австрийской армии произойдут в этом году недалеко от румынской границы.

С глубочайшим уважением и проч.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 90–90 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Эмиль Пробст фон Осторфф (1833–1913). Был командиром XII австро-венгерского армейского корпуса с 1896 по 1905 гг.

[2] Штаб-квартира этого корпуса находилась в Сибиу (Германштадт, Надьсебен).

[3] Тадеуш Розвадовский. Занимал должность военного атташе Австро-Венгрии в Бухаресте в 1896–1907 гг. Позднее, после Первой мировой войны, достиг звания генерала в польской армии.

[4] Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948) состоял российским военным агентом в Румынии с 20 октября 1901 по 9 января 1905 г. в чине подполковника Генерального штаба.

[5] Фридрих граф фон Бек-Ржиковский. Об этом также см. док. № 61 от 9 июня 1901 г.

[6] Имеется в виду Бад Гаштейн. Известный курорт. Сейчас находится на территории Австрии.

Sinaia, 14 iulie 1902, nr. 17. Depeșă a consilierului de stat[1] Somov

Pe data de 7 iulie, Sinaia a fost vizitată de către ofițeri ai Academiei Militare Austriece, aflați într-o călătorie prin Transilvania. Pe data de 9 iulie a sosit aici și generalul Probszt[2], comandant al Corpului XII austriac[3], alături de statul său major format din șapte ofițeri. Toți aceștia au fost oaspeți ai regelui. În aceeași zi, la castelul Peleș, a fost oferit un mic dejun festiv. Agentul militar austriac[4] explică vizita generalului Probszt prin dorința sa de a-i mulțumi personal regelui Carol pentru ordinul românesc care i-a fost decernat anul trecut.

Agentul militar rus, locotenent-colonelul Leontiev[5], cu excepția celui austriac, singurul agent militar aflat în prezent la Sinaia, nu a fost invitat la acest mic dejun, dar a primit invitația la alt mic dejun ce a avut loc la castel în ziua anterioară.

Simultan cu aceasta, în ziarele românești și austriece a apărut știrea despre vizita anticipată la Sinaia a șefului Statului Major Austriac, generalul Beck[6], alături de o suită numeroasă.

Această știre a fost parțial dezmințită de către un ziar oficial de aici, care a declarat că vizita generalului Beck nu poate avea loc din cauza așteptatei plecări a regelui Carol la Gastein[7]. Totuși, este foarte probabil ca vizita să fie stabilită pentru toamna aceasta, la revenirea regelui Carol, care va asista la aplicațiile armatei române din jurul datei de 20 septembrie.

Așteptata călătorie a generalului Beck este explicată prin faptul că aplicațiile armatei austriece vor avea loc în acest an în proximitatea graniței românești.

Cu deosebit respect și alt.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 90–90 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Pentru acest grad civil: Шепелёв, *Титулы, мундиры и ордена Российской империи*. În 1898, Alexandr Sergheevici Somov era consilier de colegiu.

[2] Emil Probszt von Ohstorff (1833–1913). A fost comandant al Corpului XII austro-ungar de armată în anii 1896–1905.

[3] Cu sediul la Sibiu.

[4] Tadeusz Rozwadowski. A fost atașat militar al Austro-Ungariei la București în anii 1896–1907. Viitor general al armatei poloneze.

[5] Maxim N. Leontiev (1871–1948). A fost agent militar al Rusiei la București din 20 octombrie 1901 până în 9 ianuarie 1905, având gradul de colonel al Statului Major.

[6] Friedrich Graf von Beck-Rzikowsky. A se vedea doc. nr. 61 din 9 iunie 1901.

[7] Bad Gastein. Stațiune balneară din Austria.

80

Бухарест, 22 июля 1902 г., № 20. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Министр-президент Стурдза немедленно по возвращении своём из-за границы деятельно принялся за пополнение и преобразование своего кабинета. Либеральное министерство, просуществовавшее около 16 месяцев[1], было далеко не полно. Сам господин Стурдза, кроме президентства, управлял двумя министерствами – военным и финансов; министр путей сообщения[2] Брэтиану был в то же время и министром иностранных дел. Такой недостаток министров вредно отражался на ходе дел. Проходили месяцы, прежде чем удавалось получить какой-либо ответ из министерства иностранных дел. Министр открывал железные дороги, осматривал мосты, постоянно находился в разъездах, и проходили целые недели, прежде чем иностранным представителям удавалось изловить его; не менее затруднительно было добиться чего-нибудь и в других ведомствах.

Ныне неудобства эти устранены, так как, кроме военного министерства, все вакансии замещены. В новом кабинете остались на прежнем месте лишь господин Харет[3], министр народного просвещения, и господин Стурдза, президент Совета министров и военный министр.

Переменили министерства: господин Брэтиану – министр иностранных дел (был до того министром путей сообщения); господин Аурелиан – министр земледелия (был ранее министром внутренних дел); господин Стойческу – министр путей сообщения (был до того министром юстиции).

Вошли новые члены кабинета: господин Стэтеску[4] – министр юстиции (был до того президентом сената); господин Паладе[5] – министр внутренних дел (был одно время министром финансов[6]) и господин Костинеску[7] – министр финансов, никогда ещё не бывший министром, явление в Румынии очень редкое. Наконец, вышел из кабинета господин Миссир – министр земледелия.

Таким образом пополнены все вакансии, за исключением того министерства, которое, казалось бы, более других нуждалось в министре, а именно военного. Господин Стурдза, в течение долголетней своей политической деятельности поочерёдно переуправлявший всеми министерствами, кроме военного, находит ныне на 73-м году жизни особое удовольствие пополнить этот пробел. Не быв никогда военным, он производит странное впечатление во фраке и цилиндре перед фронтом войск в стране, где король никогда не снимает мундир и является поклонником строгой германской выправки. Допущенный королём до военного министерства в тяжёлую минуту финансовых затруднений, будто бы исключительно для производства сокращения в

расходах, на которые не решался ни один военный, господин Стурдза, по словам самого даровитого румынского генерала, Лаховари[8], сильно и надолго расстроил армию, хотя и произвёл некоторую экономию на счёт снаряжения, военных запасов и благодаря вычетам из жалования.

Настоящей же причиной удержания военного министерства господином Стурдзой в своих руках является то обстоятельство, что не имеется подходящего генерала, принадлежащего к либеральной партии. Господин Стурдза выжидает первого производства и решится передать военное министерство только в руки молодого генерала из либералов. Кандидатом называют полковника Коанду, ныне главного помощника господина Стурдзы.

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 96–97.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Правительство было сформировано Стурдзой в феврале 1901 г.
[2] В действительности речь идёт о Министерстве общественных работ (Ministerul Lucrărilor Publice).
[3] Спиру Харет.
[4] Эудженю Стэтеску (1836–1905). Румынский адвокат и политический деятель. Занимал должность министра в нескольких либеральных правительствах.
[5] Джордже Д. Палладе (1857–1903). Румынский юрист, экономист и политический деятель.
[6] С февраля 1901 по январь 1902 г.
[7] Эмиль Костинеску (1844–1921). Румынский экономист и политический деятель. Неоднократно занимал должность министра финансов.
[8] Об этом см. док. № 75 от 25 февраля 1902 г.

Bucureşti, 22 iulie 1902, nr. 20. Somov către contele Lamsdorff

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prim-ministrul Sturdza, imediat după revenirea sa în ţară, s-a apucat energic de completarea şi remanierea cabinetului său. Guvernul liberal, care există de 16 luni[1], nu era nici pe departe complet. Însuşi domnul Sturdza conducea, în afară de guvern, alte două ministere – pe cel de război şi pe cel al finanţelor; ministrul comunicaţiilor[2], Brătianu, era simultan şi ministru al afacerilor străine. Această lipsă de miniştri influenţa negativ mersul lucrurilor. Treceau luni întregi până se reuşea primirea vreunui răspuns de la ministerul afacerilor străine. Ministrul inaugura linii de cale ferată, inspecta poduri, se afla mereu în deplasări şi treceau săptămâni întregi înainte ca reprezentanţii statelor străine să reuşească să-l întâlnească; nu mai puţin dificil era să obţii ceva în alte instituţii.

În prezent aceste inconveniente au fost înlăturate, deoarece, cu excepţia ministerului de război, toate posturile vacante din fruntea ministerelor au fost ocupate. În noul cabinet şi-au păstrat locurile doar domnul Haret[3], ministru al instrucţiunii publice, şi domnul Sturdza, preşedinte al Consiliului de Miniştri şi ministru de război.

Au fost remaniate ministerele: domnul Brătianu – ministru al afacerilor străine (a fost până atunci ministru al comunicaţiilor); domnul Aurelian – ministru al agriculturii (a fost mai înainte ministru de interne); domnul Stoicescu – ministru al comunicaţiilor (a fost până atunci ministru al justiţiei).

Au intrat noi membri ai cabinetului: domnul Stătescu[4] – ministru al justiției (a fost până atunci președinte al Senatului); domnul Pallade[5] – ministru de interne (a fost un timp ministru de finanțe[6]) și domnul Costinescu[7] – ministru de finanțe, care nu a fost încă ministru, fenomen foarte rar întâlnit în România. În sfârșit, a părăsit cabinetul domnul Missir – ministru al agriculturii.

Astfel au fost ocupate toate posturile vacante, cu excepţia acelui minister, care, se părea, avea cea mai mare nevoie de un ministru, anume ministerul de război. Domnul Sturdza, care, în timpul îndelungatei sale activități politice, a condus succesiv toate ministerele, cu excepția celui de război, are acum, în cel de-al 73-lea an de viață, o deosebită plăcere în a umple acest gol. Fără să fi fost vreodată militar, el lasă o impresie ciudată, apărând în fața trupelor în frac și cilindru, într-o țară în care regele nu se desparte niciodată de mundir și este adept al ținutei sobre germane. Acceptat la conducerea ministerului de război într-o perioadă grea a dificultăților financiare, aparent doar pentru reducerea cheltuielilor, la care nu se putea decide nici un militar, domnul Sturdza, potrivit celui mai talentat general român, Lahovari, a dezorganizat puternic și pentru mult timp armata[8], chiar dacă a făcut unele economii din contul munițiilor, rezervelor de război și tăierilor de solde.

Adevărata cauză pentru păstrarea de către domnul Sturdza în mâinile sale a ministerului de război este lipsa unui general potrivit, care ar aparține Partidului Liberal. Domnul Sturdza este în așteptarea primelor promovări în cadrul armatei și va decide să treacă ministerul de război doar în mâinile unui general tânăr din mediul liberalilor. Este amintită candidatura colonelului Coandă, în prezent asistentul principal al domnului Sturdza.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 96–97.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Din februarie 1901.
[2] De fapt: Ministerul Lucrărilor Publice.
[3] Spiru Haret.
[4] Eugeniu Stătescu (1836–1905), avocat și om politic român. A fost ministru în mai multe guverne.
[5] George D. Pallade (1857–1903), jurist, economist și om politic român.
[6] Februarie 1901 – ianuarie 1902.
[7] Emil Costinescu (1844–1921), economist și om politic român. A fost în mai multe rânduri ministru de Finanțe.
[8] A se vedea doc. nr. 75 din 25 februarie 1902.

81

Бухарест, 22 июля 1902 г., № 21. Сомов – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Новому либеральному Министерству господина Стурдзы местные газеты дали название «великого Министерства». Действительно, в него вошли лучшие силы всей

партии. Но наибольшего внимания заслуживает появление в качестве министра финансов господина Костинеску, которое ещё усиливает германофильский характер кабинета.

Господин Костинеску состоит директором бухарестского банка «Banque Générale»[1], который является отделением для Румынии берлинского банка «Disconto-Gesellschaft»[2]. Не в пример прочим, место его как директора банка за всё время, пока он останется министром финансов, не будет замещено, хотя официально он от директорства и откажется. На самом же деле господин Костинеску будет одновременно управлять румынскими финансами и ведать денежными интересами берлинского банка в королевстве. Уже теперь открыто говорят о предстоящем расширении деятельности германского банка предоставлением ему операций и по местному мелкому народному кредиту[3]. Перемене в кабинете предшествовали продолжительные совещания между господином Стурдзой и господином Белдиманом[4], румынским посланником в Берлине.

Удаление из министерства господина Миссира – равным образом удовлетворение, данное еврейским банкирам. Господин Миссир провёл в палатах закон о ремесленниках[5], благодаря которому умаляются права румынских евреев-ремесленников. В мае посетил Яссы, а затем и Бухарест французский публицист еврей Бернар Лазар[6], для ознакомления с положением евреев в Румынии[7]. Господин Лазар был ещё ранее известен своими неприличными выходками в печати против короля и королевы румынских. В Яссах всё прошло благополучно, но, когда господин Лазар приехал в Бухарест, румынская молодёжь устроила ему шумную демонстрацию. Господин Лазар, под прикрытием полиции, с первым же поездом бежал в Париж, где начал сильную кампанию против румынского правительства в защиту евреев. Одновременно он старался возбудить и общественное мнение в Англии и добиться запроса в парламенте. Образцом может служить представляемый при сём номер[8] 2-ой листка «The Roumanian Bulletin. A Record of Persecution»[9], рассылаемого в тысячах экземплярах. Громкие статьи господина Лазара во французских газетах, основанные часто на измышленных фактах, не произвели большого впечатления, но, тем не менее, все еврейские банкиры с редким единодушием стали враждебно относиться к румынским финансам, и господину Стурдзе для успокоения их пришлось принести в жертву господина Миссира. Вероятно, и самый закон о ремесленниках будет изменён в более благоприятном для евреев смысле[10].

Господин Стэтеску, новый министр юстиции, неоднократно занимал уже этот пост. Он слывёт за человека выдающихся способностей, крайне сурового и ярого приверженца Германии.

Господин Палладе, новый министр внутренних дел, был ранее министром финансов. Он грубый оратор, имеющий успех в низших классах населения. Как господин Стэтеску, так и господин Палладе вступили в кабинет в виду предстоящих коммунальных выборов. Первому предстоит выбить дух независимости из судебного персонала, второму заставить полицию деятельнее работать при выборах в пользу либеральной партии.

Сам господин Стурдза до смешного выказывает своё преклонение перед всем немецким. Он открыто заявляет, что во Франции молодым румынам учиться нечему, и что место их в Германии. Румынский министр-президент до того настаивает на своей точке зрения, что многие из румын, которые по традиции отправили детей во Францию в те самые заведения, где воспитались они сами, а равно и отцы их, в угоду господину Стурдзе, перевели детей в Германию.

По словам здешнего французского посланника[11], ни одно из многочисленных румынских Министерств никогда ещё не отличалось таким открыто германским направлением.

В общем, кабинет состоит, бесспорно, из людей талантливых, но в угоду мелким политическим страстям места распределены неправильно: историограф и археолог Стурдза стоит во главе военного министерства; инженер Брэтиану является министром иностранных дел, а известный адвокат юрист Стойческу совершенно неожиданно попадает в министры путей сообщения.

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 100–101 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

---

[1] Об этом см. док. № 65 от 19 августа 1901 г., прим. 8.

[2] Об этом см. док. № 67 от 29 августа 1901 г., прим. 5.

[3] В течение лета 1902 г. Димитрие А. Стурдза и король Карл интенсивно обсуждали с высокопоставленными немецкими официальными лицами перспективы более тесного участия Германии в организации финансовых операций на территории Румынии. Подробности см., напр.: *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905* / Ed. S. Cristescu. Bucureşti, Paideia, 2010. P. 473.

[4] Александру А. Белдиман (1855–1924). Полномочный посланник Румынии в Берлине в период 1896–1916 гг. Последовательно и активно выступал за установление тесных политических и экономических связей между Румынией и Германией.

[5] Об этом см. док. № 74 от 17 февраля 1902 г.

[6] Бернар Лазар (1865–1903). Опубликовал многочисленные работы, посвящённые положению евреев в разных странах Европы. См., напр.: *L'antisémitisme: Son histoire et ses causes.* Paris, Léon Chailley, 1894; *Le nationalisme juif*. Paris, Stock, 1898; *Antisémitisme et revolution*. Paris, Stock, 1898. Подробнее о Б. Лазаре см.: Oriol Ph. *Bernard Lazare, anarchiste et nationaliste juif*. Paris, Librairie Honoré Champion, 1999.

[7] Подробнее об этом см.: Bacalbaşa C. *Bucureştii de altădată, 1901–1910*. Vol. III. Ediţia II. Bucureşti, Editura ziarului „Universul", 1936. P. 29–30.

[8] Не публикуется.

[9] Это печатное издание выходило в Лондоне, в издательстве William Clowos and Sons.

[10] Об этом также см. другие документы, касающиеся данного вопроса.

[11] Имеется в виду Арсен Анри.

Bucureşti, 22 iulie 1902, nr. 21. Somov către contele Lamsdorff

O anexă

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Noul guvern liberal al domnului Sturdza a fost botezat, de către ziarele de aici, „marele guvern". Într-adevăr, în respectivul cabinet au fost cooptate cele mai bune nume ale partidului. Cea mai mare atenţie merită însă apariţia, în calitate de ministru al finanţelor, a domnului Costinescu, lucru care întăreşte şi mai mult caracterul germanofil al guvernului.

Domnul Costinescu este director al băncii „Banque Générale"[1] din Bucureşti, filiala din România a băncii „Disconto-Gesellschaft" din Berlin[2]. Într-un mod neobişnuit, atâta timp cât va fi ministru, locul lăsat liber la bancă nu va fi ocupat, cu toate că el urmează să renunţe oficial la postul de director. În realitate însă, domnul Costinescu va conduce simultan

finanțele românești și se va îngriji de interesele financiare ale băncii germane în regat. Se vorbește deja deschis despre apropiata extindere a activității băncii germane, prin acordarea accesului la operațiuni în domeniul micului credit popular[3]. Remanierea guvernului a fost precedată de consultări prelungite între domnul Sturdza și domnul Beldiman[4], trimisul român de la Berlin.

Îndepărtarea din guvern a domnului Missir reprezintă, în egală măsură, o satisfacție oferită bancherilor evrei. Domnul Missir a trecut prin parlament Legea meseriilor[5], prin care sunt îngrădite drepturile meseriașilor evrei români. În luna mai, pentru a lua cunoștință de situația evreilor din România, publicistul francez evreu Bernard Lazare[6] a vizitat mai întâi Iașul, iar mai apoi Bucureștiul[7]. Domnul Lazare era cunoscut mai demult pentru ieșirile sale indecente din presă împotriva regelui și a reginei României. La Iași lucrurile s-au desfășurat fără incidente, dar, când domnul Lazare a ajuns la București, tineretul român i-a organizat o demonstrație zgomotoasă. Sub protecția poliției, domnul Lazare a fugit cu primul tren la Paris, unde a declanșat o puternică campanie împotriva guvernului român și în apărarea evreilor. Concomitent, el a încercat să sensibilizeze și opinia publică din Anglia și să obțină o interpelare în parlament. Drept exemplu poate servi numărul 2 al publicației „The Roumanian Bulletin. A Record of Persecution"[8], anexat la acest raport[9], care este difuzat în mii de exemplare. Chiar dacă articolele dure ale domnului Lazare din ziarele franceze, bazate de multe ori pe fapte inventate, nu au avut un efect puternic, bancherii evrei, într-o unanimitate rară, au început să aibă o atitudine negativă față de sistemul bancar românesc, iar domnul Sturdza, pentru liniștirea acestora, a fost obligat să-l sacrifice pe domnul Missir. Este posibil ca și Legea meseriilor să fie modificată într-un sens mai favorabil evreilor[10].

Domnul Stătescu, noul ministru al justiției, a ocupat de mai multe ori acest post. El are reputația unei persoane cu calități excepționale și foarte severe, fiind considerat un aprig adept al Germaniei.

Domnul Pallade, noul ministru de interne, a fost mai înainte ministru al finanțelor. Este un orator lipsit de finețe, care se bucură de succes la păturile de jos ale populației. La fel ca domnul Stătescu, domnul Pallade a intrat în guvern din cauza viitoarelor alegeri locale. Primul are sarcina de a inhiba la judecători spiritul de independență, iar cel de-al doilea de a obliga poliția să lucreze mai puternic la alegeri în favoarea Partidului Liberal.

În ceea ce-l privește, domnul Sturdza își afișează, până la ridicol, admirația pentru tot ce este german. El declară deschis că tinerii români nu au ce învăța în Franța și că locul lor este în Germania. Insistența prim-ministrului român asupra propriului punct de vedere este atât de mare, încât foarte mulți români, care, potrivit tradiției, își trimiteau copiii în Franța, la acele instituții de învățământ pe care le-au frecventat ei înșiși, la fel ca părinții lor, pentru a face pe plac domnului Sturdza, și-au transferat copiii în Germania.

Potrivit trimisului francez de aici[11], încă niciunul dintre numeroasele guverne ale României nu s-a remarcat niciodată printr-o orientare filogermană atât de evidentă.

În general, cabinetul este compus din oameni, fără îndoială, talentați, dar, pentru a satisface ambițiile politice meschine, locurile nu sunt distribuite corect: istoriograful și arheologul Sturdza se află în fruntea Ministerului de Război; inginerul Brătianu este ministru al afacerilor străine, iar cunoscutul avocat, juristul Stoicescu este propulsat pe neașteptate la Ministerul Comunicațiilor.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 100–101 verso.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] A se vedea doc. nr. 65 din 19 august 1901, nota 8.

[2] A se vedea doc. nr. 67 din 29 august 1901, nota 5.

[3] În vara anului 1902, Dimitrie A. Sturdza și regele Carol au discutat cu înalți oficiali germani despre implicarea Germaniei în operațiuni financiare în România. Pentru exemplificare: *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 473.

[4] Alexandru A. Beldiman (1855–1924). Ministru plenipotențiar al României la Berlin în anii 1896–1916. A militat constant pentru legături politice și economice strânse cu Germania.

[5] A se vedea doc. nr. 74 din 17 februarie 1902.

[6] Bernard Lazare (1865–1903). A publicat numeroase lucrări privitoare la situația evreilor din Europa (Ex.: *L'antisémitisme: Son histoire et ses causes,* Paris, Léon Chailley, 1894; *Le nationalisme juif*, Paris, Stock, 1898; *Antisémitisme et revolution*, Paris, Stock, 1898). Despre B. Lazare: Philippe Oriol, *Bernard Lazare, anarchiste et nationaliste juif*, Paris, Librairie Honoré Champion, 1999.

[7] C. Bacalbașa, *Bucureștii de altădată, 1901–1910*, vol. III, ediția II, București, Editura ziarului „Universul”, 1936, p. 29–30.

[8] Apărea la Londra la editura William Clowos and Sons.

[9] Nu se publică.

[10] A se vedea și alte documente referitoare la acest aspect.

[11] Arsène Henry.

82

Синая, 31 июля 1902 г., № 23. Сомов – графу Ламсдорфу

Одно приложение
Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Свидание короля Карла с императором австрийским в июле[1] произвело здесь гораздо меньшее впечатление, чем подобные же встречи в предшествовавшие года.

В печати появились лишь краткие отчёты о празднествах, перепечатки из иностранных газет и небольшие статьи с фразами самовосхваления, которыми обыкновенно начинаются и кончаются речи румынских министров и депутатов: «Румыния заслужила самое почётное место среди европейских держав»; «Румыния элемент порядка и спокойствия на Востоке»; «она единственная на Балканах заботится о мире и цивилизации»; «Румыния может служить недосягаемым примером для маленьких балканских государств» и т. п.

Тем не менее, особенно продолжительная аудиенция, данная королём графу Голуховскому[2] и начальнику штаба австро-венгерской армии генералу Беку, вызвала толки о вступлении Румынии в Тройственный союз и о заключении между Румынией и Австро-Венгрией особой военной конвенции[3].

Правительственная печать оставила эти заявления без всякого почти возражения и ограничилась представляемой в газетной вырезке[4] перепечаткой статьи «Пештского Ллойда»[5].

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 109–109 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Microfilme Rusia, Rola 228.

[1] Это свидание между императором Францем Иосифом и королём Карлом состоялось в курортном местечке Бад Ишль 22–23 июля 1902 г.

[2] Граф Агенор Мария Адам Голуховский.

[3] Подробно о разного рода слухах и домыслах, касающихся заключения военной конвенции между Румынией и Австро-Венгрией на протяжении 1901–1902 гг., см.: Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş. *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979. P. 253–254. В действительности, эти слухи подпитывались тогдашними переговорами о продлении срока действия союзного договора между Румынией и Австро-Венгрией. Договор был пролонгирован 4/17 апреля 1902 г. Германия присоединилась к данному соглашению 12/25 июля, а Италия последовала её примеру 30 ноября / 12 декабря 1902 г. В контексте возрастающих опасений, связанных с возможным подписанием Румынией военного соглашения с Австро-Венгрией, Россия заключила в мае 1902 г. военную конвенцию с Болгарией. Подробно об этом см.: Мартыненко А. К. *Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг.* Киев, Издательство Киевского университета, 1967. С. 270–285; Стателова Е., Попов Р., Танкова В. *История на българската дипломация, 1879–1913 г.* София, Фондация Отворено общество, 1994. С. 272–273.

[4] Не публикуется.

[5] См., напр. № 177 от 4 августа 1902 г. („Abendblatt des Pester Lloyd"), № 186 от 5 августа 1902 г., № 187 от 6 августа 1902 г., № 179 от 6 августа 1902 г. („Abendblatt des Pester Lloyd").

Sinaia, 31 iulie 1902, nr. 23. Somov către contele Lamsdorff

O anexă

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Întrevederea din luna iulie a regelui Carol cu împăratul austriac[1] a avut aici un ecou mult mai mic decât întâlnirile de acelaşi gen din anii anteriori.

În presă au apărut doar scurte prezentări ale festivităţilor, preluări din ziare străine şi mici articole cu fraze de autoelogiere, cu care încep şi se încheie de obicei discursurile miniştrilor şi deputaţilor români: „România şi-a meritat cel mai de onoare loc între statele europene"; „România, un element de ordine şi stabilitate în Orient"; „este singura ţară din Balcani care are grijă de pace şi civilizaţie"; „România poate servi drept exemplu de neatins pentru micile state balcanice" etc.

Totuşi, în special audienţa prelungită oferită de către rege contelui Gołuchowski[2] şi şefului Statului Major al armatei austro-ungare, generalul Beck, a oferit motive pentru a se vorbi despre aderarea României la Tripla Alianţă şi despre încheierea între România şi Austro-Ungaria a unei convenţii militare speciale[3].

Presa guvernamentală a lăsat aceste afirmaţii aproape fără comentarii şi s-a limitat în a republica articolul din „Pester Lloyd"[4], pe care îl ataşez în extras la acest raport[5].

Cu profund respect şi cu acelaşi devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăţiei Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 109–109 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] Întâlnirea dintre împăratul Franz Josef şi regele Carol a avut loc la Bad Ischl pe 22–23 iulie 1902.

[2] Agenor Maria Adam Gołuchowski.

[3] Pentru speculaţiile privind încheierea unei convenţii militare între România şi Austro-Ungaria în anii 1901–1902: Gheorghe Nicolae Căzan, Şerban Rădulescu-Zoner, *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*,

București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1979, p. 253–254. De fapt, zvonurile au fost alimentate de negocierile privind reînnoirea Tratatului de alianță dintre România și Austro-Ungaria, care a avut loc la 4/17 aprilie 1902. Germania a aderat la respectiva înțelegere la 12/25 iulie, iar Italia la 30 noiembrie/12 decembrie 1902. În contextul îngrijorărilor privind semnarea de către România a unui acord militar cu Austro-Ungaria, Rusia a încheiat, în luna mai 1902, o convenție militară cu Bulgaria (А. К. Мартыненко, *Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг.*, Киев, Издательство Киевского университета, 1967, p. 270–285; Елена Стателова, Радослав Попов, Василка Танкова, *История на българската дипломация, 1879–1913 г.*, София, Фондация Отворено общество, 1994, p. 272–273).

[4] A se vedea nr. 177/4 august 1902 („Abendblatt des Pester Lloyd”), nr. 186/5 august 1902, nr. 187/6 august 1902, nr. 179/6 august 1902 („Abendblatt des Pester Lloyd”).

[5] Nu se publică.

83

Синая, 31 июля 1902 г., № 25. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румыния как страна, по преимуществу, земледельческая, казалось бы, более других должна бы быть заинтересована предполагаемым повышением Германией пошлин на привозные зерновые продукты[1]. Между тем, здешнее правительство более чем спокойно относится к этому вопросу, и румынские министры со скромной улыбкой продолжают заверять, как гофмейстер Фонтон имел честь доносить Вашему Сиятельству, что Румыния – страна маленькая, слабая, и что в вопросе этом ей следует выждать и последовать примеру России. Это удивительное спокойствие, с одной стороны, а с другой, столь несвойственная румынам скромность и даже некоторое, как бы, добровольное самоунижение, невольно вызывают на мысль, что между Германией и Румынией уже велись переговоры, и королевству даны какие-нибудь успокоительные обещания насчёт вывоза румынского хлеба.

Узнать, какого рода были эти обещания, конечно, теперь не представляется возможным; но нельзя не подметить усиленной деятельности, которую проявляет отделение берлинского банка „Disconto-Gesellschaft” в Румынии, а именно „Banque Générale”, по захвату разного рода хлебных операций[2]. Банк этот не только выдаёт ссуды под хлеб, но снаряжает и отправляет большие пароходы из дунайских портов и Констанцы, где им заарендованы казённые помещения для хлеба при станциях железных дорог.

Почти одновременно с назначением директора этого банка, господина Костинеску, румынским министром финансов[3], германское учреждение это вознамерилось расширить свою деятельность по мелкому сельскому кредиту, вследствие чего в руках его всегда будут находиться огромные запасы хлеба.

Благодаря такой предусмотрительности, Германия, ко времени повышения своих пошлин, будет располагать в Румынии большим складом зерна очень хорошего качества и по очень дешёвой цене. В случае надобности румынский министр финансов всегда может понизить тарифы казённых железных дорог, и румынский хлеб обойдётся настолько дёшево Германии, по крайней мере, на первое время, что повышение пошлин окажется не обременительным для народа.

Что касается румынских производителей, то они скорее лишь выиграют, так как до этого времени они находились в полной зависимости от произвола скупщиков евреев и под гнётом высоких железнодорожных тарифов.

Таким образом, весьма возможно, что Румыния питает надежду устроить себе, как бы, монополию германского рынка на счёт других стран-производителей.

Может быть, этим и объясняется столь несвойственное румынскому характеру спокойствие в таком животрепещущем для страны вопросе.

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 114–115.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

.

[1] Об этом см. также док. № 67 от 29 августа 1901 г. Более подробные общие статистические данные см.: *Comerciul exterior al României de animale şi cereale de la 1871–1904*. Bucureşti, Atelierele grafice I.V. Socec, 1905.

[2] Об этом см. также док. № 81 от 22 июля 1902 г.

[3] См. там же.

Sinaia, 31 iulie 1902, nr. 25. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ca țară preponderent agrară, România ar trebui să fie, aparent, îngrijorată mai mult decât alte state de preconizata creștere de către Germania a taxelor asupra articolelor cerealiere importate[1]. Totuși, așa cum a avut deja și hofmeister-ul Fonton onoarea de a raporta Luminăției Voastre, guvernul de aici dă dovadă de un calm neobișnuit, iar miniștrii români, cu un zâmbet placid, continuă să dea asigurări că România este o țară mică, slabă și că, în această chestiune, ar trebui să aștepte și să urmeze exemplul Rusiei. Acest calm neobișnuit, pe de o parte, dar și, pe de altă parte, modestia atât de atipică pentru români, chiar o oarecare autoumilire benevolă, ne duce de la sine la gândul că între Germania și România au fost purtate deja negocieri, regatului fiindu-i date anumite garanții liniștitoare privind exportul de grâu românesc.

Desigur, în prezent nu este posibil de aflat ce fel de promisiuni au fost făcute; însă nu se poate să trecem cu vederea activitatea intensă de care dă dovadă filiala din România a băncii berlineze „Disconto-Gesellschaft”, anume „Banque Générale”, în revendicarea diferitor operațiuni cu cereale[2]. Această bancă nu doar că eliberează credite garantate cu cereale, dar și încarcă și expediază vapoare mari din porturile dunărene și de la Constanța, unde a închiriat de la stat depozite de grâne din stațiile de cale ferată.

Aproape simultan cu numirea directorului acestei bănci, domnul Costinescu, în calitate de ministru al finanțelor[3], această instituție germană și-a propus șă-și extindă activitatea și în domeniul micului credit rural, având asigurat astfel controlul pentru totdeauna asupra unor rezerve imense de grâne.

Grație unei asemenea precauții, în momentul măririi taxelor sale vamale, Germania va deține în România cantități mari de grâne de foarte bună calitate și la prețuri foarte mici. În caz de nevoie, ministrul român de finanțe va putea să scadă oricând tarifele pentru folosirea

căilor ferate de stat, iar grâul românesc, cel puțin la început, va fi atât de ieftin pentru Germania, încât creșterea taxelor nu va fi împovărătoare pentru popor.

Cât privește producătorii români, aceștia vor avea mai degrabă doar de câștigat, deoarece, până acum, ei s-au aflat în dependență totală de samavolnicia comercianților evrei și sub povara tarifelor mari pentru folosirea căilor ferate.

Astfel, este foarte probabil că România nutrește speranțe să-și asigure cumva monopolul asupra pieței germane în dauna altor state producătoare.

Poate că prin aceasta se și explică liniștea atât de atipică pentru caracterul românesc, într-o astfel de chestiune vitală pentru țară.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 114–115.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] A se vedea și doc. nr. 67 din 29 august 1901. Pentru o statistică generală: *Comerciul exterior al României de animale şi cereale de la 1871–1904*, București, Atelierele grafice I. V. Socec, 1905.

[2] A se vedea doc. nr. 81 din 22 iulie 1902.

[3] Tot acolo.

84

Синая, 7 августа 1902 г., № 29. Сомов – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Королева румынская не пропускает ни одного случая, чтобы не выразить глубокого восхищения своего деятельностью графа Льва Толстого[1].

Ещё в минувшем году Её Величество изволила спросить меня, почему высокая философия Толстого не понята в России, и заявила, что ей грустно даже подумать, что такой человек как Толстой может подвергаться нападкам в своём отечестве. Я тогда же позволил себе ответить Её Величеству, что все в России ценят и уважают те литературные произведения Толстого, в которых он является христианином и человеком чисто русским, но что последующие философские сочинения его вовсе не непонятны, но просто отвергнуты русским народом, так как в них он дерзает посягать на всё то, что священно и дорого каждому русскому, что легло в основание и прошло через всю славную историю – на православную веру[2], на преданность царю и отечеству и на любовь к родине.

Я прибавил при этом, что граф Толстой осмеивает даже суд присяжных, который не только в России, но и повсеместно, считается лучшим и высшим завоеванием человечества, так как большей пока гарантии беспристрастия ещё никем не было найдено. Между тем Толстому с громадным его талантом так бы легко было прийти на помощь молодёжи, рассеять её сомнения, направить на хороший путь; а он, к сожалению, как бы нарочно, задался целью прямо противоположною: он всё разрушает, но ничего не даёт.

В заключение я позволил себе спросить Её Величество, чем бы стала Россия, если бы отнять у русского народа веру в бога, преданность царю, любовь к родине и сознание, что в суде найдёт он защиту от несправедливости.

Её Величество изволила заметить, что ей не приходилось ещё слышать нападок на Толстого с этой стороны, что следует хорошенько об этом подумать, но что, тем не менее, она горит нетерпением лично познакомиться с русским писателем.

Философия Толстого – неземная: он парит в высоте как орёл, далеко от мелочей жизни, и поэтому чист и безвреден, закончила королева.

Я позволил возразить Её Величеству, что, к сожалению, он сильно интересуется и почти всегда недоволен тем, что творится на земле, и особенно в России. Её Величество рассмеялась, и, заявив, что я слишком строго отношусь к Толстому, прекратила разговор.

В румынских газетах появилось затем несколько выписок из переписки между королевой и графом Толстым[3], а в последнее время известие, что Толстой приглашён королевой в Синаю, куда и прибудет осенью[4]. Вместе с тем сообщалось, что путешествие Толстого в Румынию[5] встречает большие затруднения, вследствие отказа наших властей выдать ему заграничный паспорт. Увлечение королевы Елизаветы Толстым далеко не разделяется всем румынским обществом[6]. Правда, до сего времени здешние газеты защищали Толстого, не понятого в невежественной России, но лишь только появилось известие (вероятно ложное) о намерении его поселиться в Румынии, суждения о нём в печати резко изменились, и стали появляться статьи с пожеланиями, чтобы Толстой избавил Румынию от своего появления, которое может внести лишь смуту.

Подобную статью, появившуюся в газете „Румыния"[7], имею честь представить у сего в вырезке на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства.

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 127–128 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

.

[1] Л. Н. Толстой был среди тех европейских писателей, к которым королева Елизавета относилась с особым пиететом и уважением. Об этом см.: Peters K. *Carmen Sylva als lyrische Dichterin*. Inaugural Dissertation zur Elangung der Doktorwürde einer Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, R. Friedrich´s Universitäts–Buchdruckerei, 1925. S. 103–104.

[2] В феврале 1901 г. Святейший Синод Русской Православной Церкви обнародовал своё «определение» об «отпадении» от Церкви графа Льва Толстого. (См.: *Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля № 557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом* // «Церковные ведомости». 24 февраля 1901 года. № 8.). В своём *Ответе*, опубликованном 4 апреля 1901 г., писатель утверждал, что решение Синода является «незаконным» или, по крайней мере, «умышленно двусмысленным». Подробнее об этом см.: Басинский П. *Лев Толстой. Свободный человек*. Москва, Молодая гвардия, 2017. С. 215–225.

[3] В Румынии часть переписки королевы с Л. Н. Толстым была недавно опубликована: Mareș N. *Artă și leteratură. Eseuri*. București, Editura Fundației România de Mâine, 2019.

[4] Это путешествие так никогда и не состоялось.

[5] В 1854 г. молодой унтер-офицер Л. Н. Толстой был проездом в Яссах и жил некоторое время в Бухаресте. Оба эти города произвели на него приятное впечатление. Подробнее см.: Гусев Н. Н. *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год*. Москва, Издательство Академии Наук СССР, 1954. С. 480–481. Делясь своими впечатлениями о румынах и вспоминая, спустя годы, время, проведённое в Дунайских княжествах, Толстой писал: «народ там похожий на русский, на хороший русский народ» (*Там же.* С. 492).

[6] Подробнее о восприятии и откликах на творчество Л. Толстого в Румынии в конце XIX и в начале XX в. см.: Николеску Т. *Толстой в Румынии (1885–1960)* // «Литературное наследство» (Москва). Т. 75. 1965. № 2. С. 297–313.
[7] *Tolstoï en Roumanie* // „La Roumanie". 1902. 7 août. Не публикуется.

Sinaia, 7 august 1902, nr. 29. Somov către contele Lamsdorff

O anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Regina României nu pierde nici o ocazie pentru a-și manifesta admirația profundă pentru activitatea contelui Lev Tolstoi[1].

Anul trecut, Majestatea Sa a avut bunăvoința de a mă întreba de ce filosofia deosebită a lui Tolstoi nu este înțeleasă în Rusia, declarând că ei îi este chiar trist să se gândească la faptul că un om ca Tolstoi poate fi supus atacurilor în patria sa. Mi-am permis atunci să-i răspund Majestății Sale că, în Rusia, operele literare ale lui Tolstoi, în care el apare ca creștin și om cu adevărat rus, sunt apreciate și respectate de toată lumea, dar că lucrările filosofice care au urmat nu doar că sunt neînțelese, ci chiar pur și simplu respinse de către poporul rus, deoarece, în acestea, el îndrăznește să atenteze la ceea ce este sfânt și scump fiecărui rus, la ceea ce a stat la bază și transcende întreaga noastră istorie glorioasă – la credința pravoslavnică[2], la devotamentul față de țar și patrie și la dragostea față de țara natală.

Am mai spus că chiar și curtea cu jurați, considerată a fi oriunde, nu doar în Rusia, cel mai bun și mare câștig al umanităţi, deoarece o mai sigură garanție pentru imparțialitate nu a fost încă găsită, este luată în derâdere de către contele Tolstoi. Pe de altă parte, lui Tolstoi, cu tot talentul său extraordinar, i-ar fi foarte ușor să vină în ajutorul tineretului, să-i risipească îndoielile, să-l canalizeze într-o direcție bună; el, din păcate, de parcă ar face acest lucru intenționat, și-a propus un scop opus: distruge totul și nu construiește nimic.

În încheiere, mi-am permis să o întreb pe Majestatea Sa în ce s-ar transforma Rusia, dacă poporului rus i-ar fi răpită credința în Dumnezeu, devotamentul față de țar, dragostea față de patrie și convingerea că va găsi în judecată apărarea față de nedreptate.

Majestatea Sa a binevoit să observe că nu a avut încă ocazia de a auzi atacuri la adresa lui Tolstoi din această direcție, că ar trebui să mediteze asupra acestor lucruri, dar că, totuși, ea arde de nerăbdare de a-l cunoaște personal pe scriitorul rus.

Filosofia lui Tolstoi nu este lumească; el planează în văzduhuri ca un vultur, departe de fleacurile vieții, și, de aceea, el este neprihănit și inofensiv, a încheiat regina.

Mi-am permis să o contrazic pe regină, spunându-i că, din păcate, el este foarte interesat de viață și este aproape mereu nemulțumit de ce se întâmplă în lume și, în special, în Rusia. Majestatea Sa a zâmbit și, spunându-mi că am o atitudine excesiv de critică la adresa lui Tolstoi, a încheiat discuția.

După aceasta, în ziarele românești au apărut mai multe fragmente din corespondența reginei cu contele Tolstoi[3], iar în ultima vreme și știrea că Tolstoi a fost invitat de către regină la Sinaia, unde va și ajunge în toamnă[4]. Totodată, se anunță că posibila călătorie a lui Tolstoi în România[5] întâmpină multe dificultăți, din cauza refuzului autorităților noastre de a-i elibera un pașaport. Pasiunea reginei Elisabeta pentru Tolstoi nu este, nici pe departe, împărtășită de către întreaga societate românească[6]. Este adevărat că până acum ziarele de aici au luat apărarea lui Tolstoi, neînțeles în ignoranta Rusie, dar a fost suficient să apară

știrea (probabil falsă) privind intenția sa de a se stabili în România ca părerile din presă despre el să se schimbe și să apară articole în care este exprimată speranța ca Tolstoi să scutească România de prezența sa, care poate aduce doar discordie.

Am onoarea de a supune în anexă atenției binevoitoare a Luminăției Voastre un astfel de articol, apărut în ziarul „La Roumanie”[7].

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 127–128 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Tolstoi se număra printre scriitorii europeni pentru care regina Elisabeta avea o deosebită considerație (Karl Peters, *Carmen Sylva als lyrische Dichterin*, Inaugural Dissertation zur Elangung der Doktorwürde einer Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg, Marburg, R. Friedrich´s Universitäts–Buchdruckerei, 1925, p. 103–104).

[2] În luna februarie 1901, Sinodul Bisericii Ortodoxe Ruse „constatase” „decăderea” (отпадение) contelui Tolstoi din Biserică (*Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля № 557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом*, în „Церковные ведомости”, 24 февраля 1901 года, nr. 8.). În *Răspunsul* (Ответ) său din 4 aprilie 1901, scriitorul a afirmat că decizia Sinodului este „ilegală” sau „intenționat interpretabilă” (незаконно или умышленно двусмысленно). A se vedea: Павел Басинский, *Лев Толстой. Свободный человек*, Москва, Молодая гвардия, 2017, p. 215–225.

[3] În România, o parte a corespondenței a fost publicată în: Nicolae Mareş, *Artă și leteratură. Eseuri*, București, Editura Fundației România de Mâine, 2019.

[4] Călătoria nu a mai avut loc.

[5] În anul 1854, tânărul subofițer Tolstoi a trecut prin Iași și a locuit un timp la București, fiind plăcut impresionat de ambele orașe (Н. Н. Гусев, *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год*, Москва, Издательство Академии Наук СССР, 1954, p. 480–481). Cu referire la români, amintindu-și, peste ani, de aflarea sa în Principate, Tolstoi afirma: „poporul de acolo se aseamănă cu cel rus – cu poporul bun rus”. (*Ibidem*, p. 492).

[6] Pentru receptarea operei lui Lev Tolstoi în România la sfârșitul secolului XIX și începutul secolului XX: Татьяна Николеску, *Толстой в Румынии (1885–1960)*, în „Литературное наследство” (Москва), том 75, 1965, номер 2, p. 297–313.

[7] *Tolstoï en Roumanie*, în „La Roumanie”, nr. 29, 7 août 1902. Nu se publică.

85

Синая, 15 августа 1902 г., № 30. Фонтон – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Полковник Георгий Розновану[1], хорошо известный своей преданностью и любовью к России, где он и начал службу[2] в лейб-гвардии конном полку[3], высказал мне чувства глубокой благодарности императорскому правительству за новую милость, ему оказанную, а именно за дозволение сыну священника Джеорджеску[4], состоящему при сооружённой им в своём имении церкви[5], закончить образование в духовной академии в Киеве[6].

Этот молодой теолог, старательно изучивший русский язык, ныне блистательно закончил курсы наук в Киеве и уже возвратился на родину. Ему предстоит ещё для

формы сдать в Бухаресте лёгкий экзамен, установленный для румын, получивших образование за границей, после чего состоится его посвящение. Благочестивый покровитель его считает себя крайне счастливым, что, благодаря покровительству Святейшего Синода, ему удалось подготовить для своей церкви такого образцового священнослужителя.

Полковник Розновану воспользовался этим случаем, чтобы ещё раз подтвердить мне, что низкий уровень образования сельского населения Румынии, прежде всего, настоятельно требует заботливой опеки со стороны просвещённого духовенства.

Священники должны встать на уровень и войти в сношение с первобытной своей паствой и работать над нравственным воспитанием крестьян, большинство которых не умеет ни читать, ни писать[7].

Румынский поселянин – верующий: образованный пастырь всегда найдёт в нём благодарную почву для своей просветительной деятельности.

Соображения эти неоднократно высказывались мне здесь людьми, близко мне знакомыми, причём они не скрывали скорби своей о том, что румынское духовенство далеко не обладает качествами и познаниями, необходимыми для выполнения его высокого призвания.

Нужно, чтобы священнослужители умели сознательно собой жертвовать ради торжества веры и поднятия нравственности среди сельского населения страны. К сожалению, в Румынии мало людей, подготовленных для подобной деятельности. Лица, окончившие семинарию, весьма часто отказываются от деятельности духовной, предпочитая светскую. По-видимому, семинарии не в состоянии вселить в них любовь и уважение к святому призванию пастыря.

Такое неудовлетворительное состояние румынского духовенства озабочивает людей благочестивых, они предвидят печальные последствия. Возникают опасения, чтобы не создалось, таким образом, почвы для католической и протестантской пропаганды в стране.

Пользуясь уже установившимися между митрополитом[8] и мною отношениями, основанными на полном взаимном доверии, я неоднократно запрашивал мнения Его Высокопреосвященства по этому поводу. Глубоко почитаемый митрополит примас с нескрываемой радостью утверждал, что, к счастью, факты неопровержимо доказывают полную неосновательность подобных опасений. Его Высокопреосвященство доставил мне ежегодные статистические данные, из которых видно, что в его округе не только никогда не было случаев обращения в католичество или протестантство, но наоборот, были случаи, повторяющиеся из года в год, перехода в православие.

Тем не менее, митрополит примас хорошо сознаёт, что румынское духовенство не на высоте своего призвания, и что нужно приложить ещё много усилий, чтобы выйти из этого положения. В беседе со мной митрополит постоянно выражал своё сочувствие заслугам духовенства в России и сказал, что он возносит горячие молитвы ко Всевышнему, дабы и Румыния могла выступить на путь, который принёс бы наиболее благ церкви.

В благочестивой заботливости своей об исполнении этих пожеланий Его Высокопреосвященство скорбит об утрате двух высоких иерархов, которые соединяли в себе все качества, чтобы стать святителями румынской церкви, а именно благочестивого и учёного архиепископа Мельхиседека[9] и епископа Сильвестра Хушского[10], скончавшегося в прошлом году в полном расцвете сил. Оба они закончили своё духовное образование в России, прилагали большое рвение при выполнении своего высокого призвания и сумели заслужить уважение и любовь своей паствы.

Что касается до католической пропаганды, то следует отметить, что ему известны лишь два случая обращения в католичество, происшедшие в Молдавии: две молодые девушки, помещённые в «Maison des Dames de Sion» в Яссах[11], по истечении нескольких лет были покинуты родителями, которые прекратили взнос платы за учение. Окончив курс, они, всеми родными брошенные, остались в качестве воспитательниц в школе, а затем перешли в католичество. Называют ещё двух дам из общества, которые в Париже перешли в католичество.

Но примеру, поданному женщинами, не последовал ни один мужчина, несмотря на то, что большое число румын проживают во Франции и часто посещают католические и протестантские страны. По поводу этого позволю себе привести здесь следующее оригинальное замечание покойного Александра Лаховари[12], бывшего министра иностранных дел. Однажды я обратил его внимание на факт, который меня поразил и который казался мне, по крайней мере, неуместным. Посетив в Страстную Пятницу католический собор, я услышал длинную проповедь о земных страданиях Спасителя, произнесённую на румынском языке.

Я не мог не выразить тогда министру моего удивления, но господин Лаховари стал доказывать мне, что проповедь на румынском языке не имеет целью пропаганды, но вызвана исключительно тем обстоятельством, что среди детей иностранцев, проживающих в Бухаресте (одних австро-венгерских подданных насчитывается до 44.000), попадаются такие, которые не знают своего родного языка. Объяснение это показалось мне недостаточным, и я настаивал на своей точке зрения, но господин Лаховари возразил мне, что ни одна религиозная пропаганда не будет иметь успеха среди его соотечественников: «румын, прибавил он, большой шутник во всём, что касается религии».

Признание это прискорбно, но доказывает ли оно что-нибудь? Остаётся пожелать лишь, чтобы страна эта скорее избавилась от того легкомыслия, с которым все здесь относятся ко всему, касающемуся национальной религии.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 133–135 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Георге Русет (Росетти)-Розновану (1834–1904). Получил военное образование в Австрии и России. Избирался депутатом и сенатором от консервативной партии. Некоторое время был военным атташе при румынской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге. Активно выступал за союз Румынии с другими православными государствами, прежде всего с Россией.

[2] Он окончил Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал, в качестве офицера российской армии, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

[3] При Российском Императорском Дворе.

[4] Правильно: Джервеску. Константин Джервеску (1854–1921).

[5] Имение Match Рознов в уезде Нямц. Эта церковь была построена командой мастеров, выписанных из Италии, по проекту известного российского архитектора Николая В. Султанова. Постройка церкви была завершена в 1892 г. Подробнее см.: Vasile Iu.-M. *Ctitoriile familiei Rosetti la Roznov*. Piatra-Neamţ, Alfa, 2011. P. 27–29.

[5] Здесь имеется в виду Виктор Джервеску (1876–1946). Получил образование в семинариях в Романе и Бухаресте, а затем учился в Киевской Духовной Академии (*Там же*. С. 36).

[6] Здесь имеется в виду Виктор Джервеску (1876–1946). Получил образование в семинариях в Романе и Бухаресте, а затем учился в Киевской Духовной Академии (*Там же*. С. 36).

[7] По данным на 1899 г., около 78% населения Румынии старше семилетнего возраста было неграмотным, в том числе около 84% – в сельской местности и около 50% – в городах. Удельный вес

неграмотных в общей структуре румынского населения был приблизительно сравним с долей неграмотных в населении России, Португалии, Болгарии или Сербии. Подробнее см.: Colescu L. *Analiza rezultatelor Recensământului general al populației României de la 1899* / Cu o prefață de Dr. S. Manuilă. București, Institutul Central de Statistică, 1944. P. 109–125.

[8] Имеется в виду Иосиф Георгиан, митрополит-примас Румынии в 1886–1893 и 1896–1909 гг.

[9] Мельхиседек Штефэнеску (1823–1892). Румынский епископ и церковный историк. Являлся членом Румынской Академии. Поддерживал тесные связи с российскими богословами и церковными иерархами. Оказывал поддержку отправке молодых румын на учёбу в российские духовные учебные заведения.

[10] Сильвестру Бэлэнеску (1838–1900). Получил образование в Киевской Духовной Академии. Среди прочих заслуг, получил известность благодаря своим переводам ряда богословских трудов с русского на румынский язык.

[11] Подробнее об этом см. в док. № 131 от 5 сентября 1904 г.

[12] Александру Н. Лаховари (1840–1897). Занимал должность министра иностранных дел в 1889–1891 и 1891–1895 гг.

Sinaia, 15 august 1902, nr. 30. Fonton către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Colonelul Gheorghe Roznovanu[1], bine cunoscut pentru devotamentul și dragostea față de Rusia, unde și-a și început serviciul militar[2], în Regimentul de Gardă Călare[3], mi-a împărtășit sentimentele sale de adâncă recunoștință față de guvernul imperial pentru noua îndurare ce i-a fost făcută, anume pentru permisiunea acordată fiului preotului Georgescu[4] de la biserica construită de el pe domeniul său[5], de a-și încheia studiile la Academia Duhovnicească din Kiev[6].

Acest tânăr teolog, care a învățat sârguincios limba rusă, a absolvit în mod strălucit cursurile de științe la Kiev și a revenit deja în patrie. El ar mai trebui să susțină un examen formal ușor la București, stabilit pentru românii care au studiat peste hotare, după care va avea loc hirotonisirea sa. Evlaviosul său protector se consideră foarte fericit că, grație patronajului Sfântului Sinod, el a putut să pregătească pentru biserica sa un preot atât de educat.

Colonelul Roznovanu s-a folosit de această ocazie pentru a-mi confirma încă o dată faptul că nivelul scăzut de educație al populației de la sate din România impune cu insistență, întâi de toate, o supraveghere grijulie din partea clerului cult.

Preoțimea ar trebui să se ridice la înălțime și să intre în contact cu masa de mireni, să lucreze pentru educarea spirituală a țăranilor, marea majoritate a cărora nu poate nici să citească și nici să scrie[7].

Săteanul român este credincios, iar un preot cultivat va găsi mereu în el un sol roditor pentru activitatea sa de iluminare.

Astfel de gânduri mi-au fost împărtășite aici, de nenumărate ori, de către persoane foarte bine cunoscute mie, care nu-și puteau ascunde tristețea din cauza faptului că clerul român nu posedă, nici pe departe, calitățile și cunoștințele necesare pentru a onora această înaltă chemare.

Este imperios necesar ca fețele bisericești să fie capabile să se sacrifice conștient pentru triumful credinței și îmbrățișarea moralității de către populația sătească a țării. Din păcate, în România există puțini oameni pregătiți pentru această misiune. Persoanele care au absolvit seminarul teologic renunță de foarte multe ori la activitatea duhovnicească, preferând-o pe cea laică. Se pare că seminarul teologic nu este în stare să le inoculeze dragostea și respectul față de chemarea sfântă a păstorului.

Această stare deplorabilă a preoțimii române pune pe gânduri lumea evlavioasă, care anticipează consecințe triste. Există temeri ca să nu se pregătească astfel terenul pentru propaganda catolică și protestantă din țară.

Apelând la relațiile care s-au instalat deja între mitropolit[8] și mine, bazate pe o încredere reciprocă deplină, am dorit să aflu de mai multe ori opinia Înalt Preasfinției Sale despre aceste lucruri. Foarte respectatul mitropolit primat a afirmat, cu o nedisimulată bucurie, că, din fericire, faptele demonstrează neîndoios că aceste temeri sunt lipsite de orice bază reală. Înalt Preasfinția Sa mi-a prezentat, de altfel, date statistice anuale, din care rezultă că în cercul său nu au existat niciodată cazuri de convertire la religia catolică sau protestantă, ci că, dimpotrivă, au fost situații, care se repetă din an în an, de trecere la ortodoxie.

Totuși, mitropolitul primat înțelege foarte bine că clerul român nu se ridică la înălțimea chemării sale și că este încă nevoie de foarte multe eforturi pentru a ieși din această situație. În discuția cu mine, mitropolitul și-a exprimat de mai multe ori admirația pentru meritele clerului din Rusia, afirmând că îl imploră cu ardoare prin rugăciuni pe Cel de Sus ca și România să poată păși pe calea care ar aduce cele mai multe binefaceri bisericii.

În grija evlavioasă pentru împlinirea acestor dorințe, Înalt Preasfinția Sa deplânge trecerea la cele veșnice a doi înalți ierarhi, care au avut toate calitățile pentru a fi declarați sfinți ai Bisericii românești, anume moartea preacuviosului și învățatului arhiepiscop Melchisedec[9] și a episcopului Silvestru de Huși[10], care a murit anul trecut fiind încă în plină putere. Ambii și-au făcut studiile de teologie în Rusia, au dat dovadă de multă râvnă în activitatea lor înaltă și au reușit să-și câștige respectul și dragostea masei de credincioși.

Cât privește propaganda catolică, merită amintit faptul că lui îi sunt cunoscute doar două cazuri de convertire la catolicism, care au avut loc în Moldova: două fete tinere de la „Maison des Dames de Sion" din Iași[11], care au fost abandonate de părinți la câțiva ani după începerea studiilor, încetând a mai achita taxele pentru școlarizarea lor. Încheindu-și studiile și fiind părăsite de rude, acestea au rămas în calitate de educatoare în școală, iar mai apoi au trecut la catolicism. Mai sunt amintite două doamne din înalta societate, care au trecut la catolicism la Paris.

Exemplul acestor femei nu a fost urmat însă de nici un bărbat, chiar dacă românii locuiesc în număr mare în Franța și vizitează țările catolice și protestante. În legătură cu aceasta, îmi voi permite să aduc aici în discuție următoarea observație revelatoare a răposatului Alexandru Lahovari[12], fost ministru al afacerilor străine. Eu i-am atras odată atenția asupra unui fapt care pe mine m-a uluit și care mi s-a părut cu totul nepotrivit. Vizitând în Vinerea Patimilor catedrala romano-catolică, eu am auzit o lungă predică despre chinurile lumești ale Mântuitorului, ținută în limba română.

Nu am putut să nu-mi exprim mirarea de față cu ministrul, dar domnul Lahovari a început să-mi dovedească faptul că predica în limba română nu are drept scop propaganda, ci se explică doar prin faptul că printre copiii străinilor care locuiesc în București (doar numărul supușilor austro-ungari se ridică la 44.000) există și dintre aceia care nu cunosc limba maternă. Aceste explicații mi s-au părut insuficiente și am insistat asupra punctului meu de vedere, însă domnul Lahovari mi-a obiectat, spunând că nici o propagandă religioasă nu va avea succes printre compatrioții săi: „românul, a adăugat el, poate glumi despre orice privește religia".

Această destăinuire, una foarte tristă, nu demonstrează nimic însă. Rămâne să sperăm doar că această țară va scăpa cât mai repede de superficialitatea cu care tratează tot ce este legat de religia națională.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 133–135 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] Gheorghe Ruset (Rosetti)-Roznovanu (1834–1904). Cu studii militare în Austria și Rusia. Deputat și senator din partea Partidului Conservator. A fost un timp atașat militar pe lângă Legația României de la Sankt-Petersburg și a militat pentru o alianță a României cu țările ortodoxe, în special cu Rusia.

[2] A absolvit Școala de Cavalerie din Sankt-Petersburg (Николаевское кавалерийское училище). A participat ca ofițer al armatei ruse la războiul din 1877–1878.

[3] Pe lângă Curtea imperială rusă.

[4] Corect: Gervescu. Constantin Gervescu (1854–1921).

[5] La Roznov, în județul Neamț. Biserica a fost construită de către o echipă de meșteri italieni, după proiectul cunoscutului arhitect rus Nikolai V. Sultanov. Construcția a fost încheiată în 1892 (Iulian-Mihail Vasile, *Ctitoriile familiei Rosetti la Roznov*, Piatra-Neamț, Alfa, 2011, p. 27–29).

[6] Referința este la Victor Gervescu (1876–1946). A studiat la seminariile din Roman și București și la Academia Teologică din Kiev (*Ibidem*, p. 36).

[7] La 1899, circa 78% din populația României, cu vârsta mai mare de 7 ani, era analfabetă (circa 84% în mediul rural și 50% în mediul urban). Ponderea analfabeților în structura populației era comparabilă cu cea din Rusia, Portugalia, Bulgaria, Serbia (Leonida Colescu, *Analiza rezultatelor Recensământului general al populației României de la 1899*, cu o prefață de Dr. Sabin Manuilă, București, Institutul Central de Statistică, 1944, p. 109–125).

[8] Iosif Gheorghian, mitropolit primat în anii 1886–1893 și1896–1909.

[9] Melchisedec Ștefănescu (1823–1892). Episcop și istoric român. A fost membru al Academiei Române. A întreținut relații strânse cu teologi ruși și a sprijinit trimiterea tinerilor români la studii de teologie în Rusia.

[10] Silvestru Bălănescu (1838–1900). A studiat la Academia Teologică din Kiev. S-a remarcat, printre altele, prin traducerea din limba rusă a unor lucrări teologice.

[11] Pentru detalii: doc. nr. 131 din 5 septembrie 1904.

[12] Alexandru N. Lahovari (1840–1897), ministru de externe în anii 1889–1891 și 1891–1895.

86

Бухарест, 12 сентября 1902 г., № 31. Депеша тайного советника Фонтона[1]

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Неожиданное заступничество Северо-Американских Соединённых Штатов за румынских евреев[2] глубоко оскорбило национальное чувство румынского народа и удивило правительство.

Господин Стурдза, который посетил меня вчера, не скрывал своего неудовольствия по поводу этого необычного вмешательства. По его словам, никаких особых притеснений за последнее время евреи в Румынии, будто бы, не терпели. Усиление же эмиграции[3] исключительно объясняется неурожаем, постигшим страну последовательно в течении двух лет и вызвавшим экономический кризис и застой в делах[4]. Не находя заработка, евреи сильнее прежнего стали стремиться в Америку, которая всегда имела для них особую притягательную силу, как страна, в которой общая воинская повинность не существует.

Господин Стурдза особенно обращал моё внимание на то обстоятельство, что это первое прямое вмешательство заатлантической республики во внутренние дела европейского государства тем более непонятно и нелогично, что сам президент ещё так недавно открыто заявил себя ярым приверженцем теории Монро[5].

Румынская печать в один голос, без различия партий, признаёт американскую ноту обидной, непоследовательной и бесцельной.

Тем не менее, нельзя не признать, что евреи в Румынии пользуются меньшими правами, чем в какой-либо другой стране, о чём свидетельствуют, между прочим, некоторые постановления нового ремесленного закона[6]. По конституции, евреи приравнены к иностранцам. Вполне нелогичным является поэтому привлечение их к отбыванию воинской повинности.

Но, с другой стороны, дарование евреям политических[7] и других прав румынских подданных было бы смертельным приговором для королевства.

В такой маленькой стране, как Румыния, в самое короткое время все земли и недвижимые городские имущества были бы скуплены евреями; войско, администрация и все профессии ими переполнены, и от православного Румынского королевства осталось бы одно воспоминание.

Не допуская евреев до политической жизни страны, правительство Румынии исполняет свой священный долг и защищает самое существование и независимость родной страны.

С глубочайшим и пр.[8]

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 145–145 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Копия.

[2] Данная инициатива принадлежала американскому государственному секретарю, Джону Хэю. 11 августа 1902 г. (н.ст.) Госдепартамент США отправил циркулярную ноту всем американским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах государств, подписавших Берлинский трактат в 1878 г. Этот список включал Великобританию, Францию, Германию, Италию, Османскую Империю и Австро-Венгрию. Нота предписывала американским дипломатам ходатайствовать перед правительствами этих стран о защите интересов румынских евреев. Подробнее об общем контексте см.: Vitcu D., Bădărău G. *România şi „apelul" diplomatic al lui John Hay (1902)* // *Istoria ca lectură a lumii* / Coord. G. Bădărău, L. Boicu, L. Nastasă. Iaşi, 1994. P. 278; Matikainen S. *Op. cit.* P. 115–119.

[3] Только в период с 1899 по 1904 гг. из Румынии эмигрировали, по разным данным, от 42 до 50 тыс. евреев. Об этом см.: Platon Gh. *Chestiunea evreiască* // *Istoria românilor*. Vol. VII. T. II. *De la Independență la Marea Unire* / Coord. Gh. Platon. București, Editura Enciclopedică, 2003. P. 70–73; Kuller H. *Opt studii despre istoria evreilor din România*. București, Editura Hasefer, 1997. P. 122; Matikainen S. *Op. cit.* P. 59). Об этом также см. док. № 37 от 24 июня 1900 г., прим. 3.

[4] Об этом также см. др. документы, опубликованные в настоящем сборнике и касающиеся того же вопроса.

[5] Об этом см.: May E. *The Making of the Monroe Doctrine*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1992.

[6] Об этом см. также док. № 74 от 17 февраля 1902 г. и № 81 от 22 июля 1902 г.

[7] Об этом см. подробнее: Iancu C. *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*. Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.

[8] К депеше Фонтона прилагается вырезка из статьи *La démarche des États-Unis* // „La Roumanie". 1902. 7 Septembre. № 31. Не публикуется.

București, 12 septembrie 1902, nr. 31. Depeșă a consilierului de taină Fonton[1]

Intervenția neașteptată a Statelor Unite ale Americii de Nord în favoarea evreilor români[2] a rănit profund sentimentul național al poporului român și a surprins guvernul.

Domnul Sturdza, care mi-a făcut ieri o vizită, nu și-a ascuns nemulțumirea în legătură cu această ingerință neobișnuită. Din punctul său de vedere, asupra evreilor din România nu s-ar fi făcut nici un fel de presiuni deosebite în ultima vreme. El explică dinamica crescută a emigrării[3] exclusiv prin recoltele mici care au lovit țara consecutiv, doi ani la rând, ce au

provocat criza economică și înghețarea multor afaceri[4]. Fără a mai avea venituri, evreii au început să se îndrepte tot mai puternic înspre America, care a reprezentat dintotdeauna o forță de atracție deosebită pentru ei, ca țară unde nu există obligativitatea serviciului militar.

Domnul Sturdza mi-a atras în mod special atenția asupra faptului că această primă ingerință directă a republicii de peste Ocean în treburile interne ale unui stat european este cu atât mai mult lipsită de sens și logică, cu cât însuși președintele se declara recent, fără ocolișuri, adept convins al doctrinei Monroe[5].

Vorbind pe o singură voce, fără deosebiri de partid, presa românească vede în nota americană un gest ofensator, lipsit de consecvență și fără o anumită țintă precisă.

Totuși, nu putem să nu recunoaștem faptul că evreii din România se bucură de mai puține drepturi decât în oricare altă țară, lucru confirmat, printre altele, și de unele prevederi ale noii Legi a meseriilor[6]. Potrivit constituției, evreii sunt asimilați străinilor. De aceea, obligarea acestora la executarea serviciului militar este lipsită de logică.

Pe de altă parte, acordarea pentru evreii români a drepturilor politice[7] și a altor drepturi ar echivala pentru regat cu o condamnare la moarte.

Într-o țară atât de mică precum România, toate terenurile și proprietățile imobiliare din orașe ar fi cumpărate instantaneu de către evrei; armata, administrația și toate profesiile ar fi inundate de către aceștia, iar din Regatul Român ortodox ar rămâne doar o simplă amintire.

Prin îngrădirea accesului la viața politică a statului pentru evrei, guvernul României îndeplinește o datorie sfântă, apărând însăși existența și independența țării.

Cu deosebit respect și alt[8].

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 145–145 verso.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Copie.

[2] Inițiativa a aparținut secretarului de stat american John Hay. Pe data de 11 august 1902 (st.n.), Departamentul de Stat a expediat o notă circulară către ambsadorii americani acreditați pe lângă guvernele țărilor semnatare ale Tratatului de la Berlin din 1878 (Marea Britanie, Franța, Germania, Italia, Turcia și Austro-Ungaria), prin care li se cerea să intervină în favoarea evreilor din România. Pentru context: Dumitru Vitcu, G. Bădărău, *România și „apelul” diplomatic al lui John Hay (1902)*, în *Istoria ca lectură a lumii*, volum coordonat de G. Bădărău, L. Boicu, L. Nastasă, Iași, 1994, p. 278; Satu Matikainen, *Great Britain, British Jews, and the International Protection of Romanian Jews, 1900–1914. A Study of Jewish Diplomacy and Minority Rights*, Jyväskylä, Jyväskylä University Printing House, 2006, p. 59.

[3] Între 1899 și 1904 din România au emigrat între 42.000 și 50.000 evrei (Gheorghe Platon, *Chestiunea evreiască*, în *Istoria românilor*, vol. VII, tom. II, *De la Independență la Marea Unire*, coordonator Gheorghe Platon, București, Editura Enciclopedică, 2003, p. 70–73; Hary Kuller, *Opt studii despre istoria evreilor din România*, București, Editura Hasefer, 1997, p. 122; Matikainen, *Great Britain, British Jews, and the International Protection of Romanian Jews*, p. 59). A se vedea și doc. nr. 37 din 24 iunie 1900, nota 3.

[4] A se vedea și alte documente din acest volum referitoare la același aspect.

[5] Ernest R. May, *The Making of the Monroe Doctrine*, Cambridge (MA), Harvard University Press, 1992.

[6] A se vedea doc. nr. 74 din 17 februarie 1902 și nr. 81 din 22 iulie 1902.

[7] Carol Iancu, *Jews in Romania, 1866–1919: From Exclusion to Emancipation*, Boulder, Colo., East European Monographs, 1996.

[8] La raport este anexat, în extras, articolul *La démarche des États-Unis*, în „La Roumanie”, nr. 31, 7 Septembre 1902. Nu se publică.

87

Бухарест, 18 сентября 1902 г. Фонтон – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Король Карл соизволил прислать мне вчера приглашение на завтрак в Пелешском замке.

Его Величество высказал мне свои пожелания, чтобы пребывание их Императорских Величеств в Ливадии[1] совпало с хорошим временем на нашем благодатном юге. Вместе с тем, король заявил мне, насколько он был счастлив получить телеграмму, в самых искренних выражениях, от государя императора, в ответ на телеграмму, посланную им в минувшем августе. Затем во время разговора король с негодованием коснулся вмешательства Северо-Американских Соединённых Штатов в вопрос о положении евреев в Румынии[2]. Его Величество назвал шаг этот «необычным» и «неуместным» по отношению к великим державам и «вызывающим» по отношению к Румынии, государству, как особенно подчеркнул король, независимому.

По мнению Его Величества, положение, занятое с некоторого времени Англией, а также и Германией по отношению к вашингтонскому кабинету, вызвало отчасти этот почин Северо-Американских Соединённых Штатов, почин, который готовит немало неприятностей в будущем.

Воспользовавшись визитом, который сделал мне два дня тому назад господин Стурдза, я запросил его, насколько справедливо появившееся в газетах известие, что румынскому посланнику в Лондоне[3] поручено было сделать великобританскому правительству сообщение об образе действия, которого придерживается королевское правительство в вопросе о положении евреев в Румынии. Господин Катарджиу, будто бы, заявил при этом, что румынское правительство не в силах помешать эмиграции евреев.

Господин Стурдза сказал мне, что известие это ложно: что он не делал никаких сообщений ни в Лондоне, ни кабинету какой-либо другой великой державы. Он прибавил при этом, что в случае, если бы великие державы обратились в Бухарест с каким-нибудь сообщением по содержанию ноты господина Хэя, королевское правительство ограничится представлением подробной записки о действительном положении евреев в Румынии[4].

Коснувшись затем содержания ноты государственного секретаря Северо-Американских Соединённых Штатов, господин Стурдза заметил, что Румыния не обладает средствами воспрепятствовать переселению евреев в Америку, но что, конечно, не ей, а самим Северо-Американским Штатам надлежит принять меры, чтобы закрыть им доступ в страну. Председатель Совета министров особенно настаивал на том, что вступление американской ноты заключает в себе явную непоследовательность, так как в ней идёт речь о переговорах по заключению особого соглашения касательно натурализации.

Американский посланник, несколько месяцев тому назад посетивший Бухарест, прежде всего, предложил заключить конвенцию о выдаче преступников; текст уже был им составлен, но он не допускал ни малейшего в нём изменения. Соглашения не могло

последовать, так как господин Францис[5] не соглашался даже вставить добавленную статью о том, что к румынским подданным не будет применяться смертная казнь.

Вслед за этим он тотчас же предложил заключить конвенцию о взаимной защите фабричных знаков и, наконец, соглашение касательно натурализации. При этом он ставил непременным условием, чтобы все эти конвенции были заключены в несколько дней, так как он куда-то спешил. Поэтому ничего не могло быть сделано: но что лучше всего, у него не было даже верительных грамот[6].

Господин Стурдза с особым удовольствием заявил мне также, что король одобрил все подготовительные работы для вступления с Болгарией в переговоры о разграничении дунайских островов[7]. Разрешение этого спорного дела послужит новым залогом хороших отношений между обоими государствами. В заключение господин Стурдза доверительно сообщил мне, что король Карл в скором времени отдаст визит князю болгарскому. Свидание это, по его словам, откладывалось вследствие разных случайных препятствий и, между прочим, вследствие близости Софии к турецкой столице. Ныне же оно состоится в Рущуке[8].

Нельзя не признать, что выполнение этого долга вежливости не могло терпеть дальнейших откладываний.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, Н. Фонтон.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 147–149.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

1 Летняя резиденция Российского Императорского Дома.

2 Об этом см. предыдущий документ.

3 Имеется в виду Александру К. Катарджиу.

4 За исключением Великобритании, остальные великие державы отнеслись довольно сдержанно к американскому дипломатическому демаршу. Подробности см.: Matikainen S. *Op. cit.* P. 120–124.

5 Правильно: Фрэнсис. Чарльз Спенсер Фрэнсис (1853–1911). Американский дипломат и публицист. С декабря 1900 г. по декабрь 1902 г. являлся посланником Соединённых Штатов Америки в Румынии, Греции и Сербии (с резиденцией в Афинах). В 1906–1910 гг. американский посол в Австро-Венгрии. С апреля 1903 до июля 1905 г. дипломатическим представителем США в Румынии был Джон Бринкерхофф Джексон (1862–1920).

6 Фрэнсис представил королю свои верительные грамоты в октябре 1901 г.

7 Об этом см. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

8 Подробнее см. док. № 88 от 21 октября 1902 г.

București, 18 septembrie 1902. Fonton către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Regele Carol a binevoit să-mi trimită ieri o invitație pentru micul dejun la castelul Peleș.

Majestatea Sa și-a exprimat față de mine speranța ca șederea Majestăților Lor Imperiale la Livadia[1] să coincidă cu vremea bună din sudul binecuvântat al țării noastre. În același timp, regele mi-a relatat cât de fericit a fost să primească o telegramă de la suveranul nostru împărat, formulată în cei mai sinceri termeni, ca răspuns la telegrama trimisă lui în luna august. Mai apoi, în timpul discuției, regele s-a referit, cu indignare, la amestecul

Statelor Unite ale Americii de Nord în chestiunea situației evreilor din România[2]. Majestatea Sa a afirmat că este vorba de un gest „neobișnuit” și „nepotrivit” la adresa Marilor Puteri și „sfidător” față de România, stat, așa cum a subliniat regele, independent.

Din punctul de vedere al Majestății Sale, atitudinea față de guvernul de la Washington, adoptată de ceva vreme de către Anglia, dar și de către Germania, care a și provocat un astfel de demers al Statelor Unite ale Americii de Nord, reprezintă un început care prefațează multe neplăceri în viitor.

Profitând de vizita pe care mi-a făcut-o domnul Sturdza acum două zile, l-am întrebat cât de adevărată este știrea apărută în ziarele românești referitoare la mandatarea trimisului român de la Londra[3] de a prezenta guvernului britanic o notă despre atitudinea cabinetului regal în chestiunea situației evreilor din România.

Domnul Sturdza mi-a spus că această știre este falsă, că el nu a trimis nici o notă la Londra său oricărui alt guvern al unei Mari Puteri. În acest context, el a mai spus că, în cazul în care Marile Puteri se vor adresa la București cu orice solicitare privind nota domnului Hay, guvernul regal se va rezuma la prezentarea unui comunicat privind situația reală a evreilor din România[4].

Referindu-se mai apoi la conținutul notei secretarului de stat al Statelor Unite ale Americii de Nord, domnul Sturdza a observat că România nu are la dispoziție mijloace pentru a se opune emigrării evreilor în America și că, desigur, nu ea, ci înseși Statele Unite ale Americii de Nord ar trebui să ia măsuri pentru a le bloca accesul în țară. Președintele Consiliului de Miniștri a insistat în mod special asupra faptului că partea introductivă a notei americane conține o evidentă lipsă de consecvență, deoarece în aceasta este discutată chestiunea tratativelor pentru încheierea unei convenții speciale privind naturalizarea.

Trimisul american, care a vizitat Bucureștiul acum câteva luni[5], a propus, în primul rând, încheierea unei convenții privind extrădarea infractorilor; textul a și fost redactat de el, dar nu a fost de acord cu nici o modificare. Deoarece domnul Francis nu a acceptat nici măcar includerea unui articol suplimentar, în care să se menționeze că pedeapsa cu moartea nu va fi aplicată în cazul supușilor români, acordul nu a putut fi încheiat.

Imediat după aceasta, el a propus încheierea unei convenții privind protejarea reciprocă a mărcilor de fabrică și, în sfârșit, a unui acord privitor la naturalizare. În plus la toate, el a pus drept condiție obligatorie semnarea acestor convenții în câteva zile, deoarece se afla în mare grabă. Din această cauză, demersurile au rămas fără nici o finalitate; dar cel mai interesant lucru este că el nu avea asupra sa nici măcar scrisori de acreditare[6].

Domnul Sturdza, afișând o satisfacție deplină, mi-a declarat, de asemenea, că regele a aprobat toate demersurile premergătoare inițierii de negocieri cu Bulgaria pentru delimitarea insulelor dunărene[7]. Rezolvarea acestei chestiuni litigioase va reprezenta o nouă garanție pentru instituirea unor relații bune între cele două state. În încheiere, domnul Sturdza mi-a spus confidențial că regele îi va face în curând o vizită principelui bulgar. Potrivit lui, această întâlnire a fost amânată din cauza diferitor obstacole întâmplătoare, printre altele din cauza faptului că Sofia se află prea aproape de capitala Turciei. Acum întrevederea va avea loc la Ruse[8].

Nu pot să nu recunosc că îndeplinirea acestei obligații izvorâte din regulile de politețe nu mai putea suferi amânări.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, N. Fonton.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 147–149.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] Reşedinţă de vară a Casei Imperiale Ruse.
[2] A se vedea documentul anterior.
[3] Alexandru C. Catargi.
[4] Cu excepţia Marii Britanii, Marile Puteri au avut o atitudine rezervată faţă de demersul american: Matikainen, *Great Britain, British Jews, and the International Protection of Romanian Jews*, p. 120–124.
[5] Charles Spencer Francis (1853–1911). Diplomat şi publicist american. În anii 1900 (decembrie) – 1902 (decembrie) a fost ministru plenipotenţiar al Statelor Unite în România, Grecia şi Serbia (cu reşedinţa la Atena), iar între 1906 şi 1910 ambasador în Austro-Ungaria. Între aprilie 1903 şi iulie 1905 Statele Unite au fost reprezentate în România de John Brinckerhoff Jackson (1862–1920).
[6] Şi-a prezentat scrisorile de acreditare în octombrie 1901.
[7] A se vedea documentele anterioare referitoare la acest aspect.
[8] Doc. nr. 88 din 21 octombrie 1902.

88

Бухарест, 21 октября 1902 г., № 31. Сомов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Известие о предстоящем посещении королём Карлом князя болгарского произвело здесь самое благоприятное впечатление. Румыны радуются не только тому, что восстановляются хорошие отношения с княжеством, грубо нарушенные убийством, совершённым в Бухаресте по распоряжению Македонского комитета[1], но, главным образом, хотя и стараются это скрыть, тому, что Болгария более им не угрожает. Страх перед болгарской военной силой здесь очень велик[2]. В военных кругах очень хорошо сознают, что отстоять в случае войны Добруджу почти невозможно. С другой стороны, постоянные известия об успехах болгарской армии и значительное ослабление и духа, и материальных средств румынской армии с того времени, как во главе военного министерства встал 70-летний историк и учёный Стурдза, недавно открыто заявивший, что румынская армия не обеспечена самыми необходимыми припасами, вселяли плохо скрываемые опасения.

Вместе с тем, всем здесь известно было, что князь Фердинанд глубоко обижен и даже не скрывает своего неудовольствия по поводу промедления в отдаче королём румынским визита после двукратных посещений им Синаи в 1897[3] и 1898[4] годах. В народе упорно держался даже слух, что князь болгарский при первом удобном случае объявит войну Румынии, дабы отомстить за нанесённую ему королём обиду. Всё это возбуждало затаённые опасения и заставляло королевское правительство нервно относиться ко всему происходящему в Болгарии.

Неприглашение представителей румынской армии на Шипкинские торжества[5] вызвало сильное неудовольствие в Румынии[6] и газетные неуместные выходки против болгар, грозившие новым охлаждением отношений между королевством и княжеством.

Отлично сознавая, насколько невыгодно и даже при настоящем положении войска небезопасно для Румынии находиться в натянутых отношениях с Болгарией, король Карл решился лично вмешаться и изменить к лучшему положение дела.

Вопреки предположению правительства и высказанным в печати пожеланиям, чтобы после Шипкинской обиды болгарские офицеры не были приглашены на

манёвры румынской армии, по настоянию короля приглашение это состоялось. Во всё время манёвров король Карл особенно отличал болгарских офицеров; при отъезде они получили румынские ордена. Одним словом, король приложил все старания, чтобы быть, насколько возможно, любезным и подготовить почву для задуманного им посещения князя Фердинанда, о котором никто ещё ничего здесь не знал.

Неожиданное решение короля Карла объясняется ещё и следующим обстоятельством: король лично был сильно обижен неприглашением болгарами представителей румынской армии на Шипкинские торжества и особенно умолчанием на этих празднествах о его подвигах под Плевной[7], которыми он особенно дорожит. В Бухаресте распространено убеждение, что настоящими хозяевами были на Шипке не болгары, а русские, и что если румыны не получили приглашение, то исключительно по настоянию России и даже против воли самих болгар. Заграничная печать подробно развивала эту мысль. Король Карл ничем не выказал своего неудовольствия, а напротив расточал любезности болгарам, в то ещё время задумав устроить собственно румынско-болгарское торжество, на котором он будет главным лицом, а Румыния возьмёт на себя роль освободительницы Болгарии. Поэтому посещение князя Фердинанда уже отходит на второй план, на первый же выступает поездка и обозрение полей сражения под Плевной, где король явится в качестве «Плевненского победителя», титул, который уже давно присвоен ему здешними газетами.

На Шипке обошли Румынию, под Плевной могут обойтись и без России. Таков был, насколько мне кажется, первоначальный план короля. Весьма вероятно, впрочем, что в силу разных соображений и присущей королю осторожности план этот будет смягчён и изменён.

Все румынские газеты отнеслись крайне сочувственно к предполагаемой поездке короля, видя в ней восстановление дружественных отношений с Болгарией и залог мира на европейском Востоке. К сожалению, даже в правительственных органах развивается мысль, что болгары свободой своей исключительно обязаны Румынии: «на румынской земле подготовлено восстание, завершившееся освобождением»; «болгарская идея восторжествовала только благодаря крови, пролитой тысячами румын»; «подвиги румын под Плевной призвали к жизни болгарский народ» и т.п. О каком-либо, хотя бы маленьком участии России – ни слова. Румыния даровала болгарам свободу, и они неоплатные её должники.

Нельзя не признать, что подобного рода статьи неуместны в ту минуту, когда король румынский собирается вступить на болгарскую землю. Единственная цель их подготовить торжественное появление короля Карла под Плевной, но они легко могут задеть и самолюбие болгарского народа, который твёрдо знает, кто явился его освободителем.

С глубочайшим уважением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 152–154.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Об этом см. док. № 39 от 25 июля 1900г., № 40 от 4 августа 1900 г., № 41 от 7 августа 1900 г., № 51 от 26 сентября 1900 г., № 56 от 22 ноября 1900 г.

[2] Это утверждение являлось преувеличением.

[3] 23–25 июля 1897 г.

[4] 24–27 июня 1898 г.

[5] Здесь имеются в виду торжественные церемонии, посвящённые празднованию годовщины сражений на Шипке в 1877 г. В этих торжествах, организованных в сентябре 1902 г., участвовали великий князь Николай Николаевич (младший), военный министр А. Н. Куропаткин, генералы М. И. Драгомиров и Н. Г. Столетов, а также известный российский политический деятель и дипломат Н. П. Игнатьев. В рамках торжеств, 15 сентября 1902 г. на Шипке была освящена церковь в русском стиле, построенная в память о русских солдатах, погибших на полях сражений в Болгарии во время войны 1877–1878 гг.

[6] Об этом см.: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900.* București, Editura Academiei Române, 2012. P. 193.

[7] Подробное описание участия и роли румынской армии в боях под Плевной, написанное современником по горячим следам событий, см.: Schem A. J. *The War in the East. An Illustrated History of the Conflict between Russia and Turkey with a Review of the Eastern Question*. New York, H. S. Goodspeed & Co., 1878. P. 285–338.

București, 21 octombrie 1902, nr. 31. Somov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Știrea despre apropiata vizită a regelui Carol la principele bulgar a produs aici o impresie foarte bună. Românii se bucură nu doar datorită faptului că sunt refăcute relațiile cu principatul vecin, înghețate din cauza crimei comise la București la comanda Comitetului macedonean[1], ci, mai ales, chiar dacă încearcă să ascundă acest lucru, datorită faptului că Bulgaria nu îi mai amenință. Frica față de forța militară bulgară este foarte mare aici[2]. În cercurile militare este foarte bine conștientizat faptul că, în cazul unui război, Dobrogea aproape că nu ar putea fi apărată. Pe de altă parte, veștile permanente privitoare la succesele armatei bulgare și scăderea semnificativă a stării de spirit și a resurselor materiale ale armatei române, din clipa în care ministerul de război a ajuns în mâinile septuagenarului istoric și savant Sturdza, care a declarat deschis recent că armata română nu este dotată cu cele mai necesare muniții, au provocat temeri care puteau fi cu greu camuflate.

Toată lumea de aici cunoaște desigur faptul că principele Ferdinand se consideră profund jignit și nici nu-și ascunde nemulțumirea din cauza amânării de către regele român a vizitei de răspuns la călătoriile sale la Sinaia în anii 1897[3] și 1898[4]. În popor circula cu insistență chiar zvonul că, profitând de o primă ocazie, principele bulgar va declara război României, cu scopul de a se răzbuna pentru ofensa care i-a fost adusă de către rege. Toate acestea alimentau temeri ascunse și obligau guvernul regal să urmărească, cu multă neliniște, evenimentele ce au loc în Bulgaria.

Neinvitarea reprezentanților armatei române la festivitățile de la Șipka[5] a provocat un nou val de nemulțumiri puternice în România[6] și ieșiri nepotrivite în presă împotriva bulgarilor, care amenințau cu o nouă răcire a relațiilor dintre regat și principat.

Fiind conștient de riscurile pe care le comportă pentru România starea încordată a relațiilor cu Bulgaria, mai ales în situația actuală a armatei, regele a decis să intervină personal și să schimbe lucrurile în bine.

În ciuda propunerii guvernului și sugestiilor din presă ca, după ofensa de la Șipka, ofițerii bulgari să nu fie invitați la aplicațiile armatei române, acest lucru a avut totuși loc la insistența regelui. În timpul aplicațiilor, regele Carol i-a remarcat în mod special pe ofițerii bulgari; la plecare aceștia au primit și ordine românești. Într-un cuvânt, regele a depus toate eforturile pentru a părea cât mai amabil posibil, pregătind astfel terenul pentru vizita sa la principele Ferdinand, călătorie despre care nimeni de aici nu avea cunoștință încă.

Decizia neașteptată a regelui Carol poate fi explicată și astfel: regele s-a simțit ofensat personal în urma neinvitării la Șipka de către bulgari a reprezentanților armatei române și, în special, de trecerea sub tăcere la aceste festivități a faptelor sale eroice la Plevna[7], la care el ține foarte mult. La București domnește convingerea că adevărații stăpâni de la Șipka nu au fost bulgarii, ci rușii, iar dacă românii nu au fost invitați, acest lucru s-a întâmplat la cererea Rusiei și chiar împotriva voinței bulgarilor. Presa străină a dezvoltat în detaliu această idee. Regele Carol nu și-a exteriorizat nemulțumirea, ba chiar, dimpotrivă, a împărțit amabilități bulgarilor, gândindu-se, în același timp, la organizarea unei festivități româno-bulgare, la care el urmează să fie figura centrală, iar România să își asume rolul de eliberatoare a Bulgariei. De aceea, călătoria la principele Ferdinand alunecă deja în plan secund, iar în față avansează vizitarea și trecerea în revistă a câmpurilor de luptă de la Plevna, unde regele va apărea în calitate de „Învingătorul de la Plevna”, titlu care i-a fost demult acordat de către ziarele de aici.

La Șipka au ocolit România, iar la Plevna se pot dispensa și de Rusia. Acesta a fost, după cum mi se pare, planul inițial al regelui. De altfel, având în vedere multe alte considerații și ținând cont de precauția specifică regelui, este foarte posibil ca acest plan să fie îmbunătățit sau chiar modificat.

Toate ziarele românești au adoptat o atitudine favorabilă față de așteptata călătorie a regelui, văzând în aceasta o refacere a relațiilor de prietenie cu Bulgaria și o garanție a păcii în Orientul european. Din păcate, chiar și în organele de presă guvernamentale, este propagată ideea că bulgarii își datorează libertatea exclusiv României: „pe pământ românesc a fost pregătită răscoala care s-a încheiat cu eliberarea deplină”; „ideea bulgară a triumfat doar grație sângelui vărsat de mii de români”; „faptele de eroism ale românilor la Plevna au redeșteptat la viață poporul bulgar” etc. Despre o participare a Rusiei, oricât de mică ar fi aceasta, nu se amintește deloc. România le-a făcut cadou bulgarilor libertatea, iar aceștia sunt datornicii ei pe vecie.

Nu putem să nu recunoaștem faptul că astfel de articole sunt cu totul nepotrivite acum, când regele român este gata să pășească pe pământ bulgar. Singurul lor scop este de a pregăti apariția triumfală a regelui la Plevna, dar acestea pot atinge și orgoliul poporului bulgar, care știe foarte bine cine a fost eliberatorul său.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 152–154.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Doc. nr. 39 din 25 iulie 1900, nr. 40 din 4 august 1900, nr. 41 din 7 august 1900, nr. 51 din 26 septembrie 1900, nr. 56 din 22 noiembrie 1900.

[2] Afirmație exagerată.

[3] 23–25 iulie 1897.

[4] 24–27 iunie 1898.

[5] Trimitere la festivitățile consacrate comemorării luptelor de la Șipka din 1877. Organizate în septembrie 1902, la acestea au participat Marele Cneaz Nikolai Nikolaevici (junior), ministrul de Război A. N. Kuropatkin, generalii M. I. Dragomirov și N. G. Stoletov, precum și cunoscutul om politic și diplomat rus N. P. Ignatiev. Pe data de 15 septembrie 1902, la Șipka a fost sfințită și o biserică în stil rusesc, ridicată în memoria soldaților ruși morți în Bulgaria în războiul din 1877–1878.

[6] Daniel Cain, *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900,* București, Editura Academiei Române, 2012, p. 193.

[7] Pentru o cronică de epocă a implicării armatei române în luptele de la Plevna: A. J. Schem, *The War in the East. An Illustrated History of the Conflict between Russia and Turkey with a Review of the Eastern Question*, New York, H.S. Goodspeed & Co., 1878, p. 285–338.

89

Бухарест, 1 ноября 1902 г., № 36. Сомов – графу Ламсдорфу

Два приложения

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В предыдущих моих донесениях я имел честь донести до сведения Вашего Сиятельства, как, сгоряча задуманное королём после неприглашения на Шипку[1] румынских офицеров посещение Плевны, постепенно изменяло первоначальный характер отместки.

Очевидно, что присущая Его Величеству сдержанность взяла верх. Простой здравый смысл подсказал королю, что именно под Плевной какой-либо укол России с его стороны явился бы не только невозможным, но и комичным.

Не допустили бы его до этого и болгарский князь, и болгарский народ, которые не позабыли бы на грозных полях Плевны о России. Приглашение, хотя и позднее, нашего военного агента подполковника Леонтьева[2] сопровождать Его Величество при поездке в Плевну явно отметило переворот в настроении короля. Немало способствовал этой перемене и господин Стурдза, который давно стремится улучшить отношения между Румынией и Болгарией. Он постоянно жаловался, что некоторая часть болгарской печати, нападая на Румынию, думает угодить России. Наглядно доказать им, что они ошибаются и что Россия находится в наилучших отношениях с Румынией, являлось для него крайне желательным. Усвоив такой взгляд, король с редким постоянством проводит его до конца.

29-го октября король Карл прибывает в Рущук. После торжественной встречи, на обеде в военном собрании король румынский и князь болгарский обмениваются тостами, текст коих имею честь представить у сего на благосклонное воззрение Вашего Сиятельства. 30-го октября рано утром княжеский поезд двинулся в Плевну. В Порадиме[3] поезд останавливается, и король и князь осматривают более чем скромный дом, в котором жил в бозе почивший император Александр II[4]. Болгарское правительство купило этот дом и заботливо печётся о сохранении его в первоначальном виде. Король Карл, смущённый под впечатлением нахлынувших воспоминаний, даёт подробные объяснения. Затем посещается дом, в котором жил король Карл[5]. Его Величество неприятно поражён тем, что часть дома перестроена.

Вторая остановка происходит в Гривице. У румынской часовни[6] митрополит Врацкий приветствует короля патриотической речью. Указывая на могилы, он призывает героев Гривицы восстать перед своим бывшим предводителем, который, как и 25 лет тому назад, является ныне на помощь Болгарии в ту минуту, когда часть народа её погибает в рабстве за горами Рила[7]. Слово это, произнесённое с редким воодушевлением, произвело, по словам подполковника Леонтьева, сильное впечатление. Король и князь возлагают венки на останки убитых, рядами сложенные в самой часовне[8]. Затем возлагают венки от частей войск. Подполковник Леонтьев возлагает серебряный венок, перевитый русскими, румынскими и болгарскими лентами с надписью на русском и румынском языках: «Дорогим боевым товарищам – вечная славная память».

Не могу не отметить при этом следующего обстоятельства: офицеры, возлагавшие венки от частей войск, ограничивались одним возложением венка, не делая

даже крестного знамения. Не так поступили русские офицеры: они встали на колени и, осенив себя крестным знамением, лишь тогда возложили венки. Король тут же оценил это внимание и со слезами на глазах крепко пожал руку подполковнику Леонтьеву и военному агенту в Болгарии полковнику Протопопову[9]. Местные газеты равным образом с благодарностью отзываются о поступке наших офицеров.

После этого, по требованию короля была отслужена отдельная лития по русским убитым. К сожалению, русской часовни не имеется, и присутствовавшие недоумевали некоторое время, куда возложить приготовленные венки. Наконец, решено было возложить их на памятник Пензенского полка[10], как ближайший. На венке[11] короля Карла следующая надпись:

«Карл I, король Румынии храбрым русским воинам, павшим на поле чести под Плевной».

В Плевне, в той самой комнате, которую занимал Осман-паша[12], состоялся завтрак, на котором король и князь ещё раз обменялись тостами, текст которых имею честь у сего представить[13]. Отсюда же была отправлена телеграмма Его Императорскому Величеству, государю императору. Король Карл отправил телеграмму Вологодскому полку, шефом которого он состоит[14].

Приём, оказанный королю румынскому в Болгарии, был сердечный и радушный[15], но и князь, и народ, первый в тостах, второй неподготовленными овациями и цветами, сыпавшимися на наших офицеров, сумели наглядно оттенить, что, несмотря на его присутствие, первая мысль и первая благодарность относятся к России. Князь Фердинанд в блестящем ответе на здравицу короля отлично выразил настроение своего народа: «Я вижу великий образ царя-освободителя под Горним[16], Порадимом… Я вижу, наконец, армию Вашего Величества» …

Королю Карлу оставалось подчиниться общему настроению страны, в которую он прибыл. Выполнил он это, по словам подполковника Леонтьева, безукоризненно.

Отдача королём визита князю болгарскому, без сомнения, вызовет улучшение отношений между обоими государствами. Посещение же королём Плевны совершенно неожиданно дало толчок – небольшой, но всё же толчок – в нашу пользу. Появились в газетах статьи, воспоминания о том времени, когда русские и румыны были союзниками и бились заодно.

Вновь заговорили молчавшие до сего участники минувшей войны, и заговорили без вражды к русским. Газеты сделали даже открытие, что, если бы русские не начали войну, то, может быть, не было бы и независимой Румынии. Вновь вспоминают о цареосвободителе, о русской крови, пролитой за освобождение. Этого давно не было, и это хорошие признаки.

С глубочайшим уважением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, А. Сомов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 169–171 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Об этом см. предыдущий документ.

[2] Максим Н. Леонтьев.

[3] По-болгарски: Пордим. Населённый пункт, расположенный на расстоянии в 20 км от Плевны. Там находилась главная Ставка румынской армии во время войны 1877–1878 гг.

[4] В 1877 г. император Александр II жил в Порадиме на протяжении двух месяцев.

[5] В период с 1903 по 1907 гг. в Порадиме был сооружён музей, посвящённый королю Карлу I и румынской армии.

[6] Часовня-мавзолей, посвящённая памяти румынских героев, павших в Гривице.
[7] В оригинале: Рило. Имеется в виду тогдашнее положение в Македонии.
[8] На венке, который возложил король Карл, была следующая надпись: «Карл I, король Румынии, храбрым русским воинам, павшим на поле чести под Плевной».
[9] Николай Иванович Протопопов. Российский военный агент в Болгарии в 1902–1904 гг. Во время Первой мировой войны дослужился до звания генерала от инфантерии.
[10] Здесь имеется в виду памятник, воздвигнутый на братской могиле в честь 8 офицеров и 397 нижних чинов 121-го Пензенского полка, похороненных в Гривице.
[11] Венок был из бронзы.
[12] Осман Нури-паша (1832–1900). Командующий турецкой армией под Плевной. Принял условия капитуляции в присутствии румынского полковника Михаила Черкеза.
[13] Не публикуются.
[14] Король Карл получил почётное звание шефа 18-го Вологодского полка во время своего путешествия в Россию, состоявшегося в июле 1898 г.
[15] Подробнее о личных впечатлениях короля Карла от этой поездки см.: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 413–414.
[16] Горни Дыбник.

București, 1 noiembrie 1902, nr. 36. Somov către contele Lamsdorff

Două anexe

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În rapoartele mele anterioare, am avut onoarea de a relata Luminăției Voastre cum a fost modificat treptat planul inițial de răzbunare pentru neinvitarea ofițerilor români la Șipka[1], gândit la supărare de către rege în contextul călătoriei la Plevna.

Fără îndoială, reținerea care îl caracterizează pe Majestatea Sa a avut până la urmă câștig de cauză. Simpla rațiune i-a sugerat regelui că orice ințepare a Rusiei, chiar la Plevna, ar fi nu doar imposibilă, ci și hilară.

Nu i-ar fi permis acest lucru nici principele bulgar și nici poporul bulgar, care nu ar fi uitat de Rusia pe câmpurile de luptă de la Plevna. Chiar dacă a fost făcută cu întârziere, invitația adresată agentului nostru militar, locotenent-colonelului Leontiev[2], de a-l însoți pe Majestatea Sa în timpul vizitării Plevnei a marcat schimbarea de atitudine a regelui. În această modificare de perspectivă, importantă a fost și contribuția domnului Sturdza, care încearcă demult să îmbunătățească relațiile dintre România și Bulgaria. El s-a plâns permanent că, atacând România, o parte a presei bulgare încearcă să facă pe plac Rusiei. De aceea, pentru el a fost important să le arate clar că nu au dreptate, Rusia aflându-se în relații foarte bune cu România. Asumând acest punct de vedere, regele îl urmărește cu o tenacitate rară.

Pe data de 29 octombrie, regele ajunge la Ruse. După o întâlnire solemnă, la o masă de prânz la adunarea militarilor, regele român și principele bulgar pronunță toasturi, ale căror texte am onoarea de a le supune mai jos atenției binevoitoare a Luminăției Voastre. În dimineața zilei de 30 octombrie, trenul princiar s-a pus în mișcare în direcția Plevna. La Poradim[3], trenul face o oprire, iar regele și principele vizitează o casă foarte modestă, în care a locuit defunctul împărat Alexandru II[4]. Guvernul bulgar a cumpărat respectiva casă și are grijă de conservarea acesteia în starea inițială. Regele Carol, copleșit de amintirile intense, prezintă detalii amănunțite. După aceea, este vizitată casa în care a locuit regele Carol[5]. Majestatea Sa este neplăcut surprins de faptul că o parte a casei a fost modificată.

A doua oprire are loc la Grivița. La paraclisul românesc[6], mitropolitul de Vrața îl salută pe rege cu un discurs patriotic. Arătând către morminte, el le cere eroilor de la Grivița

să se ridice în fața fostului lor comandant, care, la fel ca acum un sfert de secol, vine în ajutorul Bulgariei, în clipa în care o parte a poporului ei moare în robie de partea cealaltă a munților Rila[7]. Această cuvântare, ținută cu o rară înflăcărare, a produs, potrivit locotenent-colonelului Leontiev, o impresie puternică. Regele și principele depun coroane pe rămășițele lumești ale celor uciși, întinse în rânduri chiar în paraclis[8]. După aceea sunt depuse coroane din partea unităților militare. Locotenent-colonelul Leontiev depune o coroană de argint, înfășurată cu benzi rusești, românești și bulgare având texte în limbile rusă și română: „Scumpilor camarazi de luptă – amintire glorioasă eternă".

În acest context, nu pot să nu amintesc următorul lucru: ofițerii care au depus coroane din partea unităților militare s-au rezumat doar la depunerea coroanelor, fără a-și face semnul crucii. Nu la fel au procedat și ofițerii ruși: ei s-au așezat în genunchi și au depus coroanele doar după ce s-au închinat. Regele a remarcat imediat acest gest și, cu lacrimi în ochi, a strâns puternic mâna locotenent-colonelului Leontiev și pe cea a agentului militar din Bulgaria, colonelul Protopopov[9]. De asemenea, și ziarele de aici relatează cu recunoștință despre fapta ofițerilor noștri.

În continuare, la solicitarea regelui, a fost oficiată o litie în amintirea soldaților ruși morți. Din păcate, deoarece nu există un paraclis rus, cei prezenți s-au întrebat un timp, nedumeriți, unde să depună coroanele pregătite. În sfârșit, s-a decis ca acestea să fie depuse la monumentul Regimentului din Penza aflat în apropiere[10]. Pe coroana[11] depusă de regele Carol se puteau citi următoarele cuvinte: „Carol I, rege al României, bravilor soldați ruși, morți pe câmpul de onoare al Plevenei".

La Plevna, chiar în odaia pe care a ocupat-o Osman Pașa[12], a fost oferit un mic dejun, la care regele și principele au făcut încă o dată schimb de toasturi, al căror text am onoarea de a-l reproduce mai jos[13]. Tot de aici a fost trimisă o telegramă Majestății Sale Imperiale, stăpânului nostru împărat. Regele Carol a trimis o telegramă și Regimentului de Vologda, al cărui șef este[14].

Primirea oferită regelui României în Bulgaria a fost sinceră și cordială[15], însă principele și poporul, primul prin toasturi, iar al doilea prin ovațiuni spontane și râuri de flori care acopereau ofițerii noștri, au reușit să arate că, chiar și în prezența Sa, primul gând și sentiment de recunoștință se îndreaptă către Rusia. Principele Ferdinand, într-un răspuns strălucit la toastul regelui, a surprins cel mai bine starea de spirit a poporului său: „Văd în fața mea chipul țarului eliberator la Gorni[16], la Poradim…Văd, în sfârșit, armata Majestății Voastre".

Regelui Carol nu i-a rămas decât să se supună stării generale de spirit din țara în care a ajuns. Potrivit locotenent-colonelului Leontiev, regele s-a achitat ireproșabil de această misiune.

Vizita de răspuns a regelui la principele bulgar va fi urmată, fără îndoială, de îmbunătățirea relațiilor dintre ambele state. În ceea ce privește călătoria regelui la Plevna, aceasta a avut ca efect un impuls, nu foarte mare, dar totuși un impuls, în favoarea noastră. În ziare au apărut articole și amintiri despre acele timpuri, când rușii și românii erau aliați și luptau împreună.

Au început să vorbească din nou participanții la războiul trecut, și au început să vorbească fără ură față de ruși. Ziarele au făcut chiar și o descoperire, anume că, dacă rușii nu ar fi început războiul, poate că nu ar fi existat nici o Românie independentă. Lumea își aduce din nou aminte de țarul eliberator, despre sângele rusesc vărsat pentru eliberare. Așa ceva nu a mai avut loc demult, iar acest lucru este un semn bun.

Cu profund respect și cu același devotament, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, A. Somov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 169–171 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] A se vedea documentul anterior.
[2] Maxim N. Leontiev.
[3] În limba bulgară: Пордим (Pordim). Localitate, situată la 20 km. de Plevna, în care s-a aflat Cartierul general al armatei române.
[4] În anul 1877, ţarul Alexandru II a locuit timp de două luni la Poradim.
[5] Între 1903 şi 1907, la Poradim a fost construit un muzeu dedicat regelui Carol şi armatei române.
[6] Capela-mausoleu a eroilor români de la Griviţa.
[7] În original: Rilo. Trimitere la Macedonia.
[8] Coroana depusă de regele Carol avea inscripția: „Carol I, rege al României, bravilor ostași morți pe câmpul de onoare”.
[9] Nikolai I. Protopopov. A fost agent militar rus în Bulgaria în anii 1902–1904. În Primul Război Mondial va ajunge la gradul de general de infanterie.
[10] Referință la monumentul ridicat în cinstea celor opt ofițeri și 397 militari de grade inferioare din Regimentul nr. 121 de Penza înmormântați la Grivița.
[11] Din bronz.
[12] Osman Nuri Paşa (1832–1900), comandant al armatei turce la Plevna. A acceptat condițiile de capitulare în fața colonelului român Mihail Cerchez.
[13] Nu se publică.
[14] Regele Carol fusese numit comandant al Regimentului nr. 18 de Vologda în timpul călătoriei sale în Rusia în iulie 1898.
[15] Pentru impresiile personale ale regelui Carol: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 413–414.
[16] Gorni Dăbnik (Горни Дъбник).

90

Бухарест, 26 ноября 1902 г., № 37. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Прибыв в Бухарест 15-го числа текущего месяца[1], я на следующий же день по приезде посетил министра иностранных дел, господина Брэтиану, а затем и председателя Совета министров господина Стурдзу.

Предупреждённые о моём визите и, видно, подготовленные к нему, оба эти сановника оказали мне самый любезный приём. Как тот, так и другой, заявили мне решительно в тех же выражениях, что я встречу в румынском правительстве полную готовность не только содействовать сохранению дружественных отношений, ныне существующих между Россией и Румынией, но и улучшить и развить эти отношения.

Молодой и менее сдержанный в своих речах, господин Брэтиану стал горячо доказывать мне, что подобную готовность я найду в каждом министре иностранных дел Румынского королевства, так как не только лица, стоящие у кормила правления, но и каждый румын глубоко, будто бы, питает в душе стремление к дружбе и сближению с Россией.

Слова пожилого председателя Совета министров носили характер менее общего политического излияния.

Начав беседу с того, что в своей юности он лично был знаком с покойным моим отцом[2], пользовавшимся всеобщею любовью и уважением в Румынии, и что потому

румыны хотели бы смотреть на меня, как на человека, им родного, он добавил, что со своей стороны он приложит всё старание, чтобы облегчить мне исполнение обязанностей, возложенных на меня всемилостивейшим доверием моего монарха, и устранять и улаживать всё, что могло бы вызвать какое-либо недовольство между нашими правительствами, хотя бы и в самых мелких делах.

Переходя затем к вопросу о поездке короля Карла в Болгарию[3], господин Стурдза сообщил мне, что Его Величество и он, министр, в высшей степени довольны результатом этой поездки, превысившим их ожидания. Совместное путешествие с болгарскими правителями, совместное шестичасовое сидение в одном вагоне, заставило нас объясниться, сказал господин Стурдза, и многое, до чего мы ранее не договаривались, и что поэтому возбуждало недоверие между нами, было, наконец, высказано.

Мы все глубоко сознаём, заметил президент, мировое значение событий 1877 года и их влияние на судьбу Румынии и Болгарии; нам лестно, что мы и наш король играем в них всё же активную роль и нам, конечно, приятны слова благодарности, выраженные нам болгарами. Сознанием важности исторических событий 1877 года глубоко был проникнут король во всё время пребывания своего на плевненских полях, и с искренним благоговением относился он к могилам павших русских воинов. Король привёз с собою венок с целью возложить его на памятник полка своего имени[4], венок был бронзовый, с целью увековечить воспоминание о посещении королём русских могил, но этот памятник не мог быть сразу отыскан, и король возложил венок на самый выдающийся из русских памятников. Лишь впоследствии памятник Вологодского полка был найден, и король по возвращении в Бухарест, поспешил заказать новый бронзовый же венок и отправить его на этих днях в Болгарию.

Передавая слова румынских министров и не выводя из них никаких преждевременных заключений, считаю долгом присовокупить, для характеристики первого моего свидания с ними, что я нисколько не вызывал моих собеседников на объяснения, ограничиваясь лишь поддержанием разговора; они высказали лишь то, что, очевидно, заранее решили сказать мне.

С неизменным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 178–179 об.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Михаил Николаевич Гирс (1856–1932). Посланник Российской империи в Румынии в 1902–1912 гг. До этого служил в российских дипломатических представительствах в Сербии, Персии, Бразилии (и Аргентине), Китае и Баварии.

[2] Имеется в виду Николай Карлович Гирс (1820–1895). Российский профессиональный дипломат и министр иностранных дел Российской империи с 1882 по 1895 гг. Своей женитьбой на Ольге Е. Кантакузино (Кантакузен) породнился с представителями румынской аристократии. Его дочь Ольга вышла замуж за Георге Росетти-Солеску, который был посланником Румынии в Санкт-Петербурге в 1895–1911 гг. Об этом также см. док. № 48 от 7 сентября 1900 г.

[3] Об этом см. предыдущий документ.

[4] См. там же.

București, 26 noiembrie 1902, nr. 37. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ajungând la București pe data de 15 a lunii în curs[1], chiar în ziua următoare i-am făcut o vizită ministrului afacerilor străine, domnului Brătianu, iar mai apoi și președintelui Consiliului de Miniștri, domnului Sturdza.

Informați din timp despre vizita mea și fiind, așa cum am constatat, foarte pregătiți pentru aceasta, cei doi înalți demnitari mi-au oferit o primire curtenitoare. Atât unul, cât și celălalt mi-au declarat hotărât, apelând la aceleași formulări, că eu voi găsi la guvernul român toată disponibilitatea nu doar pentru a contribui la păstrarea relațiilor de prietenie, care există în prezent între Rusia și România, dar și pentru a le îmbunătăți și dezvolta.

Domnul Brătianu, tânăr și mai puțin zgârcit la vorbă, a început prin a-mi demonstra cu multă pasiune că eu voi găsi o astfel de disponibilitate în orice ministru al afacerilor străine al Regatului României, deoarece, a susținut el, nu doar persoanele care se află în prezent la cârma țării, ci și fiecare român este pătruns de dorința de prietenie și apropiere de Rusia.

Cuvintele bătrânului președinte al Consiliului de Miniștri au avut mai puțin caracterul unor mărturisiri politice generale.

Începând discuția de la faptul că, în tinerețea sa, l-a cunoscut personal pe defunctul meu tată[2], care s-a bucurat de o admirație și un respect general în România, motiv pentru care românii ar dori să mă vadă ca pe o persoană apropiată lor, el mi-a spus că, în ceea ce îl privește, va face totul pentru a-mi ușura îndeplinirea tuturor obligațiilor cu care am fost însărcinat prin încrederea binevoitoare a monarhului meu și pentru a găsi soluții la orice neînțelegeri între guvernele noastre, chiar și în chestiunile foarte mărunte.

Trecând mai apoi la chestiunea călătoriei regelui Carol în Bulgaria[3], domnul Sturdza mi-a comunicat faptul că Majestatea Sa și el, ministrul, sunt pe deplin mulțumiți de rezultatul acestui voiaj, care a depășit așteptările lor. Călătoria alături de cârmuitorul Bulgariei, aflarea împreună timp de șase ore în același tren, ne-a oferit ocazia pentru explicații, a afirmat domnul Sturdza, iar foarte multe lucruri asupra cărora nu ne puteam înțelege în trecut și care generau o stare de neîncredere între noi au fost, în sfârșit, discutate.

Noi conștientizăm foarte bine, a observat prim-ministrul, însemnătatea mondială a evenimentelor de la 1877 și impactul lor asupra destinului României și Bulgariei; este măgulitor faptul că noi și regele nostru jucăm un rol important în acestea și ne este, desigur, foarte plăcut să auzim cuvinte de recunoștință din partea bulgarilor. Pe toată durata aflării pe câmpurile de luptă de la Plevna, regele a fost pătruns puternic de însemnătatea evenimentelor istorice de la 1877 și s-a închinat cu multă pioșenie la mormintele soldaților ruși căzuți la datorie. Regele a adus cu sine o coroană pentru a o depune la monumentul regimentului care îi poartă numele[4]; coroana din bronz a fost confecționată pentru a imortaliza amintirea vizitării de către rege a mormintelor rusești, dar acest monument nu a putut fi găsit în timp util, astfel încât regele a depus coroana la cel mai cunoscut dintre monumentele rusești. Monumentul regimentului de Vologda a fost identificat mai apoi, iar la revenirea la București regele s-a grăbit să comande altă coroană din bronz, care a și fost trimisă acum câteva zile în Bulgaria.

Aducându-vă la cunoștință cele relatate de către miniștrii români, fără a trage vreo concluzie pripită, pentru o mai bună caracterizare a primei mele întrevederi, consider că este de datoria mea să observ că nu i-am provocat deloc pe interlocutorii mei la explicații,

rezumându-mă doar la întreținerea discuției; ei au exprimat doar lucruri pe care, se pare, au intenționat de la început să mi le comunice.

Cu neschimbat respect și devotament total, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 178–179 verso.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Mihail Nikolaevici Giers (1856–1932), ministru plenipotențiar al Imperiului Rus în România în anii 1902–1912. Anterior activase în reprezentanțele diplomatice din Serbia, Persia, Brazilia (și Argentina), China și Bavaria.

[2] Nikolai Karlovici Giers (1820–1895), diplomat de carieră și ministru de Externe al Imperiului Rus în anii 1882–1895. Prin căsătoria cu Olga E. Cantacuzino (Kantakuzen), înrudit cu nobilimea română. Fiica sa, Olga, a fost căsătorită cu Gheorghe Rosetti-Solescu (ministru plenipotențiar al României la Sankt-Petersburg în anii 1895–1911). A se vedea și doc. nr. 48 din 7 septembrie 1900.

[3] A se vedea doc. anterior.

[4] Tot acolo.

91

Бухарест, 26 ноября 1902 г., № 38. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

20-го числа текущего ноября месяца я имел честь вручить Его Величеству королю Карлу, на торжественной аудиенции, высочайшую грамоту, аккредитующую меня в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра государя императора при румынском дворе.

За два дня до торжественной аудиенции король принял меня частным образом и продержал у себя более двух часов. На этом частном приёме король выразил мне в самых прочувственных словах, что он глубоко тронут милостивым приветом, переданным мною Его Величеству от высочайшего имени государя императора, что в его памяти неизгладимы воспоминания о крайне лестном для него приёме, оказанном ему в России[1], и что всемилостивейший ответ государя на телеграмму, посланную королём Его Императорскому Величеству из Плевны, был радостным событием, как для самого короля, так и для румынского народа.

При этом король сообщил мне, что из признания генерал-адъютанта Куропаткина[2] он убедился, что государь император, при милостивом назначении короля шефом русского полка, лично соизволил выбрать именно Вологодский полк, знав, что этот полк вошёл в Гривицкий редут вместе с румынскими войсками, каковое обстоятельство было неизвестно нашему военному министру.

Дальнейший разговор лишь изредка касался политических вопросов,– Его Величество, видимо, стараясь придать аудиенции вполне частный характер.

Тем не менее, говоря о парижской выставке[3], король заявил, что он был очень доволен тем, что Румыния могла принять в ней участие и выставить образцы минеральных богатств Добруджи; вообще, прибавил король, взамен части Бессарабии,

отошедшей к России, Румыния получила страну, представляющую несравненно больше богатств и имеющую будущность.

Я не мог не заметить Его Величеству, что мне приятно слышать подобное заявление из его уст.

Развивая мысль о значении Добруджи, король говорил с особенным удовольствием об ожидаемых им и живо его интересующих благих последствиях от обладания морским портом Кюстендже (Констанца). Морское дело совершенно для него новое, и он надеется на развитие морской торговли и морских прямых сообщений Румынии с Грецией и Египтом, с целью привлечь в Румынию путешественников, направляющихся в Каир. Уже установлены прямые рельсовые сообщения с Западом[4], и король был бы рад всеми мерами содействовать соединению магистральной рельсовой линией железнодорожных путей России и Румынии, лично испытав при возвращении своём из Петербурга в Бухарест, путём через Киев[5], насколько неудобны обязательные ныне круговые объезды через Венгрию.

С неизменным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 180–181.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.
.

[1] Здесь имеется в виду поездка короля Карла в Россию, состоявшаяся в июле 1898 г.
[2] Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925). Российский военный министр в 1898–1904 гг.
[3] Имеется в виду Всемирная Парижская Выставка 1900 г. На ней Румыния представила ряд экспонатов, расположенных в четырёх павильонах, в том числе: центральный павильон, спроектированный французским архитектором Жаном-Камилем Формиже; типичный крестьянский дом, в котором был устроен ресторан; табачный киоск; и, наконец, отдельный павильон, посвящённый румынской нефти.
[4] Через территорию Австро-Венгрии.
[5] В июле 1898 г.

București, 26 noiembrie 1902, nr. 38. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe data de 20 a lunii noiembrie în curs, în timpul unei audiențe festive, am avut onoarea de a înmâna Majestății Sale regelui Carol înalta scrisoare prin care sunt acreditat în calitate de trimis extraordinar și ministru plenipotențiar al Majestății Sale imperiale pe lângă Curtea Regală română.

Cu două zile înainte de audiența festivă, regele mi-a oferit o discuție privată care a durat peste două ore. La această primire privată, regele mi-a comunicat în cele mai emoționante cuvinte că el este profund impresionat de urarea pioasă transmisă Majestății Sale în preaînaltul nume al stăpânului nostru împăratul, afirmând că în memoria sa rămân mereu proaspete amintirile despre primirea deosebit de măgulitoare care i-a fost făcută în Rusia[1] și că răspunsul binevoitor al împăratului la telegrama trimisă de rege Majestății Sale Imperiale de la Plevna s-a constituit întru-un eveniment fericit atât pentru regele însuși cât și pentru poporul român.

Odată cu aceasta, regele mi-a comunicat faptul că, din mărturisirea generalului Kuropatkin[2], el s-a convins că stăpânul nostru împăratul, atunci când, prin mare bunăvoință,

l-a numit pe rege şef al regimentului rus, a dispus personal să fie ales anume Regimentul de Vologda, știind că acest regiment a pătruns în reduta de la Grivița alături de trupele române, amănunt cu care ministrul nostru de război nu era la curent.

În continuare, discuția a atins rareori chestiuni politice, Majestatea Sa încercând, se pare, să ofere audienței un caracter exclusiv privat.

Cu toate acestea, referindu-se la Expoziția de la Paris[3], regele a declarat că el a fost foarte mulțumit de faptul că România a putut să participe și să expună mostre ale bogățiilor minerale ale Dobrogei; în genere, a completat regele, în schimbul părții Basarabiei care a trecut la Rusia, România a primit o țară ce posedă incomparabil mai multe resurse și care are un viitor asigurat.

Nu am putut să nu îi spun Majestății Sale că mie îmi face plăcere să aud o astfel de declarație chiar din gura sa.

Dezvoltând ideea despre importanța Dobrogei, regele a vorbit cu o plăcere deosebită despre consecințele binefăcătoare care îl interesează și pe care el le așteaptă de la stăpânirea portului maritim Küstendje (Constanța). Domeniul maritim este cu totul nou pentru el și el îşi pune speranțele în dezvoltarea comerțului pe mare și în legăturile directe pe mare între România, Grecia şi Egipt, cu scopul de a atrage în România călători care se îndreaptă spre Cairo. Deja au fost stabilite legături directe pe calea ferată cu Occidentul[4] și regele ar fi foarte bucuros să poată contribui prin toate mijloacele la inaugurarea unei magistrale de cale ferată între Rusia și România, deoarece a experimentat personal, la întoarcerea de la Petersburg la Bucureşti prin Kiev[5], cât de deranjante sunt ocolurile obligatorii actuale prin Ungaria.

Cu neschimbat respect și devotament total, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 180–181.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Trimitere la călătoria regelui Carol în Rusia în iulie 1898.

[2] Alexei N. Kuropatkin (1848–1925), ministru de Război în anii 1898–1904.

[3] Expoziția Universală de la Paris din anul 1900, la care România a amenajat patru pavilioane: pavilionul central (proiectat de arhitectul francez Jean-Camille Formigé); o casă țărănească în care a funcționat un restaurant; un chioşc al tutunului; un pavilion al petrolului.

[4] Prin Austro-Ungaria.

[5] În iulie 1898.

92

Бухарест, 13 декабря 1902 г., № 38. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Считая своим долгом доводить до сведения Вашего Сиятельства о всех фактах, имеющих какое-либо касательство к взаимным нашим отношениям с Румынией, я не могу обойти молчанием дошедший до меня слух, из источника вполне заслуживающего доверия, что высшие правительственные сферы в Бухаресте были крайне взволнованы

появившимися в «Русском инвалиде»[1] статьями генерала Паренсова[2], весьма нелестно, будто бы, отзывающегося о действиях румын под Гривицей.

В защиту своих соотечественников выступил на днях, неоднократно ездивший в Россию, полковник Генерального штаба Авереску[3], напечатавший в румынском военном сборнике[4] ответную статью, немедленно вслед затем переведённую на французский язык в официозном органе министерства иностранных дел „l'Indépendance Roumaine"[5].

Я имею повод предположить, что этот ответ был составлен не без ведома Его Величества короля Карла.

Имею честь приложить при сём в вырезке французский его текст[6]. Я не читал статей генерала Паренсова и не имею никаких оснований предполагать, что исторические события, им же пережитые на полях битвы, изложены им неверно.

При всём том, не скрою от Вашего Сиятельства, что при нынешних политических обстоятельствах в Румынии и при болезненно ревнивом отношении короля Карла ко всему, что могло бы умалить его военную славу, я считал бы весьма желательным, насколько возможно, избегать ныне же разоблачать обстоятельства, могущие набросить тень на поведение румынских войск под Плевной.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 192–194.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Газета, основанная в 1813 г. Издавалась в Санкт-Петербурге. В 1862–1917 гг. являлась официальным изданием военного министерства.

[2] Пётр Дмитриевич Паренсов (1843–1914). Российский генерал. В 1877 г. участвовал в сражениях на балканском фронте русско-румынско-турецкой войны. Некоторое время находился в непосредственном подчинении короля Карла. В 1879–1880 гг. служил в болгарской армии и занимал должность военного министра Болгарии. В 1898–1902 гг. был комендантом варшавской крепости. Часть его мемуаров, касавшихся войны 1877–1878 гг., была опубликована в газете «Русский инвалид». Упоминаемые в этом донесении статьи Паренсова действительно там были опубликованы, в частности, в нескольких номерах, вышедших 30 и 31 октября и 1 ноября 1902 г.

[3] Александру Авереску (1859–1938). Румынский военный и политический деятель. В 1896–1898 гг. был румынским военным атташе в Берлине. С 1899 до 1904 г. руководил организационно-мобилизационным отделом румынского Генерального штаба. Впоследствии займёт целый ряд высших военных и политических должностей. Станет, в том числе, начальником Генерального штаба и премьер-министром.

[4] «Армейский Журнал» (Revista Armatei). Основан в 1887 г. В 1902 г. его главным редактором был Александру Телль.

[5] См.: *Une singulière coïncidence. A propos de la prise de Grivitza* // „Indépendance Roumaine". 1902. 11 et 12 décembre 1902. Подробнее об этой русско-румынской полемике, разразившейся в тогдашней печати по поводу войны 1877–1878 гг., также см.: *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică personală și oficială (1895–1911). Petersburg* / Ed R. Dinu, A.-B. Ceobanu. Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2016. P. 254–256, прим. 3–4.

[6] Не публикуется.

București, 13 decembrie 1902. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Considerând că este de datoria mea să aduc la cunoştinţa Luminăţiei Voastre toate faptele care au o oarecare tangență cu relațiile noastre cu România, nu pot să trec cu vederea zvonul care a ajuns până la mine, dintr-o sursă care poate fi considerată de încredere, potrivit

căruia cercurile guvernamentale înalte de la București au fost foarte deranjate de articolele apărute în „Russkii Invalid”[1], semnate de către generalul Parensov[2], în care acțiunile românilor la Grivița ar fi prezentate într-o lumină nefavorabilă.

Zilele trecute, în apărarea conaționalilor săi a sărit colonelul Marelui Cartier General Averescu[3], care a călătorit de mai multe ori în Rusia și care a publicat, într-o broșură militară[4], un articol de răspuns, tradus imediat în limba franceză și reprodus în organul de presă oficial al Ministerului Afacerilor Străine „l'Indépendance Roumaine”[5].

Am temeiul să presupun că acest răspuns nu a fost elaborat fără știrea Majestății Sale, regele Carol.

Am onoarea de a vă pune la dispoziție, în extras, textul în limba franceză[6]. Eu nu am avut ocazia să citesc articolele generalului Parensov și nu am nici un motiv să presupun că evenimentele istorice trăite chiar de el pe câmpurile de luptă nu ar fi fost prezentate corect.

Totuși, nu pot să ascund de Luminăția Voastră faptul că, în condițiile politice actuale din România, ținând cont și de atitudinea dureros geloasă a regelui Carol față de orice ar putea pune sub semnul întrebării gloria sa militară, ar fi de dorit, în măsura în care acest lucru este posibil, de a se evita aducerea în discuție a unor noi circumstanțe care ar putea arunca o umbră asupra comportamentului armatelor române la Plevna.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 192–194.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] Ziar fondat în 1813. Apărea la Sankt-Petersburg. Între 1862 și 1917 a fost publicat de Ministerul de Război.

[2] Petr Dmitrievici Parensov (1843–1914). General rus. În 1877 a participat la luptele din Balcani, aflându-se, un timp, în subordinea regelui Carol. În 1879–1880 a activat în armata bulgară, în calitate de ministru. În anii 1898–1902 a fost comandant al Cetății Varșoviei. O parte din memoriile sale privind războiul din 1877–1878 au fost publicate în „Russkii invalid”. Trimiterile din acest raport se referă la articolele publicate în „Russkii invalid” în numerele din 30, 31 octombrie și 1 noiembrie 1902.

[3] Alexandru Averescu (1859–1938), militar și om politic român. În anii 1896–1898 a fost atașat militar la Berlin, iar între 1899 și 1904 a condus Secția de Organizare-Mobilizare a Marelui Stat Major. Ulterior va deține importante funcții miltare și politice.

[4] „Revista Armatei”. A fost înființată în 1887. La 1902 era condusă de Alexandru Tell.

[5] *Une singulière coïncidence. A propos de la prise de Grivitza*, în „Indépendance Roumaine”, 11 et 12 Décembre 1902. Pentru polemica publicistică ruso-română privind războiul din 1877–1878, a se vedea și *Gheorghe Rosetti-Solescu. Corespondență diplomatică personală și oficială (1895–1911). Petersburg*, editori Rudolf Dinu, Adrian-Bogdan Ceobanu, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2016, p. 254–256, notele 3–4.

[6] Nu se publică.

93

Бухарест, 19 декабря 1902 г., № 42. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Приём, оказанный королю Карлу в Болгарии, произвёл на короля столь сильное впечатление[1], что Его Величество говорит о нём с особенным удовольствием, как только представляется к тому случай.

Недели две тому назад, принимая в частной аудиенции моего французского товарища, господина Анри[2], король не преминул завести речь о своей поездке в Плевну.

Он начал разговор с заявления, что напрасно предполагают, что чувство благодарности не может существовать в сношениях между народами. Он убедился, что, по крайней мере, в слабых государствах, оно хранится свято, и сомневаться в этом не может никто из присутствовавших при восторженных и трогательных уверениях болгар в душевной к нему признательности.

Король отозвался в тёплых выражениях о дружественных отношениях, установившихся между его и княжеским правительствами, и добавил, что он воспользовался обстоятельствами для откровенного объяснения с князем Фердинандом и болгарскими министрами по поводу македонских событий[3]. Он, будто бы, настаивал перед князем на необходимости и пользе для слабых государств держать себя в стороне от брожения умов и народных движений в христианских провинциях Турции, предоставив великим державам самим разобраться, как знают, в происходящем в этих провинциях хаосе.

Его Величество, будто бы, высказал при этом князю, что ему, королю, положительно известно из верного источника, что Россия никогда не согласится распространить власть князя Фердинанда на Македонию, так как увеличение территории Болгарии нисколько не входит в интересы России[4].

Господин Анри поведал мне, что, удивлённый откровенностью короля, он пытался, будто бы, узнать, из какого именно верного источника Его Величество посвящён в намерения России, но король отклонил его расспросы.

Считаю долгом присовокупить, что разговор короля с моим французским товарищем происходил ещё до получения в Бухаресте известия о поездке Вашего Сиятельства в Белград и Софию[5]. Путешествие же короля Карла в Болгарию было предпринято, насколько здесь утверждают, исключительно по личному почину Его Величества, без предварительного запроса мнения венского кабинета, лишь предупреждённого о том, что состоится свидание короля с князем Фердинандом. Во время же пребывания короля в Болгарии, его министр иностранных дел, господин Брэтиану[6], совершал свою первую политическую поездку за границу, побывав в Вене, Париже и Берлине.

Как Вашему Сиятельству небезызвестно, в Румынии следят с живейшим вниманием за развитием Болгарии. Мысль о возможности увеличения княжества наводит страх на румын, опасающихся, что сильная Болгария будет стремиться отнять у них Добруджу.

С неизменным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 668, Листы 197–198.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

[1] Об этом см.: *Carol I. Corespondenţa personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. Bucureşti, Tritonic, 2005. P. 413–414.

[2] Арсен Анри.

[3] Здесь имеется в виду восстание, вспыхнувшее под руководством Верховного македонского комитета в сентябре 1902 г. в области Джумайя (Cuma-ı Bala). Подробнее см.: Adanır F. *Op. cit.* S. 150–153.

[4] В конце XIX и начале XX в. Россия последовательно пыталась играть роль посредника в отношениях между балканскими государствами. В этом смысле, российская дипломатия активно

выступала за сохранение Македонии в составе Османской империи. Русско-болгарская военная конвенция была подписана в мае 1902 г. во время визита болгарского князя Фердинанда в Санкт-Петербург. Она гарантировала территориальную целостность Болгарии, но её положения не могли быть использованы против других государств. Подробнее об этом см.: Киняпина Н.С. *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898).* Москва, Издательство Московского университета, 1994. С. 149–166; Мартыненко А. К. *Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг.* Киев, Издательство Киевского университета, 1967. С. 270–285; Стателова Е., Попов Р., Танкова В. *Указ. соч.* С. 272; Рыбачёнок И. С. *Политика России на Балканах…*, С. 393–424; Зайцев В. В. *Российский министр иностранных дел об отношении России с Сербией и Австро-Венгрией (две инструкции графа В. Н. Ламздорфа 1904 и 1906 годов)* // Russian History. Pittsburgh (Pa.). Vol. 31. 2004. № 3. С. 257–258; Сквозников А. Н. *Российская дипломатия о путях решения македонской проблемы в конце XIX – начале XX века* // Известия Самарского научного центра РАН. № 12. Самара, 2010. С. 82–86.

[5] Во время своего визита в Софию, который состоялся 13–15 декабря 1902 г., граф Ламсдорф заявил болгарским официальным лицам, что Россия не позволит, чтобы её втянули в конфликты, разжигаемые македонскими комитетами. Об этом см.: Зайцев В. В. *Указ. соч.* С. 277; Палангурски М. *Россия и болгарские попытки достижения национального суверенитета (1898–1903 гг.)* // Дриновськй збірник. Т. 7. Харків, 2014. С. 258; Стателова Е., Попов Р., Танкова В. *Указ. соч.* С. 277–278. В письмах, адресованных в декабре 1902 г. своему брату, Фридриху фон Гогенцоллерну, и своей сестре, Марии Фландрской, король Карл высоко оценивал дипломатические инициативы графа Ламсдорфа и, прежде всего, его поездку в Белград, Софию и Вену. Румынский монарх утверждал: «Целью [этих поездок] является сохранение мира на Балканском полуострове». Об этом см.: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 414–416.

[6] Ион И. К. Брэтиану.

București, 19 decembrie 1902, nr. 42. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Primirea acordată regelui Carol în Bulgaria l-a impresionat atât de mult pe rege[1], încât Majestatea Sa vorbește despre aceasta cu o deosebită plăcere, ori de câte ori are ocazia.

Acum circa două săptămâni, în timpul unei audiențe private oferite tovarășului meu francez, domnul Henry[2], regele nu a ezitat să aducă în discuție călătoria sa la Plevna.

El a început discuția cu declarația că se vorbește în zadar despre lipsa sentimentului de recunoștință în relațiile dintre popoare. El s-a convins că, cel puțin în cazul statelor mici, acest sentiment este păstrat cu sfințenie și că nimeni dintre aceia care au fost de față la exprimarea de către bulgari a asigurărilor entuziasmante și emoționante de recunoștință sufletească nu se poate îndoi de acest lucru.

Regele a vorbit cu multă căldură despre relațiile de prietenie instaurate între guvernul său și cel al principatului, adăugând că el a profitat de ocazie pentru a discuta sincer cu principele Ferdinand și miniștrii bulgari despre evenimentele din Macedonia[3]. Potrivit mărturiilor sale, el ar fi insistat pe lângă principe în legătură cu necesitatea și utilitatea ca statele mici să se țină departe de înfierbântarea minților și revoltele populare din teritoriile creștine ale Turciei, lăsând Marilor Puteri posibilitatea de a găsi soluții, așa cum știu ele, la haosul instaurat în aceste provincii.

În acest context, Majestatea Sa i-ar fi spus principelui că el, regele, știe dintr-o sursă de încredere că Rusia nu va fi niciodată de acord cu extinderea puterii principelui Ferdinand asupra Macedoniei, deoarece lărgirea teritorială a Bulgariei nu s-a numărat niciodată printre interesele Rusiei[4].

Domnul Henry mi-a relatat că, fiind surprins de sinceritatea regelui, ar fi încercat să afle din care anume sursă își ia Majestatea Sa informațiile despre intențiile Rusiei, dar regele a lăsat fără răspuns aceste întrebări.

Consider că este de datoria mea să adaug că discuția regelui cu tovarășul meu francez s-a consumat înainte de sosirea la București a știrii despre călătoria Luminăției Voastre la Belgrad și Sofia[5]. Însă voiajul regelui Carol în Bulgaria a avut loc, așa cum se afirmă aici, exclusiv la inițiativa Majestății Sale, fără a se fi cerut în prealabil acordul guvernului de la Viena, care a fost doar informat despre preconizata întrevedere a regelui cu principele Ferdinand. În timpul aflării regelui în Bulgaria, ministrul său al afacerilor străine, domnul Brătianu[6], efectua prima sa călătorie politică în afara țării, vizitând Viena, Parisul și Berlinul.

Așa cum Luminăția Voastră cunoaște deja, dezvoltarea Bulgariei este urmărită cu foarte mare atenție în România. Gândul privind posibilitatea măririi principatului îi sperie pe români, cărora le este teamă că o Bulgarie puternică va încerca să le ia Dobrogea.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 668, filele 197–198.
Копия в ЦНИА, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII, dosar nr. 14.

---

[1] *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 413–414.

[2] Arsène Henry.

[3] Trimitere la răscoala declanșată de Comitetul Suprem Macedonean în luna septembrie 1902 în regiunea Džumaja (Cuma-ı Bala) (Fikret Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979, p. 150–153).

[4] La sfârșitul secolului XIX – începutul secolului XX, Rusia a încercat să joace rolul de mediator în relațiile dintre statele balcanice și a militat pentru rămânerea Macedoniei în componența Imperiului Otoman. Convenția militară ruso-bulgară din mai 1902, încheiată în timpul vizitei principelui bulgar Ferdinand la Sankt-Petersburg, garanta integritatea teritorială a Bulgariei, dar nu putea fi folosită împotriva altor state. A se vedea, pe larg: Н.С. Киняпина, *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898)*, Москва, Издательство Московского университета, 1994, p. 149–166; А. К. Мартыненко, *Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг.*, Киев, Издательство Киевского университета, 1967; Елена Стателова, Радослав Попов, Василка Танкова, *История на българската дипломация, 1879–1913 г.*, София, Фонадация Отворено общество, 1994, p. 272; И. С. Рыбачёнок, *Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы*, în *Труды Института российской истории*, выпуск 9, отв. ред. А. Н.Сахаров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая, Москва, Российская академия наук, Институт российской истории, 2010, p. 393–424; В. В. Зайцев, *Российский министр иностранных дел об отношении России с Сербией и Австро-Венгрией (две инструкции графа В. Н. Ламздорфа 1904 и 1906 годов)*, în „Russian History”, 31, 2004, nr. 3, p. 257–258; А. Н. Сквозников, *Российская дипломатия о путях решения македонской проблемы в конце XIX – начале XX века*, în „Известия Самарского научного центра РАН”, 12, 2010, nr. 12, p. 82–86.

[5] În timpul vizitei la Sofia, în zilele de 13–15 decembrie 1902, contele Lamsdorff le-a declarat oficialilor bulgari că Rusia nu va permite atragerea sa în conflictele declanșate de comitetele macedonene (Зайцев, *Российский министр иностранных дел об отношении России с Сербией и Австро-Венгрией*, p. 277; М. Палангурски, *Россия и болгарские попытки достижения национального суверенитета (1898–1903 гг.)*, în „Дриновський збірник”, Харків. 2014, tom. 7, p. 258; Стателова, *История на българската дипломация, 1879–1913 г.*, p. 277–278). În scrisorile pe care le trimitea în decembrie 1902 lui Fritz von Hohenzollern și Mariei de Flandra, regele Carol elogia inițiativele diplomatice ale contelui Lamsdorff și călătoria sa la Belgrad, Sofia și Viena: „Scopul [acestora] este menținerea păcii în Peninsula Balcanică” (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 414–416).

[6] Ion I. C. Brătianu.

94

Бухарест, 11 января 1903 г., № 5. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Доверительно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вопрос о реформах в македонских провинциях Оттоманской империи[1] возбуждает за последнее время некоторую тревогу и опасения в правительстве и общественном мнении Румынского королевства. Румыния нисколько не подготовлена к каким-либо внешним осложнениям. Занятая упорядочением финансового своего положения и введением экономии в своих расходах, она, в настоящее по крайней мере время, желает более всего сохранения спокойствия и политического *status quo* на Балканском полуострове. При всём том, поддаваясь чрезмерному своему самомнению и убеждению в цивилизаторском своём призвании на Востоке, она опасается, что силой обстоятельств в ближайшем её соседстве разыграются политические события вне её участия и в ущерб её будущности.

Колебания между чувством необходимости мира и спокойствия и страхом быть обделёнными придаёт румынским сановникам некоторую нервность и растерянность в суждениях о македонских делах. Они забегают ко мне, и, в особенности, к австрийскому моему коллеге[2], для выяснения характера реформ, требуемых для Македонии, и степени воздействия на Порту, нами допускаемой[3].

Несколько дней тому назад зашедши ко мне, господин Стурдза навёл разговор на газетные слухи о возможности крупных осложнений на Востоке и стал усиленно распространяться по поводу глубокого, будто бы, своего убеждения, что все великие державы желают, прежде всего, мира и что совершенно нелепы толки касательно исторического, будто бы, призвания России проливать кровь за христиан каждую четверть века. При этом господин Стурдза не преминул уверить меня в особенной благонамеренности Румынии, могущей служить примером другим государствам Балканского полуострова. Возвращаясь к любимым им историческим воспоминаниям, господин Стурдза поведал мне, что четверть века тому назад, когда Румыния волновалась по поводу необходимости уступить нам часть Бессарабии, он был послан к князю Бисмарку за содействием и советом[4]. На его сетования князь, будто бы, ответил ему: «Что прикажете делать? Прикажете ли воевать из-за Вас? Никогда этого не будет; и поверьте, никогда великая держава не пожертвует своими интересами в пользу маленького государства»".

Господин Стурдза утверждает, что этот ответ настолько поразил его, что он никогда, будто бы, не терял его из виду в дальнейшей его деятельности. Он желал бы, чтобы и другие балканские государства прониклись высказанной ему истиной.

В своих беседах со мной господин Стурдза ни разу не коснулся вопроса о куцовлахах. О них упомянул мне лишь министр иностранных дел, господин Брэтиану, видимо, крайне озабоченный будущей судьбой Македонии.

Свои сомнения относительно возможности сохранения спокойствия в македонских провинциях, господин Брэтиану основывает на том, как сообщил он мне, что ещё нынешней осенью, при посещении им Вены, Парижа и Берлина, он мог констатировать некоторую неуверенность по отношению к этим провинциям.

«Вы поймёте, сказал он мне, что этот вопрос нас живо интересует, уже главным образом, потому что, если будут осложнения, то это в ближайшем нашем соседстве, а затем мы имеем единоплеменников в Македонии».

Министр иностранных дел старался выпытать у меня, насколько правдоподобен пущенный, будто бы, англичанами слух, что Македонии будет дана автономия и что над её финансами будет установлен европейский контроль.

Я возразил своему собеседнику, что, не будучи знаком с этим проектом реформ[5], выработанных императорским[6] и австро-венгерским послами в Константинополе[7], я могу лишь высказать ему моё убеждение, что цель, преследуемая нами, состоит именно в том, чтобы отнять у македонских событий их резкий и опасный характер и содействовать установлению порядка вещей, при коем жизнь христианского населения была бы обеспечена.

Эта цель вполне отвечает интересам Румынии и самой Порты, и все страны, желающие ей добра, несомненно, в один голос объяснят ей, что ей следует идти навстречу благим нашим пожеланиям.

Разговор мой с господином Брэтиану происходил в обычный день его приёма в министерстве иностранных дел. Вслед за мной его посетил мой французский коллега, вынесший одинаковые со мной впечатления касательно недоумения и опасений министра.

Господин Анри[8] заметил, будто бы, даже некоторое недоверие со стороны господина Брэтиану к действиям Австрии. Министр спросил его, не находит ли он странным, что две державы выступают и говорят от имени Европы в вопросе, близко касающемся интересов всех держав.

Господин Анри, хотя, по его уверениям, и не имел специальных на то указаний от своего правительства, ответил, будто бы, министру самым категорическим образом, руководствуясь сообщёнными мною ему сведениями, что не подлежит ни малейшему сомнению, что Франция вполне сочувствует и поддерживает все начинания России на пути улучшения положения христиан в Македонии.

Этот его ответ произвёл, будто бы, сильное впечатление на господина Брэтиану.

Насколько я могу заключить из всего увиденного мной со времени моего приезда в Бухарест, главная забота румын состоит не в улучшении быта или в защите куцо-влахов, попечение об интересах коих они рады были бы отложить на неопределённое время, но в стремлении помешать, насколько возможно, усилению Болгарского княжества из опасения за задунайскую свою провинцию[9], населённую, главным образом, болгарами[10], и страха утерять первенствующее значение среди балканских государств, в коем они так уверены и коим любят кичиться.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 12–14 об.

---

[1] Подробнее об этом см.: Hacısalihoğlu M. *Die Jungtürken und die Mazedonische Frage (1890–1918).* München, R. Oldenbourg Verlag, 2003. S. 101 etc.

[2] Иоганн, маркграф фон Паллавичини.

[3] Более подробно о вмешательстве великих держав в македонский кризис в первые годы XX века см.: *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire* / Ed. by M. Kent. London, Frank Cass, 2005; Adanır. *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*. S. 153–159.

[4] Подробнее об отношении канцлера Отто фон Бисмарка к русско-румынским территориальным договорённостям, достигнутым после завершения войны 1877–1878 гг. см.: Damean S. *România și Congresul de Pace de la Berlin (1878)*. București, Editura Mica Valahie, 2011. P. 49 etc.

[5] План проведения целого ряда реформ в Македонии был представлен в начале 1903 г. и воспринят с одобрением в европейских дипломатических кругах. Османское правительство получило официальное уведомление о подготовке этого плана 8 (21) февраля 1903 г. Оно согласилось принять данный план реформ через два дня (Adanır. *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*. S. 159).

[6] Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917), российский дипломат и востоковед. Начал свою службу в Архиве Министерства иностранных дел. В 1871 г. назначен дипломатическим агентом в Бухаресте. С 1876 г. служил посланником в Персии. Позднее занимал должность директора Азиатского департамента МИД. Был также посланником в Швеции и Норвегии. Занимал пост российского посла в Стамбуле в 1897–1909 гг. На этом посту отличался довольно осторожной и благоразумной политикой в отношении Османской империи. Пытался воспрепятствовать турецко-германскому сближению.

[7] Генрих фон Каличе (1831–1912), австрийский и австро-венгерский юрист и дипломат. В начале своей дипломатической карьеры служил в качестве секретаря, делегированного империей Габсбургов в состав Европейской Дунайской Комиссии. Позднее занимал должность консула в Ливерпуле, в Японии и в Китае. В 1874–1876 гг. дипломатический агент в Бухаресте. Занимал должность австро-венгерского посла в Стамбуле между 1880 и 1906 гг.

[8] Арсен Анри.

[9] Добруджу.

[10] В 1900 г. население Добруджи составляло, в общей сложности, около 270 тыс. человек. Из них около 50% были румынами, 15% – болгарами, 11% – татарами, 10% – русскими, 5% – турками, 3% – немцами, 3% – греками, 1% – армянами, 1% – цыганами, 1% – евреями и представителями других этнических групп. Подсчитано на основе: *Recensământul general al populațiunei României. Rezultate definitive, precedate de o introducțiune cu explicațiuni și date comparative* / Ed. L. Colescu. București, Institutul de Arte Grafice „Eminescu", 1905. P. 32, 94. Об этом также см.: Iordachi C. *Citizenship, Nation– and State–Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913*. Pittsburg, University of Pittsburg Press, 2002. P. 36–38.

București, 11 ianuarie 1903, nr. 5. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Confidențial

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Chestiunea reformelor din provinciile macedonene ale Imperiului Otoman[1] a generat în ultimul timp o anumită stare de neliniște și teamă printre membrii guvernului și în opinia publică din Regatul Român. România nu este deloc pregătită pentru eventuale complicații externe. Fiind ocupată cu reorganizarea finanțelor proprii și promovarea unor politici de economisire, țara își dorește, cel puțin pentru moment, păstrarea liniștii și a *status quo*-ului în Peninsula Balcanică. În tot acest context, captivată de autoaprecierile exagerate și de convingerea în chemarea sa civilizatoare în Orient, acesteia îi este frică de faptul că, într-o anumită conjunctură, în proximitatea sa vor avea loc evenimente politice fără propria participare și în dauna viitorului său.

Oscilarea între sentimentul necesității păcii și liniștii și al temerii de a fi nedreptățiți le induce înalților demnitari români o anumită nervozitate și descumpănire în judecățile privind afacerile macedonene. Ei mă vizitează foarte des pe mine și, în special, pe colegul meu austriac[2], pentru clarificarea caracterului reformelor solicitate în Macedonia și a gradului presiunilor asupra Porții admise de noi[3].

Domnul Sturdza, care mi-a făcut o vizită acum câteva zile, a condus discuția către zvonurile de presă privitoare la posibile mari complicații în Orient, insistând îndelung asupra

faptului că, potrivit convingerilor sale, Marile Puteri își doresc în primul rând pacea și, de asemenea, asupra faptului că sunt lipsite de orice temei insinuările stupide că Rusia ar avea o chemare istorică de a vărsa sânge pentru creștini o dată la un sfert de secol. Totodată, domnul Sturdza nu a pierdut ocazia de a mă asigura de buna credință deplină a României, care poate reprezenta un exemplu pentru alte state din Peninsula Balcanică. Revenind la preferatele sale rememorări istorice, domnul Sturdza mi-a mărturisit că acum un sfert de secol, când România era răvășită de solicitarea de a ne ceda nouă o parte a Basarabiei, el a fost trimis pentru ajutor și sfat la principele Bismarck[4]. Ca răspuns la lamentațiile sale, principele i-ar fi spus: „ce ne ordonați să facem? Ne veți ordona să luptăm pentru Dumneavoastră? Acest lucru nu se va întâmpla niciodată; vă rog să mă credeți că Marile Puteri nu-și vor sacrifica nicicând interesele pentru un stat mic".

Domnul Sturdza afirmă că acest răspuns l-a surprins cumva și că el nu l-a pierdut din vedere niciodată în activitatea sa ulterioară. El și-ar dori ca și celelalte state balcanice să fie pătrunse de adevărul ce i-a fost comunicat.

În discuțiile cu mine, domnul Sturdza nu s-a referit niciodată la chestiunea cuțo-vlahilor. Despre aceștia mi-a amintit doar ministrul afacerilor străine, domnul Brătianu, care este, se pare, foarte preocupat de soarta viitoare a Macedoniei.

Așa cum mi-a spus, domnul Brătianu își fundamentează îndoielile privitoare la posibilitatea păstrării liniștii în provinciile macedonene pe faptul că, în această toamnă, în timpul vizitării Vienei, Parisului și Berlinului, a putut să constate o anumită nesiguranță în legătură cu atitudinea față de aceste provincii.

„Dumneavoastră veți înțelege, mi-a comunicat el mie, că, în principal, această chestiune ne interesează foarte mult măcar și din cauza faptului că dacă vor apărea complicații, acestea vor avea loc în proximitatea noastră imediată și, mai apoi, pentru că în Macedonia există conaționali de-ai noștri".

Ministrul afacerilor străine a încercat să afle de la mine cât de credibil poate fi zvonul, lansat se pare de către englezi, că Macedoniei îi va fi acordată autonomie și că asupra finanțelor sale va fi instituit un control european.

I-am răspuns interlocutorului meu că, nefiind la curent cu acest proiect de reforme[5], elaborat de către ambasadorul nostru[6] și cel austro-ungar de la Constantinopol[7], nu pot decât să-mi exprim propria convingere, anume că scopul urmărit de noi constă în a elimina din factorul macedonean caracterul radical și periculos al lucrurilor și de a contribui astfel la instaurarea unei ordini care va asigura condiții normale de viață pentru populația creștină.

Acest scop corespunde întru totul intereselor României și ale Porții, iar toate țările, care îi doresc acesteia din urmă binele, îi vor explica, fără îndoială, la unison, că ea trebuie să meargă în întâmpinarea intențiilor noastre binevoitoare.

Discuția mea cu domnul Brătianu a avut loc în ziua obișnuită a audiențelor de la Ministerul Afacerilor Străine. În urma mea, el a primit vizita colegului meu francez, care a plecat cu aceleași impresii privind nedumeririle și temerile ministrului.

Domnul Henry[8] a observat chiar la domnul Brătianu o anumită neîncredere față de acțiu-nile Austriei. Ministrul l-a întrebat dacă nu i se pare ciudat faptul că două puteri ies în față și vorbesc în numele Europei într-o chestiune care privește îndeaproape interesele tuturor statelor.

Chiar dacă, potrivit asigurărilor sale, nu a avut pentru aceasta instrucțiuni speciale din partea guvernului său, domnul Henry i-ar fi răspuns ministrului, în cel mai categoric mod, că nu există nici cea mai mică îndoială asupra faptului că Franța este de acord și sprijină toate inițiativele Rusiei pe calea ameliorării situației creștinilor din Macedonia.

Acest răspuns al său ar fi făcut o impresie puternică asupra domnului Brătianu.

După tot ce am văzut de la sosirea mea la Bucureşti, aş putea trage concluzia că principala grijă a românilor constă nu atât în îmbunătățirea vieții cotidiene sau în protejarea cuţovlahilor, patronarea intereselor cărora ei ar fi fericiți să o amâne chiar pentru o perioadă nedeterminată, ci în dorința de a împiedica, atât cât este posibil, întărirea principatului bulgar, din cauza temerilor legate de provincia lor de peste Dunăre[9], populată în special de către bulgari[10], și a fricii de a pierde întâietatea printre statele balcanice, întâietate de care sunt foarte convinși și cu care le place să se fălească.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 12–14 verso.

---

[1] Pe larg: Mehmet Hacısalihoğlu, *Die Jungtürken und die Mazedonische Frage (1890–1918)*, München, R. Oldenbourg Verlag, 2003, p. 101 și urm.

[2] Johann Markgraf von Pallavicini.

[3] Pentru implicarea Marilor Puteri în criza macedoneană la începutul secolului XX: *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*, ed. by Marian Kent, London, Frank Cass, 2005, Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, p. 153–159.

[4] Pentru atitudinea cancelarului Otto von Bismarck în chestiunea aranjamentelor teritoriale ruso-române de după încheierea războiului de la 1877–1878: Sorin Liviu Damean, *România și Congresul de Pace de la Berlin (1878)*, București, Editura Mica Valahie, 2011, p. 49 și urm.

[5] Planul de reforme în Macedonia a fost prezentat la începutul anului 1903 și s-a bucurat de o bună receptare în mediile diplomatice europene. A fost adus oficial la cunoștința guvernului otoman pe data de 8 (21) februarie 1903, care l-a și acceptat două zile mai târziu (Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, p. 159).

[6] Ivan Alexeevici Zinoviev (1835–1917), diplomat și orientalist rus. Și-a început cariera la Arhiva Ministerului de Externe. În 1871 a fost numit agent diplomatic la București. Din 1876 a fost trimisul Rusiei în Persia. Ulterior a deținut funcția de director al Departamentului asiatic de la Ministerul de Externe și trimis în Suedia și Norvegia. A fost ambasador în Imperiul Otoman în anii 1897–1909. S-a remarcat printr-o politică relativ prudentă față de Imperiul Otoman, încercând să blocheze apropierea turco-germană.

[7] Heinrich von Calice (1831–1912), jurist și diplomat austriac și austro-ungar. La începutul carierei diplomatice a activat în calitate de secretar din partea Imperiului Habsburgic în Comisia Europeană a Dunării, iar ulterior a fost consul la Liverpool, în Japonia și China. Între 1874 și 1876 a fost agent diplomatic la București. Ambasador la Constantinopol între 1880 și 1906.

[8] Arsène Henry.

[9] Dobrogea.

[10] La 1900, populația Dobrogei era de circa 270 mii persoane, dintre care circa 50% erau români, 15% bulgari, 11% tătari, 10% ruși, 5% turci, 3% germani, 3% greci, 1% armeni, 1% țigani, 1% evrei și alte grupuri etnice. Calculat după: *Recensământul general al populațiunei României. Rezultate definitive, precedate de o introducțiune cu explicațiuni și date comparative*, de L. Colescu, București, Institutul de Arte Grafice „Eminescu”, 1905, p. 32, 94. A se vedea și: Constantin Iordachi, *Citizenship, Nation- and State-Building: The Integration of Northern Dobrogea into Romania, 1878–1913*, Pittsburg, University of Pittsburg, 2002, p. 36–38.

95

Бухарест, 12 января 1903 г., № 6. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Доверительно

Милостивый государь Владимир Николаевич,

Телеграммой от 7го января[1] я имел честь доносить Вашему Сиятельству о дошедшем до меня сведении, что лица, считающие себя представителями интересов

куцо-влахов в Румынии и служащие обыкновенно посредниками в сношениях румын с их единоплеменниками, обратились к оттоманскому посланнику в Бухаресте[2] с заявлениями, что куцо-влахи отдают себя в полное распоряжение Порты и готовы выступить в её защиту против притязаний славянских её подданных.

Я имел честь присовокупить, что вышеуказанные лица, как утверждают мне, предупредили короля Карла о своём обращении в турецкую миссию.

Не имея повода сомневаться в верности переданного мне сведения, сообщённого мне из источника, заслуживающего доверия, я, тем не менее, не вижу пока ещё в нём доказательства пробуждения в Румынии усиленного движения в пользу куцо-влахов.

Из донесений моего предшественника Вашему Сиятельству небезызвестно, что за последнее время здесь стали менее принимать к сердцу судьбу куцо-влахов, и что нынешнее правительство господина Стурдзы нашло даже возможность, в прошлом году, сократить сумму, отпускаемую на содержание румынских школ в Македонии с 700.000 франков в год на 300.000 франков[3].

Уже со времени моего приезда в Румынию оппозиционная партия консерваторов стремилась воспользоваться куцо-влахским вопросом для возбуждения общественного мнения против либералов, но попытка её в этом направлении не имела никакого успеха.

Если ныне начинают, хотя и довольно робко, вновь говорить о румынской народности в Македонии, то, полагаю, главным образом, из опасения выпустить из рук орудие, могущее служить средством воздействия на болгар[4]. Думаю, что этим соображением и руководствовался король, жалуясь, как мне стало известно, некоторым из иностранных представителей на то, что болгары Македонии грозят огнём и мечом куцо-влахам, выражающим согласие поступить в жандармерию, учреждаемую турецкими властями.

Вообще же Его Величество выказывает больше спокойствия, в оценке нынешних событий на Балканах, чем его министр иностранных дел[5]. Будучи убеждён в непогрешимости политических своих воззрений и, благодаря родственным и дружественным своим связям, легко осведомляясь о настроении, господствующем в Берлине и Вене, король обнаруживает пока полную уверенность в том, что Россия не желает в настоящее время осложнений и что усиление Болгарии не согласно с её интересами. Его Величество менее уверен в образе действий Болгарского княжества и в понимании им политического своего положения.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 17–20.

---

[1] Не публикуется.

[2] Хюсейн Киазым-бей.

[3] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

[4] Подробно об отношении Румынии к обострению македонского кризиса в начале 1903 г. см.: Nistor I. *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913*. Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009. P. 41 etc.

[5] Ион И. К. Брэтиану.

București, 12 ianuarie 1903, nr. 5. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin telegrama trimisă pe data de 7 ianuarie[1], am avut onoarea să raportez Luminăției Voastre cu privire la informația ajunsă până la mine, conform căreia anumite persoane, care se consideră drept reprezentanți legitimi ai intereselor cuțo-vlahilor din România și care își asumă, de obicei, rolul de intermediari în relațiile românilor cu consângenii lor, s-au adresat trimisului otoman de la București[2], declarându-i acestuia că populația cuțo-vlahă se plasează, în totalitate, la dispoziția Porții și că ar fi gata să iasă, în mod deschis, în apărarea acesteia, împotriva revendicărilor supușilor otomani de origine slavă.

Eu am avut onoarea să adaug că persoanele menționate mai sus, așa cum afirmă sursele mele, l-ar fi avertizat pe regele Carol cu privire la adresarea lor către misiunea diplomatică turcă.

Fără a avea vreun motiv de îndoială privind veridicitatea informației care mi-a fost transmisă, această știre fiindu-mi comunicată de către o sursă demnă de toată încrederea, eu, cu toate acestea, nu văd, cel puțin deocamdată, în aceste informații vreo dovadă clară a trezirii, în România, a unei mișcări puternice în favoarea cuțo-vlahilor.

Din rapoartele predecesorului meu, Luminăția Voastră cunoaște deja că, în ultimul timp, cei de aici au devenit tot mai puțin preocupați de soarta cuțo-vlahilor și că actualul guvern condus de domnul Sturdza a găsit chiar posibilitatea să reducă, anul trecut, suma alocată pentru întreținerea școlilor românești din Macedonia de la 700.000 franci pe an, cât fusese până atunci, cu 300.000 franci[3].

Încă din momentul sosirii mele în România, partidul conservator, aflat în opoziție, a încercat asiduu să se folosească de chestiunea cuțo-vlahă pentru a agita opinia publică împotriva liberalilor, dar toate încercările lor făcute în această direcție nu au avut nici un succes.

Dacă în prezent cei de aici încep din nou să vorbească despre naționalitatea română din Macedonia, chiar dacă încă destul de timid, acest fapt se explică, cred eu, mai ales prin temerea de a scăpa din mână un instrument care ar putea servi drept un mijloc eficient de acțiune asupra bulgarilor[4]. Cred că anume de această considerație s-a și condus regele atunci când, așa cum am aflat nu demult, s-a plâns unora dintre reprezentanții diplomatici străini de aici de faptul că bulgarii din Macedonia amenință să îi treacă prin foc și sabie pe acei cuțo-vlahi, care își exprimă acordul de a intra în rândurile jandarmeriei instituite în prezent de către autoritățile turcești.

Totuși, în general Majestatea Sa dă dovadă de mai mult calm în evaluarea evenimentelor actuale din Balcani decât ministrul său al Afacerilor Străine[5]. Fiind convins de caracterul infailibil al viziunilor sale politice și, grație legăturilor sale familiale și amicale, informându-se destul de ușor și rapid cu privire la starea de spirit care domină guvernele de la Berlin și Viena, regele își manifestă, deocamdată, convingerea fermă și totală privind faptul că Rusia nu dorește, în acest moment, complicații în regiune și că întărirea Bulgariei nu este în acord cu interesele ei. Majestatea Sa are mai puțină încredere în modul de acțiune al Principatului Bulgar și nu este convins că acest stat își conștientizează pe deplin propria situație politică.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 17–20.

[1] Nu se publică.
[2] Hüseyin Kâzım Bey.
[3] A se vedea documentele anterioare referitoare la acest aspect.
[4] Pentru poziția României față de criza macedoneană la începutul anului 1903: Ionuț Nistor, *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913*, Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009, p. 41 şi urm.
[5] Ion I. C. Brătianu.

96

Яссы, 19 января 1903 г., № 3. Петерсон[1] – Гирсу

14-го числа сего месяца в 9½ ч. утра с экстренным поездом прибыл сюда наследный принц Фердинанд для инспекции находящихся в здешнем гарнизоне кавалерийских частей. В инструкциях, полученных военными и гражданскими властями, было сказано, что Его Королевское Высочество должен быть принят в Яссах (не в пример другим провинциальным городам, которые он посетил исключительно как инспектор кавалерии) как наследник престола, вследствие чего и приём был устроен необыкновенно торжественный. У самого вокзала и по главным улицам, где предстоял его проезд, были устроены триумфальные своды; городская администрация выказала чрезвычайную энергию, дабы придать городу чистый и аккуратный вид, которым он в обыкновенное время не отличается. Его Королевское Высочество был принят на вокзале митрополитом[2], городским головой[3], префектом дистрикта[4] и полицейским префектом[5], генералом Ярка[6], – командиром 4го армейского корпуса – и многочисленными второстепенными личностями духовного, гражданского и военного ведомства. Ввиду того, что консульский корпус не получил уведомления о предстоящем торжественном приёме принца Фердинанда, мои коллеги и я не нашли возможным участвовать на нём официально, но я отправился частным образом на площадь перед вокзалом с тем, чтобы лично убедиться в характере приёма, сделанного ему здешним населением. Не имев до сих пор случая наблюдать наружные выражения тех отношений, которые сложились между населением Молдавии и представителями королевского дома, и будучи поэтому вполне свободным от предубеждений, я был поражён гробовым молчанием, которым встретило Его Королевское Высочество население, стоявшее густой толпой на площади и шпалерами на улице, ведущей от вокзала до собора, куда отправился принц тотчас по приезде в Яссы; толпа эта осталась даже с покрытыми головами, вглядываясь с наглым любопытством в лицо Его Королевского Высочества и рассматривая его скорее как диковинку, нежели как наследника престола.

По окончании молебствия в соборе, князь Фердинанд отправился вместе с генералом Ярка в приготовленные для него апартаменты в дом командира корпуса и затем на завтрак в военное собрание. Около 2 часов пополудни принц в сопровождении городского головы поехал осматривать университет[7], некоторые богоугодные заведения города и школы; в 7 часов в честь его состоялся обед в примэрии.

15го числа утром началась инспекция кавалерийских казарм; пополудни принц присутствовал на теоретических занятиях солдат; вечером состоялся танцевальный вечер в военном собрании, на который были также приглашены иностранные консулы.

16ое и 17ое числа посвящались смотру практических занятий 7го полка кэлэрашей и эскадрона жандармов: верховой езды, фехтования и т.д. Его Королевское Высочество,

по-видимому, остался чрезвычайно доволен состоянием здешних кавалерийских частей и выразил командиру 7го полка кэлэрашей, полковнику Мустацэ[8], свою благодарность, говоря, что он нашёл его полк в лучшем состоянии, нежели все остальные, подлежавшие его инспекции. Полковник Мустацэ, выслужившийся из простых рядовых, известен грубостью и жестокостью в обращении с людьми, и дезертирство развилось между ними до громадных размеров.

Считаю нелишним прибавить, что здешний консервативный орган „Evenimentul" воспользовался тем обстоятельством, что гражданские власти совершенно игнорировали иностранных консулов за время происходивших в честь принца празднеств, чтобы упрекнуть либералов в бестактности и незнании принятых в подобных случаях обычаев. Вероятно, вследствие этих нападок мы были приглашены в последний день к обеду, данному в честь Его Королевского Высочества в городской думе, причём приглашения были разосланы за 3 часа до назначенного времени.

18го числа с вечерним поездом Его Королевское Высочество отбыл в Бухарест, причём толпа, собравшаяся на вокзале, отнеслась к его отъезду с полнейшим безучастием.

С совершенным почтением и проч., Н. Петерсон

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 1699, Листы 3–4.

---

[1] Иван Карлович (де) Петерсон (1859–1940). Российский юрист и профессиональный дипломат. Его отец, Карл Александрович Петерсон, в 1867–1875 гг. занимал должность директора канцелярии МИД. Был женат на Наталье Дмитриевне Набоковой, дочери Д. Н. Набокова, министра юстиции Российской империи с 1878 до 1885 г. В 1881 г. окончил Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. С 1886 г. являлся секретарём российского консульства в Яссах. Позднее был консулом в Фиуме (Риеке), Яссах, Амстердаме и Гааге. Один из его сыновей, Дмитрий, стал последним консулом Российской империи в Роттердаме.

[2] Партение Клинчень (Парфений Клинченский), имя в миру – Петру Станку (1847–1910). Занимал кафедру митрополита Молдавии в 1902–1908 гг.

[3] Константин Б. Пеннеску (1854–1928).

[4] Николае Гане (1838–1916).

[5] Георге Шендря.

[6] Александру Ярка (1854–1933). В сборнике *ДДРПР, 1888–1898* (док. № 79), используется ошибочная версия транскрипции: *Ярку*.

[7] Об этом см.: *Anuarul Universității din Iași pe anul școlar 1902–1903*. Iași, Tipografia H. Goldner, 1904. P. 5.

[8] Александру Мустацэ (1854–1927).

Iași, 19 ianuarie 1903, nr. 3. Peterson[1] către Giers

Pe data de 14 a lunii curente, la ora 9:30 dimineața, a sosit aici, cu un tren rapid special, principele moștenitor Ferdinand, pentru o inspecție a unităților de cavalerie care se află în garnizoana de aici. În instrucțiunile care au fost expediate către autoritățile militare și civile se spunea că Alteța Sa Regală trebuie să se bucure la Iași (spre deosebire de alte orașe provinciale, pe care le vizitase anterior exclusiv în calitatea sa de inspector al cavaleriei) de o primire corespunzătoare statutului său de moștenitor al tronului, urmare a cărui fapt a și fost organizată o ceremonie de primire neobișnuit de solemnă. Atât la gara propriu-zisă, cât și de-a lungul străzilor principale, pe unde urma să treacă principele, au fost instalate arcuri de triumf; administrația orășenească a manifestat o energie extraordinară pentru a îi imprima orașului un aspect curat și îngrijit, prin care această localitate nu se evidențiază în zilele

obișnuite. Alteța Sa Regală a fost întâmpinat la gară de către mitropolit[2], primarul orașului[3], prefectul județului[4] și prefectul poliției[5], de către generalul Iarca[6] – comandantul Corpului IV de armată – și de către o multitudine de personalități de rang secundar, care aparțineau diverselor instituții, departamente și servicii din domeniul ecleziastic, civil și militar.

Având în vedere faptul că membrii corpului consular nu au primit nici o înștiințare oficială privind primirea solemnă a principelui Ferdinand, ce urma să aibă loc în curând, colegii mei și cu mine nu am considerat posibil să participăm la această ceremonie în mod oficial. Eu însă am mers în piața din fața gării în calitate de persoană particulară, pentru a mă convinge și a mă încredința personal cu privire la caracterul primirii pe care populația locală i-a făcut-o principelui. Deoarece până atunci nu am avut ocazia să observ manifestările exterioare ale relațiilor care s-au format între populația Moldovei și reprezentanții Casei Regale și fiind, din această cauză, totalmente liber de orice prejudecăți, eu am fost foarte surprins de tăcerea mormântală, cu care l-a întâmpinat pe Alteța Sa Regală populația care se adunase în piață, formând o mulțime deasă, care stătea rânduri-rânduri de-a lungul străzii ce ducea dinspre gară spre catedrală, unde s-a îndreptat principele imediat după sosirea sa la Iași; această mulțime a rămas chiar cu capetele acoperite, ațintindu-și privirile pline de curiozitate impertinentă spre fața Alteței Sale Regale și examinându-l atent, mai curând ca pe o ciudățenie nemaivăzută decât în calitatea sa de moștenitor al tronului.

După încheierea tedeum-ului de la catedrală, principele Ferdinand s-a îndreptat, împreună cu generalul Iarca, spre apartamentele care i-au fost pregătite în casa comandantului de corp de armată, iar după aceea a plecat la un mic dejun organizat la cercul militar. Pe la orele 2 după amiază, principele, fiind însoțit de primar, a plecat să viziteze universitatea[7], anumite așezăminte de caritate din oraș, precum și școlile; la orele 7 seara a avut loc un dineu festiv la primărie, în onoarea sa.

Pe data de 15 dimineața a început inspecția cazărmilor unităților de cavalerie; după amiază principele a fost de față în timpul orelor și activităților teoretice ale soldaților; seara a avut loc o serată dansantă la sediul cercului militar, la care au fost, de asemenea, invitați și consulii străini.

Zilele de 16 și 17 au fost dedicate revistei de inspecție a activităților și antrenamentelor practice ale Regimentului 7 de călărași și ale escadronului de jandarmi, și anume: călăriei, scrimei etc. Alteța Sa Regală a rămas, din câte se pare, extrem de mulțumit de starea unităților de cavalerie de aici, exprimându-i chiar recunoștința comandantului Regimentului 7 de Călărași, colonelului Mustață[8], căruia i-a spus că a găsit regimentul acestuia într-o stare mai bună decât toate celelalte unități care fuseseră supuse inspecției sale. Colonelul Mustață, care a avansat în rang din rândul soldaților simpli, este cunoscut prin modul său grosolan și violent de comportare cu subalternii, iar dezertarea în rândurile acestora s-a dezvoltat la o scară enormă.

Consider că nu ar fi de prisos să adaug că organul de presă conservator de aici, „Evenimentul", a profitat de acea împrejurare, că autoritățile civile i-au ignorat în totalitate pe consulii străini pe toată durata serbărilor și ceremoniilor care au avut loc în onoarea principelui, pentru a-i învinui pe liberali de lipsă de tact și de necunoașterea uzanțelor obișnuite în asemenea cazuri. Probabil, anume ca urmare a acestor atacuri, noi am fost invitați în ultima zi la un dineu festiv organizat în onoarea Alteței Sale Regale la sediul consiliului municipal. Chiar și așa, invitațiile au fost trimise cu trei ore înainte de timpul fixat pentru eveniment.

Pe data de 18, Alteța Sa Regală a plecat la București cu trenul de seară. Cu această ocazie, mulțimea care s-a adunat la gară a manifestat o atitudine de totală indiferență față de plecarea principelui.

Cu absolută considerație etc., N. Peterson.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 1699, filele 3–4.

[1] Ivan Karlovici (de) Peterson (1859–1940). Jurist și diplomat de carieră rus. Tatăl său, Karl Alexandrovici Peterson, a fost, între 1867 și 1875, director al Cancelariei M.A.E. Căsătorit cu Natalia D. Nabokova, fiica lui Dmitrii N. Nabokov, ministru al Justiției în anii 1878–1885. În 1881, a absolvit Școala Imperială de Drept din Sankt Petersburg (Императорское Училище Правоведения). Din 1886 a fost secretar la Consulatul rus din Iași. Mai apoi a deținut funcția de consul la Fiume (Rijeka), Iași, Amsterdam și Haga. Unul dintre fiii săi, Dmitrii, a fost ultimul consul imperial rus la Rotterdam.

[2] Partenie Clinceni, cu numele de mirean Petru Stancu (1847–1910). A fost mitropolit al Moldovei în anii 1902–1908.

[3] Constantin B. Pennescu (1854–1928).

[4] Nicolae Gane (1838–1916).

[5] Gheorghe Șendrea.

[6] Alexandru Iarca (1854–1933). În *RDRR*, *1888–1898*, doc. nr. 79, transcris greșit *Iarcu*.

[7] A se vedea: *Anuarul Universității din Iași pe anul școlar 1902–1903*, Iași, Tipografia H. Goldner, 1904, p. 5.

[8] Alexandru Mustață (1854–1927).

97

Бухарест, 20 января 1903 г., № 7. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Телеграммой от 16-го числа текущего месяца[1] я имел честь доносить императорскому министерству, что господин Брэтиану уведомил меня о данном ему господину Росетти-Солеску[2] предписании ознакомить Ваше Сиятельство с содержанием циркулярной ноты румынского правительства, разъясняющей отношение сего последнего к вопросу о введении реформ в Македонии[3].

По получении же ответной телеграммы Вашего Сиятельства[4] я не преминул объясниться с королевским министром иностранных дел в смысле преподанных мне указаний. По-видимому, мои объяснения не вполне отвечали ожиданиям министра. Распространяясь по поводу того, что заявление императорского правительства вполне успокоительно и как нельзя более согласно с интересами Румынии, он всё же добивался узнать, установлена ли уже программа требований, предъявленных Порте[5], и будет ли эта программа предварительно сообщена заинтересованным державам. В дальнейшей же беседе он запросил меня, может ли Румыния надеяться, что, в случае неудачи настоящих переговоров, мы своевременно предупредим её, дабы дать ей возможность принять соответствующие меры. Не считая себя вправе следовать за моим собеседником по пути подобных предположений, я заметил, что не вижу им причины и полагаю, что они не отвечают настоящим обстоятельствам. Разговор наш прекратился на этом, так как господин Брэтиану торопился выехать на несколько дней в загородное своё имение[6].

На следующий после того день меня посетил господин Стурдза. Желая, видимо, загладить во мне впечатление нетерпения, проявленного в расспросах юного его сотоварища по министерству, председатель Совета стал высказывать мнение, что задача, возложенная на императорского и австро-венгерского послов в Константинополе крайне сложна[7], и что возможно будет огласить результат их обсуждений лишь тогда,

когда успех намеченной программы будет обеспечен. Вполне соглашаясь с этим доводом, не раз ранее мною приводимым, я не скрыл от господина Стурдзы, что я был несколько удивлён нервности господина Брэтиану и хотел бы знать, на чём она основана.

Председатель Совета возразил мне, что за последнее время министр иностранных дел стал получать довольно тревожные сведения о положении дел в Македонии, что Румыния только и мечтает о сохранении *status quo* на Балканском полуострове, но что, конечно, ей тяжело было бы допустить, чтобы её единоплеменники освободились от турецких зверств лишь для того, чтобы подпасть под иго чуждой им христианской народности. Господин Стурдза старался выставить, насколько действия Румынии согласны с милосердными и мудрыми нашими стремлениями и насколько сильны её опасения, что другие балканские государства воспользуются её сдержанностью для проведения своих целей. Не подлежит сомнению, что в своих нынешних суждениях румынские сановники поддаются влиянию вестей, сообщаемых им агентами их в Болгарии[8] и Сербии[9], вестей, весьма вероятно преувеличенных усердием этих агентов, принимающих за действительность слышанные ими народные вожделения.

К таким вестям Румыния относится с тем большей чуткостью, что её вечно преследует тот же страх быть оттёртой с Балканского полуострова сильной и независимой Болгарией.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 22–23 об.

---

[1] Не публикуется.

[2] Георге Росетти-Солеску, посланник Румынии в Российской империи.

[3] Румыния была обеспокоена, прежде всего, возможной перспективой расширения границ Болгарии и её экспансией в Македонии. Именно поэтому румынская дипломатия активно выступала за осуществление в этой провинции плана реформ, разработанного и предложенного Россией и Австро-Венгрией (Nistor I. *Op. cit.* P. 51–52).

[4] Не публикуется.

[5] Об этом также см. док. № 94 от 11 января 1903 г.

[6] Флорика.

[7] См. док. № 94 от 11 января 1903 г.

[8] Николае Мишу. Руководил дипломатическим агентством Румынии в Софии в 1900–1908 гг.

[9] Константин Эдгар Маврокордат. Был посланником Румынии в Белграде в 1899–1905 гг.

București, 20 ianuarie 1903, nr. 7. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin telegrama trimisă pe data de 16 a lunii curente[1], eu am avut onoarea să raportez Ministerului Imperial că domnul Brătianu m-a informat cu privire la instrucțiunea pe care i-a transmis-o domnului Rosetti-Solescu[2] de a aduce la cunoștința Luminăției Voastre conținutul notei circulare a guvernului român, care oferă clarificări și explicații referitoare la poziția și atitudinea acestuia din urmă față de chestiunea privind introducerea și aplicarea reformelor în Macedonia[3].

Imediat după primirea telegramei de răspuns din partea Luminăției Voastre[4], eu nu am pierdut ocazia de a avea o conversație cu ministrul regal al Afacerilor Străine, în sensul instrucțiunilor care mi-au fost transmise. Din câte se pare, explicațiile mele nu au corespuns întru totul cu așteptările ministrului. Expunându-și pe larg punctul de vedere în legătură cu faptul că declarația guvernului imperial este totalmente liniștitoare și corespunde cum nu se poate mai bine cu interesele României, ministrul, totuși, încerca din răsputeri să afle dacă programul revendicărilor ce urmau a fi înaintate Porții Otomane fusese deja stabilit[5] și dacă acest program va fi comunicat, în prealabil, tuturor Puterilor interesate de chestiunea dată. Pe parcursul convorbirii, el m-a întrebat dacă România poate să spere că, în cazul eșecului negocierilor desfășurate în prezent, noi o vom avertiza despre acest fapt la momentul oportun, spre a-i oferi posibilitatea să ia măsurile corespunzătoare. Deoarece nu mă consideram în drept de a urma logica interlocutorului meu pe calea unor asemenea presupuneri, eu am remarcat că nu văd nici un motiv pentru asemenea speculații și cred că acestea nu corespund circumstanțelor din prezent. În acel moment, convorbirea noastră s-a încheiat, deoarece domnul Brătianu se grăbea să plece pentru câteva zile la moșia sa de la țară[6].

În ziua următoare acestei conversații, m-a vizitat domnul Sturdza. Dorind, probabil, să repare cumva impresia de nerăbdare pe care o aveam și care se manifestase în întrebările insistente ale tânărului său coleg de guvern, președintele Consiliului a început să își exprime opinia că problema care căzuse pe umerii ambasadorilor imperial și austro-ungar de la Constantinopol era extrem de complicată[7], și că rezultatul discuțiilor inițiate de ei va putea fi dat publicității doar atunci, când succesul programului preconizat acum va fi garantat. Fiind cu totul de acord cu acest argument, pe care îl invocasem chiar eu, nu o singură dată, în trecut, nu i-am ascuns domnului Sturdza faptul că am fost întrucâtva mirat de nervozitatea domnului Brătianu și că aș vrea să știu pe ce se bazează aceasta.

Președintele Consiliului mi-a replicat că în ultima perioadă ministrul Afacerilor Străine a început să primească informații destul de alarmante cu privire la starea de lucruri din Macedonia, că România nu visează decât la păstrarea *status quo*-ului din Peninsula Balcanică, dar că, firește, ea ar putea cu greu să admită ca acei conaționali ai săi din regiune să fie eliberați de amenințarea atrocităților turcești doar pentru a cădea din nou sub jugul unui neam creștin care le este cu totul străin. Domnul Sturdza a încercat insistent să accentueze cât de mult ar fi în acord acțiunile României cu năzuințele noastre binevoitoare și înțelepte, dar și cât de puternice sunt temerile statului român că alte state balcanice vor profita de politica cumpătată a României pentru a-și realiza propriile scopuri. Nu se poate pune la îndoială faptul că, atunci când formulează asemenea opinii, demnitarii români se lasă influențați de știrile care le sunt comunicate de către agenții lor din Bulgaria[8] și Serbia[9], știri care sunt, foarte probabil, exagerate din cauza zelului deosebit al acestor agenți, care iau drept realitate toate dorințele arzătoare și aspirațiile pe care le aud în jur.

România are o atitudine caracterizată de o sensibilitate deosebită față de asemenea știri, mai ales că este mereu urmărită de aceeași frică de a fi înlăturată din afacerile Peninsulei Balcanice de către o Bulgarie puternică și independentă.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 22–23 verso.

---

[1] Nu se publică.
[2] Gheorghe Rosetti-Solescu, ministrul plenipotențiar al României în Imperiul Rus.

[3] România era îngrijorată în mod special de posibilitatea ca Bulgaria să-și extindă granițele în Macedonia. De aceea, diplomația română a militat pentru implementarea în această provincie a planului de reforme propus de Rusia și Austro-Ungaria (Nistor, *„Problema aromână”*, p. 51–52).

[4] Nu se publică.

[5] A se vedea doc. nr. 94 din 11 ianuarie 1903.

[6] Florica.

[7] Doc. nr. 94 din 11 ianuarie 1903.

[8] Nicolae Mișu. A condus agenția diplomatică a României de la Sofia în anii 1900–1908.

[9] Constantin Edgar Mavrocordat. A fost ministru plenipotențiar al României la Belgrad în anii 1899–1905.

98

Бухарест, 21 января 1903 г., № 8. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь Владимир Николаевич,

На этих днях меня посетил, находящийся ныне в отпуску в Бухаресте, румынский посланник при Оттоманской Порте, господин Александр Лаховари. Сообщая мне константинопольские свои впечатления, господин Лаховари отзывался в самых прочувственных словах о добрых и доверчивых к нему отношениях маститого нашего посла[1], всем сердцем предавшегося цели водворения спокойствия на Балканах. По уверениям моего собеседника все, будто бы, представители великих держав в Царьграде вполне сочувственно относятся к деятельности И. А. Зиновьева и барона Каличе[2] на пользу христианского населения трёх вилайетов[3], за исключением великобританского посла[4], выехавшего на днях в Лондон для представления своему правительству нового плана водворения реформ в Македонии, им самим выработанного[5].

Этот план отличается, будто бы, пристрастием к Болгарии, любимому, будто бы, детищу господина О'Конора, благодаря тому обстоятельству, что во время стамболовского режима он был влиятельным дипломатическим в Софии представителем[6], натравливающим болгар на нас. Дипломатический корпус при Порте не верит, будто бы, успеху великобританского посла, и видит возможность каких-либо осложнений лишь в известиях, получаемых из княжества.

Не подлежит сомнению, что господин Лаховари представил своему правительству, по приезде в Бухарест, несравненно более подробный отчёт о положении дел, чем передаваемые мною выше отрывистые его замечания. Желая убедиться, насколько его отзывы влияют на взгляды румынского правительства, я запросил, в разговоре, господина Брэтиану, доволен ли он впечатлениями своего посланника. Господин Брэтиану возразил мне, что господин Лаховари очень утешителен в своих объяснениях, но что он, министр, опасается оптимизма королевского представителя.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 26–27.

[1] Иван Алексеевич Зиновьев.

[2] Генрих фон Каличе, посол Австро-Венгрии в Стамбуле.

[3] Монастир, Салоники, Косово.

[4] Николас О'Конор (1843–1908), посол Великобритании в Османской империи в 1898–1908 гг.

[5] Подробнее о британских инициативах и предложениях по проведению реформ в Македонии и, в частности, о роли посла О'Конора в этом контексте, см.: *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* / Ed. by G. P. Gooch et al. Vol. V. *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia, 1903–1909*. London, Johnson Reprint Corporation, 1928. P. 50 и etc.; Radovich F. *Britain's Macedonian Reform Policy, 1903–1905* // „The Historian", 43, 1981, nr. 4. P. 493–508; Растовић А. *Велика Британија и македонско питање. 1903–1908 године*. Београд, Историјски институт, 2011. С. 27 и сл.

[6] В 1886–1892 гг.

București, 21 ianuarie 1903, nr. 8. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Zilele acestea mi-a făcut o vizită trimisul român acreditat pe lângă Poarta Otomană, domnul Alexandru Lahovari, care se află în prezent în concediu la București. Informându-mă cu privire la impresiile sale constantinopolitane, domnul Lahovari și-a exprimat, folosind cuvintele cele mai emoționante, opinia privind atitudinea plină de bunăvoință și încredere față de el din partea venerabilului nostru ambasador[1], care s-a dedicat din toată inima scopului instaurării liniștii în Balcani. Conform asigurărilor interlocutorului meu, toți reprezentanții Marilor Puteri de la Țarigrad ar avea, chipurile, o atitudine plină de simpatie față de activitatea lui I. A. Zinoviev și a baronului Calice[2] desfășurată în favoarea populației creștine din cele trei vilaiete[3], cu excepția ambasadorului Marii Britanii[4], care ar fi plecat zilele acestea la Londra pentru a-i prezenta guvernului său noul plan de introducere și aplicare a reformelor în Macedonia, care ar fi fost elaborat chiar de el însuși[5].

Acest plan s-ar evidenția, chipurile, printr-o atitudine părtinitoare față de Bulgaria, care ar reprezenta, se spune, creația îndrăgită a domnului O'Conor, din cauza acelei împrejurări că în timpul regimului lui Stambolov el ar fi fost un reprezentant diplomatic foarte influent la Sofia[6], care i-ar fi ațâțat pe bulgari contra noastră. Corpul diplomatic acreditat pe lângă Poartă nu ar crede însă, chipurile, în eventualul succes al ambasadorului Marii Britanii și ar vedea o eventuală posibilitate a apariției unor complicații doar în sensul știrilor care sosesc acum din principat.

Nu încape nici o îndoială că domnul Lahovari i-a prezentat propriului guvern, după sosirea sa la București, un raport cu mult mai detaliat privind starea de fapt a lucrurilor decât observațiile sale fragmentare și disparate pe care le-am comunicat mai sus. Dorind să mă conving de faptul cât de mult influențează opiniile sale asupra viziunilor guvernului român, eu l-am întrebat, în timpul unei convorbiri, pe domnul Brătianu, dacă este mulțumit de impresiile și părerile trimisului său. Domnul Brătianu mi-a obiectat că domnul Lahovari este foarte liniștitor în explicațiile și clarificările sale, dar că el, ministrul, are anumite temeri privind optimismul reprezentantului guvernului regal.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 26–27.

[1] Ivan Alexeevici Zinoviev.

[2] Heinrich von Calice, ambasadorul Austro-Ungariei la Constantinopol.

[3] Monastir, Salonic, Kosovo.

[4] Nicholas O'Conor (1843–1908), ambasadorul Marii Britanii în Imperiul Otoman în anii 1898–1908.

[5] Pentru inițiativele britanice de reformă în Macedonia și rolul jucat de O'Conor: *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*, ed. by G. P. Gooch et al., vol. V, *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia, 1903–1909*, London, Johnson Reprint Corporation, 1928, p. 50 și urm.; Frances A. Radovich, *Britain's Macedonian Reform Policy, 1903–1905*, în „The Historian", 43, 1981, nr. 4, p. 493–508; Александар Растовић, *Велика Британија и македонско питање 1903–1908. године*, Београд, Историјски институт, 2011, p. 27 și urm.

[6] 1886–1892.

99

Бухарест, 21 января 1903 г., № 9. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

16-го сего января, по заведённому здесь обычаю, я был принят королём Карлом в частной аудиенции для вручения Его Величеству известительной грамоты государя императора о рождении Его Высочества князя Ростислава[1]. Сообщив мне, что он с большой радостью осведомился о выздоровлении великой княгини Ксении Александровны[2] из писем Её Императорского Высочества к наследной принцессе Марии, Его Величество сейчас же перешёл к вопросу о реформах в христианских провинциях Турции[3].

Король, прежде всего, заявил, в подтверждение ранее уже сказанного мне его министром иностранных дел, что в знак полного уважения и доверия к нашим начинаниям в пользу христиан, Румыния пожелала, чтобы циркулярное её сообщение было получено императорским министерством ранее, чем другими кабинетами.

По мнению Его Величества, выраженному скорее в вопросительном тоне, одно из главных затруднений в проведении реформ будет составлять выбор генерал-губернатора, и Его Величество предполагает, что предпочтение будет дано турецкому сановнику, дабы не оказывать особого покровительства той или другой национальности в Македонии.

Я счёл долгом отклонить дальнейшие расспросы, ответив королю, что мне неизвестно, в чём именно будут состоять реформы, но что я могу уверить Его Величество в том, что мы имеем исключительной целью улучшить быт христианского населения, не касаясь вопроса о национальностях. В день аудиенции мною не были ещё получены указания Вашего Сиятельства от 17-го января. Излагая ход установления сношений между куцо-влахами и Румынией, король высказал, что наравне с греками и болгарами, во времена турецких свирепств, более предприимчивые куцо-влахи переселялись и богатели в придунайских княжествах[4]. Здесь убедились в племенном их родстве с румынами, так как они говорили на том же языке, и стали оказывать им покровительство, открывая школы в Македонии, с ведома Порты.

Куцо-валахам приходилось более всего сталкиваться с греками и страдать от их притеснений; ввиду этого Его Величество воспользовался свиданием своим с королём

Георгом, происходившим два года тому назад в Аббации[5], для установления *modus vivendi* в местностях, населённых греками и куцо-влахами. Смысл последовавшего соглашения состоит, будто бы, в том, чтобы соревнование между обеими народностями происходило исключительно на культурной почве, не принимая размеров взаимного друг друга преследования.

Король утверждает, что ныне существуют довольно частые сношения между куцо-влахами и Румынией, но эти сношения сосредоточиваются в руках правительства, не допускающего учреждения частных комитетов, всегда опасных в своей деятельности. Его Величество не преминул по этому поводу вспомнить о ряде убийств, совершённых в самой Румынии по распоряжению болгарских македонских комитетов[6], и выразил опасение, что княжеское правительство не сумеет обуздать эти комитеты. При осеннем свидании с князем Фердинандом король, будто бы, убеждал князя серьёзно воздействовать против господ Сарафова[7] и других.

О том, что в Румынии не существует, будто бы, специального куцо-влахского комитета, мне говорил на днях и королевский министр иностранных дел. Господин Брэтиану объяснил мне, что в Бухаресте учреждено было учёное общество, известное под названием „Культуральной лиги"[8], действительно занимающееся румынским национальным вопросом, как в самом королевстве, так и вне его пределов. В числе членов лиги могут быть румыны родом из Македонии, поддерживающие более близкие сношения с куцо-влахами и, быть может, считающие себя представителями последних, но эти лица не имеют, будто бы, серьёзного значения. Культуральная же лига, по отзыву господина Брэтиану, интересуется преимущественно положением румын в Трансильвании.

В заключение я должен присовокупить, что до сих пор, по крайней мере, официальная и официозная румынская пресса относится очень сдержанно к событиям в Македонии, печатая получаемые оттуда телеграммы без особенных комментариев. Попытки оппозиции раздуть этот вопрос не увенчались, равным образом, до сих пор, по крайней мере, успехом. Эта сдержанность является, несомненно, результатом воздействия правительства. Трудно поручиться, что она будет сохранена и в случае, если решение вопроса о реформах затянется на долгое время или примет характер, почему-либо усиливающий опасения румын.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 29–31.

---

[1] Ростислав Александрович Романов (род. 6/19 февраля 1903 г.). Сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны. Внук императора Александра III по материнской линии.

[2] Ксения Александровна Романова (1875–1960). Дочь императора Александра III и младшая сестра императора Николая II. Была замужем за великим князем Александром Михайловичем (Сандро).

[3] Об этом см. в предыдущих документах.

[4] Имеются в виду Валахия и Молдавия.

[5] Эта встреча состоялась в мае 1901 г. Об этом также см. док. № 60 от 3 мая 1901 г., № 63 от 6 августа 1901 г. и № 69 от 8 сентября 1901 г.

[6] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

[7] Имеется в виду Борис Сарафов.

[8] Здесь идёт речь о Лиге культурного единства всех румын. Эта организация была создана в 1890 г.

București, 21 ianuarie 1903, nr. 9. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe data de 16 a lunii ianuarie, conform obiceiului încetățenit aici de mult timp, am fost primit de regele Carol într-o audiență privată, pentru a-i înmâna Majestății Sale scrisoarea oficială din partea Majestății Sale Împăratului, care aducea la cunoștință nașterea Alteței Sale, principelui Rostislav[1]. Comunicându-mi că el a luat cunoștință, cu mare bucurie, despre însănătoșirea Marii Cneaghine Xenia Alexandrovna[2], din scrisorile Alteței Sale Imperiale către principesa moștenitoare Maria, Majestatea Sa a trecut imediat la chestiunea privind reformele din provinciile creștine ale Turciei[3].

Înainte de toate, regele mi-a declarat, confirmând astfel cele ce mi-au fost spuse deja mai devreme de către ministrul său al Afacerilor Străine că, în semn de respect și încredere totală față de planurile și proiectele noastre elaborate în favoarea creștinilor, România și-a manifestat dorința ca nota sa circulară comunicată recent să fie primită de către ministerul imperial mai devreme decât de celelalte guverne ale Marilor Puteri.

Conform părerii Majestății Sale, care a fost exprimată mai curând pe un ton interogativ, una dintre principalele dificultăți legate de promovarea și aplicarea reformelor va fi reprezentată de alegerea guvernatorului general, iar Majestatea Sa presupune că pentru această funcție va fi preferat un demnitar turc, pentru a se evita acordarea unei protecții speciale în cazul uneia sau alteia dintre naționalitățile din Macedonia.

Eu am considerat de datoria mea să mă eschivez de la orice întrebări ulterioare, răspunzându-i regelui că eu nu cunosc exact în ce anume vor consta preconizatele reforme, dar că îl pot asigura pe Majestatea Sa de faptul că noi avem în vedere drept unic scop să îmbunătățim viața populației creștine, fără a atinge în mod direct chestiunea referitoare la naționalități. În ziua audienței eu nu primisem încă instrucțiunile Luminăției Voastre din data de 17 ianuarie. Prezentând evoluția procesului de stabilire a relațiilor dintre cuțo-vlahi și România, regele și-a exprimat opinia că, de rând cu grecii și bulgarii, în epoca atrocităților turcești, cei mai întreprinzători dintre cuțo-vlahi se strămutau și se îmbogățeau pe teritoriul Principatelor Dunărene[4]. Cei din Principate s-au convins de înrudirea lor de neam cu românii, deoarece cuțo-vlahii vorbeau aceeași limbă, și au început să le acorde o anumită protecție, deschizându-le școli în Macedonia, cu știrea și consimțământul Porții.

Cuțo-vlahii au fost nevoiți să se confrunte, în cea mai mare măsură, cu grecii și să sufere în urma opresiunii din partea acestora; având în vedere acest fapt, Majestatea Sa a profitat de întrevederea sa cu regele George, care a avut loc acum doi ani la Abbazia[5], pentru a instaura un anumit *modus vivendi* în acele zone și localități locuite în comun de către greci și cuțo-vlahi. Semnificația acordului, cu care s-a soldat întrevederea, ar consta, chipurile, în faptul ca această concurență între ambele naționalități să se desfășoare, în mod exclusiv, pe tărâm cultural, fără a căpăta proporțiile unor persecuții reciproce ale unei comunități contra celeilalte.

Regele afirmă că în prezent există legături destul de frecvente între cuțo-vlahi și România, dar că aceste relații se concentrează în mâinile guvernului, care nu admite formarea unor comitete particulare, instituții care sunt mereu periculoase din cauza activității lor. Majestatea Sa nu a pierdut ocazia să își amintească, cu acest prilej, despre șirul de asasinate comise chiar pe teritoriul României din ordinul comitetelor bulgare macedonene[6], exprimându-și, totodată, temerea că guvernul princiar [bulgar] nu va fi în stare să domolească elanul acestor comitete. În timpul întrevederii din toamna trecută cu principele Ferdinand,

regele ar fi încercat, chipurile, să îl convingă pe principe să exercite o influență serioasă pentru a se lua măsuri contra domnului Sarafov[7] și a celorlalți.

Despre faptul că în România nu ar exista, chipurile, vreun comitet special al cuțo-vlahilor îmi vorbise, acum câteva zile, și ministrul regal al Afacerilor Străine. Domnul Brătianu mi-a explicat că la București fusese înființată o societate științifică, cunoscută sub denumirea de „Liga Culturală”[8], care se ocupa, într-adevăr, de chestiunea națională românească, atât în interiorul regatului propriu-zis, cât și în afara granițelor acestuia. Printre membrii Ligii s-ar putea să fie și anumiți români originari din Macedonia, care ar întreține legături mai apropiate cu cuțo-vlahii și care s-ar putea, eventual, considera drept reprezentanți legitimi ai celor din urmă, dar aceste persoane nu ar avea, chipurile, vreo importanță semnificativă. În ceea ce privește „Liga Culturală”, conform opiniei domnului Brătianu, aceasta se interesează, cu precădere, de situația românilor din Transilvania.

În încheiere, ar trebui să adaug că, cel puțin până în acest moment, presa română oficială și oficioasă manifestă o atitudine extrem de rezervată față de evenimentele din Macedonia, tipărind telegramele care se primesc de acolo fără comentarii deosebite. Încercările opoziției de a umfla și exagera această chestiune nu s-au încununat, deopotrivă, de succes, cel puțin până în acest moment. Această atitudine cumpătată reprezintă, fără îndoială, rezultatul influenței și acțiunii guvernului. Ar fi dificil însă să avem vreo garanție că ea va fi păstrată și în acel caz, dacă rezolvarea chestiunii cu privire la reforme va fi tărăgănată pentru o perioadă mai lungă de timp sau va evolua într-un asemenea mod specific, care, din anumite motive, va agrava temerile românilor.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 29–31.

---

[1] Rostislav Alexandrovici Romanov (născut pe data de 6/19 februarie 1903). Fiul Marelui Cneaz Alexandr Mihailovici și al Marii Cneaghine Xenia Alexandrovna. Nepotul țarului Alexandru III pe linie maternă.

[2] Xenia Alexandrovna Romanova (1875–1960). Fiica țarului Alexandru III și sora țarului Nikolai II. Căsătorită cu Marele Cneaz Alexandr Mihailovici (Sandro).

[3] A se vedea documentele anterioare.

[4] Valahia și Moldova.

[5] În luna mai 1901. A se vedea doc. nr. 60 din 3 mai 1901, nr. 63 din 6 august 1901 și nr. 69 din 8 septembrie 1901.

[6] A se vedea documentele anterioare referitoare la acest aspect.

[7] Boris Sarafov.

[8] Liga pentru Unitatea Culturală a tuturor Românilor. A fost înființată în 1890.

100

Бухарест, 23 января 1903 г., № 10. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На этих днях в Румынии состоялись дополнительные парламентские выборы. Заранее стало известно, что король выразил либералам, ныне находящимся у власти,

желание, чтобы было допущено избрание в члены палаты главы консерваторов, господина Кантакузино[1], и одного из жунимистов, господина Филипеску[2].

Оба эти лица оказались действительно избранными. Но рядом с ними сумел попасть в нижнюю палату один из выдающихся консерваторов, личный враг господина Стурдзы, Таке Ионеску[3]. Это последнее избрание произвело впечатление в стране. Консерваторы празднуют его как знаменательное для них событие[4]. Либералы, сперва ошеломлённые, разразились затем усиленными обвинениями на господина Ионеску в подкупе и развращении избирателей. Можно было ожидать, что палата, состоящая почти исключительно из либералов, кассирует избрание. Этого, однако, не случилось. Осыпая господина Ионеску с парламентской трибуны площадной бранью, главные ораторы-либералы всё же кончали свои речи требованием принятия его в депутаты, дабы тем доказать, говорили они, насколько их партия великодушна[5].

В день означенных парламентских прений[6] я был у короля, и Его Величество выказывал мне предположение и надежду, что избрание Таке Ионеску будет утверждено, так как для государственных дел несравненно полезнее, чтобы в палатах было хоть несколько представителей оппозиции. Я заключаю из этих слов, что и в данном вопросе Его Величество повлиял на решение либералов.

Говоря о взаимных отношениях партий и взаимной их ненависти, не основанных, будто бы, на различии политических убеждений, король заявил, что он тщетно стремился к смягчению политических нравов, и что в своих нападках на правительство оппозиция весьма часто не щадит и его самого. Его Величество видит, однако, большой успех уже в том, что при сменах Министерств не все чиновники лишаются своих мест, а сменяются лишь префекты и высшие гражданские чины.

Относительно последних выборов, позволяю себе выразить предположение, что, сами по себе, они лишь в слабой степени повлияют на положение нынешнего Министерства. Появление Таке Ионеску в парламенте даёт ему лишь возможность произносить громкие речи против нынешних правителей, и эти речи будут превозноситься, со свойственной румынам страстностью, во всей оппозиционной консервативной прессе. Полагаю, что и сами консерваторы сознают, что в настоящее время почва к их возвращению к власти недостаточно ещё подготовлена. Они не избрали ещё политической платформы, достаточно выгодной для успешной борьбы с либералами. По-видимому, они надеются найти её в вопросе о пересмотре торговых договоров, предоставляя себе стать сторонниками свободной торговли, если правительство начнёт проводить покровительственные пошлины, или же быть ярыми протекционистами при противоположном течении правительственной таможенной политики.

К тому же, консерваторам приходится считаться с личностью господина Стурдзы, несомненно, более симпатичной и удобной королю. Помимо того обстоятельства, что господин Стурдза последний из остающихся в живых член Министерства, призвавшего в 1866 году князя Карла Гогенцоллерна к правлению Соединёнными княжествами, Его Величество находит в нём энергичного проводника германской цивилизации и германского влияния в Румынском королевстве.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 34–37 об.

[1] Георге Григоре Кантакузино.
[2] Николае Филипеску.
[3] Таке Ионеску выставил свою кандидатуру на выборах и был избран депутатом от I Коллегии в уезде Романаць.
[4] В общей сложности, консерваторам удалось получить 27 мест в палате депутатов и в Сенате, в том числе путём победы во втором туре голосования (См.: Iosa M., Lungu T. *Viața politică în România 1899–1910*. București, Editura Politică, 1977. P. 116).
[5] Подробно см.: *DAD* (Дебаты палаты депутатов). 1902–1903. № 18. 16 января 1903 г. P. 292–303.
[6] 16 января 1903 г.

București, 23 ianuarie 1903, nr. 10. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Zilele acestea în România au avut loc alegeri parlamentare parțiale. Încă din timp aici a devenit cunoscut faptul că regele și-a exprimat în fața liberalilor, care se află în prezent la guvernare, dorința sa de a fi admisă alegerea, ca membri ai Camerei Deputaților, a șefului conservatorilor, domnului Cantacuzino[1], și a unuia dintre junimiști, domnului Filipescu[2].

S-a dovedit că ambele personalități menționate au fost, într-adevăr, alese. Dar, de rând cu ei, a reușit să nimerească în componența camerei inferioare și unul dintre conservatorii cei mai remarcabili, dușmanul personal al domnului Sturdza, Take Ionescu[3]. Această din urmă alegere a produs o impresie puternică în țară. Conservatorii sărbătoresc acest succes ca un eveniment memorabil pentru ei[4]. Liberalii, care au fost la început năuciți de acest fapt, s-au dezlănțuit după aceea, lansând acuzații insistente la adresa domnului Ionescu, învinuindu-l de mituirea și coruperea alegătorilor. S-ar fi putut aștepta ca noua cameră, compusă, în mod aproape exclusiv, din liberali, să invalideze alegerea. Acest fapt nu s-a întâmplat însă. Copleșindu-l pe domnul Ionescu, de la tribuna parlamentară, cu înjurături ca la ușa cortului, principalii oratori liberali își încheiau, cu toate acestea, discursurile prin solicitarea ca domnul Ionescu să fie acceptat în rândurile deputaților, pentru a demonstra prin aceasta, după cum spuneau ei, cât de generos este partidul lor[5].

În ziua dezbaterilor parlamentare[6], eu am fost în audiență la rege, iar Majestatea Sa mi-a expus bănuiala și speranța sa că alegerea lui Take Ionescu va fi validată, deoarece pentru afacerile de stat ar fi incomparabil mai folositor dacă în componența camerelor ar exista măcar câțiva reprezentanți ai opoziției. Din aceste cuvinte eu trag concluzia că, și în chestiunea respectivă, Majestatea Sa și-a exercitat influența asupra deciziei liberalilor.

Vorbindu-mi despre relațiile reciproce dintre partide și despre ura lor reciprocă, care nu ar avea la bază, chipurile, diferențe la nivelul convingerilor și viziunilor politice, regele mi-a declarat că el a depus eforturi zadarnice pentru a modera cumva moravurile politice de aici și că, în cazul atacurilor și acuzațiilor sale împotriva guvernului, opoziția nu îl cruță, chiar foarte des, nici pe el însuși. Majestatea Sa vede, cu toate acestea, un mare succes chiar și în faptul că, la fiecare schimbare periodică a guvernelor, nu toți funcționarii își pierd posturile, fiind înlocuiți doar prefecții și oficialii care ocupă funcții superioare în ierarhia civilă.

În ceea ce privește ultimele alegeri, îmi permit să îmi exprim presupunerea că, în sine, acestea vor influența doar într-o foarte mică măsură situația actualului guvern. Apariția lui Take Ionescu în parlament îi va oferi doar posibilitatea să rostească discursuri zgomotoase împotriva conducătorilor actuali, iar aceste discursuri vor fi ridicate în slăvi, cu toată înflăcărarea care le este proprie românilor, de către întreaga presă conservatoare de opoziție. Cred,

de asemenea, că și conservatorii înșiși conștientizează faptul că în prezent terenul pentru revenirea lor la putere nu este încă pregătit suficient de bine. Ei nu și-au ales încă o platformă politică suficient de avantajoasă pentru a începe o luptă reușită și de succes contra liberalilor. Din câte se pare, ei speră să găsească o asemenea platformă în chestiunea privind revizuirea tratatelor comerciale, lăsându-și posibilitatea să devină susținători ai comerțului liber, în caz dacă guvernul va începe să promoveze introducerea unor tarife protecționiste, sau să se transforme în protecționiști înverșunați în condițiile impunerii unui curent diametral opus în cadrul politicii comercial-vamale guvernamentale.

În plus, conservatorii sunt nevoiți să țină cont și de personalitatea domnului Sturdza, care îi este, fără nici o îndoială, mult mai simpatică și mult mai confortabilă regelui. În afară de acea împrejurare că domnul Sturdza este ultimul dintre membrii rămași încă în viață ai guvernului care l-a chemat la tron, în anul 1866, pe principele Carol de Hohenzollern în calitate de conducător al Principatelor Unite, Majestatea Sa găsește în domnul Sturdza un promotor energic al civilizației germane și al influenței germane în Regatul României.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 34–37 verso.

---

[1] Gheorghe Grigore Cantacuzino.

[2] Nicolae Filipescu.

[3] Take Ionescu a candidat și a fost ales deputat în Colegiul I Romanați.

[4] Conservatorii au reușit să obțină, în total, inclusiv prin balotaj, 27 de locuri în Adunarea Deputaților și Senat (Mircea Iosa, Traian Lungu, *Viața politică în România 1899–1910*, București, Editura Politică, 1977, p. 116).

[5] *DAD*, 1902–1903, nr.18, 16 ianuarie 1903, p. 292–303.

[6] 16 ianuarie 1903.

101

Бухарест, 29 января 1903 г., № 14. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Доверительно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Заведующий нашей тайной агентурой на Балканском полуострове[1] уведомил меня, что за последнее время транспорты русских революционных книг и брошюр стали получаться довольно часто в Бухарест на адрес дочери бывшего русского революционера[2], принявшего румынское подданство[3], направляющего их затем тайным образом в Россию[4]. Я счёл долгом обратить внимание министра иностранных дел на это обстоятельство.

Господин Брэтиану заметил мне, что если получатели этих транспортов были бы иностранные подданные, румынское правительство имело бы право выслать их из пределов королевства, но что оно связано Конституцией по отношению к румынским подданным; а потому он, министр, предварительно сообщения мне мер, возможных для пресечения указанных мною преступных фактов, должен запросить мнение

председателя Совета министров господина Стурдзы и министра внутренних дел, господина Ласкэра[5].

Несколько дней спустя, господин Брэтиану, посетив меня, сообщил мне, что Совет министров пришёл к решению конфисковать транспорты революционных книг и брошюр, кому бы ни были они адресованы.

Действительно, я вскоре узнал от тайной нашей агентуры, что три новых транспорта, адресованные в этот раз депутату-социалисту румынского парламента[6] и, один из них, румыну-типографщику, были задержаны в главном почтамте, и несколько экземпляров содержащихся в них книг препровождены министру внутренних дел. Эти сведения были мне подтверждены господином Ласкэром, доверительно поведавшим мне, что он заставил перевести себе содержание задержанных книг и, убедившись в их социал-революционном характере, предоставил их получателям отправить транспорты обратно в Швейцарию или же предоставить правительству конфисковать их. Получатели предпочли эту последнюю меру.

При этом министр внутренних дел дал мне положительные заверения, что он готов принять все необходимые меры для прекращения каких-либо революционных действий в пределах Румынии, направленных против России.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 51–52.

---

[1] Владимир Валерианович Тржецяк, заведующий балканской тайной агентурой российского Департамента полиции при Министерстве внутренних дел в 1902–1904 гг. (См.: Каширин В. Б. *Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*. Москва, ВИКМО–М, 2014. С. 171–184, 623). Балканская тайная агентура Департамента полиции при российском МВД была создана в 1882 г. и ликвидирована в 1904 г. (*Там же*. С. 168–184).

[2] Имеется в виду Екатерина Арборе (1875–1937), дочь Замфира К. (Ралли-) Арборе (1848–1933).

[3] В 1881 г.

[4] Ещё начиная с 1870-х гг., Румыния стала частью тайных маршрутов, по которым нелегальная революционная литература перевозилась из стран Западной Европы в Россию. В этом контексте, Яссы представляли собой важный узел и перевалочный пункт в нелегальной перевозке книг и газет.

[5] Василе Ласкэр (1853–1907). Был министром внутренних дел в 1896–1897 и 1902–1904 гг.

[6] Скорее всего, в данном случае идёт речь о Константине Милле, главном редакторе газеты *Адевэрул*.

București, 29 ianuarie 1903, nr. 14. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff
Confidențial

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Coordonatorul agenturii noastre secrete din Peninsula Balcanică[1] m-a informat că, în ultimul timp, transporturile cărților și broșurilor revoluționare ruse au început să ajungă destul de des la București, la adresa fiicei fostului revoluționar rus[2], care a obținut cetățenia română[3]. Acestea sunt expediate ulterior în secret în Rusia[4]. Am considerat că este de datoria mea să-i atrag ministrului afacerilor străine atenția asupra acestui fapt.

Domnul Brătianu a observat că, dacă destinatarii acestor transporturi ar fi fost supuși străini, guvernul român ar fi avut dreptul să-i expulzeze în afara granițelor regatului, dar acesta, guvernul, este constrâns prin Constituție să respecte drepturile cetățenilor români; de aceea, el, ministrul, înainte de a-mi comunica măsurile care pot fi luate pentru curmarea activităților criminale semnalate de mine, este obligat să solicite opinia președintelui Consiliului de Miniștri și a ministrului de interne, domnul Lascăr[5].

Câteva zile mai târziu, făcându-mi o vizită, domnul Brătianu mi-a comunicat că la nivelul Consiliului de Miniștri s-a luat decizia de a confisca transporturile de cărți și broșuri revoluționare, indiferent cui ar fi adresate acestea.

Într-adevăr, la foarte scurt timp, eu am aflat de la agentura noastră secretă că alte trei noi transporturi, adresate unui deputat socialist în parlamentul român[6], iar altul – unui tipograf român, au fost reținute la poșta centrală, câteva exemplare din acest transport fiind puse la dispoziția ministrului de interne. Aceste informații mi-au fost confirmate de către domnul Lascăr, care mi-a relatat confidențial că, după ce a ordonat să-i fie tradus conținutul cărților reținute și s-a convins de caracterul social-revoluționar al acestora, le-a cerut destinatarilor să returneze coletul în Elveția sau să ofere guvernului cărțile pentru confiscare. Destinatarii au preferat cea din urmă măsură.

Totodată, ministrul de interne m-a asigurat de faptul că el este decis să ia toate măsurile necesare pentru încetarea oricăror activități revoluționare pe teritoriul României îndreptate împotriva Rusiei.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 51–52.

---

[1] Vladimir Valerianovici Trjețiak (Тржецяк), coordonator al Agenturii Balcanice a Departamentului Poliției de pe lângă Ministerul Afacerilor Interne în anii 1902–1904 (В. Б. Каширин, *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014, p. 171–184, 623). Agentura Balcanică a Departamentului Poliției de pe lângă M.A.I. a fost creată în 1882 și desființată în 1904 (*Ibidem*, p. 168–184).

[2] Ecaterina Arbore (1875–1937), fiica lui Zamfir Ralli-Arbore / Zamfir C. Arbore (1848–1933).

[3] În 1881.

[4] România a devenit parte a rutelor prin care literatura de stânga ajungea din Europa Occidentală în Rusia din anii 1870. Iașul reprezenta un punct nodal important în traficul de cărți și ziare.

[5] Vasile Lascăr (1853–1907). A fost ministru de Interne în anii 1896–1897 și 1902–1904.

[6] Referire posibilă la Constantin Mille, redactorul ziarului „Adevărul”.

102

Яссы, 6 марта 1903 г., № 31. Выписка из донесения титулярного советника Булаха[1]

Составляющее участок ясского кладбища „Eternitate” русское военное кладбище, на котором погребены чины нашей армии, умершие в Яссах в 1877 и 1878 годах[2], пришло в полный упадок; границы его представляются недостаточно точными; лишь над очень немногими могилами поставлены кресты и памятники, требующие ныне поправок; местная власть, давно уже завладев фактически значительной частью русского

кладбища, разрешила хоронить там беднейших румын; кроме того, на нём погребено много мусульман, большей частью, пленных турок.

В целях улучшения и упорядочения состояния всего кладбища, по мнению управляющего нашим консульством, представлялось бы желательным точное установление границы кладбища, воспрещение местной властью хоронить впредь на нём посторонних лиц и поправка уцелевших памятников над могилами русских офицеров[3]. Вместе с тем желательным явилось бы служение на кладбище раз в год торжественной панихиды.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 1699, Лист 6.

---

[1] Александр Юрьевич Булах (1880–1918). Был назначен секретарём Консульства в Яссах 8 января 1903 г. Управлял Консульством с 7 июля по 27 августа 1905 г.

[2] На кладбище Eternitatea («Вечность») в Яссах были похоронены более 900 русских офицеров и солдат, погибших во время войны 1877–1878 гг. В августе 1878 г. на 40-м участке ясского кладбища был торжественно открыт памятник с надписью: «Русские – русским. 1877–1878». (См.: *Cimitirul Eternitatea Iași* / Ed. L. Vasiliu, I. Holban. Iași, Casa de Presă – Editură Cronica, 1995. P. 16–17).

[3] В начале следующего, 1904 г., ясские городские власти приняли решение запретить будущие захоронения других умерших на территории данного участка кладбища.

Iași, 6 martie 1903, nr. 31. Extras din raportul consilierului titular Bulah[1]

Cimitirul militar rus, reprezentând un sector din cimitirul „Eternitate” al orașului Iași, unde sunt înmormântați militari ai armatei noastre, decedați în Iași în anii 1877 și 1878[2], a ajuns într-o stare jalnică; limitele acestuia nu sunt suficient de clare; doar pe foarte puține morminte au fost instalate cruci și monumente funerare, care au nevoie în prezent de reparații; autoritățile locale, care au pus, de fapt, demult mâna pe o parte importantă a sectorului rus din cimitir, au permis înmormântarea acolo a celor mai săraci români; în plus, acolo sunt înmormântați și mulți musulmani, în cea mai mare parte prizonieri turci.

În vederea îmbunătățirii și ordonării stării întregului cimitir, din punctul de vedere al directorului consulatului nostru, s-ar impune o stabilire clară a limitelor cimitirului, interzicerea pentru administrația locală de a înmormânta în viitor aici persoane străine și repararea monumentelor funerare existente pe mormintele ofițerilor ruși[3]. Totodată, ar fi de dorit și organizarea la cimitir, o dată pe an, a unui parastas solemn.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 1699, fila 6.

---

[1] Alexandr Iurievici Bulah (1880–1918). A fost numit secretar al Consulatului rus din Iași pe data de 8 ianuarie 1903. Între 7 iulie și 27 august 1905 a condus Consulatul din Iași.

[2] În cimitirul Eternitatea din Iași au fost înmormântați peste 900 de militari ruși care au murit în timpul războiului din 1877–1878. În august 1878, în parcela 40 a cimitirului a fost inaugurat un monument cu inscripția „Русские – русским 1877–1878” (Rușii – rușilor 1877–1878) (*Cimitirul Eternitatea Iași*, coordonare generală și revizie Lucian Vasiliu, Ioan Holban, Iași, Casa de Presă – Editură Cronica, 1995, p. 16–17).

[3] La începutul anului 1904, Primăria Iași a dispus să nu se mai permită înhumarea în respectiva parcelă a altor decedați.

103

Бухарест, 21 марта 1903 г. № 492. Сомов – графу Ламсдорфу

Доверительно

Во исполнение предписания Вашего Сиятельства от 6 минувшего февраля за № 22, я не преминул войти в доверительное объяснение с румынским министром иностранных дел[1] по поводу задержания и выдачи русским пограничным властям, на основании постановления Римской конференции[2], анархиста Менделя Розенбаума[3].

Господин Брэтиану заметил мне, что, по румынским законам, высылаемый из страны иностранец имеет право выбрать сам пограничный пункт для выезда[4], и потому выдача Розенбаума не может состояться. Я возражал господину Брэтиану, что его предшественник господин Стурдза неоднократно давал заверения, как явствует из донесения гофмейстера Фонтона от 1 сентября 1902 г., № 1332[5], что обстоятельство это не будет служить помехой, и что румынское правительство, глубоко сочувствуя мерам, принимаемым против анархистов, всегда найдёт возможность административным путём пополнить этот пробел своего законодательства.

Господин Брэтиану заявил мне, что он должен предварительно навести справки и что, во всяком случае, трудно разыскать Розенбаума, который проживает, вероятно, в Бухаресте под чужим именем.

Ввиду сего я сообщил румынскому министру точный адрес Розенбаума в Бухаресте, доставленный мне агентом департамента полиции, ротмистром Тржецяком[6], а равно и подробные сведения о его жизни в этом городе, знакомых, а также, что он ежедневно посещает русского эмигранта Ралли[7], принявшего румынское подданство и фамилию Арборе. Лицо это находится на службе[8] и является главным помощником бухарестского префекта[9]. В продолжение трёх недель господин Брэтиану уверял меня, что ему не удалось добыть сведений от полиции по этому делу. Вчера же он заявил, что, несмотря на самые тщательные розыски, Розенбаума не нашли в Бухаресте, и что переданный мною адрес неточен. Вероятно, прибавил он, Розенбаум узнал, что его разыскивают, и выехал из Бухареста.

Ротмистр же Тржецяк, который давно уже установил негласный надзор за Розенбаумом, сообщил мне, что в тот же день, когда я доверительно беседовал с румынским министром иностранных дел, заявление моё стало известно Ралли-Арборе, который и предупредил Розенбаума о грозившей ему опасности.

Одновременно Ралли велел изготовить румынский заграничный паспорт, который предназначался для Розенбаума, если бы ему пришлось выехать за границу. Паспорт этот лежит ещё в префектуре, что доказывает, что Розенбаум не покидал Румынии, а перенёс центр своей деятельности по провозу в Россию запрещённых изданий в какой-нибудь маленький город, менее на виду, чем в Бухаресте. Ротмистр Тржецяк утратил пока его след; скрылся же он немедленно после разговора, который я имел с господином Брэтиану.

Случай этот наглядно показывает полную неискренность даваемых румынским правительством заверений о готовности его содействовать мероприятиям, направленным против преступной деятельности анархистов. Из вышеизложенного, напротив, явствует, что королевское правительство по-прежнему продолжает потворствовать русским эмигрантам.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 673, Лист 22–22 об.

[1] Ион И. К. Брэтиану.

[2] Об этом также см. док. № 72 от 5 декабря 1901 г. и № 76 от 9 апреля 1902 г.

[3] Менахем Мендель Абрамович Розенбаум (Розенбейм). Учился в Берлинском университете и был редактором газеты «Русский рабочий». С 1897 г. член Союза социалистов-революционеров. Занимался транспортировкой революционной литературы в Россию. В 1905 г. сослан в Архангельскую губернию.

[4] Здесь имеется в виду «Закон об иностранцах», принятый в 1881 г. Об этом также см. док. № 76 от 9 апреля 1902 г., прим. 3.

[5] Не публикуется.

[6] См. док. № 101 от 29 января 1903 г., прим. 1.

[7] Имеется в виду Замфир Ралли-Арборе.

[8] З. Ралли-Арборе был в это время сотрудником румынского Департамента статистики.

[9] Янку Сайта (1862–1914). Занимал должность префекта полиции Бухареста с декабря 1902 по декабрь 1904 г.

București, 21 martie 1903, nr. 492. Somov către contele Lamsdorff

Confidențial

Pentru a da curs dispoziției Luminăției Voastre din 6 februarie c., având nr. 22, eu am avut o discuție confidențială cu ministrul român al Afacerilor Străine[1] privitoare la reținerea și predarea către autoritățile de frontieră ruse, în conformitate cu decizia Conferinței de la Roma[2], a anarhistului Mendel Rosenbaum[3].

Domnul Brătianu mi-a atras atenția asupra faptului că, potrivit legislației românești, străinul deportat din România are dreptul de a alege singur punctul de frontieră prin care urmează să părăsească țara[4], din care motiv Rosenbaum nu poate fi predat. I-am replicat domnului Brătianu, afirmând că predecesorul său, domnul Sturdza, ne-a asigurat de nenumărate ori, așa cum rezultă din raportul hofmeister-ului Fonton, din 1 septembrie 1902, nr. 1332[5], că această circumstanță nu va reprezenta un obstacol și că guvernul român, încuviințând totalmente măsurile luate împotriva anarhiștilor, va găsi mereu o posibilitate de a completa prin măsuri administrative această lacună a legislației locale.

Domnul Brătianu mi-a declarat că, înainte de a se lua o decizie, el ar dori să se informeze și că, în orice caz, Rosenbaum, care locuiește, foarte probabil, în București sub alt nume, ar fi greu de găsit.

De aceea, i-am comunicat ministrului român adresa exactă din București a lui Rosenbaum, care mi-a fost pusă la dispoziție de către agentul departamentului de poliție, rotmistr-ul Trjețiak[6], la fel ca și informații detaliate privitoare la viața lui în acest oraș și cunoștințele sale, vorbindu-i, de asemenea, despre faptul că el îl vizitează zilnic pe emigrantul rus Ralli[7], care a obținut cetățenia română și numele de familie Arbore. Această persoană activează în administrație[8], fiind principalul ajutor al prefectului de București[9]. Timp de trei săptămâni, domnul Brătianu m-a asigurat că el nu a reușit să obțină de la poliție informații legate de acest dosar. Ieri mi-a declarat însă că, chiar dacă au fost efectuate căutări foarte minuțioase, Rosenbaum nu a fost găsit în București și că adresa comunicată de mine nu este corectă. Este posibil, a mai adăugat el, că Rosenbaum a aflat că este căutat și a părăsit Bucureștiul.

Însă, rotmistr-ul Trjețiak, care a instituit mai demult o supraveghere secretă a lui Rosenbaum, mi-a comunicat că, chiar în ziua în care am discutat confidențial cu ministrul român al Afacerilor Străine, declarația mea a devenit cunoscută lui Ralli-Arbore, care l-a și avertizat pe Rosenbaum despre pericolul care îl amenința.

În același timp, Ralli a dispus întocmirea unui pașaport românesc, destinat lui Rosenbaum, pentru situația în care acesta ar fi fost obligat să plece peste hotare. Acest pașaport se află încă la prefectură, fapt care demonstrează că Rosenbaum nu a părăsit

România, ci a mutat locul activității sale de transportare în Rusia a publicațiilor interzise în vreun oraș mic, mai puțin expus atenției decât Bucureștiul. Rotmistr-ul Trjețiak i-a pierdut pentru moment urmele; este evident că acesta s-a ascuns imediat după discuția pe care am avut-o cu domnul Brătianu.

Acest caz demonstrează clar lipsa totală de sinceritate a asigurărilor făcute de către guvernul român privind disponibilitatea de a-și aduce contribuția la acțiunile îndreptate împotriva activității criminale a anarhiștilor. Dimpotrivă, din cele prezentate mai sus, rezultă că guvernul regal continuă să fie îngăduitor cu emigranții ruși.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 673, filele 22–22 verso.

---

[1] Ion I. C. Brătianu.

[2] A se vedea doc. nr. 72 din 5 decembrie 1901 și nr. 76 din 9 aprilie 1902.

[3] Menahem Mendel Abramovici Rosenbaum (Rosenbeim). A studiat la Universitatea din Berlin și a fost redactor al ziarului „Русский рабочий”. Din 1897 a fost membru al Uniunii Socialiștilor Revoluționari. Se ocupa de transportul literaturii revoluționare în Rusia. În 1905 a fost deportat în gubernia Arhanghelsk.

[4] „Legea asupra străinilor” din 1881. A se vedea doc. nr. 76 din 9 aprilie 1902, nota 3.

[5] Nu se publică.

[6] Doc. nr. 101 din 29 ianuarie 1903, nota 1.

[7] Zamfir Ralli-Arbore.

[8] Ralli-Arbore activa la Departamentul de Statistică.

[9] Iancu Saita (1862–1914). Prefect al Poliției București în perioada decembrie 1902 – decembrie 1904.

104

Бухарест, 14 апреля 1903 г., № 26. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Доверительно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Из предшествующих моих донесений Вашему Сиятельству небезызвестно, что за последние годы власть короля Карла сильно возросла в Румынии. Его Величество является ныне главным руководителем политики королевства, в особенности же, в вопросах, касающихся внешних его сношений[1].

Личные убеждения короля и всё его воспитание побуждают его усиленно работать на пути водворения в Румынии немецкой культуры и сближения её с Австро-Венгрией и Германией. Стоит только посмотреть вышедшие уже из печати четыре тома журнала короля[2], чтобы убедиться, насколько Его Величество проникнут чувством недоброжелательности к России и славянству, страхом перед ними и верою, что ему надлежит искать поддержку и спасение на Западе.

Благодаря германской своей настойчивости и недоразумениям, возникшим между нами и румынами[3], король мог проводить в стране политические свои взгляды не без успеха. Но он не снискал любви и популярности среди своих подданных. Он не сумел стать румыном, слишком явно обнаруживал своё пренебрежение к управляемому им народу и придал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в её германизации и в водворении в неё германских интересов.

Такое его отношение не может не оскорблять национальное чувство румын. Не подлежит сомнению, что многие из них вполне сознают, что, при всех личных достоинствах короля Карла, продолжительное его царствование наносит вред национальному развитию Румынии, являясь проводником и оплотом не национальных, а чужеземных интересов в стране.

Это сознание ныне мало проявляется, вследствие слабости политических партий, отсутствия в них энергичных руководителей и их зависимости, по последней причине, от воли короля. Оно бесспорно, однако, вызовет со временем сильное противодействие нынешнему правительственному течению. Оно приведёт, равным образом, и к более разумному отношению к России.

При всём том, как ни казалось бы, что, при настоящих обстоятельствах, смена у власти одного Министерства другим не могла бы иметь серьёзного результата, она не лишена, однако, некоторого значения.

В лице господина Стурдзы король находит не только послушного исполнителя своих предначертаний, но и глубоко убеждённого приверженца Германии, опытного администратора, в течение всей своей пятидесятилетней государственной деятельности упорно работавшего против России и внёсшего за последнее время некоторое благоразумие в свою страстность не по раскаянию, а лишь по дряхлости лет и ослаблению с годами энергии.

Из других румынских политических деятелей я мог бы указать лишь на вождя жунимистов, господина Карпа[4], как на столь же упорного недоброжелателя России, ярого приверженца союза с Австро-Венгрией.

В других же вождях партий, как либерального, так и консервативного лагеря, король едва ли встретит столь же убеждённое рвение.

Ввиду этого, я полагаю, что падение Министерства господина Стурдзы может быть нам только на руку.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 117–120 об.

---

[1] Подробнее о роли короля Карла I в руководстве внешней политикой Румынии в период, предшествовавший Первой мировой войне, см.: Dinu R. *Diplomația Vechiului Regat, 1878–1914. Studii*. București, Monitorul Oficial, 2014. P. 19–108; Idem. *King Charles I and Decision Making Process in the Romanian Foreign Policy before the First World War // Romanian and European Diplomacy From Cabinet Diplomacy to the 21st Century Challenges* / Ed. by Gh. Cliveti, A.-B. Ceobanu, A. Vițalaru, I. Nistor. Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza"; Trieste, Beit Casa Editrice, 2012. P. 122–139.

[2] Kremnitz M. *Aus dem Leben König Karls von Rumänien: Aufzeichnungen eines Augenzeugen*. 4 Bde. Stuttgart, Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1894–1900.

[3] В завершающий период войны 1877–1878 гг.

[4] Петре П. Карп.

București, 14 aprilie 1903, nr. 26. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff
Confidențial

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Din rapoartele mele anterioare, Luminăția Voastră a aflat deja că, în ultimii ani, regele Carol și-a consolidat mult puterea în România. Majestatea Sa este în prezent

conducătorul principal al politicii regatului, în special în chestiuni care privesc relațiile externe ale acestuia[1].

Convingerile personale ale regelui și toată educația sa îl determină să lucreze cu hotărâre pentru instaurarea în România a culturii germane și pentru apropierea ei de Austro-Ungaria și Germania. Este suficient să aruncăm o privire asupra celor patru tomuri din jurnalul regelui, care au ieșit deja de sub tipar[2], pentru a ne convinge cât de mult este pătruns Majestatea Sa de spiritul de ostilitate față de Rusia și lumea slavă, de frica față de acestea și de convingerea că trebuie să caute sprijin și salvare în Occident.

Grație perseverenței sale germane și din cauza neînțelegerilor care au apărut între noi și români[3], regele și-a putut impune în țară, nu fără succes, opiniile sale politice. Dar el nu a reușit să obțină dragostea și popularitatea printre supușii săi. Nu a reușit să devină român, deoarece și-a manifestat în mod prea evident disprețul față de poporul pe care îl conduce și a imprimat activității sale caracterul unei binefaceri străine, bazate pe convingerea că viitorul României rezidă în germanizarea sa și în impunerea aici a intereselor germane.

O astfel de atitudine a sa nu poate să nu rănească sentimentul național al românilor. Nu reprezintă nici un secret faptul că foarte multă lume conștientizează că, dincolo de toate calitățile regelui Carol, o domnie prelungită a sa aduce deservicii dezvoltării naționale a României, deoarece acesta nu este exponentul și bastionul intereselor naționale în țară, ci al intereselor străine.

Această conștientizare este încă slab reprezentată, din cauza slăbiciunii partidelor politice, lipsei de conducători energici în sânul acestora și, drept consecință, dependenței lor de voința regelui. Cu timpul însă, ea va genera o rezistență puternică împotriva actualului curs al guvernului. Ea va conduce, cu siguranță, și la o atitudine mai rațională față de Rusia.

Chiar dacă, aparent, înlocuirea unui guvern cu altul nu ar avea, în condițiile actuale, consecințe serioase, o astfel de schimbare nu este totuși lipsită de o oarecare importanță.

În persoana domnului Sturdza regele găsește nu doar un executant docil al indicațiilor sale, ci și un adept convins și puternic al Germaniei, un administrator experimentat, care, în timpul activității sale politice de jumătate de secol, a lucrat cu perseverență împotriva Rusiei, chiar dacă în ultima vreme, nu din căință, ci din cauza bătrâneții și a slăbirii cu anii a energiei, a imprimat o anumită doză de rațiune activității sale.

Dintre ceilalți oameni politici români, aş mai putea face trimitere la conducătorul junimiștilor, domnul Carp[4], un alt răuvoitor îndârjit al Rusiei și adept înflăcărat al alianței cu Austro-Ungaria.

În ceilalți conducători ai partidelor, atât din tabăra liberalilor, cât și din cea a conservatorilor, este puțin probabil ca regele să găsească aceeași râvnă asumată conștient.

Din aceste motive, consider că o eventuală cădere a guvernului domnului Sturdza nu ne poate fi decât favorabilă.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 117–120 verso.

[1] Pentru rolul regelui Carol I în politica externă a României înainte de Primul Război Mondial: Rudolf Dinu, *Diplomația Vechiului Regat, 1878–1914. Studii*, București, Monitorul Oficial, 2014, p. 19–108; Idem, *King Charles I and Decision Making Process in the Romanian Foreign Policy before the First World War*, în *Romanian and European Diplomacy From Cabinet Diplomacy to the 21st Century Challenges*, ed. by Gh. Cliveti, Adrian-Bogdan Ceobanu, Adrian Viţalaru, Ionuţ Nistor, Iaşi, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”; Trieste, Beit Casa Editrice, 2012, p. 122–139.

[2] Mite Kremnitz, *Aus dem Leben König Karls von Rumänien: Aufzeichnungen eines Augenzeugen*, 4 Bde, Stuttgart, Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1894–1900.

[3] La sfârşitul războiului din 1877–1878.

[4] P. P. Carp.

105

Бухарест, 10 мая 1903 г., № 31. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

16-го мая празднует столетний юбилей 18-ый вологодский полк имени Его Величества короля румынского[1]

К этому дню прибудет в Россию военная румынская депутация, состоящая из офицеров и одного нижнего чина, для принесения полку поздравлений Его Величества.

Во главе депутации поставлен полковник Авереску[2], один из лучших офицеров румынского Генерального штаба, не раз уже ездивший в Россию и хорошо знакомый с русским языком.

По желанию короля, полковник Авереску привёз в императорскую миссию, с тем чтобы показать мне их, подарки, посылаемые Его Величеством как офицерам, так и нижним чинам полка.

Эти подарки действительно очень щедры. Кроме роскошного серебряного настольного украшения для офицерского собрания, король жалует нескольких офицеров румынскими орденами и дарует унтер-офицерам по серебряной табакерке с вензелем Его Величества, а участникам кампании 1877 года, оставшимся ещё служить в полку, серебряные часы с цепью, с изображением на часах с лицевой стороны портрета Его Величества, а с оборотной румынского орденского креста за переход через Дунай[3].

Сегодня на параде по случаю национального праздника Румынии[4], Его Величество соизволил заявить мне, что он горячо принимает к сердцу юбилей полка своего имени и очень радуется, что румынские офицеры поспеют к месту назначения к первому же дню предстоящих празднеств[5].

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 152–153 об.

---

[1] Румынский король стал почётным командиром этого полка 18 июля 1898 г. Об этом см. также док. №№ 90 и 91 от 26 ноября 1902 г.

[2] Александру Авереску.

[3] Этот румынский орден был введён королевским указом № 617 от 23 марта 1878 г.

[4] 10 мая 1866 г. принц Карл был провозглашён правителем Соединённых Княжеств / Румынии; 10 мая 1877 г. Румыния провозгласила свою независимость; наконец, 10 мая 1881 г. состоялась коронация Карла I, ставшего королём Румынии.

[5] Румынская военная делегация, состоявшая из пяти офицеров, прибыла в Новоград-Волынск 14 мая 1903 г. Более подробно об организации и ходе этих торжественных церемоний, а также об участии в них румынской военной делегации см. в заметке: Мурин. *Новоград-Волынск* // „Разведчик", 1903. С. 661–662.

București, 10 mai 1903, nr. 31. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe data de 16 mai, Regimentul 18 de Vologda, al cărui șef este Majestatea Sa regele român[1], aniversează o sută de ani de la fondare.

Cu această ocazie, pentru a prezenta urările de bine din partea Majestății Sale, urmează să sosească în Rusia o delegație militară românească, formată din ofițeri și un militar de grad inferior.

În fruntea delegației a fost numit colonelul Averescu[2], unul dintre cei mai buni ofițeri ai Cartierului General al armatei române, care a vizitat de mai multe ori Rusia și cunoaște foarte bine limba rusă.

La dorința regelui, colonelul Averescu a adus la legația imperială, pentru a mi le arăta, cadourile pe care Majestatea Sa urmează să le trimită atât ofițerilor, cât și militarilor de grad inferior.

Aceste cadouri sunt, într-adevăr, foarte generoase. Alături de un luxos serviciu de masă din argint pentru sala ofițerilor, regele decernează câtorva ofițeri ordine românești și oferă fiecărui subofițer câte o tabacheră de argint cu monograma Majestății Sale, iar participanților la campania din 1877, care mai sunt încă activi în regiment, ceasuri de argint cu lănțișor, cu imaginea Majestății Sale pe partea din față și Crucea ordinului românesc „Trecerea Dunării"[3] pe partea din spate.

La defilarea de azi, organizată cu ocazia sărbătorii naționale a României[4], Majestatea Sa a avut bunăvoința de a-mi declara că el se gândește foarte mult la aniversarea regimentului care îi poartă numele și se bucură nespus de mult că ofițerii români vor reuși să ajungă la destinație chiar în prima zi a festivităților preconizate[5].

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 152–153 verso.

---

[1] Din 18 iulie 1898. A se vedea și doc. nr. 90 și 91 din 26 noiembrie 1902.

[2] Alexandru Averescu.

[3] Medalie instituită prin Decretul regal nr. 617 din 23 martie 1878.

[4] 10 mai 1866 – principele Carol a devenit domnitor al Principatelor Unite / României; 10 mai 1877 – România și-a proclamat independența; 10 mai 1881 – încoronarea lui Carol I ca rege al României.

[5] Delegația militară română, formată din cinci ofițeri, a sosit la Novogradvolânsk pe data de 14 mai 1903. Pe larg despre desfășurarea ceremoniilor și participarea delegației române: Мурин. *Новоград-Волынск*, în „Разведчик", 1903, p. 661–662.

106

Бухарест, 6 июня 1903 г., № 38. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Белградские кровавые события[1] произвели крайне тяжёлое впечатление в Румынии. Вся пресса, как правительственная, так и оппозиционная, осуждает в самых

резких выражениях измену сербских офицеров и столь зверски произведённые ими убийства.

Тягость впечатления в придворных и военных сферах Румынии усиливается ещё тем, что жестоким исполнителем гнусного заговора был 6й полк, шефом которого состоит Его Величество король Карл[2]. Передавая мне об этом последнем обстоятельстве, министр иностранных дел сообщил мне, что негодованию короля не было предела, и что сербскому здесь посланнику было официально заявлено, что Его Величество не считает возможным оставаться шефом полка, низвергшего своего государя[3].

Это заявление было с намерением сделано ещё до избрания нового короля, чтобы отказ короля Карла не мог быть истолкован как акт недоброжелательства по отношению к вновь избранному сербскому правителю.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 184–185.

---

[1] 29 мая / 11 июня 1903 г. в результате заговора молодых офицеров в Сербии произошёл государственный переворот. Заговорщики свергли династию Обреновичей, жестоко убив короля Александра, королеву Драгу и двух её братьев, а также главу правительства и военного министра. См. подробно: Васић Д. *Деветсто трећа.* Београд, 1925; *Югославия в XX веке: Очерки политической истории* / Отв. ред. К. В. Никифоров. Москва, Индрик, 2011. С. 13–22.

[2] Король Карл получил почётное звание шефа 6-го пехотного полка 18/30 августа 1884 г., во время его поездки в Белград. Об этом см.: Carol I al României. *Jurnal* / Ed. V. Docea. Vol. I (1881–1887). Iași, Polirom, 2007. P. 316.

[3] Король Карл был уверен, что его заявление и реакция на белградские события получили одобрение и положительную оценку в Санкт-Петербурге и Вене. См.: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 417.

București, 6 iunie 1903, nr. 38. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Evenimentele sângeroase de la Belgrad[1] au produs o impresie deosebit de gravă în România. Întreaga presă, atât cea guvernamentală, cât și cea de opoziție, condamnă fără menajamente trădarea ofițerilor sârbi și crimele odioase comise de aceștia.

Impresia apăsătoare produsă în anturajul regelui și în cercurile militare ale României este amplificată și de faptul că executantul sălbatic al complotului infam a fost regimentul 6, aflat sub patronajul Majestății Sale, regele Carol[2]. Aducându-mi la cunoștință acest din urmă aspect, ministrul Afacerilor Străine mi-a comunicat că indignarea regelui a fost fără margine, trimisului sârb de aici comunicându-i-se oficial că Majestatea Sa nu mai consideră posibil să patroneze în continuare un regiment care și-a răsturnat suveranul[3].

Această declarație a fost făcută intenționat încă înainte de alegerea noului rege, pentru ca refuzul regelui Carol să nu poată fi interpretat drept act ostil față de nou alesul conducător sârb.

Cu deosebit respect și devotament total, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 184–185.

[1] Pe data de 29 mai / 11 iunie 1903, în Serbia a avut loc o lovitură de stat, condusă de un grup de tineri ofițeri, în timpul căreia au fost uciși regele Aleksandar, regina Draga, doi frați ai acesteia, prim-ministrul și ministrul de Război. În urma loviturii de stat, dinastia Obrenović a fost îndepărtată de la putere. Pentru detalii: Драгиша Васић, *Деветсто трећа,* Београд, 1925; *Югославия в XX веке: Очерки политической истории,* ответственный редактор К. В. Никифоров, Москва, Индрик, 2011, p. 13–22.

[2] Regele Carol a fost numit șef al Regimentului 6 de Infanterie pe data de 18/30 august 1884, în timpul unei călătorii la Belgrad (Carol I al României, *Jurnal*, ediție de Vasile Docea, vol. I (1881–1887), Iași, Polirom, 2007, p. 316).

[3] Regele Carol era convins că gestul său a fost bine apreciat la Sankt Petersburg și Viena (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 417).

107

Бухарест, 21 июня 1903 г., № 42. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Доверительно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Нынешний министр иностранных дел, господин Брэтиану, относящийся с особенным благоговением к памяти отца своего[1], неоднократно в беседах со мною усиленно доказывал, что покойный Ион Брэтиану, известный вождь либеральной партии, приведший в 1866 году Карла Гогенцоллерна в Румынию, был приверженцем России. Он был, будто бы, искренне убеждён в том, что жизненные интересы Румынии требуют её сближения с великой единоверной ей соседкой.

Если же ему и приходилось выступать против нас, то это исключительно, будто бы, под влиянием своих товарищей по Министерству, но он всё же сдерживал, будто бы, их не всегда уместные враждебные нам порывы. Мой собеседник не упускал при этом случая уверять, что он искренний поклонник и последователь политических убеждений своего отца и что, будто бы, ныне эти убеждения разделяются уже всеми министрами, находящимися у власти.

В течение последнего нашего разговора на эту тему министр иностранных дел упомянул, что, когда в заграничной печати распространился слух о том, что заключена военная конвенция между Румынией и Австро-Венгрией, он поспешил дать моему предместнику[2] заверения в неверности этого слуха и думал даже официально опровергнуть его, но остановился пред опасением дать новый повод к газетным толкам и пересудам.

К сожалению, ход политических событий и действий не раз облагодетельствованного нами молодого королевства далеко не подтверждает слова велеречивого министра.

Я имел уже случай ссылаться на появившиеся в печати записки о жизни короля Карла Румынского. Полагаю, что эти записки являются самым убедительным доказательством того, насколько после войны 1877–78 гг. король и румынские государственные деятели искали сближения с Германией и Австро-Венгрией и подпали влиянию Тройственного союза. Позволяю себе приложить при сём копию с приведённого в этих записках письма графа Андраши[3] к Его Величеству. В нём изложены

принципы, проводимые, по-видимому, королём в своей политике со свойственной ему немецкой настойчивостью.

Последовавшие затем посещение Румынии императором Францем Иосифом[4], при особенно пышной остановке, неоднократный приезд австрийских генералов и посылка с 1895 года румынских офицеров исключительно в Германию и Австро-Венгрию, тогда как раньше они командировались во Францию, создали такую атмосферу, что в самой Румынии общественное мнение глубоко верит в союз королевства с Тройственными державами. Господину Брэтиану, в случае, если он и прав с формальной стороны, отрицая существование военной конвенции[5], трудно было бы убедить в том своих же сородичей.

При всём том, я должен заметить, что за последнее время, в особенности же за последние два месяца, здесь чувствуется некоторое разочарование по отношению к Австро-Венгрии и опасение за будущее. Венгерский Министерский кризис[6] произвёл сильное впечатление как на короля, так и на его правительство. Мне стало известно, что, принимая на этих днях бельгийского посланника[7], Его Величество озабоченно говорил ему об известиях, получаемых из Будапешта. Белградская резня, сказал будто бы ему король, гнусное явление, не могущее, однако, иметь крупных политических результатов, между тем, как венгерские события чреваты серьёзными последствиями.

Господин Брэтиану не менее озабоченно передавал мне, что он поражён, насколько открыто венгерцы рассуждают о своём отделении от Австрии, и что брожение в Венгрии отражается и на румынском её населении, принимающем, со своей стороны, меры самообороны против мадьяризации Трансильвании и Буковины.

Возникающее постепенно сомнение в целесообразности тяготения к Австро-Венгрии вызывает в румынах вопрос, не было ли бы вернее искать им поддержки в нас? Нельзя ожидать быстрого решения этого вопроса в нашу пользу. Сочувствующему нам течению приходится бороться с такими крупными факторами как более чем двадцатилетняя усиленная работа к водворению в крае германо-австрийских симпатий и вполне немецкая природа короля, сумевшего благодаря нравственным своим качествам и своей настойчивости приобрести сильное влияние на политическую жизнь Румынии.

Тем не менее, я не могу не придавать серьёзного значения проявляющимся стремлениям заручиться нашим содействием в вопросах, близко касающихся интересов Румынии, содействием, являющимся в глазах враждебного нам до сих пор Министерства господина Стурдзы более ценным, чем та поддержка, которую оно находило до сих пор в своих австро-германских друзьях.

Я глубоко убеждён, что нам не следует пренебрегать этими стремлениями, а потому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать снабдить меня указаниями по тем вопросам, по которым обращался уже к нам председатель румынского Совета министров[8].

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 197–202.

---

[1] И. К. Брэтиану, бывший премьер-министр Румынии.

[2] Имеется в виду Николай Антонович Фонтон, посланник Российской империи в Румынии с апреля 1891 до октября 1902 г.

[3] Имеется в виду граф Дьюла Андраши (1823–1890), бывший премьер-министр Венгрии и министр иностранных дел Австро-Венгерской Монархии.

[4] Последний визит Франца Иосифа в Румынию состоялся между 16/28 и 18/30 сентября 1896 г. Об этом также см.: *ДДРПР, 1888–1898.* Док. № 66 от 21 сентября 1896 г.

[5] Об этом см. предыдущие документы, опубликованные в данном сборнике и касающиеся вопросов, затронутых Гирсом в этом донесении.

[6] Толчком к кризису послужило стремление венгерской оппозиции осуществить программу «мадьяризации» общей австро-венгерской армии. Оно сорвало принятие военного законопроекта в парламенте и парализовало его работу. Либеральный кабинет Коломана (Кальмана) Селля в мае 1903 г. был вынужден уйти в отставку. См. : Исламов Т. М. *Политическая борьба в Венгрии в начале XX в.* М., Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 58–60.

[7] Имеется в виду Эжен-Наполеон Бейенс.

[8] Ознакомившись с донесением Гирса 25 июня в Петергофе, Николай II наложил резолюцию: «Совсем отталкивать Румынию, конечно, не следует». После этого своё решение изложил Ламсдорф: «Надо изготовить ответ господину Гирсу в смысле Высочайшей резолюции и обсудить затронутые Стурдзой специальные вопросы». Черновик и окончательный текст этого доверительного письма Ламсдорфа Гирсу за № 815 от 7 августа см: АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 673. Л. 68–69.

București, 21 iunie 1903, nr. 42. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Actualul ministru al Afacerilor Străine, domnul Brătianu, care are o atitudine plină de venerație față de memoria tatălui său[1], a insistat de nenumărate ori în discuțiile avute cu mine asupra faptului că defunctul Ion Brătianu, cunoscutul conducător al Partidului Liberal, care l-a adus, în anul 1866, pe Carol de Hohenzollern în România, a fost un adept al Rusiei. Acesta ar fi fost, chipurile, sincer convins de faptul că interesele vitale ale României impun apropierea de marea sa vecină de aceeași credință.

Chiar dacă a trebuit să ia atitudine împotriva noastră, el a făcut, se spune, acest lucru sub influența colegilor săi din guvern, reușind, chipurile, să stăvilească pornirile lor inadecvate, ostile nouă. Interlocutorul meu nu a ratat, în tot acest timp, ocazia de a mă asigura de faptul că el este un adept sincer și un partizan al convingerilor politice ale tatălui său și că, chipurile, aceste convingeri sunt împărtășite în prezent de către toți miniștrii aflați la putere.

În timpul ultimei noastre discuții, ministrul Afacerilor Străine a amintit că, atunci când în presa străină a fost vehiculat zvonul privitor la încheierea unei convenții militare între România și Austro-Ungaria, el s-a grăbit să îl asigure pe predecesorul meu[2] de faptul că acest zvon este unul fals și că s-ar fi gândit chiar să-l dezmintă oficial, fiind oprit doar de teama de a nu oferi un nou pretext pentru interpretări și bârfe gazetărești.

Din păcate, desfășurarea evenimentelor politice și acțiunile tânărului regat, care a fost de atâtea ori copleșit de noi cu binefaceri, nu confirmă, nici pe departe, cuvintele emfaticului ministru.

Am avut deja ocazia de a face trimitere la însemnările despre viața regelui Carol al României apărute în presă. Sunt de părere că aceste însemnări reprezintă cea mai convingătoare dovadă a faptului, cât de mult au căutat, după războiul din 1877-78, regele și oamenii politici români apropierea de Germania și Austro-Ungaria, care s-a soldat cu intrarea sub influența Triplei Alianțe. Îmi permit să vă pun la dispoziție și o copie, din amintitele însemnări, a unei scrisori a contelui Andrássy[3] către Majestatea Sa. În aceasta sunt prezentate principiile urmărite de către rege în politica sa, cu perseverența germană care îl caracterizează.

Vizita în România a împăratului Franz Josef[4], care a urmat după aceasta, într-o atmosferă cu totul fastuoasă, sosirile frecvente ale generalilor austrieci și trimiterea, începând cu anul 1895, a ofițerilor români exclusiv în Germania și Austro-Ungaria, în condițiile în care anterior erau detașați în Franța, au creat o astfel de stare de spirit, încât chiar și în România opinia publică este profund convinsă de existența unei înțelegeri a regatului cu puterile din Tripla Alianță. În cazul în care domnul Brătianu ar avea dreptate din punct de vedere formal, negând existența unei convenții militare[5], lui i-ar fi, totuși, greu să-i convingă de același lucru și pe compatrioții săi.

Totuși, sunt obligat să observ că în ultimul timp, în special în ultimele două luni, aici este resimțită o oarecare dezamăgire față de Austro-Ungaria și o îngrijorare pentru viitor. Criza guvernamentală din Ungaria[6] a produs o impresie puternică atât asupra regelui, cât și asupra guvernului. Am aflat că, primindu-l zilele acestea pe trimisul belgian[7], Majestatea Sa i-a vorbit cu îngrijorare despre veștile venite de la Budapesta. Măcelul de la Belgrad, i-ar fi spus regele, este o întâmplare mârșavă, care nu poate avea însă consecințe politice majore, în timp ce evenimentele din Ungaria sunt în stare să genereze urmări foarte serioase.

Cu o îngrijorare asemănătoare, domnul Brătianu mi-a comunicat că el este uluit de modul deschis în care ungurii discută despre separarea lor de Austria și că agitația din Ungaria se reflectă și asupra populației sale românești, care ia, la rândul ei, măsuri de apărare împotriva maghiarizării Transilvaniei și Bucovinei.

Dezvoltarea treptată a unor tot mai mari îndoieli privind oportunitatea gravitării în direcția Austro-Ungariei îi pune pe români în fața dilemei dacă nu ar fi mai indicat să caute sprijin la noi. Nu este cazul să ne așteptăm la o rezolvare rapidă a acestei chestiuni în favoarea noastră. Curentul care ne este favorabil trebuie să se confrunte cu astfel de factori majori ca munca asiduă, dusă pe parcursul a peste douăzeci de ani, pentru instaurarea în țară a simpatiilor germano-austriece și esența evident germană a regelui, care, grație calităților morale și perseverenței sale, a reușit să obțină o influență puternică asupra vieții politice din România.

Chiar și în aceste condiții, nu pot să nu atribui o importanță considerabilă încercărilor de a se obține sprijinul nostru în chestiuni care ating interese specifice ale României, ajutor care apare, în ochii guvernului ostil nouă până acum, condus de domnul Sturdza, mai important decât cel pe care l-a găsit până recent la prietenii săi austro-germani.

Sunt ferm convins că noi nu ar trebui să ignorăm aceste tendințe, motiv pentru care îndrăznesc să o rog, cu deplină supușenie, pe Luminăția Voastră, să nu-mi fie refuzată trimiterea unor instrucțiuni privitoare la acele chestiuni, cu care ni s-a adresat deja președintele Consiliului de Miniștri din România[8].

Cu deosebit respect și devotament total, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 197–202.

---

[1] I. C. Brătianu, fost prim-ministru al României.

[2] Nikolai Antonovici Fonton, ministru plenipotențiar al Rusiei în România în perioada aprilie 1891 – octombrie 1902.

[3] Gyula Andrássy (1823–1890), fost prim-ministru al Ungariei și ministru de Externe al Austro-Ungariei.

[4] 16/28 septembrie – 18/30 septembrie 1896. A se vedea, *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 66 din 21 septembrie 1896.

[5] A se vedea documentele anterioare din acest volum referitoare la aspectele discutate de Giers.

[6] Criza a fost provocată de dorința opoziției ungare de a pune în aplicare programul de „maghiarizare" a armatei comune austro-ungare. Aceasta a blocat în parlament proiectul privind modificarea legislației militare,

iar cabinetul liberal condus de Kálmán Széll a fost obligat să demisioneze (Т. М. Исламов, *Политическая борьба в Венгрии в начале XX в.*, Москва, Издательство Академии наук СССР, 1959, p. 58–62).

[7] Eugène-Napoléon Beyens.

[8] După ce a luat cunoștință la Peterhof de conținutul raportului din 25 iunie al lui Giers, Nikolai II a făcut următoarea însemnare: „Desigur, România nu trebuie respinsă în totalitate". Drept urmare, Lamsdorff a stabilit: „Să se elaboreze un răspuns domnului Giers ținând cont de Înalta dispoziție și să fie discutate chestiunile speciale ridicate de Sturdza". Manuscrisul și forma finală a scrisorii confidențiale a lui Lamsdorff către Giers, cu nr. 815 din 7 august 1903, se păstrează la APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 673, filele 68–69.

108

Синая, 13 августа 1903 г., № 52. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Господин Стурдза возвратился из Вены крайне успокоенный, говорил он мне, и относительно македонских событий.

Злодейское убийство господина Ростковского возбудило некоторую тревогу и опасение за сохранение мира[1], но благодаря энергичному и вполне справедливому образу действий России, ей было дано полное удовлетворение, и она не вышла из соглашения с Австрией[2].

В этом соглашении господин Стурдза видит наилучшую гарантию против международных осложнений и радуется его установлению. Оно преследует цели, вполне отвечающие интересам Румынии, которая должна давать другим маленьким балканским государствам пример скромности и спокойствия, не вмешиваясь в решения обеих великих держав.

Действительно, как я имел уже честь доносить Вашему Сиятельству, в оценке македонского движения, Румыния руководствуется лишь чувством страха пред возможностью усиления Болгарского княжества. Ей нужно, чтобы в Македонии не произошло никаких изменений, могущих подготовить почву к соединению этих провинций с Болгарией, хотя бы и в отдалённом будущем.

Слово «реформы» звучит в румынских ушах не особенно приятно. Безрассудные же поступки болгарских чет им как нельзя более на руку, так как происходящая резня[3] приведёт лишь к ослаблению болгарского элемента в Македонии.

Судьба куцо-влахов, по существу своему, мало интересует румынских политических деятелей, отлично сознающих, что не могут же они создать румынскую провинцию в таком отдалении от королевства[4].

Куцо-влахи им нужны лишь для того, чтобы в момент дележа Македонии променять их на прилегающие к Добрудже болгарские земли и, если судьба улыбнётся, захватить в пределы Румынии Рущук, Шумлу и Варну.

Не трудно решить, насколько нравственно мутить куцо-влахов и пробуждать в них румынские национальные чувства, с целью предать их затем.

Но румынские политиканы не любят затруднять себя подобными вопросами.

Я должен, однако, отдать справедливость нынешнему либеральному министерству, в том, что оно до некоторой степени умерило румынскую пропаганду в

Македонии и ведёт её лишь настолько, насколько ему это необходимо, чтобы не вызвать упрёков оппозиции в измене Отечеству[5].

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 245–248.

[1] Александр Аркадьевич Ростковский являлся российским консулом в Битоли в 1901–1903 гг. 26 июля / 8 августа на въезде в город его застрелил на полицейском посту турецкий жандарм (этнический албанец). Убийство российского дипломата едва не привело к войне, из Севастополя к берегам Турции вышла российская военная эскадра из 14 кораблей. Только извинения турецкого султана Абдул Хамида II перед императором Николаем II, немедленная казнь убийцы и его напарника и освобождение с должности османского наместника в Битоли позволили замять конфликт. Об убийстве см. подробно: Ямбаев М. Л. *Русский консул на Балканах* // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2010. С. 238–240.

[2] Здесь, очевидно, идёт речь о соглашении между Россией и Австро-Венгрией, касающемся проведения реформ в Македонии.

[3] В этом случае имеется в виду Илинденское восстание в Македонии. Подробнее об этом см.: Adanır F. *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979. S. 179 etc.

[4] Подробнее об отношении Румынии к конфликту в Македонии на протяжении 1903 г. и, в частности, о попытках и мерах румынского правительства, принятых в целях защиты и покровительства влахской общины, см.: Nistor I. *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913*. Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009. P. 57–60.

[5] *Ibidem*.

Sinaia, 13 august 1903, nr. 52. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Domnul Sturdza a revenit de la Viena foarte liniștit, inclusiv în chestiunea evenimentelor din Macedonia, așa cum mi-a comunicat chiar el.

Asasinarea mișelească a domnului Rostkovski[1] a generat o oarecare neliniște și temeri în legătură cu păstrarea păcii, dar, grație acțiunilor energice și foarte corecte ale Rusiei, aceasta din urmă a primit satisfacție deplină și nu a ieșit din înțelegerea cu Austria[2].

În respectiva înțelegere domnul Sturdza vede cea mai bună garanție pentru prevenirea unor complicații internaționale și este mulțumit de instaurarea liniștii. Această garanție urmărește scopuri care răspund pe deplin intereselor României, ce este obligată să dea celorlalte state mici din Balcani un exemplu de modestie și liniște, fără a se amesteca în luarea deciziilor de către cele două Mari Puteri.

Într-adevăr, așa cum am avut deja onoarea de a raporta Luminăției Voastre, în abordarea mișcării macedonene, România este ghidată doar de starea de frică față de posibilitatea întăririi principatului bulgar. Ea își dorește ca în Macedonia să nu aibă loc nici un fel de schimbări, care ar putea să pregătească terenul pentru unirea acestor provincii cu Bulgaria, chiar și într-un viitor îndepărtat.

Cuvântul „reforme” nu are o rezonanță prea bună în urechile românilor. Însă, acțiunile iraționale ale cetelor bulgare le convin cât se poate de bine, deoarece măcelul actual[3] va conduce doar la slăbirea elementului bulgar din Macedonia.

În esența sa, soarta cuțovlahilor îi interesează prea puțin pe oamenii politici români, care realizează foarte bine faptul că nu pot să creeze o provincie românească la o depărare atât de mare de regat[4].

Cuțovlahii le sunt de folos doar pentru ca în momentul împărțirii Macedoniei să fie folosiți ca monedă de schimb pentru teritoriile bulgare de la granița cu Dobrogea și, dacă soarta le va surâde, să anexeze la România Ruse, Șumenul și Varna.

Nu este greu să ne dăm seama cât este de etic să provoci agitație în sânul cuțovlahilor, trezind în ei sentimente naționale românești, pentru a-i trăda mai apoi.

Însă oamenilor politici români nu le place să-și complice existența cu astfel de întrebări.

Sunt obligat însă, totodată, să recunosc meritele guvernului liberal actual, care a reușit să tempereze, până la un punct, propaganda românească din Macedonia, insistând doar cât este nevoie pentru a nu fi acuzat de opoziție de trădare de patrie[5].

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 245–248.

---

[1] Alexandr Arkadievici Rostkovskii a fost consul al Rusiei la Bitola în anii 1901–1903. Pe data de 26 iulie 1903, la postul de poliție de la intrarea în oraș, a fost împușcat de către un jandarm turc (etnic albanez). Asasinarea diplomatului rus putea provoca chiar un război, Rusia expediind o escadră formată din 14 nave către granițele turcești. Conflictul militar iminent a putut fi evitat doar în urma scuzelor exprimate de către sultanul Abdul Hamid II, executării imediate a ucigașului și a acolitului său, precum și eliberării din funcție a șefului administrației otomane de la Bitola. Pe larg, despre acest incident: М. Л. Ямбаев, *Русский консул на Балканах*, în *Славянский мир в третьем тысячелетии*, отв. ред. Е. С. Узенева, Москва, Институт славяноведения, 2010, p. 238–240.

[2] Trimitere la planul ruso-austro-ungar de reforme în Macedonia.

[3] Răscoala de Sf. Ilie (Ilinden). Pe larg: Fikret Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979, p. 179 și urm.

[4] Pentru atitudinea României în 1903 față de conflictul din Macedonia, în special demersurile pentru protejarea comunității aromâne: Ionuț Nistor, *„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913,* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza”, 2009, p. 57–60.

[5] *Ibidem*.

109

Синая, 10 сентября 1903 г., № 57. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я не имел ещё чести доносить Вашему Сиятельству о близких и частых сношениях, установившихся между румынами молодого придунайского королевства и их закарпатскими единоплеменниками, вошедшими в состав Венгрии.

Начало этих сношений следует отнести ещё к тридцатым годам прошедшего столетия, когда в княжествах Молдавии и Валахии стали пробуждаться стремления к чисто национальной румынской культуре.

До того времени умственное и духовное развитие княжеств совершалось под сильным влиянием эллинизма.

Не имея возможности бороться против него исключительно местными силами, правители Молдавии и Валахии стали обращаться к содействию закарпатских румын, выписывая из их среды наставников и руководителей для гражданских и духовных учебных заведений княжеств.

К этому более умственному воздействию Трансильвании и Буковины на нынешнюю Румынию присоединилось с 1867 года и некоторое политическое влияние.

С образованием двойственной Австро-Венгерской империи[1] и с начатием усиленной мадьяризации земель, подпавших исключительной власти венгерской короны[2], многие из закарпатских румын, не мирившихся с тяжёлым венгерским ярмом, переходили в придунайские княжества и находили в них подходящую для себя деятельность, как на государственном, так и на общественном поприще.

Они, конечно, не прерывали связей со своими сородичами, оставшимися в венгерских пределах.

Их чуткая отзывчивость ко всем бедствиям, переживаемым трансильванскими их собратьями, создавала немало затруднений бухарестскому правительству, стремившемуся снискать расположение и поддержку Тройственного Союза[3]. Но, вместе с тем, она усиленно подогревала национальные чувства в самом Румынском королевстве.

Ныне же в культурном отношении Румыния достигла развития, ставящего её на один уже уровень с Трансильванией и Буковиной.

Благодаря же своей независимости, она сама уже оказывает на родные ей провинции, находящиеся ещё под венгерским гнётом, то влияние, которое прежде воспринимала от них.

Мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что ни одна из политических партий молодого королевства не пренебрегает этим влиянием.

Каждая из них настойчиво работает над его усилением, имея несомнительно конечной целью подготовить почву к воссоединению этих провинций с Румынией.

Один из выдающихся вожаков консерваторов, господин Таке Ионеску, ещё недавно излагал своё убеждение, что в этом воссоединении зиждется будущность королевства[4].

Румыния, в нынешних её границах, до того-де маленькое государство, что существование её не имеет смысла, и силой обстоятельств её независимость должна исчезнуть. Лишь присоединение к ней Трансильвании и Буковины может спасти её от этой участи.

Глава либералов и явный приверженец германизма, господин Стурдза, столь осторожный в своих заявлениях, когда он стоит у кормила правления, едва ли отличается от этих своих соотечественников. Не далее как третьего дня он предлагал мне снабдить меня руководствами, могущими ознакомить меня с трансильванским вопросом.

Наконец, мне положительно известно, что и король Карл внимательно следит за проявлениями политической жизни в румынских провинциях Венгрии.

В течение настоящего лета Его Величество имел случай высказаться по этому поводу перед влиятельным членом партии жунимистов, господином Филипеску[5].

Господин Филипеску излагал королю своё мнение о необходимости удержать трансильванских румын от участия в парламентских выборах, так как, при лучших условиях, им удастся провести лишь двух или трёх своих кандидатов, что нисколько не соответствует численности румынского населения Венгрии[6].

Полное же воздержание от выборов явилось бы более внушительным протестом против притеснений, творимых мадьярами.

Его Величество горячо восстал против этого взгляда, убеждая своего собеседника в том, что народ, дорожащий своими национальными идеалами, не должен упускать ни единого случая, для проявления своего существования; лишь бы он не являлся при этом нарушителем закона. Полное же воздержание от политической жизни может привести лишь к политической смерти.

Мнение, высказанное Его Величеством, вполне отвечает, полагаю я, его характеру.

При всей своей привязанности к императору Францу Иосифу и дружественных сношениях с Австро-Венгрией, король, не выходя из границ дозволенного, не упустит, полагаю я, ни одного случая, могущего укрепить в трансильванцах их национальные стремления.

События, происходящие ныне в Будапеште[7], благоприятствуют в этом вопросе придунайским румынам и придают более смелости их действиям.

Открыто выступая, даже в официальном органе министерства иностранных дел,[8] против введения венгерского языка в румынских школах венгерского королевства, и угрожая отпадением Трансильвании и Буковины, они как бы не нарушают добрососедских отношений к Австро-Венгрии, являясь как бы защитниками империи против чрезмерных мадьярских притязаний.

К тому же усиление Венгрии представляет несомненную опасность не только для румын, её подданных, но и для нынешней Румынии.

Венгерское правительство отличалось всегда особенной требовательностью по отношению к молодому королевству и не упускало случая производить на него сильное и крайне чувствительное давление в жизненных для него экономических вопросах.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 266–272.

---

[1] Подробно об истории Австро-Венгрии в 1867–1918 гг. см., напр., труды, опубликованные в рамках многотомной серии *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973–.

[2] Подробнее об основных теоретических и хронологических аспектах, касающихся политики этнической гомогенизации и мадьяризации, проводившейся в этот период на территории венгерской части Австро-Венгерской Монархии см.: Komlosy A. *Imperial Cohesion, Nation–Building and Regional Integration in the Habsburg Monarchy, 1804–1918* // *Nationalizing Empires* / Ed. by A. Miller, St. Berger. Budapest, Central European University Press, 2015. P. 369–427.

[3] Об этом см.: Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş. *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979. P. 183–221, 261–265.

[4] Таке Ионеску был одним из румынских политических деятелей, которые в конце XIX и начале XX в. активно выступали за проведение внешней политики, основанной на защите прав трансильванских румын. В 1914–1916 гг. он был одним из горячих сторонников вступления Румынии в войну на стороне Антанты.

[5] Николае Филипеску.

[6] Венгерский закон о выборах, принятый в 1874 г., имел в своей основе принцип ограниченного (цензового) избирательного права. По этой причине большинство румынского населения Венгрии, которое состояло, преимущественно, из крестьян, было лишено права участвовать в выборах. До начала Первой мировой войны этнические румыны, проживавшие в Венгрии, составляли менее 10% от всего электората, несмотря на то, что доля этой этнической группы по отношению к общей численности

населения Венгрии достигала более 16%. Подробнее о венгерской избирательной системе и об участии румынского населения в парламентской жизни Венгрии и в выборах после 1865 г. см.: *Parliamentary Elections in Eastern Hungary and Transylvania (1865–1918)* / Ed. by J. Pál, V. Popovici, A. Fehér, O. Iudean. Berlin, Peter Lang, 2018.

[7] Здесь имеется в виду политический кризис, разразившийся в Венгрии после отставки кабинета под руководством Кальмана Селля и прихода к власти правительства под председательством Кароя Куэна-Хедервари.

[8] Скорее всего, в данном случае Гирс имеет в виду газету „L'Indépendance Roumaine". В ней нередко печатались статьи, которым придавался официальный или официозный характер.

Sinaia, 10 septembrie 1903, nr. 57. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Până acum, nu am avut ocazia de a raporta Luminăției Voastre despre contactele apropiate și dese, care s-au încetățenit între românii din tânărul regat dunărean și conaționalii lor de peste Carpați, incluși în componența Ungariei.

Debutul acestor contacte trebuie așezat încă în anii treizeci ai secolului trecut, când în principatele Moldova și Valahia au început să-și facă simțită prezența tendințele pentru o cultură națională curat românească.

Până la acea vreme, dezvoltarea culturală și spirituală a principatelor avea loc sub influența elenismului.

Fără a avea posibilitatea de a lupta împotriva acestuia cu forțe proprii locale, domnitorii Moldovei și Valahiei au început să apeleze la ajutorul românilor de peste Carpați, recrutând dintre aceștia profesori și conducători pentru instituții de învățământ civile și duhovnicești.

La această influență, mai degrabă intelectuală, a Transilvaniei și Bucovinei asupra României actuale s-a adăugat, după 1867, și o oarecare înrâurire politică.

După constituirea Imperiului Dualist Austro-Ungar[1] și odată cu începutul maghiarizării teritoriilor care au intrat sub controlul exclusiv al coroanei maghiare[2], foarte mulți dintre românii de dincolo de Carpați, care nu s-au împăcat cu jugul insuportabil maghiar, au decis să se așeze în principatele dunărene, unde au găsit activități pe măsura așteptărilor atât la stat, cât și pe tărâm public.

Desigur, ei nu au rupt nici legăturile cu conaționalii lor care au rămas în teritoriile ungurești.

Receptivitatea lor la toate nenorocirile trăite de către confrații transilvăneni a creat destule complicații guvernului de la București, care încerca să câștige bunăvoința și susținerea Triplei Alianțe[3]. Pe de altă parte, aceeași receptivitate față de Transilvania încuraja puternic sentimentele naționale în însuși Regatul Român.

În prezent însă, sub raport cultural, România a atins un grad de dezvoltare care o pune pe același nivel cu Transilvania și Bucovina.

Mai mult chiar, grație independenței sale, ea însăși exercită asupra provinciilor înrudite, care se află încă sub jug maghiar, influența pe care o recepta de la acestea cândva.

Am avut de mai multe ori ocazia să constat că nici unul dintre partidele politice ale tânărului regat nu face abstracție de această influență.

Dimpotrivă, fiecare dintre ele lucrează intens pentru întărirea sa, având drept scop final, fără îndoială, pregătirea terenului pentru reunirea respectivelor provincii cu România.

Unul dintre conducătorii de seamă ai conservatorilor, domnul Take Ionescu, își exprima recent convingerea că viitorul regatului depinde doar de reunire[4].

În granițele sale actuale, România este, chipurile, o țară atât de mică, încât chiar existența sa este lipsită de sens și, într-o anumită conjunctură, independența ei este sortită dispariției. Doar alipirea Transilvaniei și a Bucovinei ar putea să o mai salveze de la aceasta.

Conducătorul liberalilor și adeptul înflăcărat al germanismului, domnul Sturdza, care, atunci când se află la cârma guvernării, este atât de prudent în exprimările sale, abia dacă face notă discordantă cu acești conaționali ai săi. Alaltăieri, el mi-a propus să mă doteze cu o documentație care mă poate ajuta să mă familiarizez cu chestiunea transilvăneană.

În sfârșit, cunosc foarte bine și faptul că regele Carol urmărește cu atenție evenimentele din viața politică a provinciilor românești din Ungaria.

Vara aceasta, Majestatea Sa a avut ocazia să discute despre aceste lucruri cu influentul membru al partidului junimiștilor, domnul Filipescu[5].

Domnul Filipescu i-a prezentat regelui opinia sa privind necesitatea opririi românilor transilvăneni de la participarea la alegerile parlamentare, deoarece, în cele mai bune condiții, ei vor reuși să treacă doar doi sau trei dintre candidații lor, număr care nu corespunde deloc ponderii populației românești din Ungaria[6].

Boicotarea totală a alegerilor ar reprezenta însă un protest mult mai răsunător față de persecuțiile la care se dedau maghiarii.

Majestatea Sa a protestat vehement împotriva acestui punct de vedere, convingându-și interlocutorul de faptul că poporul care ține la idealurile sale naționale nu trebuie să piardă nici o ocazie pentru a-și afirma existența; cu condiția, desigur, de a nu fi încălcată legea. Renunțarea totală la viața politică ar putea avea ca finalitate doar moartea politică.

Consider că opinia exprimată de către Majestatea Sa corespunde în totalitate caracterului său.

Cu toate afinitățile sale față de împăratul Franz Josef și relațiile amicale cu Austro-Ungaria, regele, fără a ieși din limitele admise, nu va pierde, cred, nici o ocazie pentru a întări la transilvăneni aspirațiile lor naționale.

Evenimentele care au loc în prezent la Budapesta[7] îi favorizează pe românii de la Dunăre și le oferă și mai mult curaj în acțiuni.

Militând deschis, chiar și în organul de presă oficial al Ministerului Afacerilor Străine[8], împotriva introducerii limbii maghiare în școlile românești ale regatului ungar și amenințând cu ruperea Transilvaniei și a Bucovinei, ei nu consideră că ar încălca relațiile de bună vecinătate cu Austro-Ungaria, erijându-se, dimpotrivă, în apărători ai imperiului împotriva pretențiilor maghiare exagerate.

În plus, întărirea Ungariei reprezintă un pericol evident nu doar pentru supușii români ai acesteia, ci și pentru România actuală.

Guvernul maghiar s-a remarcat întotdeauna prin cereri exagerate față de tânărul regat și nu a ratat nici o ocazie pentru a exercita presiuni puternice și sensibile asupra acestuia, în chestiuni economice vitale pentru el.

Cu deosebit respect și devotament neschimbat, am onoarea de a fi, stimate domn, supusul Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 266–272.

[1] Pentru istoria Austro-Ungariei între 1867 şi 1918, a se vedea, printre altele, volumele publicate în seria *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973–.

[2] Pentru repere teoretice şi cronologice privind politica de omogenizare şi maghiarizare în partea maghiară a Austro-Ungariei: Andrea Komlosy, *Imperial Cohesion, Nation–Building and Regional Integration in the Habsburg Monarchy, 1804–1918*, în *Nationalizing Empires*, ed. by Alexei Miller and Stefan Berger, Budapest, Central European University Press, 2015, p. 369–427.

[3] Gheorghe Nicolae Căzan, Şerban Rădulescu-Zoner, *România și Tripla Alianță, 1878–1914*, Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979, p. 183–221, 261–265.

[4] Take Ionescu s-a numărat printre politicienii români care au pledat la sfârşitul secolului XIX – începutul secolului XX pentru o politică externă bazată pe apărarea drepturilor românilor din Transilvania. La 1914–1916 a militat pentru intrarea României în război de partea Antantei.

[5] Nicolae Filipescu.

[6] Legea electorală maghiară din 1874 avea la bază principiul cenzitar. Din această cauză, majoritatea românilor din Ungaria, care erau cu preponderenţă ţărani, nu aveau dreptul la vot. Înaintea Primului Război Mondial, etnicii români din Ungaria aveau o pondere mai mică de 10% din electorat, chiar dacă reprezentau peste 16% din totalul populaţiei. Pe larg despre sistemul electoral maghiar şi participarea românilor la viaţa parlamentară din Ungaria după 1865: *Parliamentary Elections in Eastern Hungary and Transylvania (1865–1918)*, ed. by Judit Pál, Vlad Popovici, Andrea Fehér and Ovidiu Emil Iudean, Berlin, Peter Lang, 2018.

[7] Trimitere la criza politică din Ungaria de după demisia cabinetului condus de Kálmán Széll şi instalarea guvernului prezidat de Károly Khuen-Héderváry.

[8] Referire probabilă la ziarul „L'Indépendance Roumaine”. Publica articole cărora le era atribuit deseori un caracter oficial.

110

Бухарест, 15 ноября 1903 г. Выписка из частного письма действительного статского советника Гирса

Румынский министр иностранных дел, господин Брэтиану, глубоко тронутый высочайшим пожалованием ему ордена Святой Анны[1], в частном разговоре с действительным статским советником Гирсом заявил, что он желал бы видеть в этом не только знак всемилостивейшего благоволения к нему государя императора, но и доказательство интереса, с которым относится Его Величество к Румынии. По словам министра, румынам тягостно сознание равнодушия к ним России и убеждение, что симпатии последней отвлечены в другую сторону. Он пришёл к заключению, что его Отечество мало известно в России, отчасти благодаря политике румынских государственных деятелей, примеру которых господин Брэтиану не желал бы следовать, и которые, постоянно бывая в Вене, Берлине и Париже, никогда не посещали Петербурга.

Вспоминая высказанное ему президентом Лубе[2] во время последнего пребывания в Париже[3] мнение, что наиболее удачное разрешение получат международные вопросы, когда они обсуждаются лично министрами иностранных дел заинтересованных государств, господин Брэтиану спросил действительного статского советника Гирса, не представляется ли ему теперь счастливый повод поехать в Петербург с целью повергнуть к стопам Его Величества почтительные выражения его глубокой благодарности за пожалованную награду.

Действительный статский советник Гирс ответил, что, вполне оценивая его чувства, он полагал бы, что для достижения благоприятных результатов необходимо выбрать для поездки удобный момент и что о наступлении такового он не преминёт известить господина Брэтиану.

Хотя разговор российского посланника с королевским министром носил вполне частный характер, действительный статский советник Гирс счёл необходимым сообщить о нём императорскому правительству в виду несомненно выдающегося положения, которое занимает в Румынии его собеседник.

Сын известного государственного деятеля Иона Брэтиану, бывшего долгое время всемогущим вождём либеральной румынской партии, нынешний министр иностранных дел равным образом пользуется в ней большим влиянием и мог бы стать её предводителем по смерти господина Стурдзы, если бы ему удалось освободиться от природной лени, мало извинительной в виду его молодости.

С точки зрения наших интересов, у него большое преимущество перед Стурдзой в том отношении, что он получил образование во Франции[4], а не в Германии. В минуты откровенности он иногда говорил, что мыслит по-французски, в то время как председатель совета по-немецки. Горячий патриот, мечтающий о величии своей родины, он не разделяет мнения тех поклонников короля, которые приписывают исключительно мудрости последнего современное благосостояние Румынии. Отдавая должное достоинствам своего государя, он считает виновниками возрождения отечества тех политических деятелей, душой которых был его отец. Он не принадлежит к сторонникам России, но в то же время не является человеком, ищущим, во что бы то ни стало, поддержки лишь в Австрии или Германии.

Путешествие его в С. Петербург, по мнению действительного статского советника Гирса, могло бы дать румынскому министру правильное представление о нашей политике, которую недоброжелатели России стремятся представить крайне враждебно по отношению к королевству.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 671, Листы 310–311.

---

[1] Подробно об этом ордене см.: Серков С.Р. *Орден Святой Анны* // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 93–95.

[2] Эмиль Лубе, президент Франции с 1899 по 1906 гг.

[3] Эта поездка состоялась осенью 1902 г.

[4] Брэтиану учился в Париже, в Национальной школе мостов и дорог, которую окончил в 1889 г.

București, 15 noiembrie 1903. Extras din scrisoarea particulară a consilierului de stat efectiv Giers

Ministrul român al afacerilor străine, domnul Brătianu, care a fost puternic impresionat de decernarea de către împărat a Ordinului Sfânta Ana[1], a declarat, într-o discuție privată cu consilierul de stat efectiv Giers, că el și-ar dori să vadă în acest gest nu doar o manifestare de bunăvoință supremă din partea stăpânului nostru împăratul față de persoana sa, ci și o demonstrație de interes a Majestății Sale față de România. Potrivit ministrului, conștientizarea indiferenței Rusiei față de ei și convingerea că simpatiile acesteia sunt îndreptate în altă parte apasă puternic asupra românilor. El a ajuns la concluzia că patria sa este puțin cunoscută în Rusia, în parte chiar din cauza politicii oamenilor de stat români, de la care Brătianu nu ar dori să ia exemplu, și care, vizitând mereu Viena, Berlinul și Parisul, nu au călătorit niciodată la Petersburg.

Amintindu-și de cuvintele președintelui Loubet[2], spuse în timpul ultimei sale șederi la Paris[3], anume că cea mai bună cale pentru rezolvarea litigiilor internaționale este ca acestea să fie discutate chiar de către miniștrii afacerilor străine, domnul Brătianu l-a întrebat pe

consilierul de stat efectiv Giers dacă nu i s-ar părea oportun acum să se folosească de această ocazie fericită pentru a merge la Petersburg, cu scopul de a se închina și de a prezenta personal Majestății Sale recunoștința profundă pentru decorația decernată.

Consilierul de stat efectiv Giers a răspuns că, apreciind foarte mult sentimentele sale, el ar considera, totuși, că ar fi mai bine, pentru a se ajunge la rezultate favorabile, să fie ales pentru călătorie un moment potrivit și că îl va informa pe domnul Brătianu atunci când acesta va apărea.

Chiar dacă discuția trimisului rus cu ministrul regal a avut un pronunțat caracter privat, ținând cont de poziția deosebită pe care o ocupă interlocutorul său în România, consilierul de stat efectiv Giers a considerat necesar să relateze despre aceasta și guvernului imperial.

Fiu al cunoscutului om de stat Ion Brătianu, care a fost un timp conducător atotputernic al Partidului Liberal din România, actualul ministru al afacerilor străine se bucură, de asemenea, de o mare influență în partidul amintit și ar putea deveni șef al acestuia după moartea domnului Sturdza, aceasta, desigur, în cazul în care se va putea debarasa de lenea naturală ce îl caracterizează, puțin scuzabilă, având în vedere tinerețea sa.

Din perspectiva intereselor noastre, el are un mare avantaj în comparație cu Sturdza, în sensul că a fost educat în Franța[4] și nu în Germania. În unele momente de sinceritate, el spunea că gândește în franceză, în timp ce președintele consiliului face acest lucru în germană. Patriot înflăcărat, care visează la măreția patriei sale, el nu împărtășește opinia acelor admiratori ai regelui, care atribuie exclusiv înțelepciunii celui din urmă bunăstarea actuală a României. Recunoscând pe deplin meritele monarhului său, el consideră totuși că la originea renașterii patriei sale s-au aflat acei oameni politici, al căror suflet a fost tatăl său. El nu poate fi considerat un adept al Rusiei, dar, în același timp, nici nu este o persoană care să caute, cu orice preț, sprijin doar în Austria și Germania.

Din punctul de vedere al consilierului de stat efectiv Giers, o călătorie la S. Petersburg i-ar putea crea ministrului român o imagine corectă despre politica noastră față de regat, pe care neprietenii Rusiei încearcă să o prezinte în culori foarte sumbre.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 671, filele 310–311.

---

[1] Despre acest ordin: С.Р. Серков, *Орден Святой Анны*, în „Военно-исторический журнал”, 1990, nr. 5, p. 93–95.

[2] Émile Loubet, președinte al Franței în anii 1899–1906.

[3] În toamna anului 1902.

[4] A studiat la Paris la Școala de Poduri și Șosele, pe care a absolvit-o în 1889.

111

Тулча, 15 ноября 1903 г., № 112. Картамышев – Гирсу

Вчера, 14го ноября, вся Добруджа торжественно праздновала двадцатипятилетнюю годовщину присоединения этой провинции к Румынскому королевству. По этому случаю в Тулчу прибыли министр внутренних дел, господин Ласкэр[1], и нижнедунайский епископ Пимен[2].

Торжество началось в $11^1/_2$ ч. утра богослужением в тулчинском соборе. Затем перед министром и всеми властями проходили стоящий здесь 33ий пехотный полк и воспитанники и воспитанницы всех учебных заведений. В час пополудни состоялся в

примэрии банкет, данный городом в честь министра. В 5 часов дня господин Ласкэр отбыл на военном пароходе в Галац.

Встретившийся со мной вчера же тулчинский префект господин Лука Ионеску выразил мне его глубокое сожаление, что он не мог пригласить меня на это торжество и на банкет. «Ваше присутствие было бы для нас весьма приятным, – сказал мне господин Ионеску, – так как мы никогда не можем забыть, что благодаря помощи России мы получили Добруджу. Вопрос о приглашении Вашем обсуждался в Совете министров, и господин Стурдза заметил, что присутствие одних русских консулов на празднестве в Констанце, Тулче и Сулине явилось бы нежелательной демонстрацией; приглашение же всех консулов, а в том числе и турецких, было бы весьма неудобно для последних. Поэтому Совет министров и решил не приглашать вовсе иностранных представителей и придать празднеству исключительно народный характер».

Надежды правительства не оправдались, в Тулче, по крайней мере, городе с разноплеменным населением, и где румыны в меньшинстве. Торжество же было лишь официальное, народ же в нём вовсе не участвовал. Собравшаяся немногочисленная толпа, жадная до зрелищ, была разогнана сильным дождём, который продолжался целый день и испортил всё празднество.

С глубоким почтением и пр., П. Картамышев.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 1456, Лист 11.

[1] Василе Ласкэр.

[2] Пимен Джорджеску (1853–1934), имя в миру – Петру Джорджеску. Был назначен епископом Нижнего Дуная (с резиденцией в Галаце) в 1902 г. С 1909 г. являлся митрополитом Молдавии.

Tulcea, 15 noiembrie 1903, nr. 112. Kartamâșev către Giers

Ieri, 14 noiembrie, întreaga Dobroge a sărbătorit solemn aniversarea a 25 de ani de la alipirea acestei provincii la Regatul Român. Cu această ocazie, la Tulcea au sosit ministrul Afacerilor Interne, domnul Lascăr[1], și episcopul Dunării de Jos, Pimen[2].

Festivitatea a început la ora 11½ dimineața, printr-o slujbă la Catedrala din Tulcea. Mai apoi, prin fața ministrului și celorlalte autorități, au defilat Regimentul 33 de infanterie, dislocat aici, și elevii și elevele de la toate instituțiile de învățământ. La ora 1 după amiază, la primărie a avut loc un banchet, oferit de către oraș în onoarea ministrului. La ora 5 după amiază, domnul Lascăr a plecat cu un vapor militar la Galați.

Prefectul de Tulcea, domnul Luca Ionescu, cu care m-am întâlnit ieri, și-a exprimat față de mine regretul profund că nu a putut să mă invite la această festivitate și la banchet: „Prezența Dumneavoastră ar fi fost foarte plăcută pentru noi – mi-a spus domnul Ionescu –, deoarece noi nu putem uita niciodată faptul că grație ajutorului Rusiei am obținut Dobrogea. Chestiunea privind invitarea Dumneavoastră a fost discutată în Consiliul de Miniștri, unde domnul Sturdza a susținut că prezența doar a consulilor ruși la festivitățile de la Constanța, Tulcea și Sulina ar reprezenta un act nedorit; invitarea însă a tuturor consulilor, inclusiv a celor turci, ar fi fost foarte incomodă pentru cei din urmă. De aceea, Consiliul de Miniștri a și decis să nu invite deloc reprezentanți străini și să imprime sărbătorii un caracter exclusiv popular”.

Cel puțin la Tulcea, un oraș populat de diferite neamuri, unde românii sunt în minoritate, speranțele guvernului nu s-au împlinit. Festivitatea a avut doar un caracter oficial, iar

poporul nu a luat parte deloc la ceremonii. Mulțimea adunată, puțin numeroasă, dornică de spectacole, a fost dispersată de o ploaie puternică, care a ținut toată ziua și a stricat serbarea.

Cu deosebită considerație etc., P. Kartamâșev.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 1456, fila 11.

[1] Vasile Lascăr.

[2] Pimen Georgescu (1853–1934), cu numele de mirean Petru Georgescu, ales episcop al Dunării de Jos (sediul la Galați) în 1902. Din 1909 a fost Mitropolit al Moldovei.

112

Тулча, 17 ноября 1903 г., № 114. Картамышев – Гирсу

В донесении моём от 15го текущего ноября[1] я имел честь довести до сведения Вашего Превосходительства о разговоре моём с тулчинским префектом, господином Лукой Ионеску, по поводу решения, принятого Советом министров не приглашать иностранных консулов на празднество годовщины присоединения Добруджи к Румынскому королевству.

Между тем, в официальной газете „l'Indépendance Roumaine", от 16го ноября, появился подробный отчёт о праздновании этого торжественного дня в Констанце[2], причём весь консульский корпус был приглашён, и на банкете австрийский консул произнёс речь.

Очень удивлённый этим фактом, я обратился к господину Луке Ионеску за объяснениями. Последний заявил мне, что он сам решительно не в состоянии объяснить столь противоречивые приказания, данные двум префектам соседних дистриктов Добруджи. «Я в этом не виноват, – сказал господин Ионеску. Получив приказание не приглашать консулов, я приказание это исполнил. Если господин Стурдза нашёл нужным дать совершенно противоположное приказание префекту г. Констанцы, то это его дело. Не мне, а ему придётся давать объяснения русскому посланнику, если последний их потребует».

Подобная непоследовательность правительства произвела здесь на всех сильное и неприятное впечатление и комментируется на все лады.

С глубоким почтением и пр., П. Картамышев[3]

АВПРИ. Ф. 151 Политархив, Опись 482. Дело 1456. Лист 13.

[1] См. предыдущий документ.

[2] Не публикуется.

[3] На копии донесения, отправленной в Санкт-Петербург, Ламсдорф наложил резолюцию: «Не запросить ли Гирса: нашёл ли он полезным объясниться со Стурдзой? Непременно в конце оттенить неискренность румынских излияний дружбы».

Tulcea, 17 noiembrie 1903, nr. 114. Kartamâșev către Giers

În raportul meu din 15 noiembrie c.[1], am avut deja onoarea de a aduce la cunoștința Excelenței Voastre conținutul discuției mele cu prefectul de Tulcea, domnul Luca Ionescu,

privitoare la decizia luată de Consiliul de Miniștri de a nu invita consulii străini la festivitatea prilejuită de aniversarea alipirii Dobrogei la Regatul Român.

Între timp, în ziarul oficial „l'Indépendance Roumaine" din 16 noiembrie, a fost publicată o dare de seamă detaliată privind marcarea acestei zile festive la Constanța[2], cu invitarea tuturor consulilor, inclusiv despre discursul ținut de consulul austriac în timpul banchetului.

Fiind cu totul surprins de acest fapt, m-am adresat domnului Luca Ionescu pentru explicații. Ultimul mi-a declarat că el nu poate să explice aceste dispoziții contradictorii, date celor doi prefecți din județe învecinate din Dobrogea. „Personal, nu port nici o vină, – a afirmat domnul Ionescu. Primind dispoziția de a nu invita consulii, eu am și respectat-o. Dacă domnul Sturdza a găsit de cuviință să dea o dispoziție cu totul opusă prefectului de Constanța, este doar treaba sa. Nu eu, ci el va trebui să dea explicații trimisului rus, dacă acesta din urmă le va solicita".

O astfel de inconsecvență a guvernului a produs o impresie puternică și neplăcută asupra tuturor, fiind comentată în toate felurile.

Cu deosebită considerație etc., P. Kartamâșev[3].

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 1456, fila 13.

---

[1] A se vedea documentul anterior.

[2] Nu se publică.

[3] Pe copia raportului, trimisă la Sankt Petersburg, Lamsdorff a făcut următoarea însemnare: „Nu ar trebui întrebat oare Giers, dacă nu a găsit de cuviință să ceară explicații de la Sturdza? S-ar impune ca la sfârșitul discuției să fie subliniată nesinceritatea mărturisirilor românești de prietenie".

113

Тулча, 25 ноября 1903 г., № 118. Картамышев – Гирсу

В субботу, 22го ноября, в 1 ч. 30 м. дня прибыл в Тулчу наследный принц румынский Фердинанд. Его Высочество, недавно назначенный командиром 2го армейского корпуса, посетил Тулчу с целью инспекции стоящего здесь 33го пехотного полка.

На дебаркадере собрались военные и гражданские власти, представители всех общин, а также и иностранные консулы. Пройдя вдоль почётного караула, Его Высочество вошёл в сооружённый для этого случая павильон, где ему были представлены префектом большинство находившихся там лиц. Затем принц Фердинанд поехал в собор, где был отслужен краткий молебен. Из собора Его Высочество направился в казармы полка, где и оставался до 7 ч. вечера, причём произвёл полку инспекторский смотр. Вечером принц обедал в военном собрании.

На следующий день, в воскресенье, Его Высочество экзаменовал офицеров. После завтрака в военном собрании принц Фердинанд посетил монумент, лицей, тюрьму, церкви всех национальностей, а также мечеть и синагогу. Везде принца встречали с большим одушевлением. Вечером в примэрии состоялся большой банкет, на который были приглашены, кроме начальствующих лиц, все офицеры гарнизона, а также и иностранные консулы. В ответ на тост примара принц Фердинанд произнёс приблизительно следующую речь: «Я очень рад, что мне удалось в первый раз посетить Тулчу, куда я прибыл с целью сделать инспекцию расположенных здесь войск. Моя

радость усугубляется ещё тем, что приезд мой последовал вскоре после празднования Добруджей 25ти-летней годовщины присоединения к родной стране. Связи, соединяющие эту провинцию с родиной, укрепились ещё более через кровь, пролитую храброй румынской армией на полях сражений. Поднимаю бокал за процветание Тулчи и Тулчинского дистрикта, а также за здоровье их представителей». Его Высочество был очень любезен со всеми и произвёл на всех самое лучшее впечатление.

В понедельник, 24го, в $8^1/_2$ ч. утра принц Фердинанд отбыл в Галац на военном пароходе «Румыния».

Офицеры 33го полка говорили мне, что принц Фердинанд очень серьёзно относится к своим обязанностям корпусного командира и строго проверяет знания офицеров, обращая внимание даже на мелочи. Военный устав знает он в совершенстве и удивляет даже старых офицеров своими замечаниями относительно строевой службы. Вне строя принц обращается с офицерами по-товарищески и потому пользуется их расположением.

Со мной лично Его Высочество был чрезвычайно любезен и, как во время банкета, так и после него, удостоил меня долгим и милостивым разговором.

С глубоким почтением и пр., П. Картамышев.

АВПРИ. Ф. 151 Политархив, Опись 482. Дело 1456. Листы 15–16.

Tulcea, 25 noiembrie 1903, nr. 118. Kartamâșev către Giers

Sâmbătă, 22 noiembrie, la ora 1 și 30 min. după amiază, a sosit la Tulcea principele moștenitor al României, Ferdinand. Alteța Sa, care a fost numit recent comandant al Corpului 2 Armată, a făcut o vizită la Tulcea cu scopul de a inspecta Regimentul 33 de infanterie dislocat aici.

La debarcader s-au adunat autoritățile militare și civile, reprezentanții tuturor comunităților, precum și consulii străini. Trecând prin fața gărzii de onoare, Alteța Sa a intrat într-un foișor construit pentru această ocazie, unde prefectul a prezentat majoritatea persoanelor aflate acolo. După aceea, principele Ferdinand a plecat la catedrală, unde a fost oficiat un scurt tedeum. De la catedrală, Alteța Sa a mers în cazărmile regimentului, unde a și rămas până la ora 7 seara, efectuând o inspecție a unității. Seara principele a luat cina la cercul militar.

În ziua următoare, duminică, Alteța Sa a trecut în revistă corpul ofițeresc. După micul dejun la cercul militar, principele Ferdinand a vizitat monumentul, un liceu, închisoarea, bisericile tuturor naționalităților și, de asemenea, o moschee și sinagoga. Peste tot, principele a fost întâmpinat cu mult entuziasm. Seara, la primărie, a avut loc un banchet mare, la care au fost invitați, în afară de persoane de conducere din administrație, toți ofițerii garnizoanei și, de asemenea, consulii străini. În răspunsul său la toastul primarului, principele Ferdinand a rostit aproximativ următorul discurs: „Sunt foarte bucuros că am reușit să vizitez pentru prima dată Tulcea, unde am sosit cu scopul de a inspecta trupele dislocate aici. Bucuria mea este amplificată și de faptul că vizita urmează imediat celei de-a 25-a aniversări a alipirii Dobrogei la patria sa. Legăturile care unesc această provincie cu patria au fost amplificate și mai mult prin sângele vărsat de neînfricata armată română pe câmpurile de luptă. Ridic acest pahar pentru înflorirea Tulcei și a județului Tulcea, dar și pentru sănătatea reprezentanților acestora”. Alteța Sa a fost foarte amabil cu toată lumea și a produs asupra tuturor cea mai bună impresie.

Luni, pe data de 24, la ora 8½ dimineața, principele Ferdinand a plecat la Galați cu vaporul militar „România”.

Ofițerii regimentului 33 mi-au spus că principele Ferdinand tratează cu mare seriozitate obligațiile sale de comandant de corp de armată și verifică riguros cunoștințele ofițerilor,

atrăgând atenția chiar și asupra chestiunilor mărunte. El cunoaște la perfecțiune statutul militar și îi surprinde chiar și pe ofițerii în vârstă cu observațiile sale privitoare la serviciul militar. În timpul liber, principele are o relație amicală cu ofițerii, motiv pentru care se bucură de simpatia acestora.

Cu mine personal, Alteța Sa a fost deosebit de politicos și, atât în timpul banchetului, cât și după aceea, m-a onorat cu o lungă și binevoitoare conversație.

Cu deosebită considerație etc., P. Kartamâșev.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 1456, filele 15–16.

114

Бухарест, 26 декабря 1903 г., № 1884. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я имел честь получить письмо от 3го текущего декабря месяца, № 1157[1], коим Вашему Сиятельству благоугодно было запросить меня, признал ли я полезным войти в сношение с румынским правительством по поводу того обстоятельства, что префект города Тулча, по приказанию из Бухареста, в противность установившемуся, будто бы, обычаю, воздержался от приглашения статского советника Картамышева на банкет по случаю празднования годовщины присоединения Добруджи к Румынскому королевству.

В ответ на означенное письмо, считаю долгом разъяснить, что годовщина присоединения Добруджи никогда до сих пор не праздновалась в Румынии, зато праздновалось во всей Румынии, каждый год, 28ое ноября, день взятия Плевны[2], и, как донёс мне статский советник Картамышев, на эти празднества его никогда не приглашали.

В нынешнем же году исполнилось двадцатипятилетие со времени присоединения Добруджи. Юбилей этот был отпразднован торжественно во всей Добрудже, но главным образом, в Констанце, куда выехал на этот день председатель Совета министров, господин Стурдза. На торжественное богослужение и на банкет в Констанце были приглашены все консулы, и, в числе их, наш вице-консул в Констанце, господин Пампулов. Несомненно, было бы благопристойнее, если бы и в Тулче румыны призвали к торжеству статского советника Картамышева.

Я не счёл, однако, удобным требовать по сему поводу объяснений, потому что в продолжение четверти уже века румынское правительство упорно отстраняло наших представителей от участия в торжествах, связанных с воспоминаниями о войне 1877 года, да к тому же, оно, вероятно, не преминуло бы возразить мне, что статский советник Картамышев обыкновенно выезжал в Констанцу в торжественных случаях, и что, если бы он прибыл в Констанцу на этот день, то несомненно был бы приглашён.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства, покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 673, Листы 87–89.

[1] Не публикуется. Об этом также см. док. № 112 от 17 ноября 1903 г., прим. 3.

[2] Взятие Плевны состоялось в 1877 г.

București, 26 decembrie 1903, nr. 1884. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am avut onoarea să primesc adresa din 3 decembrie c., cu nr. 1157[1], prin care Luminăția Voastră a avut bunăvoința de a mă întreba, dacă nu am considerat oportun să iau legătura cu guvernul român, în chestiunea privitoare la faptul că, la o indicație venită de la București, contrar, se pare, tradiției încetățenite, prefectul orașului Tulcea nu l-a invitat pe consilierul de stat Kartamâșev la banchetul prilejuit de serbarea aniversării alipirii Dobrogei la Regatul Român.

Răspunzând la amintita scrisoare, consider că este de datoria mea să precizez că, până în prezent, aniversarea alipirii Dobrogei nu a fost niciodată sărbătorită. În schimb, în fiecare an, pe data de 28 noiembrie, era sărbătorită, în întreaga Românie, luarea Plevnei[2], iar, așa cum mi-a raportat consilierul de stat Kartamâșev, el nu a fost invitat niciodată la aceste festivități.

În acest an s-a împlinit un sfert de secol de la alipirea Dobrogei. Jubileul amintit a fost sărbătorit festiv în toată Dobrogea, dar în mod special la Constanța, unde, în ziua respectivă, a ajuns și președintele Consiliului de Miniștri, domnul Sturdza. La slujba religioasă aniversară și la banchetul de la Constanța au fost invitați toți consulii, inclusiv vice-consulul nostru din Constanța, domnul Pampulov. Fără îndoială, s-ar fi cuvenit, ca la festivitățile de la Tulcea românii să-l invite și pe consilierul de stat Kartamâșev.

Totuși, eu nu am considerat potrivit de a solicita explicații în legătură cu acest caz, deoarece, timp de un sfert de secol deja, guvernul român i-a îndepărtat sistematic pe reprezentanții noștri de la participarea la festivitățile legate de comemorarea războiului din anul 1877. În plus, foarte probabil, guvernul nu ar fi uitat să-mi obiecteze că, de obicei, consilierul de stat Kartamâșev se deplasa la Constanța cu ocazia evenimentelor festive și, dacă ar fi dorit să vină la Constanța în ziua respectivă, ar fi fost cu siguranță invitat.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 673, filele 87–89.

---

[1] Nu se publică. A se vedea doc. nr. 112 din 17 noiembrie 1903, nota 3.
[2] 1877.

115

Бухарест, 2 января 1904 г., № 2. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Недружелюбное отношение Константинопольской Патриархии к румынской национальности Македонии продолжает возбуждать негодование румынского

правительства, опасающегося, что принимаемые им меры для поддержания куцо-влахов не возымеют никакого действия благодаря сопротивлению греков[1].

Господин Брэтиану с горечью жаловался мне, что, по получаемым им из Константинополя сведениям, один Патриарх отдаёт, будто бы, должную справедливость румынской национальности турецких областей, весь же его Совет и все греческие митрополиты Вселенской Церкви не допускают даже в официальных актах наименования куцо-влахов, обозначая их, в случае крайней необходимости, словами «православные болгаре».

На одном из последних заседаний Его Блаженство[2] заявил, будто бы, остальным членам Вселенского Синода, что если они заставят его высказать всю правду, то он должен будет сознаться, что в Македонии более, будто бы, румын, чем греков.

Господин Брэтиану вновь просил меня ходатайствовать перед Вашим Сиятельством об оказании нами воздействия на Патриархию, дабы умерить её панэллинизм.

Греки не хотят понять, не без наивной откровенности сказал мне румынский министр иностранных дел, что у них должна быть одна с нами цель помешать болгарам овладеть Македонией и сохранить нынешнее политическое положение этой провинции.

Между тем, они сами стремятся овладеть ею, мечтая о какой-то Великой Греции, тогда как и в настоящих границах Греческого королевства они не в силах обеспечить правильное отправление правительственных действий.

Я возразил господину Брэтиану, что ему хорошо должны быть известны беспристрастие и последовательность нашей политики на Балканском полуострове, направленной к обеспечению мирного существования всего православного его населения.

Чрезмерное развитие греческих притязаний и влияние их на Патриархию представляет собою зло, с которым приходится считаться не в первый раз. Оно находило поддержку, конечно, не в России, а в остальных европейских державах, неосторожно увлекающихся в своих симпатиях то к той, то к другой национальности Балканского полуострова.

Пора же балканским государствам отдать себе отчёт, что их будущность не в этих увлечениях, возбуждающих лишь смуты, а в согласовании их действий с миролюбивой политикой России, одинаково расположенной ко всему православному миру.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 3–5.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Более подробное описание развития «куцо-влахского вопроса» в Македонии после 1903 г., а также анализ обострения конфликта между Вселенской Патриархией и бухарестским правительством см.: Nistor I. *„Problema aromână" în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913.* Iași, Editura Universității „Alexandru Ioan Cuza", 2009. P. 67–103.

[2] Иоаким III (1834–1912), Вселенский Патриарх Константинопольский (1878–1884, 1901–1912). Он считается одним из самых выдающихся Вселенских Патриархов современной эпохи, благодаря его усилиям по реорганизации и реформированию института патриаршества. Во время своего второго срока на патриаршем престоле он столкнулся с очередным обострением «македонского вопроса». Его первоначальная примирительная политика постепенно сменилась бескомпромиссным подходом, в основном под давлением Святейшего Синода. Он пытался воспротивиться требованиям Болгарии, Сербии и Румынии о предоставлении церковной и школьной автономии проживавшим в Македонии представителям этих общин. Разработал и издал несколько энциклик, в которых обсуждался ряд вопросов, связанных с ролью православия в условиях современного мира (в частности, в энцикликах 1902 и 1904 гг.), в том числе проблема реформы церковного календаря. См., напр.: Герд Л. А. *Константинопольский Патриархат и Россия, 1901–1914.* Москва, Индрик, 2012. С. 82–95.

București, 2 ianuarie 1904, nr. 2. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Atitudinea neprietenoasă a Patriarhiei de la Constantinopol față de naționalitatea română din Macedonia continuă să suscite indignarea guvernului român, care are temerea că măsurile pe care le întreprinde pentru a-i sprijini pe cuțo-vlahi nu vor avea nici un fel de impact din cauza rezistenței din partea grecilor[1].

Domnul Brătianu mi se plângea cu amărăciune că, în conformitate cu informațiile pe care le primește din Constantinopol, patriarhul ar fi singurul care ar da, chipurile, dreptatea cuvenită naționalității române din ținuturile turcești, pe când întregul său Consiliu și toți mitropoliții greci ai Bisericii Ecumenice nu permit folosirea denumirii de cuțo-vlahi nici măcar în actele oficiale, desemnându-i, în caz de necesitate extremă, prin expresia „bulgari ortodocși”.

În timpul uneia dintre ultimele ședințe, Preafericitul[2] ar fi declarat, chipurile, celorlalți membri ai Sinodului Ecumenic că, dacă aceștia îl vor forța să afirme întregul adevăr, atunci el va trebui să recunoască, că în Macedonia ar exista, chipurile, mai mulți români decât greci.

Domnul Brătianu m-a rugat din nou să intervin pe lângă Luminăția Voastră cu solicitarea de a ne exercita influența asupra Patriarhiei pentru a-i modera panelenismul.

Ministrul român al Afacerilor Străine mi-a spus, nu fără o oarecere sinceritate naivă, că grecii nu vor să înțeleagă faptul că ei ar trebui să aibă același scop ca și noi: să-i împiedice pe bulgari să pună stăpânire asupra Macedoniei și să păstreze actuala situație politică a acestei provincii.

Cu toate acestea, ei înșiși tind să-și impună stăpânirea asupra ei, visând la un soi de Grecie Mare, chiar în timp ce nu sunt în stare să asigure exercitarea corectă a acțiunilor guvernamentale nici măcar în limita actualelor granițe ale Regatului Elen.

Eu i-am replicat domnului Brătianu că domnia sa ar trebui să cunoască destul de bine nepărtinirea și consecvența politicii noastre în privința Peninsulei Balcanice, care este îndreptată spre asigurarea existenței pașnice a întregii populații ortodoxe din cuprinsul acesteia.

Manifestarea exagerată a pretențiilor grecești și influența acestora asupra Patriarhiei reprezintă un rău, de care trebuie să ținem cont, și nu pentru prima oară. Aceste pretenții au găsit un anumit sprijin, desigur, nu în Rusia, ci în celelalte Mari Puteri europene, care s-au lăsat atrase, în mod nechibzuit, de simpatiile lor fie față de o anumită națiune din Peninsula Balcanică, fie față de alta.

A venit totuși timpul, ca statele balcanice să își dea seama, că viitorul lor este legat nu de aceste pasiuni efemere, care nu fac decât să provoace tulburări, ci de coordonarea acțiunilor lor cu politica iubitoare de pace a Rusiei, care are o atitudine la fel de binevoitoare față de întreaga lume ortodoxă.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 3–5.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Pentru mai multe detalii privind evoluția „chestiunii aromâne” în Macedonia după anul 1903 și acutizarea conflictului dintre Patriarhia Ecumenică și guvernul de la București, a se vedea: Ionuț Nistor,

„Problema aromână” în raporturile României cu statele balcanice, 1903–1913, Iaşi, Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza”, 2009, în special p. 67–103.

[2] Ioachim III (1834–1912), Patriarh Ecumenic al Constantinopolului (1878–1884, 1901–1912). Este considerat unul dintre cei mai importanţi Patriarhi Ecumenici din epoca modernă, datorită eforturilor sale de a reorganiza şi reforma instituţia patriarhală. În timpul celui de-al doilea mandat, s-a confruntat cu acutizarea „chestiunii macedonene”, evoluând treptat de la o poziţie conciliantă la una intransigentă, sub presiunea Sfântului Sinod. A încercat să se opună revendicărilor bulgare, sârbe şi româneşti privind autonomia ecleziastică şi educaţională a comunităţilor respective din Macedonia. A elaborat un şir de enciclice în care punea în discuţie mai multe subiecte legate de rolul ortodoxiei în condiţiile modernităţii (în special, cele din 1902 şi 1904), inclusiv reforma calendarului. A se vedea: Л. А. Герд, *Константинопольский Патриархат и Россия, 1901–1914*, Москва, Индрик, 2012, p. 82–95.

116

Бухарест, 10 февраля 1904 г., № 15. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В политических моих депешах я неоднократно уже имел честь доносить Вашему Сиятельству о горьких жалобах румынского правительства на чрезмерные эллинские тенденции Вселенской Церкви, неустанно преследующей, будто бы, куцо-влахов.

На днях мне пришлось выслушивать не менее горькие обвинения, возводимые пребывающим здесь греческим посланником на беззастенчивую, будто бы, пропаганду, ведомую румынскими агентами в Македонии против греческой национальности.

В доверительной беседе господин Томбазис[1] изложил мне, что, по убеждению эллинского правительства, при свидании в Аббации[2], короли Георг и Карл пришли к соглашению по следующим трём пунктам: 1) противодействовать болгарской пропаганде в Македонии; 2) считать Болгарию врагом Греции и Румынии и 3) сохранить существующее соотношение греческого и куцо-влахского влияний в Македонии. При этом, король Карл высказал, будто бы, греческому монарху, что Румыния мало интересуется судьбой македонских своих сородичей.

Ныне же румынское правительство категорически отрицает, что состоялось какое-либо соглашение по третьему пункту. Оно требует себе права покровительства над куцо-влахами, в какой бы сфере влияния они ни находились: греческой или болгарской, и настаивает перед Грецией, чтобы она побудила Вселенскую Патриархию признать права куцо-влахской национальности.

Греция поддалась, будто бы, сперва настояниям румынского правительства, но, убедившись вскоре, что действия последнего направлены против неё, приняла со своей стороны меры самообороны.

По словам моего эллинского сотоварища, король Карл принимает, будто бы, самое живое участие в румынских происках в Македонии.

Его Величество на частной аудиенции выразил господину Томбазису своё удивление по поводу перемены, последовавшей в отношениях Греции к румынским правам в Македонии.

Мой сотоварищ ответил, будто бы, королю, что Греция стала осторожнее, потому что не понимает таинственных (mystérieux) замыслов Румынии.

Это замечание задело за живое Его Величество, возразившего, что в политике Румынии нет ничего таинственного. Если когда-нибудь настанет время дележа турецкого наследия, Румыния скажет своё слово (la Roumanie aura le fin mot) и потребует компенсацию за согласие своё на подчинение своих сородичей другому государству. Если же Греция не будет содействовать Румынии на этом пути, то последняя найдёт-де всегда возможным войти в соглашение с Экзархатом и Болгарским Княжеством.

Соображения, высказанные Его Величеством, не представляют собой ничего нового. Императорское правительство давно уже осведомлено о румынских вожделениях.

Тем не менее, заслуживает серьёзного внимания то обстоятельство, что такой осторожный политик, как король Карл выразился столь определённо перед представителем иностранной державы по вопросу о целях, преследуемых ныне Румынией на Балканском полуострове.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 22–25.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Александрос Томбазис.
[2] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

București, 10 februarie 1904, nr. 15. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În cuprinsul depeșelor mele politice, eu am avut onoarea să raportez Luminăției Voastre, în mod repetat, despre plângerile amare ale guvernului român în legătură cu tendințele [pan]elene exagerate ale Bisericii Ecumenice, care i-ar persecuta, chipurile, fără încetare pe cuțo-vlahi.

Zilele acestea am fost nevoit să ascult acuzații cel puțin la fel de pline de amărăciune, exprimate de către trimisul grec aflat aici, împotriva propagandei impertinente care ar fi, chipurile, coordonată de agenții români din Macedonia contra naționalității grecești.

Într-o discuție confidențială domnul Tombazis[1] mi-a declarat că, conform convingerii guvernului elen, în timpul întâlnirii de la Abbazia[2], regii George și Carol au ajuns la un acord în privința următoarelor trei puncte: 1) a se opune propagandei bulgare din Macedonia; 2) a considera Bulgaria drept dușman al Greciei și al României și 3) a păstra raportul existent în prezent dintre influența grecească și cuțo-vlahă din Macedonia. În același timp, regele Carol i-ar fi declarat, se pare, monarhului elen că România se interesează destul de puțin de soarta consângenilor săi macedoneni.

În prezent însă guvernul român neagă în mod categoric că ar fi avut loc vreun acord în privința celui de-al treilea punct. Acesta solicită insistent pentru sine dreptul de protecție asupra cuțo-vlahilor, indiferent de sfera de influență în care se află aceștia, fie ea greacă sau bulgară, și insistă în fața Greciei ca aceasta din urmă să determine Patriarhia Ecumenică să recunoască drepturile națiunii cuțo-vlahe.

Mai întâi, se părea că Grecia ar fi cedat în fața insistențelor guvernului român, însă, convingându-se destul de curând că acțiunile acestuia din urmă sunt îndreptate împotriva sa, a luat, din parte-i, anumite măsuri de autoapărare.

Conform spuselor colegului meu elen, regele Carol ar participa, chipurile, în modul cel mai activ la uneltirile românești din Macedonia.

În timpul unei audiențe private, Majestatea Sa i-ar fi exprimat domnului Tombazis uimirea în legătură cu schimbarea care a survenit în atitudinea Greciei față de drepturile românești din Macedonia.

Colegul meu i-ar fi răspuns, se pare, regelui că Grecia a devenit ceva mai prudentă pentru că nu înțelege intențiile misterioase (mystérieux) ale României.

Această observație a atins un punct sensibil al Majestății Sale, care a obiectat în sensul că nu există nimic misterios în politica României. Dacă va veni vreodată timpul de a împărți moștenirea turcească, România își va spune cuvântul (la Roumanie aura le fin mot) și va revendica o compensație în schimbul acordului său în privința supunerii consângenilor săi autorității altui stat. Dacă însă Grecia nu va sprijini România să urmeze această cale, atunci ultima, chipurile, va găsi întotdeauna o posibilitate de a ajunge la un acord cu Exarhatul și cu Principatul Bulgar.

Considerațiile expuse de către Majestatea Sa nu reprezintă, în sine, nimic nou. Guvernul imperial este informat deja de ceva vreme despre aspirațiile și dorințele românești.

Cu toate acestea, merită o atenție deosebită anume faptul că un politician atât de prudent și precaut ca regele Carol s-a exprimat într-un mod atât de tranșant în fața reprezentantului unei puteri străine în chestiunea scopurilor pe care le urmărește în prezent România în Peninsula Balcanică.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 22–25.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Alexandros Tombazis.
[2] A se vedea documente anterioare referitoare la același aspect.

117

Бухарест, 13 февраля 1904 г., № 17. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На последнем дипломатическом своём приёме господин Брэтиану сообщил мне, что он не предполагал сперва официально заявлять о нейтралитете Румынии во время нашей войны с Японией[1], не видя никакой необходимости в таком акте ввиду отдалённости театра военных действий.

Но затем в королевском Совете министров было решено придерживаться в настоящем случае тех же формальностей, кои были соблюдены при войне между Испанией и Северо-Американскими Соединёнными Штатами[2].

А так как в то время последовало официальное объявление о нейтралитете Румынского королевства, то такое же объявление появится на этих днях в румынском официальном Вестнике.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 29–29 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Более подробно о дискуссиях в тогдашней печати в связи с отношением Румынии к русско-японской войне и с политическими разногласиями, возникшими по этому вопросу, см., напр.: *România și războiul* // „Adevărul”. Anul XVII. 1904. 12 februarie. № 5219. P. 1.

[2] Испано-американская война длилась с апреля по август 1898 г.

București, 13 februarie 1904, nr. 17. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul ultimei recepții diplomatice găzduite de el, domnul Brătianu mi-a comunicat că el nu intenționa, inițial, să dea o declarație oficială privind neutralitatea României în timpul războiului nostru cu Japonia[1], deoarece nu vedea nici o necesitate de a emite un asemenea act, având în vedere distanța considerabilă față de teatrul operațiilor militare.

Însă după aceea în Consiliul regal de Miniștri s-a luat decizia de a urma, în cazul de față, aceleași formalități care au fost respectate în cazul războiului dintre Spania și Statele Unite ale Americii de Nord[2].

Iar dat fiind faptul că atunci a fost emis un comunicat oficial privind neutralitatea Regatului României, un anunț similar va apărea zilele acestea în Monitorul Oficial al României.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 29–29 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru polemicile din presa vremii legate de poziția României față de războiul ruso-japonez și de divergențele politice referitoare la acest subiect, a se vedea, de exemplu: *România și războiul*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5219, 12 februarie 1904, p. 1.

[2] Aprilie–august 1898.

118

Бухарест, 16 февраля 1904 г., № 19. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Председатель Совета министров, господин Стурдза, доверительно сообщил мне, что германское правительство сделало ему на днях предложение приступить ныне же к заключению нового торгового договора.

Господин Стурдза ответил, будто бы, Германии, что он готов будет начать переговоры лишь по одобрении румынскими палатами проекта общего таможенного тарифа.

По словам председателя Совета, трактат, заключённый с Германией в 1893 году, крайне стесняет Румынию, и поэтому она рада была бы прекращению его действия[1].

Помимо того, что конвенционный тариф, приложенный к румыно-германскому трактату, применяется ко всем государствам, пользующимся правами наиболее благоприятствуемой нации, в этот трактат вошли статьи, нисколько не относящиеся к торговым сношениям между Германией и Румынией, а касающиеся исключительно торговли последней с Австро-Венгрией.

Это обстоятельство произошло, будто бы, из-за того, что консервативное румынское Министерство, опасаясь оппозиции парламента, не пожелало в 1891 году делать уступки непосредственно Австро-Венгрии и предпочло поместить эти уступки в германский трактат, предоставив Австро-Венгрии лишь права наиболее благоприятствуемой нации.

Господин Стурдза находит, что такой способ ведения переговоров с Веной через Берлин крайне невыгоден Румынии.

Он надеется выкинуть в новом договоре с Германией всё, что не относится к торговле непосредственно с ней. Он полагает, что при таких условиях легко будет прийти к соглашению.

Заключив же торговые трактаты с Россией и Германией и, быть может, ещё с некоторыми другими державами, Румыния будет чувствовать под собой более прочную почву для защиты своих интересов от австро-венгерских экономических притязаний.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 32–33 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Этот договор, касавшийся торговли, таможенных вопросов и судоходства, был заключён в Берлине 9/21 октября 1893 г. В октябре 1904 г. подписана дополнительная конвенция к торговому договору.

București, 16 februarie 1904, nr. 19. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Președintele Consiliului de Miniștri, domnul Sturdza, mi-a comunicat în mod confidențial că guvernul german i-a făcut zilele acestea propunerea de a iniția imediat procedura de încheiere a unui nou tratat comercial.

Domnul Sturdza i-ar fi răspuns, se pare, Germaniei că el va fi pregătit să înceapă negocierile doar după ce camerele românești vor aproba proiectul tarifului vamal general.

Conform spuselor președintelui Consiliului, tratatul încheiat cu Germania în anul 1893 este extrem de incomod și stânjenitor pentru România și, de aceea, aceasta ar fi satisfăcută de încetarea acțiunii tratatului[1].

În afară de faptul că tariful convențional anexat la tratatul româno-german este aplicat tuturor statelor care beneficiază de drepturile aferente națiunii celei mai favorizate, în acest tratat au fost incluse unele articole, care nu se referă absolut deloc la relațiile comerciale dintre Germania și România, ci privesc în mod exclusiv comerțul celei din urmă cu Austro-Ungaria.

Această situație ar fi apărut, chipurile, din cauză că guvernul conservator român, având anumite temeri legate de opoziția parlamentului, nu a dorit să facă anumite concesii, în anul 1891, direct Austro-Ungariei, ci a preferat să includă aceste concesii în cuprinsul tratatului comercial german, acordându-i Austro-Ungariei doar drepturile națiunii celei mai favorizate.

Domnul Sturdza consideră că o astfel de modalitate de a organiza negocierile cu Viena prin intermediul Berlinului este extrem de defavorabilă României.

El speră să arunce peste bord toate prevederile din noul tratat cu Germania care nu se referă în mod direct la comerțul cu aceasta. El consideră că, în atari condiții, va fi destul de ușor să se ajungă la un acord.

Totodată, încheind tratate comerciale cu Rusia și Germania și, posibil, chiar și cu anumite alte Mari Puteri, România va obține un temei mult mai sigur pentru a-și proteja propriile interese în fața revendicărilor economice austro-ungare.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 32–33 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Tratatul de comerț, de vamă și navigație încheiat la Berlin la 9 (21) octombrie 1893. În octombrie 1904 a fost semnată o convenție adițională la acest tratat.

119

Бухарест, 11 марта 1904 г., № 24. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

До сего времени я избегал доносить Вашему Сиятельству о католической пропаганде в Румынии.

Воздерживался я от этого за неимением положительных данных, на основании коих я мог бы заключить, насколько действительно успешна деятельность латинских епископов Бухареста и Ясс на почве привлечения к католической вере православного населения королевства.

Уверения румынского духовенства, что серьёзной католической пропаганды нет, и что переходы в католицизм являются лишь единичными случаями, были малоубедительны. Тем более, что в католических печатных органах, издаваемых в Риме и в Зальцбурге, встречаются указания на успехи пропаганды в Румынии.

С другой стороны, обвинения в покровительстве католикам, возводимые оппозиционными политическими партиями на правительство и на короля Карла, отличаются, большей частью, голословностью и не подтверждаются фактическими доказательствами.

При этих условиях, желая предварительно обстоятельнее ознакомиться с положением дела, я поручил нашим консулам в Молдавии и в Добрудже расследовать возможно тщательнее, насколько католическая пропаганда принимает опасные размеры в районах консульской их юрисдикции, особенно, будто бы, излюбленных католическими миссионерами.

По получении отзывов наших консулов, я не премину представить их Вашему Сиятельству.

Ныне же считаю своим долгом обратить благосклонное Ваше внимание на более печальное и, быть может, более чреватое вредными последствиями отношение румынского правительства и, отчасти, румынского православного духовенства к религиозному воспитанию и к удовлетворению религиозных треб румынского народа.

Отношение это обнаружилось очень наглядно на одном из последних заседаний румынского сената по поводу обсуждения правительственного проекта о сельских школах[1].

Как Вашему Сиятельству небезызвестно, все румынские епископы состоят членами сената.

Один из них, епископ Рымникский, Преосвящённый Афанасий[2], произнёс в сенате речь с целью побудить правительство назначить сельскими учителями семинаристов, посвятив их в священнический сан, в тех пятистах сёлах, где в течение уже многих лет нет духовного пастыря.

Министр исповеданий[3] возразил епископу, что таких сёл не пятьсот, а семьсот, и что не правительство виновато в том, что они остаются столь продолжительное время без священников, а само духовенство.

По словам министра, в городах проживает более 1.300 священников, не имеющих прихода.

Правительство стремилось убедить их принять сельские приходы, нуждающиеся в пастырях, но священники отказывались, будто бы, от предлагаемых им назначений под предлогом, что личные и семейные их интересы удерживают их в городах.

Кто бы ни оказывался виноватым: правительство ли, не умеющее принудить священнослужителей исполнять свой долг перед государством, духовенство ли, не желающее жертвовать личными своими выгодами для блага православного населения, нельзя всё же не быть тяжело поражённым тем обстоятельством, что православная страна, отличавшаяся прежде своей религиозностью, допускает ныне, чтобы паства семисот сельских приходов лишена была всякого духовного руководительства.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 45–48 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Подробно об обсуждении этого вопроса в Сенате см.: *DS,* 1903–1904. № 31. P. 406 etc. Дебаты по поводу нового закона о местном коммунальном самоуправлении, в том числе связанные с тематикой, которую упоминает Гирс в своём донесении, также нашли широкое освещение в тогдашней печати. См., напр.: *Legea comunală la Senat* // „Adevărul”. Anul XVII. 1904. 4 martie. № 5240. P. 1; *D. Sturdza și Senatul* // Ibid. 5 martie. № 5241. P. 1.

[2] Афанасий Миронеску (1856–1931). Заместитель епископа Рымникского с декабря 1897 г., затем епископ. С февраля 1909 до июня 1911 г. являлся митрополитом-примасом Румынии.

[3] Спиру Харет.

București, 11 martie 1904, nr. 24. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Până la ora actuală, eu am evitat să raportez Luminăției Voastre despre propaganda catolică din România.

M-am abținut să fac acest lucru din cauză că nu aveam la dispoziție date pozitive, pe baza cărora aș fi putut trage anumite concluzii în privința faptului, cât de încununată de succes este, într-adevăr, activitatea episcopilor latini de București și Iași pe tărâmul atragerii populației ortodoxe a regatului la credința catolică.

Asigurările clerului românesc precum că nu există nici un fel de propagandă catolică serioasă și că convertirile la catolicism nu reprezintă decât anumite cazuri izolate s-au dovedit puțin convingătoare. Aceasta cu atât mai mult, cu cât în organele catolice de presă care sunt publicate la Roma și la Salzburg se întâlnesc anumite indicii asupra succeselor acestei propagande în România.

Pe de altă parte, acuzațiile privind protecția oferită catolicilor care sunt formulate de partidele politice de opoziție la adresa guvernului și a regelui Carol se disting, în cea mai parte parte, printr-o lipsă totală de substanță și nu sunt confirmate de vreo dovadă factuală incontestabilă.

În aceste condiții, dorind mai întâi să fac cunoștință în mod detaliat cu situația de fapt, eu i-am însărcinat pe consulii noștri din Moldova și din Dobrogea să cerceteze într-un mod pe cât posibil de meticulos gradul, în care propaganda catolică se manifestă la dimensiuni periculoase în regiunile supuse jurisdicției lor consulare, care ar fi, chipurile, preferate în mod deosebit de misionarii catolici.

Imediat după ce voi primi răspunsurile consulilor noștri, eu nu voi ezita să le prezint atenției Luminăției Voastre.

La moment însă consider de datoria mea să atrag atenția binevoitoare a Luminăției Voastre asupra atitudinii guvernului român și, parțial, a clerului ortodox din România față de educația religioasă și față de satisfacerea nevoilor religioase ale poporului român, care apare drept mult mai tristă și, posibil, mult mai susceptibilă de a duce la consecințe nefaste.

Această atitudine s-a manifestat în mod deosebit de clar în timpul uneia dintre ultimele ședințe ale Senatului român, în legătură cu discutarea proiectului guvernamental privind școlile rurale[1].

După cum Luminăția Voastră cunoaște deja, toți episcopii din România sunt membri de drept ai Senatului.

Unul dintre ei, episcopul de Râmnic, Preasfințitul Athanasie[2], a ținut un discurs în Senat cu scopul de a determina guvernul să numească în posturile de profesori sătești absolvenți ai seminarelor, hirotonisindu-i în cinul preoțesc, pentru cele cinci sute de sate în care nu există păstor duhovnicesc deja de mulți ani.

Ministrul Cultelor[3] i-a replicat episcopului că numărul acestor sate este nu de cinci sute, ci de șapte sute, și că nu guvernul este de vină pentru faptul că aceste sate rămân fără preoți un timp atât de îndelungat, ci înșiși membrii clerului.

Conform celor spuse de ministru, în orașe locuiesc peste 1300 de preoți care nu au parohie proprie.

Guvernul a făcut încercări de a-i convinge să primească acele parohii rurale care aveau nevoie de păstori, însă preoții ar fi refuzat, chipurile, posturile care li se ofereau sub pretextul că interesele lor personale și familiale nu-i lasă să plece din orașe.

Oricine s-ar dovedi vinovat până la urmă, fie guvernul, care nu este în stare să oblige membrii clerului să își facă datoria față de stat, fie înșiși clericii, care nu doresc să își sacrifice avantajele personale de dragul binelui populației ortodoxe, totuși este imposibil să nu fii frapat într-un mod destul de grav de acea împrejurare că o țară ortodoxă care se remarca, în trecut, prin propria religiozitate, permite în ziua de azi ca enoriașii din șapte sute de parohii rurale să fie lipsiți de orice fel de ghidare spirituală.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 45–48 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru dezbaterile din Senat: *DS*, 1903–1904, nr. 31, p. 406 și urm. Discuțiile privind noua lege comunală, inclusiv aspectele menționate de Giers în raportul său, și-au găsit o reflectare destul de amplă și în presa vremii. A se vedea, de exemplu: *Legea comunală la Senat*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5240, 4 martie 1904, p. 1 și *D. Sturdza și Senatul*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5241, 5 martie 1904, p. 1.

[2] Atanasie Mironescu (1856–1931). Locțiitor de episcop al Râmnicului din decembrie 1897, apoi episcop. În februarie 1909 – iunie 1911 a fost mitropolit primat al României.

[3] Spiru Haret.

120

Бухарест, 12 марта 1904 г., № 26. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынский посланник при Порте Оттоманской донёс своему правительству, что вследствие данного ему предписания он имел разговор с нашим послом в Константинополе по поводу куцо-влахского вопроса.

Господин Лаховари отзывается в самых тёплых словах о сочувствии, выраженном ему действительным тайным советником Зиновьевым[1].

Передавая мне об этом, господин Брэтиану добавил, что ему особенно дорого заявление нашего посла, что тревога, поднятая греками, его нисколько не удивляет, так как куцо-влахи составляли до сих пор главную опору эллинизма в европейских провинциях Турции.

Министр иностанных дел видит в этом заявлении признание со стороны всеми уважаемого и хорошо осведомлённого представителя великой державы в том, что румынское правительство не преувеличивает, будто бы, численности и значения куцо-влахского населения турецких вилайетов[2].

Весьма радостное впечатление произвела на господина Брэтиану и весьма лестная для румын статья, появившаяся в нашем Правительственном Вестнике от 28-го февраля под рубрикой «Румыния». В ней приводится отзыв газеты „Temps” касательно румынской политики в Македонии.

О степени этого впечатления Ваше Сиятельство изволите усмотреть из прилагаемой при сём в вырезке[3] передовой статьи официозного органа румынского Министерства иностранных дел – «l’Indépendance Roumaine»[4].

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 51–52 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Иван Алексеевич Зиновьев, российский посол в Стамбуле.
[2] В этом случае, имеются в виду три вилайета, в которых преобладало влахское население – Салоники, Монастир и Янина.
[3] Не публикуется.
[4] В данном случае речь идёт о передовице *Opinion autorisée sur la politique roumaine*.

București, 12 martie 1904, nr. 26. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Trimisul român pe lângă Poarta Otomană a raportat guvernului său că, urmând instrucțiunile care i-au fost date, el a avut o convorbire cu ambasadorul nostru de la Constantinopol în legătură cu chestiunea cuțo-vlahă.

Domnul Lahovari nu are decât cele mai calde cuvinte referitor la bunăvoința pe care i-a exprimat-o consilierul de taină efectiv Zinoviev[1].

Transmițându-mi aceste informații, domnul Brătianu a adăugat că pentru el este deosebit de prețioasă declarația ambasadorului nostru, conform căreia alarma stârnită de greci nu îl uimește câtuși de puțin, deoarece cuțo-vlahii constituiau, până în prezent, principalul sprijin al elenismului în provinciile europene ale Turciei.

Ministrul Afacerilor Străine vede în această declarație o recunoaștere din partea unei persoane care se bucură de un respect general și care este bine informată, a unui reprezentant al unei Mari Puteri, a faptului că guvernul român nu ar exagera, chipurile, numărul și importanța populației cuțo-vlahe din vilaietele[2] turcești.

O impresie extrem de plăcută a exercitat-o asupra domnului Brătianu și un articol foarte măgulitor pentru români, care a apărut în Buletinul nostru Guvernamental din data de 28 februarie la rubrica *România*. În acest articol este citată opinia ziarului „Temps” referitor la politica românească din Macedonia.

Luminăția Voastră veți binevoi să vă formați o opinie despre magnitudinea acestei impresii din editorialul organului oficios al Ministerului român al Afacerilor Străine, „L'Indépendance Roumaine”[3]. Un extras din acest articol se anexează la prezentul raport[4].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 51–52 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Ivan Alexeevici Zinoviev, ambasadorul Rusiei la Constantinopol.
[2] În acest caz, este vorba despre cele trei vilaiete locuite de comunități aromâne – Salonic, Monastir și Ianina.
[3] Este vorba despre editorialul *Opinion autorisée sur la politique roumaine*.
[4] Nu se publică.

121

Бухарест, 2 апреля 1904 г., № 29. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Телеграммой от сего числа я имел честь донести Вашему Сиятельству, что председатель Совета министров, господин Стурдза и министр иностранных дел, господин Брэтиану, посетили императорскую миссию для выражения мне соболезнования румынского правительства по поводу столь неожиданно понесённых Россией тяжёлых утрат гибелью броненосца „Петропавловск" и трагической смертью доблестного адмирала Макарова[1], пользовавшегося, по отзыву румынских министров, европейской известностью.

При этом господин Стурдза сообщил мне, что Его Величество король Карл отнёсся с чувством глубокого прискорбия к постигшему Россию несчастью.

Печальное известие о смерти адмирала, на славную деятельность коего были обращены взоры всего мира, произвело сильное впечатление в Румынии.

Оно горестно отозвалось в сердцах проживающих здесь русских, повергающих к стопам государя императора чувства беспредельной своей любви к родине и возносящих к Всевышнему усердные молитвы об избавлении России и обожаемого ею монарха от столь тяжёлых испытаний и о даровании Его Величеству скорой и славной победы над врагом.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 57–58 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Степан Осипович Макаров (27 декабря 1848 / 8 января 1849) – 31 марта / 13 апреля 1904), российский океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель и вице-адмирал. Внёс важнейший вклад в область военно-морского транспорта. Являлся одним из пионеров своего времени в использовании ледоколов. С 6 декабря 1899 по 9 февраля 1904 г. Макаров был главным командиром Кронштадтского порта и губернатором Кронштадта. За несколько дней до начала русско-японской войны составил записку с предупреждением о неизбежности начала японцами войны в ближайшие дни, равно как и о недостатках российской противоторпедной обороны. После начала военных действий, назначен 1/14 февраля 1904 г. командующим русской Тихоокеанской эскадрой и 24 февраля / 8 марта прибыл в Порт-Артур. Руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, но вскоре погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японской подводной мине. Смерть Макарова произвела глубокое впечатление на его современников.

București, 2 aprilie 1904, nr. 29. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Printr-o telegramă datată cu ziua de astăzi, am avut onoarea să vă raportez Luminăției Voastre că președintele Consiliului de Miniștri, domnul Sturdza, și Ministrul Afacerilor

Străine, domnul Brătianu, au vizitat misiunea imperială pentru a îmi exprima condoleanțele guvernului român în legătură cu grelele pierderi suferite de Rusia într-un mod atât de neașteptat, prin distrugerea cuirasatului „Petropavlovsk" și prin moartea tragică a viteazului amiral Makarov, care se bucura, conform opiniei miniștrilor români, de faimă la nivel european[1].

În același timp, domnul Sturdza mi-a comunicat că Majestatea Sa regele Carol a manifestat un sentiment de profundă mâhnire față de nenorocirea care s-a abătut asupra Rusiei.

Dureroasa veste despre moartea amiralului, asupra activității glorioase a căruia erau îndreptate privirile întregii lumi, a produs o impresie puternică în România.

Această știre a avut un ecou dureros în inimile rușilor care locuiesc aici și care își depun la picioarele Majestății Sale împăratului sentimentele lor de dragoste nețărmurită față de patrie, înălțând rugăciuni fierbinți către Cel de Sus pentru izbăvirea Rusiei și a monarhului adorat de ea de aceste încercări atât de grele și pentru ca Majestății Sale să i se dăruiască o victorie rapidă și glorioasă asupra dușmanului.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 57–58 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Stepan Osipovici Makarov (27 decembrie 1848 (8 ianuarie 1849) – 31 martie (13 aprilie) 1904), oceanograf, explorator polar, inginer naval și vice-amiral rus. A avut contribuții notabile în domeniul transportului militar naval, fiind unul dintre pionierii epocii sale în folosirea spărgătoarelor de gheață. Între decembrie 1899 și februarie 1904, a fost guvernator al cetății și comandant al portului Kronstadt. Cu câteva zile înainte de începutul războiului ruso-japonez, a întocmit un raport în care avertiza despre inevitabilitatea războiului și despre lacunele marinei ruse. După declanșarea ostilităților, pe 1 (14) februarie 1904 a fost numit comandant al escadrei ruse din Oceanul Pacific, sosind la Port-Arthur pe 24 februarie (8 martie) 1904. A coordonat acțiunile navale defensive de la Port-Arthur, dar a murit curând la bordul cuirasatului *Petropavlovsk*, scufundat de o mină subacvatică japoneză. Moartea lui Makarov a lăsat o puternică impresie asupra contemporanilor.

122

Бухарест, 8 апреля 1904 г., № 34. Гирс – графу Ламсдорфу

Одно приложение

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На сегодняшнем приёме в королевском министерстве иностранных дел господин Брэтиану доверительно передал мне прилагаемую при сём копию меморандума[1], вручённого великому визирю румынским посланником при Порте, господином Лаховари, касательно вопроса об образовании в вилайетах Салоникском, Монастырском и Янинском самостоятельных куцо-влахских приходов[2], в коих церковная служба совершалась бы на румынском языке.

Господин Брэтиану просил меня представить этот документ на милостивое усмотрение Вашего Сиятельства, присовокупив, что румынский посланник в Константинополе ознакомил с его содержанием действительного тайного советника Зиновьева[3].

По словам министра, в меморандуме изложены минимальные требования Румынии, временно отказавшейся от прежних своих вожделений об учреждении румынской епархии в Турции.

Обращением к Порте королевское правительство намерено испробовать все доступные ему средства влияния на Патриархию, могущие побудить Вселенскую Церковь к более справедливому отношению к куцо-влахской национальности и тем отвратить грозящее, будто бы, в будущем присоединение куцо-влахов к Экзархату.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 72а–72б, об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Не публикуется.
[2] Подробно о предоставлении церковной автономии влахским общинам Македонии и позиции румынского правительства в данном вопросе см.: Nistor. *„Problema aromână”.* P. 63 etc.
[3] Иван Алексеевич Зиновьев, российский посол в Стамбуле.

București, 8 aprilie 1904, nr. 34. Giers către contele Lamsdorff

Cu o anexă

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

La recepția ținută astăzi la Ministerul regal al Afacerilor Străine domnul Brătianu mi-a transmis, în mod confidențial, copia unui memorandum care se anexează la prezentul raport[1]. Acest memorandum i-a fost înmânat Marelui Vizir de către trimisul român pe lângă Poarta Otomană, domnul Lahovari, și se referă la chestiunea creării unor parohii autonome ale cuțo-vlahilor, în vilaietele Salonic, Monastir și Ianina[2], în cuprinsul cărora slujba bisericească s-ar ține în limba română.

Domnul Brătianu m-a rugat să transmit acest document la discreția binevoitoare a Luminăției Voastre, adăugând că trimisul român de la Constantinopol i-a făcut cunoscut conținutul acestui memorandum consilierului de taină efectiv Zinoviev[3].

Conform celor spuse de către ministru, în memorandum sunt expuse revendicările minime ale României, care a renunțat temporar la aspirațiile și cerințele sale anterioare privind întemeierea unei eparhii românești în Turcia.

Prin această adresare către Poartă, guvernul regal român are intenția de a pune la încercare toate mijloacele care îi sunt accesibile pentru a influența Patriarhia și care ar putea determina Biserica Ecumenică să adopte o atitudine mai echitabilă față de naționalitatea cuțo-vlahă și, prin aceasta, să preîntâmpine intrarea cuțo-vlahilor în componența exarhatului, care ar reprezenta, chipurile, o amenințare în viitor.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 72a–72b verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Nu se publică.
[2] Pentru mai multe detalii privind problema autonomiei ecleziatice pentru comunităţile aromâne şi a poziţiei guvernului român în această chestiune, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”* p. 63 şi urm.
[3] Ivan Alexeevici Zinoviev, ambasadorul Rusiei la Constantinopol.

123

Бухарест, 8 апреля 1904 г., № 35. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В дополнение к предшествующей моей депеше считаю долгом донести Вашему Сиятельству, что румынское общественное мнение, так волновавшееся в течение истёкшей зимы вопросом о куцо-влахах, стало, по-видимому, относиться к нему за последнее время несколько хладнокровнее.

Водворяющееся постепенно спокойствие в Македонии отчасти подействовало, конечно, отрезвляющим образом на пылкое воображение румынских политиканов, но полагаю, что влияет на них, главным образом, то обстоятельство, что парламентская сессия приходит ныне к концу и что не является поэтому столь необходимым в видах партийных интересов щеголять патриотическими чувствами.

Я не могу, однако, сказать, что такая временная перемена в общественном настроении отразилась на отношение к куцо-влахскому вопросу Его Величества короля Карла.

К сожалению, пребывающий здесь греческий представитель, господин Томбазис, нашёл удобным на частной аудиенции войти в личные препирательства с Его Величеством касательно взаимного положения греков и румын в Македонии и обязательств, принятых, будто бы, на себя королём Карлом при свидании с королём Георгом в Аббации[1].

Господин Томбазис увеличил лишь таким своим шагом раздражение Его Величества против Греции и усилил личное Его участие в дальнейших поступах румынского правительства на пути обеспечения своего влияния на куцо-влахов.

По рассказам господина Томбазиса, в словах Его Величества, обращённых к нему, звучала угроза по отношению к довольно значительным греческим интересам в Румынии.

Король сказал, будто бы, греческому посланнику, что Россия, Австрия и Германия одобряют его политику в македонском вопросе.

Такое утверждение поразило эллинского моего сотоварища.

Он передал мне, что ему положительно, будто бы, известно, что афинский кабинет обратил[ся] в этом деле к содействию венского правительства, неоднократно, будто бы, служившего уже посредником между Бухарестом и Афинами, и что в Вене обещали, будто бы, воздействовать на румын.

До сих пор я не замечал, однако, здесь подобного воздействия со стороны австрийской миссии, обнаруживающей большую сдержанность в этом вопросе.

Более близкое участие короля Карла придаст, вероятно, большую настойчивость и последовательность румынским притязаниям в Македонии.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 83–85 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

București, 8 aprilie 1904, nr. 35. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Suplimentar la raportul meu anterior, consider de datoria mea să raportez Luminăției Voastre că opinia publică românească, care s-a agitat atât de mult pe parcursul iernii trecute în privința chestiunii cuțo-vlahilor, a început, se pare, în ultimul timp, să trateze această problemă cu ceva mai mult sânge rece.

Calmul care se instaurează treptat în Macedonia a avut efectul parțial, desigur, de a influența imaginația înflăcărată a politicienilor intriganți din România, trezindu-i cumva la realitate. Totuși, consider că asupra lor influențează, în special, acea circumstanță, că sesiunea parlamentară se apropie, în prezent, de sfârșit, și că nu mai este, de aceea, atât de necesar să își etaleze sentimentele patriotice în vederea promovării intereselor de partid.

Nu pot să spun însă că o asemenea schimbare temporară a stării de spirit în sânul opiniei publice s-a reflectat cumva asupra atitudinii Majestății Sale regelui Carol față de chestiunea cuțo-vlahă.

Din păcate, reprezentantul diplomatic grec aflat aici, domnul Tombazis, a găsit de cuviință, în timpul unei audiențe private, să provoace o altercație personală cu Majestatea Sa în privința situației reciproce a grecilor și a românilor din Macedonia și a angajamentelor pe care, chipurile, și le-ar fi asumat regele Carol în timpul întrevederii de la Abbazia cu regele George[1].

Domnul Tombazis, prin acest demers al său, nu a făcut decât să crească supărarea Majestății Sale împotriva Greciei și astfel a intensificat participarea personală a regelui în mișcările ulterioare de înaintare a guvernului român pe calea asigurării influenței sale asupra cuțo-vlahilor.

Conform celor relatate de domnul Tombazis, în cuvintele Majestății Sale pe care i le-a adresat atunci putea fi simțită o oarecare amenințare față de interesele grecești din România, care sunt destul de semnificative.

Regele i-ar fi spus, se pare, trimisului grec că Rusia, Austria și Germania îi aprobă politica în chestiunea macedoneană.

O asemenea afirmație l-a șocat pe colegul meu elen.

El mi-a transmis că ar avea, chipurile, informații certe, conform cărora cabinetul de la Atena s-ar fi adresat guvernului de la Viena, cerându-i sprijinul în această chestiune, deoarece ultimul ar fi servit, chipurile, deja de mai multe ori drept intermediar între București și Atena, și că cei de la Viena au promis, se pare, să exercite o anumită influență asupra românilor.

Până în prezent însă eu nu am observat aici o asemenea influență din partea misiunii austriece, care manifestă o mare rezervă şi prudență în această chestiune.

O participare mai intimă a regelui Carol va conferi, probabil, o mai mare perseverență și consecvență revendicărilor și pretențiilor românești din Macedonia.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 83–85 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea documentele anterioare referitoare la acest aspect.

124

Бухарест, 14 апреля 1904 г., № 36. Гирс – графу Ламсдорфу

По получении предписания Вашего Сиятельства от 27 февраля сего года, № 995, касательно образования общей комиссии из русских и румынских делегатов для урегулирования государственной нашей границы с Румынией[1] я не преминул войти в сношение по его содержанию с королевским правительством.

Так как до сего времени мои переговоры по сему предмету с господином Брэтиану велись словесно, то я счёл своим долгом прежде всего побудить румынского министра иностранных дел изложить на бумаге вопросы, подлежащие рассмотрению комиссии, созываемой по его предложению.

Мне казалось необходимым заполучить такой документ во избежание каких-либо недоразумений при дальнейшем ходе дела, и, в особенности, при снабжении делегатов необходимыми им указаниями.

Имею честь представить при сём на милостивое усмотрение Вашего Сиятельства записку, переданную мне господином Брэтиану и излагающую его соображения относительно программы деятельности комиссии.

В этой записке министр иностранных дел постарался высказать особенно настойчиво желание о сохранении выгод, представляемых границей, совпадающей с течением водного пути.

В двух пунктах своей программы он говорит о соглашении предполагаемой русско-румынской комиссии со смешанной Прутской комиссией.

Это соглашение может, конечно, касаться лишь вопросов, относящихся до судоходства реки.

В заключение господин Брэтиану предлагает, в случае одобрения нами его предположений, чтобы сперва одни технические делегаты съехались в Бухарест для совместного затем производства работ по двум первым пунктам программы, то есть по снятию возможно подробного плана нынешнего течения Прута и определению на плане прежних его русел 1812 и 1878 годов.

С отличным почтением и проч.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 87–87 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Копия с записки румынского министра иностранных дел от 9/22 апреля 1904 г.

Le Gouvernement Royal, animé du désir d'être agréable au Gouvernement Impérial et de régler la question de la frontière du Pruth d'une manière prompte et définitive, en conciliant les deux points de vue, en présent est désireux de maintenir les avantages que présente pour les deux Etats une frontière constituée par un cours d'eau, avantages developpés dans ses communications du 19 Juin 1902 et de 16 Avril 1903, est d'avis que ce but pourrait être atteint par une série d'opérations se résumant dans le programme suivant:

1) Levé en commun d'une carte à grande échelle du cours du Pruth, depuis Nova-Selitza jusqu'au Danube et sur une largeur suffisante pour comprendre les anciens lits de la rivière.

2) Simultanément avec ce levé, recherches sur les lieux, pour reconnaître, tant par l'examen du terrain que par celui des actes authentiques, le cours du Pruth tel qu'il était en 1812 et en 1878.

3) Détermination, sur la nouvelle carte, de ces anciens cours ainsi que des changements s'étant produits depuis dans la souveraineté et la propriété des terrains riverains.

4) Détermination, pour l'avenir, en tenant compte, dans la mesure possible de l'ancienne limite de souveraineté, d'une frontière stable et définitive, coincidant avec le cours du Pruth qui sera rectifié et fixé dans ce sens par les deux Etats à frais communs et en entente avec la Commission Mixte du Pruth. Le cours actuel du Pruth continuera à former la frontière entre les deux Etats jusqu'à l'achèvement des travaux de rectification.

5) Simultanément avec les travaux prévus dans le paragraphe précédent, il sera procédé, en entente avec la Commission Mixte du Pruth, à la détermination des travaux de rectification de cette rivière, à l'élaboration des projets et à l'établissement des devis.

6) Conclusion d'une Convention de Délimitation dans le genre de celle conclue entre la Roumanie et l'Autriche-Hongrie; démarcation et description de la frontière, réglement définitif de la question des propriétés passées d'un pays à l'autre.

7) Exécution des travaux de rectification du Pruth.

A l'occasion du levé de la carte il devra être procédé, avec le concours de délégués autrichiens, à la détermination du point resté jusqu'à présent non déterminé, où se rencontrent les frontières des trois Etats, en face de Nova-Selitza, et à la construction de la pyramide nécessaire.

Au cas où, d'une manière générale, ce programme ne serait pas contraire aux vues du Gouvernement Impérial, le Gouvernement Royal verrait, avec le plus vif plaisir, l'arrivée à Bucarest de délégués russes, pour y traiter des modalités et des détails du levé de la région du Pruth et des opérations prévues au point 2 du programme ci-dessus, travaux devant précéder tous les autres, avec les délégués que le Gouvernement Royal s'empresserait de nommer de son côté.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 88–88 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Дополнительные подробности, касающиеся создания смешанной русско-румынской комиссии и вопросов урегулирования русско-румынской границы на реке Прут в эти и последующие годы см.: Агаки А. С. *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в*. Кишинёв, Издательство «Штиинца», 1976. С. 46–49. По мнению Агаки, румынское правительство намеренно «затягивало переговоры с российским правительством» по демаркации государственной границы на Пруте, предпочитая оставить этот вопрос в подвешенном состоянии на протяжении нескольких лет.

București, 14 aprilie 1904, nr. 36. Giers către contele Lamsdorff

Ca urmare a recepționării instrucțiunii Luminăției Voastre din data de 27 februarie a. c., cu nr. 995, în privința creării unei comisii comune, compuse din delegați ruși și români, în

vederea reglementării problemelor legate de frontiera noastră de stat cu România[1], eu nu am ezitat să intru în contact cu guvernul regal referitor la conținutul acesteia.

Deoarece până în acest moment negocierile mele cu domnul Brătianu privind această chestiune s-au desfășurat doar verbal, eu am considerat de datoria mea, mai întâi de toate, să îl îndemn pe ministrul român al Afacerilor Străine să expună pe hârtie acele chestiuni, care urmează a fi discutate de comisia convocată la propunerea sa.

Mi s-a părut necesar să intru în posesia unui asemenea document pentru a evita orice fel de neînțelegeri și confuzii în timpul desfășurării ulterioare a lucrurilor și, mai ales, în contextul împuternicirii delegaților cu instrucțiunile necesare.

Am onoarea să vă transmit, în anexă, la latitudinea binevoitoare a Luminăției Voastre, un memoriu care mi-a fost transmis de către domnul Brătianu și unde sunt expuse considerațiile sale privind programul de activitate al comisiei[2].

În acest memoriu, Ministrul Afacerilor Străine s-a străduit să își exprime, într-un mod deosebit de insistent, dorința de a păstra acele avantaje care sunt reprezentate de frontiera care coincide cu cursul actual al râului.

În două dintre punctele programului său, el vorbește despre un acord dintre presupusa comisie ruso-română și comisia mixtă a Prutului.

Un astfel de acord poate, firește, să privească doar acele chestiuni care se referă la navigația fluvială.

În încheiere, domnul Brătianu propune, în cazul aprobării de către noi a intențiilor sale, ca mai întâi să se reunească la București doar delegații cu profil tehnic, urmând ca mai apoi să înceapă executarea în comun a lucrărilor conform primelor două puncte din program, adică: elaborarea unui plan cât se poate de detaliat al actualului curs al Prutului și fixarea, în cuprinsul planului, a albiilor sale anterioare din anii 1812 și 1878.

Cu deosebită considerație etc.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 87–87 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru mai multe detalii privind crearea comisiei mixte ruso-române și problemele reglementării frontierei ruso-române de la Prut în această perioadă, a se vedea: А. С. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, Издательство Штиинца, 1976, în special p. 46–49. În opinia lui Agachi, guvernul român ar fi „tergiversat negocierile cu guvernul rus” în privința delimitării frontierei pe Prut, lăsând chestiunea să treneze timp de câțiva ani.

[2] Anexă la versiunea în limba rusă a documentului.

125

Бухарест, 20 апреля 1904 г., № 37. Гирс – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вопрос о положении куцо-влахов в европейских вилайетах Турецкой империи был вновь поднят в румынском Сенате председателем Национальной лиги, господином Грэдиштяну[2].

Состоя членом Сената, господин Грэдиштяну с сенаторской кафедры сделал запрос королевскому Министерству относительно мер, принимаемых последним к обеспечению религиозной свободы македонских румын.

Он выразил мнение, что румынской независимой церкви следует внушить Вселенской Патриархии о необходимости придерживаться истинных догматов православия и что румынское правительство должно прибегнуть к репрессалиям по отношению к греческим общинам в Румынии.

В своей речи министр иностранных дел господин Брэтиану высказал сожаление, что ему не удалось убедить господина Грэдиштяну отказаться от запроса и что, по сенатским правилам, он обязан ему отвечать.

Министр предпочёл бы хранить молчание, пока он не теряет надежды, что стремящиеся при помощи религии ковать оружие для этнической пропаганды возвратятся к более справедливой и верной оценке действительности.

Надежда министра основана на его убеждении, что дело румын в Оттоманской империи тесно связано с истинными интересами православия и что, поэтому, не следует сомневаться, что румынские домогательства найдут поддержку со стороны всех искренних и просвещённых защитников Святой Восточной Церкви.

Общественное мнение Европы имеет, будто бы, вполне правильное представление о положении куцо-влахов.

В доказательство этого министр пожелал привести лишь один пример. Он прочёл Сенату сочувственную характеристику румынской политики в Македонии, помещённую в русском Правительственном Вестнике от 28 февраля.

По словам министра, роль церкви состоит в облегчении участи и умиротворении угнетённых. Между тем, в затруднениях, переживаемых ныне куцо-влахами, те, которые должны были бы их поддерживать, пытают их души и смущают их совесть, пользуясь неясностью, внесённой невежеством в понятия о религиозных чувствах и о подчинении всем требованиям представителей церкви, даже в вопросах совершенно иного свойства.

«В защите наших прав, сказал господин Брэтиану, мы будем избегать всего, что может оскорбить законные интересы других. Но взаимность должна быть условием sine qua non наших добрых отношений к другим нациям».

«Равным образом, несмотря на глубокое уважение, питаемое нами к религиозным учреждениям, мы почерпнём в святости нашего дела необходимую энергию, чтобы воспротивиться попыткам денационализации, под каким покровительством они ни скрывались бы».

Прилагая при сём, в газетной вырезке, французский перевод речи господина Брэтиану, с отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 89–91 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Microfilme Rusia, Rola 191.

---

[1] Не публикуется.

[2] Петру Грэдиштяну. В 1883 г. был принят в ряды почётных членов Румынской Академии, а вскоре после этого стал председателем «Лиги культурного единства всех румын» (*Liga pentru Unitatea Culturală a tuturor Românilor*). Был очень активным деятелем в рамках национального дискурса, снискав широкую известность в этот период благодаря своим неоднократным высказываниям по поводу восстановления единства Румынии. Так, например, во время торжественного открытия памятника Штефану Великому в Яссах (1883) Грэдиштяну заявил, что в короне великого господаря не хватает нескольких драгоценных камней, намекая, таким образом, на территории, населённые румынами и находившиеся под иностранным владычеством: Бессарабию, Буковину и Трансильванию.

București, 20 aprilie 1904, nr. 37. Giers către contele Lamsdorff

Cu o anexă[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Chestiunea privitoare la situația cuțo-vlahilor din vilaietele europene ale Imperiului Otoman a fost din nou ridicată în Senatul României de către președintele Ligii Naționale, domnul Grădișteanu[2].

Fiind membru al Senatului, domnul Grădișteanu a inițiat o interpelare adresată guvernului regal, de la tribuna Senatului, în privința măsurilor întreprinse de acesta din urmă pentru asigurarea libertății religioase a românilor macedoneni.

El și-a exprimat opinia că biserica independentă a României ar trebui să îi explice insistent Patriarhiei Ecumenice necesitatea de a respecta întru totul adevăratele dogme ale ortodoxiei și că guvernul român ar trebui să recurgă la represalii față de comunitățile grecești din România.

În alocuțiunea sa ministrul Afacerilor Străine, domnul Brătianu, și-a exprimat regretul că nu a reușit să îl convingă pe domnul Grădișteanu să renunțe la această interpelare și că, în conformitate cu regulamentele Senatului, el este obligat să-i răspundă.

Ministrul ar fi preferat să păstreze tăcerea atâta timp, cât nu își pierde speranța că cei care încearcă să făurească anumite instrumente pentru propagandă etnică cu ajutorul religiei vor reveni la o evaluare mai echitabilă și mai adecvată a realității.

Speranța ministrului se bazează pe convingerea sa, conform căreia cauza românilor din Imperiul Otoman este strâns legată de adevăratele interese ale ortodoxiei și că, din acest motiv, nu trebuie să existe vreo îndoială că revendicările românești își vor găsi un sprijin din partea tuturor protectorilor sinceri și luminați ai Sfintei Biserici Orientale.

Opinia publică din Europa ar avea, chipurile, o imagine destul de corectă despre situația cuțo-vlahilor.

Ca dovadă a acestei afirmații, ministrul a găsit de cuviință să aducă doar un singur exemplu. El a dat citire în fața Senatului caracterizării binevoitoare a politicii românești din Macedonia care a fost publicată în Buletinul Guvernamental al Rusiei din data de 28 februarie.

Conform celor spuse de ministru, rolul bisericii constă în alinarea destinului amar și în împăcarea celor oprimați. Cu toate acestea, în timpul situației dificile în care se află, în prezent, cuțo-vlahii, cei care ar fi trebuit să le ofere sprijin le torturează sufletele și le tulbură conștiințele, profitând de confuzia introdusă de ignoranță în concepțiile lor despre sentimentele religioase și despre supunerea lor tuturor cerințelor din partea reprezentanților bisericii, chiar și în anumite chestiuni de o cu totul altă natură.

„În cazul apărării drepturilor noastre, a spus domnul Brătianu, noi vom evita orice lucru care ar putea aduce atingere intereselor legitime ale altora. Însă reciprocitatea trebuie să reprezinte o condiție *sine qua non* pentru atitudinea noastră binevoitoare față de alte națiuni".

„În mod similar, în pofida profundului respect pe care îl nutrim pentru toate instituțiile religioase, noi vom găsi în caracterul sfânt al cauzei noastre energia necesară pentru a ne împotrivi oricăror încercări de deznaționalizare, indiferent sub ce fel de protecție s-ar ascunde acestea".

Anexând la acest raport, într-un extras din ziar, traducerea franceză a discursului domnului Brătianu, am onoarea de a fi, Stimate Domn, cu deosebită considerație și neschimbat devotament, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 89–91 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Nu se publică.
[2] Petru Grădişteanu. În 1883, a fost primit ca membru onorific al Academiei Române, devenind preşedinte al „Ligii pentru Unitatea Culturală a tuturor Românilor”. A fost foarte activ pe terenul discursului naţional, fiind cunoscut în epocă pentru mai multe afirmaţii referitoare la întregirea României. De exemplu, la dezvelirea statuii lui Ştefan cel Mare la Iaşi (1883), Grădişteanu a afirmat că din coroana marelui voievod lipsesc câteva nestemate, făcând aluzie la teritoriile locuite de români: Basarabia, Bucovina şi Transilvania.

126

Бухарест, 2 мая 1904 г., № 46. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Желая урегулировать вопросы о пограничной речной черте между Румынией и Болгарией и о территориальных правах на многочисленные острова, расположенные по течению Дуная, правительства обоих этих государств назначили особую комиссию, имевшую несколько заседаний в Бухаресте[1].

В состав комиссии вошло со стороны Румынии пять делегатов, представителей всех заинтересованных ведомств. Число болгарских делегатов было тоже довольно значительно.

При всём том, вопреки ожиданиям, комиссия пришла очень скоро к заключению, что её работы не приведут к соглашению.

В виду этого она ограничилась изложением в протоколе четырёх пунктов, возбудивших упорное разногласие между сторонами, и предоставила самим правительствам дальнейшее ведение дела путём дипломатических переговоров.

Считаю долгом привести ниже спорные пункты:

1) Румынские делегаты требовали, чтобы границей между обоими государствами был признан тальвег Дуная, изменяющийся с изменением течения последнего. Болгары согласны считать границей тальвег течения реки, но с условием, что граница не изменялась бы в продолжении десяти лет, после коих были бы произведены проверка тальвега и согласованной с ним граничной черты.

2) Все острова, лежащие направо от речной граничной черты, отходят к Болгарии; те же, кои расположены налево, будут присвоены Румынии. Но румыны настаивают, чтобы отходящие им острова были в этот раз переданы в собственность их правительству без всякого обязательства со стороны последнего вознаградить частных болгарских владельцев. Между тем, болгары желают такого вознаграждения.

3) Румыны предлагают учредить постоянную комиссию из одного болгарского и одного румынского комиссаров для постоянного наблюдения за границей и решения мелких вопросов, не касаясь, однако, более серьёзных территориальных изменений, подлежащих пересмотру лишь каждые десять лет. Болгары не видят надобности в постоянной комиссии, находя совершенно достаточной проверку границы каждые десять лет.

4) Румыны желали бы ныне же определить, что при дальнейшей проверке границы по истечении десятилетия частные владельцы будут вознаграждаться правительством, отбирающим у них недвижимую собственность для присоединения

её к своей территории и что оценка этой собственности будет производиться путём капитализации из 5% доходов с неё.

Болгары не считают себя в праве ныне же определять способ вознаграждения, так как решение этого вопроса должно быть предоставлено тем правительствам и палатам, кои будут стоять в то время у дел.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 108–111.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Переговоры, связанные с подписанием Конвенции о демаркации речной границы между Румынским Королевством и Болгарским Княжеством, начались в первые годы XX в. и длились почти целое десятилетие. Еще в декабре 1902 г. болгарский министр иностранных дел Стоян Данев предложил румынскому дипломатическому агенту в Болгарии Николае Мишу создать смешанную комиссию, которая «была бы уполномочена окончательно утвердить дунайскую границу» между обоими государствами. В настоящем документе речь идёт о встрече между болгарской и румынской делегациями, состоявшейся в Бухаресте в целях начала переговоров. На этом заседании был подписан протокол, содержавший точку зрения обеих сторон. Переговоры, однако, возобновятся лишь осенью 1907 г. Подробно см.: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european: Relațiile româno-bulgare la 1900.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012, P. 191–197.

București, 2 mai 1904, nr. 46. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Dorind să reglementeze chestiunile legate de linia fluvială de demarcare a graniței dintre România și Bulgaria și de drepturile de jurisdicție teritorială asupra numeroaselor insule situate de-a lungul cursului Dunării, guvernele ambelor state au decis să numească o comisie specială, care a avut câteva ședințe la București[1].

În componența acestei comisii au intrat cinci delegați din partea României, reprezentând toate departamentele interesate. Numărul delegaților bulgari a fost, de asemenea, destul de semnificativ.

Cu toate acestea, în pofida așteptărilor, comisia a ajuns foarte curând la concluzia că lucrările sale nu se vor încununa cu un acord.

Având în vedere acest lucru, ea s-a limitat doar la expunerea, într-un proces-verbal, a celor patru puncte care au suscitat un dezacord persistent și profund între cele două părți, și a lăsat la discreția celor două guverne desfășurarea ulterioară a lucrurilor prin intermediul negocierilor diplomatice.

Consider de datoria mea să prezint, mai jos, aceste puncte controversate:

1) Delegații români au solicitat insistent ca Thalweg-ul Dunării, care se schimbă o dată cu modificarea cursului acestui fluviu, să fie recunoscut drept frontieră între cele două state. Bulgarii sunt de acord să considere drept graniță Thalweg-ul cursului fluviului, însă cu condiția ca frontiera să nu fie modificată pe parcursul unei durate de zece ani, după care să fie efectuată verificarea Thalweg-ului și a liniei de demarcație a frontierei, adusă în concordanță cu acesta.

2) Toate insulele situate la dreapta liniei de demarcare a frontierei fluviale vor reveni Bulgariei; acele insule care sunt situate la stânga acestei linii vor fi acordate României. Însă românii insistă ca insulele care le-ar reveni să fie, de această dată, transmise în proprietatea

guvernului român, fără nici un fel de obligaţie din partea celui din urmă de a-i recompensa pe deţinătorii bulgari de proprietate privată. Cu toate acestea, bulgarii doresc o asemenea recompensă.

3) Românii propun instituirea unei comisii permanente, compuse dintr-un comisar bulgar şi unul român, pentru efectuarea unei observări continue asupra frontierei şi pentru rezolvarea unor chestiuni mărunte, fără însă a avea vreo tangenţă cu modificările teritoriale mai substanţiale, care urmează a fi revizuite doar o dată la zece ani. Bulgarii nu văd nici o necesitate a unei asemenea comisii permanente, considerând că verificarea frontierei o dată la fiecare zece ani ar fi absolut suficientă.

4) Românii ar dori să stipuleze chiar în momentul de faţă că, la verificările ulterioare ale graniţei la expirarea fiecărui deceniu, deţinătorii de proprietate privată vor fi recompensaţi de către acel guvern, care le va rechiziţiona proprietatea imobiliară pentru a o integra în cadrul propriului teritoriu, şi că evaluarea acestei proprietăţi va fi efectuată prin intermediul capitalizării în proporţie de 5% din veniturile obţinute de pe urma acesteia.

Bulgarii nu se consideră în drept de a stabili, chiar în acest moment, modalitatea de recompensă, deoarece rezolvarea acestei chestiuni ar trebui să fie lăsată în competenţa acelor guverne şi camere legislative, care se vor afla la guvernare în acele clipe.

Cu deosebită consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 108–111.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Negocierile legate de Convenţia privind delimitarea graniţei fluviale dintre Regatul României şi Principatul Bulgariei au început în primii ani ai secolului XX, cuprinzând aproape un deceniu. Încă în decembrie 1902, ministrul bulgar al Afacerilor Străine, Stoian Danev, îi propune agentului diplomatic român, Nicolae Mişu, instituirea unei comisii mixte, „însărcinate a fixa fruntaria dunăreană” dintre cele două state. În documentul de faţă, este vorba despre întâlnirea celor două delegaţii, la Bucureşti, pentru a începe negocierile. Cu această ocazie, este încheiat un proces verbal, care conţine punctele de vedere ale părţilor. Negocierile vor fi reluate însă abia în toamna anului 1907. Pentru mai multe detalii, a se vedea: Daniel Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900,* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012, p. 191–197.

127

Бухарест, 8 мая 1904 г., № 50. Лермонтов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Их Величества король и королева, а равно Их королевские Высочества, наследный принц и принцесса с августейшими старшими детьми своими возвратились во вторник, 4-го сего мая, из предпринятого путешествия по Дунаю.

Покинув Бухарест в понедельник, 26-го апреля, августейшие путешественники прибыли на другой день утром в Турну-Северин, где, приняв городских властей, сели на приготовленный пароход «Orientul» и направились к каналу «Железных Ворот».

Дойдя до деревни Свеницы[1], «Orientul» повернул назад и в 6 часов вечера пристал опять к пристани Турну-Северина. Здесь Его Величество король Карл, сойдя на берег, осматривал верфь и совершил прогулку по городу.

На другой день утром Их Величества и Высочества отбыли на том же пароходе в дальнейшее путешествие вниз по Дунаю и около 3-х часов пополудни прибыли в г. Калафат.

Сойдя на берег, Его Величество со всем своим августейшим семейством направился к воздвигнутому здесь памятнику войны и, остановившись у его подножия, в прочувствованных словах воскресил в памяти присутствовавших несколько эпизодов минувшей освободительной войны.

Возвратившись на борт «Orientul»-а, Их Величества и Высочества отбыли в $4^1/2$ часа дня из Калафата и 30-го апреля, после нескольких остановок, прибыли в Журжево, откуда направились в Галац с остановками в Чернаводэ и Констанце.

Из Галаца августейшие путешественники направились в Тулчу и Сулину и, вернувшись опять в Галац, на специальном поезде прибыли в Бухарест.

Восьмидневное путешествие это было похоже на триумфальное шествие. Их Величества всё время были предметом самых горячих манифестаций со стороны властей и населения посещаемых ими городов и местностей.

Официальная пресса старается придать путешествию этому государственное значение, между тем как оппозиционная, в противность официальной, придаёт ему значение лишь простой экскурсии[2].

Разногласие во взглядах объясняется тем, что правительство так обставило путешествие Их Величеств, что представители консервативной партии могли принять лишь самое незначительное участие в приёмах и торжествах, устраиваемых в честь Их Величеств в городах, кои удостоились посещения королевской семьи.

Отсюда явилось неудовольствие консерваторов и старание доказать, что, раз они не были допущены принять непосредственное участие в приёмах короля и его августейшего семейства, то и манифестации, имевшие место, не могут считаться выражением чувств всего румынского народа, а лишь незначительной его части.

С глубочайшим почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 127–130.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Населённый пункт в уезде Мехединць, находящийся поблизости от Железных Ворот.

[2] Путешествие королевской семьи по Дунаю и особая политическая важность этого события получили широкое освещение в тогдашней румынской печати. См., напр.: *Călătoria familiei regale* // „Adevărul politic”. Anul XVII. 1904. 29 aprilie. № 5293. P. 2; *Scopul excursiunei regale* // „Adevărul politic”. Anul XVII. 1904. 30 aprilie. № 5294. P. 1; *Călătoria familiei regale* // „Voința Națională”. Anul XXI. 1904. 29 aprilie. № 5716. P. 3; *Călătoria suveranilor* // „Voința Națională”. Anul XXI. 1904. 30 aprilie. № 5717. P. 1. Авторы статей подчёркивали значение Дуная для истории и будущего Румынии, а также приводили в пример изъявления народного «восхищения» и «любви», которыми местное население встречало королевскую семью.

București, 8 mai 1904, nr. 50. Lermontov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestățile Lor regele și regina, de rând cu Altețele Lor regale, principele moștenitor și principesa moștenitoare, împreună cu augușții lor copii mai mari, au revenit marți, 4 mai a.c., dintr-o călătorie pe care au întreprins-o pe Dunăre.

Părăsind Bucureştiul în ziua de luni, 26 aprilie, auguştii călători au sosit a doua zi dimineaţa la Turnu Severin, unde, primindu-i în audienţă pe reprezentanţii autorităţilor municipale, au urcat la bordul navei cu aburi „Orientul", pregătite din timp, şi s-au îndreptat spre canalul „Porţilor de Fier".

Ajungând până la satul Sveniţa[1], „Orientul" a întors înapoi şi, la orele 6 seara, a acostat din nou la debarcaderul portului Turnu Severin. Aici Majestatea Sa regele Carol, debarcând de la bordul navei pe uscat, a inspectat şantierul naval şi a făcut o plimbare prin oraş.

A doua zi dimineaţa, Majestăţile şi Alteţele Lor au plecat, la bordul aceleiaşi nave, pentru a-şi continua călătoria în jos pe Dunăre, iar în jurul orelor 3 după amiază au sosit în oraşul Calafat.

Coborând de la bordul navei, Majestatea Sa, împreună cu întreaga sa augustă familie, s-a îndreptat spre monumentul înălţat aici în memoria războiului şi, oprindu-se lângă postamentul acestuia, a reînviat în memoria celor prezenţi, în cuvinte pline de simţire şi emoţie, câteva episoade ale războiului trecut de eliberare.

Întorcându-se la bordul navei „Orientul", Majestăţile şi Alteţele Lor regale au plecat din Calafat la orele 4:30 şi, pe data de 30 aprilie, după câteva scurte staţionări, au sosit la Giurgiu, de unde s-au îndreptat spre Galaţi, cu opriri la Cernavodă şi Constanţa.

Din Galaţi auguştii călători s-au îndreptat la Tulcea şi Sulina şi, revenind din nou la Galaţi, au sosit la Bucureşti cu un tren special.

Această călătorie, care a durat opt zile, a avut ceva similar cu o procesiune triumfală. Majestăţile Lor au fost, în tot acest timp, obiectul celor mai fierbinţi manifestări de loialitate din partea autorităţilor şi a populaţiei oraşelor şi localităţilor pe care le-au vizitat.

Presa oficială încearcă asiduu să confere acestei călătorii o semnificaţie la nivel de stat, în timp ce presa de opoziţie, contrar poziţiei presei oficiale, îi acordă acesteia doar semnificaţia unei simple excursii[2].

Acest dezacord şi diferenţă de viziuni se explică prin faptul că guvernul a organizat călătoria Majestăţilor Lor în aşa fel, încât reprezentanţii partidului conservator au putut lua parte doar în modul cel mai nesemnificativ la recepţiile şi solemnităţile organizate în onoarea Majestăţilor Lor în acele oraşe, care s-au învrednicit de a fi vizitate de familia regală.

Tocmai de aici a apărut nemulţumirea conservatorilor şi străduinţa lor de a demonstra că, o dată ce lor nu li s-a permis să ia parte în mod direct la recepţiile în onoarea regelui şi a augustei sale familii, acest fapt ar însemna că manifestaţiile care au avut loc nu pot fi considerate o exprimare a sentimentelor întregului popor român, ci doar a unei părţi neînsemnate a acestuia.

Cu cel mai profund respect şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 127–130.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Localitate din judeţul Mehedinţi, în apropierea Porţilor de Fier.

[2] Călătoria regală pe Dunăre şi semnificaţiile ei politice au fost reflectate pe larg în presa vremii. A se vedea, de exemplu, articolele: *Călătoria familiei regale*, în „Adevărul politic", anul XVII, nr. 5293, 29 aprilie 1904, p. 2; *Scopul excursiunei regale*, în „Adevărul politic", anul XVII, nr. 5294, 30 aprilie 1904, p. 1; *Călătoria familiei regale*, în „Voinţa Naţională", anul XXI, nr. 5716, 29 aprilie 1904, p. 3; *Călătoria suveranilor*, în „Voinţa Naţională", anul XXI, nr. 5717, 30 aprilie 1904, p. 1. Cu aceste ocazii, se sublinia, de obicei, importanţa Dunării pentru istoria şi viitorul României, precum şi manifestările de „admiraţie" şi „iubire" cu care era întâmpinată familia regală de către populaţie.

128

Бухарест, 2 июня 1904 г., № 56. Лермонтов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Конфликт с Вселенской Патриархией продолжает волновать здешние умы.

Правительство старается умалить его значение, объясняя, что многие судят о случившемся, не отдавая себе вполне ясного о том отчёта. Оно с негодованием отвергает делаемые ему упрёки по поводу неудач, постигших его в этом вопросе, доказывая, что в данном случае истинно мудрая политика должна заключаться в серьёзной работе, исключающей совершенно всякие действия, могущие привести лишь к мимолётному успеху.

Румыния-де уже сделала многое в этом направлении и будет делать в будущем всё, от неё зависящее, не выходя, однако, из рамок корректности, дабы сохранить за собой право на уважение, как Порты, так и великих держав, принявших на себя бремя разрешения македонского вопроса.

Несмотря на всем известное отношение Патриархии к справедливым требованиям куцо-влахов, правительство никоим образом не должно останавливаться перед этим обстоятельством, а стараться, вопреки всему, прийти с ней к прочному соглашению.

Хотя неудача нынешней попытки и доказала несокрушимую нетерпимость Вселенского Патриарха[1], тем не менее королевское правительство считает, что оно исполняет лишь свой долг, продолжая свои настояния, предупреждая вместе с тем, что если настанет день, когда румынское население Македонии сознает всю ту ненависть, с которой к нему относится Патриархия и отвернётся от неё, то ответственность за это падёт лишь только на одну Вселенскую Патриархию.

С глубочайшим почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 141–142 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Имеется в виду Иоаким III.

București, 2 iunie 1904, nr. 56. Lermontov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Conflictul cu Patriarhia Ecumenică continuă să agite spiritele de aici.

Guvernul se străduie să diminueze importanța acestuia, explicând, că multă lume își formează o impresie despre cele întâmplate fără să își dea seama, cu o oarecare claritate, despre esența lucrurilor. Acesta respinge cu indignare toate reproșurile care i se fac în legătură cu eșecurile pe care le-ar fi suferit în această chestiune, demonstrând, că în cazul de față o politică cu adevărat înțeleaptă trebuie să fie reprezentată de o muncă serioasă și asiduă, care exclude cu totul orice fel de acțiuni ce ar putea avea drept consecință doar un succes efemer.

România, chipurile, a făcut deja mult în această direcție și va continua să facă și în viitor tot ceea, ce depinde de ea, fără a depăși însă cadrul unei abordări bazate pe corectitudine, astfel încât să își păstreze dreptul de a fi respectată, atât de către Poartă, cât și de către Marile Puteri care și-au asumat povara rezolvării chestiunii macedonene.

În pofida atitudinii Patriarhiei față de cerințele îndreptățite ale cuțo-vlahilor, care este cunoscută de toată lumea, guvernul nu trebuie, în nici un chip, să permită ca această circumstanță să îi blocheze eforturile, ci trebuie să încerce în continuare, în pofida tuturor obstacolelor, să ajungă la un acord durabil cu Patriarhia.

Deși eșecul actualei încercări a demonstrat, desigur, intoleranța de neclintit a Patriarhului Ecumenic[1], cu toate acestea guvernul regal consideră că nu face altceva decât să își îndeplinească datoria, continuându-și insistențele în această chestiune, dar avertizează totodată că, dacă va veni ziua când populația românească a Macedoniei va conștientiza întreaga ură, pe care o manifestă față de ea Patriarhia, și îi va întoarce spatele acesteia, atunci responsabilitatea pentru acest lucru îi va reveni în exclusivitate doar Patriarhiei Ecumenice.

Cu cel mai profund respect și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 141–142 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Ioachim III.

129

Бухарест, 12 июля 1904 г., № 65. Лермонтов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Пробыв на прошлой неделе четыре дня в Синае, я удостоился приглашения к завтраку во дворце.

Занимая место по левую руку королевы, Её Величество неоднократно изволила обращаться ко мне, выражая соболезнование к нашим раненым и убитым воинам.

Её Величеству угодно было сообщить мне, что заказанное Её Величеством бельё для наших раненых, в количестве 10.000 рубах, такого же количества кальсон и набрюшников, будет готово, в самом непродолжительном времени, к отправлению.

Вспоминая эпизоды из прошлой войны, когда Её Величество самолично изволила ухаживать за ранеными и могла убедиться на деле, до какой степени важно, чтобы полевые лазареты не терпели ни в чём недостатка, королева искренне радовалась тому, что хоть чем-либо могла прийти на помощь нашему страждущему воинству.

По окончании завтрака, Его Величество король удостоил меня весьма продолжительной беседой, сюжетом коей послужили наши военные действия на полях Маньчжурии.

Его Величеству угодно было с восхищением отозваться о действиях генерал-адъютанта Куропаткина[1], с таким умением и пользой для нас разрушающего планы и затягивающего врага, до прибытия подкреплений, которые дадут возможность русскому оружию окончательно и бесповоротно восторжествовать над ним.

«Я всем сердцем с Государем Императором», добавил король, «к которому я питаю чувство обожания».

Переведя затем разговор на отношение европейской печати к настоящей войне, Его Величество возмущался в особенности английской прессой, и, как доказательство её наглости, привёл распространённый ею слух об оставлении действующей армии Его Императорским Высочеством великим князем Борисом Владимировичем[2].

«Я имею прямые известия, что это самая наглая ложь», – окончил свою речь король.

Его Величество крайне доволен приёмом, оказанным Вологодским полком поручику Горскому[3]. Его Величеству угодно было мне сказать, что посланная теперь лента на знамя должна была быть передана полку ещё в прошлом году, в день празднования полком своего юбилея, но не была готова, а потому Его Величеству угодно было отложить посылку её до настоящего года.

Оканчивая разговор, король Карл перешёл на куцо-влахский вопрос, и высказал искреннее удовольствие видеть, что посол наш в Константинополе с таким рвением принял к сердцу интересы румын в Македонии.

«Вожделения Румынии в этом вопросе ограничиваются лишь желанием достичь признания румынского языка в школах и свободы богослужения на нашем языке. Румыния никогда ничего не предпримет, что могло бы чем-либо препятствовать программе России и Австрии в проведении реформ в Македонии[4], – напротив, мы готовы всеми силами способствовать их скорейшему осуществлению».

«Мы встречаем в вопросе, лично нас интересующем, непоколебимое упорство со стороны греков, не желающих, несмотря на все наши старания, внять голосу разума».

«Я неоднократно», – добавил король, – «непосредственно обменивался мыслями по этому вопросу с Его Величеством королём Георгом, который не раз признавал правильность моих доводов, но результаты, к сожалению, оставались всё те же».

«Но мы всё-таки не теряем надежды; сильные поддержкой могущественной России, мы не можем не достичь осуществления справедливых наших вожделений».

С глубочайшим почтением и искренней преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 163–167.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Алексей Николаевич Куропаткин.

[2] Великий Князь Борис Владимирович (1877–1943) был командирован на Дальний Восток в начале русско-японской войны и прибыл в Порт-Артур 19 февраля 1904 г. Он состоял при командующем Маньчжурской армией, генерале Куропаткине, и посещал те районы театра войны, где военные действия приобретали особый интерес и значение в глазах общественного мнения. Принял участие в бою при Хаояне, состоявшемся 4 июля 1904 г. Хотя слухи о дезертирстве великого князя не соответствовали действительности, он был вынужден покинуть Дальний Восток и действующую армию в августе 1904 г., вследствие любовного скандала и вооружённого инцидента, в который был вовлечён лично генерал Куропаткин. Дополнительные подробности см. в выписках из личного дневника Е. А. Плансона, дипломатического чиновника при царском наместнике на Дальнем Востоке: *В штабе адм. Е. И. Алексеева (Из дневника Е. А. Плансона)* // „Красный Архив. Исторический журнал”. Т. 4-5 (41-42). М., Л., Государственное издательство, 1930. С. 148–204, здесь С. 190.

[3] Александру Горский (р. в 1875 г.), позднее – бригадный генерал в румынской армии, участник Первой мировой войны, генеральный секретарь Военного министерства (1918 г.) и исполняющий обязанности начальника Генерального штаба румынской армии (май – октябрь 1923 г.).

[4] Подробности об основных положениях Мюрцштегской программы см.: Nistor I. *„Problema aromână”.* P. 60–65, а также во *Введении* к настоящему сборнику.

București, 12 iulie 1904, nr. 65. Lermontov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Aflându-mă săptămâna trecută la Sinaia timp de patru zile, am avut onoarea să primesc o invitație la micul dejun la palatul regal.

Deoarece am ocupat locul aflat imediat la stânga reginei, Majestatea Sa a binevoit să mi se adreseze în repetate rânduri, exprimându-și compătimirea față de ostașii noștri răniți sau morți în lupte.

Majestatea Sa a găsit de cuviință să îmi comunice că lenjeria pe care Majestatea Sa a comandat-o pentru soldații noștri răniți, în număr de 10.000 de cămăși, precum și o cantitate similară de izmene și burtiere, va fi gata, în cel mai scurt timp, pentru a fi trimisă la destinație.

Amintindu-și anumite episoade din războiul trecut, când Majestatea Sa a binevoit să îngrijească rănitii în persoană și, astfel, s-a putut convinge în mod practic de întreaga importanță a faptului ca spitalele de campanie să nu ducă lipsă de nimic din ceea ce este necesar, regina s-a bucurat sincer de faptul că a fost în măsură să vină în ajutorul armatei noastre suferinde, în orice formă.

După încheierea dejunului, Majestatea Sa regele mi-a acordat onoarea unei convorbiri destul de îndelungate, subiectul căreia a fost legat de acțiunile noastre militare de pe câmpiile Manciuriei.

Majestatea Sa a găsit de cuviință să exprime cuvinte pline de admirație despre acțiunile generalului Kuropatkin[1], care, cu atâta abilitate și cu atâta folos pentru noi, a reușit să distrugă planurile dușmanului și să îl atragă în ostilități de lungă durată până la sosirea întăririlor, care vor da posibilitate armatei ruse să triumfe asupra inamicului în mod definitiv și irevocabil.

„Eu sunt alături de Majestatea Sa Împăratul, față de care nutresc un sentiment de adorație, din toată inima mea", a adăugat regele.

Mutând apoi subiectul conversației asupra atitudinii presei europene față de actualul război, Majestatea Sa s-a arătat indignat, îndeosebi, de presa engleză și, ca dovadă a impertinenței acesteia, a adus exemplul zvonului răspândit de aceste ziare despre părăsirea armatei active pe teren de către Alteța Sa Imperială, marele duce Boris Vladimirovici[2].

„Eu am anumite știri din surse directe, conform cărora acestea nu sunt decât minciuni sfruntate", și-a încheiat regele discursul.

Majestatea Sa este extrem de mulțumit de primirea acordată de către Regimentul Vologda locotenentului-major Gorski[3]. Majestatea Sa a găsit de cuviință să îmi spună că bareta de drapel trimisă cu această ocazie ar fi trebuit să fie transmisă regimentului încă anul trecut, în ziua serbării jubileului acestui regiment, însă aceasta nu era încă gata atunci, și din acest motiv Majestatea Sa a găsit de cuviință să amâne expedierea panglicii până în anul curent.

În încheierea conversației, regele Carol s-a referit la chestiunea cuțo-vlahă și și-a exprimat sincera mulțumire de a vedea că ambasadorul nostru din Constantinopol a depus atâta râvnă și a luat atât de aproape de inimă interesele românilor din Macedonia.

„Aspirațiile României în această chestiune se limitează doar la dorința de a atinge scopul recunoașterii folosirii limbii române în școli și a libertății oficierii serviciului divin în limba noastră. România nu va întreprinde niciodată nimic din ceea ce ar putea să împiedice cumva programul de acțiuni al Rusiei și Austriei care prevede realizarea reformelor în Macedonia[4]. Dimpotrivă, noi suntem gata să contribuim, cu toate forțele noastre, la realizarea cât mai grabnică a acestora".

„În această chestiune, care ne interesează în mod intim, noi întâmpinăm o încăpățânare de neclintit din partea grecilor, care nu doresc să dea ascultare glasului rațiunii, în pofida tuturor străduințelor noastre”.

„Nu o singură data”, a adăugat regele, „am recurs la un schimb direct de opinii, în această chestiune, cu Majestatea Sa regele George, care nu o singură dată a recunoscut corectitudinea argumentelor mele, însă rezultatele, din păcate, au rămas exact aceleași”.

„Noi însă, cu toate acestea, nu ne pierdem speranța; fiind tari prin sprijinul acordat de puternica Rusie, noi vom reuși, cu siguranță, să realizăm justele noastre aspirații”.

Cu cel mai profund respect și sincer devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 163–167.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Alexei Nikolaevici Kuropatkin.

[2] Marele Cneaz Boris Vladimirovici (1877–1943) a fost detașat în Extremul Orient la începutul războiului ruso-japonez, sosind la Port-Arthur la 19 februarie 1904. A fost atașat pe lângă generalul Kuropatkin, comandantul Armatei Manciuriene, vizitând periodic acele secțiuni ale frontului care suscitau un interes deosebit în rândul opiniei publice. A participat la bătălia de la Haoyang, din 4 iulie 1904. Deși zvonurile despre dezertarea sa nu erau adevărate, s-a văzut nevoit să părăsească Extremul Orient și armata activă în august 1904, în urma unui scandal amoros și incident armat cu implicarea personală a generalului Kuropatkin. Pentru detalii, a se vedea extrasele din jurnalul personal al lui E. A. Planson, diplomat aflat în serviciul rezidentului imperial din Extremul Orient: *В штабе адм. Е. И. Алексеева (Из дневника Е. А. Плансона)*, în „Красный Архив. Исторический журнал”, том четвёртый-пятый (сорок первый – сорок второй), Москва–Ленинград, Государственное Издательство, 1930, p. 148–204, aici p. 190.

[3] Alexandru Gorski (Gorsky) (n. 1875), mai târziu general de brigadă în armata română, participant la Primul Război Mondial, secretar general al Ministerului de Război (1918) și șef interimar al Statului Major General al Armatei Române (mai – octombrie 1923).

[4] Pentru mai multe detalii privind prevederile programului de la Mürszteg, a se vedea: Ionuț Nistor, *„Problema aromână”*, p. 60–65, precum și *Introducerea* la acest volum.

130

Бухарест, 25 августа 1904 г., № 81. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В румынской официозной печати стали за последнее время вновь появляться довольно резкие статьи, направленные против Греции и Вселенской Патриархии по поводу отношения последних к румынским вожделениям в Македонии[1].

Весьма вероятно, что, принимаясь вновь за страстное обсуждение куцо-влахского вопроса, официозная печать руководствуется, главным образом, соображениями внутренней политики.

Либеральная партия, находящаяся у власти, считает, по-видимому, нужным, ввиду предстоящих парламентских выборов, лишний раз блеснуть патриотическими своими чувствами.

Тем не менее, эти газетные нападки производят сильное впечатление на эллинского моего сотоварища, вернувшегося на этих днях из продолжительного отпуска.

Господин Томбазис[2] горько мне жаловался на них.

По его словам, со времени своего назначения в Бухарест, он всеми мерами старался устранять недоразумения, могущие возникнуть между Грецией и Румынией по жгучему вопросу о национальностях в европейских провинциях Оттоманской империи.

В этих видах, отъезжая прошлой весной в отпуск в Афины, он согласился даже передать своему правительству предложение румын о совместном обсуждении положения куцо-влахов.

Но в Афинах были, будто бы, до того возмущены румынской пропагандой в Македонии и произвольным толкованием королём Карлом соглашения в Аббации, что ни король Георг, ни греческое Министерство не пожелали входить в какие-либо новые объяснения.

Господину Томбазису было поручено, по возвращении в Бухарест, заявить, что греческое правительство вполне, будто бы, отстраняет себя от вмешательства в дела румын в Македонии и предоставляет Вселенской Патриархии полную свободу действий в церковном вопросе.

Мой эллинский коллега высказал мне, при этом, уверенность, что Вселенский Патриарх никогда не согласится уступить домогательствам румын.

Он основывает глубокое своё в этом убеждение на том обстоятельстве, что, когда Греция, не отдавая себе ещё отчёта в политической подкладке румынской деятельности в европейской Турции, советовала Патриархии допустить учреждение румынских школ и совершение церковной службы на румынском языке, она встретила-де упорное сопротивление со стороны Вселенского Синода.

Господин Томбазис не имел ещё случая видеть румынского министра иностранных дел и поэтому мне ещё неизвестно, как будет принят здесь ответ греческого правительства.

Полагаю, что он возбудит большое недоверие и недовольство, так как румыны не без некоторого основания возымеют сомнение в искренности полного невмешательства Греции в куцо-влахском вопросе и в споре Румынии с Патриархией.

На замечание моего коллеги, что большое несчастье для Греции, что она не может рассчитывать в этом деле на поддержку русских представителей, я возразил, что, относясь совершенно беспристрастно к вопросу о национальностях, я не могу не скорбеть, что во Вселенской Православной Церкви возникает рознь, которая могла бы быть отклонена при меньшей нетерпимости Патриархии.

Румынии нужен какой-либо успех в деле защиты куцо-влахов, и весьма вероятно, что всякая уступка со стороны Патриархии, даже в смысле советов, преподанных ей раньше самим греческим правительством, принесла бы некоторое успокоение в этой розни.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 193–196 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] В качестве интересных и показательных примеров подобных нападок в адрес греческого правительства и Вселенской Патриархии, появившихся на страницах тогдашней печати, можно привести следующие статьи: *Pățania unei bande grecești* // „Adevărul politic”. Anul XVII. 1904. 24 august. № 5408. P. 1; *Quos Jupiter perdere vult...* // „Voința Națională”. Anul XXI. 1904. 24 august. № 5806. P. 1.

[2] Греческий посланник в Румынии.

București, 25 august 1904, nr. 81. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În presa oficioasă românească au început să apară din nou, în ultimul timp, anumite articole destul de vehemente îndreptate împotriva Greciei și a Patriarhiei Ecumenice în legătură cu atitudinea celor din urmă față de aspirațiile românești din Macedonia[1].

Este foarte probabil că, începând din nou să discute cu multă pasiune chestiunea cuțo-vlahă, presa oficioasă se conduce, întâi de toate, de considerații legate de politica internă.

Partidul liberal, aflat acum la putere, consideră necesar, se pare, să își etaleze o dată în plus propriile sentimente patriotice, având în vedere viitoarele alegeri parlamentare.

În pofida acestui fapt, aceste atacuri gazetărești exercită o puternică impresie asupra colegului meu elen, care a revenit zilele acestea dintr-un concediu îndelungat.

Domnul Tombazis[2] mi s-a plâns cu amărăciune în legătură cu aceste atacuri.

Conform spuselor sale, din momentul numirii sale la București el a încercat să elimine, prin toate mijloacele posibile, acele neînțelegeri regretabile care ar fi putut să apară între Grecia și România în legătură cu arzătoarea chestiune a naționalităților din provinciile europene ale Imperiului Otoman.

Pentru a atinge acest scop, la plecarea sa în concediu la Atena, primăvara trecută, el a fost chiar de acord să îi transmită guvernului său propunerea românilor privind inițierea unor discuții comune despre situația cuțo-vlahilor.

Cei de la Atena însă ar fi fost, chipurile, atât de indignați de propaganda românească din Macedonia și de interpretarea arbitrară a acordului de la Abbazia de către regele Carol, încât nici regele George, nici guvernul grec nu au manifestat dorința să inițieze nici un fel de noi discuții.

Domnului Tombazis i s-a dat însărcinarea ca, imediat după revenirea sa la București, să declare că guvernul grec, chipurile, se sustrage completamente de la orice amestec în treburile românilor din Macedonia și că îi acordă Patriarhiei Ecumenice deplina libertate de acțiune în chestiunea bisericească.

În acest context, colegul meu elen și-a exprimat, în fața mea, convingerea că Patriarhul Ecumenic nu va fi niciodată de acord să facă cedări cerințelor insistente ale românilor.

El își bazează ferma și profunda sa convingere în legătură cu acest fapt pe împrejurarea că, atunci când Grecia, fără să își dea încă seama de substratul politic al activităților românești din Turcia europeană, îi sugera Patriarhiei să permită înființarea școlilor românești și oficierea slujbei bisericești în limba română, guvernul grec ar fi întâmpinat o rezistență acerbă din partea Sinodului Ecumenic.

Domnul Tombazis nu a avut încă ocazia să aibă o întrevedere cu ministrul român al Afacerilor Străine și, de aceea, nu cunosc încă cum va fi receptat aici răspunsul guvernului grec.

Presupun că acest răspuns va stârni o mare neîncredere și nemulțumire, deoarece românii, nu fără un oarecare temei, vor începe să aibă îndoieli în privința sincerității neamestecului total al Greciei în chestiunea cuțo-vlahă și în conflictul României cu Patriarhia.

Ca răspuns la observația colegului meu că este o mare nenorocire pentru Grecia faptul că ea nu poate conta în această problemă pe sprijinul reprezentanților diplomatici ruși, eu am replicat că, având o atitudine cu totul nepărtinitoare față de chestiunea naționalităților, nu pot, totuși, să nu deplâng apariția, în sânul Bisericii Ecumenice Ortodoxe, a acestei discordii, care ar fi putut să fie evitată în condițiile unei mai mari toleranțe din partea Patriarhiei.

România are nevoie de un succes cât de mic în chestiunea apărării cuțo-vlahilor, și este foarte probabil că orice fel de cedare din partea Patriarhiei, fie și în sensul sfaturilor ce i-au fost date în trecut chiar de guvernul grec, ar avea drept consecință o oarecare domolire a acestei discordii.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 193–196 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru anumite exemple relevante din presa vremii ale respectivelor atacuri la adresa guvernului elen și a Patriarhiei Ecumenice, a se vedea articolele: *Pățania unei bande grecești*, în „Adevărul politic”, anul XVII, nr. 5408, 24 august 1904, p. 1; *Quos Jupiter perdere vult...*, în „Voința Națională”, anul XXI, nr. 5806, 24 august 1904, p. 1.

[2] Trimisul grec în România.

131

Бухарест, 5 сентября 1904 г., № 82. Гирс – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я имел честь неоднократно уже доносить Вашему Сиятельству, что Всемилостивейше мне вверенная императорская миссия встречает большие затруднения к выяснению вопроса о степени распространения католической пропаганды в Румынии, вследствие таинственности, коей облечена деятельность католических учреждений в королевстве и недостаточности контроля над ними местной правительственной власти.

В беседах со мной Угро-Влахский митрополит – примас Иосиф[2] и председатель Совета министров, господин Стурдза, обыкновенно утверждали, что католическая пропаганда не достигает, будто бы, никаких результатов в стране, что, будто бы, напротив того, число католиков румынско-подданных, переходящих в православие, довольно значительно и что единственной желательной мерой для успокоения общественного мнения было бы установление законодательным порядком правила об обязательном преподавании Закона Божия православным детям, воспитывающимся в католических учебных заведениях православными же законоучителями. Но, говорил мне господин Стурдза, ни одному румынскому министерству не удалось ещё добиться добровольного согласия католического духовенства на проведение этой меры.

Между тем, несмотря на успокоительные уверения правительственных лиц, за последнее время стали обнаруживаться признаки усиления пропаганды, в особенности в женских институтах, содержимых конгрегацией *Notre Dame de Sion* в Бухаресте, Яссах и Галаце[3].

Число жалоб, получаемых румынским министром народного просвещения, на деятельность этих институтов возросло настолько, что министру, господину Харету[4], пришлось подвергнуть её более серьёзному наблюдению.

Он вскоре убедился, что обвинения, возводимые на католических монахинь, не были голословны, и что правительству нельзя более оставаться безучастным зрителем недобросовестного обращения румынских детей в чуждую им католическую веру.

Нельзя не отдать справедливости господину Харету, что, как только раскрылась ему истинная картина религиозного воспитания детей в Сионских институтах, он немедленно энергично воздействовал против последних.

Он адресовал начальницам этих институтов циркулярное письмо, французский текст коего считаю долгом представить при сём Вашему Сиятельству.

В этом письме господин Харет обращает внимание начальниц на неисполнение в их заведениях постановлений закона касательно обязательного начального обучения румынских детей, на уклонение их от ежегодного экзамена, этим законом установленного, на небрежность обучения румынскому языку и Закону Божию, преподаваемому православным детям часто католическими монахинями по книгам, не утверждённым министерством народного просвещения, иногда даже по рукописям.

Что касается духовного воспитания, то, как утверждает господин Харет, православных воспитанниц заставляют исполнять самым строгим образом все предписания католической религии и присутствовать на католическом богослужении. Кроме того, в православных детях всякими мерами искусственно развивают и поддерживают стремление отречься от веры отцов и даже поступить в католические монастыри, чем и объясняются частые случаи обращения в католичество среди настоящих и бывших воспитанниц институтов *Notre Dame de Sion*.

Министр народного просвещения заявляет далее, что, желая положить предел такому порядку вещей, он не потерпит более никаких нарушений школьных правил, ни попыток совращения православных детей в католическую веру.

С этой целью, преподавание и воспитание в католических заведениях в Румынии будут подлежать наблюдению школьных инспекторов, инспектрис и ревизоров, а также других лиц, командируемых министром народного просвещения. Эти лица могут присутствовать на уроках, спрашивать воспитанниц, ревизовать их книги и тетради и имеют право требовать у школьного начальства сообщения всех необходимых им документов и сведений. Им же поручается надзор за правильным исполнением православными воспитанницами постановлений и обрядов православной веры.

Преподавание румынского языка, истории и географии, а для православных и Закона Божия, должно происходить по-румынски.

Закон Божий будет преподаваться православным воспитанницам православным священником или другим лицом православного вероисповедания по назначению от министерства народного просвещения.

Экзамены по программе начального обучения будут производиться по окончании учебного года в народных школах (écoles publiques), и начальство католических институтов обязано посылать своих воспитанниц, проходящих курс начального образования, на эти экзамены.

Запрещается самым строгим образом православным воспитанницам исполнять постановления и обряды католической веры и присутствовать на католическом богослужении, а равно запрещается делать какие бы то ни было попытки к обращению воспитанниц православного вероисповедания в другую веру. По воскресным и праздничным дням начальство католических заведений обязано посылать православных своих воспитанниц в православную церковь к обедне.

Для приведения в исполнение всех этих обязательных постановлений католическим институтам даётся десятидневный срок, по истечении которого неисполнение

правил, изложенных в циркулярном письме господина Харета, повлечёт за собой применение со стороны министерства народного просвещения строгих административных мер, до закрытия католических институтов включительно.

Вышеприведённое письмо господина Харета произвело сильное впечатление в Румынии. Оно поразило своей категоричностью и определённостью, мало согласной с господствовавшим здесь мнением, что всякое министерство, стоящее у власти, должно быть крайне снисходительно к католической пропаганде благодаря принадлежности к католической вере Его Величества короля Карла.

Не подлежит сомнению, что до сего времени ни один министр не решался прибегать к столь энергичным мерам по отношению к католическим учебным заведениям.

Нужно надеяться, что эти меры будут проведены господином Харет[ом] с должной последовательностью, а не обнародованы им ныне исключительно с целью повлиять на предстоящие парламентские выборы и заручиться в пользу либеральной партии голосами православных избирателей[5].

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 197–203 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Не публикуется.

[2] Иосиф Георгиан.

[3] Сеть женских католических институтов, находившихся под управлением конгрегации *Notre Dame de Sion*, пользовалась большой популярностью как среди представителей румынской аристократии того времени, так и среди бедных слоёв населения. Эти учебные заведения, которые следовали миссионерской модели, установленной основателем конгрегации, Теодором Ратисбонном, появились сначала в Яссах и Галаце, городах с крупными католическими общинами. Так, 14 ноября 1866 г. школы в Яссах (в режиме экстерната) посещали 100 учащихся, 45 девушек учились в режиме интерната (пансионата), в то время как в приюте для сирот находилось 10 девочек из католических семей. В зданиях, принадлежавших *Notre Dame de Sion* («Доме Балша», купленном в первой половине 1871 г.), действовала, начиная с 1879 г., начальная приходская женская школа, а до этого, с 1866 г. – женская гимназия. В конце октября 1867 г. в Галац приехали первые сёстры из числа членов конгрегации. На первых порах, для этих школ нашлось пристанище в одном крыле здания католического церковного прихода в Галаце, после чего сёстрам удалось купить для этих целей отдельный дом. В 1878 г. работы по строительству этого нового школьного здания завершились. В этом городе действовала, начиная с 1867 г., начальная приходская женская школа-интернат, которая была признана румынским государством лишь в 1929 г., а также начальная женская школа в режиме экстерната, созданная в 1906 г. Кроме того, в Галаце существовала отдельная женская гимназия, в которой девушки учились по французскому курсу, в режиме пансионата. Эта школа была создана в 1867 г. В 1870 г. в Яссах работали 38 монашек, которые занимались школьным обучением около 200 девушек, находившихся в интернате и приюте для сирот. Монашки также обучали около 100 девушек, которые посещали школы в режиме экстерната. В том же году в Галаце работали 12 монашек, которые занимались школьным обучением 30 девушек в режиме воспитательного дома, в то время как ещё 40 девушек обучались в школах в режиме экстерната. К 1881 г. число католических сестёр в Галаце достигло 50. Сёстры имели на своём попечении 185 девушек в воспитательном доме и в приюте для сирот, а также ещё 120 девушек, которые посещали школы в режиме экстерната. В 1891 г. в институте этой конгрегации в Галаце работали 66 сестёр. Они занимались школьным обучением 479 девушек. К 1904 г. это число возросло до 92 монашек, которые имели на своём попечении и призрении около 600 девушек, обучавшихся в воспитательном доме, а также в приюте для сирот и в специальной «школе для бедных». В 1898 г. открыта женская гимназия конгрегации *Notre Dame de Sion* и в Бухаресте, по адресу Бульвар Паке Протопопеску, 78. Это учреждение функционировало до 1948 г., когда гимназия была закрыта пришедшими к власти коммунистами. Подробное описание этих учреждений см.: Doboș F. *Congregația „Notre Dame de Sion”: 150 de ani de activitate în Moldova (1866-2016).* Iași, Editura Sapienția, 2016.

[4] Спиру Харет.

[5] Отклики острой полемики и дискуссий, связанных с ролью католического образования в Румынии и с «делом» *Notre Dame de Sion,* были широко отражены в тогдашней печати, в которой подробно освещалось развитие событий. Более того, этот вопрос не сходил с первых полос румынских газет на протяжении двух месяцев, сентября и октября 1904 г. Из множества статей, посвящённых этой тематике, отметим, в качестве примера, обширный материал, опубликованный в газете „Adevărul politic". Автор статьи пытался представить читателям более обзорный и обобщающий взгляд на эту проблему: *Chestia școalelor catolice germane* // „Adevărul politic". Anul XVII. 1904. 17 septembrie. № 5432. P. 1.

București, 5 septembrie 1904, nr. 82. Giers către contele Lamsdorff

Cu o anexă[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am avut onoarea să raportez deja nu o singură dată Luminăției Voastre că misiunea imperială care mi-a fost încredințată prin voința Preamilostivului Împărat întâmpină mari dificultăți în clarificarea chestiunii privind gradul de răspândire a propagandei catolice în România, ca urmare a misterului în care este învăluită activitatea instituțiilor catolice din regat și a insuficienței controlului exercitat asupra lor de către autoritățile guvernamentale locale.

În timpul convorbirilor avute cu mine, Mitropolitul Primat al Ungro-Vlahiei, Iosif[2], și președintele Consiliului de Miniștri, domnul Sturdza, afirmau de obicei că propaganda catolică nu ar atinge, chipurile, nici un rezultat palpabil în țară, că, dimpotrivă, numărul catolicilor, cetățeni români, care trec la ortodoxie ar fi, chipurile, destul de important și că singura măsură necesară și dezirabilă pentru calmarea opiniei publice ar fi stabilirea, pe cale legislativă, a unui regulament privind predarea obligatorie a orelor de religie, pentru copiii ortodocși care sunt educați în instituții catolice de învățământ, tot de către profesori de religie de confesiune ortodoxă. Totuși, îmi spunea domnul Sturdza, nici un guvern român nu a reușit încă să obțină acordul benevol al clerului catolic pentru realizarea acestei măsuri.

Cu toate acestea, în pofida asigurărilor liniștitoare ale persoanelor care fac parte din guvern, în ultimul timp au început să iasă la iveală anumite semne ale intensificării acestei propagande, în special în institutele de fete ținute și patronate de către congregația *Notre Dame de Sion* la București, Iași și Galați[3].

Numărul plângerilor legate de activitatea acestor instituții, recepționate de către ministrul român al Instrucțiunii Publice, a crescut într-atât, încât ministrul, domnul Haret[4], a fost nevoit să pună această activitate sub o observație mult mai riguroasă.

El s-a convins în curând că acuzațiile aduse împotriva călugărițelor catolice nu erau neîntemeiate și că guvernul nu își mai putea permite să rămână doar un spectator indiferent al convertirii, făcute cu rea credință, a copiilor români în confesiunea catolică, străină firii lor.

Nu putem să nu recunoaștem meritul domnului Haret în această situație, în sensul că, imediat ce i s-a înfățișat adevărata imagine a educației religioase a copiilor din institutele congregației Sionului, el și-a exercitat imediat și energic influența contra acestora din urmă.

El a adresat directoarelor acestor institute o scrisoare circulară, textul în limba franceză al căreia consider de datoria mea să îl prezint Luminăției Voastre, în anexă la acest raport.

În această scrisoare, domnul Haret atrage atenția directoarelor acestor școli asupra neexecutării, în cadrul instituțiilor lor, a prevederilor legii privind învățământul primar obligatoriu al copiilor români, asupra eschivării acestora de la examenul anual care este stipulat de această lege, asupra neglijenței în procesul de predare-învățare a limbii române și a

cursului de religie, care este deseori predat copiilor ortodocși de către călugărițele catolice conform unor cărți care nu sunt aprobate de Ministerul Instrucțiunii Publice, iar uneori chiar după anumite lucrări manuscrise.

În ceea ce privește educația spirituală a elevelor, conform afirmațiilor domnului Haret, elevele ortodoxe sunt obligate să urmeze, în modul cel mai strict, toate prescripțiile și riturile religiei catolice și să fie prezente în timpul slujbelor religioase catolice. În afară de aceasta, în sufletele copiilor ortodocși, prin tot felul de mijloace, sunt dezvoltate și menținute, în mod artificial, anumite tendințe de a se dezice de credința strămoșilor și chiar de a intra în mănăstirile catolice, ceea ce ar explica, de altfel, desele cazuri de convertire la catolicism printre actualele și fostele eleve ale institutelor patronate de *Notre Dame de Sion*.

Ministrul Instrucțiunii Publice afirmă în continuare că, dorind să pună capăt unei asemenea stări de lucruri, el nu va mai tolera în viitor nici un fel de încălcări ale regulamentelor școlare, precum și nici un fel de încercări de a abate copiii ortodocși de la calea cea dreaptă prin convertirea la credința catolică.

În acest scop, programul de predare și educația oferită de instituțiile catolice din România vor fi, de acum înainte, supuse supravegherii din partea inspectorilor, inspectoarelor și revizorilor școlari, precum și a altor persoane delegate de către ministrul Instrucțiunii Publice. Aceste persoane vor putea să asiste la lecții, să interogheze elevele, să verifice cărțile și caietele acestora. Ei vor mai avea dreptul să solicite de la administrația școlară punerea la dispoziția lor a tuturor documentelor și informațiilor care le vor fi necesare. Tot aceste persoane vor fi însărcinate cu supravegherea executării corecte de către elevele ortodoxe a tuturor prescripțiilor și ritualurilor confesiunii ortodoxe.

Predarea limbii române, istoriei și geografiei, iar în cazul elevilor ortodocși – și a orelor de religie, trebuie să aibă loc în limba română.

Cursul de religie va fi predat elevelor ortodoxe de către un preot ortodox sau de către o altă persoană de confesiune ortodoxă, care va fi numită din partea Ministerului Instrucțiunii Publice.

Examenele conform programului pentru învățământul primar vor fi organizate la sfârșitul anului școlar în școlile publice (écoles publiques), iar administrația institutelor catolice va fi obligată să își trimită la aceste examene elevele care urmează cursul școlii primare.

Elevelor ortodoxe li se interzice, în modul cel mai strict, să execute prescripțiile și ritualurile confesiunii catolice și să participe la slujba bisericească de rit catolic. De asemenea, se interzice inițierea oricărui fel de încercări de a converti elevele de confesiune ortodoxă la altă credință. În zilele de duminică și în zilele de sărbătoare administrația instituțiilor catolice este obligată să își trimită elevele sale ortodoxe la o biserică ortodoxă, pentru a participa la liturghie.

Pentru punerea în practică și executarea tuturor acestor reglementări obligatorii, institutelor catolice li se acordă un termen de zece zile, la expirarea căruia eșecul de a executa noile reglementări expuse în scrisoarea circulară a domnului Haret va avea drept consecință aplicarea unor măsuri administrative severe din partea Ministerului Instrucțiunii Publice, avându-se în vedere inclusiv închiderea acestor institute catolice.

Scrisoarea citată mai sus a domnului Haret a creat o puternică impresie în România. Aceasta a surprins mult prin caracterul său categoric și hotărât, care nu corespunde deloc cu părerea ce predomina aici, conform căreia orice guvern aflat la putere ar trebui să fie extrem de indulgent față de propaganda catolică din cauza aparatenenței Majestății Sale regelui Carol confesiunii catolice.

Nu poate fi pus la îndoială faptul că, până în momentul de față, nici un ministru nu se putea hotărî să recurgă la măsuri atât de energice față de instituțiile catolice de învățământ.

Trebuie să sperăm că aceste măsuri vor fi promovate și aplicate de către domnul Haret cu consecvența de rigoare, și că el nu le-a dat publicității acum exclusiv în scopul de a influența viitoarele alegeri parlamentare și de a își asigura voturile alegătorilor ortodocși în favoarea partidului liberal[5].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 197–203 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Nu se publică.

[2] Iosif Gheorghian.

[3] Rețeaua institutelor catolice administrate de congregația *Notre Dame de Sion* era foarte populară atât printre reprezentanții aristocrației române din acea vreme, cât și printre păturile de jos ale populației. Aceste instituții educaționale, inspirate din modelul misionar al fondatorului congregației, Théodor Ratisbonne, au apărut mai întâi la Iași și Galați, orașe cu importante comunități catolice. La 14 noiembrie 1866 frecventau şcolile externe din Iași un număr de 100 elevi, 45 de fete urmau cursurile pensionatului, în timp ce orfelinatul adăpostea 10 orfane catolice. În clădirile „Notre Dame de Sion" („Casa Balş", cumpărată în prima parte a anului 1871) a funcţionat, începând cu anul 1879, Şcoala Primară Parohială de Fete, iar din 1866 Liceul de Fete. La sfârşitul lunii octombrie 1867 soseau la Galaţi primele surori ale congregaţiei. La început, localul şcolilor a fost amenajat într-o aripă a parohiei din Galaţi, după care surorile au reuşit achiziţionarea unei case. În 1878 s-au încheiat lucrările de construire a unei noi case. În acest oraş a funcţionat, începând cu anul 1867, Şcoala Primară Parohială de Fete – secţia internat, recunoscută de statul român în 1929, Şcoala Primară de Fete – secţia externat, înfiinţată în 1906, Şcoala Secundară de Fete, curs francez – secţia pensionat, înfiinţată în 1867. În 1870 activau la Iaşi un număr de 38 de călugăriţe, care asigurau instrucţia şcolară pentru 200 de fete din internat şi orfelinat, precum şi a circa 100 de fete care frecventau şcolile externe. În acelaşi an, activau la Galaţi un număr de 12 surori care asigurau instrucţia şcolară a 30 de fete în educandat şi altor 40 de fete în cadrul şcolilor externe. În 1881, numărul surorilor de la Galaţi ajunsese la 50, acestea asigurând asistenţa şcolară a 185 de fete în educandat şi orfelinat, precum şi a altor 120 de fete care frecventau şcolile externe. În 1891, institutul din Galaţi era deservit de 66 de surori, care se ocupau de instrucţia şcolară a 479 de fete; în 1904 activau 92 de călugăriţe, care ofereau asistenţă şcolară şi caritativă la 600 de fete în cadrul educandatului, orfelinatului şi „şcolii săracelor". În anul 1898, a fost deschis un liceu de fete al Congregației Notre Dame de Sion și la București, pe Bulevardul pache Protopopescu, nr. 78, care a funcționat până în 1948, când a fost închis de autoritățile comuniste. Pentru mai multe detalii privind aceste instituții, a se vedea: Pr. Dr. Fabian Doboș, *Congregaţia „Notre Dame de Sion": 150 de ani de activitate în Moldova (1866–2016)*, Iași, Editura Sapienția, 2016.

[4] Spiru Haret.

[5] Ecoul polemicilor legate de rolul educației catolice și de „afacerea" *Notre Dame de Sion* și-a găsit o reflectare amplă în presa de atunci, care relata pe larg evoluția evenimentelor. De altfel, această chestiune a ținut prima pagină a ziarelor pe tot parcursul lunilor septembrie și octombrie 1904. Din multitudinea de articole dedicate acestei teme, vom semnala, cu titlu de exemplu, materialul publicat în ziarul „Adevărul politic" din 17 septembrie 1904, care încerca să ofere o privire mai sintetică asupra acestui subiect: *Chestia școalelor catolice germane*, în „Adevărul politic", anul XVII, nr. 5432, 17 septembrie 1904, p. 1.

132

Бухарест, 20 сентября 1904 г., № 84. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Их Величества король и королева румынские возвратились вчера из-за границы в Синаю.

На пути в Румынию Его Величество останавливался в Вене, где ему был оказан радушный приём императором Францем Иосифом[1].

Вашему Сиятельству не безызвестно, что правители Австро-Венгрии и Румынии находятся в весьма близких взаимно-дружественных отношениях, и что король Карл навещает августейшего своего соседа почти каждый год.

Трудно предположить, что при мировом значении событий, происходящих на Дальнем Востоке, оба монарха не обменялись мнениями *касательно влияния этих событий на политическое положение дел в Европе.*

Я не имею, однако, ещё возможности судить, насколько подобный обмен взглядов мог бы привести к каким-либо серьёзным результатам.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 211–212.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Этот короткий визит румынского короля в Вену не удостоился особого внимания со стороны румынской печати, за исключением нескольких кратких заметок, посвящённых переговорам между обоими монархами и встрече короля Карла с министром иностранных дел графом Голуховским. В качестве одного из примеров освещения в печати этого визита см.: *Telegramă din 18 septembrie 1904* // „Voința Națională”. Anul XXI. 1904. 21 septembrie. № 5828. P. 1.

București, 20 septembrie 1904, nr. 84. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestățile Lor regele și regina României au revenit ieri la Sinaia din străinătate.

În drum spre România, Majestatea Sa a făcut o oprire la Viena, unde i s-a acordat o primire cordială din partea împăratului Franz Josef[1].

Luminăția Voastră cunoaște deja faptul că suveranii Austro-Ungariei și României se află în relații foarte apropiate de prietenie reciprocă și că regele Carol îl vizitează pe augustul său vecin aproape în fiecare an.

Este dificil să presupunem că, având în vedere semnificația mondială a evenimentelor care se desfășoară în Extremul Orient, cei doi monarhi nu au făcut un schimb de opinii privitor la influența acestor evenimente asupra situației politice actuale din Europa.

Totuși, eu nu am încă posibilitatea să mă pronunț în legătură cu faptul, în ce măsură un asemenea schimb de păreri ar fi putut să aibă drept consecință anumite rezultate importante și durabile.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 211–212.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Această scurtă vizită regală la Viena nu s-a bucurat de o atenție deosebită din partea presei române, în afara unor scurte mențiuni despre întâlnirea dintre cei doi monarhi sau despre întrevederea regelui Carol cu contele Gołuchowski. Pentru un exemplu al reflectării vizitei lui Carol I la Viena, a se vedea: *Telegramă din 18 septembrie 1904*, în „Voința Națională, anul XXI, nr. 5828, 21 septembrie 1904, p. 1.

133

Бухарест, 3 октября 1904 г., № 90. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На прошлой неделе я имел честь вручить Его Величеству королю Карлу известительную грамоту государя императора о рождении Его Императорского Высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича[1].

Принимая меня по этому случаю в частной аудиенции, король вновь высказал мне, что он от искреннего сердца радуется счастливому событию, оповещённому в переданном мною Его Величеству Высочайшем письме, и глубоко верит, что Высоконоворождённый будет расти на утешение августейших своих родителей и на благо России.

В день аудиенции король был извещён господином Брэтиану о командировании в Яссы по Высочайшему повелению бессарабского губернатора для приветствования Его Величества.

Король выразил мне чувства глубокой своей благодарности государю императору за столь милостивое к нему внимание. При этом Его Величество изволил сказать, что он лично сделал распоряжение об оказании князю Урусову[2] почётного приёма.

Одновременно с нашим губернатором в Яссы прибыл командующий австрийскими войсками в Буковине, на коего было возложено поручение приветствовать румынского короля от имени императора Франца Иосифа.

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 222–223 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Российский престолонаследник и единственный сын императора Николая II, Алексей Николаевич, родился 30 июля (12 августа) 1904 г. в Петергофе. О его рождении было официально объявлено специальной телеграммой министра Императорского двора, барона Фредерикса. Цесаревич был крещён в церкви Большого Петергофского дворца 11 августа 1904 г. Алексей тяжело болел гемофилией, что наложило глубокий отпечаток на личную жизнь российской императорской семьи в последующие годы. Был расстрелян *большевиками, вместе со всей царской семьёй, 17 июля 1918 г., недалеко от Екатеринбурга.*

[2] Сергей Дмитриевич Урусов (1862–1937), князь, общественный и политический деятель Российской империи конца XIX и начала XX в. Придерживался либеральных политических взглядов, был близок к либеральному публицисту и философу Б.Н. Чичерину и к либерально настроенным земским деятелям. В июне 1903 г., по горячим следам кишинёвского погрома, назначен губернатором Бессарабии. Урусов оставался на этом посту до ноября 1904 г., когда был переведён губернатором в Тверь. Он был назначен бессарабским губернатором по рекомендации министра внутренних дел В. К. Плеве, который поручил ему восстановить порядок в губернии мирными средствами, «без репрессий и чрезвычайного положения». В 1906 г. избран депутатом 1-й Государственной думы от Калужской губернии. Урусов прославился после выступления в Думе 8 июня 1906 г. с резкой критикой внутренней политики царского режима. Он является автором крайне интересных и несколько раз переиздававшихся мемуаров: Урусов С. Д. *Записки губернатора. Кишинёв, 1903–1904 гг.* Москва, Изд. Захаров, 2016. В главе 11-й этого труда Урусов подробно описал своё путешествие в Яссы. Его внимание привлекли, прежде всего, официальные церемонии, устроенные румынскими властями, и их трактовка в румынской печати. Он особо отметил положительное впечатление, которое на него произвели король Карл и румынская королевская семья. Урусов также подробно изложил содержание своих бесед с румынским монархом.

București, 3 octombrie 1904, nr. 90. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Săptămâna trecută am avut onoarea să îi înmânez Majestății Sale regelui Carol scrisoarea oficială solemnă a împăratului care conținea anunțul despre nașterea Alteței Sale Imperiale, moștenitorului tronului, marelui duce Alexei Nikolaevici[1].

Primindu-mă, cu această ocazie, într-o audiență privată, regele a afirmat din nou, în fața mea, că el se bucură sincer și din toată inima pentru fericitul eveniment anunțat în cuprinsul scrisorii împăratului pe care i-am transmis-o Majestății Sale și că el are profunda credință, că Înaltul nou-născut va crește spre mângâierea și bucuria auguștilor săi părinți și spre binele Rusiei.

În ziua audienței, regele a fost informat de către domnul Brătianu despre delegarea la Iași, la porunca împăratului, a guvernatorului Basarabiei, care urma să prezinte Majestății Sale adresarea oficială de salut din partea împăratului.

Regele mi-a exprimat sentimentele sale de profundă gratitudine față de împărat pentru acest gest de atenție, atât de binevoitor, la adresa persoanei sale. Totodată, Majestatea Sa a binevoit să îmi spună că a dat personal dispoziția privind acordarea unei primiri de onoare cneazului Urusov[2].

În același timp cu guvernatorul nostru, la Iași a sosit și comandantul trupelor austriece din Bucovina, căruia i s-a încredințat misiunea de a-l saluta pe regele României din partea împăratului Franz Josef.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 222–223 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Moștenitorul tronului Imperiului Rus și singurul fiu al împăratului Nicolae II, Alexei Nikolaevici, s-a născut la 30 iulie (12 august) 1904, la Peterhof. Nașterea sa a fost anunțată printr-o telegramă oficială a ministrului Curții imperiale, baronul Frederiks. A fost botezat la biserica Palatului Mare de la Peterhof pe data de 11 august 1904. A fost grav bolnav de hemofilie, fapt care a marcat profund viața privată a familiei imperiale ruse în următorii ani. A fost executat de bolșevici, împreună cu restul familiei imperiale, la 17 iulie 1918, lângă Ekaterinburg.

[2] Serghei Dmitrievici Urusov (1862–1937), cneaz, funcționar, om politic și activist civic rus de la sfârșitul secolului XIX și începutul secolului XX. Avea viziuni politice liberale, fiind apropiat de publicistul și filozoful B.N. Cicerin și de activiștii liberali din cadrul zemstvelor. În iunie 1903, pe urmele fierbinți ale pogromului de la Chișinău, a fost numit guvernator al Basarabiei, funcție pe care a exercitat-o până în noiembrie 1904, când a fost mutat în aceeași funcție la Tver. A fost numit în Basarabia la recomandarea ministrului de interne, V.K. Plehve, pentru a reinstaura ordinea prin mijloace pașnice, „fără represiuni și stare de urgență”. În anul 1906 a fost ales deputat al Primei Dume de Stat din partea guberniei Kaluga, remarcându-se printr-un discurs incendiar, în care a criticat acerb regimul, rostit pe 8 iunie 1906. Urusov a redactat un foarte interesant volum de memorii: С. Д. Урусов, *Записки губернатора. Кишинев, 1903–1904 гг.*, Москва, Изд. Захаров, 2016. În capitolul 11 al acestei lucrări, el se referă pe larg la călătoria sa la Iași, relatând despre ceremoniile oficiale și reflectarea acestora în presa română, dar și despre impresiile pozitive pe care i le-a produs regele Carol și familia regală, precum și despre conversațiile pe care le-a avut cu monarhul român.

134

Бухарест, 4 октября 1904 г., № 91. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На данной мне королём Карлом аудиенции Его Величество высказал мне, в весьма прочувствованных словах, свою искреннюю благодарность императорскому правительству и императорскому послу при Порте Оттоманской за содействие, оказываемое действительным тайным советником Зиновьевым[1] румынским вожделениям в церковном вопросе.

Его Величество изволил настаивать на уверении, что Румыния умеет ценить благосклонное отношение России к куцо-влахам.

Выражая своё негодование по поводу несговорчивости Вселенской Патриархии, король заметил, что он не понимает поведения Греции. Она-де находится в антагонизме со всеми государствами Балканского полуострова и с одной только Румынией сохраняла до сих пор более или менее дружественные сношения. Теперь же она лишится симпатий и этой последней державы.

«Нам стоит только обратиться к Экзарху, готовому посвятить в священнический сан сколько угодно куцо-влахов», сказал король.

Я позволил себе возразить Его Величеству, что я надеюсь, что такая крайность будет избегнута. Если печальные обстоятельства привели к необходимости самовольного отделения болгар от Вселенской Патриархии, то всё же нельзя будет не скорбеть о новой розни в Православной Церкви.

Король ответил мне, что румынское правительство намерено приложить всё своё старание к тому, чтобы ссора с Патриархией не была доведена до полного разрыва, и чтобы в нынешнем своём фазисе куцо-влахский вопрос не сходил с чисто религиозной почвы, но что может же Румыния требовать, чтобы Патриархия была действительно Вселенской, а не исключительно эллинской.

Нельзя не признать полной справедливости высказанного королём заключения.

В дальнейшей речи короля, касавшейся отношения Турции к спорному с Патриархией вопросу, прорывалось чувство совершенного разочарования Его Величества в обещаниях султана, не имеющих-де никакого значения, так как они им никогда не исполняются.

Мне впервые пришлось выслушать из уст осторожного короля Карла столь резкий отзыв о повелителе Оттоманской империи, расположения коего столь открыто искало румынское правительство, воспевая мудрость и беспристрастие султана на столбцах официозной своей печати[2].

С отличным почтением и неизменною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 224–226 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Иван Алексеевич Зиновьев, российский посол в Стамбуле.
[2] См. предыдущие документы, касающиеся этих вопросов.

București, 4 octombrie 1904, nr. 91. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul audienței pe care mi-a acordat-o regele Carol, Majestatea Sa mi-a exprimat, în cuvinte extrem de emoționante, sincera sa recunoștință față de guvernul imperial și față de ambasadorul imperial pe lângă Poarta Otomană pentru tot sprijinul acordat de către consilierul de taină efectiv Zinoviev[1] aspirațiilor românești în chestiunea bisericească.

Majestatea Sa a binevoit să insiste în a mă asigura că România este capabilă să prețuiască atitudinea binevoitoare a Rusiei față de cuțo-vlahi.

Exprimându-și indignarea în legătură cu intratabilitatea manifestată de Patriarhia Ecumenică, regele a menționat că el nu înțelege comportamentul Greciei. Ea s-ar afla, chipurile, în stare de antagonism față de toate statele Peninsulei Balcanice, păstrând, până în acest moment, relații mai mult sau mai puțin amicale doar cu România. Acum însă Grecia va pierde și simpatiile acestui din urmă stat.

„Noi nu avem decât să ne adresăm Exarhului, care este gata să hirotonisească în cinul preoțesc oricâți cuțo-vlahi va fi nevoie", a spus regele.

Eu mi-am permis să îi obiectez Majestății Sale, subliniind că sper că o asemenea măsură extremă va fi evitată. Dacă anumite circumstanțe regretabile au avut drept urmare necesitatea separării neautorizate a bulgarilor de Patriarhia Ecumenică, cu toate acestea vom deplânge, desigur, această nouă discordie în sânul Bisericii Ortodoxe.

Regele mi-a răspuns că guvernul român intenționează să își depună toată străduința posibilă pentru ca această ceartă cu Patriarhia să nu degenereze într-o ruptură totală și pentru ca, în faza sa actuală, chestiunea cuțo-vlahă să nu părăsească terenul eminamente religios. Totuși, România poate, fără îndoială, să insiste pe cerința ca Patriarhia să fie, într-adevăr, una ecumenică, iar nu o Patriarhie în exclusivitate elenă.

Nu pot să nu recunosc că regele are deplină dreptate în concluzia pe care a formulat-o.

În discursul de mai departe al regelui, care s-a referit la atitudinea Turciei față de această chestiune litigioasă dintre România și Patriarhie, s-a manifestat pregnant sentimentul de dezamăgire completă a Majestății Sale față de promisiunile sultanului, care nu ar avea, chipurile, nici o însemnătate, pentru că ele nu sunt niciodată îndeplinite de sultan.

Pentru prima dată am avut ocazia să aud, din partea prudentului rege Carol, o opinie atât de tăioasă la adresa suveranului Imperiului Otoman, bunăvoința căruia a fost căutată, într-un mod atât de fățiș, de către guvernul român, care preamărea înțelepciunea și nepărtinirea sultanului în coloanele presei sale oficioase[2].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 224–226 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Ivan Alexeevici Zinoviev, ambasadorul Rusiei la Constantinopol.
[2] A se vedea documentele anterioare referitoare la aspectele discutate de Giers.

135

Бухарест, 4 октября 1904 г., № 92. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

По поводу состоявшегося на днях подписания торгового договора между Германией и Румынией[1], Его Величеству королю Карлу угодно было сообщить мне, что румынское правительство надеется на успешное установление прочных торговых сношений и с другими державами.

Оно предложило уже Италии войти ныне же в переговоры касательно заключения торгового трактата, но, на прошлой неделе, не имело ещё ответа от римского кабинета.

Более затруднительным представляется вопрос о заключении договора с Австро-Венгрией, не пришедшей ещё к соглашению с Германией. Во время пребывания Его Величества в Вене[2], ему было, однако, обещано предоставить Румынии все льготы, которые Австро-Венгрия успеет выговорить себе у Германии. Но королю ещё неизвестно, насколько эти льготы могут быть существенны.

Король ожидает с нетерпением заключения торгового соглашения с нами. Его Величество живо интересуется вопросом о транзите через Россию в Германию румынского скота на случай, если бы венгерская граница оказалась закрытой для Румынии.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 227–228.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] В условиях, когда был утверждён новый румынский таможенный тариф, что повлекло за собой фактическую отмену всех предыдущих торговых соглашений и необходимость пересмотреть действовавшие на тот момент торговые договоры между Румынией и великими державами, румынское правительство начало переговоры с Германией с целью заключения нового торгового соглашения. Ему придавалось ключевое значение, так как данный документ рассматривался в качестве противовеса по отношению к экономическому давлению со стороны Австро-Венгрии. Такую же роль играли и предварительные переговоры о заключении торгового договора с Россией. Это усилило бы позицию Румынии во время будущих торговых переговоров с Австро-Венгрией. Учитывая особую важность Германии в качестве основного экономического и торгового партнёра Румынии, главным приоритетом для румынского правительства было «наладить свои экономические отношения» с этой страной, в том числе ради извлечения максимальной выгоды из австро-германского противостояния в этом регионе (Агаки. *Русско-румынские межгосударственные отношения.* С. 109–112). Также см. док. № 119 от 11 марта 1904 г.

[2] О разногласиях, возникших между Австро-Венгрией и Германией в контексте подписания румынско-германского торгового соглашения, см., напр.: *Domnul de Buelow și convenția cu România* // „Adevărul politic”. Anul XVII. 1904. 20 septembrie. № 5435. P. 1.

București, 4 octombrie 1904, nr. 92. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În legătură cu semnarea tratatului comercial dintre Germania și România[1], care a avut loc zilele acestea, Majestatea Sa regele Carol a găsit de cuviință să îmi comunice, că guvernul român speră să aibă succes în stabilirea unor relații comerciale solide și cu alte Mari Puteri.

Guvernul i-a propus deja Italiei să intre chiar acum în negocieri privind încheierea unui tratat comercial, dar, săptămâna trecută, nu avea încă nici un răspuns din partea cabinetului de la Roma.

Ceva mai dificilă pare să se prezinte chestiunea privind încheierea tratatului cu Austro-Ungaria, care nu a ajuns încă la un acord cu Germania. În timpul aflării Majestății Sale la Viena[2], regelui i s-a promis, totuși, că României îi vor fi acordate toate acele avantaje, pe care Austro-Ungaria va reuși să și le asigure pentru sine în negocierile cu Germania. Însă regele nu cunoaște încă, cât de substanțiale ar putea fi aceste avantaje și facilități.

Regele așteaptă cu nerăbdare încheierea unui acord comercial cu noi. Majestatea Sa se interesează destul de mult de problema tranzitului, prin Rusia, în Germania a vitelor românești, în caz dacă frontiera ungară s-ar închide cumva pentru România.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 227–228.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] În condițiile adoptării noului tarif vamal românesc, care avea ca efect anularea *de facto* a tuturor acordurilor comerciale anterioare și renegocierea tratatelor comerciale cu Marile Puteri, guvernul român a inițiat tratative cu Germania în vederea încheierii unui nou acord comercial. Acestui nou tratat îi era acordată o importanță crucială, documentul fiind perceput ca o contrapondere față de presiunile din partea Austro-Ungariei. Același rol îl aveau și tatonările pentru încheierea unui tratat comercial cu Rusia, care ar fi crescut spațiul de negociere al României în viitoarele tratative cu Austro-Ungaria. Având în vedere importanța Germaniei ca principal partener economic al României, pentru guvernul român era o prioritate să își „regleze relațiile economice" cu această țară, inclusiv pentru a profita de pe urma rivalității austro-germane în regiune (Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения*, p. 109–112). A se vedea și doc. nr. 119 din 11 martie 1904.

[2] În privința divergențelor dintre Austro-Ungaria și Germania, în contextul înțelegerii comerciale româno-germane, a se vedea, de exemplu, articolul *Domnul de Buelow și convenția cu România*, în „Adevărul politic", anul XVII, nr. 5435, 20 septembrie 1904, p. 1.

136

Бухарест, 21 октября 1904 г., № 93. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

По получении секретного письма Вашего Сиятельства от 4-го сего октября, № 865, я не преминул объясниться с господином Брэтиану в смысле высказанных тайным советником Коковцевым[1] соображений, касательно необходимости ведения в Петербурге переговоров о заключении торгового договора между Россией и Румынией.

Моё сообщение смутило румынского министра иностранных дел, сильно рассчитывавшего, что, по примеру Германии и Италии, мы согласимся командировать наших делегатов в Бухарест.

Ведение переговоров в столице Румынии являлось для него крайне желательным не только в виду удовлетворения болезненно чувствительного национального честолюбия румын, но и вследствие действительного затруднения найти делегата достаточно опытного для самостоятельной работы вне ближайшего контроля руководителя нынешней экономической политикой королевства, господина Костинеску[2].

Выясняя мне, не в первый раз, вышеприведённые мною доводы, министр вновь усиленно просил меня донести Вашему Сиятельству об его ходатайстве, чтобы нами было сделано исключение для Румынии в виду затруднительности её положения.

По словам господина Брэтиану, румынское правительство вполне удовлетворилось бы, если бы торговое наше соглашение с королевством было основано исключительно на начале наибольшего благоприятствования.

Для заключения такого соглашения не было бы необходимо командировать технических делегатов, и переговоры могли бы вестись одними дипломатическими представителями.

Не будучи осведомлённым о намерениях нашего финансового ведомства, я воздержался от ответа на запрос моего собеседника, насколько мы признали бы такой договор с Румынией для нас достаточным.

Во всяком случае, добавил министр, если бы и понадобились некоторые тарифные изменения, то они были бы настолько немногочисленны, что их обсуждение задержало бы лишь на короткий срок русского делегата в Бухаресте.

В заключение господин Брэтиану всё же заявил мне, что, со своей стороны, он приложит старание к изысканию возможности послать румынского делегата в Петербург, в случае, если мы будем настаивать на этом.

Насколько я мог понять из его намёков, он предполагает командировать в таком случае в Россию своего брата, Константина Брэтиану[3], состоявшего делегатом в комиссии, которая вела переговоры с Германией и назначенного ныне для ведения переговоров с Италией.

Министр полагает при этом, что в случае возникновения каких-либо разногласий при переговорах с нами, одному из румынских министров, то есть ему или господину Костинеску, придётся выехать в Петербург для улажения этих разногласий.

С отличным почтением и проч.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 229–229 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943), видный русский государственный деятель. Был министром финансов в 1904–1905 и 1906–1914 гг. Председатель Совета министров Российской империи в 1911–1914 гг.

[2] Эмиль Костинеску, министр финансов.

[3] Константин И. К. Брэтиану (также известен как Дину Брэтиану, 1866–1950) был либеральным политическим деятелем и одним из видных членов «династии Брэтиану». Сын Иона К. Брэтиану (1821–1891) и младший брат Ионела (Иона И. К.) Брэтиану. По профессии был инженером. Дину Брэтиану неоднократно занимал должности депутата и министра. Был одним из инициаторов развития банковской и кредитной системы Румынии, созданной другим видным политиком либерального толка, Эудженю Карада. Дину Брэтиану возглавлял *Banca Românească* (Банка Ромыняскэ), крупнейший частный банк в стране. Он также входил в совет директоров Земельно-Кредитного Крестьянского Банка (Creditul Funciar Rural) и Городского Кредитного Банка (Creditul Urban). Позднее, он станет основным организатором Промышленно-Кредитного Банка (Creditul Industrial).

București, 21 octombrie 1904, nr. 93. [Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,]

Ca urmare a recepționării scrisorii secrete a Luminăției Voastre din data de 4 octombrie a.c. sub nr. 865, eu nu am pierdut ocazia să îi ofer anumite explicații domnului Brătianu, în

sensul considerațiilor expuse de către consilierul de taină Kokovțov[1], privind necesitatea de a organiza negocierile despre încheierea tratatului comercial dintre Rusia și România la Petersburg.

Informația comunicată de mine l-a jenat pe ministrul român al Afacerilor Străine, care conta foarte mult pe faptul că, urmând exemplul Germaniei și Italiei, noi vom fi de acord să îi trimitem pe delegații noștri la București.

Desfășurarea negocierilor în capitala României fusese extrem de dezirabilă pentru el nu numai în vederea oferirii unei satisfacții pentru orgoliul național, bolnăvicios de sensibil, al românilor, dar și ca urmare a unor dificultăți reale în găsirea unui delegat suficient de experimentat pentru a lucra în mod independent în afara controlului nemijlocit exercitat de conducătorul actualei politici economice a regatului, domnul Costinescu[2].

Clarificându-mi, deja nu pentru prima oară, argumentele expuse de mine mai sus, ministrul m-a rugat din nou, în mod insistent, să raportez Luminăției Voastre despre solicitarea sa ca noi să facem o excepție în cazul României, avându-se în vedere dificultatea situației acesteia.

Conform celor spuse de către domnul Brătianu, guvernul român ar fi completamente satisfăcut în cazul, în care acordul nostru comercial cu regatul ar avea drept fundament, în mod exclusiv, principiul clauzei națiunii celei mai favorizate.

Pentru încheierea unui astfel de acord, nu ar fi necesară trimiterea unor delegați-experți în chestiuni tehnice, iar tratativele ar putea fi duse doar de către reprezentanții diplomatici.

Nefiind informat despre intențiile departamentului nostru financiar, eu m-am abținut să răspund la întrebarea interlocutorului meu dacă și în ce măsură noi am fi considerat un astfel de tratat cu România suficient de satisfăcător pentru noi.

În orice caz, a adăugat ministrul, chiar dacă ar apărea necesitatea de a introduce anumite modificări tarifare, acestea ar fi atât de puține și minore, încât discutarea lor l-ar reține pe delegatul rus la București doar pentru o perioadă destul de scurtă.

În încheiere domnul Brătianu mi-a declarat, totuși, că, din partea sa, el își va depune întreaga străduință pentru a găsi o posibilitate de a trimite un delegat român la Petersburg, în cazul în care noi vom insista în continuare asupra acestui lucru.

Din câte am putut să înțeleg din aluziile sale, el intenționează să îl trimită în deplasare în Rusia, în acest caz, pe fratele său, Constantin Brătianu[3], care a avut statutul de delegat în componența comisiei ce a negociat cu Germania și care a fost desemnat în prezent pentru a duce tratative cu Italia.

În același timp, ministrul consideră că, în cazul apariției oricărui fel de divergențe în procesul negocierilor cu noi, unul dintre miniștrii români, adică fie el însuși, fie domnul Costinescu, vor fi nevoiți să plece la Petersburg pentru a aplana aceste divergențe.

Cu deosebită considerație etc.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 229–229 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Vladimir Nikolaevici Kokovțov (1853–1943), important om politic rus. A fost ministru de Finanțe în anii 1904–1905, 1906–1914. În 1911–1914 a fost președinte al Consiliului de Miniștri.

[2] Emil Costinescu, ministru de Finanțe.

[3] Constantin I. C. Brătianu (cunoscut și ca Dinu Brătianu, 1866–1950) a fost un om politic liberal, membru proeminent al „dinastiei Brătienilor". Fiu al lui Ion C. Brătianu și frate mai mic al lui Ionel Brătianu. De profesie inginer, Dinu Brătianu a deținut funcțiile de deputat și ministru. Inițiator al dezvoltării sistemului bancar și de credit din România, ce fusese creat tot de un liberal, Eugeniu Carada, Dinu Brătianu conducea Banca Românească, cea mai importantă bancă privată din țară, Creditul Funciar Rural și Creditul Urban, iar mai târziu va fi inițiatorul Creditului Industrial.

137

Бухарест, 21 октября 1904 г., № 94. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынское правительство стало относиться крайне нервно к вопросу о положении куцо-влахского населения Македонии.

Неудовлетворённое образом действий Порты, оно искало непосредственного нашего воздействия на Патриархию для признания последней куцо-влахских церковных общин.

Ныне, убедившись из донесений своего представителя в Константинополе, что положение Вселенского Патриарха Иоакима[1] сильно поколеблено и влияние его в Ильдызе[2] ослабло, оно вновь направляет свои усилия к тому, чтобы вырвать у Порты утверждение обещанных прав куцо-влахов.

Господин Брэтиану обратился ко мне с просьбой передать Вашему Сиятельству ходатайство румынского правительства об оказании действительным тайным советником Зиновьевым поддержки господину Лаховари[3] в его нынешних домогательствах.

Министр глубоко благодарен нашему послу за его постоянное сочувствие и содействие румынским вожделениям и высоко ценит это содействие, но, ввиду важности, по его мнению, настоящих обстоятельств и возможности добиться благоприятных результатов, он полагает, что подтверждение Ваших указаний действительному тайному советнику Зиновьеву, в смысле поддержки новых настояний румынской дипломатии, было бы весьма желательно.

Господин Брэтиану старался убедить меня, что румынское правительство нисколько не намерено довести свою распрю с Патриархом до полного разрыва со Вселенской Церковью и до нового раскола. Он уверен, что вслед за признанием куцо-влахских общин турецкими властями неминуемо последует и признание их со стороны Патриархии.

Трудно верить в искренность убеждений министра. Правильнее предполагать, что он стремится достичь какого-либо успеха в куцо-влахском вопросе для целей внутренней политики, не входя ещё в серьёзное обсуждение последствий, к коим может привести этот успех.

Он вполне искренен, лишь когда утверждает, что румынское правительство не желает подчинения куцо-влахов Болгарскому Экзарху[4].

По его словам, болгарское духовенство ведёт усиленную пропаганду в тех селениях, где отношения между греческими иерархами и куцо-влахами особенно обострились.

Болгары обещают куцо-влахам полную церковную независимость, лишь бы они согласились поминать в литургийных возгласах Болгарского Экзарха.

Такое сближение куцо-влахов с болгарами, могущее иметь последствием политическое слияние обеих народностей, конечно, не на руку румынам.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 230–232 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Иоаким III.

[2] Йылдыз-сарай («Звёздный дворец») построен в 1880 г., во время правления султана Абдул Хамида II. Являлся основной резиденцией султана вплоть до начала XX в.

[3] Александру Эманоил Лаховари (1855–1950), румынский профессиональный дипломат. Посланник Румынии в Риме (1893–1899 гг.), Стамбуле (1902–1906 гг.), Вене (1906–1908 гг.). Во время пребывания в Турции уделял особое внимание вопросу о положении балканских влахов.

[4] Более подробный анализ роли Болгарского Экзархата в связи с «македонским вопросом» и, в особенности, в связи с греко-болгарским противостоянием в области церковной и образовательной политики в данном регионе в первые годы XX в. см.: Cain D. *Diplomați și diplomație în sud-estul european. Relațiile româno-bulgare la 1900.* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012. P. 130 etc.

București, 21 octombrie 1904, nr. 94. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Guvernul român a început să manifeste o atitudine extrem de nervoasă față de chestiunea legată de situația populației cuțo-vlahe din Macedonia.

Nefiind satisfăcut de modul de acțiune al Porții, acesta a căutat să se asigure de exercitarea influenței noastre directe asupra Patriarhiei în scopul recunoașterii de către cea din urmă a comunităților ecleziastice cuțo-vlahe.

În prezent, convingându-se din rapoartele reprezentantului său de la Constantinopol că poziția Patriarhului Ecumenic Ioachim[1] este în mare parte șubrezită și că influența sa în cercurile de la palatul Yildiz[2] a slăbit, guvernul își îndreaptă din nou eforturile spre scopul de a smulge din partea Porții confirmarea drepturilor promise pentru cuțo-vlahi.

Domnul Brătianu mi s-a adresat cu rugămintea de a vă transmite Luminăției Voastre solicitarea guvernului român privind acordarea sprijinului din partea consilierului de taină efectiv Zinoviev pentru domnul Lahovari[3], în actualele sale cerințe insistente.

Ministrul îi este profund recunoscător ambasadorului nostru pentru constanta sa simpatie și permanentul său sprijin față de aspirațiile românești și apreciază înalt acest aprijin și ajutor, însă, având în vedere importanța împrejurărilor actuale, în opinia sa, precum și posibilitatea de a obține anumite rezultate favorabile, el consideră că o eventuală confirmare a instrucțiunilor Domniei Voastre pentru consilierul de taină efectiv Zinoviev, în sensul sprijinirii noilor cerințe insistente ale diplomației române, ar fi extrem de binevenită.

Domnul Brătianu a făcut eforturi pentru a mă convinge că guvernul român nu intenționează absolut deloc să permită ca neînțelegerile sale cu Patriarhul să degenereze într-o ruptură completă cu Biserica Ecumenică și într-o nouă schismă. El este sigur că, imediat după recunoașterea comunităților cuțo-vlahe de către autoritățile turce, va urma, în mod inevitabil, și recunoașterea acestor comunități din partea Patriarhiei.

Este greu să credem în sinceritatea acestor eforturi de convingere ale ministrului. Ar fi mai corect să presupunem că el încearcă să obțină cel puțin un anumit succes în chestiunea cuțo-vlahă pentru a atinge anumite scopuri de politică internă, fără a iniția încă o discuție serioasă în privința urmărilor pe care le-ar putea avea un asemenea succes.

El este în întregime sincer doar atunci când afirmă că guvernul român nu dorește supunerea cuțo-vlahilor autorității Exarhului Bulgar[4].

Conform spuselor sale, clerul bulgar recurge la o propagandă insistentă în acele localități, în care relațiile dintre ierarhii greci și cuțo-vlahi s-au acutizat în mod deosebit.

Bulgarii le promit cuţo-vlahilor o deplină independenţă ecleziastică, doar cu condiţia ca aceştia să fie de acord să îl pomenească pe Exarhul Bulgar în rugăciunile şi cântările lor liturgice.

O asemenea apropiere a cuţo-vlahilor de bulgari, care ar putea avea drept urmare contopirea politică a ambelor popoare, nu este, desigur, convenabilă pentru români.

Cu deosebită consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 230–232 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Ioachim III.

[2] Palatul Yildiz („Stelar”) a fost construit în anul 1880, sub domnia sultanului Abdul Hamid II, şi a servit drept principala reşedinţă a sultanului până la începutul secolului XX.

[3] Alexandru Emanoil Lahovari (1855–1950), diplomat român de carieră. A fost, printre altele, ministru plenipotenţiar al României la Roma (1893–1899), Constantinopol (1902–1906), Viena (1906–1908). În timpul aflării la Constantinopol, s-a concentrat mai ales asupra problemei aromânilor din Balcani.

[4] Pentru mai multe detalii privind rolul Exarhatului Bulgar în legătură cu „chestiunea macedoneană” şi cu rivalitatea greco-bulgară în domeniul ecleziastic şi educaţional, în această regiune, în primii ani ai secolului XX, a se vedea: Daniel Cain, *Diplomaţi şi diplomaţie în sud-estul european. Relaţiile româno-bulgare la 1900,* Bucureşti, Editura Academiei Române, 2012, p. 130 şi urm.

138

Бухарест, 17 ноября, 1904 г., № 100. Гирс – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В венской газете *Politische Correspondenz*[2] появилась статья[3], в коей изложена была беседа румынского министра иностранных дел, Брэтиану, со случайным корреспондентом этой газеты касательно общего положения дел на Балканском полуострове и специально куцо-влахского вопроса.

Считаю своим долгом обратить благосклонное внимание Вашего Сиятельства на эту статью, так как вслед за появлением в Вене она была перепечатана во французском переводе в органе румынского министерства иностранных дел, *l'Indépendance Roumaine*, что придаёт ей некоторый официозный характер.

Брэтиану высказал своему собеседнику, что он глубоко надеется, что положение в Македонии не может осложниться серьёзным образом. Слишком много крупных интересов, требующих сохранения *status quo* в этом крае.

Он уверен, что старания румынского правительства улучшить положение куцо-влахов достигнут справедливого и благоприятного результата. Его уверенность основана на убеждении, что интересы куцо-влахов тождественны с общими интересами, связанными с сохранением *status quo* в Оттоманской империи, и что их пожелания входят в рамку предпринятых в Македонии реформ, стремящихся обеспечить за всеми национальностями в равной степени право законного развития.

По словам министра, македонские румыны представляют собою элемент мирного прогресса и этнического равновесия. Вследствие этого, весьма, де, понятно

сочувствие, возбуждаемое их усилиями утвердить этническую свою самостоятельность после того как, в течение многих веков, она была усыплена заботами религиозного свойства, бывшими очень долго для всех христиан Турции единственным внешним проявлением национального их существования.

В те времена, не столь ещё отдалённые, греческий патриарх был единственным представителем христианских народностей в Турции, а потому идея эллинизма и идея христианства сложились в одно выражение.

Теперь же этническое пробуждение румын обеспечено и быстро развивается. Напрасно Патриархия предполагает, что ей удастся в двадцатом веке подавить национальное самосознание и сохранить в пользу панэллинизма смешение понятий о привязанности к вере предков и преданности политической пропаганде народа, чуждого грекам.

Совершение богослужения на румынском языке, «проклятом, будто бы, Богом», является в глазах Патриархии достаточной причиной для отлучения от церкви, тогда как каноны Православной Церкви признают за каждым христианином право молиться Богу на родном языке. Русские, молясь на русском языке, румыны королевства – на румынском, и сербы – на сербском, нисколько не перестают быть верными сынами Православия.

Удаляясь от истинных догматов Церкви и служа орудием борьбы и притеснений, Патриархия всё же не достигнет преследуемой ею политической цели. Она рискует окончательно погубить авторитет Вселенской Церкви и унизить её значение до роли простого греческого епископства в пригороде Константинополя.

Брэтиану заключил свою речь заявлением, что румыны королевства считают священным своим долгом оказывать содействие куцо-влахам, тем более, что этот долг вполне согласуется с великим европейским интересом, и что притязания куцо-влахов не противоречат Мюрцштегской программе[4]. Он не сомневается в успехе, но всё же хотел бы выяснить вполне определённо, что необходимо спешить облегчением участи куцо-влахов, так как им, поставленным между анафемой священников и револьверами начальников банд, трудно внимать советам терпения и умеренности.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 245–249.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Не публикуется.
[2] Печатное издание, основанное в 1874 г. австро-венгерским правительством.
[3] Данное интервью вызвало интересную и неоднозначную реакцию в румынской печати. Напр., в контексте прояснения официальной румынской позиции в отношении «влахского вопроса», см.: *Rezultatele reformelor în Macedonia* // „Adevărul politic”. Anul XVII. 1904. 12 noiembrie. № 5487. P. 2.
[4] Подробно об основных пунктах и положениях Мюрцштегской программы см.: Nistor, *„Problema aromână”*. P. 60–65, а также во *Введении* к настоящему сборнику.

București, 17 noiembrie 1904, nr. 100. Giers către contele Lamsdorff

Cu o anexă[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În ziarul vienez „Politische Correspondenz”[2] a apărut un articol[3], în care a fost relatată convorbirea dintre ministrul român al Afacerilor Străine, Brătianu, și un reporter oarecare al

acestei gazete, în privința stării generale de lucruri din Peninsula Balcanică și, în special, privind chestiunea cuțo-vlahă.

Consider de datoria mea să atrag atenția binevoitoare a Luminăției Voastre asupra acestui articol deoarece, după apariția sa în presa de la Viena, acesta a fost retipărit, în traducere franceză, în organul de presă al Ministerului român al Afacerilor Străine, „L'Indépendance Roumaine”, ceea ce îi conferă un anumit caracter oficios.

Brătianu a afirmat în fața interlocutorului său că el are speranța profundă că situația din Macedonia nu se poate complica în mod cu adevărat serios. Există prea multe interese mari care cer păstrarea *status quo*-ului în această regiune.

El este sigur că eforturile guvernului român de a ameliora situația cuțo-vlahilor vor fi încununate de un rezultat echitabil și favorabil. Siguranța și încrederea sa în această chestiune se bazează pe convingerea, că interesele cuțo-vlahilor sunt identice cu interesele generale legate de păstrarea *status quo*-ului din Imperiul Otoman și că doleanțele acestora rămân în cadrul reformelor întreprinse în Macedonia, care au scopul de a asigura tuturor naționalităților, în mod egal, dreptul lor legitim și justificat de dezvoltare.

Conform celor spuse de ministru, românii macedoneni reprezintă un element de progres pașnic și de echilibru etnic. Ca urmare a acestui fapt, ar fi, chipurile, absolut de înțeles acele simpatii care sunt trezite de eforturile lor de a-și consolida caracterul lor etnic independent, după ce, pe parcursul multor secole, acest caracter fusese adormit de preocupările de natură religioasă, care rămăseseră, pentru foarte mult timp, pentru toți creștinii din Turcia, singura manifestare exterioară a existenței lor naționale.

În acele timpuri, nu chiar atât de îndepărtate, patriarhul grec era singurul reprezentant al popoarelor creștine din Turcia, și, de aceea, ideea elenismului și ideea creștinismului s-au contopit și au început să fie exprimate împreună.

În prezent însă deșteptarea etnică a românilor este asigurată și se dezvoltă destul de rapid. În zadar consideră Patriarhia că ea va reuși să înabușe, în secolul douăzeci, această conștiință națională și să păstreze, în favoarea pan-elenismului, acea confuzie de noțiuni între atașamentul față de credința strămoșilor și devotamentul față de propaganda politică în sânul unui popor care le este străin grecilor.

Oficierea serviciului divin în limba română, care ar fi, chipurile, „blestemată de Dumnezeu”, reprezintă, în ochii Patriarhiei, un motiv suficient pentru ca cineva să fie excomunicat, în timp ce canoanele Bisericii Ortodoxe îi recunosc fiecărui creștin dreptul de a se ruga lui Dumnezeu în limba sa maternă. Rușii, rugându-se în limba rusă, românii din Regat – în limba română, iar sârbii – în sârbă, nu încetează câtuși de puțin de a fi niște fii credincioși ai Ortodoxiei.

Îndepărtându-se de adevăratele dogme ale Bisericii și servind drept instrument al luptei politice și al persecuțiilor, Patriarhia, totuși, nu va atinge scopul politic pe care îl urmărește. Ea riscă să distrugă definitiv autoritatea Bisericii Ecumenice și să îi micșoreze însemnătatea până la rolul unei simple episcopii grecești dintr-o suburbie a Constantinopolului.

Brătianu și-a încheiat discursul printr-o declarație, conform căreia românii din Regat consideră că este o datorie sfântă pentru ei să le acorde sprijin cuțo-vlahilor, cu atât mai mult, cu cât această datorie este în perfect acord cu marele interes european și pentru că revendicările cuțo-vlahilor nu vin în contradicție cu programul de la Mürzsteg[4]. El nu are nici o îndoială în privința succesului, dar ar vrea, totuși, să clarifice în mod cu totul limpede faptul că este necesar să se grăbească măsurile de ușurare a sorții cuțo-vlahilor, deoarece acestora, aflați între anatema preoților și revolverele conducătorilor de bande, le este tot mai greu să dea ascultare sfaturilor care îi îndeamnă la răbdare și moderație.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 245–249.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Nu se publică.
[2] Publicație înființată în 1874 de guvernul austro-ungar.
[3] Acest interviu a provocat reacții interesante în presa românească. De exemplu, în contextul cristalizării poziției românești în chestiunea aromână, a se vedea articolul: *Rezultatele reformelor în Macedonia*, în „Adevărul politic”, anul XVII, nr. 5487, 12 noiembrie 1904, p. 2.
[4] Pentru mai multe detalii privind prevederile programului de la Mürszteg, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”,* p. 60–65, precum și introducerea la acest volum.

139

Бухарест, 29 ноября 1904 г., № 104. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Из предыдущих моих донесений Вашему Сиятельству не безызвестно, что неурожай кукурузы, постигший в нынешнем году Румынию, нанёс тяжёлый удар благосостоянию крестьянского её населения.

По последним сведениям, полученным королевским правительством от провинциальных властей, ему пришлось, по-видимому, убедиться, что неурожай достиг более крупных размеров, чем оно предполагало. Кукурузные поля в двадцати одном дистрикте из тридцати трёх оказались совершенно оголёнными.

Министр финансов представил законодательным палатам нижеследующие данные касательно количества кукурузы, недостающего в стране для прокормления крестьянских семей.

Из производимых Румынией, в нормальный год, 220.000 вагонов кукурузы, считая десять тонн в вагоне, около 100.000 вагонов потребляются крестьянами. При неблагоприятных условиях это последнее количество может быть уменьшено до 80.000 вагонов.

Нужно предполагать, что из 1.200.000 крестьянских семей, населяющих королевство, приблизительно одна треть не будет иметь никаких средств к пропитанию.

Правительство купило и раздало уже неимущим 5.000 вагонов. Нужно приобрести ещё 24.000 вагонов.

По словам министра, около 12.000 вагонов можно будет найти в запасных магазинах крупных помещиков. Остальные 12.000 должны быть куплены за границей или же частью заменены пшеницей и ячменем.

Правительство приобрело уже весьма малое число вагонов в России, в Рени, и 1.800 вагонов в Аргентинской Республике. Эти последние вагоны будут доставлены в январе месяце.

Денежные средства, необходимые для покрытия расходов по пропитанию населения, будут взяты из трёх источников.

Полтора миллиона франков доставлены частным благотворительным обществом, состоящим под покровительством королевы.

Три миллиона взято из государственного казначейства.

Затем министр финансов внёс в парламент проект о разрешении Национальному Банку ссудить сельским банкам[1], под гарантию правительства, двадцать миллионов франков[2].

Этот проект был единогласно принят обеими законодательными палатами.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 256–258 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] «Законопроект о введении некоторых новых положений в ст. 21 Закона о крестьянских народных банках». Его представил на заседании палаты депутатов министр финансов Э. Костинеску 23 ноября 1904 г. Подробно о дискуссиях вокруг этого проекта в парламенте см.: *DAD* (Дебаты палаты депутатов). 1904–1905. № 7. P. 15 etc.

[2] Дополнительные подробности, касающиеся этого продовольственного кризиса, а также законопроекта о кредитовании и финансовой помощи крестьянству в контексте данного кризиса см.: *Creditul pentru porumb la Senat* // „Adevărul”. Anul XVII. 1904. 27 noiembrie. № 5501. P. 1. Подробное описание бюджетных ассигнований и издержек, а также проекта бюджета на 1905–1906 гг. см.: *Budgetul pe 1905–1906* // Ibidem.

București, 29 noiembrie 1904, nr. 104. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Din rapoartele mele anterioare, Luminăția Voastră are deja cunoștință de faptul, că recolta proastă de porumb care s-a abătut asupra României pe parcursul acestui an a cauzat o grea lovitură bunăstării populației sale țărănești.

Conform ultimelor informații primite de către guvernul regal din partea autorităților locale, acesta a trebuit, se pare, să se convingă de faptul că această recoltă proastă a atins proporții mult mai mari decât se presupunea inițial. Lanurile de porumb din douăzeci și unu de județe din numărul total de treizeci și trei s-au dovedit a fi absolut dezgolite.

Ministrul finanțelor a prezentat în fața camerelor legislative datele care urmează mai jos în privința cantității de porumb care lipsește în țară pentru a asigura alimentația familiilor țărănești.

Din cele 220.000 de vagoane de porumb produse de România într-un an obișnuit, având în vedere că un vagon conține zece tone, aproximativ 100.000 de vagoane sunt consumate de către țărani. În anumite condiții nefavorabile, această din urmă cantitate poate fi micșorată până la 80.000 de vagoane.

Trebuie să presupunem că, din cele 1.200.000 de familii țărănești care fac parte din populația Regatului, aproximativ o treime va rămâne fără nici un fel de mijloace de subzistență.

Guvernul a cumpărat și a distribuit deja celor nevoiași 5.000 de vagoane. Este necesar să fie achiziționate încă 24.000 de vagoane.

Conform celor spuse de ministru, un volum aproximativ egal cu 12.000 vagoane va putea fi găsit în depozitele de rezervă ale marilor moșieri. Celelalte 12.000 vagoane vor trebui să fie cumpărate peste hotare sau înlocuite parțial cu grâu și orz.

Guvernul a achiziționat deja un număr foarte neînsemnat de vagoane în Rusia, la Reni, cumpărând alte 1.800 de vagoane din Republica Argentina. Aceste din urmă vagoane vor fi livrate în luna ianuarie.

Mijloacele financiare necesare pentru acoperirea cheltuielilor legate de asigurarea hranei pentru populație vor fi adunate din trei surse.

Un milion și jumătate de franci vor fi oferiți de către o societate caritabilă privată aflată sub patronajul reginei.

Alte trei milioane vor fi luate din rezervele Trezoreriei Statului.

În afară de aceasta, ministrul finanțelor a prezentat parlamentului un proiect de lege[1] care ar permite Băncii Naționale să ofere băncilor rurale un credit în sumă de douăzeci de milioane de franci, care va fi garantat de către guvern[2].

Acest proiect a fost adoptat în unanimitate de către ambele camere legislative.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 256–258 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] „Proiect de lege pentru introducerea unor noi dispozițiuni în art. 21 din legea asupra Băncilor populare sătești”. A fost prezentat în Adunarea Deputaților de către ministrul de Finanțe, E. Costinescu, pe data de 23 noiembrie 1904. Pentru discutarea acestuia în Parlament: *DAD*, 1904–1905, nr. 7, p. 15 și urm.

[2] Mai multe detalii despre această criză alimentară și despre proiectul de lege privind creditarea și ajutorul oferit țărănimii în acest context, a se vedea în articolul: *Creditul pentru porumb la Senat*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5501, 27 noiembrie 1904, p. 1. Pentru constrângerile bugetare și proiectul bugetului pe anii 1905–1906, a se vedea: *Budgetul pe 1905–1906*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5501, 27 noiembrie 1904, p. 1.

140

Бухарест, 30 ноября 1904 г., № 105. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вопросы внутренней политики стали за последнее время усиленно занимать общественное мнение в Румынии в виду предстоящих в марте месяце парламентских выборов.

К сожалению, эти вопросы сводятся, главным образом, лишь к тому, какой из политических партий король поручит произвести новые выборы и, следовательно, какая из них обеспечит за собой правительственную власть на следующее четырёхлетие.

По-видимому, симпатии Его Величества на стороне либералов, стоящих ныне у кормила правления, и не подлежит сомнению, что выборы были бы предоставлены им, если бы раздоры, господствующие в их партии, не достигли за эти дни весьма серьёзных размеров.

Я имел уже честь доносить императорскому министерству, что либеральная партия состоит из двух фракций – умеренно-либеральной, представителями коей в нынешнем министерстве состоят министры финансов и внутренних дел, Костинеску[1]

и Ласкэр[2], и фракции молодых либералов, так называемой *„jeunesse généreuse”*[3], руководимой министром иностранных дел Брэтиану.

В течение прошлогодней парламентской сессии, министр внутренних дел провёл новый избирательный закон, представляющий большее обеспечение для свободы выборов. Весьма вероятно, что если во время выборов во главе министерства внутренних дел будет стоять Ласкэр, то он потребует строгого применения своего закона. Такое положение дел не удовлетворяет молодых либералов, опасающихся, что при этих условиях оппозиция окажется, быть может, в большинстве в новых палатах.

Не для того привели мы в порядок, говорят они, политическое и административное состояние страны, чтобы наше правительство постыдно пало на выборах, чему не было ещё примера в истории Румынии.

Действительно, до сих пор каждое румынское министерство, будь оно либеральное или консервативное, допускало выборы в депутаты или в сенаторы почти исключительно своих приверженцев, отстраняя без всякого стеснения политических своих противников.

Во избежание политического поражения, молодые либералы требуют, чтобы Ласкэр обменял своё министерство на другое, предоставив руководство выборами человеку, внушающему им больше доверия.

В случае отказа в их настояниях, они грозят отставкой Брэтиану и министерским кризисом, предпочитая удалиться от власти добровольно, а не вследствие неудачных выборов.

До сего времени ни Ласкэр, ни председатель Совета, Стурдза, поддерживаемые, по-видимому, королём, не уступают требованиям Брэтиану. Однако сторонники последнего довольно многочисленны, и они проявляют большую энергию в своих нападках на нелюбимого министра.

Ввиду этого, трудно ещё предвидеть, чем окончится внутренняя распря, раздирающая правительственную партию.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 259–262.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Эмиль Костинеску.

[2] Василе Ласкэр.

[3] Благородная или великодушная молодёжь (фр.). Этот термин использовался для обозначения нескольких бывших руководителей и известных лидеров Социал-демократической партии рабочих Румынии (СДПРР), таких как В. Г. Морцун, Ал. Радович, К. Милле и Ион Нэдежде. В 1899 г. эти политики вошли в состав национал-либеральной партии, усилив, таким образом, её левое крыло. Этой группой в то время руководил Ион И. К. Брэтиану. Константин Стере был также близок к этой фракции по своим политическим взглядам. Данное событие стало известно в тот период как «предательство благородных» („trădarea generoșilor”). Оно существенно повлияло на последующее развитие и политическую линию НЛП. С одной стороны, эти события усилили внутрипартийные реформистские течения, а с другой – ослабили позиции «старых либералов» во главе с Д. А. Стурдзой. Подробно об освещении этих политических трений и конфликтов в тогдашней печати см.: *Agravarea crizei. Conflictul Sturdza-Carada* // „Adevărul”. Anul XVII. 1904. 27 noiembrie. № 5501. P. 1–2; *Eșecurile acțiunei ocultiste* // *Ibid.* 29 noiembrie. № 5503. P. 1.

București, 30 noiembrie 1904, nr. 105. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Chestiunile de politică internă au început să preocupe intens, în ultimul timp, opinia publică din România, avându-se în vedere alegerile parlamentare care vor avea loc în luna martie.

Din păcate, aceste chestiuni se reduc, în principal, doar la întrebarea, care dintre partidele politice va fi însărcinat de către rege să organizeze noile alegeri și, prin urmare, care dintre aceste partide își va asigura dominația asupra guvernului pe parcursul următorului mandat de patru ani.

Aparent, simpatiile Majestății Sale sunt de partea liberalilor, care se află în prezent la cârma statului, și nu există nici o îndoială că sarcina de organizare a alegerilor le-ar fi fost încredințată dacă disensiunile care au pus stăpânire asupra partidului lor nu ar fi atins, în ultimele zile, proporții foarte îngrijorătoare.

Eu am avut deja onoarea să raportez ministerului imperial că partidul liberal este compus din două fracțiuni – fracțiunea liberală moderată, reprezentanții căreia în actualul guvern sunt miniștrii finanțelor și afacerilor interne, Costinescu[1] și Lascăr[2], și fracțiunea tinerilor liberali, așa-numita *„jeunesse généreuse”*[3], care este condusă de către ministrul Afacerilor Străine, Brătianu.

Pe parcursul sesiunii parlamentare de anul trecut, ministrul afacerilor interne a făcut să fie adoptată o nouă lege electorală, care prezintă garanții ceva mai mari pentru asigurarea libertății alegerilor. Este foarte probabil că, dacă în timpul alegerilor Lascăr va rămâne în continuare în fruntea Ministerului Afacerilor Interne, el va insista asupra aplicării stricte a legii pe care a inițiat-o. O astfel de stare de lucruri nu îi satisface pe tinerii liberali, care au temerea că, în aceste condiții, opoziția ar putea să obțină majoritatea în noile camere.

Noi am făcut ordine în privința situației politice și administrative a țării, spun ei, nu pentru ca acum guvernul nostru să cadă în mod rușinos la alegeri, ceea ce este încă fără precedent în istoria României.

Într-adevăr, până în prezent fiecare guvern român, fie acesta liberal sau conservator, permitea să fie aleși în calitate de deputați sau senatori, în mod aproape exclusiv, doar propriii partizani, înlăturându-i fără nici o jenă pe adversarii săi politici.

Pentru a evita o asemenea înfrângere politică, tinerii liberali cer insistent ca Lascăr să fie schimbat din funcție și transferat la alt minister, iar conducerea alegerilor să îi fie acordată unei persoane, care le inspiră mai multă încredere.

În cazul refuzului de a le satisface cererile insistente, ei amenință cu demisia lui Brătianu și cu o criză guvernamentală, preferând să plece de la putere în mod benevol, iar nu ca urmare a unor alegeri nereușite.

Până în acest moment nici Lascăr, nici președintele Consiliului, Sturdza, care sunt, se pare, sprijiniți de către rege, nu cedează în fața cerințelor lui Brătianu. Totuși, adepții acestuia din urmă sunt destul de numeroși și manifestă o mare energie în atacurile lor împotriva ministrului devenit nesuferit pentru ei.

Având în vedere toate acestea, este încă dificil de a prevedea cu ce se vor încheia aceste neînțelegeri interne care sfâșie partidul aflat la guvernare.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 259–262.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Emil Costinescu.

[2] Vasile Lascăr.

[3] Tineretul generos (fr.). Termenul de „generoşi" se referea la câţiva foşti lideri importanţi ai Partidului Social–Democrat al Muncitorilor din România (P.S.D.M.R.), ca V.G. Morţun, Al. Radovici, C. Mille şi Ion Nădejde, care au intrat în componenţa Partidului Naţional Liberal în anul 1899, consolidând astfel aripa de stânga a acestei formaţiuni, condusă de către Ion I. C. Brătianu. Constantin Stere era şi el apropiat de acest grup. Această acţiune era cunoscută în epocă drept „trădarea generoşilor" şi a avut un impact important asupra viitoarei evoluţii a P.N.L., atât prin consolidarea tendinţelor reformatoare din interiorul partidului, cât şi prin slăbirea poziţiei „vechilor liberali", conduşi de către D. A. Sturdza. Pentru reflectarea acestor frământări în presa vremii, a se vedea: *Agravarea crizei. Conflictul Sturdza-Carada*, „Adevărul", anul XVII, nr. 5501, 27 noiembrie 1904, p. 1–2, şi *Eşecurile acţiunei ocultiste*, în „Adevărul", anul XVII, nr. 5503, 29 noiembrie 1904, p. 1.

141

Бухарест, 15 декабря 1904 г., № 108. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В политическом моём донесении от 30 ноября, № 105, я имел честь изложить причины, обострившие отношения между обеими фракциями либеральной партии, стоящей ныне у власти в Румынии.

Молодые либералы требовали смены министра внутренних дел Ласкэра, на что не соглашались сторонники последнего, умеренные либералы, поддерживаемые председателем совета Стурдзой и, по-видимому, королём Карлом.

Обладая, однако, большинством в законодательных собраниях, молодые либералы, предводительствуемые министром иностранных дел Брэтиану, стали прибегать к мерам воздействия для достижения своей цели.

Под предлогом нежелания отвечать за промахи председателя Совета, подпавшего, будто бы, исключительному влиянию умеренных либералов, они стали отстранять себя от активных должностей, как в парламенте, так и в администрации.

Сперва подали в отставку председатель и два вице-председателя палаты депутатов и двенадцать членов её бюджетной комиссии, а затем и министр иностранных дел Брэтиану.

Вместе с тем, молодые либералы решили не принимать никакого участия в обсуждении законопроектов, представляемых правительством, и воздержаться от какого-либо голосования в палатах.

На первом же заседании, последовавшем затем, обнаружилось, что умеренные либералы располагают в палате депутатов лишь 57-ю голосами из 150-ти, тогда как для законности какого-либо постановления необходимо, чтобы в голосовании его принимали участие, по крайней мере, 80 депутатов.

Правительство оказалось, таким образом, в невозможности добиться утверждения бюджета на будущий год и торговой конвенции, заключённой с Германией.

Ввиду этого обстоятельства председателю Совета, Стурдзе, пришлось пойти на уступки и отказаться от сотрудничества Ласкэра, подавшего, в свою очередь, в отставку.

Объявляя, третьего дня, о принятии королём отставок Брэтиану и Ласкэра, Стурдза просил законодательные палаты отсрочить свои заседания на три дня, дабы дать ему возможность выяснить политическое положение либеральной партии.

В течение этих трёх дней ему предстоит водворить мир в партии, в которой он является ныне лишь номинальным вождём, и уговорить сторонников Брэтиану согласиться на одобрение палатами бюджета и германского торгового договора.

В случае же неудачи, он должен будет ныне же удалиться от власти[1].

Упорство, проявленное им в начале кризиса и вызвавшее отставку Брэтиану, несомненно, осложнило положение и, быть может, побудит молодых либералов увеличить свои требования, чтобы обеспечить за собой преобладающее влияние в кабинете.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 266–268 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Внутрипартийные конфликты и противоречия в рамках НЛП обострились в конце 1904 г., как следствие растущего давления на руководство партии со стороны фракции «молодых либералов», во главе с Ионом И. К. Брэтиану. В тот же период в составе НЛП сформировалась группировка, получившая в то время известность под неблагозвучным названием «Оккульта» (*Oculta*), целью которой являлось отстранение Стурдзы от руководства партией. Во главе этой группировки стоял Э. Карада, председатель Национального Банка. Пользуясь своим значительным влиянием в партии, он действовал тайно, закулисно. Отсюда возникло название этой группировки. Карада видел в Ионеле Брэтиану будущего выдающегося политического деятеля Румынии и поддерживал его в стремлении добиться руководства национал-либеральной партией. Подробно о падении кабинета Стурдзы см.: Neagoe S. *Istoria guvernelor României. De la începuturi – 1859 până în zilele noastre – 1995*. București, Editura Machiavelli, 1995.

București, 15 decembrie 1904, nr. 108. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În raportul meu politic din data de 30 noiembrie a.c., sub nr. 105, am avut onoarea să expun motivele care au dus la acutizarea relațiilor dintre cele două fracțiuni ale partidului liberal, care se află în prezent la putere în România.

Tinerii liberali cereau cu insistență schimbarea ministrului afacerilor interne, Lascăr, însă cu acest lucru nu erau de acord adepții acestuia din urmă, liberalii moderați, care erau sprijiniți de președintele Consiliului, Sturdza și, se pare, de către regele Carol.

Însă, deținând majoritatea în adunările legislative, tinerii liberali, sub conducerea ministrului Afacerilor Străine, Brătianu, au început să recurgă la anumite măsuri specifice de influență pentru a-și atinge scopul.

Sub pretextul nedorinței de a-și asuma responsabilitatea pentru eșecurile președintelui Consiliului, care, chipurile, ar fi căzut totalmente pradă influenței liberalilor moderați, ei au început să își dea demisia din funcțiile politice active, atât în parlament, cât și în administrație.

Mai întâi și-au dat demisia președintele și doi vicepreședinți ai Camerei Deputaților, precum și doisprezece membri ai comisiei de buget din Cameră, iar ulterior și-a dat demisia și ministrul Afacerilor Străine, Brătianu.

Totodată, tinerii liberali au decis să nu participe, în nici un fel, la discutarea proiectelor de lege care erau prezentate de guvern și să se abțină de la orice fel de formă de vot în plenul Camerelor.

Chiar la prima ședință care a urmat după aceste evenimente, s-a dovedit că liberalii moderați dispun, în Camera Deputaților, doar de 57 de voturi din numărul total de 150, în timp ce pentru legalitatea oricărei hotărâri sau dispoziții este necesar ca la votarea acesteia să ia parte cel puțin 80 de deputați.

Astfel, guvernul s-a pomenit în imposibilitatea de a obține aprobarea bugetului pentru anul viitor și ratificarea convenției comerciale încheiate cu Germania.

Având în vedere această împrejurare, președintele Consiliului, Sturdza, s-a văzut nevoit să facă anumite cedări și să renunțe la colaborarea cu Lascăr, care, la rândul său, și-a dat demisia.

Anunțând, alaltăieri, despre acceptarea demisiilor lui Brătianu și Lascăr de către rege, Sturdza a solicitat camerelor legislative să își amâne ședințele pe o durată de trei zile, pentru a-i da posibilitatea să clarifice actuala situație politică a partidului liberal.

Pe parcursul acestor trei zile, el urmează să instaureze pacea în sânul partidului, în care el este, în prezent, doar un lider nominal, și să îi convingă pe adepții lui Brătianu să cadă de acord în privința aprobării de către Camere a bugetului și a tratatului comercial cu Germania.

În cazul unui eșec însă, el va trebui să plece imediat de la putere[1].

Încăpățânarea manifestată de Sturdza la începutul crizei, care a și provocat demisia lui Brătianu, a complicat, fără îndoială, situația și s-ar putea să îi determine pe tinerii liberali să își crească revendicările pentru a-și asigura exercitarea unei influențe preponderente în cadrul cabinetului.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 266–268 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Tensiunile din interiorul P.N.L. se intensificaseră la sfârșitul anului 1904, ca urmare a presiunilor din partea facțiunii „tinerilor liberali”, condusă de Ion I. C. Brătianu. În această perioadă, în sânul P.N.L. s-a format o grupare cunoscută în epocă sub denumirea de *Oculta*, care acționa pentru înlăturarea lui D. A. Sturdza de la conducerea partidului. Acestă grupare era condusă de Eugeniu Carada, guvernatorul Băncii Naţionale, care exercita o mare influenţă în partid, acţionând din umbră, ocult, de unde şi denumirea grupării. Carada vedea în Ionel Brătianu un viitor mare om politic al României şi îl sprijinea pentru a obţine conducerea Partidului Naţional Liberal. Pentru alte detalii legate de căderea guvernului Sturdza, a se vedea: Stelian Neagoe, *Istoria guvernelor României. De la începuturi – 1859 până în zilele noastre – 1995*, București, Editura Machiavelli, 1995.

142

Бухарест, 18 декабря 1904 г., № 110. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Председатель Совета министров Стурдза не имел успеха в своих стараниях побудить молодых либералов отказаться от обструкции и дать возможность

Министерству, в нынешнем его составе, провести через законодательные палаты бюджет на 1905 год и конвенцию, заключённую с Германией.

Вследствие этого ему пришлось вручить королю отставку всего кабинета.

Со времени вручения отставки прошло уже три дня, а министерский кризис всё ещё не разрешён.

Судя по тому обстоятельству, что Его Величество не обращался ещё к вождям оппозиционных партий и призывал во дворец для совещаний исключительно выдающихся либералов, можно заключить, что король стремится убедить последних вновь сплотиться для сохранения власти в своих руках.

Помимо личных своих симпатий к Стурдзе, Его Величество руководствуется, по-видимому, тем соображением, что в случае составления нового либерального министерства бюджет и германский договор могут быть одобрены настоящими, либеральными же, палатами, между тем как консервативное министерство потребовало бы немедленного распущения палат и новых парламентских выборов.

Полагаю, однако, что молодые либералы, недовольные поддержкой, оказываемой Его Величеством бывшим министрам Костинеску и Ласкэру, принадлежащим к умеренной фракции, согласятся содействовать образованию нового либерального кабинета лишь при условии предоставления им большинства министерских мест.

Такое разрешение кризиса было бы сочтено в стране за нравственное поражение, нанесённое королю и главе всех либералов, Стурдзе, сторонниками бывшего министра иностранных дел Брэтиану, хотя председательство в новом министерстве и осталось бы за Стурдзой.

Оно возбудило бы, к тому же, негодование в оппозиционных лагерях консерваторов и жунимистов.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 269–271.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 18 decembrie 1904, nr. 110. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Președintele Consiliului de Miniștri, Sturdza, nu a avut succes în eforturile sale stăruitoare de a-i determina pe tinerii liberali să renunțe la obstrucție și să dea posibilitate guvernului, în componența sa actuală, să asigure adoptarea în Camerele Legislative a bugetului pentru anul 1905 și a convenției încheiate cu Germania.

Ca urmare a acestui fapt, el a fost nevoit să îi înmâneze regelui cererea de demisie a întregului cabinet.

Din momentul înmânării cererii de demisie au trecut deja trei zile, iar criza guvernamentală încă nu este soluționată.

Având în vedere acea împrejurare, că Majestatea Sa nu s-a adresat încă liderilor partidelor de opoziție și a convocat la palat pentru consultări, în mod exclusiv, anumite figuri marcante din rândurile liberalilor, s-ar putea conchide că regele încearcă să îi convingă pe aceștia din urmă să își unească din nou rândurile pentru păstrarea puterii în propriile mâini.

În afară de simpatiile sale personale față de domnul Sturdza, Majestatea Sa se călăuzește, probabil, de considerația că, în cazul formării unui nou guvern liberal, bugetul și tratatul cu Germania vor putea fi aprobate de actualele Camere, cu majoritate liberală, în timp ce un guvern conservator ar cere dizolvarea imediată a Camerelor și noi alegeri parlamentare.

Cu toate acestea, eu consider că tinerii liberali, fiind nemulțumiți de sprijinul pe care Majestatea Sa îl acordă foștilor miniștri Costinescu și Lascăr, care aparțin fracțiunii moderate a liberalilor, vor fi de acord să contribuie la formarea noului cabinet liberal doar în condițiile în care le va fi oferită majoritatea posturilor guvernamentale.

O astfel de rezolvare a crizei ar fi considerată, în cuprinsul țării, drept o înfrângere morală suferită de către rege și de către șeful tuturor liberalilor, Sturdza, din partea adepților fostului ministru al Afacerilor Străine, Brătianu, chiar dacă președinția în noul guvern ar rămâne tot în mâinile lui Sturdza.

În afară de aceasta, o asemenea soluție ar provoca indignare în taberele celor două partide de opoziție, conservator și junimist.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 269–271.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

143

Бухарест, 29 декабря 1904 г., № 111. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству Графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый Государь Граф Владимир Николаевич,

Я имел честь доносить Вашему Сиятельству, что после подачи бывшим председателем Совета министров, Стурдзой, отставки всего либерального кабинета, король поручил Стурдзе составить новое либеральное Министерство.

Его Величество руководствовался при этом тем соображением, что в случае сохранения у власти либералов, бюджет на 1905 год и торговый договор с Германией могли бы немедленно быть переданы на обсуждение законодательных палат, между тем как консервативное министерство потребовало бы, прежде всего, распущения палат и новых парламентских выборов[1].

Но старания Стурдзы водворить согласие в своей партии не имели никакого успеха, благодаря чрезмерным притязаниям молодых либералов, и ему пришлось отказаться от данного ему Его Величеством поручения.

Вслед за тем, король призвал к управлению страной консерваторов.

Считаю долгом представить при сём список лиц, вошедших в состав нового консервативного Министерства[2].

Господин Кантакузин – председатель Совета министров и министр внутренних дел.

Генерал Ману[3] – военный министр.

Генерал Якоб Лаховари – министр иностранных дел.

Таке Ионеску[4] – министр финансов.

Иоан Лаховари[5] – министр торговли, промышленности и государственных имуществ.

Грэдиштяну – министр путей сообщения.

Бэдэрэу[6] – министр юстиции.

Влэдеску[7] – министр народного просвещения.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 272–273 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Подробно об отношении короля Карла к тогдашнему положению внутри НЛП и к правительственному кризису см.: *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905 /* Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010. P. 513–519.

[2] Новое консервативное правительство во главе с Георге Григоре Кантакузино вступило в должность 22 декабря 1904 г. Оно останется у власти, с некоторыми незначительными перестановками, до 12 марта 1907 г.

[3] Джордже Ману. О нём Карл I утверждал следующее: «он довольно сильно постарел, но в армии у него всё ещё хорошая репутация» (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen.* P. 519).

[4] Король Карл считал Таке Ионеску «самой значительной силой» в новом правительстве (*Там же*).

[5] Ион Н. Лаховари.

[6] Александру А. Бэдэрэу (1859–1927). Румынский политический деятель и публицист. Занимал должность министра юстиции (22 декабря 1904 – 15 июня 1906 г.) в правительстве Кантакузино. До этого был некоторое время мэром города Яссы.

[7] Михаил К. Влэдеску (1865–1944). Румынский учёный-ботаник и политический деятель. Учился в Париже. В 1888 г. назначен профессором ботаники в Ясском университете, а в 1895 г. переведён на ту же должность в Бухарестский университет. В 1897–1903 гг. являлся председателем Лиги культурного единства всех румын. Неоднократно избирался сенатором и депутатом. Занимал должность министра народного просвещения и вероисповеданий в кабинете Кантакузино с декабря 1904 по октябрь 1906 г.

București, 29 decembrie 1904, nr. 111. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte Vladimir Nikolaevici,

Am avut deja onoarea să raportez Luminăției Voastre că, după depunerea de către fostul președinte al Consiliului de Miniștri, Sturdza, a cererii de demisie a întregului cabinet liberal, regele l-a însărcinat pe Sturdza să formeze un nou guvern liberal.

În acest context, Majestatea Sa s-a călăuzit de considerația că, în cazul păstrării liberalilor la putere, bugetul pentru anul 1905 și tratatul comercial cu Germania ar fi putut fi transmise imediat pentru a fi discutate de către Camerele legislative, în timp ce un guvern conservator ar fi cerut, întâi de toate, dizolvarea Camerelor și noi alegeri parlamentare[1].

Însă eforturile stăruitoare ale lui Sturdza de a instaura acordul și armonia în sânul partidului său nu au avut nici un succes, din cauza revendicărilor excesive ale tinerilor liberali, și el s-a văzut nevoit să renunțe la însărcinarea pe care i-a dat-o Majestatea Sa.

După aceste evenimente, regele a apelat la conservatori, invitându-i să guverneze țara.

Consider de datoria mea să prezint mai jos, cu această ocazie, lista persoanelor care au intrat în componența noului guvern conservator[2].

Domnul Cantacuzino – Președintele Consiliului de Miniștri și Ministru al Afacerilor Interne.

Generalul Manu[3] – Ministru de Război.
Generalul Iacob Lahovari – Ministru al Afacerilor Străine.
Take Ionescu[4] – Ministru al Finanțelor.
Ioan Lahovari[5] – Ministru al Comerțului, Industriei și Domeniilor Statului.
Grădișteanu – Ministru al Lucrărilor Publice.
Bădărău[6] – Ministru al Justiției.
Vlădescu[7] – Ministru al Cultelor și Instrucțiunii Publice.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 272–273 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru atitudinea regelui Carol față de situația din P.N.L. și criza guvernamentală: *Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 513–519.

[2] Noul guvern conservator, condus de Gheorghe Grigore Cantacuzino, a intrat în funcție pe data de 22 decembrie 1904. Va rămâne la putere, cu anumite remanieri nesemnificative, până pe 12 martie 1907.

[3] George Manu. Despre acesta Carol I afirma că este: „cam îmbătrânit, dar încă bine văzut în armată” (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen,* p. 519).

[4] Regele Carol îl considera pe Take Ionescu „cea mai mare forță” a noului guvern (*Ibidem*).

[5] Ion N. Lahovari.

[6] Alexandru A. Bădărău (1859–1927). Om politic și publicist român. A deținut funcția de ministru al Justiției (22 decembrie 1904 – 15 iunie 1906) în guvernul Gheorghe Grigore Cantacuzino. Anterior a fost și primar al Iașului.

[7] Mihail C. Vlădescu (1865–1944). Botanist și om politic român. Studii la Paris. În 1888 a fost numit profesor de botanică la Universitatea din Iași, iar în 1895 a fost transferat la Universitatea din București. În 1897–1903 a fost președinte al Ligii Culturale. A fost de mai multe ori senator și deputat. A ocupat funcția de ministru al Cultelor și Instrucțiunii Publice în guvernul Cantacuzino în decembrie 1904 – octombrie 1906.

144

Бухарест, 29 декабря 1904 г., № 112. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Королевским указом румынские законодательные палаты распущены, и новые парламентские выборы назначены в будущем феврале месяце.

Из донесений вверенной ныне мне миссии императорскому министерству не безызвестно, что, по установившемуся в Румынии обычаю, выборы происходят под сильным давлением правительства, и что в депутаты и сенаторы избираются обыкновенно почти исключительно приверженцы политической партии, находящейся у власти.

В прошлом году, по почину либерального министра внутренних дел Ласкэра, было введено некоторое изменение в этот порядок вещей законом, ограничивающим право провинциальных префектов вмешиваться в действия избирательных бюро[1].

Но закон Ласкэра показался стеснительным самим либералам, утвердившим сперва его в палатах.

Желание обойти его было одной из главных причин раздора, возникшего в либеральной партии, и падения министерства Стурдзы.

При этих условиях, нет никакого основания предполагать, что консерваторы озаботятся о строгом применении нового закона, обеспечивающего большую независимость избирателей.

Тот факт, что в двухнедельный срок, истёкший со времени принятия ими правления, они успели сменить всех префектов и членов городских дум во всех провинциях Румынии указывает скорее на их намерение всеми мерами влиять на выборы.

Они вынуждены к тому уже тем обстоятельством, что, по вкоренившимся здесь понятиям и нравам, ни одно правительство не может оставаться у власти, если оппозиционное меньшинство в нижней палате располагает более 30 голосами из ста пятидесяти.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 274–276.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] «Закон о процедуре проведения выборов». Подробно о дискуссиях и прениях по этому закону в палате депутатов см.: *DAD*. 1902–1903. № 39. P. 733 etc. Вмешательство префектов в предвыборный процесс также регламентировалось «Законом об организации Общей государственной полиции». Этот закон был представлен парламенту министром внутренних дел Василе Ласкэром в феврале 1903 г. и принят 1 апреля того же года. Он предусматривал относительную автономию полиции от государственного аппарата и ограничивал повсеместную практику злоупотреблений и вмешательства в предвыборный процесс.

București, 29 decembrie 1904, nr. 112. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin decret regal, camerele legislative românești au fost dizolvate, iar noile alegeri parlamentare au fost fixate pentru luna februarie a anului viitor.

Din rapoartele misiunii care îmi este încredințată în prezent, ministerul imperial are cunoștință de faptul că, conform obiceiului care s-a instaurat de ceva timp în România, alegerile se desfășoară sub o puternică presiune din partea guvernului și că în calitate de deputați și senatori sunt aleși, de obicei, în mod aproape exclusiv, doar adepții partidului politic aflat atunci la guvernare.

Anul trecut, la inițiativa ministrului liberal al Afacerilor Interne, Lascăr, au fost introduse anumite modificări în această ordine a lucrurilor printr-o lege care limitează dreptul prefecților provinciali de a se amesteca în modul de acțiune al birourilor electorale[1].

Însă legea lui Lascăr li s-a părut jenantă chiar liberalilor înșiși, care o aprobaseră inițial în plenul Camerelor.

Dorința lor de a eluda această lege a fost unul dintre motivele principale ale neînțelegerilor care s-au iscat în sânul partidului liberal și ale căderii guvernului Sturdza.

În aceste condiții, nu există nici un temei pentru a presupune că conservatorii se vor îngriji de aplicarea strictă a noii legi, care ar trebui să asigure o mai mare independență a alegătorilor.

Faptul că în perioada de două săptămâni care s-a scurs din momentul preluării guvernării de către conservatori aceştia au reuşit să îi înlocuiască pe toţi prefecţii şi pe toţi membrii consiliilor municipale din toate provinciile României trădează, mai curând, intenţia acestora de a influenţa alegerile prin toate mijloacele posibile.

Ei sunt forţaţi să facă acest lucru chiar şi din cauza acelei împrejurări că, în conformitate cu noţiunile şi moravurile înrădăcinate aici, nici un guvern nu poate rămâne la putere dacă grupul minoritar de opoziţie din Camera Inferioară dispune de mai mult de 30 de voturi din numărul total de o sută cincizeci de deputaţi.

Cu deosebită consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 274–276.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] „Legea asupra procedurii electorale". Pentru dezbaterile din Adunarea Deputaţilor: *DAD*, 1902–1903, nr. 39, p. 733 şi urm. Implicarea prefecţilor în procesul electoral era reglementată şi prin „Legea asupra organizării Poliţiei Generale a Statului". Prezentată Parlamentului de către ministrul de Interne, Vasile Lascăr, în luna februarie 1903 şi adoptată pe data de 1 aprilie 1903, legea respectivă asigura o relativă autonomie a poliţiei faţă de aparatul de stat şi limita practica abuzurilor electorale.

145

Бухарест, 30 декабря 1904 г., № 113. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Сегодня состоялся первый дипломатический приём у министра иностранных дел, генерала Лаховари[1].

Новый руководитель румынской дипломатии высказал мне при этом случае, что консерваторы всегда, будто бы, стремились поддерживать самые близкие и дружественные сношения с Россией, и что этими традициями своей партии он намерен вдохновлять свою деятельность.

Переходя затем к перечню вопросов, касательно коих ведутся в настоящее время переговоры между нашими правительствами, он заверил меня, что им даны будут самые категорические предписания румынским пограничным стражникам не прибегать к огнестрельному оружию при преследовании наших рыбаков за нарушение постановлений рыбной конвенции, заключённой между Россией и Румынией. Им назначено будет специальное лицо, пользующееся полным его доверием, которое должно будет принимать участие в производстве расследований по всем случаям нарушения стражниками правительственных указаний и привлекать их к строгой ответственности. Министр не был ещё знаком с вопросом об урегулировании государственной границы нашей с Румынией и упомянул о нём лишь с целью заявить мне, что он не замедлит приступить к его изучению[2].

Он сообщил мне, что торговый договор, заключённый с Германией, будет обнародован на этих днях в румынском официальном вестнике одновременно с представлением этого договора германскому парламенту.

Консервативное Министерство силою обстоятельств должно принять условия договора, подписанного либералами, и будет защищать их перед румынскими палатами.

Оно относится неодобрительно к таможенному тарифу, выработанному либеральным министром финансов, Костинеску, считая установленные им чрезмерно высокие ставки несерьёзными.

Ввиду этого, в переговорах о заключении торговых конвенций с другими державами оно не будет строго придерживаться этих ставок.

Начатые было переговоры с Бельгией и Италией прерваны на пятнадцать дней.

Министр выразил мне личное своё мнение о предпочтительности заключения между Россией и Румынией торгового соглашения, содержащего взаимные таможенно-тарифные уступки, а не ограниченного исключительно взаимным предоставлением прав наиболее благоприятствуемой нации.

Вопрос этот не был, однако, ещё рассмотрен в Совете министров.

Я возразил генералу Лаховари, что буду ожидать сообщения им мне официального мнения его правительства для донесения о нём императорскому министерству.

С отличным почтением и пр.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 278–278 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Хотя первоначально Якоба Лаховари считали малоопытным дипломатом и слишком предрасположенным к эмоциональным проявлениям, новый министр постепенно зарекомендовал себя как один из самых искусных румынских дипломатов на европейской арене. Это признавали и представители Российской империи в Бухаресте. В своём качестве министра иностранных дел он, среди прочего, отказался уступить давлению Австро-Венгрии, которая настаивала на развязывании превентивной войны против Сербии. Он также отверг предложение Японии по заключению договора о дружбе и торговле, чтобы не подвергать опасности отношения между Румынией и Россией. Ко времени своей смерти в марте 1907 г. Лаховари стал одним из самых уважаемых и популярных политических деятелей той эпохи. Подробнее о нём см.: Predescu L. *Enciclopedia „Cugetarea": Material românesc. Oameni și înfăptuiri.* București, Editura Saeculum I.O., 1999. P. 473.

[2] По-видимому, вопросы, связанные с действиями пограничников и с точной демаркацией русско-румынской границы по линии реки Прут не входили в число реальных внешнеполитических приоритетов нового румынского консервативного правительства. Несмотря на заверения Якоба Лаховари, на протяжении следующих двух лет эти вопросы практически оставались вне поля зрения двусторонних отношений. Дипломаты обеих стран вернулись к обсуждению этих вопросов лишь летом 1907 г., когда к власти вновь пришли либералы. Подробнее см.: Агаки А. С. *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в*. Кишинёв, Издательство Штиинца, 1976. С. 49.

București, 30 decembrie 1904, nr. 113. [Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,]

Astăzi a avut loc prima recepție diplomatică găzduită de ministrul Afacerilor Străine, generalul Lahovari[1].

Noul conducător al diplomației române mi-a declarat, cu această ocazie, că conservatorii, chipurile, au avut mereu tendința să mențină cele mai apropiate și amicale relații cu Rusia și că el intenționează să se inspire în activitatea sa din aceste tradiții ale partidului său.

Mutând apoi subiectul conversației spre lista de chestiuni, în privința cărora în prezent au loc negocieri între guvernele noastre, el m-a asigurat că va transmite cele mai categorice instrucțiuni pentru gărzile de frontieră românești, interzicându-le să recurgă la arme de foc în timpul urmăririi pescarilor noștri pentru încălcarea prevederilor convenției piscicole încheiate între Rusia și România. El va numi o persoană specială, care se bucură de deplina sa încredere, și care va trebui să ia parte la efectuarea anchetelor privind toate cazurile încălcării, de către gărzile de frontieră, a instrucțiunilor guvernamentale, și să îi tragă la răspundere în modul cel mai strict. Ministrul nu era încă familiarizat cu chestiunea privind reglementarea frontierei noastre de stat cu România și a amintit de ea doar cu scopul de a-mi declara că el nu va întârzia să procedeze la studierea acesteia[2].

El mi-a comunicat că tratatul comercial încheiat cu Germania va fi făcut public zilele acestea în Monitorul Oficial al României, în același timp cu prezentarea acestui tratat spre ratificare parlamentului german.

Guvernul conservator, în virtutea circumstanțelor, trebuie să accepte condițiile tratatului semnat de liberali și își va asuma susținerea lor în fața Camerelor românești.

Acesta are însă o atitudine defavorabilă față de tariful vamal elaborat de către ministrul liberal al Finanțelor, Costinescu, considerând că cotele excesiv de înalte fixate de acesta nu sunt gândite suficient de temeinic.

Având în vedere acest lucru, în timpul negocierilor privind încheierea convențiilor comerciale cu alte Mari Puteri, guvernul nu va respecta aceste cote în mod foarte strict.

Negocierile cu Belgia și Italia, aflate în stadiu inițial, au fost întrerupte pe un termen de cincisprezece zile.

Ministrul mi-a exprimat părerea sa personală, conform căreia ar fi preferabilă încheierea, între Rusia și România, a unui acord comercial care ar conține anumite cedări reciproce în domeniul vamal și tarifar și nu s-ar limita exclusiv la acordarea reciprocă a drepturilor asociate statutului națiunii celei mai favorizate.

Totuși, această chestiune nu a fost încă examinată de către Consiliul de Miniștri.

Eu i-am replicat generalului Lahovari că voi rămâne în așteptarea momentului când îmi va comunica opinia oficială a guvernului său, pe care o voi raporta ministerului imperial.

Cu deosebită considerație etc.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 278–278 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Considerat la început neexperimentat și mult prea predispus spre manifestări emoționale, Iacob Lahovari s-a impus treptat ca unul dintre cei mai abili diplomați români pe arena europeană, fapt recunoscut și de reprezentanții Imperiului Rus la București. În calitate de ministru al Afacerilor Străine, a refuzat, printre altele, să cedeze presiunilor Austro-Ungariei în privința declanșării unui război preventiv împotriva Serbiei. A respins și oferta Japoniei de a încheia un acord de prietenie și comerț, pentru a nu pune în pericol relațiile cu Rusia. La moartea sa, în martie 1907, Iacob Lahovari devenise una dintre cele mai populare personalități politice din epocă. Pentru alte detalii, a se vedea: Lucian Predescu, *Enciclopedia „Cugetarea": Material românesc. Oameni și înfăptuiri*, București, Editura Saeculum I.O., 1999, p. 473.

[2] Din câte se pare, chestiunile privind acțiunile gărzilor de frontieră și delimitarea graniței ruso-române pe linia râului Prut nu se aflau printre prioritățile reale de politică externă ale noului guvern conservator. În pofida asigurărilor date de Iacob Lahovari, în următorii doi ani aceste probleme dispar de pe agenda relațiilor româno-ruse. La aceste discuții se va reveni abia în vara anului 1907, sub noua guvernare liberală. Pentru detalii, a se vedea: А. С. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, Издательство Штиинца, 1976, p. 49.

146

Бухарест, 31 декабря 1904 г., № 114. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В предыдущей моей депеше я имел честь передать Вашему Сиятельству содержание первой моей официальной беседы со вновь назначенным министром иностранных дел, генералом Лаховари.

Хотя эта беседа и оставила во мне впечатление, что министр преисполнен добрых намерений, я должен, однако, оговорить, что не следует ещё придавать слишком серьёзного значения высказанным им суждениям, так как министр, видимо, не успел ещё основательно ознакомиться с делами и, опьянённый возвращением к власти, стремился, главным образом, критиковать предшествующее, враждебное ему, либеральное Министерство.

Генерал Лаховари никогда ещё не ведал внешними сношениями Румынии. В прежних консервативных Министерствах он неоднократно назначался военным министром и имеет репутацию лучшего румынского генерала.

В этот раз он не получил военного министерства лишь благодаря личному вмешательству короля, отстранившего его из-за резких его нападок в бывшем парламенте на решение либерального правительства сделать крупный заказ пушек немецкому дому Круппа, а не французской фирме[1].

Утверждают, что гнев Его Величества не будет продолжителен, и что со временем, если консерваторы сумеют укрепиться во власти, генерал Лаховари вновь займёт место военного министра.

Пока же их положение довольно шаткое.

Прежней сильной боярской консервативной партии больше нет.

Бывшие её вожаки, пользовавшиеся славой в стране, как Ласкэр Катарджиу и Александр Лаховари[2], перемёрли, а новых государственных людей партия не выдвинула.

Ей пришлось искать себе руководителей вне боярской среды и широко раскрыть двери всем честолюбцам, гонящимся за министерскими местами.

Такое состояние партии отразилось и на составе нынешнего Министерства.

Из восьми министров лишь пятеро принадлежат к боярским семьям, а трое с боярством ничего общего не имеют и считались прежде радикалами.

Один из последних, министр финансов, адвокат Таке Ионеску, пользуется даже преобладающим влиянием в Министерстве.

В частном разговоре, на мой запрос, успели ли уже консерваторы выработать свою правительственную программу, Таке Ионеску ответил мне, что такая программа будет, конечно, представлена, но она составляется лишь для вида.

Прежнее различие партий, основанное на политических убеждениях, утратило-де своё значение.

Во главе Румынии стоит, по его словам, олигархия, члены коей распались на три лагеря, потому что нельзя же всем вместе занимать правительственные места. В сущности же, эти лагери правят страной в главных чертах одинаково.

При всём своём цинизме, это признание вполне отвечает, в настоящее время, действительности.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 674, Листы 279–282.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Король Карл полагал, что пушки, произведённые на заводах Круппа, были несравненно лучшего качества, чем французские пушки, «к которым он не питал никакого доверия» (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 428–429). Наряду с разногласиями, связанными с этим крупным заказом пушек, по-видимому, причины, по которым король Карл отказал генералу Лаховари в утверждении его в должности военного министра, также имели прямое отношение к недавнему скандалу, в котором был замешан бывший премьер-министр Стурдза. Генерал Лаховари обвинил главу либеральной партии в злоупотреблениях, допущенных им во время очередного этапа армейских повышений и продвижений по службе, а также в «предательстве». Подробнее об этом скандале см.: *Marele scandal de la Senat* // „Adevărul”. Anul XVII. 1904. 28 noiembrie. № 5502. P. 1.

[2] Александру Н. Лаховари.

București, 31 decembrie 1904, nr. 114. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În depeșa mea precedentă, eu am avut onoarea să relatez Luminăției Voastre conținutul primei mele conversații oficiale cu proaspăt numitul ministru al Afacerilor Străine, generalul Lahovari.

Chiar dacă această conversație mi-a lăsat impresia generală că ministrul este cuprins de cele mai bune intenții, trebuie, totuși, să fac precizarea că nu ar fi încă prudent să acordăm o prea mare însemnătate opiniilor exprimate de el, deoarece ministrul, se pare, nu a reușit încă să se familiarizeze în mod temeinic cu chestiunile de serviciu și, fiind îmbătat de succesul revenirii la putere, se străduia, în principal, să aducă critici precedentului guvern liberal, care îi era ostil.

Generalul Lahovari nu a mai administrat în trecut relațiile externe ale României. În fostele guverne conservatoare, el a fost numit de mai multe ori Ministru de Război, având reputația celui mai bun general român.

De această dată, el nu a primit Ministerul de Război doar din cauza intervenției personale a regelui, care l-a dat la o parte din motivul atacurilor sale vehemente, în parlamentul trecut, asupra deciziei guvernului liberal de a face o comandă importantă de tunuri concernului german Krupp, și nu unei firme franceze[1].

Aici se afirmă că mânia Majestății Sale nu va fi de lungă durată și că, cu timpul, dacă conservatorii vor reuși să se consolideze la putere, generalul Lahovari va ocupa din nou postul de Ministru de Război.

Deocamdată însă situația lor este destul de șubredă.

Vechiul și puternicul partid boieresc al conservatorilor nu mai există.

Foștii săi conducători, care se bucurau de o anumită faimă în țară, precum Lascăr Catargiu și Alexandru Lahovari[2], au decedat, iar partidul nu a fost capabil să înainteze, din rândurile sale, noi oameni de stat.

Partidul s-a văzut nevoit să își caute conducători în afara mediilor boierești și să își deschidă larg ușile pentru toți oamenii ambițioși care umblau după posturi în guvern.

Această stare a partidului s-a reflectat și asupra componenței actualului guvern.

Din cei opt miniștri, doar cinci aparțin familiilor boierești, iar ceilalți trei nu au absolut nimic comun cu boierimea și erau considerați, în trecut, radicali.

Unul dintre aceștia din urmă, ministrul finanțelor, avocatul Take Ionescu, se bucură chiar de o influență precumpănitoare în actualul guvern.

Într-o conversație privată, la întrebarea mea dacă conservatorii au reușit deja să își elaboreze propriul program guvernamental, Take Ionescu mi-a răspuns că un asemenea program va fi, desigur, prezentat Camerelor, însă acesta este întocmit doar de formă.

Vechea deosebire dintre partide, care se baza pe anumite convingeri politice, și-ar fi pierdut, chipurile, orice însemnătate.

Conform spuselor sale, în fruntea României se află oligarhia, membrii căreia s-au scindat în trei tabere, deoarece este imposibil, desigur, ca toți împreună să ocupe posturile guvernamentale. În esență însă aceste tabere guvernează țara, în linii mari, în mod similar.

În pofida întregului său cinism, această mărturisire corespunde, în acest moment, pe deplin realității.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 674, filele 279–282.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Regele Carol considera că tunurile produse la uzinele Krupp sunt incomparabil mai bune decât cele franceze, „în care nu avea nici o încredere” (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 428–429). Pe lângă disensiunile legate de această comandă de tunuri, se pare că motivele regelui Carol pentru a-i refuza generalului Lahovari postul de ministru de război au fost legate și de un scandal recent, în care fusese implicat fostul prim-ministru D. A. Sturdza. Generalul Lahovari îl acuzase pe șeful liberal de abuzuri în timpul avansărilor și promovărilor din cadrul armatei, precum și de „trădare”. Pentru mai multe detalii privind acest scandal și acuzațiile grave formulate de Iacob Lahovari la adresa lui D. A. Sturdza, a se vedea articolul: *Marele scandal de la Senat*, în „Adevărul”, anul XVII, nr. 5502, 28 noiembrie 1904, p. 1.

[2] Alexandru N. Lahovari.

147

Бухарест, 12 января 1905 г., № 1. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Деятельность вновь призванных к власти министров консервативной партии совершенно поглощена в настоящее время двумя вопросами, представляющими для них жизненный интерес – покупкой кукурузы для голодающего крестьянского населения[1] и парламентскими выборами.

Все другие политические и административные дела временно отошли на второй план. Министры избегают даже объясняться по их поводу, не имея ещё возможности приступить к серьёзному их изучению.

Правительство раздало уже крестьянам на руки количество кукурузы, необходимое для их пропитания до 1-го марта.

Оно усиленно закупает русскую и аргентинскую кукурузу с таким расчётом, чтобы прокормить ею крестьян до 1-го мая.

По его предположениям, крестьяне будут в состоянии после этого числа получать заработки от помещиков уже настолько, чтобы самим приобретать себе другие хлеба впредь до следующего урожая кукурузы.

Большая часть приобретаемой правительством кукурузы доставляется ему бельгийским акционерным обществом из Ла-Платы, и лишь весьма незначительная её часть куплена в России.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 1–2 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] См. док. № 139 от 29 ноября 1904 г.

București, 12 ianuarie 1905, nr. 1. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorf

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Activitatea miniștrilor partidului conservator, chemați recent la guvernare, este totalmente absorbită, în momentul actual, de două probleme care prezintă pentru ei un interes vital – achiziționarea porumbului pentru populația țărănească înfometată[1] și alegerile parlamentare.

Toate celelalte chestiuni politice și administrative au trecut temporar în plan secund. Miniștrii evită chiar să ofere explicații în legătură cu acestea, neavând încă posibilitatea să procedeze la studierea lor serioasă.

Guvernul a distribuit deja în mâinile țăranilor o cantitate de porumb necesară pentru asigurarea subzistenței lor până la data de 1 martie.

Guvernul achiziționează în mod intens porumb rusesc și argentinian, contând pe faptul că acesta va fi suficient pentru a asigura hrana țăranilor până pe data de 1 mai.

Conform supozițiilor guvernului, țăranii vor fi în stare, după această dată, să primească anumite câștiguri și plăți din partea moșierilor într-o măsură care le-ar permite să își procure singuri alte feluri de cereale de acum înainte, până la următoarea roadă de porumb.

Cea mai mare parte a porumbului achiziționat de guvern îi este livrată de către o societate belgiană pe acțiuni din La Plata, și doar o foarte neînsemnată parte a acestuia este cumpărată din Rusia.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 1-2 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] A se vedea doc. nr. 139 din 29 noiembrie 1904.

148

Бухарест, 13 января 1905 г., № 2. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Предстоящие в феврале месяце парламентские выборы сильно волнуют общественное мнение в Румынии. Они будут, по-видимому, весьма бурными.

Враждовавшие у власти различные фракции либеральной партии сплотились в оппозиции для совместной борьбы против консервативного Министерства. К тому же, либералы заключили картель с оппозиционной же партией жунимистов, отпавших от консерваторов несколько лет тому назад. На основании этого картеля, либералы и жунимисты, сохраняя политическую свою независимость, должны поддерживать друг друга на выборах против кандидатов, выставляемых правительством.

Консерваторы очень озабочены этим обстоятельством.

Со своей стороны, они принимают энергические меры для обеспечения за собой успеха.

В самый короткий срок они успели сменить бесконечное число чиновников, занимающих даже должности, не имеющие ничего общего с избирательной агитацией.

Угрозами они принудили подать добровольно в отставку несколько судей и полицейских чиновников, пользующихся на основании конституции правами несменяемости.

Места этих лиц были нужны консерваторам для раздачи их своим клевретам.

Присутствуя лишь в первый раз при перемене правительства в Румынии, я не могу ещё судить, насколько справедливы уверения моих сотоварищей по дипломатическому корпусу, что либералы, принимая власть, поступают решительно таким же образом.

То же, что я вижу теперь, не может быть названо иначе, как самым необузданным произволом, дающим весьма грустное представление о парламентском режиме королевства.

Несмотря на неразборчивость средств, употребляемых правительством, консерваторы всё же опасаются, что в нижнюю палату[1] попадёт около 27 оппозиционистов.

При всей своей незначительности, по местным понятиям избрание такого меньшинства в парламент будет признано за крупную неудачу консерваторов.

На предшествующих выборах, руководимых либералами, в нижнюю палату был избран всего один депутат консервативной партии.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 3–5 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Палата депутатов.

București, 13 ianuarie 1905, nr. 2. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Alegerile parlamentare care urmează să aibă loc în luna februarie provoacă o agitație puternică în sânul opiniei publice din România. Acestea vor fi, se pare, extrem de furtunoase.

Diversele fracțiuni ale partidului liberal, care se dușmăneau pe timpul aflării la guvernare, s-au reunit în opoziție în scopul luptei comune contra guvernului conservator. În afară de aceasta, liberalii au încheiat un cartel cu un alt partid de opoziție, cel al junimiștilor, care s-au desprins de la conservatori cu câțiva ani în urmă. Pe baza acestui cartel, liberalii și junimiștii, păstrându-și independența politică, se angajază să se sprijine reciproc în timpul alegerilor împotriva candidaților propuși de guvern.

Conservatorii sunt foarte îngrijorați de această împrejurare.

Din partea lor, aceștia întreprind anumite măsuri energice pentru a-și asigura succesul la alegeri.

În cel mai scurt timp ei au reușit să înlocuiască un număr infinit de funcționari, chiar dacă aceștia din urmă ocupau anumite funcții care nu aveau nimic în comun cu agitația electorală.

Folosind amenințări, ei i-au forțat să își dea benevol demisia pe câțiva judecători și funcționari din cadrul poliției, care se bucură de dreptul de inamovibilitate conform prevederilor constituției.

Posturile acestor persoane le erau necesare conservatorilor pentru a le distribui propriilor acoliți.

Fiind martor, abia pentru prima dată, al schimbării guvernului din România, eu nu pot încă să îmi formez o părere referitor la gradul de justețe al asigurărilor colegilor mei din corpul diplomatic precum că liberalii, primind frâiele puterii, acționează exact în același mod.

Totuși, ceea ce văd eu acum nu poate fi numit altfel decât un exemplu al arbitrariului celui mai nestăvilit, care oferă o imagine extrem de tristă a regimului parlamentar din regat.

În pofida lipsei de scrupule în aplicarea mijloacelor folosite de guvern, conservatorii au, totuși, anumite temeri că în Camera Inferioară[1] vor reuși să treacă aproximativ 27 de reprezentanți ai opoziției.

Cu toate că este un număr foarte neînsemnat, conform ideilor și obiceiurilor locale, alegerea unei asemenea minorități în parlament va fi considerată drept un eșec de proporții al conservatorilor.

În timpul alegerilor anterioare, organizate sub conducerea liberalilor, în Camera Inferioară a fost ales doar un singur deputat din partea partidului conservator.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 3–5 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Adunarea Deputaților.

149

Бухарест, 13 января 1905 г., № 5. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Сообщая мне о радостном для Румынии факте совершения церковной службы на румынском языке в румынском храме в Монастире[1], министр иностранных дел вновь выразил мне благодарность своего правительства за доброе отношение к куцо-влахам нашего посла в Константинополе.

Генерал Лаховари счёл при этом нужным доверительно передать мне, что его правительство было крайне неприятно поражено противодействием, оказываемым куцо-влахским вожделениям австро-венгерским и, в особенности, французским представителями в Царьграде. Он оговорил, что беседа его со мною по этому поводу имеет чисто конфиденциальный и частный характер.

По словам министра, если образ действий барона Каличе[2] может быть, до некоторой степени, объяснён необходимостью для последнего беречь Вселенского Патриарха для проведения церковного вопроса в Боснии и Герцеговине[3], поведение Франции совершенно-де непонятно румынам.

Министр поручил румынскому посланнику в Париже[4] выяснить цели, преследуемые французским кабинетом. Он частным образом писал о своём недоумении и господину Росетти-Солеску[5].

Но гнев министра обращён, главным образом, на греческое правительство.

Генерал Лаховари порицал снисходительность к грекам бывшего председателя Совета, Стурдзы, и выражал решимость не следовать его примеру. Он намерен отозвать румынского посланника в Афинах[6], обвиняемого им в грекофильстве, и назначить на его место человека более энергичного.

Министр очень доволен турецким правительством, охраняющим своими войсками румынскую церковь в Монастире от посягательств на неё патриархистов.

Он надеется, что этим не ограничится доброжелательство Порты и заверил меня, что пребывающий здесь турецкий посланник сообщил, будто бы, ему о решении Порты выслать в Македонию новую стотысячную армию для уничтожения греческих, сербских и болгарских банд.

В этом генерал Лаховари видит единственное средство водворения спокойствия в Македонии. Преобразование жандармерии может, по его мнению, принести пользу лишь по успокоении края войсками, а теперь же оно бесцельно.

Я не мог, конечно, согласиться с таким своеобразным толкованием значения реформ, основанном на том обстоятельстве, что реформы вовсе не на руку румынам, желающим лишь подавления всех враждебных куцо-влахам национальностей.

Я возразил генералу, что глубоко убеждён, что преобразование жандармерии должно идти совместно с уничтожением банд, тем более что при доброй воле несравненно легче разгромить банды, чем создать затем в короткий срок подходящее жандармское учреждение.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 10–13.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Подробно об обострении «влахского вопроса» в этот период, в особенности в связи с попытками румынского кабинета начать прямые переговоры с греческим правительством и оценить настроения и позицию великих держав, а также об активизации военных действий, предпринимаемых «греческими бандами» в Македонии, см.: Nistor. *„Problema aromână"*. P. 178–182. Город Монастир был одним из важнейших центров учебной и церковной деятельности влахской общины в Македонии. Город также являлся ареной острых и зачастую яростных конфликтов между влахскими активистами и греческими церковными иерархами.

[2] Генрих фон Каличе, посол Австро-Венгрии в Стамбуле.

[3] Здесь, скорее всего, имелись в виду попытки достичь компромисса с Вселенской Патриархией по вопросу об экспансии католической церкви в этом регионе и о защите интересов православного (сербского) населения этих двух провинций, находившихся под фактической австро-венгерской оккупацией с 1878 г.

[4] Григоре И. Гика.

[5] Георге Росетти-Солеску, посланник Румынии в Санкт-Петербурге.

[6] Димитрие И. Гика.

București, 13 ianuarie 1905, nr. 5. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Informându-mă despre faptul, îmbucurător pentru România, al oficierii slujbei bisericești în limba română, într-un lăcaș românesc din Monastir[1], ministrul Afacerilor Străine mi-a exprimat din nou recunoștința guvernului său față de ambasadorul nostru din Constantinopol pentru atitudinea sa binevoitoare față de cuțo-vlahi.

Generalul Lahovari a considerat de cuviință, cu acest prilej, să îmi comunice, în mod confidențial, că guvernul său a fost foarte neplăcut surprins de împotrivirea manifestată față de aspirațiile cuțo-vlahilor de către reprezentantul diplomatic austro-ungar și, în special, cel francez, din Țarigrad. El a ținut să precizeze că conversația pe care o are cu mine în legătură cu acest fapt are un caracter strict confidențial și privat.

Conform celor spuse de ministru, dacă modul de acțiune al Baronului Calice[2] poate fi, într-o oarecare măsură, explicabil prin necesitatea, pentru cel din urmă, de a-l menaja pe Patriarhul Ecumenic în scopul promovării chestiunii bisericești în Bosnia și Herțegovina[3], atunci comportamentul Franței ar fi, chipurile, absolut de neînțeles pentru români.

Ministrul l-a însărcinat pe trimisul român de la Paris[4] să clarifice scopurile urmărite de cabinetul francez. El i-a scris despre consternarea sa, în mod particular, și domnului Rosetti-Solescu[5].

Însă mânia ministrului se îndreaptă, în principal, înspre guvernul grec.

Generalul Lahovari a condamnat îngăduința arătată grecilor de către fostul Președinte al Consiliului, Sturdza, și și-a exprimat hotărârea fermă de a nu-i urma exemplul. El intenționează să îl recheme pe trimisul român de la Atena[6], pe care îl acuză de grecofilie, și să numească în locul acestuia o persoană ceva mai energică.

Ministrul este foarte mulțumit de guvernul turc, care asigură paza, cu ajutorul trupelor sale, a bisericii românești din Monastir în fața atentatelor contra acesteia organizate de susținătorii Patriarhului.

El speră că atitudinea binevoitoare a Porții nu se va limita la aceasta, asigurându-mă că trimisul turcesc aflat aici în misiune l-ar fi informat, chipurile, cu privire la decizia Porții de a trimite în Macedonia o nouă armată de 100.000 de oameni pentru anihilarea bandelor grecești, sârbești și bulgare.

În aceste măsuri, generalul Lahovari vede singurul mijloc de instaurare a calmului în Macedonia. Reformarea jandarmeriei poate aduce un anumit folos, după părerea sa, doar ulterior pacificării acestei regiuni cu ajutorul trupelor, iar în momentul actual nu ar avea nici un rost.

Nu am putut, desigur, să fiu de acord cu o asemenea interpretare, destul de originală, a semnificației reformelor, care se bazează pe împrejurarea că reformele nu le sunt deloc convenabile românilor, care doresc doar reprimarea tuturor naționalităților ostile cuțo-vlahilor.

Eu i-am obiectat generalului, exprimându-mi profunda convingere că reformarea jandarmeriei trebuie să se desfășoare concomitent cu anihilarea bandelor, mai ales că, în condiții de bună credință, va fi incomparabil mai ușor de a zdrobi bandele decât de a crea după aceea, într-un timp scurt, o instituție de jandarmi de bună calitate.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 10–13.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru mai multe detalii legate de acutizarea „chestiunii aromâne” în această perioadă, în special despre încercările românești de a intra în negocieri directe cu guvernul grec și tatonarea poziției Marilor Puteri, dar și despre intensificarea acțiunilor armate ale „bandelor grecești” din Macedonia, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 178–182. Orașul Monastir era unul dintre centrele cele mai importante ale activității educaționale și ecleziastice ale comunității aromâne, fiind și arena unor conflicte adeseori violente între activiștii aromâni și ierarhii greci.

[2] Heinrich von Calice, ambasadorul Austro-Ungariei la Constantinopol.

[3] Aici se aveau în vedere, probabil, încercările de a ajunge la un compromis cu Patriarhia Ecumenică în problema expansiunii Bisericii Catolice și a protecției intereselor populației ortodoxe (sârbe) din cele două provincii, aflate sub ocupație austro-ungară din anul 1878.

[4] Grigore I. Ghika.

[5] Gheorghe Rosetti-Solescu, ministrul României la Sankt-Petersburg.

[6] Dimitrie I. Ghika.

150

Бухарест, 23 января 1905 г. № 6. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынский посланник в Константинополе, Александр Лаховари, ездивший в отпуск в Париж, посетил меня на этих днях.

В частном разговоре, совершенно доверительного характера, он сообщил мне, что на обратном пути из Парижа он останавливался в Вене и, по поручению своего правительства, имел свидание с графом Голуховским, с целью заручиться поддержкой Австро-Венгрии в куцо-влахском вопросе.

Господин Лаховари счёл возможным передать мне некоторые подробности своей беседы с австро-венгерским министром иностранных дел.

Он выразил, будто бы, графу Голуховскому крайнее удивление Румынии, что, несмотря на близкие отношения, существующие между обоими государствами уже несколько лет, Австро-Венгрия отказывается содействовать исполнению румынских вожделений в Турции.

Такой образ действий венского кабинета непонятен румынскому правительству, убеждённому, что, покровительствуя куцо-влахам, оно работает в смысле утверждения *statu quo* в Македонии и в ущерб лишь тем народностям, которые стремятся отторгнуть этот край из-под владычества Оттоманской империи.

Его старание развивать сочувствие к куцо-влахам румын королевства может-де только отвлечь последних от слишком сильного увлечения национальными стремлениями их соплеменников Буковины и Трансильвании, что должно быть на руку Вене и Будапешту.

На замечания графа Голуховского что, не имея ничего против покровительства, оказываемого куцо-влахам, он не может, однако, одобрить замечаемой за последнее время усиленной деятельности румынских агентов, волнующей христианское население Македонии, Лаховари возразил, будто бы, что в этом виновата не Румыния, а Мюрцштегская программа[1], постановившая, что, вслед за водворением некоторого спокойствия в трёх вилайетах, приступлено будет к новой группировке административных единиц по национальностям. Нельзя-де удивляться, что Румыния стремится не упустить времени и укрепить ныне же в куцо-влахах сознание их национальной самостоятельности от греческого народа и кровного их родства с румынами.

Слова румынского посланника возымели, будто бы, действие на австро-венгерского министра, обещавшего снабдить барона Каличе новыми указаниями, до некоторой степени отвечающими желанию румынского правительства. Тем не менее, Лаховари вынес, будто бы, впечатление о существовании какого-то соглашения между Австро-Венгрией и Грецией по балканским делам.

Пользуясь словоохотливостью моего собеседника, я запросил его, какого образа действия намерено придерживаться его правительство в дальнейшем развитии куцо-влахского вопроса.

В виду упорства Вселенской Патриархии, сказал мне Лаховари, утверждающей, что никакой куцо-влахской народности нет, а есть только румынское правительство, вмешивающееся не в своё дело, переговоры с ней совершенно прерваны.

Усилия румынской миссии в Константинополе направлены ныне к образованию возможно большего числа куцо-влахских церковных общин и к официальному признанию их Портой.

На этом пути румынским агентам удалось уже переманить на свою сторону восемьдесят священников и двух архимандритов-патриархистов. Нам стоило это, хвастливо заметил Лаховари, не особенно дорого: каждому священнику мы выдаём по сорока франков в месяц жалованья, а архимандритам – по сто франков. Пять человек из этих священников могут совершать церковную службу на румынском языке, а остальные – на влахском. В скором времени число священников будет значительно увеличено.

Быть может, вскользь упомянул мой собеседник, возможно было бы переманить и одного из епископов, самого ярого противника Патриархии, но на этом соображении румынское правительство ещё не останавливалось.

Оно предполагает, немедленно по появлении султанского *ираде* о признании куцо-влахских общин[2], – а такой *ираде* будет, будто бы, издан через несколько недель, –

побудить эти общины уже непосредственно предъявить Патриархии требование о разрешении их духовенству совершать богослужение на их национальном языке.

В возобновлённых, таким образом, переговорах с Патриархией, румынская миссия в Константинополе будет официально держать себя в стороне, всё же руководя действиями куцо-влахов.

Она надеется, что, во избежание раскола, Вселенский Патриарх станет сговорчивее и предоставит куцо-влахским общинам те же преимущества, кои даны им греческой церковной общине в Ускюбе[3], где митрополичий престол занят сербским иерархом.

Лишь в случае решительного отказа Патриархии имеется в виду поставить во главе независимой куцо-влахской церкви бывшего Митрополита-Примаса Румынии, Геннадия[4], который принял бы турецкое подданство и пользовался бы положением, приблизительно одинаковым с Болгарским Экзархом.

Я не мог не обратить внимания легкомысленного представителя Румынии в Константинополе, насколько подобный результат произведёт угнетающее впечатление на все независимые православные церкви.

Господин Лаховари стал убеждать меня в своей уверенности, что Патриархия никогда не доведёт своего упорства до такой крайности.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 14–19.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

[2] Подробнее о данном этапе румынско-греческих и румынско-османских переговоров см.: Nistor. *„Problema aromână”.* P. 178–182.

[3] Скопье. В то время город являлся столицей Косовского вилайета с населением около 32 тыс. жителей.

[4] Геннадий Петреску (1836–1918). Был митрополитом-примасом Румынской Православной Церкви в 1893–1896 гг. Лишён сана и низложен с митрополичьего престола в мае 1896 г. решением Синода Румынской Православной Церкви. Это решение было принято по настоянию тогдашнего либерального правительства. В декабре 1896 г. оправдан по всем пунктам обвинения и тогда же назначен игуменом Кэлдэрушанского монастыря.

București, 23 ianuarie 1905, nr. 6. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Trimisul român la Constantinopol, Alexandru Lahovari, care fusese plecat în concediu la Paris, m-a vizitat zilele acestea.

Într-o conversație particulară, având un caracter absolut confidențial, el mi-a comunicat că, pe drumul de întoarcere de la Paris, a făcut o oprire la Viena și, din însărcinarea guvernului său, a avut o întrevedere cu contele Gołuchowski, cu scopul de a își asigura susținerea Austro-Ungariei în chestiunea cuțo-vlahă.

Domnul Lahovari a considerat posibil să îmi transmită anumite detalii ale convorbirii sale cu Ministrul austro-ungar al Afacerilor Străine.

El i-ar fi exprimat, chipurile, contelui Gołuchowski extrema surprindere a României în legătură cu faptul că, în pofida relațiilor apropiate care există între ambele state deja de câțiva ani, Austro-Ungaria refuză să își acorde sprijinul pentru realizarea aspirațiilor românești din Turcia.

Un astfel de mod de a acționa al cabinetului vienez este de neînțeles pentru guvernul român, care este convins că, prin protecția acordată cuțo-vlahilor, lucrează în sensul consolidării *statu quo*-ului în Macedonia și doar în detrimentul acelor popoare, care au tendința să smulgă această regiune de sub stăpânirea Imperiului Otoman.

Eforturile stăruitoare ale guvernului de a dezvolta simpatia față de cuțo-vlahi în rândurile românilor din regat ar putea, chipurile, doar să-i distragă pe aceștia din urmă de la o prea mare atracție și entuziasm față de aspirațiile naționale ale consângenilor lor din Bucovina și Transilvania, ceea ce ar trebui să convină perfect Vienei și Budapestei.

Răspunzând observațiilor contelui Gołuchowski precum că, neavând nimic împotriva protecției acordate cuțo-vlahilor, el nu poate, totuși, să aprobe activitatea tot mai intensă a agenților români, care se observă în ultimul timp și care agită spiritele populației creștine din Macedonia, Lahovari i-ar fi replicat, chipurile, ministrului că de această situație se face vinovată nu România, ci programul de la Mürszteg[1], care stipulează că, ulterior instaurării unui anumit calm în cuprinsul celor trei vilaiete, se va proceda la o nouă regrupare și diviziune a unităților administrative conform principiului naționalităților. Nu ar fi, astfel, deloc surprinzător că România se străduie să nu piardă timpul și să consolideze, chiar în acest moment, în rândurile cuțo-vlahilor, conștiința independenței lor naționale față de poporul grec și a înrudirii lor de sânge cu românii.

Cuvintele trimisului român ar fi avut, chipurile, un oarecare efect asupra ministrului austro-ungar, care i-ar fi promis să îi transmită baronului Calice noi instrucțiuni, care ar corespunde, într-o oarecare măsură, doleanțelor guvernului român. Cu toate acestea, Lahovari ar fi rămas, chipurile, cu impresia că între Austro-Ungaria și Grecia ar exista un anume acord în privința chestiunilor balcanice.

Profitând de limbuția interlocutorului meu, eu l-am întrebat care va fi modul de acțiune pe care intenționează să îl urmeze guvernul său în dezvoltarea de mai departe a chestiunii cuțo-vlahe.

Având în vedere încăpățânarea Patriarhiei Ecumenice, mi-a spus Lahovari, care afirmă că nu există nici un fel de etnie cuțo-vlahă și că există doar guvernul român, care se amestecă în chestiuni care nu îl privesc, negocierile cu aceasta au fost totalmente întrerupte.

Eforturile misiunii românești din Constantinopol sunt îndreptate, în acest moment, spre crearea unui număr cât mai mare posibil de comunități ecleziastice cuțo-vlahe și spre recunoașterea oficială a acestora de către Poartă.

Urmând această cale, agenții români au reușit deja să atragă de partea lor optzeci de preoți și doi arhimandriți, foști susținători ai Patriarhului. Acest lucru nu ne-a costat chiar atât de scump, a observat, destul de îngâmfat, Lahovari: noi îi plătim fiecărui preot o simbrie de câte patruzeci de franci pe lună, iar arhimandriților – câte o sută de franci. Cinci persoane din rândul acestor preoți sunt în stare să oficieze slujba bisericească în limba română, iar ceilalți – în limba vlahă. În cel mai scurt timp, numărul preoților va spori în mod semnificativ.

Se prea poate, a menționat în treacăt interlocutorul meu, să existe o posibilitate de a-l atrage de partea noastră și pe unul dintre episcopi, cel mai înverșunat adversar al Patriarhiei, dar guvernul român nu a luat încă în considerație discutarea acestei posibilități.

Guvernul intenționează, imediat după apariția și publicarea iradelei sultanului privind recunoașterea comunităților cuțo-vlahe[2] – iar o asemenea iradea va fi, se pare, publicată peste câteva săptămâni –, să determine aceste comunități să își prezinte, de această dată direct în

fața Patriarhiei, revendicarea privind permisiunea, pentru clerul lor, de a oficia serviciul divin în limba lor națională.

În negocierile cu Patriarhia, care vor fi reluate în modul descris mai sus, misiunea română de la Constantinopol se va ține, oficial, cumva deoparte, ghidând, cu toate acestea, acțiunile cuțo-vlahilor.

Misiunea diplomatică speră că, întru evitarea unei schisme, Patriarhul Ecumenic va deveni mai conciliant și le va acorda comunităților cuțo-vlahe aceleași avantaje, pe care le-a acordat deja comunității ecleziastice grecești din Usküb[3], unde tronul mitropolitan este ocupat de către un ierarh sârb.

Doar în cazul unui refuz ferm din partea Patriarhiei, se are în vedere de a-l instala, în fruntea unei Biserici cuțo-vlahe independente, pe fostul Mitropolit Primat al României, Ghenadie[4], care ar primi, în acest caz, supușenia turcă și s-ar bucura de o poziție aproximativ identică cu cea a Exarhului Bulgar.

Eu nu am putut să nu îi atrag atenția frivolului și naivului reprezentant al României la Constantinopol asupra gradului în care un asemenea rezultat ar produce o impresie apăsătoare asupra tuturor Bisericilor ortodoxe independente.

Domnul Lahovari a început atunci să mă convingă de certitudinea sa că Patriarhia nu va ajunge niciodată, cu propria încăpățânare, până la o asemenea extremitate.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 14–19.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea documentele anterioare privitoare la acest aspect.

[2] Pentru mai multe detalii privind această etapă a negocierilor româno-elene și româno-otomane, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 178–182.

[3] Skopje. În acea perioadă era centru al vilaietului Kosovo, având o populație de aproximativ 32.000 de locuitori.

[4] Ghenadie Petrescu (1836–1918). A fost Mitropolit Primat al Bisericii Ortodoxe Române în anii 1893–1896. A fost caterisit și îndepărtat din scaunul mitropolitan în luna mai 1896 de către Sinodul Bisericii Ortodoxe Române, la insistențele guvernului liberal. În luna decembrie 1896 a fost exonerat de toate acuzațiile, fiind numit stareț al mănăstirii Căldărușani.

151

Бухарест, 11 февраля 1905 г., № 11. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Наш консул в Яссах представил господину директору Первого Департамента, в русском переводе, полученное им из румынских Унген воззвание «Центрального Комитета Культурной лиги бессарабских румын»[1].

Это воззвание преследует, несомненно, политическую цель.

Под предлогом спасения румын от невзгод, претерпеваемых, будто бы, ими в Бессарабии, оно подбивает, в особенности, образованную молодёжь к переселению в

Румынию, обещая ей покровительство и защиту от притеснений «какого-нибудь русского консула или посланника, румынского министра или префекта».

Из пяти лиц, подписавших воззвание, четверо эмигрировали из России и приняли румынское подданство, но продолжают принимать участие в доставлении в наши пределы нелегальной литературы, и на действия их мне неоднократно уже приходилось обращать внимание румынского правительства. Пятая подпись принадлежит одному из редких в Румынии социалистов, служащему в национальном банке.

По получении от нашего консула добытого им экземпляра воззвания, я передал его румынскому министру иностранных дел, указав, что в интересах самого румынского правительства положить предел предосудительной пропаганде, могущей привести к нежелательным недоразумениям между нашими государствами.

Генерал Лаховари обещал мне принять все имеющиеся в его распоряжении средства для энергичного воздействия на членов Лиги, о существовании коей он не имел, по его уверениям, никакого понятия.

Полагаю, что, нуждаясь в нашей поддержке в куцо-влахском вопросе, румынское правительство действительно обуздает до некоторой степени деятельность наших эмигрантов.

Не подлежит, однако, сомнению, что, благодаря крайнему развитию национальных чувств, румыны в душе всегда будут сочувствовать всему, что может послужить к сближению бессарабцев с их соплеменниками королевства.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 28–30.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] «Культурная лига бессарабских румын» была основана в начале 1905 г. группой бессарабских эмигрантов, проживавших в Румынском Королевстве. В конце января 1905 г. эта организация издала манифест, который предполагалось распространить по всей Бессарабии, а также на территории уездов Румынского Королевства, граничивших с Бессарабской губернией. В условиях начала революционных процессов в Российской империи, а также учитывая возможную массовую эмиграцию части бессарабского населения в Румынию, Лига взяла на себя ответственность защищать и оказывать покровительство бессарабским беженцам, а также обеспечивать их всем насущно необходимым. Прежде всего, Центральный Комитет Культурной лиги обещал свою помощь и поддержку молодым беженцам, прибывавшим из Бессарабии в Румынию, при их поступлении в румынские учебные заведения. Подробнее см.: Varta I. *Mişcarea naţională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914* // „Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei” (Chișinău). 2011. № 1. P. 178–179.

București, 11 februarie 1905, nr. 11. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Consulul nostru din Iași i-a prezentat domnului director al Primului Departament, în traducere rusă, apelul „Comitetului Central al Ligii Culturale a Românilor Basarabeni” [1], pe care l-a primit din Ungheniul românesc.

Acest apel urmărește, fără îndoială, un scop politic.

Sub pretextul salvării românilor de necazurile pe care le-ar îndura, chipurile, aceștia în Basarabia, acest apel îndeamnă, în special, tineretul educat și cultivat să se mute cu traiul

în România, promițându-i protecție și apărare în fața persecuțiilor „unui oarecare consul sau trimis rusesc, a unui oarecare ministru sau prefect român”.

Dintre cele cinci persoane care au semnat acest apel, patru au emigrat din Rusia și au primit cetățenia română, însă continuă să ia parte la transportul și distribuirea, în cuprinsul hotarelor noastre, a literaturii ilegale. În trecut eu am fost deja nevoit să atrag atenția guvernului român, în mod repetat, asupra acțiunilor acestora. A cincea semnătură îi aparține unuia dintre puținii socialiști din România, care este angajat la Banca Națională.

Imediat după primirea, din partea consulului nostru, a exemplarului acestui apel obținut de el, eu i l-am transmis ministrului român al Afacerilor Străine, atenționându-l că însuși guvernul român ar avea tot interesul să pună capăt acestei propagande condamnabile, care ar putea duce la anumite neînțelegeri nedorite între statele noastre.

Generalul Lahovari mi-a promis să facă uz de toate mijloacele pe care le are la dispoziție pentru a exercita o influență energică asupra membrilor Ligii, despre existența căreia el nu avea, conform asigurărilor sale, nici cea mai mică idee.

Consider că, având nevoie de susținerea noastră în chestiunea cuțo-vlahă, guvernul român va pune într-adevăr frâu, într-o oarecare măsură, activității emigranților noștri.

Totuși, nu poate fi pus la îndoială faptul că, din cauza dezvoltării extreme a sentimentelor naționale, românii mereu vor nutri o oarecare simpatie, în suflet, față de tot ceea ce ar putea contribui la o mai mare apropiere a basarabenilor față de consângenii lor din regat.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 28–30.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] „Liga Culturală a Românilor Basarabeni” a fost fondată la începutul anului 1905 de către un grup de emigranți basarabeni aflați în Regatul României. La sfârșitul lunii ianuarie 1905, această organizație a emis un manifest, care urma să fie răspândit în Basarabia și în județele Regatului Român, învecinate cu provincia dintre Prut și Nistru. În condițiile declanșării revoluției în Imperiul Rus și ale unui eventual exod de populație din Basarabia înspre România, Liga își asuma responsabilitatea de a-i proteja și a le asigura refugiaților din stânga Prutului mijloacele necesare de existență. În mod special, Comitetul Central al Ligii promitea ajutor și susținere tinerilor basarabeni, refugiați în România, pentru înscrierea la instituții de învățământ din țară. Mai multe detalii a se vedea la: Ion Varta, *Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914*, în „Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei” (Chișinău), 2011, nr. 1, p. 178–198, în special p. 178–179.

152

Бухарест, 12 февраля 1905 г., № 12. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

За последние десять дней в Румынии происходили парламентские выборы[1], совершенно поглотившие внимание политических её деятелей[2].

В нижнюю палату оказались выбранными 164 правительственных депутата и 17 представителей соединённых оппозиционных партий.

В Сенат – 90 правительственных сторонников и 15 оппозиционистов.

Во всякой другой стране такой результат выборов был бы сочтён за крупный успех правительства. Но в Румынии он равносилен чувствительной неудаче.

По установившимся здесь порядкам, выборы происходили обыкновенно под самым неограниченным давлением правительственной партии, допускавшей в состав парламента лишь двух или трёх политических своих противников.

Без всякого сомнения, и в этот раз правительство прибегало к самым незаконным средствам воздействия на избирателей, но не имело того же успеха.

Трудно ещё, однако, вполне определённо указать причины этой неудачи.

По-видимому, консерваторы, находившиеся в оппозиции около четырёх лет и призванные к власти всего шесть недель тому назад, не успели ещё достаточно сплотиться, несмотря на поголовную смену правительством всех либеральных префектов и городских голов.

Но отчасти мог повлиять на выборы и применяемый впервые избирательный закон бывшего либерального министра внутренних дел Ласкэра.

На основании этого закона выборы производятся закрытой подачей голосов, и на пространстве двухсот метров от помещения, где происходят выборы, допускаются лишь избиратели по предъявлении ими свидетельств об их личности.

Правительство нашло, однако, средство обойти закон. Оно действительно отмерило двести метров от всех избирательных бюро, расставило на этом расстоянии столбы и целую цепь полицейских, пропускавших лишь одних избирателей, но у самых дверей этих бюро разместило своих палочников, силой отгонявших всех известных им в лицо либеральных избирателей.

Между последними, некоторые получили значительные ушибы и, в числе их, бывший председатель жунимистского Совета министров, Теодор Росетти[3].

Столь насильственно отгоняемые от урны оппозиционисты посылали королю бесконечно длинные телеграммы с выражением полного своего негодования.

Но на столь обычные в Румынии явления ни Его Величество, ни общественное мнение не обращают серьёзного внимания.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 31–33 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Подробнее об избирательной кампании и о результатах выборов см.: Colescu L. *Statistica electorală. Alegerile pentru corpurile legiuitoare în 1901 și 1905.* București, 1907.

[2] Учитывая общепринятую практику вмешательства правительства в предвыборный процесс в Румынии, результаты этих выборов были, в общем, восприняты как громкий провал правящей консервативной партии. Подробнее об основных векторах развития парламентской деятельности в этот период см.: *Istoria Parlamentului și a vieții parlamentare din România până la 1918* / Ed. P. Câncea, M. Iosa, A. Stan et al. București, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1983. Подробно о дебатах в печати см.: *Rezultatele de ieri. Noul Senat. Cartelul înaintea Parlamentului* // „Adevărul”. Anul XVIII. 1905. 11 februarie. № 5571. P. 1; *Cartel ocultisto-guvernamental* // *Ibid*. 12 februarie. № 5572. P. 1; *Căderea d-lui G. Cantacuzino la Argeș* // „Voința Națională”. Anul XXII. 1905. 11 februarie. № 5941. P. 1.

[3] Теодор Росетти (1837–1923), румынский писатель, журналист и политический деятель. Был премьер-министром Румынии с 23 марта 1888 г. до 22 марта 1889 г.

București, 12 februarie 1905, nr. 12. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe parcursul ultimelor zece zile în România s-au desfășurat alegerile parlamentare[1], care au absorbit completamente atenția oamenilor politici de aici[2].

În Camera Inferioară au fost aleși 164 deputați din partea guvernului și 17 reprezentanți ai partidelor de opoziție unite într-o alianță.

În Senat au fost aleși 90 de adepți guvernamentali și 15 membri ai opoziției.

În oricare altă țară, un asemenea rezultat al alegerilor ar fi fost considerat drept un mare succes al guvernului. În România însă acesta este echivalent cu un eșec dureros.

Conform rânduielilor stabilite aici, alegerile se desfășurau, de obicei, sub presiunea absolut nelimitată a partidului guvernamental, care admitea în componența parlamentului doar două sau trei persoane din rândurile adversarilor săi politici.

Fără nici o îndoială, și de această dată guvernul a recurs la cele mai nelegitime mijloace de presiune și influențare a alegătorilor, dar nu a mai avut același succes.

Totuși, este încă dificil de a indica în mod cu totul cert cauzele acestui eșec.

Din câte se pare, conservatorii, care s-au aflat în opoziție timp de aproape patru ani și care au fost chemați la guvernare doar cu șase săptămâni în urmă, nu au reușit încă să se consolideze suficient, chiar în pofida înlocuirii totale, de către guvern, a tuturor prefecților și primarilor liberali.

Ar fi putut însă influența parțial asupra rezultatului alegerilor și legea electorală a fostului ministru liberal al Afacerilor Interne, Lascăr, aplicată acum pentru prima dată.

Pe baza acestei legi, alegerile se organizează prin metoda votului închis, iar în limita unui spațiu de două sute de metri distanță de la încăperea unde se desfășoară alegerile este permis doar accesul alegătorilor după prezentarea de către aceștia a unor acte doveditoare ale identității lor.

Guvernul a găsit, totuși, un mijloc pentru a eluda această lege. Acesta a măsurat, într-adevăr, distanța de două sute de metri de la toate birourile electorale, a amplasat pe această distanță stâlpi și un întreg lanț de polițiști, care le permiteau să treacă doar alegătorilor, însă, chiar în fața ușilor acestor birouri, și-a plasat propriii ciomăgari, care îi goneau cu forța pe toți alegătorii liberali pe care îi cunoșteau la față.

Printre aceștia din urmă, unii s-au ales cu lovituri și vânătăi serioase, iar între ei a fost inclusiv fostul președinte al Consiliului de Miniștri junimist, Theodor Rosetti[3].

Reprezentanții opoziției, care erau alungați din fața urnei de vot într-un mod atât de violent, îi trimiteau regelui telegrame infinit de lungi, în care își exprimau absoluta lor indignare.

Însă nici Majestatea Sa, nici opinia publică nu mai atrag o atenție serioasă asupra unor fenomene atât de obișnuite în România.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 31–33 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru desfășurarea și rezultatele alegerilor: Leonida Colescu, *Statistica electorală. Alegerile pentru corpurile legiuitoare în 1901 și 1905*, București, 1907.

[2] În contextul practicilor electorale din Regatul României, rezultatele acestor alegeri au fost considerate drept un eșec răsunător al guvernării conservatoare. Mai multe detalii privind traiectoria vieții parlamentare în

această perioadă în: *Istoria Parlamentului și a vieții parlamentare din România până la 1918*, volum editat de Paraschiva Câncea, Mircea Iosa, Apostol Stan et al., București, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1983. Pentru discuțiile din presă: *Rezultatele de ieri. Noul Senat. Cartelul înaintea Parlamentului*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5571, 11 februarie 1905, p. 1; *Cartel ocultisto-guvernamental*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5572, 12 februarie 1905, p. 1; *Căderea d-lui G. Cantacuzino la Argeș*, în „Voința Națională", anul XXII, nr. 5941, 11 februarie 1905, p. 1.

[3] Theodor Rosetti (1837–1923), scriitor, jurnalist și om politic român. Prim-ministru al României între 23 martie 1888 și 22 martie 1889.

153

Бухарест, 22 марта 1905 г. № 22. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На прошлой неделе Его Величество король Карл соизволил принять меня и удостоить продолжительным разговором, имевшим вполне частный характер.

Из предшествующих моих донесений Вашему Сиятельству не безызвестно, что Его Величество очень словоохотлив в своих беседах с иностранными представителями и любит излагать им свои соображения по вопросам, касающимся не только внутренней жизни Румынии, но и составляющим злобу дня в области мировой политики.

За последнее время на аудиенциях, назначаемых им моим сотоварищам, король говорил с особой настойчивостью о тяжёлых событиях, переживаемых Россией на Дальнем Востоке.

Его Величество коснулся этого вопроса и в своей беседе со мной.

Выражая глубокую скорбь по поводу постигших нас неудач и сердечную свою преданность государю императору[1], король заметил, что он ожидает с великим нетерпением заключения нами мира с Японией[2].

Он молит Бога о даровании нам успеха, чтобы ускорить заключение мира, столь желательного не только для России, но и для всей Европы.

По словам Его Величества, печальные события нынешней войны отражаются самым тревожным образом на положении дел в Европе.

Благодаря тому, что Россия должна направить военные свои силы на Дальний Восток, возросла смелость венгерских патриотов, являющаяся грозной опасностью для Австро-Венгерской империи.

Благодаря тому же обстоятельству, усиливается, будто бы, брожение в Македонии и увеличивается в ней число вооружённых банд.

Король убеждён, что ни Болгария, ни Турция не желают воевать, а между тем ослабление благотворного действия России на государства Балканского полуострова создаёт в них такую неустойчивость, что нельзя-де поручиться за сохранение спокойствия.

По сведениям Его Величества, Болгария энергично готовится к войне[3], но при всём напряжении своих сил она не может быть готова к ней ранее полутора или двух лет.

Неизвестно, однако, не потеряет ли Турция до того времени терпения.

Султан боится, будто бы, одной только России, и ослабление последней может лишь придать ему храбрости[4].

Крайне вредное влияние имеют маньчжурские события и на Северо-Американские Соединённые Штаты.

Король, относящийся очень враждебно к американцам, видит обыкновенно в них причину всех бед, постигающих европейские державы.

Он убеждён, что Соединённые Штаты, более чем Англия, натравливали японцев на нас, и продолжают оказывать им всякое содействие[5].

Его Величество опасается вмешательства американцев в дела Ближайшего Востока[6].

Они увеличивают число дипломатических своих представителей.

Из газет король узнал, что они назначили уже чрезвычайного посланника специально для Румынии и Сербии. Его Величество не был даже предупреждён об этом назначении.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 57–60.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] В письме своему брату Леопольду, написанном 27 декабря 1904 / 9 января 1905 г., король Карл утверждал следующее: „Падение Порт-Артура до такой степени усилило и радикализировало волнения и недовольство, что буквально все крайне озабочены и беспокоятся за личность и состояние замечательного царя Николая, которого я лично люблю всем сердцем». (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905* / Ed. S. Cristescu. București, Paideia, 2010. P. 519).

[2] В конце января 1905 г. в другом письме, написанном тому же адресату, Карл I утверждал, что «царь должен будет заключить мир или с Японией, или с собственным народом». (*Ibid.* P. 521). В том же смысле румынский монарх писал и своей сестре, Марии Фландрской, в начале февраля 1905 г.: «Царь вынужден заключить мир или со своим народом, или с японцами; он не может довести до победного конца обе эти войны. Положение русских в Маньчжурии плачевно, там царит беспорядок и отсутствует всякая дисциплина». (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 428).

[3] В начале 1905 г. король Карл был убеждён, что Болгария «внезапно нападёт на Турцию, когда наступит подходящий момент». См.: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*. P. 428–429.

[4] Подробнее об общем контексте, связанном с положением России на Балканах и с развитием русско-румынских отношений в то время, см.: Искендеров П. А. *Балканское направление политики Николая II* // *Императорский дом Романовых и Балканы* / Отв. ред. В. Б. Каширин. Москва, Институт славяноведения РАН, 2014. С. 233–257; Агаки. *Русско-румынские межгосударственные отношения*. С. 45–46.

[5] О неприязни и отрицательном отношении короля Карла и некоторых румынских политиков к США в начале XX в. см., напр., док. № 86 от 12 сентября 1902 г. и № 87 от 18 сентября 1902 г.

[6] Этот термин используется в данном случае в смысле Юго-Восточной Европы. Подробнее о переплетении смыслов и одновременном использовании понятий «Ближний Восток», «Балканы» и «Юго-Восточная Европа» см.: Todorova M. *Imagining the Balkans.* Oxford, Oxford University Press, 2009. P. 62–88.

București, 22 martie 1905, nr. 22. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Săptămâna trecută, Majestatea Sa regele Carol a binevoit să mă primească în audiență și să îmi acorde onoarea unei convorbiri îndelungate, care a avut un caracter cu totul privat.

Din rapoartele mele anterioare, Luminăția Voastră cunoaște deja faptul că Majestatea Sa este extrem de vorbăreț în timpul conversațiilor sale cu reprezentanții diplomatici străini și că îi place să le expună considerațiile sale privind anumite chestiuni care se referă nu doar la viața internă a României, ci și la unele probleme care constituie subiecte de actualitate în domeniul politicii mondiale.

În ultimul timp, pe parcursul audiențelor pe care le stabilea pentru colegii mei de aici, regele vorbea, cu o deosebită perseverență, despre evenimentele triste și grave pe care le suportă Rusia în Extremul Orient.

Majestatea Sa a abordat această chestiune și în timpul conversației sale cu mine.

Exprimându-și profunda mâhnire în legătură cu eșecurile care s-au abătut asupra noastră, precum și devotamentul său sincer față de împărat[1], regele a remarcat că el așteaptă cu mare nerăbdare încheierea de către noi a păcii cu Japonia[2].

El se roagă lui Dumnezeu pentru ca să ne fie dăruit succesul, astfel încât să fie accelerată încheierea păcii, care este atât de dezirabilă nu doar pentru Rusia, ci și pentru întreaga Europă.

Conform spuselor Majestății Sale, tristele evenimente ale actualului război se reflectă, în modul cel mai alarmant, asupra stării lucrurilor din Europa.

Din cauza faptului că Rusia este nevoită să își îndrepte forțele sale militare în direcția Extremului Orient, a crescut îndrăzneala patrioților maghiari, care reprezintă un pericol aproape fatal pentru Imperiul Austro-Ungar.

Din cauza aceleiași împrejurări, s-ar intensifica, chipurile, frământările din Macedonia, unde crește numărul bandelor înarmate.

Regele este convins că nici Bulgaria, nici Turcia nu doresc să se confrunte în luptă, dar, cu toate acestea, slăbirea influenței binefăcătoare a Rusiei asupra statelor din Peninsula Balcanică creează, în interiorul acestora, o asemenea instabilitate că este imposibil, chipurile, să se garanteze cumva păstrarea calmului în regiune.

Conform informațiilor Majestății Sale, Bulgaria se pregătește energic de război[3], însă, chiar și cu condiția încordării totale a forțelor sale, ea nu va putea fi pregătită de luptă mai devreme de un an și jumătate sau doi ani.

Nu se știe, totuși, dacă Turcia nu își va pierde cumva răbdarea până în acel moment.

Sultanul s-ar teme, chipurile, doar de puterea Rusiei, iar slăbirea acesteia din urmă ar putea doar să-i dea mai mult curaj[4].

Evenimentele din Manciuria au o influență extrem de nocivă și asupra acțiunilor Statelor Unite ale Americii de Nord.

Regele, care are o atitudine foarte ostilă față de americani, vede, de obicei, în aceștia motivul tuturor nenorocirilor care se abat asupra puterilor europene.

El are convingerea că Statele Unite, într-un grad chiar mai mare decât Anglia, i-au instigat pe japonezi împotriva noastră și continuă să le acorde sprijin la toate nivelurile[5].

Majestatea Sa are anumite temeri în legătură cu amestecul americanilor în treburile Orientului Apropiat[6].

Ei au început să își mărească numărul reprezentanților diplomatici.

Regele a aflat din ziare că ei au și numit deja un trimis extraordinar, în mod special, pentru România și Serbia. Majestatea Sa nu a fost nici măcar anunțat din timp despre numirea acestei persoane.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 57–60.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Într-o scrisoare către fratele său Leopold, din 27 decembrie 1904 (9 ianuarie 1905), regele Carol afirma următoarele: „Căderea Port-Arthurului a exacerbat în așa măsură agitația și nemulțumirea încât toată lumea este foarte îngrijorată pentru persoana admirabilului țar Nikolai, pe care eu personal îl iubesc din toată inima”. (*Scrisorile regelui Carol I din Arhiva de la Sigmaringen, 1878–1905*, studiu introductiv, stabilirea textului, traducerea, adaptarea și notele de Sorin Cristescu, București, Paideia, 2010, p. 519).

[2] La sfârșitul lunii ianuarie 1905, într-o altă scrisoare, cu același destinatar, Carol I spunea că „țarul va trebui să încheie pacea ori cu Japonia, ori cu propriul său popor”. (*Ibidem*, p. 521). În același sens, suveranul român îi scria și surorii sale, Maria de Flandra, la începutul lunii februarie 1905: „Țarul este constrâns să facă pace cu poporul său sau cu japonezii, nu poate duce ambele războaie până la capăt. Situația rușilor în Manciuria este jalnică, acolo domnește dezordinea și lipsa de disciplină”. (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 428).

[3] La începutul anului 1905, regele Carol era convins că Bulgaria „se va năpusti asupra Turciei la momentul potrivit”. (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, p. 428–429).

[4] Despre contextul general legat de situația Rusiei în Balcani și relațiile ruso-române în această perioadă, a se vedea: П. А. Искендеров, *Балканское направление политики Николая II*, în *Императорский дом Романовых и Балканы*, отв. редактор В. Б. Каширин, Москва, Институт славяноведения РАН, 2014, p. 233–257; Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения*, p. 45–46.

[5] Pentru animozitatea regelui Carol și a politicienilor români față de S.U.A. la începutul secolului XX, a se vedea și doc. nr. 86 din 12 septembrie 1902, nr. 87 din 18 septembrie 1902.

[6] Acest termen este folosit aici în sensul de *Proxim Orient*, adică Europa de Sud-Est. Pentru întrepătrunderea și folosirea simultană a termenilor Orient Apropiat, Balcani și Europa de Sud-Est, a se vedea: Maria Todorova, *Imagining the Balkans*, Oxford, Oxford University Press, 2009, în special p. 62–88.

154

Бухарест, 23 марта 1905 г., № 23. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Его Величество король Карл следит с большим вниманием за упорной борьбой, происходящей в Венгрии между партией Кошута[1] и сторонниками соглашения 1867 года.

Не подлежит сомнению, что все симпатии короля на стороне последних[2], так как он вполне сознаёт, что торжество кошутистов приведёт лишь к ещё большему подавлению румынской народности, вошедшей в состав Короны св. Стефана.

Его Величество стремится установить возможно близкие сношения между румынами Трансильвании и их сородичами Румынского королевства.

На последней аудиенции король сообщил мне, что около пятнадцати вожаков румын Трансильвании приезжало в Бухарест.

По их рассказам, среди румын Венгерского королевства существует разногласие относительно политической программы, коей им следует ныне придерживаться[3].

Тогда как большинство из них желает сохранения соглашения 1867 года, другие склонны сблизиться с Кошутом, в надежде выговорить себе более выгодные условия независимости.

Король Карл, вполне сочувствуя возвращению трансильванских румын к участию в политической жизни Венгрии, порицает всякое их сближение с венгерскими националистами, на каких бы то ни было условиях. Его Величество уверен, что Кошут никогда не исполнит своих обещаний и что он не откажется от конечной своей цели окончательно овенгерить румын.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 61–62 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Здесь имеется в виду Ференц Лайош Акош Кошут (1841–1914), сын Лайоша Кошута и лидер Партии независимости. По профессии гражданский инженер, Ф. Кошут начал заниматься политикой в 1895 г. Осенью 1898 г. он стал лидером «обструкционистской» оппозиции по отношению к сменявшим друг друга правительствам под руководством Дежё Банфи, Кальмана Селля, Кароя Куэн-Хедервари и Иштвана Тисы. Пользовался значительным политическим влиянием не только в парламенте, но и в отношении общественного мнения, на которое влиял, главным образом, через статьи в газете *Egyetértés*. После внушительной победы своей партии на выборах 1905 г. активно участвовал в формировании правительства Шандора Векерле, в состав которого вошёл в качестве министра торговли. Кошут оставался одним из самых влиятельных венгерских политиков и на протяжении следующих нескольких лет. Окончательно ушёл из политики в 1913 г., незадолго перед смертью.

[2] В этом смысле, также см. переписку короля Карла на всём протяжении обсуждаемого периода. Напр., см.: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*. P. 429–430.

[3] В контексте венгерских выборов 1905 г., вновь обострились политические разногласия внутри румынской общины в Трансильвании. Это касалось, прежде всего, конфликта между группировкой «пассивистов», имевшей преобладающее влияние в Румынской национальной партии на протяжении последних десятилетий, и так называемыми «неоактивистами», которые сплотились вокруг молодых политических деятелей, таких как Василе Голдиш и Юлиу Маниу. Последние настаивали на прекращении стратегии бойкота выборов, выступая за политическую реорганизацию Монархии, за введение всеобщего и равного избирательного права, за сотрудничество со всеми остальными национальностями, находящимися в составе Венгрии, за упрочение и развитие румынских культурных и экономических учреждений и институтов, а также за включение крестьянства в сферу политической деятельности и за укрепление национальной «солидарности». Эта стратегия возобладала, в конечном итоге, полностью изменив развитие политической деятельности трансильванских румын.

București, 23 martie 1905, nr. 23. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestatea Sa regele Carol urmărește cu mare atenție lupta acerbă care se desfășoară în Ungaria între partidul lui Kossuth[1] și adepții acordului din anul 1867.

Nu poate fi pus la îndoială faptul că toate simpatiile regelui sunt de partea celor din urmă[2], deoarece el conștientizează în întregime că triumful partizanilor lui Kossuth va avea drept consecință doar o oprimare și mai puternică a naționalității române care a intrat în componența Coroanei Sf. Ștefan.

Majestatea Sa încearcă asiduu să stabilească niște relații cât mai apropiate cu putință între românii din Transilvania și conaționalii lor din Regatul Român.

În timpul ultimei audiențe, regele mi-a comunicat că în jur de cincisprezece lideri ai românilor din Transilvania au făcut o vizită la București.

Conform relatărilor acestora, în sânul românilor din Regatul Ungariei există anumite divergențe în privința programului politic pe care ar trebui să îl urmeze în prezent[3].

În timp ce majoritatea dintre ei doresc păstrarea în vigoare a acordului din anul 1867, alții înclină să încerce o apropiere de Kossuth, în speranța de a-și asigura anumite condiții mai avantajoase ale independenței.

Regele Carol, având o atitudine totalmente favorabilă față de revenirea românilor transilvăneni la participarea în viața politică a Ungariei, dezaprobă orice apropiere a acestora de naționaliștii maghiari, indiferent de condițiile care li s-ar propune. Majestatea Sa are certitudinea că Kossuth nu își va îndeplini niciodată promisiunile și că acesta nu va renunța la scopul său final de a-i maghiariza pe români în mod definitiv și cu desăvârșire.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 61–62 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Trimitere la Ferenc Lajos Ákos Kossuth (1841–1914), fiul lui Lajos Kossuth și lider al Partidului Independenței. De profesie inginer civil, F. Kossuth a intrat în politică în anul 1895. În toamna anului 1898, el a devenit lider al opoziției „obstrucționiste" față de guvernele succesive ale lui Dezső Bánffy, Kálmán Széll, Károly Khuen-Héderváry și István Tisza, exercitând o mare influență politică nu doar în parlament, ci și asupra opiniei publice, mai ales prin articolele sale din ziarul „Egyetértés". După victoria categorică a partidului său în alegerile din 1905, a contribuit la formarea guvernului Sándor Wekerle, intrând în componența acestuia ca ministru al Comerțului. A rămas unul dintre cei mai importanți politicieni maghiari în următorii ani, retrăgându-se din politică în 1913, cu puțin timp înainte de moarte.

[2] A se vedea, în acest sens, și corespondența regelui Carol din perioada discutată, de pildă: *Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, p. 429–430.

[3] În contextul alegerilor din Ungaria din anul 1905, s-au acutizat disensiunile politice din interiorul comunității românești din Transilvania, în special între gruparea „pasivistă", dominantă în cadrul Partidului Național Român pe parcursul ultimelor decenii, și așa-numiții „neo-activiști", concentrați în jurul unor politicieni mai tineri, de exemplu, Vasile Goldiș sau Iuliu Maniu. Aceștia din urmă insistau pe încetarea strategiei de boicotare a alegerilor, pledând pentru reorganizarea politică a imperiului, introducerea votului universal și egal, colaborarea cu toate naționalitățile din Ungaria, întărirea și dezvoltarea instituțiilor culturale și economice românești, atragerea țărănimii în viața politică și asigurarea „solidarității" naționale. Această strategie a avut câștig de cauză, schimbând traiectoria politică a românilor transilvăneni.

155

Бухарест, 7 апреля 1905 г., № 26. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вследствие того обстоятельства, что консервативная партия заменила у власти либералов всего за три месяца до окончания финансового года, новое министерство могло представить палатам проект бюджета на 1905–1906 год всего за неделю до назначенного законом срока для вступления бюджета в действие[1].

В этот недельный период времени финансовая смета была рассмотрена и одобрена в законодательном порядке.

Такая спешность в работе неминуемо отразилась на степени серьёзности обсуждения правительственного проекта народными представителями.

В новом бюджете сметные расходы достигают суммы 232.220.763 франка.

Доходы же по статьям, установленным прежними сметами, дадут в текущем году, по предположениям правительства, 227.500.000 франков, то есть на два с половиной миллиона менее, чем в прошлом году.

Для покрытия дефицита приблизительно в пять миллионов франков палаты одобрили следующие меры, предложенные министром финансов.

Вино местного производства обложено новым налогом в размере тридцати сантимов за декалитр.

Патентный сбор с арендаторов земель возвышен на $^1/_2$% с суммы арендного контракта.

Медная мелкая монета будет изъята из обращения и заменена никелевой. Причём, никелевой монеты будет выпущено на 7 миллионов франков, тогда как ныне обращается в стране меди лишь на 4 миллиона.

Из вышеприведённых мероприятий, осуждается более других налог на вино. Он ляжет тяжёлым бременем в особенности на крестьян, производителей вина низкого достоинства, которому цена на рынке один франк за декалитр.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 69–71.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Подробнее о голосовании по проекту бюджета и дискуссии по этому вопросу в тогдашней печати см.: *Conversiunea. Votarea budgetelor* // „Adevărul". Anul XVIII. 1905. 1 aprilie. № 5620. P. 1; *Budgetul instrucției la Cameră* // Ibid. 2 aprilie. № 5621. P. 1; *Noile biruri* // „Voința Națională". Anul XXII. 1905. 1 aprilie. № 5982; *Finanțele României sub liberali* // Ibid. 2 aprilie. № 5983.

București, 7 aprilie 1905, nr. 26. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ca urmare a acelei împrejurări că Partidul Conservator i-a înlocuit la putere pe liberali cu doar trei luni până la încheierea anului financiar, noul guvern a fost capabil să prezinte Camerelor proiectul bugetului pentru anul 1905–1906 doar cu o săptămână înainte de termenul prevăzut de lege pentru intrarea în vigoare a bugetului[1].

În această perioadă de timp cu durata de o săptămână, devizul de cheltuieli financiar a fost examinat și aprobat conform procedurilor legislative.

O asemenea grabă în activitatea legislativă s-a reflectat, în mod inevitabil, asupra gradului de seriozitate a discutării proiectului guvernamental de către reprezentanții poporului.

În noul buget, cheltuielile conform devizului se ridică la suma de 232.220.763 franci.

În același timp, veniturile, conform articolelor stabilite de devizurile anterioare, vor constitui în anul curent, conform presupunerilor guvernului, 227.500.000 franci, adică cu două milioane și jumătate mai puțin decât anul trecut.

Pentru acoperirea acestui deficit, care constituie aproximativ cinci milioane de franci, Camerele au aprobat următoarele măsuri, care au fost propuse de ministrul finanțelor.

Vinul de producție autohtonă a fost supus unui nou impozit, în mărime de treizeci de centime pentru un decalitru.

Taxa de patentă plătită de arendașii loturilor de pământ a fost mărită în proporție de $^1/_2$% din cuantumul sumei contractului de arendă.

Moneda măruntă de cupru va fi scoasă din circulație și înlocuită printr-o monedă din nichel. Totodată, va fi emisă o cantitate de monedă de nichel echivalentă unei sume de

7 milioane de franci, în timp ce în prezent în țară se află în circulație monedă de cupru în sumă de doar 4 milioane de franci.

Dintre toate măsurile menționate mai sus, este condamnat, mai mult decât orice altceva, impozitul pe vin. Acest impozit se va transforma într-o grea povară, în special, pentru țărani, producători ai unui vin de calitate inferioară, prețul de piață al căruia este de un franc pe decalitru.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 69–71.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru mai multe detalii privind votarea proiectului de buget și discuțiile din presa vremii, a se vedea: *Conversiunea. Votarea budgetelor*, în „Adevărul”, anul XVIII, nr. 5620, 1 aprilie 1905, p. 1; *Budgetul instrucției la Cameră*, în „Adevărul”, anul XVIII, nr. 5621, 2 aprilie 1905, p. 1; *Noile biruri*, în „Voința Națională”, anul XXII, nr. 5982, 1 aprilie 1905; *Finanțele României sub liberali*, în „Voința Națională”, anul XXII, nr. 5983, 2 aprilie 1905.

156

Бухарест, 3 мая 1905 г., № 28. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Телеграммой от 29-го прошлого апреля месяца я имел честь донести Вашему Сиятельству, что румынский министр иностранных дел обратился к иностранным моим сотоварищам и ко мне с просьбой передать нашим правительствам его ходатайство об оказании содействия румынскому посланнику в Константинополе в требованиях, предъявленных им Порте по поводу Янинского инцидента.[1]

По объяснениям генерала Лаховари[2], янинский вали[3], не обращая никакого внимания на приказания великого визиря, упорно преследует, будто бы, куцо-влахов. Воспользовавшись столкновением, происшедшим на этих днях между последними и греками, он арестовал двух румынских школьных ревизоров, официально признанных в этом звании Портой, обвиняя их в частых сношениях с румынским консульством. На протест консула он ответил, будто бы, в весьма грубой и резкой форме.

Такое поведение вали вызвало негодование короля Карла и его министров, предписавших своему представителю в Константинополе потребовать немедленного освобождения арестованных школьных ревизоров и извинения янинского вали перед румынским консулом.

Вместе с тем, посланнику Александру Лаховари[4] приказано воспользоваться настоящим случаем, чтобы побудить султана издать давно обещанный им *ираде*[5] о признании им куцо-влахской национальности под тем предлогом, что распоряжения великого визиря по этому вопросу не имеют, де, должного авторитета в глазах местных вали.

Полагаю, что желание возможно скорее заполучить этот *ираде* служит главной причиной стремления румынского правительства раздуть Янинский инцидент, в

сущности, насколько мне известно, не имеющий особенно серьёзного значения. Арестованные школьные ревизоры, оказавшиеся, к тому же, турецкими подданными, принимали участие в столкновении между куцо-влахами и греками, и потому были подвергнуты каре не без всякого основания.

Тем не менее, не входя в оценку фактов, я обещал министру иностранных дел телеграфировать Вашему Сиятельству.

В дальнейшей беседе со мной генерал Лаховари стал выражать чувства благодарности за покровительство, оказываемое куцо-влахам действительным тайным советником Зиновьевым[6] и сожаления по поводу отсутствия в настоящее время из Константинополя итальянского посла.

По уверениям моего собеседника, маркиз Империали[7], относясь особенно сочувственно к куцо-влахам, выхлопотал у итальянского правительства разрешение поддерживать домогательства в их пользу румынской миссии не только словесными представлениями Порте, но и в официальных нотах.

Вообще, за последнее время, здесь стали сильно рассчитывать на Италию, в угоду коей ввели даже преподавание итальянского языка в румынских школах в Македонии.

Все средства хороши, во мнении румынских министров, лишь бы скорее добиться столь льстящего их самолюбию официального признания Портой существования в турецких вилайетах национальности, не называемой ими более куцо-влахской, а румынской.

Прежние же надежды выговорить это признание непосредственным соглашением с Турцией привели к почти полному разочарованию.

По словам генерала Лаховари, правительственная власть в Оттоманской империи совершенно, будто бы, расшатана.

Опьянённый новыми гаремными успехами, несмотря на преклонный свой возраст, султан не в состоянии, будто бы, заниматься делами.

Вся власть перешла, де, в руки его приближённых, наполняющих Ильдыз[8].

В пылком воображении румынского министра иностранных дел, эти приближённые оказываются почти поголовно подкупленными греками с исключительной, будто бы, целью вредить Румынии.

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 74–78.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Этот инцидент имел место на фоне активизации конфликтов и эскалации насилия между влахами и греческими партизанскими отрядами. Интенсивность этих столкновений непрерывно возрастала со второй половины 1904 г. Относительно достоверный список самых значительных «инцидентов» и столкновений с участием представителей обеих враждующих сторон можно найти в так называемой «зелёной книге», опубликованной румынским Министерством иностранных дел: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*. București, Imprimeria Statului, 1905, в частности, P. XXVI–XXX. Подробное описание данного инцидента, а также анализ позиции румынской дипломатии по этому вопросу см.: Alexandru Em. Lahovari. *Amintiri diplomatice: Constantinopol (1902–1906). Viena (1906–1908)* / Ed. A. Stănescu, L. Vlad. Iași, Institutul European, 2009. P. 52–55.

[2] Якоб Лаховари.

[3] *Вали* – чиновник высокого ранга в рамках административной структуры Османской империи. Данный термин имел арабское происхождение и использовался для обозначения губернаторов османских провинций (вилайетов).

[4] Посланник в Стамбуле.

[5] Абдул Хамид II обнародовал свой *ираде* 9 (22) мая 1905 г. (Velichi C. *Les relations roumano-grecques pendant la période 1879–1911* // Revue des Études Sud-Est Européennes, VII, 1969. N 3. P. 535–537). Среди прочего, согласно этому указу султана, влахские общины в Македонии получали право самостоятельно назначать городских голов («мухтаров»), «как это уже практикуется в случае других наших общин», а также право открывать и содержать собственные школы (*Românii de la Sud de Dunăre. Documente* / Coord. S. Brezeanu, Gh. Zbuchea. București, Arhivele Naționale ale României, 1997. P. 192). Подробный анализ последствий официального признания султаном существования отдельной влахской общины в Македонии также см.: Yosmaoğlu İ. *Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878–1908.* Ithaca, Cornell University Press, 2014. P. 155 etc.

[6] Российский посол в Стамбуле.

[7] Маркиз Гульэльмо Империали (1858–1944), итальянский аристократ и дипломат. Придерживался либеральных взглядов и был, как правило, близок к политическим силам левого толка. Происходил из аристократической семьи Империали, известной своими консервативными симпатиями и предпочтениями. Был послом Италии в Стамбуле в 1904–1910 гг. Затем, с 1910 до 1920 г. служил послом Италии в Лондоне. На этом посту играл важную роль во время Балканских войн и Первой мировой войны. Был назначен представителем Италии при Лиге Наций в 1921 г. Покинул эту должность в 1923 г., после прихода к власти в Италии Муссолини. Стал видным членом оппозиции по отношению к фашистскому режиму.

[8] Основная резиденция султана.

București, 3 mai 1905, nr. 28. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin telegrama din data de 29 a lunii aprilie trecut, am avut onoarea să raportez Luminăției Voastre că ministrul român al Afacerilor Străine s-a adresat către colegii mei din străinătate și către mine cu rugămintea de a transmite guvernelor noastre solicitarea sa privind acordarea sprijinului pentru trimisul român din Constantinopol în chestiunea revendicărilor pe care le-a prezentat Porții în legătură cu incidentul de la Ianina[1].

Conform explicațiilor generalului Lahovari[2], *vali*[3]-ul de Ianina, fără a atrage nici cea mai mică atenție ordinelor Marelui Vizir, îi persecută, chipurile, cu obstinație pe cuțo-vlahi. Profitând de o ciocnire care a avut loc zilele acestea între aceștia din urmă și greci, el i-a arestat pe doi revizori școlari români, recunoscuți în mod oficial în această calitate de către Poartă, acuzându-i de relații și legături frecvente cu consulatul român. Acesta ar fi răspuns, chipurile, la protestul consulului într-o manieră extrem de grosolană și tăioasă.

Un asemenea comportament al *vali*-ului a provocat indignarea regelui Carol și a miniștrilor săi, care i-au ordonat reprezentantului lor de la Constantinopol să solicite insistent eliberarea imediată a revizorilor școlari arestați și prezentarea, de către *vali*-ul de Ianina, a scuzelor sale oficiale în fața consulului român.

Totodată, trimisului Alexandru Lahovari[4] i s-a poruncit să profite de prezenta ocazie pentru a-l determina pe sultan să emită iradeaua[5], promisă de el cu mult timp în urmă, privind recunoașterea de către el a naționalității cuțo-vlahe, sub acel pretext că dispozițiile Marelui Vizir privind această chestiune nu ar avea, chipurile, cuvenita autoritate în ochii *vali*-ilor locali.

Consider că dorința de a dobândi cât mai curând posibil această iradea reprezintă principalul motiv al încercărilor asidue ale guvernului român de a exagera proporțiile incidentului de la Ianina, care, în esență, din câte cunosc, nu are vreo importanță deosebit de semnificativă. Revizorii școlari arestați, care s-au dovedit a fi, până la urmă, supuși turci, au luat parte la ciocnirile dintre cuțo-vlahi și greci, și, de aceea, au fost supuși acestei pedepse nu fără un oarecare temei.

Cu toate acestea, fără a intra prea mult în evaluarea faptelor, i-am promis ministrului Afacerilor Străine să telegrafiez Luminăției Voastre [în legătură cu această chestiune].

În continuarea convorbirii sale cu mine, generalul Lahovari a început să își exprime sentimentele de recunoștință pentru protecția acordată cuțo-vlahilor de către consilierul de taină efectiv Zinoviev[6], dar și regretele sale în legătură cu absența de la Constantinopol, în acest moment, a ambasadorului italian.

Conform asigurărilor interlocutorului meu, marchizul Imperiali[7], având o atitudine deosebit de binevoitoare față de cuțo-vlahi, a obținut, din partea guvernului italian, permisiunea de a sprijini revendicările formulate în favoarea lor de către misiunea diplomatică română nu numai prin demersuri verbale pe lângă Poartă, ci și prin intermediul notelor oficiale.

În general, în ultimul timp, cei de aici au început să conteze tot mai mult pe ajutorul Italiei, de dragul căreia a fost chiar introdusă predarea limbii italiene în școlile românești din Macedonia.

În opinia miniștrilor români, toate mijloacele sunt acceptabile, atâta timp cât va fi atins cât mai curând scopul dorit de ei și care le flatează atât de mult orgoliul – recunoașterea oficială de către Poartă a existenței, în vilaietele turcești, a unei naționalități care nu mai este numită de către ei cuțo-vlahă, ci românească.

Totuși, speranțele din trecut de a-și asigura această recunoaștere prin intermediul unui acord direct cu Turcia au avut drept finalitate o dezamăgire aproape completă.

După spusele generalului Lahovari, puterea guvernamentală din Imperiul Otoman ar fi, chipurile, completamente șubrezită și slăbită.

Îmbătat de noile sale succese din interiorul haremului, în pofida vârstei sale înaintate, sultanul nu ar fi, chipurile, în stare să se ocupe de afacerile statului.

Toată puterea ar fi trecut, se pare, în mâinile sfetnicilor săi apropiați, care au împânzit palatul Yildiz[8].

În imaginația înflăcărată a ministrului român al Afacerilor Străine, toți acești apropiați ar fi, de fapt, aproape în totalitate cumpărați și corupți de către greci, s-ar părea, cu un singur scop: de a aduce prejudicii României.

Cu profundă considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 74–78.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Acest incident se întâmpla pe fundalul activizării tensiunilor și violențelor dintre aromâni și „cetele" grecești, care escaladaseră din a doua jumătate a anului 1904. O listă relativ credibilă a principalelor „incidente" violente cu implicarea celor două comunități se poate găsi în „cartea verde" publicată de Ministerul Afacerilor Străine de la București: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*, București, Imprimeria Statului, 1905, în special p. XXVI–XXX. Pentru mai multe detalii privind respectivul incident și poziția diplomației române, a se vedea: *Alexandru Em. Lahovari. Amintiri diplomatice: Constantinopol (1902–1906). Viena (1906–1908)*, volum editat de Adrian Stănescu și Laurențiu Vlad, Iași, Institutul European, 2009, p. 52–55.

[2] Iacob Lahovari.

[3] *Vali* – funcționar superior în structura administrativă a Imperiului Otoman. Termenul provenea din limba arabă și îi desemna pe guvernatorii provinciilor otomane (vilaietelor).

[4] La Constantinopol.

[5] Sultanul Abdul Hamid II a emis respectiva iradea pe data de 9 (22) mai 1905 (Constantin N. Velichi, *Les relations roumano-grecques pendant la période 1879–1911*, în „Revue des Études Sud-Est Européennes", VII, 1969, nr. 3, p. 535–537). Printre altele, prin dispoziția sultanului, comunitățile aromâne obțineau dreptul de a-și desemna primari („muhtari"), „după cum se practică pentru celelalte comunități", și de a deschide și întreține școli proprii (*Românii de la Sud de Dunăre. Documente*, coordonatori Stelian Brezeanu, Gheorghe

Zbuchea, București, Arhivele Naționale ale României, 1997, p. 192). Pentru consecințele recunoașterii comunității aromâne din Macedonia de către sultan, a se vedea și: İpek Yosmaoğlu, *Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878–1908*, Ithaca, Cornell University Press, 2014, p. 155 și urm.

[6] Ambasadorul rus la Constantinopol.

[7] Marchizul Guglielmo Imperiali (1858–1944), aristocrat și diplomat italian. Având convingeri liberale și fiind asociat cu forțele politice de stânga, el provenea din sânul familiei Imperiali, cunoscută pentru tendințele ei conservatoare. A fost ambasador al Italiei la Constantinopol între anii 1904 și 1910, iar între 1910 și 1920 a fost ambasador la Londra, având un rol important în timpul războaielor balcanice și Primului Război Mondial. A fost numit reprezentant al Italiei pe lângă Liga Națiunilor în 1921, părăsindu-și postul în 1923, după instalarea noului regim al lui Mussolini. A devenit un membru important al opoziției față de guvernul fascist.

[8] Reședința sultanului.

157

Бухарест, 4 мая 1905 г. № 29. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынский министр финансов Таке Ионеску совершил во время истёкших пасхальных вакаций поездку в Константинополь и в Бруссу и, по-видимому, в глазах румынского правительства эта поездка не была лишена некоторого политического значения.

Министру было поручено повлиять, по мере возможности, на Порту в смысле скорейшего решения куцо-влахского вопроса.

Однако эта миссия не имела успеха.

Министр не был принят султаном по причине траура Его Величества, несмотря на то, что последнее обстоятельство не помешало султану принять германского посла.

Оскорблённый министр отослал великому визирю присланный ему турецкий орден под тем предлогом, что он не заслужил султанской милости.

По возвращении в Бухарест Таке Ионеску объяснил, по-видимому, свой поступок желанием выразить своё неудовольствие по поводу постоянных отсрочек в появлении давно обещанного султанского *ираде* касательно куцо-влахской национальности.

По дошедшим до меня частным сведениям, король Карл, обыкновенно крайне сдержанный и осторожный, в этот раз довольно открыто одобрил поведение своего министра. Его Величество, по-видимому, крайне разочарован тем обстоятельством, что в Константинополе не придают румынской дружбе того значения, которое, по мнению короля, она должна была бы иметь в глазах султана[1].

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 79–80 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] О дипломатической активности, предпринимавшейся румынским правительством в Стамбуле, см.: Nistor. *„Problema aromână”.* P. 181–183.

București, 4 mai 1905, nr. 29. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ministrul român al Finanțelor, Take Ionescu, a efectuat, în timpul vacanței de Paști care tocmai s-a încheiat, o călătorie la Constantinopol și la Brussa. Se pare că, în ochii guvernului român, această călătorie nu a fost lipsită de o anumită însemnătate politică.

Ministrul a avut însărcinarea să influențeze, în măsura posibilităților, asupra Porții, în sensul rezolvării cât mai grabnice a chestiunii cuțo-vlahe.

Această misiune însă nu s-a încununat cu succes.

Ministrul nu a fost primit de către sultan din cauza doliului Majestății Sale, în pofida faptului că această ultimă împrejurare nu l-a împiedicat pe sultan să-l primească în audiență pe ambasadorul german.

Ministrul, simțindu-se ofensat, i-a returnat Marelui Vizir ordinul turcesc care îi fusese trimis, sub acel pretext că el nu s-a învrednicit de favoarea sultanului.

După revenirea sa la București, Take Ionescu și-a explicat, se pare, această acțiune prin dorința sa de a-și exprima nemulțumirea în legătură cu permanentele amânări în privința publicării iradelei sultanului, promisă cu mult timp în urmă, referitor la naționalitatea cuțo-vlahă.

Conform unor informații particulare care au ajuns până la mine, regele Carol, care este de obicei extrem de cumpătat și prudent, de această dată a încuviințat comportamentul ministrului său, într-un mod destul de fățiș. Se pare că Majestatea Sa este foarte dezamăgit de acea împrejurare că la Constantinopol prieteniei românești nu îi este acordată acea importanță pe care, în opinia regelui, aceasta ar fi trebuit să o aibă în ochii sultanului[1].

Cu profundă considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 79–80 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Pentru mai multe detalii privind demersurile și tatonările diplomatice ale guvernului român la Constantinopol în această perioadă, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 181–183.

158

Бухарест, 4 мая 1905 г. № 30. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

На последнем дипломатическом приёме министр иностранных дел счёл долгом сообщить мне, что нападки русской газеты «Новое время»[1] на Румынию производят тяжёлое впечатление на короля Карла и на королевское правительство.

Перепечатываемые в Болгарии статьи «Нового времени» возбуждают, будто бы, болгар против румын, тем более, что в этих статьях господин Суворин[2] грозит Румынии нашим Черноморским флотом.

Ввиду этого, генерал Лаховари предложил румынскому посланнику в Санкт-Петербурге[3] изыскать средства к напечатанию в других русских газетах опровержений отзывов «Нового времени», чтобы убедить болгар, что взгляды господина Суворина не разделяются всей Россией и, в особенности, не согласны с видами императорского правительства.

Я возразил генералу Лаховари, что он напрасно придаёт серьёзное значение политическим суждениям совершенно частной и независимой газеты. Такое его отношение к ней меня тем более удивляет, что тон румынских газет по отношению к России далеко не всегда приличен. Я мог бы указать ему на враждебные России статьи, появляющиеся на столбцах если не официальных органов, то, во всяком случае, газет консервативного лагеря, на которые нынешнее правительство могло бы иметь влияние.

Несколько смущённый моим замечанием, мой собеседник стал усиленно убеждать меня, что он никогда не упускал случая порицать тех румынских редакторов, которые в своих нападках на Россию изображают собой муравья, стремящегося укусить великана.

Он просил меня указывать ему на статьи консервативных газет, нам недоброжелательные, ручаясь, что он не преминёт воздействовать против них самым решительным образом.

Я ответил министру иностранных дел, что принимаю последнее его заявление к сведению.

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 81–83.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См., в частности, выпуски этой газеты за март и апрель 1905 г.

[2] Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912), русский журналист и публицист. В 1850–70-х гг. сотрудничал с несколькими известными газетами и журналами. Публиковался в «Московском вестнике», «Русской речи», «Современнике», «Русском инвалиде», «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Биржевых ведомостях». В начале 1876 г. стал совладельцем и издателем газеты «Новое время». В этом качестве продвигал идеи консервативного направления, которые явно и коренным образом противоречили его прежним взглядам и работам. В 1901 г. Суворин принял участие в создании монархической организации «Русское собрание».

[3] Георге Росетти-Солеску.

București, 4 mai 1905, nr. 30. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul ultimei recepții diplomatice, ministrul Afacerilor Străine a considerat de datoria sa să îmi comunice că atacurile ziarului rus „Novoe Vremia”[1] contra României exercită o impresie penibilă asupra regelui Carol și asupra guvernului regal.

Articolele din „Novoe Vremia”, retipărite în Bulgaria, i-ar incita, chipurile, pe bulgari împotriva românilor, cu atât mai mult cu cât în cuprinsul acestor articole domnul Suvorin[2] amenință România cu flota noastră de la Marea Neagră.

Având în vedere aceste fapte, generalul Lahovari i-a recomandat trimisului român din Sankt-Petersburg[3] să identifice anumite mijloace pentru a tipări, în alte ziare rusești, dezmințiri ale opiniilor exprimate în „Novoe Vremia”, pentru a-i convinge pe bulgari că părerile domnului Suvorin nu sunt împărtășite de întreaga Rusie și, în special, nu sunt în acord cu viziunile guvernului imperial.

Eu i-am obiectat generalului Lahovari în sensul că el acordă zadarnic o însemnătate atât de mare unor opinii politice ale unui ziar completamente privat și independent. O asemenea atitudine din partea sa față de acest ziar mă uimește cu atât mai mult, cu cât tonul ziarelor românești față de Rusia nu este nici pe departe întotdeauna decent. Eu i-aș putea indica anumite articole ostile Rusiei care apar, dacă nu în coloanele organelor oficiale de presă, atunci, în orice caz, în ziarele aparținând taberei conservatoare, asupra cărora actualul guvern ar putea să aibă o anumită influență.

Fiind întrucâtva jenat de observația mea, interlocutorul meu a început să mă convingă din răsputeri că el nu a ratat niciodată ocazia de a-i admonesta pe acei redactori români care, în atacurile lor contra Rusiei, o fac pe furnica care încearcă să piște un uriaș.

El m-a rugat să îi supun atenției acele articole din ziarele conservatoare care ne sunt dușmănoase, garantându-mi că el nu va ezita să exercite împotriva lor anumite măsuri de presiune, în modul cel mai ferm cu putință.

Eu i-am răspuns ministrului Afacerilor Străine că iau act de ultima sa declarație.

Cu profundă considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 81–83.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea numerele din lunile martie–aprilie 1905.

[2] Alexei Sergheevici Suvorin (1834–1912), publicist rus. În anii 1850–1870 a colaborat la publicațiile „Moskovskii Vestnik”, „Russkaia Reci”, „Sovremennik”, „Russkii Invalid”, „Sankt-Peterburgskie Vedomosti”, „Birjevîe Vedomosti”. La începutul anului 1876 a devenit coproprietar și editor al ziarului „Novoe Vremia”, promovând un discurs conservator, care contrasta puternic cu scrierile sale anterioare. În anul 1901 a participat la fondarea organizației monarhiste „Russkoe Sobranie”.

[3] Gheorghe Rosetti-Solescu.

159

Бухарест, 5 мая 1905 г. № 31. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В дополнение к моей депеше от третьего дня и ко вчерашней моей секретной телеграмме, считаю своим долгом представить более подробные сведения касательно сообщения, сделанного мне вчера генералом Лаховари по поводу Янинского инцидента.

По словам генерала, румынский посланник в Константинополе донёс ему, что янинский вали, выпустив из тюрьмы двух арестованных школьных ревизоров, намерен выслать их из пределов своего вилайета и тем лишить их возможности исполнять служебные свои обязанности, несмотря на то, что они были утверждены в звании ревизоров янинских школ великим визирем и турецким министром народного просвещения. К тому же, вали воспретил румынскому консулу в Янине посещать румынские школы, хотя дети последнего воспитываются в одной из этих школ.

Вследствие протеста румынской миссии, турецкий представитель в Бухаресте явился к генералу Лаховари и дал ему лишь весьма неопределённые обещания о том, что вали получил приказание объясниться с румынским консулом и что румынский язык и румынские школы будут признаны в турецких вилайетах.

Румыния, сообщил мне министр иностранных дел, не может более удовлетворяться объяснениями и ничего не стоящими обещаниями, – ей нужны извинения и султанский указ о признании румынской национальности в вилайетах, который один обеспечит дальнейшее существование куцо-влахов.

В виду уклончивости ответа Порты, румынское правительство предписало своему посланнику предъявить Порте в официальной ноте требования, изложенные мной во вчерашней моей телеграмме. Министр прочитал мне текст этой ноты, оканчивающейся угрозой дать инциденту, в случае неполучения удовлетворения, «les suites les plus graves»[1].

При личных объяснениях с турецким посланником, генерал Лаховари заявил ему, что, в случае отказа Турции, дипломатические сношения с ней будут прерваны.

Министр не назначил срока приведения этой угрозы в исполнение.

Он полагает, однако, что побочное обстоятельство может ускорить наступление времени перерыва.

16-го мая состоится торжественное прикрепление к румынскому берегу кабеля, проводимого германским обществом между Константинополем и Констанцей[2].

Король Карл будет присутствовать на этом торжестве и обменяется поздравительными телеграммами с германским императором, вполне игнорируя султана. На торжество будет приглашён один только германский посланник, турецкого же представителя румыны не намерены звать.

На мой запрос генерал Лаховари самым положительным образом заявил мне, что Румыния имеет полное основание рассчитывать при решении возникшего инцидента на одобрение и полную поддержку не только лично сочувствующего ей барона Маршаля[3], но и всего германского правительства.

Он просит не отказать Румынии и в нашем содействии.

В его словах сквозило чувство раздражения против Австро-Венгрии и, в особенности, барона Каличе.

Как я имел уже честь доносить Вашему Сиятельству, не подлежит для меня сомнению, что румынское правительство, по соглашению ли с Германией, или же самостоятельно, решило, что настал благоприятный, по его мнению, момент, чтобы вырвать у султана официальное признание им румынской национальности в Оттоманской империи. В этих видах оно раздуло янинский инцидент с целью извлечь из него пользу.

С глубоким почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 84–87 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Самые серьёзные последствия (фр.).

[2] 16/29 мая 1905 г. началась установка подводного кабеля между Констанцей и Стамбулом, что должно было способствовать осуществлению постоянной и прямой телеграфной связи между берегами Босфора, Бухарестом и Берлином. На этой церемонии, которой её участники придавали особое политическое и экономическое значение, присутствовали король Карл I, директор румынской почтовой службы Черкез, дипломатический представитель Османской империи Киазым-бей, посланник Германии в Бухаресте Кидерлен-Вехтер, румынские министры и представители местных властей. Эта телеграфная линия была официально открыта в 1907 г.

[3] Адольф Маршаль фон Биберштейн (1842–1912), германский дипломат и политический деятель. В 1890 г. сменил Герберта фон Бисмарка на посту государственного секретаря Министерства иностранных дел, где работал под покровительством преемника Отто фон Бисмарка на посту канцлера – Лео фон Каприви. После отправки Каприви в отставку в 1894 г., Маршаль фон Биберштейн стал его преемником в должности министра иностранных дел Пруссии. Он также остался на посту государственного секретаря в имперском МИД при новом канцлере Хлодвиге цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрсте. В 1897 г., по причине глубоких разногласий с политикой кайзера Вильгельма II, был отправлен в отставку с обоих занимаемых постов, на которых Маршаля сменил Бернгард фон Бюлов. Маршаль фон Биберштейн был переведён на должность посла в Стамбуле. Поощряя тесное экономическое сотрудничество с Османской империей, он стремился к расширению сношений и связей Германии с Востоком.

București, 5 mai 1905, nr. 31. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Ca supliment la depeșa mea din data de 3 mai și la telegrama mea secretă din ziua de ieri, consider de datoria mea să vă prezint anumite informații mai detaliate în privința comunicatului pe care mi l-a făcut ieri generalul Lahovari în legătură cu incidentul de la Ianina.

Conform spuselor generalului, trimisul român de la Constantinopol i-ar fi raportat că *vali*-ul de Ianina, eliberându-i din închisoare pe cei doi revizori școlari arestați mai devreme, intenționează să îi expulzeze de pe teritoriul vilaietului său și, astfel, să îi lipsească de posibilitatea de a-și exercita obligațiile lor de serviciu, în pofida faptului că aceștia au fost confirmați în funcția de revizori ai școlilor din Ianina de către Marele Vizir și de către ministrul turc al Instrucțiunii Publice. În afară de aceasta, *vali*-ul i-a interzis consulului român din Ianina să viziteze școlile românești, deși copiii acestuia din urmă sunt educați într-una dintre aceste școli.

Ca urmare a protestului misiunii diplomatice românești, reprezentantul turc de la București s-a prezentat în fața generalului Lahovari și i-a făcut doar anumite promisiuni extrem de vagi referitor la faptul că *vali*-ul a primit ordinul să își lămurească situația în raport cu consulul român și că limba română și școlile românești vor fi recunoscute oficial pe teritoriul vilaietelor turcești.

România, mi-a comunicat ministrul Afacerilor Străine, nu mai poate fi satisfăcută prin intermediul acestor explicații și prin promisiuni care nu costă nimic. Ea are nevoie de scuze oficiale și de decretul sultanului privind recunoașterea naționalității române în cuprinsul vilaietelor, care este singurul mijloc ce poate asigura existența de mai departe a cuțo-vlahilor.

Având în vedere caracterul evaziv al răspunsului Porții, guvernul român i-a dat instrucțiuni trimisului său să îi prezinte Porții, într-o notă oficială, revendicările sale, pe care le-am expus în telegrama mea de ieri. Ministrul mi-a citit textul acestei note, care se încheie cu amenințarea că acest incident, în cazul în care România nu va primi un răspuns satisfăcător la cerințele sale, va avea „les suites les plus graves” [1].

În timpul explicațiilor personale pe care le-a avut cu trimisul turc, generalul Lahovari i-a declarat că, în cazul unui refuz din partea Turciei, relațiile diplomatice cu aceasta vor fi întrerupte.

Ministrul nu a fixat vreun termen pentru realizarea practică a acestei amenințări.

Totuși, el consideră că o anumită circumstanță secundară ar putea accelera apropierea momentului acestei întreruperi.

Pe data de 16 mai va avea loc atașarea solemnă de litoralul maritim românesc a cablului dintre Constantinopol și Constanța, instalat de către o societate germană[2].

Regele Carol va fi prezent la această ceremonie solemnă și va face schimb de telegrame de felicitare cu împăratul german, ignorându-l în totalitate pe sultan. La ceremonie va fi invitat în exclusivitate doar trimisul german, iar pe reprezentantul turc românii nu intenționează să-l invite.

Răspunzându-mi la întrebare, generalul Lahovari mi-a declarat în modul cel mai categoric că România are tot temeiul să conteze, în procesul rezolvării incidentului apărut recent, nu numai pe aprobarea și susținerea totală a baronului Marschall[3], care are o simpatie personală față de România, ci și a întregului guvern german.

El solicită să nu îi refuzăm României nici propriul nostru sprijin.

În cuvintele sale se putea simți un sentiment de iritare împotriva Austro-Ungariei și, în special, la adresa baronului Calice.

Așa cum am avut deja onoarea să vă raportez Luminăției Voastre, pentru mine nu există nici un fel de îndoială că guvernul român, fie ca urmare a unui acord cu Germania, fie în mod independent, a hotărât că a sosit momentul favorabil, în opinia sa, pentru a smulge din partea sultanului recunoașterea sa oficială a naționalității românești din cadrul Imperiului Otoman. În vederea realizării acestui obiectiv, guvernul a exagerat proporțiile incidentului de la Ianina cu scopul de a obține un anumit profit în urma acestuia.

Cu profundă considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 84–87 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Cele mai grave urmări (fr.)

[2] Pe data de 16 (29) mai 1905, a început montarea cablului submarin Constanța – Constantinopol, prin care se urmărea realizarea comunicării telegrafice directe între malul Bosforului, București și Berlin. La această ceremonie, căreia i s-a acordat o semnificație politică și economică deosebită, au fost prezenți regele Carol I, directorul poștelor române, Cerchez, trimisul diplomatic al Imperiului Otoman, Kazım Bey, ministrul plenipotențiar al Germaniei la București, Kiderlen-Wächter, miniștri și oficialități locale. Linia a fost inaugurată în anul 1907.

[3] Adolf Freiherr Marschall von Bieberstein (1842–1912), diplomat și politician german. În 1890 i-a succedat lui Herbert von Bismarck în calitate de secretar de stat la Ministerul Afacerilor Străine, unde a lucrat sub patronajul succesorului lui Otto von Bismarck, Leo von Caprivi. După demiterea lui Caprivi în 1894, Marschall von Bieberstein i-a succedat în funcția de ministru de externe al Prusiei, rămânând și secretar de stat al ministerului imperial, sub noul cancelar Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. În 1897, din cauza unor divergențe profunde cu împăratul Wilhelm II, a fost demis din ambele funcții și înlocuit cu Bernhard von Bülow. Marschall von Bieberstein a fost transferat în postul de ambasador la Constantinopol. Prin strânsa cooperare economică dintre Imperiul Otoman și Germania, el dorea să extindă relațiile germane cu Orientul.

160

Бухарест, 18 мая 1905 г. № 32. Гирс – графу Ламсдорфу

Одно приложение[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Благодаря успеху, достигнутому Румынией в вопросе о признании куцо-влахской национальности в Турции[2], празднества, последовавшие в Констанце вскоре после этого признания, приняли особенно торжественный характер, не лишённый политического значения.

Эти празднества состоялись как по поводу освящения нового румынского парохода, дающего румынам возможность продолжить рейсы, совершаемые их пассажирскими судами между Констанцей и Константинополем, до Пирея и Смирны, так и по случаю прикрепления к румынскому берегу подводного кабеля, проведённого германской компанией между Констанцей и Константинополем[3].

На празднества выехали из Бухареста вся королевская семья, все румынские министры и многие сенаторы и депутаты.

На них были приглашены, от имени Его Величества короля Карла, германский посол при Оттоманской Порте, барон Маршаль, прибывший с семьёй и свитой, и аккредитованные при румынском дворе германский и турецкий посланники.

Считаю долгом представить при сём, во французском переводе, текст речи, произнесённой Его Величеством на торжестве, в ответ на приветствие министра путей сообщения.

Речь короля дышит самодовольством и верой в блестящее будущее Румынии.

На ней, несомненно, отразилось упоение от дипломатического успеха, редко выпадающего на долю второстепенных государств.

В ней выразилось чувство благодарности к Германии, оказавшей сильную поддержку Румынии.

Эта поддержка высоко ценится в королевстве и, к сожалению, я должен свидетельствовать, что влияние Германии в нём сильно растёт в настоящее время.

Румыны, опьянённые удачей, не отдают себе ещё отчёта, насколько дорого им обойдётся германское расположение.

Не входя в рассмотрение политических целей, преследуемых здесь Германией, недостаточно ещё выясняющихся и подверженных колебаниям ввиду их зависимости от событий на более широких политических аренах, нельзя не отметить неослабной энергии, с которой она проводит экономические свои интересы в Румынии.

Содействие, оказанное ею в куцо-влахском вопросе, несомненно, связано с этими интересами[4].

Германские банки производят ныне конверсию румынского государственного долга, обеспечив румынскому правительству успех конверсии.

Между тем, известие о возможности разрыва между Румынией и Турцией, встревожив европейский финансовый рынок, должно было, по полученным в Бухаресте сведениям, помешать этому успеху.

Германия была заинтересована в скорейшем улажении янинского инцидента.

К тому же, в Румынии, вслед за либеральным министерством Стурдзы, положившим в основу финансовой своей политики экономию в денежных расходах и сбережение почвенных богатств королевства, власть перешла к консерваторам, стремящимся эксплуатировать эти богатства.

Они провели через палаты ряд законов касательно отдачи частным предпринимателям постройки железнодорожных ветвей, использования казённых нефтяных участков и улучшения течения притоков Дуная.

Весьма вероятно, что большая часть этих предприятий, если только им суждено осуществиться, попадёт в немецкие руки.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 88–91 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Не публикуется.

[2] Об этом см. док. № 156 от 3 мая 1905 г.

[3] Кабель, установленный в Чёрном море, имел общую длину 343 км и был подключён к наземным телеграфным линиям Стамбул–Киллиос и Бухарест–Констанца. 16/29 мая 1905 г. из порта Констанца отправился пароход *Podbielsky,* миссией которого было установить подводный кабель. В соответствии с подписанным тогда же соглашением: «Инициатива ремонтных работ и ликвидации аварий, могущих произойти на расстоянии в полпути кабельной длины, расположенном ближе к Румынии, т. е. на расстоянии в 171.606 метров, рассчитанных из Констанцы, будет принадлежать ведению румынской администрации, а таковые же случаи, которые произойдут по остальной длине кабеля, останутся в ведении турецкой администрации; тем не менее, администрация, которая не будет нести ответственность за ремонтные работы, будет иметь возможность послать собственного делегата для участия в этих работах и для установления сметы расходов; делегат администрации, ответственной за эти работы, будет обязан предоставить ему, при первом же требовании, все сведения, касающиеся цены использованных материалов, рабочей силы, аренды судна и т.д.». Расходы по ремонтным работам рассчитывались в золотых франках. Это соглашение подписали, «в соответствии со ст. 17 Санкт-Петербургской Международной Телеграфной Конвенции и со ст. 110 Лозаннского договора», И. Маня, делегат Румынии, и Ихсан Джемаль-бей, делегат Турции.

[4] Германия обусловила поддержку, которую она оказывала Румынии в некоторых щекотливых внешнеполитических вопросах, включая греко-румынские отношения, согласием румынского правительства на уступки в экономической сфере (Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş. *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914.* Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979. P. 242–247).

Bucureşti, 18 mai 1905, nr. 32. Giers către contele Lamsdorff

Cu o anexă[1]

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Datorită succesului obţinut de România în chestiunea privind recunoaşterea naţionalităţii cuţo-vlahe din Turcia[2], festivităţile care au urmat la Constanţa la puţin timp dupa această recunoaştere oficială au căpătat un caracter deosebit de solemn, care nu a fost lipsit de o anumită însemnătate politică.

Aceste festivităţi au avut loc atât în legătură cu sfinţirea noului vapor românesc, care le oferă românilor posibilitatea de a continua cursele efectuate de către navele lor de pasageri între Constanţa şi Constantinopol, până la Pireu şi Smyrna, cât şi cu ocazia ataşării la litoralul

românesc a cablului submarin instalat de către o companie germană între Constanța și Constantinopol[3].

Pentru aceste festivități, din București s-a deplasat întreaga familie regală, toți miniștrii români și mulți senatori și deputați.

La ele au fost invitați, din numele Majestății Sale regelui Carol, ambasadorul german pe lângă Poarta Otomană, baronul Marschall, care a sosit împreună cu familia și suita sa, precum și trimișii german și turc acreditați pe lângă curtea regală română.

Consider de datoria mea să vă prezint în anexă, în traducere franceză, textul discursului pronunțat de Majestatea Sa în timpul ceremoniei solemne, ca răspuns la cuvântul de salut al ministrului Lucrărilor Publice și Comunicațiilor.

Discursul regelui emană mulțumire de sine și este plin de încredere în viitorul strălucit al României.

Asupra acestui discurs s-a reflectat, fără îndoială, entuziasmul cauzat de succesul diplomatic care le revine doar arareori statelor de rang secund.

În această alocuțiune s-a exprimat și sentimentul de recunoștință față de Germania, care a acordat un puternic sprijin României.

Această susținere este apreciată înalt în regat și, din păcate, trebuie să depun mărturie că influența Germaniei în România crește destul de mult în momentul actual.

Românii, fiind îmbătați de succesul lor, nu își dau încă seama, cât de scump îi va costa asigurarea bunăvoinței germane.

Fără a intra într-o discuție detaliată a scopurilor politice pe care le urmărește Germania aici și care nu sunt încă clarificate în mod suficient, fiind supuse oscilațiilor din cauza dependenței lor față de anumite evenimente care au loc pe arenele politice mai largi, nu putem să nu remarcăm energia constantă cu care Germania își promovează interesele sale economice în România.

Sprijinul pe care Germania l-a acordat în chestiunea cuțo-vlahă este, fără îndoială, legat de aceste interese[4].

Băncile germane se ocupă, în prezent, de conversiunea datoriei de stat a României, asigurând guvernului român succesul acestei conversiuni.

Între timp, vestea despre posibilitatea unei rupturi între România și Turcia, provocând neliniște pe piața financiară europeană, ar fi putut, probabil, conform informațiilor primite la București, să împiedice realizarea acestui succes.

Germania era interesată în soluționarea cât mai rapidă a incidentului de la Ianina.

În afară de aceasta, în România, după guvernul liberal al lui Sturdza, care pusese la temelia politicii sale financiare principiul economisirii cheltuielilor bănești și păstrarea neatinsă a resurselor subpământene ale regatului, puterea a trecut în mâinile conservatorilor, care au tendința să exploateze aceste bogății.

Ei au făcut să treacă prin Camere un șir de legi care privesc darea în concesiune către antreprenori privați a construcției liniilor secundare de cale ferată, folosirea terenurilor petrolifere aflate în proprietatea statului și ameliorarea cursului afluenților Dunării.

Este foarte probabil că cea mai mare parte a acestor întreprinderi și proiecte, dacă cumva le este sortit să fie realizate, se vor pomeni în mâinile germanilor.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 88–91 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Nu se publică.

[2] A se vedea doc. nr. 156 din 3 mai 1905.

[3] Cablul din Marea Neagră avea lungimea de 343 km. şi era conectat la firele aeriene Constantinopol – Killios şi Bucureşti – Constanţa. În ziua de 16 (29) mai 1905, din portul Constanţa a plecat nava *Podbielsky* cu misiunea de a monta cablul submarin. Potrivit acordului semnat atunci: „Iniţiativa reparaţiunilor deranjamentelor cari se vor putea produce pe jumătatea cablului spre România, adică pe o lungime de 171.606 metri contat de la Constanţa, va aparţine administraţiei române, şi acele ce se vor produce pe restul cablului va aparţine administraţiunii turceşti; cu toate acestea administraţiunea neobligată va avea facultatea de a trimite un delegat a lua parte la lucrări şi la stabilirea conturilor; delegatul administraţiei iniţiatice fiind obligat de a-i procura la cerere toate indicaţiunile asupra preţului materialelor, mâna de lucru, chiria vasului etc.”. Cheltuielile de reparaţii erau calculate în franci aur. Acest acord a fost semnat „în virtutea art. 17 al Convenţiunii telegrafice internaţionale de la St. Petersbourg şi art. 110 al tratatului de la Lausanne”, de I. Manea, delegatul României, şi Ihsan Djemal Bey, delegat al Turciei.

[4] Germania condiţiona sprjinirea României în chestiuni sensibile de politică externă, inclusiv în relaţiile cu Grecia, de concesii în domeniul economic (Gheorghe Nicolae Căzan, Şerban Rădulescu-Zoner, *România şi Tripla Alianţă, 1878–1914*, Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1979, p. 242–247).

161

Бухарест, 19 мая 1905 г. № 33. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Его Величество король Карл закончил речь, произнесённую им в Констанце[1], заявлением, что будущее принадлежит морю и что благодаря Добрудже, этому жемчугу румынской короны, Румыния приобрела независимость и возможность прямых сношений со всем светом на своих судах.

Король убеждён, что рядом с торговым флотом разовьётся и военный румынский флот, и что они будут оба показывать себя всюду с честью и гордостью.

Из предшествующих донесений императорской миссии, Вашему Сиятельству небезызвестно, что король Карл возлагает большие надежды на морские сношения Румынии.

Благодаря его настояниям, было установлено прямое сообщение на румынских судах между портами Румынии и Антверпеном[2]. Эта линия, содействуя вывозу румынского зерна в Европу, оказалась очень выгодной.

Его же стараниями было открыто движение румынских пароходов между Констанцей и Константинополем. Ныне эти же пароходы ходят уже в Пирей и в Смирну. В ближайшем будущем они будут направлены в Александрию.

Однако константинопольская линия ещё до сих пор не окупается. Правительству приходится приплачивать на её содержание довольно крупную сумму. Тем не менее, король требует её сохранения и продолжения до Александрии.

Его Величество убеждён, что со временем она будет служить главным путём сообщения между Европой и Востоком и доставлять английскую почту в Индию.

Будущее докажет, насколько верны расчёты короля. В настоящее же время они кажутся мало основательными, так как, при исправном движении поездов через Сербию и Болгарию в Константинополь, большинство пассажиров всё же предпочитает железнодорожный путь морскому.

Новые вожделения Его Величества относительно усиления румынского военного флота вызваны, несомненно, самоуверенностью, возросшей вследствие последнего успеха, одержанного над Портой, успеха, доказавшего, по мнению короля, что Румыния представляет собой уже силу, которой нельзя пренебрегать.

Ныне Румыния имеет только один весьма слабый крейсер, пять канонерок и несколько минных лодок.

Сооружение более крупных боевых единиц должно, конечно, льстить румынскому самолюбию.

Но для этого необходимы деньги, которых ещё нет и, в случае покупки крупных судов за границей, решение вопроса об их пропуске через Дарданеллы, решение, не зависящее от Румынии. В виду этих обстоятельств, Румынии придётся, весьма вероятно, ещё долго довольствоваться миноносцами и судами незначительных размеров.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 93–96.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] См. док. № 159 от 5 мая 1905 г.

[2] Подробнее о румынской морской внешней торговле на протяжении этого периода и о роли порта в Констанце в данном контексте см.: Cojoc M. *Constanţa – port internaţional. Comerţul exterior al României prin portul Constanţa (1878–1939).* Bucureşti, Editura Cartea Universitară, 2006.

București, 19 mai 1905, nr. 33. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Majestatea Sa regele Carol și-a încheiat discursul pe care l-a ținut la Constanța[1] printr-o declarație, conform căreia viitorul aparține mării, spunând că, datorită Dobrogei, această perlă a coroanei române, România și-a obținut independența și posibilitatea unor relații directe cu întreaga lume, prin intermediul navelor sale.

Regele este convins că, pe lângă flota comercială, se va dezvolta și flota militară românească, și că ambele diviziuni ale flotei vor da dovadă peste tot de o prestație onorabilă și plină de măreție.

Din rapoartele anterioare ale misiunii imperiale, Luminăția Voastră cunoaște deja că regele Carol își pune mari speranțe în legăturile maritime ale României.

Datorită insistențelor sale, a fost stabilită o conexiune maritimă directă, prin navele românești, între porturile României și Antwerpen[2]. Această linie, contribuind la exportul cerealelor românești către Europa, s-a dovedit foarte profitabilă.

Tot prin străduințele regelui a fost deschisă circulația vapoarelor românești între Constanța și Constantinopol. În prezent, aceleași vapoare circulă deja și până la Pireu și la Smyrna. În viitorul cel mai apropiat, ele se vor îndrepta și către Alexandria.

Totuși, linia constantinopolitană nu a devenit încă, până în acest moment, profitabilă. Guvernul este nevoit să plătească suplimentar, pentru întreținerea acesteia, o sumă destul de importantă. Cu toate acestea, regele cere insistent păstrarea acesteia și prelungirea ei până la Alexandria.

Majestatea Sa este convins că, cu timpul, această linie va servi drept principala cale de comunicație dintre Europa și Orient, livrând chiar corespondența engleză în India.

Viitorul va demonstra, cât de corecte sunt calculele regelui. În momentul actual însă acestea par să aibă destul de puțin temei, deoarece, în condițiile unei circulații sigure a trenurilor prin Serbia și Bulgaria spre Constantinopol, majoritatea pasagerilor preferă, totuși, itinerarul pe calea ferată celui maritim.

Noile doleanțe ale Majestății Sale referitor la întărirea flotei militare românești sunt cauzate, fără îndoială, de încrederea de sine exagerată, care a crescut ca urmare a recentului succes repurtat în fața Porții, succes care ar fi demonstrat, în opinia regelui, că România reprezintă deja o forță care nu mai poate fi ignorată.

În prezent România dispune doar de un singur crucișător, extrem de slab, de cinci canoniere și de câteva vedete torpiloare.

Construcția unor unități de luptă de dimensiuni mai mari ar putea, desigur, să contribuie la flatarea orgoliului românesc.

Însă pentru acest lucru este nevoie de bani, care încă lipsesc, și, în cazul cumpărării unor nave de mari dimensiuni peste hotare, de rezolvarea chestiunii privind libera lor trecere prin Dardanele, o decizie care nu depinde de România. Având în vedere aceste circumstanțe, România va fi silită, foarte probabil, să se mulțumească încă mult timp de acum încolo cu câteva torpiloare și nave de mici dimensiuni.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 93–96.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea doc. nr. 159 din 5 mai 1905.

[2] Mai multe detalii privind comerțul exterior maritim al României în această perioadă și, în special, rolul portului Constanța în acest context, a se vedea la: Mariana Cojoc, *Constanța – port internațional. Comerțul exterior al României prin portul Constanța (1878–1939)*, București, Editura Cartea Universitară, 2006.

162

Бухарест, 19 мая 1905 г. № 34. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынский посланник при императорском дворе донёс своему правительству, что в беседе с ним по поводу балканских событий Ваше Сиятельство высказали пожелание о том, чтобы Румыния не забывала маленьких своих соседей и сохраняла с ними вполне дружественные сношения.

Донесение господина Росетти-Солеску обратило на себя внимание короля, заметившего, что Румыния питает вполне дружественные чувства к Болгарии.

Сообщая мне о вышеизложенном, генерал Лаховари[1] просил меня донести Вашему Сиятельству, что королевское правительство неустанно заботится об установлении наилучших отношений между Румынией и маленькими государствами Балканского полуострова.

В доказательство таких стремлений Румынии, министр указал на блестящий приём, оказываемый теперь болгарским учителям, посетившим королевство в числе ста пятидесяти человек. Будущей же осенью столь же радушный приём будет оказан депутации из одной тысячи болгарских учеников.

Переходя затем к вопросу о национальностях в Европейской Турции, министр заявил мне, что румынское правительство было крайне тронуто сочувственным Вашим отзывом о куцо-влахах, переданным ему господином Росетти-Солеску.

В дальнейшем развитии куцо-влахского вопроса, касающемся религиозной его стороны, Румыния намерена, по словам генерала Лаховари, действовать крайне осторожно, нисколько не вызывая нового раскола во Вселенской Церкви.

Министр надеется, что мы окажем ему содействие добрыми указаниями и нашим влиянием на Патриархию.

На запросы дипломатических представителей министр ответил, будто бы, что церковные вопросы, связанные с признанием самостоятельности куцо-влахской национальности, решатся в Санкт-Петербурге, а не в Константинополе, так как Румыния намерена согласовать свои домогательства с тем, что будет признано нами законным и отвечающим духу Православия.

Полагаю, что уверения министра искренни, насколько они касаются настоящих намерений Румынии.

К сожалению, однако, следует ожидать, что в случае весьма вероятного упорства Патриархии горячность румын побудит их к действиям, которые не могут быть нами одобрены.

При всём том полагаю, что расчёт на наше сочувствие и содействие всё же будет, до некоторой степени, действовать на них умеряющим образом.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 97–99 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Якоб Лаховари, министр иностранных дел.

București, 19 mai 1905, nr. 34. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Trimisul român pe lângă Curtea Imperială i-a raportat guvernului său că, în timpul unei convorbiri avute cu el în legătură cu evenimentele balcanice, Luminăția Voastră v-ați exprimat dezideratul ca România să nu uite de micii săi vecini și să păstreze cu ei relații pe deplin amicale.

Raportul domnului Rosetti-Solescu a atras asupra sa atenția regelui, care a remarcat că România nutrește sentimente completamente amicale față de Bulgaria.

Informându-mă despre cele menționate mai sus, generalul Lahovari[1] m-a rugat să raportez Luminăției Voastre că guvernul regal se preocupă, fără încetare, de stabilirea celor mai bune relații cu putință dintre România și micile state ale Peninsulei Balcanice.

Ca dovadă a unor asemenea năzuințe ale României, ministrul a dat exemplul primirii strălucite acordate, în acest moment, unor profesori bulgari care au vizitat regatul cu o delegație în număr de o sută cincizeci de persoane. Toamna viitoare, o primire la fel de cordială va fi acordată unei delegații compuse dintr-o mie de elevi bulgari.

Trecând, după aceea, la subiectul legat de chestiunea naționalităților din Turcia Europeană, ministrul mi-a declarat că guvernul român a fost extrem de plăcut impresionat de opinia plină de simpatie a Domniei Voastre față de cuțo-vlahi, care i-a fost transmisă de către domnul Rosetti-Solescu.

Pe parcursul evoluției ulterioare a chestiunii cuțo-vlahe, care privește dimensiunea sa religioasă, România intenționează, conform spuselor generalului Lahovari, să acționeze extrem de prudent, fără a provoca, nici în cea mai mică măsură, vreo nouă schismă în sânul Bisericii Ecumenice.

Ministrul speră că noi îi vom acorda tot sprijinul prin bunele noastre instrucțiuni și sfaturi, dar și prin influența noastră asupra Patriarhiei.

Răspunzând la unele întrebări ale reprezentanților corpului diplomatic, ministrul ar fi afirmat, chipurile, că chestiunile ecleziastice legate de recunoașterea caracterului autonom al naționalității cuțo-vlahe se vor decide la Sankt-Petersburg, și nu la Constantinopol, deoarece România intenționează să își coordoneze revendicările cu ceea ce noi vom considera ca fiind legitim și corespunzător spiritului Ortodoxiei.

Consider că aceste asigurări ale ministrului sunt sincere, cel puțin în măsura în care se referă la actualele intenții ale României.

Din păcate însă, ar trebui să ne așteptăm că, în cazul foarte probabilei încăpățânări a Patriarhiei, impulsivitatea românilor i-ar putea împinge la anumite acțiuni pe care noi nu le vom putea încuviința.

Cu toate acestea, consider că speranțele pe care le au ei în privința simpatiei și sprijinului nostru vor acționa totuși, într-o anumită măsură, asupra lor în sensul moderării cerințelor [românești].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 97–99 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Iacob Lahovari, ministrul Afacerilor Străine.

163

Бухарест, 3 июня 1905 г. № 37. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

По получении известия о внезапной кончине в Берлине Его Королевского Высочества принца Леопольда Гогенцоллернского[1], Их Величества король и королева румынские выехали в Зигмаринген для присутствования на обряде погребения августейшего покойного брата короля[2].

Возвращение Их Величеств в Румынию состоится в начале будущей недели.

По случаю кончины принца Леопольда на королевский румынский двор наложен шестимесячный траур.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 102–102 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] 26 мая (8 июня) 1905 г.

[2] Принц Леопольд Гогенцоллерн-Зигмарингенский (1835–1905), старший брат короля Карла и глава немецкой ветви семьи и дома Гогенцоллерн-Зигмарингенов. Отец румынского наследного принца Фердинанда. Был одним из самых близких и доверенных советников румынского монарха, в особенности после кончины их отца, принца Карла Антона. Король Карл вёл с братом обширную переписку.

București, 3 iunie 1905, nr. 37. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Imediat după primirea veștii cu privire la decesul subit, la Berlin, al Alteței Sale Regale principelui Leopold de Hohenzollern[1], Majestățile Lor regele și regina României au plecat spre Sigmaringen pentru a fi prezenți la ritualul de înmormântare al augustului frate răposat al regelui[2].

Revenirea Majestăților Lor în România va avea loc la începutul săptămânii viitoare.

În urma decesului principelui Leopold, la Curtea regală română a fost declarat doliu pentru un termen de șase luni.

Cu deosebită considerație și devotament absolut, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 102-102 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] 26 mai (8 iunie) 1905.

[2] Principele Leopold von Hohenzollern-Sigmaringen (1835–1905), fratele mai mare al regelui Carol și șeful ramurii germane a casei de Hohenzollern–Sigmaringen. Tatăl principelui moștenitor Ferdinand al României. A fost unul dintre consilierii și corespondenții cei mai apropiați ai monarhului român, în special după decesul tatălui lor, Karl Anton.

164

Бухарест, 16 июня 1905 г., № 38. Лермонтов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В пятницу, 10 июня, Их Величества король Карл и королева Елизавета возвратились из Зигмарингена в Синаю, где Их Величества изволят провести летние месяцы.

Проездом через Вену[1], король Карл имел свидание с императором австрийским.

Нынешнему пребыванию Их Величеств в столице Австрии был придан оттенок некоторой торжественности, вследствие чего у многих здесь лиц явилось предположение, что свидание это имело иной характер, нежели предыдущие, имевшие место при каждом проезде короля Карла через Вену[2].

События, происходящие в настоящее время в Венгрии, немало способствовали распространению этого мнения, а недавняя посылка обоих румынских сапёрных полков на границу для, якобы, фортификационных работ, утвердили его окончательно.

В действительности же, полки эти посылались и ранее, ежегодно, в места, избранные для совершения манёвров, для производства подготовительных сапёрных работ.

В нынешнем же году, как кажется, манёвры предполагаются в Молдавии, в её части, граничащей с Венгрией.

С глубочайшим почтением и искренней преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 103–104 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Король возвращался этим путём обратно в Румынию с похорон принца Леопольда.

[2] Действительно, этому «неожиданному» визиту короля Карла в Вену придавалось особое внимание как в румынской печати, так и в австро-венгерской прессе. Это было особенно важно в контексте тогдашних событий в Венгрии, которая пребывала в состоянии острого политического кризиса. Подробнее об этих комментариях, откликах и различных интерпретациях визита в печати того времени см., напр.: *Vizita regelui Carol la Viena* // „Adevărul”. Anul XVIII. 1905. 10 iunie. № 5685. P. 3; *Regele Carol la Viena* // Ibid. 11 iunie. № 5686. P. 1.

București, 16 iunie 1905, nr. 38. Lermontov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Vineri, pe data de 10 iunie, Majestățile Lor regele Carol și regina Elisabeta au revenit de la Sigmaringen la Sinaia, unde Majestățile Lor vor binevoi să își petreacă lunile de vară.

Fiind în trecere prin Viena[1], regele Carol a avut o întrevedere cu împăratul Austriei.

Actualei șederi a Majestăților Lor în capitala Austriei i-a fost imprimată o anumită nuanță de solemnitate, ca urmare a cărui fapt multe persoane de aici au formulat presupunerea că această întrevedere a avut un caracter diferit față de cele anterioare, care au avut loc cu ocazia fiecărui popas al regelui Carol la Viena[2].

Evenimentele care se desfășoară la ora actuală în Ungaria au contribuit, nu în mică măsură, la răspândirea acestei opinii, iar recenta trimitere a ambelor regimente românești de geniști la frontieră, chipurile, pentru niște lucrări de fortificații, au consolidat-o în mod definitiv.

În realitate însă, aceste regimente erau trimise și până acum, în fiecare an, în acele locuri care erau selectate pentru efectuarea unor aplicații militare, în scopul executării unor lucrări pregătitoare de geniu.

Iar în anul curent, din câte se pare, efectuarea aplicațiilor militare se preconizează în Moldova, în acea parte a regiunii care se învecinează cu Ungaria.

Cu cea mai profundă considerație și sincer devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 103–104 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] În drum la revenirea în România de la funeraliile principelui Leopold.

[2] Într-adevăr, acestei vizite „neașteptate" a regelui Carol la Viena i s-a acordat o atenție deosebită atât în presa română, cât și în cea austro-ungară, mai ales în contextul evenimentelor de atunci din Ungaria, aflată într-o acută criză politică. Pentru mai multe detalii privind aceste comentarii și interpretări, a se vedea, de exemplu: *Vizita regelui Carol la Viena*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5685, 10 iunie 1905, p. 3; *Regele Carol la Viena*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5686, 11 iunie 1905, p. 1.

165

Синая, 1 июля 1905 г., № 39. Лермонтов – графу Ламсдорфу

20 приложений[1]

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Имею честь представить при сём на благоусмотрение Вашего Сиятельства копии с донесений статского советника Вестмана[2] о пребывании в констанцском порту эскадренного броненосца «Князь Потёмкин Таврический» и миноносца № 267 и о сдаче команды броненосца румынским властям[3].

К сему считаю долгом приложить пятнадцать экземпляров воззваний, переданных командой броненосца капитану над констанцским портом, для вручения иностранным консулам, находящимся в Констанце, и список фамилий вожаков возмутившейся команды. Воззвания эти не были переданы по назначению, и королевский министр иностранных дел препроводил их в императорскою миссию.

Согласно телеграфным предписаниям Вашего Сиятельства от 22 и 29 июня, я имел честь передать министру иностранных дел всемилостивейшую Его Императорского Величества государя императора благодарность королевскому правительству за энергичные меры, принятые относительно броненосца «Князь Потёмкин» в первый его приход в Констанцу, и за любезное содействие по передаче броненосца прибывшему в Констанцу с отрядом судов контр-адмиралу Писаревскому[4].

В дополнение к ряду моих телеграмм и прилагаемым у сего донесениям господина Вестмана, считаю долгом высказать скромное мнение, что, если бы не панический страх, обуявший румынских властей при одном приближении к Констанце нашего броненосца, и не поспешность, выказанная ими при переговорах со взбунтовавшейся командой, всё это прискорбное событие могло окончиться иначе.

По получении телеграммы Вашего Сиятельства от 22 июня, в коей Вам, милостивый государь, угодно было предписать мне настоять перед румынским правительством о недопущении съезда на берег команды взбунтовавшихся судов, я на другой же день на дипломатическом приёме передал генералу Лаховари содержание телеграммы Вашего Сиятельства.

Министр иностранных дел, весьма довольный тем, что в первый раз королевскому правительству удалось избавиться столь легко от непрошенного гостя, тут же заверил меня что, если бы броненосец ещё раз появился у берегов Румынии, то его правительство поступило бы точно так же, как и в первый раз, заметив при этом, что едва ли это может случиться, так как на броненосце почти нет угля и пресной воды и что с 20-го числа, дня его ухода из Констанцы, он должен был, вероятно, уже израсходовать все свои запасы.

Получив рано утром 25-го числа телеграмму от нашего вице-консула в Констанце, уведомляющую меня о возвращении в этот порт броненосца, я немедленно телеграфировал генералу Лаховари, прося его не допускать съезда команды на берег и затем, тотчас же, подтвердил ещё эту телеграмму нотой.

Генерал Лаховари был в это время на даче в Буштень и, хотя телеграмма моя дошла до него весьма быстро, но сдача броненосца румынским властям была уже совершена.

Генерал Лаховари, очевидно уверенный в том, что броненосец не вернётся, не принял надлежащих мер после разговора со мной, имевшего место 23-го числа, а констанцские власти, в настоящем паническом страхе бомбардирования броненосцем порта, согласились на сдачу команды.

24 и 25 июня в Констанце находился господин Кантакузин, председатель Совета Министров, и в честь его в этот вечер давался банкет; тотчас по сдаче команды, господин Кантакузин отправился на броненосец со всеми присутствовавшими на банкете, между коими было много дам, а за этими лицами потянулись на броненосец все, кто только не желал, и так продолжалось бы до утра, если бы кому-то не пришло на мысль, что на броненосце могут быть пороховые погреба. Этого было достаточно, чтобы вся компания, во главе с господином Кантакузином, покинула немедленно наше судно.

Первой заботой властей было поднять на «Потёмкине» румынский флаг, но никто не подумал даже принять меры к охране самого судна.

Если на броненосце пропало много судового имущества, то, на основании имеющихся у меня сведений, я могу прямо сказать, что некоторая его часть разграблена румынами.

Секретный агент департамента полиции, проживающий в Румынии, донёс мне, что множество предметов с судна продавалось в Констанце за бесценок, а когда он спросил у нескольких матросов, зачем они разграбили судно, они ответили ему: «Мы, Ваше благородие, ничего не брали с собой, всё оставили на броненосце».

При сдаче броненосца, командир нашего стационера «Псезуапсе»[5] капитан II ранга Банов[6] просил командира над портом взять с броненосца шифры и доставить ему, – просьба эта никогда не была исполнена, а шифры были доставлены капитану Банову сигнальным старшиной с броненосца Фёдором Ведермеевым[7] и 8-ю матросами, тут же сдавшимися капитану Банову.

Со слов очевидцев мне известно, что некоторые из матросов, покидая свой корабль, плакали.

Как я уже имел честь донести Вашему Сиятельству, всего сдалось 42 человека, но я убеждён что, если бы румынские власти не поторопились эвакуировать из Констанцы наших моряков, то значительная часть их, за исключением, конечно, вожаков, явилась бы с повинной к адмиралу Писаревскому.

Всё вышесказанное ясно свидетельствует о том, до какой степени во всём этом деле действия румынских властей оказались легкомысленными и до какой степени они все потеряли голову.

Не могу также обойти молчанием возмутительный факт пассивного присутствия румынских властей при разделе вожаками ограбленных сумм броненосца. Хотя генерал Лаховари это и отрицает, но нет никакого сомнения, что это произошло именно так, как об этом доносит статский советник Вестман.

К чести некоторых чинов команды, могу сказать, что они отказались от этих денег.

Пребывающий здесь германский посланник сообщил мне, что Его Величество король Карл, в разговоре с ним, выразил сожаление о том, что без его ведома на броненосце был поднят румынский флаг.

Его Величество узнал об этом, по словам господина Кидерлена-Вехтера[8], когда флаг уже развевался на нашем корабле[9].

С глубочайшим почтением и искренней преданностью имею честь быть милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 105–112 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г., к № 39

Список вожаков взбунтовавшейся команды эскадренного броненосца «Князь Потёмкин Таврический»[10].

1) Мин. Маш. Кварт. Матюшенко
2) Маш. Кварт. Степан Денисенко
3) " " Евстафий[11] Резниченко
4) Кочег. Кварт. Зиновьев
5) " " Захарий[12] Фишков
6) Машинист В.Кулик
7) " " Пётр Алексеев
8) " " Иван Коваленко
9) " " Заволошинов[13]
10) " " Егор Солодов
11) " " Григорий Логвинов[14]
12) " " Ефим Шевченко
13) Машинист Спинов
14) " " Никитин[15]
15) Мин. Маш. Шестидесятый
16) " " Мартьянов.

На броненосце было тоже два студента анархиста:
1) Василий Иванов
2) Кирилл Петров

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 113–113 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 39.

Копия с донесения статского советника Вестмана от 21 июня 1905 г. за № 67.

Воскресенье, 19 июня, около пяти часов вечера, прибыл из Одессы в Констанцу броненосец «Князь Потёмкин Таврический». Вслед за остановкой, к нему подошли на

шлюпках командир стационера нашего «Псезуапсе», капитан над констанцским портом и командир румынского крейсера «Елизавета». Офицеры эти на вопросы команды «Потёмкина» ответили, что им ничего не было известно о её возмущении или, что хотя о том и ходил слух, но что они не могли придавать ему веры.

На вопрос капитана над портом, с какой целью «Потёмкин» прибыл в Констанцу, руководители возмутившейся команды заявили, что они рассчитывают запастись провиантом и другими необходимыми предметами. При этом был вручён длинный список этих предметов капитану Негру[16], который, возразив, что он запросит инструкций, добавил, что лично он не полагает, чтобы желание команды могло быть удовлетворено. Вместе с тем, капитан Негру преподал команде совет оставить броненосец и сойти всем на берег, где свобода им была бы обеспечена.

Вожаки возмутившихся отвергли это предложение, прося и получив разрешение для некоторых из них сойти временно на берег. На берегу были приняты меры к тому, чтобы ничего не могло быть вывезено на броненосец.

Один из матросов «Потёмкина», не пожелав возвратиться на броненосец, был сначала задержан, а затем выпущен на свободу местными властями.

Впечатление капитана Негру было, что лишь вожаки препятствуют большинству команды покориться; ему также казалось, что на броненосце было несколько офицеров, два или три, хотя и без погон, но что они были подневольные.

Высадившиеся на берег из возмутившейся команды, встретив несколько матросов с нашего стационера, оповестили их, что если «Псезуапсе» не станет на сторону «Потёмкина», то он будет утром пущен ко дну миноносцем, сопровождающим броненосец. Вследствие сего, «Псезуапсе» был отведён ближе к берегу и окружён понтонами.

Утром по направлявшемуся в порт миноносцу было произведено с румынского крейсера «Елизавета» два выстрела: первый холостой, а второй – боевой, но поверх, что заставило миноносец возвратиться к броненосцу.

Тем временем, была получена телеграмма королевского правительства, воспрещающая снабжать чем-либо «Потёмкина», но обещающая команде полную свободу под непременным условием, чтобы она покинула броненосец совершенно неповреждённым. Капитан над портом снова вступил по этому случаю в переговоры с возмутившейся командой, стараясь её убедить. Телеграмма была переведена на русский язык, но затем команда потребовала и подлинный текст, который был ей вручён. Часа через два командой было заявлено, что предлагаемые условия она не принимает, между прочим, по той причине, что Румыния слишком слаба, чтобы отказать в безотлагательном возвращении броненосца России.

На запрос капитана Негру, что намерен предпринять «Потёмкин», ему было сообщено, что броненосец направится в какой-нибудь незначительный пункт нашего побережья, где возможно было бы запастись необходимым.

Засим капитану над портом было доставлено пятнадцать пакетов с прокламациями, адресованными местным иностранным консулам, с просьбой вручить их по назначению, по крайней мере, великобританскому консулу.

Капитан Негру, отказав в этом, препроводил прокламации к своему правительству.

В прокламациях этих, носящих подпись «Экипаж броненосца Князь Потёмкин-Таврический», говорится, что «Потёмкин» ведёт войну против России, но не будет нападать на иностранные города или корабли.

В час пополудни 20 июня «Потёмкин» отошёл по направлению к югу. 21 утром приходил в Констанцу на несколько часов один из наших контр-миноносцев, отошедший в Варну.

Появление броненосца произвело в Констанце большое волнение и беспокойство.

По всем поступающим сведениям, румынские власти держали себя во время этого исключительного происшествия вполне корректно. Капитан же над констанцским портом проявил, кроме того, много такта.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 114–116 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 39.

Копия с донесения статского советника Вестмана от 27 июня 1905 г. за № 71

При приближении к Констанце отряда контр-адмирала Писаревского, с занятого румынами броненосца «Князь Потёмкин» был дан сигнал: «Не пробуйте входить в порт».

Оскорблённый таким сигналом, тем более поднятым на нашем броненосце, адмирал не принял офицера, высланного для его встречи. Прибывший засим сконфуженный начальник королевской флотилии, Козлинский[17], извинился тем, что, в виду неточных газетных известий, он не знал, не возмутились ли также броненосцы, приближающиеся к Констанце.

Адмирал и офицеры нашего отряда имеют некоторое основание предполагать, что краны, наполнившие водой «Князя Потёмкина», были открыты не нашей возмутившейся командой, а румынами, временно занимавшими броненосец, с целью скрыть исчезновение нескольких ценных морских технических предметов из подводной части. Некоторых новейших инструментов не досчитываются и в верхней части броненосца. Вследствие веса и громоздкости этих предметов, трудно предположить, чтобы они были сняты сошедшей на берег нашей командой.

Адмирал надеется, что будет возможно поднять «Князя Потёмкина» и сняться в Севастополь всему отряду завтра, 28 июня.

По спущению на берег возмутившейся команды 26 июня, она собралась на одной из площадей, где глава восстания, Матюшенко[18], в присутствии румынских властей раздавал матросам деньги. Русские деньги из кассы броненосца были, при содействии местных властей, обменены предварительно на румынские. Каждый из матросов получил около 70 франков. По слухам, Матюшенко, кроме того, продал, также с разрешения румынских властей, в одном из здешних банков несколько русских облигаций или акций. По некоторым сведениям, Матюшенко, офицер-механик Коваленко[19] и один из находившихся на броненосце не военных анархистов выехали вчера в Швейцарию по румынским паспортам.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 117–118.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 39.

Копия с донесения статского советника Вестмана от 28 июня 1905 г. за № 73

Отряд судов наших снялся в Севастополь сегодня в 7 часов вечера, причём броненосец «Синоп» взял на буксир «Князя Потёмкина».

Контр-адмирал Писаревский, прибывший с отрядом 26 июня и крайне озабоченный состоянием «Князя Потёмкина», проводил на этом броненосце большую часть времени. Было опасение, чтобы не явилась необходимость, для поднятия броненосца, в разборке машин.

На берег адмирал не сходил совершенно, за неимением времени, а может быть также во избежание возможности быть оскорблённым командой «Князя Потёмкина», как это случилось с одним из офицеров.

Вследствие сего, адмирал Писаревский лишь сегодня поручил нашему военному агенту, полковнику Занкевичу[20], отвезти его визитные карточки местному префекту и командиру II армейского корпуса, начальнику войск округа.

Префект Капша[21] выразил полковнику Занкевичу своё удивление, что адмирал ранее не сделал положенных визитов, также и председателю Совета министров, Кантакузину, находившемуся в день прибытия нашего отряда в Констанце. Господин Капша заявил, что он уже донёс об этом министру иностранных дел и предполагал, что адмирал был чем-нибудь недоволен, хотя он и не осведомлён о каком-либо инциденте. Полковник Занкевич, указав на вышеупомянутые обстоятельства, не позволявшие адмиралу сойти на берег, намекнул также на инцидент поднятия сигнала на «Князе Потёмкине» о запрещении входить в порт, о чём префекту совершенно не было известно.

Господин Капша сообщил, что он будет телеграфировать министру иностранных дел объяснение, данное полковником Занкевичем.

Командир II корпуса генерал Ангелеску[22] обиженным тоном сетовал на неполучение визита от адмирала Писаревского.

На приведение военным агентом вероятных причин этого упущения, генерал Ангелеску возразил, что румынское правительство сумело бы охранить адмирала от оскорблений находящейся в городе команды «Князя Потёмкина».

Указав на всю трудность предупредить подобные оскорбления, полковник Занкевич ещё раз сослался на заботы адмирала и полный недостаток времени. При этом военный агент наш выставил как наглядный пример тот факт, что уже более недели тому назад он сделал визит генералу Ангелеску, но ответного его визита ещё не получил. Упоминание об этом привело генерала в замешательство.

Поскольку официальные румынские лица требовательны в исполнении по отношению к себе принятых обычаев вежливости, постольку же они мало стесняются не выполнять сами этих правил. При первом ещё появлении «Князя Потёмкина» на здешнем рейде, прибыв в Констанцу, я счёл своей обязанностью сделать визиты префекту Капша, директору префектуры и генералу Ангелеску, но ответного визита ни от кого из них я не получил.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 119–120.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 39.

Копия с донесения статского советника Вестмана от 26 июня 1905 года, за № 69

Броненосец «Князь Потёмкин» пришёл вторично в Констанцу в полночь на 25 июня. Депутация от возмутившегося экипажа прибыла на берег и заявила о желании сдаться на условиях обеспечения свободы, предложенных в первое появление броненосца в Констанце.

Вследствие сего, команда без оружия была спущена на берег 25 числа и замещена румынской, а на мачте был поднят румынский флаг. На протест против такой неосновательной замены нашего флага, румынские власти дали объяснение, что мера эта была временная и вызывалась, будто, соображением невозможности поставить румынскую военную команду под русский флаг.

26 июня утром на констанцский рейд пришли броненосцы «Чесма» и «Екатерина II» с четырьмя миноносцами, под общим начальством контр-адмирала Писаревского. В два часа дня «Потёмкин» был передан нам, румынский флаг был спущен, и наша команда сменила румынскую. Запаслись углём и водой; все наши суда предполагают отбыть завтра в Севастополь. Миноносец № 267, сопровождавший «Потёмкина», не захотел передаться румынам и один ушёл в Севастополь.

Броненосец оказался в совершенной целости, но всё на нём находилось в большом беспорядке. Касса, тысяч в 20–30, разделена командой. Команда была принята на берегу народонаселением с проявлением некоторой симпатии. Из Бухареста прибыла делегация от социалистов[23], раздавшая команде около полутора тысяч. Высадившиеся матросы снабжены румынскими властями проходными свидетельствами. Часть их уже выехала вовнутрь страны, а также в местности, прилегающие к нашей границе, с целью в будущем проникнуть в Россию. Другая часть, до пятидесяти человек и два офицера-механика, возвратились на наши суда.

Возвращающиеся единогласно свидетельствуют, что лишь небольшое число зачинщиков, человек 20, главным из которых был матрос Матюхин[24], принуждали экипаж оружием поддерживать восстание. Матюхин убил собственноручно четырёх офицеров. В Феодосии[25] были застрелены войсками на берегу семеро из вожаков восстания, что и ускорило его прекращение. На броненосце находилось также несколько анархистов, севших в Одессе.

Второй из пришедших броненосцев носит название «Синоп», а не «Екатерина II». «Князь Потёмкин» сняться 27 не может. Как впоследствии оказалось, возмутившийся экипаж, сходя на берег, открыл клапана, вследствие чего в ночь на 27 броненосец стал на мель в констанцском порту, наполнившись значительно водой.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 121–122.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Публикуются частично.

[2] Сергей Андреевич Вестман, российский консул в Добрудже. Был командирован в Констанцу.

[3] Подробнее о влиянии и последствиях инцидента с броненосцем «Потёмкин» для развития русско-румынских отношений см.: Georgescu T., Marcu G. *Potemkiniştii în România. 50 de ani de la răscoala marinarilor de pe crucişătorul „Potemkin" 1905–1955.* Bucureşti, Editura de Stat pentru Literatură Politică, 1955; Кардашев Ю. П. *Восстание. Броненосец „Потёмкин" и его команда.* Москва, 2008. С. 97 и сл.

[4] Сергей Петрович Писаревский (1848–1908), контр-адмирал, позднее вице-адмирал российского Черноморского флота. Начальник учебного отдела Черноморского флота. Был ранен во время восстания моряков в Севастополе в ноябре 1905 г. Получил известность как один из главных инициаторов преследований в отношении моряков с броненосца «Потёмкин».

[5] Стационер-шхуна «Псезуапсе». Была спущена на воду в 1856 г. Оставалась в составе флота до 1910 г.

[6] Н. Н. Банов, капитан II ранга. Командир шхуны «Псезуапсе».

[7] Правильно – Фридрих Веденмеер.

[8] Альфред фон Кидерлен-Вехтер (1852–1912), германский дипломат и политический деятель. Поступил на дипломатическую службу в 1877 г., занимая различные дипломатические должности в Копенгагене, Санкт-Петербурге, Париже и Стамбуле. С 1888 до 1894 г. работал в Берлине, в Министерстве

иностранных дел. В 1895 г. назначен посланником в Копенгаген. В 1897 г. попал в немилость к кайзеру Вильгельму II, в результате чего был переведён в Бухарест, где оставался в течение следующих десяти лет. В 1908 г. назначен заместителем госсекретаря Министерства иностранных дел, а в 1910 г. стал руководителем МИД.

[9] Король Карл полагал, что инцидент с броненосцем «Потёмкин» стал следствием «анархии», царившей в России, а российские власти оказались не в состоянии справиться с кризисом, вызванным прибытием броненосца в порт Констанцы. По мнению короля, русские «совершенно потеряли голову, до такой степени, что они не знали, что должны, а чего не должны делать». Напротив, румынский монарх высоко оценивал действия румынского политического руководства и военных чинов (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912) /* Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 431).

[10] Подробные биографии членов экипажа броненосца «Потёмкин» см.: Кардашев Ю. П. *Указ. соч.* С. 208–424.

[11] Правильно – Евгений (Евтихий).

[12] Правильно – Зиновий.

[13] Правильно – Заулошнов.

[14] Правильно – Логинов.

[15] Правильно – Никишкин.

[16] Здесь имеется в виду капитан (позднее – контр-адмирал) Николае Негру (1868–1940), командующий портом в Констанце. В июне 1905 г., во время захода в порт Констанцы броненосца «Потёмкин», своим дипломатическим тактом и энергичными действиями ему удалось убедить экипаж добровольно сдать броненосец румынским властям и высадиться в Констанце. За свои заслуги летом 1905 г. был награждён Орденом «Румынской Звезды» („Steaua României”) в ранге Кавалера. Во время Первой мировой войны сначала командовал дунайским флотом, а затем, 8 января 1917 г., был назначен главнокомандующим румынским ВМФ.

[17] Правильно: Кослински. Эманоил Кослински (1853–1909), румынский адмирал. Занимал должность главнокомандующего румынским Военно-Морским Флотом (1901–1909). Был произведён в контр-адмиралы в 1906 г. В этом качестве совершил несколько путешествий и был командирован за границу, в рамках ряда военно-морских миссий (в том числе во Францию, Швецию и Россию). Внёс важный вклад в создание Дунайской речной дивизии..

[18] Афанасий Николаевич Матюшенко (1879–1907), главный руководитель восстания экипажа «Потёмкина». Активный участник подготовки всеобщего восстания на российском флоте. Принимал участие во всех наиболее важных действиях восставших. После предоставления ему политического убежища в Румынии некоторое время жил в доме Замфира Ралли-Арборе, а в июле 1905 г. эмигрировал в Швейцарию, в Женеву, вместе с А. М. Коваленко и А. П. Березовским. Вернулся в Румынию осенью 1905 г., после чего жил в Бухаресте, Кымпине и Констанце. Подвергался постоянному надзору и слежке со стороны румынских властей и агентов Департамента полиции Российской империи. В марте 1906 г. был арестован в Констанце за пропаганду среди матросов и выслан из Румынии. В последующем жил в Швейцарии, США и Франции. 28 июня 1907 г. прибыл из Румынии в Одессу, а 3 июля был арестован в Николаеве. Приговорён к смертной казни и казнён в ночь с 19 на 20 октября 1907 г.

[19] Александр Михайлович Коваленко (род. в 1875 г.), офицер (поручик) на броненосце, один из руководителей восстания экипажа. Участвовал в переговорах с румынскими властями. После предоставления ему политического убежища в Румынии некоторое время жил в доме Замфира Ралли-Арборе. Позднее эмигрировал в Швейцарию, в Женеву.

[20] Михаил Ипполитович Занкевич (1872–1945), генерал-майор (1914). Военный атташе Российской империи в Бухаресте (с января 1905 г. до октября 1910 г.) и Вене (с октября 1910 г. до июля 1913 г.).

[21] Полковник Михай Капша, префект Констанцского уезда (1905–1907).

[22] Георге Ангелеску / Анджелеску (1839–1915).

[23] Кардашев Ю. П. *Указ. соч.* С. 129–130; Подробнее о роли Христиана Раковского см.: Гросул В. Я. *Х. Г. Раковский и социал-демократическое движение в России (конец XIX – начало XX вв.) // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей.* Москва, Российская академия наук, Институт российской истории, 2007. С. 395–413.

[24] Так в документе. В действительности Матюшенко.

[25] Феодосия, город в Крыму. Порт и известный курорт. Расположен в юго-восточной части Крымского полуострова.

Sinaia, 1 iulie 1905. nr. 39. Lermontov către contele Lamsdorff

20 anexe[1]

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am onoarea să vă prezint în anexă, la discreția și latitudinea Luminăției Voastre, copiile rapoartelor consilierului de stat Vestman[2] privind aflarea în portul Constanța a cuirasatului de escadră „Cneazul Potemkin de Taurida" și a torpilorului nr. 267, precum și despre predarea echipajului cuirasatului autorităților române[3].

La aceste materiale consider de datoria mea să anexez cincisprezece exemplare ale apelurilor transmise de către echipajul cuirasatului căpitanului portului Constanța, pentru a fi înmânate consulilor străini care se află la Constanța, precum și lista numelor de familie ale conducătorilor echipajului răzvrătit. Aceste apeluri nu au fost transmise la destinația inițială, iar ministrul regal al Afacerilor Străine le-a expediat pe adresa misiunii imperiale.

Conform instrucțiunilor telegrafice ale Luminăției Voastre din data de 22 și 29 iunie, eu am avut onoarea să îi transmit Ministrului Afacerilor Străine prea milostiva gratitudine a Majestății Sale Imperiale împăratului Rusiei față de guvernul regal pentru măsurile energice care au fost luate în privința cuirasatului „Cneazul Potemkin" în timpul primei sale intrări în portul Constanța și pentru sprijinul plin de amabilitate în timpul transferului cuirasatului sub controlul contra-amiralului Pisarevski[4], care a sosit la Constanța cu un grup de nave [rusești].

Suplimentar la mai multe telegrame trimise de mine, precum și la rapoartele domnului Vestman, anexate la acest raport, consider de datoria mea să îmi exprim umila opinie că, dacă nu ar fi existat frica și panica care a cuprins autoritățile române doar la aflarea veștii apropierii de Constanța a cuirasatului nostru, precum și graba manifestată de acestea în timpul negocierilor cu echipajul răsculat, tot acest regretabil eveniment s-ar fi putut încheia cu totul altfel.

După primirea telegramei Luminăției Voastre din data de 22 iunie, în care Domnia Voastră, stimate domn, ați binevoit să îmi ordonați să insist pe lângă guvernul român în sensul interzicerii debarcării pe uscat a echipajului navelor răsculate, eu i-am transmis generalului Lahovari conținutul telegramei Luminăției Voastre chiar a doua zi, la o recepție diplomatică.

Ministrul Afacerilor Străine, fiind extrem de mulțumit de faptul că, prima oară, guvernul regal a reușit să se debaraseze atât de ușor de acest oaspete nepoftit, m-a asigurat imediat că, în caz dacă cuirasatul ar mai apărea încă o dată în apropierea coastelor românești, guvernul său ar proceda exact la fel ca și prima oară, remarcând cu această ocazie că este foarte puțin probabil să se întâmple acest lucru, deoarece pe cuirasat aproape că nu mai există cărbune și apă potabilă, și că din data de 20, adică din ziua când a plecat din Constanța, acesta ar fi trebuit deja, probabil, să își epuizeze toate proviziile și rezervele.

Primind dimineața devreme, pe data de 25, o telegramă de la vice-consulul nostru din Constanța, care mă informa despre revenirea cuirasatului în acest port, eu i-am telegrafiat fără întârziere generalului Lahovari, rugându-l să nu permită debarcarea echipajului pe uscat și după aceea, imediat, am și reconfirmat această telegramă printr-o notă oficială.

Generalul Lahovari se afla, în acest timp, la vila sa din Bușteni și, chiar dacă telegrama mea a ajuns la el foarte repede, predarea cuirasatului către autoritățile române fusese însă deja înfăptuită.

Generalul Lahovari, fiind, evident, sigur de faptul că cuirasatul nu va mai reveni, nu a luat măsurile de rigoare în urma conversației sale cu mine, care avusese loc pe data de 23, iar

autoritățile din Constanța, aflându-se într-o adevărată stare de frică și panică din cauza posibilității de bombardare a portului de către cuirasat, au fost de acord cu predarea echipajului.

Pe 24 și 25 iunie, la Constanța s-a aflat domnul Cantacuzino, președintele Consiliului de Miniștri, iar în onoarea sa, în acea seară, s-a organizat un banchet; imediat după predarea echpajului, domnul Cantacuzino a plecat să viziteze cuirasatul împreună cu toți cei prezenți la banchet, printre care erau și multe doamne, iar în urma acestor persoane spre cuirasat s-au îndreptat în șir absolut toți cei care doreau acest lucru, și așa ar fi continuat până dimineața, dacă cuiva nu i-ar fi venit gândul că pe cuirasat ar putea exista depozite de muniții. Acest lucru a fost suficient ca întreaga mulțime de societate, în frunte cu domnul Cantacuzino, să părăsească imediat nava noastră.

Prima grijă a autorităților a fost să arboreze pe „Potemkin" pavilionul românesc, dar nimeni nici nu s-a gândit măcar să ia anumite măsuri pentru paza navei propriu-zise.

Dacă de pe cuirasat a dispărut o mare parte din bunuri și din patrimoniul naval, atunci, pe baza informațiilor de care dispun, eu pot să afirm direct că o anumită parte a acestuia a fost jefuită de români.

Un agent secret al Departamentului Poliției, care locuiește în România, mi-a raportat că o sumedenie de obiecte de pe navă se vindeau la Constanța la un preț de nimic, iar atunci când el i-a întrebat pe câțiva marinari, de ce aceștia au prădat vaporul, ei i-au răspuns: „Noi, Înălțimea Voastră, nu am luat nimic cu sine, am lăsat totul pe cuirasat".

În timpul predării cuirasatului, comandantul navei noastre militare de observație, „Psezuapse"[5], căpitanul de rang secund Banov[6], l-a rugat pe comandantul portului să ia de la bordul cuirasatului codurile cifrate și să i le transmită personal, – această rugăminte nu a fost niciodată îndeplinită, iar codurile cifrate i-au fost aduse căpitanului Banov de către semnalizatorul șef de pe cuirasat, Fiodor Vedermeev[7], și de către alți 8 marinari, care s-au predat imediat căpitanului Banov.

Din spusele martorilor oculari, dispun de informația că unii dintre marinari, părăsindu-și vaporul, plângeau.

Așa cum am avut deja onoarea să vă raportez Luminăției Voastre, în total s-au predat 42 de persoane, însă am convingerea că, dacă autoritățile române nu s-ar fi grăbit să îi evacueze din Constanța pe marinarii noștri, atunci o însemnată parte a acestora, desigur, cu excepția conducătorilor revoltei, s-ar fi prezentat în fața amiralului Pisarevski pentru a-și recunoaște vina.

Toate cele menționate mai sus sunt o mărturie clară a faptului, în ce măsură în toată această afacere acțiunile autorităților române s-au dovedit a fi nechibzuite și în ce măsură toți reprezentanții acestora și-au pierdut capul.

De asemenea, nu pot să trec sub tăcere faptul revoltător al atitudinii pasive a autorităților românești prezente în timpul împărțirii de către liderii revoltei a sumelor de bani jefuite de pe cuirasat. Deși generalul Lahovari neagă acest fapt, însă nu există nici o îndoială că acest lucru s-a întâmplat anume așa, cum raportează despre aceasta consilierul de stat Vestman.

Spre onoarea unei părți a ofițerimii din componența echipajului, pot să spun că ei au refuzat să primească acești bani.

Trimisul german aflat la curtea de aici mi-a comunicat că Majestatea Sa regele Carol, într-o convorbire avută cu el, și-a exprimat regretul în legătură cu faptul că pe cuirasat a fost arborat pavilionul românesc fără știrea și consimțământul său.

Conform spuselor domnului Kiderlen-Wächter[8], Majestatea Sa a aflat despre aceasta atunci, când pavilionul fâlfâia deja pe corabia noastră[9].

Cu cea mai profundă considerație și sincer devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 105–112 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 39

Lista conducătorilor echipajului răsculat al cuirasatului de escadră „Cneazul Potemkin de Taurida”[10]:

1) Trăgător mecanic navigator Matiușenko
2) Mecanic navigator Stepan Denisenko
3) " " Eustafie[11] Reznicenko
4) Fochist navigator Zinoviev
5) " " Zaharie[12] Fișkov
6) Mecanic V. Kulik
7) " " Piotr Alexeev
8) " " Ivan Kovalenko
9) " " Zavoloșinov[13]
10) " " Egor Solodov
11) " " Grigorii Logvinov[14]
12) " " Efim Șevcenko
13) Mecanic Spinov
14) " " Nikitin[15]
15) Trăgător mecanic Șestidesiatâi
16) " " Martianov.

Pe cuirasat se aflau, de asemenea, doi studenți anarhiști:

1) Vasilii Ivanov
2) Kirill Petrov

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 113–113 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 39.

Copie de pe raportul consilierului de stat Vestman din data de 21 iunie 1905, sub nr. 67.

Duminică, 19 iunie, în jur de orele cinci seara, a sosit de la Odesa la Constanța cuirasatul „Cneazul Potemkin de Taurida”. Imediat după oprirea navei, de aceasta s-au apropiat pe bărci comandantul navei noastre militare de observație „Psezuapse”, căpitanul portului Constanța și comandantul crucișătorului românesc „Elisabeta”. Acești ofițeri, răspunzând la întrebările echipajului de pe „Potemkin”, au răspuns că ei nu cunoșteau nimic despre revolta acestuia sau, chiar dacă despre aceasta circulau anumite zvonuri, că ei nu le-au putut da nici o crezare.

Răspunzând la întrebarea căpitanului portului, cu ce scop a sosit „Potemkin” la Constanța, conducătorii echipajului răsculat au declarat că ei intenționează să își facă rezerve de provizii și de alte obiecte de primă necesitate. În acest sens, căpitanului Negru[16] i-a fost înmânată o lungă listă cu aceste obiecte. Acesta, remarcând că va solicita instrucțiuni oficiale, a adăugat că el personal nu consideră că această dorință a echipajului va putea fi satisfăcută. În același timp, căpitanul Negru i-a oferit echipajului sfatul de a părăsi cuirasatul și de a debarca cu toții pe uscat, unde le-ar fi fost asigurată libertatea.

Conducătorii celor răzvrătiți au respins această propunere, cerând și primind permisiunea, pentru unii dintre ei, să debarce temporar pe uscat. Pe uscat au fost luate toate măsurile pentru a garanta că nimic nu va putea fi transportat pe cuirasat.

Unul dintre marinarii de pe „Potemkin”, nedorind să se întoarcă la bordul cuirasatului, a fost la început reținut, iar apoi pus în libertate de autoritățile locale.

Impresia căpitanului Negru a fost că doar conducătorii revoltei îi împiedică pe majoritatea membrilor echipajului să se supună autorităților. I s-a părut, de asemenea, că pe cuirasat se aflau câțiva ofițeri, doi sau trei, fie și fără epoleți, dar că aceștia erau forțați să se supună răsculaților.

Membrii echipajului răsculat care debarcaseră pe uscat, întâlnindu-i pe câțiva marinari de pe nava noastră militară de observație, i-au anunțat că, dacă „Psezuapse” nu va trece de partea navei „Potemkin”, atunci dimineața aceasta va fi scufundată de către torpilorul care însoțea cuirasatul. Ca urmare a acestui avertisment, „Psezuapse” a fost retras mai aproape de mal și înconjurat de pontoane.

Dimineața, asupra torpilorului, care se îndrepta în direcția portului, au fost efectuate două lovituri de tun de la bordul crucișătorului românesc „Elisabeta”: prima – cu cartușe oarbe, iar a doua – cu muniție de război, însă pe deasupra, ceea ce a silit torpilorul să revină lângă cuirasat.

Între timp, a fost primită telegrama guvernului regal, care interzicea orice fel de aprovizionare a navei „Potemkin”, dar care îi promitea echipajului libertate deplină, cu condiția obligatorie ca acesta să părăsească cuirasatul, lăsându-l într-o stare absolut intactă. Căpitanul portului a intrat din nou în tratative cu echipajul răsculat, cu această ocazie, străduindu-se să îl convingă să cedeze. Telegrama a fost tradusă în limba rusă, însă după aceea echipajul a cerut insistent și textul în original, care i-a fost înmânat. Peste vreo două ore echipajul a declarat că el nu acceptă condițiile propuse, printre altele, din motivul că România este prea slabă ca să îi refuze Rusiei returnarea neîntârziată a cuirasatului.

Ca răspuns la întrebarea căpitanului Negru despre ce intenționează să întreprindă nava „Potemkin”, acestuia i s-a comunicat că cuirasatul se va îndrepta spre un oarecare punct neînsemnat al litoralului nostru, unde ar fi posibil să se aprovizioneze cu toate cele necesare.

După aceasta, căpitanului portului i-au fost transmise cincisprezece pachete cu proclamații, adresate consulilor locali ai statelor străine, cu rugămintea de a fi înmânate conform destinației inițiale, sau, cel puțin, consulului Marii Britanii.

Căpitanul Negru, refuzând această solicitare, a expediat aceste proclamații propriului său guvern.

În aceste proclamații, care poartă semnătura „Echipajul cuirasatului *Cneazul Potemkin de Taurida*”, se afirmă, că „Potemkin” se află în război contra Rusiei, dar că nu va ataca orașele sau corăbiile care aparțin altor state.

La ora unu după amiază, pe data de 20 iunie, „Potemkin” a plecat din Constanța în direcție sudică. Pe data de 21 dimineața, la Constanța a sosit, pentru câteva ore, unul dintre contra-torpiloarele noastre, care a plecat mai departe spre Varna.

Apariția cuirasatului a produs la Constanța o mare agitație și îngrijorare.

Conform tuturor informațiilor care îmi parvin, autoritățile române au adoptat, în timpul acestei întâmplări ieșite din comun, o atitudine de deplină corectitudine. Iar căpitanul portului Constanța a dat dovadă, în afară de aceasta, de foarte mult tact.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 114–116 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 39.

Copie de pe raportul consilierului de stat Vestman din data de 27 iunie 1905, sub nr. 71.

În timpul apropierii de portul Constanța a grupului de nave condus de contraamiralul Pisarevski, de pe cuirasatul „Cneazul Potemkin”, ocupat de români, a fost lansat semnalul: „nu încercați să intrați în port”.

Fiind ofensat de un asemenea semnal, mai ales că acesta a fost lansat de pe cuirasatul nostru, amiralul nu l-a primit pe ofițerul care fusese trimis pentru întâmpinarea sa. Comandantul flotilei regale, Koslinski[17], care a sosit după aceea, fiind foarte jenat de incident, s-a scuzat prin faptul că, având în vedere știrile inexacte din ziare, el nu cunoștea dacă nu s-au răsculat cumva și cuirasatele care se apropiau de Constanța.

Amiralul și ofițerii din grupul nostru naval au un anumit temei pentru a presupune că robinetele care au umplut cu apă nava „Cneazul Potemkin” au fost deschise nu de către echipajul nostru răsculat, ci de către români, care ocupaseră temporar cuirasatul, cu scopul de a ascunde dispariția câtorva obiecte prețioase din domeniul tehnologiei maritime aflate în partea subacvatică a navei. La inventariere, s-a constatat și lipsa unor instrumente de cea mai nouă generație și din partea superioară a cuirasatului. Având în vedere masivitatea și caracterul voluminos al acestor obiecte, este greu de presupus ca acestea să fi fost scoase de pe navă de către echipajul nostru care a debarcat pe uscat.

Amiralul speră, că va fi posibilă dezeșuarea „Cneazului Potemkin” și că întregul grup naval va putea ridica ancora pentru a pleca spre Sevastopol mâine, pe 28 iunie.

După coborârea pe uscat a echipajului răsculat, pe 26 iunie, acesta s-a adunat pe una dintre piețele orașului, unde șeful revoltei, Matiușenko[18], în prezența autorităților române, a început să distribuie bani marinarilor. Banii rusești din casieria cuirasatului au fost convertiți, în prealabil, în bani românești, cu sprijinul autorităților locale. Fiecare marinar a primit aproximativ 70 de franci. Conform unor zvonuri, Matiușenko, în afară de aceasta, ar fi vândut, la fel cu permisiunea autorităților române, la una dintre băncile de aici, câteva obligațiuni financiare sau acțiuni rusești. Conform unor informații, Matiușenko, ofițerul-mecanic Kovalenko[19] și unul dintre anarhiștii care se aflau la bordul cuirasatului și nu făceau parte din rândul militarilor ar fi plecat ieri spre Elveția, folosind pașapoarte românești.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 117–118.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 39.

Copie de pe raportul consilierului de stat Vestman din data de 28 iunie 1905, sub nr. 73.

Grupul navelor noastre a ridicat ancora și a plecat spre Sevastopol astăzi, la orele 7 seara, în condițiile în care cuirasatul „Sinop” a luat la remorcă nava „Cneazul Potemkin”.

Contraamiralul Pisarevski, care a sosit împreună cu grupul naval pe 26 iunie și care fusese extrem de îngrijorat de starea „Cneazului Potemkin”, și-a petrecut la bordul acestui cuirasat cea mai mare parte a timpului. Exista temerea că ar putea apărea necesitatea de a demonta mașinile navale, în procesul de despotmolire a cuirasatului.

Amiralul nu a debarcat absolut deloc pe țărm, din cauza lipsei de timp, dar, se prea poate, și pentru a evita posibilitatea de a fi jignit și ofensat de către echipajul „Cneazului Potemkin”, așa cum s-a întâmplat cu unul dintre ofițeri.

Ca urmare a acestui fapt, amiralul Pisarevski l-a însărcinat abia astăzi pe agentul nostru militar, colonelul Zankevici[20], să îi prezinte oficial cărțile sale de vizită prefectului local și comandantului Corpului II Armată, care este și comandantul trupelor din acest district.

Prefectul Capșa[21] i-a exprimat colonelului Zankevici uimirea sa în legătură cu faptul că amiralul nu a efectuat mai devreme vizitele cuvenite, mai cu seamă în cazul Președintelui Consiliului de Miniștri, Cantacuzino, care se afla la Constanța în ziua sosirii grupului nostru naval. Domnul Capșa a declarat că el a raportat deja despre acest lucru Ministrului Afacerilor Străine și că el presupune că amiralul a avut un anumit motiv de nemulțumire, chiar dacă el nu este informat despre producerea vreunui anume incident. Colonelul Zankevici, indicând circumstanțele amintite mai sus, care nu i-au permis amiralului să debarce pe țărm, a făcut aluzie, de asemenea, la incidentul lansării semnalului de interzicere de a intra în port de la bordul „Cneazului Potemkin”, lucru despre care prefectul nu avea nici un fel de cunoștință.

Domnul Capșa i-a comunicat agentului că el îi va telegrafia Ministrului Afacerilor Străine explicația oferită de către colonelul Zankevici.

Comandantul Corpului II Armată, generalul Anghelescu[22], s-a plâns, pe un ton destul de supărat, din cauza lipsei vizitei din partea amiralului Pisarevski.

Ca răspuns la enumerarea, de către agentul militar, a cauzelor probabile ale acestei neglijențe, generalul Anghelescu a obiectat că guvernul român ar fi fost în stare să îl protejeze pe amiral de jignirile echipajului „Cneazului Potemkin”, care se află în oraș.

Atrăgând atenția asupra serioaselor dificultăți de a preveni asemenea jigniri, colonelul Zankevici s-a referit încă o dată la grijile amiralului și la absoluta sa lipsă de timp. Totodată, agentul nostru militar a invocat drept un exemplu elocvent faptul că el i-a făcut o vizită generalului Anghelescu încă cu mai mult de o săptămână în urmă, dar nu a primit vizita sa de răspuns nici până astăzi. Menționarea acestui fapt l-a pus pe general în încurcătură.

Pe cât sunt oficialitățile române de exigente în privința respectării cutumelor acceptate ale politeței față de propria persoană, pe atât nu se jenează acestea câtuși de puțin să nu respecte chiar ele însele aceste reguli. Încă la prima apariție a „Cneazului Potemkin” în rada portului de aici, sosind la Constanța, eu am considerat de obligația mea să îi vizitez pe prefectul Capșa, pe directorul prefecturii și pe generalul Anghelescu, însă nu am primit obișnuita vizită de răspuns din partea nici unuia dintre ei.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 119–120.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 39.

Copie de pe raportul consilierului de stat Vestman din data de 26 iunie 1905, sub nr. 69.

Cuirasatul „Cneazul Potemkin” a sosit a doua oară la Constanța la miezul nopții, pe data de 24 spre 25 iunie. O delegație din partea echipajului răsculat a debarcat pe țărm și a declarat că dorește să se predea cu condiția asigurării libertății marinarilor, oferită la prima apariție a cuirasatului la Constanța.

Ca urmare a acestui fapt, echipajul neînarmat a fost coborât pe uscat pe data de 25 și înlocuit de un echipaj românesc, iar pe catarg a fost arborat pavilionul românesc. Ca răspuns la protestul împotriva unei asemenea schimbări nefondate a pavilionului nostru, autoritățile române au dat explicația precum că această măsură a fost una pur temporară și ar fi fost motivată, chipurile, de raționamentul imposibilității de a plasa un echipaj militar românesc sub pavilion rusesc.

În dimineața de 26 iunie, în rada portului Constanța au sosit cuirasatele „Cesma" și „Ecaterina II", împreună cu patru torpiloare, sub comanda generală a contraamiralului Pisarevski. La orele două după amiază, „Potemkin" ne-a fost transmis nouă, pavilionul românesc a fost coborât, iar echipajul nostru l-a înlocuit pe cel românesc. Au fost refăcute rezervele de cărbune și apă; toate navele noastre intenționează să plece mâine spre Sevastopol. Torpilorul nr. 267, care a însoțit cuirasatul „Potemkin", nu a dorit să se predea în mâinile românilor și a plecat singur spre Sevastopol.

Cuirasatul s-a dovedit a fi în stare absolut intactă, dar tot ceea ce se afla la bord era într-o mare dezordine. Casieria, în sumă de vreo 20-30 de mii, a fost împărțită între membrii echipajului. Echipajul a fost primit pe țărm de către populația orașului cu manifestări ale unei anumite doze de simpatie. De la București a sosit o delegație din partea socialiștilor[23], care a distribuit echipajului în jur de o mie cinci sute [de lei]. Marinarii debarcați pe țărm au fost asigurați de către autoritățile române cu bilete de liberă trecere. O parte dintre ei au plecat deja în interiorul țării, precum și în anumite localități care se învecinează cu frontiera noastră, cu scopul de a pătrunde pe teritoriul Rusiei, în viitor. O altă parte, în număr de până la cincizeci de oameni, precum și doi ofițeri-mecanici, au revenit pe navele noastre.

Cei care revin la noi mărturisesc, în unanimitate, că doar un număr neînsemnat din rândul șefilor și instigatorilor, vreo 20 de oameni, conducătorul cărora era marinarul Matiuhin[24], au forțat echipajul, cu arma în mână, să susțină această revoltă. Matiuhin a omorât, cu propriile mâini, patru ofițeri. La Feodosia[25] au fost împușcați de către trupele de pe țărm șapte oameni din rândul conducătorilor revoltei, ceea ce a și accelerat încetarea acesteia. Pe cuirasat se aflau, de asemenea, câțiva anarhiști, care au urcat la bord la Odesa.

Cel de-al doilea cuirasat sosit la Constanța poartă denumirea de „Sinop", și nu „Ecaterina II". „Cneazul Potemkin" nu poate ridica ancora pe data de 27. Așa cum s-a dovedit ulterior, echipajul răsculat, debarcând pe țărm, a deschis supapele, ca urmare a cărui fapt, în noaptea dintre 26 și 27 iunie, cuirasatul s-a împotmolit în largul portului Constanța, umplându-se, în mare parte, cu apă.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 121–122.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Se publică parțial.

[2] Serghei Andreevici Vestman, consul rus din Dobrogea delegat la Constanța.

[3] Pentru impactul incidentului „Potemkin" asupra relațiilor ruso-române: Titu Georgescu, Gavril Marcu, *Potemkiniştii în România. 50 de ani de la răscoala marinarilor de pe crucişătorul „Potemkin" 1905–1955*, București, Editura de Stat pentru Literatură Politică, 1955; Ю. П. Кардашев, *Восстание. Броненосец „Потёмкин" и его команда*, Москва, 2008, p. 97 și urm.

[4] Serghei Petrovici Pisarevski (1848–1908), contra-amiral, ulterior vice-amiral al flotei ruse la Marea Neagră, șef al secției de instruire (учебный отдел) a Flotei Mării Negre. A fost rănit în timpul revoltei marinarilor de la Sevastopol, în noiembrie 1905, fiind cunoscut ca unul dintre principalii inițiatori ai persecuției marinarilor de pe nava „Potemkin".

[5] Goeleta „Psezuapse". Lansată în 1856. A funcționat până în 1910.

[6] N. N. Banov, căpitan de rangul II. Comandant al goeletei „Psezuapse".

[7] Corect: Fridrih Vedenmeer.

[8] Alfred von Kiderlen-Wächter (1852–1912), diplomat și politician german. A intrat în serviciul diplomatic în 1877, ocupând diferite posturi la Copenhaga, Sankt-Petersburg, Paris și Constantinopol. Între 1888 și 1894 a lucrat în centrala Ministerului Afacerilor Străine. În 1895 a fost numit ministru plenipotențiar la Copenhaga. În 1897, căzut în dizgrația împăratului Wilhelm II, a fost transferat la București, unde a petrecut zece ani. În 1908, a fost numit secretar adjunct al Ministerului Afacerilor Străine, iar în 1910 a preluat conducerea ministerului.

[9] Regele Carol considera că episodul „Potemkin" a fost o consecință a „anarhiei" din Rusia, iar criza provocată de ancorarea cuirasatului în portul Constanța a fost foarte prost gestionată de către autoritățile ruse,

care „și-au pierdut absolut cumpătul că nu mai știau ce trebuie să facă sau să nu facă”. În contrast, monarhul român aprecia modul de acțiune a decidenților politici și militari români (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 431).

[10] Pentru biografiile membrilor echipajului cuirasatului „Potemkin”: Кардашев, *Восстание. Броненосец „Потёмкин”*, p. 208–424.

[11] Corect: Evgenii (Evtihii).

[12] Corect: Zinovii.

[13] Corect: Zauloșnov.

[14] Corect: Loghinov

[15] Corect: Nikișkin.

[16] Este vorba despre căpitanul (mai târziu contra-amiral) Nicolae Negru (1868–1940), comandant al portului Constanța. În iunie 1905, în timpul prezenței în portul Constanța a cuirasatului „Potemkin”, prin diplomația și energia sa, a reușit să determine echipajul să predea nava autorităților române și să debarce în portul Constanța. Pentru meritele sale, în vara anului 1905 a fost distins cu Ordinul „Steaua României” în grad de Cavaler. În timpul Primului Război Mondial, a fost mai întâi comandant al flotei dunărene, fiind numit apoi, la 8 ianuarie 1917, comandant al Marinei Române.

[17] Emanoil Koslinski (1853–1909), amiral român, care a îndeplinit funcția de comandant al Marinei Militare Române (1901–1909). A fost promovat la gradul de contra-amiral în anul 1906. În această calitate, el a executat mai multe călătorii și misiuni navale în străinătate (Franța, Suedia, Rusia).A avut o contribuție importantă la înființarea Diviziei de Dunăre.

[18] Afanasii Nikolaevici Matiușenko (1879–1907), principalul conducător al revoltei echipajului. Participant activ al pregătirii revoltei generale în flota rusă. A luat parte la toate acțiunile principale ale răsculaților. După acordarea azilului politic în România a locuit o vreme în casa lui Zamfir Ralli-Arbore, iar în iulie 1905 a emigrat în Elveția, la Geneva, împreună cu A. M. Kovalenko și A.P. Berezovski. A revenit în România în toamna anului 1905, locuind la București, Câmpina și Constanța. Se afla sub supravegherea constantă a autorităților române și a agenților Departamentului Poliției din Imperiul Rus. A fost arestat și deportat din România în martie 1906. În perioada următoare a locuit în Elveția, S.U.A. și Franța. Pe 28 iunie 1907 a sosit din România la Odesa, iar pe 3 iulie a fost arestat în orașul Nikolaev. A fost executat în noaptea de 19/20 octombrie 1907.

[19] Alexandr Mihailovici Kovalenko (n. 1875), ofițer pe cuirasat, unul dintre liderii revoltei echipajului. A participat la negocierile cu autoritățile române, iar după acordarea azilului politic în România a locuit o vreme în casa lui Zamfir Ralli-Arbore. Mai târziu a emigrat în Elveția, la Geneva.

[20] Mihail Ippolitovici Zankevici (1872–1945), general-maior (1914). Atașat militar al Imperiului Rus la București (ianuarie 1905 – octombrie 1910) și Viena (octombrie 1910 – iulie 1913).

[21] Colonelul Mihai Capșa, prefect al județului Constanța (1905–1907).

[22] Gheorghe Anghelescu / Angelescu (1839–1915).

[23] Кардашев, *Восстание. Броненосец „Потёмкин”*, p. 129–130. Pentru rolul lui Cristian Racovski: В. Я. Гросул, *Х. Г. Раковский и социал-демократическое движение в России (конец XIX – начало XX вв.)*, în *Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А. А. Преображенского: сборник статей*, Москва, Российская академия наук, Институт российской истории, 2007, p. 395–413.

[24] Greșeală în document. Aici se are în vedere marinarul Matiușenko, conducătorul revoltei echipajului.

[25] Feodosia, oraș din Crimeea. Port și stațiune balneară, situată în partea sud-estică a peninsulei.

166

Синая, 9 июля 1905 г. № 41. Лермонтов – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я имел честь получить секретную телеграмму Вашего Сиятельства от 7 сего июля, в коей Вам, милостивый государь, угодно было предписать мне, при случае,

обратить внимание королевского министра иностранных дел на желательность, в интересах самой Румынии, избегать обострения отношений её с Грецией[1].

При первом свидании с генералом Лаховари, я не премину переговорить с ним в предписанном мне смысле.

Пребывающий здесь греческий посланник сообщил мне что, хотя в данный момент нет причины опасаться за какие-либо осложнения, но, тем не менее, надо быть ежеминутно готовым к тому, что недоразумения между обоими правительствами могут возобновиться.

Ни Вселенская Патриархия, ни эллинское правительство не могут спокойно взирать на политическую агитацию Румынии в Македонии, явившуюся последствием султанского *ираде* о признании куцо-влахской национальности.

В Греции, как кажется, очень возмущены поведением румынского посланника в Афинах, проявившего столь мало такта в столь щекотливом вопросе[2].

Господин Томбазис до сих пор не имеет ещё инструкций от своего правительства, ограничившегося лишь сообщением ему о происшедшем разговоре между господином Ралли[3] и господином Папиниу[4], об обращении затем господина Ралли к великим державам и, наконец, вчера им получена телеграмма от господина Ралли, извещающего его, что он, господин Ралли, ничего не имеет прибавить или убавить от сделанного им заявления господину Папиниу.

Генерал Лаховари, которого я видел до получения телеграммы Вашего Сиятельства, сказал мне, что, по-видимому, господин Ралли не так понял заявление господина Папиниу. Что румынское правительство под словом «репрессалии» понимало репрессалии лишь на экономической почве и что, вследствие этого, угроза разрыва дипломатических сношений является неосновательной.

Здесь вообще относятся к происшедшему довольно спокойно, считая, что даже в случае разрыва сношений Греция теряет более, нежели Румыния.

Взгляд этот, по моему скромному мнению, не совсем основателен, так как в случае разрыва, греческое правительство, конечно, не преминёт воспользоваться полученной свободой действий и, конечно, усилит агитацию в Македонии и ещё энергичнее будет поддерживать Патриархию в отказе признать султанский *ираде*.

Преследования же, коим могут подвергнуться, на экономической почве, проживающие здесь греческие подданные, от румынского правительства, не могут послужить компенсацией последнему в том, что оно может потерять в Македонии в политическом отношении.

С глубочайшим почтением и искренней преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, Лермонтов.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 125–128.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Обнародование *ираде* султана Абдул Хамида II, в котором признавалось существование влахской общины в Македонии и предоставлялись влахам основные гражданские и политические права, вызвало сильную и враждебную реакцию со стороны высшей иерархии константинопольской Православной Церкви, а также со стороны греческого правительства. Так, 20 мая 1905 г. патриарх Иоаким III выразил свой личный протест против султанского *ираде* на аудиенции у великого визиря, а греческий министр иностранных дел заявил, что влахи «принадлежат к чистой греческой расе и полностью преданы эллинской идее». Эти заявления вызвали, в свою очередь, бурную и бескомпромиссную реакцию со стороны румынского министерства иностранных дел и, в особенности, самого министра, Якоба

Лаховари. Подробнее об этом инциденте см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 183–185. Также см. док. № 156 от 3 мая 1905 г.

[2] Посланник Румынии в Афинах И. Н. Папиниу (см. ниже), получил недвусмысленные инструкции со стороны министра иностранных дел Якоба Лаховари, ни в коем случае не уступать перед требованиями греческого правительства и безукоснительно следовать бескомпромиссной и непреклонной линии. Министр писал Папиниу, что «Румыния предупреждает, что она, возможно, не будет более слишком долго терпеть творящиеся в Македонии зверства, и она просит греческое правительство повлиять на патриарха и умерить пыл в его действиях». Подробности см.: Nistor I. *Op. cit.* P. 185–186. Подробно о дипломатической переписке между Лаховари и Папиниу см.: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*. București, Imprimeria Statului, 1905. P. 59–68.

[3] Димитриос Раллис (1844–1921), греческий политический деятель. Происходил из фанариотской семьи. Неоднократно занимал должность министра в различных правительствах. Был премьер-министром Греции в апреле–октябре 1897 г., в июле–декабре 1903 г., в июне–декабре 1905 г., в июле–августе 1909 г. и в ноябре 1920 – феврале 1921 гг.

[4] Иоан Н. Папиниу (1853–1924), румынский дипломат, посланник в Афинах в 1900–1906 гг. Кроме этого назначения, также служил генеральным консулом в Будапеште и посланником в Гааге, Стамбуле и Брюсселе.

Sinaia, 9 iulie 1905. nr. 41. Lermontov către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Eu am avut onoarea să recepționez telegrama secretă a Luminăției Voastre din data de 7 iulie a.c., în cuprinsul căreia Domnia Voastră, Stimate Domn, ați găsit de cuviință să îmi ordonați să îi atrag atenția ministrului regal al Afacerilor Străine, cu prima ocazie, asupra necesității ca România să evite încordarea relațiilor sale cu Grecia, ceea ce ar fi conform chiar intereselor României[1].

La prima mea întrevedere cu generalul Lahovari, eu nu voi ezita să inițiez cu el o conversație în sensul instrucțiunilor care mi-au fost date.

Trimisul grec aflat la curtea de aici mi-a comunicat că, deși la momentul actual nu există nici un motiv de îngrijorare în legătură cu orice fel de complicații, însă, cu toate acestea, ar trebui să fim pregătiți, în fiecare clipă, de faptul că neînțelegerile dintre cele două guverne ar putea să reînceapă.

Nici Patriarhia Ecumenică, nici guvernul elen nu pot privi în liniște la agitația politică a României în Macedonia, care reprezintă consecința iradelei sultanului privind recunoașterea naționalității cuțo-vlahe.

Din câte se pare, cei din Grecia sunt foarte indignați de comportamentul trimisului român de la Atena, care a manifestat atât de puțin tact într-o chestiune atât de delicată[2].

Domnul Tombazis nu are încă, până în prezent, nici o instrucțiune din partea guvernului său, care s-a limitat doar la a-l informa despre conversația care a avut loc între domnul Rallis[3] și domnul Papiniu[4], precum și despre adresarea ulterioară a domnului Rallis către Marile Puteri. În sfârșit, ieri domnul Tombazis a primit o telegramă din partea domnului Rallis, care îl anunță că el, domnul Rallis, nu are nimic de adăugat sau de înlăturat din declarația pe care i-a făcut-o domnului Papiniu.

Generalul Lahovari, pe care l-am văzut ultima oară încă înainte de a recepționa telegrama Luminăției Voastre, mi-a spus că, după cum se pare, domnul Rallis a înțeles greșit declarația domnului Papiniu. [Este vorba] că guvernul român a subînțeles, prin noțiunea de „represalii”, doar anumite represalii pe tărâm economic și că, drept urmare a acestui fapt, pericolul întreruperii relațiilor diplomatice este neîntemeiat.

În general, aici domină o atitudine destul de calmă față de cele întâmplate, considerându-se că, chiar și în cazul ruperii relațiilor diplomatice, Grecia ar pierde mai mult decât România.

O asemenea viziune, conform umilei mele opinii, nu este cu totul întemeiată, deoarece, în cazul unei rupturi, guvernul grec nu va ezita, desigur, să profite de libertatea de acțiune astfel obținută și, desigur, își va intensifica agitația în Macedonia și va recurge la o susținere încă și mai energică a Patriarhiei și, în special, a refuzului acesteia de a recunoaște iradeaua sultanului.

Totodată, persecuțiile din partea guvernului român la care ar putea fi supuși, pe un teren pur economic, cetățenii greci care locuiesc aici, nu vor putea servi drept o compensație pentru acesta din urmă față de ceea, ce ar putea pierde guvernul român în Macedonia din punct de vedere politic.

Cu cea mai profundă considerație și sincer devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, Lermontov.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 125–128.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Emiterea *iradelei* sultanului Abdul Hamid II, prin care se recunoştea existenţa comunităţii aromâne din Macedonia şi i se acordau acesteia drepturi civile şi politice, a provocat reacţii virulente din partea conducerii Bisericii Ortodoxe de la Constantinopol şi a guvernului elen. Astfel, pe data de 20 mai 1905, patriarhul Ioachim III a protestat personal împotriva iradelei în faţa Marelui Vizir, iar ministrul de Externe al Greciei a declarat că aromânii „sunt de curată rasă grecească şi sunt devotaţi ideii elenice". Aceste declaraţii au provocat o reacţie intransigentă din partea Ministerului Afacerilor Străine de la Bucureşti şi, în special, a ministrului Iacob Lahovari. Pentru mai multe detalii: Nistor, *„Problema aromână"*, p. 183–185. A se vedea şi doc. nr. 156 din 3 mai 1905.

[2] Trimisul României la Atena, I.N. Papiniu (v. mai jos), primise instrucţiuni clare din partea ministrului Afacerilor Străine, Iacob Lahovari, de a nu ceda în faţa insistenţelor greceşti şi de a avea o linie de conduită intransigentă. Ministrul îi scria lui Papiniu că „România atenţionează că s-ar putea să nu mai tolereze mult timp atrocităţile din Macedonia şi roagă guvernul grec să pondereze acţiunile Patriarhului". A se vedea detalii la: Nistor, *„Problema aromână"*, p. 185–186. Pentru corespondenţa diplomatică dintre Iacob Lahovari şi Papiniu: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*, Bucureşti, Imprimeria Statului, 1905, în special p. 59–68.

[3] Dimitrios Rallis (1844–1921), om politic grec, cu ascendenţă fanariotă, de mai multe ori ministru în diverse guverne elene şi prim-ministru al Greciei (aprilie–octombrie 1897, iulie–decembrie 1903, iunie–decembrie 1905, iulie–august 1909, noiembrie 1920 – februarie 1921).

[4] Ioan N. Papiniu (1853–1924), diplomat român, ministru plenipotenţiar al României la Atena în anii 1900–1906. A mai fost, printre altele, consul general la Budapesta şi ministru plenipotenţiar la Haga, Constantinopol şi Bruxelles.

167

Синая, 30 июля 1905 г., № 47. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

По возвращении моём из Высочайше разрешённого мне отпуска, Его Величество король Карл соизволил принять меня в частной аудиенции.

Воспользовавшись ею, я навёл разговор с августейшим моим собеседником на положение дел в Македонии и взаимные отношения Греции и Румынии.

Его Величеству угодно было высказать, что в настоящее время, когда, благодаря тревожному состоянию Европы, национальные вопросы выплывают с особенной силой, его роль успокоителя национальных порывов румын становится особенно трудной.

Неоднократно, будто бы, лица, стоящие во главе лиги патриотов, старались убедить Его Величество, что настало именно теперь время высоко поднять знамя румынского национализма, но король поставил, будто бы, непременным условием их деятельности безупречную корректность по отношению к другим державам.

Король сожалеет, что поведение Греции осложняет его задачу.

В Аббации Его Величество вполне определённо, будто бы, выяснил королю Георгу, что Румыния не ищет никакого территориального приращения в Македонии, но предоставляет себе полное право, исключительно на культурной почве, поддерживать в ней румынскую национальность. Король Георг согласился, будто бы, с основательностью притязаний Румынии, и не вина августейшего моего собеседника, если греческий монарх слишком слаб характером, чтобы влиять на своих министров. Эти же последние лишены, будто бы, всякого политического смысла. Они достигли того, что Греция теперь совершенно изолирована. Все-де державы признают куцо-влахскую национальность, все посольства в Константинополе содействовали признанию её турецкими властями.

Несмотря на безрассудство греков, король уверен, однако, что в течение нынешнего года не произойдёт никакого кризиса на Балканском полуострове. Он сомневается, чтобы возможно было избежать крупного потрясения через год[1].

В моих депешах я неоднократно уже доносил Вашему Сиятельству, что в Его Величестве вкоренилось убеждение, что через год, когда перевооружение болгарской армии будет окончено, молодое княжество втянется в войну с Турцией, чтобы отвоевать полную свою независимость.

Несколько удивлённый необычным раздражением, с которым король отзывался о греческих министрах, я запросил весьма приближённое к нему лицо, господина Калиндеру[2], не было ли к тому особенных причин.

Управляющий королевскими уделами сообщил мне, что король был под неприятным впечатлением последней телеграммы румынского посланника в Афинах, донёсшего, что господин Ралли категорически, будто бы, заявил ему, что ни его, ни какое-либо другое греческое правительство никогда не признает существования куцо-влахской национальности в Македонии, и что оно всегда будет советовать Вселенской Патриархии противодействовать румынской пропаганде.

До сих пор, по словам господина Калиндеру, ни один греческий министр не говорил таким образом, – они все, напротив, отстраняли от себя всякую ответственность за вражду, проявляемую к куцо-влахам греками и Патриархией, объясняя эту вражду происками греческой прессы, на которую они не могут, будто бы, влиять.

В заключение настоящей моей депеши, почитаю долгом вновь доносить, что король Карл, несомненно, поощряет развитие национальных стремлений в румынском народе. Он поддерживает довольно частые сношения с вожаками румынской народности в Трансильвании и Буковине. Он следит, не без внимания, за ходом внутренних событий в России и за влиянием их в Бессарабии. Считая, что соглашением с Портой он, до некоторой степени, развязал себе руки в Македонии, он ведёт в ней более энергичную пропаганду. Но во всей своей деятельности Его Величество не выходит из

пределов, указанных ему свойственной ему осторожностью и опытом сорокалетнего правления.

Его Величество решится смело и открыто выступить в защиту национальных румынских вожделений, нисколько не стесняя себя исключительно культурным их развитием, лишь, когда обстоятельства окажутся особенно для этого благоприятными[3].

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 137–141.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Подробнее о встрече в Аббации и о последствиях этого события см. в предыдущих документах, касающихся того же вопроса.

[2] Иоан Калиндеру (1840–1913), румынский юрист и филантроп, член Румынской Академии. Был советником при Верховном кассационном суде. В 1881–1882 гг. румынское правительство поручило ему вести переговоры в Берлине о выкупе железных дорог, построенных в Румынии компанией Б. Штроусберга. В 1884 г. ему было поручено заняться организацией и развитием земельных владений и имущества румынской короны. В последующий период занимался строительством школ, церквей, сельских библиотек, а также изданием многочисленных брошюр, посвящённых подъёму уровня культуры и знаний румынского крестьянства. В 1893 г. избран действительным членом Румынской Академии. Завещал этому учреждению огромное наследство семьи Отетелешану, в своём качестве душеприказчика и администратора имущества этой семьи. Опубликовал многочисленные труды по римскому праву.

[3] Более подробно о роли короля Карла в руководстве румынской внешней политикой в этот период и, в частности, об отношении короля к румынским национальным стремлениям и требованиям см. во *Введении* к настоящему сборнику.

Sinaia, 30 iulie 1905, nr. 47. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

După revenirea mea din concediul ce mi-a fost îngăduit de împărat, Majestatea Sa regele Carol a binevoit să mă primească într-o audiență privată.

Profitând de aceasta, eu am îndreptat conversația cu augustul meu interlocutor înspre subiectul stării de lucruri din Macedonia și al relațiilor reciproce dintre Grecia și România.

Majestatea Sa a găsit de cuviință să afirme că, la momentul actual, când, din cauza stării alarmante a lucrurilor din Europa, chestiunile naționale ies la iveală cu o forță deosebită, rolul său de factor liniștitor al impulsurilor naționale ale românilor devine deosebit de dificil.

Mai mult decât o singură dată, se pare, persoanele aflate în fruntea Ligii patrioților s-au străduit să îl convingă pe Majestatea Sa că a venit anume acum timpul de a ridica cât mai sus stindardul naționalismului românesc, însă regele le-ar fi impus, chipurile, drept condiție obligatorie a activității lor afișarea unei corectitudini ireproșabile în raport cu alte puteri.

Regele regretă că comportamentul Greciei îi complică această sarcină.

La Abbazia Majestatea Sa i-ar fi dat de înțeles regelui George, chipurile, într-un mod cât se poate de clar și limpede că România nu tinde spre nici un fel de sporire a teritoriului său în Macedonia, dar că își rezervă pentru sine deplinul drept de a susține în această regiune

naționalitatea românească, exclusiv pe teren cultural. Regele George ar fi fost, chipurile, de acord cu temeinicia revendicărilor României, și nu este vina augustului meu interlocutor dacă monarhul grec are un caracter prea slab pentru a-și influența propriii miniștri. Aceștia din urmă însă ar fi, chipurile, lipsiți de orice simț al rațiunii politice. Ei au ajuns la situația în care Grecia este acum completamente izolată. Toate puterile ar fi recunoscut, chipurile, naționalitatea cuțo-vlahă, iar toate ambasadele de la Constantinopol și-ar fi adus contribuția la recunoașterea acesteia de către autoritățile turcești.

În pofida lipsei de chibzuință a grecilor, regele este sigur, totuși, că pe parcursul anului curent nu se va întâmpla nici un fel de criză în Peninsula Balcanică. El are însă mari îndoieli în privința posibilității de a evita o mare perturbare în regiune peste un an de zile[1].

În depeșele mele din trecut, eu v-am raportat deja în mod repetat Luminăției Voastre că în mintea Majestății Sale s-a înrădăcinat convingerea precum că peste un an, când se va încheia procesul de reînarmare a armatei bulgare, tânărul principat se va implica într-un război cu Turcia, pentru a-și cuceri dreptul la deplina sa independență.

Fiind întrucâtva uimit de neobișnuita iritare, cu care regele se pronunța despre miniștrii greci, eu am întrebat o persoană extrem de apropiată de el, pe domnul Kalinderu[2], dacă nu existau cumva anumite motive deosebite pentru acest lucru.

Administratorul domeniilor regale mi-a comunicat că regele se afla sub impresia neplăcută produsă de ultima telegramă a trimisului român de la Atena, care raportase că domnul Rallis i-ar fi declarat, chipurile, în mod categoric că nici guvernul său, nici oricare alt guvern grec nu va recunoaște niciodată existența naționalității cuțo-vlahe în Macedonia și că guvernul grec îi va da întotdeauna Patriarhiei Ecumenice sfatul de a opune rezistență propagandei românești.

Până în prezent, conform spuselor domnului Kalinderu, nici un ministru grec nu vorbea în această manieră. Toți aceștia, dimpotrivă, se sustrăgeau de la orice fel de responsabilitate pentru ostilitatea manifestată față de cuțo-vlahi de către greci și de către Patriarhie, explicând această ostilitate prin uneltirile presei grecești, asupra căreia ei nu puteau avea, chipurile, nici un fel de influență.

În încheierea prezentei mele depeșe, consider de datoria mea să vă raportez din nou că regele Carol, fără îndoială, încurajează dezvoltarea tendințelor naționale în sânul poporului român. El menține legături destul de frecvente cu conducătorii populației românești din Transilvania și din Bucovina. El urmărește, cu o oarecare atenție, evoluția evenimentelor interne din Rusia și influența acestora asupra Basarabiei. Considerând că, prin acordul încheiat cu Poarta, el și-a dezlegat mâinile, într-o oarecare măsură, în Macedonia, el desfășoară în această regiune o propagandă ceva mai energică. Însă în întreaga sa activitate Majestatea Sa nu iese dincolo de limitele care îi sunt dictate de prudența care îl caracterizează și de experiența acumulată în cursul domniei sale de patruzeci de ani.

Majestatea Sa se va hotărî să iasă, în manieră curajoasă și deschisă, în apărarea aspirațiilor naționale românești, fără a se limita câtuși de puțin, în mod exclusiv, doar la dezvoltarea culturală a acestora, doar atunci când circumstanțele se vor dovedi deosebit de favorabile pentru acest lucru[3].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 137–141.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Pentru întâlnirea de la Abbazia și consecințele acesteia, a se vedea documentele anterioare referitoare la același aspect.

[2] Ioan Kalinderu (1840–1913), jurist şi filantrop român, membru al Academiei Române. A fost consilier la Curtea de Casaţie. În 1881–1882 a fost însărcinat de guvernul român să trateze la Berlin răscumpărarea căilor ferate construite în România de compania Strousberg. În 1884 a primit ca misiune organizarea domeniilor Coroanei, perioadă în care a construit şcoli, biserici, biblioteci la sate şi a tipărit numeroase broşuri pentru ridicarea nivelului cunoştinţelor ţăranilor români. În 1893 a fost ales membru titular al Academiei Române. A lăsat acestei instituţii moştenirea imensă a familiei Oteteleşanu, al cărei executor testamentar fusese numit. A publicat numeroase studii de drept roman.

[3] Pentru rolul regelui Carol în politica externă românească din această perioadă şi, mai ales, pentru poziția sa față de revendicările naționale românești, a se vedea *Introducerea* la acest volum.

168

Синая, 9 августа 1905 г. № 49. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Румынские пограничные власти донесли королевскому правительству о массовом, будто бы, переходе евреев русско-подданных из Бессарабии в Румынию[1].

На последнем дипломатическом приёме генерал Лаховари, сообщая мне об этом, присовокупил, что румынское правительство приняло вдоль нашей границы самые энергичные меры для ограждения королевства от столь опасного для него наводнения евреями.

Эти меры, сказал мне министр, касаются исключительно только одних евреев.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 146–146 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Бессарабские евреи, которые пытались покинуть Россию во время революционных событий 1905 г., выбирая путь транзитом через территорию Румынии, воспринимались румынскими властями как прямая угроза безопасности румынского государства. Это происходило в контексте постоянного усиления и расширения эмиграционных процессов еврейского населения из Румынского Королевства. Подробно об значении и развитии «еврейского вопроса» в этот период см. во *Введении* к настоящему сборнику. Подробнее об основных тенденциях и общих причинах еврейской эмиграции из Румынии см.: Bălăican Iu. *Emigrarea evreilor din România (1866–1914)* // „Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor din România”. № 14–15 / Ed. L. Rotman. București, Editura Hasefer, 2012. P. 146–171.

Sinaia, 9 august 1905, nr. 49. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Autoritățile românești de frontieră au raportat guvernului regal despre o pretinsă trecere în masă a evreilor, supuși ruși, din Basarabia în România[1].

În timpul ultimei recepții diplomatice, generalul Lahovari, informându-mă despre acest lucru, a adăugat că guvernul român a întreprins cele mai energice măsuri, de-a lungul graniței noastre, pentru a proteja regatul de inundarea sa de către evrei, care ar fi atât de periculoasă pentru țară.

Aceste măsuri, mi-a spus ministrul, îi privesc, în mod exclusiv, doar pe evrei.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 146–146 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Evreii din Basarabia care încearcă să părăsească Rusia în timpul evenimentelor revoluționare, în anul 1905, trecând prin România, sunt percepuți ca o amenințare directă la adresa securității statului, în contextul unui proces tot mai intens de emigrare a evreilor din Regatul Român. Pentru importanța „chestiunii evreiești” în această perioadă, a se vedea *Introducerea* la acest volum. Pentru tendințele și cauzele generale ale emigrației evreiești din România, a se vedea: Iuliana Delia Bălăican, *Emigrarea evreilor din România (1866–1914)*, în „Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor din România”, nr. 14–15, ed. Liviu Rotman, București, Editura Hasefer, 2012, p. 146–171.

169

Синая, 24 августа 1905 г. № 54. Гирс – графу Ламсдорфу

Три приложения

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Несколько времени тому назад в Журжеве толпа, предводительствуемая выходцами из Македонии, собралась на городской площади и предала сожжению принесённый ею греческий флаг[1].

Пребывающий здесь греческий посланник адресовал по этому поводу ноту румынскому министерству иностранных дел, требуя наказания полицейских чинов, допустивших поругание флага с национальными цветами дружественной державы.

Ему было отвечено, что на площади находилось всего несколько человек полицейских, кои не могли оказать сопротивления тысячной толпе, поэтому румынское правительство не считает справедливым привлекать их к ответственности, но что оно искренне сожалеет, что чувство негодования побудило толпу произвести подобную манифестацию, точно так же, как, по его убеждению, скорбит и эллинское правительство о насилиях и убийствах, творимых над румынами в Оттоманской империи бандами, заявляющими, что они действуют от имени и в интересах греческой нации.

Господин Томбазис возразил, в официальной ноте, что причины, приводимые господином Лаховари в оправдание чувств негодования, побудивших толпу к манифестации, не имеют ничего общего с настоящим вопросом. Факт, вызвавший жалобу греческой миссии, произошёл на румынской территории, и на правительстве Его Величества короля Карла лежит обязанность предупреждать и карать подобные действия; между тем как эллинское правительство, кое, без сомнения, не одобряет то,

что происходит в Македонии, не имеет возможности предупреждать события, имеющие место на территории, принадлежащей не Греции, а другой державе. Поэтому, господин Томбазис, во исполнение предписания своего правительства, возобновил предъявленное им раньше требование, повторив при этом просьбу, формулированную им по поводу высылки греческих редакторов, о скорейшем сообщении ему ответа румынского правительства, так как он предполагает выехать в отпуск в самом непродолжительном времени[2].

Почитаю долгом представить при сём Вашему Сиятельству ноты, обмененные по настоящему инциденту между господами Томбазисом и Иоаном Лаховари, в копиях, переданных мне моим эллинским сотоварищем.

Не придавая манифестации того значения, кое приписывает ей афинский кабинет, так как флаг, преданный сожжению, был принесён толпой неизвестно откуда и едва ли когда-либо возвышался над эллинским правительственным или частным сооружением, я, при всём том, в данном случае нахожу образ действий румынского правительства ничем не оправдываемым.

Ему, несомненно, надлежало бы дать удовлетворение Греции, тем более, что его ответственность за событие, происшедшее на румынской территории, не может быть снята с него нравственным участием Греции в резне, имеющей место в Оттоманской империи.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 157–159 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905. К № 54

Sinaia, le 5 Août 1905. Copie nr. 612

La Légation Royale Hellénique au Ministère Royal des Affaires Etrangères

Monsieur le Ministre,

Il résulte des renseignements précis parvenus à la Légation Royale qu'au cours d'une manifestation antigrecque qui a eu lieu le 31 du mois dernier à Giurgévo un drapeau aux couleurs nationales hellènes a été livré aux flammes par les manifestants qui accompagnèrent leur action de paroles injurieuses à l'égard de la nation grecque.

D'ordre de mon gouvernement, je m'empresse de signaler ce fait à Votre Excellence et de demander que les responsabilités soient rétablies et les agents de police responsables sévèrement punis, car cet outrage du drapeau national commis sur une place publique, la plus centrale de la ville, ne pouvait échapper à la surveillance des agents de police préparés à maintenir l'ordre et à prévenir de pareils actes que le gouvernement de Sa Majesté le Roi Charles ne peut que désapprouver.

Je prie Votre Excellence de vouloir bien m'accuser réception de la présente et me faire connaître la suite qu'Elle a donnée à ma demande.

Veuillez agréer, etc.

/signé/ Tombazis

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 160–160 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905. К № 54
Bucarest, le 11/12 Août 1905

Le Ministère Royal des Affaires Etrangères à la Légation Royale Hellénique

Monsieur le Ministre,

En réponse à la note cotée 612 en date du 5 Août courant que Votre Excellence a bien voulu m'adresser pour me signaler l'incident qui s'est produit à Giurgévo au cours d'une manifestation populaire dans laquelle les manifestants auraient livré aux flammes un drapeau aux couleurs helléniques, note par laquelle Votre Excellence me demandait la punition des agents de police qui n'auraient pas empêché de pareils actes, j'ai l'honneur de porter à Votre connaissance que, du rapport du préfet de Vlasca sur l'incident en question, il résulte que les quelques agents de police présents sur les lieux ont fait tous leurs efforts pour calmer la population et empêcher qu'elle ne se livre à des actes répréhensibles; mais que, vu leur petit nombre, ils étaient complètement impuissants devant une foule qui se montait à plus d'un millier de personnes et que, par conséquent, on n'a aucune faute à leur reprocher et qu'il n'y a lieu de prendre aucune mesure disciplinaire à leur égard. Le gouvernement royal déplore sincèrement que les sentiments d'indignation produits dans l'esprit public aient poussé la foule à se livrer à une pareille manifestation, comme il est convaincu que le gouvernement hellénique déplore, de son côté, les violences et les crimes dont sont victimes les paisibles populations roumaines de l'Empire Ottoman et qui sont perpétrés par des bandes qui déclarent agir au nom et dans l'intérêt de la nation grecque.
Veuillez agréer, etc.
/signé/ Jean Lahovary

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 161–161 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905. К № 54

Sinaia, le 16 Août 1905. Copie nr. 647
La Légation Royale Hellénique au Ministère Royal des Affaires Etrangères

Monsieur le Ministre,J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre en date de 11 courant que Votre Excellence a bien voulu m'adresser en réponse à ma note sub № 612, relative à l'incident de Giurgévo.

Par Sa réponse, Votre Excellence, tout en admettant que l'acte commis à Giurgévo est répréhensible, me fait connaître qu'Elle n'a pas cru devoir prendre des mesures disciplinaires à l'égard des agents de police responsables.

Je crois que les raisons exposées dans la lettre de Votre Excellence ne sont pas de nature à dégager les officiers de police de la responsabilité qui leur incombe dans l'accomplissement du devoir de prévenir et de réprimer de pareils actes, et je crois de plus que les raisons que Votre Excellence invoque afin de justifier les sentiments d'indignation produits dans l'esprit public et qui ont poussé la foule à se livrer à une pareille manifestation, n'ont rien de commun avec la question qui nous occupe, car le fait dont nous nous plaignons s'est produit sur le territoire roumain, et il est du devoir du gouvernement de Sa Majesté le roi Charles de prévenir de pareils actes et de punir les responsables, une fois que ces actes ont eu lieu. Tandis

que, pour ce qui est du gouvernement royal qui, certes, déplore ce qui se passe en Macédoine, il n'est pas en son pouvoir de prévenir et de réprimer des événements qui ont lieu sur un territoire n'appartenant pas à la Grèce, mais à un autre Etat auquel revient le droit d'y maintenir l'ordre.

D'ordre de mon gouvernement, à qui je me suis empressé de communiquer le contenu de la lettre de Votre Excellence en date du 11 courant, je viens réitérer ma demande formulée par ma note sub № 612 et je La prie de vouloir bien me faire parvenir Sa réponse dans le plus bref délai possible, me proposant de partir, incessamment, en congé et désirant avoir avant mon départ la réponse du gouvernement royal.

Veuillez agréer, etc.

/signé/ Tombazis

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 162–163.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Начиная с июля 1905 г., румынское общественное мнение реагировало всё более болезненно и враждебно на отношение греческих официальных лиц к «македонскому вопросу» и на случаи насилия, направленные против македонских влахов. Так, например, в Бухаресте была создана «Антигреческая лига». Лига организовала большое собрание в зале «Дачия» (*Dacia*), под председательством архимандрита Софрония Вулпеску. Там была принята резолюция, которая выражала протест против «преступных действий», совершённых по отношению к влахам, а также против сговора и скрытого сотрудничества между греческим правительством и Вселенской Патриархией и против поддержки, оказываемой греческим населением Королевства участникам греческих «банд». В этом контексте имели место несколько манифестаций и даже несколько антигреческих погромов в Бухаресте и Джурджу, среди которых был и инцидент, описанный в данном документе. Подробности см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 188–189.

[2] Кроме запрета ввоза греческих газет на территорию Румынии, «под давлением общественного мнения» румынское правительство выслало трёх греческих журналистов из газеты «Патрис» (*Patris*). Высылка объяснялась тем, что на следующий день после организации собрания в зале «Дачия» эти журналисты якобы занимались распространением неких манифестов, в которых утверждалось, что никаких влахов в Македонии не существует, вызвав тем самым новые волнения. Дополнительные подробности, связанные с этим кризисом, возникшим в результате дискуссий и полемики в тогдашней печати, см.: Nistor I. *Op. cit.* P. 190–191.

Sinaia, 24 august 1905, nr. 54. Giers către contele Lamsdorff

Cu trei anexe

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Cu ceva timp în urmă, la Giurgiu, o mulțime condusă de câteva persoane originare din Macedonia s-a adunat pe piața principală a orașului și a dat foc unui drapel grecesc pe care îl adusese cu sine[1].

Trimisul grecesc aflat la curtea de aici a adresat, în legătură cu acest fapt, o notă ministerului român al Afacerilor Străine, cerând insistent pedepsirea funcționarilor polițienești care au admis profanarea unui drapel având culorile naționale ale unei puteri aflate în relații amicale cu România.

Acestuia i s-a răspuns că pe piață se aflau doar câțiva oameni din rândul polițiștilor, care nu au putut opune rezistență în fața unei mulțimi de o mie de oameni. De aceea, guvernul

român nu consideră că ar fi echitabil de a-i trage la răspundere. Totodată, guvernul regretă sincer că sentimentul de indignare a îndemnat mulţimea să recurgă la o asemenea manifestaţie, exact la fel precum, conform convingerii sale, deplânge şi guvernul elen violenţele şi omorurile care sunt comise împotriva românilor din Imperiul Otoman de către anumite bande care declară că ele acţionează din numele şi în interesul naţiunii greceşti.

Domnul Tombazis a replicat, în nota sa oficială, că motivele care sunt invocate de către domnul Lahovari pentru a justifica sentimentele de indignare care au determinat mulţimea să recurgă la această manifestaţie nu au nimic în comun cu prezenta chestiune. Evenimentul care a provocat plângerea prezentată de misiunea greacă a avut loc pe teritoriul românesc, şi anume guvernului Majestăţii Sale regelui Carol îi revine obligaţia de a preveni şi a da pedeapsa cuvenită unor asemenea acţiuni. Din contra, guvernul elen, care, fără îndoială, nu aprobă deloc ceea ce se întâmplă în Macedonia, nu are nici o posibilitate să prevină evenimentele care au loc pe un teritoriu aparţinând altei puteri, şi nu Greciei. De aceea, domnul Tombazis, conformându-se instrucţiunilor guvernului său, şi-a reluat revendicarea formulată mai devreme, repetând, în acelaşi timp, şi rugămintea sa, pe care a formulat-o în legătură cu expulzarea unor redactori greci, de a-i fi comunicat cât mai grabnic răspunsul guvernului român, deoarece el intenţionează să plece în concediu, în cel mai scurt timp[2].

Consider de datoria mea să vă prezint Luminăţiei Voastre, în anexă la acest raport, notele oficiale care au fost schimbate, cu ocazia actualului incident, între domnii Tombazis şi Ioan Lahovari, copiile cărora mi-au fost transmise de către colegul meu elen.

Fără a acorda acestei manifestaţii acea importanţă pe care i-o atribuie cabinetul de la Atena, deoarece drapelul căruia i s-a dat foc a fost adus de mulţime nu se ştie de unde, şi abia dacă s-a înălţat vreodată pe vreo clădire guvernamentală elenă sau pe vreo casă particulară, cu toate acestea, în cazul dat, eu consider că modul de acţiune al guvernului român nu îşi găseşte nici un fel de justificare.

Acesta, fără îndoială, ar fi trebuit să îi dea satisfacţie Greciei, cu atât mai mult, cu cât responsabilitatea sa pentru un eveniment care a avut loc pe teritoriul românesc nu poate fi anulată de participarea morală a Greciei la masacrele care au loc în Imperiul Otoman.

Cu deosebită consideraţie şi neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăţiei Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 157–159 verso.
Copie la ANIC, Colecţia Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Bucureşti, 1905. Anexă la raportul nr. 54

Sinaia, 5 august 1905. Copie. nr. 612

Legaţia regală Elenă către Ministerul regal al Afacerilor Străine

Domnule Ministru,

Din informaţiile precise care au parvenit la Legaţia Regală, rezultă că, în cursul unei manifestaţii anti-greceşti care a avut loc pe data de 31 a lunii trecute la Giurgiu, un drapel având culorile naţionale elene a fost incendiat de către manifestanţi, care şi-au însoţit acţiunea de cuvinte injurioase la adresa naţiunii greceşti.

Din ordinul guvernului meu, mă grăbesc să semnalez acest fapt Excelenţei Voastre şi să vă cer ca responsabilităţile să fie stabilite echitabil, iar agenţii de poliţie responsabili să fie pedepsiţi sever, deoarece această profanare a drapelului naţional comisă pe o piaţă publică, în locul central al oraşului, nu putea să scape de sub observaţia unor agenţi de poliţie pregătiţi

pentru a menține ordinea și a preveni asemenea acțiuni, pe care guvernul Majestății Sale regelui Carol nu poate decât să le dezaprobe.

Rog Excelența Voastră să binevoiască să îmi confirme recepționarea prezentei note și să îmi aducă la cunoștință modul în care s-a dat curs solicitării mele.

Vă rog să primiți asigurările, etc.

/semnătura/ Tombazis

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 160–160 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 54

București, 11/12 august 1905

Ministerul regal al Afacerilor Străine către Legația regală Elenă

Domnule Ministru,

Ca răspuns la nota sub nr. 612 din data de 5 august curent, pe care Excelența Voastră a binevoit să mi-o adreseze pentru a-mi semnala incidentul care s-a produs la Giurgiu în cursul unei manifestații populare, în timpul căreia manifestanții ar fi incendiat un drapel având culorile elene, notă prin care Excelența Voastră îmi solicita pedepsirea agenților de poliție care nu ar fi împiedicat asemenea acțiuni, eu am onoarea să vă aduc la cunoștință că, din raportul prefectului de Vlașca asupra incidentului sus-menționat, rezultă că cei câțiva agenți de poliție prezenți pe loc și-au depus toate eforturile pentru a calma populația și pentru a o împiedica să se dedea la asemenea acțiuni condamnabile; dar că, având în vedere numărul lor neînsemnat, aceștia au fost completamente neputincioși în fața unei mulțimi care număra mai mult de o mie de persoane și că, în consecință, nu li se poate reproșa nici o greșeală, astfel încât nu există nici un temei pentru a fi luată vreo măsură disciplinară în privința lor. Guvernul regal deplânge sincer faptul că sentimentele de indignare produse în sânul opiniei publice au împins mulțimea să se dedea unei asemenea manifestații, așa cum acesta este convins că guvernul elen deplânge, la rândul său, violențele și crimele cărora le cad victime pașnicele populații românești din Imperiul Otoman și care sunt înfăptuite de niște bande care declară că acționează în numele și în interesul națiunii grecești.

Vă rog să primiți asigurările, etc.

/semnătura/ Ioan Lahovary

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 161–161 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 54

Sinaia, 16 august 1905. Copie. nr. 647

Legația regală Elenă către Ministerul regal al Afacerilor Străine

Domnule Ministru,

Am avut onoarea să recepționez scrisoarea din data de 11 a lunii curente, pe care Excelența Voastră a binevoit să mi-o adreseze ca răspuns la nota mea sub no. 612, referitoare la incidentul de la Giurgiu.

Prin răspunsul dvs., Excelența Voastră, admițând că acțiunea comisă la Giurgiu este condamnabilă, îmi aduce la cunoștință că Domnia Voastră nu ați găsit de cuviință să luați anumite măsuri disciplinare în privința agenților de poliție responsabili.

Cred că motivele expuse în scrisoarea Excelenței Voastre nu sunt de natură să îi exonereze pe ofițerii de poliție de responsabilitatea care le revine în îndeplinirea datoriei de a preveni și de a reprima asemenea acțiuni, și mai cred, în afară de asta, că motivele pe care Excelența Voastră le invocă pentru a justifica sentimentele de indignare produse în sânul opiniei publice și care au împins mulțimea să se dedea unei asemenea manifestații, nu au nimic în comun cu chestiunea care ne preocupă, deoarece evenimentul în legătură cu care ne plângem s-a produs pe teritoriul românesc, și că este de datoria guvernului Majestății Sale regelui Carol de a preveni asemenea acțiuni și de a-i pedepsi pe cei responsabili, o dată ce aceste acțiuni au avut loc. În timp ce, în ceea ce privește guvernul regal elen, care, desigur, deplânge ceea ce se întâmplă în Macedonia, acestuia nu-i stă în propria putere de a preveni și de a reprima evenimentele care au loc pe un teritoriu care nu îi aparține Greciei, ci altui stat, căruia îi și revine dreptul de a menține acolo ordinea.

Din ordinul guvernului meu, căruia m-am grăbit să îi comunic conținutul scrisorii Excelenței Voastre din data de 11 a lunii curente, îmi permit să îmi reiterez solicitarea formulată prin nota mea sub nr. 612 și Vă rog să binevoiți să îmi aduceți la cunoștință răspunsul Domniei Voastre, în cel mai scurt timp posibil, deoarece eu mi-am propus să plec, în cel mai apropiat timp, în concediu, și aș dori să am la dispoziție, înainte de plecarea mea, răspunsul guvernului regal.

Vă rog să primiți asigurările, etc.

/semnătura/ Tombazis

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 162–163.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Începând din iulie 1905, opinia publică din România a reacționat tot mai virulent față de atitudinea oficialităților elene în „chestiunea macedoneană” și față de violențele îndreptate împotriva aromânilor. Astfel, la București a fost creată o „Ligă antigrecească”. Liga a convocat o mare întrunire în sala *Dacia*, prezidată de arhimandritul Sofronie Vulpescu. Adunarea a adoptat o moțiune care protesta împotriva „actelor criminale” comise față de aromâni, împotriva complicității dintre guvernul grec și Patriarhia Ecumenică și a sprijinului acordat de populația elenă din Regat „bandelor” grecești. În acest context, au avut loc un șir de manifestații și chiar pogromuri anti-elene la București și Giurgiu, inclusiv incidentul descris în acest document. Pentru detalii, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 188–189.

[2] Pe lângă interzicerea intrării ziarelor grecești în Regat, „sub presiunea opiniei publice”, guvernul român a expulzat trei jurnaliști greci de la ziarul „Patris”, deoarece, a doua zi după întrunirea de la sala *Dacia*, aceștia ar fi distribuit manifeste în care susțineau că nu există aromâni în Macedonia, provocând tulburări. Mai multe detalii legate de această criză provocată de polemicile din presă, a se vedea la: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 190–191.

170

Синая, 26 августа 1905 г. № 55. Гирс – графу Ламсдорфу

Два приложения

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Почитаю долгом представить при сём Вашему Сиятельству копии с двух ответных нот румынского министра иностранных дел, адресованных пребывающему

здесь эллинскому посланнику по поводу высылки греческих редакторов и манифестации, происшедшей в Журжеве.

Румынское правительство, повторяя в них доводы, приведённые им в предшествующей переписке, не соглашается удовлетворить требования Греции.

Мой эллинский товарищ просил меня сообщить ему моё мнение относительно полученных им ответов.

Я высказал господину Томбазису, что считаю требование его правительства об отмене распоряжения о высылке редакторов неосновательным.

В вопросе же о предании сожжению флага с греческими национальными цветами на журжевской площади, румынское правительство должно бы было выказать большую предупредительность.

Тем не менее, я не могу признать этот последний инцидент настоль серьёзным, чтобы вызвать разрыв дипломатических сношений.

Ответ господина Лаховари по этому инциденту мог бы служить темой дальнейших переговоров, кои, при более спокойном отношении к делу обоих правительств, привели бы, вероятно, к благоприятному результату.

В этом ответе румынский министр иностранных дел тщательно избегает обвинять в чём-либо эллинское правительство, приписывая убийства, творимые в Македонии и вызвавшие, будто бы, негодование жителей города Журжева, Патриархии и частному обществу «Makedonikos Syllogos», заседающему в столице Эллинского королевства[1].

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 167–168 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 55

Копия с ноты румынского министра иностранных дел греческому посланнику в Бухаресте от 24 августа/ 6 сентября 1905 г. № 197

En réponse à la note en date du 16 Août courant, № 648, que Votre Excellence a bien voulu m’adresser d’ordre de Son gouvernement pour demander au gouvernement royal de rapporter la mesure d’expulsion prise à l’égard des nommés Sp. Simos, Char. Papas et Th. Moscopoulos[2], j’ai l’honneur de porter à la connaissance de Votre Excellence que, [vu] le droit que possède tout gouvernement d’éloigner de son territoire des étrangers dont il juge la présence périlleuse pour l’ordre public, découlant pour lui du devoir qu’il a de prendre souverainement toute mesure de police qu’il croit nécessaire pour la tranquillité et la sécurité de l’Etat, le gouvernement royal regrette de ne pouvoir entrer avec Votre Excellence dans la discussion des motifs qui ont provoqué la mesure prise à l’égard des susnommés et, par conséquent, de déférer à la demande du gouvernement héllénique.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 169–169 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

Бухарест, 1905 г. К № 55

Копия с ноты румынского министра иностранных дел греческому посланнику в Бухаресте от 24 августа/ 6 сентября 1905 г. № 196.

Par une lettre en date du 16 Août courant, № 647, Votre Exellence veut bien me renouveler Sa demande de provoquer des mesures disciplinaires à l'égard des agents de police de Giurgévo qui se seraient rendus coupables de n'avoir pas empêchés les manifestations qui se sont produites dans cette ville dans le courant de ce mois.

Je ne puis que répéter à Votre Excellence que, vu les circonstances relatées dans ma note en date du 11 Août, le gouvernement royal ne croit pas qu'il y ait lieu de prendre à l'égard de ces agents aucune mesure disciplinaire.

En ce qui concerne les sentiments d'indignation qui ont porté la foule à se livrer à des manifestations hostiles contre la nation grecque, Votre Excellence soutient qu'il n'y a rien de commun entre les actes dont elle se plaint et qui se sont passés sur territoire roumain, et ceux qui se passent en Macédoine, attendu que le gouvernement hellénique ne peut aucunement être rendu responsable de faits qui se produisent sur un territoire étranger, appartenant à un Etat auquel seul revient le droit d'y maintenir l'ordre.

Je ferais observer à Votre Excellence qu'il est difficile pour le peuple roumain de faire cette distinction, lorsqu'il voit que les crimes atroces dont sont victimes ses congénères de l'Empire Ottoman, sont l'oeuvre de bandes organisées et armées par une association (*Makédonikos Syllogos*) dont le siège est à Athènes, et formées sur le territoire grec, d'où elles ont pénétré en Turquie sans que les autorités helléniques, préposées à la garde de la frontière, aient réussi à les en empêcher, de même que les quelques agents de la police de Giurgévo ont été impuissants devant la foule qui se livrait à des manifestations hostiles contre la Grèce.

Le fait de l'organisation sur territoire grec des bandes en question résulte des déclarations faites devant le tribunal extraordinaire de Bitolia par le nommé Calomenopoulos, de Syra[3], lieutenant de l'armée hellénique, chef de la bande où nous relevons aussi le nom du nommé P. Stavrianopoulos, lieutenant d'artillerie, laquelle bande à été capturée et détruite par les troupes impériales ottomanes à la fin du mois d'avril dernier. Nous trouvons dans le compte-rendu des débats qui ont eu lieu devant le tribunal extraordinaire, que le nommé Calomenopoulos a commencé par décliner la compétence de ce tribunal par la raison que lui et la majeure partie des prisonniers accusés étaient sujets grecs. Le même à déclaré devant le tribunal que la bande dont il faisait partie s'était formée sur territoire grec et qu'elle avait passé la frontière en déjouant la surveillance des autorités royales. D'un autre côté, les autorités turques ont saisi, le 11 Août courant, dans la correspondance trouvée sur le chef d'une bande d'insurgés grecs poursuivie par les troupes impériales dans la région de la Bena, une circulaire émanant du comité supérieur d'Athènes, dont il résulte que la direction et l'impulsion données à ces bandes viennent bien de Grèce. Cette circulaire contient, entre autres instructions pour les insurgés, l'ordre d'employer tous les moyens, même l'assassinat, contre ceux qui se mettraient en rébellion contre l'autorité du Patriarche de Constantinople, d'où ressort la preuve évidente de la communauté d'action entre le Patriarche de Constantinople, les bandes d'insurgés et l'association qui les dirige de la capitale du Royaume Hellénique.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 170–172 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Это общество, состоявшее из офицеров греческой армии, подтверждало подозрения румынского правительства, касающиеся тайного сговора и сотрудничества между «андартами» (повстанцами, боровшимися против османского правления) и афинскими властями. Это ещё более усугубило кризис и обострило и без того уже крайне напряжённые отношения между румынским и греческим правительствами. Подробнее о деятельности греческих «банд» в этот период, а также о карательных мерах и судебном преследовании против них со стороны османских властей см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 185–187. О роли подобных «обществ» в общем контексте развития греческого национального проекта в этот период см.: Zelepos I. *Amateurs as Nation–Builders? On the Significance of Associations for the Formation and Nationalization of Greek Society in the Nineteenth Century // Conflicting Loyalties in the Balkans: The Great Powers, the Ottoman Empire and Nation–Building* / Ed. by H. Grandits, N. Clayer, R. Pichler. London, I. B. Tauris, 2011. P. 64–86.

[2] Здесь имеются в виду три греческих журналиста из газеты «Патрис», которые были высланы из Румынии за распространение манифестов, направленных против влахов. См. выше, док. № 169 от 24 августа 1905 г., прим. 2.

[3] Дополнительные подробности о деятельности греческих «банд» в различных местностях и районах Македонии, в том числе в Битоли, см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 186–187.

Sinaia, 26 august 1905, nr. 55. Giers către contele Lamsdorff

Cu două anexe

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Consider de datoria mea să vă prezint Luminăției Voastre, în anexă la acest raport, copiile de pe cele două note de răspuns ale ministrului român al Afacerilor Străine adresate către trimisul elen aflat la curtea de aici, în legătură cu expulzarea redactorilor greci și cu manifestația care a avut loc la Giurgiu.

Guvernul român, repetând în cuprinsul acestora argumentele invocate și pe parcursul corespondenței anterioare, nu este de acord să satisfacă revendicările Greciei.

Colegul meu elen m-a rugat să îi comunic opinia mea referitor la răspunsurile pe care le-a primit.

Eu i-am spus deschis domnului Tombazis că consider ca fiind neîntemeiată solicitarea guvernului său privind anularea ordinului de expulzare a redactorilor greci.

În ceea ce privește chestiunea despre incendierea drapelului în culorile naționale grecești pe piața din Giurgiu, guvernul român ar fi trebuit să manifeste o mai mare atenție și curtoazie.

Cu toate acestea, eu nu pot considera acest ultim incident într-atât de serios, încât să provoace întreruperea relațiilor diplomatice.

Răspunsul domnului Lahovari în legătură cu acest incident ar putea servi drept o posibilă temă pentru negocierile ulterioare, care, cu condiția unei atitudini mai calme față de această chestiune din partea ambelor guverne, s-ar putea, probabil, încheia printr-un rezultat favorabil.

În cuprinsul acestui răspuns, ministrul român al Afacerilor Străine evită cu mare grijă să acuze guvernul elen de ceva concret, atribuind crimele și asasinatele înfăptuite în Macedonia și care ar fi provocat, chipurile, indignarea locuitorilor orașului Giurgiu, Patriarhiei și asociației particulare „Makedonikos Syllogos”, care își ține ședințele în capitala Regatului elen[1].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 167–168 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 55

Copie de pe nota ministrului român al Afacerilor Străine către trimisul grec de la București din data de 24 august / 6 septembrie 1905 cu nr. 197

Ca răspuns la nota din data de 16 august curent, cu nr. 648, pe care Excelența Voastră a binevoit să mi-o adreseze din ordinul guvernului Său, pentru a solicita guvernului regal de a anula măsura de expulzare luată în privința numiților Sp. Simos, Char. Papas și Th. Moscopulos[2], am onoarea să aduc la cunoștința Excelenței Voastre că în virtutea dreptului pe care îl posedă orice guvern de a îi îndepărta de pe teritoriul său pe străinii, a căror prezență o consideră periculoasă pentru ordinea publică, drept care decurge, în cazul acestui guvern, din datoria pe care o are de a lua, în mod suveran, orice măsură polițienească pe care o crede necesară pentru păstrarea liniștii și securității statului, guvernul regal regretă să vă informeze că nu poate intra cu Excelența Voastră în discutarea motivelor care au provocat măsura luată în privința celor numiți mai sus și că, în consecință, nu poate da un răspuns afirmativ solicitării guvernului elen.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 169–169 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

București, 1905. Anexă la raportul nr. 55

Copie de pe nota ministrului român al Afacerilor Străine către trimisul grec de la București din data de 24 august / 6 septembrie 1905 sub nr. 196

Printr-o scrisoare din data de 16 august curent, sub nr. 647, Excelența Voastră binevoiește să își reînnoiască solicitarea față de mine de a dispune luarea unor măsuri disciplinare în privința agenților de poliție din Giurgiu care s-ar fi făcut vinovați de faptul de a nu fi împiedicat manifestațiile care s-au produs în acest oraș pe parcursul acestei luni.

Nu pot decât să vă repet Excelenței Voastre că, având în vedere circumstanțele relatate în cuprinsul notei mele din data de 11 august, guvernul regal nu crede că ar exista vreun temei pentru a lua, în privința acestor agenți, vreo măsură disciplinară.

În ceea ce privește sentimentele de indignare care au determinat mulțimea să se dedea la manifestații ostile contra națiunii grecești, Excelența Voastră susține că nu există nimic în comun între acțiunile de care vă plângeți, și care s-au desfășurat pe teritoriul românesc, și acele acțiuni care se desfășoară în Macedonia, având în vedere că guvernul elen nu poate, în nici un fel, să fie făcut responsabil de anumite fapte care se produc pe un teritoriu străin, aparținând unui stat căruia, singur, îi revine dreptul de a menține ordinea în regiune.

Aș face însă Excelenței Voastre observația că este dificil pentru poporul român să facă această distincție, atunci când el vede că crimele atroce cărora le cad victime consângenii săi din Imperiul Otoman sunt înfăptuite de bande organizate și înarmate de către o asociație (*Makedonikos Syllogos*) care își are sediul la Atena, fiind formate pe teritoriul grec, acolo, de unde ele au pătruns în Turcia, fără ca autoritățile elene, însărcinate cu paza frontierei, să fi reușit să le împiedice să facă acest lucru, la fel precum cei câțiva agenți ai poliției din Giurgiu s-au dovedit neputincioși în fața mulțimii care se lăsa pradă manifestațiilor ostile contra Greciei.

Faptul organizării, pe teritoriul grec, a bandelor despre care este vorba rezultă și din declarațiile făcute, în fața tribunalului extraordinar din Bitolia, de către numitul Calomenopulos, din Syra[3], locotenent în armata elenă, șef al unei bande unde noi descoperim, de asemenea,

numele numitului P. Stavrianopulos, locotenent de artilerie. Această bandă a fost capturată și distrusă de trupele imperiale otomane la sfârșitul lunii aprilie trecut. Noi găsim, în procesul-verbal al deliberărilor care au avut loc în fața tribunalului extraordinar, informația că numitul Calomenopulos a început prin a declina competența acestui tribunal, invocând motivul că el și cea mai mare parte a prizonierilor acuzați erau supuși greci. Același acuzat a declarat, în fața tribunalului, că banda din care el făcea parte se formase pe teritoriul grec și că aceasta trecuse frontiera, înșelând supravegherea autorităților regale elene. Pe de altă parte, autoritățile turcești au pus mâna, pe data de 11 august curent, ca parte a corespondenței găsite asupra șefului unei bande de insurgenți greci urmărite de către trupele imperiale până în regiunea Bena, pe o circulară emisă de către comitetul superior din Atena, din care rezultă că conducerea generală și încurajarea acestor bande în acțiunile lor își au, într-adevăr, originea în Grecia. Această circulară conține, printre alte instrucțiuni pentru insurgenți, și ordinul de a folosi toate mijloacele, mergând până la asasinat, contra celor care s-ar afla în stare de rebeliune împotriva autorității Patriarhului de la Constantinopol. Din aceste fapte reiese dovada evidentă a existenței unei acțiuni comune între Patriarhul de la Constantinopol, bandele de insurgenți și asociația care le dirijează din capitala Regatului Elen.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 170–172 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Această asociație, compusă din ofițeri greci, confirma suspiciunile autorităților române în privința complicității dintre „antarți” (insurgenți greci care luptau împortriva otomanilor) și autoritățile de la Atena și agrava și mai mult relațiile deja extrem de tensionate cu guvernul elen. Pentru mai multe detalii privind activitatea „bandelor” grecești din această perioadă și măsurile punitive și judiciare luate de autoritățile otomane împotriva lor, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 185–187. Pentru rolul general al „asociațiilor” în contextul evoluției proiectului național elen din această perioadă, a se vedea: Ioannis Zelepos, *Amateurs as Nation–Builders? On the Significance of Associations for the Formation and Nationalization of Greek Society in the Nineteenth Century*, în *Conflicting Loyalties in the Balkans: The Great Powers, the Ottoman Empire and Nation–Building*, ed. by Hannes Grandits, Nathalie Clayer, and Robert Pichler, London, I. B. Tauris, 2011, p. 64–86.

[2] Este vorba despre cei trei jurnaliști greci de la ziarul „Patris”, expulzați pentru răspândirea unor manifeste îndreptate contra aromânilor. A se vedea supra, doc. nr. 169 din 24 august 1905, nota 2.

[3] Mai multe detalii privind activitatea „bandelor” grecești în diverse regiuni din Macedonia, inclusiv la Bitolia, a se vedea la: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 186–187.

171

Синая, 14 сентября 1905 г. № 59. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Посетив меня на этих днях, румынский министр иностранных дел счёл долгом изложить мне отношение королевского правительства к нынешнему фазису конфликта, возникшего между Грецией и Румынией.

Отъезд господина Томбазиса, не аккредитовавшего даже поверенного в делах, с которым генерал Лаховари мог бы продолжать вести дипломатические переговоры, принудил министра иностранных дел прибегнуть к той же мере, то есть к отозванию

румынского посланника из Афин и поручению хранения архивов тамошней румынской миссии мелкому канцелярскому чиновнику[1].

При этом, не желая оставить без ответа ноту, адресованную ему греческим представителем перед своим выездом из Бухареста, в коей господин Томбазис отрицал всякую ответственность эллинского правительства за действия греческих банд в Македонии и выражал надежду, что греческие подданные, пребывающие в Румынии, не будут подвергнуты преследованию, – генерал Лаховари поручил господину Папиниу, покидая Афины, письменно же заявить греческому министерству иностранных дел, что ответственность Греции лежит не в убийствах, производимых эллинскими бандами в Оттоманской империи, а в допущении образования этих банд в пределах Эллинского королевства, и что греческие подданные, остающиеся в Румынии, будут пользоваться полной личной и имущественной безопасностью до тех пор, пока они будут воздерживаться от участия в какой-либо пропаганде, враждебной румынской национальности в Македонии.

Выражая сожаление по поводу фактического прекращения нормальных дипломатических сношений с Грецией, генерал Лаховари сообщил мне, что французское правительство вновь обратилось к нему с настоятельными советами благоразумия и умеренности, уведомляя его, что те же советы преподаются, равным образом, и эллинскому кабинету.

Министр ответил господину Рувье[2], что румынское правительство принимает всегда с благодарностью советы и указания великих держав и намерено руководствоваться ими.

Те же его уверения министр просил меня представить и Вашему Сиятельству.

Он далеко, однако, не уверен, что советы благоразумия возымеют своё действие в Афинах.

Ему доподлинно известно, что, в беседе с австро-венгерским посланником, господин Ралли выказал самую упорную несговорчивость, отрицая даже право султана признавать существование куцо-влахской национальности.

Генерал Лаховари убеждён, что господин Ралли не остановился бы даже перед формальным разрывом дипломатических сношений с Румынией.

Основываясь на донесениях румынского посланника при императорском дворе, он полагает, что разрыв ещё не состоялся благодаря категорическому отказу Вашего Сиятельства поручить защиту греческих интересов русскому представительству в Румынии. Я возразил министру, что полученные им сведения не вполне точны и что мне неизвестно о последовавшем с нашей стороны отказе в покровительстве интересов греческих подданных в случае полного разрыва между обоими королевствами.

При всём том, не подлежит сомнению, что ни одно правительство не действует столь же настойчиво и энергично, как императорское, в пользу мирного улажения возникшего конфликта, могущего привести к нежелательным осложнениям на Балканском полуострове.

Повторяя заявление, сделанное им мне уже ранее, генерал Лаховари стал вновь утверждать, что Румыния никогда не примет инициативы во враждебном действии.

Если Греция заменит временного хранителя архивов своей миссии поверенным в делах, то министр немедленно же командирует своего поверенного в делах в Афины.

Пока же, не желая быть взятым врасплох необдуманными распоряжениями господина Ралли, он ограничился предупреждением римского кабинета, что в случае полного отозвания всех греческих правительственных агентов из Румынии, он

обратится к итальянскому правительству с просьбой взять на себя защиту румынских интересов в Греции.

Тогда же только Румыния объявит о прекращении через год действия торгового договора, заключённого между обоими королевствами.

Донося о содержании моей беседы с румынским министром иностранных дел, почитаю долгом присовокупить, что в интересах как многочисленной греческой колонии, проживающей в Румынии, так и греческой торговли и судоходства, весьма желательно скорейшее прекращение нынешних ненормальных отношений между обоими государствами.

Своим вызывающим образом действий, Греция лишает себя возможности получать удовлетворение даже в таких случаях, где, хотя и малая, доля права на её стороне.

Отозвав своего посланника из-за неблагоприятного ответа на её требование о наказании полицейских, допустивших сожжение греческого флага, она похоронила этот инцидент не в свою пользу, так как после такого её шага румыны сочтут, конечно, унизительным для себя уступить ей в данном вопросе.

Прекращение же действия торгового её договора с Румынией чревато тяжёлыми последствиями для её подданных.

Оно приведёт к непризнанию законного существования греческих общин в Румынии и к применению стеснительных мер к греческим судам, столь часто появляющимся в румынских портах[3].

В этом отношении положение Румынии несравненно благоприятнее. Хотя со времени заключения торгового договора её вывоз в Грецию и возрос в три раза, у неё нет, однако, подданных в пределах Греческого королевства, и судоходные её интересы в греческих водах ничтожны.

К тому же, чем дольше продолжается нынешний кризис, тем более румыны будут черпать храбрости в сочувственных отзывах большинства великих держав и, быть может, в поощрении некоторых из них, готовых взять под более близкое своё покровительство румынские интересы для умножения поводов к своему вмешательству в решение балканских дел.

С отличным почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 175–180 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] После обмена дипломатическими нотами между греческим посланником Томбазисом и румынским правительством, который не смог привести к какому-либо конкретному результату, греческий дипломатический представитель покинул Румынию. Он уехал в официальный отпуск и оставил греческую дипломатическую миссию и её архивы в ведении канцелярского работника Варвалиса. В ответ Якоб Лаховари телеграфировал 6/19 сентября 1905 г. румынскому посланнику в Афинах Папиниу, предписав ему, в свою очередь, немедленно покинуть румынскую миссию в Афинах, не утруждая себя нанести обычный в таких случаях визит вежливости королю Георгу I. Подробнее об обострении дипломатического кризиса между Румынией и Грецией см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 192.

[2] Морис Рувье (1842–1911), французский банкир, журналист и политический деятель. Одна из значительных политических фигур во времена французской Третьей Республики. Неоднократно занимал должность министра в различных правительствах республики. Был премьер-министром Франции с мая по декабрь 1887 г. и с января 1905 по март 1906 г. Более подробно о французских

дипломатических демаршах и посреднических усилиях в контексте румыно-греческого дипломатического кризиса также см: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 190.

[3] О возможности денонсации торгового договора между Румынией и Грецией см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 192. Подробно о дипломатической переписке на протяжении этого периода, в том числе непосредственно касающейся данной тематики, см.: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905.* București, Imprimeria Statului, 1905. P. 97–100.

Sinaia, 14 septembrie 1905, nr. 59. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Vizitându-mă zilele acestea, ministrul român al Afacerilor Străine a considerat de datoria sa să îmi expună poziția guvernului regal față de actuala fază a conflictului care s-a iscat între Grecia și România.

Plecarea domnului Tombazis, care nu a acreditat nici măcar un însărcinat cu afaceri, cu care generalul Lahovari ar fi putut continua să ducă anumite negocieri diplomatice, l-a silit pe ministrul Afacerilor Străine să recurgă la aceeași măsură, adică la rechemarea trimisului român de la Atena și la însărcinarea unui funcționar mărunt de cancelarie cu misiunea de păstrare a arhivelor reprezentanței diplomatice românești de acolo[1].

În același timp, din dorința de a nu lăsa fără răspuns nota pe care i-a adresat-o reprezentantul diplomatic grec înainte de plecarea sa din București, în care domnul Tombazis contesta orice responsabilitate a guvernului elen pentru acțiunile bandelor grecești din Macedonia și își exprima speranța că cetățenii greci care se află pe teritoriul României nu vor fi supuși unor persecuții, generalul Lahovari i-a ordonat domnului Papiniu ca acesta, înainte de a părăsi Atena, să declare, tot în scris, ministerului grec al Afacerilor Străine, că responsabilitatea Greciei constă nu în asasinatele și crimele înfăptuite de către bandele elene din Imperiul Otoman, ci în admiterea faptului formării acestor bande în limitele teritoriului Regatului Elen, și că supușii greci care rămân să locuiască în România se vor bucura în continuare de deplina siguranță a integrității lor personale și a proprietății lor, atâta timp cât aceștia se vor abține de la orice participare în orice fel de propagandă ostilă față de naționalitatea românească din Macedonia.

Exprimându-și regretul în legătură cu încetarea, de facto, a relațiilor diplomatice normale cu Grecia, generalul Lahovari mi-a comunicat că guvernul francez i s-a adresat din nou, sfătuindu-l insistent să manifeste multă prudență și moderație, informându-l că aceleași sfaturi îi sunt acordate, de asemenea, și cabinetului elen.

Ministrul i-a răspuns domnului Rouvier[2] că guvernul român acceptă mereu, cu recunoștință, orice sfaturi și instrucțiuni din partea Marilor Puteri și că acesta intenționează să acționeze conform acestor sfaturi.

Ministrul m-a rugat să vă prezint și Luminăției Voastre aceleași asigurări ale sale.

El însă nu este, nici pe departe, sigur că aceste sfaturi ce îndeamnă spre prudență își vor avea efectul scontat la Atena.

El cunoaște în mod mai mult ca sigur că, în timpul unei conversații cu trimisul austro-ungar, domnul Rallis a manifestat cea mai obstinată neînduplecare, contestând până și dreptul sultanului de a recunoaște existența naționalității cuțo-vlahe.

Generalul Lahovari este convins că domnul Rallis nu s-ar fi oprit nici chiar în fața pericolului unei întreruperi formale a relațiilor diplomatice cu România.

Bazându-se pe rapoartele trimisului român pe lângă Curtea Imperială, el consideră că această ruptură nu a avut încă loc din cauza refuzului categoric al Luminăției Voastre de a

însărcina reprezentanța diplomatică rusă din România cu protecția intereselor grecești. Eu i-am obiectat ministrului că informațiile primite de el nu sunt cu totul exacte și că eu nu am cunoștință de vreun refuz care ar fi parvenit din partea noastră referitor la protecția intereselor supușilor greci în cazul unei rupturi totale a relațiilor dintre cele două regate.

Cu toate acestea, nu există nici un fel de îndoială că nici un alt guvern nu acționează la fel de insistent și energic precum guvernul imperial în favoarea unei soluționări pașnice a conflictului apărut în prezent, care ar putea duce la anumite complicații nedorite în Peninsula Balcanică.

Repetându-mi declarația pe care mi-o făcuse deja mai devreme, generalul Lahovari a început din nou să afirme că România nu își va asuma niciodată inițiativa declanșării unei acțiuni ostile.

Dacă Grecia își va înlocui custodele provizoriu al arhivelor misiunii sale diplomatice printr-un însărcinat cu afaceri, atunci ministrul își va delega imediat un însărcinat cu afaceri propriu la Atena.

Deocamdată însă, nedorind să fie luat prin surprindere de ordinele și dispozițiile nechibzuite ale domnului Rallis, el s-a limitat la a avertiza cabinetul de la Roma că, în cazul unei rechemări complete și depline a tuturor agenților guvernamentali greci din România, el se va adresa guvernului italian cu rugămintea de a-și asuma protecția intereselor românești în Grecia.

La fel, doar în acest caz, România va anunța despre încetarea, peste un an de zile, a acțiunii prevederilor tratatului comercial încheiat între cele două regate.

Raportându-vă despre conținutul convorbirii mele cu ministrul român al Afacerilor Străine, consider de datoria mea să adaug că este extrem de dezirabilă și binevenită încetarea cât mai grabnică a actualelor relații anormale dintre cele două state, ceea ce ar fi atât în interesul numeroasei colonii grecești care locuiește pe teritoriul României, cât și în interesul comerțului și navigației grecești.

Prin modul său de acțiune sfidător, Grecia se privează de posibilitatea de a primi o oarecare satisfacție, chiar și în acele cazuri, în care dreptul este de partea ei, fie și în proporție oricât de mică.

Prin rechemarea trimisului său din cauza răspunsului nefavorabil față de revendicările sale privind pedepsirea polițiștilor care au admis incendierea drapelului grecesc, Grecia a „îngropat" acest incident, însă nu în favoarea sa, deoarece, după un asemenea pas din partea ei, românii, desigur, vor considera că ar fi înjositor pentru ei să facă anumite cedări Greciei în această chestiune.

Iar încetarea acțiunii prevederilor tratatului său comercial cu România ar putea provoca anumite consecințe grave pentru supușii greci.

Acest lucru ar duce la încetarea recunoașterii existenței legale a comunităților grecești din România și la aplicarea unor măsuri restrictive față de navele grecești, care își fac apariția atât de des în porturile românești[3].

În această privință, situația României este cu mult mai favorabilă. Deși, din momentul încheierii tratatului comercial, valoarea exportului României în Grecia a crescut de trei ori, România nu are, totuși, cetățeni în limitele teritoriale ale Regatului Grec, iar interesele sale de navigație în apele grecești sunt neglijabile.

În afară de aceasta, cu cât mai mult continuă actuala criză, cu atât mai mult românii vor acumula curaj, având ca sursă opiniile pline de simpatie ale majorității Marilor Puteri și, s-ar putea, chiar încurajarea directă a unora dintre ele, care ar fi gata să își asume o protecție și o susținere mai activă a intereselor românești pentru a-și spori și multiplica pretextele de imixtiune în rezolvarea chestiunilor din regiunea Balcanilor.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 175–180 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] După schimbul de note diplomatice dintre trimisul elen, Tombazis, și guvernul român, care nu a avut nici un rezultat palpabil, reprezentantul diplomatic elen a părăsit România, plecând în concediu și lăsând legația și arhivele în grija cancelarului Varvalis. În replică, Iacob Lahovari i-a telegrafiat la 6 (19) septembrie 1905 lui Papiniu, cerându-i să părăsească, la rândul său, Legația din Atena, fără a mai face obișnuita vizită de curtoazie regelui George I. Pentru mai multe detalii privind acutizarea crizei diplomatice româno-elene, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 192.

[2] Maurice Rouvier (1842–1911), bancher, jurnalist și om politic francez. Unul dintre politicieni importanți ai Republicii a III-a franceze, a fost în câteva rânduri ministru în diverse guverne republicane și prim-ministru al Franței (mai–decembrie 1887, ianuarie 1905 – martie 1906). Despre intervențiile diplomatice franceze în contextul crizei româno-elene, a se vedea și: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 190.

[3] Mai multe detalii privind posibilitatea denunțării tratatului comercial româno-elen a se vedea la: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 192. Pentru corespondența diplomatică din această perioadă, inclusiv privind subiectul respectiv, a se vedea: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*, București, Imprimeria Statului, 1905, în special p. 97–100.

172

Синая, 20 сентября 1905 г. № 60. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

15-го текущего сентября месяца, Их Величества король и королева румынские изволили возвратиться в Синаю из поездки за границу, где Их Величества пробыли около шести недель.

На обратном пути в Синаю Их Величества останавливались в Вене и имели свидание с императором Францем Иосифом.

Вашему Сиятельству небезызвестно, что узы взаимной дружбы связывают престарелого монарха Австро-Венгрии с королём Карлом.

Эти чувства способствуют популярности императора в Румынии, и румынская пресса никогда не упускает случая отзываться в самых тёплых выражениях о личности соседнего монарха, вспоминая, при этом, что несколько лет тому назад Его Величество удостоил Румынию и её короля своим посещением.

После свидания, происшедшего между монархами в нынешнем году, отзывы румын об императоре приняли особенно хвалебный характер, благодаря господствующей здесь надежде, что для решения кризиса, возникшего в Венгрии, Франц Иосиф, введением всеобщей подачи голосов при выборах членов парламента, призовёт к политической жизни около трёх миллионов румын, населяющих Трансильванию[1].

С отличным почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 181–182.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Планы, касающиеся введения всеобщего избирательного права в Трансильвании, довольно широко обсуждались в связи с эскалацией венгерского кризиса 1905–1906 гг. На парламентских выборах в Венгрии, состоявшихся в январе 1905 г., Либеральная партия потеряла парламентское большинство впервые со времён заключения австро-венгерского компромиссного соглашения 1867 г., а Партия Независимости встала во главе новой коалиции, имевшей большинство в венгерском сейме. Разногласия между троном и оппозицией касались, прежде всего, инициативы по отказу от немецкого в качестве официального командного языка общей австро-венгерской армии. Этот конфликт обострился из-за того, что победившая коалиция объявила своей главной политической целью разделение общей армии. При венском дворе преобладало убеждение, что конец общей армии означал бы и конец двуединой Монархии. Поэтому первоначально либеральный премьер-министр Иштван Тиса остался у власти без опоры на эффективное большинство в парламенте, что привело к острому конституционному конфликту. Несмотря на большинство, контролируемое оппозиционной Партией Независимости в будапештском сейме, в конце концов королём был назначен на должность премьер-министра 18 июня 1905 г. генерал Геза Фейервари, сформировавший правительство технократов. Оппозиция рассматривала новое правительство как анти-конституционное, поскольку оно не было сформировано парламентским большинством. В результате, Фейервари пришлось управлять, опираясь на поддержку короля, который несколько раз отсрочил начало парламентской сессии. В этих условиях, оппозиция призвала к «национальному сопротивлению» против «правительства жандармов», а во многих регионах население отказывалось от призыва в армию и уплаты налогов. Министр внутренних дел Йожеф Криштофи ответил на кампанию «национального сопротивления» жёсткими репрессивными мерами. Примерно треть из числа избранных депутатов от Либеральной партии, поддерживавшей австро-венгерский дуализм, в итоге перешла на сторону оппозиционной коалиции, которая таким образом могла контролировать подавляющее большинство (более 75%) от общего числа депутатов. В условиях этого глубочайшего кризиса лояльность трансильванских румын Монархии становилась ключевым фактором. Подробнее об этом см.: Freifeld A. *Nationalism and the Crowd in Liberal Hungary, 1848–1914.* Washington DC, Woodrow Wilson Center Press, 2000. P. 289 etc.; Deák I. *Beyond Nationalism. A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918.* New York, Oxford University Press, 1990. Также см. предыдущие документы, касающиеся того же вопроса.

Sinaia, 20 septembrie 1905, nr. 60. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Pe data de 15 a lunii septembrie, aflată în curs, Majestățile Lor regele și regina României au binevoit să revină la Sinaia dintr-o călătorie peste hotare, unde Majestățile Lor s-au aflat timp de aproximativ șase săptămâni.

Făcând cale întoarsă spre Sinaia, Majestățile Lor au făcut o oprire la Viena și au avut o întrevedere cu împăratul Franz Josef.

Luminăția Voastră cunoaște deja faptul că anumite legături de prietenie reciprocă îi unesc pe bătrânul monarh al Austro-Ungariei și pe regele Carol.

Aceste sentimente contribuie la popularitatea împăratului în România, iar presa românească nu ratează niciodată ocazia de a-și da cu părerea, în cele mai calde cuvinte, despre personalitatea monarhului statului vecin, amintindu-și, cu acest prilej, că acum câțiva ani Majestatea Sa a acordat României și regelui său onoarea de a vizita această țară.

După întrevederea care a avut loc între cei doi monarhi în anul curent, opiniile românilor despre împărat au început să capete un caracter deosebit de elogios, datorită speranței care domină în cercurile de aici că, pentru a rezolva criza care a luat naștere în Ungaria, Franz Josef, prin introducerea procedurii de vot universal, în timpul alegerilor membrilor parlamentului, îi va chema să participe la viața politică pe cei aproximativ trei milioane de români care locuiesc în Transilvania[1].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 181–182.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Planurile privind introducerea sufragiului universal în Transilvania erau vehiculate în contextul escaladării crizei maghiare din 1905–1906. În alegerile parlamentare maghiare din ianuarie 1905, Partidul Liberal și-a pierdut majoritatea pentru prima dată de la Compromisul austro-ungar din 1867, iar Partidul Independenței conducea o coaliție majoritară în Dieta Ungariei. Disputa dintre Tron și opoziție privea, înainte de toate, renunțarea la limba germană ca limbă de comandă în armata comună. Tensiunile s-au agravat deoarece coaliția câștigătoare a declarat drept scop politic separarea armatei comune. La curtea de la Viena predomina convingerea că sfârșitul armatei comune însemna și sfârșitul Dublei Monarhii. De aceea, într-o primă instanță, prim-ministrul liberal István Tisza a rămas în funcție fără majoritate, ceea ce a dus la un grav conflict constituțional. În ciuda majorității opoziției independentiste în Dieta Ungariei, în cele din urmă generalul Géza Fejérváry a fost numit de către rege, în 18 iunie 1905, în fruntea unui guvern tehnocrat. Opoziția a calificat noul guvern drept anti-constituțional, deoarece nu provenea dintr-o majoritate parlamentară. Ca urmare, Fejérváry a guvernat cu ajutorul regelui, care a amânat în repetate rânduri sesiunea parlamentară. În consecință, opoziția a făcut apel la „rezistență națională” împotriva „guvernului de jandarmi”, iar în multe regiuni s-a refuzat recrutarea și plata impozitelor. Ministrul de interne József Kristóffy a reacționat la „rezistența națională” cu dure măsuri polițienești. Aproximativ o treime dintre reprezentanții aleși ai Partidului Liberal devotat dualismului au trecut în cele din urmă în tabăra coaliției, care a ajuns astfel să aibă la dispoziție o majoritate de peste trei sferturi. În condițiile acestei crize profunde, loialitatea românilor transilvăneni față de Monarhie devenea esențială. Pentru mai multe detalii, a se vedea: Alice Freifeld, *Nationalism and the Crowd in Liberal Hungary, 1848–1914,* Washington DC, Woodrow Wilson Center Press, 2000, p. 289 și urm.; István Deák, *Beyond Nationalism. A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*, New York, Oxford University Press, 1990, precum și documentele anterioare referitoare la același aspect.

173

Синая, 20 сентября 1905 г. № 61. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я имел честь неоднократно доносить Вашему Сиятельству, что король Карл следит за развитием венгерского кризиса с большим вниманием и охотно сообщает своим собеседникам свои соображения относительно способа его решения.

Почитаю небезынтересным довести до Вашего, милостивый государь, сведения, что за последнее время произошла существенная перемена во взглядах Его Величества на этот вопрос.

В прошлом году король удивлялся упорному отказу императора ввести венгерский язык в армию и находил возможным, до некоторой степени, удовлетворить в этом вопросе вожделения венгерских патриотов.

Ныне же король всецело высказывается в пользу императора и настаивает на необходимости утомлением довести венгерских политических вождей до сознания, что для них нет другого выхода, как подчиниться воле своего монарха[1].

Так как события, происходящие во владениях Короны Св. Стефана, приковывают внимание короля Карла, главным образом, из-за влияния их на судьбу румынского населения Трансильвании, то полагаю, что я не далёк от истины, приписывая перемену во взглядах Его Величества тому обстоятельству, что в Венгрии поднят вопрос о всеобщем голосовании при парламентских выборах.

Король, по-видимому, рассчитывает, что по введении этой реформы румынская национальность в Венгрии приобретёт особенное политическое значение и, вместе с тем, усилится в ней сознание о племенном её родстве с населением Румынского королевства[2].

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 183–184 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] См. док. № 154 от 23 марта 1905 г., № 164 от 16 июня 1905 г., № 172 от 20 сентября 1905 г.
[2] В письме от 5 (18) октября 1905 г., адресованном своей сестре, Марии Фландрской, король Карл утверждал, что он выступает за введение всеобщего избирательного права в Венгрии, «поскольку это [всеобщее голосование] найдёт свои коррективы в национальности» (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)* / Ed. S. Cristescu. București, Tritonic, 2005. P. 434–435).

Sinaia, 20 septembrie 1905, nr. 61. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am avut onoarea să Vă raportez, nu o singură dată, Luminăției Voastre că regele Carol urmărește evoluția crizei maghiare cu mare atenție și că el le comunică cu dragă inimă interlocutorilor săi considerațiile sale în privința modului de rezolvare a acestei chestiuni.

Consider că nu ar fi lipsit de interes să Vă aduc la cunoștință, Stimate Domn, că în ultimul timp a avut loc o modificare substanțială a viziunilor Majestății Sale privind această chestiune.

Anul trecut regele își exprima uimirea în legătură cu refuzul neînduplecat al împăratului de a introduce limba maghiară în armată și considera că ar fi fost posibil, într-o oarecare măsură, de a da satisfacție, în această chestiune, aspirațiilor patrioților maghiari.

În prezent însă, regele se exprimă în totalitate în favoarea opiniei împăratului și insistă pe necesitatea de a-i aduce pe liderii politici maghiari, printr-o strategie de extenuare, în starea de a conștientiza că pentru ei nu există o altă soluție decât să se supună voinței monarhului lor[1].

Deoarece evenimentele care se desfășoară pe pământurile Coroanei Sfântului Ștefan atrag foarte mult atenția regelui Carol, în principal, din cauza influenței acestora asupra destinului populației românești din Transilvania, eu consider că nu sunt foarte departe de adevăr atunci când atribui schimbarea viziunilor Majestății Sale acelei împrejurări, că în Ungaria a fost pusă la ordinea zilei chestiunea privind votul universal în timpul alegerilor parlamentare.

Regele, s-ar părea, contează pe faptul că, după introducerea acestei reforme, naționalitatea românească din Ungaria va dobândi o importanță politică deosebită și că, totodată,

în sânul acesteia se va întări conștiința privind înrudirea și afinitatea sa etnică cu populația Regatului Român[2].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 183–184 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] A se vedea doc. nr. 154 din 23 martie 1905, nr. 164 din 16 iunie 1905, nr. 172 din 20 septembrie 1905.

[2] Într-o scrisoare din 5 (18) octombrie 1905, adresată surorii sale, Maria de Flandra, regele Carol afirma că el pledează pentru introducerea votului universal în Ungaria, „deoarece acesta [votul universal] va găsi un corectiv în naționalitate" (*Carol I. Corespondența personală (1878–1912)*, editor Sorin Cristescu, București, Tritonic, 2005, p. 434–435).

174

Синая, 21 сентября 1905 г. № 65. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Вслед за отъездом из Бухареста греческого посланника, господина Томбазиса, полемика между греческими и румынскими газетами приняла крайне острый характер.

Местная печать стала воспроизводить статьи эллинских газет, полные презрения и угроз по отношению к Румынии, и отвечать на эти статьи в том же раздражённом тоне[1].

Ввиду того обстоятельства, что в случае полного разрыва дипломатических сношений между обоими королевствами, защита интересов греческих подданных в Румынии будет возложена на Высочайше вверенную мне миссию, я считал бы крайне желательным, чтобы эллинское правительство, по мере возможности, обуздывало не всегда тактичные выходки своих газет.

Со своей стороны, я не премину, по мере возможности, настаивать перед генералом Лаховари о необходимости сдерживать официозные органы печати, отвечающие эллинским своим собратьям угрозой прекратить действие торгового договора, заключённого между Грецией и Румынией.

Не подлежит сомнению, что, если нынешний конфликт приведёт действительно к дипломатическому разрыву, то последствия этого разрыва для греческих подданных, проживающих в Румынии, будут чувствительнее, чем в 1891 году[2].

В то время эллинский представитель был отозван из-за нежелания греческого правительства признать подсудность румынским судам спорного дела о многомиллионном наследстве Zappa[3].

Спор был юридического свойства и касался, главным образом, денежных интересов сторон.

Он не затрагивал так существенно их национального самолюбия.

Вследствие этого румынское правительство ограничилось применением, после разрыва, к греческой ввозной торговле, общего тарифа вместо конвенционного. Оно

не стеснило греческих подданных, занимающихся в Румынии в крупных размерах арендой земель и другими промыслами, никакими исключительными мерами.

Трудно рассчитывать, что и в этот раз его отношение к ним будет столь же сравнительно сдержанное.

Нынешний конфликт задевает за живое щепетильное самолюбие румынского правительства, негодующего на стремление Греции вырвать у него из рук дипломатический успех, одержанный им в Македонии.

К тому же, оно уверено в сочувствии большинства великих держав, что, конечно, придаёт ему больше смелости в его стремлениях принудить Грецию к большей сговорчивости.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 187–189.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Подробнее о полемике вокруг этого вопроса в печати того времени см., напр.: *Avem drepturi istorice în Macedonia?* и *Manifestația anti-grecească din Focșani* // „Adevărul”. Anul XVIII. 1905. 1 septembrie. № 5764. P. 2, а также *Conflictul greco-român* // Ibid. 30 septembrie. № 5798. P. 3.

[2] Дипломатические отношения между Румынией и Грецией были разорваны с октября 1892 г. до июля 1896 г. В основе тогдашнего конфликта между двумя государствами лежал вопрос о тяжбе, связанной с недвижимым наследством Вангелия Заппы (Ulinici L. *Afacerea Zappa și conflictul diplomatic greco-român*. Diss. Iași, 2012). Также см.: *ДДРПР, 1888–1898*. Док. № 63 от 21 мая 1896 г. С. 363–365.

[3] Ulinici L. *Op. cit.;* Streit G. *L'affaire Zappa. Conflit gréco-roumain.* Paris, Librairie du Recueil Général des Lois et des Arrêts, L. Larose Editeur, 1894.

Sinaia, 21 septembrie 1905, nr. 65. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

După plecarea din București a trimisului grec, domnului Tombazis, polemica dintre ziarele grecești și românești a căpătat un caracter extrem de acut.

Presa locală a început să reproducă anumite articole ale ziarelor elene, pline de dispreț și amenințări la adresa României, și să răspundă acestor articole pe același ton plin de iritare[1].

Având în vedere acea împrejurare că, în cazul unei întreruperi totale a relațiilor diplomatice dintre cele două regate, protecția intereselor supușilor greci din România va cădea în sarcina misiunii diplomatice care mi-a fost încredințată de împărat, aș considera extrem de oportun ca guvernul elen, în măsura posibilităților, să pună frâu ieșirilor, nu întotdeauna foarte tacticoase, ale ziarelor sale.

Din partea mea, eu nu voi ezita, în măsura posibilităților, să insist în fața generalului Lahovari asupra necesității de a stăvili elanul organelor oficioase de presă, care le răspund confraților lor eleni prin invocarea amenințării de a înceta acțiunea prevederilor tratatului comercial încheiat între Grecia și România.

Nu există nici un fel de îndoială că, dacă actualul conflict va avea drept urmare, într-adevăr, o ruptură a relațiilor diplomatice, atunci consecințele acestei rupturi pentru supușii greci care locuiesc în România vor fi mai grave și mai dureroase decât în anul 1891[2].

Atunci, reprezentantul diplomatic elen a fost rechemat din cauza nedorinței guvernului grec de a recunoaște jurisdicția tribunalelor românești în cazul dosarului litigios privind moștenirea Zappa[3], care punea sub semnul întrebării o avere de multe milioane.

Acest litigiu era de natură juridică și se referea, în principal, la anumite interese financiare ale părților.

Acesta nu afecta, în mod atât de fundamental, orgoliul național al ambelor state.

Ca urmare a acestui fapt, guvernul român s-a limitat, după ruptura diplomatică, la aplicarea, față de comerțul grecesc de import, a tarifului general, în locul celui prevăzut de convenția comercială. Guvernul nu a restricționat în nici un fel supușii greci care se ocupau în România de arendarea loturilor de pământ, în proporții mari, sau de alte îndeletniciri economice, neaplicând față de ei nici un fel de măsuri excepționale.

Este dificil să contăm pe faptul că, și de această dată, atitudinea guvernului față de ei va fi caracterizată de aceeași politică relativ cumpătată.

Actualul conflict atinge punctul nevralgic al orgoliului delicat și sensibil al guvernului român, care este profund revoltat de încercarea asiduă a Greciei de a-i smulge din mâini succesul diplomatic pe care l-a repurtat în Macedonia.

În afară de aceasta, guvernul român este sigur de sprijinul și simpatia majorității Marilor Puteri, ceea ce, desigur, îi conferă mai mult curaj în încercările sale de a constrânge Grecia să adopte o poziție ceva mai conciliantă.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 187–189.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru mai multe detalii privind polemica din presa acelei perioade, a se vedea, de exemplu, articolele *Avem drepturi istorice în Macedonia?* și *Manifestația anti-grecească din Focșani*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5764, 1 septembrie 1905, p. 2, sau *Conflictul greco-român*, în „Adevărul", anul XVIII, nr. 5798, 30 septembrie 1905, p. 3.

[2] Între octombrie 1892 și iulie 1896 relațiile diplomatice româno-elene au fost întrerupte. La baza disensiunilor între cele două state a stat problema moștenirii imobiliare a lui Vanghelie Zappa (Laura Ulinici, *Afacerea Zappa și conflictul diplomatic greco-român*, teză de doctorat, Iași, 2012). A se vedea și: *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 63 din 21 mai 1896, p. 363–365.

[3] Laura Ulinici, *op. cit.*, precum și: Georges Streit, *L'affaire Zappa. Conflit gréco-roumain*, Paris, Librairie du Recueil Général des Lois et des Arrêts, L. Larose Editeur, 1894.

175

Бухарест, 23 октября 1905 г. № 70. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

По получении секретной телеграммы Вашего Сиятельства от 6 текущего октября месяца касательно заявления, сделанного Вам румынским поверенным в делах по поводу преследования греческими бандами куцо-влахского населения Македонии, я не преминул, в доверительной беседе, запросить королевского министра иностранных

дел о значении этого заявления и о тех крайних мерах, кои румынское правительство, будто бы, вынуждено будет принять в случае продолжения насилий со стороны греков.

Генерал Лаховари разъяснил мне, что он еженедельно высылает список злодеяний, совершённых греческими бандами в Македонии, всем румынским представителям за границей, поручая им доводить этот список до сведения правительств, при коих они аккредитованы, и просить содействия в обуздании греков. За последнее время, греческие банды стали, будто бы, проявлять особенную ненависть к куцо-влахам, что побудило румын денонсировать греко-румынский торговый договор[1]. Но этим не ограничатся репрессалии бухарестского кабинета. По истечении девяти месяцев со дня заявления о прекращении действия договорных обязательств между Румынией и Грецией, он намерен применить к грекам, проживающим в Румынии, такие драконовские меры, кои принудят, будто бы, их всех выселиться из королевства. Генерал Лаховари не знает, будто бы, ещё, будет ли формально приступлено к закрытию в Румынии греческих церквей и школ, но, во всяком случае, уход всех греков приведёт, фактически, к их закрытию.

По словам министра иностранных дел, чаша терпения румынского правительства переполнена, и оно откажется от репрессалий против греков лишь в том случае, если Вселенская Патриархия снимет отлучение, наложенное ею на священников, совершавших богослужение на румынском языке, и посвятит в священнический сан несколько куцо-влахов, кои будут ей указаны румынской миссией в Константинополе.

«Мы сперва полагали, сказал мне генерал Лаховари, что нам удастся убедить греков в том, что куцо-влахи никогда не станут румынскими подданными, а вернее всего, в случае дележа Македонии, войдут в состав Греческого королевства; ввиду этого, греки должны были бы заручиться их расположением, удовлетворяя их законным требованиям, а не толкать их в объятия болгар. Однако греки не хотят этого понять и, по-видимому, болгары правы, утверждая, что мы ничего не добьёмся в Афинах, и советуя нам действовать энергично в Константинополе на Порту и Патриархию. Мы надеемся, что великие державы помогут нам в этом».

Передавая заявление румынского министра иностранных дел, считаю долгом вновь оговорить, что к его словам следует относиться с некоторой сдержанностью.

Генерал Лаховари, бесспорно, человек умный и талантливый. Он был одним из лучших румынских военных министров, и если в нынешнем консервативном кабинете на его долю выпал портфель иностранных дел, то это по тому обстоятельству, что король не пожелал допустить его в военное министерство, так как, будучи в оппозиции, генерал Лаховари нападал, в крайне резких выражениях, на действия либералов в военном ведомстве, отлично сознавая, однако, что все реформы и более или менее серьёзные распоряжения, касающиеся румынской армии, при либералах, как и при консерваторах, исходят, главным образом, от Его Величества.

Быть может, со временем, генералу Лаховари и удастся вернуться к любимому им военному делу; пока же, в ведении иностранной политики, он вносит необычную горячность и словоохотливость и часто прибегает к умышленному искажению истины, предполагая, в своей неопытности, что в этом и состоит дипломатическое искусство.

Таким искажением и является его уверение, будто бы ему удастся выселить восемьдесят тысяч греков из Румынии.

Без всякого сомнения, крутыми мерами румынское правительство может убить греческую торговлю и судоходство в Румынии и тем нанести существенный ущерб Греции, но принуждением высокими налогами к выселению многочисленных греческих арендаторов и управляющих, разбросанных по румынским поместьям, оно возбудит

лишь против себя владельцев этих поместий. Уже теперь расточаемые генералом Лаховари угрозы по адресу греков достигают нежелательной в его видах цели, охлаждая симпатии его соотечественников к куцо-влахскому вопросу.

С отличным почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 197–200.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Подробнее о денонсации торгового договора между Румынией и Грецией, в том числе дипломатическую переписку по этому вопросу, см.: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905.* București, Imprimeria Statului, 1905. P. 97–106.

București, 23 octombrie 1905, nr. 70. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Imediat după recepționarea telegramei secrete a Luminăției Voastre din data de 6 a lunii octombrie, aflată în curs, care se referea la declarația pe care V-a făcut-o însărcinatul român cu afaceri în legătură cu persecuțiile populației cuțo-vlahe din Macedonia de către bandele grecești, eu nu am ezitat, în timpul unei convorbiri confidențiale, să îi pun o întrebare ministrului regal al Afacerilor Extene despre semnificația acestei declarații și despre acele măsuri extreme, pe care guvernul român va fi, chipurile, nevoit să le întreprindă în cazul continuării violențelor din partea grecilor.

Generalul Lahovari mi-a explicat, că el le trimite săptămânal, tuturor reprezentanților diplomatici români de peste hotare, lista crimelor înfăptuite de către bandele grecești în Macedonia, dându-le acestora sarcina să aducă această listă la cunoștința acelor guverne, pe lângă care sunt acreditați, și să solicite susținere și sprijin în înfrânarea grecilor. În ultimul timp, bandele grecești ar fi început, chipurile, să manifeste o ură deosebită față de cuțo-vlahi, ceea ce i-a determinat pe români să denunțe tratatul comercial dintre Grecia și România[1]. Dar represaliile cabinetului de la București nu se vor limita doar la acest lucru. După expirarea unei perioade de nouă luni din ziua declarației cu privire la încetarea acțiunii obligațiilor contractuale încheiate între România și Grecia, guvernul român intenționează să aplice, față de grecii care locuiesc în România, anumite măsuri cu adevărat draconice, care îi vor sili, chipurile, pe toți aceștia să părăsească regatul. Generalul Lahovari nu ar cunoaște încă, după cum se pare, dacă se va proceda, în mod formal, la închiderea bisericilor și școlilor grecești din România, dar, în orice caz, plecarea tuturor grecilor din țară va avea drept urmare închiderea *de facto* a acestor instituții.

Conform spuselor ministrului Afacerilor Străine, răbdarea guvernului român a ajuns deja la limită, și acesta va renunța la represaliile împotriva grecilor doar în cazul, în care Patriarhia Ecumenică își va ridica excomunicarea pe care a aplicat-o împotriva preoților care săvârșeau serviciul divin în limba română și îi va hirotonisi în cinul preoțesc pe câțiva cuțo-vlahi, care îi vor fi indicați de către misiunea diplomatică românească de la Constantinopol.

„Inițial, noi consideram, mi-a spus generalul Lahovari, că noi vom reuși să îi convingem pe greci de faptul, că cuțo-vlahii nu vor deveni niciodată supuși ai Regatului

Român și că, cel mai probabil, în cazul împărțirii Macedoniei, aceștia vor intra în componența Regatului Grec; având în vedere acest lucru, grecii ar fi trebuit să își asigure bunăvoința acestora, prin satisfacerea revendicărilor lor legitime, iar nu să îi împingă în brațele bulgarilor. Grecii, însă, nu vor să înțeleagă acest lucru și, după cum se pare, bulgarii au dreptate atunci când afirmă că noi nu vom obține nimic la Atena și atunci când ne dau sfatul de a acționa în mod energic la Constantinopol, asupra Porții și Patriarhiei. Noi sperăm, că Marile Puteri ne vor ajuta în această chestiune".

Transmițându-vă declarația ministrului român al Afacerilor Străine, consider de datoria mea să fac din nou precizarea că ar trebui să afișăm o anumită rezervă și reținere în atitudinea noastră față de cuvintele sale.

Generalul Lahovari este, fără nici o îndoială, o persoană inteligentă și talentată. El a fost unul dintre cei mai buni miniștri de Război ai României, și dacă în actualul cabinet conservator destinul i-a rezervat portofoliul Afacerilor Străine, acest lucru s-a întâmplat din cauza acelei împrejurări, că regele nu a dorit să îi permită să vină în fruntea Ministerului de Război, deoarece, fiind în opoziție, generalul Lahovari a lansat anumite atacuri, folosind cuvinte extrem de tăioase, împotriva acțiunilor liberalilor în cadrul Ministerului de Război, conștientizând, totuși, perfect, că toate reformele și toate dispozițiile mai mult sau mai puțin importante, care privesc armata română, atât în timpul guvernărilor liberale, cât și al celor conservatoare, își au originea, în principal, în planurile politice ale Majestății Sale.

Se prea poate că, după un anumit timp, generalul Lahovari va reuși chiar să revină în fruntea afacerilor militare, atât de îndrăgite de el; deocamdată însă, în domeniul coordonării politicii externe, el introduce un element neobișnuit, prin înflăcărarea și tendința sa de a vorbi prea mult, recurgând deseori la denaturarea intenționată a adevărului, deoarece el presupune, din cauza lipsei sale de experiență, că anume în acest lucru ar și consta arta diplomației.

O astfel de denaturare a adevărului este, de fapt, și asigurarea sa că el va reuși, chipurile, să îi expulzeze din România pe cei optzeci de mii de greci.

Fără nici o îndoială, prin anumite măsuri aspre și severe, guvernul român este în stare să distrugă comerțul și navigația grecească din România și, astfel, să provoace Greciei anumite prejudicii substanțiale, însă prin expulzarea forțată, cu ajutorul unor impozite mari, a numeroșilor arendași și administratori greci, împrăștiați pe tot cuprinsul moșiilor românești, guvernul îi va întărâta doar împotriva sa pe proprietarii acestor moșii. Deja în acest moment, amenințările proferate cu dărnicie de către generalul Lahovari la adresa grecilor au drept urmare atingerea unui scop nedorit din punctul său de vedere, temperând simpatiile compatrioților săi față de chestiunea cuțo-vlahă.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 197–200.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Pentru mai multe detalii despre denunțarea tratatului comercial româno-grec, inclusiv corespondența diplomatică relevantă, a se vedea: *Documente Diplomatice. Afacerile Macedoniei. Conflictul greco-român. 1905*, București, Imprimeria Statului, 1905, în special p. 97–106.

176

Бухарест, 23 октября 1905 г. № 71. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В беседе со мной, изложенной в предыдущем моём донесении, румынский министр иностранных дел заговорил и об общем положении дел в Македонии.

Мнение генерала Лаховари сводится к тому, что жандармерия, обучаемая европейскими офицерами, не достигает, будто бы, в Македонии своей цели и что её следует заменить оккупационными европейскими войсками.

По уверениям генерала, ему известно, будто бы, из самого верного источника, что великобританское правительство предлагает такую оккупацию, и что его предложение появится в Синей Книге[1].

Мне не удалось убедить моего собеседника относиться скептичнее к получаемым им сведениям и, вообще, к целесообразности занятия трёх турецких вилайетов международными войсками.

Генерал хотел, безусловно, верить донесениям румынского представителя в Лондоне, вдохновлённым, насколько я мог понять, проживающим ныне в Англии бывшим сербским министром Миятовичем[2].

Вскоре после свидания со мной, генерал виделся с моими австро-венгерским и великобританским сотоварищами и стал уже вполне определённо настаивать перед ними на допущении румынского отряда в состав международных войск, имеющих, будто бы, занять Македонию. Для вящего их убеждения он утверждал, что Румыния обязуется не требовать уплаты ей расходов, сопряжённых с содержанием её войск в Македонии.

Уверения маркиза Паллавичини[3] и сэра Джона Кеннеди[4], что им ничего не известно о предполагаемой, будто бы, оккупации, и что они не видят, каким образом возможно было бы допустить к участию в ней Румынию, отстранив Грецию, Сербию и Болгарию, не возымели никакого действия.

На следующий день после объяснения с ними министра, в официозном французском органе королевского правительства[5] появилась передовая статья, трактующая о военном занятии Македонии и ратующая за участие в нём румынских войск.

Статья эта произвела в Бухаресте впечатление, не соответствующее ожиданиям генерала Лаховари.

Она испугала турецкого здесь представителя, объехавшего всех своих коллег с целью проверить, не говорил ли кто-либо из них министру иностранных дел о возможности военного занятия Македонии.

Она вызвала опасения и в умах более осторожных румын, предупреждающих министра в оппозиционной печати не втягивать Румынию в дипломатические авантюры, не заручившись предварительно одобрением и содействием великих держав.

Впечатление, произведённое статьёй, было настоль неблагоприятное, что министр нашёл нужным возложить всю ответственность за неё исключительно на редакцию официозного органа, печатно опровергнув всякое участие в её составлении королевского министерства иностранных дел.

Трудно, однако, поручиться, что воинственный генерал окончательно отказался от оригинального предположения водворять порядок в Македонии при помощи румынских войск.

При всём том, он придерживается ещё и первоначального своего проекта, о коем я имел уже честь доносить Вашему Сиятельству, вооружения всего куцо-влахского населения Македонии.

По-видимому, румынский посланник в Константинополе, Александр Лаховари, находящийся ныне в отпуске в Бухаресте, является ревностным сторонником этого проекта.

По доверительным сообщениям моего австро-венгерского сотоварища, пребывание Александра Лаховари в Бухаресте связано с вопросом об отпуске четырёхсот тысяч франков на покупку оружия для куцо-влахов[6].

С отличным почтением и неизменной преданностью, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 201–204.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Подробнее о различных проектах, связанных с проведением реформ в Македонии в начале XX в., и, в частности, о позиции Великобритании по этому вопросу см.: *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* / Ed. by G. P. Gooch et al. Vol. V. *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia, 1903–1909.* London, Johnson Reprint Corporation, 1928. P. 50 etc.; Radovich F. *Britain's Macedonian Reform Policy, 1903–1905* // „The Historian”, 43, 1981. № 4. P. 493–508; Растовић А. *Велика Британија и македонско питање. 1903–1908 године.* Београд, Историјски институт, 2011. С. 27 и сл.

[2] Чедомиль Миятович (1842–1932), сербский политический деятель, экономист, историк, писатель и дипломат. Один из лидеров сербской Прогрессивной партии. Шесть раз занимал должность министра финансов в различных правительствах Сербского Княжества и Королевства. Также был министром иностранных дел и посланником Сербии в Лондоне (в 1884–1885, 1895–1900 и 1902–1903 гг.). Кроме того, был дипломатическим представителем своей страны в Румынии (в 1894 г.) и в Османской империи (в 1900 г.). Миятович считается одним из самых выдающихся политиков либерального толка в истории Сербии.

[3] Иоганн фон Паллавичини, в 1905 г. – посланник Австро-Венгрии в Бухаресте.

[4] Сэр Джон Гордон Кеннеди (1836–1912), британский дипломат. Поступил на британскую дипломатическую службу в 1857 г. Сначала состоял при британском посольстве в Санкт-Петербурге, затем стал секретарём британского посольства в Риме. В октябре 1888 г. был назначен посланником и генеральным консулом Великобритании в Республике Чили. Находился на этом посту до августа 1897 г., когда был назначен посланником в Румынии. Оставался на этом посту в Бухаресте до конца 1905 г.

[5] *L'Indépendance Roumaine*.

[6] Подробнее о создании вооружённых отрядов, состоящих из влахов, при поддержке румынского правительства и в ответ на насильственные действия греческих «банд», а также о роли Александра Эм. Лаховари в этом контексте см.: Nistor. *„Problema aromână”.* P. 187, 193–194. Также см.: *Alexandru Em. Lahovari. Amintiri diplomatice: Constantinopol (1902–1906). Viena (1906–1908)* / Ed. A. Stănescu, L. Vlad. Iași, Institutul European, 2009. P. 52–58.

București, 23 octombrie 1905, nr. 71. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În timpul convorbirii cu mine pe care am expus-o în raportul meu anterior, ministrul român al Afacerilor Străine a abordat și subiectul stării generale de lucruri din Macedonia.

Opinia generalului Lahovari se reduce la faptul, că jandarmeria instruită de ofițerii europeni nu și-ar fi atins, chipurile, scopul său inițial în Macedonia și că aceasta ar trebui înlocuită cu trupe europene de ocupație.

Conform asigurărilor generalului, el ar cunoaște, chipurile, din sursa cea mai sigură, faptul că guvernul Marii Britanii ar propune o asemenea ocupație și că oferta sa în acest sens va apărea în Cartea Albastră[1].

Eu nu am reușit să îl conving pe interlocutorul meu să aibă o atitudine mai sceptică față de informațiile pe care le primește și, în general, față de oportunitatea ocupării celor trei vilaiete turcești de către trupele internaționale.

Generalul a dorit, fără îndoială, să dea crezare rapoartelor reprezentantului diplomatic român de la Londra, care sunt inspirate, din câte am putut să înțeleg, de către fostul ministru sârb Mijatović[2], care locuiește în prezent în Anglia.

La puțin timp după întrevederea cu mine, generalul s-a întâlnit cu colegii mei austro-ungar și britanic, începând să insiste deja într-un mod destul de hotărât și ferm, în fața lor, asupra admiterii participării unui detașament românesc în componența trupelor internaționale care urmau, chipurile, să ocupe Macedonia. Pentru a fi mai convingător în fața lor, el a afirmat că România se obligă să nu solicite achitarea și compensarea cheltuielilor sale legate de întreținerea trupelor sale în Macedonia.

Asigurările marchizului Pallavicini[3] și ale lui Sir John Kennedy[4] precum că ei nu cunosc nimic despre o presupusă ocupație ce ar fi, chipurile, planificată și că ei nu văd, în ce mod ar fi posibilă admiterea participării României la această ocupație, îndepărtându-le, în același timp, pe Grecia, Serbia și Bulgaria, nu au avut nici un efect.

A doua zi după această discuție a ministrului cu colegii mei, în organul de presă oficios, de limbă franceză, al guvernului regal[5] a fost publicat un editorial, care discuta despre ocupația militară a Macedoniei și milita pentru participarea trupelor române la această ocupație.

Acest articol a produs, la București, o impresie care nu corespundea deloc cu așteptările generalului Lahovari.

Articolul l-a înspăimântat pe reprezentantul diplomatic turc de aici, care i-a vizitat pe rând pe toți colegii săi cu scopul de a verifica dacă nu i-a spus cumva cineva dintre ei ministrului Afacerilor Străine despre posibilitatea unei ocupații militare a Macedoniei.

Acest articol a provocat anumite temeri și în mințile unor români ceva mai prudenți, care l-au avertizat pe ministru, pe coloanele presei de opoziție, să nu implice România în asemenea aventuri diplomatice, fără a se fi asigurat, în mod preliminar, de aprobarea și de sprijinul Marilor Puteri.

Impresia produsă de acest articol a fost într-atât de nefavorabilă, încât ministrul a găsit de cuviință să transfere întreaga responsabilitate pentru articol, în mod exclusiv, asupra redacției acestui organ de presă oficios, dezmințind în presă orice implicare în elaborarea acestui articol din partea ministerului regal al Afacerilor Străine.

Totuși, este dificil să avem vreo garanție că belicosul general a renunțat definitiv la ideea și propunerea sa originală de a instaura ordinea în Macedonia cu ajutorul trupelor române.

Cu toate acestea, el își mai urmează, se pare, și proiectul său inițial, despre care am avut deja onoarea să vă raportez Luminăției Voastre, privind înarmarea întregii populații cuțo-vlahe din Macedonia.

Din câte se pare, trimisul român de la Constantinopol, Alexandru Lahovari, care se află, în prezent, în concediu la București, este un susținător fervent al acestui proiect.

Conform unor informații confidențiale comunicate de colegul meu austro-ungar, actuala aflare a lui Alexandru Lahovari la București este legată de chestiunea privind alocarea unei sume de patru sute de mii de franci destinate achiziționării armamentului pentru cuțo-vlahi[6].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 201–204.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Pentru diverse proiecte legate de reformele din Macedonia în primii ani ai secolului XX, cu o atenție specială față de poziția Marii Britanii: *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*, ed. by G. P. Gooch et al., vol. V, *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia, 1903–1909*, London, Johnson Reprint Corporation, 1928, p. 50 și urm.; Frances A. Radovich, *Britain's Macedonian Reform Policy, 1903–1905*, în „The Historian”, 43, 1981, nr. 4, p. 493–508; Александар Растовић, *Велика Британија и македонско питање 1903–1908. године*, Београд, Историјски институт, 2011, p. 27 și urm.

[2] Čedomilj Mijatović (1842–1932), om politic, economist, istoric, scriitor, diplomat sârb. A fost unul dintre liderii Partidului Progresist Sârb. A fost de șase ori ministru al Finanțelor în diverse guverne din Principatul / Regatul Serbiei, ministru al Afacerilor Străine și ministru plenipotențiar al Serbiei la Londra (1884–1885; 1895–1900 și 1902–1903). Și-a reprezentat țara și în România (1894), precum și în Imperiul Otoman (1900). Este considerat unul dintre cei mai importanți politicieni liberali din istoria Serbiei.

[3] Johann von Pallavicini, la 1905 ministru plenipotențiar al Austro-Ungariei la București.

[4] Sir John Gordon Kennedy (1836–1912), diplomat britanic. A intrat în serviciul diplomatic britanic în 1857. A fost atașat pe lângă ambasada de la Sankt-Petersburg, apoi a devenit secretar al ambasadei britanice de la Roma. În octombrie 1888 a fost numit ministru plenipotențiar și consul general în Republica Chile. A exercitat această funcție până în august 1897, când a fost numit trimis extraordinar și ministru plenipotențiar în România. A rămas la București până la sfârșitul anului 1905.

[5] „L'Indépendance Roumaine”.

[6] Pentru mai multe detalii privind crearea unor „gărzi armate” ale aromânilor, cu sprijinul guvernului de la București și ca răspuns la acțiunile violente ale „bandelor” grecești, precum și pentru rolul lui Alexandru Em. Lahovari în acest context, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 187, 193–194; de asemenea: *Alexandru Em. Lahovari. Amintiri diplomatice: Constantinopol (1902–1906). Viena (1906–1908)*, volum editat de Adrian Stănescu și Laurențiu Vlad, Iași, Institutul European, 2009, p. 52–58.

177

Бухарест, 23 октября 1905 г. № 72. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

К торговому договору, заключённому между Грецией и Румынией 19 декабря 1900 года, приложен был особый протокол, постановляющий об окончательном признании за греческими церквами и школами, существовавшими в Румынии, прав юридического лица[1].

Вместе с тем, в III статье договора, определяющей срок его денонсации, не оговорено, что с прекращением действия договора теряет силу и приложенный к нему протокол.

Основываясь на этих данных, греческое правительство оспаривает у Румынии право отменить протокол и лишить церкви и школы окончательно, будто бы, признанных за ними свойств юридического лица.

Сообщая мне о полученном им протесте по сему поводу эллинского правительства, генерал Лаховари высказал мне своё убеждение, что Румыния никоим

образом не может принять греческого толкования протокола, так как она не может допустить, что участь приложения к какому-либо договору не связана тесно с судьбой самого договора. К тому же, отношения между Грецией и Румынией обострились до того, что они со дня на день станут на положении воюющих сторон, при коем никакие договорные обязательства более не соблюдаются.

Между тем, в иностранной печати распространился слух о предположении передать спорный вопрос о протоколе на решение Гаагского третейского трибунала[2]. До сих пор румынское правительство усиленно умалчивало об этом предположении. Ныне же оно нашло необходимым в официозном сообщении, появившемся в местных газетах, категорически заявить, что оно не может выделить вопрос о протоколе из совокупности недоразумений, возникших между Румынией и Грецией, и согласится подчиниться третейскому разбирательству лишь в том случае, если Гаагский трибунал будет призван высказать своё мнение по всему куцо-влахскому вопросу, не исключая и образа действий Патриархии и греческих банд по отношению к мирному румынскому населению Македонии.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 205–207.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] После отъезда из Бухареста главы греческой дипломатической миссии Томбазиса, румынское правительство решило денонсировать, с 1 октября 1905 г., торговый договор, заключённый между Румынией и Грецией в декабре 1900 г., а также прилагавшийся к этому договору протокол. Афинские власти, однако, оспорили законность денонсации этого дополнительного протокола, который признавал греческую общину, проживавшую в Румынском Королевстве, юридическим лицом. Румынская сторона настаивала на законном характере денонсации протокола, аргументируя это тем, что в данном случае речь шла о «национальном законодательном акте». В свою очередь, афинские власти подчёркивали, что данное признание прав юридического лица в случае греческой общины, проживающей на территории Румынии, являлось окончательным и не подлежало отмене в случае, если Греция не давала на это своего согласия. Подробно см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 192–193.

[2] Постоянная Палата Третейского Суда в Гааге была основана по решению первой Гаагской мирной конференции, которая состоялась в 1899 г. Официальное решение о создании Третейского Суда было обнародовано в 1900 г. Суд начал функционировать *de facto* в 1902 г.

București, 23 octombrie 1905, nr. 72. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

La tratatul comercial încheiat între Grecia și România pe 19 decembrie 1900 a fost anexat un protocol special, care stipula recunoașterea definitivă, în cazul bisericilor și școlilor grecești care existau în România, a drepturilor de persoană juridică[1].

Totodată, în articolul III al acestui tratat, care stabilește termenele denunțării sale, nu se precizează că, odată cu încetarea acțiunii prevederilor tratatului, devine caduc și protocolul anexat acestuia.

Bazându-se pe aceste date, guvernul grec îi contestă României dreptul de a anula protocolul și, astfel, de a priva aceste biserici și școli de particularitățile aferente persoanelor juridice, care le-ar fi fost recunoscute, chipurile, în mod definitiv.

Comunicându-mi despre protestul pe care l-a primit din partea guvernului elen în legătură cu acest fapt, generalul Lahovari mi-a exprimat convingerea sa că România nu poate, sub nici o formă, să accepte interpretarea greacă a acestui protocol, deoarece România nu poate admite faptul că destinul unei anexe la un oarecare tratat nu este foarte strâns legat de destinul tratatului propriu-zis. În afară de aceasta, relațiile dintre Grecia și România s-au acutizat într-atât de mult, încât acestea se vor pomeni, de pe o zi pe alta, în situația de părți beligerante, iar în acest caz nu se mai respectă nici un fel de obligații contractuale.

Între timp, în presa din străinătate s-a răspândit zvonul cu privire la intenția de a transmite spre soluționare chestiunea litigioasă a acestui protocol tribunalului de arbitraj de la Haga[2]. Până acum, guvernul român încerca din răsputeri să treacă sub tăcere existența unui asemenea plan. În prezent însă guvernul a considerat necesar să afirme categoric, într-un comunicat oficios care a fost publicat în ziarele locale, că acesta nu poate scoate în evidență și detașa chestiunea privind protocolul de ansamblul tuturor neînțelegerilor apărute între România și Grecia, și că va fi de acord să se supună examinării și jurisdicției tribunalului de arbitraj doar în cazul, în care tribunalul de la Haga va fi chemat să își exprime opinia cu privire la întreaga chestiune cuțo-vlahă, fără a exclude și modul de acțiune al Patriarhiei și al bandelor grecești în raport cu populația civilă românească din Macedonia.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 205–207.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] După retragerea de la București a șefului misiunii diplomatice elene, Tombazis, guvernul român a decis să denunțe, la 1 octombrie 1905, convenția comercială încheiată cu Grecia în decembrie 1900, precum și protocolul anexat acesteia. Autoritățile de la Atena au contestat însă legalitatea denunțării protocolului adițional, care recunoștea personalitatea juridică a comunităților grecești din Regatul Român. Partea română insista asupra legalității acestei măsuri, argumentând că era vorba de o „lege națională”. La rândul său, Atena sublinia că recunoașterea personalității juridice a comunități elene din România rămânea definitivă în lipsa unui acord din partea Greciei. Pentru detalii, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 192–193.

[2] Curtea Permanentă de Arbitraj de la Haga a fost înființată în urma Primei Conferințe pentru Pace de la Haga, care a avut loc în anul 1899. Creată în mod oficial în 1900, Curtea a început să funcționeze în mod efectiv în anul 1902.

178

Бухарест, 2 ноября 1905 г. № 74. Гирс – графу Ламсдорфу

Весьма доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Управляющий удельным имуществом в Румынии, господин Калиндеру[1], пользующийся большим доверием Его Величества короля Карла, посетив меня, заговорил со мной о греко-румынском конфликте.

Он поведал мне, что бывший эллинский министр иностранных дел, Стефанос[2], прибывший в Бухарест, будто бы, с целью выяснить положение процесса о наследстве Zappa[3], пожелал иметь с ним свидание.

Господин Калиндеру его принял, не сомневаясь в том, что он подослан к нему эллинским Первым министром, Ралли, воспитывавшимся в Париже одновременно с господином Калиндеру.

Стефанос стал, будто бы, выражать моему собеседнику сожаление о вражде, выказываемой Румынией к Греции, убеждать в миролюбии греческого Первого министра, и обвинять в обострении взаимных отношений эллинского посланника при здешнем дворе, Томбазиса, поспешившего, будто бы, придать полученным им указаниям характер категорического требования своего правительства.

Мой собеседник возразил ему, что до сего времени ни одна нация не имела такого влияния в Румынии, как греческая. Ни религиозное-де родство с Россией, ни кровное – с Италией не создавали этим государствам такого положения в Румынском королевстве, каким пользовалась Греция, благодаря тому, что румыны ещё не так давно получали чисто греческое воспитание и говорили по-гречески, как на родном языке.

Вместо того, чтобы извлекать выгоду из столь благоприятных для неё обстоятельств, Греция возбуждает против себя румын, открыто выступая против них в вопросе, в коем право совершенно на их стороне, так как никто не может воспретить православным христианам молиться на их родном языке.

Между тем, Греция не должна бы забывать, что теперешняя Румыния не то, что она была сорок лет тому назад, и что она представляет собой сильное государство, имеющее примерную армию, одержавшую победу над Турцией. Греции легко было бы вновь заручиться её дружбой, так как румынское сердце нисколько не льнёт ни к Болгарии, ни к Экзархату.

По уверениям господина Калиндеру, его слова, переданные в Афины, возымели некоторое действие, и он надеется, что греко-румынская распря мало-помалу уляжется. Стефанос выехал уже обратно в Афины, не видавши генерала Лаховари.

На моё замечание, что руководителем внешней политики Румынии является король Карл и что Его Величество, несомненно, вновь направит её на путь сближения с Грецией, мой собеседник высказал, что, к сожалению, нынешний министр иностранных дел, генерал Лаховари, берёт многое на себя и не всегда запрашивает предварительно указаний короля. Так, например, Его Величество узнал лишь из донесений румынского посланника в Афинах, что ему было предписано обратиться к эллинскому правительству с требованием воздействия на Патриархию и прекращения подвигов греческих банд в Македонии. Предупреждённый вовремя, Его Величество никогда не допустил бы подобного обращения к афинскому кабинету.

Полагаю, что господин Калиндеру никогда не решился бы так откровенно высказывать мне свои взгляды, не будучи уверенным, что в настоящее время они соответствуют политическим соображениям Его Величества.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 210–213.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Иоан Лазэр Калиндеру.

[2] Правильно – Стефану. Дионисиос Стефану (1835–1916), греческий министр иностранных дел с ноября 1893 г. до января 1895 г. Сын врача. Обучался праву в Париже. Вошёл в судейский корпус в 1865 г. В 1882 г. стал юридическим советником в Министерстве иностранных дел. С 1890 г. неоднократно избирался в парламент, оставался депутатом до 1910 г. Также занимал должность министра юстиции в

составе двух греческих правительств (в 1893–1895 и 1908–1909 гг.). Специализировался по вопросам, касающимся международных споров. Лично занимался решением греко-румынского конфликта, связанного с наследством Заппа. Написал специальное пособие по этому вопросу для греческих дипломатов.

[3] Подробно о конфликте вокруг «наследства Заппа» см.: *ДДРПР, 1888–1898*. Док. № 63. С. 363–365; Streit G. *L'affaire Zappa. Conflit gréco-roumain.* Paris, Librairie du Recueil Général des Lois et des Arrêts, L. Larose Editeur, 1894.

București, 2 noiembrie 1905, nr. 74. Giers către contele Lamsdorff

Foarte confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Administratorul proprietăților regale din România, domnul Kalinderu[1], care se bucură de o mare încredere din partea Majestății Sale regelui Carol, făcându-mi o vizită, a abordat, în convorbirea cu mine, subiectul conflictului greco-român.

El mi s-a destăinuit, că fostul ministru elen al Afacerilor Străine, Stephanos[2], care a sosit la București, chipurile, cu scopul de a clarifica actuala situație a procesului privind moștenirea Zappa[3], și-a exprimat dorința să aibă o întrevedere cu el.

Domnul Kalinderu l-a primit în vizită, fără a avea nici o îndoială în privința faptului, că acesta a fost trimis la el special de către primul ministru elen, Rallis, care fusese educat la Paris în același timp cu domnul Kalinderu.

Stephanos ar fi început, chipurile, să îi exprime interlocutorului meu regretele sale în legătură cu ostilitatea manifestată de România față de Grecia, încercând să-l convingă de năzuințele pașnice ale primului ministru grec și acuzându-l de agravarea relațiilor bilaterale pe trimisul elen acreditat pe lângă curtea de aici, Tombazis, care s-ar fi grăbit, chipurile, să confere instrucțiunilor pe care le primise caracterul unei revendicări categorice din partea guvernului său.

Interlocutorul meu i-a obiectat că, până în acest moment, nici o altă națiune nu a avut o asemenea influență în România precum națiunea greacă. Chipurile, nici afinitatea religioasă față de Rusia, nici înrudirea de sânge cu Italia nu le-au creat acestor state o asemenea situație în Regatul Român precum cea de care a beneficiat Grecia, datorită faptului că românii, nu atât de demult încă, primeau o educație pur grecească și vorbeau grecește de parcă ar fi vorbit în limba lor maternă.

În loc să obțină anumite profituri și avantaje în urma unor împrejurări care îi sunt atât de favorabile, Grecia îi incită pe români contra sa, manifestându-se în mod deschis împotriva lor într-o chestiune, în care dreptul este cu totul de partea românilor, deoarece nimeni nu le poate interzice unor creștini ortodocși să se roage în limba lor maternă.

În același timp, Grecia nu ar trebui să uite, că actuala Românie nu mai este ceea ce fusese cu patruzeci de ani în urmă, și că această țară reprezintă acum un stat puternic, care posedă o armată-model, ce a repurtat victorie asupra Turciei. Greciei i-ar fi ușor să își asigure din nou prietenia României, deoarece inima românească nu manifestă nici un fel de atașament nici față de Bulgaria, nici față de Exarhat.

Conform asigurărilor domnului Kalinderu, cuvintele sale, transmise la Atena, au avut un anumit efect, și el speră, că această neînțelegere între Grecia și România se va potoli încetul cu încetul. Stephanos a plecat deja înapoi la Atena, fără să se întâlnească cu generalul Lahovari.

Răspunzând observației mele că regele Carol este conducătorul politicii externe a României și că Majestatea Sa, fără îndoială, o va îndrepta din nou pe făgașul unei apropieri

față de Grecia, interlocutorul meu a afirmat că, din păcate, actualul ministru al Afacerilor Străine, generalul Lahovari, își asumă prea multe responsabilități și nu întotdeauna solicită, în prealabil, instrucțiunile regelui. Astfel, de exemplu, Majestatea Sa a aflat doar din rapoartele ministrului român de la Atena că acestuia i s-a ordonat să se adreseze guvernului elen cu cerința insistentă de a exercita influență asupra Patriarhiei și de a face să înceteze isprăvile bandelor grecești din Macedonia. Dacă ar fi fost avertizat la timp, Majestatea Sa nu ar fi admis niciodată formularea unei asemenea adresări către cabinetul de la Atena.

Consider, că domnul Kalinderu nu s-ar fi încumetat niciodată să îmi exprime viziunile sale într-un mod atât de franc dacă nu ar fi fost sigur că, în momentul actual, aceste viziuni corespund întru totul raționamentelor politice ale Majestății Sale.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 210–213.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Ioan Lazăr Kalinderu.

[2] Corect: Stephanou. Dionysios Stephanou (1835–1916), ministru al Afacerilor Străine între noiembrie 1893 și ianuarie 1895. Fiu de medic. Studiază dreptul la Paris. Intră în magistratură în anul 1865. În 1882 devine consilier juridic la Ministerul de Externe. Din 1890 este ales în Parlament, rămâne deputat până în 1910. A fost și ministru al Justiției în două guverne grecești (1893–1895, 1908–1909). Specializat în chestiuni privind litigiile internaționale. A preluat gestionarea diferendului greco-român în afacerea Zappa. A scris și un ghid pentru diplomatii greci.

[3] Pentru detaliile „afacerii Zappa”, a se vedea: *RDRR, 1888–1898*, doc. nr. 63, p. 363–365, dar mai ales: Georges Streit, *L'affaire Zappa. Conflit gréco-roumain*, Paris, Librairie du Recueil Général des Lois et des Arrêts, L. Larose Editeur, 1894.

179

Бухарест, 3 ноября 1905 г. № 75. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Получив секретную телеграмму Вашего Сиятельства от 21 прошлого октября месяца, касательно предложения нами Греции и Румынии наших добрых услуг для улажения возникших между ними недоразумений, я не преминул объясниться по её содержанию с румынским министром иностранных дел[1].

Как я имел уже честь доносить, генерал Лаховари отнёсся сперва к нашему предположению с некоторым недоверием. Он находился, по-видимому, под впечатлением пререканий с греческим правительством по поводу права Румынии отменить действие протокола 1900 года и желания греков передать этот вопрос на решение Гаагского третейского трибунала. Он опасался, по-видимому, что наши добрые услуги скрывают намерение привлечь румын к этому решению.

Успокоенный моими дружескими разъяснениями, что наше предложение не имеет ничего общего с каким-либо обязательным для сторон арбитражным постановлением, что оно основано исключительно на третьем параграфе Гаагской конвенции и

что наше посредничество будет состоять в предоставлении Греции и Румынии одинаково дружественной им почвы для непосредственных между ними переговоров по вопросам, обострившим взаимные их отношения, генерал Лаховари стал выражать горячее своё сочувствие почину императорского правительства в этом деле.

«Я хотел бы, чтобы Вы поняли, сказал он мне, что мы находимся в войне с Грецией, и что если пушки не стреляют, то только потому, что мы не пограничные государства».

Тем большую цену придавал генерал своевременному, по его мнению, предложению России, и при этом он высказывал свою глубокую нам благодарность.

Он выражал уверенность, что оно будет принято как Советом министров, так и Его Величеством королём Карлом.

Когда же, через несколько дней, я посетил генерала для получения окончательного ответа королевского правительства на наше предложение, я застал его крайне смущённым, и довольно сбивчивая речь, которую он стал держать мне, существенно уже отличалась от того, что было сказано им мне раньше.

Он усердно благодарит нас за наше посредничество и тем охотнее принимает его, что Румыния добивается в Македонии лишь того же, чего и мы, то есть водворения спокойствия. Он не видит, однако, о чём объяснялись бы между собой греческий и румынский представители в Петербурге, так как Румыния ничего не требует у Греции и ничего не имеет ей дать. Он желал бы, чтобы объяснения велись через меня и императорского посланника в Афинах.

Желая выяснить вопрос и побудить генерала высказаться определённее относительно нынешних соображений румынского правительства, я заявил моему собеседнику, что сделанное мною ему доверительное и дружеское сообщение содержало в себе как предложение наших добрых услуг, так и способы их применения.

Румынское правительство, по его словам, принимает с благодарностью наши услуги и возражает против способа их применения.

Желая возможно точнее передать Вашему Сиятельству причины неудобства непосредственных переговоров между греческим и румынским представителями, я прошу его, сказал я министру, отметить эти причины, в главных их пунктах, для моей памяти, на листе бумаги.

Министр, взявшись за перо, начертал мне следующее:

«Je n’ai pas de conflit avec la Grèce.

Nous n’irons en aucune façon à un conflit armé.

Le conflit économique peut exister sans que les relations politiques soient même interrompues.

Notre plainte est la question qui est mise par l’Europe entière à l'étude: la paix en Macédoine.

Quand les assassinats auront cessé et que le clergé grec, avec le Patriarche en tête, renoncera à persécuter les Roumains et leurs prêtres, en ne tenant pas compte de l’iradé conseillé au Sultan par toutes les Puissances, le différend entre nous et Athènes sera clos de fait.

Si les Grecs prétendent qu’ils ne sont pas responsables ni des assassinats sur territoire turc, ni des excommunions, alors c’est vers la Porte qu’il faut se tourner, et quand cette paix sera obtenue par le moyen de pression sur la Porte, le conflit disparaîtra encore de lui-même.

En résumé, notre question est la question macédonienne elle-même, dont l’Europe poursuit la solution».

Вашему Сиятельству угодно будет усмотреть, что старания румынского правительства направлены ныне к умалению значения распри с Грецией и к отождествлению румынских домогательств с требованием великих держав.

Думаю, что я не далёк буду от истины, предполагая, что это направление связано с событиями, происходящими ныне в Константинополе и с предстоящей демонстрацией великих держав против Турции[2].

Весьма вероятно, что король Карл, давно стремящийся поднять международное значение Румынии и играть видную роль в европейской политике, ищет случая примкнуть к общему воздействию великих держав на Порту.

Такие вожделения Его Величества должны, несомненно, встретить ревностного сторонника в лице пылкого королевского министра иностранных дел.

В частном разговоре генерал Лаховари как-то высказал, что, если бы в настоящее время между государственными болгарскими людьми нашёлся Кавур, то Болгария могла бы сыграть блестящую роль.

Поневоле рождается вопрос, не мнит ли себя Кавуром сам генерал Лаховари?

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 214–219.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Предложение России об оказании «добрых услуг» и о российском посредничестве в греко-румынском конфликте и, прежде всего, довольно благосклонное отношение России к румынским требованиям, афишируемое санкт-петербургскими властями, объяснялось, по мнению румынского историка И. Нистора, «сложностью ситуации в балканском регионе» и «многообразием интересов, которыми вдохновлялись дипломатические шаги великих держав в Юго-Восточной Европе». Ослабление российских геополитических позиций в этом регионе после поражения в русско-японской войне, а также в результате начала революции 1905 г. сыграло, по-видимому, не последнюю роль в этих попытках привлечь на свою сторону симпатии румынского правительства. Россия также пыталась послать чёткие сигналы своим соперникам, прежде всего Германии и Австро-Венгрии, о том, что она всё ещё имела возможность сделать явным своё веское присутствие в этом регионе, настаивая, в то же время, на сохранении *status quo* и геополитического равновесия на Балканах. Подробнее см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 196–197.

[2] Подробный анализ международного контекста и факторов, влиявших на растущее давление великих держав в отношении османского правительства в этот период, в связи с обострением «македонского вопроса», см.: Yosmaoğlu İ. *Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878–1908.* Ithaca, Cornell University Press, 2014. P. 149 etc.; Adanır F. *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908.* Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979. S. 210 etc.

București, 3 noiembrie 1905, nr. 75. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

După recepționarea telegramei secrete a Luminăției Voastre din data de 21 a lunii octombrie trecut, referitor la propunerea bunelor noastre oficii pe care am făcut-o Greciei și României în vederea aplanării neînțelegerilor apărute între aceste state, eu nu am întârziat să am o discuție în privința conținutului telegramei cu ministrul român al Afacerilor Străine[1].

Așa cum am avut deja onoarea să Vă raportez, generalul Lahovari a avut inițial o atitudine dominată de o oarecare neîncredere față de propunerea și planul nostru. Se pare că

generalul se afla încă sub impresia conflictului cu guvernul grec în privința dreptului României de a anula acțiunea prevederilor protocolului din anul 1900 și din cauza dorinței grecilor de a transmite această chestiune spre soluționare tribunalului de arbitraj de la Haga. După cum se pare, el avea temerea că bunele noastre oficii camuflează intenția noastră de a-i atrage pe români spre această soluție.

Fiind întrucâtva calmat de explicațiile mele amicale, precum că oferta noastră nu are nimic în comun cu o oarecare decizie de arbitraj care ar fi obligatorie pentru ambele părți, că această ofertă se bazează exclusiv pe al treilea paragraf al Convenției de la Haga și că rolul nostru de mediator va consta în oferirea, atât Greciei, cât și României, a unui teren la fel de prietenos pentru ambele state în vederea unor negocieri directe între ele în legătură cu chestiunile care au agravat relațiile lor reciproce, generalul Lahovari a început să își exprime căldurosul său asentiment față de inițiativa guvernului imperial în această problemă.

„Aș vrea, ca Domnia Voastră să înțelegeți, mi-a spus el, că noi ne aflăm în stare de război cu Grecia, și că, dacă tunurile nu împușcă încă, aceasta doar din cauza că noi nu suntem state limitrofe."

Generalul a acordat o valoare cu atât mai mare propunerii Rusiei, care este, conform opiniei sale, foarte oportună. Totodată, el și-a exprimat profunda sa recunoștință față de noi.

El și-a exprimat certitudinea, că această ofertă va fi acceptată atât de Consiliul de Miniștri, cât și de către Majestatea Sa regele Carol.

Însă atunci când, peste câteva zile, eu l-am vizitat pe general pentru a primi răspunsul definitiv al guvernului regal în legătură cu oferta noastră, l-am găsit extrem de tulburat și jenat, iar discursul destul de incoerent pe care a început să-l țină în fața mea se deosebea deja în mod semnificativ de ceea, ce îmi spusese generalul mai devreme.

El ne mulțumește sincer și din toată inima pentru mediația noastră și o acceptă cu atât mai mare plăcere, cu cât România caută să obțină în Macedonia doar același lucru, pe care ni-l dorim și noi, adică instaurarea calmului în regiune. Totuși, el nu înțelege, despre ce ar putea discuta între ei reprezentanții diplomatici grec și român la Sankt-Petersburg, deoarece România nu cere nimic din partea Greciei și nu este în situația de a-i putea oferi ceva. El ar dori, ca aceste discuții să fie purtate prin intermediul meu și al trimisului imperial de la Atena.

Dorind să clarific chestiunea și să îl determin pe general să se exprime într-un mod mai limpede cu privire la actualele raționamente și intenții ale guvernului român, eu i-am declarat interlocutorului meu că acel comunicat confidențial și amical pe care i l-am făcut conținea în sine atât oferta bunelor noastre oficii, cât și modul concret de aplicare a acestora.

Conform spuselor sale, guvernul român acceptă cu recunoștință bunele noastre oficii, însă are obiecții împotriva modului lor de aplicare.

Dorind să îi transmit Luminăției Voastre, într-un mod pe cât posibil mai exact, motivele inconvenientelor unor negocieri directe dintre reprezentanții diplomatici grec și român, am rugămintea, i-am spus eu ministrului, ca Domnia Sa să noteze aceste motive, în punctele lor principale, pe o foaie de hârtie, ca să le pot memora mai bine.

Ministrul, luând în mână pana, mi-a scris următoarele rânduri:

„Eu nu am nici un fel de conflict cu Grecia.

Noi nu vom merge, sub nici o formă, pe calea unui conflict armat.

Conflictul economic poate exista fără ca relațiile politice să fie măcar întrerupte.

Plângerea noastră reprezintă chestiunea care este acum în curs de studiere de către întreaga Europă: pacea în Macedonia.

Atunci când vor fi încetat asasinatele și când clerul grecesc, în frunte cu Patriarhul, va renunța la a-i persecuta pe români și pe preoții lor, neținând cont de iradeaua care i-a fost sugerată sultanului de către toate Marile Puteri, diferendul între noi și Atena va fi, de fapt, închis.

Dacă grecii pretind că ei nu sunt responsabili nici pentru asasinatele de pe teritoriul turcesc, nici pentru excomunicări, atunci trebuie să ne întoarcem în direcția Porții, și când această pace va fi obținută prin intermediul presiunilor asupra Porții, conflictul va dispărea, iarăși, de la sine.

În rezumat, chestiunea noastră este identică chiar cu chestiunea macedoneană, a cărei soluționare o urmărește Europa" [2].

Luminăția Voastră va găsi de cuviință să observe, că eforturile asidui ale guvernului român sunt îndreptate, în prezent, spre diminuarea importanței acestui conflict cu Grecia și spre identificarea revendicărilor românești cu solicitările Marilor Puteri.

Cred că nu voi fi foarte departe de adevăr, presupunând că această nouă direcție este legată de evenimentele care se desfășoară acum la Constantinopol și de așteptata demonstrație de forță a Marilor Puteri împotriva Turciei[3].

Este foarte probabil, că regele Carol, care nutrește demult aspirația de a crește însemnătatea internațională a României și de a juca un rol de seamă în politica europeană, caută o ocazie potrivită pentru a se alătura măsurilor comune de influență ale Marilor Puteri asupra Porții.

Asemenea aspirații ale Majestății Sale ar trebui, fără îndoială, să găsească un susținător fervent în persoana înflăcăratului ministru regal al Afacerilor Străine.

Într-o discuție particulară, generalul Lahovari a afirmat, în treacăt, că, dacă în momentul actual printre oamenii de stat bulgari s-ar găsi un Cavour, atunci Bulgaria ar putea juca un rol strălucit în regiune.

Vrând-nevrând, se naște întrebarea: oare nu se crede cumva Cavour însuși generalul Lahovari?

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 214–219.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Propunerea rusă de mediere a conflictului greco-român și, mai ales, atitudinea relativ favorabilă în raport cu revendicările românești, pe care a adoptat-o cabinetul de la Sankt-Petersburg, sunt puse de către Ionuț Nistor pe seama „complexității situației din Balcani" și „a pluralității intereselor ce animau demersurile diplomatice în sud-estul Europei". Slăbirea poziției geopolitice a Rusiei în regiune după înfrângerea în războiul cu Japonia, precum și o dată cu izbucnirea revoluției din 1905, au jucat, probabil, un rol deloc neglijabil în aceste încercări de a-și atrage simpatia României. Rusia încerca să trimită semnale clare rivalilor, în special Germaniei și Austro-Ungariei, privind prezența sa continuă în regiune, insistând totodată pe păstrarea *statu-quo*-ului și echilibrului în regiunea balcanică. Pentru mai multe detalii, a se vedea: Nistor, *„Problema aromână"*, p. 196–197.

[2] Fragmentul de mai sus este tradus din limba franceză.

[3] Mai multe detalii despre contextul internațional și despre presiunile crescânde ale Marilor Puteri asupra guvernului otoman în această perioadă, în legătură cu „chestiunea macedoneană", a se vedea: İpek Yosmaoğlu, *Blood Ties: Religion, Violence, and the Politics of Nationhood in Ottoman Macedonia, 1878–1908*, Ithaca, Cornell University Press, 2014, p. 149 și urm.; Fikret Adanır, *Die makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908*, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1979, p. 210 și urm.

180

Бухарест, 3 ноября 1905 г. № 76. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

В беседе со мной (составляющей предмет предыдущего моего донесения), генерал Лаховари отзывался в самых недружелюбных выражениях о действиях Порты и султана, поощряющих вражду между христианскими племенами Македонии.

Министру, будто бы, известно, что на представления одного из послов, аккредитованных при султане, Его Величество ответил, что он не преследует греческих банд, так как они никогда не нападают на турецких солдат.

Столь безучастное отношение к погибающим от греческих банд куцо-влахам со стороны их монарха не может, по словам министра иностранных дел, быть терпимо Румынией.

Генерал Лаховари объяснился по этому поводу с пребывающим здесь турецким посланником и, заявив ему, что вся Европа указывает на Порту как на виновницу македонских зверств, потребовал от Киазым-бея немедленно же, по телеграфу, сообщить в Константинополь, что такой образ действий Турции приведёт лишь к разрыву дипломатических её сношений с Румынией.

Мой турецкий сотоварищ действительно передал это сообщение своему правительству.

Хотя, быть может, генерал Лаховари и внёс в свои объяснения с Киазым-беем[1] свойственную ему горячность, тем не менее, я полагаю, что он был уполномочен королём прибегнуть к угрозе по отношению к Порте.

Его Величесво неоднократно и довольно охотно высказывал мне своё убеждение, что необходимо, от времени до времени, показывать кулак туркам.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 220–221 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Хюсейн Киазым-бей, в 1905 г. – посланник Османской империи в Бухаресте.

București, 3 noiembrie 1905, nr. 76. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

În discuția pe care a avut-o cu mine (care constituie obiectul raportului meu anterior), generalul Lahovari și-a exprimat opinia despre acțiunile Porții și ale sultanului, care încurajează ostilitatea dintre popoarele creștine ale Macedoniei, folosind anumite cuvinte extrem de neprietenoase.

Ministrului, chipurile, i-ar fi cunoscut faptul că, reacționând la adresele și demersurile unuia dintre ambasadorii acreditați pe lângă sultan, Majestatea Sa ar fi răspuns, că el nu

urmărește și nu reprimă bandele grecești, deoarece acestea nu comit niciodată atacuri contra soldaților turci.

O atitudine atât de indiferentă din partea monarhului lor față de cuțo-vlahii care sunt omorâți de bandele grecești nu poate fi tolerată de România, conform spuselor ministrului Afacerilor Străine.

Generalul Lahovari a avut o discuție, în legătură cu aceste fapte, cu trimisul turc acreditat la curtea de aici și, declarându-i că întreaga Europă arată în direcția Porții ca fiind vinovată pentru atrocitățile din Macedonia, i-a solicitat insistent lui Kâzım Bey[1] să comunice imediat la Constantinopol, prin telegraf, că un asemenea mod de acțiune al Turciei poate avea drept consecință doar întreruperea relațiilor diplomatice ale acestui stat cu România.

Colegul meu turc i-a transmis, într-adevăr, această informație guvernului său.

Deși, se prea poate, generalul Lahovari a și introdus în discuțiile sale cu Kazym-Bey o oarecare înflăcărare, care îi este caracteristică, cu toate acestea, consider că el a fost împuternicit de către rege să recurgă la această amenințare în raport cu Poarta.

Majestatea Sa mi-a exprimat, în mod repetat și cu destulă plăcere, convingerea sa că este necesar, din timp în timp, ca turcilor să li se arate pumnul.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 220–221 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Hüseyin Kâzım Bey, în 1905 ministru plenipotențiar al Imperiului Otoman la București.

181

Бухарест, 3 ноября 1905 г. № 77. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Я имел честь доносить императорскому министерству, что несколько дней тому назад генерал Лаховари убеждал дипломатических представителей при здешнем дворе, что Англия намерена предложить военную оккупацию Македонии европейскими отрядами. При этом румынский министр иностранных дел выражал некоторым из нас надежду, что Румынии возможно будет принять участие в занятии трёх вилайетов.

Мой великобританский сотоварищ донёс об уверениях генерала Лаховари лондонскому кабинету.

В ответ на его донесение, сэру Джону Кеннеди было предписано заявить румынскому правительству, что Великобритания никогда не думала предлагать подобной меры.

Вместе с тем, лорд Лэнсдаун[1] сообщал моему сотоварищу, что, по дошедшим до Лондона сведениям, Россия, по просьбе Греции, выступила с предложением своих добрых услуг для улажения греко-румынского недоразумения.

Греция поставила, де, условием, что наше посредничество не будет распространено на положение дел в Македонии, а коснётся исключительно вопросов, относящихся к взаимным отношениям Греции и Румынии в пределах обоих королевств.

Английский министр иностранных дел выражал надежду, что наше посредничество будет принято Румынией.

Ознакомив меня с содержанием полученного им сообщения, сэр Джон запросил меня, в каком положении находятся в настоящее время наши переговоры с Румынией.

Я высказал моему сотоварищу, что, действительно, мы стремимся побудить как Грецию, так и Румынию попытаться непосредственными переговорами уладить возникшие между ними несогласия.

В виду же преклонного возраста и не всегда достаточной сдержанности великобританского представителя, с коим я состою в близких дружественных отношениях, я не счёл, однако, возможным излагать ему более подробно настоящий вопрос.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 222–224.
Копия в ЦНИА, Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Генри Чарльз Кит Петти-Фицморис, 5-й маркиз Лэнсдаун (1845–1927). Британский государственный деятель. На протяжении своей политической карьеры последовательно занимал должности генерал-губернатора Канады (1883–1888 гг.), вице-короля Индии (1888–1894 гг.), военного статс-секретаря (министра) (1895–1900 гг.) и статс-секретаря (министра) иностранных дел (1900–1905 гг.).

București, 3 noiembrie 1905, nr. 77. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Am avut deja onoarea să raportez ministerului imperial, că acum câteva zile generalul Lahovari încerca să îi convingă pe reprezentanții diplomatici acreditați pe lângă curtea de aici că Anglia intenționează să facă propunerea unei ocupații militare a Macedoniei de către detașamentele puterilor europene. În același timp, ministrul român al Afacerilor Străine își exprima speranța, față de unii dintre noi, că României i se va oferi posibilitatea să ia parte la ocuparea celor trei vilaiete.

Colegul meu din Marea Britanie a raportat despre aceste asigurări ale generalului Lahovari cabinetului de la Londra.

Ca reacție de răspuns la raportul său, lui Sir John Kennedy i-au fost date instrucțiuni să declare guvernului român, că Marea Britanie nici nu s-a gândit măcar vreodată să propună asemenea măsuri.

Totodată, lordul Lansdowne[1] i-a comunicat colegului meu că, conform unor informații care au ajuns la guvernul de la Londra, Rusia, la rugămintea Greciei, a venit cu propunerea de a-și oferi bunele oficii pentru aplanarea acestei neînțelegeri greco-române.

Grecia ar fi înaintat, chipurile, condiția, că rolul nostru de mediator nu se va extinde și asupra stării de lucruri din Macedonia, ci se va referi, în mod exclusiv, doar la acele

chestiuni care au tangență cu relațiile reciproce dintre Grecia și România, în limitele teritoriale ale ambelor regate.

Ministrul englez al Afacerilor Străine își exprima speranța, că intermedierea noastră va fi acceptată de către România.

Aducându-mi la cunoștință conținutul comunicatului pe care îl primise, Sir John m-a întrebat, în ce stare se află, în momentul actual, negocierile noastre cu România.

Eu i-am declarat colegului meu că, într-adevăr, noi depunem eforturi asidue pentru a determina atât Grecia, cât și România să încerce să soluționeze dezacordurile apărute între cele două state prin intermediul unor negocieri directe.

Având însă în vedere vârsta înaintată și, uneori, o anumită lipsă de reținere și autodisciplină din partea reprezentantului britanic, cu care întrețin relații amicale destul de apropiate, eu nu am considerat, totuși, posibil să îi expun prezenta chestiune într-un mod ceva mai detaliat.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 222–224.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Henry Charles Keith Petty-Fitzmaurice, al 5-lea Marchiz de Lansdowne (1845–1927). A fost un om de stat britanic care a ocupat succesiv funcțiile de guvernator general al Canadei (1883–1888), vice-rege al Indiei (1888–1894), secretar de stat în Ministerul de Război (1895–1900) și secretar de stat pentru Afaceri Externe (1900–1905).

182

Бухарест, 7 ноября 1905 г. № 78. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Депешей от 3 текущего ноября, № 76, я имел честь донести Вашему Сиятельству о заявлении, сделанном румынским министром иностранных дел пребывающему здесь турецкому посланнику, Киазым-бею[1], что пассивное отношение оттоманских властей к действиям греческих банд в Македонии может привести к разрыву дипломатических сношений между Турцией и Румынией.

По-видимому, угроза генерала Лаховари произвела впечатление на Порту. Третьего дня, Киазым-бею было предписано заверить королевского министра иностранных дел, что Портой будут приняты самые энергичные меры в защиту куцо-влахов[2].

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 225–226.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Хюсейн Киазым-бей.

[2] Османское правительство действительно признало законность и оправданность румынских требований и пожеланий, но оно оказалось не в состоянии положить конец насилию и столкновениям в Македонии. Подробнее о позиции османского правительства по отношению к «влахскому вопросу» на этом этапе, в том числе о двусмысленной и нерешительной политике османских властей в Македонии см.: Nistor. *„Problema aromână”*. P. 198–199.

București, 7 noiembrie 1905, nr. 78. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin depeșa mea din data de 3 a lunii noiembrie, aflată în curs, sub nr. 76, am avut onoarea să Vă raportez Luminăției Voastre despre declarația pe care i-a făcut-o ministrul român al Afacerilor Străine trimisului turc aflat la curtea de aici, Kazym-Bey[1], referitor la faptul că atitudinea pasivă a autorităților otomane față de acțiunile bandelor grecești din Macedonia poate avea drept urmare întreruperea relațiilor diplomatice dintre Turcia și România.

Din câte se pare, amenințarea generalului Lahovari a produs o oarecare impresie asupra Porții. Alaltăieri, lui Kazym-Bey i s-au dat instrucțiuni să îl asigure pe ministrul regal al Afacerilor Străine, că Poarta va întreprinde cele mai energice măsuri întru apărarea cuțo-vlahilor[2].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 225–226.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Hüseyin Kâzım Bey.

[2] Guvernul otoman a recunoscut, într-adevăr, legitimitatea revendicărilor românești, însă nu a fost capabil să pună capăt violențelor din Macedonia. Mai multe detalii despre poziția guvernului otoman în raport cu „chestiunea aromână” la această etapă (inclusiv despre ambiguitățile și ezitările politicii otomane din Macedonia), a se vedea: Nistor, *„Problema aromână”*, p. 198–199.

183

Бухарест, 18 ноября 1905 г. № 85. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Секретным письмом от 15 текущего ноября месяца, исправляющий должность бессарабского губернатора[1] сообщил мне, что до него дошли сведения о том, будто румынское правительство стягивает войска к границе высочайше вверенной ему губернии с целью, при благоприятных условиях, занять ими Бессарабию. При этом,

камергер Харузин просил поставить его в известность, какое можно ожидать отношение со стороны румынского правительства к населению Бессарабской губернии в случае возникновения в ней массовых аграрных беспорядков, присовокупив, однако, что по настоящее время беспорядков в сельских местностях на почве взаимоотношений крестьян и помещиков не имеется, и в ближайшем будущем не предвидится[2].

По сведениям, как имеющимся во вверенной мне миссии, так и сообщённым мне нашим военным агентом, Румыния, по настоящее, по крайней мере, время, не только не стягивает регулярные свои войска к нашей границе, но, напротив, отзывает те их части, кои были высланы туда в прошлых июле и августе месяцах, для усиления охраны румынской границы от нашествия наших евреев, бегущих в Молдавию.

Об этой последней мере королевского правительства я имел честь в своё время доносить Вашему Сиятельству.

Взамен же отзываемых с Прута частей регулярных войск, оказавшихся негодными для пограничной службы и вызывавших лишь пограничные недоразумения, Румыния усиливает состав пограничной своей стражи вдоль Прута стражниками же, взятыми с других границ королевства[3].

Что же касается отношения румынского правительства к населению Бессарабской губернии, то из политической моей депеши от 30 июля, № 47, императорскому министерству небезызвестно, что король Карл и его министры, несомненно, поощряют развитие национальных стремлений румын. Его Величество поддерживает довольно частые сношения с вожаками румынской народности в Трансильвании и Буковине. Он следит с большим вниманием за ходом внутренних событий в России и за влиянием их в Бессарабии, лелея, быть может, мечту, что приближается время присоединения этой нашей губернии к румынской короне.

При всём том, во внешних своих сношениях румынское правительство находится в такой зависимости от Германии, что мерилом его добросовестности к нам могут, до некоторой степени, служить наши отношения к Берлину.

К тому же, король Карл, являясь главным руководителем румынской политики, в своей деятельности не выходит из пределов, указанных ему свойственной ему осторожностью и опытом сорокалетнего правления.

Его Величество решится открыто выступить со знаменем национальных вожделений румын, лишь когда обстоятельства окажутся особенно для этого благоприятными и обеспечат ему безнаказанность.

У меня нет указаний, что Его Величество считает эти обстоятельства уже наступившими.

Факт отозвания румынских войск с нашей границы служит явным доказательством, что здешнее правительство не питает, в настоящее время, никаких агрессивных намерений по отношению к Бессарабии.

Но в Румынии существует несколько патриотических частных обществ.

Весьма вероятно что, под влиянием рассказов бегущих из России евреев, открыто проповедующих, что, ввиду полного хаоса, господствующего, будто бы, в Бессарабии, пятидесятитысячный румынский корпус мог бы совершенно безопасно овладеть этой губернией, некоторые из этих обществ, пользуясь случаем, посылают к нам своих эмиссаров для пробуждения в наших молдаванах румынских национальных чувств[4].

Полагаю, что нашим губернским властям не следовало бы терять из виду возможности появления подобных провокаторов.

Не думаю, чтобы они могли быть уполномочены действовать на почве аграрных вопросов, так как в самой Румынии аграрные отношения между крестьянами и помещиками грозят в будущем серьёзными осложнениями.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 240–243 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] Алексей Николаевич Харузин (1864–1932), российский антрополог и политический деятель. В 1904–1908 гг. занимал должность бессарабского губернатора. Подробнее о деятельности и политических взглядах Харузина см.: Керимова М. М. *Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880-1930-е годы)*. М., Восточная литература, 2011.

[2] Подробнее об общем положении в Бессарабии того времени и о растущих опасениях российских властей, касавшихся возможной дестабилизации ситуации в губернии (с социальной и национальной точек зрения) см., например: Varta I. *Unele aspecte privind mişcarea naţională în Basarabia la începutul secolului al XX-lea* // „Revista de Istorie a Moldovei". № 4. 1993. P. 14–27; Он же. *Mişcarea naţională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914* // „Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Ştiinţe a Moldovei". 2011. № 1. P. 178–198; Кушко А., Таки В. *Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917).* Москва, Новое литературное обозрение, 2012, в частности, С. 278–290.

[3] Дополнительные подробности о разногласиях и конфликтах между Российской империей и Румынией, касавшихся демаркации их общей границы по реке Прут и обеспечения безопасности в пограничной зоне см. в книге: Агаки А. С. *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в*. Кишинёв, Издательство «Штиинца», 1976. С. 49.

[4] Подробный анализ деятельности румынских «национальных обществ» в данный период, в том числе в смысле оценки их влияния на пробуждавшееся национальное движение молдаван Бессарабии, см.: Varta. *Mişcarea naţională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914.* P. 178–198; Гром О. А. *„Молдавский вопрос" в Бессарабии в конце XIX – начале XX века: сравнительный аспект* // „Россия XXI", 2014, № 5. С. 44–71.

Bucureşti, 18 noiembrie 1905, nr. 85. Giers către contele Lamsdorff

Confidenţial

Luminăţiei Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin scrisoarea secretă din data de 15 a lunii noiembrie, aflată în curs, [şambelanul Haruzin][1], aflat în exerciţiul funcţiunii de guvernator al Basarabiei, mi-a comunicat că până la el au ajuns anumite informaţii cu privire la faptul că guvernul român şi-ar concentra, chipurile, trupele spre graniţa guberniei care i-a fost încredinţată prin graţia împăratului, cu scopul, în cazul apariţiei unor condiţii favorabile, de a ocupa Basarabia cu ajutorul acestor trupe. În acelaşi timp, şambelanul Haruzin a solicitat să îi fie adus la cunoştinţă, ce fel de atitudine s-ar putea anticipa din partea guvernului român faţă de populaţia guberniei Basarabia în cazul izbucnirii, în cuprinsul acesteia, a unor dezordini agrare cu caracter de masă, adăugând, totuşi, că, până în momentul de faţă, nu există nici un fel de dezordini în localităţile rurale pe terenul relaţiilor reciproce dintre ţărani şi moşieri, şi nici nu se prevăd asemenea dezordini în viitorul apropiat[2].

Conform informaţiilor mele, atât celor pe care le are la dispoziţie misiunea diplomatică ce mi-a fost încredinţată, cât şi celor pe care mi le-a comunicat agentul nostru militar, România, cel puţin până în momentul de faţă, nu numai că nu îşi concentrează trupele sale

regulate la granița noastră, ci, dimpotrivă, își recheamă acele unități din componența lor, care fuseseră trimise acolo în lunile iulie și august ale anului în curs pentru întărirea pazei frontierei române în fața invaziei evreilor noștri care se refugiază în Moldova.

Am avut onoarea să Vă raportez Luminăției Voastre, la timpul oportun, despre această din urmă măsură întreprinsă de guvernul regal.

Iar în locul unităților din componența trupelor regulate care sunt rechemate de pe linia Prutului, care s-au dovedit inapte pentru exercitarea serviciului de grăniceri și care au provocat doar anumite neînțelegeri la frontieră, România își întărește componența gărzii sale de frontieră de-a lungul Prutului prin aceleași trupe de gardă, transferate însă de la alte frontiere ale regatului[3].

În ceea ce privește atitudinea guvernului român față de populația guberniei Basarabia, din depeșa mea politică din data de 30 iulie, sub nr. 47, ministerului imperial îi este deja cunoscut faptul, că regele Carol și miniștrii săi, fără îndoială, încurajează dezvoltarea tendințelor naționale ale românilor. Majestatea Sa menține legături destul de frecvente cu conducătorii populației românești din Transilvania și din Bucovina. El urmărește, cu mare atenție, evoluția evenimentelor interne din Rusia și influența acestora asupra Basarabiei, nutrind, se prea poate, visul că se apropie timpul alipirii acestei gubernii a noastre la coroana română.

Cu toate acestea, în relațiile sale de politică externă guvernul român se află într-o asemenea dependență față de Germania, încât relațiile și poziția noastră în raport cu Berlinul pot servi, într-o oarecare măsură, drept criteriu de evaluare a bunei credințe manifestate de guvernul român față de noi.

În afară de aceasta, regele Carol, fiind principalul conducător al politicii românești, nu iese, în activitatea sa, dincolo de limitele care îi sunt dictate de prudența care îl caracterizează și de experiența acumulată în cursul domniei sale de patruzeci de ani.

Majestatea Sa se va hotărî să își asume, în mod deschis, susținerea stindardului aspirațiilor naționale românești doar atunci, când circumstanțele se vor dovedi deosebit de favorabile pentru acest lucru și îi vor asigura o anumită impunitate în acțiunile sale.

Eu nu am vreun indiciu precum că Majestatea Sa consideră că aceste circumstanțe s-ar fi cristalizat deja.

Faptul că trupele românești au fost rechemate de la granița noastră poate servi drept o dovadă evidentă în sensul că guvernul de aici nu manifestă, în momentul actual, nici un fel de intenții agresive față de Basarabia.

Însă în România există câteva asociații și societăți patriotice particulare.

Este foarte probabil că, sub influența povestirilor evreilor care se refugiază din Rusia și care propagă, în mod deschis, mesajul că, avându-se în vedere haosul deplin care ar domni, chipurile, în Basarabia, un corp de armată românesc în număr de cincizeci de mii de oameni ar putea, fără absolut nici un pericol, să pună stăpânire asupra acestei gubernii, unele dintre aceste asociații, profitând de ocazie, își trimit emisarii lor pe teritoriul nostru pentru a deștepta, printre moldovenii noștri, sentimentele naționale românești[4].

Consider, că autoritățile noastre guberniale nu ar trebui să piardă din vedere posibilitatea apariției unor asemenea provocatori.

Totuși, nu cred că aceștia ar putea fi împuterniciți să acționeze pe terenul chestiunilor agrare, deoarece în România propriu-zisă relațiile agrare dintre țărani și moșieri amenință să genereze, în viitor, complicații și dificultăți serioase.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 240–243 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Alexei Nikolaevici Haruzin (1864–1932), antropolog și om politic rus. În anii 1904–1908 a ocupat funcția de guvernator al Basarabiei. Pentru biografia și viziunile politice ale lui Haruzin, a se vedea: М. М. Керимова, *Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880-1930-е годы)*, Москва, „Восточная литература”, 2011.

[2] Pentru situația generală din Basarabia acelei perioade și temerile crescânde ale administrației ruse privind destabilizarea situației din provincie (sub aspect social și național), a se vedea: Ion Varta, *Unele aspecte privind mișcarea națională în Basarabia la începutul secolului al XX-lea*, în „Revista de Istorie a Moldovei”, nr. 4, 1993, p. 14–27; Idem, *Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914*, în „Anuarul Institutului de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei”, 2011, nr. 1, p. 178–198; А. Кушко, В. Таки, *Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917),* Москва, Новое литературное обозрение, 2012, în special p. 278–290.

[3] Pentru detalii privind disensiunile și tensiunile dintre Rusia și România referitoare la delimitarea graniței de la Prut și securitatea din zona de frontieră, a se vedea: А. С. Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в.*, Кишинёв, Издательство Штиинца, 1976, p. 49.

[4] Mai multe detalii despre activitatea „asociațiilor naționale” românești în această perioadă, inclusiv în sensul influenței asupra mișcării naționale emergente din Basarabia, a se vedea: Varta, *Mișcarea națională a românilor basarabeni în perioada 1905–1914*, p. 178–198; Олег Гром, *„Молдавский вопрос” в Бессарабии в конце XIX – начале XX века: сравнительный аспект*, în „Россия XXI”, 2014, nr. 5, p. 44–71.

184

Бухарест, 8 декабря 1905 г. № 87. Гирс – графу Ламсдорфу

Доверительно

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Здоровье Его Величества короля Карла настолько уже поправилось[1], что Его Величество стал вновь принимать доклады своих министров; тем не менее, опасения, вызванные его болезнью, не вполне ещё улеглись в Румынии.

Они находят себе пищу в упорно распространяемом слухе, будто бы король, несмотря на уверения официальных бюллетеней, что Его Величество страдал лишь невралгическим ревматизмом, был в действительности серьёзно болен почками, хроническим своим недугом, могущим во всякое время привести к печальным последствиям.

Судя по доверительным сведениям, сообщённым мне лицами, приближёнными ко двору, полагаю, что этот слух сильно преувеличивал серьёзность состояния Его Величества, но что, при всём том, оно внушало некоторое беспокойство.

Лица, окружающие короля, были встревожены крайней его физической слабостью и проявленной им впечатлительностью во время болезни.

В течение одного года Его Величество потерял двух своих братьев и своего зятя, графа Фландрского[2].

Смерть принца Леопольда Гогенцоллернского была особенно тяжела для короля, поддерживавшего с покойным своим братом частую родственную и политическую переписку.

Принц Леопольд был неофициальным агентом короля в Германии, агентом всегда хорошо осведомлённым о положении дел в Европе и имевшим, бесспорно, влияние на Его Величество.

С кончиной принца, совпавшей со смертью другого корреспондента короля в Берлине, Его Величество почувствовал себя совершенно отрезанным от связей, высоко ценимых им в продолжение сорока лет его царствования. Им охватило чувство одиночества, настолько усилившееся во время последней его болезни, что он был убеждён, что настал и его черёд отойти от сего мира.

Приближённые к королю рассчитывают, что с более быстрым возвращением его сил быстрее окрепнет и нравственное его самочувствие.

В этих видах, они стремятся убедить Его Величество выехать на несколько недель в южную Италию для полного отдыха от сложных и утомительных занятий. Насколько мне известно, король не поддаётся, до сих пор, их внушениям.

Из предыдущих моих донесений Вашему Сиятельству известно, что, не будучи любимым в Румынии, король Карл сумел, однако, благодаря своей настойчивости и выносливости, сосредоточить власть в своих руках и подчинить своему влиянию политические партии, завязшие в мелких партийных дрязгах.

Насколько низко пал нравственный уровень этих партий в Румынии, настолько же возрос за последние годы авторитет короля Карла, являющегося в стране единственным элементом благоразумия и прочности.

Румыны отдают справедливость высоким качествам своего монарха и приветствуют его выздоровление.

Они дорожат им, в особенности, в настоящее, тревожное для Европы, время, тем более что наследник румынского престола – далеко не выдающаяся личность, не внушающая им доверия и уважения[3].

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 245–247 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Король Карл страдал ревматизмом, а осенью 1905 г. состояние его здоровья вновь ухудшилось из-за болей в нижней части спины.

[2] Здесь идёт речь о кончине братьев румынского монарха, принца Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингенского (1835–1905) и принца Фридриха Гогенцоллерн-Зигмарингенского (1843–1904), а также о смерти зятя румынского короля, бельгийского принца Филиппа Фландрского (1837–1905).

[3] Российский дипломат воспроизводит, в данном случае, широко распространённое в то время мнение, особенно расхожее в тогдашней печати и в румынских политических кругах, согласно которому наследный принц Фердинанд отнюдь не соответствовал уровню своего дяди-короля ни в том, что касалось его личных качеств, необходимых для роли монарха, ни в отношении его личного престижа, репутации и популярности как в среде румынских элит, так и среди населения Королевства, вообще.

București, 8 decembrie 1905, nr. 87. Giers către contele Lamsdorff

Confidențial

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Sănătatea Majestății Sale regelui Carol s-a întremat deja în atât de mare măsură[1], încât Majestatea Sa a început să primească din nou în audiență rapoartele din partea miniștrilor săi; cu toate acestea, temerile provocate de boala sa nu s-au potolit încă cu totul în România.

Aceste temeri sunt alimentate de zvonul, care se răspândește cu tenacitate, conform căruia regele, chipurile, în pofida asigurărilor oferite de buletinele oficiale, că Majestatea Sa a suferit doar de reumatism nevralgic, ar fi fost, în realitate, grav bolnav de rinichi, de afecțiunea sa cronică, care ar putea, în orice moment, duce la anumite consecințe destul de triste.

Judecând după informațiile confidențiale care mi-au fost comunicate de anumite persoane apropiate de curtea regală, consider, că acest zvon a exagerat destul de mult gravitatea stării de sănătate a Majestății Sale, însă, cu toate acestea, că starea de sănătate a regelui provoca o oarecare îngrijorare.

Persoanele care fac parte din anturajul regelui au fost alarmate de extrema sa slăbiciune fizică și de impresionabilitatea manifestată de el în timpul bolii.

Pe parcursul unui singur an, Majestatea Sa și-a pierdut doi dintre frați, precum și pe cumnatul său, contele de Flandra[2].

Moartea prințului Leopold de Hohenzollern s-a dovedit deosebit de dificilă pentru rege, care întreținea cu răposatul său frate o frecventă corespondență familială și politică.

Prințul Leopold era agentul neoficial al regelui în Germania, un agent întotdeauna bine informat despre starea de lucruri din Europa și care avea, fără putință de tăgadă, influență asupra Majestății Sale.

Odată cu decesul prințului, care a coincis cu moartea unui alt corespondent de la Berlin al regelui, Majestatea Sa s-a simțit completamente izolat de acele legături, pe care le apreciase înalt pe parcursul celor patruzeci de ani ai domniei sale. El a fost cuprins de sentimentul singurătății, care s-a intensificat atât de mult în timpul celei mai recente sale boli, încât el era convins, că i-a venit și lui rândul să plece din această lume.

Persoanele apropiate regelui contează pe faptul că, odată cu revenirea ceva mai rapidă a forțelor sale, se va întări mult mai repede și starea sa morală și spirituală.

Pentru a atinge acest scop, ei fac încercări de a-l convinge pe Majestatea Sa să plece, pentru câteva săptămâni, în sudul Italiei, în vederea unei recreări și odihne totale de activitățile sale complicate și obositoare. Din câte cunosc, regele nu cedează, până în acest moment, sfaturilor și sugestiilor acestor persoane.

Din rapoartele mele anterioare, Luminăția Voastră cunoaște deja că, nefiind iubit în România, regele Carol a reușit, totuși, datorită perseverenței sale și capacității sale de rezistență, să concentreze puterea în mâinile sale și să își supună propriei influențe partidele politice, care s-au împotmolit în certuri mărunte de partid.

Pe cât de mult a scăzut nivelul moral al acestor partide în România, pe atât de mult au și crescut, pe parcursul ultimilor ani, autoritatea și prestigiul regelui Carol, care reprezintă singurul element de înțelepciune și trăinicie din țară.

Românii recunosc și apreciază meritele și înaltele calități ale monarhului lor, salutând însănătoșirea acestuia.

Ei îl prețuiesc, în mod deosebit, în momentul actual, atât de agitat pentru întreaga Europă, cu atât mai mult, cu cât moștenitorul tronului român nu este, nici pe departe, o personalitate remarcabilă și nu le inspiră românilor nici încredere, nici respect[3].

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 245–247 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Regele Carol suferea de afecțiuni reumatice, iar în toamna anului 1905 sănătatea i-a fost afectată de dureri lombare.

[2] Este vorba despre moartea fraților monarhului român, Principele Leopold von Hohenzollern-Sigmaringen (1835–1905) și Principele Friedrich von Hohenzollern-Sigmaringen (1843–1904), precum și a cumnatului său, Principele Filip al Belgiei (1837–1905).

[3] Diplomatul rus reproduce în acest caz opinia larg răspândită în presă și în cercurile politice din acea vreme, conform căreia principele moștenitor Ferdinand nu se ridica la nivelul unchiului său nici în privința însușirilor personale necesare unui monarh, nici în privința prestigiului și popularității de care se bucura în rândul elitelor și al populației, în general.

185

Бухарест, 9 декабря 1905 г. № 90. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Доверительным письмом от 18 прошлого ноября месяца, за № 85, я имел честь доносить Вашему Сиятельству, что румынское правительство отозвало регулярные свои войска, кои были высланы к Пруту для охраны Молдавии от нашествия евреев, бегущих из Бессарабии, и заменило их стражниками, взятыми с других границ королевства.

В сегодняшнем номере французской официозной газеты[1] появилась заметка, гласящая, что вчера королевский военный министр сделал распоряжение о посылке к русской границе семи пехотных батальонов для усиления пограничной стражи и воспрепятствования нашествию беглецов из России[2].

Я не успел ещё проверить основательность этой заметки и, по наведении необходимых справок, не премину подробно донести о них императорскому министерству.

Думаю, однако, что для отогнания евреев от Прута едва ли было необходимо посылать семь батальонов. Столь сравнительно значительный контингент оказался бы нужным лишь в том случае, если бы румыны ожидали крупных аграрных беспорядков в Бессарабии и перехода через границу вооружённых крестьянских банд.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 253–254.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] *L'Indépendance Roumaine.*

[2] Подробнее об опасениях румынских властей, связанных с еврейской миграцией в данный период, см. во *Введении* к настоящему сборнику. В это время румынская печать вообще обращала пристальное внимание на революционные события, происходившие в Бессарабии.

București, 9 decembrie 1905, nr. 90. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin scrisoarea confidențială din data de 18 a lunii noiembrie trecut, sub nr. 85, am avut onoarea să Vă raportez Luminăției Voastre că guvernul român și-a rechemat trupele sale regulate care fuseseră trimise pe linia Prutului pentru paza și protecția Moldovei de invazia evreilor, care se refugiază din Basarabia, și le-a înlocuit cu trupe de gardă transferate de la alte frontiere ale regatului.

În numărul de astăzi al unui ziar oficios de limbă franceză[1], a fost publicată o notă, care afirmă, că ieri ministrul regal de Război a emis o dispoziție privind trimiterea spre granița rusă a șapte batalioane de infanterie pentru a întări efectivul gărzii de frontieră și pentru a împiedica invazia fugarilor din Rusia[2].

Eu nu am reușit încă să verific temeinicia acestei note de ziar, însă, imediat după culegerea tuturor informațiilor necesare, eu nu voi întârzia să redactez un raport detaliat cu privire la acestea către ministerul imperial.

Totuși, cred că, pentru gonirea evreilor de la linia Prutului nu era deloc necesar să fie trimise șapte batalioane. Un contingent de trupe, care este, cel puțin relativ, atât de important s-ar fi dovedit necesar doar în cazul, dacă românii s-ar fi așteptat la anumite tulburări agrare de proporții în Basarabia și, eventual, la traversarea frontierei de către bande țărănești înarmate.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 253–254.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

---

[1] „L'Indépendance Roumaine".

[2] Pentru mai multe detalii privind temerile autorităților române legate de migrația evreiască, a se vedea *Introducerea* la acest volum. În general, în această perioadă presa românească acordă o atenție mare evenimentelor revoluționare din Basarabia.

186

Бухарест, 17 декабря 1905 г. № 91. Гирс – графу Ламсдорфу

Его Сиятельству, графу В. Н. Ламсдорфу

Милостивый государь граф Владимир Николаевич,

Депешей от 7 текущего декабря месяца, № 90, я имел честь доносить Вашему Сиятельству, что в официозной румынской печати появилось известие о посылке к русской границе семи румынских батальонов для содействия пограничной страже в деле охранения румынской территории от нашествия беглецов из России.

Эти сведения оказались, однако, не совсем точными. Королевское правительство откомандировало в распоряжение начальника пограничной своей стражи вдоль Прута лишь 1200 человек, набранных из частей III-го и IV-го румынских корпусов.

До сих пор бегущие в Румынию из Одессы и Бессарабии были почти поголовно евреи, но, к сожалению, за последнее время стали укрываться в пределы королевства и чисто русские семьи, хотя сравнительно и в малом числе.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою, М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 2796, Лист 14.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVII.

București, 17 decembrie 1905, nr. 91. Giers către contele Lamsdorff

Luminăției Sale, Contelui V. N. Lamsdorff

Stimate Domnule, Conte, Vladimir Nikolaevici,

Prin depeșa mea din data de 7 a lunii decembrie, aflată în curs, sub nr. 90, am avut onoarea să Vă raportez Luminăției Voastre că în presa românească oficioasă a apărut o știre cu privire la trimiterea către granița rusă a șapte batalioane românești, în scopul de a acorda ajutor gărzii de frontieră în acțiunile de protejare a teritoriului românesc în fața invaziei fugarilor din Rusia.

Aceste informații s-au dovedit, însă, a fi nu întru totul exacte. Guvernul regal a detașat, la dispoziția șefului gărzii sale de frontieră de-a lungul Prutului, doar 1.200 de oameni, care au fost recrutați din componența unităților militare ale corpurilor de armată românești III și IV.

Până în acest moment, persoanele care se refugiau în România din Odesa și din Basarabia erau, aproape în totalitate, evrei, însă, din păcate, în ultimul timp, pe teritoriul Regatului Român au început să se adăpostească și anumite familii pur rusești, deși acestea sunt într-un număr relativ neînsemnat.

Cu deosebită considerație și neschimbat devotament, am onoarea de a fi, Stimate Domn, supusul fidel al Luminăției Voastre, M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 2796, fila 14.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVII.

187

Бухарест, 29 декабря 1905 г. № 2474. Гирс – князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Секретно

Его Сиятельству князю В. С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому

Милостивый государь князь Валериан Сергеевич,

Князь Мурузи[1], префект полиции города Бухареста, посетив меня, заявил, что Его Величеству королю Карлу угодно было поручить ему следить с особым вниманием за деятельностью находящихся в Румынии матросов с броненосца «Князь Потёмкин Таврический», а равно и за лицами, состоящими в постоянных с ними сношениях.

Его Величеству угодно было тоже приказать князю Мурузи поставить меня о том в известность.

Передавая приказание короля, префект сообщил мне, что им будут приняты все зависящие от него меры к исполнению воли Его Величества и что первым действием его в этом направлении был обыск, сделанный у проживающих в Бухаресте болгарина Демирадева[2], он же Павел Дмитров, и русских Константина Попова и Иванова.

При обыске, у этих лиц найдена была обширная переписка с матросами «Потёмкина», весьма компрометирующего характера, и поэтому все они немедленно были арестованы, а затем и высланы из пределов королевства: Дмитров и Иванов – в Болгарию, а Попов – в Австрию.

До сих пор, наши матросы, оставшиеся в Румынии, как кажется, не подвергались никакому специальному наблюдению со стороны румынских властей, чем и пользовались проживающие здесь как русские, так и иностранные анархисты для деятельной среди них пропаганды[3].

С уничтожением, с февраля 1904 года, в Румынии нашей тайной агентуры[4], вероятно, и наши подлежащие власти весьма мало осведомлены о деятельности русских анархистов в королевстве, достигшей, особенно за последнее время, как мне случалось слышать, весьма серьёзных размеров; поэтому нельзя не отнестись с благодарностью к почину короля Карла в настоящем деле.

Прошу Ваше Сиятельство принять уверение в отличном моём почтении и неизменной преданности. М. Гирс.

АВПРИ, Ф. 151 Политархив, Опись 482, Дело 677, Листы 263–264 об.
Копия в ЦНИА, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Здесь идёт речь о принце («князе») Димитрие Морузи (1847–1916), который неоднократно занимал должность префекта полиции Бухареста. Был своеобразной знаменитостью своего времени.

[2] Так в документе. Правильно – Делирадев. Здесь идёт речь о Павле Димитрове Делирадеве (1879–1957). Был также известен под псевдонимами Б. Осинский, Дальний, П. Богданов. Болгарский политический деятель левого толка. В 1905 г. на протяжении нескольких месяцев содержался в румынской тюрьме из-за своих тесных связей с руководителями восстания на броненосце «Потёмкин».

[3] Несмотря на то, что румынское правительство отказалось удовлетворить запрос российских властей об экстрадиции моряков с мятежного броненосца «Потёмкин», постоянное давление со стороны российских официальных лиц не осталось без ответа. Так, например, все члены экипажа, оставшиеся на территории Румынии, подверглись жёсткому и постоянному полицейскому надзору. Это касалось, прежде всего, личности главного руководителя восстания, А. Матюшенко. Моряки с броненосца «Потёмкин», которые получили помощь и поддержку со стороны некоторых известных представителей румынского социалистического движения (например, К. Доброджану-Геря и Х. Раковского), также воспользовались помощью и некоторых других румынских общественных деятелей, придерживавшихся левых взглядов. Самой значительной фигурой в этом смысле был Замфир Ралли-Арборе, который предоставил убежище в своём доме нескольким членам экипажа в первые недели после их прибытия в Румынию. Другим известным персонажем, напрямую вовлечённым в попытки помочь восставшим морякам, был русский эмигрант В. С. Ивановский (Пётр Александров). Вообще, представители русской политической эмиграции в Румынии (включая социалистов разных течений, а также анархистов) приложили немало усилий для поддержки восставшего экипажа. Активизация этой подпольной сети и, особенно, попытки её членов повысить уровень политического сознания и провести «воспитательную работу» среди моряков как раз и вызвали особое беспокойство не только у российских властей, но и у румынского правительства. Более подробно об общей позиции и тактике румынского правительства в этом вопросе см.: Агаки. *Русско-румынские межгосударственные отношения.* С. 52. Подробное описание событий, связанных с эмиграцией экипажа броненосца «Потёмкин» в Румынию, а также о связях

моряков с политическими эмигрантами из Российской империи и о преследовании моряков с броненосца «Потёмкин» агентами российского Департамента полиции см., напр.: Кардашев. *Восстание. Броненосец «Потёмкин»*. С. 112–164. О роли российской дипломатии в этом контексте см.: *Там же*. С. 144–147.

[4] Об этом см.: Каширин В. Б. *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*. Москва, ВИКМО–М, 2014. С. 184.

București, 29 decembrie 1905. nr. 2474. Giers către cneazul Obolenski-Neledinski-Melețki

Secret

Luminăției Sale, Cneazului V. S. Obolenski-Neledinski-Melețki

Stimate Domnule, Cneaz Valerian Sergheevici,

Principele Moruzi[1], prefectul poliției orașului București, făcându-mi o vizită, a declarat, că Majestatea Sa regele Carol a găsit de cuviință să îi dea însărcinarea de a urmări, cu o deosebită atenție, activitatea marinarilor de pe cuirasatul „Cneazul Potemkin de Taurida" aflați pe teritoriul României, precum și activitatea persoanelor care întrețin legături permanente cu aceștia.

De asemenea, Majestatea Sa a găsit de cuviință să îi poruncească principelui Moruzi să îmi aducă la cunoștință acest fapt.

Transmițându-mi acest ordin al regelui, prefectul mi-a comunicat, că el va întreprinde toate măsurile care depind de el pentru a aduce la îndeplinire voința Majestății Sale și că prima sa acțiune în această direcție a fost percheziția efectuată la domiciliul bulgarului Demiradev[2], alias Pavel Dmitrov, și al rușilor Konstantin Popov și Ivanov, care locuiau la București.

În timpul percheziției, în posesia acestor persoane a fost găsită o corespondență vastă cu marinarii de pe nava „Potemkin", având un caracter extrem de compromițător, și, de aceea, toți aceștia au fost imediat arestați, iar ulterior și expulzați de pe teritoriul regatului: Dmitrov și Ivanov – în Bulgaria, iar Popov – în Austria.

Până în prezent, marinarii noștri care au rămas în România, din câte se pare, nu au fost supuși nici unui fel de supraveghere specială din partea autorităților române, iar de acest fapt au profitat atât anarhiștii ruși, cât și cei din străinătate, care locuiesc aici, inițiind o propagandă energică în rândurile acestor marinari[3].

Odată cu anihilarea, în luna februarie 1904, a agenturii noastre secrete din România[4], probabil că și autoritățile noastre competente erau foarte puțin informate cu privire la activitatea anarhiștilor ruși din regat, care a atins, în special în ultimul timp, așa cum mi-a fost dat să aud cu anumite ocazii, proporții extrem de grave; din acest motiv, nu putem să nu avem o atitudine plină de recunoștință în raport cu inițiativa regelui Carol în privința chestiunii de față.

O rog pe Luminăția Voastră să primească asigurările deosebitei mele considerații și ale neschimbatului meu devotament. M. Giers.

APEIR, Fond 151 Politarhiv, opis 482, dosar 677, filele 263–264 verso.
Copie la ANIC, Colecția Xerografii Rusia, Pachetul XVIII.

[1] Este vorba despre principele („cneazul”) Dimitrie Moruzi (1847–1916), în mai multe rânduri prefect al poliției orașului București, personaj celebru în epocă.

[2] Așa apare în document. Corect: Deliradev. Este vorba despre Pavel Dimitrov Deliradev (1879–1957), alias B. Osinski, Dalnii, P. Bogdanov. Activist de stânga bulgar. În 1905, timp de câteva luni, a fost deținut într-o închisoare din România din cauza legăturilor sale cu liderii revoltei de pe nava „Potemkin”.

[3] Chiar dacă guvernul român a refuzat cererile de extrădare ale marinarilor de pe cuirasatul „Potemkin”, presiunile exercitate de autoritățile ruse nu au rămas fără răspuns. Astfel, toți membrii echipajului rămași în România au fost supuși unei supravegheri severe. Acest lucru este valabil, mai ales, în cazul conducătorului revoltei, A. Matiușenko. Marinarii de pe „Potemkin”, care s-au bucurat de ajutorul și sprijinul unor importanți socialiști români (C. Dobrogeanu-Gherea, C. Racovski), au beneficiat și de concursul unor persoane publice românești cu simpatii de stânga. Cel mai important în acest sens a fost Zamfir Ralli-Arbore, care i-a găzduit pe câțiva membri ai echipajului în primele săptămâni după sosirea lor în România. Un alt personaj care s-a implicat direct în a-i ajuta pe marinari a fost emigrantul rus V. S. Ivanovski (Petr Alexandrov). În general, membrii emigrației politice ruse din România (socialiști de diverse orientări, dar și anarhiști) s-au mobilizat în vederea sprijinirii echipajului răsculat. Tocmai activizarea acestor rețele și încercarea lor de a-i „educa” pe marinari din punct de vedere politic a provocat îngrijorarea autorităților ruse, dar și a guvernului de la București. Mai multe detalii despre poziția generală a guvernului român, a se vedea la: Агаки, *Русско-румынские межгосударственные отношения*, p. 52. Pentru o relatare detaliată cu privire la emigrarea echipajului cuirasatului „Potemkin” în România și legăturile acestuia cu emigranții politici din Imperiul Rus, precum și referitor la urmărirea marinarilor de către agenții Departamentului Poliției, a se vedea, mai ales: Кардашев, *Восстание. Броненосец «Потемкин»*, p. 112–164. Pentru rolul diplomației ruse în acest context: *Ibidem*, p. 144–147.

[4] В. Б. Каширин, *Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны*, Москва, ВИКМО–М, 2014, p. 184.

INDICE DE NUME DE PERSOANE ȘI GEOGRAFICE

INDICE DE NUME DE PERSOANE[1]

[1] Trimiterea se face la numărul documentului. Pentru repere biografice, a se vedea notele de subsol la prima menționare în documente.

R

S

Ș

T

U

V

W

X

Z

INDICE DE DENUMIRI GEOGRAFICE[1]

[1] Trimiterea se face la numărul documentului.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН[1]

А

Б

В

Г

[1] Сноска даётся на номер соответствующего документа. Биографические сведения указываются в подстрочных примечаниях при первом упоминании данного исторического лица в документе.

Д

Е

З

И–Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ш

Э

Я

По-французски:

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

[1] Сноска даётся на номер соответствующего документа.

С

Т

У

Ф

Ц

Ч

Ш

Э

Я